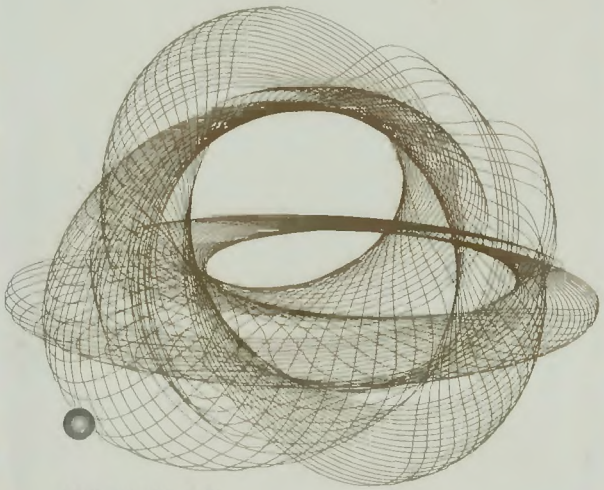
ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

На кону Игры — судьбы Метавселенных

ДРЕВО ИСЧЕЗАЮЩИХ ВРЕМЕН

ЭКСМО

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ



ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

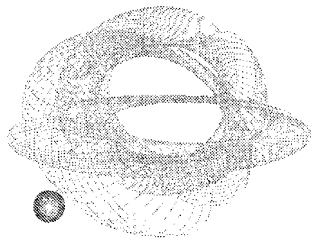
ДРЕВО ИСЧЕЗАЮЩИХ ВРЕМЕН

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ДРЕВО ИСЧЕЗАЮЩИХ ВРЕМЕН

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ДРЕВО ИСЧЕЗАЮЩИХ ВРЕМЕН



ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

ДРЕВО ИСЧЕЗАЮЩИХ ВРЕМЕН

БИЧ ВРЕМЕН
СХРОН
ПАЛАЧ ВРЕМЕН

Эксмо. Москва
2005

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Головачев В. В.

Г 61 Древо исчезающих времен: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 1088 с. (Шедевры отечественной фантастики).

ISBN 5-699-05959-8

В самые критические моменты земной истории судьба человечества решается в России. Эта закономерность многократно подтверждена прошлым, настоящим и даже будущим. И вот уже от мужественных парней из суровой и загадочной страны зависит существование не только их родной планеты, но и сотен вселенных, расположенных на соседних Ветвях великого Древа Времен. На кону игры, которую затеяли могущественные и равнодушные «хронохирурги», — судьба Метагалактики и самой Жизни.

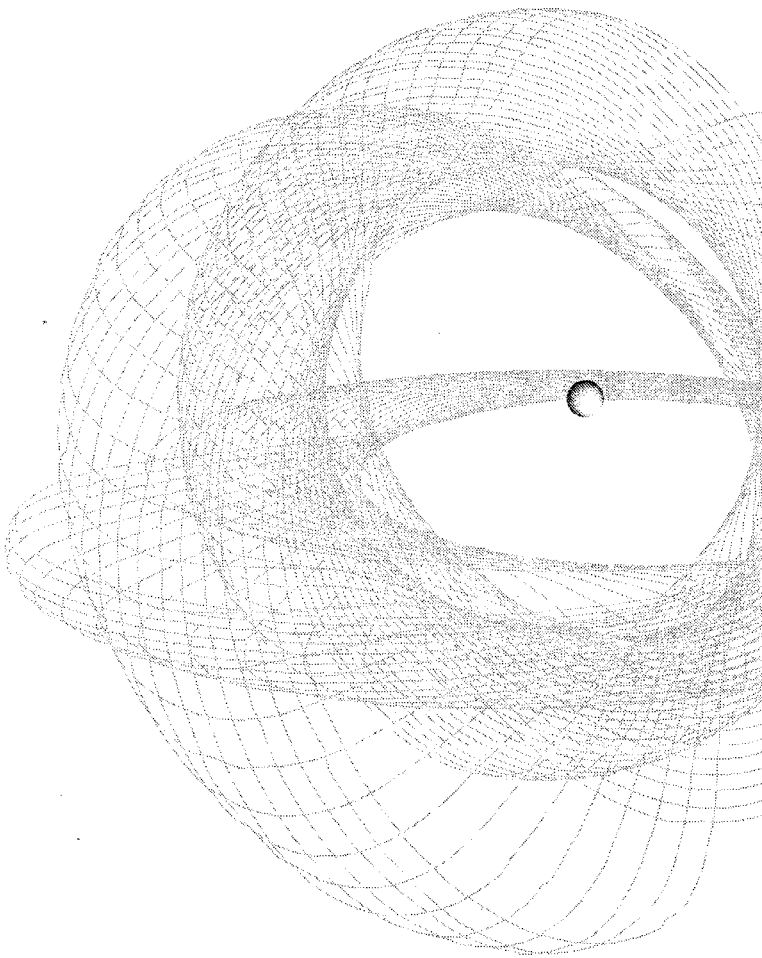
УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-05959-8

© В. Головачев, 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

БИЧ ВРЕМЕН

РОМАН



Настеньке

Одни мы над миром владыки,
Нам зверь подчиняется дикий
И травы зеленых полей...

М. Тарловский.
Иронический сад

Часть I

НАМ ЗВЕРЬ...

ГЛАВА 1

Первое предупреждение Павел Жданов получил еще на Земле, перед очередным инспекционным вояжем в систему Каптейна. Но в табели о рангах службы безопасности УАСС[1] он был грифом, то есть гранд-инспектором формирования безопасных зон, не боялся ни бога, ни черта и звонок по видео, без обработки (абонент не представился), принял за чью-то недобрую шутку. Тогда он еще не знал, что такие же точно предупреждения получили все грифы галактической службы и лучшие оперы на Земле.

Второе предупреждение было более ощутимым и серьезным и заставило Павла переоценить качество своей интуиции. Он родился паранормом и должен был почувствовать глубину опасности и угрозы еще во время первого звонка.

Произошло это событие в системе звезды Гевелия — альфы Рыси, куда Жданова направили для расследования обстоятельств гибели исследовательской станции и пропажи модуля с грифом Геворком, который начал расследование и исчез.

Система Гевелии состояла из центральной звезды, двух планет с атмосферами из азота и водорода, кометных облаков и широкого пылевого пояса с четырьмя сгущениями. Ученые подозревали, что сгущение — протопланеты в стадии образования ядер, и интерес их был понятен.

Исследовательская станция, запущенная в пылевой пояс, прекратила связь спустя трое суток. Перестала работать и система метро[2], соединяющая станцию с базовым кораблем «Рысь». Та-

[1] УАСС — Управление аварийно-спасательной службы.

[2] Метро — система мгновенного транспорта (возврат старого термина самого удобного и массового вида транспорта XX в.).

ким образом, одиннадцать членов экипажа станции, защищенной от всех мыслимых катаклизмов, канули в неизвестность, как и Алим Геворк, гриф из группы «Астро-аскер», посланный в систему Рыси через двое суток после того, как безопасники «Рыси» признались в бессилии разгадать тайну молчания станции. Ушел в поиск Геворк на модуле типа «Коракл», способном окунуться в атмосферу любой звезды, не то что в пылевой пояс. И замолчал.

Жданов появился на базовом корабле в тот момент, когда техникам удалось нащупать в облаке пыли модуль «Коракл», ведомый Геворком. К модулю он стартовал в составе тревожной группы из трех шлюпов, но по уровню ответственности имел право руководить группой и действовать самостоятельно. Что он и сделал, отправившись к модулю Геворка один, после того как шлюпы обнаружили двадцатиметровый граненый цилиндр пропавшего аппарата.

Подстыковаться к модулю удалось со второй попытки, автоматика его не сразу сообразила, что от нее требуется. Это указывало либо на отсутствие пилота на борту, либо на потерю пилотом сознания, и Павел рискнул проникнуть в шлюп один, оставив обойму сопровождения ждать сигнала.

Его встретили в кокон-рубке модуля.

Распахнув «лотос» люка, Павел в невесомости вплыл в рубку — генератор тяготения не работал — и получил мощный удар по сознанию (стреляли из суггестора «слон», подавляющего волю), от которого пришел в себя уже через несколько секунд, но сделал вид, что воля его подавлена. Сквозь прищуренные веки он увидел лежащего ничком у распахнутого кресла Геворка, а над ним двух молодых людей в стандартных кокосах[1], один из которых держал в руке суггестор, а второй — «универсал». В глазах обоих безжалостное равнодушие и деловитая сосредоточенность — ни угрозы, ни ненависти, ни злобы. Именно это обстоятельство и заставило Павла собраться.

— Кто... вы? — вяло спросил он.

Молодые люди переглянулись, причем один из них озабоченно посмотрел на гипноизлучатель.

— Я думал, он получит нокаут, — сказал брюнет с тонкой ниточкой усов. — Добавить?

— Он уже не опасен, хотя и держится.

— Кто... вы? — повторил вопрос Павел.

— Санитары, — без улыбки ответил брюнет. — Вы не вняли первому нашему предупреждению, как и этот парень, — брюнет

---

[1] Кокос — компенсационный костюм спасателя, универсальный защитный скафандр.

кивнул на Геворка, — и нам пришлось применить определенные усилия, чтобы выйти на вас обоих здесь.

— Он... жив? — Павел попытался на расстоянии определить состояние инспектора, но не услышал ни шума его мыслесферы, ни стука сердца.

— Он в коме, но спасти его еще можно... если вы согласитесь последовать совету: не вмешивайтесь!

— Во что?! — изумленно спросил Павел.

— Ни во что! Не соглашайтесь ни на одно задание, которое вам попытаются дать по службе, сошлитесь на усталость, улетайте на отдых куда угодно — и будете жить долго.

— Я привык решать вопросы своего досуга сам. Пока не узнаю причины, ничего обещать не буду.

— Тогда вы умрете!

— Ребята, я не уважаю такие шутки. — Голос инспектора зазвучал уверенно. — А вы плохо представляете, с кем имеете дело. Попрошу сдать оружие и следовать за мной. Шлюп окружен обоймой поддержки.

Брюнет шевельнул стволом суггестора, но выстрелить не успел: Жданов туго толкнул от себя воздушную волну, заставившую двух террористов отлететь назад, вогнал организм в режим ускорения и прыгнул к «санитарам», в доли секунды отнимая оружие у обоих. Сражаться в невесомости молодые люди не умели.

Однако боя не получилось. Оба тоже владели темпом и ускользнули от новой атаки, ловко выбираясь в тоннель выхода «Коракла».

— Третьего предупреждения не будет, — услышал Павел обещание брюнета, после чего парни исчезли в транспортном отсеке модуля, где им был установлен микроблок метро. Когда Жданов проник в отсек, его встретила тусклая зеленая вспышка сработавшего канала. И лишь после этого в ухе пискнула рация обоймы сопровождения:

— Инспектор, что там у вас стряслось? Почему молчите? Мы регистрируем всплеск энергии.

— Пилот без сознания, — ответил Павел, глядя, как тает установка метро, и понимая, что ему никто не поверит. — Забирайте его. — Он перешел на другую частоту, связываясь с прима-пилотом «Рыси». — Командир, в составе экипажа станции был кто-нибудь из опытных безопасников?

— Шеф сопровождения Борисов из отряда «Астро-аскер».

Павел вспомнил кряжистого медлительного здоровяка с седой шкиперской бородкой и седой шевелюрой, мощного и спокойного. Кивнул сам себе: видимо, Борисов тоже не внял предупреждению «санитаров» и его «выключили» вместе со всем экипажем станции... Павел покачал головой, не находя причин

превентивной и столь жестокой деятельности неизвестных террористов.

— Бред!

— Что? — не сдержал удивления прима-пилот.

— Это я не вам, — вздохнул Павел, — извините. Пилота модуля сейчас доставят на борт, организуйте линию метро в клинику Управления. Я продолжаю поиск.

— Только что получен циркуляр «три девятки» по треку: «Инспектору Жданову срочно убыть на Землю в распоряжение комиссара-два Ромашина».

Павел присвистнул про себя, чувствуя, как сжимается сердце, и подумал, что «санитары», кто бы они ни были, предупреждали его, очевидно, не зря. Оставалось выяснить, во что он не должен был вмешиваться.

ГЛАВА 2

Осветители погасли, и колонна хроноквантового ускорителя, называемая в обиходе исследователей и строителей просто Стволом, растаяла на фоне ночного неба.

Атанас Златков, начальник хронолаборатории и научный руководитель эксперимента, разгладил ладонями уставшее лицо, снял с головы дугу эмкана и встал из-за пульта. Тотчас же огни на вычурной панели пульта побледнели, стали гаснуть, втягиваться в толщину доски, пока не остались редкие огоньки дежурных смен. Дуга эмкана превратилась в струйку металла, влившегося в панель, а сама панель изменила форму, преобразовалась в «ромашку ожидания». Свернулись и остальные пульты, кроме одного, за которым остался дежурный оператор Толя Шкодан.

— Я тоже останусь, — буркнул в спину Златкову инженер-хрономеханик Игорь Марич. — Поколупаюсь в бункере Н.

Начальник лаборатории глянул на часы — шел третий час ночи, пожал плечами.

— Начало эксперимента в десять часов утра, вряд ли ваше присутствие здесь до этого момента целесообразно. Однако, если хотите, оставайтесь.

Марич глянул в непроницаемые глаза ученого, не увидел в них ничего, кроме усталости и ожидания, и заготовленную язвительную реплику проглотил.

Златков еще раз пробежал глазами по панели дежурного пульта, попрощался со Шкоданом, медленно поплелся из зала, а затем из здания лаборатории, расположенной в полукилометре от хроноускорителя-Ствола. За ним, поколебавшись немного, ушел и Марич, но потом вернулся в бункер независимой аппаратуры,

за работу которого отвечал лично. Утром их ждал Большой эксперимент — включение хроноквантового бура, который, по мысли ученых, должен был «просверлить» время в прошлое на сотни миллионов лет. До этого момента выходы Ствола в прошлое соответствовали тысячам и десяткам тысяч лет, да и бур при этом включался «шепотом», в режиме хронопризрака.

Здание лаборатории, простое и незатейливое по форме, как кирпич, окончательно оделось в саван полутьмы. Погасли последние окна различных отделений и служб, разошлись по домам возбужденные специалисты, ответственные за проведение эксперимента в своих зонах контроля. В лаборатории остались всего несколько человек за пультами связи и мониторов охраны. Все шумы и звуки стихли, лишь ночные птицы продолжали перекликаться в лесах вокруг комплекса зданий, да и они вскоре замолкли.

Толе Шкодану шел двадцать восьмой год, и работал он со Златковым уже пять лет, с момента окончания университета. Был он человеком флегматичным, упрямым, любил во всем разбираться до мелочей и потихоньку вырастал в ученого, имеющего свои концепции устройства Мироздания. Эксперимент он готовил со Златковым давно, хотя пришел в Центр хронобурения, когда Ствол уже был практически законченным сооружением. Со многими идеями начальника лаборатории Толя согласен не был, особенно в области прогнозирования работы хронобура, многие его собственные идеи были отвергнуты Златковым, однако это не мешало ему чувствовать такой же подъем, как и у остальных участников эксперимента, и жажду сравнить точность расчетов и адекватность подходов — своего и шефа.

В четвертом часу ночи Шкодан очнулся от непонятного шума за спиной. Оглянувшись, он увидел надвигающуюся на него полупрозрачную фигуру и потерял сознание от импульса суггестора, не успев ни задать вопроса, ни сообразить, что происходит.

Точно таким же образом были обезврежены еще двое дежурных в недрах здания, обслуживающие энергетические и обрабатывающие системы. А затем в залах лаборатории объявились группы существ, из которых лишь трое-четверо были людьми. Они развернули пульты управления хозяйством лаборатории, провели короткий контроль функционирования ускорителя и привели в чувство Шкодана, который знал коды включения всей гигантской системы Ствола.

Когда Анатолий понял, чего от него хотят, он не стал выяснять, кто перед ним и зачем им коды, он просто ответил «нет» и продолжал говорить, несмотря на последовавшие гипнодопросы и пытки электрошоковым аппаратом. И тогда пришельцы развернули нейрохирургический бокс, сделали молодому ученому

лазерную терапию черепа и вошли в его мозг с помощью сканера, применявшегося для лечения пациентов с обширным поражением мозга. Вряд ли разработчики медицинской аппаратуры предполагали, что их идеи, спасшие жизни миллионам людей, могут быть использованы как средства казни или оружие.

Спустя минуту после подключения сканера к мозгу Анатолия террористы знали все, что им было нужно для запуска хроноускорителя. Еще через несколько минут начался «разгон» хронобура. Эксперимент, которого ждали десятки знаменитых ученых, сотни инженеров и тысячи людей на всем земном шаре, начался на шесть часов раньше, чем было запланировано, и не в расчетном режиме.

Катастрофа произошла через две минуты после включения хроноускорителя-Ствола, проколовшего время в прошлое на миллиарды лет.

Автоматические видеокамеры высотной капсулы метеопатруля, обозревавшие просторы европейской тайги, включились именно в тот момент, когда двухкилометровая башня хроноквантового ускорителя внезапно вспыхнула голубым мигающим светом, с ее вершины сорвалась в небо исполинская голубая молния, вздрогнула земля, чудовищный вихрь ударил во все стороны от стен башни, вырывая с корнем сотни и тысячи деревьев. На крыше башни набухла опухоль голубого сияния, пролилась по стенам на землю, как вода через край стакана, и покатился по лесу кольцевой вал голубого пламени, оставляя за собой спекшуюся от жара лесную почву...

Булькающий гул, грохот и невероятный свистящий вой раскатились по холмам и равнинам на многие десятки километров, будя спящих, вызывая у бодрствующих недоумение и тревогу...

Здание лаборатории времени возле башни ускорителя уцелело, но выглядело странно — будто стены покрыли белой светящейся краской, зато провалы окон в них стали черными. Башня перестала светиться, потемнела, вершина ее потеряла плотность, превратилась в зыбкий дрожащий столб, исчезающий на высоте двух с половиной километров.

Гул стих, и на ночную землю, в уцелевшие леса, пришла пощелкивающая кастаньетами неестественная тишина...

ГЛАВА 3

Вездеход выгрузил их на лесной поляне, краем выходившей на покинутую деревню с необычайным названием Скрабовка. В деревне уцелело всего несколько домиков, крытых соломой, серой от непогод и времени. Веяло от них запустением и старос-

тью, неприкрытой крестьянской бедностью начала века, хотя водитель вездехода, местный старожил, рассказывал, что деревня покинута недавно, года четыре назад. Когда-то через нее тянулся Дятьковский тракт, обходивший болото и приток Ветьмы Пожну, но потом болото пересохло, через Пожну построили мост, тракт опустел, а когда люди, соблазненные благами цивилизации, перебрались в райцентр, деревня захирела и умерла совсем.

— Не скучайте, — сказал белобрысый, словно в соломенном парике, водитель. — Через пару дней доставлю остальное ваше барахло. Ну, ни пуха...

Вездеход взревел по-бычьи, всплыл над землей, почти касаясь травы резиновыми бортиками воздушной подушки, и, ускоряя ход, пополз по дороге. Тугая воздушная волна пригнула траву, сдула пыль с поросшего подорожником и снытью тракта и сорвала с головы Рузаева берет.

Когда вездеход скрылся за деревьями, Сурен Гаспарян, одетый как на прием в посольстве, поставил на землю рюкзак, сел на него верхом и хмыкнул:

— Барахло! Слышали, как он о нашей аппаратуре?

— Кстати, — хладнокровно сказал Рузаев, подбирая и надевая берет, — в этом рюкзаке вся наша оптика.

— Правда? — удивился Гаспарян, продолжая сидеть. — То-то я чувствую своим седалищем что-то твердое...

Был он человеком, склонным к сдержанной насмешливости, и привыкнуть к его манере поведения удавалось не всем.

— А чуете, как здесь тихо? — сказал третий участник экспертной группы, высокий жилистый Иван Костров. — Благодать-то какая, эксперты! Соскучился я по лесной тишине.

— Да и я тоже, — признался Гаспарян. — Давненько нас не посылали в поиск. Только птиц здесь почему-то не слышно. Нас испугались, что ли?

Костров окинул взглядом груду снаряжения.

— С чего начнем? Может, сразу пойдем к месту происшествия?

Гаспарян в раздумье покачал головой.

— Сначала поставим палатку, наведем порядок.

— У меня идея, — Рузаев посмотрел на низкое солнце. — Выберем одну из хат, и дело с концом.

— Ну уж нет, палатка лучше, — возразил Гаспарян. — Лично я не люблю спать с клопами и тараканами.

— Какие там клопы-тараканы! — махнул рукой Костров. — В домах уже четыре года никто не живет, насекомые давно сбежали. А вот сырости там хватает.

Через час они поставили две палатки: одну, четырехместную,

для себя, другую для груза, который состоял из хрупкой аппаратуры и продовольствия.

— Теперь так. — Гаспарян поправил свою модную и строгую джинсовую двойку: сизо-синюю куртку с эмблемой «Вязники», расшитую бахромой и серебряной нитью, и такие же брюки. — Мы с Иваном пройдемся по лесу, а ты подежуришь в лагере, — обратился он к Рузаеву. — Все равно будешь битый час тупо смотреть в стенку палатки и вспоминать, зачем нас сюда послали.

Возражений не последовало. На монголоидном лице Миши Рузаева не дрогнула ни одна черточка. Характер у него был невероятно сдержанный, ровный и спокойный. К жутким выпадам Гаспаряна, которых поначалу пугались все в отделе, пока не разобрались, что за этим кроется избыток юмора, Рузаев относился так же хладнокровно, как философ к зубной боли.

Оставив Михаила хозяйничать в лагере, Костров и Гаспарян пересекли полянку, окруженную смешанным лесом, прошли мимо вросших в землю домов Скрабовки и оказались на заброшенной проселочной дороге, украшенной коровьими следами и узорчатыми полосами от велосипедных шин.

— Метров двести налево, — сказал Гаспарян. — И в лес?

— Вроде бы так, — согласился Костров, вспоминая, с чего все началось.

Два дня назад в Центр по изучению быстропеременных явлений при АН России пришла телеграмма из Брянска, в которой сообщалось, что над лесом возле деревни Скрабовка Жуковского района потерпел аварию вертолет энергохозяйства. Причины аварии расследовались линейным отделением милиции и были отнесены к компетенции научных органов. Что это были за причины, Костров толком не знал, но, будучи экспертом Центра, привык к неожиданным командировкам, зачастую не приносящим научных результатов.

— Черт! — сказал Гаспарян, сдирая с лица паутину. — Это уже четвертая.

Костров тоже дважды задел головой паутину, висящую между деревьями и кустами, но, как заядлый грибник, давно привыкший к лесному неуюту, не обращал на это внимания.

Сегодня на лесной поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра, —

торжественно продекламировал он стихи Бунина и добавил с удовлетворением: — А грибы тут есть. Я уже два подосиновика нашел. Гарантирую завтра суп с грибами.

Лавируя между стволами редких осин и кустами акаций, они

подобрались к краю болота, заросшего ивняком, осотом, ракитником и рыжим мхом. Болото пересекала цепочка ажурных мачт линии электропередачи, исчезающая в просеке недалеко от того места, где вышли эксперты.

Гаспарян ступил на пружинистый мох, остановился, предупреждающе поднял руку. Костров сразу понял, что привлекло внимание начальника группы.

Рядом со старой сосной высился могучий полутораметровый муравейник. Однако он был безжизнен и оплетен паутиной до самого верха. На вершине муравейника лежала кверху лапами мертвая птица с серо-желтым оперением.

— Сорокопут? — неуверенно сказал Костров.

Гаспарян осторожно приблизился к муравейнику, осмотрел его, потрогал птицу и пробормотал:

— Как тебе это нравится?

Костров пожал плечами и пошел вперед.

Ближайшие кусты перед ним были почти сплошь оплетены паутиной, да в траве кое-где виднелись серебристые паутинные вуали, похожие на пятна изморози. Лес стоял мрачный, молчаливый, будто притихший перед грозой, и в его глубине кое-где виднелись на ветвях все те же паутины. Костров шагнул было к кустам, но Гаспарян поймал его за рукав.

— Не спеши, дорогой, к славе, она сама тебя найдет.

— Я только посмотрю, интересно же...

— Не спорю, но сегодня ничего смотреть не будем. Заметил, какая тут прорва паутин?

— Трудно не заметить, — пожал плечами Костров. — Михаила бы сюда, это больше по его части. Давай хотя бы поищем разбитый вертолет, из-за которого начался сыр-бор. Он где-то здесь.

Гаспарян посмотрел на небо — солнце вот-вот должно было зайти, но перечить не стал, сказал только:

— Вертолет не причина, а следствие. Неужели не догадался, из-за чего нас сюда прислали?

— Ты же знаешь, что меня вытащили из отпуска, и я в институт не заходил, прямо из дома — на вокзал. Паутины?

— Они самые.

— Не вижу ничего загадочного.

Краем болота они вышли к просеке и молча остановились, разглядывая открывшуюся картину.

Просека была опутана паутиной так, что совершенно скрывалась в белесом «тумане», сквозь который проступали смутные контуры кустов, пней и опор. Некоторые узорчатые полотнища пересекали просеку от одной стены деревьев до другой и даже взбирались на опоры ЛЭП. Дальний конец просеки скрывался в

сплошном белом мерцании, и смотреть туда было жутко и неприятно.

Гаспарян передернул плечами и стряхнул с куртки остатки паутины.

— Понял теперь? На районной подстанции диспетчер обнаружил утечку энергии, сначала небольшую, потом она возросла до... В общем, напряжение упало. Послали вдоль линии бригаду на вертолете. Дальше ты знаешь.

— Понятно. Значит, утечка была в этом районе?

— Именно. Электрики в паутинник сунуться побрезговали, посбивали кое-где паутину с проводов, а улетая, напоролись на дерево.

— Живы?

— В больнице. К ним полетел Ивашура и кто-то из начальства — узнать подробности. Милиция в общем-то разобралась в аварии, ну а нам придется разбираться во всем остальном. Кстати, я пауков с детства не люблю.

— Странно...

— Что не люблю?

— Нет, что именно нашу группу послали сюда. Мы же атмосферники, а не биологи. Разве что Михаил когда-то, в дремучем детстве, был не то зоологом, не то энтомологом.

— Он как-то иначе называл свою бывшую профессию... Но неважно. А послали нас сюда потому, что, во-первых, мы специалисты широкого профиля — я имею в виду группу, — а во-вторых, в Центре толком не знали, с чем нам придется столкнуться. О паутинах, например, я узнал только от электриков. В крайнем случае привлечем к работе узких специалистов.

Обратно шли молча, внимательно высматривая просветы между деревьями, чтобы не влезать в паутины, частота которых явственно указывала на биологическую аномалию. Откуда-то пришло ощущение, будто из лесной чащи за ними наблюдает затаившийся хищник.

— Интересно, — сказал Костров, невольно понижая голос, — волки здесь водятся или всех переохотили?

— Гнать бы их надо! — ответил задумавшийся о своем Гаспарян.

— Волков?!

— Пауков. Вызвать бригаду санэпидемстанции и...

В тот же момент сзади, у просеки, раздался гортанный, с металлическими модуляциями, страшный и странный крик. Длился он несколько секунд, взорвав тишину на осколки эха, и были в этом леденящем душу крике смертельная тоска, злоба и ужас!

Костров споткнулся от неожиданности и замер, прислушиваясь.

— Кто это?! — пробормотал Гаспарян, меняясь в лице.

— Упырь, — хрипло ответил Костров. — Ну-ка погоди...

Где-то недалеко послышался еще один крик, человеческий:

— ...а-ан!.. ре-е-ен!..

— Наверное, Миша зовет!

Не сговариваясь, оба бросились сквозь чащу к дороге, но вскоре выяснилось, что тревожились они напрасно. Рузаев звал их в ответ на чужой вопль. Толком не поняв, кто кричит, он вскочил и опрокинул в костер котелок с чаем.

— Один — ноль в пользу крикуна, — прокомментировал Гаспарян, переводя дух. — Мне казалось, тебя ничем не проймешь.

— Мне тоже так казалось, — проговорил Рузаев. Он был эвенком, но по-русски говорил чисто, разве что чуть замедленно. Однако сейчас в его речи явственно звучал акцент.

— Кто кричал?

— Леший, — предложил вторую свою гипотезу Костров и пошел умываться.

Чай в этот вечер они пили поздно.

ГЛАВА 4

Под утро Кострову приснилось, будто он взобрался на высокую скалу, ощущая восторг от распахнувшейся дали, и шагнул с нее прямо в воздух. С минуту он парил на той же высоте, вольный и легкий, как луч солнца. Под ним в синей дымке расстилался лес, теряющийся за горизонтом, извилистой фиолетовой лентой текла река, выпирали из леса рыцарские шлемы сопок... Деталей он не различал, был занят собой, общим состоянием сказочной легкости и управляемости тела. С легкой грустью Костров подумал, что видит Красноярский край, вспомнил отца, умершего семь лет назад. «Надо навестить родственников, скажут — забыл... Вот прямо сейчас и полечу, чего откладывать?» И вдруг с ужасающей отчетливостью внизу показалась огромная паутина, накрывшая лес на несколько километров. «Откуда здесь паутина?» — успел подумать он и сразу же начал падать, быстро и неудержимо. Со страшной скоростью засвистел мимо воздух, мир сжался до размеров глубокого колодца, в который он влетел стремительным болидом. А когда удар о землю казался неминуемым, тяжелое сердце в диком ускорении оторвалось, пробило грудную клетку и взорвалось впереди огненным фонтаном...

Осторожно пощупав левую сторону груди, Костров выглянул из палатки. В трех метрах от нее горел костер, у которого возился Рузаев. Пахло дымом и ухой.

— Незаменимый ты человек, Рузаев! — с чувством сказал Ко-

стров. Но тут ему на голую спину стекла с полога палатки холодная струйка воды. Он взвыл и разбудил Гаспаряна.

Через час, позавтракав и поразмышляв о причинах вечернего крика, все трое шагали по мокрой, седой от росы траве к дороге, увешанные своей драгоценной, осточертевшей за долгие месяцы экспедиций аппаратурой. Недалеко от места, где вчера экспертов застал крик, они совершенно случайно обнаружили останки разбитого вертолета.

Здесь тоже было полно паутины: на траве, на кустах орешника, на ветвях берез и нежнокорых осин. Стальной винт вертолета успел покрыться густой ржавчиной, хотя авария произошла всего два дня назад, и все кругом было буквально нашпиговано паутинами разных сортов и рисунков.

— Откуда их здесь столько, братцы? — удивился Рузаев, отбросив на мгновение свою природную невозмутимость.

— Оттуда, — пояснил Гаспарян, сдирая с лица удивительно прочные нити, и прошипел: — Гадость! Ты, кажется, зоолог по образованию? Классифицируй, тебе и карты в руки. Кстати, обратите внимание: в лесу полностью отсутствуют насекомые.

— Что же тут удивительного? — буркнул Костров. — Начало осени. Но вот птиц действительно не слышно.

Ступая по жухлой осенней траве, он приблизился к вертолету.

Стабилизирующий винт машины валялся в стороне, лонжероны заднего стабилизатора были погнуты, лобовое стекло отсутствовало, кабина была смята.

— Ударились они прилично! Слышишь, металловед? — обратился Костров к Гаспаряну. — Ржавчина уже по твоей части. Кабина тоже насквозь проржавела, даром что дюралевая.

— Ладно, ладно, — произнес Сурен. — Металловед я бывший, но распределять обязанности положено мне. Разбирайте аппаратуру. От вертолета наметим границы спокойной зоны, а дальше к просеке надо держать ухо востро, без датчиков не вздумайте шагу ступить.

— Не чересчур? — спросил Рузаев, останавливаясь рядом с Костровым. — Никогда не видел такой паутины! Смотри, Иван, белая как снег!

Он дотронулся до края паутины и резко отдернул руку.

— Ах ты! Жжется! — пояснил он в ответ на удивленные взгляды товарищей.

Гаспарян подошел ближе, сунул палец в паутину и тут же отдернул. Потом достал электрометр и приблизил чувствительный элемент прибора к паутине.

— Электрический заряд, — сообщил он через минуту, — мне добавить нечего. Миша, обычная паутина проводит электричество? Или она диэлектрик?

— Не знаю, — подумав, сказал Рузаев. — Скорее проводник.

— Специалист, — в тон ему ответил Гаспарян. — Вот что, дорогие мои, давайте уясним себе правило: с этой минуты ничего не трогать руками. У нас есть щупы, зонды, пинцеты, перчатки... Договорились?

— Как прикажете. — Рузаев вдруг шарахнулся от вертолета. Сверху, с козырька над дверцей, метнулось к нему круглое черное тело диаметром около пятнадцати сантиметров, пролетело над головой, сочно шлепнулось в центр паутины и мгновенно исчезло, оставив после себя слабый запах эфира.

— Вот и паучок пожаловал, — сказал Сурен со смешком. — Симпатичный такой!.. Птиц, значит, они уж сожрали, теперь очередь за нами.

— Я, конечно, не разглядел как следует, — проговорил Рузаев, придя в себя, — но, скорее всего, это сольпуга, а не паук.

— Соль... что? — спросил Костров.

— Сольпуга — фаланга из семейства паукообразных. Сольпуги неядовиты, так что бояться их нам вроде бы нечего.

— А паутину они, эти сольпуги, плетут? — осведомился Гаспарян.

— Н-нет... кажется, нет.

— Вот видишь! — Гаспарян с треском захлопнул футляр электрометра. — Эксперты! Специалисты, так сказать! Помощнички!.. Надеюсь, ты прав и пауки неядовиты. Как вы думаете, сюрпризы еще будут?

Рузаев с иронией развел руками.

— Гарантировать не могу, но кажется мне, что все еще впереди.

— Михаил-пророк! — фыркнул Костров.

Гаспарян посмотрел на часы.

— Ну-с, джентльмены, за работу.

Солнце поднялось уже высоко, исчезла с кустов и травы роса, день обещал быть по-летнему жарким.

Вскоре эксперты закончили измерение локальной полевой обстановки в радиусе километра вокруг просеки с ЛЭП, произвели соответствующие записи в журнале и полюбовались на свои вытянутые физиономии. Радиационный, а также магнитный, электрический и прочие фоны оказались в норме. Приборы не фиксировали аномалий электромагнитного характера вроде тех, что были отмечены возле разбитого вертолета и у линии электропередачи. В последнем случае это было нормальным явлением: ЛЭП работала и гнала свои двести пятьдесят тысяч вольт потребителям в городах и поселках района.

Правда, одна аномалия все же была — биологическая. Концентрация паутины в одном месте на трассе ЛЭП — в районе просеки — была очевидной. Она не отражалась электронными

символами на экранчиках приборов и обладала только одним достоинством — наглядностью.

— Сядем покурим, — предложил Рузаев, доставая сигареты.

Костров отказался, Гаспарян машинально взял одну и тут же вернул: он не курил, как и Иван.

В целях безопасности они вышли из «паутинной зоны» и расположились отдохнуть на берегу Пожны. Здесь она была лишь ручьем шириной метра полтора.

— Что же мы имеем? — пробормотал Гаспарян. — А имеем мы без малого нуль информации. Странное нашествие пауков — раз, утечку электроэнергии на линии — два, самих пауков, не похожих на пауков, — три, крик ночью — четыре. Все?

— Ржавый вертолет — пять, — подсказал Костров. — Отсутствие живности в лесу — шесть, да еще сверхпрочная паутина-диэлектрик! Больно ты пессимистичен, начальник. У нас материала уже на приличную сенсацию, а ты — «нуль информации»!

— Нужна аппаратура физико-химического анализа, — сказал Рузаев, затягиваясь. — Иван прав, проблем достаточно. Но тем интереснее с ними работать. И неплохо бы достать какие-нибудь комбинезоны или спецовки, что ли, а то лазить по лесу в наших костюмах несподручно. Хорошо хоть сапоги догадались взять. Я их достал из мешка, можете надевать.

— Вечером схожу в райцентр и позвоню Ивашуре, — пообещал Гаспарян. — Спецовки он привезет. Что касается моего пессимизма, то обосновать его я не могу. Тревожно что-то на душе, друзья мои. Не нравится мне паучье нашествие.

— Обычная вспышка биологической активности, — предложил идею Костров. — Вы не хуже меня знаете о таких вспышках среди леммингов, крыс, саранчи. Вспомните «красные» приливы в Атлантике, когда по каким-то причинам начали бурно размножаться красные водоросли. Вот и здесь нечто подобное: нарушилось где-то экологическое равновесие, и среди пауков вспыхнула «эпидемия» размножения.

— Не годится даже в качестве прикидочной гипотезы, — покачал головой Рузаев. — Слишком много несоответствий. Во-первых, трудно представить, из-за какого экологического фактора начали плодиться пауки. Во-вторых, судя по виду, это не пауки вовсе, а сольпуги, хотя утверждать не берусь — разглядеть не было времени. Да и родина сольпуг — юг Туркмении, так что непонятно, откуда они взялись в умеренной зоне России. И в-третьих, обычная паутина непрочная, а эта словно соткана из шелковых ниток! К тому же накапливает электрические заряды!

— Чувствуется профессионал! — сказал Гаспарян. — Да, Иван? Зоолог я хреновый, но меня Михаил убедил. Что будем делать дальше, джентльмены? Ваши предложения?

— Давайте попробуем пробиться к просеке со стороны леса, — предложил Костров, спокойно отнесшийся к разгрому своей идеи.

Он был самым высоким в их компании и самым молодым. Лицо открытое, слегка скуластое, курносое, глаза карие. Друзья любили его за добрый нрав и бесстрашие, когда дело касалось критических ситуаций в экспедициях Центра: надежен, смел и удачлив. И не было случая, чтобы он дрогнул перед опасностью, спасовал или струсил. Фамилию свою Костров целиком и полностью оправдывал: он был виден издалека, и не столько из-за роста, сколько из-за огненно-рыжей шевелюры.

— Зачем тебе просека? — спросил Гаспарян.

— Может быть, найдем причину скопления паутины именно в том месте. Судя по всему, там паучий центр.

— Резонно, — заметил Рузаев. — Только поход к просеке я бы отложил: нужна, как я уже говорил, спецодежда, да и рация для связи. А вот экземпляр паука нам бы не помешал. Пожалуй, я займусь ловлей. Если ты не возражаешь, — добавил он дипломатично.

Гаспарян кивнул.

— Согласен. В крайнем случае сфотографируйся с пауками вместе на память, а мы с Иваном нанесем на карту особо запаутиненные места и начнем исследовать свойства паутин. Кстати, кто у нас сегодня дежурный по кухне? — Он посмотрел на Костров.

— Михаил начал — ему и кончать, — быстро среагировал тот.

Гаспарян хмыкнул, посмотрел на каменное лицо Рузаева.

— Логично мыслит, да, Михаил?

— Подежурю, — коротко ответил Рузаев.

К вечеру они закончили намеченные работы только наполовину: Рузаев истратил цветные пленки и километр кинопленки, снимая паутины, пауков и лес, но поймать паука не смог. Костров и Гаспарян определили координаты паутинных скоплений, однако на изучение паутин не хватило времени. Начальник группы в половине седьмого ушел в райцентр, надеясь засветло вернуться.

Костров, не обращая внимания на мрачные пророчества Рузаева относительно его здоровья, с наслаждением искупался в Пожне, найдя неподалеку от лагеря бочаг глубиной около двух метров. Вода была холодная и чистая до полной прозрачности.

Во время ужина у Костров разыгралось воображение, и он выдал две гипотезы, которые Рузаев уничтожил неторопливо, методично и основательно, словно «сыпал» завравшегося диссертанта.

— Ну а у тебя самого есть собственная гипотеза? — спросил задетый за живое Костров.

— Есть, а как же, — невозмутимо проговорил Рузаев. — Я лично считаю, что Carthaginem esse delendam[1].

Ошеломленный познаниями товарища в латинском языке, Костров повертел головой и не нашелся, что ответить.

Так как на следующий день дежурить по биваку была его очередь, а от судьбы, как известно, не уйдешь, Иван решил заранее сходить к реке и набрать два ведра воды.

Закат пламенел на полнеба, предвещая ветер, глухо шумел лес, наполненный тысячерукими тенями, покинутый зверем, птицей и насекомыми. Это отсутствие живого мира действовало на нервы больше, чем паутины в лесу. Дома на краю деревни казались угрюмыми склепами, стерегущими сон покойников, и Костров, далеко не робкий по натуре, под влиянием таинственной и мрачной атмосферы засвистел.

Дойдя до речки и зачерпнув воды, он не сразу понял, что на его свист откликается довольно необычное эхо. Он остановился, перестал свистеть и прислушался. Это было не эхо. Из леса, слева от тропинки, доносился тихий прерывистый свист, даже не свист — писк. Он смолк почти сразу, как только Костров прекратил свистеть, и дважды возобновлялся в ответ на переливчатые рулады полонеза Огинского. Кто-то помогал Кострову солировать.

Продолжая насвистывать, Иван поставил ведра с водой, нашел подходящий сук и метнул его в чащу, откуда доносился писк. И тут же из леса раздался вопль, похожий на тот, что поразил их в первый вечер. Он прозвучал резко и сильно, полный тоски и злобы, и Костров невольно отскочил на середину тропинки, прямо на ведра.

С минуту он прислушивался к шорохам леса, готовый бежать или драться, потом подобрал ведра и снова пошел за водой.

— Кто-то кричал? — спросил его сонный Рузаев, когда он принес воду и молча залез в спальный мешок.

— Я, — ответил Костров.

Гаспарян пришел поздно ночью, усталый, злой и возбужденный.

Костров, спавший вполсна, повернул голову в сторону негромких проклятий, доносившихся сквозь храп Рузаева, и спросил:

— Ты, Сурен?

— Спи, спи, дорогой, — отозвался Гаспарян. — Хорошо хоть в палатке пауков нет. Вот ведь дряни наплодил господь бог при сотворении мира! Кого он хотел этим удивить — ума не приложу.

---

[1] «Карфаген должен быть разрушен» (*лат.*) — слова римского полководца и государственного деятеля Катона Старшего, которыми он обычно заканчивал свои речи в Сенате.

— Что случилось?

— Да ничего особенного. Устал как собака, километров двадцать отмахал туда и обратно да еще драпал километра три...

— От пауков? — засмеялся Костров.

— Кто его знает. Где старый брод через Пожну, помнишь? Проезжали, водитель показывал... Нет? Впрочем, все равно. Темно, понимаешь, кругом, жутко — птицы молчат... А возле дороги что-то светится в кустах, как два глаза... И такая в них тоска — не передашь!.. Кинул я туда камешек...

— А оттуда как заорет! — досказал Костров.

— Точно! Как догадался? Слышал?

— Слышать не слышал, но со мной тоже произошел случай.

Гаспарян прыснул.

— Ну и мчался же я! Наверняка установил рекорд в беге с препятствиями! Ты тоже?

— Нет, я прыгнул в длину метров семь без разбега, прямо в ведра с водой.

Они засмеялись вдвоем, всхлипывая, давясь, и хохотали до тех пор, пока не проснулся Рузаев.

— Вы что, с ума посходили? Два часа ночи, а они ржут! Анекдоты травите, что ли?

— Извини, Михаил, — сказал изнемогший Гаспарян, вытирая слезы. — Разрядка за день.

— Звонил Ивашуре?

— Звонил. Шеф передал всем привет. Завтра вечером или послезавтра утром обещал привезти комбинезоны или штормовки. Так что надо успеть составить хотя бы общую картину.

— Да, Игорь Васильевич не любит туманных формулировок.

Костров выполз из спального мешка и, поеживаясь от холода, выбрался из палатки. Спустя минуту раздался его голос:

— Братцы, смотрите-ка!

— Что там еще? — всполошился Гаспарян, высовывая голову из-под полога, и тихо выругался по-армянски.

Над лесом, в стороне злополучной просеки, заросшей паутиной, вставало мягкое, переливчатое, серебристо-пепельное сияние.

ГЛАВА 5

Завтрак прошел в молчании. Собрались также молча, только Гаспарян, выглядевший, несмотря на плохо проведенную ночь, как всегда, аккуратным, подтянутым и свежим, сказал Кострову:

— Иван, захвати-ка на всякий случай ружье.

Кострову не хотелось тащить на себе лишние килограммы же-

леза, но он вспомнил свое вчерашнее приключение и без слов нацепил на шею ремень ивашуринской бескурковки. Рузаев лишь головой покрутил, протирая объектив своего знаменитого «Киева-10».

В лес вошли по тропинке, протоптанной ими за два дня. Не успели миновать заросли жимолости, как шедший впереди Гаспарян вдруг остановился, словно наткнулся на змею. Костров обошел его сзади и увидел в кустах, невысоко над землей, кружевную снежно-белую паутину.

— Так, — спокойно сказал Рузаев. — Пауки расширяют свои владения. Еще вчера их здесь не было.

Гаспарян молча раскрыл футляр электрометра.

— Напряженность поля — четыреста вольт на сантиметр.

Костров присвистнул. Потоптавшись у паутины, он проследил за длинной серебристой нитью, цеплявшейся за куст рябины, и увидел вторую паутину. За ней располагались сразу две, связанные между собой ажурным мостиком, а дальше, метров через десять, шло уже белое паутинное поле, опутавшее стволы сосен и берез, траву и кустарники.

Гаспарян отломал сухой сук и ударил по паутине. С отчетливым стеклянным хрустом паутина развалилась на две части и потухла — стала серой, словно ее присыпали пылью.

Костров заметил какое-то движение в траве под кустом, без долгих раздумий рванул с плеча ружье, поймал на мушку черное пятно, убегающее в траву, и нажал на спуск.

Бах!

Выстрел разнес тишину леса в клочья отголосков.

— Сдурел! — шарахнулся в сторону Гаспарян.

— Паук... — пробормотал Костров и повел стволом.

Рузаев с любопытством оглядел его, полез в кусты и, поворочавшись там минуты три, глухо спросил:

— Чем было заряжено ружье?

Костров покосился на Гаспаряна.

— Дробью, — ответил тот. — А что?

— Это был паук. К сожалению, Иван отменный стрелок, и от паука остались только рожки да ножки.

Рузаев вылез из кустов и смахнул с колен приставшие комки мха и сосновые иголки.

— Надо было целиться в ногу, — сказал он рассудительно.

Все трое переглянулись и засмеялись. Потом Гаспарян взял у Кострова ружье.

— За стрельбу тебе еще придется отвечать, стрелок, так что не очень радуйся. Тут тебе не тир. А эхо слышал? Дразнит нас какая-то зараза...

— С чего вы взяли? — осведомился Рузаев.

Костров посмотрел на Сурена и рассказал Михаилу случай с «вечерним концертом».

— Значит, кричат, по-вашему, пауки?

— Но ведь больше некому, сам видишь — ни птиц, ни зверей.

— Ну, отсутствие зверей еще надо доказать, а вот то, что паукам нечем издавать звуки, это я знаю точно.

— Сам же говорил, это не пауки, а сольпуги. Может, и не сольпуги вовсе, а какой-нибудь новый вид?

Рузаев пожал плечами.

— Не знаю. Вообще-то на Земле известно около тридцати пяти тысяч паукообразных, открыть новый вид сложно. Но если это действительно новый вид — так и быть, приоритет за тобой.

— Дадим ему название: паук «Иванус Костровус», — предложил Гаспарян. — Звучит, не правда ли, Михаил?

Рузаев, усмехнувшись, кивнул.

— Лично у меня есть своя гипотеза. — Он прошагал к ближайшим паутинам и снял с шеи ремень фотоаппарата. — Пауки-мутанты.

— О! — Гаспарян оживился. — В этом что-то есть.

— И все же здесь нужен специалист-арахнолог. — Рузаев сфотографировал потухшую паутину и перевел пленку. — Я всего лишь зоогеограф по образованию; моя специальность, причем бывшая, заметьте, — изучение факторов, определяющих распределение животных, в частности пресмыкающихся. О пауках я знаю мало.

— Где я тебе возьму специалистов? — буркнул Гаспарян. — Я говорил Ивашуре, он обещал что-нибудь придумать, но в один день специалиста не найти, да и с оформлением командировок под конец месяца — проблема. Так что будем обходиться пока своими силами. Факты, давайте факты, ничего, кроме фактов, выводы сделают другие. Миша, ты все же попробуй поймать паука, только без этого... — он пошевелил пальцем, — без стрельбы. А мы с Иваном займемся обстановкой. Будем делать замеры трижды в день и один раз ночью. Кто знает, как нам это может пригодиться.

После обеда Костров взял метровый щуп, представляющий собой гибкий металлический стержень с керамической рукояткой, закинул за плечи рюкзак с ЗЗУ — звукозаписывающим устройством — и направился к болоту.

— Осторожней там, — по привычке пробурчал Гаспарян ему вслед. — Не подходи к просеке близко, возвращайся пораньше. Оделся хорошо?

Костров похлопал щупом по своим сапогам: экипирован он был по всем законам леса.

За обедом Рузаев поделился своими наблюдениями: он дваж-

ды видел пауков, но поймать так и не сумел — слишком шустрыми они были, зато хорошо их рассмотрел.

— Это не сольпуги, — заявил он, — но и пауков таких я не знаю. Может, действительно новый, неизвестный науке вид? Во-первых, размер тела — около двадцати сантиметров! Людоеды, а не пауки! Во-вторых, окраска фиолетовая, с металлическим отливом. В-третьих, хилицеры у них, то есть передние ноги для защиты и нападения, совершенно не развиты! В-четвертых, педипальцы — многощупальца, наоборот, увеличены. В-пятых, у них всего две пары глаз, но зато размером чуть ли не с половину головогруди! Если это не новый вид, то уж точно мутанты. Единственное, что смущает, так это причина мутагенеза. Самый мощный из известных сегодня источников мутации — радиация для пауков не страшна...

Пробираясь между деревьями, Костров продолжал размышлять над словами Михаила, и предположения товарища будили в нем такие ассоциации, от которых на душе становилось муторно.

Он вышел на край болота чуть подальше того места, где они с Суреном впервые увидели скопление пауков. Осока и камыши пересохшего болота были ржавого цвета, белые островки паутин хорошо выделялись на этом фоне. Несмотря на расширение своих владений в лесу, пауки почему-то неохотно ткали сети на болоте: паутинных полей здесь было значительно меньше.

Шурша ломкой травой и опавшими листьями, Костров начал пробираться к просеке с линией электропередачи, стараясь идти по краю болота и не заходить в лес. Даже со стороны было заметно дрожащее белое мерцание в его глубине: пауки заткали все пространство между деревьями, и чем ближе Костров подходил к просеке, тем гуще становилось паутинное плетение. Наконец идти дальше, не затрагивая паутин, стало невозможно. Костров потыкал щупом в ближайшее паутинное облако, скрывавшее под собой куст чернотала, подивился упругости паутины и углубился в болото, обходя редкие островки паутин и колдобины с грязью.

Через полчаса он выбрался к опоре ЛЭП и вытер пот со лба: ветер стих и было довольно жарко. Вокруг царила странная тишина, будто все живое в радиусе нескольких километров от паучьего логова бежало, спасаясь от непонятного соседства, затаилось, спряталось. Не было видно даже длинноногих комаров — карамор, живущих на болотах до поздней осени, что Костров отметил еще раньше. Он впервые оценил этот факт как сигнал тревоги. Заныло под ложечкой, стало зябко и неуютно, пришло ощущение чьего-то незримого присутствия...

Костров передернул плечами, снял рюкзак и достал продолговатый футляр ЗЗУ. Вскрыв панель, вставил в отверстия по бокам решетчатые диски антенн, включил питание, подумал и поставил

переключатель режимов в положение «инфразвук». Вложив прибор в рюкзак, он снова закинул его за плечи и побрел в сторону просеки, придерживаясь линии электропередачи.

Через полкилометра линия привела его к просеке, и идти дальше Костров не решился. Построения паутин здесь приобретали странные, вполне осмысленные формы: арки, столбы, шпили, башни и даже целые крепостные стены, так что за ними не было видно ни леса, ни опор, ни самой просеки. Зато оттуда ощущался ток чистого и свежего теплого воздуха, щедро сдобренного запахом эфира.

Тишина угнетала. Костров поймал себя на том, что норовит оглянуться через плечо, пытаясь хоть краем глаза поймать какое-то движение: ему казалось, что паутины по сторонам едва заметно колеблются, но, как только он бросал в том направлении взгляд, это движение замирало, пряталось куда-то вглубь, чтобы возникнуть уже в другом месте. Лес казался насыщенным странной жизнью и в то же время был неподвижен и мертв.

Рассердившись, Костров ткнул щупом в ближайшую паутинную башню, серую у подножия и ослепительно белую вверху, на высоте шести-семи метров. Щуп с трудом преодолел ажурную преграду, и в тот же миг Костров почувствовал сильный удар по руке. Башня сердито зашипела, засияла вся сверху донизу. Костров выпустил щуп и отскочил назад.

Щуп остался висеть в воздухе, потом вдруг раскалился до желтого свечения и... осыпался каплями расплавленного металла. Запахло жжёной пробкой и горелой виниловой изоляцией.

— Ч-черт бы вас побрал! — в сердцах сказал Костров. — Хотя бы предупреждали!

Кому адресовались эти слова, он сам не знал.

Он постоял некоторое время, потирая ушибленные пальцы, и вдруг подумал о спичках, представил, как горит сухая трава на болоте, полыхают деревья и жухнет в огне паутина... Додумать до конца Костров не успел: ему внезапно стало плохо. Голова закружилась, заломило виски, в ушах поплыл тихий, но все усиливающийся звон, ноги сделались ватными, подкосились, и он, теряя сознание, упал лицом в траву...

Очнулся он от страшных размеренных звуков: «Кх-кха-а-а... Кх-кхха-а-а... Кх-кхха-а-а...» Словно где-то рядом дышал громадный зверь или шумели кузнечные мехи.

Костров открыл глаза, приподнял тяжелую голову и увидел, что лежит на голой скале, белой, как отполированная ветром и дождем кость. Вокруг, насколько хватало глаз, стояли необычные желтые колонны, пушистые, словно поросшие зеленой шерстью. Вверху они расщеплялись на несколько тонких хлыстов с кисточками на концах, некоторые заканчивались свернуты-

ми в спираль пучками зеленых листьев. Колонны соединялись между собой белыми ажурными мостиками, в которых Костров узнал паутины. Он резко сел и почувствовал, что вокруг стоит небывалая жара, что воздух здесь душный, густой, как кисель, и полон незнакомых ароматов...

Обливаясь потом, Костров соскользнул со скалы, потрогал ее гладкий горячий бок, обошел кругом. На высоте его роста в скале обнаружились два отверстия, напоминающие пустые глазницы черепа, а чуть ниже зияла щель, в которой смутно угадывались ряды треугольных пластин.

Костров отошел от утонувшей в земле скалы, потом, движимый неосознанной тревогой, оглянулся. Скала.

Холодея, он понял, что эта скала — не что иное, как череп какого-то исполинского зверя! Сомнений быть не могло. Костров хорошо помнил изображения ящеров палеозоя и мезозоя, в его домашней библиотеке было несколько книг из серии «Возникновение жизни на Земле».

Попятившись, он наткнулся спиной на зеленую колонну, стрелой вонзавшуюся в густо-синее, без единого облачка небо, и отскочил в сторону. Это была, конечно, не колонна, это было дерево... «Псилофит, — всплыло в памяти название одного из самых древних растений, — или... сигиллярия?»

Озираясь, он пошел между «псилофитами», чувствуя, как рубашка липнет к телу.

Прекратившиеся было звуки снова возобновились. Иван направился в ту сторону, ошеломленный своим пробуждением в неведомой местности. Вопросов — почему, где и как? — он себе не задавал: ответов все равно искать было не у кого.

Внезапно он вышел на край громадной воронки, скрытой под вогнутой белой пленкой, в которой не сразу угадал... колоссальную паутину! Звуки шли оттуда, но разглядеть в глубине воронки что-либо, кроме тусклого оранжево-желтого мерцания, было невозможно. С каждым «кх-кхха-а-а» из воронки волнами наплывали запахи, в том числе и запах эфира, от которого кружилась голова и слегка подташнивало. Жара вблизи нее стояла совершенно невыносимая.

Костров отступил, шатаясь, прошел несколько шагов и наткнулся на бугристый черный «ручей», бесшумно и неудержимо скатывающийся в воронку. Это были пауки!

Костров зачарованно смотрел на «ручей», пока тошнота не подступила к горлу с новой силой. Тогда он попятился за ствол «псилофита», нечаянно задел паутинный мостик, что-то сверкнуло в воздухе, и наступила темнота.

Сознание вернулось не сразу, а очнувшись от непонятного забытья, он увидел перед глазами знакомые жесткие стебли осота,

коричневую губку мха и за кочкой — черное паучье тело с четырьмя громадными прозрачно-фиолетовыми глазами. Паук поводил в воздухе двумя передними лапами, видно, размышляя, что ему делать с непрошеным гостем.

Костров отмахнулся, встал и побрел прочь от просеки — бежать не было сил. Лишь свалившись в скрытую подо мхом яму, к счастью, сухую, он опомнился и перевел дыхание. Ноги дрожали, в голове стучало, словно он отравился газом. Кое-как уняв дрожь в ногах, Костров осмотрелся. Никто его не преследовал. Кругом расстилался знакомый ландшафт, жара исчезла, как и страшная обстановка с «псилофитами» и черепом ископаемого динозавра. Но рубашка была мокрой и неприятно липла к телу.

— Бред! — вслух сказал он. Выкарабкавшись из ямы на невысокий бугорок, он погрозил кулаком в пространство и пожалел, что не захватил с собой ружье. В то же мгновение новая волна слабости чуть не свалила его с ног. Задохнувшись от боли в голове, Костров, спотыкаясь, побрел в глубь болота и остановился, когда последние паутинные пятна скрылись из глаз...

В лагерь он вернулся только через два часа, к заходу солнца, обойдя местность с пауками пятикилометровым крюком.

Выслушав его сообщение, Гаспарян долго смотрел на пляшущие над костром языки пламени...

— Что ты об этом думаешь? — спросил он наконец Рузаева.

— Ничего, — ответил тот. — Когда я ловил пауков, у меня тоже несколько раз появлялась головная боль, хотя и не такая сильная, как у Ивана. Да и неземные пейзажи мне не снились, но чувствовал я себя скверно. Потом все прошло, и я забыл...

— Что ж ты молчал? Мимо таких ощущений нельзя проходить спокойно. Пауки отгоняют нас от своих владений — это очевидно. Но чем? Ты какую аппаратуру с собой брал?

— Звукозапись, — сказал Костров и стукнул себя по лбу. — Тьфу, совсем выбило из головы! Я же включил ЗЗУ на инфразвук.

Он встал, нырнул в темноту к палатке и через несколько минут вернулся с прибором.

— Удивляюсь, как я его не поломал, когда падал. Сейчас посмотрим беднягу.

Проверив настройку, он включил прибор на воспроизведение. Некоторое время из динамика доносилось только шуршание фона, потом раздался длинный вздох и долгое, постепенно затухающее, пульсирующее гудение.

— Частота? — встрепенулся Гаспарян.

— Восемь герц, — посмотрел на шкалу Костров. — Мощность — десять децибел.

Гаспарян медленно встал с пня.

— Что?! Восемь герц?!

— Фликер! — хмыкнул Рузаев. — Инфразвук с частотой семь-восемь герц — это фликер. Будь частота равной трем герцам, а мощность в полтора раза больше, ты, Иван, уже не встал бы. Три герца — это биоритм смерти.

— Значит, восемь... — глухо повторил Гаспарян. — Однако это уже не игрушки... Твои галлюцинации тоже, вероятно, следствие излучения. Вот так паучки! Придется вызвать тревожную группу Центра, пока не случилось беды.

— Подождем Ивашуру, — сказал Костров и виновато посмотрел на руководителя группы. — Он же обещал приехать завтра?

— Обещал. — Гаспарян не заметил оговорки Ивана, выражавшей недоверие к нему как к руководителю. — Давайте ложиться спать, владыки мира. Отдых наш кончается. Утром перетащим лагерь подальше от болота, я видел паутины уже в деревне. И займемся систематизацией данных...

Они полюбовались мягким голубоватым сиянием над лесом, где пауки соткали свое «государство», и улеглись спать. Спали, однако, недолго. Ночью всех разбудил сильный грохот.

Они выскочили в трусах из палатки, спросонья не зная, за что хвататься и куда бежать. Но в темноте ничего не было видно, даже сияния над лесом. Только со стороны деревни доносился удаляющийся грохот, словно по лесу неслась дьявольская кавалерия, круша деревья и сшибая недругов с седел, да мелко вздрагивала земля. Вскоре грохот утих, в последний раз громыхнуло, и в лес вернулась первозданная тишина, сквозь которую послышалось нарастающее журчание воды.

Они стояли и всматривались во мрак, пока не продрогли.

— Сходим? — предложил Костров, хотя желания идти вслепую, в ночном мраке, неизвестно куда у него не было. Как и у остальных.

— Утром, — принял мудрое решение Гаспарян. — Ни черта мы сейчас не увидим, даже с фонарями. Залезайте обратно, не хватало, чтобы мы схватили простуду.

Рузаев без слов залез в спальный мешок и тут же, судя по дыханию, уснул. Костров долго прислушивался к вою ветра и задремал только через час. Гаспарян уснул последним. Он еще два раза вылезал из палатки с ружьем и смотрел на притихший лес, вслушивался в ночные шорохи, сняв на всякий случай ружье с предохранителя...

ГЛАВА 6

Утром стала понятна причина ночного переполоха.

От просеки с пауками через лес, дорогу и деревню проходил громадный ров! По пути он задел две крайних избы и разметал их

по бревнышкам, а дойдя до Пожны, остановился, и речка, изменив русло, теперь почти вся текла по этому рву в лес, к болоту.

Они молча стояли на метровом валу вывороченного дерна и разглядывали обмелевшую ниже по течению Пожну. По дну рва бежал уже посветлевший поток воды, направленный чьей-то волей к скоплению паутин.

— М-да, — сказал Гаспарян, теребя выбритый подбородок. Когда он умудрился побриться — никому ведомо не было. — Кто-нибудь может сказать, что это такое?

— След от сохи Никиты Кожемяки, — буркнул Рузаев. — Он со змеем ночью землю делил...

— Канал, — произнес Костров, настроенный более прозаично, со вздохом трогая щетину на щеках. — Глубина метра два, да ширина столько же... Пауки наши, оказывается, умеют строить каналы не хуже нас. Д-р-р-р — и готово! Только зачем им вода? Миша, паукам вообще вода нужна?

— В мизерных количествах. Насколько мне известно, необходимое количество жидкости пауки высасывают из своих жертв. Но чтобы целая река... Кстати, почему ты решил, что этот канал построили пауки?

— А кто же еще?

— Вот что, — сказал Гаспарян. — Давайте-ка определим точно, куда идет ров. Если вода течет к просеке, там скоро будет потоп. Тогда придется переносить лагерь еще выше по дороге.

— Переносить надо в любом случае. — Рузаев обвел взглядом лес, свежую двухметровую борозду, проделанную неизвестно кем и неизвестно зачем за одну минуту. — Вдруг паукам вздумается проложить еще один канал? Пройди он по лагерю...

— Точно, — кивнул Костров, — костей не соберем!

Гаспарян поморщился и махнул рукой.

— Я же сказал: перенесем. Пошли.

— А завтрак? — спросил Костров. — Может, лучше после завтрака?

— Успеем, перекусим консервами. Не отставайте.

Они потянулись гуськом друг за другом: впереди Гаспарян, потом Рузаев и Костров. Не успели пройти и полсотни шагов, как в лесу раздался треск и на берег канала выскочил ошалелый пожилой дядя, одетый в заплатанные штаны времен Первой мировой войны, ветхую студенческую куртку с надписью «Алтай-88» и женскую соломенную шляпу с выцветшей розой на полях. В руках он держал просторную ивовую корзину — судя по его рыси, пустую. Заметив экспертов Центра, он круто затормозил.

— Доброе утро, — вежливо приветствовал его Гаспарян.

— Здорово! — сипло отозвался дядя, заросший мощным волосом чуть не до бровей. — Чего это вы тут?..

— Мы ученые, не пугайтесь, изучаем пауков, а вы?

— Леший, — шепнул на ухо Кострову Рузаев.

— Грибник, — догадался тот. — Я уж думал, что сюда по грибы никто не ходит. Вы, наверное, напоролись на пауков?

— Тьфу! — сплюнул дядя, достал огромный клетчатый платок и вытер лоб и шею. — Я в этих местах, почитай, шестой десяток годков грибы собираю! Что ж это за дрянь тут деется?

— Вы же видели, пауки, — пожал плечами Рузаев. — Туда больше не ходите, опасное место. Где вы живете?

— В Жуковке, хата у меня там...

— Вернетесь, скажите соседям, чтобы сюда пока не ходили. Мол, запретная зона.

— Дак куды ж тогда за грибами?

— Лес велик, найдите еще места. А здесь... сами видите.

— Вижу. — Дядя немного успокоился, трубно высморкался и тут заметил ров. — А энто откудова?

— Оттудова, — кивнул в сторону болота Рузаев.

Дядя проследил взглядом, затем издал сиплый горловой звук и снова попер в лес, ворочаясь в зарослях, как дикий кабан.

Костров засмеялся.

— Натерпелся страху грибник, все грибы растерял!

— Страх — ладно, не было бы еще каких-нибудь сюрпризов вроде инфразвука, — сказал Гаспарян. — Места эти, видать, грибные, ждите еще гостей, особенно в выходные дни. Надо было как-то обозначить зону, не дай бог что случится!

— Чем обозначить? Не писать же объявления на деревьях...

— Не знаю, чем и как. Думайте.

Рузаев почесал в затылке.

— Одни мы не справимся. Охватить надо зону километра три в поперечнике, это по окружности километров десять.

Гаспарян молча зашагал вперед.

— Ладно, посмотрим по ходу дела, — сказал Костров, понимающе глядя в спину начальника группы.

Они снова направились вдоль созданного ручья в лес и вскоре пришли к мнению, что ров тянется точно к просеке, к центральному паутинному скоплению. Однако никаких следов затопления местности не обнаружилось, хотя ручей тек всю ночь и должен был уже разлиться по лесу.

— Странно, — пробормотал озабоченный Гаспарян. — Никакого котлована в районе просеки вроде бы нет. Куда же девается вода?

— В болото, — предположил Костров.

Рузаев промолчал.

Они стояли в удивительном, сказочном лесу, затканном паутинами. Косые лучи утреннего солнца пронизывали его огнен-

ными стрелами, и паутины вспыхивали всеми цветами радуги, словно усыпанные драгоценными камнями. Свежая борозда разделяла лес надвое и придавала ему угрюмую материальность. Лишь один звук нарушал колдовскую тишину вокруг — едва слышное журчание воды.

Рузаев сфотографировал ров, исчезающий в туманной глубине леса, и они побрели назад, стараясь идти бесшумно, тихо, инстинктивно ожидая появления чего-то непонятного и грозного.

Их предчувствиям суждено было сбыться наполовину. Непонятное произошло уже через несколько минут, хотя, может быть, и не столь ужасное, как ожидалось.

На опушке леса их остановили трое молодых парней в странных текуче-дымчатых комбинезонах, похожие на десантников, но вооруженные не менее странно: таких пистолетов Костров, сам бывший десантник, никогда раньше не видел.

Некоторое время две группы молча разглядывали друг друга, потом один из незнакомцев, смуглый, курчавый, с тонкой ниточкой усов, сделал шаг вперед.

— Кто вы такие? — Голос был глухой, и по-русски он говорил с неявным и не грузинским, но акцентом.

— А вы кто? — в свою очередь, буркнул Костров, оценивая ленивую грацию парня и прикидывая, какую школу боя он закончил.

— Мы исследователи из Академии наук, — миролюбиво сказал Гаспарян. — Ученые, эксперты. Изучаем аномалию паутин в здешнем лесу.

— Немедленно покиньте эту зону во избежание неприятностей. И не вмешивайтесь в события, что бы ни происходило. Поняли?

Гаспарян перестал излучать добродушие.

— Извините, с кем имею честь?

Парень оглянулся на него равнодушно, покосился на Костров, определив в нем главного соперника, шевельнул стволом своего красивого, со множеством деталей пистолета.

— Этого вам знать не положено. Сунетесь к хроноплазму ближе чем на два километра, пеняйте на себя!

— Э-э, любезный, у нас есть карт-бланш на исследования феномена, подписанный соответствующим начальником ФСБ, — флегматично заметил Рузаев. — Так что никуда мы отсюда не уйдем.

— Пока наше собственное начальство не подтвердит ваши полномочия, — добавил Гаспарян. — Вы поняли?

«Десантник» в комбинезоне, который то становился металлическим на вид, то зеркальным, то исчезал вовсе на фоне деревьев,

поднял было руку с пистолетом, но замер, заметив направленные ему в лицо стволы ружья, которое держал Костров.

— Топайте подобру-поздорову, ребята! Права будете качать в кабинетах, а здесь лес... Мало ли что может случиться.

Усатый брюнет скользнул по фигуре Ивана оценивающим взглядом, кивнул. Он не был ни испуган, ни обескуражен и дело свое знал.

— Вот именно, — сказал он с пренебрежением, — здесь лес, мы вас предупредили, живите пока. Второго предупреждения не ждите.

И вся троица бесшумно растаяла в лесу.

Друзья-исследователи переглянулись.

— Ты что-нибудь понимаешь? — осведомился Гаспарян у Кострова. — Я лично нет. Кто это был?

— Явно не грибники, — ответил за Ивана Рузаев. — А пушки у них крутые, заметили? Я таких не встречал. А ты, Иван?

Костров промолчал.

В лагере обнаружилось, что в палатках побывали гости, обыскав и перевернув все личные вещи каждого. Кроме того, исчезли бинокли и видеокамера. Сделать это могли и случайные воры, гуляющие по лесу, но, скорее всего, здесь побывали «десантники» в странном обмундировании.

В восемь часов утра они молча позавтракали сухим пайком, попили чаю и сложили палатки, собираясь перебазироваться подальше от рва и паучьей зоны, но услышали в лесу неподалеку крик. Переглянулись и, не сговариваясь, бросились в заросли, причем практичный Рузаев успел захватить ружье.

— Везет же нам на крики! — констатировал он хладнокровно.

Это была девушка.

Она лежала навзничь у куста акации, отбросив в сторону кошелку с грибами. Правая ее рука касалась паутины, и прямо над ней сидел громадный, не круглый, а многогранный, неуловимо асимметричный черный паук, поводивший из стороны в сторону двумя передними парами лап.

Костров, бежавший первым, успел охватить ситуацию в одно мгновение, подивившись сходству с собственным случаем у просеки, и на бегу метнул в паука свой фотоаппарат. Паук исчез вместе с паутиной, повеяло странным сухим и горячим ветром. Иван подхватил девушку на руки и бегом направился назад, к лагерю.

— Фотоаппарат подбери! — крикнул он Рузаеву, отмахиваясь от его помощи.

Вместе с Гаспаряном он уложил потерпевшую на брезент, подсунув под ее голову свернутый спальный мешок, и брызнул ей на лицо водой. Ресницы девушки дрогнули, она открыла глаза. Ужас, мелькнувший в них, сменился радостью и недоумением.

— Вы кто? — спросила она, приподнялась и села, пряча ноги под себя.

Одета незнакомка была несколько легкомысленно для лесных прогулок: в небесного цвета кофточку поверх легкого сарафана, открывающего длинные стройные ноги. Смуглая, тонкая в талии, с волной каштановых волос, перехваченных у шеи лентой, она показалась Кострову лесной феей, разве что бледновато одетой для сказки.

— Мы исследователи, — сказал Гаспарян, деликатно отводя глаза. — Не бойтесь, здесь вы в безопасности. Меня зовут Сурен, а это, — он оглянулся на Кострова, — ваш спаситель Иван Костров, эксперт Центра по изучению быстропеременных явлений природы.

Костров церемонно поклонился, шаркнув ногой.

Девушка улыбнулась. Бледность с ее щек стала исчезать.

— Меня зовут Таисия... Тая... Пришла вот за грибами и... Кто это был?

— А кого вы видели?

— Сначала паутины, там их много, просто ужас! А потом паука. Он так смотрел!.. Я замахнулась на него корзиной, и... и мне стало плохо. Потом... появились вы.

Эксперты переглянулись.

— За грибами теперь сюда ходить нельзя. Вы здешняя?

— Вообще-то я живу в Днепропетровске, а сюда приехала в отпуск, мои тетки живут в Жуковке.

— Похоже, весь райцентр ходит сюда по грибы, — сказал Гаспарян Кострову. — Ну что встал? Объясни Таисии ситуацию, а я схожу к Михаилу, что-то долго он твой фотоаппарат разыскивает.

Гаспарян взял из груды снаряжения щуп и скрылся в кустах.

Костров помог девушке встать и вкратце рассказал историю их появления в Брянском лесу.

— До чего интересно! — воскликнула Тая, всплеснув руками. — Я ведь журналист по образованию, работаю корреспондентом в газете. Вот уж никак не ожидала найти здесь материал!

— Этот материал пока не для газеты, — остудил ее восторги Костров. — Слишком много необъяснимого и даже опасного. Вам здесь, наверное, и оставаться-то нельзя.

— Вот еще! — Тая упрямо сжала губы. — Я уже не ребенок, сама могу решать, где мне можно быть.

— Да я не против, — миролюбиво согласился Иван. — Только ведь и мы не решаем, кто имеет право присутствовать возле запретной зоны с пауками.

— Кто у вас начальник? Этот... Сурен? — В характере Таисии, по всей видимости, одной из главных черт была решительность.

— Сурен — руководитель группы, но скоро должен прилететь Игорь Ивашура, начальник отдела.

— Вот с ним и решим, пусть приезжает.

Таисия несколько привела себя в порядок, чувствуя взгляды Ивана, и вдруг посмотрела на него с мольбой:

— Я буду тише воды ниже травы! Ну, пожалуйста!

Костров невольно засмеялся и махнул рукой:

— Договорились.

Из леса вышел мрачный Гаспарян, за ним бесстрастный Рузаев.

— Ну ты даешь! — сказал начальник группы, подходя и бросая на землю щуп.

— Да, природа тебя не слишком обидела. — Рузаев подкинул в руке плоский предмет. — Узнаешь?

— Что это? — удивилась Тая.

Рузаев остановился, потом подал черную мятую пластинку.

— Несколько минут назад это было фотоаппаратом. Ваш спаситель метнул его в паука так, что сплющил в лепешку.

— Ерунда, — сказал Костров. — Не мог я метнуть фотоаппарат с такой силой. Там даже дерева поблизости не было — трава и паутина с пауком, так что разбивать фотоаппарат было не обо что. А сделать из него пластину и вообще невозможно без пресса.

— Выходит, это сделал паук.

Костров посмотрел на Таю и пожал плечами.

Гаспарян заметил его взгляд и мягко отнял у девушки искалеченный фотоаппарат.

— А вам, Таисия, придется нас покинуть. Мы не имеем права рисковать чужой жизнью. Еще хорошо, что так закончилась ваша грибная охота, могло быть хуже.

— Почему это вы будете рисковать моей жизнью? Разве я сама не отвечаю за себя? Решайте свои вопросы, я вам не помешаю. К тому же я журналист...

— Ваши... м-м... полномочия не вызывают у нас сомнения, — начал Гаспарян. — Но поймите, зона леса в этом районе действительно стала опасной. Скоро здесь, я думаю, появятся воинские части, и тогда...

— Вот и прекрасно. Когда дело дойдет до официального запрещения, я возражать не стану. А пока... давайте я вам лучше помогу.

Гаспарян почесал горбинку носа, хмыкнул и сдался.

— Ну хорошо, оставайтесь, только одеты вы... м-м... не по сезону.

— Ничего, сбегаю домой, переоденусь.

Через полтора часа они перенесли лагерь на триста метров от прежней стоянки, установив палатки в нескольких шагах от заброшенной дороги. А еще через полчаса приехал Ивашура.

Игорь Ивашура на всех производил одинаковое впечатление. Высокий, гибкий и бесшумный, он не ходил, а подкрадывался, был постоянно настороже, словно ожидал нападения со стороны своих самых близких друзей. Лицо у него было резкое, хищное, и на нем выделялись яркие, прозрачно-желтые, «тигриные» глаза...

Ивашура не удивился, встретив их в другом месте. Выгрузив с помощью своих подчиненных какие-то громоздкие ящики, выслушал доклад Гаспаряна, сходил с ним к просеке, посмотрел на «отводной канал» и, задумавшись, присел на ящик, вертя в руках останки фотоаппарата.

— Держитесь, — шепнул Костров на ухо Тае. — Как Игорь решит, так и будет.

— Я не боюсь, — шепотом ответила Таисия.

Костров покачал головой.

За что он уважал Ивашуру больше всего, сказать было трудно. Наверное, за умение ладить с людьми самых разнокалиберных характеров. У начальника экспертного отдела был какой-то особый сплав такта, доброго юмора, мягкости и желания понять собеседника, и вместе с тем он был решителен, тверд в убеждениях и обладал железной волей — качеством, столь необходимым для начальника любого ранга. По-видимому, Тая тоже почувствовала в Ивашуре человека незаурядного, что Костров отметил не без укола ревности. Она рассматривала начальника отдела с любопытством и опаской, потом тихонько отошла за палатки.

— Тут грибов в лесу тьма, — подошел к ним водитель «рафика», усатый, небритый и веселый — рубашка нараспашку. — Вы долго стоять будете? А то я полазаю полчасика с ведерком...

— Ни в коем разе, — буркнул Гаспарян. — В лес ходить опасно. Можете посмотреть издали, что там творится, и назад. Миша, покажи ему.

Рузаев увел недоверчиво улыбающегося водителя и через четверть часа привел обратно, бледного и растерянного.

— Так! — подвел итоги своим размышлениям Ивашура. — Не нравятся мне эти ваши... «десантники». Не похожи они на военный спецназ... или на федералов. Ладно, разберемся. Ждите к вечеру, ничего не предпринимайте и к паукам не суйтесь. А встретите снова давешних знакомцев, на рожон не лезьте, мало ли что им взбредет в голову.

Начальник отдела сел в кабину «Газели», собираясь уезжать, и в это время Костров подвел к машине Таю.

— Вот корреспондент из газеты. Хочет работать с нами.

— Пусть работает, — равнодушно ответил Ивашура, почти не

взглянув на девушку, — хотя вам придется отвечать за ее безопасность. Поехали, Миша.

И юркая «Газель» скрылась за поворотом.

— Какой он у вас... быстрый, — сказала ошеломленная Тая со смешком.

Иван кивнул. Что-что, а решения Игорь Ивашура принимал быстро. Правда, выполнял он их еще быстрее.

Вспомнился разговор с Суреном еще в самом начале его научной карьеры в отделе.

— Красивый мужик, — со вздохом признался тогда Гаспарян после знакомства с новым начальником отдела, хотя ему-то как раз грех было жаловаться: почти все девушки отдела были в него тайно влюблены. Но Костров с ним согласился. Ивашура был красив по-мужски, целеустремленной красотой, он был гармоничен всегда и во всем, а это, по мнению Кострова, было главным в человеке. Нет, не зря Тая обратила внимание на Игоря Ивашуру — власть его над людьми была удивительна и неповторима.

— Вот так, — сказал Рузаев и повалился столбом в траву. — Приказано ничего не предпринимать, а я человек дисциплинированный. Люблю бабье лето! Воздух в лесу: дыши — не хочу! Насовсем в деревню уехать, что ли?

— От твоих сигарет деревня за неделю покроется смогом! — проворчал Гаспарян. — Вон как смолишь — пачку в час! Первый раз вижу эвенка, курящего сигареты, а не трубку.

— Брошу курить. Не веришь? Вот докурю... пачку... и брошу. Буду жить один, распашу поле, сохой, на оленях... посажу картошку, капусту...

— Ягель, — подсказал Костров.

Рузаев и ухом не повел.

— Заведу корову, пару баранов, олешков и буду покорять природу голыми руками, без техники.

— Покоритель! Владыка, так сказать, лесов, морей и рек. Города мы уже превратили в сточные ямы цивилизации, моря, кажется, тоже прибрали к рукам, очередь за деревней, за полями и лесами.

— Ты что, Сурен? — удивился Костров. — Лекцию читаешь? Или вспомнил обязанности общества охраны природы?

— От окружающей среды, — хихикнул Рузаев.

— Двое на одного? — Гаспарян расстегнул свою куртку и покосился на привезенный Ивашурой ящик. — Между прочим, Игорь был-таки в больнице и расспросил пилотов упавшего вертолета. Симптомы те же: они вдруг почувствовали себя плохо, а вертолет потерял управление и врезался в дерево. Чудо еще, что остались живы.

— Инфразвук, — подал голос из травы Рузаев.

— Очевидно. Какие еще причины могут заставить двух здоровенных мужиков потерять сознание? Так что будем делать до вечера, эксперты?

— Лично я буду загорать, — сонным голосом отозвался Рузаев.

— Надо бы разобрать новый груз, — заметил Костров. — Интересно, что привез Игорь?

— Эврика! Вставай, Михаил, отдыхать будешь в институте.

— Не хочу, — сказал Рузаев, однако спустя минуту встал.

— А я пока схожу переоденусь, — сказала Тая. — И вернусь.

— Лучше бы вы, Таисия... — начал недовольно Гаспарян, но посмотрел на Кострова и замолчал.

— Я ее провожу, — буркнул тот. — Вы тут без меня справитесь.

— Хорош! — развеселился Рузаев. — Идеи подавать мастер, а осуществлять их должна Маргарита. Я шучу. — Он похлопал Кострова по плечу, повернулся к начальнику группы. — Справимся, Сурен?

— Иди, — нехотя проговорил Гаспарян. — Только побыстрей возвращайся. И уговори ее остаться дома.

— Не прощаюсь, — звонко засмеялась Тая и взяла Кострова под руку. — Пойдемте, рыцарь.

Они ушли.

— Красивая девочка, — вздохнул Рузаев. — И видать, еще не испорчена мужским вниманием.

— Да, — согласился Гаспарян и подумал об Ивашуре. — Они с Иваном чем-то похожи, да? Волосами особенно.

— Миша, — через некоторое время позвал он, — у тебя дети есть?

— Дочка Галина. — Рузаев, прищурясь, посмотрел на товарища. — А что?

— Да это я так, к слову... Сколько ей?

— Двадцать четвертый пошел.

— Да ну? — поразился Гаспарян. — Это сколько же тогда тебе?

— Сорок семь. Что, хорошо выгляжу?

Гаспарян покачал головой.

— Я думал, ты мой ровесник, мне тридцать четыре...

Костров вернулся к обеду без Таисии. Она пообещала прийти к вечеру и побежала на вокзал сдавать билет.

Подходя к биваку, Иван заметил за редким сосняком у дороги двухвинтовой вертолет и поспешил к палаткам. За время его отсутствия возле лагеря побывала какая-то автомашина, это он определил по отпечаткам шин, а вертолет был двухместный, легкий — «Ка-18».

Возле их оранжево-синей палатки стоял Гаспарян и разговаривал с двумя незнакомцами в серых брезентовых спецовках.

— Понятно, — сказал один из них — плотный, с ежиком седых волос. — Доложу начальству, пусть решает. Поехали, Витя.

Очкастый долговязый Витя мотнул головой, отвечая на приветствие Кострова, и зарысил к вертолету.

— Это наш сотрудник Иван Костров, — представил Ивана Гаспарян.

— Матвеев, — протянул руку седой. — Странные тут у вас дела творятся, товарищи ученые. Ну да ладно, еще не раз сюда приеду, чует мое сердце. Пока...

Вертолет улетел.

— Электрики? — спросил Костров.

— Начальник дежурной смены Жуковской подстанции, — буркнул Гаспарян. У него отчего-то испортилось настроение.

— А еще кто приезжал? Я видел на дороге следы машины...

— Случайные гости. Проехали мимо, в лес.

— А где Михаил?

— Тут я, — ответил из палатки Рузаев. — Пришли?

— Я один.

Рузаев выглянул.

— Уговорил-таки остаться? Молодец! Я был о тебе лучшего мнения.

— Не уговорил, обещала прийти вечером.

— Тогда другое дело, — хмыкнул Рузаев и снова скрылся.

— Зачем хоть электрики прилетели?

— Утечка возросла, — очнулся от раздумий Гаспарян. — Напряжение в сети село почти на десять процентов. Если так пойдет и дальше, придется воевать с пауками всерьез, иначе район останется без электричества.

— А те «десантники» не появлялись?

— Нет. Отстань, Костер, я же тебе не справочное бюро.

Костров изучающе посмотрел на озабоченное лицо Сурена. Таким он его еще не видел. Сдержанная насмешливость Гаспаряна куда-то исчезла, уступив место угрюмой нерешительности и тревоге. В подобной ситуации никто из них не был, но Гаспарян интуитивно чувствовал серьезную опасность паучьего нашествия и мучился сомнениями относительно правильности своих действий, хотя уже понимал, что инициатива перешла в руки Ивашуры, а сам он, по сути дела, ничего толкового не придумал и не сделал.

Костров сунул голову под полог палатки и шепотом спросил Рузаева, перезаряжающего фотоаппарат:

— Что это Сур ходит как под наркозом? Что тут произошло?

— Ничего, — сказал из-под одеяла Рузаев и добавил, понизив голос: — Просто в нем сейчас умирает лирик.

Костров почувствовал в словах Михаила дружеский совет не мешать и буркнул:

— Понял.

Взяв из ящика складывающийся электрозонд и электрометр, он сказал в спину Гаспаряну, что идет в лес.

В паучьем логове ничего не изменилось, если не считать того, что площадь, занимаемая паутинами, увеличилась. Пауки принялись застраивать Скрабовку и кое-где еще пересекли дорогу недалеко от старого места расположения лагеря.

Костров понаблюдал за каналом, снабжающим паучий город водой, пробрался к просеке со стороны болота, стараясь думать о пауках «приятно», и долго всматривался в белое мерцание паутиновых башен, взобравшихся по опорам линии электропередачи до гроздей керамических изоляторов. «Вот откуда утечка из линии, — подумал он. — Паутина проводит ток в землю...»

Ни одно движение не нарушало мертвой неподвижности леса и паутинного царства, и это было странно, потому что Кострова не покидало ощущение, что за ним наблюдают чьи-то внимательные глаза. Сторожат, подумал он, преодолевая искушение швырнуть в кусты зонд. Пусть сторожат, я мирный прохожий... Повернувшись к просеке спиной, он не спеша двинулся обратно, ожидая оклика или выстрела в спину. Напряжение постепенно ушло, неслышимое ворчание страха втянулось в лес, ощущение взгляда со стороны прошло.

Костров вытер холодный пот со лба и ускорил шаг.

И в этот момент из-за штабеля почерневших от времени и непогоды бревен вышел знакомый смуглолицый, с усиками а-ля опереточный злодей «десантник» все в том же «плывущем», меняющем цвет и рисунок ткани комбинезоне.

— Мы же предупреждали, — сказал он негромко, — чтобы вы не совались сюда и ни во что не вмешивались. Неужели не поняли?

У Ивана засосало под ложечкой, но вины за собой он не чувствовал и огрызнулся:

— Да пошел бы ты сам... куда подальше! Мы имеем полное право здесь находиться и не уйдем, пока вы не докажете свои полномочия. Причем не нам, исполнителям, а начальству. Я понятно выражаюсь?

— Доказывать нам не обязательно, а наказывать за неповиновение мы умеем. Встречу еще раз — умрешь! А пока получи на память... — Брюнет поднял руку, в которой вдруг оказался пистолет, и Костров, давно готовившийся к подобному обороту событий, прыгнул к «десантнику», подныривая под его руку и выбивая пистолет в жесткой манере полузахвата-рывка-слома.

«Десантник», однако, драться умел, хотя стиль его боя был Ивану неизвестен. Пришлось вспомнить все навыки рукопашника, которые в гражданской жизни казались ненужными.

За три минуты схватки Иван получил три хороших удара в голову и грудь, смягченных блоком, но все же хлестких, тяжелых, и сам провел ответные атаки, потрясшие усатого незнакомца, который не ожидал встретить профессионала. Особенно хорошо получился ёнсоль — прием в стиле хапкидо, соединяющий жесткий удар голенью с не менее жестким броском. «Десантник» улетел под обрыв старого дренажного рва и, хотя тут же взлетел обратно как на крыльях, словно ему помогал комбинезон, в драку больше не полез. Да и Кострову надоел поединок, превратившийся в бой не на жизнь, а на смерть. Поэтому он в прыжке достал выпавший из руки противника пистолет, удобно легший в ладонь, и направил дуло с какими-то ребристыми выступами и штырьками в грудь усатого.

— Достаточно, вояка! Я к тебе не лез, и ты не приставай. Гуляй, откуда пришел, я могу и рассердиться. И не дай бог тебе еще раз встретиться со мной!

— Отдай ручник, — сказал «десантник» без выражения.

— Его я оставлю пока у себя, дабы не возникало недоразумений. Придешь в лагерь со своим начальством для выяснения полномочий, тогда и отдам.

Усатый безмолвно исчез в кустах, затем издалека прилетел его тихий, но отчетливый голос:

— Мы встретимся, рыжий, хотя и в других временах...

Размышляя над этой фразой, Иван закончил прогулку и подошел к палаткам лагеря, когда уже завечерело. Откуда-то из-за деревьев доносилось бормотание мотора, и стало ясно, что вернулся начальник отдела. А так как Ивашура приехал не один — вместе с ним на зеленом с синей полосой «уазике» прибыл невысокий худой майор милиции с двумя рослыми молодыми людьми в штатском, — Иван решил не показывать свой трофей, а лишь рассказал в двух словах о новой стычке с «десантником».

Действовали приехавшие расторопно, записали рассказы всех троих — Гаспаряна, Рузаева и Кострова — на диктофон, и Рузаев, свыкшийся с ролью проводника, увел их в лес.

— Только недолго! — крикнул им вслед Ивашура. — Скоро стемнеет, мало ли кто еще может здесь шататься. — Он повернулся к Ивану, разглядывая его лицо проницательными глазами. — О чем умолчал?

— Так, о пустяке. — Костров протянул начальнику отдела отобранное оружие.

Ивашура повертел в руках тяжелый, хищно-красивый, необычной формы пистолет, поднял брови.

— Никогда ничего подобного не видел.

— Я тоже. Давай испытаем?

— Позже, пусть уедут. Спрячь пока. Предъявить его мы всегда успеем. Но никому ни слова.

— Само собой.

— А что нам делать? — подошел Гаспарян, несколько повеселевший после прибытия гостей.

— Сегодня — только регистрация фона вокруг зоны с паутинами, а завтра — посмотрим. Хорошо бы, конечно, отловить пару экземпляров, специалисты быстро разобрались бы, откуда эти пришельцы. Не пытались ловить?

— Пробовали, однако, — вмешался вынырнувший из леса Рузаев. — Но встречаются они довольно редко, и реакция у них поистине космическая, да и ловить их небезопасно.

— Куда ты дел районное начальство УВД? — вполголоса спросил Гаспарян.

— Они пожелали остаться одни, дальше обещали не ходить.

— А почему пауков ловить небезопасно? — поинтересовался Ивашура. — Из-за инфразвука?

Рузаев напомнил ему случай с фотоаппаратом Кострова.

— Ну, это не аргумент, — махнул рукой начальник отдела. — Иван, как это было?

Костров рассказал, не зная, как относиться к случившемуся: с иронией или серьезно.

— Когда я его бросил, — вспомнил он вдруг, — в лицо мне пахнуло горячим воздухом, как из... духовки.

— Любопытно. Что скажет по этому поводу металловед?

— Насчет горячего воздуха ничего, а вообще хорошо бы этот фотоаппарат отдать в нашу лабораторию, — проговорил Гаспарян, раздувая костер и умудряясь при этом оставаться чистым и франтоватым. — Нужен всесторонний анализ. Но все же считаю, что Иван не мог с такой силой метнуть аппарат, чтобы сплющить его в лепешку. Для этого нужен удар силой в пару сотен килограммов, если не больше.

— И я сомневаюсь, — пробормотал Костров. — Разве можно сплющить фотоаппарат о траву или кусты?

— Маловато, — вздохнул Ивашура. — Маловато мы еще узнали, больше сомнений, чем знаний.

— Знания — это сомнения, оставшиеся неопровергнутыми, — изрек Рузаев известный афоризм, но вопреки его надеждам никто не откликнулся на шутку.

Ивашура легко вскочил с места, спрятал записную книжку в карман.

— Что ж, займемся ужином, надо накормить гостей. Я, пожалуй, пойду им навстречу, а вы тут хозяйничайте.

Рузаев с Костровым быстро приготовили немудреный ужин: консервы, малосольные огурцы, привезенные Ивашурой, сгущенное молоко. Гаспарян вскипятил чай.

Солнце зашло за щетинистый гребень леса, поляну у дороги пересекли длинные тени от высоких сосен. С запада на небосклон набегала гряда не слишком симпатичных облаков, и Рузаев со знанием дела предсказал скорое изменение погоды.

— Если пойдут дожди, завязнем в грязи, — поморщился Гаспарян, посматривая на часы. — Где же они там?

— Кто, дожди?

— Не издевайся, я о гостях. Зря ты отпустил их одних, Михаил, еще случится что-нибудь...

Костров тоже посмотрел на часы, но по другой причине. Таи все еще не было, и он уже начал беспокоиться, не случилось ли с ней чего-нибудь по дороге к лагерю.

Рузаев встал, собираясь пойти на розыски ушедших, но в это время из леса донесся знакомый жуткий вопль, всколыхнувший торжествующую тишину вечера.

— Эт-то еще зачем?! — изменился в лице Гаспарян. — Засекли, в какой стороне?

Однако в их помощи никто не нуждался. Через несколько минут со стороны реки послышались голоса, и к палаткам вышли все четверо: слегка улыбающийся Ивашура, растерянный майор милиции и оживленно разговаривающие парни.

— Мы уже хотели бежать на помощь, — сказал Костров.

— Дьявольщина! — хрипло произнес майор, снимая фуражку и обнажая лысину. — Вы были правы, Игорь Васильевич. Поехали, ребята.

— А ужин? — спросил разочарованный Рузаев.

— Какой там ужин?! — махнул рукой майор. — Некогда ужинать. Да, братцы, задали вы нам задачку!

— Разве мы? — весело удивился Ивашура. — Скорее уж с вас все и началось, после аварии вертолета. Так, я надеюсь, вы примете меры?

— Как и договорились.

Майор еще раз махнул рукой, попрощался и полез в «уазик». Машина уехала, эксперты снова остались вчетвером.

Поужинав, Костров отмерил по дороге несколько километров в сторону райцентра, но Таи так и не встретил.

Укладываясь спать, Рузаев посмотрел на мрачную физиономию товарища и подмигнул остальным.

— Будь оптимистом, Иван. Не пришла сегодня, придет завтра. Однако будь осторожен, история учит, что красивая женщина — это в основном голод любви, жажда самовыражения и неоправданные надежды.

— О ком вы? — сверкнул в полутьме рысьим глазом Ивашура.

— Да о той девушке, которую Иван спас от паука, — пояснил Гаспарян. — Фотоаппарат не пожалел и нести никому не позволил. А фотоаппарат, между прочим, вещь подотчетная.

В палатке установилась тишина, нарушаемая только дыханием людей. Снаружи палатки тоже царила тишина: ветер стих, и лес перестал шуметь, замер в мертвом оцепенении.

— Нет ли тут связи? — подал через некоторое время голос Гаспарян. — Между нашими мыслями и действиями пауков?

— Поясни, — коротко отозвался Ивашура.

— Возьми случай с Иваном: он подумал, что неплохо бы поджечь лес с пауками, и... потерял сознание от инфразвукового удара. Есть даже запись в ЗЗУ. Потом эта девушка, Таисия. По ее словам, она замахнулась на паука и тоже потеряла сознание. Симптомы те же. Затем пилоты... Все совпадает до мелочей. Сегодня утром и я попробовал... — Он замолчал.

— Что ж не предупредил? — укоризненно проговорил Рузаев.

— Не хотел рисковать всеми. Сознания не терял, но почувствовал себя плохо именно в тот момент, когда подумал об уничтожении пауков. Интересно, что ЗЗУ записало вместе с инфразвуком и ультразвуковое эхо. Хочешь не хочешь, а напрашивается вывод, что паукам не нравится наше вмешательство в их дела, даже мысленное. Каким-то образом они чуют угрозу с нашей стороны и отвечают тем же.

— Пауки-телепаты! — фыркнул Костров, вылезая из палатки. — Кстати, эти серые «десантники» тоже говорили о нашем вмешательстве, хотя мы ни во что не собираемся вмешиваться. Странно все это. Может быть, они и пауки — из одного лагеря. Какие-нибудь спецвойска ФСБ.

— Спецвойска предъявили бы документы, — сказал Ивашура. — Нет, история с этими спецназовцами темная, я недаром пригласил милицию и уполномоченного федеральной безопасности по району. Пусть разбираются.

— А красиво все-таки светится, — сказал минуту спустя Костров, стоя у палатки.

— Что там у тебя светится? — спросил Ивашура.

— Не у него — воздух над просекой, — пробормотал Гаспарян.

ГЛАВА 8

Разбудил их дождь, хлеставший по палатке, как из пожарных шлангов. Костров посмотрел на часы — светящиеся цифры показывали семь утра — и выглянул из палатки. Небо было затянуто

сплошной серой мутью, прочерченной кое-где косматыми ливня. Пелена дождя размыла лес в акварельный пейзаж, вылезать в такую мокрядь не хотелось.

Однако пришлось. Предусмотрительный Ивашура достал всем армейские плащ-накидки из привезенного накануне запаса, и даже ворчливый Гаспарян примирился с непогодой.

После девяти часов колесо событий, несмотря на продолжающийся дождь, закрутилось с ошеломляющей скоростью.

Сначала из районного центра прибыли три грузовика со взводом солдат местного гарнизона. Солдаты в мгновение ока поставили рядом с палаткой экспертов две свои, громадные, тридцатиместные, раскочегарили кухню, поставили умывальники, навес для столовой и, выслушав инструктаж, исчезли в лесу, растягиваясь в оцепление. В лагере оставались только дежурные кухонного наряда и один дневальный на обе палатки.

Потом примчался вездеход на воздушной подушке и привез Матвеева, знакомого уже начальника смены с подстанции, с ним — почти всю его смену электриков, четырех человек. Настроены они были решительно, но, выслушав советы Гаспаряна, ушли в лес уже менее бодро. Сопровождал их Рузаев. А еще через полчаса прибыл громадный бело-синий вертолет и привез научного директора Центра Богаева и группу ученых из областного отделения Академии наук. Поляна запестрела разномастными плащами и даже зонтиками.

Во всех этих событиях чувствовалось влияние Ивашуры, его умение доказывать необходимость этих мероприятий, и Костров в который раз признал в душе его превосходство над собой. Ивашура в свои неполные тридцать лет был личностью незаурядной. Все эти и другие мысли промелькнули в голове у Кострова в тот момент, когда он увидел в кабине вездехода Таю. Она издали помахала ему рукой и ушла вслед за основной группой «экскурсантов».

За день еще дважды прибывали машины из города, привозили каких-то людей — видимо, представителей местной власти. Поляна, где эксперты разбили лагерь, преобразовалась и стала походить на военно-полевой штаб. Движение заметно оживилось.

Солдаты закончили растягивание трехкилометровой зоны проволочного заграждения с грозными табличками: «Стой! Запретная зона! Опасно для жизни!»

Рузаев с вертолетчиками подстанции опустился на их машине к центру просеки и сфотографировал лес сверху. Вернулся он с непривычно рассеянным видом, а на вопросы товарищей отвечал:

— Пауки строят крытый стадион...

Несколько раз в лесу слышались дикие, ни с чем не сравни-

мые крики, уже знакомые экспертам. Эти крики заставили гостей отнестись к странной паучьей деятельности с вниманием. К тому же двое солдат из оцепления почувствовали себя плохо, и оцепление отодвинули от проволочного забора еще на сто метров.

Однако ни одному из солдат, равно как и офицерам, и руководителям экспедиции «десантники», с которыми контактировали эксперты Центра, не встретились. Принадлежность их неким спецслужбам осталась недоказанной, и попахивало от этой истории чем-то мистическим, таинственно-грозным и опасным.

Оружие, отобранное у смуглого «десантника» Костровым, Ивашура испытал на второй же день и был поражен настолько, что еще раз предупредил Ивана никому ни о чем не рассказывать: выстрел из пистолета проделал в склоне холма метровой глубины нору диаметром в два метра, отблескивающую глазурью, а также развалил надвое ствол громадного дуба. Что такого оружия в природе не существует, Ивашура был уверен на сто процентов. Откуда оно взялось у неизвестных, гадать было бесполезно, размышления же об этом заводили мысль в дебри недоказуемых фантазий.

Вечером в одной из больших палаток состоялась пресс-конференция, подготовленная Ивашурой. На ней присутствовали ученые мужи, представители губернатора, командиры воинской части, корреспондент АПН и эксперты Центра.

— Я думаю, настало время скоординировать наши действия, — картавя, начал Богаев, низкорослый, полный, круглолицый. — Мы полагаем с завтрашнего дня начать тщательное исследование феномена с привлечением всех лабораторий Центра — имеются в виду биологические лаборатории. Но нужны специалисты в области арахнологии, экологии, палеозоологии. Надеюсь, в этом нам поможет Академия наук.

— Непременно, — быстро ответил багроволицый, тучный академик Зиновьев, то и дело вытирающий лицо платком. — Это же чудовищное, небывалое явление! Я такого не припомню за все полвека моей научной деятельности, да-с.

— Сколько же времени вы думаете исследовать пауков? — задал вопрос губернский представитель.

Богаев развел руками.

— Этого я вам сказать не могу. Явление очень редкое, ранее не наблюдавшееся. Нужен осторожный, тщательно продуманный подход, всесторонний анализ.

— Да какой еще анализ! — вскочил представитель губернатора. — Район получает крохи электроэнергии, в домах нет света! Скоро остановятся заводы, асфальтовый и велосипедный, лесозаготовительные комплексы! Фермеры без света тоже не смогут

работать! Вы представляете масштаб вашего «научного явления»? Не строить же другую ЛЭП, пока вы будете изучать пауков!

— Что вы предлагаете конкретно? — спросил Ивашура.

— Что тут предлагать? Очистить линию от паутины, отогнать пауков, коль уж они у нас воду пьют и электричеством пользуются.

— Сделать это, к сожалению, непросто. К просеке сейчас не подойти, пауки отпугивают людей инфразвуком.

— Ей-богу, верится с трудом, — проговорил Зиновьев, — хотя я и сам убедился. Как пауки генерируют инфразвук, каким образом отводят электроэнергию, зачем она им нужна — сплошные загадки.

— Верно... странные паутины... прочные... Вода куда-то девается... Пауки величиной с собаку! — раздавались голоса.

— Вот-вот, а вы обратили внимание на конструкцию паутины? Ведь ни в какую теорию не лезет! Паучий город, да и только! Так что, извините, исследовать сие явление нужно и должно, — повернулся академик к представителю власти. — Как вы понимаете, электрики уже пытались сбить паутину с проводов ЛЭП, и вертолет с ними потерпел аварию. Где гарантии, что с другими не произойдет то же самое?

— И все же надо что-то делать, — буркнул губернский представитель. — Так это оставлять нельзя. Нешуточное же дело, — заволновался он снова. — Да с нас же народ, общественность голову снимут, если мы обесточим район!

Богаев усмехнулся, обвел сидящих на солдатских койках прищуренными глазами.

— Прошу высказываться, господа. Может быть, у кого-нибудь есть гипотезы, которые смогут пролить свет на вторжение пауков? Жаль, среди нас нет арахнологов...

— Арахнологов действительно нет, — подтвердил Ивашура, — приедут завтра, но есть зоологи.

— А что с них толку? — под общий смех сказал Зиновьев. — Я тоже зоолог, ну и что? Я даже паука не видел, только паутины да ров с водой. Может, это сделали вовсе и не пауки?

— Пауки, пауки, — успокоил его Ивашура. — Тут недалеко наши сотрудники в походных условиях делают фотографии, снимали они много, скоро принесут. — Он нашел глазами Кострова. — Сходи узнай, как там дела у Михаила.

Иван сходил в палатку к Рузаеву и принес пачку мокрых отпечатков — сушить их было негде. Фотографии разошлись по рукам, в палатке раздавались удивленные возгласы, говор двух десятков людей.

— Насмотрелись? — спросил Ивашура у Зиновьева, разглядывающего не очень качественную фотографию паука.

— Насмотрелся, — вздохнул тот. — Это не пауки. По форме

они близки к сольпугам из семейства фаланг, но и не сольпуги... Помесь какая-то...

— Знаете, — слегка заикаясь, сказал молодой ученый-зоолог, сотрудник Центра, — ведь этот паук похож на прапаука, древнейшего паука из верхнего силура.

— Силурийский паук? — с сомнением произнес Зиновьев. — Реликт, так сказать? Не знаю, не знаю...

— Похож, — вмешался кто-то из сидящих. — Недавно читал статью Барановского в «Природе». Там приводилась фотография, вернее, реконструкция предка современных паукообразных. Ваш паук как две капли воды похож на него.

— Не знаю, не знаю... — повторил Зиновьев, упрямо покачивая головой. — Ни один из пауков древности не достигал таких размеров.

В палатке наступила тишина.

— Ну хорошо, пусть прапауки, пусть силурийские пауки, вымершие, кстати, более четырехсот миллионов лет назад, — продолжал академик. — Что это нам дает? Откуда они? И почему именно здесь, в Брянском лесу? Почему в зоне умеренного климата?

— Вопрос некорректен, — мягко сказал Ивашура. — Все равно что спросить: почему материальное тело состоит из атомов? Аксиома...

— Не так уж и некорректен, — не удержался Костров, чувствуя рядом локоть Таи. — Возможно, в силурийском периоде зона умеренного климата была зоной полупустынь и субтропиков, а наши пауки не знали, что климат изменился, и явились на старое место обитания...

— Это скорее фантастический экзерсис, — улыбнулся Ивашура, — нежели научное предположение. А для окончательного вывода требуется мнение специалиста-арахнолога, не в укор всем будет сказано. Что касается уничтожения пауков... — Он не договорил.

Совсем близко, за тонкими намокшими стенами палатки, пугающе громко раздался длинный пронзительный вой, прервавшийся на высокой ноте. В нем явственно прозвучали угроза и холодный вызов.

Все вскочили с мест. Тая вцепилась Кострову в руку.

За стенами послышались команда и удаляющийся топот.

— Что это?! — спросил в наступившей тишине Зиновьев. — Третий раз слышу!

— Ответ пауков, — спокойно сказал Ивашура, — дружеский совет их не трогать.

ГЛАВА 9

Последующие дни были заняты суетой, связанной с размещением прибывающих специалистов всех рангов, изучением реакции пауков на действия людей и спорами ученых, предложивших несколько гипотез и отстаивающих каждый свою.

Костров, как старожил, нес службу проводника одного из малых исследовательских отрядов, в который входили немолодой кандидат биологических наук, один из электриков, норовивший все потрогать своими руками, старик Гришин, профессор экологии Московского университета, и эксперт Валера из отдела Ивашуры, чрезвычайно энергичный и любознательный. Из-за его рассеянности Костров все время вынужден был держаться начеку, так как олицетворял собой силы безопасности отряда и отвечал за действия и здоровье каждого целиком и полностью. А Валера — маленький, кругленький, как шарик для пинг-понга, в очередной раз выброшенный стальной рукой Кострова из скопления паутин, — только помаргивал белесыми ресницами, продолжая глазеть по сторонам и забывая о самой элементарной осторожности. Зато у него была своя «выстраданная гипотеза», о которой он любил размышлять вслух.

— Вы знаете, у него в самом деле интересная гипотеза, — признался как-то Кострову сухопарый медлительный Гришин. — Я все чаще прихожу к выводу, что этот молодой человек в чем-то прав.

— В чем же? В том, что человечество нарушило тонкую структуру времени и от этого образовался канал, по которому пауки из силурийского периода прорвались в наше время?

Гришин уловил в голосе Ивана иронию, но остался спокойным.

Они стояли на бугре, поросшем тонкими дубками. Под ногами шуршали опавшие листья, сплошным слоем усеявшие землю. В лощине у одной из паутин, сплетенной пауками совсем недавно, возились с приборами биолог и электрик, а эксперт Валера стоял на коленях возле пустого муравейника и размышлял о чем-то вслух.

— Нет, в пришельцев из чужих времен я не верю, — ответил Гришин. — Много неувязок, идея бездоказательна, хотя небезынтересна. Понимаете, ни прапауки, ни пауки сегодняшнего дня не живут колониями, как муравьи, например. А тут налицо паучья колония! Нонсенс! Пауки — хищные насекомые! Главное, однако, не в этом. Вам не кажется символичным, что пауки появились в самом чистом — экологически чистом — уголке земной природы?

— Не знаю, — осторожно сказал Костров, не понимая, куда

клонит Гришин. — Вы считаете, что центр Брянского леса — наиболее подходящее для пауков место? Или оно выбрано ими разумно?

— Разумно — не то слово, хотя стоит задуматься над тем, что заставило пауков трудиться коллективно. Я хочу сказать, что пауки — живородящие твари, они не могли вылупиться из яиц, пролежавших в земле сотни миллионов лет. Понимаете?

— Тогда Валера прав, и пауки появились здесь через тоннель времени...

Гришин с неопределенной гримасой покачал головой.

— Дался вам этот тоннель... Вы упомянули о разумности пауков.

— Коллектива пауков.

— Разумеется. Так вот, если бы этот коллектив был разумен, он никогда бы не выбрал для развития Брянский лес, да и вообще умеренные широты. Нет-нет, пауки появились в здешних местах случайно, будьте уверены.

— Почему вы так думаете?

— Вы измеряли температуру поближе к паутинному скоплению? Вижу, что нет. А мои коллеги замерили, и оказалось, что под паутинным пологом температура на пятнадцать-двадцать градусов выше, чем в среднем по лесу!

— Микроклимат? — хмыкнул Костров, вспоминая свой бредовый сон.

— Верно, микроклимат. Пауки строят себе дом по всем правилам строительного искусства, с отоплением от линии электропередачи и водопроводом.

— Тогда следует принять за аксиому, что они таки разумны. — Костров пожал плечами. — Почему бы и нет? У Валеры есть еще одна гипотеза, что пауки пожаловали к нам из соседнего измерения.

Гришин поморщился.

— Несерьезно. Валера в этой гипотезе не оригинален, о соседних измерениях, по-моему, даже фантасты перестали писать. Пауки действуют целесообразно, это верно, но называть их действия разумными я бы не стал. Их строительная деятельность — наверняка проявление какого-то сложного инстинкта, о котором мы не имеем ни малейшего представления. Не будете же вы отрицать, что в природе существуют примеры подобных явлений, которые мы, однако, не причисляем к разумным.

— Но что строят пауки? Масштаб их деятельности не так уж мал.

— Что? Убежище, например, город, так сказать. Близится зимний период, холода, вот они и спешат. Это самое простое и, может быть, самое близкое к истине объяснение. А может быть,

они ищут способ вернуться туда, откуда прибыли, ведь появились же они откуда-то, из какой-то странной экологической ниши? Видите, и я вслед за вами начал фантазировать.

— И совсем неплохо, — похвалил Костров. — Экологическая ниша, заселенная силурийскими пауками, замороженная в веках в Брянском лесу и открывшаяся сегодня! Совсем неплохо! Только какая причина заставила ее раскапсулироваться?

Гришин развел руками.

— Чего не знаю, того не знаю. Давайте догоним наших коллег, они ушли вперед. Кстати, мне послышался возглас Валеры...

Костров огляделся и бросился в лощину. Возле паутинной башни он нашел Валеру, замершего в странном ожидании: глаза расширены, взгляд устремлен в бесконечность, лицо бледное, лоб покрыт испариной.

Костров тронул его за плечо, и Валера безвольно упал, словно мягкая тряпичная кукла. Испугавшись, Иван позвал остальных и принялся делать искусственное дыхание. Втроем они с трудом привели молодого эксперта в чувство. Очнувшись, тот бессмысленным взором обвел встревоженных товарищей, кусты и, пробормотав что-то о немыслимой жаре, древних папоротниках, пожаловался на сильную головную боль.

Пришлось возвращаться в лагерь и оставить пострадавшего под присмотром добровольной медсестры — Таи.

— Инфразвук? — спросил Ивашура, отведя их в сторону.

— Не похоже, — ответил Костров. — Мы бы тоже почувствовали.

— Тогда электрошок. Замерили электрическое поле в том месте?

Костров переглянулся с Гришиным и виновато опустил голову.

— Не догадались.

Ивашура нахмурился.

— Несерьезно, Иван.

Костров слегка покраснел под изучающим взглядом Гришина и вдруг неожиданно для себя самого рассказал им свой странный сон — «путешествие во времени» — и присоединил слова Валеры о жаре и папоротниках.

— М-да-а... — протянул Гришин. — Как, вы говорите, выглядели эти деревья?

— Высокие стройные колонны, пушистые, словно в шерсти, с пучками больших «перьев» на вершинах.

— Похожи на кордаиты или на сигиллярии, но не совсем...

— Вы что же, всерьез полагаете, что Иван побывал в девонском периоде? — прищурился Ивашура.

— Не думаю, но... чего только не приходит в голову при близком знакомстве с пауками. А сон Кострова, кстати, не лишен

здравого смысла. Наши пауки не зря создают себе микроклимат — значит, привыкли к более жаркому климату. Там же, где, по словам Ивана... э-э, Петровича, он оказался, было очень жарко. Совпадение?

Ивашура задумался, вздохнул и отошел. Как-то само собой получилось, что он стал начальником комплексной экспедиции и взял на свои плечи всю полноту ответственности. В реальность сна Кострова он не поверил, как не верил и сам Иван. Слишком уж сказочным было допущение «путешествия во времени». Скорее всего, сон был галлюцинацией, вызванной инфразвуковым ударом или электрошоком. То же самое случилось, очевидно, с Валерой...

Погода не менялась. Целыми днями моросил мелкий занудливый дождь, превративший дорогу в грязевой поток. Все ходили мокрые, измазанные торфом, глиной и зеленью. Одежда не успевала просыхать за ночь, и приходилось с отвращением натягивать на себя распаренные сырые брюки, рубашку и куртку. Один Гаспарян сохранял вид «столичной штучки» и ходил сухой, словно переодевался каждый час.

Тая раздобыла где-то палатку и переносила тяготы походной жизни вместе с остальными, не обращая внимания на уговоры новых друзей беречь здоровье в городе.

— Всем известно, что на природе здоровей, — смеялась она.

Когда в четверг, на шестой день пребывания ученых у паучьего города, Костров вернулся с вечерней бесплодной прогулки, Таи в палатке не было. Обнаружив, что Ивашуры тоже нет, он швырнул в угол свою куртку и принялся насвистывать невеселую мелодию, прикидывая, где в это время может находиться начальник отдела.

— Паук укусил? — негромко осведомился Рузаев.

— Если бы, — вздохнул Костров, залезая в сырой спальный мешок. — Миша, извини за любопытство, ты женат?

Рузаев помолчал.

— Второй любопытный. Неужели я так плохо выгляжу?

— Да нет, — смутился Костров. — Я вообще...

— Ну, если вообще, то прощаю. Кстати, как у тебя с Таей?

— А никак... не знаю как. Мы, по сути дела, незнакомы. Закончим расследование и разъедемся в разные стороны...

Рузаев несколько минут размышлял.

— Знаешь, парень, — сказал он наконец серьезно, — есть одно мудрое изречение: «Научи меня, господь, спокойно воспринимать события, ход которых я не могу изменить, дай энергию и силу вмешиваться в события, мне подвластные, и научи мудрости отличать первые от вторых».

Рузаев поворочался и затих.

— Философ! — раздался из-под одеяла глухой голос Гаспаряна: он тоже не спал. — Научил мудрости... Внемли, Иван, иной раз даже такой липовый философ может дать хороший совет. Кстати, тех «десантников» больше не встречал?

Костров помедлил.

— Показалось однажды... но в контакт не вступали, если, конечно, это были они. Тут всяких спецназовцев сейчас навалом бродит, мог и обознаться.

Иван вспомнил об испытании Ивашурой чужого пистолета и замолчал. Улегся в спальник, стал смотреть на полог палатки, освещенный прожектором из дальнего угла поляны. Неподалеку слышались голоса, позвякивание, фырчание мотора, шаги: жизнь военизированного лагеря шла своим чередом.

«Не каждому дано мыслить глобально, — думал Костров, вспоминая свои поступки, разговоры, решения. — Не от этого ли появляется иногда смутное недовольство собой, мелкостью собственных желаний и решаемых проблем? Ну хорошо, допустим, Игорь Ивашура масштабней, умнее, сильнее и так далее, допустим. Означает ли это, что на его фоне я выгляжу бледно? Или он колдун, раз Тая все чаще обращает на него внимание? Научи меня, господь, спокойно воспринимать события... неподвластные мне события... А какие события мне неподвластны? Разве я не могу изменить положение в свою пользу? Впрочем, изменять пока нечего, не надо спешить с выводами. Ивашура не настолько слеп, чтобы не заметить красивой девушки, а если он все-таки ее не замечает, то это не его идеал... И хватит об этом! Миша дал прекрасную идею, и единственная его ошибка в том, что на господа бога уповать не надо. Если я не научу себя сам, никто другой мне не поможет... Гораздо сложнее решить проблему пауков! Откуда они, почему появились в здешних местах, как с ними договориться... Да и «десантники» шастают тут странные. Чего они добиваются? Зачем и о чем предупреждают? Откуда заявились сюда? И откуда у них такое оружие, способное одним махом снести полхолма?»

Уснул он незаметно и не видел, когда вернулся Ивашура.

Начальник отдела разделся, включил фонарь и долго разглядывал спящих в палатке, словно удивляясь чему-то. Кострову в это время снились жуткие оскалы паучьих морд, Тая, бьющаяся в паутине, а также Игорь Ивашура с ружьем, отстреливающийся от лавины пауков...

ГЛАВА 10

В четвертом часу ночи шум возле палаток заставил всех проснуться. Ивашура второпях оделся и пошел узнавать, в чем дело. Вернулся он быстро.

— Вставайте.

— Что там такое? — сквозь зевоту спросил Гаспарян.

— Район полностью обесточен. Приехали губернатор Брянска Глазунов и высокое начальство из безопасности. В общем, подъем!

Костров оделся быстрее всех и выскочил из палатки. Дождя не было, но воздух был серым и холодным, из-под ног брызгала вода. Над лесом в районе болота висело облако прозрачно-голубоватого свечения.

На дороге в отсвете фар Иван увидел «Волгу», в пятне прожекторов у военных палаток сновали какие-то люди, слышался гул множества голосов. Из «гражданских» палаток выходили ученые и шли на освещенное место, как мошки на огонь.

— Такое дело, господа, — говорил высокий, узкогубый и крупноносый мужчина с непокрытой седой головой. — В районе нет света, линия электропередачи замкнута. Наши специалисты прошли по всей трассе на вертолете — не верилось, что пауки забирают всю энергию, — но обрывов нигде нет, значит, дело в пауках. Нужно принимать срочные меры! Завтра из Москвы прилетит комиссия, а мне дали полномочия решать вопросы на месте любым способом. Если надо очистить ЛЭП от пауков — значит, будем очищать.

Ивашура протиснулся сквозь толпу к говорившему. Все взоры потянулись к нему.

— Потеряем людей, — сказал он тихо.

Губернатор побледнел.

— Почему потеряем? Каким образом?

— Пауки не подпускают нас ближе чем на полкилометра. Стоит подойти — генерируют инфразвук, и человек теряет сознание. Смертельных исходов не было, но мы и не брались за дело всерьез.

При этих словах Костров вдруг почувствовал нарастающую тревогу. Словно зазвенела где-то гигантская струна, грозящая вот-вот оборваться и обрушить на людей страшный удар, способный взрыть землю на километр вглубь!

По-видимому, многие в толпе почувствовали то же самое, потому что по ней прошло какое-то движение и люди сдвинулись теснее.

Глазунов прислушался к своим ощущениям и вопросительно посмотрел на Ивашуру.

— Именно, — кивнул тот. — Это их реакция на наш разговор. Каким-то невероятным способом пауки слышат даже наши мысли!

— И против этого нет никакой защиты? А если подойти к ним на бронетранспортере?

— Броня не защищает от инфразвука.

— Что же тогда?

— Не знаю.

Губернатор оглядел плотно сдвинувшихся людей. Над толпой всплывали облачка пара от дыхания, температура была близка к нулевой. Костров под его взглядом опустил глаза. Да и что он мог сказать? Он тоже не видел способа избавить лес от непрошеных гостей. И еще мешало ощущение нависшего дамоклова меча — психологическое давление чужеродного, неприятного, холодного присутствия паучьего города.

— Зажечь лес? — пробормотал кто-то из сопровождавших Глазунова.

Не успел он закончить фразу, как в лесу неподалеку от людей прозвучал короткий вопль. Все вздрогнули.

— Слышите? — сказал Ивашура. — Стоит только подумать об их физическом уничтожении, как сразу раздается такой крик. Предостережение это или нет — не знаю, но звучит достаточно впечатляюще.

— Что же делать? — повторил вопрос Глазунов.

— Решайте. Если у вас большие полномочия... Мы, конечно, постараемся выполнить указания, но все же пауков трогать я не стал бы. Пока не научимся защищаться от них.

Губернатор вытер ладонью выступивший на лбу пот. Костров даже пожалел его, он сам испытывал чувство безысходности и злости на чудовищных реликтов, чудом вырвавшихся из тьмы веков в современную эпоху.

— Понимаете, — вмешался в разговор тот человек, который заговорил о поджоге леса, — в районе сто сорок одна больница, госпиталь на триста коек... Без тока нельзя оперировать. Случись несчастье...

— Да, это довод! — глухо сказал Ивашура. — Об этом я не подумал.

— А что, если?.. — начал вдруг неожиданно для себя самого Костров и остановился. Все повернулись к нему.

— Что? — коротко отозвался Ивашура.

Костров оглянулся. Начальник отдела понял.

— Господа, расходитесь по палаткам. Ночью мы все равно не будем ничего предпринимать, отдыхайте. Пошли.

Он взял Кострова за рукав и направился к «Волге».

В машину сели губернатор, Ивашура с Костровым, командир взвода оцепления, подтянутый лейтенант, Гаспарян и еще кто-то в штатском. Ивашура посмотрел на него недовольно, однако Глазунов поспешно представил его: майор госбезопасности Левченко.

Майор скупо улыбнулся, понимая реакцию Ивашуры. Ко-

строву он сразу понравился уверенностью, ненарочитым спокойствием, умением держаться.

— Пауки каким-то образом читают наши мысли, так? — начал Костров.

— Некоторым образом.

— Что, если установить с ними контакт?

— Контакт с пауками? — усмехнулся Гаспарян. — Однако, Иван, ты явно начитался...

— Подожди, — с досадой в голосе перебил его Ивашура. — Говори толком, Иван.

— Я и говорю: надо установить с пауками контакт. Приблизиться к просеке насколько можно и представить себе, что нам нужно освободить просеку от паутины... чтобы они догадались и убрались восвояси...

— Чушь! — махнул рукой Глазунов. — По-вашему, выходит, что пауки — мыслящие существа?

— Не мыслящие, может быть, но мысли наши все же воспринимают. Да кто знает, пауки ли? Я хочу сказать, что руководить всем этим — деятельностью пауков, например, — может кто-то другой...

— Мысль не такая уж и вздорная, — высказал свое мнение Левченко. — Думаю, стоит попытаться. Не годится нам пренебрегать даже самым мизерным шансом мирного решения проблемы. Путь военного вмешательства проще, но грубее и необратимее. Давайте конкретно обговорим все детали вашего контакта и приступим к выполнению. Времени у нас действительно в обрез. Как вы думаете приблизиться к их центру? Пешком или на машине?

Ответить Костров не успел.

Внезапно с неба на лес, на машины и палатки обрушился тугой звонкий удар, словно ударная волна давления от сверхзвукового самолета. Раздались крики, из леса прозвучало несколько выстрелов.

Ивашура с лейтенантом одновременно выбросились из машины, Костров выскочил за ними. От военных палаток бежал испуганный помкомвзвода с карабином на изготовку.

— С постов передают: вблизи зоны невозможно находиться, солдаты падают без сознания!

— Инфразвуковое нападение, — бросил сквозь зубы Ивашура и побежал в лес. — За мной, лейтенант! Остальным оставаться на местах.

Ошеломленные люди снова потянулись к прожектору.

Костров чувствовал какое-то томление, ему стало жарко, заломило в висках. Воздух стал ощутимо плотным, пропитался странным напряжением, словно перед грозой. Казалось, над

лесом повисла чудовищная жара, готовая в любой миг сорваться и раздавить все живое...

Другие испытывали те же ощущения, что и Иван, разве что реагировали по-разному. Губернатор поднес руку к голове и с силой потер лоб.

— Ну и духота тут у вас!

Костров нашел Гаспаряна.

— По площади бьют?

— Сейчас проверим.

Гаспарян умчался в темноту и скоро вернулся вдвоем с Рузаевым, тащившим тяжелый параллелепипед звукозаписывающего устройства.

— Так и есть, — сказал он через минуту, выключая прибор. — Инфразвуковое излучение, мощность невелика, всего пять децибел.

— Конечно, бьют по площади, а не векторно, — сказал Рузаев.

— Что это значит? — спросил Левченко, обращаясь к Кострову. — Я не специалист...

— Как вы себя чувствуете?

— Н-ну... голова тяжелая... и дышать трудновато. Душно тут у вас в самом деле.

— Все ваши ощущения — результат действия инфразвука. Пауки включают свой генератор инфразвука — как они это делают, я не знаю, — и, будь мощность излучения на порядок выше, нам с вами не поздоровилось бы.

— Пауки излучают инфразвук во все стороны, — добавил Рузаев. — Поэтому и мощность мала.

— Солдаты оцепления стоят к просеке ближе, чем мы. — Гаспарян передал ЗЗУ Рузаеву. — Пройдись с ним по периметру зоны. На них, очевидно, инфразвук действует сильнее. Может, нужна наша помощь?

Никто ему не ответил. Инфразвук продолжал струиться из леса, действуя на людей угнетающе, подавляя волю, вызывая страх и головную боль.

Тая робко тронула Кострова за руку. В расширенных глазах ее бродили отсветы фар, и поэтому казалось, что они живут отдельно, поглощенные созерцанием внутренней боли.

— Скоро это кончится, Иван?

Костров легонько обнял ее за плечи.

Из темноты выступил полуодетый эксперт Валера. По всему было видно, что инфразвука он не чувствует, как и того, что одет он более чем странно: в сапоги на босу ногу и брезентовую куртку на голое тело.

— Хотите гипотезу?

Никто ему не ответил, но Валеру это не остановило.

— Вспышка жизни среди древних паукообразных, — продолжал он вполне квалифицированным языком, радуясь, что нашел достойную аудиторию, — это всего-навсего маленький нарыв на теле Земли как планеты. Загрязнение экологической среды перешло в новое качество. Уже не пятна нефти на воде и смог над городом определяют уровень загрязнения, а сдвиги континуума на уровне тонкой структуры. Затронута ядерная основа пространства-времени...

— Ты конкретнее, философ, — перебил его Гаспарян. — И без терминологии, дорогой, а то мы сейчас плохо соображаем.

— Пожалуйста. — Валера заметил жест Кострова и запахнул куртку. — Пауки появились здесь потому, что произошла локальная трансгрессия времени, сдвиг одного из его гниющих пластов, и образовался временной фурункул. Кстати, этой гипотезой можно объяснить многие явления на Земле.

Костров и остальные эксперты и ученые уже были знакомы с гипотезой Валеры, поэтому никто из них не стал возражать. Глазунов же услышал ее впервые, поэтому и реагировал соответственно:

— Вы-то хоть сами понимаете, что говорите, молодой человек? При чем тут загрязнение среды?

— А я нахожу в его словах долю истины, — проговорил незаметно подошедший Гришин. — Дымящие трубы... сточные воды... вонь и дым, грязь и копоть!.. Термин «загрязнение среды», конечно, сильно избит, но вдруг мы ломаем природу не только на макроуровне, но и на уровне элементарных частиц? Помните у Фрэнсиса Томпсона: «Коснувшись цветка — потревожишь звезду»?

Губернатор дернул плечом. Было видно, что держится он с трудом — то ли из-за нервного перенапряжения, то ли его организм реагировал на инфразвук особенно сильно...

— Стоит ли говорить об этом сейчас? По-моему, у вас другие проблемы.

— Стоит, — вмешалась вдруг Тая, заставив Кострова вздрогнуть. — Еще как стоит! Об охране природы уже анекдоты ходят, не слышали?

— Общество охраны природы от окружающей среды, — тихонько подсказал Рузаев.

— Вот, пожалуйста! Вы же умные люди, оглянитесь! Биосферу Земли стремительно заполняет растущий поток химикатов, многие из них губительны для жизни: отходы промышленности, выхлопные газы автотранспорта, ядохимикаты, применяемые в сельском хозяйстве, несбалансированные химические удобрения и тому подобные «побочные явления прогресса»! Кроме того, бесконтрольная вырубка леса как за рубежом, так и у нас, выра-

ботки полезных ископаемых, заиливание рек, атоллы, превращенные в свалки мусора, льды, черные от нефти и мазута! И все это разрушает циклы, тысячелетиями сложившиеся в биосфере! Какие нужны силы, чтобы справиться с этим тихим и самым ужасным преступлением человека против самого себя?! А вы говорите: не стоит об этом сейчас! А когда стоит? А если этот юноша прав?..

— Так его! — крикнул Левченко. — Однако сильные вы приводите аргументы! По специальности, наверное, журналист?

— Да, — смутилась Тая и спряталась за спину Кострова.

— Критиковать мы все умеем, — усмехнулся, морщась, Глазунов. — Как до дела... Э-э, что говорить! Послушайте, это безобразие с инфразвуком вашим долго будет продолжаться?

— Неизвестно, — сказал Гаспарян. — Кстати, всем, кто плохо себя чувствует, самое разумное — уйти из зоны излучения на некоторое время. Мощность инфразвука с расстоянием убывает слабо, но все же...

Люди зашевелились.

— Оденьтесь и пройдите к городу по дороге. Думаю, уже через двести-триста метров всем станет лучше.

Большинство присутствующих разбрелись по палаткам и, одевшись потеплее, потянулись к дороге, подсвечивая путь фонарями. У машин остались только эксперты, приехавшее из города начальство, начальник смены подстанции Матвеев и Тая.

Шел уже пятый час утра, небо потеряло монолитную мрачную плотность, стало сероватым, мглистым, начал накрапывать мелкий дождик. Сияние над лесом поблекло, словно втянулось под землю. Поднявшийся ветер играл полами плащей и задувал брызги в лицо.

Костров с Гаспаряном решили было пойти к постам оцепления на поиски Ивашуры, но тут он сам появился.

— Плохо дело, — выдохнул он, откидывая капюшон плащ-накидки и вытирая разгоряченное лицо мокрой ладонью. — Кто-то из солдат спровоцировал нападение пауков.

— Рядовой Шинкаренок, — подтвердил лейтенант, переводя дыхание. — Он же и стрелял.

— Подробнее, пожалуйста, — попросил Глазунов.

— Рядовой Шинкаренок раздобыл где-то флягу с бензином, по договоренности с напарником ушел с поста, перелез через проволоку заграждения и направился к просеке. Хотел, по словам напарника, поджечь лес... Оружие его мы нашли, но дальше идти невозможно — слишком велика мощность инфразвука.

— Он что, действительно пытался поджечь лес?

— Пытался, там и спички рядом с карабином... Да что в такую

погоду гореть может? Ума не приложу, зачем это ему понадобилось!

— Новичок, — извиняющимся тоном сказал лейтенант. — Ну, пусть только вернется, влеплю по всей строгости!

— Надо, чтобы еще вернулся, — серьезно сказал Левченко. — Вы говорите, глубже в лес не пройти? — повернулся он к Ивашуре.

— Я пробовал, — кивнул тот, — чуть не свалился.

— Может быть, еще разок рискнуть?

— Рискнуть можно, да что это даст?

— Ну, попытка — не пытка, а человека спасать надо. Пошли, лейтенант, где там твои подчиненные?

Левченко с лейтенантом исчезли в лесу. Поколебавшись, за ними ушел Рузаев.

Костров заметил вопрошающий, умоляющий и укоряющий взгляд Таи, открыл рот, собираясь предупредить, что и он уходит на поиски пропавшего солдата, и в это время взгляд его упал на округлую тушу вертолета за дорогой.

ГЛАВА 11

Конечно, он не собирался брать с собой девушку, когда ему в голову пришла идея слетать на поиски солдата на вертолете. Однако действовать надо было быстро, никого из мужчин поблизости не оказалось, а Тая соображала не хуже любого из них.

— Я с тобой!

— Нет!

— Ты один не справишься.

Иван замедлил шаги.

— А если убьемся?

— Ты же бывший десантник.

Костров улыбнулся наивной вере Таисии в его способности, но вертолеты пилотировать ему и в самом деле приходилось в свое время, и решение созрело само собой.

Он уже включил электропанель, щелкая тумблерами запуска и проверки, когда в свете включенного носового прожектора появилась смазанная серая тень. В голове дзинькнул звоночек тревоги, моментально включивший состояние повышенной боевой готовности. Оружия у Ивана никакого с собой не было, но правая рука сама собой нащупала в кармане сиденья отличный тесак пилота, в то время как левая продолжала поворачивать тумблеры, нажимать клавиши и кнопки.

Рывком открылась дверца кабины, и в нее заглянул знакомый «десантник», вернее, его голова; тело парня казалось кисейно-прозрачным и почти пропадало на фоне леса.

— Вылезай!

Иван чуть ли не физически ощутил, как в голову ему вонзается разряд странного пистолета, точно такого же, какой удалось отобрать у незнакомца раньше, и точным движением метнул тесак из-под локтя левой руки в лицо усатого.

У «десантника» была великолепная реакция, он попытался уйти от броска, но расстояние оказалось слишком мало, и нож вонзился ему в щеку, распорол ее до виска, вырвал кусок мяса и кожи. Послышался вскрик, парень исчез. В то же мгновение двигатель вертолета взвыл, винты набрали обороты, Иван потянул штурвал на себя, и вертолет прыгнул в небо. Мелькнули и ушли вниз мокрые стволы сосен, поляна с палатками закружилась каруселью и скрылась из глаз.

Костров ожидал выстрела, ручья огня, но его не было. «Десантник» исчез, будто его и не было, ошеломленный действиями пилота, от которого он явно не ожидал особой прыти.

— Кто это был? — спросила Тая, глаза которой стали огромными и тревожными. — Что ему было нужно?

— Ему был нужен вертолет, — буркнул Иван, вдруг сообразив, что «десантнику», видимо, действительно понадобился вертолет, а не он сам. — Держись, смотри вниз.

Посветлело настолько, что лесная «шкура» стала отличима от неба, хотя видимость из-за дождя не превышала сотни метров. Вертолет, кренясь, летел к просеке в десятке метров от верхушек деревьев.

Кострову показалось, что стало трудней дышать, сердце заработало тяжело, с перебоями, на глаза набежали слезы... «Терпи! — приказал он себе, стискивая кулаки. — Поздно отступать! Да и не простишь ты себе этого никогда! Терпи, эксперт!»

Он мотнул головой, тяжелой, будто налитой ртутью. Говорить не мог, язык жег гортань, как раскаленный кусок железа. Заныл позвоночник, волна боли прошла по суставам...

— Ах, черт! — воскликнул Костров.

Вертолет подскочил вверх, как поплавок из воды. Стало чуть легче.

— Ниже не опуститься. Тайна! Придется возвращаться.

— Где мы? Я что-то потеряла ориентацию...

— Над проволокой, под нами пост оцепления, кто-то машет руками... Видишь?

Тая с трудом обнаружила провал в лесу и увидела троих, волокущих что-то по траве. Четвертый махал руками: возвращайтесь!

— Левченко! — узнал Костров. — Молодец майор, опередил нас. Они, кажется, вытащили парня без нашей помощи.

Вертолет поднялся выше, боль в голове отступила. Костров

почувствовал блаженное облегчение, вздохнул всей грудью. И вспомнил свою речь о контакте.

— Ну что, не боязно? — спросил он девушку. — Рискнем еще разок? Вдруг получится?

— Рискнем! — отчаянно кивнула Тая. — А как?

Костров засмеялся.

— Я и сам не знаю. Подлетим к их куполу и попробуем мысленно предложить им дружбу.

Вертолет набрал полтораста метров высоты и медленно, словно крадучись, подобрался к заселенной пауками просеке.

Сквозь пелену дождя открылось странное зрелище: кипенно-белое облако в форме конуса придавило лес, возвышаясь над опорами линии электропередачи на добрый десяток метров. Диаметр облака достигал трех километров, края его постепенно редели, растворялись в лесу, смешиваясь с кустами и деревьями. Над конусом всплывал пар, столбом поднимался струящийся от жары воздух. Было в этом зрелище что-то нереальное, чуждое восприятию; человек двадцатого века не встречал еще на Земле ничего подобного. Гармония паутинного конуса потрясала, притягивала и отвращала одновременно. Присутствовал в ней нечеловеческий, чужой и холодный элемент, чужой и холодный расчет. И мороз пошел по коже, когда Костров вспомнил, что творцы конуса — пауки.

— Начали? Думай о пауках, предлагай им, фигурально выражаясь, руку дружбы, а главное — пусть очистят доступ к ЛЭП! Держись!

Вертолет плавно пошел вниз.

Навалилась душная, жаркая тишина, снова боль толчками отозвалась в позвоночнике, в грудной клетке. Костров закрыл глаза и застыл, вцепившись руками в полукольцо штурвала.

Сквозь сомкнутые веки мелькнула бесшумная белая вспышка, потом еще и еще. Проговорила что-то Тая. И вдруг перед глазами Ивана появилось видение: бесконечный лес и белое поле паутины на нем. Оно растет, растет, поглощая лес, пока не останется ничего, кроме искрящегося паутинного покрывала...

— Нет! — крикнул Костров, а может, хотел крикнуть. Он представил себе, как у паутины встречаются человек и паук, но, кроме протянутой руки для дружественного «рукопожатия», выдумать ничего не смог.

В ответ в голове взорвалась бомба недоумения, словно по обнаженному нерву, управляющему приемом сигналов эмоционального состояния собеседника, ударили топором...

Обливаясь потом, Костров упрямо продолжал опускать машину к паутинному конусу, попытался представить рядом человеческий город и паутинный, расположил вблизи от них тепло-

электростанцию. Люди протянули от электростанции к паукам линию электропередачи, построили канал и пустили воду. Костров подождал, сосредоточиваясь и прислушиваясь к своим ощущениям, — грозный звон недоумения и угрозы слегка стих. Тогда Иван быстро «нарисовал» человека, входящего в паутину паучьего конуса, перечеркнул его, потом то же самое проделал с пауком, подползающим к городу...

Ничего не произошло...

Костров открыл глаза, посмотрел на Таю, и в следующее мгновение накатилась волна жуткой, холодной, нечеловеческой тоски и угрозы... Все померкло перед глазами...

«Не поняли! — подумал Костров, на мгновение теряя сознание и тут же выныривая из омута тьмы. — Не поняли! Назад!»

Но назад он не успел...

Ивашура, запыхавшись, выбежал на поляну и быстро оглядел оставшихся.

— Кто полетел?!

— Костров, — тихо ответил Гаспарян.

— Один?

— С журналисткой... Я не успел на минуту...

— Ч-черт! — Ивашура стукнул кулаком о кулак. — Надо было мне с ним лететь...

Из-за деревьев вертолета не было видно, но доносился то нарастающий, то удаляющийся рокот моторов.

Несколько минут прошло в молчании. Потом двигатель вертолета взревел как-то необычно и стих. И тотчас же над лесом в стороне болота встал в полной тишине столб бледного золотого сияния. Вокруг него закружились облака, заиграли сотни крохотных радуг. Потом — люди зажмурились — невероятный золотой водопад огненных стрел хлынул с небес на землю, раздалось громкое ядовитое шипение, пахнуло горячим ветром, озоном...

Сияние над лесом сдвинулось в фиолетовый диапазон. Струна, державшая всех в напряжении, зазвенела сильней, так что все перестали слышать обычные звуки: скрип стволов деревьев, хлопанье брезента палаток, шорохи и журчание воды.

— Что же это? — сказал Гаспарян. — Игорь, что это?

— Всем уходить! — опомнился Ивашура, оглянулся, ища кого-то глазами. — Лейтенант, командуй: всем быстро уходить отсюда к городу, солдатам тоже! Быстро, быстро! Давай команду своим. Чего стоите? — повернулся он к остальным. И было в его голосе что-то такое, от чего все безмолвно кинулись к дороге: Матвеев, Глазунов, шофер, солдаты...

Гаспарян бросился было за ними, но остановился, увидев, что Ивашура что-то ищет у палатки с аппаратурой.

— Игорь, а ты?

Ивашура вырвал из рюкзака кинокамеру, накинул ремень на шею и снова наклонился над рюкзаками.

— Погоди-ка, Сурен.

Гаспарян подскочил к начальнику отдела, тот протянул ему фонарь и ружье.

— Держи. Зови Михаила, пойдем искать Ивана. Кажется, они с Таей упали...

— Миша! — крикнул Гаспарян, и словно в ответ на его крик под ними вдруг загремело, зарычало, земля ударила в ноги, встала дыбом... Людей отбросило к дороге на несколько метров. А в стороне болота показалась над лесом какая-то темная громада, окутанная сеткой молний, стала расти в высоту, пока не достигла низкой пелены туч. Земля снова содрогнулась, низкое рычание вырвалось из ее недр, звук становился все громче, нестерпимее. Тон его повышался, пока не превратился в свист и не ушел в ультразвук. И тогда те, кто еще не потерял сознания от звукового шторма, услышали не то плач, не то скулящий вой, полный ужаса, тоски и безнадежности, — кричали гибнущие пауки...

Часть II

ОДНИ МЫ...

ГЛАВА 1

Сначала пришла боль: кололо в боку, болела голова, ныло правое бедро. Потом пришел звук — тоненький всхлип, повторяющийся каждые полминуты. Но свет не приходил, хотя Иван уже разлепил глаза и таращился во тьму изо всех сил. От напряжения глаза заломило, в них поплыли огненные колеса и светящиеся узоры — иллюзия света.

«Где это я? — вяло подумал он и пошевелил рукой перед глазами, пытаясь разогнать темноту. — Уж не ослеп ли, чего доброго?»

Потрогал веки — целы, но тьма не рассеивалась. Попробовал сесть, и боль сразу накинулась на все тело. Иван охнул, тихо выругался, но все же заставил себя приподняться.

«Вертолет, — пришла догадка, — вертолет разбился, но я остался жив. А Тая?!»

Чувствуя себя так, словно в теле рвались сухожилия, Иван с натугой встал.

— Тая!

Гулкое эхо, словно в сыром склепе.

— Таисия! Где ты?

Всхлипы и тишина. И темнота.

«Никого... Где же я, черт возьми?! В лесу, что ли? Ночью? Не похоже...» Иван сделал шаг. Загремело, будто по каменному полу покатились стеклянные банки.

«Нет, это не лес... Фонарь бы сюда...»

Морщась, потрогал бедро и бок, но на ощупь определить что-то было невозможно, хотя на боку, кажется, вспух здоровенный синяк. Немудрено — сверзиться на вертолете со стометровой высоты!.. Как еще жив-то остался! Но где же все-таки Тая?

— Таисия! — позвал он еще раз. Как в вату. Потоптался на месте, прислушался к хрусту под ногами и равномерному всхлипыванию — шагах в десяти, если судить по громкости звука. Похлопал себя по карманам. Спички! Достал коробок, гадая, как он к нему попал, вспомнил — разжигал костер сутки назад. Сутки ли?

Чиркнул спичкой, язычок пламени раздвинул мрак на несколько шагов. Не ослеп, слава богу! Под ногами белесые бугры, хрупкие, как высохшая молочная пленка. Это от них такой хруст. Паутина... Паутина?! Точно, вот и характерный узор...

Спичка погасла. Иван вынул другую и остановился. Не спеши, эксперт, экономить надобно. Неизвестно, отыщется ли здесь еще коробок... Подумал, проверил карманы более тщательно. В куртке оказались расческа, ручка, носовой платок, записная книжка и конфета, в брюках — нож с выскакивающим лезвием и клок не то от газеты, не то от тетрадного листа. Годится. Свернул в трубочку и поджег.

Колодец! Вернее, что-то вроде круглого колодца диаметром около четырех метров. Стены в густой массе склеившейся и засохшей паутины, пол покрыт слоем той же паутины и сверху другим слоем — белых, как фарфор, полых трубок. Потолка не видать — высоко, выхода тоже не заметно.

Клок газеты догорел.

«Что еще зажечь? Записную книжку жалко, но выхода, кажется, нет. Выхода... Погоди жечь спички, выход можно поискать в темноте».

Он обошел колодец кругом, спотыкаясь о стеклянно звенящие трубки и пробуя стены. «Глухо! Настоящий колодец! Хорошо, что сухой. Неужели его сделали пауки в просеке, а я в него провалился?.. Но почему не видно неба? Тучи?»

Иван зажег свернутый в трубку листок из записной книжки и торопливо осмотрел бок и бедро. Так и есть: на боку громадный

кровоподтек до ребер, на бедре ссадина. Черт с ними, заживут! Выбраться бы отсюда...

Попробовал добраться до стенки колодца сквозь шелушащийся слой паутины. Похоже, камень... или бетон. Как же выбраться? Рубить в бетоне ступеньки? Абсурд!

Иван отодвинул несколько «фарфоровых» трубок и сел, прислонившись к стенке колодца. Задумался, вспоминая последние минуты полета с Таей, но как он здесь оказался, вспомнить не мог. Ясно одно: контакта с пауками не получилось, гипотеза об их разумности не выдержала проверки делом... Иван нащупал в кармане конфету, подумал и съел. «Теперь попить бы не мешало... Пауков попросить, что ли, чтобы воды принесли?..»

В этот миг где-то рядом раздался крик, знакомый крик паука.

Он начался с жалобного завывания, поднялся на тон выше, превратился в визг и закончился хохотом гиены!.. Иван вскочил, забыв про боль в теле, приник к стене, а та почему-то вдруг поехала от него, потом с размаху ударила в лицо, затрясся пол, откуда-то из темных таинственных глубин под колодцем донесся удаляющийся гул.

«Землетрясение, — подумал Иван, вжимаясь в пол всем телом. — Задавит, как червяка, в этом склепе!»

Гул стих, еще раз дернулся пол, и в колодец вернулась тишина.

Костров полежал еще несколько минут, прислушиваясь к тишине. Соленая капля сползла на губы. Он лизнул — кровь...

— Ну вот, — сказал он вслух, садясь спиной к стене и задирая голову. — Теперь и нос разбил...

Посидел в такой позе, дожидаясь, пока остановится кровотечение. Звон в голове утих, и стал слышен знакомый тихий всхлип. Теперь Иван понял, что всхлип этот идет откуда-то из-за стены, как и крик паука только что... Значит, колодец имеет выход... или вход. Но где?

Иван повертел головой, и ему показалось, что он видит какой-то серый прямоугольник на уровне головы. Свет?!

— Да будет свет, сказал кандидат наук... — пробормотал он и встал. Руки нащупали край отверстия, полускрытого пластами паутины.

Свет — если только можно так назвать едва видимое свечение — шел оттуда. Очевидно, землетрясение приоткрыло дверь или окно либо разрушило кладку стены. Однако уходить не хотелось. В колодце было сухо, тепло, безопасно...

«Что это я? — сказал он сам себе. — Неужели труса праздную? Вперед, эксперт! Не хватало, чтобы этот колодец стал твоей комфортабельной могилой!..»

Превозмогая боль, Иван подтянулся на руках, лег грудью на ровный край окна и кое-как протиснулся в щель, образованную

наклонившейся плитой. Дальше шел коридорчик, узкий, как крысиная нора, но короткий. Иван осторожно высунул голову. То ли глаза его окончательно адаптировались к темноте, то ли здесь было светлее, чем в колодце, во всяком случае, он почти разглядел большой и очень высокий — потолка не видно — зал. Определенной формы зал не имел, стены его то смыкались друг с другом под тупым углом, то шли уступами, переходили в гнутые поверхности и плоскости с рядами ниш. Дальний конец зала терялся во мраке, а слева Иван углядел звездообразный пролом или проход, более светлый, чем остальные предметы. Именно через этот проход и сочился сероватый рассеянный свет.

По залу были раскиданы какие-то предметы, кучи мусора или песка — не разобрать, холмы все той же засохшей паутины, а в центре лежала округлая туша с четырьмя свисающими лапами. Иван невольно схватился за нож и сплюнул:

— Тьфу, нечистая сила!

Это был вертолет, вернее, его разрубленный пополам остов с лопастями винтов.

«Ну и абракадабра! Вертолет в зале, я сам в колодце... Чушь какая-то! Где лес, где паучья зона? Где люди, Тая? Гаспарян с Иващурой?..»

Иван прислушался: тишина. Лишь таинственный всхлип доносился из пролома-прохода. Может, выход именно там, где свет?

Костров хотел вылезти из своего коридорчика в зал и вспомнил изречение Козьмы Пруткова: «Попав в незнакомое место — осмотрись». Последуем совету мудреца. Иван осмотрелся и увидел, как в одной из черных ниш зажглись на мгновение и тут же погасли круглые желтые глаза! Мороз всшершавил спину. Млея, Иван вжался в пористую неподатливость своей ниши и пожалел, что, кроме ножа, у него нет никакого оружия.

Сколько пролежал в таком положении, он не помнил. Глаза больше не показывались, все было тихо, вернулось чувство одиночества. Набравшись сил, он тихонько сполз на пол, сжимая в потном кулаке рукоятку ножа. Осмелев, сделал шаг к вертолету. Никого... Тогда он зашагал, нарочно поднимая шум, пиная попадавшиеся под ноги предметы и гулко топая по черному полу. Ответом было только отрывистое множественное эхо. То ли хозяева глаз — пауки? — убрались отсюда, то ли вообще глаза померещились Ивану.

Он на ощупь нашел дверцу кабины вертолета, дернул на себя — безрезультатно.

— Заклинило, наверное. В таком случае зайдем с другой стороны...

Он не заметил, как заговорил вслух.

Дверца с другой стороны была придавлена, зато отсутствовало лобовое стекло кабины. Прекрасно, теперь можно поискать, что там есть внутри...

Порезав палец, он понял, что без света найти что-нибудь полезное будет трудно. Пришлось снова жечь листок записной книжки.

Кабина оказалась покореженной и забитой осколками оргстекла и пластмассы, деревянной щепой, трубками и железными гнутыми листами. «Неужели ничего, что могло бы пригодиться? Стоп! А это что такое? Это же ящичек пилота, выпавший из-под пульта. Что там? Ага, великолепно! Резиновые перчатки, аптечка, пассатижи с отверткой и фонарь!»

Иван жадно схватил фонарь, включил. Яркий сноп света больно резанул по глазам. «Потише, счастливчик, так и ослепнуть недолго! Надо привыкнуть к свету. Но какая удача!»

Порывшись в рассеченной надвое кабине еще полчаса и ничего больше не обнаружив, Иван рассовал «сокровища» по карманам и отошел от останков вертолета. Теперь он чувствовал себя увереннее, в нем проснулся азарт охотника за неведомым, и лишь мысль о Тае мешала радоваться тому, что он жив.

Луч света выхватил из тьмы блестящий черный пол зала, кучи какого-то тряпья, непонятные предметы, похожие на помятые жестяные бочки, железные ящики, банки, цилиндры из белого материала, штабеля блестящих, как ртуть, стержней. Иван похмыкал, пнул ногой серую банку, словно налитую свинцом, потрогал один из блестящих стержней длиной в метр и толщиной в палец, взвесил в руке. Килограммов пять? Явно не из металла, но в качестве дубинки сгодится. Заметил на торце стержня выбитые буквы МК, под ними в ряд цифры 2301... Пожал плечами: кто знает, что за штука? Еще раз огляделся.

Стены зала тоже странные, черные, с красным отливом и все в белых пятнах паутины, а потолок... Иван поднял луч фонаря вверх и присвистнул. Потолка не было! Вместо него на высоте примерно в тридцать-сорок метров клубилась буро-сизая дымная пелена, похожая на дождевое облако.

«Итак, эксперт, соображения по данному поводу? — задал сам себе вопрос Иван. — Соображений нет. Ну а поскольку бесплодное ломание головы только увеличивает шанс умопомешательства, то необходимо что? Правильно, переменить обстановку!»

И зашагал к рваному пролому в стене, откуда в зал просачивались непонятные звуки и слабый сумеречный свет.

Он оказался в длинном помещении с тремя рядами пультов. Как и в оставшемся позади зале, здесь тоже царили запустение и разруха. Изящные, красивые, необычных форм пульты были разбиты вдребезги, на полу валялись горы битой пластмассы и бело-

го стекла, футляры каких-то приборов, знакомые белые и голубые цилиндры и припорошенные пылью метровые пирамиды, серые и монолитные, как бетонные блоки для строительства плотин на реках. Правда, в отличие от зала, потолок здесь был низкий, черный, словно закопченный пожаром. В одной из стен — ряд дверей, противоположная стена целиком из мутного серого стекла.

Иван выключил фонарь, минут десять привыкал к темноте и убедился, что слабый свет сочился именно из-за этой стены. Побродив по гулкому, как подвал, помещению, он потолкался у дверей без ручек, но ни одну из них открыть не смог.

«Может, вернуться и поискать другой выход?» — подумал он. Но идти обратно в мрачный зал с останками вертолета не хотелось. Зато хотелось пить. Интересно, как долго он валялся без памяти в колодце? И что это за странное помещение? Почему он оказался внутри да еще вместе с вертолетом?..

Отвечать было некому. Иван вздохнул, присел на какой-то ящик и снова выключил фонарь. Следовало экономить ресурс батарей. Поразмышляв еще некоторое время, пока глаза привыкали к темноте, он понял: пора что-то делать. Безысходность тайны требовала какого-то активного действия, а не мысленного усилия. Отвлекшись, он забыл о странных звуках, но, сидя в неподвижности и тишине, снова услышал тихие равномерные всхлипы. Тогда он начал искать направление, по которому звуки слышались отчетливей всего, и нашел — внизу у стеклянной стены. Оказалось, что между стеной и полом есть щель, в которую он мог всунуть взятый стержень.

Иван осторожно просунул его в щель, нажал и тут же отскочил.

Что-то щелкнуло, и стена стала крениться в его сторону, пока не повернулась на невидимых осях горизонтально. За стеной открылся серый пыльный коридор, пустой и длинный, уходящий в абсолютный мрак. Иван, подивившись простоте выхода и собственному везению, перебежал в коридор, но стена так и осталась висеть параллельно полу, удерживаемая неведомой силой.

Иван поискал глазами источник света: это был прямоугольный пролом в стене коридора на высоте полутора метров. Иван заглянул в пролом и увидел еще одну комнату, с потолка которой свисала густая бахрома паутины. По всей видимости, и эта комната не заканчивала здания, в котором очутился Иван, потому что и здесь источником света была лишь трещина в стене. Всхлипы в коридоре слышались явственней, но определить, откуда они доносятся, было невозможно. К этим звукам прибавился еще один — еле слышное хриплое дыхание. Иван несколько минут прислушивался к звукам, склонив голову к плечу, не нашел в них

ничего угрожающего, но машинально взвесил в руке дубинку. Приключение затягивалось, и пришла уверенность — впереди еще много сюрпризов и открытий. Во всяком случае, Иван точно знал, что это не сон.

Поколебавшись, в каком направлении идти, он выбрал путь к свету — в коридор можно было вернуться в любой момент. Иван влез в пролом, покачал головой. Стена была толщиной в метр. Интересно, чем можно пробить в ней аккуратную двухметровую дырку? И в это время где-то зловеще закричал паук — длинный, с завываниями крик, закончившийся визгливым лаем! От неожиданности Иван дернулся вперед и вывалился с другой стороны стены на что-то живое и мягкое. Новый крик, человеческий!

Чьи-то кулаки ударили Ивана в грудь, забарабанили по лицу!

Он поймал эти кулаки, рявкнул:

— Отставить! С ума сошел?!

Человек перестал кричать и вдруг заплакал. Женщина?!

— Вы?.. Вы?.. Я думала... Кто вы?

Иван встал, нашел выпавший фонарь и зажег свет. Перед ним сидела, скорчившись, вжимаясь в стену... Тая! По ее перемазанному сажей и пылью лицу текли слезы, оставляя светлые дорожки.

— Тая?!

Девушка перестала плакать, подняла голову. Иван поспешно отвел луч фонаря в сторону, потом направил вверх.

— Ив... Ив-ван? — заикаясь, недоверчиво спросила она. — Ты жив? О господи! — И бросилась к нему на шею, целуя, плача, приговаривая: — Ванечка! Хороший мой!.. Живой!.. Ванечка...

Успокоилась она, только когда поблизости снова заорал паук. После крика из неведомых глубин здания донесся гул, вздрогнули стены, задрожал пол...

Они стояли, обнявшись, еще несколько минут, ожидая удара или грохота падающих стен. Потом Тая опомнилась и высвободилась, а Иван, спохватившись, выключил свет. Они сели, и девушка поведала ему свою короткую одиссею.

Очнулась она, как и Костров, в полной темноте, неподалеку от вертолета. Долго сидела неподвижно, потом решила обследовать комнату, но не закончила, потому что закричал паук...

— С тех пор и сижу здесь, — закончила она с дрожью в голосе и как бы случайно дотронулась до руки Ивана. — Как ты думаешь, где мы?

— Не знаю, — вздохнул Костров. — Я видел больше, но знаю столько же, сколько и ты. Где, ты говоришь, оставила вертолет?

— Там... — Тая взяла руку Ивана и указала направление. — У стены.

— Где?! — удивился Иван. — Вертолет здесь, в этой комнате?

— Ну да, почему ты удивляешься?

— Потому что я оставил его в большом зале.

Иван встал, включил фонарь и увидел у стены смятый корпус вертолета. Подойдя ближе, потрогал металлический корпус ротора, отдернул руку. Чепуха какая-то! Он точно помнил, где остался лежать вертолет, — в зале без потолка.

Иван молча передал фонарь подошедшей девушке и попытался открыть дверцу кабины — вертолет стоял на носу. Это удалось ему с третьей попытки, и, порывшись в кабине, он вытащил еще один ящичек из НЗ пилотов. Разложив на ящике те же предметы, что и полтора часа назад, он тупо уставился на них.

— Что с тобой? — тихо спросила Тая.

Иван молча достал из кармана отвертку, пассатижи, перчатки и аптечку и положил рядом с кучей таких же вещей.

— Понимаешь?

Тая отрицательно покачала головой.

— Я тоже. Получается, что было два вертолета! Откуда взялся второй, если мы летели вместе в одном?

Помолчали. Где-то далеко кто-то всхлипывал и хрипло дышал — доносились звуки, уже привычные и ускользающие от сознания. Накатило и отхлынуло чувство одиночества, заброшенности в глубинах чудовищного подземного города... Рядом стояла Тая и ждала его решения.

— Ладно, пригодится, — сказал Иван. — Потом разберемся. Возьми фонарь и аптечку, остальное мне. Ну что, пошли?

— А куда? — понизила голос Тая.

— К свету, — решительно сказал Иван. — Нет беды, у которой не было бы конца. Не бесконечен же этот пещерный город?

ГЛАВА 2

Через полчаса они выбрались во второй коридор, уходящий, казалось, в бесконечность что направо, что налево. Этот коридор освещался слабым мертвенно-синим светом: светились надписи на некоторых дверях. Они ровным рядом прорезали одну из стен коридора. По толстому ковру пыли Иван подошел к ближайшей двери и с недоумением уставился на светящуюся надпись.

Шрифт был какой-то странный — легкий, стремительный и красивый, и от этого русские буквы казались чужими. Впрочем, некоторые буквы и в самом деле мало напоминали буквы русского алфавита.

«Стой! — вещала надпись. — Входить без ТФЗ запрещено! Сброс координат!»

Буква «Щ» написана как латинская «W».

Иван осмотрел другие двери. Надписи на них были такими же

или еще лаконичней: «Опасно! Не входить!», «Стой! Не входить!» и просто «Не входить!».

Иван оглянулся на Таю и встретил ее недоумевающий взгляд. «Черт возьми, где мы? — с оторопью подумал он. — Что это за здание? Старый заброшенный завод по переработке чего-нибудь радиоактивного? Чушь. Такие заводы не бросают... Тогда что же? Подземные выработки? И что делать дальше?»

— Пойдем по коридору, — сказал он хрипло и откашлялся. — Куда-нибудь да придем.

Но прежде чем выступить в поход, они привели себя в порядок. У Ивана это заняло минуту, у Таи — пятнадцать. Одета она была по-походному: сапожки, джинсы и джемпер под зеленой штормовкой. Иван был экипирован примерно так же.

Коридор был широкий, как улица, и высокий. В стену слева равномерно через каждые тридцать шагов врезались громадные черные двери с одинаковыми металлическими полосами по центру, с надписями и без них. Стена справа была серая и шершавая, вероятно бетонная, потолок блестел как стекло, в нем карикатурно отражались их фигуры. Пол коридора был покрыт слоем пыли толщиной в палец. И лишь спустя час Иван обратил внимание на следы на этой пыли. Кто-то проходил здесь, большой и грузный, в ботинках пятидесятого размера с рубчатой подошвой, но с тех пор прошло уже порядочно времени — следы были припорошены пылью.

Иван невольно перехватил в руке свой «лом» и посветил вперед. Коридор равнодушно уходил вдаль, сходясь где-то в километре от них в точку.

— Мы отмахали уже километра четыре, — сказал Иван. — И конца этому не видно. Это, вероятно, штрек какой-то шахты. Будь мы в здании, мы бы давно вышли на волю.

— Может, нужно идти в другую сторону? — предложила Тая. Она уже обрела былую свою уверенность, и между ними снова установилось расстояние «приличного тона и благовоспитанности». Иван вспомнил объятие девушки, нежное тепло ее губ на щеке и вздохнул.

— Нет, пойдем вперед, — сказал он. — Возвратиться мы всегда успеем, а заблудиться здесь негде.

Снова потянулись минуты, скучный пыльный пол под ногами, однообразный ряд дверей. Прошел час, второй, в начале третьего Иван решил сделать привал и тут заметил, что следы, по которым они шли, повернули к одной из дверей, исчезли за ней. Тот, кто проходил по коридору задолго до них, вошел в дверь. Надписи на этой двери не было.

— Так. — Иван смахнул пыль с пола у бетонной стены и сел, хлопнув ладонью рядом. — Располагайся, перекурим.

Тая села, со вздохом прислонилась к стене. Улыбнулась в ответ на его понимающую улыбку.

— Устала чуть-чуть.

Он придвинулся к ней ближе, осторожно обнял за плечи и привлек к себе. Девушка положила ему голову на плечо, и они замолчали.

Иван закрыл глаза, вспоминая подробности своего пробуждения.

Обычная, нормальная человеческая логика во всем этом отсутствовала. Объяснений, как они с Таей оказались внутри таинственного здания или подземелья, также не отыскивалось. В том, что этого здания в Брянском лесу не было и не могло быть, Иван не сомневался, а вот насчет подземелья следовало подумать. Ведь построили же пауки шатер высотой в полсотни метров! Может быть, и подземный город они вырыли! Вертолет упал и провалился под землю...

Иван усмехнулся. Мозг искал самые простые пути решения, самые привычные. Но ведь вертолетов было два! Откуда взялся второй? И эти многокилометровые коридоры... Не могли пауки проделать под землей штреки такой длины за две недели! Да еще и заполнить комнаты подземелья битым оборудованием непонятного назначения. Не могли!

Тишина стала угнетать. Стихли тонкие всхлипы и дыхание. Тишина стояла напряженная, сулящая новые каверзы. От нее звенело в ушах, и хотелось разбить ее криком.

— Двинулись? — шепнул Иван на ухо Тае.

Девушка послушно встала.

— Пошли, а то что-то не по себе... Снова в том же направлении?

Иван кивнул и подошел к двери, у которой кончались следы размером чуть ли не в полметра каждый. Попробовал толкнуть дверь — безрезультатно. Ручек не было, и потянуть на себя было не за что. Иван потрогал металлическую полоску, потом снова налег на дверь изо всех сил. Внезапно что-то тоненько свистнуло, и дверь медленно втянулась в металлическую полоску, которая тут же исчезла, будто растаяла в воздухе.

Иван отступил на шаг, но ничего не случилось. За дверью стыл абсолютный мрак, такой густой, что казалось, его можно черпать горстями. Иван включил фонарь, направил его луч внутрь и изумленно прищелкнул языком. Луч света бесследно терялся в черноте за дверью, словно это черное нечто поглощало его полностью, не рассеивая и не отражая.

— Яма? — спросила Тая, подходя сзади.

— Не похоже. Ни пола не видно, ничего... Видишь, даже луч не виден! Чертовщина какая-то!

Иван постоял, поворачивая фонарь во все стороны, но луч света освещал все в коридоре и ничего — за дверью.

— На, брось. — Тая протянула Ивану ключ. — От квартиры, у меня остался запасной.

Иван взвесил ключ в руке и бросил в темноту, как в воду. Томительная секунда, другая, и вдруг — удар! Стены и пол коридора дрогнули, по потолку промчался стремительный ручей голубого света, где-то раздался знакомый паучий вопль, снова удар, за ним — тяжкий гул, сотрясающий все здание...

Иван толкнул Таю на пол, упал рядом и прижал девушку к себе.

Гул стих. Еще раз по потолку коридора пронесся ручей света. Вернулись тишина и неподвижность.

— Все-таки мы, похоже, под землей, — спустя несколько минут сказал Иван, поднимая голову. — В каком-то подземном лабиринте, в сейсмически активной зоне. Похоже на землетрясение...

Тая тихонько засмеялась и села, отряхивая пыль с куртки.

— А я думала, что это из-за ключа.

Иван тоже засмеялся, глянул на дверь и осекся. Дверь была закрыта, и на ней светилась надпись: «Внешняя переходная зона хронопровода. Опасно для жизни! Не входить! Не открывать!»

Они шли уже шестой час подряд с небольшими остановками на отдых. Коридор не кончался, однообразный, как тоннель метро. Примерно раз в час раздавался гул и тряслись стены и пол, причем каждый раз это предварялось длинным тоскливым паучьим криком, то далеким, то близким, хотя сами пауки не показывались.

Обнаружились еще следы, тоже припорошенные новым слоем пыли, скорее всего, собачьи, а может, волчьи. Животное бежало во встречном направлении, потопталось у двери с надписью «Смотровой колодец» и побежало обратно. Иван пробовал открыть и эту дверь, но, как и в прошлый раз, открыть — открыл, но ничего не увидел: теперь за дверью была белая мгла, похожая на молоко, луч света увязал в ней, как в плотном тумане.

Правая стена казалась монолитом, но все же они нашли в ней свежую трещину, не настолько широкую, чтобы протиснуться в нее, но достаточную, чтобы заглянуть. За стеной располагался треугольный зал с круглой дырой люка в потолке, сквозь которую в зал сочился тусклый желтый свет и доносились уже знакомые звуки: всхлипы, пыхтение и какой-то непрерывный шелест.

— Все! — сказал Иван и стукнул стержнем о пол. — Пойдем назад. Все-таки с той стороны подземный мир разнообразнее.

Тая молча кивнула и облизнула сухие губы. Она устала, хотела пить и есть, и призрак голода поманил Ивана из темноты костля-

вым пальцем. Пить и есть было нечего, а до пролома в стене, через который они проникли в этот коридор и который таил хоть какую-то надежду, было не меньше двадцати пяти километров — пять-шесть часов ходьбы.

— Там впереди что-то лежит...

Иван оглянулся, напрягая зрение, и далеко по коридору, там, где сходились его стены, увидел какой-то предмет, холмик. До него было с километр, идти туда не хотелось смертельно, однако они нашли в себе силы преодолеть усталость и дойти до холмика. Им оказалось тело лежащего ничком человека в защитном френче и в ботинках пятидесятого размера.

Иван оглянулся на спутницу, перевернул незнакомца и отпрянул. Девушка вскрикнула, зажимая рот ладонью.

Лицо незнакомца представляло собой кровавое месиво, а в груди зияла выжженная дыра величиной с кулак. Вспомнился пистолет, стреляющий факелом огня. Не результат ли выстрела из него — дыра в груди?

— Кто его... так? — прошептала Тая.

Костров угрюмо оглядел коридор, но следов борьбы не увидел. Человека просто убили двумя выстрелами в упор, он явно не ожидал нападения.

Превозмогая брезгливость, Иван обшарил карманы убитого, но ничего не нашел, кроме махорочных крошек и пожелтевшего листка газеты с датой: 11 ноября 1942 года. Оглянулся на Таю.

— Может, возьмем его мундир?

— Ни за что! Я до него даже не дотронусь!

— Тогда поворачиваем.

Они направились обратно к началу коридора, откуда начали свое путешествие, но смогли продержаться на ногах лишь два часа. Дальше идти у Таи не хватило сил. Тогда Иван решил хоть немного поспать, устал он тоже изрядно, да и есть хотелось просто зверски. И не шел из головы убитый незнакомец в мундире времен Второй мировой войны.

— Как ты думаешь, за что его убили? — сонно спросила Тая, которую мучили те же вопросы.

— За дезертирство, — ответил Иван, снимая с себя куртку. — Если бы я знал, где мы находимся...

Постелили на полу у стены куртку Ивана, легли и накрылись зеленой штормовкой Таи. Девушка уснула мгновенно, доверчиво прижавшись к Ивану и положив голову ему на грудь. Несмотря на усталость, Иван долго не мог заснуть. Так и лежал, обнимая Таю, чувствуя пьянящую близость горячего девичьего тела и какую-то восторженную нежность к этой красивой умной девушке, сумевшей сохраниться неизбалованной в век быстрых знакомств и расставаний без сожалений. Ему нравилось, как она го-

ворит, ходит, улыбается, нравилось, что она понимает все с полуслова, не жалуется на усталость и голод, что она доверчива, как ребенок, и при всем при том умеет вести себя в любой обстановке. Но Иван не знал, какие чувства испытывает к нему Тая. Она была ровна, дружелюбна — и только. Несколько часов в этом странном мрачном подземелье сблизили их больше, чем две недели у паучьего конуса в Брянском лесу, но что будет дальше? Иван гадать не хотел. Не удержавшись, он коснулся волос девушки губами и уснул, готовый защищать ее от любого врага.

Проснулся он от боли во всем теле. Тая спала в том же положении, ее волосы щекотали его шею. Он осторожно переменил позу, посмотрел на часы: прошло всего два часа. Оглядел пустой коридор — никого — и тут же снова уснул. И даже ежечасный гул и дрожь пола не могли их разбудить. Лишь через пять с половиной часов он проснулся окончательно.

— Ты знаешь, — сказала Тая, поворачиваясь к нему лицом, — мне было так уютно и тепло! И снилось, что ты меня целовал.

— Мне тоже, — пробормотал Иван, разминая затекшую руку.

— Что тоже? — Тая засмеялась. — Что уютно или что целовал?

— Ничего не снилось, — с сожалением признался он. — Но я бы не отказался...

Она мгновение смотрела ему в глаза, потом наклонилась, быстро поцеловала и тут же вскочила.

— Вставай, соня! Проспишь с тобой все на свете! Я такая голодная, что, если ты еще раз уснешь, я тебя съем.

Немного приободрившись, они снова тронулись в путь, стараясь не вспоминать мертвеца в коридоре. Конечно, Иван мог отбиться от любого вооруженного бандита, а то и двух-трех, но о серьезном сопротивлении группе профессионалов с огнестрельным оружием, не говоря уж об их странных пистолетах-лучеметах, не могло быть и речи. Оставалось уповать лишь на скорую разгадку подземного феномена да на счастливый случай. Почему-то Костров был уверен, что «десантники» бродят где-то по другим коридорам и труп в этом коридоре — дело не их рук. Приключение с Таей перестало казаться Ивану романтическим, но изменить что-либо было не в его силах.

По их расчетам выходило, что они провели в залах и тоннелях подземелья уже более семнадцати часов. На воле — где именно, Иван представлял смутно, скорее всего в Брянском лесу, — была, должно быть, ночь.

Вскоре они нашли знакомый пролом в стене, сквозь который выбрались в коридор. Иван первым полез в темноту, держа наготове свою дубинку.

Вертолет, из которого выпала Тая, был на месте, ничего в этой комнате не изменилось. А вот вертолета Ивана в зале без потолка

не оказалось. Иван обыскал весь зал до самых глухих тупиков, но не нашел следов.

— Все! — сказал он горестно. — Я больше ничему не удивлюсь! Присниться он мне не мог, потому что вот фонарь из него, а утащить его отсюда невозможно, в пролом и щели он бы не пролез. Может, пауки разрезали его на части?..

Тая молчала. Ей было не по себе, и она то и дело посматривала на подрагивающую серую пелену, нависшую над залом вместо потолка.

Снова выбрались в комнату с пультами, потом в первый коридор, более узкий, чем тот, по которому отшагали с полсотни километров в оба конца. Этот коридор пострадал гораздо больше и местами был завален обломками рухнувших стен или останками каких-то непонятных аппаратов или машин. Двери здесь шли группами то с одной, то с другой стороны и почти все были распахнуты, открывая взору разгромленные комнаты, залы, клетушки и боксы. В одной из комнат им впервые повстречался паук, перепугавший Таю. Он выпрыгнул из угла, светя глазами, вбежал на холм белых цилиндров, скрипуче крикнул, вернее, даже не крикнул, а кашлянул, и исчез в какой-то щели, прежде чем Иван успел что-нибудь предпринять.

Тая отпустила плечо Ивана, виновато посмотрела на него.

— Знаешь, я, наверное, к ним не привыкну. А глаза, ты видел его глаза?

Я проснулся в ночной тишине,
И душа испугалась молчания ночи.
Я увидел на темной стене
Чьи-то скорбные очи.

Иван продекламировал стихи и грустно посмотрел на девушку.

— Что-то скорби в них я не заметила, — фыркнула Тая. — Ты любишь Блока?

Иван улыбнулся.

— А кто его не любит?

— Я отношусь к нему спокойно. Но тебя понимаю.

— Если говорить об очах, то мне, честно говоря, больше нравится Заболоцкий:

Ее глаза — как два тумана:
Полуулыбка, полуплач...
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач...

Тая задумчиво и удивленно посмотрела на Ивана, но ничего не сказала.

Они миновали ряд темных комнат и, не сговариваясь, одновременно приникли к длинной трещине, пересекающей стену ту-

пика наискось. Еще один зал с грудами каменных обломков, металлических предметов, цилиндров, но главное — с двумя длинными узкими окнами, через которые в зал вонзалось золотистое, без теней, сияние. И еще. Знакомые всхлипы в этом зале усилились до громкого и гулкого шипения, словно за стеной выпускали пар из котла, то закрывая, то открывая вентиль.

— Выход? — полуутвердительно сказал Иван. — Но как туда добраться? В щель нам, пожалуй, не протиснуться.

Он попробовал действовать стержнем как рычагом, но с таким же успехом можно было пытаться пробить стену голой рукой.

— Черт, не везет! Отдохнем?

Тая задумчиво побродила по комнате, рассматривая разбросанные по полу непонятные предметы. В дальнем углу она остановилась и включила фонарь.

— Иван!

Костров встал с глыбы не то камня, не то керамики с вкраплениями сверкающих шариков и подошел к девушке.

Луч света выхватил из тьмы колодец глубиной в десяток метров. На дне колодца лежали чьи-то кости, зеленовато-желтые и словно отполированные.

— Что здесь происходит, Ваня? — дрожащим голосом спросила Тая. — Куда мы попали?

Иван не успел ответить. Тяжкий удар потряс здание, качнулись стены, дрожь пола вошла в позвоночник через ноги. Вскрикнула Тая, едва не свалившись в колодец: Иван успел удержать ее за полу куртки. Снова удар и новая волна вибрации. Сквозь стихающий гул доносились далекие тревожные крики.

— Я боюсь! — шепотом сказала Тая, касаясь губами уха Ивана. — Этот страшный лабиринт, коридоры, комнаты... эти взрывы... Ваня, может, нас захватили какие-то пришельцы и увезли на свою планету? Я читала в одном рассказе...

Иван заставил себя рассмеяться, хотя ему было не до смеха.

— Чудачка ты моя, мы на Земле, а скорее всего, под землей. Пришельцы не стали бы писать на дверях по-русски.

— Русский-то он русский, но шрифт не очень русский... О, смотри! — воскликнула вдруг Тая. — Кажется, мы теперь сможем выбраться в тот зал!

Щель в светлый зал стала шире в полтора раза, сейчас даже Иван мог протиснуться в нее, не рискуя застрять.

Через минуту они были в зале, пробились между грудами обломков и мусора и подбежали к окнам. То, что открылось их взорам, они увидеть не ожидали...

Окна выходили наружу в стене колоссального здания, крылья которого плавно заворачивались полукольцом по гигантскому

радиусу вправо и влево и терялись за горизонтом, а на высоте около трех сотен метров над котловиной, заполненной золотистым маревом, постепенно становились прозрачными и исчезали! В центре котловины сияние было особенно сильным, и марево там истаивало в темном небе струями свечения, оранжевыми и малиновыми полосами. Оттуда доносились глухой рокот, равномерное щипение пара и густое астматическое дыхание.

Завороженные страшной картиной, Иван и Тая простояли полчаса, разглядывая котловину с золотым светящимся туманом, стены здания, уходящие вверх на громадную высоту и в стороны по кругу, с рядами окон и похожих на черные кляксы пятен.

— Да! — сказал наконец с чувством Иван. — На Землю это мало похоже! Но пришельцы — чушь!

— Что тогда? — тихо спросила Тая. — Где мы, по-твоему?

Иван промолчал, и они с новым вниманием принялись рассматривать ландшафт с высоты в двести метров.

— Под нами вроде бы лес, — неуверенно сказал Иван. — Спуститься бы... Но как?

— Если это здание, то должны быть лифты или лестницы. Поищем, а не найдем — вернемся сюда и будем думать снова.

Иван поколебался, поглядывая на шапку светящейся субстанции в котловине, и решительно направился в глубь зала.

— Не отставай и смотри под ноги, тут колодцев хватает.

Голод и жажда, мучившие их уже более полусуток, несколько притупились, уступив место волне возбуждения и надежды.

ГЛАВА 3

Им повезло — этот коридор не был бесконечным. Уже через полчаса он вывел их в круглый зал, пронизанный в центре трубой диаметром около трех метров. С одной стороны в трубе располагалось окно или дверь из толстого матового стекла. За стеклом ничего нельзя было разглядеть, хотя Ивану показалось, что он видит какую-то объемную решетчатую конструкцию.

— Лифт, наверное, — сказал он, постучав по стеклу и прислушиваясь к тонкому хрустальному звону.

Зал был совершенно пуст, весь в пятнах какой-то краски или копоти. Пыли здесь оказалось меньше, но это не могло скрыть следов, пересекающих пол в разных направлениях. Здесь были следы округлые и овальные, маленькие и большие, принадлежавшие собакам и другим животным, но были следы, заинтересовавшие Ивана, — человеческие. Проходили двое, причем босиком. Эти следы выходили из стеклянной двери лифта, как Иван назвал трубу в центре зала, и заканчивались у двери с металличес-

кой полоской: в зале таких дверей было две. Проход из коридора, через который они проникли в зал, так и остался открытым.

Иван попробовал открыть дверь, но одна из них приотворилась на мгновение и снова захлопнулась, а вторая, свернувшись и растаяв, открыла за собой темный провал с наклонными металлическими балками, на которых кое-где сохранились ступеньки и даже целые марши лестницы. Спуститься по ней без спецснаряжения было невозможно.

— Да-а, — протянул Иван, посветив вверх и вниз. — На веревках кое-как можно спуститься... — Он замолчал. В шахте лестницы родились какие-то звуки: далекий визг, удары и уханье, перекрывшие прежние шумы — шелест, потрескивание, шепчущее эхо... Отзвуки жизни... Внизу кипела активная жизнь, явно отличающаяся от тишины и неуюта этого мертвого горизонта.

Иван перестал светить вниз и поставил фонарь так, чтобы свет рассеивался стеной зала.

— Что будем делать дальше?

Они посмотрели друг на друга. Тая держалась бодро, но была бледна, под глазами легли тени, лицо осунулось. Иван невольно потрогал суточную щетину на щеках, усмехнулся. О бритве, видимо, надолго придется забыть.

— Надо спускаться на землю, на первый этаж, — сказала Тая. — Здесь все мертво.

— И не соблюдается элементарная демографическая установка, — подхватил Иван. — Нет достаточного для проживания количества пищи, одежды и жилья... У меня была конфета, но я ее съел. А норма для человека таких габаритов, как я, — три тысячи восемьсот килокалорий в день!

Тая красноречиво проглотила слюну, и они одновременно засмеялись. О килокалориях можно было только мечтать.

Решили поискать в ближайших комнатах хоть что-то напоминающее веревку. Пути вниз, на уцелевшие марши лестницы, не было.

— Эх, работал бы лифт! — вздохнул Иван, обойдя трубу с дверями. — Раз! — и мы внизу. — Он стукнул стержнем, с которым не расставался, в поющее стекло и заорал: — Сезам, откройся! Я кому говорю?! — И застыл с открытым ртом.

Дверь вдруг покрылась световой сеткой и бесшумно рухнула на пол грудой стеклянных кристаллов.

— Вот те на! — хмыкнул Иван, глядя на представшую взору кабину. — Неужели я потомок Соловья-разбойника?

Кабина была собрана из решеток, сквозь которые виднелись стены лифтового колодца, и освещалась мигающим голубым светом из невидимых источников.

Тая заглянула внутрь кабины, но Иван, опомнившись, оттащил ее в сторону.

— А если застрянем, кто поможет?

Тая пожала плечами.

— Как-нибудь выберемся. Голова у тебя имеется?

Иван молча повернулся и первым вошел в кабину, предварительно испытав прочность ее белого чистого пола. Слева от двери он увидел ряд темных окошечек. Одно из них светилось, но высвечивало не цифру этажа, а какой-то непонятный значок в виде стрелы, пересекающей два кольца.

— Мы здесь, — ткнул он пальцем в окошечко.

— По логике у тебя была, наверное, пятерка, — с веселыми искрами в глазах предположила Тая.

Иван сделал вид, что не заметил в ее словах иронии.

— Где же у них нижний этаж? Вдруг здание уходит под землю?

— Я тоже об этом подумала.

— Но если судить по той высоте, на какой находится мертвый наш этаж, то здесь явно не хватает кнопок: их должно быть не меньше сотни, а тут всего десяток.

— Может, высота этажей не везде одинакова?

— Все равно что-то тут не так. — Иван оглянулся. — Рискнем?

Тая не опустила взгляда. «Что нам остается?» — понял ее Иван.

— Заходи, цепляйся за меня.

Они встали в центре кабины, Тая обняла Кострова сзади, и он тронул самое нижнее окошечко. Раздался двутональный гудок, заставивший их вздрогнуть, но кабина осталась на месте.

— Так. Наверное, на нижний этаж лифт не идет. Попробуем на второй снизу.

Снова резкий сигнал — и никакой реакции лифта.

— Может быть, механизм испортился? — робко предположила Тая. — Видишь, и дверь рассыпалась...

Иван хмыкнул:

— Может быть... может быть, это и не лифт вовсе.

Над рядом окошечек он увидел буквы ТФ и ряд цифр — 2301, подумал, что где-то уже видел эти цифры, причем недавно. Где именно?.. Вспомнил, поднял стержень и прочитал на торце буквы и цифры: «МК-2301». М-да, если бы к этим цифрам и буквам были еще и поясняющие надписи...

Иван нажал ближайшее к светящемуся окошечко, и в тот же миг на них обрушилась тяжесть, едва не свалившая с ног. Тяжесть быстро прошла, наступила невесомость, отчего Таю затошнило, она вскрикнула, уцепилась за Ивана, напрягшегося как при падении. Но и невесомость прошла быстро, сладко ныли

мышцы тела, голова казалась пустой и звонкой, потрескивало в ушах, во рту появился сладкий привкус.

Окошечко, на которое надавил Иван, светилось, и на нем были нарисованы другие знаки: контур человеческой ладони, а под ней дефис и цифры: «10 000».

— Приехали, — с облегчением сказал Иван. — Наверное, лифт сверхскоростной, с дикими ускорениями. Теперь поищем выход.

Они вышли из лифта в кольцевой зал и поняли, что лифт действительно перенес их на другой горизонт здания.

Запах здесь стоял, как в зверинце. Зал некогда был отделан под розовый мрамор, но пол его был усеян птичьим пометом и так истоптан, что потерял первоначальную окраску. Впрочем, помет оказался не птичьим. Как только Иван включил фонарь, под потолком зала раздался тонкий писк, захлопали крылья, и стая летучих мышей ринулась в глубь мрачного коридора, исчезнув в темноте.

— Так и поседеть недолго! — сказала Тая со смешком, не спеша отпускать локоть Кострова. Тот прижал палец к губам.

— Тише!

Где-то далеко послышался странный звук — рев трубы с плачущим отголоском, который повторился еще и еще. Затем донеслись крики какой-то птицы, хруст ломающихся ветвей, лай, и все стихло.

«Жизнь! — подумал Иван с некоторой тревогой. — Карабин или хотя бы ивашуринское ружье не помешали бы...»

— Выключи свет, — посоветовала Тая.

Постояли, привыкли к темноте. Постепенно стали различать отсвет на стене зала, но коридор, в котором исчезли летучие мыши, остался заполненным полнейшим мраком. Иван оглянулся и сжал плечо девушки. Дверь лифта была цела, и сквозь нее было видно, как в трубе проносятся сверху вниз цепочки голубых огней, словно воздушные пузыри в воде. Промчались, и лифт снова стал темен и нем.

Они осторожно обошли трубу. Свет шел из другого коридора, дверь из полупрозрачного коричневатого материала лежала на полу и была смята как тряпка. Коридор, тоже истоптанный грязными следами, вскоре вывел путешественников в просторное помещение без окон и второго выхода, но с дырой в человеческий рост, по-хозяйски прикрытой листом полированного металла. Из щели между листом и стеной бил желтый луч света и тянуло холодом.

Иван подбежал к щели, уперся стержнем и с натугой откинул тяжеленный лист, упавший, как чугунная чушка весом в полтонны. В лицо хлынули желтый свет, морозный свежий воздух и

волна незнакомых запахов и звуков. Снаружи в нескольких шагах начинался заснеженный лес, над которым пылало желтое зарево... Завороженно глядя на лес, Иван шагнул было к дыре, но остановился, заметив необычность проделанного в стене прохода.

Дыра была пробита из помещения наружу каким-то мощным энергетическим выхлопом — лазерным, плазменным или иным, и расплавленный металл стены, застыв, образовал полупрозрачную корону из острых зубцов и нитей метровой длины.

Оглянувшись на Таю и встретив ее вопрошающий взгляд, Иван попробовал ногой прочность короны — держит — и выбрался из помещения первым.

Они стояли на снегу у стены здания, поднимавшегося над ними на недосягаемую высоту. Вершина терялась в небе где-то на высоте не менее полутора километров, а насколько оно простиралось в длину, можно было только гадать.

Мороз был несильным, около пяти-шести градусов, но путешественники были одеты не по-зимнему и долго выдержать даже такую температуру не смогли бы.

— Снег! — тихо проговорила Тая. — В сентябре — снег!

— Это там был сентябрь, — так же тихо сказал Иван. — В Брянском лесу. А перед нами — не Брянский лес.

Узкая полоса свободной от деревьев земли отделяла стену здания от стены чужого, застывшего в настороженном молчании леса. Снег был разрисован звериными следами, особенно в том месте, где вышли Иван с Таей. Видимо, именно через этот лаз проникли в здание животные и летучие мыши. Сквозь неумолимый далекий рокот и ритмичное шипение доносились иногда крики птиц, треск ветвей и взлаивающий рев. Земля тряслась мелкой дрожью. Тая первой обратила внимание на это — внутри здания дрожь не ощущалась.

Иван крепче сжал свою дубинку, взял за руку девушку.

— Пошли, иначе замерзнем.

— А куда идти?

— Все равно куда. Пойдем в сторону зарева, может, встретим людей, да и что-нибудь из еды поищем. Назад вернуться успеем всегда, здание видно издалека.

Тая зябко поежилась, но не возразила, хотя было видно, что идти ей никуда не хочется.

Лес был в основном лиственный: береза, ольха, верба, реже встречались осина и тополь, но попадались и сосны. Иван обратил внимание на то, что у многих берез обломаны ветви и содрана кора, а снег рядом утоптан громадными следами — круглыми, как тарелка, размером с полметра.

— Медведь? — робко спросила Тая, с опаской разглядывая следы.

Иван нагнулся, понюхал воздух.

— Не похоже, и пахнет псиной.

Неподалеку раздался рев пополам с надсадным кашлем. Тая вздрогнула, посмотрела на Кострова. Тот застыл, прислушиваясь.

— Странный крик, — сказал он медленно. — Где-то я слышал его раньше... Кажется, в зоопарке. По-моему, так кричат рассерженные слоны.

— Слоны?! Откуда они здесь?

Иван промолчал: он знал столько же, сколько и Тая. К тому же его больше занимали мысли о еде, потому что желудок уже в который раз напоминал о себе.

Дальше пробирались молча, утопая в снегу по щиколотку, реже по колено. Набрели на рябину, сохранившую несколько кистей ярко-алых ягод. Съели по пригоршне, хотя челюсти сводило от кислоты и горечи. Тая захватила несколько гроздей с собой — все же какая-никакая, а еда. Иван заел ягоды снегом, вспомнив, что давно хочет пить.

Через полчаса заметили впереди просвет между стволами берез, ускорили шаг. Иван пролез под ветвями разлапистой ели, вышел на край поляны и замер. Посреди поляны стоял... мамонт! Гигантское буро-коричневое тело, крутой лоб с выпуклыми надбровьями, загнутые двухметровые бивни, хобот, вытянутый в их сторону... Мамонт смотрел на застывших людей, пошевеливая ушами и словно размышляя, что с ними делать. Мрачный вид и неподвижность нежданных гостей, видно, успокоили его. Мамонт фыркнул, повернулся к людям боком и стал рыться хоботом под снегом, извлекая пожухлую траву и закидывая ее в пасть.

Совсем близко раздался короткий визгливый рев, мамонт вздернул хобот и ответил лающим криком.

Тая потянула Ивана за рукав, и они обошли поляну порядочным крюком. Остановились отдышаться под поваленным тополем.

— Мамонты, — сказал Иван, отогревая Таины пальцы в руках. — Вымершие, насколько я знаю, около десяти тысяч лет назад. Это шерстистый мамонт, живший в верхнем плейстоцене около тридцати тысяч лет назад.

— Что будем делать дальше, капитан?

Тая с сомнением посмотрела на стержень в руке Ивана, и ее спутник понял ее взгляд. «Против мамонта с этой палкой не пойдешь, — говорили глаза девушки. — И кто еще встретится?»

— Пробежимся? — предложил Иван. — Хоть согреемся.

Они побежали, проваливаясь в снег.

Местность заметно понижалась — начался, очевидно, спуск в ту котловину, которую они увидели из окна сверху. Бежать было все легче, словно они теряли в весе. Заметив это, Иван замедлил

бег. Деревья становились ниже, тоньше и почти все, будто под напором ветра, наклонялись вершинами в сторону центра котловины. Здесь было светло как днем, но свет был какой-то странный — золотистый, не дающий теней.

Тая тоже заметила перемены в окружающем ландшафте и посматривала на Ивана искоса, ожидая его решения. Наконец деревья пошли в рост человека, поредели, и впереди показалась голая снежная равнина до горизонта. Иван остановился, глядя на золотую сияющую пелену в половину небосклона. Рокот исходил из этой пелены, иногда оттуда доносились более громкие басовитые удары, вызывающие заметные колебания земли. После каждого удара над золотым заревом вставал факел белого пламени и расплывался сияющим зонтиком, из которого начинал идти золотой дождь, тускнеющий до малинового свечения. Чтобы слышать друг друга, здесь приходилось повышать голос.

— Мне кажется, туда идти опасно, — сказала Тая.

Иван и сам думал о том же. Он заметил, что по снежному полю метет поземка — в безветрии! Причем она пульсирует — то усиливается, то ослабевает, и в такт этим пульсациям из золотой бездны долетает густое шипение, словно там на гигантскую раскаленную жаровню ритмично льют воду.

— Ты, безусловно, права, — сказал Иван. — Туда мы не пойдем. — И вдруг сжал руку Таи до боли. — Смотри!

В сотне метров от них катился из леса черный ручей. Он распался на струи, осмысленно обтекающие кусты и деревья, и, не сбавляя скорости, понесся по снежному полю. То были пауки!

Через несколько минут поток пауков иссяк и вскоре исчез в снежной коловерти. Иван опомнился и отпустил руку девушки. Они молча посмотрели друг на друга. У обоих мелькнула одна и та же мысль: это был мир пауков или кто там они были на самом деле, и люди попали в него случайно. «Но где этот мир? — подумал Иван. — Под землей Брянского леса или?.. Впрочем, что значит «или»? Мы же трезвомыслящие люди, надо просто найти правдоподобное объяснение всему этому безобразию! Самое простое объяснение... самое простое... Сон? Бред? Господи, насколько это тривиально! Я же уверен, что не сплю...»

— У меня замерзли ноги, — совсем тихо сказала Тая.

Иван очнулся, огляделся по сторонам и направился в глубь леса.

— Сейчас, Тая, потерпи чуток. Разведем костер и согреемся.

Костер дымил и стрелял искрами, но горел.

Сухостоя в этом лесу не было, лишь иногда встречались сухие ветки, обломанные мамонтами, поэтому Иван нарезал ножом

живых ветвей с берез и тополей. Таю он усадил на лапник, благо сосны и ели росли рядом с костром.

Вскоре они согрелись, и, если бы не сосущее чувство голода, настроение было бы значительно лучше.

С небес продолжал литься на землю приятный золотистый свет, почти не дающий теней. Глухо клокотал неведомый вулкан, дрожала земля. Где-то продолжали трубно перекликаться мамонты, а один раз донесся пронзительный визг дикой свиньи и утробное уханье не то зверя, не то птицы.

Они молчали. Говорить было не о чем. То, что с ними случилось и что происходило вокруг, пересекло горизонт восприятия необычного, душевных сил на постоянное удивление не хватало, да и физические убывали с каждым часом. Иван со страхом подумал, что может свалиться без сил прежде, чем они найдут пищу. Приключение затягивалось, и надо было беспокоиться о будущем, не надеясь на скорое возвращение из необычного плена или на чью-нибудь помощь.

— Помыться бы, — сказала вдруг Тая грустно. — В бане. Я грязная, как замарашка. А у теток такая прекрасная баня!

— Не мешало бы, — согласился Иван. — Кстати, слово «баня» в переводе с тюркского означает: изгонять боль и грусть.

По лесу раскатилась частая дробь, словно кто-то стучал колотушкой по стволам деревьев. Иван повернул голову, но не двинулся с места. Снова деревянная дробь, затем вскрик, шум, возня, рычание...

Иван вскочил, настороженно прислушался к шуму борьбы.

— Наших бьют. Помочь, что ли?

Тая не улыбнулась шутке.

Глухие удары, топот, треск сучьев, снова рычание, и все стихло, доносилось лишь ставшее привычным далекое громыхание.

— Посиди, я сейчас. — Иван подумал, взвесил в руке стержень и отдал его Тае. — Держи на всякий случай. Пойду посмотрю, что там за возню устроили.

Тая только кивнула, сил возражать у нее не было. Лицо девушки еще больше побледнело, нос заострился, губы потрескались. У Ивана сжалось сердце, он вернулся, поцеловал ее в щеку, отчего девушка виновато улыбнулась, и быстро направился в сторону источника недавнего шума.

Через несколько минут он вышел на вытоптанную мамонтами тропу и увидел необычного зверя, похожего на льва и на тигра одновременно. У него была короткая желтоватая шерсть, мощные лапы и великолепные клыки, которыми он разрывал плоть небольшой лошади. Зверь повернул к Ивану окровавленную морду, прянул ушами и низко рыкнул, как бы предупреждая: не мешай, прошу по-хорошему!

Несколько минут они смотрели друг другу в глаза, потом тигролев еще раз рыкнул и принялся доедать добычу. Иван отступил за ствол березы и вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб. У него был нож, но считать его оружием против зверя было невозможно.

Через четверть часа тигролев насытился, оглянулся на человека, словно приглашая к трапезе, и гордо удалился прочь, ступая тяжело, но бесшумно и мягко. Вскоре в той стороне раздался тревожный вопль мамонта. «И все же на тигра он не похож, — подумал Иван, выжидая. — Скорее лев, пещерный лев, но без гривы. Где-то я читал, что у пещерных львов не было гривы... и таких клыков... разновидность какая-то. Но откуда он здесь? Впрочем, оттуда же и мамонты. Это их мир, и пришельцы в нем мы, а не они...»

Подождав еще несколько минут, Иван подбежал к убитой лошади и торопливо вырезал несколько кусков мяса из нетронутых лодыжек и крупа.

Тая ждала его стоя, судорожно сжимая в руке стержень и напряженно прислушиваясь к новому звуку: повизгиванию и поскуливанию в десятке шагов от костра. Иван успокаивающе погладил ее по спине, шагнул в сторону звуков и рявкнул:

— Пшел вон!

Кто-то шарахнулся по кустам, потрещал ветками, и все стихло.

Иван невольно засмеялся, бросая мясо на снег.

— Выходит, мы не самые слабые в этих краях. Наверное, собака...

Они жарили ломтики конины, насаженные на прутья, и ели, обжигаясь. К этому рациону не хватало хлеба и соли, но оба понимали, что им, возможно, предстоит еще привыкать и к сырому мясу, чтобы остаться в живых. На помощь рассчитывать пока было нечего...

ГЛАВА 4

Несмотря на то что в этом страшном мире стоял вечный желтый день, их потянуло ко сну: биологические часы организма были настроены на привычный двадцатичетырехчасовой цикл. В лесу спать было холодно, да и небезопасно — костер еле горел, а у них даже не было зимней одежды.

— Придется идти спать в крепость, — сказал Иван, вскидывая глаза на стену здания, нависшую над ними. — Там хоть тепло, а повезет — так и уют найдем.

О том, что по зданию где-то, возможно, бродят «десантники», убивающие людей, он старался не думать.

Тая согласилась. Она была сыта, сил заметно прибавилось, к тому же на настроение благотворно влиял небольшой запас жареного мяса, завернутый в бересту и отягощавший карманы куртки Ивана. На пути к зданию они встретили мамонта, обгладывавшего кору березы. Мамонт был косматый и явно ниже первого. Один бивень у него был сломан, и мамонт дрожал крупной дрожью, что было заметно даже сквозь густую бурую шерсть.

— Замерз, бедняга, — пожалела его Тая.

Иван отрицательно покачал головой.

— Они не боятся холода, тут что-то другое. Может, заболел.

Постояли, глядя на гиганта с явным сочувствием. Ветер донес издалека долгий тоскливый вой. Мамонт вздернул голову, хлопнул ушами, прислушался и молча подался в чащу, оставляя на кустах и ветках деревьев клочья шерсти.

— Паук? — нерешительно спросила Тая.

— Не похоже, крикунов тут достаточно и без пауков. Пойдем, незачем ждать приключений.

Они пробрались сквозь кустарник к стене здания — странно пятнистой, ячеистой, с рядом слепых черных пятен. Никаких дверей видно не было, а окна начинались метрах в двадцати от земли и, насколько хватало глаз, все были целые, без трещин и пробоин. Эти проемы Иван называл окнами больше по привычке, на настоящие окна они походили мало.

— Наверное, мы уклонились от дыры, — пробормотал Иван. — Поищем? Она должна быть недалеко.

Тая первой двинулась вдоль стены. Эксперт с невольной жалостью посмотрел на ее короткие сапожки. Тая часто проваливалась в снег до колен, и ноги, наверное, были совершенно мокрые. Как и у него, впрочем.

Они прошли около километра. Ячеи сменились выпуклостями, окна то пропадали совсем, то шли длинными рядами, а входа все не было. Пока шли, было тепло, но стоило остановиться, как холод возвращался под одежду... Посмотрели друг на друга и повернули обратно. Не успели пройти несколько десятков шагов, как впереди вдруг бесшумно отъехала в сторону часть казавшейся монолитной стены, и на снег вылился черный ручей. Снова пауки!

Тая подалась назад. Иван поспешил закрыть ее телом, поднимая вверх руку с дубинкой. Но паукам было не до них: ни один не свернул в сторону и не посмотрел на замерших людей. По снегу они передвигались так же быстро и плавно, как и по твердой земле, словно скользили по нему на невидимых лыжах, и, лишь приглядевшись, можно было заметить, как работают их членистые ноги. Странные это были пауки. И не потому, что размеры их превышали размеры любого паука на земле. Было в них нечто от

гибкости змей, и от механической равномерности и целеустремленности машины, и что-то еще — неуловимое изящество геометрических форм, запах мысли и опасности, что всегда отличало живое от неживого...

Ручей пауков исчез за деревьями, на снегу остался только странный дырчатый след, непохожий на след живого существа. «Противоречие, — подумал Иван. — В них много и от живого, и от неживого...» Он вспомнил — дверь! И потянул Таю за собой.

— Бежим.

Через несколько секунд они оказались в здании, и тут же блок стены совершенно бесшумно и без помощи каких-то видимых механизмов стал на место и закупорил проход. Наступила темнота и тишина. Иван зажег фонарь и зажмурился от брызнувших со всех сторон искр.

Они стояли в ледяном гроте — таково было первое впечатление. Слегка наклонные стены — в пластах хрустального, с белыми прожилками льда, сводчатый потолок — сплошной искрящийся слой снега со льдом. Однако это был не лед. Материал стен грота был теплым и щипался электричеством. Лишь пол не создавал иллюзий насчет своей основы — металл, похожий на хромистую сталь.

— Тепло, но слишком жестко, — сонным голосом сказала Тая.

Было видно, что дальше идти ей смертельно не хочется, но право решения она оставляла мужчине. Иван невольно улыбнулся.

— Ты права, к тому же здесь шастают пауки. Поищем более укромное убежище, и вообще у меня идея — попробовать выйти на другую сторону здания.

У Таи загорелись глаза, но тут же погасли.

— Мы же пробовали в коридоре, помнишь?

— Плохо пробовали. Но отложим поход на утро...

Иван не договорил. Где-то внутри здания родились шорохи и скрипы, гулко ударил невидимый гонг. Стены грота стали потрескивать, искриться. Иван выключил фонарь, но темнота не наступила, они были окружены призрачным холодным сиянием стен. Шорохи приблизились, распались на дробное постукивание сотен быстрых ног.

Иван затравленно огляделся — бежать было некуда — и отступил, насколько смог, с середины грота к стене. В ту же секунду дальний тупик грота раскололся щелью, из которой выкатился знакомый черный поток пауков. Пахнуло свежестью и эфиром.

Бесшумно отошел в сторону блок выхода наружу, передний отряд пауков выкатился на снег, а остальные равнодушно бежали следом, не обращая внимания на людей. Они бы так и проскочили мимо, но Тая вдруг пошатнулась. Иван едва подхватил ее на

руки. Последний из замыкающих колонну пауков замедлил бег и остановился, обернувшись к ним блюдцами глаз и приподняв переднюю пару лап. Иван опустил Таю и угрожающе поднял свое оружие. Паук, казалось, раздумывал, что делать, потом вдруг испустил тонкий лучик света, ощупал им фигуры людей, повернулся и припустил за своими собратьями. Блок выхода встал на свое место, потемнело. Сияние уходило в глубь стен, запах озона исчез.

Иван снова включил фонарь, с тревогой глядя на Таю. Девушка побледнела еще больше, глаза ее лихорадочно блестели. «Не заболела бы!..» — озабоченно подумал он.

— Сможешь идти?

— Наверное, смогу, но куда?

Иван повел лучом фонаря и нащупал плечо Таи. Проход, через который пауки проникли в грот, остался открытым. Гадать, почему он открыт, было некогда, и они побежали, хотя Иван признался себе, что у него сил почти не было. Что же говорить о Тае?

Они выбежали в обширный зал, занятый какими-то громадами, словно покрытыми черным лаком. Одна из них тихо, как трансформатор, гудела, и над ней крутились фиолетовые огоньки. Запах здесь стоял странный — сладкий, с привкусом мяты и полыни. Пол в зале напоминал черное стекло и был теплым, почти горячим на ощупь, зато потолок отсутствовал, как в том зале, где Иван оставил вертолет. Вместо потолка на высоте полусотни метров колыхалась сизая дымная пелена.

Тая подумала, села на пол и сняла сапожки.

— Снимай и ты... тепло, согреемся.

Иван послушно снял свои когда-то щегольские фирменные сапоги и остался в мокрых насквозь шерстяных носках. Вскоре ноги и вправду согрелись, приятное тепло растеклось по всему телу.

У них хватило сил поискать нишу между одной из темных машин и стеной зала, постелить многострадальную куртку Ивана и лечь. Оба уснули почти мгновенно и не слышали, как гудящая громада в другом конце зала трижды со странным звуком выпускала из своего чрева потоки пауков...

Спали они семь часов по часам Ивана, а проснувшись, не сразу вспомнили, где они и почему так тверда их постель.

В зале было все так же тепло, только теперь гудели и потрескивали уже четыре громады. В глубинах пола пробегали длинные голубые искры, а иногда целые дорожки непонятных символов и цифр.

Иван сделал зарядку, погладил порядком подросшую щетину на подбородке и перехватил взгляд Таи.

— Что, хорош?

Тая улыбнулась.

— А борода у тебя темная, не рыжая, как волосы. Что будем делать, капитан?

— Сначала — завтракать. — Иван вытащил ломти мяса. — Потом пойдем искать противоположную сторону здания. А что, есть другие варианты?

Тая пожала плечами и стала надевать высохшие сапожки. Иван с трудом натянул свои.

Через четверть часа они вышли в путь с новой надеждой на успех. Ивану пришло на ум изречение Бэкона: «Надежда — хороший завтрак, но плохой ужин», — однако он не стал высказывать его вслух.

Выход из зала нашелся быстро. Их было несколько — многометровые арки в толще стен. Пройдя арку, путешественники вышли на узкий балкончик, опоясывающий обширную шахту, которая уходила вниз на неизвестную глубину. Верх шахты исчезал в колышущейся синеватой пелене. Иногда внизу что-то остро посверкивало, и мимо балкона пролетали снизу вверх какие-то полупрозрачные бесплотные тени неуловимых глазом очертаний.

Они посмотрели минут пять-шесть и вернулись в зал. Второй выход — узкий лаз в темноту — вывел их в затхлый каменный мешок, где они нашли светящийся человеческий скелет. Часть ребер отсутствовала, будто их вырвали фрезой. Перед глазами встал труп человека в мундире с дырой в груди. Путешественники посмотрели друг на друга и поспешили отогнать безрадостное видение. Ситуация окончательно перестала нравиться Ивану.

Снова вернулись в зал. Иван обошел его по периметру, высвечивая каждую впадину, и обнаружил в центре колодец с белыми скобами, уходящими в темноту. Колодец был снабжен толстой прозрачной крышкой, в глубине которой светились буквы ТФМ и непонятный значок в виде стрелы, перечеркнувшей круг. Крышка была откинута.

— Влезем в какую-нибудь канализацию! — пробормотал Костров, глядя на светящиеся буквы. — Но выхода нет. Все арки ведут на балкон, а узкие трубки — в колодцы с костями. Смотри, снова те же буквы... Интересно, что они обозначают? Знаешь, мне пришла мысль, что здесь ходили люди.

— Через этот колодец?

— Не только. Вспомни лифт, разрушенную лестницу, двери, да и этот колодец с нормальной лестницей... Паукам все это не нужно: скобы, ступеньки, двери, широкие коридоры... Значит, строили здание люди?

— Логично. Но где же они? Почему встречаются только следы да пауки, непонятно как ворвавшиеся в Брянский лес?

Иван задумался, но мысль, которая, казалось, все объясняла, ушла, спряталась в ворохе впечатлений. Делать было нечего — следовало проверить, куда ведет этот колодец. Иван попробовал прочность первой скобы и полез в глубину. Опустившись на высоту своего роста, он неожиданно уперся ногами во что-то упругое. Посветил фонарем вниз, но увидел лишь продолжение колодца. Тем не менее ноги упирались в упругое препятствие, совершенно невидимое.

— Что там? — Шепот Таи отразился от стен странной трубы звонким дребезжащим эхом.

— Не понимаю... не пускает. Ничего не видно, но под ногами словно резиновая подушка.

Иван попробовал прочность «подушки», пару раз подпрыгнув, — держит.

— М-да, кажется, и здесь нам не пройти. Влипли.

— Подвинься, пожалуйста, я тоже попробую.

— Я вылезу.

— Нет-нет, одна я боюсь.

Тая забралась в колодец, и в тот же момент крышка люка бесшумно закрылась за ними, чуть не придавив Ивану пальцы. Прозрачная преграда под ногами засветилась призрачным зеленым светом, свет собрался в облачко и превратился в пылающие буквы и цифры: «ТП-22 000».

— Мембрана семь, — раздался снизу четкий мужской голос с едва заметным акцентом. — Спуск в пределах хроноперехода. Рекомендуется инкриентная ориентация и псивеллинг.

Через несколько секунд буквы погасли, а затем неизвестная упругая субстанция, на которой стоял Иван («Силовое поле», — мимолетно подумал он), стала опускаться. Костров автоматически ухватился за скобы, но те поехали под руками с той же скоростью, что и невидимое дно. И вдруг наступила невесомость!

Тая тихо вскрикнула от неожиданности и выпустила из рук фонарь. Иван чуть не выронил свой фонарь — тоже от неожиданности: показалось, что они сорвались и полетели вниз, в глубину колодца. Но скобы были под руками, ветер не свистел в ушах, ничего не изменилось, кроме ощущения потери веса.

Падали недолго: упругая сетка поймала их и мягко опустила на твердый пол. Иван перестал поддерживать Таю.

— Не ушиблась?

— Только испугалась и, кажется, потеряла фонарь.

— И мой что-то погас.

Иван повозился, фонарь вспыхнул, но свет его был не так ярок, как прежде.

— Батареи сели, что ли?

Они висели на скобах в том же колодце! Казалось, до крышки вверху можно было достать рукой, но Иван, вытянув левую руку, встретил упругое сопротивление. Явление повторилось со знаком минус: сначала они не могли опуститься вниз, теперь не могли подняться наверх.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Не больше твоего. О, смотри!

Вверху над их головами беззвучно таяли в воздухе светящиеся цифры: «—40 000».

— Здесь своя жизнь и своя техника. Одно знаю твердо: на Земле пока нет ни такой техники, ни таких зданий. Мне кажется, что мы еще не видели и тысячной доли того, что здесь есть.

— Не хочешь же ты сказать, что мы не на Земле? — жалобно проговорила Тая.

Иван попробовал нащупать ногой «подушку», но не нашел.

— Не знаю. Надо выбираться из здания, тогда все станет ясно. Кажется, теперь можно спуститься ниже. Я пойду первым.

Они снова начали спускаться, осторожно пробуя скобы, хрупкие с виду, но прочные, как будто из стали. И оказались... в решетчатой кабине лифта с распахнутой дверью! Дверь вела в знакомый круглый зал, похожий на тот, что окружал лифт, вынесший их в зимний лес с мамонтами.

Три выхода в темные коридоры, два из них — в старой пыльной паутине, третий вел в длинный зал с непрозрачными окнами и дверью.

— Метаморфозы на грани помешательства! — пробормотал Иван. — Похоже, мы уже под землей, я потерял ориентацию. Как ты думаешь, в какой стороне двор со снегом?

Тая беспомощно пожала плечами.

— Я тоже запуталась.

Они осмотрели сначала левый коридор, узкий и холодный, из него несло плесенью и сыростью, потом тот, что вел в длинную комнату с окнами. Иван уже имел опыт открывания дверей, разделенных металлической полосой, но на этот раз его усилия были тщетными: дверь лишь на мгновение отогнула край и тут же встала на место. Правда, они успели заметить золотистый купол неба — двор с мамонтами находился за этой дверью.

Иван прекратил попытки открыть упрямую автоматическую дверь и махнул рукой.

— Нам пока там делать нечего. Зато совершенно ясно, где расположена внешняя сторона нашей тюрьмы.

Они углубились в оставшийся коридор, широкий, но сырой, с застоявшимися лужами на грязном полу. Стены коридора были

серые, с цветными разводами, и в них местами торчали концы ржавых мокрых балок, с которых капала вода.

В коридоре было тихо, пусто и мрачно, как в могильном склепе, лишь звуки падающих капель рождали дребезжащее эхо, вязнувшее в толще казавшихся бетонными стен.

Иногда откуда-то из неведомых глубин здания волнами накатывала дрожь, сначала слабо, потом все сильней и сильней. По лужам разбегались круги, разбиваясь в интерференционной картине, с потолка падали комки и отслоившиеся пластинки бетона. Дрожь усиливалась до такой степени, что у них начинали стучать зубы и в позвоночник, шею, грудь, в голову проникала жаркая боль. Потом дрожь уходила в пол, убывала, исчезала совсем, и в коридор вновь возвращалась капельная тишина.

Через полчаса стало понятно, что коридор тянется бесконечно, как и тот первый, сухой и пыльный, по которому невольные разведчики протопали около полусотни километров. Иван не терял направления, пока они шли, и теперь выходило, что слева — внутренняя сторона здания с ровным золотым светом, а справа — внешняя, конечная цель их поисков. Но добраться до нее не представлялось возможным: в этом коридоре не было ни окон, ни дверей, ни трещин. Надо было возвращаться. И тут Иван поймал-таки мысль, не дающую ему покоя.

— Постой... — сказал он, останавливаясь, — мы же спустились на этаж ниже...

Тая непонимающе посмотрела на него.

— Ну и что?

— А то, что мы не могли видеть дневной свет, так как опустились «по мембране номер семь» ниже поверхности земли.

— Что же мы тогда видели?

— Проще вернуться и посмотреть еще раз.

Тая с гаснущей надеждой посмотрела вперед: коридор, непропорционально, нечеловечески длинный, подавляющий своей загадочной необходимостью тем, кто его строил, как и все в этом здании, уходил в сырую угрюмую тьму, навевавшую уныние и страх.

Фонарь светил совсем тускло, пришлось выключить его и включать периодически, чтобы не наткнуться на стены. В зал с лестницей они вышли мокрые, как после дождя, и Тая вслух посетовала, что это не тот зал, где можно было обсушиться, просто сидя на полу.

Иван еще раз попытался открыть упрямую дверь в сыром и длинном зале с рядом слепых окон. Напрасно. Тогда он обошел зал кругом и нашел проход в соседнее помещение, замаскированный свисающим покрывалом серого цвета. Покрывалом оказалась паутина, мокрая и грязная. Иван сбил ее стержнем на пол

и, посвечивая под ноги, прошел в квадратную комнату с бугристым скользким полом и сочащимися сыростью стенами.

— Б-р-р! — содрогнулась Тая, выглядывая из-за его спины. — Все-таки это, наверное, подвал. Пошли наверх, там хоть сухо и тепло.

Иван, не отвечая, подошел к серому пятну справа на стене, с минуту разглядывал его и вдруг ударил по нему ногой. Раздался отчетливый хруст, пятно распалось и осыпалось кусками, обнажая дыру в стене с воротником из расплавленного материала стены. В комнату хлынул водопад знакомого золотистого света. Иван сбил остатки паутины, потрогал гладкую поверхность воротника и присвистнул.

Золотое зарево на горизонте не изменилось, как и рокот, идущий оттуда. Но вместо снега и лиственного леса перед изумленными путешественниками открылась болотистая низина, ограниченная слева опушкой дикого леса, состоящего из знакомых деревьев — лиственницы, секвойи, бука наряду с незнакомыми — не то пальмами, не то древовидными папоротниками. Справа низина переходила в зеркало воды, отражающее огненно-желтый световой шатер на горизонте.

— Ничего не понимаю! — пробормотала Тая. — Выходит, мы не под землей?

— Выходит, что так.

Иван первый вылез на край полупрозрачного воротника, окружающего дыру, осмотрел его и хмыкнул.

— Ну и силища! Представляешь мощь удара, способного пробить метровую бетонную стену, да еще так аккуратно! Кому-то очень хотелось выйти именно здесь, да и в первый раз тоже. Лезь осторожнее, не зацепись, края очень острые.

Они ступили на густую траву, скрывающую кое-где камни и утонувшие в земле стволы и ветви деревьев. Ветер донес из близкого леса волну приятных запахов и гулкие отголоски необычного эха.

— Может, не будем заходить далеко? — нерешительно спросила Тая. — Там кто-то ходит...

— Да я и не собираюсь, но вдруг там ходят люди?

Иван поднес руку рупором ко рту и крикнул:

— Эгей! Люди! Есть кто живой?

У опушки леса колыхнулись кусты, донесся удаляющийся топот и частый треск, в высокой жесткой траве, напоминающей осоку, зашуршало, захрустело и плюхнулось в воду. Возня в лесной чаще на минуту прекратилась, потом снова все пошло своим чередом: этот мир жил своей сопящей, чавкающей, шуршащей жизнью, и плевать ему было на пришельцев.

Они все же отважились на вылазку в глубь леса, по направлению к дымно-золотистому факелу на горизонте. Пробираться по

чаще было довольно трудно, лес здесь стоял старый, полный умерших древесных исполинов, многие из которых Иван никогда не видел — ни в жизни, ни на фотографиях и рисунках. Все живое в радиусе двух десятков шагов пряталось от них, и все же они пару раз успели заметить каких-то мелких зверьков, убегающих в траву, а у расколотого надвое, почерневшего двухметрового пня увидели неторопливо уползающего в чащу питона.

Вскоре вышли на край пустыря, заросшего жесткой травой и камышом, уходящего километров на пять к светящемуся золотому столбу тумана. За полосой камыша шла совершенно свободная от растительности черная пустыня, над которой стлался странный сиреневый туман.

— Не пройти, пожалуй, — сказал Иван. — Торфяные гари...

И они побрели назад, обуреваемые противоречивыми чувствами: любопытством и жаждой определенности, желанием поскорей выбраться домой, к людям. А уже неподалеку от циклопической стены здания наткнулись на группу... первобытных охотников! Те вышли на поляну и замерли, глядя на так же опешивших Ивана и Таю.

Трое. Один волосатый, запахнутый в шкуру, с копьем — впереди, двое с палкой на плечах, на которой висела туша какого-то животного, — сзади. Одинаковые лица с широкими приплюснутыми носами, низкими челюстями. Неандертальцы? Кроманьонцы? Питекантропы?..

— Гы-у! — рявкнул вдруг вожак, опомнившись, повернулся и кинулся наутек. Двое соплеменников бросили наземь свою поклажу и сыпанули следом. Шум, скулящий вскрик — и тишина.

Иван дернул Таю за руку, и они побежали было своей дорогой, но Иван тут же сообразил, что случай снова пришел им на помощь, и вернулся к брошенной охотниками добыче. Тая отвернулась, когда он начал вырезать мясо из рогатой туши, но дремучие инстинкты, напомнившие о бренности человеческого тела, помогли преодолеть брезгливость и отвращение к мясницкому ремеслу. Они оторвали от Ивановой куртки подкладку и завернули в нее мясо. Через несколько минут выбежали к стене здания, отыскали дыру, похожую издали на зрачок исполинского глаза, опушенного перламутровыми ресницами, и залезли внутрь.

В кольцевом зале с выходом на лестничную площадку передохнули, поглядывая друг на друга. Наконец Тая сказала:

— Кто это был? Синантропы?

— Что не обезьяны — точно, — сказал ей в тон Иван.— Может, синантропы, может, питекантропы, не разбираюсь. Homo erectus[1]. Предки, одним словом.

---

[1] Человек прямостоящий *(лат.)*.

— У меня голова идет кругом! Ведь это... это... Питекантропы жили по крайней мере двести тысяч лет назад! И потом — куда подевался зимний ландшафт с мамонтами?

Иван покачал головой и ничего не сказал. В памяти всплыли цифры, что высветились над ними, когда они спускались по скобам в колодце «мембраны номер семь»: «—40 000»... Что это за цифры? Кто их зажег и что они означают?

— Может, я сплю, Ваня? — вдруг всхлипнула Тая.

Иван погладил ее по руке, легонько прижал к себе.

— Тогда мы спим оба.

Пол под ними завибрировал, качнулись стены зала, где-то с грохотом рухнуло что-то тяжелое, и вслед за этим далеко-далеко отозвался паук: тоскливый, с переливами, переходящий в свист крик...

ГЛАВА 5

После часового отдыха решили все-таки отыскать дорогу к противоположной стороне здания, выходящей, по идее, на «Большую землю».

Для начала тщательно обследовали другой коридор и анфиладу комнат вдоль внутренней стены здания с выходами на двор, но обнаружили только ржавые обломки каких-то машин, заросшие плесенью и паутиной колодцы и кучи белых цилиндров — все это в грязи, мокрое, сочащееся водой, зловонное и больное. Очевидно, весь этот горизонт здания был сырым и нездоровым, никого живого, даже пауков, здесь не встретилось. Проходов к внешней стене здания Иван с Таей не нашли.

— Придется, наверное, подниматься, — сказал Иван, с тревогой посматривая на фонарь — тот уже еле светил. — К тому же мы скоро лишимся света.

Тая виновато шмыгнула носом.

— Сама не знаю, как выпустила из рук свой фонарь.

Иван задумчиво похлопал по карманам, достал отвертку, повертел в пальцах. Хмыкнул, достал из другого кармана плоскогубцы и перчатки и принялся рыться в остальных карманах. Потом озадаченно посмотрел на девушку.

— Странно... Я, кажется, посеял второй комплект пилотского инвентаря. Помню, что положил в правый карман...

Он снова начал обшаривать карманы, но Тая мягко остановила его.

— Ну зачем нам это, Ваня? Хватит и того, что осталось. Вот фонарь действительно жаль. У меня предложение: давай рискнем и опустимся еще ниже, в подвал.

— Мы уже опускались в подвал, а очутились... здесь.

— Ну и что, просто колодец «мембраны» попался такой — вывел нас не вниз, а в другую сторону.

— Ну, положим, я этого не заметил, но, с другой стороны, подняться мы всегда успеем. Ищи люк с крышкой.

Знакомый люк с полупрозрачной крышкой и надписью «ТФМ» удалось отыскать через час в сухом металлическом бункере с сильным запахом озона.

Они опять начали спуск по знакомым скобам, готовые к любым неожиданностям, и двумя метрами ниже произошло то же, что и два часа назад: приятный голос мягко предупредил, что это «мембрана сорок один, спуск в пределах хронопереходa, рекомендуется инкриентная ориентация и псивеллинг», потом было падение в черный колодец, волна тепла по телу, и в результате оказалось, что они держатся за скобы в том же положении, в каком их застала невесомость, а над ними медленно гаснут в темноте красные цифры: «—220 000».

— Минус двести двадцать тысяч... — пробормотал Иван. — С ума можно сойти! Или я на грани сумасшествия, или...

— В прошлый раз было минус сорок тысяч...

Тая судорожно вздохнула.

— Знаешь, Ваня...

Он подождал продолжения, но Тая молчала. Тогда он включил фонарь и увидел слезы в расширенных глазах девушки.

— Ну что ты, маленькая, — пробормотал он, поднявшись на две скобы выше, и погладил ее по волосам. — Что ты, не надо, ведь я с тобой.

Она глубоко вздохнула несколько раз.

— Уже все прошло... Извини. — Она улыбнулась. — Я, наверное, неженка, да?

— Ты молодец! Хорошо держишься! Не думал, что ты такая сильная. Хочешь, я спою тебе хриплую песню?

Иван дребезжащим голосом запел: «Ты моя королева...»

Тая снова улыбнулась, благодарно прижала его руку к щеке и вытерла слезы.

— Спасибо, Ваня. Вдвоем с тобой мне не страшно... вернее, страшно, но не так...

Ваня засмеялся.

— Вот и прекрасно. Вдвоем мы выкрутимся, вот увидишь. Не может быть, чтобы нам никто не встретился из людей... живых людей. Как сказал бы Миша Рузаев: «Не может быть, чтобы Ванька помер, он нам еще должен». — Иван осекся. Где в этот момент Рузаев, он не знал.

Они спустились по скобам вниз и оказались в кабине открытого лифта, ждущего их в стандартном круглом зале, похожем на

те, что они уже проходили. Иван задержался в коробке лифта, подождал, пока спустится Тая, и успел увидеть, как пространство колодца над ним сжалось в линию и исчезло. Дыра в потолке кабины подернулась чем-то вроде льда и спустя несколько секунд заросла, будто ее и не было.

Этот зал был сух и покрыт холмиками тонкого оранжевого песка. В нем тоже было три двери: одна смята ударом в складку, две другие завалены холмами мусора.

Они обошли зал, но следов, указывающих на то, что этот зал посещали до них, не обнаружили. За изувеченной дверью открылся треугольный низкий тоннель, скорее даже лаз, потому что идти по нему можно было, только согнувшись в три погибели. К тому же песка в нем было наметено гораздо больше, чем в зале. Но выбирать не приходилось — остальные двери были до половины засыпаны холмами странного разноцветного хлама, обрывками проводов и каких-то пакетов.

Около полусотни метров прошли нормально, но дальше тоннель повернул под прямым углом, песка в нем прибавилось, и пришлось встать на четвереньки. В иной обстановке Иван, может быть, и повернул бы обратно, но, во-первых, впереди забрезжил слабый свет, а во-вторых, возвращаться не хотелось: какое-то внутреннее чутье подсказывало, что впереди их ждут интересные находки.

Последние метры до выхода из тоннеля пришлось ползти на животе. Иван добрался первым и высунул голову из узкой щели между потолком тоннеля и слоем наметенного песка.

Он увидел круглую комнату с широкой трубой в центре, барханы песка, из-под которых высовывались тонкие гибкие хлысты, похожие на усы экзотического ракоскорпиона. Комната освещалась хорошо знакомым желтым светом, льющимся сквозь горизонтальные щели в стене под потолком.

— Ну что там? — прошептала Тая, дергая его за ногу.

Иван наконец выбрался и встал, подавая руку спутнице.

С минуту они осматривались, прислушивались к новым звукам: вою ветра за стеной, приглушенному бормотанию, скрипам и шорохам. Обошли комнату, стараясь не притрагиваться к ярко-красным усам — было в них что-то пугающее, живое и неживое одновременно.

Щели в стене шли примерно на высоте двух с половиной метров. Иван попробовал допрыгнуть, но песок гасил усилие прыжка. Тогда пришла идея подставить спину Тае. Девушка кое-как взобралась на плечи эксперта и заглянула в узкую десятисантиметровую щель.

— Кажется, мы снова не попали в подвал, — сказала она через

минуту. — Там дальше, наверное, пустыня, а потом... котловина и в ней — колонна светящегося тумана. Гул идет оттуда.

Она спрыгнула на песок.

— Так, — сказал Иван. — Этот светящийся золотой туман мы видим уже в четвертый раз... Пустыню ты хорошо разглядела? Может быть, тебе показалось? Откуда ей тут быть, если во дворе лес и болото?

— Нет, там песок до горизонта, и больше ничего не видно.

Иван с силой потер лоб, усмехнулся.

— Свихнуться можно! Правда, я тут для себя уже все объяснил. Проверю, прав ли, и расскажу. А пока запишем этот факт в реестр загадок. Поищем-ка дверцу наружу, убедимся, что не грезим, что пустыня реальна.

Но двери в комнате не оказалось. Единственным выходом и входом служил тоннель, через который они попали сюда, да узкие и длинные щели, сквозь которые ветер продолжал сыпать песок и пыль.

Иван наткнулся на один из двухметровых хлыстов, внимательно осмотрел его и вдруг неожиданно для себя самого ударил по хлысту стержнем. И получил оплеуху, отбросившую его к стене помещения. Хлыст завибрировал, изогнулся, песок под ним вспучился, и на свет показалась черная полусфера с мигающим алым глазом на боку.

— Берегись! — крикнул Иван, ворочаясь на песке и не чувствуя боли. — В тоннель!

Тая не стала мешкать и пулей влетела в полузасыпанное отверстие тоннеля. Иван с трудом доковылял туда же и вполз в отверстие ногами вперед, продолжая наблюдать за действиями неожиданно ожившего чудовища.

Черная полусфера полностью вылезла из песка, поднялась на гибких шлангообразных ногах. Ног было семь, в диаметре полусфера достигала метра. Она приподнялась над песком метра на полтора, касаясь своим хвостом песка, стен комнаты, словно ощупывая их, беззвучно обошла комнату по кругу, семеня пружинящими ногами, остановилась над одной из щелей и просунула туда хвост. Алый огонек в единственном окошке на боку полусферы замигал, что-то тоненько прозвенело внутри корпуса неизвестной машины.

— Отползи подальше, Иван, — взмолилась Тая, дергая Ивана за ногу. — Кто знает, что у него на уме.

— Не бойся, это кибер, — отмахнулся Иван. — Ничего он нам не сделает, он и так полудохлый.

Полудохлый автомат неизвестного назначения отошел от стены, его антенна вычертила на стене идеальную окружность, уперлась в центр круга, и... часть стены вывалилась наружу, впус-

тив в комнату каскад желтого сияния. Полусфера просеменила к проделанному проходу, занесла несколько ног на край отверстия и замерла. Потом дернулась и завалилась на бок. Алый огонек на ее боку погас. Длинные щупальца ног сократились и словно втянулись в черные выступы.

— Сдох! — прокомментировал Иван и вылез из своего убежища.

— Куда ты?! — испуганно воскликнула Тая. — А если оно снова оживет?

— Не оживет. У него, очевидно, кончился энергозапас, причем очень давно. От удара замкнуло какие-нибудь контакты, вот он и проснулся на минуту. На наше счастье. Тут их целое кладбище, штук двадцать.

Иван выглянул из круглого окна, вырезанного автоматом. Края отверстия были не горячими, как ожидалось, а, наоборот, — холодными, даже ледяными. Хмыкнув, Костров махнул рукой выглядывающей из тоннеля Тае и выпрыгнул на близкую песчаную зыбь под окном.

— Вылезай, прогуляемся. Да не бойся, трусиха.

Тая пробралась мимо зарывшейся краем в песок полусферы, опасливо поглядывая на ее антенну, и перелезла через край отверстия.

Они стояли на песчаном валу, утопая в песке по щиколотку. Вдоль стены дул холодный пронизывающий ветер, срывая с песчаных гребней струйки песка и пыли. Насколько хватало глаз, перед ними лежала пустыня без малейшего признака растительности. Лишь в нескольких километрах слева виднелось какое-то скопление скал и камней белого цвета. И больше ничего до самого дрожащего золотого столба на горизонте, освещающего этот угрюмый пустынный пейзаж.

Иван оглянулся на здание, ощутимо материальное, тяжелое, молчаливое, загадочное, подавляющее размерами и таинственной жизнью, снова посмотрел на песчаное море.

— Да, это не подвал... Но мы спустились по лестнице вниз, это бесспорно. Получается, что каждому этажу здания соответствует свой ландшафт во дворе. Так, что ли?

— Может быть, здание — нечто вроде дендрария? Двор разделен на зоны, и в каждой свой экологический комплекс...

— Тогда уж не дендрарий, а экологарий, — рассеянно сказал Костров. — И все-таки мы спустились по скобам вниз. По моим расчетам, мы должны сейчас находиться под землей на глубине двадцать — двадцать пять метров по отношению к земному ландшафту с мамонтами.

Тая запахнула штормовку на груди, переступила с ноги на ногу. Спорить она не хотела, ей было холодно и неуютно, давно хотелось пить и есть.

После короткого раздумья решили пройтись до белых скал и вернуться, все равно спешить было некуда.

По песку идти было трудно, поэтому они скоро согрелись. Тая первой заметила, что здесь, в пустыне, чего-то не хватает.

Остановились, внимательно оглядели окрестности. Ни движения — кроме струек песка по склонам барханов, ни звука — кроме посвиста ветра.

— Ну, конечно, — догадался Иван. — Тишина!

В этом мире горизонт с золотистым столбом был нем, не тряслась почва, не раздавались рокот и гул. Правда, Ивану все время казалось, что рокот есть, но они его странным образом не слышат.

Пошли дальше. А когда до цели оставалось около сотни метров, из-за белой, изъеденной выветриванием скалы показался сначала громадный коричневый рог, а потом и его обладатель — огромный носорог. Он был весь покрыт бурой свалявшейся шерстью, достигал в холке трехметровой высоты, а рог животного возвышался не меньше чем на полтора метра.

Тая тихо вскрикнула, отступая на шаг. Ивана бросило в жар... Не зная, что предпринять, он только сжал «оружие», которое таскал с собой третьи сутки. Однако носорогу было явно не до них. Он только жалобно, совсем по-коровьи промычал и, шатаясь, повернул за скалы. Теперь стало видно, насколько он исхудал: бока запали так, что выступили ребра, ноги словно обуглились и превратились в костяные колонны.

— Хорош! — крякнул Иван, расслабляясь. — Не хочешь посмотреть, кто там прячется еще?

— Шерстистый носорог, — пробормотала Тая, — эласмотерий... Бежим, пока он не захотел познакомиться с нами поближе.

— Во-первых, у него не хватит сил, а во-вторых, носороги — травоядные животные. И мне его жалко.

Через час они вернулись к окну в стене, вырезанному автоматом-полусферой, и только сейчас увидели, что стена в этом месте имеет полукруглый уступ на всю ее высоту, с рядами щелей через каждые пять-шесть метров. Постояли, глядя на безрадостный ландшафт, навевающий мрачные мысли. Чувство одиночества здесь усиливалось до боли, лишая душу уверенности в том, что когда-нибудь их путешествие закончится.

— А я знаю, почему носорог не ушел отсюда, — сказал Иван негромко. — В скалах, наверное, есть вода. Хорошо было бы пойти и принести.

— Нет! — быстро ответила Тая. — Ни в коем случае! Я тебя не отпущу, обойдемся.

Иван осмотрел ближайшие участки стены, но она оказалась слепой: не только без каких-либо дверей, но и без окон.

— Придется возвращаться.

Тая безропотно полезла в отверстие, забыв о своей недавней подозрительности к обесточенным автоматам.

Вернулись в зал с трубой, отдохнули.

— Жаль, не из чего развести костер, — сказал Иван. — Пожарили бы мясо. Ты не находишь, что нам здорово везет?

Тая, прислонясь к стене трубы с закрытыми глазами, отрицательно качнула головой.

— Ну и зря. Мы живы — это раз; есть кое-какие запасы еды — это два; одеты сносно — это три. Правда, с водой плоховато, но найти ее несложно, хотя бы в этом коридоре на сыром этаже...

Иван заметил, что Тая дрожит, и придвинулся ближе.

— Замерзла?

— Слегка...

— Тогда чего мы здесь сидим? Поехали вверх, на теплый горизонт. Или... рискнем спуститься ниже? У меня есть одна идея...

Тая встала.

— Как хочешь. Не обращай внимания, сейчас согреюсь. Кстати, эта труба — наверное, лифт.

Иван обошел трехметровую трубу, выходящую из пола и исчезающую в потолке, и нашел едва заметный контур двери.

— Ты не ошиблась, вероятно, это тот самый лифт. Но как открыть дверь?

— А как ты открыл в первый раз?

— Крикнул... — Иван подумал и с сомнением сказал: — Откройся!

Никакой реакции.

— Ты крикни, только не забудь сказать «сезам».

— Сезам, откройся!

Звонкий щелчок! Они вздрогнули. Но дверца осталась закрытой, если, конечно, это была дверца лифта.

— Ничего, — сказал разочарованный Иван. — Не зная, как управляется здешняя техника, мы... — Он не договорил.

Дверца посветлела, из серо-коричневой превратилась в прозрачно-голубую, стала утончаться, таять и исчезать, открыв знакомый решетчатый короб лифта с панелью окошечек. Одно из квадратных окошек светилось зеленым светом, и на этом фоне чернели буквы ПЛ и ниже цифры: «— 100 000».

— Ага, — бодро сказал Иван. — Мы здесь... черт знает где! Ну, едем ниже?

Тая кивнула.

— Вперед!

Палец коснулся окошечка ниже светящегося, волна теплого воздуха прошла по телу снизу вверх, страшная тяжесть легла на

плечи, хотя, по идее, должна была наступить потеря веса из-за падения вниз. Проем двери потемнел, исчез, в кабине погас свет.

Движение длилось с минуту, не больше. Тяжесть схлынула, раздался металлический щелчок, и вновь загорелись невидимые светильники. Окошечко на панели высвечивало букву М и цифры: «— 70 000 000».

— Знаешь... — Иван задумчиво разглядывал цифры. — Кажется, я и в самом деле сделал открытие. Все сходится.

Тая потянула его за рукав.

— Выходи, а то я боюсь. Что же это за открытие?

— Подожди. Вот проверим, куда мы с тобой попали, и я скажу.

Этот этаж оказался сухим, теплым, заполненным таинственным движением и жуткой механической и полумеханической жизнью. В первом же коридоре они наткнулись на отряд пауков, затем на колонну знакомых полусфер с хлыстами-антеннами и ногами-щупальцами и, наконец, на жуткую черную фигуру, внушающую ужас и отвращение. Фигура напоминала грубую скульптуру человека с намеками на голову, плечи, руки и ноги и в то же время создавала впечатление чужеродности, неземной угрюмой силы и целеустремленности. В трехметровой высоты коридор она вмещалась с трудом, и при каждом ее шаге пол ощутимо вздрагивал. На людей она не обратила внимания, вперив горящий взгляд (глаз у нее был один — горизонтальная щель на лбу) куда-то вдаль.

Проводив взглядами закованную снизу до пояса в полированный металл фигуру, путешественники переглянулись и дальше шли уже с опаской.

Коридор был светлый, широкий, со множеством дверей, преимущественно закрытых, но встречались и выломанные двери. Одна из комнат с такой дверью, куда заглянули робинзоны, была на всю глубину заткана белой светящейся паутиной, в другой лежали аккуратные ряды белых цилиндров, а в третьей ворочался густой черный дым, перехлестывая иногда через порог и растекаясь по коридору медленно редеющими струями. Пол коридора возле комнаты был сплошь металлическим, пахло здесь озоном и сгоревшей изоляцией.

Иван с помощью испытанного приема открыл наугад одну из дверей с металлической полосой и увидел громадный зал, полный летающих алых огней. Пахнуло горячим воздухом и озоном, а откуда-то из глубины зала вдруг забормотал гортанный голос:

— Не входить, без ТФЗ не входить! Опасность! Не входить...

Иван отступил, и дверь закрылась.

— Там люди! — прошептала побледневшая Тая.

Иван с сомнением покачал головой, снова открыл дверь. Тот же голос опять начал бормотать на одной ноте:

— Не входить без ТФЗ! Напоминаю: опасность распада! Без ТФЗ не входить...

— Кто здесь есть? — крикнул Иван. — Выйдите, пожалуйста, сюда!

Голос поперхнулся, молчал несколько секунд, потом продолжал:

— Я сто первый РК, выйти не могу, предупреждаю: без ТФЗ не...

Иван махнул рукой, отступил назад. Дверь закрылась и отрезала бормотание неведомого «сто первого РК».

— Автомат. Людей здесь нет.

Они прошли по коридору километра два и вернулись к залу лифта. Второй коридор оказался копией первого, а в третьем произошел инцидент между Иваном и пауками.

Этот коридор был, собственно, не коридором, а отполированной до блеска металлической трубой диаметром примерно в два человеческих роста. Дверей в нем не было, но через каждые сто метров по обе стороны центральной рубчатой дорожки в стенках трубы выдавались четыре цилиндра с окулярами, похожие на тубусы микроскопов. На торцах некоторых цилиндров горели крошечные зеленые огоньки.

Иван осмелился заглянуть в окуляр одного из выступающих тубусов и увидел далеко-далеко несколько искаженный пейзаж с доисторическим лесом, скалами, рекой и золотистым светящимся столбом на горизонте.

— Нечто вроде смотрового колодца, — сказал он и отодвинулся, давая спутнице возможность заглянуть в окуляр. — Или телескопа.

Тая посмотрела и разогнулась.

— Телескоп приближает предметы, а эта трубка уменьшает.

— Но все равно служит для наблюдения. Интересно, а что на другой стороне?

Они отыскали работающий «телескоп», отмеченный зеленым глазком индикатора (остальные трубы не просматривались), на правой стороне тоннеля и увидели далекий зеленый хвойный лес.

— Лес, — сказал Иван, и до него дошло, что смотрит он в направлении внешней стороны здания. — Это же снаружи, Тая! Это воля!

Они еще несколько раз по очереди заглядывали в окуляр смотрового устройства, словно не могли наглядеться на родной до слез хвойный простор, и побрели обратно в зал с лифтом: идти дальше по трубе не имело смысла, новых открытий она не сулила. И тут сзади раздался звонкий удар, тихое жужжание, метровый кусок тоннеля в потолке плавно пошел вниз, из образовавшегося проема на пол посыпались пауки. Они построились в ко-

лонну и, дробно цокая лапами по металлическому настилу, пронеслись мимо прислонившихся к стенке тоннеля людей. Но последний почему-то вернулся, постоял невдалеке, шевеля поднятыми передними лапами и не сводя глаз с побледневшей Таи, и внезапно быстро и молча вцепился в протянутый навстречу для защиты стержень Ивана. Потянул к себе. Иван рванул свою дубинку назад, но паук держал крепко, хотя как он ее держал, понять было нельзя. Так они тянули стержень в разные стороны добрую минуту, потом Иван не выдержал и заорал:

— А ну пошел вон, дурак!

Паук присел от акустического удара, выпустил стержень и умчался в тоннель. Тая вскрикнула в испуге — крик Ивана и для нее был неожиданным, — потом засмеялась:

— Напугал ты его!..

— Будет знать, как хватать! Кстати, что-то пауки здесь очень смирные: не кричат на нас, не пугают инфразвуком... — Иван заторопился, заметив, что Тая пытается сдержать зевок. — Давайка выйдем из нашей тюрьмы, зажжем костер, поедим и — спать. Бродим без отдыха уже девятый час подряд.

Они вышли в кольцевой зал с колонной лифта, нашли в его стене не замеченную ранее дверь, но она вдруг открылась сама, и навстречу, утробно урча, выползла полусфера с гибким членистым хлыстом красного цвета. Иван с Таей отскочили к стене зала, металлическая громадина, помаргивая передним голубым глазом, бесшумно просеменила к толстой колонне лифта. Ивану почудился незнакомый запах, будоражащий и гнетущий одновременно.

— Пошли, — тихо прошептала Тая, глядя на замершую черепаху, хлыст которой ощупывал колонну лифта омерзительно живыми движениями.

Дверь осталась открытой, и путешественники юркнули в нее, не глядя, куда ведет новый путь. И тут лифт вдруг выбросил из чрева двух пауков. Первый из них явно не ожидал встретить препятствие и с ходу столкнулся с полусферой. Дальнейшее произошло в течение трех-четырех секунд.

Хлыст черепахи мгновенно выстрелил в паука, как плеть, и часть паучьего бока вместе с лапой оказалась начисто снесенной. Паук же мгновенно отскочил назад и поднял вверх передние лапы. Второй удар плети, почти незаметный глазу — так быстро он был нанесен, и обе лапы паука упали на пол. Паук окутался белым облаком газовой продувки. Он и не думал сопротивляться, и третий удар разящего хлыста развалил его надвое. Зато его спутник, смотревший на схватку из клети лифта словно в оцепенении, прыгнул прямо на полусферу, из его туловища сверкнул узкий лучик, вонзился под глаз полусферы. Паук увернулся от

изогнувшегося хлыста, чиркнул по его основанию тем же лучом, и хлыст с шипением превратился в струйку вспыхнувшего газа.

Внутри черепахи что-то забулькало, она попятилась, неуверенно переставляя гофрированные ноги-шланги. Паук, избежавший печальной участи товарища, несколько мгновений смотрел на полусферу ничего не выражающим взглядом, потом проскрипел что-то и умчался в круглый тоннель.

Черепаха вдруг осела на пол, на ее макушке вырос желвак, из которого начал вытягиваться розовый, как коровий сосок, палец.

Таю затошнило, и Ивану пришлось поспешно увести ее от этого зрелища. Они отошли от двери, и та закрылась, отрезав дорогу в зал, где произошла схватка между автоматами.

Пленники оказались в пустом конусовидном помещении с гладким светящимся полом. Противоположная сторона помещения заканчивалась белым диском с тремя круглыми штурвальчиками — то ли дверь, то ли какой-то пульт. Как только люди приблизились, он тихонько клацнул и зажег уже виденные ранее букву М и цифры: «— 70 000 000».

— Что они не поделили? — спросила Тая, кивая назад.

— А пес их знает! — пожал плечами Иван. — Вероятно, от неожиданности. Жалко паука...

— И мне... Я к ним как-то привыкла, а эти полусферы... какие-то чужие, неестественные... как и тот черный...

— Чужие — хорошо сказано. Они всему здесь чужие. Ты заметила, она там отращивает новый хлыст.

Тая поморщилась.

— Не вспоминай. Куда же теперь?

— Как куда? Только вперед.

Иван подошел к пульту.

— Откройся! — сказал он грозно.

На поверхности диска загорелась зеленая стрелка, указав на один из штурвальчиков.

— Техника что надо! — одобрительно сказал Иван. — Сплошь автоматика речевого приказа плюс системы безопасности.

Он потянул за штурвальчик, покрутил вправо, потом влево, снова потянул, и диск со всеми его приспособлениями отъехал в сторону.

— Что я говорил? — Иван чуть нагнулся и шагнул в проем.

Он оказался на каменистом взгорке с разбросанными тут и там валунами. Дальше начиналась утоптанная кем-то, может быть и черепахами, тропа, переходящая в просеку в великаньем лесу, состоящем из гигантских пирамидальных деревьев с красноватой корой, похожих на секвойи, и из деревьев с чешуйчатыми стволами, напоминающих сосны и араукарии одновременно. Были и еще какие-то деревья и кустарники, но уж и вовсе неведо-

мого облика. Из-за леса вставало золотое зарево и доносился неумолчный приглушенный гул, скрадывающий все остальные звуки. Порыв ветра принес из леса терпкий запах смолы и зелени... смрадный трупный запах.

Иван нагнулся к низкому отверстию выхода, позвал Таю, и в это время из-за ближайших древесных колоссов на просеку бесшумно шагнул чудовищный исполинский динозавр! Ростом с трехэтажный дом, двуногий — ноги похожи на птичьи, в пупырчатой броне, с подергивающимся в такт шагам хвостом, двумя передними двупалыми лапками, маленькими по сравнению с задними, и полутораметровой пастью, полной саблевидных зубов.

— Господи! — слабо ахнула Тая и юркнула обратно.

Иван, словно в столбняке, медленно нашарил рукой край двери, не спуская глаз с чудовища. В памяти всплыло название зверя — тираннозаврус рекс. Но это был близкий родственник тираннозавра — тарбозавр, самый страшный из хищных динозавров конца мелового периода мезозойской эры.

Тарбозавр птичьим движением повернул голову к человеку, глаза его покрылись слюдяной пленкой — он мигнул. И тут Иван опомнился и прыгнул в круглый проем, откуда слышался зовущий голос Таи.

ГЛАВА 6

Они нашли эту полость спустя час после бегства от динозавра.

Полость была просто глубокой нишей в стене коридора, и, хотя по коридору то и дело проносились пауки, а иногда и другие странные полуживые-полумеханические твари, путешественники решили отдыхать здесь. Во-первых, пол ниши был устлан толстым слоем похожего на поролон материала, во-вторых, здесь было тепло и уютно, и, в-третьих, Тая уже не могла идти дальше.

Иван выбросил из темной ниши в освещенный коридор бесполезный фонарь — лампочка уже еле тлела — и сел рядом с молчавшей девушкой, ощущая, как сладко ноет поясница и гудят натруженные ноги.

— Есть хочешь? — спросил Иван спустя минуту, чувствуя, что еще немного и он уснет.

— Больше пить, чем есть, — призналась Тая. — Как ты думаешь, нас найдут?

Иван честно попытался представить, как их ищут, но у него ничего не получилось. Все же он успокоил Таю:

— Конечно, нас уже ищут. Ивашура небось поднял на ноги всю округу... — Иван замолчал. Ивашура остался в Брянском

лесу вместе с Рузаевым, Гаспаряном и другими. Здание же, внутри которого они путешествовали вдвоем, не могло находиться в том же лесу. Таких циклопических сооружений, превосходящих по размерам все созданное людьми, не было на всей Земле. И все же оно стояло на Земле, в этом Иван не сомневался.

— Как ты думаешь, где мы? — тем же ровным голосом спросила Тая, словно не заметила оговорки эксперта.

Иван подумал, потом с трудом встал.

— Я сейчас, посиди.

Уже из коридора он пробормотал:

— Я знаю, что мы на Земле и в то же время внутри какой-то громадной башни... Подожди, я сейчас приду и расскажу свою идею.

Он вернулся в зал с лифтом, где сражались паук и черепаха (следы их борьбы уже исчезли), в куче мусора у запертой двери набрал разноцветных досок и приволок к нише. Тая ждала его, высунув голову и напряженно всматриваясь в глубь уходящего в неведомое коридора.

— Не оставляй меня одну, — попросила она, облегченно вздыхая.

Иван кивнул и стал разводить огонь.

Вскоре костер с некоторой неуверенностью стал поедать доски, которые принес эксперт. Теперь стало видно, что это вовсе не дерево, хотя рисунок на досках был древесный: доски горели чистым зеленым пламенем и почти без дыма. От огня попахивало жареными орехами и чем-то больничным, вроде йода или камфары. Иван поколебался, потом изжарил на пробу кусок мяса и осторожно отведал. Мясо было вполне съедобным. Тогда он изжарил весь оставшийся запас козлятины и разделил на две порции.

— Хлебушка бы... — вздохнула Тая.

— Негоже, Таисия свет Васильевна, — проговорил Иван с набитым ртом, — перебирать харчи в нашем положении. Ешь, что бог послал, то есть питекантропы-охотники.

Тая немного пожевала мяса и покачала головой:

— Не могу... не лезет...

— Да, водицы испить бы не мешало. — Иван спрятал остатки трапезы в карман. — Только где ее искать? Эй! — крикнул он, заметив бегущего по коридору паука: страха перед ним у Ивана никакого не было, пауки стали для него просто частью обстановки.

Паук резко затормозил у ниши, уставился глазищами, словно в недоумении перебирая лапами.

— Будь другом, принеси воды, — проникновенно попросил Иван. — А то умрем от жажды.

Паук постоял немного в позе растерянности и умчался в нед-

ра здания. Тая тихонько засмеялась, следом за ней засмеялся Иван.

— У него был такой вид, будто он знает, что делать, — произнес он сквозь спазм смеха.

— Словно он думал, что ответить...

Отсмеявшись, они вытерли слезы.

— Теперь я поделюсь своей идеей, — сказал Иван. Оглядевшись — глаза уже привыкли к полумраку, он растянулся у теплой черной стенки ниши. — Тот лифт, на котором мы катались, вовсе не лифт, а машина времени.

Тая легла у другой стенки лицом вверх, глаза ее были открыты.

— Что молчишь? Разве я не прав?

— Я думаю... Наверное, прав.

— Помнишь цифры в лифте на кнопках-окошках? Последняя была — минус семьдесят миллионов, так? А тираннозавры, кстати, жили именно в это время: шестьдесят пять — сто миллионов лет назад, в меловом периоде.

— Может быть.

— Почему «может быть»? Все сходится. Я теперь думаю, что Валера был прав. Помнишь Валеру? Наш самый молодой эксперт. Что-то произошло со временем, он говорил — фурункул времени. Вот и прорвались к нам мамонты, динозавры... питекантропы.

Тая не отвечала.

— Спишь? — вполголоса спросил Иван, подождал, потом встал и подошел к девушке. Тая спала. Он поколебался немного и вернулся обратно. Сон упал могильной плитой...

Проснулся он от крика и машинально схватился за стержень.

Кричала Тая. У ее ног сидел паук и держал в двух лапках что-то круглое.

Тая прижалась спиной к стене и выставила вперед руку.

— Пошел прочь! — Иван вскочил и замахнулся стержнем.

Паук отпрянул, секунду глядел на человека без всякого выражения, выронил на пол круглый предмет и выскочил из ниши. Дробным удаляющимся стуком отозвался пол коридора.

— Вот гад, подкрался! — Иван опустился на корточки возле Таи и погладил ее по волосам. — Испугалась?

Тая кивнула, лицо ее было мокрое.

— Ты плачешь?!

— Нет. Я спала, и вдруг что-то мокрое проползло по лицу...

— Мокрое?

Иван хмыкнул, огляделся, нашел глазами круглый предмет, оставленный пауком, взял в руки.

Это был довольно тяжелый плоский диск с небольшим ребристым выступом на боку. Иван повертел его в руках, нечаянно

надавил на выступ, и в лицо брызнула струйка воды. От неожиданности Иван выронил диск и вытер лицо ладонью.

— Черт побери! Вода!

Тая на коленях подползла к нему.

— Вода? Где?

— Да вот в этой... фляге...

Он снова поднял диск, прижал пальцем выступ, и из центра диска ударила тонкая струя воды.

— Вода! Это действительно фляга! Паук принес воду, понимаешь?

Они долго и с наслаждением пили.

— Вот это сюрприз! — Иван, отдуваясь, положил флягу на пол и откинулся к стене. — Паук понял! Но тогда никакой он не паук, а самый настоящий кибер, как я и догадывался. Конечно, кибер, автомат... А раз он понял, то это еще раз доказывает, что мы на Земле.

Тая слабо кивнула, легла, глаза ее закрылись, но она тут же встрепенулась:

— Ложись рядом! Пусть паук будит тебя.

Иван улыбнулся, глотнул еще раз воды, удивляясь, что фляга не иссякает, и лег. Тая повернулась к нему лицом, обняла, провела пальцем по его подбородку.

— Знаешь, без бороды я тебя уже не помню.

Последней мыслью Ивана было: надо сказать пауку, чтобы вывел к людям...

Проснулись они от толчка — пол под ними дернулся и задрожал.

Издалека донесся гул, серия свистов различной тональности.

Снова толчок и вибрация пола, заметная даже сквозь поролон, и вслед за этим снова гул и свист.

— Что это? — приподнялась Тая, протирая глаза.

Иван несколько секунд прислушивался к затихающему гулу, потом встал и выглянул в темный коридор, освещаемый кое-где мигающим красным светом. По потолку коридора промчалась алая световая стрела, снова дернулся пол, толчок едва не выбросил Ивана в коридор. Где-то близко прозвенел звонок, раздался топот. Непонятное бормотание, шорохи и металлические лязги. Мимо ниши вихрем промчался паук, за ним еще несколько.

— Что-то случилось, — пробормотал Иван, возвращаясь к Тае. Пол теперь трясся непрерывно, из глубины здания волнами накатывал тяжелый гул, прерываемый ударами гонга.

— Что будем делать?

Свет в коридоре продолжал мигать, иногда по стенам или потолку проносились огненные змеи, какие-то символы и слова. Звонок звенел не переставая, где-то хлопали двери — по крайней

мере было похоже на это, что-то осыпалось со стеклянным хрустом и звоном. Кто-то скребся в стену ниши, изредка стуча в нее чем-то тупым и тяжелым.

Тая подхватилась с пола и попятилась к выходу из ниши, оглядываясь на Ивана.

— Там кто-то есть!

Костров не успел ответить. Совсем рядом пугающе громко закричал паук, ему ответили такие же крики в разных концах коридора.

В потолке ниши загорелась пульсирующая алая звезда, и раздался голос:

— Внимание, хроносдвиг! Длительность — сто семь лет, коррекция сверху невозможна. Горизонт в провале, горизонт в провале. Покинуть горизонт! Всем ТФА покинуть горизонт! Даю отсчет времени: три минуты, две минуты пятьдесят девять, две минуты пятьдесят восемь, две минуты...

Иван опомнился первым.

— Бежим! Иначе тоже окажемся в провале.

Он схватил флягу с водой, стержень, помог Тае подняться, и они побежали, не обращая внимания на спасающихся бегством пауков.

До зала с лифтом, к счастью, было недалеко, но бежать по дрожащему полу оказалось непросто — хуже, чем по песку. Иван считал в уме секунды, и, когда они выскочили из коридора в кольцевой зал, по его подсчетам выходило, что до истечения минуты оставалось секунд сорок, не больше.

Дверца лифта была открыта, и кабина до половины оказалась забита пауками, а они все прибывали и прибывали. Один из них транслировал отсчет неведомого автомата:

— Сорок один, сорок, тридцать девять, тридцать восемь...

— Кыш отсюда! — рявкнул Иван, тыкая стержнем в массу пауков и ожидая сопротивления. Те замерли, разглядывая непрошеных гостей, потом мгновенно расчистили угол кабины.

Тая было уперлась, с ужасом глядя на скопище неприятных созданий, но Иван потянул ее за собой. Гул в зале слышался все отчетливей, да и пол здесь трясся сильней.

— Восемнадцать, семнадцать, шестнадцать... — размеренно считал равнодушный металлический баритон...

Иван поискал глазами панель управления лифтом, протянул было руку к ряду окошечек-кнопок, но его опередил один из пауков, ткнув суставчатой лапой в середину панели.

Дверь лифта проявилась из ниоткуда, словно загустел сам воздух, ударило в ноги, еще и еще раз. Кабину стало раскачивать и трясти, она то падала свободно вниз, то тормозила, то начинала вибрировать так, что в голове и позвоночнике отдавало болью.

Тая села на пол. Иван тоже был вынужден опуститься рядом.

Сколько времени они так мчались — не мог потом вспомнить никто. Кабина внезапно остановилась, будто наткнулась на препятствие. Дверь растаяла, и пауки посыпались вон, сразу исчезнув в темноте: в помещении, куда их доставил лифт, было темно, хоть глаз выколи.

Иван посмотрел на панель с окошечками, в одном из которых светились буквы ВЮ и рубиновые цифры: «— 150 000 000».

— Прибыли, — сказал эксперт. — Если не ошибаюсь, мы попали куда-то в юрский период — как раз сто пятьдесят миллионов лет назад. Или около того.

Он взял Таю за руку и вывел из освещенной кабины. Дверь лифта тотчас же закрылась — стала плотной и непроницаемой, свет померк. Люди остались в полной темноте.

В помещении стоял запах плесени, сырости, где-то звонко дзинькали в пол капли воды. Издалека доносились приглушенный рокот и буханье, от которых еле заметно вздрагивал пол.

Иван подумал, достал резиновую перчатку, насадил на стержень и поджег. Чадящее пламя выхватило из тьмы мохнатые от белесого слоя плесени стены и мокрый, серый, в зеленых и синих пятнах пол зала.

Тая передернула плечами.

— Как в погребе... Мне кажется, мы уже здесь были.

— Нет, — отрицательно качнул головой Иван. — Похоже, но не то. Грязи меньше и следов нет.

Он прошелся по залу, вспугивая дребезжащее эхо.

В зал выходили три коридора, как и на других этажах. Один из них вел на лестничную клетку, лестница была цела и уходила в неведомые глубины и высоты. Второй коридор был залит водой и походил на трубу канализации. В третьем слабо фосфоресцировал потолок, вернее — пятна какой-то нитевидной плесени, и вдоль стен были проложены пучки труб разной толщины.

— А все-таки странно, что нет людей! — сказала Тая. — Одни пауки, черепахи... и черные нелюди...

Иван не ответил. Он не верил, что в здании больше никого нет. Но сомнение уже начало свою работу, и бороться с ним было все трудней. Более четырех суток прошло со времени падения вертолета, и за все это время они ни разу не встретили людей. Куда подевались хозяева этого неимоверного, ужасающего размерами здания?! Ради чего оно построено? И главное — где?

Нет ответа!

А лифт? Что это за лифт, который никуда не везет, то есть остается на поверхности земли, но зато меняет эпохи? Пресловутая «машина времени»? Или нечто вроде кабины пневмотранспорта,

доставляющей пассажиров в разные сектора какого-то гигантского заповедника истории Земли?..

Нет ответа!

А золотистое марево во дворе здания, вечно грохочущее и тревожащее? Что это такое? Почему к нему бегут отряды пауков?

Нет ответа!

Что же делать? Куда идти? Вверх? Вниз? Сколько они продержатся? Как велики у них запасы терпения, позволяющие поддерживать в себе уверенность в благополучном исходе путешествия и не опускаться до тезиса: выжить любой ценой?..

— Охотно бы сейчас проснулся, — сказал Иван, поднимая повыше свой факел. — А ты?

Тая улыбнулась в ответ бледной улыбкой.

— И я! Твержу как заклинание: пусть это будет сон!

Они взялись за руки и вошли в коридор, не зная, куда он выведет их на этот раз.

Выбрались из здания через громадный пролом: здесь обрушилась часть стены высотой примерно до восьмого этажа.

Тот же двор: золотое сияние за лесом, зеленоватое небо, бесконечная стена здания, плотная и осязаемая до высоты в двести метров и зыбкая, расплывающаяся в туманно-серую пелену выше двухсот. Но лес был другой и ландшафт тоже.

Справа и слева от пролома в стене вставали заросли высоких папоротников и хвощей, каких-то чешуйчатых деревьев, похожих на пальмы, и длинноствольных, с нежной розовой корой сосен. В просвете между зелеными купами виднелось озерцо с голубой водой. Ближний берег озерца был пологим и песчаным, а дальний, каменистый и крутой, порос теми же пальмами и древовидными папоротниками. За лесом из пальм вырастал переливающийся желтым сиянием туманный столб, истаивающий где-то на десятикилометровой высоте багровыми струйками и плоскими облаками.

В кустах слева что-то зашуршало, и на прогалину с шумом выпрыгнула странная птица с отливающим металлической синевой оперением, с длинным хвостом и зубастой пастью вместо клюва. Размером птица была с крупного орла. Она заметила людей, растопырила крылья, зашипела, показав длинный красный язык, и поскакала прочь.

— Археоптерикс? — ахнула Тая, прятавшаяся за спиной Ивана. Тот поднял палец к губам.

— Тише.

Сквозь шорохи леса донеслись далекие визгливые крики, шипение и тупые удары, от которых вздрагивала почва.

Иван жестом показал Тае, чтобы она осталась на месте, не замечая мольбы в ее глазах, и быстро перебежал на берег озерца. Он

увидел, что озеро — на самом деле язык залива, уходящего вправо до горизонта. Слева залив переходил в цепочку мелких, но широких луж, по которым бродили туши на слоновых ногах, с длинными хвостами, с осклизлой серо-фиолетовой кожей, длинными и тонкими шеями, напоминавшими змеиные тела, которые венчали крохотные головки. Длина этих громадин достигала метров тридцати. При каждом шаге раздавалось гулкое «тумм», от которого вздрагивала земля.

— Бронтозавры! — прошептала над ухом Тая.

Иван оглянулся. Девушка стояла рядом и смотрела на тяжеловесных созданий круглыми глазами.

— Это диплодоки, — поправил Иван. — Бронтозавры короче, да и шея у них была потолще.

Диплодоки окунали головы в лужи, потом по-куриному вздергивали их вверх, жуя зеленые плети водорослей. На людей они не обращали внимания, постепенно удаляясь по низине в редколесье папоротников.

— Они нам не опасны, — пробормотал Иван. — Диплодоки были растительноядными.

Издалека снова донесся визг — очевидно, крик диплодока. Тая невольно вздрогнула.

— Давай вернемся, Ваня.

— Ты боишься?

— Не боюсь, но эти диплодоки — танки, а не животные! Задавит и не заметит!

— Они ушли. Предлагаю пройтись к золотому костру на горизонте. Все же интересно, что это такое. Да и пищу какую-нибудь раздобудем, коренья там, плоды... Будь с нами Рузаев, мы были бы обеспечены квалифицированными советами по части съедобных растений. Я, к сожалению, в ботанике, да и вообще в биологии разбираюсь слабо.

Они напились из чудесной фляги, принесенной пауком. Напор воды не падал, несмотря на то, что они пили уже несколько раз, а объем фляги не превышал литра. Иван повертел флягу и у края диска нашел выпуклые цифры: «2301». Это число встречалось им уже несколько раз, но что оно означает, догадаться пока было невозможно, хотя у Ивана и мелькнула догадка, что цифры эти означают год изготовления.

Часа два они пробирались по первобытному лесу. Вокруг стояли стройные, похожие на пальмы деревья с расходящейся веером кроной, полутораметровые и выше папоротники, похожие на пирамидальные тополя, но с хвоей — предки секвойи, а также громадные великаны с тысячами ветвей, похожие на гинкго. Листья этих древесных исполинов были глубоко рассечены на две узкие доли.

Травы в лесу почти не встречалось, ее заменяли побеги папоротников, плети какого-то ползучего растения и мелкие злаки в виде метелок и гребней. Диплодоки больше не попадались, но бродили где-то недалеко: изредка ветер приносил их визгливые крики. Зато дважды показывались другие животные. Сначала Иван вспугнул странное двуногое существо, похожее на тираннозавра, но величиной... с курицу! У существа была вытянутая голова с зубастой пастью, короткие ручки с тремя пальчиками и куриные ноги. Динозавр выскочил из-под листьев папоротников, зашипел в сторону людей и бросился наутек.

Вторая встреча произошла на каменистом откосе заросшего хвойными пирамидами холма. Иван почти сразу узнал стегозавров в двух массивных животных, ползущих мимо. Спины этих панцирных динозавров украшали два ряда крупных костяных пластин, хвост, напоминающий булаву с шипами, волочился по земле. Один из стегозавров в два удара хвостом повалил небольшую пальму и принялся меланхолично жевать молодые верхние листья, второй протопал мимо и скрылся за деревьями.

Иван встретился взглядом с Таей и ободряюще подмигнул:

— Не дрейфь, Таисия, стегозавры, по-моему, тоже питались только растительностью. Это тебе не тираннозавр — la bestia senza pase[1].

Тая слабо улыбнулась.

— Эксперты говорят по-итальянски?

— А журналистам это в диковинку?

— Ну, все же в наше время стандартный тест на интеллигентность — знание английского. Но итальянский...

— Просто моя мама — преподаватель итальянского в университете. But I speak English too[2].

Тая засмеялась.

— Ты самородок. Не предполагала, что рыжий...

— ...рыжий Костров способен выучить иностранный, — подхватил Иван, рассмеявшись в свою очередь. Он был рад, что девушка не пала духом в этом диком путешествии.

С нею было легко и просто, и Костров благодарил судьбу за то, что именно он оказался рядом с Таей в момент испытания. Он был убежден, что основной их экзамен на терпение, выдержку и выносливость еще впереди.

Лес вскоре кончился, дальше, насколько хватало глаз, расстилалась каменистая пустыня, поросшая кое-где куртинами зеленовато-бурой травы или мха. Золотистая колонна светящегося тумана возвышалась над горизонтом, как след упавшего болида.

---

[1] Зверь, не знающий мира (*ит.*).

[2] Но я говорю и по-английски (*англ.*).

Длинные струи и волокна, шарфы и шлейфы дыма текли по ней снизу вверх, теряя яркость, и гасли, превращаясь в малиновые и багровые перья. Непрерывный гул, исторгаемый колонной, был здесь слышен лучше, чем у стены здания, и лишь там, где ничто не отвлекало внимания, он напоминал о себе.

Иван несколько раз подпрыгнул на месте, ощущая необыкновенную легкость во всем теле. Знакомое явление. Они уже испытали на себе уменьшение силы тяжести, когда пробирались к источнику света по заснеженному лесу. Идти дальше не хотелось, интуиция подсказывала, что впереди опасность. Однако стоило все-таки проверить, в чем она заключается, почему в этом странном мире меняются ландшафты, эпохи, но не меняется таинственный грохочущий туманный столб, служащий единственным источником света.

И они рискнули пойти дальше.

Вскоре шапки мха перестали попадаться не только на вершинах увалов, но и в низинах, в ямах и рытвинах бугристого плато. Идти становилось все легче. Словно какая-то сила постепенно нейтрализовала силу тяжести, притягивая людей к световому столбу, заставляя их сдерживать шаг и пристальнее вглядываться вперед. Еще через два километра на горизонте показалась стена. Тяготение здесь уменьшилось настолько, что каждый шаг уносил людей на два-три метра. Иван замедлил движение, и дальше они передвигались чуть ли не ползком.

Стена оказалась выстроенной из частокола металлических труб диаметром с туловище человека и высотой с пятиэтажный дом. Над ней знойным маревом дрожал воздух — трубы были раскалены чуть ли не до красного свечения.

— Приехали, — сказал Иван, подавляя слабый протест желудка. У стены царила почти невесомость, и тело казалось воздушным шаром, готовым улететь в небеса.

Из-за стены доносились гул, шипение и бульканье, будто кто-то огромный парился в бане, выливая на раскаленные камни ушаты воды. Каменистая, покрытая коркой почва часто вздрагивала и колебалась, как верхний слой торфа и земли на болоте.

— Хоть бы одним глазком поглядеть, что там, — сказала Тая, пряча в глубине глаз страх перед неведомым явлением.

Иван прикинул высоту стен и покачал головой.

— Не влезем, она гладкая и горячая. Может, стена не везде одной высоты?

Они поползли вдоль частокола труб, обливаясь потом: даже в десятке метров от стены несло невыносимым жаром.

Им повезло. Через полкилометра наткнулись на гигантский механизм, который приняли сначала за странной формы скалу. Но это была не скала, а нечто вроде колоссального кентавра, пре-

одолевшего в прыжке препятствие, но упавшего на передние ноги и умершего в таком положении. Конечно, механизм имел еще множество деталей, выступов и отверстий, но обводы корпуса все же превращали его в кентавра. Правда, вместо головы на человеческом торсе вырастал членистый рог длиной около пяти метров. Он был сизо-серым, а весь корпус механизма лоснился чернотой полированного металла.

— Вот это паровоз! — опомнилась Тая. — Такого мы еще не видели! Он не оживет, как та черепаха?

Вместо ответа Иван полез на колоссальную машину, цепляясь за штыри и выступы.

— Лезь за мной, только держись крепче, не то улетишь. Некоторые штыри скользкие.

Они взобрались на ногу механизма, перелезли на грудь, потом на спину кентавра. Если бы не потеря веса, вряд ли бы им удалось взобраться на колосса без веревок и страховочных приспособлений.

С крупа кентавра им открылась удивительная картина.

За стеной шла узкая, с километр, полоска черной выжженной земли, дальше над ней появлялись плоские фиолетово-сиреневые слои тумана, сливающиеся в двух-трех километрах в плотную пелену. Эта пелена начинала вспухать, расти и образовывала светящееся оранжевым светом кольцо. За ним еще одно кольцо — желтое, а уже из него вырастал ослепительно желтый столб, состоящий из туманных струй, непрерывно текущих ввысь и расплывающихся чудовищным грибом на большой высоте.

— Ой, смотри, пауки! — Тая тронула Ивана за ногу.

По черной земле неслась колонна пауков, но размерами они превосходили тех, что встречались в здании и еще раньше, в Брянском лесу.

Иван тихонько присвистнул.

— Вот это да! Они же ростом с меня!

Пауки исчезли в пелене тумана.

В толще многокилометрового текущего столба разгорелась яркая звезда, раздался гулкий удар, вздрогнула спина кентавра.

Если бы Иван не держал Таю за руку для страховки, она свалилась бы вниз.

— Держись крепче! На этом скакуне далеко не ускачешь. Давай-ка... — Он не договорил.

Сзади на крупе кентавра кто-то возник, бесшумный и опасный, как сердечный приступ. Иван замер, напрягшейся спиной чувствуя тяжелый взгляд, но сделать ничего в этом положении не мог без риска свалиться с пятнадцатиметровой высоты. Медленно повернул голову и встретил взгляд смуглолицего «десантника» с крестообразным шрамом на щеке. С ним был еще один парень

в таком же комбинезоне — то зеркально-металлическом, то струящемся, как пелена дыма.

— Далековато вы нырнули в хроношахту, надо признаться, — сказал «десантник» ровным голосом. — Отваги вам не занимать. Но лучше бы вы этого не делали.

Иван сжал локоть Таи, в ужасе разглядывающей незнакомцев, вооруженных странной формы пистолетами. Сказал хрипло:

— Кто вы, черт побери?

— «Санитары», — сказал второй шипящим голосом. — И мы предупреждали.

— О чем?! — взорвался Иван, ощущая злость и бессилие одновременно. — Говорите прямо, что вам нужно. Мы ни во что не вмешиваемся и очутились здесь случайно. Где мы? Вы должны знать. Объясните наконец.

— Вы попали в экспериментальную мировую хронолинию, так сказать, в шахту хронобура, созданную вашими потомками и соединившую многие времена. Подходит вам такое объяснение? А теперь прощайте. Больше мы уже не встретимся.

— Зачем вы это делаете?! — воскликнула Тая.

— Что именно?

— Убиваете... преследуете... ведь это вы убили того несчастного... в коридоре.

— Обычная профилактика. — Усатый со шрамом от ножа Ивана пожал плечами. — Мы просто устраняем возможных конкурентов.

Он поднял пистолет, и Костров инстинктивно загородился своим стержнем, ожидая выстрела. Но его не последовало. Лицо «десантника» изменилось, вытянулось, в глазах мелькнул страх, а может быть, так показалось Ивану.

— Брось МК!

— Что? — не понял Иван.

— Брось МК! Эту палку в руках...

Иван понял, что «санитары» действительно боятся стержня, вернее, боятся в него попасть. Что же это такое в самом деле?

— Стреляйте!

Парни переглянулись. Потом первый навел оружие на Таю.

— Бросай, иначе она умрет.

— Ваня! — слабо вскрикнула девушка.

Иван выпустил стержень из руки, проследил за его падением.

— Что теперь?

— А теперь прыгайте.

— Как — прыгать?! Там же...

— Не разобьетесь. — «Санитар» со шрамом спрятал свой пистолет. — Уцелеете — претензий иметь не буду. Но еще раз пред-

упреждаю: не вмешивайтесь в события, кто бы что ни предлагал. Прощайте.

Он исчез за крупом кентавра. Второй «десантник» поднял свой пистолет, сверкнула бледная вспышка, один из ребристых выступов рядом с ногой Ивана исчез в ручье пламени. Зрачок пистолета смотрел ему в грудь.

— Прыгай!

Иван глянул на Таю, крепче взял ее за руку, успокаивающе кивнул.

— Все будет хорошо, Тая. Смотри под ноги.

И они прыгнули с шеи кентавра за металлический забор из труб, опоясывающий странный пожар в центре котловины.

Удар в ноги оказался слабее, чем ожидалось, сила тяжести за забором была раза в три меньше, чем в здании. Однако ни Тая, ни Иван на ногах не удержались и покатились к языкам сиреневого тумана, подхваченные не то ветром, не то силой, притягивающей их к пожару на горизонте.

Вряд ли они сумели бы остановиться: зацепиться было не за что, на голой каменистой почве не росло ни одного кустика, не торчал ни один мало-мальски крупный камень. К тому же по мере их сползания температура росла так быстро, что скоро они должны были неминуемо изжариться. И в этот момент из светящегося тумана впереди вынырнула какая-то черная тень, за ней другая, третья, десятая. Ивану почудилось что-то знакомое в их очертаниях, но, лишь когда они приблизились, возвышаясь над сиреневым полем тумана, стало понятно, что это такие же кентавры, как тот, с которого спрыгнули путешественники, только живые! А на спинах «животных» сидели черные фигуры наподобие той, что встретилась им в коридоре здания.

Колонна неведомых созданий надвигалась со скоростью курьерского поезда, от их тяжелого бега дрожала земля, хотя, казалось, в условиях падающего тяготения они тоже не должны были весить много. Иван с Таей попытались увернуться от копыт колонны, но тут один из всадников нагнулся, подхватил их огромной черной лапой без пальцев и опустил уже за стеной, рядом с крупом застывшего кентавра.

Колонна продолжала бег, не замедляя хода, и удалилась равномерной рысью. Рога кентавров на человеческих торсах светились мрачным фиолетовым огнем. Черные фигуры на их спинах не пошевелились, словно не заметив, что один из их собратьев спас людей от верной гибели.

С полчаса путешественники приходили в себя, пили воду, умывались, отдыхали, поглядывая, не крадутся ли «десантники». Затем Иван нашел свой стержень, упавший по эту сторону изгороди из труб, с любопытством оглядел его.

— Готов поклясться, что те два бандита побоялись стрелять в меня из-за этой штуки! Как ты думаешь, что это такое? Может быть, взрывчатка?

Тая вдруг заплакала, глотая слезы, и Кострову пришлось приложить немало усилий, чтобы ее успокоить.

— За что они нас? — прошептала девушка, прижавшись лицом к груди спутника. — Что мы им сделали?

— Темна вода во облацех, — вздохнул Иван. — Они боятся, что мы вмешаемся... хотел бы я знать, во что?

— А эти... всадники... жуть! Почему они нас спасли?

— Я думал, что это какие-то автоматы, очень необычные, чужие какие-то, неземные, но автоматы. Что кентавры, что сами всадники... а теперь не знаю, что и думать. Что же творится там, за стеной? Что горит?

Тая промолчала.

Назад идти было гораздо трудней, мешали тянущая к стене сила и ровный ветер в лицо. Но они все же добрались до леса. Отдохнули. Затем с огромным наслаждением искупались в лагуне, стесняясь друг друга, не спуская глаз с ближайших зарослей на случай появления нежелательных гостей. Вода была прозрачная, холодная, пресная, вполне питьевая. Потом Ивану пришла в голову мысль порыбачить — он заметил у берега мелькнувшую серебристую полоску.

Удочку сделали из побега папоротника, леску — из нитки, которую Тая выдернула из своей куртки, крючок — из булавки, нашедшейся, как ни странно, у Ивана. Ни червей, ни мошек на берегу не обнаружилось, и Тая вспомнила про остатки мяса. Насадили мясную крошку, закинули удочку, посмеиваясь друг над другом, и первый же заброс оказался удачным — клюнула толстобокая рыбина величиной с ладонь. Вида ее Иван определить не смог, на языке вертелось название «латимерия» — все, что он знал о древних предках рыб, но это была не она.

Тая вполне освоилась и, пока эксперт удил рыбу, набрала полусгнивших, полузасыпанных песком обломков древесных стволов. Диплодоки ушли, и кругом стояла мирная первобытная тишина.

Развели костер и нажарили рыбы, глотая слюни. Иван припомнил рассказ О'Генри, где герой и героиня оказались на холме, отрезанном от мира водой, проголодались и начали вспоминать гастрономические блюда.

— Я тоже читала, — кивнула Тая. — Гурман я плохой, мне бы хлебушка к этой рыбке и больше ничего не надо.

— Соли и пива, — добавил Иван, обгладывая рыбьи кости.

Насытившись, прилегли у костра. Смены дня и ночи в этой

стране не было, но организм сам давал знать, что нуждается в отдыхе.

— Вообще-то спать лучше в помещении, — проговорил Иван.

— Да-да, я сейчас... — сонно пробормотала Тая.

Иван собрался было по ее примеру подремать — идиллическая картина древней природы была настолько мирной и спокойной, что все тревоги и страхи отошли на второй план, — как вдруг из-за пальмовидных деревьев к ним метнулась громадная птица с голым почти полуметровым черепом. Птица имела короткое туловище, когтистые лапы, двухметровые кожистые крылья и длинный гибкий хвост.

Иван вскочил и замахал стержнем, отгоняя невиданную птицу. Она, шипя и шумно хлопая крыльями, сделала над ними круг, открывая и закрывая страшный, усаженный крючкообразными зубами клюв, хрипло проклекотала и полетела обратно, выделывая резкие виражи.

— Для полноты впечатлений нам только птеродактилей не хватало, — сказала побледневшая Тая, с которой разом слетел весь сон.

— Это не птеродактиль, — сказал Иван. — Птерозавр, но какой — не помню точно. По-моему, диморфодон.

— А говорил — дилетант в биологии.

— Просто интересовался когда-то историей возникновения жизни. Вот тебе и еще одно доказательство, что мы на Земле. Ну что, потопали в наш большой дом? Здесь оставаться рискованно.

Пошли пятые сутки их блуждания в неизвестном мире.

Этаж здания, примыкающий к юрскому периоду мезозоя, был слишком неуютен и сыр, чтобы искать в нем пристанище для ночлега. Но и на свежем воздухе устраиваться спать было опасно: хищников в мезозое хватало.

Иван вспомнил кентавров, их всадников, летающую махину диморфодона и с сомнением взвесил в руке оружие. Увы, гарантии безопасности этот стержень дать не мог.

— Остается лифт, — сказал эксперт, не видя в темноте выражения лица Таи. — Или не будем больше рисковать опускаться?

— А чем мы рискуем? — тихо спросила девушка.

«Действительно, чем? — подумал Иван. — Ну вылезем где-нибудь в палеозое, и что? Что здесь, что там — одинаково опасно, зато, может, попадется сухой этаж...»

— Решено. Попробуем подняться вверх, может, и встретим по дороге кого-нибудь.

Лифт услужливо открыл им дверь в решетчатый куб кабины. Пахнуло незнакомым ароматом, в котором смешались запахи цветов, плодов и нагретого металла. На панели управления горело окошечко с цифрами: «— 150 000 000».

Иван поразмышлял и нажал самое верхнее окошко. Дверь закрылась, но кабина осталась на месте.

Так. На самый верх везти не хочет. Попробуем чуть ниже. Но и вторая сверху пластина не оживила лифт, лишь где-то за стенками кабины прозвенел звонок. Иван перепробовал все десять пластин-окошек до их этажа — безрезультатно.

— Придется ехать вниз, — упавшим голосом сказал он Тае. Девушка кивнула, пытаясь ободряюще улыбнуться.

Иван тронул пластину ниже светящейся, и повторились те же ощущения, как и всегда при спуске в этом странном лифте: толчок в ноги, волна тепла, давление на уши, тяжесть в теле, потом невесомость, покалывание внутри глазных яблок, слабость...

Они вышли на ярко освещенную площадку. Светились зеленые стены, светился потолок, светились пол и даже трубы лифта. Белое сияние заливало коридоры, уходящие в белесый туман свечения. Тихо, ни звука. Не тепло, но и не холодно.

— Годится? — полуутвердительно сказал Иван и первым шагнул в один из совершенно пустых и стерильно чистых коридоров. О том, что свечение может оказаться побочным спутником радиации, он старался не думать, да и обострившаяся интуиция не поднимала тревоги.

Тая шла, спотыкаясь, но не ропща, однако было видно, что идет она через силу. Тогда Иван посадил ее у стены, дал в руки нож, а сам пошел вперед в надежде отыскать какую-нибудь нишу или комнату. Но этот коридор не имел дверей, зато имел дыру в полу, сквозь которую слышался плеск воды. Через несколько десятков шагов появилась еще одна дыра. Чем дальше Иван шел по коридору, тем труднее становилось идти, пока путь не оказался совсем перекрыт длинным провалом: пол здесь на протяжении десятка метров просто отсутствовал.

Иван с опаской приблизился к краю провала, но мрак внизу был слишком густым, чтобы хоть что-нибудь разглядеть. Тогда эксперт вернулся к спутнице. Девушка спала в том же положении, в каком он ее оставил. Иван покачал головой, стянул куртку, свернул и сделал подушку. Потом осторожно уложил Таю у стены и лег сам. Тишина не нарушалась ни единым звуком, и вскоре сон сморил и его.

ГЛАВА 7

Второй коридор заканчивался чем-то вроде тамбура — кубическим помещением с двумя дверями. Стены его не светились, воздух был теплым и влажным, в нос бил неприятный запах гнили, хотя вокруг было чисто.

Иван помешкал, прежде чем открыть вторую дверь, первая уже закрылась за ними, отрезав доступ в сухой и светлый коридор. Видимо, выходом недавно пользовались, и запах гнили был запахом той местности, которая ожидала за дверью. Тая уловила его колебания, но молчала, и Костров почувствовал прилив благодарности и нежности к попутчице, тонко понимающей его состояние. Она была уверена в нем до конца и поэтому спокойна, ведь недаром же она полностью доверилась ему во всем, признав за ним право защиты. Как поется в песне: «но дело мужчин — пересилить тревоги...» А может быть, это шанта — низшая форма любви, выражающаяся в спокойной уверенности, как говорит йога?

Иван уловил слабое пожатие пальцев Таи и ударил кулаком в металлическую полосу, разделявшую дверь на две половины. Дверь втянулась в полосу, исчезла.

Волна жаркого, душного и сырого воздуха окатила их. Воздух был наполнен тяжелым смрадом болота, сырой земли и зелени, дурманящим запахом гниющих трав и грибов, удушливой вонью сернистых газов. Тая закашлялась, зажимая рот рукой. Дышать было тяжело. Теплая липкая сырость невидимой пленкой легла на лица и руки, сдавила тела.

Прямо напротив двери рос из земли буро-зеленый ствол какого-то растительного великана, покрытый жесткими выпуклыми ромбами коры. За ним в зелено-желтом полумраке выступали силуэты других величественных колонн, полностью загораживая небосклон. У подножия великанов виднелись их ветвящиеся корни, похожие на кровеносные сосуды человеческой руки.

Лавина звуков, тихих, но отчетливых, влилась в уши: сопение, чавканье, вздохи, шипение, хруст... Жизнь какой эпохи воскресла перед ними? С помощью каких чудес?..

Совсем близко раздался квакающий рев, будто взревел гиппопотам, захлебываясь и пуская пузыри в болотной жиже. Ему ответил второй гиппопотам, чуть подальше, и еще один — совсем далеко.

Иван ободряюще улыбнулся потерявшей уверенность Тае и, шагнув из тамбура, оказался по колено в воде. Тыкая вперед стержнем, он двинулся в глубь заболоченного леса от ствола к стволу, то выбираясь на сушу, то снова попадая в мелкие зеленые или ржавые лужи стоячей воды.

В этом лесу встречались деревья, прямые, как столбы, без ветвей, похожие вверху на ершик с густой щетиной листьев, деревья с рубчатыми стволами и редкими, как растопыренные пальцы, ветвями, деревья чешуйчатые, с десятками ярусов звездчатых ветвей, кругами опоясывающих ствол, деревья, усыпанные иглами от комля до вершины...

Над головой плыла крыша из перистых канделябров, громадных пушистых хвостов, чудовищных шишек, листьев на концах развилин и ажурных ветвей, похожих на пальмовый веер.

Под ногами цвел ад пропитанных влагой мхов, хвощей, папоротников и грибов, пробираться сквозь который было трудно и противно.

Иван обливался потом, но упорно шагал вперед, чтобы убедиться в том, что попал в тот же двор с золотым столбом, окруженный кольцом здания. Вскоре впереди наметился просвет, и они вышли к небольшому вывалу в лесу: с десяток стволов валялись в болотной жиже, придавив друг друга. Нижние из них уже наполовину сгнили, верхние только покрылись синеватой плесенью и семьями грибов, похожих на ярко-розовые уши.

Желтое сияние в просвете зеленых крон подтвердило принадлежность леса к территории двора.

— Палеозой, — сказал Иван, дыша открытым ртом. — Здесь нам делать нечего.

Издалека прилетел знакомый булькающий рев. Где-то рядом кто-то пробежал, шлепая по воде и ломая папоротники. С дерева в двух шагах от людей упало в лужу гигантское насекомое, похожее на клопа, и тут же зарылось в грязь.

Таю передернуло. Иван ударил по грязи стержнем и махнул рукой, подзывая девушку:

— Держись ближе.

Они вернулись к стене здания и с трудом отыскали дверь в тамбур: стена была вся обвешана плетями каких-то ползучих лиановидных растений, пятнами плесени и мха. В тамбуре их ждал сюрприз: как только дверь закрылась, в стенах и потолке загорелись красные квадраты, волны пурпурного сияния залили помещение, повеяло озоном. Путешественники почувствовали жжение на коже лица и рук, стало невыносимо жарко, но длилось это недолго. Квадраты погасли, жара спала, и открылась дверь в знакомый коридор со светящимися стенами.

— Уфф! — сказал Иван с облегчением, когда они выскочили в коридор. — Чистилище! Здесь хоть дышится нормально. Искупаться бы, как в прошлый раз.

Тая согласно кивнула. Одежда их так пропиталась грязью, что, высохнув, стала походить на жестяные доспехи.

Отдохнули в зале с трубой лифта. Этот горизонт здания был пустынен и тих, как покинутый пакгауз. Видимо, даже пауки посещали его редко. Можно было попробовать подняться по лестнице вверх, но лестничная клетка не светилась, а спичек в коробке осталось совсем мало, поэтому Иван решил еще раз попытать счастья с лифтом.

Они вызвали кабину и помчались вниз: кнопки-окошки верхних этажей здания не включали механизм лифта.

Сначала они вышли в силуре.

Взору предстала плоская равнина, усеянная бесчисленными лужами, озерами и лагунами солоноватой воды, отгороженными друг от друга полосами серо-зеленой тины, песчаными валами и цепочкой ржавых плоских камней. Растения здесь напоминали невысокие ветвящиеся трубки без листвы с закрученными спиралью верхушками.

Иван решил проверить глубину работы лифта, и во второй раз они вышли уже в царстве кембрия: та же равнина, но покрытая темной коркой такыра, широкие и мелкие водоемы, по берегам — приземистые растения. Животных видно не было, воды лагун, прозрачные и мертвые, отражали текучий желтый пламень горячего столба на горизонте. Низкий гул растекался по равнине, дрожала земля, по лужам бежала рябь. Дышалось в этом краю тяжело, хотя жары не ощущалось.

Путешественники побродили по берегу одной из лагун, по молчаливому согласию искупались по очереди в теплой и прозрачной до самого дна воде. Пока Тая занималась стиркой, Иван искал хоть что-нибудь съедобное. На пробу он выдернул одно из хилых растеньиц и обнаружил нежную белую луковицу. Попробовал на зуб: водянисто, кисловато. Съел, прислушался к ощущениям. Когда Тая позвала его, Иван притащил целую связку луковиц, и они наелись первым из растений, почти безвкусным, но зато и безвредным.

К концу дня, отмеренного часами Ивана, решили еще раз поискать выход из здания или хотя бы встретиться с пауками. В голове эксперта засела мысль попросить паука отвести их к людям или вывести из здания на другую сторону. На худой случай можно было просто попросить еды — принес же паук флягу с водой.

Горизонт здания, выходящий на сушу кембрийского периода палеозойской эры, был чист, светел и полон механической жизни. Коридоры в нем были не коридорами, а металлическими тоннелями разного сечения. Стены в них представляли собой то гладкие плоскости с рядами круглых вмятин, то невообразимые решетки, озаренные всполохами цветных огней из глубин здания. Воздух был напоен ароматами нагретого металла и пластика, озона и смолы, краски и каких-то неизвестных горьковатых или, наоборот, кислых и сладких испарений. Отовсюду гудело, позванивало и посвистывало, хрипело и дышало, пело на разные голоса и шелестело, словно кто-то невидимый перелистывал страницы сразу двух десятков книг.

Иван и Тая неторопливо шли тоннелем, поминутно ожидая сюрпризов, но, кроме обильного звукоизвержения, невидимая

жизнь здания ничем себя не выдавала. Только однажды по стене мимо них пронесся паук, и снова лишь звуковая каша выливалась из-за стен, то сплошных, то дырявых, то прозрачных, то непрозрачных...

— Шумновато, но безопасно, — решил Иван, весь травянисто-зеленый от спрятанных в толще стен светильников. — Автоматика у них полностью самостоятельная и не должна причинять вреда живым существам, в том числе и нам. Помнишь три азимовских закона робототехники?

— Помню. Но все же здесь мрачновато. У меня такое впечатление, будто эти тоннели не предназначены для людей. Давай вернемся.

Иван задумчиво замедлил шаги.

— Наверное, ты права. Но и я тоже прав: если уж пауки не причинили нам никакого вреда, то и остальные киберы не причинят. Я все-таки хочу попытаться выйти на другую сторону здания. Странно, что мы все время выходим только во двор.

Через несколько сотен шагов тоннель разделился на два, вернее, от него ответвился узкий ход. Иван, не задумываясь, свернул в этот ход, так как вел он, по его расчетам, именно к внешней стороне здания.

В коридорчике, настолько узком, что два человека с трудом могли разойтись в нем, было довольно жарко, стены тряслись мелкой горячечной дрожью. Коридорчик оказался коротким, около полусотни метров, и вывел в самый широкий из всех коридоров, которыми когда-либо проходили путники. Ширина его достигала двадцати метров — Иван специально измерил шагами, высота — около семи-восьми метров, и стены его от пола до потолка были забраны шестигранными выпуклыми щитами, похожими на панцири черепах. Пол коридора был коричневым и упругим, словно покрытый толстой каучуковой дорожкой, потолок казался стеклянным.

Иван вышел на середину коридора, осмотрелся. Источниками желтоватого света служили некоторые из щитов на стенах у потолка.

— Больше метра, — прошептала Тая и вдруг зажала рот ладонью, показывая вперед.

Иван машинально заслонил собой девушку, вглядываясь в сумеречную даль коридора, и увидел вдалеке... человека! Незнакомец сидел на полу, прислонясь к стене, и не двигался.

Иван встретил взгляд Таи, полный тревоги и надежды. Одно из двух, говорил этот взгляд: или это враги, или одна из их жертв.

Второе предположение оказалось верным: у стены сидел мертвый человек в необычного покроя розовом костюме. Очевидно, он долго полз по коридору, оставляя кровавый след, после того

как в него выстрелили из какого-то лучемета, прожегшего сквозную дыру у основания шеи.

— Эй! — шепотом позвал Иван.

Никакой реакции.

— Он... мертв! — прошептала сзади Тая.

— Кровь еще не свернулась... — Иван тронул незнакомца за плечо и отпрянул. Человек пошевелился, открыл глаза, мутные от боли и страдания. Он был бледен до прозрачной синевы, но могуч телом, широк в плечах. Лицо вытянутое, сдавленный у висков лоб, волосы короткие, ежиком, светлые, глаза тоже бледные — не голубые и не серые, но рот жесткий, прямой, привыкший повелевать. Если бы не дурацкий костюм с рюшами, воланами и пышным жабо у шеи, его можно было бы принять за армейского командира. На вид ему было около сорока лет.

— Давайте помогу, перевяжу, — сказал Иван.

Глаза незнакомца приобрели осмысленное выражение, губы шевельнулись, но ничего не произнесли. Человек еще мгновение смотрел на Ивана из-под тяжелых пришуренных век, перевел взгляд на Таю, потом откинул голову к стене и закрыл глаза. По телу прошла дрожь, рука его, сжатая в кулак, безвольно сползла с груди на пол.

— Все! — глухо сказал Иван, отступая.

— Господи! — простонала Тая с рыданием. — Да что же здесь творится?!

Иван обнял девушку за плечи, успокаивая, повел прочь. Хоронить незнакомца было негде.

— Не плачь, ему уже ничем не поможешь.

Пройдя с полкилометра по этому коридору, они вдруг увидели еще одного человека, неподвижно сидящего у стены возле одной из дверей. Переглянулись.

— Везет нам на трупы! — со смешком произнес Иван, чувствуя ледяной озноб.

Но этот человек был жив и даже не ранен.

Не сговариваясь, они бросились к незнакомцу, нагнулись к нему с двух сторон. Человек открыл глаза, прозрачные, как хрусталь. Лицо у него было круглое, плоское, с безвольной и капризной складкой губ, что было необычно для мужчины с внешностью чемпиона по бодибилдингу. Одет он был в оранжевую блестящую рубаху необычного покроя и ярко-желтые брюки, тоже блестящие, словно из цветной металлической фольги. Такими же были и туфли — металлическими на вид, со множеством деталей.

— Что с вами? — спросил Иван. — Вам плохо?

Человек оглядел их равнодушно, задержавшись взглядом на Тае, и снова откинул голову к стене, закрыл глаза.

Иван и Тая переглянулись недоумевающе.

— Вам плохо? — повторил вопрос Иван. — Вы меня слышите? Кто вы?

— Мне хорошо, — неожиданно проговорил незнакомец звучным голосом с каким-то неуловимым акцентом. — Я Лаэнтир Валетов, двадцать первый. А вы — девятнадцатый? — Он приоткрыл глаза и снова посмотрел на Таю.

— Почему девятнадцатый? — не понял Иван.

Незнакомец продолжал смотреть на Таю, и она невольно спряталась за спину товарища, краснея и поправляя одежду.

— Девятнадцатый век, — без всякого выражения сказал Валетов. — Я из двадцать первого, вы...

— Из двадцатого, девяностый год. Значит, вы тоже не отсюда?

— Вопрос некорректен логически. Я спал в лесу, проснулся здесь... — Речь незнакомца была медленной, словно он говорил нехотя, через силу, акцент в ней ощущался отчетливо, но какой-то необычный акцент — не грузинский или англоязычный, а другой.

— И долго вы здесь бродите? — вырвалось у Таи.

— Месяц... может, два... не знаю... Нас было двое...

Иван и Тая обменялись красноречивыми взглядами.

— Ваш товарищ случайно не в розовом бала... костюме?

— В унике с оптимизатором, в розовом. Вы его встретили?

— Он мертв.

Глаза Лаэнтира стали совсем прозрачными, почти невидимыми, так что он стал похож на робота.

— Не повезло Марту, все-таки нарвался на контролеров.

Иван снова переглянулся с Таей.

— Вы так спокойно говорите об этом... Кто такие контролеры? Молодые ребята в странных дымящихся комбинезонах с необычными пистолетами?

— У них «универсалы». — Лаэнтир Валетов потерял интерес к разговору, замолчал, глядя в стену перед собой ничего не выражающим взглядом, потом и вовсе закрыл глаза.

— Но кто они такие? Почему охотятся за людьми?

Молчание.

— Ну хорошо, а из здания можно выйти наружу? Не подскажете?

— Какое здание вы имеете в виду? Это не здание, а шахта... и выйти наружу отсюда невозможно, я пытался.

— Так давайте попробуем еще раз, вместе!

Глаза Валетова открылись, тусклые, равнодушные и отрешенные.

— Бессмысленно. Я сделал много попыток, убедился... Идите одни, обреченные.

Иван разочарованно разогнулся.

— Но, может, вы больны? — спросила Тая робко. — Мы вам поможем...

— Чем? — Глаза Валетова остановились на рваной штормовке Таи. — Я в вашей помощи не нуждаюсь. — Гость из двадцать первого века расслабленно двинул рукой и сделал вид, что уснул.

Иван с Таей потоптались рядом, отошли в сторону.

— Что делать? — шепотом спросил Иван.

— Странный какой-то... Его нельзя оставлять в таком депрессивном состоянии. По-моему, он болен.

— Так что же, тащить его силой? Куда? Он же сказал, что не знает выхода. Вот не думал, что наши потомки будут такими... такими, — Иван поискал слово, — рыхлыми, вялыми.

— Ну, не все же они такие. А ты веришь, что он из двадцать первого?

— А ты?

— Не знаю. Я уже настолько привыкла ко всему, что не удивлюсь, если он действительно оттуда. И все же оставлять его нельзя, ты только посмотри на него — он явно подавлен и пропадет один.

Иван подумал, кивнул, сделал шаг к сидящему, но тот вдруг молча вскочил и быстро пошел прочь, в глубину коридора.

— Ален... Лаэнтир! — окликнула Тая.

Незнакомец уходил, не отвечая, и вскоре пропал вдали, так и не обернувшись ни разу.

— Черт с ним! — хмуро сказал Иван. — Не драться же с ним.

Они прошлись в молчании по коридору в обратном направлении, переваривая необычную и не очень приятную встречу. У Ивана зрела мысль, что в здании могут бродить и другие люди, причем из разных веков, если верить словам Лаэнтира. Выходит, есть надежда рано или поздно повстречаться с ними... если только раньше не встретятся «десантники». Контролеры, как сказал Лаэнтир. Что они контролируют? Работу шахты? И устраняют всех, кто может помешать? Тогда почему сами себя они называют «санитарами»?

В левой стене коридора открылось круглое черное оконце.

Иван подошел, заглянул в него, и ему показалось, что сквозь длинную трубу он увидел далеко-далеко синее небо.

— Там! — прошептал он, тыкая стержнем в окно. — Там выход! Видишь?

Они долго смотрели в трубу, потом Костров спохватился:

— Что мы стоим? Надо лезть туда...

— Подожди. — Тая схватила его за полу куртки. — Мне почему-то страшно! Там... как пропасть!

Иван пожал плечами, перехватил удобней свою палку.

— Сейчас проверим.

Он ткнул в оконце, пытаясь нащупать стенки трубы, и в тот же момент за окном грохнуло, вспыхнуло, длинные голубые искры выплеснулись оттуда, одна обожгла Ивану щеку.

Вздрогнули стены, пол. Снова грохнуло, новый толчок отбросил людей от окна, и вовремя: толстая струя черного дыма ударила из трубы в противоположную сторону коридора, и тотчас же выпуклые щиты с шипением принялись метать в эту струю электрические молнии. Запахло озоном и паленой резиной. Черный туман распался на струйки и растаял, наступила тишина, в которой где-то далеко раздался вопль паука.

Стены качнуло в последний раз, дернулся пол, из окна вылетел какой-то бесформенный сгусток, упал на пол и заскреб тонкими паучьими ногами. Паук! Вернее, полпаука, остальное отсутствовало.

Тая зажала рот руками. Иван встал, помог встать спутнице и повел ее прочь, чувствуя жжение на щеке и что-то липкое, стекающее за воротник. Потрогал рукой — кровь.

— Вот тебе и выход! — пробормотал он.

Тая заметила кровь.

— Ой! Ты ранен! — Она достала носовой платок и осторожно промокнула кровь на шее Кострова. — Царапина, да еще обожженная. Останется теперь на всю жизнь.

— Пустяки, — махнул рукой Иван и подумал: «Сколько той жизни осталось!.. А ну как придется тут жить? Сколько можно будет выдержать? Месяц? Год?.. Конечно, если основать колонию, нарожать детей, вырастить племя, то предаваться унынию будет некогда... С другой стороны, как на это посмотрит Тая?.. Безумие!»

По знакомому узкому коридорчику они вернулись в металлический вибрирующий тоннель и наткнулись на целое стадо пауков, тащивших здоровенный рулон рубчатой коричневой ленты. Один из пауков бросил свой край (на его место тут же встал другой) и подбежал к людям.

— Привет! — пробормотал Иван, выставляя вперед стержень. — Чего надо? Уставился, будто я у тебя что-то взял... Лучше бы поесть принес. Ферштейн? Ду ю спик инглиш? Еда, пища, жратва, шамовка — понял? Принеси поесть!

Паук в замешательстве закатил глаза, пошевелил передними ногами, рванул с места и пропал в ближайшей нише.

— Было бы здорово, да? — сказала Тая, проглотив слюну.

Иван кивнул, достал флягу, напился и протянул девушке.

— Пей. Пусть вода и не заменит сметаны, как утверждают оптимисты, но желудок все же не пустует.

Они вышли из тоннеля в зал с лифтом и нажали на следующую кнопку. Иван не замечал, что нажимает одну и ту же, под

светящимся окошечком, но ему казалось, что количество кнопок постепенно уменьшается по мере движения лифта. Уже включив механизм лифта, Иван горестно воскликнул:

— Эх, надо было подождать! Вдруг паук принес бы поесть?..

Когда лифт остановился, в окошечке светилось: «А — 2,5 млрд.».

— Ага, — сказал Иван. — «А» — это, очевидно, архей.

— А «минус два с половиной миллиарда» — два с половиной миллиарда лет назад, — подхватила Тая. — Ну и занесло же нас!

Дверь растаяла белесым облачком, и они вышли в низкий зал, сотрясаемый крупной дрожью. Стены зала были сложены из шершавых плит, на вид свинцовых или чугунных. Потолок багрово светился, как раскаленный лист металла, но особой жары не ощущалось. Дышать было трудновато из-за массы незнакомых запахов, хотя иной раз обоняние улавливало знакомую вонь сернистых газов, гнили и горечь ацетилена.

— Мне здесь не нравится. — Тая зажала рот и нос платком и говорила невнятно. — Пойдем еще ниже.

Иван отрицательно качнул головой.

— Посмотрим, куда заехали.

С полчаса они плутали в лабиринтах тоннелей и коридоров, похожих на те, что были ими обследованы ранее на других горизонтах, а затем встретили знакомого черного всадника — странное и страшное существо в черных доспехах с одним горизонтальным глазом, налитым алым свечением.

Всадник, топая так, что тряслись стены и пол, вышел откуда-то из-за угла, подошел к тупику коридора, выпростал из-под доспехов нечто похожее на обрубок руки, и в стене образовалась круглая дыра, края которой, вскипев белой пеной, остыли молочно-прозрачным воротником. Не обращая внимания на людей, черный всадник втиснулся в дыру, а через минуту раздался равномерный удаляющийся стук — это мчался кентавр.

Подождав немного и придя в себя, путешественники подобрались к проделанному отверстию, сделав предварительно повязки на нос и рот, чтобы хоть чуть-чуть очищать вдыхаемый воздух от пыли и удушливых газов, проникавших в коридор снаружи.

Черный всадник исчез.

За стеной здания расстилалась угрюмая, коричнево-желтая, с красными и бурыми холмами равнина. На вершинах холмов стояли глыбы иссеченных трещинами скал, в долинах между холмами скопились груды камней. На ближайших из них виднелись зеленоватые и черные наросты, словно корки накипи. К небу поднимались столбы испарений, что-то шипело, доносился плеск воды.

По небу неслась бурая пелена туч, сквозь которую иногда

проглядывал алый светящийся столб на горизонте, откуда растекался по равнине гул, перебиваемый иногда басовитыми ударами.

Иван смотрел бы на древний ландшафт еще долго, но Тая зашлась в кашле. Пришлось возвращаться.

Искушать судьбу еще раз не хотелось, впору было плакать от отчаяния: лифт не работал на подъем, а нижние этажи наверняка соседствовали с более древними периодами истории Земли. Тая первой вспомнила о лестнице, и они тут же полезли по темной спирали со ступеньками — лишь бы выбраться к чистому воздуху: в этом горячем киселе из разнообразных газов дышать было почти невозможно.

Следующий этаж ничем не отличался от первого, и они двинулись дальше, миновали третий, четвертый, пятый, пока на шестом Тая не села на ступеньку.

— Устала, отдышусь...

Иван оставил ее сидеть и выглянул с лестничной клетки в зал.

Полумрак, зал круглый, без трубы и лифта в центре. Еще жарко, но дышать уже легче.

— Пожалуй, пару этажей пропустим, и порядок.

Поднялись еще на три этажа. На лестнице было темно, но выходы из лестничного проема на этаж были видны серыми или голубоватыми прямоугольниками.

Этот зал тоже был круглый, без лифта. Иван вяло удивился — трубе лифта вроде бы некуда деваться, но тут же забыл об этом. Как и везде — три коридора, два темных, третий освещен голубым светом. Он был необычный — треугольный в сечении, причем полом служил один из углов.

Тая попросила пить, потом со вздохом села прямо на пол.

— Все, хочу спать!

Иван посмотрел на часы: семь с минутами. Утро ли, вечер, разве разберешь? Он начал стаскивать свою повидавшую виды куртку, которая потеряла былой лоск и цвет.

— Что ж, я не против, давай спать. Спешить нам некуда.

С лестничной площадки просачивались в зал тихие скрипы, шелест и бормотание, изредка подрагивал пол — дыхание неизвестного катаклизма, зажегшего во дворе чудо-здания колоссальный золотой костер.

ГЛАВА 8

Несколько часов они бродили с этажа на этаж, усталые и голодные, невольно вспоминая встречу с Лаэнтиром из двадцать первого столетия. Везде было одно и то же: пустые коридоры, то светлые, то темные, с дверями и без них, пыльные или абсолютно

чистые, с надписями на дверях: «Осторожно! Не входить!» или «Опасность! Хронорадиация!» и другими предупреждающими и запрещающими.

Тая заметно пала духом и больше молчала. Иван мучился, не зная, как ее подбодрить, хотя и сам не ощущал ни бодрости, ни решительности, только желание, чтобы их долгое путешествие побыстрее закончилось.

На сорок втором этаже, считая от «архейского», они отыскали комнату с окнами во двор и с высоты в сто с лишним метров увидели ту же холмистую равнину с каменными россыпями, редкими озерцами, столбами испарений и малиновым свечением вечного дымного столба в центре котловины.

Молчали. Иван машинально отпил воды, предложил Тае, но та отказалась. Снова пошли бесконечными коридорами, уже не обращая внимания на перемены в их обстановке. Ивана долго мучил вопрос, почему в круглых залах, соседствующих с лестничной клеткой, нет трубы лифта. Судя по расположению залов, труба должна пронизывать их насквозь, но этого не было, залы пустовали. Но ведь лифт-то существовал! И исправно доставлял пассажиров с этажа на этаж... С этажа на этаж... вниз... Как же это получается? Прошли уже сорок второй этаж, а в залах — ни следа лифта! Выходит, лифт перебрасывает не с этажа на этаж, а сразу через десятки этажей? Какой же шаг этой дискретности? Отделяющий, кстати, эпоху от эпохи... Сто этажей? Пятьдесят? Судя по высоте здания со двора, в нем по крайней мере сто пятьдесят этажей, выше верх здания начинает расплываться и таять...

Иван остановился, повернулся к спутнице.

— Я догадался, в чем тут дело.

Тая беззвучно кивнула, потом под его взглядом попыталась приободриться.

— В чем же?

— По-моему, лифт работает избирательно, не с каждого этажа, а через какое-то количество этажей, может быть, через сто. Ты видишь, в тех залах, где он должен проходить, нет трубы.

— А ты как себе это объясняешь? Как кабина может двигаться без колодца? Или, по-твоему, она обладает свойством пронизывать межэтажные перекрытия?

— Вот именно. И не лифт это вовсе, а машина времени, вернее, машина времени и пространства.

— Ты не оригинален.

— Я и не претендую на оригинальность, я размышляю. Все же попробуем определить шаг нашего лифта, не возражаешь?

Они снова вернулись в круглый зал и полезли по нескончаемой лестнице вверх, радуясь, что не приходится пока преодолевать разрушенные пролеты. Однако много пройти они не успели.

На пятидесятом этаже их настигли грозный гул, грохот рушащихся стен, дрожь ступеней. Где-то близко послышался звон бьющегося стекла, длинные тревожные звонки, удары в гонг и вопли пауков. Толчок в ноги едва не сбросил путешественников вниз.

Иван помог удержаться Тае, и они замерли, прислушиваясь к внезапно ожившей тишине.

Звонки, свисты, топот, далекий грохот, вибрация стен... И вот сквозь этот гвалт и шум донесся размеренный человеческий голос:

— Хронопробой! Глубина тысяча двести сорок три года, коррекция сверху не проходит. Горизонт в провале, горизонт в провале! Произвожу хроносброс во внешний мир. Прошу покинуть горизонт. Всем ТФА покинуть горизонт! Даю отсчет: пять минут, четыре минуты пятьдесят девять, четыре пятьдесят восемь...

— К лифту! — выдохнул Иван, спрыгивая на площадку. — Вниз! У нас в запасе всего пять минут!

И они помчались по ступенькам вниз, спотыкаясь в темноте, оступаясь, падая, не замечая боли, не обращая внимания на спасающихся бегством пауков. Они бы не успели: Иван отсчитал всего двадцать этажей, когда пошла пятая минута. Но вмешались силы, которые раньше считались если не враждебными, то индифферентными к людям, — пауки. Они вдруг подхватили Ивана и Таю, несмотря на их сопротивление, и потащили на себе с головокружительной быстротой. Иван догадался, что им хотят помочь, и перестал сопротивляться. Секундой позже прекратила сопротивление Тая.

Через полминуты их выгрузили у открытой двери лифта и оставили в покое. Кабина лифта оказалась забитой пауками так же, как и в прошлый раз, когда они спасались от неведомого провала.

Иван подхватил покачнувшуюся девушку и втиснулся в кабину. Тотчас же дверь за ними закрылась, знакомое ощущение падения, жаркого ветра и навалившейся тяжести охватило людей. Лифт двигался недолго — несколько минут. Остановился. На индикаторе этажа горела волнистая зеленая линия, упиравшаяся в пульсирующий голубой огонь, и больше ничего. Дверь открылась, пауки торопливо разбежались по своим делам.

Иван взял Таю под локоть и вылез из кабины в фиолетовый сумрак нового зала.

Этот зал не был похож на прежние, где останавливались лифты. Он был не круглым, а квадратным и зарос лесом колонн, подпиравших низкий потолок. Материал потолка напоминал пористую губку и местами светился упрямым фиолетовым светом. Пол был металлический, блестящий, колонны — черные, матовые, теплые и шелковистые — мелко вибрировали. В зале было холод-

но, гулял сквозняк, принося знакомые запахи, чаще запахи плавленого камня и асфальта.

Пол зала часто вздрагивал, из недр здания прилетал хриплый низкий рык.

Иван обошел зал по периметру и нашел только два выхода: один на лестничную клетку, другой в треугольный коридор с рядом узких окон, забранных решетками и черным стеклом. В иных стеклах мерцали отблески огня, словно за ними горели костры, на других высвечивались разные цифры или непонятные знаки. И везде было полно пауков, блестящих усатых полусфер, черных всадников и летающих морских ежей, иглы которых то удлинялись, то укорачивались, отчего казалось, будто ежи дышат.

Коридор закончился тупиком с круглым черным окном. Под окном на отогнутой панели торчали штурвальчик и несколько тонких стерженьков. Когда люди приблизились, на панели загорелся красный глаз, словно предупреждая об опасности.

— Это нам знакомо, — пробормотал Иван, пробегая глазами значки над стерженьками. — Откройте дверь!

На панели вспыхнула зеленая стрелка, указав на один из стерженьков.

Иван победно взглянул на Таю и пошевелил стерженек. Красный глаз запылал ярче, из стены раздался голос:

— Прошу надеть ТФЗ. Наденьте ТФЗ. Выход без ТФЗ запрещен!

Тая улыбнулась.

— Ну что же ты? Где твой ТФЗ? Надевай и иди.

Иван смущенно почесал затылок, потом с усиленным вниманием начал изучать знаки над сенсорной клавиатурой панели.

— ТФЗ ассоциируется у меня с ПХЗ — противохимической защитой, — сказал он. — Очевидно, это тоже какая-то защита — скафандр, например. А скафандры всегда имеют место быть в специальных боксах у выхода или входа в опасную зону. Ага, может, вот эта кнопочка сработает?

Иван тронул сенсор в углу панели, и тотчас же рядом с люком распахнулись дверцы шкафа, встроенного в стену. Впрочем, «распахнулись» — не то слово, дверцы свернулись валиками вокруг невидимых осей. Взору представилась ниша, похожая на пчелиные соты. Материал сот светился зеленоватым светом, и на каждой ячейке, затянутой полупрозрачной пленкой, явственно проступали буквы: ТФЗ. Иван насчитал двадцать восемь ячеек, три из них светились, были пустые. Тогда он дотронулся своим щупом до одной из ячеек, и автоматика бокса послушно выдала ему серебристый слиток металла, опутанный стеклянной сеточкой.

— Что стоишь? Надевай, — засмеялась сзади Тая. — Это скорее похоже на окорок в фольге.

— Если бы это был окорок! Тут должна быть инструкция... — Иван взял с лопаточки манипулятора слиток. — Легкий, как из пластика... — Он не договорил.

Слиток вдруг вскипел и растекся пленкой по рукам, по груди, добрался до ног и головы Кострова. На миг перед глазами все померкло, стало трудно дышать, и в ту же секунду неприятные ощущения исчезли. Он снова стал видеть и дышать, а во всем теле появилась приятная легкость. Видимо, пленка ТФЗ играла роль экзоскелетных мышц, увеличивающих силу человека.

— Порядок, — произнес Иван, протягивая второй слиток Тае и жестом показывая: надевай. Ее голос он не слышал, как и она его — материал шлема не пропускал звуков.

Через полминуты девушка стояла рядом, облитая бликующей пленкой скафандра. Связь установилась сразу же, как только Иван повысил голос, пытаясь докричаться до спутницы.

— Ну как?

— Нормально, — ответила слегка ошеломленная девушка. — Автоматика здесь действительно высокого уровня. Но ты уверен, что мы сможем в них долго дышать? Никаких баллонов-то с кислородом нет.

— Я тоже подумал об этом, но, скорее всего, в скафандр встроены фильтры или вообще синтезаторы воздуха. Ну что, пошли полюбуемся на пейзажи данного временного горизонта?

— Веди, начальник, — храбро ответила Тая.

Иван подошел к панели в тупике коридора, снова дотронулся до стерженька, на который указывала зеленая стрелка. Красный глаз на панели потух, сам собой завертелся штурвальчик, панель вместе с глыбой люка отъехала в сторону, открывая полутораметрового диаметра проход.

— Время обеспечения — сорок, — раздался в ушах равнодушный голос.

— Слышал, Ваня? — откликнулась девушка. — Сорок — чего?

— Минут, наверное, — пожал плечами Иван, в глубине души понимая, что количественная мера времени хозяев хроношахты может и не равняться минуте. — Мы не собираемся торчать там больше четверти часа.

Он первым, согнувшись, полез в отверстие люка, преодолел таким образом метров пять металлического тоннеля-тамбура и вышел из здания на пригорок.

Перед ним вырастала горная страна, хаос скал, ущелий, каменных стен и полок, гребней и провалов. Склоны гор были черного, коричневого или фиолетово-сиреневого цвета, курились сизыми дымками. А над ними дрожал колоссальный бело-золо-

той столб, вспухающий фонтанами, факелами и облаками оранжево-желтого огня. При каждом появлении фонтана дергалась земля под ногами, а от столба доносился низкий раскатистый гул.

Перед людьми простирался ландшафт криптозоя Земли, жизнь еще только начинала свое шествие по океанам — в виде эобионтов, белковых капель. Впереди простирался слой времени толщиной в три-четыре миллиарда лет — именно столько отделяло узников хроношахты от родного двадцатого столетия...

— Что это там, Ваня? — раздался приглушенный голос Таи.

Иван хотел ответить: «Копье хронобура», — но вдруг понял, что слова спутницы относятся не к стене пламени на горизонте, а к неподвижной гигантской фигуре слева от стены здания. Больше всего фигура напоминала уродливого человека с короткими по сравнению с туловищем толстыми ногами, двумя парами рук и с хвостом, на который она опиралась. А вместо человеческой головы на людей смотрела голова змеи с глазами-щелями. Ростом чудовище было примерно с пятиэтажный дом.

Иван замер, чувствуя спиной вздрагивающее плечо Таи, прошептал с придыханием:

— Не бойся, мы ему в этих ТФЗ не по зубам. Отступаем потихоньку и...

Фигура монстра скрывала за собой что-то еще, какое-то сооружение, и после слова Кострова «отступаем» стало ясно, что это за сооружение. Монстр сделал быстрый — вопреки размерам и массе — шаг в сторону, открывая обзор. За ним стояли еще четыре таких же гиганта, а сооружением оказался тускло блестевший металлический купол, растрескавшийся, как панцирь черепахи. Один из очерченных трещинами участков купола стал черным, и на землю из него не торопясь сошла группа нормальных людей в таких же пленочных комбинезонах-скафандрах, что были и на путешественниках. До них было метров сто, но Иван шестым чувством определил, что это давешние их знакомцы — «санитары». Он поднял перед собой стержень, надеясь, что, как и в прошлый раз, стрелять в них не станут. Но ошибся.

Что-то сверкнуло в руках одного из членов группы, и Костров кубарем покатился по земле, сбитый неведомым разрядом. Та же участь постигла и Таю. Пленка ТФЗ выдержала удар, но сотрясение все же было приличным. Пока Иван, ругаясь, поднимался сам и помогал встать Тае, по ним выстрелили еще раз, а затем стрельба прекратилась, наступила тишина.

Путешественники, отброшенные от выхода из здания метров на двадцать, поднялись на ноги, поддерживая друг друга, и поняли, почему «санитары» перестали стрелять. Справа, вдоль стены здания, куда Иван даже не глянул ни разу, приближалась шеренга

черных всадников на кентаврах. Высотой они были под стать обезьянозмеям, и чувствовалась в них чудовищная, грозная, нечеловеческая по всем масштабам и параметрам мощь.

С рога крайнего кентавра сорвалось полотнище жемчужно-радужного огня, вонзилось в купол черепахи, куда за мгновение до этого скрылись «санитары», и на месте металлического купола вздулся дымный пузырь, превратившийся в странное шипастое дерево, которое стало медленно распухать, бледнеть и таять. Тотчас же монстры со змеиными головами ответили залпом из огнеметов — таково было впечатление, а всадники на кентаврах, отразив залп, метнули пронзительно-зеленые молнии в цепь монстров, которые были отбиты с той же ловкостью и силой.

— Они нас сейчас... — начала Тая. — Может, попробуем улизнуть?

— Ты же видишь, в ТФЗ нам никто не страшен, — не поддержал ее Иван. — Интересно, кто нас все время защищает и чем все закончится?

Но им не дали досмотреть финал сражения.

К прижавшимся к стене людям приблизился один из черных всадников, по-человечески понятным жестом указал на люк в стене, и Кострову пришлось повиноваться. Очнулись путешественники уже в коридоре с панелью управления люком. Пленки ТФЗ на них неожиданно растаяли, стекли лужицами расплавленного серебра, исчезли. Путешественники молча смотрели друг на друга.

Коридор заметно поехал влево, потом вправо, словно закачался на волнах. Иван помог устоять Тае, проговорил задумчиво:

— Хотел бы я знать, откуда свалились в здание те змеиные красавцы? И почему они воюют со всадниками? И как «санитарам» удалось спеться со змееобезьянами? И...

— Остановись, Ваня, — вздохнула побледневшая, пригорюнившаяся Тая. — Все равно на твои риторические вопросы никто не ответит.

Иван погас.

— Ты права. И у нас, наверное, нет иного выхода, кроме одного: надо попытаться идти по лестнице вверх. Когда-нибудь да выберемся. Ниже — предыстория Земли, если судить по тому, куда нас забрасывал лифт.

Тая молча обняла его, по ее щеке скатилась слеза, отзываясь в груди Ивана щемящей болью нежности и сострадания.

Они поднимались по лестнице третьи сутки, совершенно обессилев от голода и усталости. Иван насчитал сто тридцать этажей, сбился со счета и перестал считать. Вода во фляге не иссякала, и лишь одно это поддерживало силы путешественников.

Время от времени они бродили по этажам, пугая единственных их обитателей — пауков, но следов людей не встречали. Видимо, обитаемые этажи шли гораздо выше, а может быть, наоборот, ниже.

Маятник чувств кидал Ивана из одной крайности в другую: то он верил, что все обойдется, что их найдут в самое ближайшее время, то, не видя выхода из положения, проклинал все на свете в отчаянии, царапавшем горло осколками невыговоренных слов. Однако свои переживания он держал при себе, зная, что Тае будет гораздо тяжелее делить еще и его сомнения.

Приступы голода, сначала злые и длительные, становились глуше и преследовали их все реже — верный признак попытки организма бороться за жизнь. Тая похудела так, что на лице выделялись только глаза и губы. У Ивана это было менее заметно из-за бороды и усов.

Иван иногда пытался завести разговор. Тая не отвечала, но однажды Ивану послышался шепот. Он прислушался и услышал:

Вы говорите, что время идет...
Ах, к сожалению, нет!
Время стоит, мы же идем
Через пространство лет...

Тая, не замечая, что говорит вслух, читала Добсона. К концу третьих суток, когда робинзоны устроились на ночь в одном из пустынных коридоров и Тая забылась тяжелым прерывистым сном, их посетили два паука. Иван безучастно смотрел на них, теряя из виду — от голода и слабости что-то творилось со зрением, потом все же решил их прогнать — не из страха, скорее по привычке. Он поднял потяжелевшую свою дубинку тонкой работы — белый стержень — и помахал им в воздухе. Пауки дружно кинулись наутек. Иван невольно усмехнулся и тут заметил, что пауки что-то оставили на полу. Он поморгал, напряг зрение и увидел небольшую плоскую коробку величиной с книгу. Подполз поближе.

Коробка была желтая, с зеленой полоской, на которой были выдавлены красные буквы НЗ. С минуту Костров тупо смотрел на нее, потом его осенило: «НЗ! Неприкосновенный запас! Неужели киберы принесли еду?!»

Он дрожащими руками поднял коробку с пола, удивляясь, что она намного тяжелее, чем можно судить по объему, повертел с боку на бок. Коробка была совершенно гладкая, без деталей, выступов и впадин, лишь на ее торце виднелись едва заметные штрихи и черная линия. Иван погладил линию пальцем, колупнул, и коробка распалась на две половины. В ней оказались разноцветные тубы, наподобие тех, в которых продается зубная

паста. Иван насчитал шесть туб: красную, желтую, белую, коричневую, розовую и зеленую. От возбуждения он даже почувствовал прилив сил и приступ беспричинного, почти детского смеха. Подавив смех, взял красную тубу, отвинтил колпачок и сжал бока тубы. В ладонь ему свалилась красноватая колбаска, с шипением вскипела, так что эксперт от неожиданности отдернул руку. Источая дикий аромат жареного мяса, на пол упал розово-коричневый пласт.

Иван понюхал руку и уставился на этот пласт величиной с ладонь. Потом поднял его с пола. Это был кусок мяса, еще горячий, словно только что обжаренный в масле!

Зашевелилась Тая, принюхиваясь, не открывая глаз.

— Знаешь, мне приснилась отбивная...

— Мне тоже, — ровным голосом сообщил Иван.

Тая открыла глаза, села, упираясь рукой в пол.

— Что это?

— Пауки принесли. — Он колебался некоторое время, откусил и добавил, жуя: — По-моему, натуральное жареное мясо.

Тая во все глаза смотрела на него, потом сильно зажмурилась, потерла виски.

— Ущипни меня! Оно пахнет, как... как шашлык!

— Не только пахнет. Вкус — не передать!

Тая потянулась к мясу, но Иван отвел ее руку.

— Подожди, нам вредно начинать с мяса. Тут есть еще тубы, посмотрим, что в них.

Он достал желтую тубу, отвинтил колпачок, подставил ладонь и выдавил желтую массу. Мгновение масса лежала неподвижно, потом зашипела, задымилась и... превратилась в кусок сыра, ноздреватого, знакомо и влекомо пахнущего, свежего и аппетитного.

Тая красноречиво проглотила слюну, расширенными глазами глядя на чудо в руках Ивана. Тот осторожно положил рядом с мясом сыр и вытащил из коробки остальные тубы.

В белой оказался творог, в коричневой — хлеб, в розовой — сладкое малиновое желе, в зеленой — что-то стеклянное, пористое, чрезвычайно аппетитное, вкусное, тающее во рту и бодрящее. Решили, что это какой-то стимулятор или тонизирующее средство.

Для начала пожевали немного творога с хлебом и сыром, заели малиновым желе и запили водой. Уснули. Но через час проснулись и снова поели. Иван сделал бутерброды: пластина мяса, потом сыр и хлеб, снова закончили трапезу малиной. Наевшись, проспали несколько часов с ощущением тяжелой сытости. Окончательно проснувшись, позавтракали мясом и творогом, попробовали стимулятора, нашли вкус его превосходным, хотя срав-

нить его было не с чем: ни Тая, ни Иван в жизни не пробовали ничего подобного.

Впервые за многие сутки странствий они почувствовали прилив сил не только физических, но и моральных. Судя по объему и весу коробки НЗ, еды должно было хватить месяца на два, так что голод им уже не грозил, как и жажда. А во-вторых, кто-то все же заботился о них, не выпуская из поля зрения, хотя Иван не понимал, почему этот неизвестный радетель не выведет их из чудовищного здания. И все-таки появилась надежда на благополучный исход скитаний, начавшихся полетом к шатру пауков в Брянском лесу. Целый час они еще оставались на месте: чинили, как могли, обмундирование, жевали и пили.

Иван выбросил пришедшие в полную негодность носки, задумался, чем их заменить, но Тая протянула ему свой платок.

— Рви, мне он не нужен.

Иван запротестовал было, потом сдался.

— Обувь странствий, — сказал он, натягивая сапоги. — Сколько им предстоит еще пройти?..

Тая встала, подошла к нему, наклонилась и поцеловала. Они постояли, обнявшись, не говоря друг другу ни слова, потом Иван подхватил свою дубинку, взял коробку НЗ, и они направились к лестнице...

Вверх, этаж за этажом, только вверх!

Сто этажей, две тысячи ступенек — те же коридоры, пустые и мертвые, гудящие и звенящие, металлические, полные пауков и странной полуживой техники. На двухсотом этаже они вышли к лифту!

— Наконец-то! — сказал Иван с интересом. — Вот, значит, какой интервал между остановками лифта — двести этажей. Странно! Помнишь, мы спускались вниз по ступенькам колодца, и там лифт был на каждом этаже. Найти бы тот колодец...

Они проверили, с каким ландшафтом соседствует лифт, и увидели знакомый мир архея. Иван прикинул, сколько им осталось идти до двадцатого века, выходило — около четырех тысяч этажей, или восемьдесят тысяч ступеней! О том, что их ждет в родном времени, думать не хотелось. Там видно будет, решил эксперт. Прежде надо дойти.

И они снова стали подниматься по лестнице, останавливаясь на отдых каждые полчаса, считая ступеньки. Этажи, эры... Им еще предстояло преодолеть три тысячи этажей без надежды на помощь, три тысячи этажей и разрушенные землетрясением пролеты лестниц, и новые провалы времени, и голод, и жажду, и другие сюрпризы, и ужас неопределенности, и приступы одиночества...

...Спустя двое суток их настиг очередной провал горизонта. Они прошли около ста двадцати этажей и за те пять минут, что оставались до неизвестно чем грозящей катастрофы, от которой спасались даже пауки, добежать к лифту не успевали ни вверх, ни вниз.

— Вот и все, — очень спокойно сказала Тая, опускаясь на ступеньку лестницы.

Иван стоял рядом, удивляясь ее спокойствию и собственной заторможенности, и считал секунды.

Где-то рядом в недрах очередного коридора нарастал струнный звенящий гул, постепенно повышаясь в тоне до воя, рвущего ушные перепонки. Струны лопались одна за другой, ощутимо вздрагивали стены, издалека доносились вопли пауков, но на лестнице никто не появлялся.

— Пойдем в зал. — Иван взял Таю за руку, удивляясь, что ему что-то мешает: в руке была коробка НЗ. Он аккуратно засунул ее во внутренний карман куртки и повел девушку за собой, в приближающиеся гул и грохот.

И в тот момент, когда они сошли с лестницы в круглый зал с выходами коридоров, клин золотого пламени пронзил потолок зала, тугой удар бросил людей на пол, и наступила тишина: смолкли звонки, далекие крики, гул и вой.

Иван первым поднял гудящую голову.

В центре зала лежал на полу толстоногий и толсторукий светящийся урод с конусовидным бугром вместо головы. Его тело на глазах прошло гамму цветов: от золотистого до багрового и бурого — и погасло. В потолке над ним продолжало светиться круглое пятно — дыра не дыра, окно не окно...

— Пять минут, — хрипло пробормотал Иван. — Пять минут истекло.

— Тише, — прошептала Тая.

Издалека доносился размеренный баритон:

— Прошла коррекция сверху, но горизонт неустойчив. Всем ТФА заблокировать пространственные связи горизонта. Даю двадцатиминутный отсчет...

Тая тихонько тронула Ивана за руку.

— Кто это?

— Не знаю, — так же тихо ответил Костров. — На человека не похож. Робот? Сейчас посмотрим.

Эксперт привстал, глядя на застывшую фигуру, потом поднялся и осторожно подошел. Урод не двигался, неловко подогнув одну руку под себя. На спине, а может быть, и спереди отчетливо выделялся горб с металлическими кольцами, вложенными одно в другое. Иван пригляделся и увидел на теле пришельца множество

карманов, выпуклых ромбов, «молний», дисков и прочих деталей, говоривших, что это комбинезон или скафандр.

Отверстие в потолке — или нечто похожее на поверхность льда — уже затягивалось серебристым металлом, заплывало с каждой секундой. Волны свечения охватили теперь весь потолок и были похожи на волны, бегущие по воде.

— Ну что? — подошла Тая.

Иван высвободил руку лежащего из-под невероятно тяжелого тела, и тут вдруг поверхность урода покрылась черной сеткой и верхний слой его осыпался пеплом. Под этим слоем оказалась нормальная человеческая фигура в комбинезоне: голова с копной вьющихся волос, бледное лицо с закрытыми глазами и сжатыми губами.

— Господи, человек! — прошептала Тая.

Глаза незнакомца открылись, лицо напряглось, дрогнули губы. Шепот был едва слышен, и Тае с Иваном пришлось нагнуться, чтобы разобрать слова:

— Возьмите... скорее! В кармане... на груди...

Иван осторожно потянул «молнию» на кармане, вытащил плоскую белую коробочку с тремя черными глазками. Глазки загорелись зеленым светом, как только Иван притронулся к коробочке трепетными пальцами.

— Еще... — прошептал незнакомец, пытаясь поднять руку и царапая комбинезон на груди.

Иван вытащил тяжелый черный пистолет, похожий на тот, что он отнял у «десантника» в Брянском лесу.

— Это «универсал»... для защиты... пока я не смогу сам... — Было видно, что чужак держится из последних сил, то уходя в беспамятство, то выплывая из него. — Коробочка — информационный блок... Приложи его к виску... — Он потерял сознание.

Иван оглядел плоскую коробку с глазками, поднес к голове и получил нечто вроде легкого сотрясения мозга, ошеломившего его на некоторое время. Он не был готов к тому, что информационный блок передает информацию в одном мгновенном импульсе. Разобравшись, в чем дело, Иван опустился на колени рядом с незнакомцем. Теперь он знал историю появления в Брянском лесу гигантского здания.

— Ты что? — испуганно спросила Тая.

— Дальше тебе придется идти одной.

— Почему?!

— Мы были правы: чтобы вернуться назад, в свое время, надо отсчитать вверх десятки тысяч этажей здания, которое и не здание вовсе, а ствол хроноускорителя. В каждом своем выходе в реальность он воплощен одним и тем же кольцевым сооружением, но с разными временными и материальными эффектами.

— Хорошо, мы их пройдем...

— Этот парень послан из будущего, чтобы выключить хронобур, то есть генератор хроноускорителя. Они там доросли до экспериментов со временем, и во время одного из запусков бура произошла авария... причем организованная какими-то существами из других времен.

— Не теми ли чудовищами со змеиными головами?

— Нет, все эти существа, которых мы встречали, всего лишь помошники разных уровней... Я не совсем разобрался в их принадлежности. В общем, мы с тобой попали в Ствол... э-э, в здание со всем хозяйством обслуживания хронобура, случайно оказавшись в месте его материального «выталкивания» в нашем веке. И таких несчастных в здании много.

— Я помню, — передернула плечами Тая.

— Я должен идти с этим парнем вниз. Он послан организовать команду из таких же, как я, и попытаться выключить этот чертов бур. Кстати, его посылали точно для встречи с нами. Этот стержень, — Иван кивнул на свою дубинку, — оказывается, на самом деле энергоаккумулятор. МК — мини-коллапсар, вот что означают эти буквы. В нем пропасть энергии, не меньше десятка Чернобылей. Он излучает в длинноволновом диапазоне, и пауки лоцируют нас где угодно, зная обо всех наших перемещениях.

— Так пауки — это все-таки роботы?

— Киберприслуга хронобура, и они же — аварийные автоматы. Если бы не они — последствия выхода бура в наше время и в другие времена могли быть ужасающими, катастрофическими.

— А что там светится во дворе здания?

— Зона хронораспада, то есть зона прямого преобразования времени в пространство и энергию.

— Я пойду с тобой!

— Таисия, ты не понимаешь...

— Я пойду с тобой! С вами. И не возражай, пожалуйста... — Голос девушки стих до шепота, потом снова окреп. — Что нам предстоит сделать?

— Он объяснит. — Иван посмотрел на тело незнакомца. — Я понял так, что придется воевать. В здании, кроме пауков, полно других автоматов, в том числе и враждебных. Не считая «санитаров» и монстров.

Из коридора прилетел гулкий удар, качнулись стены зала, из других коридоров вынесло в зал облака пыли.

— Семнадцать минут до хроносдвига! — сообщил размеренный голос автомата. — Всем ТФА покинуть горизонт! Вынужден произвести хроносброс во внешний мир!

Глаза незнакомца открылись.

— Кажется, у вас появилась альтернатива. Хроносброс — это

выброс масштабной пены... м-м, энергии во внешний мир. Если хотите, ищите кабину «мембраны ноль», наберите на панели двадцатый век — ваш выход — и ждите. Вас выбросит из здания наружу в ваше время. Только не забудьте надеть ТФЗ.

— Но как же вы? — неуверенно сказала Тая.

— Я не имею права. — Незнакомец попытался улыбнуться, но не смог. — Бегите, у нас мало времени!

— Я остаюсь, — коротко ответил Иван, глянул на девушку. — Беги, ты успеешь.

Тая колебалась недолго.

— Я тоже остаюсь. Один ты не справишься. Что делать?

Незнакомец хотел что-то сказать, но снова потерял сознание.

— Бери его за ноги. Удержишь? Он теперь командир отряда, а мы его подчиненные. Будем спасать командира... а заодно и Вселенную. Как там говорят крутые герои: если не мы, то кто же?

Они подхватили незнакомца и, где волоком, где приподняв, понесли к лестнице громоздкое, неподвижное, необычайно тяжелое тело.

Гул теперь доносился из недр здания непрерывно, оно тряслось, раскачивалось, лестница вздрагивала и вибрировала, толчки сбрасывали людей со ступенек, выбивали из рук не приходящего в сознание незнакомца, а они с ожесточением, яростно, борясь за жизнь — свою и чужую, ломая ногти, не замечая боли, подхватывали тело на руки и тащили, тащили вниз с одной только мыслью: «Успеть!..»

Часть III

НАД МИРОМ

ГЛАВА 1

Снегопад кончился, и притихший лес медленно обрел глубину и четкость, словно фотография в растворе проявителя. Тишина, завладевшая лесом, перестала быть глухой, неприветливой и настороженной, вернулось первозданное, торжественное, выразительное и чарующее безмолвие заснеженной тайги, не нарушаемое ни одним звуком. Белое и серо-коричневое, с редкими пятнами седой зелени... Белое — снег и небо, серо-коричневое — сбросившие листву деревья, зеленое — сосны и ели. И еще — машины передвижной радиостанции и домики оперативного поста

управления комплексной научно-исследовательской экспедиции. И все же главным цветом был белый...

Ивашура оглянулся. Километрах в пятнадцати над лесом вставала черно-голубая громада Башни диаметром около двенадцати километров, вершина которой тонула в облаках. Стены Башни были голубыми, а черными — ряды окон и пятен, ниш и разломов, провалов и трещин. Дикое, непонятное, неизвестно как возникшее на месте паучьего шатра колоссальное строение, непрерывно растущее вширь и не разрушающееся при этом...

В одной из темных брешей в стене Башни разгорелся вдруг пронзительно-зеленый огонек, и тотчас же где-то взвыла сирена тревоги, разбив тишину на тысячи отголосков: огонек означал появление блуждающего источника радиации.

Ивашура потрогал во внутреннем кармане полушубка пистолет Кострова, отобранный им у неизвестного «десантника» (пистолет назвали по-книжному бластером, и Игорь постоянно носил его с собой), и зашагал по глубокому снегу мимо остывающей коробки вездехода к одному из домиков-вагончиков, из трубы которого тянулась струйка дыма.

Бластер он испытал уже дважды, один раз еще с Костровым, второй с Рузаевым, и оба раза поражался силе чужого оружия. В зависимости от регулировки мощности разряда — в этом они разобрались — пистолет мог метать молнии и целые реки плазменного огня, способного пробить брешь в любой стене или броне. Пригодился бластер и в недавнем инциденте возле стены Башни, во время исследовательской вылазки, когда на группу экспертов напала странная шестилапая обезьяна со змеиной головой высотой в два человеческих роста. Лишь направленный на нее ствол бластера заставил обезьяну ретироваться с невероятной прытью, хотя кое-какую аппаратуру она все же успела помять. Нападение было столь стремительным и неожиданным, что с трудом верилось в его реальность. Но синяк на руке Гаспаряна от прикосновения обезьяны остался надолго. В следующий раз они вооружились уже помощней: ружьем и пистолетом-пулеметом.

Раздевшись в крохотной прихожей, Ивашура вошел в центральную комнату. В комнате было тепло, пахло сосновыми поленьями, дымом и сбежавшим молоком. У стола, застеленного коричневой клеенкой, сидели несколько человек, среди них Миша Рузаев, Сурен Гаспарян, директор Центра Богаев и только что прибывшие на вездеходе полковник федеральной безопасности Одинцов Мартын Сергеевич, молодой, поджарый, с пристальным взглядом внимательных карих глаз, и второй вице-премьер правительства, Старостин Николай Николаевич, большой, рыхлый, страдающий одышкой.

В углу на столике стояла переносная радиостанция, радист с

наушниками на голове что-то записывал в журнал, подкручивая верньер. Возле аппаратной стойки сидел телеграфист, отдельно стояли телефоны и плоский переносной телевизор.

— Что там? — спросил хрипло Богаев.

— «Глаз дьявола», — сказал Ивашура. — Высоко, метров четыреста под облаками.

— Это и есть Игорь Васильевич Ивашура, — представил его Богаев. — Начальник экспертного отдела Центра и в данном случае руководитель экспедиции. Поскольку ситуация необычна, ему даны особые полномочия.

— Мы осведомлены, — кивнул Старостин. — Извините, что перебил.

Ивашура глянул на Гаспаряна, щелкнул ногтем по футляру проектора, стоявшего на полке. Сурен понял и выскочил за слайдами в соседний домик, где устроили фотолабораторию. Рузаев молча принялся разворачивать проектор.

— Что вас интересует прежде всего? — Ивашура вопросительно посмотрел на Одинцова и Старостина. — Принимаемые меры, факты минувшей недели, научные гипотезы?

Старостин кашлянул, посмотрел на полковника и пророкотал:

— Через два дня мы с Мартыном Сергеевичем должны доложить правительству о фактическом положении дел, потому хотелось бы разобраться в обстановке с минимальной предубежденностью. О мерах мы наслышаны, научных гипотез, насколько я осведомлен, накопилось много, но все они субъективны и больше эмоциональны, чем научно обоснованны. Так?

Ивашура улыбнулся.

— Примерно так. Что ж, я вас понял. Давайте сначала восстановим хронологию, а потом перейдем к последним данным.

В комнату вошел Гаспарян и стал заряжать кассеты проектора слайдами. Рузаев задернул занавеску на окне, выключил свет.

— Пауки появились в Брянском лесу предположительно двадцать третьего сентября. Двадцать шестого над просекой с линией электропередачи потерпел аварию вертолет энергохозяйства района, и уже тогда просека была заткана паутиной. То есть пауки появились раньше — по нашим расчетам, именно двадцать третьего. Откуда они взялись — неизвестно, гипотез несколько, но все они пока бездоказательны. Появившись, пауки начали строить нечто вроде паутинного шатра, достигшего к третьему октября высоты сорока двух метров. Кстати, материал паутины — сложное кремнийорганическое соединение — по прочности не уступает легированной стали, а по упругости превосходит каучук. Толщина нитей — около шести микрон.

Гаспарян включил проектор, и на развернутом полимерном

экране у дальней стены комнаты возник пейзаж: хвойный лес, из которого вырос снежно-белый корпус.

— Четвертого октября, ночью, произошел взрыв, — продолжал Ивашура, — уничтоживший паутинный шатер, и на его месте поднялась странная колышущаяся, как студень, опухоль, которая потом выросла в Башню. Диаметр последней к сегодняшнему дню достиг двенадцати с половиной километров. При взрыве... — Ивашура нахмурился, помолчал, — пропали без вести двое: сотрудник Центра Иван Костров и журналистка Таисия Калашникова. Они вылетели к паутинному шатру на вертолете и... не вернулись. Найти их не удалось.

— А вертолет? — спросил Старостин. — Тоже пропал?

— И вертолет.

— Странно.

— Да, странно, хотя и без этого случая странностей хватает.

Гаспарян сменил кадр, и на месте паутинного корпуса возникло изображение паука.

Помолчали, рассматривая.

— Хорош! — нарушил молчание Старостин. — Слабонервного вполне способен довести до инфаркта.

Изображение паука сменилось изображением Башни.

— Эпицентр тайны, — сказал Богаев. — К сожалению, проникнуть внутрь практически невозможно. Она растет, и находиться возле ее стен опасно.

— И что же, так никто и не пытался проникнуть? — спросил Одинцов.

— Для этого нужна отчаянная храбрость или... — Ивашура усмехнулся, — или не менее отчаянная глупость. А вообще-то попытки попасть внутрь Башни были, но не увенчались успехом. Главная ее особенность в том, что растет она скачками. Каждый скачок прибавляет диаметр на один-полтора километра и порождает при этом колебания почвы силой четыре-пять баллов. По данным исследований, высота плотного ядра Башни достигает двух километров, выше она становится зыбкой, дымчатой, полупрозрачной и на высоте трех километров исчезает совсем. То же касается и ее фундамента: до глубины в четыреста метров он виден на экранах эхорадаров и магнитных сканеров отчетливо, а потом как бы растворяется в породах континентального щита.

Гаспарян показал виды Башни со всех сторон, в том числе и сверху, потом стал демонстрировать отдельные участки башенных стен. На одном из снимков была запечатлена длинная струя черного дыма, исторгнутая из провала в стене.

— Мертвый выброс, — сказал Ивашура. — Этот дым превращает все, чего ни коснется, в сверхстранный полиметаллический

сплав, в котором соединены почти все металлы — от железа до свинца.

На стене появилось изображение сверкающей металлическим блеском полосы на земле. Кое-где на полосе стояли такие же серо-свинцовые пни и поваленные деревья с отливающей металлом корой. На следующем снимке была запечатлена еще одна полоса, в конце которой стоял гусеничный вездеход «Малыш» — глыба серого металла.

Старостин переглянулся с Одинцовым, и Богаев поспешил вставить:

— Жертв не было, люди успели выскочить. С тех пор никто не подходит так близко к Башне.

— *Рискуете, — пробормотал Старостин неодобрительно.*

— К сожалению, риск необходим, — сказал Ивашура. — Мы стараемся свести его к минимуму, но избавиться полностью не в состоянии. Да и обойтись без риска нельзя, ведь никто не может сказать, что это за Башня и чего от нее ожидать.

Гаспарян сменил кассету. На экране появился участок серо-голубой стены со зловещим светящимся глазом.

— Мы так и назвали это явление — «глаз дьявола». По сути, это источник жесткого гамма-излучения — пожалуй, наиболее опасное чудо из всего арсенала чудес Башни. И, наконец, призраки.

Последние слайды запечатлели на фоне угрюмых фиолетово-синих стен и лесных зарослей светящиеся зеленые и желтые полосы, языки, жилы и ленты.

Рузаев выключил проектор, отдернул занавеску, впуская в дом сероватый свет пасмурного декабрьского дня.

Старостин покашлял, побарабанил пальцами по столу.

— Хорошо бы познакомиться с этой Башней поближе. Или нельзя?

Ивашура посмотрел на Богаева.

— Отчего же, можно. Перед вашим приездом мы планировали вылазку к подножию Башни, можем проводить.

— Километра на три, не ближе, — ворчливо добавил Богаев. — *Все-таки опасно, ратуете за уменьшение риска и тут же сами подаете отрицательный пример.*

— Как вы считаете, Мартын Сергеевич? — повернулся к полковнику Старостин. — Имеем мы право рисковать?

— Мы — да, вы — нет, — улыбнулся Одинцов. — Тем более у Башни стали появляться весьма необычные... объекты. Не так ли, Игорь Васильевич?

Ивашура хотел спросить: «Откуда вы знаете?» — но встретил взгляд полковника и понял, что тот осведомлен и о «десантниках», и о черных всадниках, и о шестилапой обезьяне с головой

змеи. То есть обо всем. Впрочем, подумал начальник экспедиции, чему удивляться? Наблюдателей-федералов в зоне Башни полным-полно, хорошо еще, что они ни во что не вмешиваются.

— Правильно, — с опозданием согласился Ивашура, отвечая и Одинцову, и своим мыслям. — Опасность необычных встреч существует, но к Башне мы вас все-таки проведем, я сам пойду с отрядом.

Старостин встал.

— Ну и хорошо. Нас послали выяснить, чем грозит ваша Башня району, области, может быть, и всей стране. Вопрос серьезный, и подойти к нему надо со всей ответственностью.

Пока готовилась экспедиция к Башне, Ивашура рассказал Одинцову о мерах по предотвращению утечки информации, мерах безопасности и о координации научных исследований.

В исследовании феномена Башни участвовали почти все отделы Академии наук, Физический институт, Объединенный институт ядерных исследований и другие научно-исследовательские институты страны. Все группы и лаборатории этих научных организаций были подчинены Центру, а координатором комплексной экспедиции был назначен Игорь Ивашура. Его заместителями стали Богаев и академик Гришин.

Вокруг Башни в радиусе десяти километров располагались два кольца оцепления, к селу Ивановскому, в пятнадцати километрах от Башни, были стянуты войска, в которые входили подразделения противохимической и противоатомной защиты, отделения дозиметристов и локаторщиков и вертолетно-десантный полк округа. Все эти воинские части подчинялись командиру Брянского гарнизона полковнику Михайлову, входящему в руководство экспедицией.

— С полковником я знаком, — сказал Одинцов, когда Ивашура закончил. — Как вы с ним взаимодействуете?

— В основном через связь. Иногда требуется техническая помощь, привлекали к работе радиолокационные станции, бывает нужна грубая физическая сила, а иногда приходится отыскивать увлекшихся работой ученых, забывающих о режиме безопасности.

Подошел Богаев, одетый в шубу.

— Тут у нас возник спор: не спешим ли мы с допуском в зону зарубежных ученых? Башня явно создана искусственно, но кем и с какой целью? Конечно, американцы здесь ни при чем, но тогда мы выходим на контакт с другой цивилизацией, как бы сказочно ни звучали эти слова. Не слишком ли серьезна проблема, чтобы решить ее на... — Богаев замялся.

— На уровне полковника, — закончил Одинцов с тонкой иронией. — Вы правы, дело серьезное, но вопрос о допуске зарубеж-

ных ученых уже решили в Москве. Через день-два сюда прибудут делегации ученых западных стран, в том числе и американцы.

— Это усложнит работу экспедиции.

— Знаю, но работать придется. Феномен Башни перерос рамки национальных интересов, а если перед нами встала задача контакта с иным разумом, тем более понадобятся усилия ученых и государственных деятелей многих стран. Позиция правительства по этому вопросу диалектически и политически верна.

— Я не спорю. — Богаев нахлобучил шапку. — Однако у меня есть право и на свое мнение. Готовы? Пошли.

Отряд выступил в путь.

Впереди шагали Ивашура и Гаспарян, одетый в черный замшевый полушубок, потом Богаев, Старостин и Одинцов с биноклями, а замыкал отряд Рузаев с рацией на ремне, имевшей поэтическое название «Тюльпан». Гаспарян и Рузаев захватили с собой также различные анализаторы и датчики. Ивашура нес универсальный дозиметр и поддерживал перекинутый через плечо ремень сумки с инструментом.

Снег был глубокий, и идти было трудно, несмотря на протоптанную тропу, но Ивашура уверенно лавировал между деревьями — он ходил здесь не раз. Миновали просеку с поваленными опорами ЛЭП, вышли на край замерзшего и заснеженного болота с островками травы и камыша, виднеющимися из-под снега. Стена Башни придвинулась вплотную, нависла над головой ощутимой тысячетонной громадой, хотя до нее оставалось еще километров шесть.

Остановились, с немым восхищением озирая в бинокли чудовищное здание, испещренное узором непрозрачных окон и дыр.

— Колоссально! — сказал Старостин, выдыхая облачка пара. — Фотографии и телепередачи не передают впечатления.

Пошли дальше и через километр встретили патруль оцепления первой линии, протоптавший дорожку в снегу вдоль проволочной ограды. У солдат на ремнях висели рации и дозиметры. Старший наряда козырнул Одинцову, попросил разрешения обратиться к Ивашуре и доложил:

— За время дежурства происшествий не случилось. Старший наряда сержант Гогиев. А вы снова туда, Игорь Васильевич? — не удержался он от вопроса. — Хоть бы раз взяли с собой.

— Еще доведется, Вахтанг, — ответил Ивашура. — Докладывайте обо всем, что покажется непонятным. Мы вернемся через два часа.

Через несколько минут Ивашура остановился и поднял руку.

— Извините, дальше мы пойдем одни.

Старостин, отдуваясь, вытер вспотевшее лицо платком и долго рассматривал Башню в бинокль. Наконец опустил бинокль и ворчливо заметил:

— Я дальше и сам не хочу идти, отсюда и так все отлично видно.

Одинцов улыбнулся, но возражать не стал.

— Что ж, будем возвращаться. Однако действительно впечатляет! Чувствуешь себя если не блохой, то уж, во всяком случае, не венцом природы. Игорь Васильевич, у меня к вам есть конфиденциальный разговор, вернетесь — загляните в мои апартаменты.

— Непременно, — кивнул Ивашура.

— Идемте, идемте, — заторопился Богаев. — Экипированы мы не для таких рискованных прогулок, а неприятные сюрпризы Башня может преподнести в любой момент и на любом расстоянии от нее.

Делегация отправилась назад, часто оглядываясь то на стену Башни, то на оставшихся экспертов.

— Вперед! — бросил остальным Ивашура. — Надо успеть вернуться засветло, не хочу я ночью связываться с «зоной ужасов».

— Может, еще разок попробуем проникнуть в Башню? — предложил Гаспарян. — На стыке двух точек выхода призраков. Там мы еще не пытались.

— Не сегодня. Придем обратно — обсудим. Этот полковник дал понять, что все знает о наших походах и встречах с порождениями Башни. И мне это активно не нравится. Я хочу поговорить с ним, чтобы федералы не мешали и впредь. А еще лучше, чтобы они нам помогли.

Дальше шагали молча, настороженно всматриваясь в стену Башни и прислушиваясь к нарастающему подземному гулу и клокотанию — звуки эти обычно становились слышны только у самой стены, в пределах одного километра. Подрагивание почвы заметно усиливалось, тем более что болото в непосредственной близости от Башни оттаяло и слой торфа начал пружинить и прогибаться под ногами. Из часто встречающихся ям поднимались струйки испарений.

— Граница, — сказал Гаспарян. На лбу его выступили бисеринки пота. Он оглянулся на Рузаева и растянул губы в неопределенной усмешке. — Что-то сегодня не чувствуется влияния «зоны». Не боишься, Михаил?

— Иногда то, чего мы боимся, менее опасно, чем то, чего мы желаем, — ответил Рузаев изречением Коллинза. — Не стучи зубами, Сурен, за версту слышно.

— Конечно, тебе нечего бояться, ты сам как леший. А я человек интеллигентный, нервный, легко поддающийся соблазну...

— Тише ты, нервный! — негромко сказал Ивашура, останавливаясь. — Ох, и надоела мне ваша фасон де парле[1]. Вот только

---

[1] Манера выражаться (*фр.*).

теперь мы подошли к границе, чувствуете? Просто сегодня «зона ужасов» чуть уже, чем обычно.

То, что они называли «зоной ужасов», было всего-навсего ощущением нависшей опасности, появлявшимся у человека вблизи Башни. У каждого это ощущение сопровождалось комплексом других негативных эмоций — сообразно типу нервной системы, характеру и восприимчивости. Рузаеву, например, казалось, что из-за слепых окон Башни за ними следят недобрые глаза. Гаспарян переставал узнавать товарищей, становился подозрительным и возбужденным. Ивашуре слышались чьи-то голоса, и ему очень хотелось проснуться, хотя он и сознавал, что все это с ним творится наяву.

— Да! — с чувством сказал Гаспарян и облизнул губы. — До сих пор не могу привыкнуть! Пошли, а то я сбегу.

Они двинулись дальше.

Снега здесь, вблизи стены, не оказалось совсем, земля была голой, растрескавшейся, в жесткой шкуре высохшей осоки. Чем ближе они подходили к Башне, тем труднее становилось идти: земля была взломана, разорвана на глыбы, скручена пластами. И наконец перед людьми встал громадный стометровый вал полурасплавленной, спекшейся земли вперемешку с торфом и глиной, исполосованный многометровыми трещинами. Воняло здесь серой, дымом, угольной пылью и порохом. Ощущение опасности усилилось настолько, что каждый шорох отзывался болезненным ударом по нервам.

Они с трудом удерживались, чтобы не побежать назад сломя голову и не позвать на помощь.

— Я пошел вперед, а то закричу «караул!», — быстро проговорил Гаспарян и полез на склон черного вала. Ивашура молча махнул рукой более сдержанному Михаилу и полез следом. Эффект «зоны ужасов» кончился где-то в полусотне метров от подножия стены.

— Ф-фу! — сказал на вершине вала Гаспарян и вытер лоб. — Легче с рогаткой на тигра идти!

На изуродованном ямами и буграми гребне вспученной чудовищной силой земли было жарко, воздух дрожал знойным маревом, источая ароматы паровозной топки и котельной. Стена Башни была рядом, голубая, пористая, как губка, вернее, как вспененный бетон, но Ивашура знал, что материал стены бетоном никогда не был — то же кремнийорганическое соединение, входившее в состав псевдопаутины. Здесь влияние «зоны ужасов» почти не сказывалось, что тоже было одной из нерешенных загадок. Ученые предполагали, что ощущение ужаса возникает у людей в зоне под воздействием какого-то излучения, но какого — было трудно разобраться, потому что параметры среды у стены

намного отличались от естественных в любом другом уголке Земли. Башня была чудовищной аномалией сама по себе, и вторичные эффекты, рожденные ею, еще не все были отмечены и зарегистрированы, не говоря уже об изучении и истолковании.

— Расставляйте датчики полей цепочкой, — сказал Ивашура. — Анализаторы поставим прямо под стеной, им все равно, где стоять.

Они быстро установили приборы, включили, проверили настройку и собрались у трещины, расколовшей вал почти на всю глубину. Стенки трещины отблескивали металлом. Ивашура проследил направление трещины и увидел цепочку тусклых стальных пятен на поверхности парившего кое-где торфяного слоя.

— Вот это удача! — сказал он. — Здесь недавно произошел капельный мертвый выброс! А ну-ка поищем выход.

Мертвые выбросы — струи черной субстанции, превращавшей любые вещества и материалы в полиметаллический сплав, обычно извергались струями длиной в сто-двести метров, реже — в километр, и точки извержения в стене Башни тут же затягивались, исчезали. Точки выхода капельных выбросов, когда на землю ложилась очередь черных капель, зарастали медленно, в течение нескольких часов, но и встречались они несравненно реже.

Рузаев первым отыскал на стене неровное темно-серое пятно, края которого заметно отливали металлом. Пятно диаметром в пять метров располагалось на высоте человеческого роста почти у истока трещины, и веяло от него жаром, как от сталеразливочного ковша.

Михаил быстро измерил температуру пятна.

— Триста девять градусов!

— Регистраторы РФВ сюда, — приказал Ивашура. — Пару штук. Для граничных передач останутся еще два, этого достаточно. Что еще мы забыли?

— Вроде бы все сделали.

— Образцы, — подсказал Рузаев, устанавливая у стены под пятном регистраторы физических величин.

— Правильно, собираем образцы и мотаем отсюда. У меня предчувствие дурацкое...

Не мешкая, взяли образцы почвы в разных местах. Рузаев с большим трудом отколупнул пробоотборником крошку металлизированной трещины, попытался взять соскоб темно-серого пятна, но инструмент соскальзывал, а стоять долго у пятна было невозможно — начинали тлеть воротник полушубка и рукавицы.

— Назад! — приказал Ивашура, засняв всю панораму на пленку. — Бегом! Попрошу только не ломать ноги и головы.

— Ну, меня подгонять не надо, — пробормотал Гаспарян. — Я и так побью все рекорды по бегу.

Они спустились с вала вывернутого пласта болотной почвы и припустили к лесу и белой снежной полосе в двух километрах.

Пробежав «зону ужасов», остановились отдышаться, запаренные, хватая чистый и холодный зимний воздух открытыми ртами, глядя на отодвинувшуюся гору Башни.

— Ничего, — сказал Гаспарян. — И никого. Зря пугал.

— Не зря, — возразил Рузаев, доставая бинокль. — Посмотрика левей Башни, за кустиками.

Ивашура вскинул к глазам свой бинокль и увидел знакомый силуэт — черный всадник на гигантском животном, напоминающем кентавра, но без головы.

— Кажется, начинается флаттер, — добавил Рузаев, от глаз которого ничего не ускользало.

Ивашура перевел взгляд и увидел, как поверхность стены Башни зарябила, по ней побежали волны, сначала редко и слабо, затем все чаще и сильнее. Потом и невооруженным глазом стала заметна вибрация стены: словно мертвое озеро, сотрясаемое крупной зыбью, поднялось вертикально. Донесся низкий стонущий гул, задрожала земля. Черный всадник исчез.

Они стояли с полчаса, смотрели на непонятное, противоречащее здравому смыслу явление и молчали. Ивашура закончил киносъемку Башни и опустил бинокль.

— Пошли, Миша, дай отбой границе, чтобы не беспокоились. Кстати, мои часы остановились. Сколько на твоих электронных?

Рузаев поднес руку к глазам и хмыкнул:

— Невероятно, но факт! Не видно цифр!

— Сдохли батарейки, — прокомментировал Гаспарян и лизнул с ладони снег.

— Да ведь я только полтора месяца назад их поменял!

Ивашура спохватился и махнул рукой вперед.

— Дома разберемся.

Они побрели по снегу назад, к лесу, где располагался координационный центр экспедиции, или, как говорили все, штаб.

ГЛАВА 2

Ивашура не любил частых и длинных совещаний, на которых выступающие долго и нудно переливали из пустого в порожнее, поэтому старался как можно реже их созывать, зная, что время выявления истины путем мозгового штурма еще не пришло, до объяснения феномена Башни было не близко... Но Старостин попросил собрать пятиминутку, чтобы, как он выразился, уче-

ные обменялись мнениями, высказали свои гипотезы и отношение к происходящему.

— Я многое увидел и узнал, — сказал он в качестве пролога к совещанию, — но не понял почти ничего. Поэтому прошу всех изъясняться предельно просто, чтобы я потом мог повторить ваши доводы правительству. Думаю, главной в ближайшие дни станет проблема — как остановить рост Башни, потому что через десять-двенадцать расширений — пульсаций, как вы называете, — Башня вторгнется на окраины райцентра Жуковка с населением в сорок тысяч человек! Кроме того, будут сметены с лица земли несколько поселков и деревень, леспромхоз и много мелких объектов и предприятий. Вы задумывались над этим?

— Задумывались, — сказал Богаев. — И уже обращались к властям района и области с докладом о сложившейся ситуации. Пока что самое реальное на сегодняшний день — эвакуация населения близлежащих деревень, в том числе и райцентра.

— Легче сказать, чем сделать, — подал голос представитель Жуковского райисполкома. — Район и так уже потерпел миллионные убытки.

— А вы можете предложить иной выход?

— Конечно, могу. Разбомбить эту Башню ко всем чертям! Дешево и сердито! И нам спокойней, и людям не придется покидать обжитые места, и ученым останется что изучать.

Поднялся шум. Комната штаба с трудом вместила всех начальников институтских групп и лабораторий, большинство присутствующих располагались стоя, сидели всего девять-двенадцать человек.

— Тише, господа! — Председательствующий, сухопарый Гришин, постучал по столу карандашом. — Прошу высказываться по очереди.

— К чему лукавить? — наклонился к уху Ивашуры Одинцов, кивая на представителя исполкома. — В его предложении не только желание жить спокойно, но и доля истины. Уничтожение Башни — самый простой и дешевый способ избавления всех нас, да и десятков тысяч других людей от тревог и забот. К сожалению, этот способ не гарантирует успеха.

— И другое, — добавил Ивашура. — Тут вступают в силу принципы морали и этики, обойти или нарушить которые мы не вправе. Но я согласен с вами: вопрос уничтожения или разрушения Башни еще встанет перед нами в полный рост, если она не остановит расширения.

— Предлагаю не обсуждать сегодня организационные вопросы, — сказал Богаев, — что делать руководству района, что нам и как остановить рост Башни. Об этом пусть думают соответствующие органы. Наше дело — изучение феномена, взаимодействие

отрядов и их снабжение необходимым оборудованием и техникой. Дискутировать некогда, пусть начальники отрядов доложат свои мнения о тех объектах, которые они исследуют.

Он сел. Все смотрели на Старостина, но тот молчал. Ивашура дал кому-то знак, встал бородатый, круглолицый, похожий на артиста Бориса Хмельницкого, начальник группы физиков-ядерщиков из ОИЯИ.

— Наша группа изучает все электрофизические феномены, в частности мертвые выбросы, — начал он густым протодьяконским басом. — Внешне это выглядит довольно безобидно: черная струя, похожая на струю дыма длиной от двухсот метров до одного километра. Но все предметы, попадающие в эту струю, сохраняя форму, «вырождаются» в полиметаллические болванки! Цепочка ядерных превращений происходит почти мгновенно и абсолютно бесшумно, без видимых вторичных эффектов! Значение этого открытия трудно переоценить. Ведь перед нами технология будущего, причем очень далекого будущего: синтез любых тяжелых элементов из любых простых — водорода, кислорода, углерода, кремния!

— Пока что мертвые выбросы — стихийное бедствие похлеще утечки радиоактивных веществ типа чернобыльской, — подал реплику кто-то из стоящих у двери.

— Утечка радиоактивных веществ из реактора — не стихийное бедствие, — возразил чернобородый физик. — А мертвые выбросы в действительности гораздо менее опасны, чем утечки. Пользуясь случаем, прошу выделить дополнительные средства нашей группе, а именно...

Аудитория зашумела, послышались смех, восклицания, одобрительные и негодующие реплики, ворчливые замечания ученых старшего поколения.

— Но вы же объяснили, что такое эти ваши выбросы, — сказал Старостин, переждав шум.

— А я не знаю, — ответил физик под дружный смех собравшихся. — Может быть, это праматерия, легендарный апейрон древних греков, первооснова всего сущего, а может, облако кварковой субстанции с дефицитом глюонов... — Физик осекся. — Извините, проще объяснить гипотезу, пожалуй, не смогу.

Одинцов снова придвинулся к Ивашуре.

— Кто этот бородатый? Личность вроде знакомая...

— Доктор физико-математических наук Меньшов. Ваше ведомство должно опекать таких крупных специалистов.

— Наше — нет, за других не отвечаю. Просто почитываем научно-популярную литературу для общего развития. По-моему, я читал статьи этого Меньшова в физических журналах, там даются портреты авторов.

Сквозь толпу пробрался к Ивашуре лейтенант Куща, нагнулся к уху.

— У Башни полчаса назад потерпел аварию вертолет авиаконтроля.

— Пострадавшие?

— Неизвестно. Экипаж вертолета — четыре человека: пилот и трое исследователей. На вызовы не отвечают.

— Где это?

— Северо-восток, со стороны Спасова, примерно в километре от Башни. Их локаторщики вели, я узнавал, они же и сообщили.

Ивашура оглянулся на Богаева, сделал знак продолжать и выбрался из комнаты. Одинцов последовал за ним.

— Что будем делать? — Он слышал разговор.

— Тревогу, во всяком случае, поднимать рано. Вот что, Толя, — обратился Ивашура к лейтенанту. — Дай предупреждение по линии и пошли в точку падения ближайший наряд, предупреди «Скорую». А мы подскочим по воздуху.

Лейтенант козырнул и скрылся в домике военного поста связи.

Возле штаба стояли два вездехода и вертолет, приданный штабу в оперативное пользование. Ивашура направился к нему, на ходу вытягивая антенну из плоской коробки рации.

— Диспетчера мне, — бросил он в решетчатое окошечко микрофона.

— Максимов слушает, — отозвался тенорком динамик «Тюльпана».

— Коля, разыщи Гаспаряна и Рузаева срочно и пришли их к штабу.

— Михаил только что направился к вам, а Сурен пошел в вычислительный. Если нужно, я туда позвоню.

— Не надо, долго ждать. Отбой.

Ивашура щелкнул выключателем, задержал шаг.

— Вы пока садитесь в кабину, я сейчас.

Он забежал в один из домиков экспедиции, на дверце которой был намалеван красный крест в белом круге, и вернулся с миловидной женщиной, врачом отряда, накидывающей на ходу пальто на белый халат. Ивашура держал в руке медицинский саквояж.

Из-за деревьев показался Рузаев. Заметив подзывающие знаки Ивашуры, он рысцой направился к ним.

— Заводи, — кивнул Ивашура пилоту и пропустил врача вперед.

Рузаев, не задавая вопросов, поднялся следом. Одинцов подвинулся, пропуская их в тесную кабину.

Пилот запустил двигатель, и через несколько минут они взлетели. Ушла вниз поляна с домиками экспедиции, машинами и

радиостанцией. Горизонт раздвинулся, распахнулась палево-серая даль зимнего леса, у отодвинувшейся Башни стала заметна окружавшая ее черно-бурая полоса растаявшего грунта.

Ивашура снова включил «Тюльпан», перещелкнул диапазоны.

— Связь-два, лейтенант у вас?

— Я здесь, Игорь Васильевич.

— Молчат?

— Наряд только что пошел, пока никаких сведений.

— Я имею в виду вертолет.

— Молчат.

Ивашура наклонился к пилоту.

— Давай вокруг Башни, на румбе северо-востока снизишься, будем искать.

Пилот шевельнул каменными скулами:

— Найдем, — и снова застыл, положив сильные руки на полукольцо штурвала.

В километре от Башни, закрывавшей половину небосвода колоссальной геометрически правильной горой, вертолет стало болтать в воздухе.

— Восходящие потоки, — пояснил пилот бесстрастно.

Ивашура не ответил, водя биноклем по курсу вертолета. Остальные тоже взялись за бинокли, даже врач. Смотреть было неудобно, сильно мешала болтанка, но терпели, вглядываясь до слез в бурое месиво внизу. С четверть часа длилось молчание, лишь Ивашура однажды запросил по рации лейтенанта. Наряд солдат застрял где-то у непроходимой топи и сообщить ничего нового не мог.

— Топь, — пробормотал Одинцов. — Вертолет не мог затонуть в трясине?

Ивашура подумал о том же, но промолчал, продолжая осматривать местность под вертолетом. За него ответил Рузаев:

— Болото оттаяло только сверху, максимум на полметра — метр, так что провалиться глубже они не могли.

— Вижу! — воскликнула вдруг врач и вытянула руку вперед. — Смотрите, вот он!

Пилот тоже увидел упавший вертолет и направил машину к Башне, потому что вертолет авиаконтроля лежал на полкилометра ближе, чем говорил лейтенант.

— Оранжевый? — удивился Одинцов.

— Чтобы виден был издалека, — пояснил Рузаев.

Башня приблизилась, угрюмая, голубовато-серая, в узорах черных пятен и ниш. Казалось, она кренится в их сторону и сейчас упадет, чудовищное творение неизвестных сил, нечто небывалое по земным масштабам и человеческим меркам и поэтому противоестественное и таинственно-зловещее.

Одинцов покачал головой.

— И не боитесь же вы здесь летать! А если появится... этот «глаз дьявола» или мертвый выброс? Как у вас соблюдается режим безопасности?

— Соблюдается, — отрывисто бросил Ивашура, готовясь открыть дверцу кабины и выпрыгнуть наружу. — Во-первых, сейчас «межсезонье» — середина между пульсациями, подвижками Башни, и активность ее низкая. То есть мертвые выбросы, «глаза дьявола» и прочие эксцессы учащаются по мере приближения пульсации, и за день до нее мы прекращаем выходы к Башне. А во-вторых, нас предупреждают пауки.

Одинцов изумленно посмотрел на начальника экспедиции.

— Пауки?! Пауки предупреждают вас о появлении «глаз дьявола»?

— Мы это сами поняли недавно, — проговорил Рузаев. — Но еще ни разу пауки не ошиблись. Как только раздается крик — где-то что-то обязательно вылезет.

В это время вертолет коснулся колесами грунта, слегка накренился. Ивашура открыл дверцу, спрыгнул на желто-бурую плешь сухой травы и, пригибаясь, отбежал в сторону. Рузаев спрыгнул за ним, и Одинцову пришлось помогать врачу сойти на землю, вздрагивающую под ногами, как живая.

Вертолет авиаконтроля лежал на боку с поломанными винтами, наполовину погрузившись в черную жижу, выступившую из-под прорванного верхнего слоя торфа, перегноя и корневой системы трав. Возле него никого не было видно.

Ивашура первым подбежал к вертолету, рванул дверцу на его пузатом, забрызганном грязью боку, заглянул в кабину.

— Что там? — подбежал Рузаев.

— Похоже, они ушли, никого нет.

Ивашура влез в кабину, пошарил там и высунул голову.

— Аппаратура вдребезги, а на пульте, по-моему, кровь...

И в это время совсем близко, у подножия Башни, до которой было рукой подать, закричал паук.

Одинцов уже слышал крик паука, но издали, с большого расстояния, поэтому он вздрогнул и схватился за диктофон, который всегда носил с собой. Женщина-врач переступила с ноги на ногу, зажав уши.

— Пять секунд, — сказал Рузаев, когда леденящий душу крик стих.

— Шесть, я засек сразу, — быстро проговорил Ивашура. — О, черт, только этого нам не хватало! «Глаз» или выброс — одно из двух. Надо же так напороться!

— Это я сглазил своими разговорами, — сказал Одинцов. — Что же мы стоим? Бегом в вертолет и...

— Больше шансов отправиться в рай без билетов. Нет, придется остаться. Никакая защита не спасет, если нас зацепит гамма-луч или язык мертвого выброса. Будем уповать только на авось.

Одинцов еще раз хотел напомнить свои недавние высказывания о режиме безопасности, но посмотрел на врача и передумал. К тому же он понимал, что они были вынуждены рисковать, идя на помощь пострадавшим.

— Странно, что мы их не заметили, — сказал Ивашура, вспомнил о рации и вдавил пуговку включения. — Связь-два, что нового? Мы, кажется, влипли: только что пауки пропели серенаду предупреждения.

— Мы слышали, Игорь Васильевич. Поднимаю в воздух тревожную группу.

— Ни в коем случае! Осталось минуты две, они не успеют. Вертолет мы нашли, но в нем никого нет. Очевидно, экипаж почти не пострадал и скоро выйдет к оцеплению сам. Пошли навстречу на всякий случай второго врача.

— Понял. Но, Игорь, позволь хотя бы...

— Все! — Ивашура выключил рацию и посмотрел на врача. Женщина казалась внешне спокойной, хотя и мяла в руке снятую перчатку. — Попали мы в переплет, Ирина. Будет о чем детям рассказать.

Врач благодарно улыбнулась, краска вернулась на ее щеки.

— Это когда еще будут дети...

Рузаев сбегал к своему вертолету, пилот которого остался абсолютно равнодушным ко всему происходящему, и принес кинокамеру.

— Началось, — сказал он. — Нам повезло, редко кто наблюдал мини-извержения Башни в такой близости.

Одинцов присмотрелся и увидел, что на голубой с черным стене проступили светлые полосы, засеребрились, засияли, и на землю хлынул водопад искр. Сильно зашипело, к людям принесло волну свежести, мех на шапках встал дыбом, при каждом движении одежда стала потрескивать.

— И вовсе это не «глаз», — пробормотал Рузаев, вскидывая кинокамеру.

— Электрический дождь, — кивнул Ивашура, напряженно вглядываясь в Башню. — Чувствуете, какая электризация воздуха?

Со стены Башни, с высоты метров сто пятьдесят, сорвалась синяя молния и вонзилась в вал у подножия. Резкий щелчок, словно удар колоссального кнута. Еще и еще раз. Снопы электрических искр стали гуще, шипение усилилось, словно из серпентария выползло полчище рассерженных гадюк, сияние посте-

пенно охватывало весь исполинский ствол Башни, поднимаясь снизу вверх.

Кожу на лице стало пощипывать, начали подергиваться мышцы на руках, ногах и спине.

— Первый раз наблюдаю дождь такой силы! — сказал Ивашура и скомандовал: — Быстро в вертолет! — Зубы его замерцали прозрачным зеленоватым светом. — Металлический корпус послужит экраном.

Они побежали к вертолету, при каждом прыжке ощущая болезненные покалывания в нервных узлах. В кабине буйство электричества прекратилось, перестали светиться зубы, нос, пальцы. Пилот только головой покачал, глядя на вакханалию света за стеклом кабины. Видимо, напряженность электрического поля продолжала нарастать, потому что начали светиться трава, камни, упавший вертолет. Красивые изменчивые голубые и зеленые волны сияния накрыли болото мертвым пушистым ковром.

— А где Михаил? — спросил вдруг Ивашура, бросив возиться в углу с каким-то прибором.

— Снимает, — сказал пилот.

Рузаев стоял на упавшем вертолете, окруженный электрическими сполохами, не отрываясь от видоискателя кинокамеры.

Ивашура ударил ногой в дверцу, высунулся по пояс и закричал:

— Михаил, в кабину! Живо!

Рузаев оглянулся, опустил кинокамеру, и в ту же секунду словно судорога передернула Башню: она искривилась, заколебалась, как мираж, готовый растаять, исказился горизонт. Судорога пробежала от Башни по земле, перечеркнув оранжевый бок вертолета с человеком на нем, какие-то странные светящиеся фигуры встали над болотом, полетели световые стрелы и копья...

Вертолет с людьми качнулся, Ивашура едва не вывалился наружу, но пилот успел удержать его за полушубок. Один из светящихся лоскутов воткнулся в лобовое стекло кабины. Жгучий свет залил все вокруг, ослепленные люди попадали на пол, закричала Ирина, и вслед за световым ударом в кабину ворвалась тьма...

Ивашура пришел в сознание первым. Ломило в висках, все тело казалось водянистым и рыхлым, отказывалось повиноваться. Пилот полулежал на своем сиденье с равнодушным лицом, продолжая сжимать в окаменевших руках штурвал.

Зашевелился Одинцов, молча сел, ощупывая лицо. Ивашура нагнулся к врачу, легонько похлопал ее по щеке. Женщина вздохнула и открыла глаза.

— Будто из мясорубки вынули, — пробормотал Одинцов и с

трудом встал. Его повело в сторону, и он вцепился в спинку пилотского сиденья.

Ивашура открыл дверцу и выглянул из кабины.

Почва, вывороченные пласты торфа, кочки, трава были покрыты страшным серебристым налетом, словно инеем. В воздухе витали запахи металла и жженого волоса, отчего у всех запершило в горле.

Башня стояла на том же месте, такая же мрачная, темная и ощутимо массивная, вершиной уходящая в пелену облаков.

Ивашура тяжело спрыгнул на землю и дико оглянулся вокруг.

— Ничего не понимаю! Куда он делся? Михаил!

Потерпевший аварию оранжевый вертолет исчез, и вместе с ним исчез Рузаев.

— Не может быть! Куда они подевались? Михаи-ил!..

Издалека послышался нарастающий рокот, и над лесом показались вертолеты. Лейтенант вызвал-таки подмогу.

— Что это было с нами? — тихо спросил Одинцов.

— Мы попали в зону призраков, — отозвался пришедший в себя пилот, будто одним словом мог объяснить все происходящее.

ГЛАВА 3

В поисках таинственным образом исчезнувшего Рузаева участвовали пять военных вертолетов и отделение солдат под командованием лейтенанта Кущи, но найти эксперта не удалось. Не удалось обнаружить и разбитый вертолет авиаконтроля, и это обстоятельство заставляло искать нетривиальные объяснения их исчезновения.

В домике штаба попискивал пульт селектора, доносились переговоры исследовательских групп — рации всех групп работали на одной частоте. У пульта селектора сидел хмурый Ивашура и слушал Богаева. У перегородки возле рации спецсвязи устроился радист с наушниками на голове, второй что-то тихо ему втолковывал, иногда оглядываясь на Ивашуру.

Одинцов стоял у окна, сложив руки на груди. Старостин ходил от перегородки до ряда стульев, иногда вздыхая.

— Надо прекратить походы к Башне, — сказал он наконец, останавливаясь у окна. — Иначе будут новые жертвы.

— До сегодняшнего дня жертв не было, — проворчал Богаев. — А исчезновение Рузаева, возможно, вполне объяснимо...

— Конечно, объяснимо: распался на атомы! Подходит такое объяснение?

— Нет, здесь все не так просто, — возразил Ивашура. — Экс-

перты сделали анализ образцов грунта на том месте, и оказалось, что состав верхнего слоя почвы в зоне появления призраков не соответствует составу окружающих зону почв.

— Ну и что?

Ивашура помолчал.

— Есть идея, но высказывать ее преждевременно. Извините.

В домик вошел Гаспарян, отряхнул снег с шапки, разделся, прошел во вторую комнату, причесываясь на ходу.

— Снимай поиск, — сказал он Ивашуре. — Местность открытая, искать больше негде. Провалиться в болото вертолет с Мишей не мог, мы проверили — там выход глины, толщина верхнего слоя с торфом всего около двух метров.

Ивашура посмотрел на Одинцова, одетого в свитер, тот еле заметно кивнул.

— Хорошо, ты прав. Виктор, передай поисковым отбой.

Радист встрепенулся и потянулся к панели рации. Гаспарян сел, аккуратно поддернул брюки, все молча смотрели на него, будто на вестника беды. Старостин снова зашагал из угла в угол, радист передал в эфир приказ Ивашуры, и в домик вернулась прежняя тишина.

— А что с экипажем упавшего вертолета? — поинтересовался Одинцов. — Причину аварии установили?

— Причина довольно необычная. — Гаспарян хмыкнул. — Они летели на высоте трехсот метров и работали с регистраторами полей и частиц, настраивали лазерный спектроскоп. А потом вдруг, по словам пилота, вертолет дернуло к Башне с такой силой, что двигатель заглох. Ну и грохнулись, естественно.

— Что значит «дернуло»?

— То, что вертолет попал в какой-то притягивающий конус. Толчок был так силен, что они пролетели по направлению к Башне не больше четырехсот метров! Побились, конечно, здорово. У пилота сломаны два ребра и разбита голова, у остальных то поломана рука, то выбиты зубы, вывихи, ушибы, содрана кожа...

— Хорошо хоть живы остались! Неужели открыли новое явление? Никто не сообщал раньше ни о чем подобном.

— Вот поэтому я и говорю: следует прекратить вылазки и полеты к Башне, — сказал Старостин. — Мартын Сергеевич, надо пересмотреть режим безопасности исследований, и немедленно. — Заместитель премьер-министра повернулся к Ивашуре: — Игорь Васильевич, вы же понимаете, что первым делом с нас спросят за людей, за соблюдение норм безопасности, а уж потом за ход исследований. Подходить к Башне опасно, а если до сих пор обходились без жертв, так это чисто случайно, а не из-за мер предосторожности. То, что нас предупреждают пауки, — не довод.

Старостин вытер платком лоб, сел, снова встал. Он был взволнован, раздражен и не скрывал этого.

— Что мне докладывать в Москву? Что такое Башня — вы не знаете, чего от нее ожидать дальше — тоже не знаете. А знать необходимо, иначе проглядим катастрофу.

— Доложите, что есть, — пожал плечами Богаев. — К сожалению, рост Башни вывел ее за пределы чисто научных проблем, добавил социальное и политическое звучание, отмахиваться от этого нельзя. Вопрос эвакуации района из опасной зоны — вопрос социальный, бытовой, психологический, финансовый и так далее. Его надо решать в первую очередь, время не ждет.

На панели рации загорелся глазок индикатора, радист поправил наушники, выслушал и сказал подошедшему Ивашуре:

— Посты наблюдают «глаз дьявола», аппаратура сейсмологов регистрирует подземные шорохи.

Ивашура кивнул, повернулся к остальным.

— Извините, господа, я вас покину. Владлен Денисович, ты тут без меня...

Богаев исподлобья посмотрел на Старостина.

— Хорошо, Игорь Васильевич.

Ивашура кивнул Гаспаряну, они оделись и вышли.

— Похоже, приближается очередная пульсация, — сказал Ивашура уже в кабине вертолета. — Башня активизируется. Больше ничего не нашли?

Гаспарян вопросительно посмотрел на приятеля.

— Ты имеешь в виду Мишины вещи? Ничего. — Он помолчал. Пилот поднял легкую машину в воздух. — Правда, ближе к стене ребята нашли останки двух пауков. Такое впечатление, будто ими выстрелили из пушки. А в стене напротив того места, где упал вертолет авиаконтроля, на высоте трехсот метров обнаружился глубокий провал, словно часть стены рухнула внутрь.

— Вот как? На высоте трехсот, говоришь? И вертолетчики шли на той же высоте... Совпадение?

— Не знаю, но меня это насторожило. Надо бы дать задание экспертам специально понаблюдать за стеной.

Внизу проплыла дорога с идущей по ней грузовой автомашиной. Лес кончился, началось заснеженное поле колхоза «Жуковский». Башня угрюмо нависала слева, придавая пейзажу гротескную нереальность декорации.

У опушки леса стояли военные палатки, а чуть поодаль, на холме, неторопливо вращала антеннами радиолокационная станция.

Вскоре вертолет пошел на снижение и опустился у кромки леса на другой стороне поля возле штабелей бревен и куч хвороста. В поле уходила цепочка бревенчатых вышек разнокалиберной

высоты — от восьми до двенадцати метров. Из окон вышек, обращенных к Башне, торчали стволы стереотруб, кино- и фотоаппаратуры, рога и решетки звуковых антенн, окуляры лазерных дальномеров и спектроскопов.

Ивашура зашел в один из двух передвижных домиков и вскоре вернулся с бородатым физиком по фамилии Меньшов, которого звали Виталием Борисовичем. Физик подал руку Гаспаряну, и они направились к ближайшей вышке.

Верхняя площадка вышки была огорожена и походила издали на скворечник. К ней вели десять пролетов лестницы с заледеневшими ступеньками. Чем выше поднимались люди, тем сильнее становился ветер. У самой площадки он в сочетании с морозом пронизывал одежду насквозь.

На площадке было чуть теплее. В сторону Башни смотрели подзорная труба на треноге, кинокамера и крупнокалиберный пулемет, у которого возились двое парней в танковых шлемах. Третьим оказался профессор Гришин, поглядывающий в окуляр трубы и записывающий что-то в блокнот.

— Константин Семенович? — хмуро удивился Ивашура. — Вы-то здесь как оказались?

— У них аппаратура лучше, — сказал Гришин. — Вот и забрел.

Бородатый Меньшов блеснул зубами.

— Аппаратура у них действительно неплохая, но Константин Семенович явился к нам по другому поводу. Предлагает провести один совместный эксперимент.

Ивашура хмыкнул.

— Интересно. Что же это за эксперимент, который может заинтересовать физика и эколога одновременно?

— Ничего противозаконного, — усмехнулся тонкими губами Гришин, пряча блокнот. — Моя специальность — экология человека. Позволю напомнить, что это направление экологии изучает общие закономерности взаимоотношений природы и общества. Подчеркиваю: природы и человека, а не растительного и животного мира.

Ивашура прильнул глазом к окуляру трубы.

— Вы хотите сказать, что объектом экологии может быть не только популяция или экосистема, но и техносфера?

— Совершенно верно. Техносфера как часть экосферы Земли.

— А в качестве конкретного локального объекта вы избрали Башню, предполагая ее искусственное происхождение...

— С вами страшно разговаривать, вы все знаете наперед!

— Положим, не все, но, по имеющимся данным, человек эту Башню на Земле не строил, выдвигались гипотезы, что она сооружена пришельцами, иными разумными существами.

— Вполне допустимо, однако это мало что меняет. Башня —

искусственное сооружение, а значит, часть техносферы, пусть и не земной.

Ивашура вдруг насторожился, поднял руку, призывая к молчанию. От Башни докатился крик паука, ослабленный расстоянием.

— «Глаз дьявола», — сообщил один из наблюдателей.

На стене Башни почти под самыми облаками разгорелся мигающий желтый зрачок, продержался с полминуты и погас. Зазвонил телефон. Меньшов снял трубку, выслушал, буркнул что-то и положил трубку.

— Две тысячи рентген в импульсе, дальность затухания около пятнадцати километров. Это уже пятый «глаз» за сегодняшний вечер. Активность Башни растет не по дням, а по часам.

— Завтра вечером или ночью будет пульсация, — кивнул Ивашура. — Готовьтесь. — Повернулся к Гришину: — Итак, Константин Семенович, что за эксперимент вы предлагаете провести?

— Не один, а целых два. Первый: попробовать опустить зонд с телеаппаратурой на Башню сверху, на ее размытую вершину. А еще меня интересует «зона ужасов». Никакого излучения — ни частиц, ни полей — аппаратура, установленная в самой «зоне», не регистрирует, тем не менее какое-то поле, вызывающее у людей ощущение страха и другие негативные эмоции, существует. Есть датчики, которые могут замерить биотоки, «электрические наводки» в нервных окончаниях и узлах. Надо просто нацепить эти датчики и побродить по «зоне».

— Ну вы и садист, Константин Семенович! — пробормотал Гаспарян.

Физики засмеялись. Гришин тоже улыбнулся.

— Я предлагал в качестве кролика себя.

— Суть ясна, — произнес Ивашура. — Но в последнем случае я не вижу связи с физиками. Скорее это должно интересовать биологов и медиков. Ах нет, простите, понял. Излучение?

Бородач кивнул.

— Нас тоже интересует излучение. До сих пор человечество знало только три вида излучений: электромагнитное, гравитационное и излучение частиц от адронов — протонов, нейтронов, мезонов — до лептонов и разного рода пси-, кси- и других странных частиц. Если мы не обнаружим в «зоне ужасов» какого-нибудь из перечисленных видов излучений, значит, либо наши теории неверны, либо существует излучение, о котором мы ничего не знаем.

— Может быть, инфразвук или ультразвук?

— Звукорегистраторы молчат, по сообщениям соседей.

Соседями физиков-ядерщиков были физики лаборатории звука.

— Но у них еще есть неиспользованные возможности, — заметил Гришин. — Я был у них, они готовят к запуску в «зону ужасов» какой-то сверхчувствительный звукозаписывающий агрегат.

Ивашура задумался, нахохлившись, спрятал руки в карманы полушубка. Зазвонил телефон. Меньшов снова снял трубку, выслушал и передал трубку начальнику экспедиции. Звонил Богаев.

— Старостин говорил с Москвой, — сказал он с сопением. — Приедет кто-то из первых лиц.

Ивашура молчал.

— Ты слушаешь?

— Да.

— Пульсация скоро?

— Вероятно, ночью. Слушай, Владлен Денисович, что ты за душу тянешь? Выкладывай, что произошло.

Богаев помолчал, прочистил нос и сказал:

— Звонили из метеоцентра. Башня изменила метеообстановку. Мы-то в спокойной зоне, аналогичной «глазу тайфуна», а в радиусе ста километров начались ураганные ветры, снегопады с градом.

— Разберемся. — Ивашура положил трубку, постоял с минуту, кивнул на пулемет. — А это чудо у вас откуда? И зачем?

— Хотим пострелять по Башне. — Меньшов подождал реакции гостей, но оба умели сдерживаться. — С этой стороны мертвые выбросы появляются чаще, вот мы и решили в момент фонтанирования черной струи выпустить в нее очередь пуль из разного материала. А потом проверим, в какое вещество превратились пули.

Ивашура поманил пальцем Гаспаряна, шагнул к лестнице.

— Так что, Васильич? — сказал ему в спину Меньшов. — Насчет «зоны ужасов» договорились?

— Я подумаю, — не оборачиваясь, ответил Ивашура.

У подножия вышки он остановился, посмотрел на свинцовое небо, подождал Сурена.

— Давай-ка еще раз поищем Михаила. Не верю я, что он погиб.

— Да и я тоже, — оживился Гаспарян. — Миша не такой человек, чтобы пропасть за здорово живешь... — Он осекся, вспомнив странное исчезновение Ивана Кострова.

Ивашура косо посмотрел на него, понял и вздохнул.

— Вот-вот, с пропажей Ивана тоже не все ясно. Есть шанс на его возвращение. Не идет у меня из головы тот случай с ним, помнишь? Сон, когда он попал куда-то в мезозой...

— Как не помнить! Галлюцинации от воздействия инфразвука...

— А если нет?

Гаспарян в замешательстве поскреб подбородок.

— Черт его знает! Ты всерьез думаешь, что он путешествовал во времени?

— С одной стороны, вроде бы чистейшей воды фантастика. Ну а с другой... чем не фантастика эта Башня? Да и вспомни наши странные находки вокруг Башни: часть скелета диметродона, череп зауропода, кости диатримы... Откуда они в Брянском лесу? Или «десантники», не принадлежащие ни к одному из существующих ныне спецподразделений? Да еще с таким оружием. — Ивашура достал бластер, полюбовался и спрятал.

— Насчет «десантников» не задумывался. — Гаспарян глубже нахлобучил шапку, поправил шарф. — Пусть ими занимается полковник Одинцов со товарищи. Наше дело — Башня. Давно пора пробить туда дырку и посмотреть, что это такое, внутри. Пошли, а то дуба врежу от холода. Все же человек я южный, теплолюбивый.

Они облетели Башню кругом, побывали у биологов, геофизиков и медиков, на вычислительном центре. До того как стемнело, успели еще раз обыскать то место, где пропали Рузаев и разбитый вертолет авиаконтроля, но ничего и никого не нашли. К Башне подходить близко не рискнули: стена ее с этой стороны все еще светилась пятнами, хотя и слабо. К тому же близилась очередная пульсация, и вероятность всякого рода сюрпризов увеличивалась с каждой минутой.

Шел десятый час вечера, когда Ивашура закончил перекличку постов вокруг Башни, оставил в штабе вместо себя Богаева и вышел из теплушки в морозную темь. За ним увязался Одинцов, накидывая на ходу ватник.

Лес вокруг шумел — темный, мрачный, враждебный, замерзший. Призрачное сияние Башни не могло рассеять мрак ночи, и Башня вырастала из тьмы чудовищной стеклянной колонной, заполненной жидким светом, чуждой всему лесу, простору, земле. Облака вились вокруг нее живыми змеями, зажигались фосфорно и дымно, исчезали в мутной пелене. Иногда в стенах Башни рождались злые зеленые звезды, вспухали сияющими облачками, расплывались и осыпались вниз золотым дождем. Ветер приносил гулкие громовые раскаты и пронзительный клекочущий свист.

— Светопреставление! — пробормотал Одинцов.

Ивашура оглянулся, но не ответил. Он думал о Рузаеве, Кострове и девушке-журналистке, пропавших без вести. Думал, что мощь и масштабы небывалого явления превосходят все известное в истории человечества, что пауки не зря отпугивали людей от паутинного шатра, что Башня — скорее всего, свидетельство какой-то аварии в «паучьем измерении», а не инструмент для

контакта иного разума, но разобраться в этом будет не очень просто, если не совсем невозможно. Как говорил Экзюпери: «Истина — это вовсе не то, что можно убедительно доказать». А главное, судя по всему, скоро наступит такой момент, когда вопрос контакта обернется вопросом небывалого конфликта. Недаром появились эти странные «десантники», угрожая всем, кто изучал Башню, и приказывая «не вмешиваться в события». Ивашура знал, что появлялись они и у пограничников, и в палатках ученых, хотя мало кто воспринял их всерьез. Кроме федералов, подчиненных Одинцову. Но и они, похоже, не торопились с выяснением принадлежности шутников.

Золотое сияние Башни заколебалось волнами. Впечатление было такое, будто Башня занавешена развевающимися под ветром ажурными полотнищами. Куски сияния отрывались от общего полотна и медленно плыли к земле, постепенно истаивая снопами искр. Слева на боку Башни загорелся громадный синий проем «телеэкрана», но из-за сияния невозможно было разглядеть, что он показывает.

И вот началось.

Сначала где-то далеко зародился низкий, едва слышный звук. Ивашуре показалось, что воздух загустел, завибрировал и эта дрожь вошла в кончики пальцев, в хребет, в череп и еще глубже — в мозг. Появилось ощущение постороннего взгляда, готовящегося нападения, какой-то беды...

От Башни донеслись знакомые крики пауков, ослабленные расстоянием.

— Инфразвук? — коротко спросил Одинцов, склонив голову набок.

— Похоже. Предупреждение и отпугивание одновременно. Держитесь, сейчас начнется пульсация.

Одинцов послушно расставил ноги пошире, в ту же секунду земля дернулась раз, другой, третий... Ивашура устоял, но для полковника серия толчков оказалась неожиданной. Лежа на боку, он увидел, как Башня вспыхнула алым сиянием сверху донизу, скачком увеличила диаметр. Земные недра отозвались грохочущим гулом, заглушившим все звуки. Гул оборвался каменным стоном, лавиной трескoв и ударов, и все стихло. Земля перестала дергаться и дрожать. В лес вернулся свист ветра, стали слышны шорохи и скрипы деревьев.

Башня еще некоторое время багрово светилась, потом свечение потускнело, ушло в темноту инфракрасного диапазона. Исчезло и электрическое сияние стен. Башня перестала быть невидимой. Лишь в тучах вокруг ее ствола иногда вспыхивали зарницы, словно напоминая людям, что она не исчезла.

Хлопнула дверь.

— Игорь? — раздался голос Гаспаряна.

— Здесь я, — отозвался Ивашура.

— Диаметр Башни увеличился на полтора километра.

— В прошлую пульсацию — на два. Что говорят сейсмологи?

— Пять баллов. В Жуковке около четырех. Как обычно. Радиофон тот же, разве что затухание у атмосферников на ультракоротких увеличилось.

— Готовь вертолет.

Гаспарян, спотыкаясь в темноте, удалился к дежурке.

— Зачем вертолет? — спросил Одинцов.

Ивашура долго молчал.

— Посмотрим, не обнаружился ли Михаил.

Одинцов хмыкнул, потер уши — мороз стоял нешуточный, градусов двадцать, — и ушел в теплушку штаба. Через минуту вернулся уже в шапке, с молодым широкоплечим телохранителем.

— Мы с вами, если не возражаете.

— Он лишний, — показал на парня Ивашура.

— А если попадутся эти ваши... «десантники»? Профессионал охраны никогда не бывает лишним.

— Он все равно не поможет. Оружие у вас имеется?

— Кое-что найдем, — уклончиво ответил Одинцов.

— Ну, тогда мы в безопасности, — с иронией проворчал Ивашура.

— Идемте, время не ждет.

Телохранитель полковника вопросительно глянул на своего шефа, и Одинцов успокаивающе кивнул.

— В другой раз, Володя. Мы ненадолго. — Повернулся к начальнику экспедиции. — Я готов.

Ивашура молча зашагал к стоянке машин в сотне метров от домиков экспедиции.

Облет Башни не дал никаких результатов.

Вал дымящейся земли у ее подножия вырос еще на несколько десятков метров в высоту и метров на пятьдесят в ширину. Примерно на полкилометра от него шла полоса изломанного, исполосованного трещинами, рытвинами и буграми верхнего почвенного слоя замерзшего болота и земли полей. Кое-где со стороны западных стен Башни, где располагались топи, проступила сквозь слой торфа вода и разлилась коричневыми лужами, заметными издалека по струям пара.

Зона разрушений и изменений рельефа заканчивалась в трех-четырех километрах от стен Башни, и это озадачило Одинцова.

— Я ожидал большего, — сказал он, не отрываясь от окуляров

бинокля. — Во всяком случае, землетрясение силой пять баллов в эпицентре создает гораздо больше разрушений. Видел собственными глазами.

Вертолет летел на высоте полутораста метров над заснеженной целиной болота — там, где оно не было затронуто расширением Башни. Эллипсы прожекторного света то вспыхивали и искрились на снегу, то темнели на островках травы, черных ледяных зеркалах и пластах торфа.

Сделали один круг, потом другой. На третьем Ивашура опустил бинокль и буркнул в спину пилоту:

— Поворачивай домой, Витя.

И они полетели к лагерю, не глядя друг на друга, думая каждый о своем.

После ужина Ивашура, почти не притронувшийся к еде, пожелал всем спокойной ночи и ушел в свой вагончик. Когда он разделся и лег на топчан, в вагончик без стука вошел Михаил Рузаев...

ГЛАВА 4

Весть о том, что вернулся пропавший без вести при странных обстоятельствах эксперт Рузаев, облетела лагерь за минуту, и в вагончик, где спали эксперты Центра, набилось много народу. Ивашура, терпевший нашествие до поры до времени, наконец почувствовал холод (дверь почти не закрывалась), перекричал шум и, как был — в трусах, вытолкал всех за порог. В комнате остались он, Богаев, Одинцов, Гаспарян, эксперт Валера, так и не проснувшийся в общем гаме, и Рузаев.

Выглядел виновник торжества как после драки с дикими котами: одежда располосована на ленты и клочья, на лбу и под глазом синяки, на щеке глубокие царапины, такие же царапины на шее и на руках. Невозмутимый, как и всегда, Рузаев напился из чайника, отдышался и начал переодеваться, словно не замечая взглядов товарищей и затянувшегося молчания.

Ивашура поймал взгляд Богаева и натянул брюки. Гаспарян, бурча, что, мол, выхолодили весь дом, подкинул в печурку сосновых поленьев. На лицо его лег желтый отсвет огня.

Наконец Рузаев переоделся, умылся, залепил царапины пластырем, еще раз глотнул воды и сел у длинного, во весь вагончик, деревянного стола.

— Дайте закурить, — попросил он в пространство.

— Ты же бросил! — удивился Гаспарян.

Рузаев молча взял из рук Одинцова сигарету и закурил.

— К сожалению, кинокамеру я потерял, — сказал он. — А рассказывать не умею.

— Где ты был? — хрипло спросил обретший голос Ивашура.

— Не знаю. Когда появились призраки, я снимал «телеэкран».

— Мы же кричали! Не мог снимать из вертолета?

— Дело в том, что мне показалось, будто «телеэкран» показывает лицо человека... точнее, лицо Вани Кострова.

В комнате наступила тишина. Потом Ивашура, пряча плескавшуюся в душе радость, сел на свою полку-кровать и посмотрел на Одинцова...

— Только лицо? Какое?

Рузаев поднял недоумевающий взгляд.

— Ну, я имею в виду, живое или...

— Вроде бы живое. Один глаз у него был прищурен, словно он целился. Потом меня что-то ударило по затылку. — Рузаев пощупал затылок, в глазах его снова отразилось недоумение. — Ничего не болит. Вот лоб болит...

— Ты, наверное, перепутал, куда тебя шарахнуло, — вставил Гаспарян. — А то получается — били в затылок, а шишка вскочила на лбу. Кстати, кто бил-то?

— А пес его знает! Говорю же: сзади ударило. Очнулся — кругом светящийся туман и земля под ногами, и ничего больше не видно. Где Башня, где вы, где вертолет — не понять. Ну я встал и пошел. Жарко, душно, сыро... Горизонт — вот он, под носом, а дойти невозможно. Шел я, наверное, часа два. Земля теплая, в трещинах, идти легко, тишина — аж в ушах звенит! Ну, потом стал замечать, вроде тени движутся, то впереди, то сзади, а разобрать опять-таки не могу. Побежал за одной и... вот. — Рузаев кивнул на кучу своего рваного обмундирования. — Так и не понял, что за нечистая сила меня крутила. Зацепила, попинала, исцарапала и бросила, причем бесшумно, отчего мне самому взвыть захотелось.

Рузаев передохнул, прополоскал рот глотком воды. Все молча смотрели, как он это делает.

— Ну вот. Потом увидел: вроде как просветление впереди обозначается. Поднялся, побежал и... вывалился прямо на снег! Рядом Башня, все гудит, грохочет! Понял — пульсация. Ну я бегом в лес, пока не нашел лагерь.

— Скажи пожалуйста! — Богаев помолчал, откашлялся. — М-да! Только нечистой силы нам не хватало. Может быть, Михаил, тебе все это померещилось?

Рузаев пожал плечами.

— Не хотите верить на слово — проверьте. Как говорил философ Берджес: «Существует только один заменитель воображения — опыт».

Гаспарян иронически приподнял бровь, хотел вставить какое-то едкое замечание в адрес эрудиции Рузаева, но посмотрел на Ивашуру и передумал.

— Ладно, утро вечера мудренее, — сказал Ивашура. — Предлагаю отложить анализ сообщения Михаила на утро.

Одинцов пожелал всем хорошо отдохнуть и ушел. Гаспарян разделся, нырнул в свой спальник с головой. Богаев посидел еще несколько минут, растерянно поглядывая на Рузаева. Ему хотелось поговорить, но он боялся показаться смешным.

— Поешь, — спохватился Ивашура. — У нас есть банка сгущенки и хлеб. Сурен, куда ты дел сгущенку?

— В шкафу с обувью, — ответил Гаспарян из спальника.

Рузаев подумал и согласился.

— Можно и подкрепиться, оголодал маленько.

— Звонили из местной Думы, — проговорил Богаев, не глядя на Ивашуру. — Толчки от пульсаций разрушают здания города, жертв пока нет, но...

Ивашура молча залез в спальный мешок.

Богаев посмотрел на него с некоторой растерянностью, покашлял в кулак.

— У них тут в десяти километрах газопровод. Боятся, что трубы не выдержат.

Молчание.

— Надо что-то делать, Игорь.

— Надо, — отозвался наконец Ивашура. — В первую очередь надо создать правительственную комиссию, которая была бы правомочна решать все организационные вопросы.

Богаев оживился.

— Я тоже так думаю. Зачем нам одним брать на себя ответственность такого масштаба? Нужна компетентная... — Он замолчал, заметив взгляд Ивашуры, заторопился: — Ну я тоже пойду. Желаю приятных снов.

Он ушел.

Рузаев ел сгущенное молоко и прихлебывал из чайника.

— Не думал, что старик так боится ответственности, — глухо проговорил Гаспарян из спального мешка. — Дома, в Центре, он казался мне более решительным. Возраст, что ли, подошел?.. Да минует нас чаша сия!

— Тебе это не грозит, — буркнул Ивашура. — Ты помрешь раньше, причем из-за длинного языка. Нигде от вас покоя нет. Михаил, сможешь показать место, где выбрался из тумана?

— Вообще-то не уверен, но попробую.

Ивашура больше ничего не спросил. Рузаев погасил свет в вагончике и лег сам. В наступившей тишине отчетливо похрапывал эксперт Валера, умевший ночью отключаться до состояния пол-

ной нечувствительности к внешним раздражителям, потрескивали горящие поленья в печурке да сквозь тонкие стенки просачивался в теплушку равномерный шум леса.

Наутро, после завтрака, Старостин собрался уезжать и перед отъездом собрал в штабе руководителей экспедиции и командиров приданных ей войсковых частей.

— Я убедился, что явление Башни не только уникально с научной точки зрения, — сказал он, — но и представляет огромную опасность для людей и несет колоссальные убытки хозяйству района. Поэтому следует принимать какие-то решительные меры. Первое и самое важное — остановить рост Башни, второе — установить контакт с пауками, потому что именно они, с моей точки зрения, главные действующие лица во всей этой кутерьме. Мнения ученых о том, что такое Башня, я выслушал и понял, что оригиналов среди вас много, а истину вы видите только во сне, да и то не каждый. Примите это не как упрек вашей компетентности. Задуматься и даже просто восхищаться есть чем. Я сейчас уезжаю, а дня через три ждите правительственную комиссию. Она и будет решать, что делать дальше. А пока выслушайте... ну, если не приказ, то указание: к Башне ближе чем на три километра не подходить! Все намечающиеся эксперименты согласовывать прежде с начальником экспедиции Ивашурой. Риск свести к минимуму! Ясно? Но, с другой стороны, ускорьте исследования, сведите накопленные сведения в единую систему. Необходимо знать точно, что такое Башня, прежде чем принимать кардинальные меры. Вопросы ко мне есть?

Ученые и командиры молчали.

Старостин уехал. Одинцов улетел ночью, никого не предупредив. Ивашура передал бразды правления штабом Гришину (Богаев уехал в райцентр), забрал Рузаева с Гаспаряном, и они отправились искать точку выхода Михаила из «тумана».

Вертолетная стоянка по совету Старостина была перенесена на триста метров южнее, на лед замерзшего озерца, окруженного редким сосняком. Отсюда было удобнее загружать машины аппаратурой, топливом, держать связь со всеми подразделениями экспедиции и с городом, благо дорога в город пролегала рядом. Сосны здесь росли какие-то жалкие, искривленные, будто пораженные болезнью. Дорога в райцентр огибала озерцо и исчезала в стене мрачного бора, за которым до самого города шло поле озимой пшеницы.

Вертолет поднялся выше сосен, и Башня выросла над лесом геометрически правильной голубовато-серой горой, неправдоподобная и неестественная этой своей геометричностью, рас-

цветкой и размерами. Не труба, не башня, не колонна — конец «земной оси»!

Ивашура включил рацию.

— Пятый, ответьте Первому.

— Я вас слушаю, — отозвался командир роты оцепления.

— Отодвиньте посты на четыре километра от Башни. Ближе никого не пускать до особого распоряжения.

— Принял, выполняю.

— Связь-два, ответьте Первому.

— Слушаю, Игорь Васильевич, — характерный говор Гришина.

— Переключите сеть оповещения на мой канал. Как только наблюдатели заметят что-нибудь подозрительное, пусть дадут знать.

— Хорошо, сейчас предупрежу.

Вертолет приблизился к Башне и пошел вокруг нее на высоте ста метров. Внизу медленно проплывали снежная целина, рощицы хилых осин, желтые и коричневые пятна высохшей болотной растительности, распаханное поле.

— Нет, надо подойти ближе, — сказал Рузаев. — Помню, что бежал по взломанным пластам земли.

Пилот искоса посмотрел на Ивашуру, и вертолет повернул к Башне. Под ним показалась перепаханная катаклизмами почва: валы, ложбины, трещины, холмы и провалы с зеркалами черной воды, курившиеся белесыми дымками. Дальше, до подножия Башни, снега уже не было совсем, разрушения ландшафта все больше увеличивались, а потом шел дымящийся, почти двухсотметровый вал почвы, смятой давлением стен Башни.

— Похоже, здесь, — неуверенно проговорил Рузаев.

Пилот остановил машину в воздухе.

Рузаев несколько минут рассматривал местность под вертолетом, никто ему не мешал. Наконец он указал рукой чуть в сторону.

— Кажется, у этой глыбы.

Ивашура кивнул, пилот повел вертолет на посадку. Рузаев первым выбрался из кабины, прошелся возле вздыбленной каменной плиты до трещины в земле, постоял, задумавшись. Гаспарян подошел к нему, заглянул в трещину, хмыкнул, потом подошел к каменной глыбе.

— Гранит, — сказал он, всматриваясь в зернистую поверхность глыбы. — Откуда он здесь, в болоте? Кругом не то что гор — холмов порядочных нет.

Ивашура, оглядываясь по сторонам, приблизился к нему.

— Дропстон. След ледника. В здешних местах таких камней много. Ну что, Михаил? Здесь?

Рузаев, очнувшись, почесал за ухом.

— Не уверен, шибко темно было... Да что нам даст место мое-

го воскрешения? Объяснить, где я пробыл более двенадцати часов, оно не поможет.

— Как знать. Дело в том, что исчез ты тоже в этом месте. Упавший вертолет лежал чуть подальше, вернее, ближе к Башне. А эта глыба была едва видна, одна макушка торчала.

Рузаев снова начал разглядывать местность. Потом кивнул:

— Ты прав. Вертолет лежал левее и ближе к... — Он вдруг замолчал. — Посмотри-ка на бугор. Ничего не замечаешь?

— Где? — быстро спросил Ивашура.

Рузаев вместо ответа бегом направился к незамерзшей полынье в слое буро-коричневой жижи, из которой выглядывал коричневый гладкий пузырь. Гаспарян с Ивашурой подбежали следом. Из жижи рядом с округлым бугром торчал кончик лопасти винта.

— Вертолет! — сказал Гаспарян. — Вот это называется везением! С воздуха черта с два заметили бы! Нарекаю это место Болотом нечистой силы... имени Рузаева!

Ивашура попробовал дотянуться ногой до бока вертолета, но едва не сорвался в яму с жижей.

— Сурен, — сказал он, — принеси-ка щуп из кабины. — Потом вызвал по рации штаб: — Константин Семенович, мы нашли пропавший вертолет, вызови моих экспертов с аппаратурой, срочно.

— Слушаюсь, — бодро отрапортовал Гришин. — Где вас искать?

— Юго-запад от Башни, увидят. Пусть берут вертолет авиаконтроля, я позвоню в полк.

Ивашура созвонился с авиаполком и попросил доставить группу ученых на вертолете к Башне.

— Подождем, — сказал он, закончив переговоры.

Через полчаса прибыли эксперты с приборами и оборудованием. Найденный вертолет зацепили тросами, и военная машина вытащила его на сухое ровное место.

Ивашура сначала помогал экспертам, потом оставил с ними Гаспаряна, а сам с военными летчиками обыскал сверху всю прилегавшую местность. Им удалось найти часть опоры электролинии с гроздью изоляторов и половину туши странного зверя, закованного в пластинчатую броню. И то и другое погрузили в вертолет и отправили в лагеря соответствующих лабораторий: биологического и физического анализа.

До вечера возились с разбитым вертолетом, потом и его утащили в безопасное место, подальше от Башни.

Поздно вечером усталый Ивашура провел обычную перекличку и поплелся в свой вагончик, мечтая о горячем чае и отдыхе.

В вагончике его ждала целая компания: комментатор радио и

телевидения Гибелев, ведущая программы «Время» Вероника Ткаченко, журналисты из Москвы, корреспонденты ТАР и АПН — две девушки и худенький парень в очках, одетый в костюм из коричневого вельвета.

— Здравствуйте, — поклонился Ивашура. — Чем обязан?

— Мы по поводу вчерашних событий, — поднялся навстречу Гибелев, худой, с короткой стрижкой, в мешковатом пуловере. Видимо, он был главным визитером. — Несколько организационных и технических вопросов. Разрешите? Днем найти вас практически невозможно.

— Что с вами поделаешь! — Ивашура усмехнулся и прошел к столу. — Задавайте свои вопросы.

— Первый: разрешат ли завтра вести прямую телепередачу с близкого расстояния? Если да, то мы хотели бы, чтобы вы в ней участвовали.

— Не ближе двух километров. Но предупреждаю: помощи от нас не ждите.

— О, конечно, мы сами справимся, не беспокойтесь. Вести передачу будет Вероника, она у нас главный специалист по интервью с учеными.

Вероника Ткаченко, красивая брюнетка, одетая ярко и броско, оценивающе посмотрела на Ивашуру, улыбнулась крупными, умело подкрашенными губами и проговорила, как говорят все москвичи, растягивая слова:

— Вячеслав, как всегда, преувеличивает. Просто мне везет на технических специалистов и ученых.

Голос у нее был хрипловатый, мягкий, выразительный.

— Простите, я не представился. — Ивашура встретил взгляд женщины и подумал, что она умеет держаться, что у нее красивый голос и красивые глаза. — Игорь Васильевич, начальник экспедиции. В неофициозе просто Игорь. Итак, следующий вопрос.

— Что случилось с экспертом вашего Центра Рузаевым? — спросил «вельветовый» корреспондент агентства печати «Новости». — Он пропал и снова появился...

— На этот вопрос я вам не отвечу, — спокойно сказал Ивашура. — Рузаев действительно исчез неизвестно куда во время выхода призраков из Башни, а потом так же неожиданно объявился на том же месте четырнадцать часов спустя. Где он был, в каком измерении, сказать не могу. Не может объяснить этого и сам Рузаев.

— Расскажите, пожалуйста, что такое «призраки», — попросила соседка парня, пухлая блондинка в желтом свитере и джинсах.

— А заодно и об остальных ваших чудесах, — добавил парень, державшийся с подчеркнутой серьезностью.

Ивашура, прищурясь, оглядел компанию.

— Неужели вам еще никто ничего не рассказывал? Ну хорошо. А ваш вопрос? — обратился он к последнему члену компании — женщине среднего возраста с лицом строгим, почти мужским, обладающей тяжелым, властным взглядом.

— Курить можно? — спросила та.

Все засмеялись. Улыбнулся и Ивашура, хотя женщина ему не понравилась.

— Конечно, можно. Что же, отвечаю на вопрос о чудесах...

Он сжато рассказал обо всех эффектах, связанных с Башней, показал несколько фотографий, которые оказались под рукой, и в это время пришли Рузаев, Гаспарян и эксперт Валера, возбужденные спором с молодыми представителями Госкомгидромета.

В вагончике сразу стало шумно, журналисты насели на экспертов, разговор стал общим. Ивашура, махнув рукой на отдых, приказал готовить стол.

Поставили чай, достали консервы, Валера сбегал на кухню за стаканами и хлебом, у Гибелева «случайно» оказалась бутылка «Кремлевской» («Вез товарищу в качестве сувенира», — как он объяснил), и первоначальный официальный тон разговора уступил место легкому, застольному, дружескому, с шутками и анекдотами, которыми отличался Гаспарян.

Ивашура больше молчал, говорил скупо, постоянно чувствуя оценивающий взгляд Вероники. Ведущая программы Центрального телевидения тоже говорила мало, но за ее словами незримо присутствовала тактичная сдержанность умной женщины. Ивашура оценил это очень скоро.

Гибелев сначала разговаривал с Рузаевым, потом снова обратился к начальнику экспедиции:

— Ну, а по-вашему, что здесь происходит? Что такое Башня? Вот мы все говорим, говорим, а никто прямо не скажет. Мы встречались с учеными разных направлений, у каждого есть своя точка зрения, и только эксперты вашего Центра уходят от прямого ответа.

— Наверное, потому, что мы привыкли опираться на здравый смысл и логику. — Ивашура иронически прищурился. — Мы скованы цепью фактов, не соединенных между собой. Но и у нас есть кое-какие предположения. Я знаю, в стане ученых преобладает мнение, что с нами начинает контакт иная цивилизация, и многие факты как будто подтверждают это мнение. Вы их тоже знаете: пауки, непохожие на пауков и живых существ вообще, мертвые выбросы, призраки, сама Башня, наконец! Башня в этой гипотезе представляется космическим кораблем-автоматом, опустившимся на Землю и пробуждающимся от долговременного анабиоза. Есть и другие мнения, что Башня — станция передачи

информации из «соседнего измерения», или антимира, вложенного в наш материальный континуум.

Журналисты заговорили все разом, но Гибелев погрозил пальцем, и они умолкли.

Ивашура задумался на несколько секунд, решая, выносить ли на суд гостей то, в чем сам сомневался.

— Я не отношусь к числу оригиналов, отстаивающих заведомо обреченные на успех мысли. По-моему, Башня не связана с пришельцами из космоса или иных измерений, несмотря на нечеловеческие масштабы и всякого рода чудеса. Но вот со временем она каким-то образом связана. Начну с того, что мы уже не раз обнаруживали вокруг башни скелеты и даже свежие останки доисторических животных, двое из наших специалистов видели пейзажи палеозоя, трижды отмечены случаи с несовпадением отсчета времени механическими и электронными часами вблизи Башни, физики зафиксировали нарушение причинно-следственных связей, но главное — случай с Михаилом. По его мнению, он пробыл в тумане около двух часов, а на самом деле отсутствовал четырнадцать часов с минутами и вышел в том же месте, где исчез.

— Что же, по-вашему, Башня — машина времени? — спросила блондинка, не сводящая круглых глаз с начальника экспедиции.

— Определять не рискую, — покачал головой Ивашура. — Машина не машина, однако время вблизи нее течет не так плавно, как в других районах Земли. Наш молодой коллега Валера назвал Башню «преобразователем времени». Якобы Земля вмещает огромное количество цивилизаций, неощутимых друг для друга потому, что каждая из них существует во времени, повернутом относительно другого времени на какой-то угол. Вот с нами и хочет познакомиться одна из соседних цивилизаций, создавшая нечто вроде хрономоста из своего угла времени в наш.

Журналисты снова попытались задавать вопросы, но Гибелев решительно встал и поднял руку.

— Коллеги, пора и честь знать. Уже второй час ночи. Все вопросы завтра, хозяева устали за день больше, чем мы.

— Да я вообще-то готов хоть сейчас... — пробормотал Валера, косивший на Веронику голубые бесхитростные глаза.

Все засмеялись, даже мужеподобная журналистка, курившая одну сигарету за другой. Журналисты и телекомментаторы стали прощаться, Ивашура подал Веронике ее белую шубу, накинул на плечи свой видавший виды кожаный полушубок и вышел следом.

Шел второй час ночи, и небо вызвездило. Башня на этом искристом фоне выглядела колонной тьмы, перечеркнувшей звезд-

ный узор, нематериальной колонной, полной той неестественной черноты, которая бывает только глубоко в подземелье.

Что-то вспыхнуло там, в вышине, у вершины черной полосы, посыпались искры, словно окалина с проводов от токосъемов троллейбуса. Издалека сквозь тишину — ветер тоже утих, впервые за много дней — докатился тонкий вой. В вагончике зазвонил телефон. Гаспарян, провожавший гостей, нырнул в дверь и через минуту появился снова.

— «Глаз дьявола», первый после пульсации.

— Да, это грандиозное явление! — тихо проговорила Вероника, спрятав руки в рукавах шубки. — В нем есть нечто инфернальное, внушающее слепой ужас. Помните у Пушкина:

А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?..

Глаза Вероники отразили иглы звезд.

— Вы не откажетесь завтра повторить свою гипотезу для телевидения? Или вы смелы только в маленькой компании дилетантов?

Ивашура засмеялся.

— Не откажусь, хотя предчувствую, что меня будут бить коллеги. Заходите к нам в свободное время, тема Башни неисчерпаема. Кроме того, есть и другие темы.

Вероника молча подала руку и пошла по скрипящему снегу к «гостинице» — вагончику для гостей. Остальные, переговариваясь, гурьбой повалили следом. Гибелев пообещал навестить экспертов в ближайшем будущем и догнал журналистов. Они скрылись в «гостинице», и только тут Ивашура почувствовал, что вышел без шапки.

— Морозит, — сказал он, потер уши, бросил взгляд на Башню и поспешил в вагончик, где Рузаев успокаивал Валеру, взволнованного тем, что его будут показывать в телепередаче.

Наутро приехал Богаев, а вместе с ним Глазунов, глава администрации Жуковского района. Ивашура сводил их к Башне, ответил на вопросы, а потом сбежал под предлогом важного эксперимента, оставив новых гостей на попечение директора Центра.

Ивашура и в самом деле решил провести эксперимент, подсказанный академиком Гришиным, тем более что подготовка к эксперименту требовалась минимальная: медицинский контроль, установка биодатчиков на теле, проверка их работы — и вперед, к Башне, гулять по «зоне ужасов».

Своим заместителям Ивашура ничего сообщать не стал, им было не до того: Богаев возился с районным начальством, а Гришин координировал работу всех исследовательских групп, снаб-

жая их перекрестной информацией и материальными ресурсами. Рузаев тоже предложил свои услуги, но Ивашура рисковать не стал.

— Достаточно с тебя одного исчезновения, — сказал он. — Теперь моя очередь. Будешь меня подстраховывать.

Гаспаряна начальник экспедиции отрядил в подчинение руководителю группы радиофизиков для обеспечения трехсторонней связи Ивашуры, медиков и физиков. Перед выходом к Башне Ивашура вызвал по рации Меньшова:

— Привет, Виталий. Нового ничего?

— Башня начинает тихо раскачиваться для очередной пульсации: усиливается радиосвечение, появляются призраки, «глаза», электрические дожди. Все как обычно. Правда...

— Ну-ну, договаривай.

— Наблюдатели засекли новый провал в стене. Впечатление такое, будто кусок стены всасывается внутрь Башни, причем скачок давления получается такой, что в радиусе километра мелкие камни и щепки тоже всасывает в провал.

— Интересно! Вертолетчики упали именно по этой причине: их чуть не засосало в провал стены. Как вы это объясняете?

— Никак. Гипотез пока нет никаких.

Ивашура помолчал.

— Ну бывай.

— Выходит, гулять у Башни теперь зело опасно, — проговорил бесстрастный Рузаев, щуря глаза на показавшееся солнце. — Кстати, ветер переменился. Вчера он дул от Башни, а теперь дует к ней.

— Не хитри, дипломат, — буркнул Ивашура. — Все равно пойду один. А в дальнейшем действительно прекратим все подходы к Башне перед пульсациями.

Они стояли на вышке, торчавшей над березовой рощицей, которая не сбросила почему-то своего ржавого осеннего наряда. Рядом с вышкой располагались вагончики радиофизиков, а чуть поодаль бригада монтажников устанавливала конструкцию из зеркальных многогранников и ажурных полос.

— Локатор, — пояснил руководитель группы радиофизиков, заметив взгляд Ивашуры. — Вчера получили разрешение на монтаж. Когда начнем?

— Через полчаса, — сказал Ивашура. — Сергей Иваныч, как далеко распространяется электромагнитное поле Башни?

— Километров на сто двадцать. Это по данным недельной давности. В последнее время распределением плотности полей занимались студенты-дипломники, составили карты изолиний. Зайдите, поинтересуйтесь в вычислительном.

— Спасибо, зайду. Меня настораживает, что погода начинает

портиться в районах, удаленных от Башни именно на сто — сто двадцать километров. Используйте для записи вертолеты авиаконтроля.

ГЛАВА 5

К определенной Ивашурой точке выхода к Башне его доставили на вертолете военные летчики. Один из пилотов, с уважением посмотрев на Ивашуру, обвешанного металлическими коробками и обкрученного ремнями и снарядами антенн, спросил:

— А правда, что Башня — машина времени?

— Кто вам сказал? — осведомился Ивашура, выпрыгивая из кабины на мерзлую землю.

— Да все говорят.

— Когда говорят все, трудно выделить истину из словесного сора. Вы знаете определение чуда?

Пилот смешался, оглянулся на товарища.

— Чуда?.. Вы знаете, как-то не...

— Так вот, чудо — событие, описанное людьми, услышавшими о нем от тех, кто его не видел. Так говорил Элберт Хаббард.

— Ага, понял, — кивнул пилот. — Испорченный телеграф?

— Не телеграф, а телефон. Башня может быть связана со временем, но наверняка это неизвестно.

— Ясно. Простите, еще вопрос. Башню построили пришельцы...

Ивашура фыркнул. Пилот, молодой парень, покраснел.

— Но так говорят...

— Не верьте, — серьезно сказал Ивашура. — Такие башни строят только пауки.

Он помахал пилотам рукой и направился к Башне, лавируя между кочками.

Идти сначала было легко, но через несколько сотен метров пошел бурелом, потом появились трещины, промоины, снег исчез, почва раскисла. Проверив по рации готовность лаборатории к приему информации, Ивашура передохнул и упрямо полез дальше, через землю, потревоженную недавней пульсацией Башни.

«Зона ужасов» дала о себе знать почти у самой стены Башни, примерно в полукилометре.

Сначала появилось ощущение, будто позади из-под земли вылез кто-то скользкий и недобрый. Ивашура знал, что кругом никого нет, но все же оглянулся. Ветер дул в спину, равномерный и сильный: по данным измерений, он дул к Башне со всех сторон! Выходило, что Башня засасывает воздух всей поверхностью сте-

ны, а иногда захватывает песок и более крупные предметы: камешки, ветки, машины, вертолеты...

Ивашура сказал в микрофон рации, что вышел к «зоне», и зашагал дальше, постепенно углубляясь в невидимую «зону ужасов».

Здесь, в непосредственной близости от стены, было тепло, верхний торфяной слой болота вздрагивал и пружинил под ногами, сквозь него во многих местах проступила черная дымящаяся вода, вызывая в памяти жуткие ассоциации с бездонной топью.

К ощущению постороннего взгляда стали примешиваться головная боль, болезненные ощущения в кончиках пальцев, заныли зубы. Ивашуре стало страшно, но страх был не его, не внутренний, а навеянный извне и потому особенно неприятный, неподвластный воле.

Потом появились «фантомы» — зрительные галлюцинации, избавиться от которых было невозможно, даже закрыв глаза. Вокруг поползли извивающиеся тени. Некоторые из них напоминали диковинных зверей, другие — странные машины, третьи светились ледяным дрожащим светом, превращаясь в удивительные светильники с абажурами в форме человеческих черепов.

Ивашура выбрался на широкую и твердую металлическую полосу — след мертвого выброса. Страх перерос в беспричинный ужас, стали мерещиться зубастые пасти акул и неведомых зверей. Башня превратилась в чудовищного чешуйчатого дракона, готового напасть сверху и проглотить человека целиком... Ивашура не выдержал и побежал к дракону, стараясь не подвернуть ногу и не упасть.

Металлическая дорожка вывела его к земляной складке, помогла вскарабкаться на крутой горб вспученной земли, и почти сразу же страх исчез, галлюцинации рассеялись, боль в голове затихла. Ивашура постоял с минуту на дрожащих ногах, упиваясь блаженным состоянием покоя и уходящего страха, присел на комель сосны, торчавший из земляной массы. Стена Башни излучала ощутимое тепло, пришлось снять шапку и расстегнуть полушубок.

Пискнула рация, вызывал Гришин.

— Игорь Васильевич, не пора ли заканчивать этот рискованный опыт? Не хватало, чтобы руководители экспедиции подавали пример недисциплинированности. Кто санкционировал опасный для жизни эксперимент?

— Не шуми, Константин Семенович, — примирительно сказал Ивашура. — Приду — тогда поговорим. Кстати, сам же меня и подбил, вспомни разговор у Меньшова.

— Я себя уже исказнил за тот разговор, старый дурак... Возвращайся, Игорь, Христом богом прошу...

— Все нормально, минут через десять пойду обратно. Жалко, что не взял с собой аппаратуру, сижу у самой стены. Жарко, спасу нет, и воняет, как в кратере вулкана. Знаешь, только тут, у Башни, можно оценить ее грандиозность и величие в полной мере. Не хочешь испытать?

— Благодарю. — Гришин помолчал, видимо, искал достойный ответ. — Выбирайся быстрей. Может, послать за тобой вертолет?

— Э-э, нет, рисковать все же надо умеючи, вертолетчики подождут меня на прежнем месте. Кстати, непонятно, почему нет ветра. Внизу он был, а на валу нет. Прекратился или просто дует по касательной, а я в застойной зоне?

Гришин не ответил.

Ивашура переключил диапазон рации.

— Сурен?

— Слушаю, — отозвался Гаспарян.

— Что физики?

— Ругаются, но не по-русски, ничего понять нельзя, кроме слова «биополе».

Ивашура невольно засмеялся.

— Пусть ругаются, значит, что-то записали, не зря я тут бегаю по буеракам. Ничего не надо включить-переключить в моем снаряжении? Спроси-ка у старшего...

Молчание, через минуту:

— Все в порядке, твое снаряжение работает нормально.

— Чувствую себя как конь в упряжке, если не хуже: все тело чешется. Ладно, ждите.

Щелчок смены канала.

— Михаил, как вы там?

— Нормально, — отозвался Рузаев. — Я тут заснял на пленку, как ты бежал — зигзагами, словно под обстрелом. Впечатляющие кадры!

— Точно зигзагами? — удивился Ивашура. — А мне казалось, что бегу прямо.

— Абсолютно. Я видел, как бегает верблюд по пустыне, — очень похоже.

— На тебя бы навесить двадцать килограммов железа, посмотрел бы я, как... Ну, хорошо, продолжай съемку, иду обратно.

Он встал, отломил металлическую веточку металлической сосны, сунул в карман. К стене Башни приблизиться вплотную было почти невозможно из-за плотного потока теплового излучения, но Ивашура все же сумел подобраться, завязав лицо шарфом по самые глаза. Материал стены был крупнозернистым, очень твердым и отливал перламутром. Взять пробу даже с помощью пробоотборника не удалось. Отверстие, извергнувшее не-

давно удивительную субстанцию мертвого выброса, было затянуто синеватой пленкой и располагалось на высоте трех метров. Чувствуя, как жар проникает под одежду, обливаясь потом, Ивашура подпрыгнул и ткнул щупом в синее пятно. И не успел опуститься, как совсем близко неожиданно жутко, тоскливо закричал паук.

Ивашура оступился, больно ударился коленом о металлический выступ, с трудом поднялся и бросился, не оглядываясь, по крутому спуску вниз. «Лишь бы не «глаз дьявола»! — взмолился он на ходу. — И не мертвый выброс! Впрочем, выбросы не повторяются в одном и том же месте... Что же это? О чем предупредил паук?»

Ивашура упал, оглянулся назад. Участок стены длиной около сотни метров накалился до золотого свечения, волны этого свечения отделились от стены и медленно поплыли к земле, шипя и потрескивая, вспыхивая искрами.

Заговорила рация, сквозь хрипы и шум едва можно было расслышать голос Гришина:

— Игорь, в твоем районе начался электрический дождь. Слышишь меня, Игорь? Я дал тревогу.

— Слышу, — повысил голос Ивашура. — Не паникуйте, если связь прервется, — сильные помехи. Дождь наблюдаю, нахожусь в безопасности.

В безопасности он не находился, но не хотел волновать заместителя и радистов штаба.

Электрический дождь продолжался. Со стены срывались целые полотнища электрического сияния, плыли наискосок к земле и распадались на десятки ручьев холодного бело-голубого пламени. Сильно запахло озоном. Над камнями, ветками, кочками, изломами пластов торфа и земли засияли светлые ореолы. Мех на воротнике полушубка встал дыбом. Отовсюду доносились ядовитое шипение и треск, мышцы рук и ног стали непроизвольно подергиваться, по нервам прошла волна странного щекочущего покалывания.

Ивашура снова полез вниз, оскальзываясь на глыбах глины, падая, проезжая на животе или на спине сразу десятки метров. А уже у подножия вала его настиг один из «тихих» электрических разрядов: удар, всплеск боли в голове, цветное пламя в глазах, сменившееся серой мутью...

Очнулся он от холода. Вокруг было темно, лишь кое-где в этой темноте вспыхивали ненадолго зеленые и желтые звездочки, гасли и тут же появлялись в другом месте. Ивашура вслепую пошарил руками вокруг себя, привстал. Он лежал на чем-то очень холодном и упругом, ассоциирующемся с телом мертвого кита.

Звезды продолжали вспыхивать и гаснуть, но понять, далеко они или близко, было невозможно.

Ивашура сел на своем упругом ложе, чувствуя легкое головокружение. В затылке застряла тонкая заноза пульсирующей боли, тело плохо слушалось, хотелось снова лечь и поспать.

— Подвал, что ли? — вслух сказал он, пытаясь взбодриться с помощью аутотренинга.

Стиснув зубы, он встал, огляделся. «Куда идти? Везде темно, как в пещере. Куда я попал? Может, провалился в трещину? Не похоже...»

Ивашура вытянул руки вперед и стал продвигаться на ощупь, чтобы не встретиться ненароком с каким-нибудь препятствием. Темнота, тишина, бесшумные звезды в бесконечной дали, странные запахи, оставляющие горьковатый привкус во рту, пружинящее под ногами невиданное покрывало, холод...

Где-то близко (а может быть, далеко) раздалось вдруг отчетливое хриплое рычание.

Ивашура остановился, прислушался, нашарил на поясе нож. Что-то мешало ему, стесняло движения... Ну, конечно, датчики, упряжь антенны, фиксаторы, ремни и прочие побрякушки. К черту!

Стараясь не шуметь, он содрал с себя электронную технику радиофизиков и медиков, с удовольствием почесал места установки датчиков и плотнее запахнул полушубок. Интересно, кто рычал? Похоже на льва, но откуда львы в Брянском лесу?

Ивашура снова двинулся в темноту, вслушиваясь в шорохи, забыв об ушибах и ссадинах, готовый к борьбе с любой опасностью. Прошла минута, десять, полчаса — все та же упругая плоскость пола, мрак и звезды. Что за чертовщина! Куда он попал?! Нет, таких подземелий — со звездами и ровным полом — не существует! Неужели «область Рузаева»? Но Михаил ходил по светящемуся туману, а тут темь — хоть глаз выколи!..

Он качнул тумблером рации, вызвал Гришина, в ответ услышав лишь слабое шуршание фона. На других диапазонах то же самое: радиоволны застревали во мраке, ни его не слышали, ни он никого не слышал. Хотя вполне могло быть, что его слышали, а он — нет. Проверить Игорь не мог.

Сколько он так шел — неизвестно, но шел долго. Потом почувствовал, как словно продавил телом какую-то прозрачную и упругую пленку, и вокруг все внезапно изменилось. Из тьмы проступили предметы: редкие кусты ольхи, кочки, пласты перепаханной почвы, зубчатый профиль леса в сотне метров, стена Башни в противоположной стороне, перекрывающая половину видимого мира, но все это — интенсивного фиолетового цвета, окруженное удивительным алым ореолом. В сером небе плавало странное тускло-багровое солнце.

Ивашура висел в полуметре над землей, ни на что видимое не опираясь, но одновременно чувствовал под ногами все то же упругое нечто, по которому отшагал не один километр. Осмотревшись, он решил продолжить путь к лесу. Попробовал снова связаться со штабом, но рация лишь глухо шипела и потрескивала. Отмерив несколько десятков шагов, Ивашура вдруг заметил, что на самом деле продвинулся вперед всего метра на полтора. Остановился, снова пошел, потом побежал. Впечатление было такое, будто невидимая дорожка под ногами бежала навстречу с тем большей скоростью, чем быстрее он двигался сам. Пробежав метров сто (по внутреннему счету шагов), он измерил на глаз расстояние, на которое переместился на самом деле, — метров пятьшесть! Заколдованное место! Эдак и до леса не доберешься.

Ивашура упрямо продолжал путь, но продвигался к лесу все медленней и медленней, потом и вовсе перестал приближаться, и это несмотря на то, что он шел с прежней скоростью, каждым шагом отмеряя почти метр! Через полчаса он сдался, вытер вспотевший лоб и сел на упругий слой отдохнуть. Его не хотели выпускать из странного пространственного мешка с удивительными свойствами. «Что ж, отдохнем и попробуем двинуться в обратном направлении. Чем еще нас удивят хозяева Башни? Кстати, кто они? Неужели пауки? Как говорил Валера: «Башня — мост между Землей нашего времени и Землей, где время течет под углом, а пауки — строители этого моста». Все же мыслит Валера оригинально, этого у него не отнять, как и его рассеянности. Интересно, квантуется ли угол времени? Должен квантоваться, иначе получится дурная бесконечность Земель и цивилизаций. Но чему равен этот квант угла поворота? Градусу? Половине градуса? Минуте? Часу? Надо привлечь математиков, пусть попробуют построить непротиворечивую модель».

Ивашура глянул на часы: шел третий час дня, а он вылетел в десять утра, значит, его прогулка у Башни длится уже больше четырех часов. В штабе, пожалуй, всполошатся, если уже не всполошились, бросятся искать... Правда, вертолетов пока не слышно, может, обойдется легким испугом?

Он встал и побрел к Башне, создающей из-за колоссальных размеров впечатление наклонившейся и вот-вот готовой рухнуть стены. В эту сторону шаги получались нормальными, соответствовали тем усилиям, которые он прилагал. Он шел и смотрел на Башню, и чем ближе он подходил, тем светлее она становилась: от фиолетовой, почти черной до синей и голубой, и наконец в двухстах шагах от ее стен она стала... голубовато-прозрачной, как глыба стекла! В этой глыбе тенями обозначились лестницы, стены, коридоры, какие-то машины, светящиеся фигуры... Ивашура сделал шаг еще и оказался в темноте с мигающими звезда-

ми. Пахнуло ледяным холодом, как из морозильника. Невидимые сети упали сверху, сжали руки, ноги, сдавили бока. Ивашура рванулся и... вывалился на холм желтой глины на вершине земляной складки у стены Башни. Рация зашумела, захрипела, чей-то голос пробился сквозь этот шум:

— ... молчите?.. Передают, что датчики... Где?

— Не поднимайте паники! — буркнул Ивашура, приблизив губы к микрофону рации. — Все нормально, возвращаюсь. Который час?

— Без пяти одиннадцать, — ответил далекий Рузаев. — Что там у тебя стряслось с датчиками? Гаспарян звонил мне: мол, ты не отвечаешь.

Ивашура некоторое время соображал.

— И сколько я молчал?

— Минуты три. Физики передают, что их приборы перестали регистрировать сигналы датчиков.

— Успокой их, датчики я снял, потом все объясню.

«Три минуты... — пробормотал он про себя. — А по моему хронометру прошло почти четыре часа! Нет, хватит шутить с господином Случаем! Хорошо, что путешествие закончилось благополучно. А ну как остался бы внутри этого «мыльного пузыря» с чужим временем?!»

Ивашура посмотрел вверх: электрический дождь постепенно терял силу, затухал. Он стал спускаться с вала. У подножия земляной складки наткнулся на труп животного, не то тигра, не то льва, вернее — на переднюю половину трупа, задняя часть туловища отсутствовала...

— Через «зону ужасов» я промчался, не успев даже понять, что это «зона». — Ивашура хмуро усмехнулся и замолчал, вертя в пальцах блестящий камешек.

В штабе, наполненном пульсирующим гулом, зуммерами и свистами радиотелеграфной станции, сидели руководители экспедиции, начальники лабораторий радиофизики и биологии, Меньшов, Гаспарян и лейтенант Куща. По лицу Богаева ходили тени озабоченности и досады. Гришин о чем-то думал, взявшись пальцами за подбородок, радиофизик вздыхал, поглядывая на биолога.

— Наша физика малоприменима для объяснения феномена Башни, — проговорил Меньшов, поглаживая бороду. — Взять тот же «мыльный пузырь» с иным ходом времени: до сих пор наука не сталкивалась ни с чем подобным, нет даже серьезных теоретических работ на эту тему, только дикая гипотеза нашего уважаемого коллеги Валеры о квантовых эффектах и дискретнос-

ти углового поворота времени. Кстати, я готов принять ее после того, что услышал от Игоря и Миши Рузаева.

Богаев поморщился:

— Господа, не о том говорим. Игорь Васильевич сегодня преподнес нам сюрприз, какого от него не ожидали. Можно ли так рисковать начальнику экспедиции? Мне кажется, нельзя.

— Владлен Денисович, давайте поговорим об этом отдельно, — сказал Ивашура. — Каюсь, виноват, больше не повторится. С этого часа вступает в силу приказ: не приближаться к Башне ближе чем на три километра. Касается всех! Этого достаточно.

Богаев что-то пробормотал, отворачиваясь.

— Меня интересует, — продолжал Ивашура, — что дал науке мой бег по пересеченной местности? Что вы записали и расшифровали?

Радиофизик посмотрел на биолога, тот пожал плечами.

— Результаты обрабатываются, ничего конкретного сказать не могу. Аппаратура записала поступившие с датчиков сигналы, но чем они вызваны — пока загадка.

— То же самое могу сказать и я, — признался радиофизик. — Приборы отметили повышенную ионизацию воздуха в тот момент, когда начался электродождь, но это нормальное явление. Остальные записи — темный лес! Похоже, мы открыли в «зоне ужасов» тип излучений, действующий непосредственно на нервную систему.

Сквозь шумы эфира в комнату пробился чей-то голос.

— Где это? — переспросил радист.

Голос пробормотал что-то неразборчивое, но радист понял.

— Хорошо, сообщу.

— Что там еще? — повернулся к нему Богаев.

— На южном участке стены замечены «телеэкраны», сразу пять штук на разных высотах.

— Ну и что?

— На одном из них был виден человек. Ребята засняли все на кинопленку.

— Что за человек? — быстро спросил Ивашура. — Не напомнил ли он кого-нибудь из знакомых?

— Сейчас спрошу. — Радист потянулся к панели РТС.

— Не надо, проявят пленку — посмотрим сами.

— А кого ты имел в виду? — наклонился к Ивашуре Гаспарян. — На кого должен быть похож человек на «телеэкране»?

— Помнишь рассказ Миши? Ему показалось, что он видел Ивана Кострова.

— Думаешь, Иван в Башне?

— Хочу верить, что он жив.

— А если «телеэкран» — средство наглядной передачи инфор-

мации, применяемое хозяевами Башни? Для контакта со своей стороны?

— Что вы там шепчетесь? — недовольно спросил Богаев. — Есть что сказать, так говорите всем.

— Чтобы вы потом обвиняли нас в ненаучном подходе? — сказал Ивашура со вздохом. — Сурен предлагает создать специальную комиссию по контактам с пауками или с теми, кто воздвиг Башню.

— Кто, я? — удивился Гаспарян, потом небрежно кивнул: — А-а... Да, было.

Богаев отнесся к этой идее с неожиданной серьезностью.

— А что, надо подумать. Может быть, привлечь специалистов Крымской лаборатории связи с иными цивилизациями? У них составлены какие-то программы...

— Обязательно, — кивнул Ивашура твердо. — Сурен и начнет переговоры. Завтра.

На этом «малый штабной совет» и закончился.

Богаев с лейтенантом взялись за устройство лагеря для прибывающих иностранцев. Директор Центра, сняв с себя ответственность в вопросе общего руководства экспедицией, компенсировал это кипучей бытовой деятельностью, где нужна была только голова администратора-хозяйственника. Гришин поехал с представителями райкома по ближайшим к Башне поселкам и деревням проверить, как идет эвакуация. Ивашура занялся организацией телепередачи с места события. Телевизионщики долго искали место съемки, зато разворачивали и проверяли телекамеры и аппаратуру связи всего четверть часа. Ивашура дважды разговаривал с Вероникой. Ведущая телепрограммы «Время» интересовала его все больше: прямотой, сдержанностью, живым умом, да и красотой природа Веронику не обделила. К тому же он чувствовал, что интерес этот взаимный.

Наконец в четвертом часу дня интервью с «начальником комплексной научной экспедиции Игорем Васильевичем Ивашурой» было записано на видеомагнитофон, и Гибелев отбыл на вертолете в Брянск, чтобы в шесть передать запись в эфир через областной центр. Уже была передана прямая телепередача с комментариями Ивашуры, Гаспаряна, Меньшова и других участников экспедиции.

После телесъемки Ивашура побывал в фотолаборатории и просмотрел кадры киноленты с «телеэкрана». Человек, отраженный «экраном», не был похож на Ивана Кострова. Кроме незнакомца, голубой экран показывал еще паука и жуткую черную фигуру, напоминающую кентавра, а также целые вереницы светящихся пятен.

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросил Ивашура Рузаева,

который сам проявлял свою кинопленку в лаборатории. — Что такое «телеэкран»? Попытки хозяев Башни вступить в контакт с нами?

— Не думаю, — помолчав по обыкновению, ответил Михаил. Промыв пленку, развесил мокрые ленты на проволоке для просушки, и они вышли из домика лаборатории.

— Мы привыкли, что экраны всегда каким-то образом связаны с передачей информации, — продолжал Рузаев, пока они шли к жилому кварталу экспедиции. — Но давай порассуждаем. Если бы хозяева Башни в самом деле хотели установить контакт с нами, то действовали бы с гораздо большей последовательностью и целенаправленностью. В действительности же все явления, так или иначе связанные с Башней, больше напоминают аварийные утечки опасных веществ, о чем нас и пытаются предупредить пауки. А «телеэкраны» возникают не на одном месте, что диктуется логикой налаживания информационного обмена, а в разных местах и на разных высотах. Многие из экранов мы вообще не успеваем заснять на пленку. Где же тут установление контакта?

— Логично, — согласился Ивашура.

Они, не сговариваясь, остановились на дороге, уезженной вездеходами, и Башня все больше выступала из мглы багрово-коричневой колонной, в глубине которой иногда загорались острые лучики света или шарфы белых искр.

— Светится со вчерашнего дня, — пробормотал Рузаев. — Скоро очередная пульсация.

Помолчали и снова зашагали к вагончикам, от окон которых протянулись по снегу полосы желтого света. Где-то за деревьями тарахтел движок, дающий электричество лагерю экспедиции.

— Аварийные утечки, — задумчиво повторил Ивашура. — Интересная мысль. Михаил, а что, если нам попытаться осуществить идею Вани Кострова?

— Какую именно? — поинтересовался Рузаев. — У него было много идей.

— О контакте с пауками.

Рузаев искоса взглянул на товарища.

— Очевидно, у тебя уже есть соображения, как это сделать практически? Если ты помнишь, мы не смогли поймать ни одного экземпляра. И вообще, не представляю, какой контакт можно установить с пауками, если уже понятно, что это обыкновенные киберы?

— Именно потому, что они автоматы с определенной программой, и не просто киберы, а биокиберы, судя по их повадкам, и можно сделать попытку контакта.

— Био не био, но попробовать, однако, можно. Буду соображать.

— Пособображай, пожалуйста, я тоже поразмышляю, но времени у нас мало... Ты в самом деле видел на «телеэкране» Ивана? — внезапно спросил Ивашура, останавливаясь на пороге штабного вагончика.

Рузаев полизал царапину на пальце, помолчал, потом пожал плечами.

— Не берусь утверждать, однако, по-моему, это был он. Не знаю только, как он мог оказаться внутри Башни.

— И я не знаю. Может быть, их втянуло с вертолетом, может, в момент появления Башни она была открыта сверху, а может быть, их захватили хозяева Башни после падения... Первый вопрос, который я хочу задать паукам: живы ли Иван с Таей?

Ивашура толкнул дверь, и они вошли в освещенное тремя люксами помещение штаба.

У стола Богаев разговаривал с Вероникой, одетой в брючный костюм серебристого цвета. Помещение, как всегда, было заполнено голосами переговаривающихся начальников лабораторий, групп, исследовательских отрядов, перекличкой водителей вездеходов и спецмашин, патрулей оцепления и постов воинских подразделений.

Два радиста с наушниками работали на пультах РТС: на них, кроме приема и передачи оперативной информации, лежала забота о связи с руководством района и области, с органами МВД и Федеральной службы безопасности, со всеми научными центрами и организациями Москвы и других городов страны.

Ивашура улыбнулся в ответ на вопросительный взгляд Вероники, прошел к радистам в аппаратную, выслушал несколько сообщений личного характера и вернулся к столу посередине комнаты.

— Через сорок минут перекличка, — сказал он. — Проведу сам. Что у вас нового, Владлен Денисович?

— А что у меня может быть нового? — пробурчал Богаев, вытирая лысину и лоб платком. В комнате было жарко, но директор Центра не раздевался, только распахнул свою знаменитую шубу из шкуры неизвестного науке зверя. — Я теперь не ученый, а простой администратор, так сказать, завхоз экспедиции. Отправил Глазунова и всю его компанию домой, в Жуковку, успокоил, как мог. — Богаев через силу усмехнулся. — Не знал до этого за собой таких способностей. Константин Семенович вернется завтра, звонил откуда-то из Фокина. Иностранцы разместились в полукилометре от штаба, но они полностью находятся на попечении какого-то деятеля из Москвы, так что нам забот поменьше. С продуктами Глазунов обещал помочь, рацион-то у нас не больно разнообразный. Что еще? Телевидение вот интересуется работой Центра и некоторыми его специалистами.

Богаев хитро покосился на Веронику, но та не смутилась, прямо смотрела на Ивашуру, как бы давая понять, что ничего особенного в ее интересе к отдельным специалистам нет.

— Вы становитесь ворчуном, — сказал Ивашура. — Сами предложили мою кандидатуру в начальники экспедиции, а теперь каетесь? С удовольствием уступлю кресло, тем паче что оно и мне не дает возможности заниматься наукой.

— Ну конечно. А кто ходил к Башне, рискуя... — Богаев посмотрел на Веронику и понял, что сказал лишнее.

— Вот-вот, — оживилась та. — Расскажите, Игорь, пожалуйста.

Ивашура посмотрел на часы.

— Это вам расскажет и Миша Рузаев, а я сейчас буду проводить перекличку, сверять планы на завтра. Подождете?

— Непременно.

— Михаил, — позвал Ивашура, — подойди на минуту.

— А я пошел спать. — Богаев вздохнул, сунул платок в карман. — Старик я еще молодой, но разве за ним угонишься? — Кивок в сторону отошедшего Ивашуры. — Вырос парень, далеко пойдет, вот помяните мое слово.

Через час Ивашура закончил вечернюю перекличку с руководителями научных отрядов и оставил Рузаева в штабе дежурить вместе со сменой радистов. Сам же оделся, помог одеться Веронике, и они вышли из комнаты в ночь.

Лес со стороны дороги глухо шумел под усилившимся ветром. Звезд не было видно, небо казалось закрытым облаками, Башня почти не выделялась в темноте, но, приглядевшись, можно было рассмотреть странную темно-вишневую стену, нереальную своими размерами, однотонностью и цветом. Аналогий этой стене подобрать было невозможно — ничто на Земле не соответствовало ей, не походило на нее даже отдаленно. До Башни было около двенадцати километров, и все же она загораживала треть небосклона, исчезая в низких быстро несущихся облаках.

Мороз был нешуточный, с ветром. Ивашура заботливо поправил воротник шубки спутницы, и они медленно побрели по скрипящему утоптанному снегу к «жилому кварталу» экспедиции. Сквозь шум леса доносился равномерный стук дизеля, дающего свет и жизнь всему лагерю, взревел вездеход, по дороге прошел трактор с волокушей.

На стене Башни под самыми облаками вспыхнул круглый желтый зрачок, помигал, светлея, и погас.

— Красиво, — сказала Вероника, не сводя глаз с темно-вишневой полосы. — Что это было? «Глаз дьявола»?

— Вы уже неплохо ориентируетесь в нашей терминологии.

— Просто все настолько неординарно, что запоминается сразу. Кстати, вас снова ждут журналисты, им не все ясно.

— Вот как? Старые знакомые?

— И старые, и новые. Приехали корреспонденты центральных газет и журналов. Многих я знаю по работе.

Ивашура замедлил шаг, задумался на несколько секунд.

— Знаете что? Давайте посмотрим на Башню сверху. Вы ведь, наверное, еще не видели ее в таком ракурсе?

Вероника посмотрела на него удивленно, в глазах ее отразился свет окон ближайшего домика.

— А можно?

— Разве я не начальник экспедиции?

Вероника засмеялась.

— Богаев назвал вас «волюнтаристом с докторским дипломом», и он прав, по-моему.

— Конечно, прав, я волюнтарист, даже анархист, если хотите, но, к счастью, обладаю обостренным чувством риска: знаю, когда можно рисковать, а когда нет. Как видите, пока я не ошибался.

— Потому и в «зону ужасов» пошли, что предполагали благополучный исход разведки боем?

— Не предполагал — знал. Не верите? Ей-богу, не вру! Со мной ничего не может случиться, пока я держу свое бытие в прогнозируемом русле.

— А вы не хвастаетесь, часом, волюнтарист?

Ивашура улыбнулся.

— Есть немного, из желания понравиться. Итак, летим?

— Летим! — без колебаний ответила девушка. — Только сообщите все же о своем решении Богаеву, я его почему-то побаиваюсь. И вообще как-то странно: директор Центра и вдруг — заместитель своего подчиненного... Вы не находите?

— Нет, все закономерно. Богаев стар, через год уходит на пенсию, да и сердце у него слабое, а тут забот невпроворот.

— А как вы с ним в Центре уживаетесь?

— Нормально. Я его уважаю, он меня, надеюсь, тоже.

— Я слышала обратное...

— Чепуха! — Ивашура начал сердиться. — Просто был случай, когда я оказался прав, а он нет. Но я сказал правду: мы уважаем друг друга. Еще раз спрашиваю...

— Да лечу, лечу, не сердитесь, Игорь. — Вероника взяла Ивашуру под руку. — Не хотелось бы пилотов беспокоить.

— Пилотом пойду я. Постойте минуту, я предупрежу Михаила.

Ивашура бегом отправился назад к штабному домику и вскоре вернулся.

— Все, идемте.

Они пошли к стоянке вертолетов, перебрасываясь на ходу ничего не значащими фразами.

Ивашура первым залез в кабину, включил свет, прогревание и помог девушке подняться.

Двигатель, застывший на морозе, долго не хотел просыпаться, фыркал, бурчал, тряс кабину, но все же завелся. Медленно закружились лопасти винтов, побежали веселей, и вертолет взлетел.

— Я гляжу, все, что мне о вас говорили, сбывается, — сказала Вероника.

— А что говорили? — Ивашура натянул на голову дугу с наушниками, поправил на голове ларингофон и выключил в кабине свет.

— Ну, например, что вы все умеете и все знаете.

— Снова преувеличение. Почему вы избрали профессию телекомментатора? Вам надо работать журналистом.

— А я и так журналист, во всяком случае, три года назад окончила факультет журналистики МГУ.

— Я так и знал, — с сарказмом сказал Ивашура. — Чего еще от вас можно было ожидать?

Вероника рассмеялась.

— С вами интересно, Игорь. Позвольте вопрос...

— Женат ли я? Нет, пока не женат.

— Ну вот. — Девушка с сожалением покачала головой. — Я думала, у вас есть чувство меры.

— Простите, — быстро сказал Ивашура и коснулся руки соседки. — Это со мной бывает очень редко. Простили?

— Я подумаю.

Вертолет облетел Башню кругом, порывы ветра то и дело заставляли его крениться с боку на бок, и приходилось не столько смотреть вперед, сколько прилагать усилия, чтобы удержаться на сиденье.

— Держитесь за меня, — предложил Ивашура. Сам он словно врос в пилотское кресло. Вероника подумала и приняла его предложение.

Вертолет вошел в облака, кабину затрясло.

— Выйдем вверх, тряска прекратится, — пообещал Ивашура.

— Игорь, что будет... — Вероника помолчала. — Что, если Башня не остановит свой рост?

Ивашура, казалось, увлекся управлением машиной и не слышал вопроса. Вертолет наконец пронзил облачный слой и оказался под темно-фиолетовым куполом с великолепным звездным узором. В пяти километрах от него парила угрюмая, светившаяся багровым накалом округлая гора Башни.

— Не знаю, — ответил Ивашура вдруг, словно вспомнив вопрос. — Этим займется специальная комиссия.

— Ну, а ваше мнение?

— Мое? — Начальник экспедиции снова замолчал.

— Ну да, твое. — Вероника не заметила, что перешла на «ты». — Не верю, чтобы у знаменитого доктора наук Ивашуры не было своего мнения по любому вопросу.

— Мое мнение — придется пригрозить тем, кто в Башне. Как — пока не знаю, — предупредил он следующий вопрос Вероники. — Что-что, а способ пригрозить у нас найдется.

Вертолет поднялся еще выше, и стало заметно, что колонна Башни с высотой как бы теряет плотность, становится зыбкой, прозрачной и постепенно исчезает, теряется в небе, и от этого не только сама Башня, но и мир вокруг становится нереальным, наделенным неведомыми свойствами, пугающим и неземным...

— Хочется закрыть глаза и проснуться... — прошептала Вероника.

Ивашура вместо ответа повел вертолет еще выше и повернул к Башне. Над Башней на высоте пяти километров он остановил движение, вертолет завис.

Только здесь становилось отчетливо видно, что Башня круглая. А в ее глубине, как в стакане рубинового стекла, плескалась и мерцала перламутровая жидкость-сияние.

Они завороженно смотрели минут десять, потом на крошечной панели управления вертолета мигнул зеленый огонек, и в наушниках проскрипел голос Рузаева:

— Игорь, как дела?

— Все отлично, — ответил Ивашура, поглядев на спутницу. — Возвращаюсь.

И они полетели обратно.

Перед тем как лечь спать, Ивашура побродил вокруг лагеря по утоптанным тропинкам, сожалея, что отпустил Веронику, подавил желание вызвать ее снова и, вспомнив разговор с Меньшовым, направился к вагончику ВЦ.

Экспедиции, кроме персоналок, был придан компьютер типа «Вайт Игл», способный работать в режиме разделения времени и транспортируемый в закрытом фургоне. Функции этот передвижной вычислительный центр выполнял аналогичные кустовому ВЦ. Работали на компьютере, включая обслугу, двенадцать специалистов, нередко в три смены. В этот вечер в фургоне дежурила смена Бориса Кобцева, укомплектованная молодыми программистами и математиками, не отказывающимися работать в любых условиях.

— Привет служителям культа интеллектроники, — поздоровался Ивашура с начальником смены, с лица которого никогда не исчезала скептическая усмешка, будто он сомневался в способностях машины решать сложные задачи.

— Привет начальству, — прохрипел Кобцев, не отрываясь от клавиатуры дисплея. — По делу или без?

Ивашура покачал головой.

— Ты, Борис, никогда не станешь дипломатом.

— Это почему же?

— Ты прямой, как полет стрелы. Я на секунду. Тут у тебя работали физики, стажеры Меньшова. Где результаты их работы?

Кобцев, не оглядываясь, позвал:

— Константин, выведи ему на контрольный дисплей данные по изолиниям.

Молодой программист, розовощекий, с открытым лицом, подозвал Ивашуру, пощелкал клавишами задатчика программ, и дисплей послушно высветил на экране результаты работы физиков.

По данным, поступающим с датчиков и зондов вокруг Башни, ученые рассчитали линии, соединяющие точки с равными потенциалами: изотермы — с одинаковой температурой, изодинамы — с одинаковой напряженностью магнитного поля, изограды — с одинаковой силой тяжести, изопикны, изоклины, изохроны и так далее и тому подобное. Картина вырисовывалась интересная, хотя и ожидаемая: вокруг Башни природа сошла с ума, реализуя чудеса, которые нигде на Земле не повторялись с такой частотой и силой. И средоточием этих чудес была сама Башня, порождение жутких по мощи и психологической значимости таинственных и непонятных сил.

— Вот их последние расчеты. — Константин прошелся пальцами по клавиатуре терминала ввода-вывода. — Сейсмопрофилограммы от подвижек Башни.

Ивашура кивком поблагодарил и долго разглядывал зубчатые профили сейсмогейстов. Башня стала центром сейсмической активности в той местности, где никогда не бывало землетрясений.

— Ясно, — очнулся наконец Ивашура. — Голова кругом... А чем вы сейчас занимаетесь?

Кобцев не ответил, а Константин с виноватой улыбкой, извиняясь за начальника, проговорил:

— Работы много, не хватает времени, захлебываемся. Сейчас машина считает конфигурацию электромагнитных полей и строит график в реальном времени — для прогноза активности Башни. Потом надо будет сделать расчеты закономерности появления «глаз дьявола» и мертвых выбросов, рассчитать безопасные подходы к Башне, точки воздействия, вероятные разрушения... — Константин пожал плечами. — Ну и все такое прочее.

Ивашура кивнул, постоял еще минуту и вышел. Дверь отрезала шум работы ВЦ: писки, шорохи, стрекот печатающих устройств, гудение кондиционеров.

Из-за туч выглянул краешек луны, и на пушистое заснеженное поле упал призрачный зеленоватый отсвет...

Утром Башня вздрогнула. Этот непредвиденный толчок вызвал сдвиги и разрывы почвы в радиусе десяти километров от Башни, и в результате лопнул газопровод на трассе Брянск — Смоленск и оказалась поврежденной железная дорога Жуковка — Брянск. Ивашура все утро занимался ликвидацией последствий аварий. Железнодорожный путь починили быстро, справиться с газопроводом оказалось трудней: газ вспыхнул и образовался огненный факел высотой несколько десятков метров. Аварийные бригады района не смогли утихомирить огненную стихию, пришлось вызвать спецкоманды газового хозяйства области. Лишь к полудню факел потушили и газовые трубы в местах разрыва заключили в надежные бандажи.

Ивашура вернулся в штаб и узнал, что вечером прибывает обещанная Старостиным правительственная комиссия. Богаев, вздыхая, рассказывал, какие разрушения вызвал в городе толчок, и передал просьбу Глазунова предупреждать население о толчках заранее.

— Этот толчок никто предвидеть не мог, — огрызнулся Ивашура. — С пульсацией он не связан. Передайте Глазунову: все, что можем, сделаем.

Пока Ивашура знакомился с информацией, поступающей от начальников групп, в штаб позвонили геофизики и сообщили, что у них двойное ЧП: один вездеход втянуло в Башню, а второй попал под струю мертвого выброса.

Ивашура немедленно вылетел к геофизикам, молясь в душе, чтобы несчастные случаи оказались без жертв, но мольбы не помогли — на этот раз ЧП было серьезным.

Начальник группы геофизиков на свой страх и риск снарядил два вездехода для того, чтобы в непосредственной близости от Башни произвести наклонное бурение и взять образцы грунта до глубины в триста метров. Буровики — молодые сильные ребята, бывшие в составе группы, — согласились на рискованную работу, требующую сноровки, быстроты и ювелирной точности, и взялись пробурить наклонную скважину к подземному цоколю Башни за двое суток до начала очередной пульсации.

Они успели установить универсальную буровую вышку и смонтировать оборудование в километре от стены Башни, на границе «зоны ужасов», как вдруг заорал паук, потом другой. Начальник группы имел достаточный опыт работы вблизи Башни, поэтому дал команду покинуть вездеход, отойти от вышки и лечь на землю. Ослушаться его не посмели, и это предотвратило трагедию. Участок стены Башни беззвучно провалился внутрь на площади не менее чем в пять тысяч квадратных метров, раздался

свистящий, режущий слух всхлип, и все, что стояло и лежало на полосе земли от этого места на протяжении километра, в том числе вышка и вездеход, оказалось втянутым в Башню.

Не успели люди прийти в себя, как снова закричали пауки. Тревогу вызвал мертвый выброс: черная струя накрыла оставшийся вездеход и коснулась начальника, чудом миновав остальных.

Начальник умер, не приходя в сознание, по дороге в лагерь. Ноги у него до колен стали металлическими, сохранив форму, данную им природой...

У тела начальника группы суетились растерянные врачи и биологи, двое из них были академиками с мировыми именами. Ивашура постоял, посмотрел, стиснув зубы, послушал реплики врачей и вышел из вагончика на свежий воздух, в толпу молчавших людей, среди которых были и иностранные корреспонденты. Слова были лишними в этой ситуации, начальник группы знал, на что шел, но это не снимало ответственности за его жизнь с начальника экспедиции.

— Покажите, где это произошло, — попросил Ивашура в толпу.

Переглянувшись, вперед вышли двое парней в стеганках.

— Мы покажем.

— Садитесь в вертолет, пойдем сверху.

Через четверть часа вертолет завис над местом неудачного эксперимента. С двухсот метров была хорошо видна серая, гладкая, отблескивающая металлом полоса, уходящая к Башне, — там, где легла на землю трасса мертвого выброса. Гусеничный вездеход располагался у края той полосы и казался неповрежденным, но, когда вертолет приземлился, все поняли, что он целиком металлический. Все, даже стекла кабины и прожекторов, пластмассовые гусеницы, резиновые когда-то клапаны карманов с инструментом, брезентовый верх, — все превратилось в металл!

Ивашура взял пробы металла, предварительно включив дозиметр: радиационный фон был выше, чем обычно, но в пределах допустимых норм.

Потом они покружили над местом установки буровой, но ничего не нашли. Полоса земли до самой Башни была абсолютно голой — ни камня, ни кочки, ни дерева, ни кустика...

Ивашура понаблюдал в бинокль за черной брешью в стене Башни и дал команду возвращаться. Он понимал, что полоса спокойного, если можно так выразиться, изучения Башни закончилась и началась другая полоса — постановки важных проблем, нервного напряжения, спешки и в финале — схватка с Башней, сила на силу, если не хватит ума на интеллектуальный контакт. Но здесь не все решали люди...

Ивашура сам отвел правительственную комиссию — одиннадцать человек, в том числе полковника Одинцова и Старостина, к ограждению, которое солдаты отнесли на четыре километра от Башни. Вопросов было мало, все знали о Башне, видели ее на фотографиях и по телевидению. Все одиннадцать человек были сдержанными, немногословными, даже суровыми на первый взгляд людьми, не походили на «кабинетных теоретиков», и было видно, что приехали они в лагерь надолго.

Многих Ивашура знал раньше, с остальными встретился впервые, тем не менее он понял, что все это люди опытные, целеустремленные, знающие жизнь, короче — профессионалы в лучшем смысле слова. Что же, чем шире кругозор ученого, специалиста, тем весомее его точка зрения, тем объективнее подход к любой проблеме.

Биноклей не хватало, их передавали из рук в руки. Пока члены комиссии, ежась под ветром, разглядывали Башню, Ивашура расспросил солдат поста, видели они пауков или нет.

— А как же, видели, — ответил старший наряда, белобрысый флегматичный прапорщик. — Утром двоих и перед вашим приходом целую вереницу.

Ивашура оживился.

— Что же они делали?

— Первые два выходили к ограждению, побегали вдоль него и умчались к Башне, а потом прибежала целая цепочка, след в след, штук десять.

— Девять, — поправил один из солдат наряда. — Я считал.

— Ну девять. Так эти тоже ткнулись в проволоку, остановились и тут же, не поворачиваясь, побежали такой же цепочкой обратно. Будто и не задом наперед бежали.

— Весьма интересно! А вас они заметили?

— Так мы с вышки смотрели, до них метров двести было.

— Триста, — снова поправил любивший точность ефрейтор.

— Покажите место, где они уткнулись в заграждение.

Прапорщик оглянулся на солдата, сосчитавшего пауков.

— Казанцев, покажи.

Тот махнул рукой.

— Тут недалече.

Ивашура сказал: «Сейчас», подошел к Старостину предупредить, что на минуту отлучится, и зашагал за солдатом.

Ограждение было сделано из мелкоячеистой стальной сетки и крепилось к вбитым в землю деревянным столбикам, а кое-где и прямо к стволам деревьев. Поле в этом месте вдавалось клином в лес метров на четыреста, и ограждение было видно издалека.

Возле невысокой сосны в нескольких метрах от проволоки стояла вышка, на которой дежурили солдаты поста.

— Часто меняетесь? — спросил Ивашура, кивнув на вышку.

— Через три часа: двое на вышке, трое ходят вдоль ограждения. Смена — через двенадцать часов.

— Участок большой?

— Три километра, дальше в лесу уже другой пост... Вот мы и пришли, здесь они стояли... — Солдат недоуменно нагнулся. — А это откуда?

В сетке ограждения на уровне человеческого бедра светилось аккуратное квадратное отверстие размером в полметра. Края отверстия едва заметно серебрились.

— Что за черт! Неужели пауки вырезали? Тогда куда делся вырезанный кусок?

Ефрейтор поискал квадрат сетки, не нашел и пожал плечами.

— Чудеса, да и только. Пойду доложу.

Ивашура постоял еще немного, потрогал край вырезанного отверстия и задумчиво направился к ожидавшим его Старостину и Одинцову.

Полковник был одет в кожаное пальто на меху, шапку, меховые сапоги. Старостин в своей драконовидной шубе и такой же косматой шапке походил издали на гризли.

— На первый раз достаточно, — сказал Старостин глуховатым голосом, пряча подбородок под шарфом. — Тем более что Башня по заказам чудеса не показывает... — Он не договорил. Издалека прилетел долгий, звенящий, тоскливый крик и замолк на высокой ноте.

Ивашура усмехнулся.

— Видимо, специально для вас спектакль все-таки покажут. Не удивляйтесь. Башня активизировалась перед очередной пульсацией, чудеса случаются все чаще.

— Это не опасно? Паук кричал...

— На таком расстоянии не опасно.

— Не беспокойтесь, друзья, — махнул рукой оглядывающимся на них членам комиссии Старостин. — Здесь безопасно. — Он повернулся к Ивашуре. — Похоже, крики пауков в самом деле предупреждение.

— Сомнений нет, накоплен большой статистический материал. Пауки кричат перед каждым извержением Башни за минуту-две.

Ивашура поднял к глазам свой бинокль, посмотрел и передал полковнику.

— «Флаттер» — так мы это называем. Стена Башни начинает вибрировать. Иногда следом начинается электрический дождь.

Рация, с которой Ивашура не расставался, прочирикала вызов.

— Что случилось? — спросил далекий Гришин.

— Флаттер, — коротко отозвался Ивашура. — Не волнуйтесь, Константин Семенович, мы далеко от стены.

— Ну, слава богу! Вертолет за вами посылать?

— В один все не влезем, не надо, доберемся на вездеходе.

В бинокль было видно, как громадный участок стены Башни длиной с километр стал вздрагивать, гнуться, пошел волнами и превратился в гофрированную «стиральную доску». Длилось это около пяти минут. Потом амплитуда волн стала уменьшаться, вибрация стены пошла на убыль и исчезла. Башня стояла все такая же угрюмая, придавившая ландшафт миллиардотонной тяжестью, голубая и чистая, без обычных пятен в том месте, где только что разыгрался флаттер.

Ивашура задумчиво опустил бинокль, потом снова поднес его к глазам.

— Кажется, я сделал маленькое открытие, — пробормотал он. — Вы не помните, как выглядел участок стены до флаттера?

Одинцов задумался.

— По-моему, там были черные окна...

— А сейчас вся стена чистая! Понимаете?

— Вы хотите сказать, что флаттер очистил стену?

— Не просто очистил. Черные окна в стене — это дыры, проломы, разрушенные места, флаттер п о ч и н и л стену! Я вспомнил, так было и раньше, только почему-то никто не анализировал состояние стены до и после явления.

— Все это хорошо, — проворчал Старостин. — Но я и мои коллеги замерзли. Не пора ли возвращаться?

— Извините, — заторопился Ивашура. — Вездеход недалеко, за деревьями, на дороге.

Привезя гостей в штаб, он оставил их на попечение Богаева и Гришина — знакомиться с обстановкой, имеющейся информацией и документами, а сам нашел Рузаева и слетал в лагерь физиков, к Меньшову, передать образцы металла и почвы — следы мертвого выброса — для масс-анализа и заодно узнать, какими идеями богаты бравые ядерщики. По пути спросил Рузаева:

— Ты уже подумал? Времени как будто было достаточно.

— Подумал, — невозмутимо ответил Михаил. — Идем на контакт. Сурена возьмем в компанию?

— Если он изъявит желание. С чего начнем? Теории не помогут, нужны свежие идеи, тем более что сами пауки на контакт идти не хотят. Удивляюсь, как они пошли на роль сигнальщиков.

— А я не удивляюсь. По-моему, пауки — биомашины, и только, киберы, автоматы с целевой программой, в которой нет места

переговорам с людьми. В контакт мы если и вступим, то не с ними, а через них.

Ивашура в сомнении пошевелил бровями.

— Может, ты и прав. Но тогда вопрос: чьи они биокиберы? От этого, кстати, зависит и тактика предполагаемого контакта. Не понял?

— Почему не понял? Одно из двух: или пауки — пришельцы и тогда контакт может не получиться, или они киберы землян, людей.

— Не обязательно людей. Гипотеза у Валеры сумасшедшая — насчет множества цивилизаций на Земле, живущих каждая в своем «угловом» времени, но опровергнуть ее никто не в силах, даже физики-теоретики, вплоть до академиков, законодателей философских построений. Понимаешь, то, что пауки начали нас сначала отпугивать от Башни, а потом предупреждать об опасности, навело меня на довольно жуткую мысль. Что, если Башня — следствие какой-то колоссальной аварии? Либо в будущем, либо в прошлом, а может, и в «угловом» времени. Что она связана со временем, можно считать доказанным, взять хоть наши с тобой путешествия внутри «мыльных пузырей» иного пространства-времени, где время течет не так, как в обычном мире.

Рузаев неопределенно хмыкнул.

— Хочешь стать автором еще одной безумной гипотезы?

Ивашура без улыбки качнул головой.

— Нет, с коллегами из Академии наук я делиться этой гипотезой не буду, она — детище моих эмоций, а не знаний. Гипотез и без нее хватает. Надо думать, как сообщить хозяевам Башни, что они у нас и так уже порядком натворили дел, и чем дальше, тем положение хуже.

Вертолет сел у палаток лагеря физиков, подняв снежную пыль.

Ивашура оставил Рузаева у машины и вскоре вернулся с Меньшовым, у которого борода и усы заиндевели и покрылись сосульками.

— Сидел на вышке, — прогудел Меньшов, дыша на красные распухшие руки. — Горячая пора, скоро пульсация.

— Хоть отогрейся сходи, — посоветовал Ивашура. — Что нового?

— Колдуем над разгадкой мертвых выбросов, голова кругом идет — столько возможностей заложено в этом явлении!

— Не вздумай подходить к Башне и устраивать незапланированные эксперименты! Знаешь, чем это кончается.

Меньшов помрачнел.

— Слышал и видел. Хороший был мужик Серега, я с ним еще в Москве встречался, приезжали они к нам на консультацию...

Не волнуйся, ничего противозаконного не делаем. Постреливаем изредка по мертвым выбросам. Запустили два беспилотных планера с приборами к стене Башни, собираемся поднять серию воздушных шаров с аппаратурой и осуществить идею Гришина — пустить в Башню сверху зонд с кучей датчиков и телекамер. Ветер сейчас удобный, дует все время к Башне. Нового ничего, записали два выброса, флаттер и «телеэкран». — Меньшов несколько оживился. — Любопытно, что «телеэкран» показал нам сначала паука, а потом шар, предполагаем — планету пауков.

Эксперты переглянулись.

— Действительно любопытно, — протянул Ивашура. — Ты считаешь пауков пришельцами?

— А вы разве нет?

— Эксперт отличается от нормального специалиста тем, что делает вывод лишь при наличии системы фактов, — ровным голосом сказал Рузаев.

— Так я вам и поверил, — ухмыльнулся в усы Меньшов. — Как будто вы не живые люди. Каждый из нас при отсутствии информации начинает пользоваться эмоциями, интуицией и фантазией. Спасибо хоть за «нормального специалиста». Это все, что вы хотели узнать, джентльмены?

Ивашура отрицательно покачал головой.

— У тебя не найдется переносной лазер, хотя бы типа ЛКТ-100?

— Поищем. Сами не пользовались, но на всякий случай запросили в отделе снабжения. Зачем он вам?

— А СВЧ-передатчик? — продолжал Ивашура, не отвечая на вопрос.

— Это вы спросите у радиофизиков, у них должен быть.

— Еще нам нужны электромагнитные искатели, пара цериевых батареек, ультразвуковые свистки и щупы.

Меньшов присвистнул.

— Понятно. Задумали проникнуть в Башню, психи! Нет? Тогда не понимаю. А что же ваша контора? Неужели Центр настолько обеднел, что даже щупов не выделяет своим работникам?

— Не гадай, Виталий, у тебя плохо получается, на цыгана ты похож только в профиль.

Рузаев неожиданно хихикнул.

— Игорь вышел из доверия у директора Центра товарища Богаева.

Ивашура нехотя улыбнулся.

— Это точно. Дернула меня нелегкая провести тот эксперимент.

— Тебе не позавидуешь. — Меньшов снял шапку и почесал затылок. — Ты начальник экспедиции и ты же сотрудник Центра, начальник которого Богаев. На твоем месте я бы...

— Дашь ты нам, что просили, или не дашь? — перебил его Ивашура, потеряв терпение.

— Что с вами поделаешь, дам. Только, чур, меня потом не впутывать, буду говорить, что сами взяли. Разрешите идти, господин генерал?

— Идите, поручик! Стойте! Когда наметили полет к Башне сверху?

— Сегодня в шесть вечера, приходите.

— Свободны!

Меньшов неуклюже козырнул, еще более неуклюже повернулся кругом, широкий в своем черном зипуне, пахнущем костром, и потопал к одной из вышек, возле которой собрались его подчиненные и коллеги.

— Поехали. — Ивашура полез в кабину. — Сейчас к радиофизикам, потом в воинскую часть, хочу попросить у них пневмопистолет для метания сетки-ловушки, а потом к медикам.

Рузаев сделал вид, что ему все равно.

Первую вылазку к Башне отложили на поздний вечер, чтобы не возбуждать излишнего любопытства у прибывшей комиссии вкупе с журналистами, операторами телезаписи и другими неофициальными лицами, переполнившими лагерь экспедиции.

Ивашура свободно владел английским, сносно французским, и в разговоре с приехавшими иностранными учеными и журналистами переводчиков не требовалось. «Пресс-конференции» как таковой не было. Ивашура довел до сведения иностранцев порядок работы экспедиции, распорядок дня, рассказал об основных направлениях исследования Башни и с помощью Богаева, который тоже говорил по-английски, распределил приехавших по лабораториям и отрядам экспедиции. Вновь прибывшим журналистам он пообещал рассказать все подробности на следующий день, дав им сутки на акклиматизацию и предоставив возможность самостоятельной добычи информации у остальных жителей лагеря, прибывших ранее.

Освободившись на полчаса, Ивашура поговорил с Вероникой, определив объем очередной телепередачи, и был неприятно поражен тем, что девушка вдруг попросилась пойти с ним «к паукам на встречу».

— Кто вам сказал, что мы собираемся к паукам? — спросил он, хмуря брови и внимательно разглядывая лицо девушки.

— Никто, — пожала плечами Вероника. — Интуиция, если хотите. Я же вижу, что вы озабочены, а в вашем вагончике — я заходила — Миша Рузаев готовит какие-то снасти и приборы. Я не права?

Ивашура задумчиво посмотрел на носки своих сапог.

— Да, мы идем в пробную вылазку для установления контакта

с пауками. Это опасно, и поэтому в другой раз я бы, не задумываясь, ответил вам «нет», но вдруг подумал, что профессиональное умение формулировать вопросы и ответы может нам пригодиться. Я согласен, но ни одна душа...

— Не продолжайте, — улыбнулась Вероника, и глаза ее просияли. — А ты, однако, смел, Игорь Васильевич.

— Одним словом, анархист, — без улыбки пробурчал Ивашура. — Будь готова часам к десяти вечера. — Он тоже перешел на «ты», не заметив этого. — И оденься соответственно.

— Слушаю и повинуюсь!

Вероника легонько сжала пальцы начальника экспедиции и убежала, унося в глазах свет признательности, радости и чего-то еще, поднявшего в его душе ответную волну радости и желания снова и снова встречаться с этой девушкой.

Он так глубоко задумался, что не заметил подошедшего вплотную Одинцова. Полковник был, как всегда, подтянут, деловит, сдержан и сосредоточен.

— Простите, — сказал он, привычно касаясь пальцами клапана своей шапки. — Не помешал?

— Нисколько, — вздохнул Ивашура, закрывая «дверь в мир своих чувств и желаний». — Слушаю вас, Мартын Сергеевич.

Разговор с Вероникой происходил возле столовой, вагончик которой ничем не отличался от остальных домиков экспедиции, но располагался отдельно и был пристыкован к крытой кухне. У столовой всегда стояли одна или две машины, привозившие продукты из города, сновали люди. Откуда-то тянуло дымом и чем-то сладким, как из кондитерской.

Ивашура посмотрел на часы и увлек Одинцова к штабу. Смеркалось, а он не сделал еще и половины того, что намеревался успеть до десяти вечера.

— Я тут расспросил... — заговорил на ходу Одинцов. — Мнения расходятся. Как вы считаете, Игорь Васильевич, чем может закончиться экспансия Башни? Не может же она расти вечно, должен быть какой-то предел.

— Должен, — согласился Ивашура. — Но мы его не знаем. Как сказал мой знакомый физик: «Наша физика малоприменима к Башне». По известным законам физики, ни один из земных материалов не способен выдержать таких нагрузок, которые должно выдерживать сооружение выше одного километра и массой больше одного миллиона тонн. Оно просто рухнет под собственной тяжестью... если только не представляет собой колонну, целиком отлитую из этого материала. А Башня если не полая внутри, то хотя бы имеет пустоты, могу привести расчеты специалистов и наблюдателей. При массе в девяносто миллиардов тонн и высоте в два с половиной километра материал башни имеет плот-

ность бериллия, и тем не менее Башня не разрушается! Может, стены Башни и не стены вовсе, а одна видимость? Скажем, голографический мираж или в крайнем случае неизвестное силовое поле. В одном я уверен почти на сто процентов: Башня каким-то образом изменяет ход времени.

— Почему «почти»?

— Потому что наши с Михаилом путешествия в «пузырях времени» вполне могут оказаться галлюцинациями, продуктом собственного мозга, отреагировавшего на всплеск какого-то излучения. Обратного, к сожалению, никто не доказал.

— Но вы-то сами уверены в путешествии, не так ли? Хотел бы я побывать на вашем месте, честное слово! Испытать на себе хотя бы «зону ужасов».

Ивашура посмотрел на собеседника.

— Ай да полковник! Я думал, что из всех начальников экспедиции только я один не в ладах с дисциплиной.

В глазах Одинцова зажглись иронические огоньки.

— Не обольщайтесь, Игорь Васильевич. Мне это нужно по долгу службы. Впрочем, вас я тоже понимаю. Рисковать вы умеете, надо признаться.

— Стараемся, — в тон полковнику сказал Ивашура. — В «зону» я вас, пожалуй, свожу, но позже, после пульсации. Не возражаете?

Они остановились у домика штаба, дверь которого то и дело впускала и выпускала людей.

— Еще вопрос, — спокойно проговорил Одинцов. — Как вы думаете контактировать с пауками?

Ивашура внимательно посмотрел в проницательные глаза гостя.

— Однако информация у вас здорово поставлена!

— Стараемся, — прищурился Одинцов.

— Боюсь, я вас не обрадую. Я не знаю, каким способом следует устанавливать контакт с пауками. Сегодня я намерен совершить первую попытку, а в дальнейшем образую инициативную группу контакта. По-моему, нет смысла доказывать его необходимость?

— Конечно, — ответил Одинцов. — Если вам что-нибудь понадобится из спецснаряжения, обращайтесь ко мне, поможем.

Полковник кивнул и удалился к домику связистов. Ивашура молча смотрел ему вслед, пока кто-то не тронул его за рукав. Гаспарян.

— Тебя к телефону.

— Кто?

— Голос незнакомый и как будто с акцентом.

Ивашура хмыкнул, все еще провожая взглядом прямую спину

полковника безопасности, потом прошел в домик штаба, взял трубку радиотелефона.

— На связи.

— Начальник, перестань играть с огнем, — раздался в трубке гортанный тягучий голос. — Все попытки проникновения в Башню будут пресечены самым жестоким образом. Не угомонишься — успокоим навеки!

— Кто говорит?

— Мы уже встречались. Вторая встреча будет...

Ивашура выключил телефон, не дослушав. Вошедший следом Гаспарян смотрел на него вопросительно.

— Что там еще? Кто звонил?

— Террорист, — хладнокровно ответил Ивашура. — Требует, чтобы мы прекратили попытки штурма Башни.

— Федералы, что ли? Безопасность?

— Если бы это была инициатива федералов, высказал бы ее Одинцов. — Ивашура тронул рукоять бластера в кармане. — Скорее всего, те, у кого Иван отобрал пушку.

— Что будем делать? Надеюсь, ты не собираешься следовать совету?

Начальник экспедиции слабо улыбнулся в ответ.

Ровно в восемнадцать ноль-ноль Ивашура занял место в кабине вертолета вместе с Меньшовым, Гришиным и двумя физиками, бережно обхаживающими два зонда с аппаратурой контроля среды и телекамерами. Было решено зависнуть над Башней на безопасной высоте и опустить на тросах на ее размытую вершину два зонда. Запись передачи с телекамер должна была вести по кабелю переносная видеомагнитофонная система в кабине вертолета.

— Чуть что — рви когти! — инструктировал Меньшов пилота. — Не жди, пока свалимся в пикирование. Увидишь, что вертолет ведет себя необычно, — сразу давай знать.

Пилот, спокойный молодой человек со шрамом на щеке, молча кивнул.

Вылетели по расписанию, ответив службе авиаконтроля. Через десять минут вертолет завис над Башней в сотне метров от ее дрожащей вершины, постепенно теряющей плотность до полной прозрачности.

— Если бы самому туда слазить, — вздохнул молчавший всю дорогу Гришин.

Меньшов, занятый настройкой, фыркнул в бороду.

— Что это с вами, Константин Семенович? С каждым днем ваши желания все рискованнее и оригинальнее.

— Легче подавить первое желание, говорил Франклин, чем утолить все, что следует за ним, — улыбнулся Ивашура.

— Знаю, — снова вздохнул Гришин. — Но уж очень хочется сбросить покров тайны с апокалиптической Башни.

— Трос не достанет, — сказал один из физиков, — надо опуститься ниже.

— Вываливайте зонд. — Меньшов открыл люк в дне кабины. — Саша, берись за лебедку. Опустим и посмотрим, сколько останется до мерцающего слоя.

Зонд, представляющий собой металлический цилиндр с решеткой антенны и глазками приборов по корпусу и в дне, пошел вниз. Трос кончился на шестьдесят шестом метре.

— Все, дальше придется маневрировать вертолетом.

— Что показывают приборы?

— Небольшое повышение радиационного фона, — сказал Гришин, склонившийся над панелью переносного пульта управления. — Ничего особенного.

— Хорошо, что ни «глаз дьявола», ни мертвые выбросы не разряжаются вверх, — пробасил Меньшов. — Ну что, Васильич, пошли помалу вниз?

Ивашура, поколебавшись, кивнул пилоту.

— Легонько, не торопясь.

Вертолет плавно пошел вниз. Зонд приблизился к границе переходной зоны, где воздух струился маревом, будто нагретый до высоких температур, и вдруг превратился в тонкий стержень, ушедший глубоко в недра Башни. Громыхнуло. Из глубины размытого конца Башни всплыл рой пронзительно-голубых искр, вертолет вздрогнул.

— Назад! — отреагировал Ивашура, но пилот уже сам сделал надлежащие выводы: вертолет с натугой рванулся вверх.

Зонд выскочил из зоны завихрений, странно белый, как будто вымазанный в сметане, из тонкой бесконечной иглы превратился в объемное тело.

— Ничего не понимаю, — проговорил озадаченно Гришин. — У меня все зашкалило! Что там случилось с зондом?

— Подтяни-ка, — приказал Меньшов.

Физик у лебедки послушно заработал рукоятью барабана, заиндевевший трос пополз мохнатой длинной гусеницей. Зонд приблизился. Ивашура тихонько присвистнул.

— Ну и ну!

Зонд изменил форму и цвет, превратившись в гроздь белых «ежей» размером с полметра каждый.

— Что это?! — изумленно воскликнул молодой физик.

Ответом ему было молчание. Более опытные и сдержанные ученые не спешили давать объяснения новому феномену.

— Надо было снимать спуск со стороны, — сказал Гришин. — Не догадались.

— К сожалению, — кивнул Ивашура. — Проверьте радиацию, может, эти «ежи» излучают.

Меньшов высунул из люка дозиметр, покачал головой.

— Почти норма. Но ты прав, эта штука опасна, неизвестно, что от нее ждать. Предлагаю отнести ее в поле, подальше от лагеря. Потом вернемся с оборудованием и посмотрим, чем оброс зонд.

Ивашура хотел сказать, что зонд вовсе не оброс, а изменил форму, превратился в гроздь колючих ядер, но промолчал.

Они опустили сверкающую белую конструкцию на снег недалеко от дороги, чтобы можно было подъехать на вездеходе, оставили вместе с ней трос, и вертолет понесся к лагерю, словно с облегчением освободившись от непрогнозируемо опасного груза.

— Выясните, в чем дело, и позвоните, — отрывисто сказал Ивашура. — И готовьтесь к второму походу, на двух вертолетах и с киносъемкой.

— Сделаем, — прогудел в бороду Меньшов и признался: — Знаете, братцы, а я струсил! Думал, как рванет — костей не соберем! А еще хуже — провалимся в Башню!

Ивашура молча похлопал его по плечу.

В десять вечера начальник экспедиции позвонил Меньшову, и физик сообщил ему о результатах исследования зонда, изменившего структуру.

Зонд перестал быть таковым, он теперь вообще ни на что знакомое не походил. Он жил, если можно так сказать, то есть работал: что-то в нем стучало, позванивало, изредка иголки «ежей» начинали светиться призрачным зеленым светом. Материал его корпуса установить не удалось, как и разобрать или проникнуть внутрь.

— Понимаешь, он растопил снег вокруг, — орал в трубку Меньшов, — но сам холодный! А самое интересное — иногда шары становятся прозрачными, и оттуда кто-то на нас смотрит! Не видно кто, но чувствуется. Потрясающий эффект! Кстати, уже прибегали пауки, посмотрели, побегали вокруг и умчались.

— Осторожнее там, — проворчал Ивашура, не зная, что сказать. — Старайтесь изучать его дистанционно, близко не подходите.

— Почему не подходить? Он безопасен, как огурец! Ну и выловили! — Меньшов хохотнул. — Бросил наживку — и вытащил чудовище! Не знаем, что и делать. Зато интересно.

— Поумерь восторги, — сказал Ивашура, невольно заражаясь оптимизмом физика. — Я к вам загляну утром.

Переварив сообщение, он провел обычное селекторное совещание, пожелал спокойной ночи Богаеву, утомленному органи-

зационно-хозяйственной деятельностью, и покинул штаб, почти полностью опустевший к вечеру.

В вагончике экспертов его уже ждали готовые к походу Рузаев, Гаспарян и Вероника. Эксперт Валера находился на дежурстве у связистов.

Вероника была одета в альпинистскую тройку: штормовку, непромокаемые брюки, горные ботинки, правда, без триконей. Гаспарян косился на нее с некоторой завистью и удивлением, разбавленным изрядной долей заинтересованности: девушка ему нравилась. Рузаев посматривал на Веронику с неодобрением, но молчал, зная, что Ивашура решений своих не меняет.

Разобрали снаряжение.

Ивашура взял фонарь, рацию, лазер — длинный прямоугольный брусок в дырчатом кожухе с рукоятью и «консервной банкой» аккумулятора на торце — и метатель сетки-ловушки, похожий на сверхсовременный арбалет.

Гаспарян перекинул через плечо ремень СВЧ-передатчика, через другое — ремень ружья и взял в руки электромагнитный искатель, квадратную рамку на длинной ручке. Рузаеву достались еще один искатель, дозиметр, ультразвуковой свисток и второй фонарь. Веронике доверили нести приборы ночного видения, добытые Ивашурой у вертолетчиков, портативный магнитофон и аптечку.

— Кажется, все, — проговорил Ивашура, осмотрев группу. — Начнем первый этап разведки боем. Вторым этапом будет проникновение в Башню. Выходить по одному.

Они вышли из вагончика во тьму ночного леса, рассеиваемую лишь фонарем у штаба. Ивашура не стал брать вертолет, не желая втягивать в свой рискованный поход лишних, и пять километров до ограждения им предстояло пройти пешком.

Небосвод был скрыт тучами, ветер нес их к излучающей багровый свет Башне. До пульсации оставалось несколько часов, и крики пауков доносились почти каждые пятнадцать-двадцать минут: активность Башни росла. Но именно поэтому Ивашура и решил пойти в разведку — шансы встретиться с пауками увеличивались.

Двигались молча. Ивашура шел впереди, прокладывая дорогу, проваливаясь в снег. Гаспарян шагал следом, помогая Веронике. Рузаев замыкал цепочку.

Через полчаса вышли из леса на поле, по спрессованному ветром насту идти стало легче. Башня показалась вся. Вокруг ее вершины крутилась спираль вспыхивающих зеленоватым светом облаков.

— Такой Башня никогда не была, — заметил Гаспарян. — Да,

Миша? То ли пульсация будет мощной, то ли готовится что-то новенькое.

— Увидим, — пробурчал Рузаев.

К ограждению вышли в двенадцатом часу ночи. Ивашура оставил их на короткое время — предупредить патруль — и вернулся.

— Сделаем так, — сказал он, посмотрев на часы. — Растянемся в цепочку и подойдем к Башне километра на два-полтора. Фонари зажигать не стоит, надевать инфраоптику тоже — на фоне Башни и так все видно. Кто заметит паука первым — подает сигнал. При малейшей опасности тоже подать сигнал, мало ли что встретится. Уяснили?

Где-то в темном небе послышался нарастающий рокот, показались белые и красные огни — вертолет авиаконтроля. Он прошел чуть в стороне, над лесом, звук постепенно затерялся в шуме ветра. Эксперты проводили его взглядом.

— Может, Веронику оставим здесь? — предложил Рузаев.

— Нет-нет, — поспешно откликнулась девушка. — Я пойду с вами.

Ивашура встретил ее умоляющий взгляд и повернулся к Гаспаряну.

— Подстрахуешь ее, Сурен. Почему вы не спрашиваете, что мы будем делать дальше?

— А что тут спрашивать? — рассудительно произнес Рузаев. — Будем ловить паука, а потом спросим, разговаривает ли он по-русски и по-английски.

Вероника засмеялась.

— А что — нет? — оставаясь бесстрастным, спросил Рузаев. — Зачем бы мы тогда брали сетку-ловушку и СВЧ-передатчик?

— В логике тебе не откажешь, — сказал Гаспарян ядовито.

— Ну, ни пуха ни пера, эксперты, — сказал Ивашура.

— К черту! — дружным шепотом ответили все.

ГЛАВА 8

Чем ближе они подходили к Башне, тем больше убеждались, что активность ее превысила обычную перед пульсацией. Блуждающие источники радиации — «глаза дьявола» — вспыхивали почти каждые пять минут, правда, все на значительной высоте. Дважды начинались электрические дожди, прижимаемые ветром к стенам Башни. Багровое свечение от стен пульсировало — то отступало вглубь, то усиливалось, и от этого казалось, что Башня то съеживается, то растет в объеме.

Идти стало трудней. Снежный наст утратил твердость, стал рыхлым, влажным, тепловое дыхание Башни уже достигало этих

мест. Вскоре в снежном покрове появились прогалины раскисшего грунта, в которых легко можно было завязнуть по пояс и глубже.

В какой-то момент Ивашура вдруг остановился, жестом приказал замереть и прислушался.

— Кажется, начались сюрпризы, чувствуете?

— «Зона», — сказал Гаспарян. — Мы дошли до «зоны», вот и все.

— Какая зона? — спросила Вероника, тщетно стараясь уловить хотя бы посторонний звук, кроме завывания ветра. Ей показалось, что над ними нависла странная призрачная и одновременно тяжелая тень, но это прошло. Осталось ощущение какого-то давления на голову и чувство неловкости во всем теле.

— «Зона ужасов», — пояснил Рузаев терпеливо. — Но это не она. «Зона» обычно начинается в километре от стены, а мы стоим по крайней мере в двух.

— Подождите здесь. — Ивашура прошел вперед с десяток шагов, постоял и вернулся. — Это не «зона» — инфразвук.

— Знакомые штучки.

— Да, это уже серьезно, дальше мы, наверное, не пройдем.

— Что это значит — инфразвук? Извините, что вмешиваюсь...

— Пауки поставили инфразвуковую завесу, — внес ясность вежливый Гаспарян. — Инфразвук, то есть звук низкой частоты, очень нехорошо влияет на организм, поэтому ближе к стене Башни идти рискованно.

— А зачем пауки поставили завесу?

— Не хотят, чтобы кто-нибудь мог приблизиться к Башне. Существует гипотеза, что пауки предупреждают людей об опасности: криками — когда источник опасности локален, инфразвуком — когда опасность... э-э...

— Неизвестно где, — подсказал Рузаев. — Инфразвуком пауки отпугивали нас лишь однажды, когда на месте Башни был еще построенный из паутины конус.

Почва под разведчиками внезапно вздрогнула, по полям прокатился низкий подземный гул.

Эксперты переглянулись.

— Отложим? — с полувопросительной интонацией сказал Гаспарян.

Ивашура на минуту задумался, взглянул на часы и тронул кнопку рации.

— Связь-два, что там у вас?

— Был толчок, — донесся сквозь хрипы и трески эфира тонкий голос диспетчера, — силой три балла. Причины неизвестны. Кто говорит?

— Ивашура.

— Игорь Васильевич, вас искали радиофизики, велели специально передать: плотность полей вокруг Башни растет по экспоненте. Как поняли?

— Спасибо, понял.

Ивашура выключил рацию, щелкнул крышкой дозиметра.

— Хорошо хоть радиационный фон остался прежним, — пробормотал Гаспарян. — Предлагаю вернуться за вездеходом.

— Потеряем время, — сказал Ивашура. — Попробуем подползти еще на пару сотен метров, насколько хватит сил терпеть инфразвук. Вероника, тебе придется остаться.

Девушка хотела было возразить, но уловила холодный блик в глазах Ивашуры и сдержалась.

— Хорошо. Что я должна делать?

— Ждать нас. Вот тебе вторая рация, настроена на общую волну. В случае нашей... Впрочем, мы вернемся, жди... — Он повернулся к экспертам. — Надевайте инфраоптику, попробуем пойти с ней.

Они надели приборы ночного видения, похожие на очки-консервы с резиновыми окулярами и гибкими дугами.

— Ух, здорово! — не выдержал Гаспарян и прищелкнул языком.

— А мне можно? — робко спросила Вероника.

Ивашура без слов помог ей надеть очки. Взору девушки открылась волшебная картина, расцвеченная всеми оттенками коричневого, алого и вишневого цвета.

Башня сияла белым накалом, так что на нее было больно смотреть. Почва и лес вдалеке были черными или темно-коричневыми, и в этой черноте проглядывали багровые дорожки, прожилки, ручейки, нити, бесформенные пятна...

Ивашура первым разобрался в цветах: пятнами были нагретые участки почвы, дорожками и ручьями — насыпи и гребни пластов вспаханного поля, а вот прожилки и нити... Он шагнул к ближайшей нити, нагнулся, сорвал инфраочки и хмыкнул:

— Паутина!

Гаспарян проследил за нитью паутины и пробормотал что-то по-армянски.

— Пошли, — спохватился Ивашура, снова натягивая дугу очков. — Потом разберемся, что начали строить... — Он не договорил.

По полю плавно мчался багровый шарик, а за ним оставалась тонкая красная нить.

— Паук! — ахнула Вероника. Ивашура сжал ей пальцы, призывая к молчанию, передал Гаспаряну лазер. Потом, не отрывая взгляда от бегущего пятна, достал на ощупь метатель сетки-ловушки, прикинул, куда выкатился шар, и побежал наперерез.

Вероника хотела было крикнуть: «Игорь!» — но вовремя зажала рот ладонью. Гаспарян зачем-то снял с плеча двустволку и взвел курок. Рузаев быстро достал из-под полы кинокамеру и припал к видоискателю. Гаспарян одобрительно похлопал его по плечу.

Чтобы приблизиться к пауку, не сбавляющему скорости, надо было углубиться в зону, где мощность инфразвука возрастала, но Ивашура не замечал влияния инфразвукового излучения. Когда до паука оставалось около десяти метров, он в два приема вскинул метатель и нажал на спуск. С щелчком пружина метателя выбросила сетку, и та, в падении разворачиваясь в плоскость, накрыла круглое светящееся в инфракрасном диапазоне тело паука. И... ничего не произошло! Паук резко затормозил и замер.

Ивашура тоже остановился, ожидая чуть ли не разряда бластера, потом сорвал инфраочки. Он не сразу привык к темноте, но понял, что действительно поймал паука. На гладком черном теле с невидимыми сейчас ногами выделялись белесые, громадные, без зрачков глаза, внимательно и с недоумением, как показалось Ивашуре, разглядывающие человека.

Эксперт колебался всего мгновение. Он относился к тем людям, действия которых тем эффективнее, чем труднее ситуация, которые умеют из хаоса мыслей выуживать наиболее оптимальную, мгновенно собраться и принимать решения, основываясь иногда только на показаниях интуиции. В данный момент Игорь вдруг отчетливо понял, что паук не опасен.

Ивашура медленно сделал шаг к пауку, второй, остановился в нескольких шагах. Теперь он видел его полностью. Паук упирался в пашню длинными суставчатыми ногами, перебирая приподнятыми передними лапами-педипальцами. Ивашура обнаружил, что сетка, сплетенная из капроновых канатиков толщиной в полсантиметра, разрезана на две части, но это эксперта не остановило: паук ждал его дальнейших действий.

— Выслушайте нас, — сказал он негромко, но твердо. — Запишите и передайте своим хозяевам. Мы хотим знать, что такое Башня, — это первое. Второе: как долго и до каких пределов она будет расти? Ее рост — реальная угроза нашему миру, и, если Башня не остановится, нам придется применить силу. И третье: известно ли вам что-нибудь о судьбе наших товарищей Ивана Кострова и Таисии Калашниковой? Пока все. Когда ждать ответа?

Паук подождал, все так же задумчиво перебирая лапами.

— Не слышу.

Молчание. Потом какой-то тихий прерывистый писк. Ивашура от неожиданности вздрогнул: паук ответил!

— Повторите, — громче сказал он.

Снова тихий писк паука. Голос паука!

Эксперт махнул рукой напряженно ожидающим его друзьям. Все трое сорвались с места, но Ивашура остановил их жестом.

— Вероника — магнитофон!

Девушка подбежала через минуту (паук на это не реагировал) и передала магнитофон. Ивашура включил запись и осторожно приблизил микрофон к пауку.

— Прошу вас, повторите еще раз.

Паук пискнул, еще и еще раз, присвистнул и вдруг помчался задом наперед по той же дороге, что и бежал сюда, не сводя своих круглых глаз с людей. Исчез, растворился во мраке.

— Уфф! — выдохнул Ивашура и смахнул со лба пот. Тут только он почувствовал неприятное раздражающее тепло в голове, духоту, желание оглянуться, подкатывающую к горлу тошноту: инфразвуковая завеса пауков продолжала действовать.

— Уходим, — коротко бросил Ивашура.

Выключил магнитофон, оглянулся на Башню и поспешил за Вероникой. Он понимал, что поведение паука еще ни о чем не говорит, но верил, что начало положено. Машина это или существо — не суть важно, в любом случае паук должен был записать или запомнить его речь и передать по назначению, и если писк не ответ, то, возможно, хозяева Башни все же ответят на вопросы людей рано или поздно. Главное достоинство метода, который избрал Ивашура для контакта, заключалось в его простоте. Никто еще до сих пор не пытался просто задавать вопросы паукам. Он их задал...

До двух часов ночи они пытались поймать хотя бы еще одного стража Башни, но тщетно: видеть — видели, пауков объявилось необычайно много, но ни один из них не подбирался ближе чем на сто-двести метров и ни один не отреагировал на облучение лазерным лучом. Пауки лихорадочно плели паутину.

Наконец, когда рация заговорила голосом Одинцова, Ивашура повел свою уставшую и продрогшую «комиссию по контактам» домой.

У заграждения их ждал высланный полковником вездеход, и уже через двадцать минут они оказались дома. В вагончике было тепло, уютно потрескивали поленья в печурке, ароматно пах кофе. У стола сидел сосредоточенный, как всегда, Одинцов и читал газету. Когда эксперты ввалились в комнату, он только поднял от газеты голову.

— Ничего, — отвечая на его немой вопрос, сказал Ивашура. — Вернее, почти ничего. Один из пауков выслушал меня, но я не уверен, что он понял и ответил. Пропищал что-то, но что... — Ивашура развел руками и передал магнитофон Гаспаряну. — Завтра утром на анализ, пусть звуковики повозятся вместе с лингвистами.

— Я бы удивился, если бы с первого раза удалось установить контакт, — негромко проговорил Одинцов. — Следующую экспедицию надо подготовить более серьезно и тщательно.

— Вы правы, надо привлечь все научные силы и технику, выигрыш превышает любые материальные затраты.

Они сели за стол, разлили по кружкам кофе. Внезапно пол вагончика заметно дрогнул, издалека прилетел короткий глухой гул, задрожали стекла в окнах.

— Спать не придется, — сказал Ивашура, глянув на часы. — Пульсацию следует ждать часа через полтора-два. Чем больше думаю, тем больше убеждаюсь, что нам повезло с контактом. Пауки плетут вокруг Башни паутину, значит, ожидается что-то более серьезное, чем было до сих пор. Именно поэтому пауков так много.

Он принялся убирать со стола, но вспомнил о Веронике, жестом указал Рузаеву на стаканы и кружки и оделся.

— Я буду в штабе.

— Я с вами, — поднялся Одинцов.

— А я, с вашего позволения, вздремну часок, — сказал задумчиво Гаспарян. — Мой организм не выдерживает более двадцати часов бодрствования, да еще в стрессовой обстановке.

— Вот вам фазовый портрет личности по имени Сурен Гаспарян, — проворчал Рузаев, звеня стаканами.

Закрывшаяся дверь отрезала ответ Гаспаряна.

— Друзья? — спросил Одинцов, кивая на дверь.

Ивашура сошел по ступенькам, оглянулся.

— Вы психолог.

— А нам нельзя иначе, — улыбнулся Одинцов.

Дальше шли молча.

Над миром довлел горбатый хребет Башни, заставляя людей держаться в постоянном напряжении, смешанном с восхищением и недоумением. Никто не мог остаться равнодушным, глядя на эту чудовищную геометрически правильную глыбу непонятного назначения и происхождения, попирающую известные законы бытия...

Пульсацию Башни — очередной скачок роста ее диаметра — наблюдали все двести с лишним человек экспедиции: ученые, журналисты, инженеры связи, работники телевидения, обслуживающий персонал лагерей и солдаты воинских подразделений, поднятых по совету Ивашуры. Сам начальник экспедиции ожидал пульсацию в кабине вертолета авиаконтроля, кружившего вокруг Башни на высоте километра. Вместе с Ивашурой в кабине находились Рузаев и Вероника, упросившая взять ее с собой.

Непосредственно перед пульсацией ветер, дувший к Башне, стих, тяжелые облака сразу опустились ниже, придавили землю. Даже в километре от Башни в них вспыхивали электрические разряды, в основном горизонтальные, в виде причудливых лент и полос... Башня продолжала светиться багровым накалом, по ней, как по угасающей звезде, ползли темные пятна, вспыхивали и тут же гасли злые зеленые звезды и ветвящиеся росчерки молний. Иногда откуда-то из таинственных ее недр выметало наружу целые поля долго не тускнеющих искр, среди которых формировались диковинные электрические призраки. Из-под земли то и дело доносились бухающие удары, гул и стоны. Казалось, Башня раздирает тело Земли, раздвигает его, мнет, сверлит исполинским буром, уходя все ниже и ниже, к мантии, к ядру...

Вероника, округлив глаза и замерев, в каком-то суеверном восторге глядела на красочную феерию, окружившую Башню. На вопросы Ивашуры отвечала односложно и невпопад, и тот, оценив ее состояние, перестал ей мешать.

Рузаев работал с бортовыми кинокамерами вертолета, быстро найдя общий язык с наблюдателями — неразговорчивыми офицерами одной из воинских частей. Кроме того, у него была наготове своя кинокамера, с которой он не расставался. Дважды засняв Башню и плывущие над лесом призраки, Михаил вдруг потянул Ивашуру за рукав.

— Посмотри-ка, пауки? Слева по курсу, рядом с насыпью у стены...

Ивашура поднял бинокль.

Черный в призрачном свете вал сдвинутой земли у стены Башни вдруг зашевелился, стал расползаться! В бинокль было видно, что это несется от стены лавина пауков, спасаясь от неведомой опасности. Даже сквозь рокот двигателя донесся долгий заунывный крик, от которого тревожно сжалось сердце.

— Проклятье! — бледнея, проговорил сквозь зубы Ивашура. — Уж если бегут пауки!..

Башня вдруг засияла сверху донизу ярким желтым светом, на миг превратилась в нечеткий смазанный силуэт и тут же снова приняла облик плотной и твердой на вид колонны чуть толще прежней. Тугой удар, словно от сверхзвукового самолета, хлестнул по воздуху, вертолет шатнулся, так что всех прижало к стеклам кабины, но Ивашура успел заметить, как вал земли у выпуклой стены Башни взметнулся гребнем ввысь, сдирая шкуру почвы с щеткой леса, и рухнул на лес, породив новую насыпь...

— Ужас! — беззвучно проговорила Вероника, сжав подбородок пальцами обеих рук.

Вслед за ударом последовал грохот и грозный вибрирующий гул, от которого задрожали стенки кабины вертолета. Машина

заскрипела, закачалась с боку на бок. Пилоты озадаченно наклонились над панелью управления.

Вертолет продолжал вздрагивать и качаться.

— Что случилось? — прокричал Ивашура.

— Боюсь, как бы винты не пошли вразнос, — ответил старший пилот. — Идем на базу.

И вертолет, вздрагивая при каждом обороте винтов, словно хромой, отвалил в сторону, оставив за собой тускнеющую колонну Башни, пелену дыма вокруг нее и круговорот переставших светиться облаков.

Ивашура встал поздно, в одиннадцатом часу. Недоверчиво повертев часы перед глазами, он откинул полу спального мешка, сел на кровати. В вагончике никого не было, сквозь оконца просачивался свет хмурого зимнего дня. На столе стояла банка тушенки, в пакете аккуратно были завернуты хлеб, сыр и пачка масла, рядом — накрытый полотенцем чайник.

«Гаспарян, — мелькнула мысль, — аккуратист... Странно, что меня не разбудили. И я хорош, разлегся барином! Как в отпуске. Устал, начальник? Не великовата ли нагрузка?»

Он осуждающе посмотрел на свое отражение в зеркальце на стене, потрогал щетину на щеках.

«Хорош! Таким Вероника тебя еще не видела, и хорошо, что не видела. Вот Сурен постоянно держит себя в форме, любо-дорого посмотреть! Когда он бреется? Вроде никогда его не видели с бритвой в руках...»

Ивашура сделал зарядку, умылся, поел, продолжая недоумевать по поводу своего позднего пробуждения, и помчался в штаб. Там стало известно, что будить его запретил Одинцов.

В штабе было шумно, как и всегда: исследователи продолжали работу, переговариваясь между собой, у двух столов стояли и сидели люди, кто-то входил и выходил, хлопали двери, звонили телефоны.

Дежурил Богаев. Он поздоровался с Ивашурой и снова поднес к губам микрофон, вызывая какого-то «Двенадцатого». Рядом разговаривали Старостин и Одинцов, развернув на столе карту района.

— Проспал, — виновато сказал Ивашура. — Со мной раньше такого не случалось.

— Это я не велел вас будить, — сказал Одинцов. — По моим данным, вы недосыпаете уже третий месяц.

— Не жалуюсь, — махнул рукой Ивашура. — Но, видимо, вы правы, отдых необходим.

— Я слышал, вы контактировали с пауками, — проговорил Старостин. — Есть результаты?

Ивашура поискал глазами Гаспаряна и Рузаева, но в штабе их не было.

— Я отдал магнитофонную кассету в лабораторию на анализ, но ответа пока нет. Но если даже пленка пуста, считаю, что эксперимент проведен не зря: паук выслушал меня. Причем у меня сложилось впечатление, что он не случайно остановился, разрезав сетку, он меня ждал. Когда я подошел, сетка была разрезана на две части и он в любую секунду мог убежать.

— Я не одобряю этого контакта. — Старостин мельком посмотрел на Ивашуру. — Как и Владлен Денисович Богаев. В основном из-за риска. Только что, сутки назад, у Башни погиб человек, и вы снова идете туда, без надежды на удачу, без надлежащей защиты.

— Мы уже говорили с Игорем Васильевичем на эту тему, — вмешался Одинцов. — Просто такие эксперименты нужно готовить тщательнее.

— К сожалению, времени у нас не остается, в том числе и на «контактерские» экспедиции. Башня начинает реально угрожать городу, последняя пульсация добавила к ее толщине почти два километра. До Жуковки осталось семь, до ближайшей деревни — два, до железной дороги — восемь километров. До газопровода — пять. Понимаете?

— Понимаю, — тихо ответил Ивашура. — Что вы предлагаете?

— Пока ничего. Решать надо, к сожалению, в такой момент, когда мы совершенно не имеем свободы выбора. Я понимаю, к чему вы клоните. Да, в сложившейся ситуации мы ничем не можем ответить Башне, кроме ракетного удара по ней. Предлагайте свои способы ее укрощения, причем как можно быстрей.

— А если оттуда ответят?

— Вы можете предложить другой способ? Мирный? Я проголосую за него двумя руками!

— Мирный — это контакт, попытку которого я сделал сегодня ночью! Но угроза городу действительно велика...

— Газопровод снова разорван, — вставил Одинцов. — В городах области имеются разрушения, а в Жуковке — жертвы среди неэвакуированного населения. По-моему, Игоря Васильевича не надо убеждать. Конечно, до нанесения удара еще далеко, и не исключено, что мы успеем к тому времени установить настоящий контакт с хозяевами Башни. По моим сведениям, некоторые ученые разработали — пока в теории — способы остановки роста Башни. Почему бы не применить их на практике?

— Я знаком с этими теориями, — поморщился Ивашура. —

Но любое воздействие на Башню непредсказуемо, неизвестно, чем она ответит, особенно... на ракетный удар.

— Но ведь что-то делать надо! — рассердился Старостин. — Простите.

— А где остальные члены комиссии? — спросил Ивашура.

— Работают, — поднял спокойные глаза Одинцов. — Знакомятся с обстановкой в лабораториях, с имеющимися данными, с людьми. Завтра, наверное, соберем научный совет экспедиции, с тем чтобы выслушать предложения ученых. А пока что комиссия в шоке, если можно так выразиться. Более грандиозного явления никто из ее членов не видел, даже атомный взрыв не сравнится с Башней по масштабам и мощи, я не говорю уже — таинственности.

— Игорь, — позвал Богаев.

Ивашура извинился, подошел к переговорной панели.

— Михаил передает, что пауки снова начали ткать свою паутину, уже заткали всю насыпь у стены Башни. А ведь до пульсации еще далеко. — Богаев снял наушники и посмотрел на Ивашуру. Глаза у него были красные, под глазами набрякли мешки, лицо осунулось, пошло складками.

«Здорово сдал Владлен, — подумал Ивашура с состраданием. — Человеку под шестьдесят, давление, сердце — сколько можно держаться? А скажешь об этом прямо — обидится...»

Вслух же он сказал:

— Очевидно, пауки начинают строить защитный барьер, другого смысла в их строительстве нет.

— На, поговори с ним. — Богаев передал наушники Ивашуре, уступил место у панели. — Я пока разомнусь.

— Что там у тебя, Миша? — прижал трубку к уху Ивашура.

— Я нашел стык старой и новой стен Башни, — донесся голос Рузаева. — Высота — всего пять метров от вала. По расчетам, провал стены внутрь произойдет там в самое ближайшее время, слишком много разрывов и трещин. Если мы хотим прорваться внутрь, лучшего места и момента не найти.

Ивашура сделал два шага вперед и назад.

— Сколько времени в нашем распоряжении?

— Часа два-три.

— Возвращайся, будем готовиться.

— Туда? — подошел Одинцов, давая понять, что знает, о чем идет речь.

Ивашура оглянулся, но ни Богаева, ни Старостина в комнате не было — вышли подышать свежим воздухом.

— Есть шанс прорваться в Башню. В вашей власти остановить нас или...

— Помочь. Вы готовы?

— У нас есть два часа на подготовку. Пойдете с нами?

— Кто пойдет еще?

— Только эксперты моего отдела: Рузаев, Гаспарян.

— Плюс я да пара моих ребят. Этого будет достаточно.

Ивашура хотел было отвести кандидатуры «ребят», но посмотрел на затвердевшее лицо полковника и передумал. В конце концов, двое профессионалов охраны могли пригодиться при встрече с «десантниками» и внутри Башни.

Через три часа группа на вертолете прибыла к участку стены Башни, где намечался ее штурм. Вертолет сел на узкую полосу между стеной и начинавшейся «зоной ужасов» и тут же улетел обратно. Летчик был военный, поэтому спрашивать о цели полета не стал, хотя экипирована группа была как отряд космонавтов для выхода в космос: пятнистые спецкостюмы, шлемы с рациями, ранцы с НЗ, оружие — из арсеналов ФСБ плюс аппаратура — из арсеналов Центра.

«Ребята» Одинцова — спокойные, похожие друг на друга, майор и капитан, к заданию отнеслись серьезно и хладнокровно, не выдав своих чувств ни одним жестом. Одного звали Максим, второго Володя. И оба сразу привычно начали свою работу, прикрыв тыл группы.

— Что дальше? — спросил Одинцов, разглядывая нависающую над головой циклопическую стену Башни, испещренную узором трещин, дыр, ниш и выпуклостей. Хотя «зона ужасов» начиналась в полусотне метров от стены, ее влияние чувствовалось и здесь: казалось, воздух дрожит от неслышного гудения, земля стонет, а стена Башни клонится и вот-вот рухнет на голову.

Ивашура оглянулся на фургон от грузовичка, принесенный вертолетом. Фургон, конечно, не мог обеспечить надежную защиту группы, но внутри него были сиденья и обитые войлоком стены. Десантироваться в Башню предстояло в нем.

— Давайте подтащим наш «батискаф» поближе к стене.

— А потом?

— Потом сядем в него и будем ждать провала стены. Место выбрано таким образом, что при провале нас должно засосать внутрь.

— Принято, — сказал Одинцов.

Ивашура встретил его взгляд и поразился перемене: в глубине глаз полковника читалась мрачная угроза.

— Помощь нужна? — послышался по рации голос дежурного.

— Нет, — очнулся начальник экспедиции, провожая взглядом уходившего Одинцова.

За пятнадцать минут они вшестером перетащили фургон ближе к Башне, оставили на гладком бугре напротив ясно видимых звездообразных трещин с пятнами давних черных извержений,

начали было рассаживаться внутри, и в этот момент один из телохранителей Одинцова дал очередь из «АКМ».

Ивашура выкатился из фургона, снимая с предохранителя свой пистолет-пулемет, понимая, что зря стрельбу никто открывать не станет. Он увидел кошмарную фигуру, вылезавшую слева из-за груды камней и земли: две ноги, четыре лапы, голова кобры, пластинчатая броня на туловище. Монстр сделал движение одной из лап, бросая нечто вроде стеклянного шара в телохранителя Одинцова, но тот с не меньшей быстротой и ловкостью расстрелял этот шар в воздухе короткой очередью в четыре патрона. Шар превратился в облачко дыма, коснулся почвы и проделал в ней приличную яму в метр глубиной.

Обезьянозмей вылез на вал весь — ростом с двухэтажный коттедж, а за ним вынырнули три фигуры в странных дымчатых одеяниях, делающих их то совсем невидимыми, то блестящими, как глыбы металла. Ивашура понял, что «десантники» ждали их специально, зная, что готовится экспедиция внутрь Башни. Но выяснять, откуда им стало известно о готовящемся походе, было уже некогда.

— Стрелять по ситуации, — быстро сказал Одинцов. — Я вызываю подкрепление. Или отступим?

— Не успеем, — так же быстро ответил Ивашура. — И у них необычное оружие, от него не убежишь и не увернешься. — Он вытащил свой бластер и сделал один выстрел под ноги шагнувшему к ним монстру. Крикнул: — Стойте, где стоите! Иначе откроем огонь на поражение! Что вам нужно?

— Ничего, — ответил гортанным голосом один из «десантников», ответным ударом уничтожая фургон, из которого едва успел выскочить Гаспарян. Второй выстрел пришелся на Одинцова, но полковник умел не только приказывать и за мгновение до вспышки упал за обломок камня.

Казалось, вот-вот должна была начаться перестрелка, грозившая взаимным уничтожением, но в этот миг неожиданно появились еще действующие лица. С гулом и грохотом на валу у стены Башни появились три черных всадника на громадных кентаврах. С шипением ударили зеленые клинки молний, отбросив «десантников» за пределы видимости и заставив отступить змееголового монстра. Снова сверкнули молнии, врубаясь в тело шестилапого исполина, и тот исчез, спасаясь бегством, вслед за своими соратниками.

Один из всадников оглянулся, сверкнул единственным рубиново светящимся глазом, и тотчас же цепь кентавров тяжелой рысью устремилась вниз по склону вала, спустилась на снежную равнину, подминая копытами кусты и низкорослые деревца, оставляя на снегу огромные круглые черные следы. Взвихрившаяся

снежная пыль на мгновение скрыла их, дробный топот удалился, наступила тишина...

Люди молча смотрели им вслед, переглянулись.

— Что это еще за... — начал Одинцов, но Ивашура прервал его:

— Все сюда! Не время задавать вопросы. Будем держаться вместе, плотно, сейчас начнется... — Он не договорил.

Со всхлипом часть стены Башни провалилась внутрь, и страшная сила отрицательной ударной волны дернула всю группу в образовавшийся провал, засосала всех, кроме одного из телохранителей Одинцова, как засасывает мелкие песчинки шланг пылесоса...

Часть IV

ВЛАДЫКИ

ГЛАВА 1

Павел впервые переступил порог кабинета Ромашина. Комиссар безопасности Евроазиатского континента понял его состояние, но остался сдержанно-официальным. Прошел к своему столу с черной матовой поверхностью, однако не сел и гостю сесть не предложил. Взглянул на инспектора.

Жданов стоял совершенно неподвижно и смотрел на комиссара-два желтыми глазами, в которых можно было прочесть лишь непробиваемое спокойствие и порой иронию — если нюансы разговора становились понятны обоим до словесного объяснения.

Он был высок, но из-за развитой мускулатуры казался массивным, форму инспектора носил с подчеркнутым щегольством, что говорило о собранности, аккуратности и чувстве собственного достоинства. Лицо у инспектора было несколько замкнутым, лишенным мимики — печать долгой работы в пространстве при отсутствии больших человеческих коллективов, но умный, проницательный взгляд выдавал в нем характер незаурядный.

— Прошу прощения, — сказал наконец Павел, выдержав оценивающий взгляд комиссара. — Мне не очень ясно, почему меня вызвали в земной сектор.

Павел удивился не зря. Он был инспектором безопасности дальних космических экспедиций, а Игнат Ромашин возглавлял отдел безопасности научных исследований УАСС Земли. Служба одна, но разные направления, объекты, задачи. И вдруг его вы-

зывают в Центр, отстраняют от прежней работы и приглашают в наземный сектор...

— Объясню. — Ромашин изменил позу, задумался, не отводя глаз.

«Интересный тип, — в свою очередь, подумал Павел. — Молод, но виски седые, скуп на эмоции, а лицо простое, разве что менее открытое и более твердое, но это уже характер. Выдержка у него, надо полагать, не уступает моей. А кожа подбородка и шеи, похоже, регенерирована — заметны глянцевитость и слегка розовый цвет...»

— Во-первых, у вас за плечами десятилетний стаж работы в космосе, — продолжил Ромашин, — а космос воспитывает в человеке умение мыслить раскованно, нестандартно, нестереотипно. Во-вторых, по образованию вы физик, что немаловажно, в-третьих, незаурядный спортсмен. Есть и в-четвертых, но об этом поговорим отдельно.

— Звучит интригующе.

— Увы, я вынужден говорить туманно, особенно что касается выбора вашей кандидатуры. Вернемся к главному. Я введу вас в курс дела, дам связь, код выдачи информации. Будете работать по своим планам и своим методам. Сразу отмечу: параллельно с вами будут работать и уже работают другие группы нашего отдела, но пусть это вас не смущает, дублирование необходимо, потому что положение дел требует исключительных мер, каких — не знает пока никто. Теперь я покажу то, из-за чего, собственно, вы находитесь здесь. — Не сходя с места, Ромашин дал команду инку кабинета, и тот в объеме развернул пакет информации о катастрофе в лаборатории времени. Закончилась подача зрелищем хроноквантового ускорителя: двухкилометровая его башня внезапно вспыхнула голубым мигающим светом, с ее вершины сорвалась в небо исполинская голубая молния, вздрогнула земля, чудовищный вихрь ударил во все стороны от стен башни, вырывая с корнем сотни и тысячи деревьев...

Запись закончилась.

Ромашин изучающе смотрел на инспектора.

— Теперь вы знаете почти все. Главными консультантами для вас будут Атанас Златков, бывший заведующий лабораторией времени, и хронофизик, вернее, инженер-хрономеханик Игорь Марич, непосредственный участник эксперимента. Он единственный... — Ромашин снова изучающе взглянул в глаза Павлу, — кто остался жив из всего персонала лаборатории. Итак, вы видели, как это произошло. Последствия катастрофы плачевны. Повреждена орбитальная станция дальнего обнаружения, она в момент эксперимента проходила над лабораторией. Вокруг башни хроноквантового ускорителя, которую мы называем проще —

Ствол, лес и... все остальное уничтожено в радиусе десяти километров. Нарушен тепловой баланс региона. К Стволу подойти невозможно из-за хронопены — темпоральных эффектов, здание лаборатории уцелело, но проникнуть внутрь никому не удалось.

Ромашин помолчал. Павел тоже молчал, потом проговорил:

— Извините, но я все же не понимаю, чем вызван режим бедствия. Эксперимент не удался, произошла катастрофа, нужно провести расследование причин, устранить последствия... Так? Обычная формула работы линейных отделов Управления. Где здесь работа для безопасности?

— Эксперимент не просто не удался, он вышел из-под контроля и... продолжается до сих пор! Хронобур — генератор-инициатор реакции хронораспада — провалился в прошлое на сотни миллионов, а может быть, и на миллиарды лет. Но главная беда в том, что Ствол неустойчив, колеблется во времени, возможно, генератор продолжает работать и уходит все глубже в прошлое. К чему это может привести, неизвестно. Ваша задача — выяснить степень вины человеческого фактора.

Павел безмолвно переваривал сказанное. У него уже скопилось немало попутных вопросов по мере того, как собеседник продолжал рассказ, но высказывать их вслух было преждевременно. В отделе хранится полный отчет о происшествии, и знакомство с ним наверняка отсечет большинство вопросов.

— Запишите код информационного канала нашего отдела. — Ромашин продиктовал семизначное число. — Вопросы ко мне есть?

— Есть, но задам я их позже, если не возражаете. Могу я начать работу сегодня?

— Можете, я только что хотел просить вас об этом. Ваш кабинет рядом, комната двести семь.

Ромашин поколебался немного, все еще не спеша сесть за свой рабочий стол, затем сказал:

— Возможно, моя просьба покажется вам странной, но... будьте все время начеку. Обращайте внимание на любые мелочи, странности, опасные происшествия и держите себя в постоянной готовности...

Павел ожидал продолжения, не выказывая удивления, и думал, что комиссар з н а е т о случившемся в экспедиции, о его встрече с «санитарами». Но не говорит. Почему? Что за странная манера недоговаривать?

— Хорошо, — кивнул он с непроницаемым лицом. — Я всегда держу себя в форме. У вас все?

Ромашин едва заметно усмехнулся, кивнул, хотя сомнение в его глазах не рассеялось. Он ждал чего-то, а дождался ли — неизвестно.

На столе комиссара вспыхнула гроздь цветных огоньков, зазвучал голос инка:

— Контроль-один, контроль-два — норма, контроль-три — колебания поля, контроль-четыре — граничные эффекты запредельной передачи.

— У меня все, — зачем-то добавил Ромашин, и Павел вышел, коротко поклонившись.

По его мнению, абракадабра, сообщенная инком, могла расшифровываться следующим образом: защиту кабинета кто-то пытался нейтрализовать, чтобы подслушать, о чем разговаривает хозяин кабинета. И неизвестному злоумышленнику это, по всей видимости, удалось.

Придя к такому умозаключению и приняв его к сведению, Павел нашел дверь с номером «207», осмотрел свой оперативный служебный модуль, называемый по старинке кабинетом, и сделал вывод, что кабинеты любой организации стандартны до тех пор, пока не носят отпечаток личности владельца. В этом работал, очевидно, кто-то назидательно-нудный, угрюмый, пожилой, любящий порядок и дисциплину. Этакий педантичный зануда с лысиной в полчерепа.

На стене висели два листка пласт-папира. На первом красовалась надпись: «Прежде чем сделать — подумай!», на втором — пункт номер тринадцать Инструкции УАСС, именуемый в просторечии пунктом «срам», который расшифровывался как «сведение риска к абсолютному минимуму». Интересно было бы взглянуть на прежнего хозяина кабинета. Неужели в отделе есть такие личности? Впрочем, хозяином мог быть и новичок, стажер, заучивавший инструкцию наизусть.

Павел заглянул в кабину метро: пусто, чисто, на стенке карта станций выхода, на другой — крохотная панель с одним-единственным индикатором и сенсором включения, игла задатчика перемещения. Вставляешь иглу в гнездо на карте, дуешь на сенсор, и ты за тысячу километров отсюда или за миллион, а то и за сто световых лет...

Павел сел за пульт координатора, посмотрел на часы и повернул ключ подачи питания.

ГЛАВА 2

С высоты в пять километров колонна хроноускорителя выглядела блестящей белой трубой, из которой струилось марево нагретого воздуха. Труба торчала посреди черной холмистой равнины, рассеченной надвое голубоватым лезвием реки. На равнине кое-где в низинах сохранились останки деревьев, обугленные

пни, угрюмо отблескивали перламутровой глазурью оплавленные остовы зданий. Пятиэтажный куб здания лаборатории у стены Ствола выделялся на черно-сером фоне неестественной фосфорно-снежной белизной.

— Эра Больших и Могучих дел... — пробормотал сосед Павла, щуря глаза с ироническими огоньками в глубине.

Павел покосился на него. Среднего роста, жилист, малоразговорчив, лицо жесткое, волевое, в оспинах мелких шрамов, глаза темно-карие, почти черные. Инженер-хрономеханик Игорь Марич. Впечатление такое, будто его неотступно гложет какая-то мысль.

Их познакомил в кабинете Павла Ромашин, и оба сразу направились к месту происшествия: до Брянска на метро, оттуда в район катастрофы на патрульном куттере.

На небольшой панели управления аппаратом мигнул желтый огонек, звякнул сигнал вызова. Марич, сидевший на месте пилота, тронул сенсор связи.

— Контроль-два, — раздался в кабине грассирующий баритон. — Борт-икс, вы находитесь в зоне работы аварийно-спасательной службы. Ответьте волне «триста».

— Все в порядке, Второй, — ответил Марич в желудь микрофона над плечом куртки. — Машина инспектора Жданова, отдел «Б». Вам должны были сообщить.

— Включите автоответчик, иначе вас будут запрашивать каждую минуту. Спокойной работы.

Марич выжидательно посмотрел на Павла. Пора действовать, понял он. Вспомнил строки отчета о предварительном расследовании катастрофы в лаборатории времени.

Расследование, проведенное экспертами УАСС и учеными Академии наук, специалистами хронофизики и физики единого поля, мало что разъяснило. Ни в здание лаборатории, ни в башню хроноускорителя проникнуть не удалось, и отчет изобиловал словечками «предположительно», «возможно», «вероятно». Со времени катастрофы прошло полторы недели, но до сих пор известно о ней немного, в сущности, только то, что рассказал Ромашин.

— Давайте сядем поближе к зданию лаборатории, — предложил Павел.

— Ближе чем на два километра не подойти. Вокруг Ствола установлен защитный барьер во избежание...

— Тогда сядем у барьера.

Куттер плавно заскользил вниз.

— Лаборатория снабжалась энергией централизованно, через земную энергосеть или имела собственный реактор?

— И то и другое. — Марич говорил отрывисто, хрипловато и

тихо. — Реактор вмонтирован в Ствол на двадцатом горизонте — стандартный кварк-кессон. Мощности его хватало только на поддержание резонанса в ускорителе, но в настоящее время Ствол излучает в инфра- и радиодиапазонах в два раза больше энергии, чем может дать реактор. Внутренних источников ускоритель больше не имеет, внешние отключены, значит, откуда-то идет подкачка.

Куттер бесшумно спланировал на вершину невысокого холма, покрытого коричневой губчатой массой, похожей на пемзу.

— Вы хотите сказать, что Ствол откуда-то выкачивает энергию скрытно?

— Выкачивает, но не в нашем времени! Если эксперимент удался, то Ствол в настоящее время является каналом, соединившим наше время с прошедшими эпохами. Выходить будем?

— Пожалуй, на минуту. Потом познакомите с Центром.

Из отчета Павел узнал, что Управлением аварийно-спасательной службы создан специальный пояс защиты вокруг лаборатории. Пояс включал в себя посты наблюдения и контроля за пространством, передвижные генераторы силовых полей, излучатели антиматерии, сейсмостанции, установки зондирования горных пород, локаторы и другую технику. Управлял всем сложным комплексом защиты Центр, начальником которого был назначен Атанас Златков, доктор хронофизики, бывший заведующий лабораторией времени.

Марич вылез из кабины и прошелся по голой поверхности холма, разминаясь. Из-под ног при каждом шаге всплывали облачка желто-коричневой пыли. Павел вылез следом.

— Расскажите о цели эксперимента. В отчете описаны только его последствия. Вы ведь во время эксперимента находились в здании лаборатории?

Марич отрицательно качнул головой, изучающе посмотрел на Павла. Оспины на его лице потемнели.

— Я был в бункере независимой аппаратуры под зданием лаборатории. Бункер имеет отдельный выход, но сейчас он разрушен. Вы по образованию, простите, кто?

— БИС-мастер.

— А-а... конструктор больших информсистем? Что заканчивали? Рязанский Интех?

— Московский Энгу.

— Неплохо, но все же придется упрощать. Давно известно, что путешествие во времени невозможно без перемещения в пространстве. Земля вращается и движется вокруг Солнца со скоростью тридцать километров в секунду. Солнечная система перемещается в пространстве со скоростью двести километров в секунду. Движется Галактика в межгалактическом вакууме, не стоит на

месте скопление галактик... Короче, чтобы попасть хотя бы в прошлый миг и в ту же выбранную точку на Земле, необходимо с небывалой точностью рассчитать, где была Земля мгновение назад, и лишь тогда пробивать хроноскважину. Вы знакомы с расчетами Геделя частных эффектов теории относительности?

— В общих чертах.

— Его расчеты используются и в хронофизике. Мы рассчитали и осуществили геделиану[1] на практике. Посылали зонды в прошлое на сотни лет и возвращали обратно.

— Неужели расчеты так точны?

— Для проникновения в прошлое даже на тысячу лет точности расчетов, конечно, не хватало, но мы обошли это препятствие тем, что ввели самофокусировку хроноскважины.

— И на время эксперимента канал хроноскважины сохраняется?

— Вы хорошо схватываете суть. В ходе эксперимента «стволом дискретного временного пробоя» связываются все миллионы Земель в различные эпохи.

— Что же произошло в последнем эксперименте?

— Мы решили уйти в прошлое на глубину в пять миллиардов лет, к моменту образования Земли. — Марич нахмурился. — Но хронобур почему-то глубже одного миллиарда лет не шел, несмотря на увеличение мощности пробоя, словно напоролся на слой времени повышенной твердости. И тогда возникла идея применить направленную реакцию хронораспада.

— После чего и произошла катастрофа?

— Не знаю. Раз двадцать мы запускали хроноускоритель без ощутимых результатов. На двадцать первый... он включился самопроизвольно.

— Как такое возможно?

— К такому выводу пришли эксперты. Но я в эту гипотезу не верю. В Ствол встроены четыре системы безопасности, не позволяющие ему включаться не только спонтанно, но даже если бы кто захотел включить отдельные его системы. Нет, хронобур был инициирован специально кем-то, кто хорошо знал, чем все закончится.

— Но кому это могло понадобиться?! И для чего? Если все знали, что сверлить время опасно... Хотя, может быть, такие вопросы задавать преждевременно. Однако вы не могли не посчитать для себя, что послужило причиной катастрофы.

— Не люблю гипотез, — хмуро отрезал Марич. — Я не хронофизик-теоретик, а инженер-механик, практик, время для меня

---

[1] Петля времени, названа по фамилии Геделя Курта, австрийского логика и математика.

осязаемо в металле аппаратуры. Вам лучше поговорить со Златковым, начальником Центра, у него идей много.

— А все же? Разве у вас нет своего мнения?

— Считаю, что хронобур ни при чем. — Тон речи Марича остался прежним. — Башня хроноускорителя снизу доверху напичкана системами безопасности и контроля, автоматически прекращающими эксперимент при малейшей опасности. Нет, я не знаю, что случилось.

— Что ж, — вздохнул Павел, — и на том спасибо.

Он достал бинокль и принялся внимательно рассматривать белоснежное здание лаборатории с черными провалами окон. Казалось, все помещения заполнены странным черным дымом, не рассеивающимся со временем и не вытекающим наружу.

Вдруг из-за здания выпрыгнуло круглое черное пятно и стремительно помчалось к близкой белой стене Ствола. Павел разглядел паукообразное существо с длинными суставчатыми ногами, двумя парами глаз, глянцевитым эллипсоидом тела. Поглядывающий на инспектора Марич вскинул к глазам свой бинокль.

— Конкистадор, — пробормотал он через минуту. — Автомат обслуживания ускорителя и оборудования лаборатории. Вполне самостоятелен, дитя второго поколения мыслящих автоматов.

Павел повел биноклем в сторону и в километре обнаружил ряд черных труб, направленных на белую башню хроноускорителя. Трубы иногда неторопливо ворочались из стороны в сторону и становились похожими на стволы орудий древних линкоров.

Павел повернулся к ним спиной.

— Поехали. Центр далеко отсюда?

— Почти под нами.

Центр пояса защиты представлял собой подземный бункер с энергохозяйством и собственным киб-интеллектом высокого класса. Зал управления и контроля площадью в триста квадратных метров был занят низкими, зализанными пультами автоматического монитора защиты, аппаратуры наблюдения, контроля параметров среды, связи и передачи информации. Стены зала служили экранами комбайнов оперативной связи и наблюдения, на один из них был выведен геологический разрез земли до глубины в километр в том месте, где стоял Ствол: на фоне коричнево-черных пластов с вкраплениями красных, оранжевых, желтых полос и трещин — голубоватая круглая колонна, постепенно растворяющаяся в породах равнины на глубине в двести метров.

Людей в зале работало мало — всего пять операторов. Атанас Златков сидел в кресле возле одного из пультов, на рукаве его плотной рубашки выделялся алый ромб с маленьким серебряным сфинксом.

Это был крупный смуглый мужчина с шапкой блестящих черных волос, медлительный и, как показалось Павлу, несколько апатичный. В дальнейшем оказалось, что Златков склонен к быстрым сменам настроения, умеет переходить от конкретной ситуации к сжатой формулировке и абстрактным размышлениям.

— Вы далеко не первый, кто является ко мне с просьбой объяснить причины катастрофы, — сказал он в ответ на вопрос Павла. — Но специалисты вашего ведомства не любят иметь дело с домыслами, им подавай факты, не так ли?

— В общем верно, — согласился Павел, решая, как вести себя с этим известным всей планете ученым. — Вы хотите сказать, что факты, которые знаете вы, в равной мере знают все остальные и что новых фактов не прибавилось. Угадал?

Златков с проснувшимся на мгновение любопытством окинул Павла взглядом.

— Профессиональная интуиция? Впрочем, неважно, новых фактов у меня в самом деле нет. — Он нахмурился, помолчал. — Самый странный из фактов — спонтанное включение Ствола... хронобура. А самый страшный — гибель коллег! Погибли замечательные ученые и механики, готовящие эксперимент... А я вот цел и невредим. И Маричу повезло, он тоже уцелел чудом.

Павел промолчал. Трагедия была настолько свежа в памяти этого человека, что любой вопрос о лаборатории воскрешал события и бередил душу. Но не спрашивать инспектор не мог.

— Ничем помочь вам не могу, — добавил Златков. — Причины самозапуска Ствола неизвестны. Зато известны последствия. Связи с лабораторией нет, внутрь до сих пор пробиться не удается. Обычные жестко запрограммированные киберы просто не возвращаются, а конкистадоры не хотят подходить к зданию даже на сто метров. Знаете, что такое конкистадор?

Павел вспомнил биомеханического паука и кивнул.

— Странное название для кибера.

— Так их назвал сам создатель Фелипе Мендоса, вероятно, из-за того, что предназначались они специально для нашей лаборатории и первыми должны были завоевать время. — Златков задумался, хмуря густые широкие брови, нервно побарабанил пальцами по панели пульта. — В результате эксперимента оказались связанными Стволом хроноскважины сотни Земель в различные временные эпохи и в разных точках пространства. На основе тех данных, которыми располагает Центр, я высчитал, что Ствол соединил не менее трех сотен эпох с промежутками в десятки, сотни тысяч и сотни миллионов лет. Сам хронобур, вероятнее всего, провалился глубже пяти миллиардов лет в историю Земли и не вышел из резонанса. С большим трудом мы получаем

крохи информации о точках выхода Ствола на поверхность Земли, но помочь конкистадорам не в силах, им приходится самим удерживать Ствол на грани полного распада. Если бы не они...

— Мне говорили, — кивнул Павел. — Произошла бы цепная реакция хронораспада.

— Мы посылаем конкистадоров в Ствол сотнями, возвращаются единицы, да и те почти без памяти. Вероятно, выход из Ствола в реальное время чреват перепадами темпоральных ускорений, стирающими информацию на молекулярном и атомарном уровнях. Мы, конечно, ищем способы проникновения в Ствол человека, но задача исключительно сложная, необходимы опыты на животных, и нужен доброволец, который спустился бы вниз по Стволу и отключил генератор... — Златков покачал головой, чуть поморщился и снова надолго задумался, уйдя мыслями в себя. Павел терпеливо ждал, посматривая на экраны, показывающие пейзажи вокруг Ствола.

— Собственно, это все, что я могу сообщить, — с неохотой проговорил начальник Центра, очнувшись от своих размышлений, скорее всего невеселых. — Наука о времени, к сожалению, недетерминистская наука. Она не дает однозначных ответов, а предлагает несколько вариантов с разной вероятностью. Коллеги-хронофизики более осторожны в выводах, но они не знают того, что знаю я о работе ускорителя. А я... я боюсь, что генератор хронораспада провалился так глубоко, что нам его уже не достать. Понимаете, на чем висит человечество?

Павел вдруг почувствовал мимолетную неприязнь к этому человеку, наделенному властью и ответственному за безопасность не только отдельного коллектива, но и, может быть, всего рода людского на Земле.

— Если ваши эксперименты со временем так опасны, — тихо произнес он, — то почему вы не объявили мораторий на их проведение?

Начальник Центра откинулся в кресле, побледнел, но глаза его сохранили прежнее равнодушное выражение.

— Прежде чем экспериментировать, ученые создали теорию хронопрокола, или, если хотите, бурения времени. И до последнего опыта теория и практика сходились даже в деталях, так что ни о каком моратории речь не шла. Кстати, за нашей работой пристально следила СЭКОН, а эта организация, как известно, применяет свои особые полномочия весьма успешно.

— Простите, я поторопился с выводами. И все же, несмотря на расчеты, контроль и прогнозы, катастрофа произошла. Подвела техника, наука, теория? Халатность конкретного человека?

— Халатностью назвать подобное происшествие нельзя. Что-

бы запустить хронобур, надо было знать коды запуска отдельных его систем. Ни один человек из Центра этого не знал... кроме Шкодана и меня. Но я генератор не запускал. Хотя до сих пор уверен: катастрофа не должна была случиться. Если только в эксперимент не вмешался кто-то чужой... Но об этом мы поговорим в другой раз. Извините, меня ждут. Марич в курсе всех событий, в качестве гида он будет незаменим.

Павел кивнул и отошел.

— Неужели вы заставили шефа задуматься о чем-то еще, кроме науки? — с уважением спросил поджидавший его Марич. — Мало кому это удается.

— Вы с ним не дружите? — спросил Павел.

— А что, заметно?

— Есть немного. За что вы его не любите?

— «Не любите» — слишком громко сказано, скорее мне его жаль. Он теоретик в кубе, для него существуют прежде всего наука, его драгоценные сверхоригинальные идеи, а потом все остальное.

Павел промолчал. По его мнению, Златков искренне скорбел о гибели сотрудников, что же касалось его личных качеств — спешить с выводами не стоило.

Инспектор прокрутил в памяти разговор с начальником Центра защиты. Больше всего его насторожила брошенная вскользь фраза о вмешательстве в эксперимент кого-то чужого. Неужели такое возможно? Но кто мог вмешаться? По данным косморазведки, в звездном рукаве Галактики — рукаве Ориона, к которому относится и Солнце, нет цивилизаций, достигших уровня земной. Но, может, такие цивилизации были в прошлом?..

— Спасибо за информацию, — сказал Павел Маричу, выжидательно смотревшему на него. — Сегодня я вас больше пытать не буду.

Инженер кивнул, пожал протянутую руку и, повернувшись, сказал через плечо:

— Буду нужен — найдете меня у прибористов Полуянова.

Павел присел на свободный стул у стены зала, соображая, чем заняться в первую очередь. Ему надо было ознакомиться с отчетом об экспериментах лаборатории, начиная с момента пуска хроноускорителя, проанализировать рост энергозатрат, запросить информацию о сотрудниках и конструкторах, а также собрать данные наблюдений за Стволом, параметры среды вокруг него. Кроме того, следовало составить сводку странных фактов о работе ускорителя до катастрофы и после. И все это за один день.

Паук не убегал, смотрел на Павла выпуклыми прозрачно-желтыми линзами глаз размером с детскую ладонь, шевелил двумя парами передних лап и словно прислушивался к словам человека.

— Иди сюда, дурачок, — ласково повторил Павел. — Не бойся, ничего плохого тебе не сделают.

Стоявший рядом инженер Центра Полуянов усмехнулся в усы.

— Не пойдет. Эвристограммы и память у него, очевидно, стерты, работают только узлы механоинстинктов. Он не убежит, но и не пойдет. Придется оглушать радиошумом.

Они стояли в трех километрах от белой колонны Ствола в низинке между двумя пологими холмами. По дну низинки стлался ручей с рыжей водой, кое-где на склонах сквозь корку такыра проклюнулись зеленые стрелки травы: жизнь понемногу возвращалась на черно-коричневый полигон смерти. Оба — инженер и Павел — были в прозрачных пленочных скафандрах, перепоясанные ремнями антигравов.

— Команда «ноль»! — отрывисто произнес инженер, усилив мощность звукопередатчика. — «НОЛЬ»!

Паук вздрогнул, в нерешительности переступил на месте всеми шестью лапами, но выполнять приказ не спешил.

— Я же говорил. — Полуянов снял с пояса сетчатый карандаш радиомаяка. — Хорошо, что сумел вырваться оттуда. За сей подвиг мы попробуем тебя вылечить, дружище.

Всплеск радиоизлучения на определенной частоте заставил конкистадора подскочить вверх на добрых полтора метра, откуда он упал недвижимой массой.

— Забираем.

Они подхватили сорокакилограммового паука, запеленали в пластиковый мешок и упрятали в багажник поджидавшего их неподалеку куттера.

— Вези в лабораторию, Боря, — сказал инженер пилоту. — Мы скоро вернемся на своей малой тяге.

Павел посмотрел на часы: с момента сигнала наблюдателя о выходе конкистадора из Ствола прошло чуть более сорока минут.

Они достали бинокли и принялись рассматривать Ствол.

— Почему он белый? — спросил Павел спустя минуту. — Разве это его естественный цвет?

— Нет, он был голубовато-серым, каркас Ствола — силовое поле сложной конфигурации, а наполнитель — порошкообразная высокомолекулярная кремнийорганика. Никто не знает, почему цвет стен изменился, химики до сих пор заняты анализами.

— Вы пробовали подойти к стене, взять пробы?

— Анализы можно сделать и на расстоянии, но человеку к стене Ствола в обычных скафандрах не подойти — сработает базисная система безопасности ускорителя.

— Что это значит?

— При автоматических запусках ускоритель уходит в прошлое без людей, и, чтобы не допустить к нему наших хвостатых и бесхвостых предков, а также другую любопытную фауну, дабы сохранить им жизнь, в Ствол вмонтирован контур гипноиндуктора. При приближении к ускорителю всему живому внушается одна из самых простых деадаптирующих реакций: страх.

— И много таких систем безопасности?

— Три. Первая — сигнальная, это обычные предупреждающие световые и радиосигналы, вторая — гипноиндукция, третья — инфразвуковая, отпугивающая.

— И все три линии рассчитаны не на современную эпоху. В наше время от каждого способа есть своя защита.

— Я уже говорил, линии рассчитаны на социальный потенциал наших далеких предков. Разработка защитных барьеров уже оправдала себя как в прошлые запуски, так и в последнем эксперименте.

— Откуда это известно?

— По сведениям конкистадоров.

— Но у них же, сами говорили, при переходе из Ствола в наш мир стирается память.

— Стирается, но кое-что все же удается восстановить. Поэтому мы знаем почти обо всех точках выхода Ствола в другие времена. Первая из них — двадцать первый век, вторая — двадцатый, третья — десять тысяч лет назад и так далее. Более того, есть подозрения, что в Стволе находятся случайно попавшие в момент хронопрорыва люди. Во всяком случае, о двоих из них мы знаем точно: мужчина и женщина. О других сведения скудные.

— Почему же об этих двоих известны такие подробности?

— Не поверите. — Полуянов опустил бинокль. — Они, вероятно, наткнулись на штабель МК-батарей и прихватили с собой одну обойму. А вы, наверное, знаете, что МК-батарея излучает в радиодиапазоне на сверхнизких частотах. Конкистадоры по пеленгу всегда могут определить точно, где находится МК-батарея. Знали ли бедняги-пленники, что в их руках океан энергии, которой им с лихвой хватило бы на всю жизнь?

— И где эти двое сейчас?

— По самым последним донесениям — в мезозое и уходят все глубже и глубже. Пошли отсюда, сейчас будет коррекция.

Не успели они пролететь и сотни метров, как Ствол вдруг приобрел голубоватую окраску, потерял монолитную плотность скалы, стал водянистым, полупрозрачным. Гулкий удар прока-

тился над холмами, и тотчас же со всех сторон в Ствол вонзились огненно-зеленые стрелы, оставив после себя шлейфы изумрудных искр. Раздалось ядовитое шипение, перекрывшее все остальные звуки. Вторая волна зеленых молний с шипением и свистом накрыла Ствол. С холмов смело пыль, словно ударами исполинской плети.

Павел заметил, что огненные стрелы вылетали из черных труб, с угрозой глядевших на колоссальную трубу Ствола.

Шипение и свист стихли, на землю легла удивительная, неестественная тишина. Она угнетала, внушала тревогу, противоречила здравому смыслу, потому что такая тишина могла существовать только в вакууме, где отсутствует среда, передающая звук.

Павел оглянулся на спутника, терпеливо ждущего неподалеку. Инженер что-то сказал, но звука не было слышно, словно у Павла заложило уши или отказала рация. Тогда Полуянов махнул рукой вперед и включил антиграв. Павел устремился следом.

Через минуту они выскочили из «мешка» тишины: в ушах словно лопнула пленка, не пропускавшая звуки, и стали слышны шорохи, посвисты ветра, далекие удары, гонг, бормотание громкоговорителей и шумы каких-то машин.

— После разряда хронооптимизаторов — тех черных труб — в зоне разряда вокруг Ствола на полчаса образуется область белого шума, — пояснил инженер. — Молекулы воздуха «вибрируют» по закону фрактала, звуки в этой области гаснут мгновенно.

Они опустились у холма, в склон которого были врезаны двери Центра защиты.

— Последний вопрос, — заторопился Павел, видя, что Полуянов собирается идти по своим делам. — Для чего нужны эти коррекции?

— Ствол все время плывет то в прошлое, то в будущее, — на ходу принялся объяснять инженер, пока они шли по коридору. — Все это из-за несовмещения масштабов Земли сегодняшнего дня и Земли прошлых веков. Вселенная эволюционирует, изменяются все ее параметры, в том числе и физические константы: времени, гравитационная, солнечная, постоянная Хаббла и другие, поэтому и масштабы предметов и явлений в различные моменты истории неодинаковы. По мере развития хроноскважины — «ствола абсолютно свободного времени» в прошлое происходит накопление временных потенциалов, так называемых «производных энтропии», и сброс масштабов — хроносдвиг. Чтобы сбросы были минимальными, мы и прибегаем к коррекции, в нашем времени — внешней, достаточно эффективной: Ствол, как видите, остается неизменным. В других эпохах коррекцией занимаются конкистадоры, там дела, вероятно, обстоят много хуже. Ну вот, пришли. Заходите, если понадоблюсь.

Павел снял скафандр в специальном боксе и направился в зал контроля, где его должен был ждать Марич.

В зале едва слышно играла музыка, раздавались негромкие голоса операторов связи, наблюдателей, специалистов разных отделов Академии наук. Златкова в зале не оказалось.

Павел пожал холодную и сухую руку хроноинженера. Марич выглядел уравновешенно-угрюмым, у него были красные глаза, словно он всю ночь читал.

— Ну что? — спросил он рассеянно. — Есть новости?

Инспектор не ответил. В обычной для него обстановке, в космосе, он действовал методом отождествления себя с виновником аварии или катастрофы, проходя этап предварительных размышлений в темпе погони, основываясь больше на интуиции, точно угадывая доминантные стороны характеров людей. Но в тех случаях были живы свидетели катастрофы, а то и сам виновник. Случай с лабораторией времени отличался от остальных тем, что из сотрудников лаборатории уцелел только Игорь Марич, не сохранилось ни записи эксперимента, ни упоминаний о его задачах и масштабах, ни каких-либо документов, могущих пролить свет на тайну катастрофы.

Проанализировав полученные сведения, Павел отметил два необычных факта: первый — трижды за историю существования лаборатории во время бурения хроноскважины энергопотребление ускорителя резко увеличивалось и тут же исчезало совсем, второй — полгода назад, в самый разгар штурма миллиардного рубежа, хроноускоритель вдруг заработал сам, ночью. Виновников спонтанного включения не нашли.

— Хотелось бы уточнить следующее, — произнес Павел. — У погибших сотрудников лаборатории остались друзья, которые, возможно, что-то могут рассказать об их поведении, настроении, передать последние разговоры перед катастрофой. Кроме того, интересны их высказывания о новых явлениях, друг о друге. А еще меня интересует техника защиты от хронопены. Можете дать консультацию?

Марич оценивающе посмотрел на Павла.

— Зачем это вам?

Павел вежливо улыбнулся, ему казалось, что все понятно и без слов. Инженер отвел глаза.

— Приходите сюда завтра к десяти, я вас проконсультирую.

В тоне его проскользнули насмешливые нотки, но Павел не придал этому значения.

«Итак, в экспериментах лаборатории много странного, — подумал он, глядя на белую колонну Ствола в центральном виоме. — Пока что я имею два таких факта, не оцененных по достоинству предшественниками. Надо будет изучить их подробнее и

поискать факты в архивах Академии, где хранятся копии всех научных отчетов лаборатории. Куда же запропастился Златков? Он тоже мог бы сообщить мне обо всех необычных событиях в лаборатории. Прячется он от меня, что ли?»

До конца дня Павел побывал в архиве Академии наук, но больше ничего странного в отчетах лаборатории времени не обнаружил.

— Самое страшное из всего, что только можно было представить, — сказал ему, посмеиваясь, работник архива, — то, что время обратимо, что мы можем путешествовать в прошлое, если бурение хроноскважины можно назвать путешествием. Вы согласны?

Павел был согласен, хотя думал о другом. В Управлении он встретился с Ромашиным.

— Наши специалисты в техсекторе уже занимаются скафандрами, — сказал начальник отдела. — Зайдите, поинтересуйтесь. Решение, кстати, уже найдено.

— Комплексы противоядерной защиты?

— Противоядерные коконы в условиях «вспененного времени» не годятся, а капсулы высшей биологической защиты слишком громоздки, в здание лаборатории в них не пройти. По заданиям пятидневной давности техсектор создает спецкостюм, через пару дней он будет готов, я узнавал.

— Прекрасно, зайду обязательно.

В кабине номер двести семь Павел переоделся в вечерний костюм, а когда собрался уходить, позвонил Марич:

— Какие у вас виды на вечер?

— Никаких, — честно признался Павел.

— Тогда жду в Центре у прибористов... Хочу предложить небольшую прогулку к Стволу. Не возражаете?

Павел поразмышлял немного, со вздохом в душе прощаясь с отдыхом, — на лице ничего не отразилось, привычка скрывать настроение и негативные чувства взяла свое — и отверг слабый протест расслабленного тела.

— Ждите.

Спустя полчаса он отыскал в недрах лаборатории Полуянова Марича, одетого в обычный пленочный скафандр, но с какой-то ажурной антенной, обнимавшей шлем. Инженер-хрономеханик протянул увесистый пакет второго скафандра.

— Надевайте на всякий случай, от линии защиты ускорителя он защищает неплохо, особенно если надеть вот эту штуку. — Марич коснулся антенны над своей головой.

В двенадцатом часу ночи вылезли из-под земли на склон холма. Ствол был освещен со всех сторон прожекторами и сиял так, что долго смотреть на него было невозможно.

Спустившись в низину с ручьем, перешли его вброд, с полкилометра шли ровным полем. Павел посматривал на шагавшего молча инженера, но вопросов не задавал. В голову лезли разные вздорные мысли, мозг лениво сопротивлялся им, пока Павел наконец не заставил себя сосредоточиться на цели ночной прогулки.

Их трижды окликали по радио дежурные наблюдатели, пока не вмешался сам Павел. Тогда их оставили в покое.

До куба лаборатории оставалось около полукилометра, когда они подошли к яме с уходящими вглубь ступеньками.

— Здесь я вышел... когда очнулся после... того, что произошло. — Марич говорил глухо, сквозь зубы. В голосе его отчетливо прозвучали рыдание и ненависть.

— Это вход в... — осторожно начал Павел.

— В бункер независимой аппаратуры. И не вход, а запасной аварийный выход. Я уже пробовал войти туда с конкистадором, да и не я один, но мы кое-что не учли. Попробуем еще раз вместе?

Павел на мгновение растерялся, он не был готов к несанкционированному штурму лаборатории, но колебался недолго, чутко ощущая напряжение партнера.

— Идем. Что у вас есть, кроме фонаря?

— «Универсал» и батарея спецснаряжения, как и положено разведчику. У вас в поясе такая же. Я пойду первым, прикрывайте тылы и следите за каждым моим жестом. Вполне возможно, что придется драпать без оглядки. Хронопена — очень скверная штука, и если она прорвется в тоннель...

Марич, не обращая внимания на высветившуюся в воздухе очередь алых букв: «Вход запрещен! Опасно для жизни!», включил фонарь и полез вниз.

Павел кинул взгляд на сияющую гору Ствола, скрепя сердце шагнул на ступеньку из черного базилита и услышал чей-то шепот:

— Вам что, жить надоело?

— Кто это сказал? — негромко, но резко спросил Павел. — Что за шутки?

Эфир притих, потом из шелестящего фона выплыл голос дежурного по зоне:

— Что вы имеете в виду, инспектор?

Павел хмыкнул, представляя, как ухмыляется сейчас неведомый шутник.

— Все в порядке, проверка связи.

Шепот больше не возобновлялся.

Метров сорок они преодолели без труда: здесь уже поработали роботы, подрасчистили завалы и выровняли пол, но потом ход сузился из-за вспучившихся стен, потолок прогнулся так, что местами приходилось чуть ли не вставать на четвереньки. И на-

конец дорогу преградила металлическая на вид стенка с листком обычного пласт-папира: «Впереди опасная зона! Кто пойдет дальше — тот кретин!»

Марич рассмеялся, сорвал листок, скомкал и выбросил. Оглянулся. Лицо у него было какое-то заостренное, веселое и злое одновременно.

— Дальше действительно опасная зона, опасная прежде всего неизвестными хроноэффектами. До сих пор удивляюсь, как я ее преодолел, когда выбирался из бункера. Кстати, до него всего метров триста. Но я недаром взял «универсал». — Марич снял с пояса пистолет. — Я выяснил у знакомых физиков, что хронопена боится энергоразряда. Сейчас проверим их гипотезы практически.

Павел молчал. Он не был трусом, но рисковать любил с открытыми глазами, рассчитав последствия рискованного шага и собрав максимальную информацию о препятствии. В данном случае он оказался в глупом положении, с самого начала поддавшись энергичной уверенности инженера в правильности своих действий.

Марич посчитал молчание соучастника за согласие и разблокировал дверь. Казавшаяся металлической перегородка исчезла, оставив вместо себя пылающую алую надпись: «Стой! Опасно для жизни! Проход запрещен!» За перегородкой шел узкий тоннель, одетый в броневой каркас, весь оплетенный паутиной, так что уже в десятке метров все тонуло в белесом туманном мерцании.

Инженер поднял пистолет, проговорил: «Оплели тут все, паршивцы, пройти невозможно!» — и выстрелил. Сверкнуло фиолетово-голубое пламя разряда, и в то же мгновение тоннель изогнулся как живой, в грудь шибануло раскаленным ветром. Павла подхватила неведомая сила и с размаху шмякнула обо что-то упруго-неподатливое...

Когда он очнулся, то увидел, что сидит на холме, прислоненный к глыбе гранита, а рядом — Марич с искаженным лицом. Инженер заметил движение инспектора и улыбнулся криво, словно извиняясь.

— Что случилось? — спросил Павел, сглатывая горькую слюну. — Как я здесь оказался?

— Вышел сам. Разве не помнишь?

— Абсолютно!

Павел с некоторым трудом встал, ожидая болезненных ощущений, но их не было, только ноги казались ватными. Сзади, за глыбой камня, в земле чернело отверстие... нет, не отверстие — матово-черный диск с идеально ровной поверхностью.

— Что это?

— Это? — Марич усмехнулся. — Спросишь завтра у Златкова. Когда мы раковым манером выползли оттуда, эта черная штуковина поднялась из двери, как вода. По-моему, в бункер нам пройти не удастся.

— Кто говорит о бункере? — раздался в наушниках голос диспетчера ночной смены контроля. — Вы, двое у лаборатории, скоро прекратите нервировать спасателей? Что там у вас произошло? В вашем районе возрос радиационный фон.

— Возвращаемся, — буркнул Марич и встал. — Пошли, инспектор, а то эти поспешаи кинутся спасать нас. Не повезло сегодня — повезет завтра. А ты парень ничего, сдержанный. Видел же я, что хочешь остановить, но не остановил. Знаешь, когда я выстрелил, кто-то мне так внятно и громко сказал: «Дурак!» Не ты случайно?

Павел сдержал улыбку, отрицательно качнул головой.

— Я сразу вырубился, начисто.

— Ясно. Да и голос вроде не твой был... Мне почему-то меньше досталось, хотя я стоял впереди, оглядываюсь — ты качаешься, вот-вот упадешь. Я тебя толкаю к выходу, зову, а ты молчишь, только ноги передвигаешь, как сомнамбула. И — не поверишь — вокруг тебя светится ореол. Вышли — он пропал.

— Ничего не помню.

— Ну, Игорь, вы доиграетесь! — не выдержал диспетчер. — Доложу шефу о вас...

— Не пугай, — перебил его Марич. — Все в порядке. Завтра поговорим.

Больше они не разговаривали. Только прощаясь с Павлом, инженер задержал его руку в своей, но так ничего и не сказал. Если бы Павел догадался его спросить, дальнейшие события повернулись бы иначе...

В своем кабинете он задержался ненадолго. Инк вдруг высветил над столом оранжевый восклицательный знак, означающий нечто похожее на человеческий жест: внимание! Павел остановился посреди кабинета, продолжая переодеваться, сказал негромко:

— Чего тебе?

— Вам звонили только что.

— Кто?

— Абонент не идентифицирован, канал связи нащупать не удалось, были применены спецмеры против пеленга.

Павел мгновенно насторожился, ощущая всей кожей спины липкий угрожающий взгляд. Резко обернулся — никого.

— Крути запись.

Инк включил прослушивание, и в комнате зазвучал незнакомый слегка гортанный голос:

— Инспектор, еще раз предупреждаем: не суй нос куда не следует. Расследуй происшествие тихо, медленно, без рвения — и проживешь долго. Третьего предупреждения не будет.

Запись кончилась.

Павел посидел за столом, раздумывая, сообщать ли комиссару о своих контактах с «санитарами» сразу или погодить, и решил не спешить. Рутинное расследование причин катастрофы явно переходило в фазу активного сопротивления следствию, хотя и на низком уровне. Следовало подождать более грозных шагов «санитаров», чтобы понять, что им, в конце концов, требуется.

Дома Павел привел свои размышления в систему, попил чаю с малиной и лег спать, справедливо полагая, что мочить его сразу после предупреждения не будут.

Наутро он снова полетел в Центр защиты и не узнал местности вокруг Ствола: угрюмая чернота и ржавые полосы исчезли, холмы, равнина, речные террасы поросли сочной изумрудной травой, преобразившей ландшафт в удивительно опрятный, чистый и веселый уголок природы. Ствол смотрелся на этом зеленом фоне естественно и даже празднично, не вызывая привычной тревоги, — незатейливая белая колонна диаметром в километр и высотой в два. На Земле много сооружений, бóльших по масштабам и сложности.

В зале контроля инспектор встретил Златкова.

Начальник Центра казался ушедшим в себя. На приветствие инспектора только кивнул, продолжая смотреть на панель контроля среды.

— Говорят, вы ночью спускались в преисподнюю. Это правда?

— Правда, — смущенно признался Павел. — Глупо и несерьезно, конечно, но так уж получилось.

— Марич умеет заражать своей энергией других.

Павел не ответил, думая, что инженер виноват не больше, чем он сам.

— В бункер независимой аппаратуры пройти, к великому сожалению, невозможно. Хронопена просочилась и туда. А теперь, после вашего похода, весь тоннель заполнен аморфным временем, субстанцией с максимально возможной энтропией... Вы ко мне?

— Простите, что отвлекаю, — встрепенулся Павел, ощущая себя мальчишкой, которого выдрали за уши. — У меня всего два вопроса.

— Валяйте, — без выражения сказал Златков.

— Можете объяснить непосвященному, почему хроноускоритель в ходе некоторых запусков резко увеличивал энергопотребление и тут же уменьшал до нуля?

Златков перестал глядеть на пульт, но глаза его по-прежнему оставались равнодушными.

— Для нас это пока тайна. Теоретики разработали любопытную теорию, но проверить ее оказались не в состоянии.

— Вы можете поделиться идеей хотя бы вкратце?

— Нет ничего проще. В ней утверждается, что Ствол наткнулся на встречную хроноскважину древней цивилизации Земли, основанной предками дельфинов около двухсот миллионов лет назад. — Златков еле заметно усмехнулся, заметив растерянность Павла. — Вы сами этого хотели. Теоретики не скованы цепями здравого смысла, тем более что их расчеты сходятся с фактами. Другая гипотеза и вовсе экзотична: Земля вмещает бесконечное количество цивилизаций, не имеющих контакта между собой, потому что живут они во времени, повернутом относительно друг друга на определенный угловой квант, а наш Ствол где-то соприкоснулся с таким же Стволом другого временного угла.

Павел невольно покачал головой.

— Вы меня ошеломили. Неужели такое возможно?

— Кто сказал нет? Теоретически можно создать любой континуум с любым ходом времени и даже вообще без времени. Еще сто лет назад считалось, что инвертировать время невозможно, а сегодня Ствол пробурил его на миллиарды лет в прошлое!

— У меня остается последний вопрос. Однажды хроноускоритель включился сам, ночью. Есть мысли по этому поводу?

— Были, сейчас нет. В рамки двух последних гипотез, с которыми я вас познакомил, укладывается и этот случай.

— А в вашу собственную гипотезу он укладывается?

Златков поднял глаза. Глаза у него были все еще равнодушные, но мелькавшие в них иногда огоньки иронии, сарказма, превосходства говорили о том, что бывший заведующий лабораторией времени далеко не так прост, как может показаться с первого взгляда.

Павел тихонько отошел, посмотрел на часы. Марич обещал прийти в десять утра, но шел уже одиннадцатый час, а его не было. В это время в зале прозвучал гудок.

— В зоне человек! — доложил автомат. — Тревога!

В первый момент Павел, как и все в зале, подумал, что человек вышел из лаборатории, но потом понял: тот шел к зданию, а не от него. Видеокамеры поймали его и показали крупным планом в главном виоме.

Человек в толстом голубом комбинезоне с ранцем и непрозрачным конусовидным шлемом спокойно приближался к Стволу.

Несколько операторов связи начали вызывать незнакомца, в воздух поднялись пинассы аварийного патруля. Но тут неизвестный оглянулся, помахал рукой, словно знал, что за ним наблюда-

ют, и в зале раздался характерный глуховатый, с легкой хрипотцой голос Игоря Марича:

— Не надо меня спасать, Атанас, я все рассчитал. Слишком долго мы ждем, пока изготовят скафандры, пока не отыщется доброволец или не взорвется Ствол. Надо прекращать эксперимент, стрелка которого давно выскочила за шкалу риска. И я надеюсь, что в лаборатории кто-нибудь остался жив.

— Что ты делаешь, безумец! — изменившимся голосом сказал Златков в микрофон. — Ты же знаешь, никто не может пройти по зоне хронопены, где время и пространство квантуются на макроуровне. Никого не спасешь и сам погибнешь напрасно!

— А вот тут ты ошибаешься, — донесся голос Марича. — Польза уже в том, что я хотя бы проверю скафандр, который сделали в техсекторе. Повинись за меня, я его украл, кому-то ведь все равно надо было проверить его в деле.

— Игорь... — Златков замолчал, оттолкнул микрофон и бросил в сторону сквозь зубы: — Он никогда не понимал, что авантюра не сродни риску...

«Вот что имел в виду инженер, приглашая меня к десяти часам, — подумал Павел. — Кто мог предположить, что он способен на такое! Недооценил я его, однако... »

Марич в это время остановился в ста метрах от здания лаборатории, достал из ранца черный кубик, нагнулся, что-то сделал, и куб превратился в паука-конкистадора.

— Я тут взял с собой помощника, — продолжал Марич. — Специально программировал, убрал блок самосохранения, вывел на блок памяти запись своих датчиков, я их нацепил целую кучу. В случае чего он выскочит...

Конкистадор у ног инженера зашевелился, два раза подпрыгнул на месте, словно разминая ноги, и помчался к главному входу в здание. Не добежав с десяток метров, он вдруг засветился оранжевым светом, очертания его исказились, заколебались, будто в струе нагретого воздуха. В следующее мгновение он вырос в размерах вдвое, и следить за ним стало невозможно — паук почти «размазался» от скорости, человеческих реакций не хватало для визуального наблюдения за ним.

— Он прошел «зону эффектов», — с облегчением сказал Марич. — Я, грешным делом, боялся. До встречи, спасатели! Атанас, передай привет этому парню, инспектору, понравился он мне. Если мне пройти не удастся, он справится.

Все в зале оглянулись на Павла. Тот молчал, ждал, чем кончится происшествие. Идти к Маричу на пинассе или на куттере без защиты было обыкновенным самоубийством. Все понимали это, никто — ни наблюдатели-ученые, ни спасатели — не пред-

видел такого поворота событий, но ждали, что произойдет чудо и Марич вернется сам.

— Опасайся глухой черноты, — бросил вдруг Златков. — Черной «жидкости», которую ты видел в дыре выхода из бункера. Не подходи близко. Судя по всему, это действительно предсказанное аморфное время.

— Спасибо за предупреждение, я буду осторожен.

Марич снова помахал рукой и шагнул вперед. Его фигура искривилась, оделась в золотой ореол свечения, скачком увеличилась в два раза. Скорость движений тоже возросла, но не настолько, чтобы не видеть, что он делает.

Марич обошел здание лаборатории кругом, постоял у входа и вошел. Он молчал, но, скорее всего, радиоволны не проходили сквозь слой хронопены, пронизывающей всю лабораторию.

Потянулись минуты ожидания, сложились в часы. Ждали наблюдатели, операторы, ученые, спасатели, пилоты аварийного патруля, готовые лететь хоть к черту в зубы. Марич не возвращался.

Не вернулся он и на следующий день. И лишь через двое с лишним суток из лаборатории выполз конкистадор. Бок его наполовину был снесен, трех лап не хватало, глаза не светились, но он все же сумел пройти границу зоны преобразованного времени, где его подобрали роботы. Однако блок памяти паука-конкистадора оказался пустым.

ГЛАВА 4

Инженера Центра защиты Полуянова все знали как прекрасного специалиста, исполнительного и аккуратного человека. Но лишь комиссар-два Ромащин знал его еще и как профессионала-безопасника, инспектора спецпоручений отдела безопасности, руководителя группы «Роуд-аскер».

Они встретились в лаборатории механосистем, где Полуянов работал с конкистадорами, и по очереди влезли в один из боксов, обладающих вакуум-анизотропной защитой. Вскоре к ним присоединился и начальник Центра Атанас Златков, подстрахованный хитрым комплексом охраны по высшему классу операций такого рода под шифром «кольчуга».

— Мы вычислили еще двоих, — сказал Полуянов, проверяя индикаторную панель бокса: зеленые огоньки говорили о том, что их встречу никто не засек и не подслушивал. — Таким образом, на территории Центра находится уже целое подразделение «санитаров», которое контролирует девяносто процентов его деятельности.

— Продолжайте отслеживать их передвижение, — кивнул Ро-

машин. — Я думаю, они догадываются о нашей осведомленности и готовят новые удары. Но жертв больше допустить нельзя. Как ведет себя новый разыскник Жданов?

— Нормально, не суетится. Хотя с Маричем у него вышел прокол. Но он не знал, что инженер готовит свой штурм, не санкционированный сверху. Зато этот поход заставил «санитаров» занервничать и помог нам выявить их базу. Жданов знает, для чего его готовят?

— Нет, но я не уверен, что он тот, кто нам нужен для формирования команды. Хотя, с другой стороны, его явно подстраховывает Некто, о ком мы пока ничего не знаем. Пусть пока побарахтается сам, а мы посмотрим. Атанас, у вас есть новости?

— Есть, — вздохнул Златков. — Я нашел способ запуска человека внутрь Ствола, хотя способ достаточно рискован.

— В двух словах идею...

— Формирование линии осуществления возможностей, независимой от уже созданной временной ветви. Физико-математический аппарат идеи очень сложен, и я...

— Как произвести запуск?

— Надо построить еще один ХК-ускоритель, так сказать, нечто вроде мини-хронобура, хроноквантового стабилизатора.

— «Санитары» сразу засекут строительство.

— А мы можем спрятать его под другое строительство, — заметил Полуянов. — Строители начали монтаж нового хронооптимизатора, почему бы...

— Хорошая идея, — оживился Ромашин. — А для увеличения вероятности успеха мы начнем строить сразу три мини-хронобура, то есть оптимизатора. И все же я хотел бы проверить самый простой путь в Ствол — через здание лаборатории.

— Боюсь, тоннель между лабораторией и Стволом заблокирован, — снова вздохнул Златков. — Но проверить не мешает. Марич, к сожалению... — Он помрачнел. — Скорее всего, он не вернется. Кто пойдет следующим?

— Ломотов и Белый, — сказал Ромашин. — Они готовы давно. Их поход в лабораторию засекречен по степени «четыре нуля», и я надеюсь, что он удастся. Если не пройдут они, пойдет Жданов в стиле рекламно-показного шоу, чтобы «санитары» не смогли убрать его при большом стечении народа, рискуя при этом обнаружить себя.

На панели бокса зажегся оранжевый глазок, раздался голос сторожевого инка:

— Зафиксирован поток внимания к данному участку Центра. Время непосредственной угрозы обнаружения — минута двадцать.

— Расходимся.

Златков кивнул и тотчас же вышел. За ним покинул бокс Ромашин. Полуянов проследил по своему каналу, как обоих ведут команды охраны, и вернулся к своей основной работе.

ГЛАВА 5

Начальник отдела кивнул на ряд кресел у стола. Павел сел, окидывая взглядом пейзаж видеопласта. Кабинет Ромашина представлял собой каменную террасу на склоне горы: сзади склон становился круче и превращался в вертикальную скальную стену, впереди обозначался обрыв ущелья, за ним хаос серо-синих скал и на горизонте — заснеженные силуэты гор. Стол-пульт, кресла и подставка объемного экрана выглядели несколько странно на этом фоне, словно декорации к спектаклю.

«Памир, — определил почти вслух Павел, — вид с Конгурского перевала. Вон и вершина Конгура слева, не спутаешь. Все же как много говорит картина с видеопласта о характере хозяина кабинета. Мы, оказывается, близки по вкусам».

Ромашин несколько секунд читал бегущие по черной матовой панели световые строки и коснулся сенсора «отбой». После этого он вышел из-за стола и сел рядом с инспектором, глядя на космы облаков, плывущих у вершин гор.

— Разобрались?

Павел покосился на его седую на висках шевелюру.

— В основном. У бывшего заведующего лабораторией есть интересная идея, объясняющая причины катастрофы. Он считает, что в эксперимент вмешался кто-то чужой.

— Это подтверждается фактами?

— Утверждать не берусь, но некоторые факты действительно говорят в пользу гипотезы. По сообщениям конкистадоров — автоматов обслуживания хроноускорителя, оборудование Ствола работает в экстремальном режиме, внутри Ствола находятся люди, но связи с ними нет.

Ромашин кивнул.

— Как вы считаете, Игорь Марич погиб?

— Вероятно, хотя надежда на его возвращение остается. Вполне возможно, что внутри лаборатории время течет медленнее, чем вне здания.

— А не мог он проникнуть в Ствол через выходы лаборатории?

— Не исключено, однако, чтобы это проверить, надо повторить попытку атаки лаборатории. К сожалению, конкистадор, вернувшийся оттуда, пуст, как консервная банка.

Ромашин перевел взгляд на Павла, в глазах его мелькнула тень сожаления и вины. И намек на сомнение.

— Мы надеемся на вас.

— Я это понял. Уже второй день готовлюсь к новой разведке. Завтра или послезавтра буду готов.

— Не торопитесь с разведкой, прежде рассчитайте варианты проникновения в здание. Ошибки быть не должно. И еще. Вы слышали о странных явлениях в атмосфере Земли, в Приземелье и на границах Системы?

— Нет. — Павел не стал рассказывать Ромашину о том, как ходил с Маричем к Стволу в ночь перед его безрассудно-смелым шагом. — В последнее время я не слушаю программу новостей.

— Эта информация пока закрыта для всеобщего оповещения, можете узнать подробности по каналам Управления. Вкратце дело вот в чем: две недели назад над Стволом засветилась область стратосферы площадью в десять квадратных километров. Издали очень похоже на северное сияние. Кроме того, на высоте около десяти тысяч километров от поверхности Земли над той же точкой обнаружен «пузырь отталкивания» — зона, не пропускающая через себя ни одно материальное тело. Диаметр «пузыря» — около двухсот километров. Визуально он не наблюдается, никаких аномалий физических полей не обнаруживает, но при попытках преодолеть абсолютно пустое пространство «пузыря» появляются силы отталкивания.

— Занятно, — тихо проговорил Павел.

— Вы находите? Ну и последнее: у полюсов эклиптики, на расстоянии около одной астрономической единицы, объявились «прозрачные дыры» — зоны поглощения вещества. В одну из них засосало несколько автоматических зондов и беспилотный астрономический модуль, в другую — станцию СПАС-42. Из пяти членов экипажа спастись удалось троим. Объяснить причины явлений ученые пока отказываются, но нет сомнений, что явления связаны с катастрофой, вернее, с работающим до сих пор Стволом.

— Эта мысль приходит в голову в первую очередь.

— Совершенно верно, не обязательно иметь семь пядей во лбу, чтобы увидеть связь. Явления стали наблюдаемы две недели назад, то есть как раз после катастрофы, а области свечения, отталкивания и поглощения укладываются на прямой, проходящей через Ствол, и «привязаны» к нему, то есть вращаются вместе с Землей. Там сейчас с физиками Академии работают и наши эксперты.

— Только что подумал: они не пробовали прощупать космос дальше по вектору?

— Интересная мысль. Мы предложим проверить. Что ж, сте-

пень вашей автономности остается прежней. Готовьтесь к вылазке в лабораторию, восстанавливайте в зале управления обстановку, которая была во время эксперимента. Сможете определить степень опасности работающего Ствола?

— Не знаю, — помедлив, ответил Павел. — Наверное, только при наличии полной информации о положении дел. Пока же Ствол для нас — «черный ящик». Никто не знает, почему он работает и в какие времена проник. Такие вот дела.

Ромашин встал, походил по кабинету и сел за стол.

— Вы мне напомнили... Вам не кажется, что возник парадокс? По свидетельствам конкистадоров, ближайшие точки выходов Ствола в реальное время — двести лет назад, триста, десять тысяч. Почему же нет документов из прошлого, что эти события имели место в Брянском лесу? Ведь для нас-то они уже произошли. Предки должны были отразить их в документах, хрониках, летописях...

— Парадокс и в самом деле существует, но физики объясняют его по-разному. Одни тем, что в силу вступил закон затухания последствий, специфичным проявлением которого и является отсутствие всякого рода упоминаний о появлении Ствола в различных исторических эпохах. Второе объяснение весьма оригинально: эксперимент закончился в ту же секунду, когда и начался. То есть все, что мы сейчас переживаем, — один из возможных путей развития эксперимента, как бы сон Вселенной. Исчезнет причина хроносдвига — исчезнут, как и не было, события, происшедшие после пробоя хроноскважины. Но есть еще более экзотичные гипотезы, например, что Ствол вышел в прошлом в соседних временных углах. Раньше говорили — «в соседних измерениях», именно поэтому история и не сохранила свидетельств его выхода.

— М-да, любопытно. Многовато гипотез, не правда ли?

— В том их и слабость. Хотя истина бывает многолика. Может быть, она и в нашем случае лежит на стыке многих гипотез? Путь к ней один — познание.

Ромашин едва заметно улыбнулся.

— «Тысячи дорог уводят от цели, и лишь одна-единственная ведет к ней», Монтень. Древние философы знали цену мудрым изречениям. Вам нужна моя помощь?

— Пока нет.

— Тогда до встречи. Жду вас через два часа... если ничего не случится. Надеюсь, мир просуществует столько времени.

Они улыбнулись друг другу, чувствуя взаимное расположение, и Павел покинул кабинет начальника отдела безопасности.

В коридоре он наткнулся на спешащего человека. Оба одновременно извинились и, пройдя два шага, остановились.

— Павел?

— Женя!

— Ну, здравствуй, бродяга! Вот не думал встретить тебя здесь. Ты же инспектор космосектора, насколько мне помнится. Или перешел в отдел к наземникам?

— Временно, Женя, временно.

— Понятно. Катастрофа с лабораторией времени?

— Следишь за новостями? Угадал. А ты где сейчас?

— Все там же: испытательный полигон, бригада наземного транспорта. Не забыл еще? Ребята тебя помнят, особенно Витольд, он уже начальник монтажно-испытательного корпуса.

— Вырос парень. Я тоже всех помню, передавай привет.

— Обязательно. Что же ты не спросишь, как Люция?

Павел слабо усмехнулся.

— Верю, что у нее все хорошо.

Евгений помолчал.

— Ты из-за нее ушел? Ребята долго гадали...

— Из-за себя.

— Понятно. Ну ладно, дело прошлое. Я побежал, меня ждут. Заходи к нам, если освободишься. Кстати, у нас с Люцией дочь, назвали Алевтиной. Люция ушла из бригады, и мы с ней поженились.

Евгений сжал руку в кулак, вскинул вверх прощальным жестом и пошел прочь.

Павел остался стоять, оглушенный новостью, потом медленно двинулся в свой кабинет. Там записал появившиеся мысли на кристалл, прочитал поступившие по запросам сообщения, а сам вспоминал Люцию, пытался представить, какой она стала, какая у нее дочь, почему она вышла за Баранова... Сколько лет они были вместе, в одном отряде, изо дня в день, и каждый раз она была разная: то ласковая и нежная, то чужая и недобрая, дразнящая и насмешливая, ранимая и беспомощная, твердая и сильная, капризная и нетерпеливая... Так и осталось загадкой, какая она настоящая. Был прав поэт, утверждавший:

У каждого свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час.
Но это все неведомо для нас...

И до сих пор личный мир — тайна и долго будет еще оставаться тайной для других. К Люции эти строки, пожалуй, применимы. Почему она вдруг потеряла интерес к Павлу после стольких встреч? Почему Евгений, Женька-простейший, которого она вообще не замечала, вдруг стал ее мужем? Вечный неудачник и неумеха, простой до кретинизма, хороший математик, но плохой

спортсмен, худой и нескладный, — и рядом Люция, эффектная, красивая, уверенная в себе... Трудно представить! Невозможно представить! И тем не менее — факт! Факты — упрямая вещь, как говорил мудрец. Правда, выглядит он уже не интеллигентным хлюпиком в очках, возмужал, пополнел... Ее влияние?..

Павел очнулся, взглянул на часы и заторопился. Пора было идти в экспертный отдел Академии наук.

Вечером он пошел ужинать в ресторан «Золотой плес» в Брянске. Вспомнил друзей, с какими некогда бывал здесь, много раз — с Люцией, поразмышлял о своей работе, по обыкновению разложил всю полученную информацию по полочкам. Загадок набралось достаточно, чтобы вырисовался один любопытный вывод, и утром он решил встретиться с комиссаром. А когда заканчивал ужин, подумывал, не позвонить ли Евгению, к которому его влекло болезненное любопытство (муж Люции, надо же!).

Баранов позвонил ему сам, прямо в ресторан. У Павла на столе выросла красивая свеча эмкана, развернулась в объем видеопередачи, и он с удивлением увидел перед собой физиономию Евгения Баранова.

— Приятного аппетита, — жизнерадостно улыбнулся испытатель. — Ты не появился у нас, вот я и звоню. Люция жаждет тебя видеть, а также услышать интересный рассказ, и у нас мелькнула мысль: не покажешь ли нам с ней Ствол? Ночью я его еще не видел, как и Люция. А потом посидим где-нибудь, поболтаем.

Павел молча разглядывал лицо бывшего приятеля, настораживаясь все больше, но чувств своих не выдал. Кивнул спокойно:

— Почему бы и не показать. Где вас подобрать?

— Да мы недалеко, возле второго Брянского метро. И одеты соответственно.

— Ждите, буду через несколько минут.

Виом свернулся в нить, погас.

Павел, задумчиво склонив голову, смотрел на стол, пытаясь найти причину внезапного интереса Баранова к хронолаборатории, потом промокнул губы и встал. Через четверть часа он подогнал к метро комфортабельный куттер класса «сапсан».

Евгений и Люция ждали его в полумраке за живой изгородью из голубых елей. Баранов был одет в серый кокос, Люция — в светящийся спортивный уник, и Павел, знавший ее нелюбовь к спорту и облегающей одежде, еще больше подтянулся.

— Привет, инспектор. — Люция чмокнула его в щеку. — Ты, как всегда, подтянут, силен, в форме. Мы тебя не отвлекаем от работы? Мне кажется, идея чудесная — взглянуть на Брянскую хронолабораторию сверху. Нас туда пропустят?

— Обижаешь, — сказал Павел, прислушиваясь к своим ощущениям, но не решаясь последовать внутреннему совету отка-

заться от полета. Подумал: успею предупредить Ромашина, если что...

Семейная пара залезла в куттер, Жданов занял место пилота, и они взлетели.

Четверть часа прошло в необязательных разговорах, воспоминаниях, охах и ахах Люции, восхищавшейся ночным пейзажем.

Куттер бесшумно скользил в ночи, обгоняя редких попутчиков, видимых только по мигающим габаритным огням. Под ними проплывали россыпи цветных искр, пятна и полосы света — поселки и кемпинги, зверофермы и фабрики биосинтеза, станции магнитопланов, спортивные базы, дома отдыха, культурные центры. Рассасывание городов уже достигло той степени, когда концентрация зданий воспринималась как отклонение от нормы, и поверхность земли с высоты в три километра напоминала один колоссальный парк, город-лес. Лишь изредка в сиянии и мерцании огней протаивали темные провалы: реки и болота, острова не тронутого цивилизацией леса, заповедные и туристские зоны. На юге постепенно меркло, исчезало за горизонтом голубоватое зарево — центральный район Брянска с его памятниками старины. В нескольких местах подпирали небо белые спицы лифтов, двигаясь назад, исчезая на фоне более яркого свечения каких-то сооружений. На севере, куда стремился куттер, из-за горизонта вырастала ровная белая колонна, утопающая в разноцветном облаке света. Колонна росла быстро и вскоре заслонила собой четверть небосклона.

— Что это? — прошептала примолкшая было Люция.

— Башня хроноквантового ускорителя, — ответил Павел, жалея, что согласился на эту прогулку. Он так и не понял, чем Баранов поразил Люцию до такой степени, что она вышла за него замуж и даже родила дочь. — Мы называем ее для краткости Стволом.

Куттер поднялся выше и медленно поплыл к исполинской трубе, до которой оставалось километров восемь. В кабине раздался писк вызова, замигал алый огонек индикатора. Павел нажал кнопку связи.

— Борт-икс, вы вошли в запретную зону, запретную зону! — прозвучал характерный голос автомата. — Вход только спецмашинам. Назовите код, ваши позывные, паспорт отдела.

— Код сто семь, инспектор отдела безопасности Павел Жданов, группа «Роуд-аскер».

Через секунду послышался ответ:

— Вход разрешен.

«Сапсан» продолжал двигаться дальше.

— Как строго! — сказал Евгений. — Это и есть тот самый хроноускоритель? По-моему, совсем недавно я видел видеопередачу

с места происшествия. Но в натуре это... — он поискал слово, — более серьезно. До сих пор неизвестно, что произошло?

Куттер завис над вершиной белой колонны. Пилотам показалось, что они заглянули в глубокий, со светящимися стенами колодец. Вершина Ствола была слегка размыта и дрожала, будто накрытая шапкой нагретого воздуха.

Павел поднял голову и увидел в зените розовое пятнышко света, похожее на летящую по ветру светящуюся паутину. Его вдруг пронзило острое ощущение опасности, будто некий исполин равнодушно навел ему в спину излучатель и положил палец на спуск. В тот же момент колонна под ними загорелась дрожащим желтым светом, гулкий удар обрушился на ушные перепонки, куттер подбросило вверх на добрый десяток метров. Люция ахнула.

Мерцающее облако света скатилось кольцом с колонны Ствола на землю, угрюмые рогатые машины попятились от него прочь. Откуда-то из-за холмов со всех сторон ударили по Стволу зеленые огненные клинки, снова и снова. Адское шипение и треск перекрыли все остальные звуки, а потом наступила полная тишина, словно аппарат провалился глубоко в подземелье.

Павел успокаивающе тронул Люцию за плечо, поднял куттер.

Разгул неведомых непосвященному стихий над ними пошел на убыль, Башня перестала светиться желтым накалом и походила теперь на тлеющую сквозь сизый пепел головешку. Кольцо белого, переливающегося перламутром пламени распалось на облачка и погасло. Со всех сторон Ствол окружали, группируясь в колонны, светляки невидимых в темноте машин.

Тишина внезапно лопнула, словно куттер продавил пленку глухоты, стали слышны многотональные свисты, необычные тоскливые крики, от которых сжималось сердце, голоса команд, звонки и глухой шум, напоминающий гул прибоя.

— Я думал, что оглох, — признался Баранов. — Что это было?

— Коррекция масштабов, — пробормотал Павел. — Странно, что нас не предупредили... Ну, идем домой? Больше ничего интересного не увидим.

— Давайте сядем на холм поближе к этому вашему... Стволу! — взмолилась Люция. — Так хочется посмотреть на него с земли. Да хотя бы вон туда. — Она показала на темную громаду энергоконцентратора на холме с западной стороны.

Павел пожал плечами.

— Что ж, пара минут у меня еще есть.

Куттер сел под стеной концентратора, на склоне холма, откуда Ствол казался исполинским стволом какого-то апокалиптического орудия, нацеленного в небо. Зрелище было захватываю-

щим, и Павел понял чувства Люции, когда она вылезла из аппарата и тихо произнесла:

— Господи!..

Подождав приятелей в кабине, Павел вылез сам. И тотчас же сработала сторожевая система организма, заставившая его в течение доли секунды включить паранормальный резерв и перестроить нервную систему. Он увидел, как из-за выпуклой стены энергоконцентратора выскользнули две тени (ребятки явно были в маскхалатах «хамелеон»), а снизу, из распадка, вышли еще двое, и все четверо были вооружены — он это чувствовал. Павел напряг зрение. Шедший первым был неизвестен, а вот второй — тот самый «санитар», что угрожал ему в когте Геворка у альфы Рыси. Павел шагнул к стене, боковым зрением отмечая, как его умело взяли в кольцо, отрезая от куттера и замершей в эстетическом восторге супружеской парочки. Было недосуг решать, действовали ли Барановы в сговоре с «санитарами», но все же Павлу показалось, что они находятся в состоянии гипнотического транса.

— Вот и наступил конец твоей самодеятельности, инспектор, — сказал предводитель группы, приблизившись. — Но убивать мы тебя не будем, просто нейтрализуем, подсадим гипнотрансор. Будешь слушаться как миленький, и никаких проблем. Возражения есть?

— Конечно, есть, — сказал Павел и прыгнул к нему, в доли секунды преодолевая расстояние в десять метров.

«Санитар» действовал быстро, но то ли был спесив изначально, то ли верил в свое превосходство, поэтому выстрелить в инспектора из суггестора «слон» не успел. Пробить его костюм Павел не смог, но шейные позвонки сломал.

Приятели «санитара» мгновенно открыли огонь из своих «пушек» — тех же излучателей «слон», накрыли залпом Жданова, и тот вряд ли смог бы долго устоять под натиском ломающего волю излучения, но в схватку вмешалась третья сила.

За спиной Павла с гулом возникла громадная черная фигура на «коне», сверкнули зеленые молнии, взвихрились три столба бледного пламени и дыма. «Санитары» исчезли. Всадник, глянув на застывшего Павла длинной рубиновой щелью глаза, подхватил с земли оставшегося «санитара», молча повернул кентавра и тяжкой рысью удалился к Стволу. Наступила тишина. Потом зашевелилась находившаяся в столбняке Люция, огляделась. Глаза ее стали изумленными и большими.

— Паша, ты?! Как мы здесь оказались?..

Вышел из ступора и Евгений, но то ли доза гипноизлучения ему досталась больше, то ли организм реагировал сильнее, — его вырвало.

Поддерживая обоих, Павел усадил их в куттер и ответил дежурному по Центру на вопрос: что за взрывы наблюдаются возле западного РЭК? Поднял машину в воздух и услышал на волне интеркома четкий и звучный бас:

— Первый вызывает «Роуд-аскер» сто семь...

Молчание, вернее, равномерный шум других голосов, и снова:

— Первый вызывает «Роуд-аскер» сто семь...

Павел спохватился и наклонился к микрофону.

— Сто седьмой слушает Первого.

— Сто седьмой, вас ждут в Центре, срочно ответьте по двадцать второму каналу.

Павел посмотрел на спутника, с трудом избавляясь от мыслей о Люции.

Разозлился, стряхнул оцепенение.

Высадив Барановых возле их дома, он снова полетел к Стволу и вскоре вошел в зал Центра, уже полностью владея собой.

ГЛАВА 6

В бункере Центра его ждали Ромашин, Златков и директор УАСС Ив Костров. До этого Павел видел директора всего два раза, и то, что руководитель такой мощной организации, как аварийно-спасательная служба, «снизошел» до посещения Центра, указывало на серьезность происходящих событий больше, чем другие факты.

Ив Костров был среднего роста, нетороплив, скуп на слова, широкоскул и рыжеволос. Твердый рот, пристальный взгляд из-под припухших век, умение мгновенно оценивать собеседника говорили о недюжинном уме и сильной воле этого человека. Павел, здороваясь, встретился с ним глазами и понял, что оценен и взвешен взыскательно и точно — он, инспектор космосектора УАСС, считавший себя неплохим психологом, непроницаемым для других!

— Дела наши не блестящи, — сказал Ромашин, подчеркивая взглядом, что о происшедших только что событиях говорить не следует. — Час назад получен анализ состояния среды вблизи Ствола: изменены все природные параметры, обнаружена широкая гравитационная депрессия, растущая в глубь Земли. Кроме того, открыты более чем странные объекты в космосе, расположенные по вектору от Ствола на расстоянии около ста астрономических единиц от Солнца. Но самое главное, что дальше нас не пропустили! Путь в космос на этом направлении блокирован.

— Как не пропустили? — вяло удивился Павел. — Кто не пустил?

— Не знаю. Мы направили спейсера погранслужбы дальше в открытый космос по тому же вектору, но в световом полугоде от Солнца корабли наткнулись на неизвестное поле, отбросившее их назад.

— Может быть, надо просто обойти эту область?

— Результатов пока нет. — Ромашин посмотрел на директора Управления и замолчал.

— Вы догадываетесь, зачем вам все это говорится при мне? — спросил тот, сдерживая в голосе басовитые громыхающие нотки.

Павел кивнул.

— Под угрозой жизнь многих тысяч людей, и надо спешить с расследованием причин катастрофы.

Натолкнувшись снова на предупреждающий взгляд Ромашина, Павел пришел к окончательному выводу: существуют два горизонта работы отдела безопасности — официальный, якобы секретный, но доступный разведке тех же «санитаров», и горизонт «глубокого залегания», известный лишь немногим доверенным лицам. Этот разговор с директором УАСС вмещался в рамки официального действия, в меру стандартного и предсказуемого.

— Под угрозой существование цивилизации — вот как стоит вопрос! Связь между странными явлениями на Земле и в космосе и экспериментом в лаборатории времени прямая. Нет смысла объяснять, как дорога каждая минута. Мне сообщили, что именно вы близки к финалу расследования, хотя с той же проблемой работают еще несколько инспекторов и экспертов. Руководство Центра готовит экспедицию в хронолабораторию. Рискнете пойти туда... после похода Марича?

Павел выдержал еще один быстрый оценивающий взгляд, но за него ответил Ромашин:

— Справится, я в него верю.

— Необходимо сделать все возможное и невозможное, чтобы предотвратить грядущие катастрофы. Покажите мне оборудование Центра и его структуру, — обратился Костров к Ромашину.

Инспектор остался стоять с молчащим Златковым.

— Ну и ну! — пробормотал Павел. — Час от часу не легче!

— Он еще слабо сказал, — тихо произнес Златков. — Под угрозой существование Вселенной, а не только земной цивилизации! Я боюсь, как бы хронобур не провалился к самому моменту образования нашего Мироздания! Кстати, по последним выкладкам расчетной группы, Ствол ушел и в будущее.

— Ну и о чем это говорит?

— Это открытый хроноклазм, вариант которого никем не просчитан. Ни один запуск хроноускорителя в будущее до катастрофы не дал положительного результата. «Вязкость» времени в

направлении будущего оказалась такой, что хронобур выталкивался из времени, как пробка из воды.

Павел помолчал, глядя, как Ромашин что-то рассказывает Кострову.

— Вы как-то сказали, что у вас разработана собственная гипотеза о причине катастрофы...

— Не отрицаю, говорил... Разве Марич не отбил у вас охоту выслушивать бредовые идеи?

— Напрасно вы о нем так...

Начальник Центра пожал плечами.

— Не судите пристрастно о наших отношениях. Он меня не любил, это верно, да и я его не жаловал за несдержанность, излишнюю категоричность, но он прекрасный специалист... был. Жаль, что он пошел на этот безумный шаг без подготовки.

— Вы не ответили.

— Извольте. Но прежде я кое-что вам покажу. — Златков, не оглядываясь, пошел из зала. Павел вынужден был последовать за ним.

Они спустились на этаж ниже, где начиналась епархия инженерно-технического корпуса, свернули к лаборатории Полуянова.

Инженер в компании своих единомышленников, как всегда, возился у стола с недвижным телом конкистадора, одетый в серый комби техперсонала. Увидев Златкова и Жданова, он оторвался от работы и кивнул на один из стандартных с виду боксов, в которых можно было создавать любые условия для испытаний технических устройств или управлять процессами дистанционно.

Златков вошел в бокс первым, полусогнувшись — высота двери достигала лишь полутора метров. За ним последовал Павел и инстинктивно отшатнулся: показалось, будто он оглох и ослеп одновременно. Но это была только реакция его нервной системы на сенсорную депривацию: бокс обладал абсолютной защитой от внешних излучений. Внутри него царила идеальная т и ш и н а электромагнитных полей.

Златков остановился посреди тесноватого помещения с верстаком у стены и комплектом разнообразного оборудования, искоса глянул на замершего в напряженной позе Павла.

— Проходите, инспектор. Этот уголок Центра организован таким образом, что о его существовании знают всего четверо, вы будете пятым. Бокс окружен фазированной вакуум-оболочкой и нейтронным изолирующим слоем.

— Зачем? — Павел наконец отошел от крышки люка и прислонился к стене, похожей на шкуру слона.

— Чтобы нас никто не мог подслушать.

— В том числе «санитары»?

— Значит, вы знаете? — В бокс вошел комиссар безопасности Ромашин.

Полуянов за его спиной подмигнул Павлу и вышел, аккуратно закрыв за собой люк.

— Что ж, тогда мы не ошиблись в вас, — продолжал Ромашин. Он прошел к верстаку, примостился в уголке. — Прежде всего прошу прощения за те неудобства, которые вы испытали за время своего расследования. Особые извинения — за инцидент на территории зоны, когда на вас напали. Но мы не вмешивались до последнего мгновения, веря в ваш профессионализм и...

— Чтобы не выявлять степень своей осведомленности о деятельности «санитаров», — угрюмо закончил Павел.

— Браво! — кисло сказал Златков.

— В надежде, что наша помощь не понадобится, — невозмутимо продолжал Ромашин. — И надежды наши оправдались: вас выручили другие... защитники.

— Кто был тот черный всадник?

— А вот на этот вопрос я не отвечу, потому что и сам не знаю ответа. Черные всадники — мы называем их хронорыцарями — появляются в поле зрения очень редко. По всей видимости, они свободно уходят в Ствол и выходят из него. Но как это происходит, наблюдать не удалось. На контакт с нами они не идут. Хотя явно симпатизируют. Не то что «санитары». А теперь профессор Златков введет вас в курс р е а л ь н ы х событий, которые имеют место, а я обрисую ваше положение. После этого вы зададите вопросы, накопившиеся у вас во время следствия... если они еще останутся.

Златков, равнодушно прислушивающийся к речи комиссара, пристроился рядом, все еще не глядя на Павла, пожевал губами.

— Начать, мне кажется, следует вот с чего... Шотландский физик Хью Эверетт Третий в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году от Рождества Христова написал диссертацию на тему: «Формулировка квантовой механики на основе понятия «относительного состояния», где изложил метатеорию «Фрактала времен», в которой Вселенная в каждый микромомент времени ветвится на параллельные микромиры. Каждый такой мир представляет собой некую комбинацию микрособытий, которая могла бы реализоваться вследствие вероятностной изменчивости мира. Другими словами, каждый такой мир — как бы ветвь колоссального Древа Времен, развивающаяся в момент ответвления уже по своим законам. Таким образом, эвереттовский «Фрактал времен», или «хронодендрит», «Древо Времен», «Фрактал Хроноса» — названий много — и есть наша Большая Вселенная, реализующая все возможные варианты движения материи. Вы следите за моей

мыслью? — поднял Златков меланхоличный взгляд на Павла, и в глубине его глаз мелькнул ироничный огонек.

— Слежу, — сухо ответил Павел.

— Отлично. Так вот, мы, люди, живем в одной из ветвей Древа Времен, образующей Метавселенную со звездами, космосом, гравитацией, энтропией и прочими физическими аксессуарами. Ветви Древа Времен могут и пересекаться, и вливаться одна в другую, и мешать друг другу, что весьма печально заканчивается для Метавселенных. Но есть такие контакты ветвей, которые порождают виртуальную последовательность миров.

— И мы как раз живем в одном из таких... виртуальных?

— Он хорошо схватывает суть дела, — подал голос Ромашин. — Потому-то «санитары» и взялись за него всерьез.

— Вы правы, — кивнул Златков, проявляя внезапный интерес к разговору. — Мы живем в одном из виртуальных миров-ветвей. В той же ветви, которая соприкоснулась с нашей, живут другие существа, их мы назвали «хронохирургами» за то, что они решили ампутировать нашу ветвь. Это именно они с помощью своих слуг, тех самых «санитаров», закодированных особым образом людей, включили хроноквантовый ускоритель и контролируют его провал в прошлое нашей Метавселенной. — Ученый посмотрел на Ромашина. — Вводная часть закончена, мой генерал. Теперь ваша очередь.

— У него, кажется, возникли вопросы, — сказал Ромашин, разглядывая лицо Павла. Тот кивнул.

— Хочу кое-что уточнить по ходу... Итак, Вселенная есть Древо Времен...

— Я лично предпочитаю называть ее Фракталом времен, но это дело вкуса. Древо Времен — это, по сути, пространство осуществления всех возможностей, заложенных вероятностными законами. — Златков помолчал и добавил: — Ветвь Древа, таким образом, есть линия осуществления одной возможности из числа всех заключавшихся в предыдущем узле.

— И сколько это — «всех»?

— Много. Однако число возможностей, реализующихся в каждом мгновении Древа Времен, не бесконечно, иначе не существовало бы ничего невозможного, подчиняющегося каким-либо законам структуризации.

— Каким образом «хронохирургам» удалось прорваться в нашу ветвь, чтобы включить хроноускоритель?

— Точно неизвестно. По-видимому, существуют какие-то иные способы перемещений из ветви в ветвь или же наша ветвь — Вселенная в данное время — касается ветви «хронохирургов».

— Каким образом Ствол может помочь «хирургам» отрезать нашу ветвь от Древа?

Златков и Ромашин переглянулись. Комиссар изменил позу, явно получая удовольствие от беседы. Они со Златковым, вероятно, по-разному оценили способности Жданова, когда тот появился в Центре защиты, и оценка комиссара была точнее.

— По сути, Ствол сейчас представляет собой н о в у ю мировую линию, — неуверенно начал Златков. — Иными словами, Ствол... м-м, хроноускоритель... оказался трактрисой времен, пространственно-подобной линией, соединившей узлы «вечного теперь» в истории нашей Вселенной... м-м, а также и Земли. Проще я вряд ли смогу...

— Не стоит, — все так же сухо ответил Павел. Он не любил, когда его держали за глуповатого служаку... каковых, впрочем, в следственной комиссии было немало. — Теперь давайте перейдем к конкретным вещам, от теории к практике. Что известно о «хирургах»?

— Почти ничего, — сказал Ромашин, развеселившись было, но тут же погасив веселый блеск в глазах. — По нашим эф-прогнозам, «хронохирург» представляет собой разумную систему типа «рой».

— Скорее типа «стая»... что непринципиально, — пробормотал Златков, разглядывая, в свою очередь, Павла с некоторым удивлением.

— Они рассчитали вариант вмешательства в наш виртуальный мир, и при успешной реализации проекта их ветвь из виртуальной станет стопроцентно реальной. Наш же мир просто исчезнет, как сон Вселенной, усохнет, как отпиленная от дерева ветка. Если мы этому не помешаем. А «санитары» как раз и убирают всех, кто потенциально может помешать. Поэтому приходится прибегать к специальным методам защиты вроде этой. — Комиссар повёл руками вокруг стен бокса.

— Вы уверены, что «санитары»...

— Обыкновенные люди, только запрограммированные соответствующим образом. Ну, или... не совсем обыкновенные. В основном это профи погранслужбы и службы безопасности. Так что драться с ними придется жестоко.

— Это я уже понял. Какова моя роль в этом деле?

— Вы до сего момента были запасным игроком, запасным исполнителем варианта «Спецназ». Теперь — основной.

Павел молча смотрел на Ромашина, и комиссар, помедлив, добавил:

— До того как мы осознали, кто и зачем работает против нас, погибли двести сорок человек. В том числе две группы инспекторов по особо важным делам. Одна из групп — не далее как вчера

ночью, почти в то же время, когда вы гуляли у Ствола. Группа должна была прорваться в Ствол.

— Я не знал... — пробормотал Павел. — Моя задача?

— Пройти в Ствол, создать там отряд спецназа и попытаться выключить хронобур. Естественно, при этом вам будут мешать все слуги «хирургов», а возможно, и сами «хирурги». Но у вас есть и союзники, как мы выяснили. Мы их называем — Те, Кто Следит... за молодым и перспективным инспектором службы безопасности Павлом Ждановым.

Павел порозовел, расценив речь комиссара как издевку, но Ромашин говорил серьезно, разве что с долей грустной иронии.

— Это не черные всадники случайно?

— Нет, хронорыцари — исполнители более низкого уровня, хотя и очень мощные.

На верстаке вдруг загорелся крошечный оранжевый зрачок, раздался тихий голос инка:

— Фиксирую поток внимания. Время непосредственной угрозы обнаружения — минута тридцать пять.

— Я пошел, — тотчас же встал Златков и первым вылез из бокса.

— Мы еще вернемся к обсуждению ваших доброжелателей. — Ромашин тоже встал. — Работайте, как и прежде, по старым планам, мы вас подстрахуем. Время открытой схватки с «санитарами» еще не пришло, пусть сообщают хозяевам о вялотекущем следствии. Для дальнейшего инструктажа я вас вызову.

— Секунду... извините. Мои друзья, Евгений и его... жена, Люция...

— Они не «санитары», успокойтесь. Кто-то из наблюдателей услышал о вашем желании встретиться, опередил вас и с помощью суггестора внушил обоим интерес к Стволу. Они ничего не знают и не догадываются.

— Спасибо.

— Не за что. — Ромашин дружески сжал плечо Павла и вышел.

Жданов медленно вылез из бокса следом, окунаясь как в воду в бурю звуков, света, электрических и магнитных полей, психологического давления на мозг со стороны всех следящих за инспектором. Он и раньше фиксировал на себе поток внимания, но относил свои ощущения к общему фону тревоги, сопровождающему катастрофу. Теперь же он точно знал, что за ним наблюдают — очень профессионально, классно, с использованием спецаппаратуры — и друзья, и враги.

В отдел «Р» Павел прибыл в половине восьмого утра и первым делом прочитал поступившую информацию. По его просьбе расчетная группа отдела безопасности смоделировала обстановку в главном зале управления лаборатории во время эксперимента. Все было как обычно: мощность хроноимпульса, работа силового оборудования Ствола, разговоры по интеркому с абонентами. То есть ничто не предвещало катастрофы, и никто из экспериментаторов не заметил ничего необычного. Во всяком случае, за полчаса до катастрофы.

Быстро дочитав остальное, Павел отправился в отдел разработки индивидуальных средств защиты, или «отдел бронемастеров», как его называли в техническом секторе.

Его встретил сам начальник отдела Тишо Алюш, бронзоволицый, с орлиным носом и проницательными глазами, не то индус, не то перуанец. Одет он был во все красное и коричневое, но, как ни странно, гармонирующее с цветом лица и фигурой.

— Проходите. — Алюш сделал приглашающий жест. Голос у него был гортанный, горловой, и слова он выговаривал очень четко и правильно, как диктор Интервидения. — Это мой кабинет. — Алюш указал на белую дверь с номером один. — Дальше лаборатории: микротехники, внутреннего обеспечения, газо- и водообмена, утилизации отходов, подгонки, легкой защиты, специальных средств защиты. Нам сюда.

Они вошли в лабораторию. Небольшой прямоугольный зал был поделен на отсеки, соединенные лентой транспортера, из дальней стены вырастали выпуклые щиты с люками и окнами — камеры испытаний. В зале было свежо и тихо, витали приятные травяные запахи.

Алюш провел Павла в самый конец зала, к последнему отсеку. В огороженной с трех сторон молочным пластиком комнатке стояли какие-то сложные агрегаты, у которых возились две девушки и юноша. Четвертый работник сидел перед экраном и следил за вспыхивающими в окошках пульта зелеными и красными цифрами.

— Третий цикл заканчиваем, — сказал он тонким голосом. — Показатели в пределах нормы. Приступать к последнему?

— После испытаний. — Алюш повернулся к Павлу, кивнул на экран. — Испытываем ваш скафандр.

Начальник отдела снял с зажимов одной из машин какой-то черный сверток с блестящими полосами и развернул в плоское подобие человеческой фигуры.

— Внутренняя оболочка. Она будет служить фильтром и уда-

лять отходы метаболизма. Управляется биотоками, но есть и звуковое дублирование.

Павел с сомнением потрогал мягкую эластичную пленку.

— А я в нее влезу?

— Не волнуйтесь, она рассчитана на крупногабаритную начинку. К сожалению, готов только первый скафандр, а он в камере.

— Нельзя ли посмотреть на скафандр в натуре?

— Нет ничего проще. Сеня, включи передачу из камеры.

Низкорослый Семен включил видеосвязь с камерой, одна из стен отсека исчезла, и на ее месте появился короткий круглый тоннель, заполненный слоистым голубым дымом. В дыму бродила странная серая фигура с конусом вместо головы. На спине у нее был круглый горб — генератор защитного поля, на поясе — ряд приборов и светящихся индикаторов. Семен поколдовал на пульте, дым в камере исчез.

— Что, конец? — раздался с пульта голос испытателя.

— Еще нет, Лори, — ответил Семен. — Прищел инспектор безопасности, хочет посмотреть, как ты выглядишь в скафандре.

— Ну и как я ему?

— Нормально, как горбатый варан.

Павел покосился на Алюша, смущенного юмором подчиненных, некоторое время рассматривал скафандр со множеством окошек, штуцеров, рубчатых полос и выпуклых ромбов, превративший человека в неизвестное науке существо.

— Выглядит довольно необычно, как панцирь мезозойского пресмыкающегося. Мне приходилось носить все типы скафандров для космических исследований и разведки, но такого я еще не видел.

Он покинул отдел через полчаса и вскоре был уже под Брянском, в зале Центра защиты, психологическая атмосфера которого заставляла его с особой остротой ощущать нависшую над миром грозную непредсказуемую опасность. Знакомого инженера службы Центра — он же работник службы безопасности, гриф, — Федора Полуянова, занимавшегося, по официальной версии, засылкой в Ствол конкистадоров, Павел обнаружил, где и положено, в секторе киберобеспечения.

Помещение отдела напоминало зал «отдела бронемастеров»: те же кубы отсеков, за перегородкой — терминал вычислителя, видеоселектор, в центре — черный круг с манипуляторами. На круге стоял конкистадор, рядом возился Федор Полуянов.

— Извините, что отрываю от работы, — сказал Павел. — Я ненадолго.

— Ради бога, о чем разговор! — развел руками Федор, сероглазый, плотный, с казачьими усами. — Ваша фирма настолько серьезная, что ее уважают даже неспециалисты.

— А вы разве не из нашей конторы?

Оба говорили для тех, кто их наверняка слушал, соблюдая законы «легенды», хотя знали о принадлежности друг друга к «глубокому горизонту» агентуры.

— Нет, я из отделения перспективных исследований Академии наук. Здесь, в Центре, много наших работников, да и вообще собрались представители почти всех научных дисциплин. Сами понимаете, случай беспрецедентный.

Полуянов нашел два свободных кресла, и они сели в уголке, чтобы не мешать работающим у пульта.

— Что вас привело к нам сегодня?

— Хочу узнать, что удалось выудить у конкистадоров о работе Ствола.

Инженер оценивающе посмотрел на Павла.

— Вы имеете разрешение отдела контроля на получение этих сведений? Почти вся информация о выходах конкистадоров из Ствола закрыта, даже для инспекторов. Кстати, вы третий, с кем я имею дело.

— У меня карт-бланш. — Павел показал красно-белую карточку с эмблемой УАСС и выбитой на другой стороне надписью: «Павел Жданов, отдел безопасности, неограниченные полномочия». — Из-за чего засекречена информация конкистадоров?

— Тут я пас, могу только предполагать. Мне кажется, ваше руководство опасается паники глобального масштаба. Изменить ход событий мы пока не в силах, всей мощи земной техники не хватит на то, чтобы уничтожить Ствол или хотя бы закапсулировать его от окружающего мира. К тому же есть подозрения, что в катастрофе замешаны чужие.

— Ну, это я уже слышал от Златкова, он давно предположил о вмешательстве в эксперимент иного разума.

— Тогда пойдемте, кое-что покажу. — Полуянов встал и подошел к отдельно стоящему пульту с мыслезадатчиком команд, в два приема вырастил из панели усик эмкана. — За две недели с момента катастрофы из Ствола вышли одиннадцать конкистадоров, последнего мы ловили вместе. Блоки памяти у них были разрушены, однако кое-какие крохи информации о работе систем Ствола изнутри удалось наскрести.

Инженер включил проектор, вспыхнувший вием раздвинул стены помещения. Павел увидел часть песчаного пляжа, нависающую над ним циклопическую сизо-синюю стену, какие-то бурые высохшие растения и россыпь камней. Но не это привлекло внимание инспектора: на переднем плане виднелись полузасыпанные песком матово-черные полусферы, из которых торчали длинные красные хлысты, похожие на удочки, — не то антенны, не то усы, а рядом стояла громадная черная туша, похожая на

уродливого металлического кентавра с таким же уродливым черным всадником на спине.

— Одна из самых качественных голографий, полученных нами от конкистадоров, после обработки, разумеется. Видите полусферы с антеннами и это чудище — кентавра? Это главное доказательство того, что в Стволе находятся чужие разумные существа. Полусферы и кентавры не входят в оборудование Ствола.

Подождав немного, Федор сменил изображение.

Низкая темная комната, закопченная и грязная, а может быть, сказалось качество голографии. Посередине круглая колонна с черной дверью, рядом с колонной люди — мужчина и женщина. Лица немного смазаны, но заметно, что они устали.

— По одежде — выходцы из двадцатого века. Как они туда попали — неизвестно.

Снова смена изображения.

Снежная равнина с чахлыми кустиками, а вдали — золотистый купол, похожий на пухлую шапку светящегося тумана.

— Хроноскважина, — пояснил инженер. — Канал непосредственного преобразования пространства во время. Остальные снимки, к сожалению, некачественные, почти ничего не разглядишь. Кроме голографий, мы получили записи состояния некоторых агрегатов Ствола. Нет сомнения, хронобур продолжает работать и удерживать Ствол в состоянии «вибрирующей струны». Состояние это опасно тем, что в любой момент время может «пойти вразнос» — термины условны — и... никто ничего не успеет понять. Мы просто исчезнем, а вместе с нами и обозримая часть Вселенной. Перспектива не из приятных, не правда ли?

— Меня сбивает с толку, что вы так легко рассуждаете об этом.

— Потому что не верю в пессимистические прогнозы. Мы, считавшие себя владыками пространства и времени, разбудили такие чудовищные силы, что наши старшие братья по разуму не могли не вмешаться. Полусферы с антеннами и кентавры с всадниками наверняка являются их аппаратами.

Павел с сомнением покачал головой.

— Что-то вид у них больно непрезентабельный. Вмешательство иного разума я представляю себе не так. Во всяком случае, без применения техники, похожей на нашу. И вообще получается странная ситуация: одни вмешались и породили катастрофу, другие пытаются исправить содеянное первыми. Не объясняем ли мы икс через игрек?

Федор улыбнулся.

— Мыслите вы логично, но... как бы это сказать... слишком прямоугольно.

— Вы хотите сказать: прямолинейно?

— Нет, именно прямоугольно, с применением жестких рамок привычных представлений и взглядов.

— А мне говорили, что я мыслю раскованно.

— Не верьте, польстили.

Они улыбнулись друг другу.

— Последний вопрос, — посерьезнел Павел. — Каким образом конкистадоры пробираются в Ствол?

— Через особые точки. Бывает, что некоторые участки Ствола выпадают из резонанса, тогда в этой точке происходит выброс странной субстанции, нечто вроде черного тумана или жидкости, которую теоретики называют «аморфным временем», и в момент окончания выброса можно успеть проскочить внутрь Ствола. Но нужна исключительная реакция, превышающая даже возможности конкистадоров. По подсчетам, из десяти запускаемых автоматов проходят в Ствол два-три, ну а назад возвращаются и вовсе единицы из сотни, да и те инвалиды.

— Из людей никто не пробовал пройти в Ствол?

— Никто... кроме Марича. Это ведь равносильно самоубийству.

Говорилось это уже на полном серьезе, без подтекста, и Павел оценил слова Полуянова, который знал степень риска и ничем не мог помочь т а м, в Стволе. Знал он и о том, что Жданов не откажется от похода, став основным исполнителем операции «Хроноспецназ».

— Чем грозит человеку столкновение с хронопеной? Мне много говорили об опасности зоны темпоральных эффектов, но чем она опасна конкретно?

— В зоне хронопены пространство-время становится многосвязным на макроуровне. Время становится «пространственноподобным», то есть измерение интервала между прошлым и будущим можно свести к измерению длины. Кроме того, рядом сосуществуют области пространства, в которых время течет в разных направлениях и с разной скоростью. При переходе из области в область может произойти распад психики, распад личности. Человек может уцелеть физически, но погибнуть как разумное существо. Но все же, вероятнее всего, он просто превратится в сгусток энергии, во вспышку света.

— М-да... — протянул Павел. — Атаковать Ствол в лоб действительно опасно. Спасибо за предупреждение.

— Всегда к вашим услугам, — поклонился Федор.

Павел вернулся в зал контроля, где в это время проводилась перекличка постов наблюдения, и попросил диспетчера выдать ему статистический отчет об изменениях среды вокруг Ствола за последние двое суток.

Полчаса ушло на изучение отчета, выведенного на дисплей. Ромашин не зря обращал внимание инспектора на характеристи-

ки среды в месте расположения лаборатории. По отчету выходило, что процесс изменения среды постепенно ускоряется. Самым неожиданным следствием изменений как для метеорологов, так и для исследователей было появление гравитационной депрессии. Поле тяготения вокруг Ствола приобрело форму вогнутой линзы: направление силы тяжести уже не совпадало с перпендикуляром к земной поверхности, и люди вдруг начинали ходить под углом в пятнадцать градусов к вертикали. Летательные аппараты в полете по горизонтали, приближаясь к Стволу, начинали полого скользить вниз, альтиметры давали снижение высоты, а гравиметры упрямо твердили о неизменности потенциалов гравитации.

Со Златковым поговорить не удалось. Пока Павел беседовал с диспетчером, начальник Центра исчез из зала в неизвестном направлении.

Павел соединился с базой УАСС в Калининграде, предъявил свой карт-бланш и попросил подготовить к полету десантный когг, перебросив его в район Брянска, к станции метро.

Диспетчер кивнул, хотя в глазах его мелькнуло удивление. Павел не стал объяснять ему, что несколько лет проработал пилотом-испытателем полигона УАСС на Сааремаа, и лишь уточнил время прибытия когга в Брянск.

Аппарат, способный совершать «теневые» прыжки внутри Солнечной системы, понадобился ему, чтобы посетить те странные области над Землей, о которых говорил Ромашин. Едва ли того требовал ход расследования катастрофы, и Павел в душе понимал это, но, во-первых, расследование как таковое зашло в тупик, новые факты только добавляли загадок, не объясняя старых, а во-вторых, откуда-то пришло ощущение нереальности происходящего, отстраненности бытия, ненужности и тщетности попыток осмысления событий. С Павлом такое происходило впервые, он сначала с удивлением, а потом и с тревогой прислушивался к себе, пытаясь понять, что послужило первопричиной необычных, новых ощущений, и пришел к выводу, что причин несколько. Он выпал из привычного ритма работы в космосе — это раз. Остался без друзей, которые понимали его с полувзгляда, — это два. И, наконец, получил изрядный психологический шок от избытка информации и того смысла, который стоял за словами «режим бедствия», «катастрофа» и «угроза существованию Вселенной».

Павел вышел из кабины метро в Брянске и отправился разыскивать транспортную площадку грузового орбитального лифта, где должен был дожидаться его когг типа «Коракл» без пилота.

Ромашин знал, что «санитары» следят за ним «в три глаза», но был спокоен: в любой момент бригада сопровождения «кольчуга» могла отвлечь внимание наблюдателей, перекрыть им эфир и пространство, отсечь от подопечного и захватить. Но до этого не доходило, комиссар умело манипулировал обоймами риска и подстраховки и не давал повода «санитарам» считать себя серьезным противником.

В зале Центра защиты Ромашин пробыл недолго, затем зашел в туалет и вернулся в зал. Вернее, вернулся его двойник, в то время как настоящий комиссар по второй транспортной сети, подконтрольной только службе безопасности, переместился в сектор кибернетического обеспечения, где его ждал гриф Полуянов.

— «Санитары» начинают наглеть, — сказал безопасник, поглаживая усы. — Уверовали в свою безнаказанность и делают проколы на каждом шагу.

— А вдруг это стратегический замысел? Может, существует еще один уровень их вмешательства, недоступный нашим экспертам и аналитикам?

Полуянов шевельнул широкими плечами.

— Не исключено, наши эксперты всего лишь люди и тоже могут ошибаться, но и они не лыком шиты и давно пытаются нащупать этот уровень, хотя и безрезультатно пока.

— Итак, две нащи обоймы спецназа в Ствол не прошли. Причины?

— А вот это уже уровень вмешательства «хирургов» или по крайней мере их генеральных эмиссаров. Помните выход шестилапых обезьянозмей? По всем данным, именно они контролируют вход в Ствол. Ребята нарвались на заставу и...

— За эту трагедию с нас еще спросят. Надо рассчитать точку выхода следующей группы таким образом, чтобы гарантировать стопроцентный успех. Златков говорит, что нашел хорошую идею...

— Она должна сработать. Это не атака Ствола в лоб, это глубокий хронопрокол. Используя этот вариант, можно, в принципе, доставить пассажира в любой из временных узлов выхода Ствола в прошлое. Правда, масса посылки весьма ограниченна, двух человек мы послать не сможем. Зато ни «санитары», ни сами «хирурги» не будут в состоянии перекрыть в с е горизонты.

— Переходите на разработку этого варианта.

— Программа уже запущена. По «четырем нулям». Вряд ли «санитары» способны догадаться, что происходит... если только у

них нет агента в высшем эшелоне СБ. Одного из них, кстати, телохранителя Златкова, надо держать крепче.

— Это ваша забота. В нужный момент захватите его и нейтрализуйте программу «гипно». Он еще поработает на нас.

— А кто все-таки пойдет в Ствол? Жданов?

— У вас есть сомнения?

— Нет, но... одному ему будет тяжело. Может, я пойду с ним? В крайнем случае за ним?

— Готовьте еще одну отвлекающую группу, он должен пройти чисто. И подстрахуйте во время его похода в лабораторию.

— В лабораторию мог бы пойти и кто-то другой. Зачем рисковать основным исполнителем?

— Внешне он не должен выглядеть основным, а поход в лабораторию на некоторое время отведет подозрения «санитаров» от его особы. К тому же его подстраховывают Те, Кто Следит.

— Хронорыцари?

— Вы же понимаете, что нет. Хронорыцари — исполнители, вроде наших ребят из обойм подстраховки. А вот командует черными всадниками разум классом выше. У вас еще есть что сказать?

Полуянов качнул головой, комиссар без слов вышел. И тотчас же изменились тонкие психоинверсные потенциалы потока внимания, фиксируемого аппаратурой бокса: бригада подстраховки повела своего подопечного.

ГЛАВА 9

Получив разрешение диспетчера транспортной инспекции на старт, Павел привычно провел контроль функционирования и поднял машину в воздух. Через пять минут он был над Стволом. Зависнув на минуту на высоте в десять километров, Павел сообщил в Центр о своих действиях и попросил включить его когг в поисково-опознавательную сеть группы «Роуд-аскер».

Переключив станцию связи на волну интеркома, он стал слушать переговоры пилотов и наземных служб между собой. Голоса были негромкие, буднично-спокойные, и Павлу снова на короткое время показались напрасными его тревоги и страхи. Жизнь Земли продолжалась обычными темпами, и даже здесь, в районе катастрофы, где УАСС ввело режим бедствия, не чувствовалось лихорадочной и жестокой спешки, напряжения и тревоги, соответствующих настоящему бедствию, влекущему разрушения, уничтожение природной среды и человеческие жертвы.

Когг медленно пополз вверх. Зеленая холмистая равнина вокруг Ствола отодвинулась, детали и подробности ландшафта рас-

творились на фоне сочной зелени. Ствол превратился в белый карандаш, воткнутый острым концом в землю.

Мимо проскользнул ажурный короб с шариком кабины на торце — излучатель силового поля. В километре висел второй такой же, за ним еще один. Вероятно, пояс силового заграждения. На высоте сорока километров Павла окликнули:

— Эй, кто там лезет напролом? Пилот неизвестного «Коракла», ответьте патрулю заграждения, вы нарушаете режим работы.

Павел притормозил подъем.

— Инспектор Жданов, отдел безопасности, «Роуд-аскер».

Тон патрульного не изменился.

— Будьте внимательнее. Выйдите из зоны риска.

Вскоре Павел оказался в непосредственной близости от первой из странных областей — светящегося слоя площадью в два десятка квадратных километров. На фоне фиолетового купола неба стратосферы она выглядела красивой, зеленовато светящейся паутиной, похожей на интерференционную картину световых волн. Узор паутины медленно и непрерывно менялся, из-за чего казалось, что она то удаляется, то приближается, танцует.

Павел направил коrг прямо в ее центр, готовый изменить курс при первых же признаках опасности, но делать это ему не пришлось: аппарат сам собой, без команды, плавно изменил направление движения и отвернул от покрывала. В рубке зазвучал тот же голос:

— Инспектор, вы в опасном районе. Прошу не мешать работе исследователей. Как слышите?

— Прекрасно слышу, — пробормотал Павел сердито. — Чем опасен район свечения?

— В его излучении есть жесткая компонента.

— Машина имеет полевую защиту от всех видов излучения.

— И все же прошу не рисковать. Исследования свечения начались недавно, могут быть неприятные сюрпризы.

— Хорошо, понял.

Коrг увеличил скорость и вышел из-под светящейся вуали. Земля на глазах превратилась в пухлый голубовато-зеленый шар.

Десять тысяч километров до следующей загадочной области пространства — «пузыря отталкивания» — коrг преодолел за две минуты. Здесь повторилась та же ситуация, что и у зоны свечения: коrг изменил траекторию и погасил скорость почти до нуля.

— Вы у зоны-два, — произнес знакомый патрульный. — Диаметр зоны тысяча километров, включите локацию в диапазоне инфра.

Павел послушно включил локаторы и увидел впереди и внизу мерцающую голубоватым светом объемную фигуру — сетчатый шар. Вокруг зоны установлены радиоотражатели, чтобы было

видно издалека, догадался инспектор. «Напрасно полетел, — подумал он вдруг, разглядывая на экранчике локатора светящуюся мошкару вокруг тысячекилометрового «пузыря». — Никто сейчас не скажет, связаны ли эти странные образования с работой Ствола, а интуиция не обладает правом проверенного факта. Что из того, что я убежден в их связи? Доказательств-то нет. Доказать эту связь можно, только побывав в лаборатории...»

С полчаса Павел выписывал петли возле громадного шара, пустого, как и пространство кругом, с сочувствием подумал о суетящихся исследователях, которым предстояло больше разочаровываться, чем радоваться открытиям, и повернул когг носом к Земле. Тоскливое чувство ненужности вернулось вновь и потащило за собой привычную цепь размышлений, конечным итогом которых были злость и боль неведомой утраты: злость на себя, за несвойственные ему переживания, чувство утраты — сугубо конкретное чувство, поводом для которого были воспоминания о Люции.

В Управлении Павла ждали сообщение об испытаниях скафандра и короткая записка комиссара безопасности: «Павел, зайдите, вы мне нужны». Записка была оставлена два часа назад.

Ломая голову, зачем он понадобился Ромашину, Павел привел себя в порядок — он знал, что начальник ценит аккуратность и подтянутость, внешнюю и внутреннюю.

Видеопласт кабинета на этот раз встретил его дубовой рощей, запахом прелой листвы, грибов, дубовой коры. Ромашин сидел за столом, но встал, когда вошел инспектор, исподлобья глянул на него.

— Подождите немного.

Комиссар подошел к стене кабинета и шагнул в нее, как в облако тумана. На миг на стене остался гореть желтый контур его тела, потом исчез. Павел молча ждал, разглядывая обстановку кабинета. Через минуту из стены вышел Ромашин, сел за стол, но сесть гостю не предложил, кивнул на стену.

— Пройдите на контроль.

Павел, не удивляясь, вошел в стену из мерцающего огнями янтарного пластика, точно так же, как и комиссар до этого, пережил неприятное ощущение глухоты, сопровождавшее нырок под колпак абсолютной защиты, и встретил невозмутимый взгляд... Ромашина! Павел невольно оглянулся назад.

— Это двойник, — спокойно произнес комиссар. — Я не должен отлучаться из кабинета, если я там есть.

Он отступил в сторону, и навстречу Павлу шагнул... он сам! Подмигнул, исчез за остающейся твердой на вид стеной. Павел проводил его взглядом, повернулся к комиссару.

— Я тоже должен быть там... коль уж пришел. Значит, вас пасут серьезно?

Ромашин сел в одно из кресел, стоявшее у столика с фруктами, показал рукой на другое.

— Садитесь, поговорим. Слежки за собой не заметили?

— Заметил, — помедлив, сказал Павел. — Давно.

— Агентурную, визуальную, с применением спецсредств?

— Уровень «санитаров» агентурно-визуальный, но я...

— Чувствуете дистанционку?

Павел поднял на комиссара твердый взгляд.

— Дело в том, что я...

— Паранорм. А в личном деле об этом ни слова.

Павел открыл рот, чтобы оправдаться, но передумал.

Ромашин кивнул.

— В принципе это не преступление, паранормы, насколько я знаю, в подавляющем большинстве не любят демонстрировать свои возможности. Что ж, тем лучше... для дела. Если бы «санитары» узнали о ваших данных, мы с вами, наверное, уже не разговаривали бы. Им удалось выбить почти всех паранормов, самых серьезных своих врагов. Я вижу, вы до сих пор сомневаетесь в целесообразности режима бедствия.

— Я почему-то считал, что внешняя сторона этой формы тревоги выражается эффектней. Два года назад я был свидетелем тревоги по форме «Шторм», тогда Управление проводило операцию «Демон». Подробностей не знаю, помню только, что где-то в Северной Америке обнаружили неземной аппарат, обладающий способностью изменять реальность мира. За ним прилетели хозяева, и дело едва не закончилось крупной катастрофой. Вот тогда режим бедствия был исключительно заметен: в воздух были подняты все три спасательных флота УАСС.

— Руководителем операции был я. Но мы отвлеклись. Вы говорите, что настоящий режим бедствия со стороны незаметен? Что ж, как мне кажется, это большая похвала отделу безопасности, да еще из уст профессионала. Наша работа и должна быть незаметной и эффективной. Ну-ка, смотрите.

Ромашин наклонился над столом, стремительно прошелся пальцами по сенсоратуре, в стенах комнаты загорелись ячеи виомов. Каждый показывал свою картину, в основном — рубки спейсеров Дальразведки и погранслужбы, посты связи станций приема аварийных сигналов и посты оперативного дежурства, диспетчерские пункты аварийно-спасательной службы, кабинеты руководителей Управления.

— Вы видите изнутри систему координации Управления по режиму бедствия. Я координатор операции, и на кабинет сведены все цепи связи и контроля.

Павел кивнул.

Напротив, в полутемной рубке одного из спейсеров звездного флота, плотный крупнолицый человек с коротким ежиком волос разговаривал с невидимым собеседником:

— В первую очередь эвакуируйте женщин и детей, остальные пойдут во вторую очередь. Потом пройдите по трассе Ориона в ТФ-режиме и прощупайте границу мрака, только без ненужного риска.

В другом виоме в такой же рубке трое космолетчиков работали на общем пульте, переговариваясь на таком узкоспециальном жаргоне, что Павел с трудом понял, о чем идет речь: космолет не мог пробиться в какую-то закрытую неизвестно чем область пространства, его выталкивало обратно.

В третьем виоме разговор шел о свертывании дальних звездных экспедиций и подготовке к эвакуации колоний у других звезд.

В четвертом директор УАСС беседовал с председателем Высшего Координационного Совета Земли о необходимости переброса энергетического моста от энергостанций солнечного пояса в район Брянского леса, к установкам Центра защиты...

Ромашин сделал выпад пальцем в стол, радуга виомов погасла.

— Так-то, — сказал он. — Это наша работа, и пусть она будет видна только нам. Теперь поговорим о вас. Вспомните один момент: кто сообщил вам о вызове на Землю в наземный сектор службы?

Павел оживил в памяти историю со шлюпом грифа Геворка.

— Прима-пилот базового корабля «Рысь». Меня направили туда...

— Я в курсе. И вы ничему не удивились потом?

— А ведь верно! — вспомнил вдруг Павел. — Полет занял полтора часа, и, когда я прилетел, заместитель начальника экспедиции сказал, что я вернулся вовремя. Мол, только что пришло ТФ-сообщение с Земли, чтобы меня отправили в отдел безопасности наземного сектора. Понятное дело, я удивился — как «только что»? Дежурный сообщил мне об этом полтора часа назад! Но разбираться было некогда, и я улетел. Вы хотите сказать, что меня вернули из полета до того, как пришло сообщение с Земли?

— Более того, вас никто не вызывал на Землю.

Павел засмеялся.

— Выходит, я все придумал? Легко проверить.

— Я констатирую факт: вас никто не вызывал. О том, что вы якобы вызваны в наш сектор, стало известно совсем недавно. И я, кажется, знаю, в чем дело.

— Зато я ничего не понимаю!

— Сейчас поймете. Вспомните последнее: сегодня утром вы

решили пройти по вектору от Ствола, посмотреть на странные явления: свечение стратосферы, «пузырь отталкивания», так?

— Признаюсь, это было лишним. Нет сомнений, что свечение и все остальное связано со Стволом. Но я не знал, что делать.

— Во время полета вы разговаривали?

— Со службой координации транспорта и патрулем.

— Вас останавливали?

— Дважды: у зоны свечения и у «пузыря отталкивания».

— Что говорилось при этом?

— Дословно не помню, но что-то вроде: «Вы в опасной зоне», «Включите локаторы» и «Не мешайте работе».

— Дело в том, что никто с вами не разговаривал! Во всяком случае, никто из людей. Коррекцию траектории полета осуществляют автоматы, а они не запрограммированы вести переговоры с пилотами всех видов транспорта. Были слышны только ваши реплики и ни слова тех, кто с вами разговаривал.

Павел молча смотрел на Ромашина. Тот слабо улыбнулся.

— Интересно, правда? Хотите — верьте, хотите — нет, но за вами установлено наблюдение. Хотелось бы знать, кто этот неизвестный радетель, волнующийся за вашу судьбу.

Павел оценил скрытый подтекст речи начальника отдела: если бы ему не доверяли, этого разговора не было бы.

— Если все это связано с лабораторией, — продолжал Ромашин, — а иначе все происшедшее с вами теряет смысл, то вывод напрашивается сам собой: кто-то — не люди — назначил вас главным исполнителем по выключению Ствола и печется о вашем здоровье, чтобы, не дай бог, до похода в Ствол с вами ничего не случилось!

— Даже сказать нечего, полный сумбур в голове! — Павел погладил шею у затылка. — Но почему я? Чем я так понравился моему визави?

— И нас интересует этот вопрос. Вам придется пройти медосмотр в полном объеме и психологическое тестирование. Не возражаете?

— Не очень приятное известие. — Павел поймал себя на том, что хочет почесать затылок, и взял себя в руки. — Я согласен, если это необходимо. Выходит, меня пасут теперь целых три конторы: ваша служба, извините, «санитары» и... Те, Кто Следит. Не слишком ли много для одной персоны? Не пересекутся ли курсы тех, других и третьих, так что в проигрыше окажусь я?

Ромашин погрустнел.

— Гарантий дать не могу. Но, судя по последним событиям, вам ничего не угрожает... в ближайшем будущем. Вот после запуска вас в Ствол... — Комиссар снова стал невозмутим, явно изучая реакцию инспектора. — Но об этом мы успеем погово-

рить. Задачей номер один после прорыва будет создание группы спецназа. Задачей номер два...

— Выключение хронобура. Но где я найду исполнителей? Или вы запустите их следом за мной?

— Мы будем пытаться, но вряд ли этот маневр удастся повторить много раз. «Хирурги» сделают все возможное, чтобы нам помешать. И не исключено, что вам придется рекрутировать в спецкоманду тех людей, что бродят по Стволу в разных временных узлах. — Комиссар встал, положил руку на плечо поднявшегося Павла. — Я все понимаю, гриф. Утешать не буду, утверждать, что все кончится хорошо, тоже. В данный момент, уж ты прости, я думаю не о тебе и не о себе. На карту, по словам Златкова, поставлено будущее Мироздания, и что-то мне подсказывает, что он ненамного преувеличил опасность. Конечно, для нас с тобой все равно, что будет со Вселенной, если исчезнем мы сами. Но у нас нет выбора — кого спасать...

— Не надо меня убеждать, — тихо сказал Павел, не заметив, что они перешли на «ты». — Все, что от меня зависит, я сделаю.

Он поднял голову, словно хотел увидеть наблюдателя, но увидел над собой только голубой потолок.

ГЛАВА 10

В «отделе бронемастеров» его ждал Алюш, одетый на этот раз в темно-коричневый костюм.

— Вот, — сказал Алюш, подавая Павлу серый толстый балахон, — готов к испытаниям. Вам осталось заказать снабженцам, чтобы в Центр прислали робота-андроида.

Павел взвесил скафандр в руке.

— Килограммов шестнадцать.

— Восемнадцать без генератора поля и батарей. Полный комплект весит сорок один килограмм.

— Ничего не поделаешь, придется таскать.

— Второй обещает быть полегче килограммов на десять.

В Центр прибыли к двум часам дня. Павел отметил появление у Ствола трех фиолетовых конусов. Что-то новое. В зале контроля он нашел Златкова и сообщил о решении провести контрольные испытания скафандра в реальных условиях. Начальник Центра поманил Павла к себе, усадил рядом в пустующее кресло. В виоме виднелись Ствол, холмы и фиолетовые конусы на них.

— Мы разработали метод наблюдения за слоем хронопены вокруг ускорителя. Не хотите посмотреть? Те конусы — антенны хроновизоров.

Златков произвел на пульте необходимые переключения, и

картина в центральном виоме изменилась. Пейзаж остался тем же, но холмы, покрытые травой, потеряли цвет, стали серыми, словно присыпанные пылью. Ствол из стройной белой колонны превратился в полупрозрачную неровную скалу, похожую на гигантский сталагмит. Куб лаборатории и вовсе исчез. Но главное, что сталагмит Ствола дышал: форма его изменялась, поверхность то вспухала прозрачными буграми, то опадала зализанными волнами, с крутых склонов срывались студнеобразные капли, скатывались вниз, разбиваясь на брызги, и постепенно рассасывались до полного исчезновения в сотне метров от подножия «ледяной скалы».

— Хронопена в наглядном изображении, — сказал Златков. — Студнеобразные пузыри — это области пространства с локальным ходом времени. В каждом пузыре время течет по-другому. Если бы хроновизор у нас появился раньше, автоматов мы потеряли бы меньше.

— Благодарю, — сказал Павел. — В свою очередь, предлагаю посмотреть запуск робота в лабораторию. Кстати, не мешало бы включить хроновизор — будет видно, где робот войдет в хронопену.

— Когда будете готовы — предупредите.

Павел отправился в отдел запуска автоматов.

Робот, одетый в скафандр, был уже готов к выходу. Алюш проверял, как он реагирует на команды, усатый Федор натягивал на себя легкий пленочный скафандр.

— Провожу до линии гипнозащиты, — пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Павла.

— Готов, — сказал Алюш. — Можете начинать.

Павел обошел фигуру в сером балахоне. Вблизи скафандр выглядел более внушительно, чем в первый раз по виому, а его схожесть с фигурой человека только подчеркивала различия, отчего у Павла возникло странное ощущение, будто он знакомится с представителем чужой цивилизации.

— Какова программа?

— Самая простая — пойти и вернуться, — пробормотал уже одетый Федор, застегивая прозрачный куб шлема. — Он обойдет лабораторию, войдет внутрь и попытается проникнуть в зал Управления. Встретятся препятствия — вернется. Весь путь будет записываться на видео.

Федор поднял руку и пошел к выходу. Серая сгорбленная фигура потопала за ним. Впечатление, что это неземное существо, усилилось.

Павел проводил необычную пару и вернулся в зал контроля.

В зале собралось человек двадцать работников Центра, которые хотели посмотреть на испытания скафандра, обладающего

хронозащитой. Златков занял место главного диспетчера и приказал в течение часа соблюдать в эфире режим радиомолчания. Шум переговоров по общей волне интеркома стал стихать.

Павел занял кресло рядом с начальником Центра и стал наблюдать, как Полуянов ведет робота по берегу ручья.

За километр от Ствола инженер остановился.

— Дальше мне, к сожалению, нельзя. А хотелось бы... Иди, дружище.

Робот в скафандре ожил и размеренно зашагал к зданию лаборатории.

Златков включил хроновизор. Ствол и здание лаборатории превратились в «ледяные утесы», даже отдаленно не напоминающие постройки, сделанные руками человека. По их склонам все так же сползали и падали на землю водянистые капли многосвязного квантового пространства-времени.

Робот дошел до границы темпоральных эффектов и шагнул в студень. На обычном экране его фигура причудливо исказилась, задрожала, стала зыбкой и скачком выросла в размерах. В виоме, принимавшем изображение от антенн хроновизора, было видно, как робот вошел в одну из жидких на вид капель, разделился на три одинаковых силуэта и, вспыхнув, пропал.

Как сонные мухи поползли секунды, складываясь в минуты, десятки минут. Павел нашел глазами Алюша, начальник «отдела бронемастеров» развел руками: что, мол, я могу сделать? В это время Павла тронул за рукав Ромашин.

— Ждете?

— Ждем. Прошел час с небольшим.

И в это мгновение раздался голос наблюдателя:

— Возвращается!

Полуянов бросился бегом с холма к тому месту, где у равнины запрещенной зоны должен был выйти робот.

В виоме хроновизора длиннорукий урод вынырнул из шевелящейся массы студня в шести экземплярах, сложился в один. В обычном виоме выход робота выглядел иначе: сначала из черного прямоугольника двери главного входа вынеслось размазанное серое пятно, потом робот прошел границу несовмещения времен и превратился в серого горбуна, который неторопливо направился к ожидавшему его человеку.

— Поздравляю, — сказал Ромашин Алюшу.

— Рано поздравлять, — оживился тот. — Посмотрим, что он принесет.

— Он вернулся, а это главное. — Ромашин глянул Павлу в глаза. — Кажется, приближается ваш звездный час?

— Мне пока не объяснили, что я должен делать в здании.

— Все объяснит Златков, лучшего специалиста у нас нет. Вы не торопитесь?

— Как будто нет. Хотел закончить работу со скафандром.

— Что ж, подождем несколько минут.

Они стали смотреть, как возвращаются Федор и робот. Инженер почему-то размахивал руками, забегая вперед, останавливался, толкал серого робота в толстое плечо, а тот размеренно шагал вперед, не обращая внимания на действия своего провожатого. Наконец Полуянов выдохся.

— Он не отвечает на вызовы и не слушается команд. Что делать? Так мы пройдем мимо лифта в Центр. Разрешите, мои ребятки спеленают и принесут его вниз?

— Действуйте, — буркнул Златков.

На склоне холма показались «ребятки» Федора — два странных механизма, похожих на многоруких и безголовых обезьян. Они ловко окружили невозмутимо шагавшего робота, мгновенно опрокинули его, подняли над собой, заключив ноги и руки робота в захваты, и понесли в Центр. Робот дернулся несколько раз и затих.

Через несколько минут выяснилась причина его молчания: во-первых, антенны связи скафандра оказались съеденными необычной коррозией, а во-вторых, у робота почти полностью отсутствовал энергозапас.

Павел не стал дожидаться, пока ученые разберутся с причинами этих явлений, и вместе с Ромашиным вернулся в Управление.

ГЛАВА 11

Заседание Совета безопасности Высшего Координационного Совета Земли проходило в малом конференц-зале УАСС.

С большинством присутствующих, представителями УАСС, погранслужбы, Земплана, ВКС, социальных институтов, Павел знаком не был. Двоих или троих встречал в Управлении, директора УАСС видел в третий раз и лишь Ромашина и Златкова знал достаточно хорошо.

На центральное возвышение зала взошла незнакомая женщина в сари, с пышными седыми волосами, в которых посверкивали радужные капли. Женщина была немолода и некрасива, но взгляд выдавал в ней человека незаурядного и сильного.

— Заседание Совета безопасности объявляется открытым, — сказала она певуче на интерлинге. — Кворум соблюден. Прошу помнить, решения заседания имеют силу закона. Экстренное сообщение сделает комиссар Евроазиатского сектора службы безопасности.

Женщина села за стол, набрала шифр записывающей аппаратуры, приблизила к себе усик киб-переводчика. Ромашин занял ее место. Павел невольно напрягся, до него вдруг дошел смысл слов «Совет безопасности». Решения этого органа чрезвычайного положения не могла отменить даже генеральная ассамблея ВКС.

— Начну с того, что вы уже знаете, — проговорил Ромашин, глядя поверх голов присутствующих. — Две недели назад произошла катастрофа в лаборатории времени, в результате которой погибли пятьдесят шесть человек. За две недели расследования причин катастрофы удалось установить, что хроноускоритель — Ствол, как мы его называем для краткости, — продолжает работать, хотя неизвестно, откуда он черпает энергию. С гипотезами ученых вас ознакомит заведующий лабораторией, доктор хронофизики Златков, я же приведу несколько примеров.

По данным статистического управления, за последние две недели резко возросло количество несчастных случаев как на Земле, так и в Системе, увеличилось число аварий. Кроме того, по данным «Скорой помощи», за те же две недели возросло количество сердечно-сосудистых и нервных заболеваний. Прослеживается прямая корреляция между работой Ствола и негативными явлениями в жизни планеты.

Ромашин посмотрел на Павла и отвел глаза.

— Вокруг Ствола накапливаются нарушения природной среды, погодный баланс расстроен, синоптики с трудом справляются с нарушением погодного равновесия в масштабах материка. Поддерживать равновесие с каждым днем становится все трудней. Нет смысла обвинять СЭКОН в некомпетентности, в том, что она разрешила эксперименты со временем, не просчитав всех последствий. Главное сейчас — не допустить развития катастрофы.

Начальник отдела снова посмотрел на Павла. «Волнуется, — догадался тот, — за меня волнуется!»

— Однако появились дополнительные факты, заставившие нас задуматься, — продолжал Ромашин. — А именно: мы, то есть человечество, находимся под контролем. Факты проверены, сомнений нет.

Реакция слушателей показалась Павлу забавной: все остались спокойными, задумчивыми, даже рассеянными, словно то, что они услышали, не выходило за рамки привычных представлений. Спустя полчаса Павел понял, насколько ошибался. Ромашин же отлично знал, с кем имеет дело, и сухо, точно, сжато перечислил факты, в том числе и о загадочном вмешательстве в поступки Павла неизвестного лица, позволявшем сделать вывод о контроле над людьми, пусть и не над всем человечеством, но, во всяком

случае, над теми, кто так или иначе связан с катастрофой в Брянском лесу.

— И последнее, — сказал Ромашин, оставаясь бесстрастным, как и все остальные. — Вы слышали об открытии необычных явлений, каким-то образом связанных с работой Ствола: свечении в верхних слоях атмосферы, «пузыре отталкивания» материальных тел на высоте в десять тысяч километров над Землей, области поглощения у полюсов эклиптики. Все эти участки пространства укладываются на вектор, идущий из одной точки на поверхности Земли — из района расположения Ствола. Мы проверили этот вектор и дальше в космосе, сначала до расстояния в десять парсеков — не верилось, что дальнодействие Ствола распространяется так глубоко в космос, — ничего. Никаких сюрпризов. Семнадцать парсеков — новая область отталкивания размером в полтора световых года. Тридцать четыре парсека — еще одна область поглощения диаметром около семи световых лет! Предел наших космолетов, как вы знаете, сто парсеков, так далеко уходили только одиночные автоматы-разведчики, рискнули и мы. На сто втором парсеке спейсер «Славутич» воткнулся в н и ч т о!

Ромашин кашлянул, отпил несколько глотков сока из бокала.

— Экипажу спейсера удалось спастись на автономном «панцире», их подобрал идущий в кильватере «Тиртханкар». Конечно, н и ч т о, пожалуй, слишком сильно сказано, но то, что увидели разведчики, иначе не назовешь. Звезды впереди исчезли! Сзади все было как и прежде, впереди — чернота! Корпус спейсера стал таять, испаряться, несмотря на защиту, энергозапас иссяк в несколько минут... Знаю, звучит неправдоподобно, нонсенс, чушь! Но, — Ромашин развел руками, — факт! А потом мы послали разведчиков по другим направлениям, и оказалось, что область пространства в радиусе ста парсеков от Солнца окружена той же субстанцией, в которой бесследно исчезают зонды и беспилотные модули. Млечный Путь исчез, будто почти все двести миллиардов его звезд погасли! Погасли и другие галактики, их свет за пределами двухсотпарсековой сферы умер! Я не знаю, в чем тут дело, никто не знает. Сфера «нормального» пространства уменьшается со скоростью две световые минуты за секунду. Звезды на границе сферы гаснут. Мы свертываем экспедиции, эвакуируем колонии у иных звезд. Паники еще нет, но... — Ромашин замолчал.

«Эра Больших и Могучих дел! — вспомнил Павел ироническое высказывание Марича. — Неужели все это — следствие катастрофы в лаборатории времени?»

— И выхода нет? — раздался чей-то негромкий голос.

— Есть. Надо выключить хронобур — генератор хронораспада. Поскольку тот, кто установил контроль над нами, не навязы-

вает своей воли, своего решения, значит, мы пока действуем правильно.

— Но ведь в Ствол пройти невозможно, вы сами говорили.

— Да, риск смертелен и нет гарантии, что удастся выключить генератор. Но у нас нет иного выхода!

— Уже есть кандидатуры?

— Их несколько, но оглашать список преждевременно. Главное, что все они знают, на что идут, и готовятся соответствующим образом.

На возвышение вышел Златков.

— Не буду утомлять вас теоретическими выкладками, — начал он, более угрюмый, чем обычно. Физик осунулся, под глазами легли тени, глаза сухо блестели. — Хронофизика пока остается наукой скандальной, ибо многие ее парадоксы каждый теоретик объясняет по-своему. Это касается и последнего эксперимента, закончившегося трагедией. И все же я попытаюсь свести гипотезы физиков или хотя бы большинство из них в одну. Итак, всех волнуют три вопроса: почему произошла катастрофа, чем все это кончится и что делать? Отвечаю по порядку. Катастрофа произошла из-за вмешательства извне. Расчеты специалистов сходятся полностью: с нашими энергиями и техникой проколоть время ниже миллиарда лет мы бы не смогли. Тем не менее это произошло! Другой вопрос: кто вмешался? Тут мнения расходятся. Многие считают, что вмешался иной разум. Есть даже гипотезы вроде той, что вмешались «земляне из другого угла времени». Я же считаю, что вмешались наши потомки, использовав наше оборудование, хроноускоритель для своих целей. Основания так считать у меня есть: доказано, что Ствол проник не только в прошлое, но и в будущее, чего не удавалось ни в одном из прошлых запусков.

Павел встретил взгляд Ромашина, отлично понимая, что откровения Златкова — тщательно отпрепарированная дезинформация для «санитаров», наверняка записывающих речи выступавших на Совете людей.

— Вопрос второй: чем грозит вышедший из-под контроля эксперимент? По-моему, из сообщения Ромашина вы уже поняли ответ. Последствия эксперимента сказываются не только на Земле, но и в глубоком космосе: на расстоянии в сто парсеков от Солнца исчезли звезды и галактики, картина привычной нам Вселенной! Одно из двух: либо это проявление фиолетового смещения — сжатия Вселенной, либо свидетельство того, что мы замкнуты в своеобразной петле времени. Но в том, что мы не исчезли сразу после хронопрокола — Земля, Солнечная система, ближайшее звездное окружение, — я вижу великую надежду! Надежду на то, что не все потеряно и у нас остался шанс что-то сде-

лать. И вместе с нами надеются те, кто все это устроил, виновники катастрофы, наши правнуки. Почему они не могут сами исправить содеянное, я не знаю, надо подумать. Но у нас самих есть шанс. Вот мы и подошли к третьему вопросу: что делать? Ответ прост: необходимо выключить хроноускоритель. Время само вытолкнет хронобур в нашу эпоху, и все вернется на круги своя... или не вернется!

Златков умолк. Эхо странных и страшных слов перестало метаться между стен, и на зал спустилась первозданная тишина.

— Но для каких целей иной разум или наши потомки использовали хроноускоритель? — спросил самый старый из членов Совета, сидевший впереди Павла.

— Да, — очнулся Златков. — Это лишь предположение, но уж очень хорошо оно укладывается в прокрустово ложе имеющихся данных. Всю информацию, все догадки и гипотезы, теоретический аппарат хронофизики и физики вакуума, общей теории поля, космологии и теории сингулярных состояний я вложил в большой интелмат Академии наук и получил ответ: хронобур провалился в самое начало времени, к моменту рождения Вселенной, и, возможно, именно в этом причина Большого Взрыва, взрыва космического «яйца», породившего нашу Вселенную!

Члены Совета переглянулись, кое у кого впервые промелькнула на губах легкая улыбка. Только Павел да присутствующий на Совете Ромашин знали, что из сказанного Златковым можно считать истиной, а что — нет. Но умудренные опытом члены Совета безопасности не стали доказывать Златкову, что его идея — всего лишь порождение человеческой мысли, пусть и пропущенной через умную машину; каждый из них уже принял решение, и теперь следовало из двух с лишним десятков решений составить одно, самое верное в создавшейся ситуации. Павел внутренне поежился, представив, какое бремя ответственности несут эти суровые, молчаливые, сдержанные люди, знавшие, что от их решения зависят судьбы не только отдельных коллективов, но и человечества в целом. И сейчас от их решения зависели стратегия и тактика всей цивилизации, направление ее усилий и стремлений, всего беспокойного бытия, подчиненного главной цели: уцелеть самой и сохранить среду обитания...

Златков понял реакцию присутствующих, но не обиделся. Он и сам на их месте отреагировал бы так же. К столу вышел Костров.

— Нет смысла лишний раз утверждать, насколько серьезны заявления комиссара Евроазиатского сектора и Златкова. Предлагаю следующее: сконцентрировать усилия лучших умов человечества для разработки способа связи с теми, кто нас контролирует, — с потомками, если это их рук дело, или с иным разумом —

и наконец сообщить о случившемся всему человечеству. Люди должны знать все! Это главное, что должен решить Совет. Остальное — забота подкомиссий, я имею в виду вопросы энергозатрат, эвакуации, перехода УАСС на всеобщий «Шторм» и так далее. Прошу высказываться...

Спустя час Павел шел с Ромашиным в медцентр Управления, где его ожидали медики-эксперты со своей головоломной аппаратурой. У двери в медцентр начальник отдела придержал Павла за руку.

— Дальше я с вами не пойду. Не знаю, что вам сказать, прежде чем вы... Понимаете? Слова просятся на язык какие-то слишком громкие, трескучие, вроде: «За спиной Земля», «От вас зависит судьба цивилизации»...

Павел невольно улыбнулся.

— Не мучайтесь, Игнат, тем более что судьба мира не только в моих руках.

— Судьба мира... — сказал Ромашин так, что улыбка застыла на губах инспектора. — Помните философское определение времени? Время — это имманентное свойство мира, связанное с характером происходящих в нем изменений. Смысл фразы ускользает, прячется, несмотря на то, что все слова известны и понятны. Теперь мы точно узнали, что время — основа Мироздания! Жаль, что поздно...

— Может, еще не поздно?

— Может быть. Как выразился Златков, есть великая надежда! Надежда на то, что человек одновременно беспомощен и всемогущ. Идите. Буду ждать вас у себя.

Ромашин отпустил руку Павла и направился по коридору к лифту, прочь от двери с надписью «Медицинский комплекс УАСС».

После всесторонней медицинской проверки в медцентре Управления Павел прошел медосмотр и психологическое тестирование в Институте проблем медицины Академии наук, но никаких отклонений от нормы в его здоровье, психике, в работе нервной системы медикам отыскать не удалось.

— Вы не бог хладнокровия, — сказал ему, пожимая руку на прощание, директор Института проблем медицины академик Латышев, — но исключительно уравновешенный, координированный, абсолютно здоровый человек. С чем и поздравляю!

Речь академика тяготела к использованию слов в превосходной степени — видимо, сказывалась старая закалка лечащего врача, но после встречи с ним Павел почувствовал себя увереннее и добрее.

Выйдя в девятом часу за пределы института, расположенного в третьем округе Москвы, Павел вспомнил, что голоден, и решил поесть в кафе «Двадцатый век».

Через полчаса он уже заказал ужин и, пока заказ отрабатывался, рассеянно осмотрелся: он бывал здесь часто, и обстановка кафе, искусно сделанная под старину, в стиле далекого двадцатого века, была ему знакома.

Здесь не было сенсорных автозаказчиков, силовых завес и биокабин, рассчитанных на персональное автоматическое распознавание вкуса посетителей, не было синтезатора ароматов, бесшумных киб-официантов, эффекторов условий и видеопласта, создающего для любого посетителя любой пейзаж, не было синтомузыки с психоадаптерами, срабатывающими по настроению посетителей. По небольшому уютному залу со стенами из «кирпича» и «дерева» были расставлены треугольные, круглые, квадратные столики, рассчитанные на группы с разным количеством людей и с разными вкусами. У одной из стен между колоннами на небольшом возвышении располагался эстрадный оркестр, использующий старинные музыкальные инструменты. Оркестр играл что-то современное, но исполнение оставляло желать лучшего, все-таки возможности старинных инструментов во многом зависели от материала, качества изготовления и профессиональной подготовки исполнителей. Любой синтезатор мог заменить этот оркестр, особенно если музыкант достиг вершин эйфоромузыки, но Павел давно оценил желание распорядителей и оформителей кафе приблизиться к веку вплотную.

Официант — вполне живой и настоящий человек — принес на подносе ужин и расставил на столике.

— Я вас уже приметил, — сказал он. — Нравится русская кухня?

— Все нравится, — признался Павел. — Только никак не могу привыкнуть к живому обслуживающему персоналу.

Официант красиво засмеялся.

— Мне тоже поначалу было не по себе. Привык. Ешьте на здоровье и заходите еще.

— Спасибо, непременно.

Павел принялся за еду.

Оркестр начал играть что-то томно-нежное, лирическое, две пары вышли танцевать, но вскоре сели: кафе еще только-только начинало заполняться посетителями.

Павел пожалел, что не может позволить себе отвлечься, отдохнуть, доел жаркое, запил медовым напитком, несколько минут посидел расслабленный, ощущая приятную тяжесть в желудке, потом встряхнулся и прямо из кафе вызвал такси.

В десять вечера он взлетел, направляясь к Брянску, в шести-

десяти километрах от которого попирал Землю Ствол-хроноускоритель.

Над Брянском небо было затянуто тучами. Стемнело, и аппарат словно провалился в яму без дна. Павел, шевеля губами, стал читать вслух стихи, сначала шепотом, потом в полный голос:

Мы честно не веруем в бога.
Откуда берется тревога?
Друзья, отчего вы скорбите
На звонкой планете своей?..
Мы плавно летим по орбите,
Одни мы над миром владыки,
Нам зверь подчиняется дикий
И травы зеленых полей...

И вдруг слова замерли на его губах — он увидел Ствол.

На горизонте, врезаясь в темные громады ночных туч, дрожал бледный столб света, башня бледного сияния, безобидная и эфемерная из-за расстояния... И надолго врезались в память безмолвие и мрак, разрезанный надвое лезвием призрачно-лунного света...

Утро Павел встретил на Земле Пири в Гренландии — из-за желания умыться снегом. Свое желание он осуществил с лихвой: не только умылся, но и провалился в сугроб с головой на мысе Пири, куда от метро пролегла линия монора, совершенно пустого в такую рань. Возвращаясь, Павел изрядно продрог, с тоской подумал о биатлоне — на лыжи не вставал уже полгода, вернулся домой, сделал зарядку в полном объеме и принял горячий душ.

Завтрак занял двадцать минут, а спустя еще полчаса Павел облетел Ствол на двухместном пинассе и отметил появление у башни Ствола трех передвижных строительно-монтажных комплексов, упиравшихся в Ствол, как спицы колеса. Кроме того, стали заметны необычного рисунка серебристые пятна в зеленой траве, похожие на поля изморози. Снизившись, Павел понял, что видит огромные, до десяти метров в поперечнике, паутины со сложным и красивым рисунком. В зале Центра он нашел Златкова.

— У меня создается впечатление, что вы здесь живете.

— Так оно и есть, — хмуро ответил начальник Центра. — Покидаю сей приют, лишь когда нужно провести циклы расчетов на больших машинах. Вы тоже сегодня рано.

— Хотя мне и приказали отдыхать, спать не могу. Из головы не идет мысль, что все события вокруг — ненастоящие, понарошку. С вами такого не бывает?

— Случается. Это оттого, что размах событий вышел за границу человеческого удивления. Каждому природой отмерен опре-

деленный запас эмоционального равновесия, заключенного в узком ущелье между двумя стенами — полнейшего равнодушия и стресса от переизбытка впечатлений и переживаний. За первой стеной — болезнь, ибо равнодушие — это предел эмоционального покоя, за второй — смерть или по крайней мере уход в выдуманный, иллюзорный мир, в котором на психику уже ничего подействовать не может, ибо она себя исчерпала.

— Ну, до равнодушия мне далеко, а вот ощущение нереальности, вернее, театральности, если хотите, не проходит. Но простите за лирику. С высоты я видел странные паутины в траве. Откуда они?

— Деятельность конкистадоров. Паутины — это антенны эффекторов хронополя, с помощью которых конкистадоры стабилизируют Ствол во временных координатах в местах выхода Ствола в прошлое. Здесь они не нужны, однако некоторые из вернувшихся автоматов начинают плести свою паутину, прежде чем мы их вылавливаем. Инстинкт опасности у них сохраняется.

— С высоты я заметил монтажные комплексы типа «Геракл». Что за стройка затевается?

Златков хмуро глянул на Жданова, и тот понял, что задал абсолютно лишний вопрос. Оба и так знали, что «Гераклы» будут монтировать под видом хронооптимизаторов установки для запуска объектов в Ствол.

— Затевается монтаж хроностабилизаторов, — буркнул Златков, отворачиваясь. — Попробуем с их помощью нейтрализовать слой вспененного времени вокруг Ствола.

Павел проводил начальника Центра виноватым взглядом, отметил д в и ж е н и е его обоймы прикрытия. Подумал с некоторой тревогой: черта с два сразу разберешь, кто его пасет, где свои, а где чужие...

В десять утра в Центр заявился Ромашин и сообщил, что решен вопрос с дублером. Вторым вслед за Павлом, в случае его неудачи, в здание хронолаборатории должен был идти инженер Центра Федор Полуянов. Поговорили о координации всех служб во время вылазки — вслух, не маскируясь, чтобы «санитары» знали степень перекрытия зоны и не планировали операций по устранению, затем побывали в секторе зондирования, где Федор Полуянов с товарищами готовил к запуску новую партию конкистадоров...

— Эти должны пройти почти все, — сказал инженер, похлопывая по глянцево-черному боку одного из пауков. — Мы усилили защиту мозга, хотя пришлось пожертвовать полифункциональностью. Они теперь ничего не умеют делать, кроме видеосъемки.

— Какова же их программа? — спросил Ромашин.

— Цель! — бросил Федор повелительным тоном.

Паук что-то тихо проскрипел в ответ.

— Скоростная звукозапись, — пояснил инженер. — Ответь в нормальном диапазоне.

— Цель — установить контакт с людьми, — забубнил конкистадор басом. — Задать вопросы в записи, получить ответы, доставить отчеты...

— Довольно...

Конкистадор послушно умолк.

Павел переглянулся с Ромашиным, в глазах которого мелькнул веселый огонек, и вернулся вместе с ним в зал контроля.

До обеда Златков и его помощник рассказывали будущим десантникам об аппаратуре, оборудовании и расположении помещений лаборатории и Ствола, показывали голографии внутренних интерьеров, разрезы, видеофильмы. Обедать Павел пошел с легкой головной болью: пришлось прокачать через память за короткое время небывалое количество информации. В два часа дня Павел и Полуянов сдали экзамен на знание оборудования и работы главных систем, инспектор в последний раз опробовал скафандр и проверил, все ли взял с собой в первый поход в лабораторию.

Его вывели из подземелья, гурьбой вышли на склон холма: Ромашин, Златков, Федор, инженеры и операторы связи, ученые. Все молчали, прощаться было глупо, и только Златков пробормотал:

— Всего тысяча дней...

Павел понял. Начальник Центра предупреждал о том, что до «конца света» осталось тысяча дней, если судить по скорости сжатия мрака вокруг еще «живой» звездной области пространства с Солнцем в центре.

ГЛАВА 12

Громада Ствола заслонила горизонт.

Павел оглянулся, зная, что за ним наблюдают по крайней мере с четырех сторон. До сахарно-белого куба лаборатории оставалось не более двухсот метров серо-коричневой, губчатой, как пемза, площади: трава здесь, вблизи Ствола, так и не выросла.

Скафандр был тяжеловат, хотя и не причинял особых неудобств.

— До встречи, — сказал Павел, шагнув вперед, и остановился, потому что услышал чей-то голос:

— Не ходите туда.

— В чем дело? — спросил Павел. — Кто это сказал?

— Что именно? — отозвался Ромашин. — О чем ты, Павел?

— Показалось...

Инспектор не страдал слуховыми галлюцинациями даже в моменты наивысшего нервного напряжения, поэтому он интуитивно понял, что его позвали «иные». Он снова шагнул к зданию, но, как ни готов был услышать чужой голос, все же вздрогнул.

— Не ходите, — повторил обыкновенный человеческий баритон.

Павел отключил рацию, чтобы его не слышали в Центре.

— Почему?

— По двум причинам: первая — вы нужны для отключения Ствола, вторая — идти в лабораторию нет смысла, цепи управления хроноускорителем давно прекратили существование. Здание лаборатории в настоящий момент только внешне выглядит зданием, внутри это перекресток пространств с разными свойствами.

— Но это знаете вы, — сказал Павел. — Не мы. Если вы правы, я проверю и вернусь. Я обязан сделать это, понимаете? Почему вы не остановили Игоря Марича?

— Мы предупреждали, но он не поверил.

— Почему же вы уверены, что поверю я? Впрочем, не обо мне речь. Он жив?

— Нет информации.

— Раз уж зашел этот разговор, ответьте на два вопроса. Что произошло на самом деле?

Тихое потрескивание в наушниках, словно неведомый собеседник задумался, стоит ли отвечать. Наконец прозвучал знакомый баритон:

— Родилась новая Вселенная.

— Вы хотите сказать: от ствола Древа Времен ответвилась новая ветвь?

— В определенном смысле.

— Почему в определенном?

— Ветвь только еще наметила свой рост. Все, что вы называете Вселенной, — лишь майя, иллюзия жизни, сон реальной Вселенной. Этот сон еще надо реализовать. Вы все же намерены идти в здание?

— Я не могу повернуть с полпути. Подождите, остался еще вопрос.

— Вы задали даже не два, а три вопроса.

— То были спутники первого. Кто... вы?

Молчание, тихая мелодия в наушниках... тишина...

— Нас еще нет... впрочем, как и вас...

— Не понимаю.

— Думайте.

— Но почему именно я выбран вами для выполнения задачи?

— Вас выбрали не мы, а законы природы. В самом первом, грубом и неточном приближении ответ сводится к закону обратной связи.

— Поясните, пожалуйста.

— Думайте.

— А если я... не сумею выключить генератор? Что тогда?

— Этого не знает никто во Вселенной. Вас зовут, прощайте.

Павел опомнился и включил рацию.

— Все в порядке, иду дальше.

Границы зоны вспененного времени он пересек незаметно для себя, вернее, заметил только по прекращению радиосвязи. Динамики скафандра сразу перестали потрескивать и доносить голоса операторов связи и патруля УАСС.

Как и робот до него, Павел обошел здание кругом, проверяя работу всех систем скафандра. Никаких неприятных ощущений не появлялось, хотя он находился в среде, смертельной для незащищенного человека. У главного входа в лабораторию задержался. На него дохнуло холодом и сыростью, как из подземелья, — реакция на угрюмый мрак за распахнутой дверью. «Перекресток пространств», — сказал голос. Посмотрим, что он представляет собой...

Павел решительно поднялся по ступенькам под козырек входа, включил поясной прожектор и шагнул в вестибюль.

Белые, изъеденные ямками и порами неведомой коррозии гнутые стены, вычурные желоба пандусов, ведущих на галерею, чаша мертвого фонтана посередине, наклонные щиты зеленоватого цвета, расколотые трещинами, куб светомузыкального устройства, серый, в черных потеках, три выхода в коридоры с полупрозрачными створками дверей. Но внимание Павла привлекла ажурная черная колонна, вырастающая из пола и исчезающая в сводчатом потолке.

Павел обошел колонну, пытаясь уяснить, для чего она здесь. Ни Златков, ни второй лектор ничего о ней не говорили. Выходит, колонна каким-то образом обязана своим появлением последнему эксперименту. Что же это такое?

Обойдя вестибюль, Павел вспомнил о Мариче, несколько раз позвал его, сначала по рации, потом через звукопередатчик. Ответом было эхо и серии тихих щелчков в наушниках.

«Что-то незаметно, что здесь «перекресток пространств», — подумал Павел. — Разве что дырчатая колонна — иное пространство? И ничего тут нет опасного, из-за чего не вернулся Игорь... Или я не вижу опасности...»

Он вырастил щуп из универсального инструментария, похожего на пистолет, и, подойдя ближе к резной колонне, коснулся

щупом ее стенки. В следующее мгновение пространство вокруг искривилось, наступила короткая невесомость, и Павел оказался внутри колонны, подвешенный неизвестной силой точно по оси ажурной трубы. Вокруг, куда ни глянь, висели десятки и сотни горбатых фигур в зеркальных балахонах — отражения разведчика в слоях неизвестной субстанции.

Павел осторожно шевельнулся, в наушниках раздался щелчок и вслед за ним женский голос:

— Нуль-вызов принят. Заказывайте выход. Солювелл-три готов к перегибу. Ваша масса?

— Э-э... — хрипло проговорил Павел. — Масса сто тридцать три килограмма... Простите, где я нахожусь?

В голосе незнакомки удивления не прозвучало, только вежливая готовность и доброжелательность.

— Вы в трансгрессе Солювелл-три. Срок выхода три минуты, массу принимаю, код перегиба бам-у-эс-тридцать-тридцать.

— А попроще?

— Трансгресс — парамост пространственных перемещений, перегиб длится три минуты, выходы квантованы, ближайшая точка выхода — Балор-девять, сто два поворота ветви.

— Так далеко мне не надо. — Павел заметил, что голос женщины раздается у него не в ушах, а в мозгу, что говорило не о радиосвязи, а о мыслепередаче. — Солювелл-три — это Земля или Солнце?

— Это одна из ветвей Древа Мира, соответствующая вашей Метавселенной в пределах двадцати миллиардов земных лет. Больше информации не имею, обратитесь в общий Информ Солювелла-три. Могу предложить перегиб Балора-семь или Солювелла-четыре, код обмена...

— Благодарю покорно. Могу я... э-э... каким-то образом выйти из этого парамоста... транспрогресса... без перегибов и перемещений?

В тот же момент Павел оказался на полу холла рядом с решетчатой колонной, не потерявшей своего мирного вида.

— Вот тебе и труба! — вслух сказал инспектор. — Трансгресс... первая точка выхода — сто два поворота ветви. Что это означает в действительности, хотел бы я знать? Но дойти обратно, наверное, было бы затруднительно.

— Иметь чувство юмора неплохо, — раздался в голове — снова не в наушниках рации — тихий голос, на этот раз мужской. — Но лучше бы вам не терять чувства осторожности и ответственности за свои поступки.

Павел оглянулся на всякий случай, повел вокруг лучом фонаря, но никого не обнаружил.

— Это снова вы? С кем я только что разговаривал?

— С инком обслуживания трансгресса.

— Так эта труба — чье-то метро?

— Через здание лаборатории проходит линия многомерного перегиба временных координат, ваш мозг воспринимает ее как трубу. Не отвлекайтесь.

— Понял, — вздохнул Павел. — Спасибо за совет.

Где-то далеко в глубине здания с тонким звоном лопнула струна — именно такой звук коснулся слуха. Павел вздрогнул, машинально проверил встроенную в пояс и предплечья скафандра аппаратуру звуко- и видеозаписи и направился к двери в коридор, ведущий к лестничной клетке. Ему предстояло подняться на четвертый этаж, в зал управления лабораторией.

Автоматика двери не работала. Павел нашел заслонку ручного открывания, нащупал рычажок и потянул на себя.

Коридор за дверью выглядел странно. Его стены были волокнистыми, как спрессованный дым, и уходили вверх на недосягаемую высоту, луч прожектора, казалось, был где-то в километре от пола. Но и пола как такового не было, вместо него во всю ширь коридора пролегала рваная каменная борозда, по дну которой бежал ручей. Струя воды добегала до двери и... исчезала, будто отрезанная невидимым лезвием!

Павел прислушался, но плеска ручья не услышал. Лишь издали, из глубины, долетали иногда странные звуки: потрескивания, мокрые шорохи, удары водяных капель о гулкое дно, звуки лопнувшей струны...

Инспектор выключил прожектор, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, но увидел только светлую щель над головой — там, где исчезали в вышине стены коридора. «Пока ничего особенного, — подумал он, снова включая свет, — кроме непонятного исчезновения воды ручья. Еще один эффект перекрученного пространства-времени. Меня это в данный момент не касается, надо идти вперед, пока возможно».

— Остановитесь!

— В чем дело?

— Вы пересечете границу совмещенных пространств с иной метрикой и ходом времени.

— Скафандр пока держит...

— Дело не в скафандре. Масштабы движения материи за этой границей... Берегитесь!

Павел мгновенно развернулся, уже понимая, что опаздывает, увидел несущуюся на него жутковатую фигуру — двуногую и четырехлапую обезьяну со змеиной головой, — но увернуться от прыжка чудовища не успел. Обезьянозмей бесшумно прыгнул на инспектора с расстояния в десять метров и столкнул с порога в коридор. Павел с грохотом полетел куда-то вниз, в глубокую про-

пасть. Стены коридора скачком выросли в исполинские вертикальные горные склоны и отдалились за пределы видимости, бугристый вал борозды превратился в горный хребет, конус прожекторного света сузился, ударило в ноги. Ошеломленный Павел, ощутив под ногами твердую почву, машинально шагнул назад — сзади должна была находиться дверь в холл, но все осталось на своих местах. Под ногами — пористый коричневый бугор, рядом — изломы скал, в сотне метров луч прожектора вязнет в ночной тьме, высвечивая те же скалы и каменные складки. Ни обезьянозмея, ни его трупа...

Павел выключил свет и увидел сзади далеко-далеко вертикальный блик высотой в несколько километров.

«Вот это что называется влип! Змей не хотел меня убивать или не мог, он просто столкнул меня в этот подвал... вернее, вытолкнул на «перекресток пространств» со скалами и ручьем в надежде, что я отсюда не выберусь...»

Инспектор прислушался. Справа от него слышался равномерный глухой гул, который он поначалу принял за шум в ушах от удара. Павел прошел по каменным волнам метров двести, наткнулся на ребристую серую стену, обрывающуюся куда-то вниз, и посветил в провал. Луч выхватил из темноты серо-зеленую массу несущейся воды. Река...

— Река! — сказал он вслух, еще не веря догадке. Это не могло быть совпадением: каменная борозда с ручьем в коридоре, хаос скал и река здесь, где он очутился. Коридор не изменился, изменился он, Павел Жданов, превратился в гнома, в Нильса Хольгерссона из древней шведской сказки. Один из темпоральных эффектов в действии, а именно — эффект трансформации масштабов при переходе из одной локальной области многосвязного пространства-времени в другую. Ничего особенного, придется вернуться назад, к двери, перешагнуть магическую черту, за которой располагается обычный мир холла. Однако здесь немудрено и заблудиться... или встретить «санитаров» с обезьянозмеями. Может, Марича тоже столкнули сюда и он до сих пор где-то бродит в скалах?

Павел включил звукопередатчик на всю мощь.

— Игорь! Отзовись!

Многократное эхо разбросало пригоршни звуков по каменным склонам, ущельям и долинам и погасло в теснине реки. Павел подождал ответа, вздохнул и зашагал вдоль берега по кромке обрыва в ту сторону, куда река несла свои безжизненные воды...

В холл он вышел через пять часов, если верить хронометру скафандра. Переход прошел мгновенно: Павла ударило обо что-то твердое — ощущение не из приятных, голову пронзила острая

колющая боль. Очнувшись от короткого беспамятства, он понял, что стоит в холле на четвереньках. Под руками и ногами множество пластмассовых осколков, на полу желтые лучевидные пятна ожогов.

Он поднялся на ноги, посветил кругом. Дверь отсутствовала, углы стены в местах крепления двери выщерблены и оплавлены.

Павел направил луч в коридор и хмыкнул. Каменная борозда с ручьем исчезла, пол коридора блестел как металлический, зато стены почернели, стали жидкими, по ним ходили волны, вскипали фонтанчиками, проливая на пол черную дымящуюся жидкость.

Павел не рискнул войти в коридор. Две вещи беспокоили его: ограниченность энергозапаса скафандра и то, что за пять часов путешествия по горной стране неведомого мира вне здания могло пройти гораздо больше времени. Ожидающие могли не вытерпеть и послать дублера.

Решетчатую колонну трансгресса в центре холла он обошел на изрядном расстоянии, осмотрел колодцы лифтов — вроде бы целы, — но заходить не стал. Оставалось еще два коридора, и каждый мог привести к цели — на лестничную клетку, а там подняться на четвертый этаж будет несложно.

Но второй коридор отсутствовал вовсе.

Павел поворочал прожектором — луч света вяз в чернильном мраке без единого проблеска. Пустота, да и только, космический вакуум! Ощущение опасности стало острей, сами собой напряглись мышцы тела, захотелось спрятаться под надежной защитой корабельной обшивки — стереотип космонавта, привыкшего мыслить категориями космической спасательной службы.

Павел аккуратно прикрыл дверь, отошел и облегченно вздохнул. Собрался было отдохнуть и перекусить, но звук лопнувшей струны заставил его пить и есть на ходу. Торопясь, он проглотил несколько глотков витаминизированного желе, запил брусничным соком и спрятал мундштук пищеблока.

Последний коридор был нормальным на вид. Прямоугольного сечения, сизый, в голубых разводах «сырости», он исправно, без сюрпризов вывел инспектора к лестничной клетке, но стоило посветить в проем двери, ведущей на лестницу, как сразу стало ясно, что пройти наверх не удастся и здесь. Вместо лестничного пролета взору предстала круглая труба, уходящая вверх метров на сто и обрывающаяся внизу всего в двух метрах. Павлу показалось, что он выглянул из люка космолета в пространство: вверху проплывали звездные россыпи, внизу — две звезды поярче, темно-багровая и желтая.

Из недр здания прилетел металлический стон. Павел невольно вздрогнул, оглянулся: показалось, что кто-то смотрит в спину.

Коридор был пуст, но ощущение взгляда не исчезало, только ослабело. Из холла донесся тихий отчетливый хруст и треск — кто-то шагал по битой пластмассе. Павел в несколько прыжков преодолел коридор, выскочил в вестибюль. Прожекторный конус выхватил из тьмы знакомый ажурный цилиндр, пустые стены, гладкий пол. Никого.

Хруст повторился. Павел резко повернулся и направил луч в угол. У расколотого технощита топтался на месте шестиногий конкистадор. Три глаза его вспыхнули зеленоватыми бликами в свете прожектора — казалось, паук плачет.

— Ф-фу! — выдохнул Павел, снимая руку с рукоятки пистолета на поясе. — Напугал, насекомое! Ты откуда?

Паук что-то проскрипел.

— Ответь в нормальном ритме.

Снова тихий прерывистый скрип.

— Значит, не можешь. Плохи твои дела. Тогда веди меня в зал управления лабораторией. Живо!

Паук смешно перебрал ногами на месте, тихо свистнул и побежал через холл к первому коридору, где недавно протекал ручей. Теперь в нем не было ни каменной борозды, ни ручья, металлический пол был залит лужами черной жидкости со стен.

Остановившись на секунду, конкистадор снова свистнул, прыгнул в коридор. Громыхнуло, кибер исчез, и вместе с ним исчез коридор. На его месте образовалась дымная яма, на дне которой сквозь дым всплыл шар планеты в оспинах и шрамах кратеров. Планета больше всего походила на Меркурий.

— Понятно, — сказал Павел, пытаясь разглядеть планету подробней, и его внезапно прошиб холодный пот. Столкни его обезьянозмей сюда — вряд ли он вернулся бы обратно. Хорошо, если это Меркурий, есть шанс, что тебя обнаружат, а если иная звездная система?..

Павел слизнул языком пот над губой и вернулся в нормальный коридор: три двери слева и три справа. И все они открывались в пространства неведомых миров. Первая дверь, которую открыл инспектор, скрывала за собой пещеру, вернее, великолепный грот с зеркалом воды и сверкающим панцирем натеков и сталактитов.

Вторая выходила на морскую террасу, мокрую от долетающих брызг: прибой яростно и упорно строгал камень террасы, обтачивал гальку, дробил щебень в песок. Море было неземное — как загустевшая кровь, оно искрилось и гнало светящуюся пену. Небо в этом мире было глухим, беззвездным, на горизонте смутно проглядывал тусклый коричневый диск — не то планета, не то светило.

Павел аккуратно закрыл за собой дверь, постоял в задумчивости у соседней, но все же решил удовлетворить любопытство.

За третьей дверью начинался чудовищный фиолетово-черный лес, деревья которого напоминали мохнатые человеческие уши с сотнями крохотных глаз. Лес был полон таинственных звуков и движения.

За четвертой дверью пейзаж был странный, словно вмурованный в толщу стекла или прозрачного желе: что-то полупрозрачное, скользкое, мерцающее медленно ползало, взбулькивало, хрипело, порхали хлопья дыма, рождались и умирали голубые огни, бледные сетчатые тени и пятна.

Пятая и шестая двери не открылись.

Павел потоптался в коридоре и вдруг вспомнил, что галерея перехода из лаборатории в Ствол начинается двумя этажами ниже, с самого нижнего горизонта здания. Он мысленно представил план расположения нижнего горизонта, вышел в вестибюль и снял с пояса пистолет. Лифты не работали, лестницы перестали быть лестницами, и на нижний этаж можно было попасть только через перекрытие, с помощью грубой силы.

Павел рассчитал импульс, способный пробить двадцать сантиметров пластибетона, выбрал точку удара в трех метрах от себя и нажал на спуск. Из длинного дула пистолета ахнуло ажурное пламя разряда, вонзилось в пол, и в тот же миг сильный удар в грудь отбросил инспектора к стене. Ослепительный клубок огня, роняя тающие клочья, метнулся в стену напротив. Пол завибрировал, здание вздрогнуло, шатнулось, гул и грохот всплыли из его недр...

Чувствуя подступающую к горлу тошноту, борясь с неожиданно подкравшейся слабостью — видимо, часть неведомой энергии прорвалась-таки сквозь защиту скафандра, — Павел побрел вдоль стены к выходу, оглядываясь на разгул стихий. За бледной стеной огня он разглядел черный поток, затопивший чашу фонтана и догоняющий его мягкими, вкрадчивыми прыжками.

Когда инспектор вышел из лаборатории, его встретила хмурая беззвездная ночь...

— Все? — спросил Ромашин, подождав минуту.

Павел кивнул.

В кабинете начальника отдела собралось пять человек: хозяин кабинета, директор УАСС, заместитель председателя Высшего Координационного Совета Орест Шахов, Атанас Златков, Павел. Встреча готовилась официально, то есть в расчете на прослушивание ее «санитарами», и говорить приходилось, тщательно взве-

шивая каждое слово. О том, что Павла столкнул в иное пространство обезьянозмей, инспектор решил на данном этапе не сообщать.

Ромашин оценил его мину, оглядел присутствующих и снова повернулся к инспектору.

— Вы отсутствовали двое с половиной суток. Утром мы намеревались послать спасательную команду. Кстати, почему вы не записали разговор с потомком?

Павел сообразил, что эта информация перестала быть секретной сразу же после его восклицания в начале разговора с Тем, Кто Следит.

— Это был, скорее всего, не голос, а мыслепередача.

— Поясните, о чем речь, — попросил Шахов. — Я не знаю подробностей.

Ромашин рассказал о таинственном незнакомце, контролирующем действия Павла Жданова.

— А разве трудно было установить, кто следит? — спросил Шахов с неудовольствием. Он не был на Совете безопасности и не слышал гипотезы Златкова.

— Наблюдатель пожелал остаться неизвестным, — с иронией ответил комиссар. — Это качественно иной уровень возможностей, основанный не на технике. Не так ли, Атанас?

Хронофизик медленно перевел рассеянный взгляд на Ромашина, мигнул, и лицо его приняло знакомое тускло-насмешливое выражение.

— Обычно ученые, а тем более спасатели не принимают всерьез гипотез, базирующихся на исключительном стечении обстоятельств. Но в данном случае не существует иных объяснений: вмешались или наши правнуки, или иные разумные существа... что для нас, по существу, одно и то же.

— А по-моему, потомки вмешаться не могли, — сказал Костров. — Своим вмешательством они рискуют изменить собственную реальность, разве не так?

— В известной мере это парадокс, — согласился Златков. — Но и его можно объяснить по-разному. Может быть, в момент проведения эксперимента возникла развилка во времени, и наши наблюдатели из другой ветви мира. Но, скорее всего, вступил в силу закон затухания последствий, и потомкам на большом отрезке времени не страшны никакие изменения в нашей эпохе. Жданов, как вы уже слышали, задавал вопрос своему визави, но ответ получил расплывчатый. Можно предположить, что наблюдатель не захотел прямо ответить на этот вопрос, предоставив нам самим домысливать сказанное. Вполне вероятно, что Павел совершенно случайным образом оказался закоррелированным в петле времени, в петле рождения и смерти Вселенной. В таком

случае никто не вмешивался в эксперимент, просто Вселенная замкнулась сама на себе по цепочке: Земля — Брянский лес — хроноускоритель. Вернее, она еще только замкнется, когда мы выключим хронобур.

Павел с любопытством и тревогой взглянул на ученого. Начальник Центра тонко намекал на свое непосредственное участие в выключении хронобура, как бы отвлекая внимание «санитаров» на себя от основного исполнителя. Делал ли он это по согласованию с комиссаром или нет, роли не играло: он рисковал, и крупно!

— Как вы мыслите осуществить выключение? — осведомился Орест Шахов.

— Предстоит спуститься по цепочке эпох — цепочке выходов Ствола в прошлое — в тот момент истории Вселенной, куда провалился хронобур, найти его и уничтожить. Звучит просто.

— А если удастся выключить, означает ли это, что мир вернется к исходному моменту истории — к началу эксперимента?

— У меня нет ответа на этот вопрос. — Златков опустил голову. — Есть только надежда. Нами задействован весь вычислительный потенциал Академии наук, но прогнозы финала требуют так много данных, что машины превратились в обычных прорицателей, в электронных гадалок. Ответы слишком неопределенны. После выключения мы можем «вывернуться наизнанку» — оказаться в другой Вселенной и с другими свойствами материи, можем прыгнуть в прошлое на несколько миллионов лет или в будущее на столько же — для вечности все едино, что миллион лет, что краткий миг, наплевать ей на то, будет ли вообще существовать человечество. Может случиться, что та Вселенная, в которой мы сейчас разговариваем, исчезнет, а сам факт ее существования окажется фактом виртуальным, иллюзией, сном того первоначального ядра материи, сном сингулярности, взрыв которой и воздвиг космос со всем его содержимым. Это все страшные прогнозы, модели катастроф, исключающие нас, род человеческий, как разумную и борющуюся силу. Есть и счастливые прогнозы, например: мир устоит перед натиском энтропии, и мы окажемся там, откуда начали...

Златков помолчал, пожал плечами и криво улыбнулся...

Ромашин подождал реакции присутствующих — все молчали — и встал.

— Атанас прав, высказанные им гипотезы воспринять трудно, но мы должны исходить из того факта, что в пределах ста парсеков от Солнца происходит свертывание пространства. Вселенная ждет, чем закончатся наши попытки обуздать вырвавшуюся из-под контроля стихию, иначе мы давно прекратили бы существование. На худший вариант рассчитывать нечего — это гибель ци-

вилизации, гибель всего сущего, значит, надо подготовить операцию так, чтобы выиграть жизнь. Весь технический потенциал Земли готов работать на нас. Следует немедленно решить, что потребуется для операции, как организовать дальнейшую работу УАСС и Центра защиты.

— Как я понял, через лабораторию в Ствол пройти невозможно, — проговорил Шахов. — Или все же есть шанс?

— Не думаю, — сказал Златков. — Оттуда не возвращаются даже конкистадоры с дополнительной хронозащитой. И у меня есть подозрения, что выстрел Жданова не пройдет бесследно. По теории, выделение энергии в возбужденном хронополе ведет к распаду вещества. Если теория верна, мы скоро убедимся в этом воочию.

Ромашин кивнул.

— Какие у вас есть вопросы? Ко мне? К Жданову?

Четыре взгляда — откровенно изучающий, испытующий, недоверчивый и сожалеющий — уперлись в Павла.

— У вас к нам, Павел?

— Нет, — покачал головой Павел, ощущая неловкость. Ему вдруг очень захотелось проснуться, хотя он точно знал, что не спит.

Ромашин тронул сенсор, кабинет превратился в панорамный виом. Холмистая равнина, отгороженная с одной стороны хвойным лесом, убегала к горизонту, где подпирал небо колоссальный пик Ствола...

Ромашина подняли по тревоге в шесть часов утра.

В шесть тридцать он был уже в Центре защиты, сопровождаемый эшелоном «кольчуги». В императив-зале Центра он встретил бледного Златкова, окруженного бригадой врачей «Скорой помощи». Федор Полуянов и Гена Кузьминов, гранд-оператор Центра, имеющий также вторую профессию, скрытую, начальника экспертной бригады «Роуд-аскер» службы безопасности, стояли рядом, пребывая в явной растерянности.

— Не хочет идти в клинику, — сказал Кузьминов неодобрительно, кивая на ученого.

— Как это произошло? — Ромашин уже знал, что на Златкова было совершено нападение прямо в коридоре Центра, но группа прикрытия успела предотвратить трагедию, ликвидировав двух убийц и боевого робота, замаскированного под конкистадора.

— Пойдемте, покажу. — Полуянов сделал приглашающий жест, но комиссар сначала подошел к Златкову.

— Как самочувствие?

— Нормальное, — попытался улыбнуться начальник Центра.

— Два выстрела в упор из «универсала», — обернулся один из врачей, сворачивающий ненужный теперь медицинский комбайн. — Первый — в грудь, но кокос, усиленный броней, выдержал. Второй — в плечо, распорол мышцы. Все в порядке, мы заштопали, но все же полежать ему необходимо.

— Черта с два вы меня заставите лежать! — оскалился Атанас.

Врач молча развел руками.

— Вот если бы они стреляли в голову... — добавил Кузьминов многозначительно.

«Вот именно, — подумал Ромашин. — Странно, что «санитары» этого не сделали. Что может быть проще выстрела в голову? Только выстрел в грудь...»

— Ясно, что все прекрасно. Может быть, пару часов действительно полежите в комфорте? Здесь же, в Центре.

Златков поколебался немного, потом нехотя проговорил:

— Хорошо, уговорили. До восьми посплю в ваших комфортабельных хоромах. Но не больше!

Поддерживаемый молодыми медиками, он вышел.

— Идемте, — бросил Ромашин Полуянову, но в бункер со спецзащитой вскоре заявились все, кто был нужен: Кузьминов, Полуянов и шеф группы безопасности Центра Георгадзе. Смотреть на трупы «санитаров» комиссар не пожелал.

— Ваше мнение по поводу случившегося?

— Они идут ва-банк, понимая, что терять им нечего, — начал Кузьминов. — Если мы не ответим, погибнут люди, классные специалисты. Много людей.

— Надо срочно брать всю выявленную сеть «санитаров», — поддержал коллегу Полуянов. — Они явно готовят удар, от которого мы, по их мнению, не скоро оправимся, и необходимо нанести удар превентивный. Тогда и запуск агента в Ствол пройдет успешно.

Ромашин задумался, глянул на Георгадзе.

— Вы уверены, что контролируете всю территорию Центра?

— Не только Центра, но и всей зоны. «Санитары», конечно, оснащены очень здорово, но ведь на нашу бригаду работают вся техслужба УАСС и научные центры Земли. В зоне развернут «Аргус», транспортный спецкорпус, филярная микросеть «Арахна». Над Стволом висит спасательный космофлот...

— И вся эта сила может не сработать при защите «Роуд-аскер» сто семь. — Ромашин имел в виду позывной Жданова.

— «Роуд-аскер» сто семь вне подозрений, — улыбнулся Георгадзе. — Он хорошо сыграл роль недалекого силовика, да и мы подыграли. «Санитары» в первую очередь пасли Белого, Ломотова и Ларина. Они и до сих пор уверены, что это основные исполнители.

— Хорошо. — Комиссар принял решение. — Запуск Жданова — в десять ноль-ноль. Операцию по захвату сети «санитаров» начнем в девять. Готовьте команды перехвата.

ГЛАВА 13

Павел стоял на вершине холма спиной к Стволу и смотрел, как из-за леса поднимается солнце. Травянистая равнина, вызвездившаяся одуванчиками, была серой от росы. В долинах между пологими увалами стлался-змеился туман.

Инспектор знал, что силами безопасности только что была ликвидирована довольно мощная сеть помощников и слуг «хронохирургов», но успокаивало его это обстоятельство мало. Все казалось, что ромашинские аналитики упустили из виду нечто важное, существенное, что еще скажется на задании, и с этим чувством Павел ничего не мог поделать.

— Начинаем, — пискнул наушник рации голосом гранд-оператора. — До запуска хроностабилизаторов осталось десять минут. Техническому персоналу занять места.

Павел еще раз окинул взглядом равнину, конусы хроновизоров, орудийные стволы хронооптимизаторов, два гигантских сооружения — третье скрывалось за Стволом, — напоминающих издали механических слонов с вытянутыми хоботами. Один из «слонов» на самом деле был генератором хроноперехода, уменьшенной копией самого Ствола, но об этом знал очень ограниченный контингент людей.

Нырнув под землю, Павел, сопровождаемый обоймой охраны, сел в капсулу пронзающего лифта и через пару минут вышел в предбаннике того самого «слона», где его ждал Полуянов. Павел кивнул в ответ на ободряющую улыбку инженера, начал облачаться в скафандр, почти не прислушиваясь к словам дублера. Перед глазами стояло залитое слезами лицо Люции — она сама нашла его вчера вечером и провела с ним всю ночь, — потом вспомнился обед в ресторане с Барановым... В душе колючкой шевельнулось сожаление: парень был в общем-то ни в чем не виноват...

— Помните: конкистадоры реагируют только на прямой приказ, — бубнил сзади Федор Полуянов, поправляя что-то на поясе скафандра Павла. — На горизонтах, имеющих выход в пространство определенной временной эпохи, установлены хронокапсулы мембранного типа: внешне напоминают обычные лифты. Ими можно пользоваться, но только вниз, в глубь истории. Вверх, в будущее, они не действуют. Как и всякие мембраны, они пропускают материальные тела в одну сторону...

Павел все это слышал не раз, но перебивать инженера, не знающего, чем помочь и что сказать, не хотелось.

— На всех горизонтах Ствола смонтированы ниши безопасности, — продолжал бормотать Федор, — в них можно не бояться коррекций и временных провалов. На четырех горизонтах в северных коридорах вделаны в стены контейнеры с НЗ: молекулярные синтезаторы воды, блоки с продуктами, подвергнутыми субмолекулярному сжатию, аптечки, оружие...

Павел мысленно включил передачу из зоны, и перед ними развернулся виом с колонной Ствола. С расстояния в пять километров детали на белом с розовыми бликами утреннего солнца теле Ствола не замечались, он казался идеальным цилиндром, мачтой без парусов.

Павел перевел взгляд дальше.

От белого куба лаборатории не осталось ничего, кроме странных, металлических на вид башен, похожих на клыки динозавров. Башни торчали из стометровой воронки в земле, заполненной плотным черным дымом аморфного времени. Воронка постепенно росла в глубину, дым разъедал землю, горные породы, металлы — любое вещество, кроме башен, добавляя работникам Центра защиты новые заботы и тревоги.

— Учти, что все эффекты, о которых говорил Златков, реальны. — Федор встал на колено, проверяя защиту сапог скафандра. — С чем ты наверняка столкнешься, так это с эффектом наслоения и дублирования с упрощением, когда вместо ста этажей горизонта насчитаешь двести, и с эффектом «марафонской дистанции» — коридоры Ствола покажутся чуть ли не бесконечными из-за многократного преломления-отражения в петле времени. Кроме того, могут встретиться полностью разрушенные горизонты, перенесшие протонное вырождение, побывавшие во временном провале. Тебе провал не страшен, пока ты в ТФЗ-скафандре...

Павел посмотрел на фиолетовые конусы хроновизоров. На мгновение защемило сердце, но он заставил себя думать о другом: о своей бывшей работе, о товарищах, ждущих его возвращения, о Люции... Оба так ничего и не решили, несмотря на желание остаться вместе... может быть, напрасно... Потом стал думать о своей судьбе, и снова пришло ощущение беды, невосполнимой потери, и снова Павел заставил себя переключиться на иную волну... Интересно, скажет ли хоть что-нибудь таинственный голос? Или, по его разумению, все идет нормально?..

— Мы готовы, — раздался в наушниках голос Ромашина.

До Павла не сразу дошел смысл сказанного.

— Я тоже, — с запозданием ответил он.

Федор, продолжавший что-то говорить, вдруг замолчал, встал с колена, похлопал Павла по плечу и протянул руку.

— До встречи, Паша. Жди меня там, не рискуй.

— До встречи. — Павел пожал руку, глядя по виому на равнину у Ствола, по которой начинавшийся ветер погнал зеленые волны. Солнце скрылось за растущей пеленой облаков, пейзаж стал угрюмым и холодным.

Федор открыл люк переходной камеры. Павел перешагнул комингс, стал в центре черного круга. Люк сзади захлопнулся, отрезая инспектора от внешнего мира. Черный круг стал медленно опускаться, пока не лязгнули кронштейны упора. Поплыли мимо ячеистые стены сбросовой камеры, потом блестящие ребра дюзы, свет померк, вспыхнул вновь — алый, ощутимо густой.

Павел оказался на дне конусовидного помещения, сходящегося, казалось, в точку где-то в бесконечности. Некая сила перевернула инспектора, так что голова его оказалась направленной в вершину конуса.

— Даем предупреждение, — послышался в наушниках чей-то голос.

Над холмами трижды прокатился леденящий душу вопль сирены. И стало совсем тихо, будто в Центре вырубилась связь или отказала рация скафандра.

Павел напрягся, ожидая удара в ноги, как при запуске баллисты в космосе. И вдруг ему показалось, что кто-то большой, как планета, но добродушный, дружелюбно настроенный, посмотрел на него сверху.

— Это... вы? — спросил инспектор негромко, забыв, что его слышат в Центре.

— Да, — раздался знакомый, твердый и спокойный голос. Он мог принадлежать и нормальному, уравновешенному и сильному человеку. Павел даже представил его лицо, тут же подумав, что у хозяина голоса, возможно, лица нет совсем.

— Что меня ждет? Вернее, что ждет нас всех?

Молчание.

— Не хотите отвечать или не знаете сами?

Снова молчание. Тишина в Центре.

— Тогда ответьте хотя бы, кто вы?

Через минуту последовал тихий и вежливый ответ:

— В лексиконе человечества нет слов, чтобы выразить такое понятие. Оно появится примерно через четыре миллиарда лет после вас.

— Значит, вы все-таки из будущего? Наши потомки?

— В какой-то мере. К сожалению, не существует даже упрощенных аналогий, чтобы вы их поняли. Все гораздо сложней, чем вы представляете. Извините.

Павлу почудилась в голосе неизвестного грустная нотка. «Мы дети для них, — подумал он, — дети, едва начавшие ходить, изу-

чающие мир и себя на собственных ошибках, с болью, муками и сомнениями... а может быть, и того меньше: не дети — эмбрионы на стадии всеобщего разума. Странно, что они надеются на нас, на эмбрионов... на детей... Неужто не могут справиться с «хронохирургами» сами?»

В наушниках ни звука, будто все вымерло вокруг на многие сотни километров. Центр тоже молчал, и Павел понял, что на этот раз разговор с потомками был услышан всеми. Он вдруг испугался, что короткий звуковой контакт с наблюдателем закончится и давно мучивший его вопрос так и останется без ответа.

— Подождите... последний вопрос... очень важно... Кто такие... что такое... — Павел хотел спросить, кто такие «хронохирурги», но задал вдруг совсем другой вопрос: — Что такое время?!

Неизвестный собеседник инспектора тихо рассмеялся.

— Ну и аппетит у вас, маэстро! Вы явно хотели задать другой вопрос, о «хирургах». Нет? С ними-то вы столкнетесь и узнаете, ваши эксперты правильно восприняли некоторые наши подсказки: «хронохирурги» — разумная система типа «стая». А вот что касается времени... вряд ли вы подготовлены для восприятия истины. Позволим себе лишь замечание: время в нашей ветви Фрактала времен не величина и не абсолютное условие.

— А что?

Тишина в ответ.

— А почему вы сами не хотите избавиться от «хирургов»? Ведь, судя по вашей реплике, вы тоже жители нашей Метавселенной? Не суть важно, из будущего или из прошлого.

— Попробуйте сами найти ответ, вы сможете. Знаете, что такое эффект бумеранга?

— Эффект, противоположный тому, который ожидался в результате эксперимента. — Павла вдруг осенило. — Уж не хотите ли сказать, что вы... сами виноваты в происшедшем наравне с «хирургами»?! Провели свой эксперимент, так сказать... в будущем или где-то в многомерных пространствах... А может быть, вы и есть «хронохирурги»?!

Прошла минута, другая, и Павел понял, что ответа не услышит совсем. Разговор закончился, с ним попрощались, дали понять, что за него беспокоятся, ждут его прыжка в неизвестность. Эффект бумеранга... Не в том ли он, что человек зачастую беспомощен, когда он всемогущ? Не последствием ли его действий является рождение Вселенной? И не от него ли зависит ее гибель?..

Павел вдруг почувствовал, что его сознанием завладел кто-то огромный и властный. Сознание раздвоилось: одной половиной инспектор понимал, что стоит на площадке хроноптимизатора, другая позволяла видеть все как бы со стороны.

Сначала он увидел Ствол с расстояния примерно в пятнадцать

километров: ровная белая тростинка на зеленом фоне. Потом скачком картина изменилась. Ствол провалился вниз, земля из плоскости выросла в голубоватый дымчатый шар, видимый с высоты в десять тысяч километров.

Новый скачок: Земля превращается в искру света и теряется на фоне таких же искр-звезд Млечного Пути. Солнце видится пылающей косматой дырой в золотом ореоле, на него больно смотреть. Еще скачок, и на месте Солнца возникает грандиозная звездная спираль — Галактика!..

Долго-долго смотрели на эту спираль двое: Павел и молчаливый его гид. Весь обозримый космос был уже темен и нем, и только колоссальная система звезд — Галактика, будущий дом человечества, — сияла торжественно и ярко, словно бросая вызов мраку, и Павлу даже послышались аккорды органа, созвучные этой фееричной, прекрасной и величественной музыке света...

— «Еще дрожит былого смутный свет...»[1] — невольно прошептал он.

И вдруг все исчезло. Впереди заслоняла горизонт гора Ствола, сзади над лесом поднималась стена туч.

— Паша, — послышался далекий голос Ромашина, — ты меня слышишь?

— Слышу, — отозвался Павел глухо. — До встречи в другой жизни.

Стартовый автомат досчитал положенное число секунд, швырнул Павла вниз, в шахту времени, и он уже не услышал, как Ромашин, страдающий от того, что ничем не может помочь, пожелал ему ни пуха ни пера.

Часть V

ПОДЧИНЯЕТСЯ ДИКИЙ...

ГЛАВА 1

Они собрались в одной из наиболее уютных, если можно было так выразиться, комнат гигантского здания.

Ивашура казался уверенным в себе, а может, и был таким, Гаспарян имел вид только что проснувшегося человека, Рузаев был, как и всегда, невозмутим, Одинцов и его телохранитель Во-

[1] Дж. Байрон.

лодя также умели держать себя в руках и выглядели деловито-серьезными.

Провал стены Башни втянул их внутрь со скоростью падающего самолета, и всем в тот момент показалось, что не собрать им костей при падении. Но все обошлось, хотя синяков и шишек все же насчитали потом много.

С час они приходили в себя, искали друг друга, подгоняли уцелевшее снаряжение, проверяли экипировку. Лучи света от фонарей выхватывали из темноты странные, крупнопористые, черно-серые стены помещения, куда их внесла сила схлопывания Башни, такие же пол и потолок и не цепляли ни одной детали. Голая комната со звездообразно проломленной стеной — так это выглядело. На противоположной стене — отпечатки их тел. На полу — отпечатки подошв; материал пола напоминал хрупкий рыхлый ракушечник, ботинки оставляли в нем четкие, двух-трехсантиметровой глубины следы.

Справившись с потрясением, группа вышла в поход, и вскоре обнаружилось, что весь этаж здания, внутри которого они оказались, мертв, представляет собой анфиладу таких же унылых, закопченных, пустых, черных комнат с рыхлыми, готовыми рухнуть в любой момент стенами. Правда, десантники обошли только часть помещений по сторонам двух коридоров, но и так было ясно, что везде их ждет одно и то же. Никто из новоявленных исследователей Башни не знал, что горизонт претерпел протонное вырождение во время сброса хронопотенциала, однако все понимали, что здесь произошло нечто необычное и опасное для жизни. К тому же включенный дозиметр показывал приличный уровень радиации. И когда Рузаев меланхолично произнес вслух: «Надо бы отсюда перебраться в более чистое место», — он выразил общее желание.

Помещение, в котором остановились люди, ничем не отличалось от других, кроме размеров, но одна из его стен пошла трещинами, сквозь которые сочился тусклый дневной свет. И хотя разглядеть через трещины ничего не удалось, было ясно, что в той стороне внутренний двор или же центральное помещение Башни.

— У нас есть ломик, — сказал Гаспарян. — Может, попробуем проколупать дверку?

— Сначала подведем кое-какие итоги и наметим цели, — проворчал Ивашура. — Итак, что у нас, ребята, в рюкзаках?

«Ребята» имели снайперский бесшумный комплекс «ВСС», известный под названием «винторез», у Володи два пистолета с тремя рожками патронов, «макаров» у Гаспаряна и бесшумный «ПСС» у самого Одинцова, «наган» у Рузаева и пистолет-пулемет «бизон» у Ивашуры. Кроме того, у всех имелись кинжалы, а у

Ивашуры был еще припрятан бластер с неизвестным энергозапасом. Отыскались и рюкзаки-ранцы с НЗ, аптечкой, флягами с водой и кое-каким сменным бельем. Не удалось найти рюкзак с консервами и вещмешок с аппаратурой разного назначения, укомплектованный самим Ивашурой. Всего вероятнее, они, как и второй телохранитель Одинцова, остались за пределами Башни.

— Не хватает только гранатометов и взрывчатки, — криво улыбнулся Гаспарян, с отвращением сунув в карман свой пистолет: он никогда не любил иметь дела с оружием.

— Мы не диверсанты, — отрезал Ивашура. — Оружие всем проверить. Мало ли кого встретим... прецедент уже был. Теперь о деле. У нас всего две задачи: первая — выяснить, что это такое, куда мы попали, и вторая — найти Ваню Кострова с журналисткой. Если они еще живы. Ваши соображения?

— Есть и третья задача — выйти живыми обратно, — хладнокровно произнес Рузаев.

— Само собой разумеется.

— И все-таки давайте попробуем потихоньку пробить в стенке дырку и посмотреть, откуда идет свет, — повторил свое предложение Гаспарян. — Ходить по этому мертвому этажу можно долго, до тошноты.

Ивашура глянул по очереди на каждого члена отряда. Одинцов кивнул.

— Можно рискнуть. Все равно других предложений нет.

— А если шваркнуть по стене из бластера? — загорелся Гаспарян. — И шума меньше, и стучать не надо.

— Пожалуй, — с сомнением в голосе согласился Ивашура. — Отойдите от греха подальше.

Все вышли в коридор, встав так, чтобы видеть противоположную стену помещения. Телохранитель Одинцова смотрел на Ивашуру заинтересованно, он еще не видел бластера в действии. Впрочем, остальные тоже ждали представления с нетерпением. Привыкнуть к этому оружию, изготовленному явно не современниками, а то и вообще другими разумными существами, было трудно.

Ивашура достал свой красивый черный пистолет, согретый телом, уменьшил мощность разряда, встал за проем двери, прицелился в сеточку трещин на стене и нажал на гашетку.

Факел прозрачно-лилового огня ударил в стену, пробил ее насквозь, как бумажный лист, разворотив и расплавив края до прозрачного стеклянного состояния, создав красивый хрустальный «бутон» лепестками наружу. В образовавшееся метровое отверстие хлынул ровный золотистый свет, лившийся с небес, и влетели необычные звуки, напоминавшие густое астматическое дыхание.

Все постояли с минуту, прислушиваясь к дыханию и потрескиванию стен комнаты, потом гурьбой бросились к образовавшемуся окну. Замерли, созерцая страшную картину.

Взору предстала круглая котловина диаметром километров в десять, в центре которой светился ярким золотым светом туманный конус. Астматическое дыхание слышалось оттуда. Вершина конуса истекала в небо дымным столбом, постепенно проходя гамму цветов от желтого до багрового, и на высоте семи-восьми километров расплывалась малиново-фиолетовой пеленой. Долина сплошь заросла лесом и была окружена какой-то стеной. Люди поняли, что это стена здания, внутри которого они оказались.

Рассматривали пейзаж долго. Наконец Рузаев первым сделал открытие:

— Хотите — режьте, хотите — нет, но это двор Башни!

Гаспарян фыркнул.

— И ежу понятно. Но почему лес без снега? Снаружи-то зима.

— А тут лето, — невозмутимо ответил Рузаев. — Экологическая ниша. А мы, кстати, находимся на пятом или шестом этаже, судя по высоте обзора. Спуститься бы надобно.

— Своевременная мысль, — очнулся Ивашура. — Раз у Башни есть этажи, должны быть и лифты, и лестницы. Давайте искать то или другое, попробуем спуститься во двор.

Бросив по взгляду на необычный пейзаж, они гуськом вышли из помещения с дырой. Володя, напарник Одинцова, смотрел на оружие Ивашуры по-новому, как на желаемую вещь, и полковник, заметив взгляд Ивашуры, подмигнул ему.

— А интересно, что это там светится? — пробормотал Гаспарян, не ведая, что повторил вопрос Вани Кострова, когда тот много дней назад впервые выглянул во двор Башни.

Никто Гаспаряну не ответил. Все вспомнили об Иване, однако лишь Ивашура подумал, что они, возможно, повторяют его путь. И в принципе, так и случилось.

Лифт они нашли, пройдя по левому коридору два километра, в круглом помещении, к которому сходились еще два коридора, длинный и короткий. Посреди помещения располагалась двухметровая колонна, или труба, с открытой дверцей, в которой виднелось нечто вроде кабинки лифта с закопченной панелью и квадратиками сенсоров на ней. Но панель они разглядели позже, а пока молча разглядывали труп человека в бликующем, словно слюдяном костюме, лежащий ничком: ноги — в помещении, туловище — в коробке лифта. Правая сторона его костюма пожухла и почернела, рука и вовсе превратилась в сгусток шлака, и стало ясно, что в незнакомца стреляли из оружия, родственного бластеру Ивашуры.

Одинцов первым шагнул в лифт, повернул тело человека на бок и тут же отпустил, выпрямляясь. Лицо незнакомца было сожжено тем же оружием.

— А ведь лежит он здесь недавно, — принюхиваясь, рассудил Рузаев. — Труп еще не пахнет.

Ивашура пошарил лучом фонаря по полу и обнаружил следы по меньшей мере трех человек. Судя по всему, люди были все крупные и носили ботинки сорок пятого размера с рифленой особым образом подошвой, отличной от подошв убитого. Видимо, они гнались за ним и настигли у трубы лифта. Закрыть дверь и включить лифт он уже не успел. Убедившись, что беглец мертв, убийцы удалились коротким коридором.

Ивашура непроизвольно вытащил бластер, заметив, что и остальные члены группы достали оружие.

— Что будем делать? — понизил он голос.

— Я думаю, искать убийц нет смысла, — ответил Одинцов. — Раз уж мы дошли до лифта, поехали вниз, на первый этаж. В местные конфликты вмешиваться мы не имеем права.

— А если на нас нападут? — хмыкнул Гаспарян.

Полковник остался спокоен.

— Будем действовать адекватно. Помогите мне.

Втроем с Володей и Рузаевым они оттащили труп незнакомца к стене и вернулись в кабину лифта, где Ивашура разглядывал стенки кабины — решетки, сквозь отверстия которых виднелись черные стены лифтового колодца.

— Ну и как это чудо враждебной техники управляется?

Ивашура молча перевел взгляд на панель управления с тускло светящимся квадратиком в верхней части, на котором был выгравирован значок: два кольца, пересеченные стрелой.

— Все здесь?

— Все, — отозвался Гаспарян, водя лучом света по серо-черным стенам круглого зала. — А все же любопытно, что за пожар здесь случился? Да и пожар ли?

— Поехали. — Ивашура нажал на один из квадратиков на панели ниже светящегося, но лифт не поехал, издав короткий хриплый гудок, от которого все вздрогнули.

— Так, понятно, будем ехать поэтапно. — Ивашура ткнул пальцем в соседний со светящимся квадрат.

С гудком на месте дверного проема возникла прозрачная дверь, сгустилась до цвета бутылочного стекла. Ударило в ноги, хотя, по идее, должна была бы наступить потеря веса: лифт ехал не вверх, а вниз. Пассажиров лифта бросило друг на друга, им стало дурно, Гаспаряна едва не стошнило. Выругался Одинцов. На мгновение наступила невесомость, затем вес вернулся, в потолке кабины мигнули зеленовато-голубые светильники — как

прожилки в толще плиты, потом потолок засветился весь, и лифт остановился. Ошеломленные разведчики Башни смотрели то друг на друга, то на потолок, то на панель, где светился теперь другой квадрат с цифрой «— 10 000».

Дверца кабины стала бледнеть, таять, исчезла. Ивашура шагнул наружу, в кольцевой зал, освещенный вполне солнечным светом, на розовый мраморный пол и резко остановился, так что последовавший за ним Рузаев ткнулся начальнику в спину.

Напротив, шагах в двадцати, стоял, расставив ноги, знакомый «десантник» в туманно-мерцающем маскировочном костюме, а из его руки смотрел на людей незнакомый пистолет с толстым дулом в воротнике из светящихся планок и игл.

ГЛАВА 2

На этом горизонте Иван с Таей уже останавливались однажды, чтобы согреться: обширный зал был занят какими-то огромными установками, словно покрытыми черным лаком. Две из них тихо, как трансформаторы, гудели, и над ними крутились голубые и сиреневые огоньки. Пол в зале напоминал черное стекло и был теплым, почти горячим на ощупь, зато потолок отсутствовал вовсе. Вместо потолка на высоте пятнадцати метров колыхалась озаряемая редкими зелено-голубыми сполохами сизая дымная пелена. Запах в зале, как и прежде, витал странный — шоколадный, с привкусом мяты и полыни.

— Располагайтесь. — Третий их спутник, Павел Жданов, стартовавший в Ствол с помощью хитроумного метода из двадцать четвертого века, хромая, подошел к гудящей громаде, что-то сделал, и у стены зала вырос ряд низких черных кресел.

Переглянувшись, Иван и Тая с удовольствием устроились в креслах, мягких и удобных. Напротив них из пола выдвинулся черный «лотос», развернулся столом, и на нем появились две знакомые коробки НЗ, фляги с водой и какие-то вычурной формы склянки из фиолетового стекла.

— Завтракайте, — не оборачиваясь, бросил Павел, продолжая возиться в нише, образовавшейся в боку черной установки.

Иван поколебался немного, но преодолел нежелание тела двигаться, встал и, тихо проговорив Тае: «Ешь и пей, я позже», подошел к инспектору.

— Что это за паровоз?

— Комбайн контроля состояния, — ответил Павел. Он уже пришел в себя спустя двое суток после своего прибытия, но был еще слаб. — Ствол... то есть хроноускоритель, как полностью автоматизированная, самоорганизующаяся система, строился

тридцать лет и рассчитан на все случаи жизни. С помощью этих устройств мы можем связаться с любым узлом выхода Ствола в прошлое и проконтролировать работу его подсистем. Но нас сейчас интересует другое — люди.

— Неужели этот комбайн способен определить, есть ли в... э-э... Стволе люди?

— Ствол напичкан видеокамерами и устройствами, фиксирующими изменения его характеристик. Сейчас я настрою контур инка на поиск наших будущих помощников, отдохнем и отправимся за ними.

— Вы сказали — инка? Что это за устройство?

Из-под рук Павла вылетела очередь бледно-оранжевых огней, лопнула с тихим треском.

— Инк — это интеллект-компьютер, — как ни в чем не бывало ответил инспектор. — Так сказать, мозг Ствола. Но он имеет пять степеней защиты, и достучаться до него сложно. Необходима целая процедура. Если бы наши враги, «санитары», смогли к нему подобраться, участь Ствола, да и наша с вами, была бы печальной.

— А как мы доберемся до тех людей... которых еще надо найти?

— Инк откроет нам обратную линию хрономембран. Преодолевать тысячи ступенек подъема по лестницам не придется.

— Это было бы здорово, — с облегчением сказал Иван, понизив голос и оглянувшись на блаженствующую в кресле Таю.

Павел тоже глянул на девушку, едва заметно улыбнулся, но в глазах его явно проступило сожаление. Иван понял инспектора: им предстояла схватка с «хронохирургами», а спецназовец из Таисии получался никакой.

В нише, где копался инспектор, вспыхнула длинная зеленая нить, обернулась много раз вокруг кистей рук Жданова, и тотчас же часть многометрового бока громады плавно и быстро образовала нечто вроде пещеры, внутри которой замигали сотни огней, запульсировали десятки световых нитей, вспыхнули облака цветного дыма и начали танец текучего формообразования. Павел вошел в пещеру, окутанный золотым свечением, и за его спиной сформировалась стена, сначала тонкая, прозрачная, потом уплотнившаяся до корки черного асфальта. Световой бедлам в пещере перестал быть виден.

Иван оглянулся на Таю. Девушка махнула ему рукой.

— Не мешай ему, иди перекуси. Не знаешь, что в этих фиолетовых пузырьках?

Ответить Костров не успел: со звоном раскрылся фасад комбайна контроля, и оттуда выпрыгнули один за другим два паука-конкистадора, держа в передних лапах серые чемоданы без ручек.

Молча подскочили к остановившемуся Ивану, сложили чемоданы у его ног и умчались прочь.

— Наверное, парадно-выходные костюмы принесли, — засмеялась Тая. — Открывай, чего стоишь?

— А если это не нам?

— Нам, нам, — раздался голос Жданова, появившегося вовсе не с той стороны, откуда его ждали, а из стены в дальнем конце зала. Инспектор был уже облачен в серебристо-ртутный, бликующий, как жидкое зеркало, костюм. Он подошел к чемоданам, провел над ними рукой, и те сами собой раскрылись. В одном оказались два таких же спецкостюма, что и на Павле; он называл их кокосами, что означало — компенсационные костюмы спасателей. Во втором чемодане лежали шлемы, похожие на шлемы современных мотоциклистов и рейнджеров одновременно, с узкими выпуклыми черными очками, наушниками и специальными «намордниками», прикрывающими подбородок и нос. Кроме того, там было закреплено оружие: красивые, хищные, грозные на вид пистолеты с толстыми ячеистыми стволами. Пистолеты Павел называл «универсалами», и крепились они на плечах или на поясах владельцев, а управлять стрельбой из них можно было с помощью шлема, который имел плавающий сектор прицела — проектировался на очки — и мысленный спуск-коммандер.

— Надевайте, — кивнул на костюмы Павел. — Это еще не ТФЗ, но защита от всяких неприятных вещей неплохая.

Пока Тая переодевалась за одним из комбайнов контроля, Иван, облачившийся за минуту, быстро съел пару бутербродов и кивнул на фиолетовые склянки.

— Никак не разберемся, что это такое. Вода, соки?

— Вода, но живая и мертвая, — усмехнулся Павел. — Абсолютный биостимулятор «Билайф». Первый компонент мгновенно останавливает кровотечение, заживляет раны, сращивает кости, а второй включает сердце, мозг, заставляет организм работать. Каждому — по флакону.

Только теперь Иван обратил внимание на состояние инспектора: лицо его приобрело естественный здоровый цвет, в глазах появились энергия и сила, движения стали уверенными и скупыми, да и хромота исчезла совсем.

Павел, отлично понявший мимику собеседника, кивнул:

— Да, я уже успел принять дозу, все в порядке.

— А вот и я, джентльмены, — появилась из-за громады комбайна журналистка. — Как вам нравится мое новое платье?

«Платье» смотрелось на девушке великолепно, и Костров, пораженный ослепительным, в полном смысле этого слова, видением, смог лишь подойти и поцеловать Таю в щеку. Правда, не удержался и от поцелуя в губы, чего Жданов «не заметил».

Со звоном открылась пещера в ближайшем комбайне, та, в которой уже побывал Павел. Огней внутри нее стало поменьше, и все они гармонично расположились группами над узкой изогнутой панелью пульта, выросшей из стенки пещеры. Объявилось там и кресло, похожее на самолетное, с гибкими усами и щупальцами.

— Ага, наконец-то нас приглашают к беседе, — сказал Павел с удовлетворением, направляясь к пещере. — Сейчас кое-что выясним.

Иван догнал его, тронул за рукав.

— Павел... извините... а здесь не появятся... непрошеные гости?

— Этот горизонт контролируется подсистемой безопасности, которая пропускает лишь тех, кто знает особый пароль. Я включил ее, когда мы вошли сюда.

Жданов сел в кресло за пульт, по которому сразу рассыпались крохотные огоньки, усики и щупальца обхватили его ноги и руки, а напротив вдруг возникла фигура сурового мужчины в темно-синем костюме, напоминающем форму полицейского.

— Запрос проанализирован, допуск подтвержден, — сказал он приятным низким голосом. — Форма диалога?

— Звуковой диапазон.

— Слушаю и повинуюсь. — Мужчина усмехнулся, и Костров, уже сообразивший, что перед ним фантом инка, поднял брови: отвечал интеллект-компьютер как живой человек.

— Пытался ли кто-нибудь вмешаться в функционирование жизнеобеспечивающих систем ускорителя?

— И не раз.

— Результаты?

— Повреждено одиннадцать процентов недублированного оборудования. Но в последнее время участились попытки целенаправленного уничтожения компьютерного каркаса Ствола, для чего в кольцо запущены сетевые нейтрализаторы. Кто-то ищет императив-центр.

— И что будет, если найдет? — вырвалось у Таи, вошедшей в пещеру за Иваном.

Инк Ствола в образе умудренного опытом человека посмотрел на девушку, не выказывая недовольства.

— Его просто не существует.

— Инк хроноускорителя представляет собой разумную систему типа «рассеянного сознания», — добавил Жданов. — Его носители — конкистадоры, сотни других автоматов и элементы, встроенные в стены Ствола на всех горизонтах.

Тая захотела задать еще вопрос, но Иван сжал ее плечо, взглядом предлагая не вмешиваться.

— Необходимо провести поиск людей во всех узлах выхода Ствола, — продолжал Павел.

— Конкретные личности? — уточнил инк. — Люди вообще?

— Вообще. Но с видеокартинкой: кто, где, сколько, чем заняты.

— Задание принял. Поиск займет некоторое время, ждите. — Фигура инка заколебалась, теряя плотность, но тут же обрела прежние очертания. — На всякий случай сообщаю, что на горизонт, где мы с вами общаемся, пытаются проникнуть группа вооруженных людей и два автомата неизвестного назначения.

— Покажи.

Инк исчез, на его месте протаяла стена пещеры, образуя двухметровый видеообъем: в кольцевом зале с трубой лифта двенадцать человек в маскировочных «хамелеонах» пытались пробить двери в три коридора, применяя излучатели и взрывчатку. Двери, на вид из рифленой стали, послушно плавились, разбивались вдребезги, в них возникали пробоины и дыры, но спустя секунды после этого они снова зарастали «металлом» первозданной чистоты.

— Вот этого «десантника» я уже встречал, — присмотрелся Иван к несуетливому движению группы. — В лесу под Брянском.

— И даже отнял у него пистолет, — засмеялась Тая, гордая за друга.

Павел с веселым удивлением посмотрел на Кострова, тот отмахнулся.

— Было дело. Он меня не воспринимал всерьез. Дважды. А пистолет, наверное, типа вашего «универсала», я оставил начальнику экспедиции.

Павел хмыкнул, одобрительно глянув на фигуру Ивана, повернулся к видеообъему.

— Покажи автоматы.

Картина в виоме сменилась. Видеокамеры были установлены в потолке помещений, и автоматы неизвестного назначения в этом ракурсе походили на выпуклые фасетчатые глаза насекомых. На самом деле это были те самые черепахи с хлыстами, встреченные Иваном и Таей еще в эпоху палеозоя. А одна из них участвовала в инциденте с пауком-конкистадором.

Хлысты черепах, розовые, маслянистые, омерзительно живые, как тараканьи усы, ощупывали стены помещения, оставляя в них глубокие борозды, и раз за разом с силой вонзались в потолок, пробуя его на прочность.

В общей картине откололся меньший объем изображения, и стало видно, что автоматы пытаются вырезать люк в потолке со светящимися в толще крышки буквами ТФМ.

— Они хотят пройти к нам через хрономембрану снизу, — за-

думчиво проговорил Павел. — Но до сих пор в разряд врагов эти черепахи не входили.

— Чьи они?

— Неизвестно. Не наши. То есть делали их не люди, не земляне. Но кто и зачем послал их в Ствол, неизвестно. Придется разбираться по ходу дела.

Видеопередача прекратилась. Инк исчез. В пещере тихо закружились прежние огни и световые нити.

— Предлагаю отдохнуть, — сказал Павел. — Поиск может затянуться на неопределенное время, связь с другими точками выхода Ствола неустойчива и требует особых способов обработки информации.

— Да, я бы поспала, — со вздохом призналась спутница Ивана. — Пожалуй, устроюсь в кресле.

Жданов сунул руку в твердую на вид панель пульта, так что ладонь скрылась из глаз, и тотчас же рядом с креслами и столом из стены зала выросла пушистая на вид коричневая тахта. Затем сверху упала полупрозрачная накидка, образуя над тахтой шатер.

— Занимайте апартаменты.

— А вы?

— Я еще не закончил кое-какие дела. — С этими словами инспектор исчез в пещере, которая сразу же закрылась.

Иван и Тая смотрели друг на друга.

— Как ты думаешь, он скоро вернется? — задумчиво проговорила девушка.

Иван заглянул в ее мерцающие, ставшие глубокими и манящими глаза и, подхватив на руки, понес к шатру.

ГЛАВА 3

Видимо, «десантник» ожидал увидеть кого-то другого, так как, разглядев, кто перед ним, он слегка опустил дуло своего мощного пистолета. Это было ошибкой.

Из-за спины Ивашуры тихо, почти неслышно щелкнул выстрел. Пуля из «винтореза» вонзилась в игольчатый воротник оружия «десантника», отбила руку с пистолетом вниз. В то же мгновение Володя — стрелял он — и Одинцов бросились из двери лифта в разные стороны, держа незнакомца под прицелом, а Ивашура навел на него свой бластер. Несколько мгновений длилась звенящая нервами тишина, затем из-за спины начальника экспедиции вышли вооруженные Гаспарян и Рузаев, спокойно отошли вправо и влево, следуя маневру товарищей, и «десантник» оказался в полукольце пистолетных и автоматных стволов.

Вероятно, он понял, что шансов уцелеть в перестрелке у него

нет, потому что предпринял маневр отступления. Комбинезон на нем вдруг пошел радужными пятнами, исчез, а вместе с ним стал невидимым и «десантник» — до горла, видимыми еще некоторое время оставались голова и кулак с пистолетом. Затем исчезли и они. Послышался удаляющийся топот. Никто из людей не двинулся с места, не выстрелил вслед, не собирался преследовать вояку.

— И так будет с каждым! — крикнул Гаспарян с запозданием, надеясь шуткой развеселить компанию, но успеха не достиг.

— Сейчас он приведет целый взвод таких же солдатиков, — хладнокровно сказал Рузаев, — и придется драться всерьез.

— Когда приведет, тогда и будем решать, что делать, — отрезал Ивашура. Поглядел на Одинцова, на его помощника. — Отличная выучка, Владимир! Как и реакция. Спасибо за помощь.

Володя молча кивнул, пряча бесшумный снайперский автомат. Одинцов также опустил «ПСС», поставил его на предохранитель, спрятал в карман комбинезона.

— Вообще-то Михаил прав, отсюда надо уходить.

— Осмотримся, куда мы попали, и уйдем.

— Куда?

— Куда и хотели — во двор. Там шансов застать нас врасплох у всех недругов будет поменьше.

Что-то лязгнуло сзади. Все мгновенно развернулись к лифту, снова выхватывая оружие, но это просто закрылась дверца кабины, заросла, словно ледяной коркой, оставшись полупрозрачной. Сверху вниз по трубе лифта пронеслась цепочка голубых огней, дверь потемнела.

— Кто-то вызвал лифт из подвала, — проворчал Рузаев, не зная, что подвала в здании нет.

— Пошли. — Ивашура первым направился в обход зала с блестящим, под мрамор, полом, такими же стенами и «гранитным» потолком, в толще которого горели белые волокна, создавая впечатление солнечного света, льющегося сквозь трещины.

Два коридора, явно пронизывающие здание Башни по всему ее кольцу, напоминали коридоры административных центров где-нибудь в крупном городе: широкие, светлые, с облицованными «камнем» стенами и полом, с рядами широких черных дверей, створки которых разделялись металлической полосой. Ни одну из дверей открыть не удалось, зато на двух из них после прикосновений «взломщиков» вспыхнули надписи: «Опасно для жизни! Не входить!» и «Без ТФЗ не открывать!» Надписи были сделаны на русском языке, но шрифт был необычным, не все буквы можно было прочитать сразу.

Пройдя по правой и левой ветвям коридора с полкилометра и ничего примечательного не обнаружив, разведчики вернулись в

кольцевой зал лифта и углубились в третий коридор, закончившийся тупиком буквально через полсотни метров.

Ничто не говорило о наличии здесь двери или прохода, но Одинцов первым обратил внимание на следы: пол возле тупиковой стены был истоптан. Создавалось впечатление, что сюда часто входили с той стороны, сквозь стену или же замаскированный люк.

Искали проход недолго. Ивашура нашел отгадку после минутных размышлений.

— Если проход существует и нет панели управления, он должен открываться автоматически, с подачи мысленной или звуковой команды. Эй, шеф, открой дверь!

И автомат открывания сработал!

Стена тупика лопнула зигзагообразной щелью, но не раздвинулась, как ожидали люди, а наоборот — левая и правая части как бы сдвинулись валиком вокруг щели, исчезли, открывая широкий выход наружу. В лицо хлынули желтый свет, морозный свежий воздух и волна незнакомых запахов и звуков. Перед ошеломленными людьми предстал пейзаж внутреннего двора Башни.

В нескольких шагах начинался заснеженный лес, над которым пылало желтое зарево. Но лес был необычным, не таким, каким его видели разведчики с высоты. Тот состоял в основном из хвойных пород, а этот был лиственным: береза, ольха, верба, осина, еще какие-то неузнаваемые деревья с пожелтевшей, но не сброшенной листвой.

Узкая полоска заснеженной, свободной от деревьев земли отделяла стену здания от стены застывшего в оцепенении леса. Снег был разрисован звериными следами, а от коридора, обрывавшегося прямо в снег, без какого-либо крыльца или ступенек, начиналась тропа, образованная странными дырчатыми следами. Казалось, здесь прошагал полк солдат на ходулях. Но виднелись и следы громадных рифленых подошв.

Звуки жизни леса тоже казались необычными.

Сквозь неумолчный далекий рокот и астматическое шипение доносились иногда крики птиц, треск ветвей и еле слышный взлаивающий рев.

Вдобавок ко всему оказалось, что земля снаружи трясется мелкой горячечной дрожью; внутри здания дрожь не ощущалась.

— Куда мы, черт возьми, попали? — высказал общую мысль Гаспарян.

— Предлагаю пройтись посмотреть, что там светится в центре двора, — произнес Рузаев. — Все равно конкретного плана действий у нас нет.

Ивашура и Одинцов переглянулись.

— Он прав, — сказал полковник. — Или у вас есть идеи?

— Именно идеи, — признался начальник экспедиции. — Мы уже пытались контактировать с пауками, надо продолжить это дело. По-моему, только они, автоматы с какой-то целевой программой, помогут нам определиться. Или, что лучше, сведут нас со своими хозяевами.

— Это было бы лучше всего! — сказал Одинцов со странной интонацией. — Но мы не видели еще ни одного паука.

— А вы обратите внимание на тропу. Мне кажется, она проделана именно пауками. Пойдем по ней, авось и встретятся.

— Заодно поглядим, куда они протоптали стежку, — добавил Гаспарян. — Не в туалет же они бегают из здания.

— Глубокая мысль, — согласился Одинцов.

Посмеялись, не решаясь выйти на снег, выдыхая облачка пара из ртов, потом Ивашура быстро шагнул вперед и, не оглядываясь, двинулся по тропе к лесу.

Тропа почти не петляла, обходя лишь бугры да крупные деревья. Несколько раз она пересекалась со звериными стежками, а однажды прошла рядом с цепочкой огромных, глубоких и круглых, как таз, следов размером с полметра.

— М-да! — сказал Одинцов, встречая взгляд Ивашуры. — Тут явно прогулялся слон.

— Оружие держать наготове, — тихо приказал тот, и они пошли дальше, готовые к любой неожиданности.

Однако то, что они увидали, пройдя лес, не ожидал увидеть никто.

Местность здесь заметно понижалась, переходя в голую снежную котловину, из центра которой поднимался в небо сияющий золотом дымный конус. Рокот и астматическое шипение исходили из этого конуса, и в такт пульсации света внутри его дрожала и дергалась земля под ногами.

Издалека донесся лающий рев — труба пополам с паровозным гудком. Все посмотрели в ту сторону и увидели, как из леса километрах в трех от них вырвалась огромная косматая туша и помчалась к странному костру на горизонте. Мамонт! За ним вприпрыжку кинулась еще одна гигантская фигура, догнала, с легкостью повалила на землю. Рев стих, сменился кашлем. Мамонту удалось вскочить на ноги, отмахнуться хоботом, но колоссальная обезьяна — издали этот многолапый урод казался гориллой — снова повалила животное и некоторое время что-то делала над его тушей. Затем выпрямилась и развернулась в сторону замерших людей. В бинокль было видно, что голова у нее плоская, змеиная, с капюшоном, как у кобры.

— Если он двинется к нам — отступаем! — быстро проговорил Ивашура.

Может быть, шестилапый монстр и обратил бы внимание на

людей, но его отвлекли пауки. Они появились на снежном поле, словно выпрыгнув из сияющего конуса, и понеслись по дуге к обезьянозмею. Тот некоторое время следил за приближающимся отрядом, потом кинулся в лес, обнаружив неслыханную для такой махины прыть. Пауки тут же изменили траекторию движения, скрылись в лесу недалеко от группы разведчиков, не обратив на них внимания.

— Похоже, наша огневая мощь не столь серьезна, как того требует обстановка, — негромко сказал Одинцов. — Эту обезьянку пистолетами и автоматом не возьмешь. Одна надежда на ваш бластер. Может, я его поношу?

Ивашура не ответил.

Постояв еще немного, они двинулись обратно, настороженно вслушиваясь в ставшие неприятными звуки чужой жизни. Все понимали, что в этот раз их подготовка к вторжению в Башню оказалась недостаточной.

Коридор, из которого они вышли, оказался закрытым. Его не удалось открыть ни звуковой командой, ни мысленной, не нашлось и панели управления с кнопками или рычагами. Стена здания в этом месте казалась бетонным монолитом, никаких ниш или окон в ней видно не было.

— Ну и что будем делать, коллеги? — Ивашура оглядел лица товарищей.

— Шваркни по стенке из бластера, и дело с концом, — посоветовал Рузаев.

Одинцов покачал головой.

— Это не слишком корректное решение проблемы.

— Если не найдем другого входа, придется применить бластер, — решил Ивашура. — Обойдем здание, убедимся, что вход один, и вернемся. Есть другие мнения?

Других мнений не оказалось.

Через час, порядком намучившись ходьбой по бездорожью, пройдя около шести километров вдоль стены здания, они набрели на второй вход в Башню. Дверь здесь заменял помятый лист не то металла, не то какой-то пластмассы, аккуратно закрывающий квадратное отверстие в стене. Видимо, хозяева Башни не смогли воссоздать настоящую дверь и просто преградили путь в здание зверям и птицам, успевшим утоптать снег в этом месте. Поскольку в снегу отыскались и паучьи следы, предполагалось, что именно пауки позаботились о входе.

Лист пластмассы оказался тяжелым, словно из свинца. Его с трудом удалось отодвинуть от стены впятером! Упал он, как массивная плита для перекрытия дома. Из освободившегося коридора, уходившего в темноту, пахнуло сырым теплом и запахом звероптичьего помета.

— Амбре, однако, — сморщил нос Гаспарян. — Может, поищем коридорчик почище?

— Экий ты у нас эстет, — проворчал Ивашура. — Я пойду первым, Володя прикрывает тыл. Вперед, разведчики!

— Не знаю, ждут ли нас великие дела, — вздохнул Гаспарян, — однако неприятные сюрпризы будут.

Через несколько минут они убедились, что Сурен был прав.

ГЛАВА 4

Тае удалось поспать немногим более двух часов, но и этого оказалось достаточно, чтобы она почувствовала себя бодрей и веселей. Поспал и Костров, но меньше — Павел разбудил его уже через час.

Стараясь не разбудить свернувшуюся калачиком девушку, Иван выбрался из-под шатра, умылся водой из фляги, попил тонизирующего сока из тубы НЗ и подошел к инспектору, который раскрыл пещеру в боку агрегата контроля.

— Что у нас плохого?

— Все нормально, — не понял шутки Павел. — Стас выловил сведения о нахождении в Стволе людей. Сейчас посмотрим, кто они и где находятся.

— Кто выловил? Стас?

— А-а... так назвал инка обслуживания Златков, ученый, чью идею воплотили при создании хронобура. Стас — сокращенно «сторож состояния».

В нише над пультом возникла объемная фигура самого Стаса, переместилась правей. Он как бы сел рядом с Павлом в такое же кресло. Сказал деловито:

— Начнем сверху вниз, по мере развития трактрисы. Двадцать третий век.

Стена пещеры как бы протаяла внутрь, показав двор Ствола с рощицей хилых тополей и кленов. На переднем плане горел костер, вокруг которого сидели четверо юношей и две девицы в немыслимых одеяниях. Примерно так одеваются ряженые в национальные праздники или клоуны-буфф. Лица удалось разглядеть лишь у двоих молодых людей, небритые, грязные, со следами синяков и царапин, и, судя по их выражению, эта шестерка достигла крайней степени отчаяния и страха.

— Похоже, лайферы, — пробормотал Павел. — Не повезло ребятам.

— Кто-кто?

— Лайферы, их еще называют дилайтменами. Прожигатели

жизни. Живут, как трава, где хотят, с кем хотят, ничего не делают, получают от этого удовольствие.

Костров присвистнул.

— Выходит, и наши хиппари и рокеры в будущее просочились?

— Такие люди были всегда — отрицающие законы, мораль, нравственные принципы, живущие только сообразно своим желаниям и потребностям. Но они редко бывают опасными для общества, вот оно их и терпит. Дальше, Стас, эти не годятся. Можешь помочь им чем-нибудь?

— Одежда, пища, укрытие? Ухода не обеспечу.

— Хватит и того.

Инк послушно сменил картинку.

— Двадцать второй век.

Объем видеопередачи показал кольцевой зал с кабиной лифта хронопереноса и фигуру сидящего у трубы человека с бледным изможденным лицом. Он спал, держа на коленях вполне современного вида карабин с подствольным гранатометом.

— Черт, я его знаю! — подался вперед Иван. — Мы встречались с ним, это Лар... Лаэнтир Валетов. С нами он идти не захотел.

— Где вы с ним встречались?

— Ну как где... — Иван не сразу понял вопрос. — В коридоре... А-а, где-то внизу, в палеозое.

— То есть он, как и вы, спустился по цепочке выходов Ствола в прошлое, а потом сообразил, в чем дело, и решил подняться вверх.

— Ему это удалось, если он дошел аж до узла в двадцать втором веке. А карабин он прихватил явно в нашем времени... в двадцатом веке.

— Стас, отметь координаты, этот подойдет. Давай дальше.

— Двадцать первый век.

Перед инспектором развернулся сложный интерьер куполовидного помещения, напоминающего зал управления атомной электростанцией или синхрофазотроном, хотя и без циферблатов и пультов. Возле высокой решетчатой колонны со светящейся по оси трубой стоял высокий скуластый молодой человек с шапкой русых волос, одетый в блестящий комбинезон, и смотрел прямо в объектив видеокамеры, словно зная, что его видят.

Теперь уже поразился Жданов:

— Вот это сюрприз! Гриша Белый! Живой!

— Вы его знаете?

— Он был запущен в Ствол как основной исполнитель, еще до меня, и мне сообщили, что вся его группа погибла.

— Значит, не вся.

— Стас, он один или еще кто-то есть на том же горизонте?

— Аппаратура отыскала одного.

— Почему же он не связался с тобой?

— По косвенным признакам можно судить о нешуточном бое, который произошел во время прорыва группы. Двадцать первый уровень этого узла уничтожен полностью. Вполне вероятно, что ваш коллега был ранен и долго приходил в себя, пока не добрался до медицинского бокса.

— Немедленно дай ему наши координаты, он сам нас найдет.

— Уже формирую линию связи.

— Крути поиск дальше.

— А уже, собственно, почти все. В двадцатом веке, судя по отдельным звукам и гиперэху, в Ствол проникла группа людей, но попала на мертвый горизонт, вылизанный протонным вырождением при хроносбросе. Моя аппаратура там, естественно, не сохранилась. Но хрономембрана сработала, значит, они в скором времени выплывут на нижних узлах трактрисы.

— Ищи! — Павел оглянулся на Кострова. — Не твои ли друзья из команды Ивашуры?

— У меня уже екнуло сердце, — признался Иван. — Если кто и мог прорваться в Ствол из двадцатого века, то это мог быть только Игорь!

— Восторг в твоем голосе объективен?

— Он — лидер! — не принял тона Иван. — Не знаю, читаете ли вы там, в своем будущем, книги, но у Дюма есть роман «Двадцать лет спустя»...

— Я видел этот роман. — Павел по лицу спутника понял, о чем тот подумал, и улыбнулся. — Книги существуют и в наше время, но большинство романов переведено в психосенсорные видеоленты. Их не читают, а смотрят и сопереживают, чувствуют, живут, участвуют в них...

— Понял, здорово, конечно! Ну, так вот, в этом романе есть глава «Ум и сила». В этой фразе — весь Ивашура.

Павел поднял бровь, разглядывая порозовевшее лицо Кострова, но продолжать не стал. Обратился к инку:

— Ты уверен, что разыскал всех, случайно провалившихся в Ствол?

— Еще один человек бродит по этажам одного из горизонтов мезозоя.

Объемный экран показал гиганта в косматой шкуре, в меховых штанах и унтах, бородатого и угрюмого, глядящего из-под козырька руки в даль коридора. В другой руке гигант держал нечто вроде старинного кремневого ружья с шестиугольным стволом.

— Хорош! — прищелкнул языком Иван. — Никак предок

наш? И ружье у него — прямо-таки мушкет, карамультук. Как ему удалось спуститься так низко, в мезозой? Вряд ли он пользовался лифтом.

— Загадка, — согласился Павел. — Пусть побудет в резерве. Ему трудно будет объяснить, кто мы и что нам нужно. Однако людей в Стволе, по моим данным, было больше.

— Многие погибли, — тихо проговорил инк, и от его обыденного тона Кострова продрал мороз по коже.

— Что ж, продолжай поиск, может, кто и отыщется. Теперь давай пройдемся по нашим врагам.

— Их гораздо больше, — вздохнул Стас. — Почти на каждом горизонте находятся мобильные группы специально обученных...

— Называй их «санитарами».

— Группы «санитаров» по пять-шесть человек, вооруженных «универсалами» и многодиапазонными переносными ракетными комплексами типа «серая зона». Кроме того, появляются киберы неземного происхождения, как правило, относящиеся враждебно к конкистадорам, планомерно уничтожающие оборудование Ствола.

В объеме экрана появилось изображение черепахи с розовыми усами и гармошковидными ногами. Сменилось на изображение гигантского червя-слизняка, потом на шестилапого обезьянозмея.

— Этот наиболее опасен, — кивнул на него инк. — Владеет неизвестными видами оружия, испаряющими любое вещество, замораживающими и пробивающими электромагнитные экраны. Пока мы разобрались, как с ним бороться, он со своими собратьями уничтожил около двух сотен конкистадоров.

— Сколько таких обезьян в Стволе?

— Около дюжины.

— Справимся. Что еще?

Видеообъем засиял ярче, и взору представилась водная гладь с мерцающим золотистым конусом на горизонте. Видимо, один из выходов хронобура угодил в море или в озеро, и круглый двор Ствола представлял собой акваторию. Метрах в трехстах от видеокамеры, снимающей этот ландшафт, из воды торчала белоснежная конструкция, напоминающая крыло орла с морозным узором на перьях, а над крылом висел в воздухе туманный шар, похожий на одуванчик. Но каждая тычинка этого одуванчика диаметром в сто метров представляла собой фасетчатый глаз, насаженный на зазубренный кинжаловидный хвост. Веяло от одуванчика угрозой и безжалостной жаждой истребления.

Экран погас.

— «Хирург»? — спросил Павел после недолгого молчания.

— Не знаю, — бесстрастно ответил инк. — Мои камеры пой-

мали его только два раза: в архее — вы только что видели — и в протерозое, где он сражался с хронорыцарями. Кто вышел победителем, выяснить не удалось, горизонт ушел в хронопровал.

— Хронорыцари на нашей стороне, — пробормотал Иван.

Инк оглянулся, и в нише над пультом возникло изображение черного всадника, который когда-то спас Ивана и Таю от неминуемой гибели.

— Да, это он. Всадник Апокалипсиса! Встретишься с таким один на один — разрыв сердца обеспечен. Даже не верится, что они сочувствуют нам. Кстати, каким образом они и все остальные монстры проникают в Ствол?

— Скорее всего, посредством трансгресса, — пробормотал Жданов, о чем-то размышляя. — Ствол теперь не только трактриса времен, но и перекресток иномерных пространств. Чего я только не понимаю, так это... Стас, а ты не пробовал пробить линию связи вверх, в будущее? Ствол ведь ушел и туда.

— Пробовал. Хрономембраны выше нулевого горизонта, то есть выше точки отсчета 2301, заблокированы. Кто-то оттуда не хочет, чтобы по Стволу к ним пробралась всякая нечисть вроде обезьянозмей.

— Этого я и не понимаю. Как можно заблокировать мембрану? Все равно что пытаться преградить путь лучу света прозрачной пластинкой. Но очень жаль! Встреча с потомками многое бы объяснила. Что ж, спасибо за помощь, дружище. Организуй нам «зеленую улицу» к тем, кого удалось найти. Иван, буди свою подругу, пора выступать в поход.

Они вышли из пещеры, и та закрылась. Громада комбайна контроля потеряла былую форму, съежилась, перетекла каплей смолы по полу к соседней, влилась в нее. Костров оторопело посмотрел на то место, где она только что стояла, тронул Павла за локоть.

— Э-э... м-м... А как мы теперь с ним будем держать связь?

— Со Стасом? — Жданов, все еще раздумывая о чем-то, показал за ухом дужку с усиками, плотно прижатую к коже под волосами. — Через эмкан... сетку мыслесвязи.

— Понятно. Хорошо, что есть такой уголок, где всегда можно отдохнуть и никого не бояться.

— Мы сюда не вернемся.

— Почему?!

— Во-первых, потому, что у нас не будет времени на возвращение, а во-вторых, Стас этот горизонт после нашего ухода спустит в хронопровал.

— Зачем?

Павел очнулся от дум, глянул в глаза Ивана.

— Чтобы больше никто не смог выйти на прямую связь с

инком Ствола и на его память. Если бы «санитары» узнали о существовании резервного кодированного контура управления хроноускорителем, они бы...

— Уничтожили Ствол?!

— Перекрыли бы все входы-выходы в узлах «вытаивания» Ствола в разные времена. И мы ничего не смогли бы сделать.

Иван разбудил Таю, все трое позавтракали и проверили амуницию. Иван только сейчас обратил внимание, что инспектор, кроме «универсала», вооружен еще одним пистолетом — уж и вовсе устрашающего вида. Кивнул на него со знанием дела:

— Такими комплексами вооружены «санитары»?

— Вряд ли, — качнул головой Павел. — Это «глюк», так называемый «раздиратель кварков».

Тае сказанное ни о чем не говорило, да и Костров не очень представлял себе, как действует «глюк» и как вообще можно разодрать кварки, эти самые загадочные кирпичики материи, из которых состоят элементарные частицы: протоны, нейтроны, электроны и так далее. Но Иван инстинктивно почувствовал, что мощь этого оружия велика. У него, правда, вертелся на языке другой вопрос: неужели строители Ствола рассчитывали на ведение войны, раз напичкали тело хроноускорителя всякими складами, оружием и кодированными бункерами? Но потом пришла мысль, что конструкторы о б я з а н ы были предусмотреть все последствия хронопрорыва в прошлое и что, возможно, лишь один этот факт говорит о разуме тех, кто задолго до строительства Ствола — в прошлом, в будущем? — уже заведомо знал о катастрофе и подготовился к ней.

Они приблизились к гудящей махине одного из комбайнов контроля, и Стас открыл им пещеру выхода.

ГЛАВА 5

Лучи фонарей выхватили из тьмы развороченные взрывами стены, разрезанные балки, обломки, воронки в полу, искромсанные, разорванные трупы животных, обломки каких-то ферм, механизмов и аппаратов, рассыпанные ярко-оранжевые баллоны и черные диски. И тянулось это поле боя, насколько хватало световых лучей.

— Мам-ма миа! — прошептал Гаспарян.

— Судя по запаху, битва произошла дня два назад, — сказал Рузаев. — Но кто с кем сражался и за что?

— Может быть, наши друзья — «санитары» — просто устроили здесь охоту на зверей?

Одинцов покачал головой.

— На охоту это побоище мало похоже. Разрушена целая анфилада помещений, коридоры, кольцевой зал с лифтом... Нет, здесь действительно произошла разборка... кого-то с кем-то, кого не заботили масштабы разрушений.

— По-моему, здесь воевали автоматы. А вот и один из участников. — Ивашура направил луч фонаря в одну из воронок, на дне которой все увидели смятую в лепешку черепаху с безжизненно повисшим хлыстом.

Что-то заскреблось метрах в тридцати от замерших людей. Лучи света метнулись в ту сторону, выхватили из темноты знакомый силуэт паука. Вернее, часть паука, ровно треть — с двумя ногами. Эта треть тщетно пыталась вытащить остатки тела из-под обломка стены.

— Вот вам и второй участник битвы, — прокомментировал Рузаев.

— Что-то я сомневаюсь, — проворчал Одинцов. — Тут гремела артиллерия помощней, чем гранатометы или бластеры.

Некоторое время люди и искалеченный паук смотрели друг на друга, потом паук поднял лапы и проскрипел на почти чистом русском языке:

— Ищите хрономембрану семь. Уходите. Опасность.— Силы механического насекомого иссякли, и оно замолчало, упали безвольно лапы.

— Черт меня побери! Я сплю или он в самом деле что-то сказал по-русски? — оглянулся Гаспарян на Ивашуру.

— Не можем же мы спать все сразу.

— Давайте-ка последуем совету кибера, — предложил Одинцов. — Очень уж здесь неуютно. Однако надо определиться сначала, где искать мембрану семь.

— Придется обшаривать все уцелевшие помещения. — Ивашура покачал головой. — Всего можно было ожидать, но чтобы паук заговорил на русском языке!.. Не мог же он ждать нас специально. Миша, что говорит тебе твоя интуиция?

— Она говорит, что пора домой.

Все засмеялись с каким-то облегчением, словно услышали приятную новость. Потом Ивашура решительно шагнул вперед и, обходя обломки стен и машин, направился к правому коридору, не заваленному полностью, как левый.

Пройти зону разрушения удалось с трудом. Казалось, победители, кем бы они ни были, постарались нагромоздить как можно больше препятствий для возможных преследователей. Но разведчики прошли.

Коридор, уходящий по гигантскому кольцу здания, был одет в «мрамор», как и тот, что вывел отряд во двор Башни. Но он весь был изъеден крупными порами и усеян сантиметрового диаметра

дырами, будто стены и пол травили кислотой и сверлили, а может быть, расстреливали из пулеметов. Однако потом вспомнились разящие хлысты-усы черепах, и Рузаев высказал предположение, что здесь развлекались именно они.

Истина оказалась неожиданней и страшней.

Пройдя по коридору несколько сот метров, разведчики наткнулись на открытую дверь, которая вывела их на лестничную площадку. Переглянувшись, решили подняться на второй этаж.

Коридор второго этажа ничем не отличался от первого и был так же «протравлен кислотой». Поднялись на третий этаж, на четвертый, на пятый, обратив внимание, что лес во дворе не меняет облика. А ведь с одного из верхних этажей Башни, куда их занес провал стены, лес внизу был виден совсем другим.

— Этому есть только одно объяснение, — сказал Ивашура, когда они добрались до двенадцатого этажа и остановились отдохнуть. — Тот лифт, на котором мы спустились вниз... перенес нас в прошлое! Отсюда другой ландшафт, мамонты и все прочее.

Никто начальнику экспедиции не возразил, даже Одинцов, едва ли разбиравшийся в науке больше, чем в объеме общеобразовательного курса академии ФСБ. Все понимали, что Башня реально связана с какими-то временными изменениями и способна сыграть роль своеобразной машины времени.

— Есть ли смысл подниматься выше? — спросил полковник, подчеркивая свою миссию советника безопасности группы.

— Есть, — подумав, сказал Ивашура. — Проверим, на какой высоте заканчивается Башня и почему ее верхние этажи кажутся издали размытыми.

Через полтора часа они поднялись на сто семьдесят пятый этаж и, услышав какой-то неясный шум, сначала не придали ему значения. Потом даже самый флегматичный член отряда, коим оказался, конечно, Рузаев, обратил внимание на скрип и шорохи, доносившиеся в коридор из шахты лестничных пролетов.

— Я посмотрю, — тихо обронил Володя, игравший роль арьергарда, и неслышно скользнул к лестничной площадке. А через минуту раздалось тихое стаккато автоматной очереди.

Не сговариваясь, все бросились к лестнице. Вывалившийся навстречу Володя махнул им автоматом:

— Назад!

Левая рука телохранителя Одинцова висела как плеть, комбинезон на руке и плече был исполосован, будто его резали ножом, по ладони стекала кровь и капала на мраморный пол коридора. Гаспарян как зачарованный уставился на бледное лицо Володи, пока тот не приблизился и не добавил торопливо:

— Пули ее не берут, надо уходить.

Тогда разведчики наконец очнулись, прислушались к при-

ближающемуся скрипу, гулу, от которого содрогались стены и пол коридора, к металлическим щелчкам и, развернувшись в цепь, начали отступление.

Они ожидали увидеть кого угодно: обезьянозмея, черепаховидного кибера с усами, пауков, кентавра с черным всадником, неизвестный механизм, танк, наконец, — только не того, кто выполз из двери на лестничную площадку. Гигантская тварь, напоминающая слизняка и ежа одновременно, выдавилась в коридор, как паста из тюбика, и, продолжая скрипеть и гудеть, двинулась на людей. Ее иголки по очереди с силой вонзались в пол и стены, создавали сеть отверстий. Металлические щелчки, похожие на выстрелы, раздавались каждый раз при выстреливании иголки. Пол коридора начинал дымиться еще за пять-десять метров до туши слизняка, словно его цепляло дыхание чудовищной твари.

Ивашура нажал курок «бизона», очередь перечеркнула выпуклый лоб слизняка, проделав в нем дымящиеся дыры величиной с кулак, которые тут же заполнились серой стеклянистой массой. В ответ слизняк метнул в Игоря длинный и тонкий серый луч-иглу, едва не разрезавший начальника экспедиции пополам.

— Отступаем! Бегом!

И они побежали, постоянно оглядываясь, чтобы в случае нужды увернуться от поражающего луча. Слизняк их не преследовал, продолжая работу «по дезинфекции» коридора. Видимо, все этажи здания до сто семьдесят пятого он уже обработал.

Пробежав километра три и оставив монстра далеко позади, беглецы остановились отдышаться в каком-то круглом зале типа фойе с зеркалами во всю стену. Рузаев срезал остатки рукава комбинезона у Володи и перевязал ему руку выше локтя и плечо, пробитое насквозь. Кожа вокруг отверстий отливала серебром, словно ее покрасили из пульверизатора.

— Болит? — поинтересовался Одинцов равнодушно. — В аптечке есть анальгин и антишокер.

— Потерплю.

— А лучи у этой твари, наверное, не горячие, а жутко холодные, — сказал Рузаев. — Рука до сих пор как ледышка.

— Побыстрей лечи, — поторопил его Ивашура. — В здании должны быть еще лестницы и лифты, попытаемся все же добраться до крыши.

Быстрым шагом, почти бегом, они снова двинулись по кольцевому коридору с редкими, теперь уже белыми дверями, пока действительно не наткнулись на еще один лестничный колодец. Полезли наверх, считая ступени: двадцать ступенек — этаж, но через пятнадцать минут остановились. Дальше хода не было, лестница над головой постепенно приобретала прозрачность, превращалась в дымное марево.

Вышли в коридор, пока еще мраморный и чистый. Слизняк сюда еще не добрался. Потолок в коридоре отсутствовал, вместо него колыхалась серо-серебристая дымная пелена, дышащая зноем.

— Финита! — с облегчением выдохнул Гаспарян. — Теперь ищем лифт — и вниз, на первый этаж. Нового здесь ничего нет, а тварь с иглами-лучами может появиться в любой момент.

Словно в подтверждение его слов из колодца с лестницей послышался далекий гул и свист.

Одинцов, Ивашура и Рузаев переглянулись.

— Оно может быть не одно, — сказал полковник.

— И все же с полчаса в запасе у нас есть. Надо пробежаться по ближайшим помещениям этажа, поискать лифт. Первый, кто его найдет, даст остальным сигнал по рации. Мы с Суреном идем направо, вы втроем — налево.

Одинцов взвесил в руке «ПСС» и молча свернул в левый коридор. За ним двинулись Володя и Рузаев. Ивашура так же молча шагнул по коридору направо.

Лифт не удалось найти никому.

Группа Одинцова смогла проникнуть в пару помещений, вход в которые открылся сам собой, как только приблизились люди, и обнаружить два склада белых метровых бочек и металлических на вид, отблескивающих чистым золотом полуметровых коробок, похожих на шлакоблоки.

Ивашуре с Гаспаряном повезло меньше. Им тоже удалось пройти в три комнаты, но две из них были заполнены громадными агрегатами непонятного назначения, а в третьей, треугольной и пустой, в полу светилось выпуклое окно из матового стекла, напоминавшее крышку канализационного люка. На окне были выгравированы буквы ТФМ и значок в виде кольца, перечеркнутого стрелой. Рядом валялась пустая бело-зеленая коробка с буквами НЗ на торце.

— Кто-то здесь был, — кивнул на коробку Гаспарян. — Как ты думаешь, куда ведет этот люк?

— Если это люк, то вести он может лишь на этаж ниже. В крайнем случае попытаемся спуститься, когда подползет та тварь. Но сдается мне... — Ивашура щелкнул кнопкой рации. — Мартын Сергеевич, что у вас?

— Неприятности, — тотчас же ответил Одинцов. — По коридору сюда ползут черепахи с усами, а из шахты лестницы уже слышен гул того желеобразного страшилища.

— Направляйтесь к нам, мы обнаружили интересную вещь.

Вскоре показались полковник и Рузаев, согнувшиеся под тяжестью поклажи. Одинцов нес белую бочку, Михаил — три «зо-

лотые» коробки. Володя катил бочку перед собой, не забывая оглядываться назад.

— Что ты тут нашел? — Рузаев с грохотом бросил отсвечивающие золотым блеском коробки и подошел к светящемуся окну в полу помещения. — Думаешь, это люк?

— А что еще? Попробуешь открыть?

— Сомневаюсь. Ни ручек, ни петель, ни замка... ухватиться не за что. — Михаил вынул кинжал и задумчиво обошел выпуклое стекло.

Ивашура глянул на Одинцова, рассматривавшего бочки из белого пористого материала.

— Зачем вы их сюда притащили?

— А черт его знает! — почесал в затылке полковник. — Легкие, килограммов по двадцать всего, но внутри явно что-то болтается. Захотелось открыть, понимаешь.

Ивашура обошел бочку и увидел на ее торце надпись: «ПП-2301».

— Знать бы, что это означает.

— Такая же почти абракадабра и на тех кирпичах.

Надпись на «шлакоблоке» состояла из букв УК и тех же цифр — 2301.

— Может быть, цифры — год изготовления? В бочках — мука или какой-нибудь другой сыпучий продукт, в коробках — полуфабрикаты...

— Ну а если там взрывчатка?

Одинцов не успел ответить: недалеко в коридоре раздались выстрел, топот, и в комнату влетел Гаспарян с пистолетом в руке.

— «Санитары»!

— Только их нам и не хватало! — Ивашура достал оба своих грозных оружия: «бизон» и бластер. — Сколько их?

— Я не считал, но двух видел точно.

Володя посмотрел на Одинцова, встретил такой же мгновенный предупреждающий взгляд, выглянул в коридор и исчез. Рузаев было сунулся за ним, но Ивашура задержал его, подтолкнул к линзе окна.

— Твоя задача — открыть.

— А я посмотрю в другой стороне. — Одинцов бесшумно растворился в коридоре, повернув в противоположную от Володи сторону. Вернулся он раньше.

— Черепахи уже близко, ковыряют усами стены. Будем прорываться через «санитаров»? В войне с киберами у нас шансов нет.

— «Санитары» метрах в двухстах, — сказал вошедший Воло-

дя. — Человек пять, все в этих комбинезонах-невидимках. Такое впечатление, что они кого-то ждут.

— Ждут, пока нас не вытурят отсюда черепахи.

— Пошли поконфликтуем. — Одинцов посмотрел на Ивашуру. — Посмотрим, что они нам предложат.

— Сурен, останься, подстрахуешь Мишу. — Ивашура первым выбрался в коридор.

Втроем, перебежками, они преодолели закругленные стены, успели заметить какое-то движение в глубине коридора, и тут же огненный клинок с шипением врубился в пол перед ними, мазнул по стене, проделал в ней три дымящихся черных шрама. Еще один сноп радужного огня прилетел издалека, пробил стену навылет.

Ивашура выстрелил в коридор из бластера, откатился к стене. Одинцов и Володя сделали тот же маневр, и все трое рванули по коридору в ту сторону, откуда пришли. Сзади с ядовитым шипением и гулом вспыхнул еще один огненный вихрь, но разведчики были уже вне пределов досягаемости бластеров, а точнее, гранатометов, из которых палили «санитары».

— Слава богу, живы! — выдохнул выглядывающий из двери побледневший Гаспарян. — Что, не пройти?

— К сожалению, их артиллерия серьезней нашей, — усмехнулся Одинцов. — Ну, что будем делать, командир? Может, забаррикадируемся здесь вот этими бочками и будем вести круговую оборону?

— Есть! — воскликнул вдруг Рузаев. — Открыл!

Все оглянулись.

Светящееся окно в полу помещения действительно оказалось люком, который вдруг с щелчком откинулся в сторону. А из него показалась голова с огненно-рыжей шевелюрой, с лицом слегка похудевшим, заросшим бородкой, но вполне узнаваемым. Оглядев замерших в шоке разведчиков, голова проговорила голосом Ивана Кострова:

— Ну чего уставились? Живой я, живой, не привидение. Быстро за мной!

Голова скрылась.

Ивашура очнулся, хлопнул от избытка чувств Рузаева по спине и крикнул со сдержанным ликованием и облегчением:

— Все в люк!

— Кто это? — с сомнением в голосе спросил полковник.

— Гарант нашей безопасности, — ответил вместо Ивашуры не потерявший невозмутимости Рузаев.

Когда все спустились в светящийся колодец, Ивашура полез следом, закрыл было люк за собой и вдруг, руководствуясь ин-

туицией, высунулся и выстрелил из «бизона» в бочку, оставшуюся в коридоре. Бочка треснула, и море свирепого фиолетового огня затопило коридор. Игорь едва успел нырнуть в люк и захлопнуть крышку за собой.

ГЛАВА 6

На ночь отряд расположился в самой настоящей гостинице, местонахождение которой в Башне-Стволе знал только Павел Жданов, их новый командир. Теперь отряд насчитывал девять человек, и даже сомневающийся, осторожный Сурен Гаспарян почувствовал себя увереннее и значительно повеселел.

Номера в гостинице были одноместные, двух- и трехкомнатные, чрезвычайно удобные и уютные, насыщенные чудесами кибертехники двадцать четвертого века. Как удалось выяснить, этот горизонт здания действительно предназначался для отдыха повелителей хронобура и охранялся он всякими хитроумными системами безопасности не хуже исторических палат Кремля.

Приведя себя в порядок и искупавшись в великолепной сауне, бывшие исследователи Центра по изучению быстропеременных явлений природы собрались в одном из номеров, превратив его в кают-компанию, и принялись пытать вопросами Ивана и Таю, которые уже знали историю Башни.

Павел Жданов и его приятель из того же времени Григорий Белый не торопили членов отряда, по очереди исчезая в каких-то вылазках на внешнюю территорию здания. Руку Володи в два приема вылечил Павел, и телохранитель Одинцова, слегка обалдевший от всего увиденного и пережитого, то и дело ощупывал плечо, не веря, что оно не болит и что от ран не осталось даже шрамов.

— В общем-то мы уже поняли, что Башня... э-э, Ствол связан со временем, — сказал Ивашура после того, как Иван закончил рассказ, — но, конечно же, не думали, что ситуация столь серьезна. Значит, наша задача — спуститься по Стволу вниз и выключить этот самый... хронобур?

— Не понимаю, из-за чего разгорелся весь сыр-бор, — проворчал Гаспарян. — Какие-то «хирурги» включили хроноускоритель, надо сесть в лифт... ну, или в мембрану, как там ее называют, спуститься в нужное время и выключить бур. Только и делов. Справился бы и один человек.

— Ты забываешь о «санитарах», — точно таким же брюзгливым тоном проговорил Рузаев. — И о прочих тварях, которые очень сильно не хотят, чтобы хронобур перестал работать.

— Так чего мы тогда сидим и ждем?

— Через два часа выступаем. — В кают-компанию вошел Павел Жданов, он слышал последнюю реплику. — Гриша сейчас приведет еще двух наших спутников, мы их проинструктируем — и вперед. Но одному справиться с выключением хронобура не представляется возможным. Нужен отряд численностью не менее полутора десятка человек. В крайнем случае — в дюжину. Вопросы ко мне лично есть?

— Наш товарищ, конечно, не прав. — Ивашура кинул на Гаспаряна осуждающий взгляд. — Наоборот, мне кажется, даже нашему отряду справиться с заданием будет сложно по причине его профессиональной неподготовленности.

Тая, на которую посмотрел Ивашура, вспыхнула, приняв сказанное на свой счет, но Иван, сидевший за ее спиной, сжал ее плечо, успокаивая, и девушка промолчала.

— К сожалению, вы правы, — спокойно ответил Жданов. — Однако ни одна обойма риска... м-м, ни один спецотряд из нашего времени в Ствол не пробился... кроме кобры Белого. Кобра — это жаргон спецслужб, означает — командир обоймы риска. Как ему удалось пройти, он и сам не ведает. Что касается подготовки, то по мере продвижения к цели мы с Григорием будем учить вас комплексно, с применением гипноиндукционных методов. А чтобы вам было не столь неуютно, помните, что у нас есть еще один очень необычный и сильный союзник.

Павел вскрыл на столике банку тоника, налил в бокал и пригубил.

— Кто же этот таинственный союзник? — небрежно спросил Одинцов, гася в глазах острый огонек.

— Стас.

Гаспарян поморщился.

— Еще один член отряда? Не очень-то впечатляет.

— Это сам Ствол, — улыбнулся Иван Костров. — Вернее, инк Ствола, интеллект-компьютер, его мозг, так сказать, командующий всей техникой хроноускорителя.

— И как же мы будем с ним держать связь? — снова не удержался от вопроса Одинцов, переглядываясь с Володей.

— Мыслепередатчики. — Иван откинул прядь волос за ухом и показал на блестящую дужку и сеточку эмкана.

— Ну, хорошо. — Ивашура пристукнул ладонью по столу. — Разберемся. Теперь ответьте, пожалуйста, что за слизняка мы встретили там, откуда бежали?

— Это машина «хронохирургов», — ответил Павел. — Молекулярный разрушитель. Уничтожить Стаса «хирурги» не в состоянии, иначе давно бы сделали это. Стас — особый компьютер, созданный по типу «рассеянного сознания». Его цепи внедрены во все... — Жданов перехватил заинтересованный взгляд Один-

цова и закончил: — Короче, уничтожить Стаса можно только со Стволом. Но вот его молекулярно-атомарные системы связи и контроля, внедренные в материал каркаса Ствола, нейтрализовать можно. Этим и занимается слизняк, выискивая и уничтожая элементы нервной системы Стаса.

— Это означает, что там, где он прошел...

— Стас нас не услышит, а его возможности контроля горизонта будут весьма ограниченны.

— Теперь ясно.

В дверь постучали, и в комнату вошли двое: Гриша Белый, сосредоточенный и целеустремленный, и плотный здоровяк с гладким черепом, хмурый, бледный и расслабленно-высокомерный, в котором Иван и Тая узнали Лаэнтира Валетова.

— Здравствуйте, Лаэнтир! — обрадованно воскликнула девушка. — Как хорошо, что вы с нами!

Валетов равнодушно кивнул, не отвечая на приветствие, обвел глазами всех сидящих, нашел свободное кресло, сел и закрыл глаза. Присутствующие переглянулись, шокированные поведением новичка. Не удивились лишь Иван и Тая, знакомые с его манерами.

— Резерва не будет, — сказал Белый, разряжая обстановку. Подойдя к столу, он взял яблоко и с хрустом откусил. Сел возле Жданова, мельком глянув на Валетова. — Там прошелся гориллоид.

Все молча смотрели на него, понимая, что он говорит о гибели людей, предназначенных для формирования отряда.

— Где это произошло? — поинтересовался Костров.

Белый посмотрел на него, помедлил, откусил от яблока и проглотил, не жуя.

— Двадцать второй.

— Сколько их было?

— Шестеро.

— И все?..

— Погибли.

— Как это случилось?

— Да какая разница! — взорвался внезапно Гаспарян, страдальчески искривив лицо. — Как бы их ни убивали, они мертвы! — Сурен опомнился, виновато глянул на Ивашуру, потом на Белого, жующего яблоко с каменным лицом. — Извините...

— Что такое «гориллоид»? — тихо спросил Рузаев.

— Шестилапая гнусная тварь с головой змеи, — ответил Костров нехотя. — По сути — машина убийства, квазиживой организм.

— Ситуация ясна, ждать больше некого. — Павел Жданов встал, направился к двери. — Через час выступаем. Иван проин-

структирует вас, как надевать кокосы, командовать инком костюма, оружием, как пользоваться рациями и аппаратурой НЗ. Пойдем двумя группами по пять человек в каждой. Одной буду руководить я, другой — кобра Белый. Разбейтесь на пятерки сами.

— Э-э, минуту, уважаемый, — остановил его Одинцов. — Вы не сказали, как держать связь со Стасом.

— Связь с инком Ствола будут поддерживать только командиры групп.

— Но ради безопасности группы эту связь необходимо было бы поддерживать всем. Во всяком случае, один из рядовых членов группы эту связь имеет.

— Он не рядовой член группы. — Жданов вышел, за ним выскользнул Белый.

Ивашура с некоторым удивлением оглядел застывшее лицо Одинцова.

— Что это с вами, Мартын Сергеевич? Они знают, что делают. Будет связь необходима, нам ее обеспечат.

— Волнуюсь, — вздохнул полковник, опуская голову и пряча стальной блеск в глазах.

Ивашура глянул на своих подчиненных.

— Какие будут предложения?

— Я бы отобрал в группу всех наших... — начал Гаспарян.

— Подожди, Сурен, — остановил его с досадой Иван. — Разумнее всего оставить сложившиеся группы, с минимальной перестановкой. Я и Тая останемся с Павлом, плюс Лаэнтир... если захочет. — Костров выжидательно посмотрел на бритоголового здоровяка, но тот не пошевелился. — Плюс кто-то из вас. Остальные пойдут с Белым.

— Тогда я тоже пойду с вами, — сказал Гаспарян. — Ваш Павел мне нравится больше.

— Ну и договорились. — Ивашура шлепнул ладонью по подлокотнику кресла. — Ваня, инструктируй, начнем экипироваться.

Через час они выступили в поход, неотличимые друг от друга в своих зеркально-ртутных балахонах с конусовидными шишкастыми шлемами. Попрощались жестами возле колонны лифта — хрономембранной линии узловых переходов, проверили радиосвязь, и пятерка Белого первой исчезла за хрустальной дверью кабины.

Мелькнули бесшумные тени за стеклом, всплыли очереди мерцающих «мыльных пузырей», скользнули вверх, и дверь в кабину растаяла. Первым из пятерки Жданова в нее шагнул Лаэнтир Валетов, произнесший за все время подготовки лишь пару

слов. Поколебавшись немного, Гаспарян вошел следом, стараясь выглядеть уверенным и твердым. Но даже попривыкшему к обстановке Ивану стало не по себе, когда дверь за ними закрылась и в наушниках раздался голос инка:

— Рекомендуемый шаг спуска — четыре хронопереходa. Псивеллинг обеспечен пассивно. Выход за шесть нулей.

И тотчас же странная тяжесть легла на плечи, придавив стоявших в коробе лифта, теплый ветер подул снизу вверх, будто люди стояли голыми на сквозняке, и непривычная дурнота затуманила сознание.

«Псивеллинг, псивеллинг, псивеллинг», — прозвенело в голове Ивана, которому стало нехорошо, как и всем, хотя он и привык уже к езде в лифте. Голова прояснилась, повеяло озоном и запахом мяты. Тяжесть улетучилась, тело стало легким, воздушным, невесомым. Затем наступила фаза торможения мембраны, которую все перенесли значительно легче, и дверь кабины растаяла. Окошко на панели показало букву М и цифры: «— 70 000 000».

— Мезозой, — сказал Иван со знанием дела и поддержал Таю под руку, выходя с ней в полутемный зал. — Мы здесь уже были. А где же наш авангард?

Из коридора, в глубине которого что-то мигало, ворочалось, шипело и звенело, донесся дробный цокот, и на пороге возник паук-конкистадор.

— Ждите здесь, — бросил Жданов, направляясь к механическому насекомому, наклонился к нему и тут же выпрямился. Паук исчез, за ним скрылся в глубине коридора и Павел. Издалека прилетел низкий вой, перешедший в ворчание. Иван не увидел, но почувствовал, как вздрогнул Гаспарян, и проговорил ободряюще:

— Добро пожаловать в прошлое, разведчик.

ГЛАВА 7

Они стояли тесной группой на каменистом пригорке с живописными валунами и скальными обнажениями и смотрели на золотистый костер на горизонте, горевший ровно и без дыма. Дальше, в низине под пригорком, начиналось болото, переходящее в озеро, на дальнем берегу которого высился угрюмый черно-сизо-зеленый лес, состоящий из гигантских пирамидальных деревьев с красной корой и деревьев с чешуйчатыми серо-зелеными стволами, похожих на сосны.

— Мне так и не сказали, что там светится в центре двора, — изрек Рузаев.

— Рашух Ха-Галагалум[1], — пробормотал Ивашура, потом добавил задумчиво: — Наверное, там горит время.

— Это я понимаю. Время преобразуется в энергию и пространство, что эквивалентно расширению двора и самого здания. Но почему это происходит? Кто инициирует реакцию горения?

— Хронобур, — прозвучал в наушниках голос командира группы. В стене здания позади людей открылся проход, из него выскочил Белый в сопровождении целого отряда пауков метрового роста.

— По сути, — продолжал Григорий, — в центре Ствола, во дворе, как вы называете, расположен хронобур, а вокруг него горит время.

— Тогда зачем нам идти куда-то вниз, искать этот самый хронобур в других временах, если он находится здесь? — удивился Одинцов.

— Хронобур существует в каждом дискретном выходе Ствола, но здесь он нам недоступен. Сквозь слой хронопены, окружающей бур, где время квантуется на макроуровне, не пройти даже в наших спецкостюмах. — Белый снова скрылся в здании.

Одинцов опасливо обошел приблизившегося паука, откинул забрало шлема, жестом попросил Ивашуру сделать то же самое и сказал, понизив голос:

— Игорь Васильевич, в наши планы входили лишь поиск вашего товарища и раскрытие тайны Башни. Поход вниз не планировался.

Ивашура с любопытством глянул в лицо полковника, пытаясь понять, шутит он или нет.

— Разве у нас есть выбор?

— Компромисс возможен всегда. Для решения же задачи выключения хронобура нужен спецназ, а не наспех сформированная любительская команда. К тому же мне не нравятся наши командиры.

— Это еще почему?

— Они недоговаривают чего-то. Хитрят. Себе на уме. Не дали связь с инком...

— Бросьте, Мартын Сергеевич. На их месте я бы тоже не выдал все секреты сразу. У вас есть конкретное предложение?

— Повернуть назад, домой. В крайнем случае послать наверх, в наше время, гонца с инструктажем, как пробиться в Башню. Заодно отправили бы и девушку, Таю, она-то уж точно не должна рисковать жизнью.

Ивашура покачал головой.

---

[1] Рашух Ха-Галагалум — Первичный Двигатель, огненный туман, с которого началась материальная Вселенная (Каббала).

— Предложение дельное, но запоздалое. К тому же я не уверен, что гонцу поверят, — это раз. И вряд ли кто-то из начальства решится послать в Ствол батальон спецназа — это два. Будут год согласовывать, совещаться, колебаться, решать...

— Тут вы правы, — вздохнул Одинцов. — Но и спускаться вниз ради почти нереальной цели — безумие!

— У нас есть в запасе минут сорок, — появился на пригорке Белый. — Садитесь на лошадей, кое-что покажу. Только надвиньте шлемы.

— На каких лошадей? — не понял Рузаев.

Вместо ответа командир группы вскочил на одного из пауков, и тот легко понес своего наездника с пригорка в болото. Хмыкнув, Ивашура взобрался на второго механического паука, обнаружив, что сидеть на нем если и не очень комфортно, то вполне удобно. Паук закинул назад свои передние беговые лапы, как бы предлагая поддержку. Ивашура вынужден был вцепиться в них, так как паук с места взял приличную скорость.

Через минуту «кавалерийский отряд» мчался рысью по болоту, плыл, не снижая скорости, по озеру и лавировал между деревьями, также не снижая скорости. Дух захватывало от бешеной скачки и мелькания предметов по сторонам, пока люди не приноровились и начали разбираться в пейзаже. Преодолев за пять минут около десяти километров, всадники взобрались на каменистый вал морены, за которым шла голая скалистая поверхность плато, и остановились.

До золотистого костра было уже рукой подать — километра три, но даже в скафандрах чувствовалось, что пустынное пространство до зоны горения времени раскалено и вибрирует в смертельном для всего живого ритме. К тому же сила тяжести по мере приближения к золотому конусу свечения уменьшалась, а центростремительная сила, подталкивающая всадников к свету, увеличивалась. Однако даже не эти обстоятельства заставили остановиться разведчиков. Они увидели цепь необычных сооружений, издали напоминающих противотанковые ежи и надолбы из рельсов. Разве что размер надолбов намного превышал свои прототипы: высота каждого из них достигала высоты небоскреба.

— Что это? — спросил Ивашура.

Белый слез со своего «коня», шлепнул его по спине, и паук во всю прыть припустил к сооружениям из серого, как бетон, материала. Скрылся из глаз.

— Это строили не люди.

— А кто же? «Хронохирурги»?

— Нет, наблюдатели. В Стволе сейчас полно автоматов других разумных существ, либо наблюдающих за происходящим, либо пытающихся укротить хронобур.

— Если они пытаются с момента прорыва Ствола в реальность, то плохи их дела, — заметил Рузаев.

На фоне ослепительно желтого основания сияющего конуса загорелся бело-багровый факел, погас, а через несколько секунд прилетел приглушенный расстоянием звук взрыва.

— О, черт! — выругался Белый. — Быстро назад!

— А вы как же?

— Догоню.

Пауки, словно получив неслышную команду, развернулись и понеслись обратно к ближайшему участку кольца здания. Сбросив седоков у стены, они тут же устремились в лес, к Белому. Ошеломленные «конники» поднялись с земли, глядя им вслед, и увидели над лесом далекие бесшумные всполохи.

— Надо идти к нему на выручку, — проворчал Рузаев.

— Отставить! — резко ответил Ивашура.

— Но там идет настоящая война!

— Действительно, Игорь Васильевич... — начал было Одинцов, но в это время из леса на противоположной стороне озера выпрыгнул конкистадор со всадником на спине и в мгновение ока преодолел расстояние до стены здания.

— Не отставать! — будничным тоном произнес Белый, спрыгивая с паука и открывая вход в здание.

— А что там произошло? — поинтересовался Ивашура.

— Смотрите! — воскликнул Рузаев.

Из леса за озером вынырнула уродливая косматая фигура, за ней еще одна. Обезьянозмеи спустились к воде, остановились. Одна из них подняла над головой сплетенные лапы, из них ударил огненный поток, вонзился в стену над головами людей, породив в ней натуральный жидкий всплеск, так и застывший в форме водного всплеска от брошенного камня. Но второй раз выстрелить монстру не дали. Метрах в двухстах от обезьянозмей из-за толстых зелено-серых стволов выскочили на берег озера огромные черные всадники на кентаврах и с ходу вонзили в обернувшихся обезьян ослепительные зеленые молнии.

Конец схватки люди уже не увидели. Подстегнутые приказом командира отряда, они скрылись в глубине открывшегося коридора.

У трубы лифта остановились на короткое время.

— Вот что, Григорий, — с вежливым неудовольствием сказал Ивашура. — Мы понимаем, что вы специально тренированы, многое знаете и можете, в то время как мы, по сути, дилетанты, малоопытные рекруты и мишени. Так вот, у нас просьба: информируйте нас о ситуации, почаще объясняйте, что происходит. Мы не солдаты, слепо подчиняющиеся приказу, мы еще и думать умеем, анализировать, сопоставлять факты и хотим знать...

— Я понял, — сказал Белый, не меняя тона. — Учту. Заходите в лифт.

Под шлемом не было видно его лица, но чувствовалось, что приятель Павла Жданова по-прежнему сосредоточен на своих проблемах, мыслях и переживаниях.

Наступила тишина. Никто не двинулся с места. Белый шагнул было к возникшему в проеме коробу лифта, оглянулся. Пауза затянулась, потом спецназовец из будущего умерил свое самолюбие.

— Мы ищем груз, который должны были сбросить в один из узлов-выходов Ствола из моего времени. Здесь его нет.

— Понятно, — сказал Ивашура с некоторым облегчением. — Спасибо за информацию.

Дальше они ехали молча и вышли уже в другой временной эпохе, зашифрованной буквами ВЮ и цифрами «— 150 000 000».

В помещении, где остановился лифт хрономембраны, было темно, однако спутники Белого уже разобрались в управлении своими скафандрами, и аппаратура последних переключилась на инфракрасный и ультрафиолетовый диапазоны. Местный горизонт Ствола был серым и негостеприимным. С заплесневелого потолка на пол падали капли воды, стены тоже заросли мохнатыми бело-зеленоватыми разводами плесени и сырости, а из коридоров в помещение долетали бухающие удары, сотрясающие пол, и приглушенный рокот.

— Включите целики, — сказал Белый, затем, по секундному замешательству определив, что его не поняли, добавил: — Системы наведения оружия. Светящийся крестик полусферы обзора — целик. Огонь открывать при малейшей опасности мысленным усилием. Мощность залпа регулируется инком автоматически.

— А если мы обознаемся и выстрелим... э-э... по своим? — предположил Одинцов.

— Во-первых, в нижних временных узлах нет людей, они так глубоко не опускались.

— А «санитары»?

— «Санитары» не люди, вернее, люди, трансформированные, запрограммированные на решение задачи «хронохирургов». Во-вторых, компьютер костюма способен мгновенно определять, свои это или чужие, и в случае нужды заблокирует выстрел. Вопросы еще есть?

— Никак нет.

Один за другим они проследовали по короткому коридору к выходу из здания. Встретил их тот же двор с зеленоватым небом и золотистым столбом на горизонте, но уже с другим ландшафтом и другим лесом.

Слева от выхода, забаррикадированного древесными стволами, вставали заросли высоких хвощей и папоротников, необычного вида чешуйчатых деревьев с веерными листьями и огромных грибов, похожих на розовые уши. Справа начинался мелководный заливчик, переходящий за грядой песчаных дюн в обширное водное пространство до горизонта, вернее, до туманно-серой полосы противоположной стены здания-кольца.

Из-за леса донеслись визгливые крики и тупые шлепки-удары, от которых пошла рябью вода в лагуне. Ивашура невольно навел крестик визира на животное, показавшееся из-за песчаной гряды. Громадная туша на слоновьих ногах, с лоснящейся фиолетово-зеленой кожей, с маленькой змеиной головкой на длинношей шее медленно прошествовала мимо остолбеневших людей, не обратив на них никакого внимания, и скрылась за крылом папоротниково-хвощового леса.

— Диплодок, однако, — сказал Рузаев флегматично.

— Пошли, — бросил Белый, первым спускаясь к воде. — Конкистадоров тут практически нет, придется топать пешком.

Они перешли лагуну вброд, обходя хорошо видные колдобины, взобрались на песчаную гряду и пошли по ней, обходя огромное озеро, в центре которого светился столб — краевая зона хронобура. Никаких сооружений чужие разумные существа здесь не оставили, костер хронореакции тлел тихо, лишь изредка роняя грохочущие трески, и весь пейзаж казался лирически спокойным и мирным. Поэтому, когда Белый вдруг скомандовал: «Опасность сверху! Бегом к стене!» — расслабившийся Ивашура не сразу разглядел эту самую опасность. А потом думать стало некогда: черные точки высоко над головой, которые люди сначала приняли за птиц этого мирка, спикировали на отряд и превратились в пятиметровых летающих скатов, стреляющих злыми белыми молниями. Оставляя в воздухе черный след, молнии вонзались в песок, в камни и расплескивали их невиданными жидкими воронками, застывающими в момент выплеска удивительно живыми каменно-стеклянистыми, перламутровыми, многометровыми чашами.

Разряды «универсалов» с этими тварями не справлялись, лишь заставляли их промахиваться. Затеяв скоростную карусель, скаты все же никак не могли поразить верткие цели, открывшие в ответ яростную пальбу. Некоторое время держалось хрупкое равновесие: люди перемещались, прикрывая друг друга огнем, а скаты носились по кругу, поливая очередями молний берег озера. Затем Белый, все время поглядывающий на колонну свечения в центре озера, включил более мощную артиллерию.

Два выстрела из его гранатомета, выдвинувшегося из ранца на

спине, в клочья разнесли двух скатов, и в то же мгновение остальные отвалили в сторону, поднялись выше и умчались в небо.

Тяжело дыша, люди смотрели то на превращавшуюся в черные точки стаю, то на берег, напоминавший дымящимися кратерами лунный ландшафт, то на командира группы и молчали. Потом Одинцов сказал с выразительной любезностью:

— По-моему, вы могли уничтожить их еще до атаки, молодой человек. Или я ошибаюсь?

— Мы им были не нужны, — сухо огрызнулся Белый. — Это эсперы, охранники хронобура. Они просто отгоняли нас от озера, приняв за врагов. Видимо, сдох управляющий инк.

— Но они напали с явным намерением уничтожить!

— Я же говорю: инк охраны периметра, скорее всего, поврежден. Эсперы теперь реагируют на любые цели.

— Почему вы назвали их эсперами? — перевел разговор в другое русло Ивашура.

— Название они получили от СПР — аббревиатуры слов «сторожевые перехват-роботы». Сначала их называли «сторожевыми псами», затем прижилось название «эсперы».

— Почему же мы не встречали их на других горизонтах Ствола?

— Потому что они вмешиваются в события в самом крайнем случае — в случае прямой угрозы хронобуру.

— Странно, что они испугались, — заметил Рузаев.

— Они не испугались, — более теплым тоном проговорил Григорий. — Каждый эспер управляется собственным компьютером, который если и не мыслит, как инк, то способен анализировать обстановку. Я стрелял из «глюка», а таким оружием владеют лишь... э-э... земляне, определяющие квалитет ответственности.

— То есть доверенные лица?

— Ну что-то в этом роде. Хочу выразить свое восхищение, — добавил вдруг инспектор. — Честное слово, я не ожидал от вас такой сноровки.

Ивашура хотел ответить, что все они прошли неплохую школу спецподготовки, хотя и в разных учреждениях, но передумал.

— Последний вопрос, — сказал Одинцов. — Что мы все-таки ищем? Что за груз должны были послать ваши коллеги?

— Субконтейнер. Кое-какое снаряжение, без которого не обойтись внизу. Но здесь его тоже нет, к сожалению. — Белый побрел к зданию, лавируя между воронками.

Четверо мужчин, родившихся в двадцатом веке, смотрели на высокую фигуру в бликующем балахоне и молчали.

Обе группы встретились в архее — так, во всяком случае, Ивашура расшифровал светящуюся в лифте надпись: «А—2,5 млрд.».

За стеной здания расстилалась мрачная, бурая, с черными, багровыми, оранжевыми и желтыми холмами скалистая равнина, сотрясаемая крупной дрожью. На вершинах холмов высились глыбы иссеченных трещинами белых скал, похожих на клыки, в долинах между холмами екопились груды камней. К багрово-черному небу поднимались столбы испарений, шипели и взвизгивали паровые фонтаны. Сквозь дым и пар изредка проглядывал алый светящийся столб на горизонте, откуда растекался по равнине низкий гул, перебиваемый иногда глухими басовитыми ударами.

Пока Ивашура, Рузаев и Одинцов, с одной стороны, и Гаспарян, Иван и Тая — с другой, делились впечатлениями от своих приключений, Жданов и Белый уединились в здании Ствола, в специальном экранированном бункере, который им создал Стас. Разговор шел с помощью мыслепередатчиков и занял всего три минуты.

«Груза нет, — сказал Белый. — Либо его захватили «санитары», либо при посыле он распылился на протяжении миллиардов лет».

«Стас, контейнер не мог быть перехвачен?» — спросил Павел.

«Гарантировать не могу, но я бы знал», — ответил инк Ствола.

«Но ты ведь контролируешь не все узлы выхода».

«Боюсь, что так. Ниже четырех миллиардов связь с узловыми комплексами неустойчива. Но одно я знаю точно: «хирурги» уже знают о продвижении команды».

«Почему же они ничего не предпринимают?»

«Скорее всего, они ждут нас где-то там, внизу, — сказал Павел. — Готовят теплую встречу. Просто так, раз мы уже здесь, нас не взять, поэтому должны быть сюрпризы. Стас, нам нужен не стандартный переход два-четыре хроноквапта, а октава. Можешь организовать?»

«Это весьма рискованный спуск, инспектор. Вы же знаете: чем длиннее импульс, тем меньше вероятность точного выхода. Финальный хвост хронопереходa размазывается...»

«Мы знаем, что происходит при этом, — перебил инка Белый. — Готовь по меньшей мере три октавы. Мы должны выйти как можно ближе к началу времен, чтобы подойти к проклятому буру. А еще лучше, если ты доставишь нас прямо к моменту нольраспада».

«Сделаю все, что смогу. Но и «хирурги» сделают то же самое, чтобы перехватить вас во что бы то ни стало».

«Вот поэтому нам и нужен контейнер, посланный вдогонку. Посыл наверняка продублируют, так что ищи. Если груз не захвачен и не распылился...»

«Возможен третий вариант, — озарило Павла. — Посылка провалилась так быстро и глубоко, что переход никто не успел зафиксировать. В том числе и Стас».

«Если бы у меня была связь с донными узлами хроношахты, я знал бы точно», — ответил инк.

Жданов и Белый вышли в коридор. Бункер за их спинами закрылся и перестал существовать.

«Как твои подопечные?» — спросил мысленно Павел.

«Все они в свое время были облечены властью и ходить по команде не привыкли, но первое впечатление неплохое. Правда, некоторые из них излишне любопытны».

«Не слишком дави им на психику. Люди в те времена, а по сути, они — наши предки, не были адаптированы к резким изменениям условий существования. Слава богу, что нам попались именно эти ребята».

Командиры групп вышли из здания, встреченные смехом разведчиков. Видимо, кому-то удалось развеселить всех удачным анекдотом. Но смех стих, как только Павел откашлялся. Восемь фигур в ртутно струящихся балахонах повернулись к инспекторам из двадцать четвертого века.

— «Хронохирурги» знают, что мы спускаемся вниз, — начал Жданов. — Риск обнаружения групп, а соответственно и степень опасности увеличиваются. Кто не чувствует себя достаточно уверенно для продолжения пути, может остаться или вернуться назад, в свое время.

Общее молчание было инспектору ответом.

— Никого. Что ж, тогда вперед. Особого инструктажа не будет, мы и сами не знаем, с кем или с чем встретимся внизу. Просто будьте готовы к любым неожиданностям.

— Легко сказать... — проворчал Гаспарян, но его никто не поддержал.

На этот раз короб лифта с трудом вместил всех десятерых — он не был рассчитан на перемещение столь габаритного и массивного живого груза. Старт прошел спокойно, чего нельзя было сказать о финише: почувствовали себя плохо не только Тая, но и Гаспарян, Ивашура и Рузаев. Да и остальные не скоро справились с реакцией организма на хроноброс длиной в два миллиарда лет.

Выход из кабины лифта тоже оказался необычным.

Во-первых, кабину окружала огненная завеса, во-вторых, кольцевой зал вокруг колонны лифта отсутствовал. Труба лифта стояла посреди огромного цирка со ступенчатыми стенами, на-

крытого черной дымной пеленой, внутри которой то и дело сверкали молнии и бесшумные фиолетовые сполохи. Дно цирка, напоминающее дымящийся асфальт, изредка вспучивалось, из него стремительно вырастал черный сталагмит, достигал пелены потолка, втягивался в него и пропадал.

— Горизонт заблокирован, — раздался в наушниках всех членов отряда голос Жданова. — Так как без посланного контейнера нам не обойтись, будем пробивать блок и разыскивать груз. Держаться всем в пределах видимости.

Белый вышел вперед, выбрал точку энергетического удара, и его «глюк» распорол стену цирка щелью звездообразных разрывов. Воздушная волна, образовавшаяся от перепада давлений воздуха, едва не сбила с ног Ивашуру, но все же он устоял и помог удержаться кому-то рядом. Затем все ринулись в пролом, подгоняемые ветром в спину, и выпали... в знакомый кольцевой зал, крохотный по сравнению с воронкой цирка, но обнимающий его со всех сторон!

Капсулирующий кокон выглядел как растрескавшаяся зеркальная короста, наросшая на трубе лифта. Однако сквозь медленно зарастающий пролом в коросте все еще были видны гигантский цирк внутри кокона и огненное струение завесы вокруг «той» трубы лифта. Затем зеркальный слой окончательно закрыл дыру, трещины одна за другой исчезли, и взору людей предстала зеркальная и жидкая на вид колонна, перекрывшая доступ к механизму хрономембраны.

Пока Ивашура и его товарищи разглядывали метаморфозы кокона, Белый хладнокровно расстрелял трех черепах с усами, выползших из разных коридоров, а Павел связался со Стасом.

— Ни в одном из нижних событийных узлов Ствола груз не появлялся, — сообщил он, — но нам все же придется выйти в реальность. Назад из глубин шахты нам ходу не будет.

Отряд растянулся в линию и направился к тоннелю, выводящему во двор здания. Коридоры здесь были сплошь из металла, похожего на свинец, стены их пыхали жаром, а воздух, судя по показателям внутренних скафандровых анализаторов, состоял из смеси азота и углекислого газа, кислород составлял лишь долю процента в общей газовой смеси.

Но разведчики, пройдя коротким коридором до тамбур-выхода с косой вставкой ручного управления, не успели выйти наружу. Из зала с закапсулированным неизвестной субстанцией лифтом донесся гулкий взрыв, породивший множественное эхо и заметное колебание всего здания, затем раздался размеренный звук тяжелых шагов, и в конце коридора появился черный гигант с пылающей алым светом горизонтальной щелью во лбу. Задержавшись на мгновение, он стал приближаться, заполняя собой

чуть ли не весь проем коридора — пять метров в высоту и столько же в ширину. Люди попятились. К счастью, никто особенно не занервничал и не стал стрелять по размеренно шагавшему исполину, узнав одного из черных всадников, вечно катавшихся на механических кентаврах.

— Пропустите его, — отступил к стене Павел.

Разведчики расступились, во все глаза разглядывая угрюмую лоснящуюся чернотой фигуру. Гигант остановился перед люком, выпростал из-под доспехов толстую культю руки, опустил ее на консоль ручного привода. Автомат контроля, начавший было свое: «Без ТФЗ не выходить!» — умолк. И тут же вся тупиковая стена коридора начала поворачиваться и уходить назад, пока не образовала широкий, совсем не похожий на люк проход. В глаза людей сквозь хлынувшую в коридор пелену дыма выплеснулась волна непередаваемо плотного оранжево-красного сияния, а в уши — через фильтры скафандров, конечно, — хлынул водопад густого рычания и шипения.

Черный всадник шагнул в дым и исчез. Сквозь рык и шкворчание внешней жизни донесся чмокающий всплеск, затем еще более тяжелые шаги-всплески, и мимо отверстия выхода проплыл огромный черный «конь» со всадником на спине. Топот удалился. Белый и Жданов первыми выглянули наружу, за ними Ивашура, Иван, Тая и остальные. Они увидели кипящее озеро лавы с редкими бурыми и черными островками и оранжево-золотой вихрь в центре озера, расстояние до которого не превышало километра. Черно-серое кольцо здания было видно целиком, вплоть до размытого и светящегося призрачным зеленоватым светом верха.

— Катархей, — пробормотал Павел. — Три миллиарда лет до рождения Христова...

Всадник на кентавре тяжеловесной иноходью мчался вдоль стены здания к поджидавшим его трем таким же наездникам, разбивая копытами багровую корку лавы и оставляя более яркие круги. Постояв немного, все четверо поскакали через озеро к светящемуся столбу дыма в центре, окруженному частоколом раскаленных до вишневого свечения труб разного диаметра, с легкостью перемахнули через него и пропали из глаз.

— Почему бы нам не скооперироваться с ними? — подал голос практичный Рузаев. — Соединить усилия и выключить хронобур, не залезая дальше в дебри времен.

— Да, действительно, — подхватил Гаспарян. — Почему бы не попробовать?

— Мы уже думали над этим, — признался Жданов. — Но всадники на контакт ни с кем не идут, даже с конкистадорами и на-

прямую со Стасом. Вероятно, это своеобразные роботы, автоматы с ограниченной программой.

— Тогда почему они спасают людей? — поинтересовался Иван. — Спасли нас, когда мы свалились в зону за изгородь из труб...

— Нас тоже, — поддержал Кострова Ивашура.

— Меня, — коротко бросил вечно молчавший Лаэнтир Валетов.

— Не знаю, — проговорил Жданов, умолчав о том, что и его спас от «санитаров» черный всадник. — Может, в их программу введены азимовские принципы робототехники, может быть, они только с виду негуманоиды, а на самом деле люди из будущего в особых скафандрах, более отдаленного, чем мое время. Не знаю.

— Но груза, кажется, здесь тоже нет, — хладнокровно заметил Белый. — Возвращаемся.

Переполненные впечатлениями, они вернулись в зал с трубой лифта и остановились, пораженные увиденным.

Зеркальный кокон вокруг трубы лифта исчез! Весь свинцовый пол, стены и потолок кольцевого зала были испещрены черными лучами ожогов, а метровая полоса пола вокруг лифта вообще оплавилась и просела. Дверца лифта исчезла, открывая взору внутренности решетчатого короба.

— Здорово он вышел отсюда! — хмыкнул Рузаев. — Как слон из посудной лавки.

— Да-а-а, мощный парень! — покачал головой Гаспарян, выражая общие чувства. — Так легко снять капсулирующее поле... Нет, определенно надо с ними подружиться. Кстати, зачем «санитарам» или... этим, как их... «хирургам» заниматься такими мелочами — блокировкой, капсулированием? Почему бы им просто не уничтожить лифт?

— Потому что они тоже не имеют другого способа преодолевать время, кроме хрономембран, соединяющих узлы событий, выходы Ствола в разные временные эпохи. Поехали, друзья.

Дверь лифта отгородила их от мира катархея, и через невыносимо тяжелые четверть часа хронопикирования разведчики вышли еще на три миллиарда лет ближе к рождению Вселенной.

ГЛАВА 9

Ранним утром двадцать первого июля окрестности Центра защиты, расположенного под землей, недалеко от ослепительно белой башни хроноквантового ускорителя, разбудил мощный взрыв. Когда к месту происшествия примчались спасатели, они

увидели гигантский ров глубиной в полсотню метров и длиной в три километра, похожий на узкий конус.

— На этом месте стояла установка хроностабилизатора, — пояснил командиру обоймы спасателей прибывший по тревоге начальник Центра Златков. — Спасать некого, людей внутри нее не было.

— Отбой, — лаконично объявил в эфир кобра спасателей.

В бункере Центра, защищенном от любых мыслимых средств наблюдения и контроля, Златкова встретили комиссар-два Ромашин, директор УАСС Костров и начальник отделения «Роуд-аскер» Полуянов.

— Мы готовы к операции «Жатва», — сказал Ромашин.

— Но «санитары» взорвали хроностабилизатор, — промолвил озабоченный Костров.

— Именно эта их акция и позволила выявить императив-центр «хирургов» в нашем времени. Резидентом «хирургов» является мой третий зам Ковальчак, его советником — замкомандира погранслужбы Гакув. Известны и командиры групп, и исполнители. Все они, профессионалы-пограничники и безопасники, запрограммированы с помощью стационарных гипнолечебных медкомплексов на базе медицинского центра Управления.

Костров прислонился спиной к стенке бункера, он сидел на верстаке, как и Златков. Лицо директора УАСС налилось кровью.

— Начальник медцентра Мануэль... тоже запрограммирован?

— К великому сожалению. — Ромашин отвел глаза. — Его участие в акциях кодирования доказано неоспоримо.

На минуту в бункере установилась тишина. Потом Златков проговорил:

— Осталось девятьсот дней... Процесс компактификации видимой части Вселенной ускорился... — Ученый виновато посмотрел на бесстрастного Ромашина. — Я не паникую, просто информирую. Есть надежда... маленькая... Жданов прошел!

Снова в бункере повисла тишина.

— Это подтверждено? — Костров уже пришел в себя, лицо его приобрело естественный цвет. Ромашин понимал директора: начальник медицинского центра профессор Мануэль был его другом.

— Из Ствола вышел конкистадор, — включился в разговор Полуянов. — Жданов выжил и собрал отряд. Они идут вниз. Но... — Командир «Роуд-аскера» в замешательстве погладил свои усы. — Груз они не получили.

Златков опустил голову.

— Запуск прошел нормально, я не знаю причин непрохождения посылки. Если Жданов не получил ее в указанном узле... значит, ее перехватили.

— Не согласен, — возразил Полуянов. — Груз мог уйти глубже определенной точки выхода.

— Что за груз? — осведомился Костров.

— Автономные оболочки типа «голем». Без них им не справиться с задачей выключения хронобура.

— А если запустить вторую посылку?

— Операция разрабатывалась по уровню секретности «четыре нуля», ее не мог засечь ни один наблюдатель «хирургов», но вторую посылку наверняка засекут, и тогда пропадет главное — эффект внезапности. «Хирурги» не дадут ни малейшего шанса нашей команде.

— В таком случае вся наша деятельность — мышиная возня!

— Не совсем, — усмехнулся Ромашин. — После завершения операции «Жатва» в Ствол пойдет Полуянов. А еще мы надеемся, что нашим ребятам помогут Те, Кто Следит.

Костров поднял брови.

— Кого вы имеете в виду?

Комиссар и Златков обменялись улыбками.

— Конкретных сведений у нас нет, зато мы точно знаем, что за Ждановым наблюдают какие-то могучие покровители, заинтересованные в сохранении нашей ветви Древа Времен.

— Почему же они сами не остановят развитие хроношахты, если столь могучи? Почему не выключат бур?

— Есть несколько вариантов объяснения этого. — Златков снова стал вялым и хмурым. — Но я лично придерживаюсь одного. Те, Кто Следит — вовсе не из нашей ветви Мира.

Костров некоторое время смотрел на ученого не мигая.

— Им-то зачем следить, подстраховывать кого-то? Ведь если ваша концепция Древа Времен верна, опасность угрожает именно нашей ветви, нашей Метавселенной?

— Ветви могут пересекаться. — Лоб Златкова заблестел от пота. Ученый явно нервничал и чувствовал себя не лучшим образом, хотя причин для волнения не видел даже Ромашин. — Есть подозрение, что ветви пересекались дважды: в нашем глубоком прошлом, что послужило причиной вымирания динозавров, и в недалеком будущем... это пересечение, естественно, только должно произойти. И в том, и в другом случае опасность грозит обеим ветвям. — Златков все больше слабел и бледнел, пока не обмяк на верстаке. Закончил он еле слышно: — Это все, что я могу сказать.

Полуянов быстро достал из стенки бункера аптечку, дал начальнику Центра выпить глоток жидкости из фиолетовой склянки. Буквально через несколько секунд лицо ученого порозовело,

он поблагодарил Федора взглядом, отвел его руку, выпрямился, глотая ртом воздух.

— Все в порядке, сейчас пройдет.

— Надо беречь себя, Атанас, — проворчал директор УАСС.

Ромашин пристально смотрел на Златкова, будто оценивая его искренность, потом отвел глаза, переглянулся с Полуяновым, но заговорил о другом:

— Итак, коллеги, пора за работу. Ив, давайте санкцию на «Жатву».

— Начинайте, — тяжело сказал директор Управления. — Формуляр будет переведен на комп службы, как только я доберусь до кабинета. Пойдемте, Атанас, я вас доведу до медиков.

Он и Златков вышли из бункера, и конец разговора оборвала закрывшаяся дверь.

— Твое мнение? — проговорил Ромашин, глядя на дверь.

— Он сопротивляется и потому на грани срыва. Пора браться за него всерьез.

— А если он ни в чем не виноват?

— Извинимся. Цена потерь выше одной человеческой судьбы.

— Ни Костров, ни СЭКОН не разрешат нам работать с Атанасом в системе гипно. А он что-то знает... и пытается сообщить намеками, потому что в противном случае сработает мозговой капкан.

— Как сегодня?

— Это было предупреждение. Ладно, это уже не главные наши проблемы. Не суть важно, от кого «хирурги» узнали о задании Павла, важно, что они предприняли самый простой контрход: заслали в отряд своего представителя. Запрограммированного. В один прекрасный момент он их подставит и...

— Жданов предупрежден.

— Но он не знает, кто из членов команды запрограммированный агент, а аппаратуры распознавания «свой — чужой», которую мы создали специально для такого случая, у него нет.

— В таком случае надо срочно идти к нему на помощь. Я готов. Как только Атанас со своими аналитиками рассчитают трактрису до пересечения с линией движения отряда Жданова, я нырну в Ствол. Один. По каналу, о котором не знает даже Златков.

Ромашин молча протянул руку подчиненному.

Через минуту они покинули Центр защиты. А спустя полчаса началась операция «Жатва», в результате которой были захвачены остатки разведывательно-диверсионной сети «хронохирургов» на Земле две тысячи триста первого года.

Туман был не слишком плотный, однако уже в сотне метров нельзя было разглядеть стен здания. Да и не туман это был, а пыль — гигантское облако пыли и газа, представлявшее собой зародыш Солнечной системы. Солнцу только еще предстояло разгореться, чтобы миллиард лет спустя из пылегазового диска сформировать планеты, в том числе и Землю.

Ствол выпал в этом времени где-то на окраине пылевого облака, где плотность пылегазовой смеси была невелика, но все же достаточна для того, чтобы скрыть от любопытных взоров космос. Канал свечения — краевая реактивная зона хронобура — светился сквозь пыль красиво, как новогодняя елка сквозь снегопад.

Сам Ствол здесь представлял собой трубу с размытыми краями диаметром в пять километров, открытую с двух торцов. Увидеть ее не удалось, но члены отряда поверили Жданову, что так оно и есть. Они уже ничему не удивлялись, настроившись на решение колоссальной важности задачи, и реагировали на все чудеса сдержанно.

Внутри здания Ствола сила тяжести оставалась прежней, что было удобно всем, ее поддерживали гравигенераторы, контролируемые Стасом. Но вне здания царила невесомость, и Рузаев, ради эксперимента испытавший этот феномен, долго не мог опомниться после того, как Белый втащил его обратно.

В снаряжении разведчиков были поляризационные бинокли, отсеивающие ореолы и туман, и члены отряда долго разглядывали ажурную сеть, сплетенную неведомыми существами вокруг горящей свечи хронобура. Без биноклей сеть была не видна. Кроме того, внутри кольца-трубы Ствола плавали еще какие-то ажурно-решетчатые конструкции и светящиеся «стрекозиные крылья», не похожие на космолеты или на технические сооружения вообще. А так как на груз, ожидаемый людьми, эти структуры не походили, Жданов первым дал отбой созерцанию «начала космогонии».

— Отдохнем полчаса и пойдем дальше, — сказал он, когда за ними закрылся люк тамбура, отрезавший картину древнего космоса.

Расположились в одной из комнат очередной гостиницы, созданной инком Ствола неподалеку от кольцевого зала с трубой хрономембраны. Гостиница была не столь комфортабельна, как та, наверху, где уже отдыхали земляне, но все же она дала возможность искупаться, понежиться Тае в ванне с настоящей водой и расслабиться остальным в гостиной за чашкой кофе.

Этот горизонт здания был открыт и пугающе тих. Ни конкис-

тадоров-пауков, ни черных всадников-хронорыцарей, ни черепах с усами, ни других чудовищ люди не встретили. О причинах такой идиллической ситуации можно было только гадать, но у Жданова была своя гипотеза, которую он, правда, не обнародовал: Те, Кто Следит за ним, предусмотрели, где он появится, и подготовили своеобразную чистую экологическую нишу, не допустив просачивания в нее слуг «хронохирургов». Все же на всякий случай Павел расставил по коридорам посты охраны, первыми на которые вызвались встать Одинцов и Володя.

Рузаев, приняв душ, остаться в гостиной не захотел и отправился погулять, пообещав далеко не заходить и смотреть по сторонам в четыре глаза. Зато именно ему посчастливилось сделать открытие, едва не сыгравшее в их судьбе роковую роль.

Расположились разведчики в гостиной с удобствами, но в защитных комбинезонах-скафандрах, называемых кокосами, сняли только гермошлемы. Рации не снимал никто, поэтому, когда Рузаев вдруг подал голос: «Елки-палки!» — устремились в коридор все, даже угрюмый Лаэнтир Валетов, державшийся отчужденно и никогда не принимавший участия в общих сборах.

Открытие Рузаева состояло в том, что коридор, по которому он успел пройти почти полкилометра, оказался буквально заросшим стальными на вид конструкциями, образовавшими своеобразную трубчатую ферму с распорками. Эта ажурно-решетчатая труба по мере углубления в коридор становилась все сложнее и толще, пока не превратилась в сгусток металлической шерсти с красивым, геометрически безупречным рисунком.

— Ну и что? — спросил Ивашура с облегчением, не поняв причин тревоги. — Переполошил только всех. Что тут сверхординарного?

— Но в противоположном коридоре то же самое!

— Подумаешь, — фыркнул Гаспарян. — Пауки небось понастроили заграждения.

— Вы не правы, — задумчиво сказал Жданов, которого вдруг осенила идея. — По-моему, я знаю, что это такое. Не предпринимайте ничего, что бы ни произошло.

Он зарастил шлем, шагнул к трубе-ферме, коснулся ее рукой, и мягкая сила тотчас же подвесила его вдоль оси трубы головой вперед. Вокруг всплыли сотни фигур в зеркальных балахонах — отражения Павла в слоях неизвестной субстанции. В наушниках рации раздался отчетливый щелчок и вслед за ним знакомый женский голос:

— Нуль-вызов принят. Заказывайте выход. Солювелл-один готов к перегибу. Ваша масса?

— Извините, прежде мне хотелось бы кое-что выяснить. По-

чему этот трансгресс принадлежит Солювеллу-один, а не Солювеллу-три?

В голосе незнакомки (автомат обслуживания трансгресса, вспомнил Павел) не отразилось ни удивления, ни недовольства.

— Солювелл-три принадлежит другой ветви Мира. Код перегиба бам-у-эс-десять-десять. Перегиб длится две минуты, выход квантован с шагом в сто десять лет.

Жданов проглотил ставшую горькой слюну.

— Значит, я могу снова оказаться в своем времени?.. Я имею в виду свою Метавселенную, то есть ветвь Древа Времен.

— Термины весьма условны, вероятность смыслового отклонения велика, но в общем все верно.

— Бог ты мой!.. Извините. Если я правильно вас понял, трансгресс соединяет не времена, а ветви Мироздания, так? Означает ли это, что и Ствол... э-э... трактриса хроноквантового перехода также соединила не времена, а... ветви?

— В пределах соответствия истинности понятий вашего уровня знаний и моего могу ответить утвердительно.

— Бог ты мой! — снова не сдержался Павел. — Простите, пожалуйста, но я очень взволнован! И я, кажется, понял... Значит, Ствол соединил разные ветви, и двадцать второй или двадцатый века, где он вышел в реальность, *не принадлежат* нашей... моей ветви Времен?

Женский голос молчал, но ответ Павлу был и не нужен, он знал, что его озарение истинно.

— Вот почему наша история не сохранила факт выхода Ствола в прошлое — Ствол просто-напросто *не выходил* в наше прошлое, он вылезал в прошлое *других* ветвей Времен! — Павел опомнился. — Еще раз простите за поведение, сеньора. Итак, последний вопрос. Можете ли вы доставить меня и моих товарищей в точку выхода хронобура, то есть инициатора трактрисы, соединившей ветви?

— Код перегиба...

— Подождите, вы хотите сказать, что можете сделать это в любой момент? А если я попрошу вас прежде помочь отыскать некий массивный и высокоэнергетический груз, посланный по линии Ствола из Солювелла-три?

— Информации не имею, но вы можете через меня обратиться в общий Информ Солювелла-один, он даст точный ответ.

— Спасибо огромное! Через несколько минут я так и сделаю, а пока выпустите меня из старт-объема.

В тот же момент Павел оказался в коридоре лицом к своим спутникам, взиравшим на него с недоверием, тревогой и надеждой.

— Кажется, у нас появился шанс выйти в нужную точку вре-

мени и пространства, минуя промежуточные этапы. Внизу, на каждом горизонте каждого узла, нас наверняка ждут эмиссары «хронохирургов», а эта штука, — Павел махнул рукой на решетчатые фермы за спиной, — способна доставить нас прямо к цели.

— Что это такое? — спросил в наступившей глубокой тишине Ивашура.

— Трансгресс, парамост времяпространственных перемещений, нечто вроде нашего метро.

— Как метро? — удивился Гаспарян. — Но ведь метро... подземка... вагоны...

— Это другое метро, — буркнул Белый. — Мгновенный масстранспорт.

— Значит, мы все располагаемся в этой трубе и...

— Не торопитесь, — раздался сзади холодный голос. — Нигде не надо располагаться, вы свой путь прошли до конца.

Все оглянулись. Из-за поворота коридора в пятидесяти метрах вышли Одинцов и Володя с какими-то незнакомыми аппаратами в руках, напоминавшими портативные телекамеры. Их наплечные «универсалы» смотрели прямо в лица разведчиков. Затем из-за спины полковника вышли еще четверо молодых людей в маскировочных комбинезонах («хамелеоны», определил Павел, плюс аннигиляторы, плюс гранатометы, круто!) с еще более странным оружием в руках. Иван узнал в одном из них усатого «разведчика» с отметиной на щеке от ножа. Это были «санитары».

— Мартын Сергеевич! — раздался сдавленный голос Гаспаряна. — Что за шутки?! Как вас понимать?

— Это не шутки, к сожалению, — спокойно произнес Жданов, единственный из всех, кто не потерял присутствия духа. — Я давно ждал чего-нибудь подобного, но подозревал другого человека.

— Вы правы, инспектор, — не менее хладнокровно ответил Одинцов. — Я эмиссар тех, кого вы называете «хронохирургами». — Полковник слегка улыбнулся бледными губами. — Конечно, я человек и не всегда был эмиссаром, но они меня нашли и уговорили, — еще одна беглая улыбка, — стать на их сторону. Мы знали, что готовится операция по обрыву струны... э-э... по выключению хроноускорителя, но не знали конкретных исполнителей. А после вашего исчезновения на подготовку другой команды уже не останется времени. Так что прощайте, Игорь Васильевич...

— Подонок! — выдохнул Гаспарян.

Ивашура не успел ничего предпринять. Тонкий серебряный лучик вылетел из объектива «телекамеры», которую держал Володя, и буквально разрезал Сурена пополам, сверху вниз. В абсо-

лютной тишине все завороженно смотрели, как падает Гаспарян — в разные стороны. Хлынула кровь. Вскрикнули Тая и Рузаев, бросаясь друг к другу. Включили наплечные турели Жданов и Белый, понимая, что не успеют. Еще мгновение — и началась бы стрельба на поражение, но в этот момент раздался голос смуглого «разведчика»:

— Подождите, эмиссар. Я бы хотел поговорить один на один вон с тем рыжим. Однажды он меня очень сильно огорчил. — Усатый потрогал шрам на щеке. — Не возражаете? А потом выполняйте приказ.

Одинцов немного поколебался, отступил, но потом вдруг выстрелил из «универсала» прямо в воронку трансгресса. Сверкнула тусклая белая вспышка, и решетчатая труба исчезла, освободив коридор.

— Это чтобы у вас не появилось соблазна. Начинай, Мануэль.

— Кажется, я вас тоже знаю, — проговорил Жданов. — Мы с вами тоже встречались в свое время. Вы — начальник медцентра Управления...

— Сейчас это не имеет никакого значения. — Усатый брюнет бросил на пол оружие, снял свой камуфляжный комбинезон и, оставшись в пушистом коричневом трико, поманил пальцем Кострова. — Выходи, парень, доведем наш спор до конца. Помнишь, я говорил тебе, что мы встретимся в других временах?

— Я-то помню, — глухо ответил Иван, снимая скафандр.

— Может быть, поговорите со мной? — предложил Павел. — Все же мы из одного времени...

— А ты умолкни! — Брюнет наставил на Жданова палец. — Твой черед еще не пришел. Эмиссар, отрежьте ему уши, если он вмешается.

— Ваня! — слабо воскликнула Тая, порываясь броситься к Ивану, но Ивашура остановил ее, все еще заторможенно глядя на тело Гаспаряна в луже крови.

Глянул на Сурена и Костров и тут же прыгнул к противнику, полный гнева и боли.

ГЛАВА 11

Хоронили Сурена в металлическом ящике, запустив этот необычный гроб в сторону горящего смерча в самом центре облака пыли, за пределами здания. Чудесные препараты — «живая и мертвая вода» — не смогли оживить человека, разрубленного надвое, срастить его половины. Лишь медицина двадцать четвертого века имела возможности, не стопроцентные тем не менее,

вернуть к жизни столь сильно искалеченного, да и то при условии немедленной его доставки на операционный стол.

Бой Ивана Кострова с Мануэлем закончился не так, как хотел этот высокомерный, запрограммированный на убийство человек.

Сначала кипевшие страсти, буря чувств в душе Ивана мешали ему драться, гнев слепил глаза и лишал осторожности. Дважды побывав в нокауте от ударов брюнета, владевшего какой-то неизвестной Ивану системой рукопашного боя вполне профессионально, Костров нашел в себе силы успокоиться, собраться. Он сосредоточился на защите и начал теснить противника, раз за разом отбивая его атаки и отвечая точными и резкими ударами.

Длилась их схватка минут пятнадцать, пока Иван не уложил наконец «санитара» ударом в лицо, сломав ему нос. Коллеги Мануэля зароптали, поглядывая на Одинцова, державшего под прицелом отряд Жданова. Снова воздух в коридоре буквально завибрировал от скрестившихся взглядов, полных ненависти и ожидания смерти, но в схватку внезапно вступили новые действующие лица, и баланс сил изменился в другую сторону.

За спинами «санитаров» возникла кружевная тень, одна за другой сверкнули бесшумные неяркие молнии выстрелов, и двое обезглавленных «санитаров» свалились на пол. Третий оглянулся, успев выстрелить в ответ на развороте, но попал лишь по вставшему на четвереньки брюнету.

Одинцов тоже оглянулся, и этого полусекундного замешательства хватило Павлу и Грише Белому, чтобы сманеврировать и открыть ответный огонь. Выстрел из «глюка» превратил бывшего полковника в кляксу копоти на стене, второй то же самое сделал с Мануэлем, дотянувшимся до оружия. Бывший телохранитель Одинцова успел-таки выстрелить из «телекамеры»-аннигилятора, ранил Ивашуру в плечо и Белого в бок, едва не разрезав того до пояса, но следующий импульс из «глюка» достал и его. Оставшегося в живых «санитара», не сдержав ярости, добил Федор Полуянов. Это его появление и спасло отряд в самый последний момент. Хотя после разговора с инком Ствола Павел пришел к выводу, что тот момент был не последним. В дело готовы были вмешаться и другие силы, наблюдавшие за схваткой вместе со Стасом. Просто Полуянов начал бой раньше.

Раны Ивашуры и Белого удалось залечить быстро и достаточно надежно с помощью эликсира из фиолетового флакона под названием «Билайф». Затем состоялись похороны Гаспаряна, после которых отряд собрался в кольцевом зале у трубы лифта.

— Выхода у нас нет, — ровным голосом сказал Жданов, оглядев ожесточенные, подавленные, усталые лица. — Надо идти вниз, отвечая огнем на огонь, преодолевая препятствия и не ду-

мая ни о чем, кроме задания. Еще раз спрашиваю, — никто не обидится, не назовет вас трусом: кто не уверен в своих силах, чтобы идти дальше? Путь назад еще не закрыт.

Все молчали.

— Что ж, — Павел посмотрел на отрешенное лицо Валетова, — спасибо, разведчики, мы не ошиблись в вас. Вперед?

— Эгей, постойте, — остановил его Рузаев. — Вы же говорили что-то о возможности выйти в нужную точку времени...

— Говорил, но тогда перед нами был трансгресс.

— Точно такая же труба торчала и в другом коридоре.

Павел мгновение смотрел на Михаила непонимающе, потом звонко шлепнул себя ладонью по лбу.

— Точно! Я совершенно забыл... — Он чуть ли не бегом бросился из зала, и вскоре весь отряд собрался у решетчато-дырчатой трубы трансгресса, пересекающего Ствол в данном узле его выхода в реальность одной из ветвей Мироздания.

— Ждите, я кое-что выясню. — Павел дотронулся до ближайшего «швеллера» трубы и оказался внутри стартовой полости трансгресса в окружении своих отражений. Но вместо стандартного: «Нуль-вызов принят...» — женский голос произнес другую фразу:

— Информ Солювелла-один слушает вас.

Павел едва не растерялся, ожидая услышать если и не мужской, то другой женский голос, потом сообразил, что это не радио и не звук, а мыслепередача, не несущая отпечатка личности абонента.

— Из Солювелла-три по каналу хроноквантового бура, соединившего многие ветви Мира, был послан контейнер с весьма важным грузом. Масса груза приблизительно сорок тонн, габариты...

— Достаточно. Ваш груз в виде пакета информации застрял между узлами выхода Ствола. То есть он все еще как бы в процессе перехода. Задержка объясняется вмешательством неизвестных мне сил. Координаты пакета...

— Не надо, я все равно не ориентируюсь. Существует ли способ освобождения груза... э-э... пакета в реальность одного из узлов Ствола?

— Несомненно. Установите контакт с теми, кто задержал груз, и...

— А вы не поможете сделать это? Передать им... тем, кто... тем, кто следит или кто задержал, от моего имени...

— Если вы Павел Жданов, то могу.

Павел рассмеялся, чувствуя себя свободно и легко, но постарался взять себя в руки.

— Я Жданов. Если вы помните, мы уже встречались с вами в трансгрессе Солювелла-три.

— Лично я не встречался (голос женский, а говорит о себе как мужчина), но факт встречи подтверждается, масса и габариты совпадают, параметры контакта тоже. Ваша просьба выполнена.

— Что? Уже?!

Информ Солювелла-один, а может быть, уже автомат обслуживания трансгресса промолчал. Павел сказал торопливо:

— Выпустите меня на минуту.

Спустя мгновение он стоял рядом со всеми.

— Полный порядок. Груз перехвачен, но сочувствующей нам стороной. И я понял так, что скоро нам его... — Павел не договорил.

Из недр здания прилетел короткий грохот, сопровождаемый низким затихающим гулом, от которого задрожали стены и пол коридора. Затем раздались знакомые тяжелые шаги, из-за поворота коридора показалось черное плечо, а потом и весь черный всадник, напоминавший заготовку для скульптуры человека с едва обозначенными руками, ногами и головой. Размеренно шагая, гигант приблизился, остановился напротив цепочки людей, словно разглядывая их всех сразу своим единственным кроваво светящимся глазом. В его облике что-то неуловимо изменилось — исчезла щель глаза, и он, не поворачиваясь, потопал обратно.

— Какой он разговорчивый! — проворчал Рузаев.

Ивашура, стоявший сбоку, заметил, как щель глаза хронорыцаря переместилась с лица на затылок, и сообразил первым:

— Он повернулся... развернулся сам в себе!

— За ним! — среагировал Павел.

Отряд бросился догонять всадника, шагавшего с приличной скоростью — километров десять в час, несмотря на внешнюю неуклюжесть и габариты.

Идти пришлось недалеко, до выхода из здания.

Пролом в стене, вернее, многометровый вывал части стены и коридора с панелью управления говорил сам за себя: черный всадник прошел здесь, не тратя времени на расшифровку кода замка. Дойдя до зияющей дыры, он с ходу нырнул в невесомость и пропал в сияющем тумане внутреннего пространства Ствола. В бинокль было видно, как он садится — в невесомости! — на своего кентавра, сливается с ним в одно целое и направляется к противоположной стороне здания, будто едет по дороге, а не летит в Космосе.

Павел повел окулярами бинокля и увидел недалеко сигару долгожданного контейнера, воткнувшуюся носом в стену здания слева от пролома.

— Ура! — сказал он шепотом, словно боясь, что видение исчезнет. Но оно не исчезло. Контейнер был доставлен точно по назначению, а чего это стоило и кому, принципиального значения не имело.

Спустя час Павел собрал команду в зале возле лифта мембраны. Груз — три аппарата, называемые в двадцать четвертом веке «големами» и представлявшие собой защитные капсулы с мощным энергозапасом, — уже был распакован. «Големы» ждали своих хозяев здесь же, в зале, похожие на матово-белые торпеды, внутри которых было ровно столько свободного пространства, чтобы разместилось трое человек.

— Через минуту мы стартуем на Дно Мира, — сказал Павел просто. — По каналу трансгресса, пересекающему Ствол совсем не случайно. Теперь я могу ответить, кто следил за мной, незримо присутствовал и помогал нам во время путешествия по хроношахте. То есть я не знаю, кто они на самом деле и как выглядят, но знаю, что они из ветвей Мироздания, также затронутых виртуальной петлей Ствола, Бича Времен, как справедливо выразился один мой знакомый ученый. Вполне вероятно, что «хронохирурги» хотели с помощью Бича ампутировать вовсе не нашу ветвь Древа Времен, не нашу Метавселенную, а какую-то другую, мешающую им развиваться, а нашу они зацепили рикошетом. Возможна и такая ситуация, что «хирургов» вообще не существует, а есть потенциальная возможность рождения ветви — их Метавселенной, после того как будет отрублена наша ветвь вместе с другими...

— Да какая нам разница! — перебил инспектора Рузаев, еще не пришедший в себя после гибели друга.

Павел замолчал.

— Миша, опомнись, — тихо сказал Ивашура.

Рузаев сморщился и, спотыкаясь, вышел из зала. Тая оглянулась на Кострова и бросилась вслед за Михаилом.

— Извините его, — хмуро проговорил Ивашура. — Сурен был его другом... да и моим тоже.

— И моим, — оскалился Иван.

Павел кивнул.

— Я понимаю. Лекция была действительно не нужна.

— Что нам предстоит делать там, в точке выхода?

— Всего лишь протаранить хронобур. Пройти зону горения времени — «големы» защищены от хронопены специально — и протаранить хронобур. Достаточно, в принципе, пройти одному «голему».

— Но он же, бур... выйдет из строя?

Павел покачал головой.

— Хронобур — не машина, не механизм или излучатель, он —

сгусток тахионных полей, сложная суперпозиция самых немыслимых состояний материи. Войдя в него, мы нарушим баланс его энергоинформационных связей, и цепь выходов Ствола распадется.

— А... мы? — впервые заговорил Лаэнтир Валетов гортанным голосом. — Погибнем?

— Кто вам такое сказал? — поднял голову Белый. — Но, с другой стороны, где вы собираетесь жить, если исчезнут Вселенная, Солнце, Земля?

Валетов отвернулся.

— Еще вопросы будут? — глянул на него исподлобья Павел.

— Разбивайте нас по экипажам. Управление «големов» мысленное? Оружие какое-то имеется на случай встречи с «хирургами»?

— Включившись в контур управления «голема», вы получите всю необходимую информацию, содержащуюся в памяти его инка, так что недоразумений не предвидится.

— Тогда пойдем так, как шли до встречи. Иван и Тая — с вами, Павел, Миша Рузаев — со мной и с вашим коллегой, Федором. Ну, и вы, Гриша...

— С господином Валетовым, — прищурился Белый. — Не возражаю.

В зал вошли присмиревшие Рузаев и Тая. Ивашура подошел к ним, обнял за плечи. К друзьям присоединился Иван, затем, поколебавшись, Федор Полуянов.

Белый покачал головой, покосился на Павла и полез в один из «големов», где уже скрылся неразговорчивый Валетов.

ГЛАВА 12

Глубокая бархатная чернота...

Бездна...

И в то же время — Дно Мира!

Чувства человеческие отказывались воспринимать то, чему невозможно было подобрать названия. Не существовало ни слов в человеческом языке, чтобы выразить понятия, ни самих понятий. Лишь паранорму, каким был Павел Жданов, приоткрылась часть картины Вселенной, призрачный танец субстанций и вибраций, не нарушающий тем не менее абсолютной черноты, но и он не смог бы выразить свои видения не только на уровне языка, но и на уровне мысли. Вселенная в этом месте — Нигде — только-только начинала инфляционный разбег, еще не существовало ни полей, электромагнитных, гравитационных, прочих, ни элементарных частиц, ни пространства, ни времени — Ничего! Было

только д в и ж е н и е Материи. Квантовый переход, породивший бесчисленное количество ветвей Древа Времен, только что произошел — благодаря уколу хронобура, созданного людьми, а по сути — той самой ветвью, которую люди считали единственной реальностью, единственной Вселенной. Но сам хронобур вместе со Стволом-оболочкой, поддерживающей его режим, еще не выкристаллизовался, не стал реальным до конца, как бы существуя и не существуя одновременно. Человеческий глаз его не видел. Он видел глубокую бархатную черноту. Бездну!

Все три «голема» вышли из струны трансгресса одновременно.

Потрясение, испытанное всеми без исключения членами экипажей при виде того, чего они не ожидали увидеть, длилось недолго: инки «големов», не знавшие эстетических и прочих колебаний, мгновенно отрезвили пилотов гонгом тревоги. Затем вокруг началась метаморфоза пространственных изменений, вызванная появлением хронобура.

Да, их ждали — аппараты «хронохирургов», квазиживые, псевдоживые, полуживые и вовсе неживые, искусственные организмы — термины были не суть важны. Возможно, сюда начали прибывать и другие космические и времяинвертирующие корабли (сооружения, комплексы, машины, роботы) других разумных существ, но люди в «големах» все же были первыми! И посланники «хирургов», ждавшие появления противника с другой стороны и в другое время, опоздали. Опоздали принципиально.

Да, они перехватили «големы» — на уровне информационного сообщения, однако не успели сформировать Закон, который бы з а п р е т и л людям действовать, изменяя вероятностные характеристики еще только г о т о в о й р о д и т ь с я ветви — Метавселенной.

Собственно д е й с т в и е произошло в ничтожнейшие доли мгновения, но для людей оно длилось бесконечно долго, умещаясь в часы плотного потока событий и непрерывного боя.

Но перед этим раскрыли себя Те, Кто Следил за Ждановым.

Голос прозвучал в голове каждого из команды Павла, как только люди пресытились созерцанием и чувствованием Бездны. Павел сразу узнал этот голос, принадлежащий одному из Тех, Кто Следил за ним.

— Вы все-таки добрались до цели, земляне. Мы рады за вас.

— Кто говорит? — прошептала Тая, невольно сжимая пальцы сидящего рядом в уютном гнезде «голема» Ивана.

— И я рад! — искренне ответил Павел. — Кажется, мы прибыли вовремя?

— О да, расчет был феноменально верен. Через некоторый отрезок д л и т е л ь н о с т и д в и ж е н и я — можете называть этот отрезок секундами или минутами — вы станете первыми свидете-

лями Ответвления, или, иначе, рождения ветви Времени, соответствующей вашему понятию начала Вселенной. Что вы намерены предпринять?

— То, что обязаны, — торпедировать хронобур.

— О нет! Вы обязаны его с о х р а н и т ь! Во всяком случае — в первые мгновения выхода. Кто дал вам задание уничтожить хронобур?

— Какое это имеет значение? Ромашин... комиссар-два... по рекомендации Златкова...

— Златков — э м и с с а р «хронохирургов»! Он запрограммирован ими самым первым. Вся наша операция построена таким образом, чтобы вы д о ш л и до Дна Мира и устранили первопричину его рождения.

— Не... может... быть!

— Увы, инспектор, это правда. Уничтожив хронобур, вы тем самым отсекаете свою ветвь Времени, свою Метавселенную от Древа Времен. Впрочем, как и нашу, которая должна будет ответвиться от вашей.

— Этого... не может... быть! — Павел вдруг понял, что, несмотря на сумбур в голове и бурю чувств, поднятую в душе свалившейся новостью, он сразу поверил обладателю голоса.

— Вы уже знаете, что это правда. Потому что в душе у вас давно появились сомнения — слишком легко и гладко вы добрались до цели. Если бы мы хотели, мы запрограммировали бы вас, как «хронохирурги» кодировали своих слуг, и колебаний вы бы уже не испытывали.

— Но... тогда... почему же вы сами не устраните все препятствия? Не помешаете «хирургам», не уничтожите их, наконец?

— Мы не всесильные боги, мы только делаем все возможное.

— Черные всадники, хронорыцари, — ваши исполнители?

— И всадники, и черепахи, и многие другие. Они выполнили свою миссию, отвлекли на себя основные силы «хронохирургов». В каждом узле выхода Ствола они обнаруживали себя специально, вынуждая противника сражаться, уводя его от тех мест, где появлялись вы. «Хирурги» ждали... и ждут вас в соседнем квантовом переходе, где основные н а ш и силы делают вид, что готовы защитить вашу команду, как только она появится. И бой там идет нешуточный, он колеблет все Древо Времен!

— Что же нам... делать?

— Противоположное тому, что вы собирались делать. В момент вытаивания хронобура в данной ветви Предыдущего Древа необходимо защитить его от распада. «Хирурги» же попытаются его нейтрализовать, разрушить. Ваше предпоявление даст шанс процессу рождения ветви состояться, начаться, а тогда уже можете и торпедировать хронобур.

— Зачем?

— А разве вы не хотите вернуться? Гарантий мы дать не можем, обратная хроноволна может выкинуть вас в реальность любого узла Ствола, то есть в реальность любой ветви, но мы надеемся, что это будет Земля вашего времени.

«Какого именно?» — хотел спросить Павел, подумав о спутниках из двадцатого века, но сказать уже ничего не успел. Хронобур выпал из трактрисы своего движения в прошлое.

Чернота вокруг перестала быть абсолютной.

Тонкий, прозрачный, почти невидимый луч света перечеркнул Бесконечность, Бездну мрака. Вокруг луча заворочались чудовищные тени, группируясь в поразительные, больше ощущаемые, чем видимые, асимметричные структуры. Луч света превратился в световой пунктир, один из его штрихов стал разгораться, раздулся в бледное серебристое веретено, налился золотым сиянием. И тотчас же с неслышимым, но потрясшим всю Бездну ударом черные структуры образовали гигантскую, раскаленную до немыслимых температур трубу, которая сформировалась вокруг сияющего веретена осязаемо плотной материальной кольцевой стеной. Это проявился Ствол. В то же мгновение Бездна мрака за его внешними стенами превратилась в жуткое море слепящего пламени...

Несмотря на ожидаемое появление противника, Иван его прозевал. Первой корабли «хронохирургов» заметила Тая, и этого было достаточно, чтобы соответствующим образом настроенные боевые системы «голема» открыли огонь.

Конечно, космическими кораблями эти образования назвать было трудно; немыслимые сочетания фигур, огней, световых линий, черных клякс и полос — вот что представляли собой аппараты «хронохирургов». Но веяло от них таким беспощадным и жестоким холодом, такой смертельной тоской, враждебностью и угрозой, что сомнений не возникло ни у кого. Эти искусственные образования можно было назвать и «хронокиллерами», и «скальпель-аппаратами», и «сторожами границы», но их возможности были намного шире: они могли изменять физические законы, сущность любого процесса, мешающего властелинам данной ветви Мира. Если бы не машины с людьми, также способными изменять законы, все произошло бы так, как рассчитали «хронохирурги». Но люди начали бой за существование раньше, задержав изменение на тот неуловимо краткий миг, который понадобился хронобуру для того, чтобы дать толчок процессу развития новой ветви Времен.

Вряд ли участники этого невероятного боя смогли бы описать его во всех деталях. Длился он долго лишь по их биологическим часам, на самом деле все произошло мгновенно: «големы» вы-

плюнули реки огня, исказившие метрику данного локального района Предыдущей ветви (еще не-пространства и не-времени), сделали прыжок, снова накрыли залпами энергии замешкавшихся «законотворителей» и успели сделать это еще раз перед тем, как совершить последний прыжок — в глубину сияющего факела, зажженного хронобуром.

Люди уже не увидели, как растаял Ствол, как огненное веретено хронобура лопнуло, истекая клочьями радужного огня, и как прянула во все стороны волна и н ф л я ц и и — сверхбыстрого раздувания новой Метавселенной, новой ветви Времен...

Тая открыла глаза.

Она лежала на траве, в тени какой-то изуродованной до неузнаваемости машины, укрытая куском полупрозрачной ткани. Под головой — мягкий сверток из серебристого меха, на ногах — странные сапоги, на теле нечто вроде пушистого черного трико. Она рывком села, так что закружилась голова.

Поляна в лесу, лето, травы, цветы, пчелы, свежий воздух, упоительные запахи... и тишина, от которой звенит в ушах!

Она встала, все еще чувствуя усталость, с недоумением оглядела разбитую машину, напоминающую половинку гигантского ананаса, увидела поодаль еще две такие же машины, прошептала, сжав виски ладонями:

— Ничего не понимаю!

Издалека долетел звонкий металлический щелчок, похожий на выстрел. Девушка вздрогнула и вдруг вспомнила все! Лавина воспоминаний рухнула на голову, ударила по нервам, взорвала сердце, заставила испуганно озираться и прятаться неведомо от кого, ждать выстрела в спину... Она не выдержала и закричала:

— Иван!..

Легкое лесное эхо вернулось из чащи, на другом краю поляны раздвинулись ветки незнакомых кустов с яркими сиреневыми цветами, и на траву вышел Иван Костров, голый, в одних плавках, мокрый, с полотенцем через плечо. Помахал ей рукой, подошел, улыбаясь.

— Испугалась? Как самочувствие?

— Где... мы?

Костров перестал улыбаться, внимательно посмотрел в глаза девушки.

— Дома... на Земле.

— В Брянском лесу?

— Вряд ли. — Он снова заглянул ей в глаза, притянул к себе. — Так ли это важно, Тая? Мы живы. Вселенная сохранилась...

— Нет, но...

— Я понимаю. Но ты ведь со мной, а с нами друзья. Вместе мы справимся с любыми невзгодами.

— Все живы? — Тая затаила дыхание в ожидании ответа.

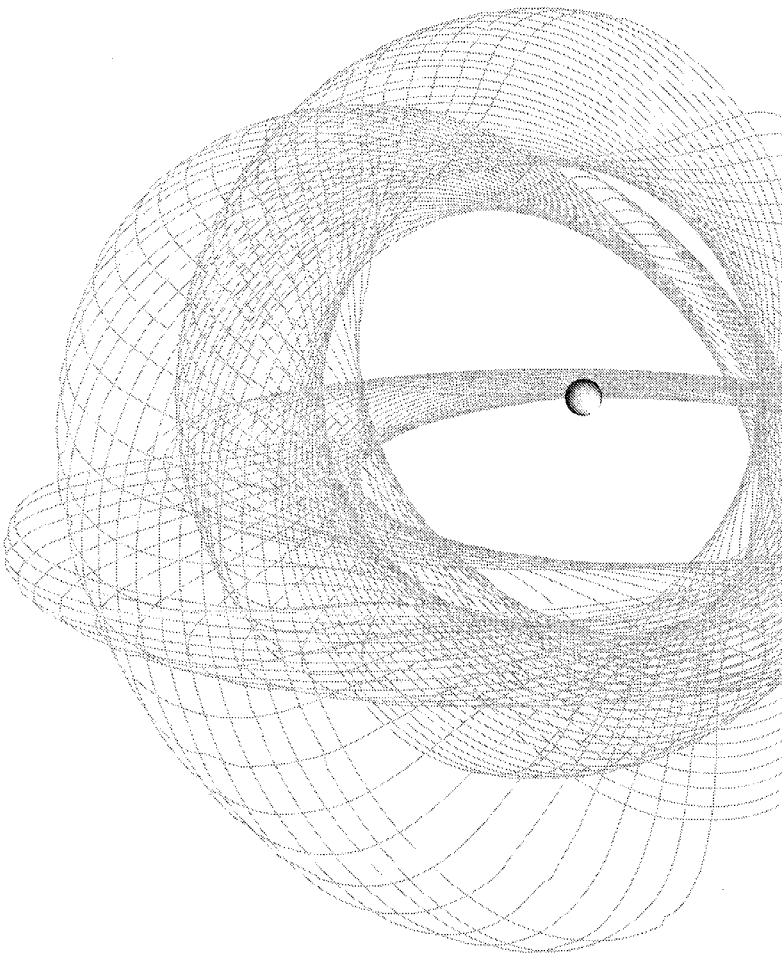
— Живы, живы, купаются, тут река неподалеку. Если хочешь, иди и ты, вода — просто блеск!

Тая вздохнула, пряча свой страх в глубине души, глянула на безоблачное небо, на солнце, засмеялась и побежала по траве туда, где слышались мужские голоса и плеск волн.

Иван проводил ее взглядом, потом лицо его изменилось. Он посмотрел назад, на березовую рощу, поднял глаза выше и с трудом разглядел в небе над рощей два размытых, едва видимых планетных диска — серебристый и золотой.

СХРОН

РОМАН



Одни мы над миром владыки.
Нам зверь подчиняется дикий
И травы зеленых полей.
Верблюды танцуют под нами.
Погонщики правят слонами.
И змей усмиряет колдун.

М. Тарловский.
Иронический сад

Часть I

И ТРАВЫ ЗЕЛЕНЫХ ПОЛЕЙ

ГЛАВА 1

Тело Мирхавы нашли в трех верстах от Проклятой Горы Богов. Молодой волхв был разрублен почти пополам — не то острым лезвием меча, не то волшебным когтем Бога, и не помогли ему ни приемы защиты, коими он владел, ни знание магических сил, ни ловкость и бесстрашие.

Но больше всего поразили Владея две вещи: ужас в глазах Мирхавы и то, что тело друга не тронули даже крысобаки, хотя оно пролежало на голом пригорке недалеко от Границы два дня. Что могло испугать молодого сильного волхва до такой степени, что ужас застыл в его глазах навеки, Владей не представлял. Знал только, что смерть Мирхава нашел возле Проклятой Горы Богов, куда направился без разрешения вождя и согласия Схода россинской общины.

Согласно преданиям Гора Богов объявилась на земле Россинии десять тысяч лет назад, послужив причиной катастрофы, уничтожившей почти весь человеческий род. Города были разрушены, все технические сооружения стали источниками Злой Силы, сводящей людей с ума, убивающей их медленно, но верно. Остатки племен ушли в леса, цивилизация пришла в упадок и умерла.

Владей знал, что сохранились лишь редкие островки человеческого рода: Рось (Россиния и Индикония) — на Центральном материке Земли, Кандиана — на Верхнем материке, Перентина — на Нижнем. На островах же расплодились мутанты, как звери, так и люди, и рассказывали об этих чудовищах жуткие истории.

Впрочем, жуткими они выглядели только в глазах молодняка. Мутации не пощадили и глубин материковой флоры и фауны. Даже рядом с племенем россинов жила стая медвян, умом не уступавших людям, а ведь когда-то это были бурые медведи, хозяева росских лесов.

Гора Богов простояла в одиночестве недолго. Много бесстрашных разведчиков, молодых и зрелых, неискушенных и опытных, нашли свой конец на Границе, отделяющей территорию Горы от лесов. Некоторым удалось дойти до ее стен, но живым не вернулся никто. Вернее, вернулся лишь один Род, еще полста лет назад, но был он так изранен и потрясен, что едва выжил. Спустя много лет, став первым волхвом, он возглавил Сход племени россинов. Владей, один из самых сильных молодых волхвов, был его учеником и претендентом на место в Сходе.

Постояв над телом Мирхавы, над которым тихо плакали три женщины — мать парня, сестра и невеста, — хмуро молчали соплеменники да жались друг к другу ребятишки, Владей поднял голову и наткнулся на пристальный взгляд учителя, неслышно возникшего у ворот хижины Мирхавы. Взгляд был тяжел и угрюм, и Владей даже испугался — не проведал ли Род о его замысле? Но старый волхв отвернулся и исчез так же тихо, как появился. Несмотря на видимую хрупкость и отсутствие физической силы, старик знал и умел многое, чего не могли делать все россины, вместе взятые. Волхвовство было с и л о й, и к нему привыкли, тем более что в племени все больше рождалось детей со склонностью к «тихому повелению», как называли волхвовство взрослые россины.

В своей небольшой, но чистой и уютной горнице в доме родителей Владей уселся на деревянный думушник — стул для особо важных размышлений, застеленный шкурой мехолиса, и стал думать. То, что Мирхава пошел к Горе Богов один, его не обидело. Мирхава редко делился с друзьями своими замыслами. Да и в том, что он погиб, не было ничего удивительного. Гору Богов охраняли силы, неодолимые людьми даже с помощью волхвовства, или магии, как говаривал Даждь, вождь племени. Настораживало в этой истории лишь одно обстоятельство: молодой волхв был убит в т р е х в е р с т а х от Горы, то есть за чертою Границы! А Граница испокон веков отделяла зону действия Злых Сил около Горы от вольных пространств вокруг лесов, полей и болот Россинии. И вот кто-то нарушил Границу с той стороны, перешел ее и убил человека. Кто это был, бог или дьявол, живое чудовище или механический монстр, коих видели разведчики, можно было только гадать. Но в одном Владей был твердо уверен: гибель Мирхавы явно была связана с недавним Небесным Гневом. Трое суток назад небеса вдруг засияли небывалым светом, пал на Гору

Богов сине-зеленый пламень в форме дубины и разрубил ее до основания, превратившись в подобие гигантской палицы снежно-белого цвета. Палица так и осталась торчать в Горе, развалив ее надвое. О причинах Небесного Гнева говорили много, однако истины не знал никто, даже мудрый Род.

— Интересно все же, кто из Богов решил разрушить Гору и зачем? — вслух произнес Владей.

— И мне интересно, сын мой, — прошелестел сзади тихий старческий голос.

Владей стремительно обернулся, встречая насмешливый взгляд ясных прозрачно-голубых глаз учителя. Вскочил, склоняясь в поклоне и ругая себя, что задумался до такой степени и не услышал прихода гостя.

— Не казни себя, отрок, — продолжал Род, останавливаясь посреди горницы. — Услышать меня трудно, особенно если я этого не хочу. Ты тоже умеешь ходить тихо, а вскоре овладеешь и тайной прохождения сквозь стены. Можно я сяду?

— Прости, учитель! — Владей покраснел, придвинул удобное гостевое кресло, остался стоять, почтительно прижав пальцы рук к груди.

— Садись, поговорим. — Род кивнул на думушник, поставил посох между ног, оперся на него двумя руками. — Что ты знаешь о Горе Богов?

Взгляд Владея вильнул, но он преодолел себя и посмотрел в глаза учителю, давно свыкшись с невероятной проницательностью Главы Схода.

— Гора уничтожила род людской... почти уничтожила. Но создана она не Богами.

— Вот как? Это интересно. — Род смерил фигуру юноши с головы до ног, отметив широкий разворот плеч, свободу позы и гордую посадку головы; одетый в холщовую рубаху и кожаные штаны с мягкими ичигами, Владей здорово напоминал погибшего Мирхаву, но был сильней и г л у б ж е. — Кем же, по-твоему, создана Гора?

— Такими же людьми, как мы, только из других... из других времен.

— Откуда ты это знаешь? — Старик был явно удивлен.

Владей потупился.

— О прошлом месяце у нас гостил странник по имени... кажется, по имени Бровей. Ты, учитель, тогда водил паломников в Святую Москвь. Он говорил удивительные вещи... о железных всадниках, о громадных черепахах, монстрах с шестью лапами... и еще, что якобы существует Древо Времен, веточкой которого является наш мир. Гора Богов не упала с неба, как мы считали, она упала с одной из ветвей Древа...

— М-да! — задумчиво протянул Глава Схода.

— Конечно, все это выдумки, — заторопился Владей, — о Древе и прочем, но я сам видел... — он осекся.

Взгляд старика стал тяжелым.

— Видел? Ты ходил туда?

Владей понурился.

— Два раза... Впервые еще два цикла назад, второй раз три луны тому назад. — Юный волхв поднял твердый крутой подбородок. — Учитель, я видел там людей... а Границы больше нет. Раньше к Горе на три версты нельзя было подойти, а после того, как на нее свалилась Палица Господня, можно идти до самых стен. Конечно, я туда больше не пойду, — добавил Владей неуверенно.

Род покачал головой, отвечая скорее своим мыслям, чем ученику. Запрет племени на приближение к Горе продолжал действовать, но у Главы Схода скопилось за последнее время столько нерешенных вопросов, что необходим был именно поход, и лучше всех с этим мог справиться стоящий перед ним юноша, которому недавно исполнилось девятнадцать весен. Великолепный воин и хороший волхв, способный видеть духов природы и вызывать ее добрые силы.

Владей, поглядев на задумавшегося учителя, принес ему медового настоя, но Род отказался, отпив лишь глоток холодной ключевой воды. Сказал, задержавшись на пороге:

— Придешь сегодня в терем к князю, в полночь, один.

Владей вспыхнул, поняв намек. Род говорил о Ясене, которая с недавних пор ходила за молодым волхвом по пятам. Шла ей всего семнадцатая весна, но девочка быстро превращалась в прелестную девушку, смелую, сильную, своенравную и свободолюбивую. Если еще учесть при этом, что она была дочерью колдуна и прорицателя Кослвилы, ее настойчивость стоило брать в расчет. Род знал, что лишь один Владей был для нее авторитетом.

— Оденься для охоты, — добавил старый волхв и неслышно исчез за порогом.

Через несколько секунд дверь впустила в горницу высокую девушку с косой до пояса, одетую в сарафан, соболью тунику и мягкие сапожки. Некоторое время молодые люди смотрели друг на друга, потом Ясена решительно шагнула вперед.

— Куда тебя звал этот старый пень?

Владей хотел ответить искренне, как всегда, но вспомнил взгляд из-под косматых седых бровей и увел разговор в сторону.

* * *

Они стояли на склоне холма под столетними соснами и смотрели за реку на угрюмую Гору Богов, имевшую форму высокой круглой башни высотой в две и шириной в пять верст. Сейчас

башня была разрублена сверху донизу белой палицей с узором каких-то рытвин на ней, напоминающим загадочные письмена, но стены башни были столь прочными, что удар Палицы Господней их не разрушил, только повредил кое-где по сторонам образовавшейся щели. Темно-серые стены Горы с рисунком сизых и белых пятен, с рядами ниш и слепых окон, бойниц и щелей серебрились инеем и, как всегда, изредка выпускали струйки белесых испарений и дымков.

— Иди домой, — не оборачиваясь, сказал Владей.

— Не пойду, — дерзко ответила Ясена, одетая, так же как он, в охотничью парку, кожаные штаны и сапожки. — Я стреляю из лука не хуже, чем ты, а вижу опасность лучше.

— Выдрать бы тебя как следует, — проворчал степенный мрачноватый Петрян, лучший охотник россинов, согласившийся пойти в поход по просьбе Рода и князя. — Чтоб знала, как мужчинам перечить.

Владей искоса посмотрел на девушку, встретил ее насмешливый, упрямый, вызывающий взгляд и усмехнулся. Он знал, что отговорить Ясену не удастся. Но его удивил Род, когда тихонько посоветовал при прощании не настаивать, чтобы Ясена не шла с ними. Учитель, наверное, считал, что девушка не будет обузой.

Владей невольно коснулся пальцем рукояти меча, висевшего в специальных ножнах за спиной. Меч дал ему Род и был чрезвычайно торжественен, когда вручал его.

— Это лонг-меч, — сказал он, разворачивая шкуру волкодила, в которую было завернуто оружие. — Магический меч не из нашего Мира. Его добыл в Горе мой прапрапрадед. Он может удлиняться при ударе до десяти сажен и способен рубить камень и сталь.

Владей благоговейно принял меч, лезвие которого казалось не полосой кованого металла, а струей дыма и воды, почувствовал в нем д в и ж е н и е и ж и з н ь, вздрогнул, но быстро справился со своими чувствами. В легенды о лонг-мечах он верил с детства, но держал такой меч в руках впервые. Осторожно взял его за рукоять, очертил лезвием полукруг, взмахнул крест-накрест — и воздух зашипел и засвистел от этого движения...

Владей снова коснулся меча, кивнул Ясене, чтобы держалась за спиной, и шагнул вперед. Петрян, громадный, широкий, узловатый от мышц, как ствол дуба, всегда носивший не куртки, а безрукавки, неодобрительно глянул на юношу, но говорить больше ничего не стал. Молодой волхв был назначен главой отряда, и перечить ему было не след.

— Никого не вижу, — сказал Владей, обладавший особыми приемами острого зрения. С расстояния в три версты он мог сво-

бодно разглядеть муху на стене Горы. Но движения не увидел, если не считать струек пара или дыма.

— Я тоже, — отозвалась девушка. — Идем?

— Не торопись. За рекой Граница. Сначала проверим, сохранилась ли она в этом месте. Здесь я еще не ходил. Петрян, переходим реку; если что почуешь, дашь знать.

Они спустились к реке, зорко посматривая по сторонам и оглядывая небо в белых полосах облаков, с двумя едва видимыми дисками лун — Серебряной и Золотой. За холмами кружила стая ворон, но она была неопасна, а вот стаи перунцов стоило опасаться. Эти странные птицы с размахом крыл до двадцати сажен метали острые и прочные, прочнее стальных, перья, пробивающие стволы деревьев, не говоря уже о телах людей. Много охотников племени полегло, прежде чем волхвы нашли способ борьбы с перунцами, хотя для этого пришлось россинам сменить не одно стойбище, построить не одну деревню.

Реку под названием Пужаная перешли вброд — босиком, держа снятые сапоги в руках. На другом берегу обулись. Экипированы все были почти одинаково: Владей и Петрян имели мечи, засапожные ножи и луки, у Ясены был только лук, из которого она сбивала еловую шишку с расстояния в пятьдесят шагов.

Поднялись на длинный песчаный увал, поросший хилыми деревцами, спугнули семейку колючих змеежей. Луг до Горы Богов лег перед ними как на ладони.

Владей заставил себя расслабиться, отстроиться от всех мыслей и войти в сумеречное состояние всеведения. Пейзаж вокруг стал для него полупрозрачным, текучим, наполненным тайным движением и свечением. Искры и звездочки в этом пейзаже обозначали живых существ — птиц, зверей, насекомых, серые и синеватые прожилки и пятна принадлежали скрытым естественным препятствиям, черные петли и кольца означали опасные места, черные точки с багровым ореолом — неизвестные источники угрозы, явно принадлежащие Горе Богов.

— Все тихо, — возник рядом Петрян, успевший подняться вверх, к ивовым кустам, за которыми начинался луг. — Но я обнаружил следы людей.

Владей вышел из транса, озадаченно глянул на охотника, только что прошедшего через Границу туда и обратно. То, что он дошел до луга, говорило об исчезновении Границы. Но откуда взялись люди? Россины не могли здесь появиться, лишь сорвиголовы вроде Мирхавы были способны преодолеть запрет и приблизиться к Горе. Кто же тогда не побоялся гнева Богов? А также гнева князя?

— Сколько их?

— Много. — Петрян пошевелил пальцами. — Восемь человек.

Семеро мужчин и одна женщина. Шли с востока, вдоль реки, потом повернули к Горе.

Владей оглянулся на примолкшую Ясену. Светящиеся голубизной глаза девушки были широко раскрыты, но страха в них не было.

— Чужаки! — прошептала она.

Петрян согласно кивнул.

— Да, обувка у них не наша, странная, старая. Такую носили до Катастрофы. Ну что, возвращаемся или пойдем дальше?

Владей задумался. В принципе надо было бы вернуться и предупредить князя о появлении чужаков. Однако, во-первых, твердой уверенности в том, что здесь появились чужаки, не было, а во-вторых, своего задания разведчики не выполнили, не нашли ответа ни на один вопрос, заданный Родом.

— Идем дальше, — решительно шагнул вперед Владей. — Но в случае нужды ты, — палец юноши уперся в плечо девушки, — сразу помчишься в селение, предупредишь Рода. Но только его одного.

Ясена ответила сверкнувшим взглядом, говорившим, что она сама отвечает за себя. Означало ли это согласие, Владей не понял.

Вскоре они шли через луг по четкому следу группы людей. Судя по всему, чужаки ничего не боялись, не прятались и направлялись прямо к расколотой Горе Богов.

ГЛАВА 2

Первое потрясение, связанное с их положением, прошло, и все собрались на береговом откосе, возле одного из разбитых «големов», чтобы обсудить ситуацию.

Мужчины выглядели, как всегда, буднично-озабоченными, спокойными, и даже Тая казалась невозмутимой и веселой, хотя в глубине ее души все еще жил страх от пережитого стресса, когда она узнала, что Бич Времен — Ствол выбросил их не в родное время и даже не на родную Землю. Эта планета была лишь копией Земли, да и то не во всех деталях. Достаточно было взглянуть на небо, где днем и ночью маячили два лунных диска, серебристый и золотой.

За сутки, прошедшие с момента трагического открытия, мужчины группы успели обследовать окрестности и обнаружить много любопытных вещей.

Во-первых, если флора этой «Земли» почти не отличалась от настоящей земной, то фауна отличалась разительно. В реке обитали странные существа, похожие на крокодилов, но с шерстью и

волчьим рылом. Изредка мимо пробегали стаи крупных, размером с волка, крыс, но с колючками вместо шерсти. Встречались также змеи — и тоже колючие, с игольчатым гребнем на спине. Вообще в этих краях обитало много колючих зверей, в том числе птицы и белки, словно природе когда-то понравился этот вид животных и она продуцировала их с размахом, утыкав иголками всех лесных обитателей. Даже мелкие птицы, а их разведчики встретили несколько видов, летающих и бегающих, имели перьево-игольчатый покров.

Во-вторых, Иван Костров с Рузаевым наткнулись на еще более странных животных, напоминающих медведей, свободно разгуливающих на задних лапах. Ивану даже показалось, что медведи одеты в подобие комбинезонов, а взгляд у них умный и озадаченный, что наводило на мысль о разумности данной популяции. Однако контакта с представителями «ursus sapiens» не получилось, медведи бесшумно нырнули в заросли гигантской малины и ушли не прощаясь.

В-третьих, Ивашуре посчастливилось найти следы кострища, что говорило о наличии в здешних местах если и не людских поселений, то хотя бы охотничьих стоянок. Поселений увидеть действительно не удалось даже с высоты одной из гигантских сосен, на которую влез Гриша Белый. Зато он обнаружил буквально в четырех километрах от лагеря громаду Ствола, темную, напоминавшую гору, разрубленную пополам колоссальной сигарой белого цвета, удивительно похожей на пятикилометровой длины «голем».

Федор Полуянов оживился, услышав рассказ Григория, и сразу предложил гипотезу: выход группы на «големах» из «начала времен» сопровождался такими судорогами всего Древа Времен, что произошло масштабное дублирование первого из аппаратов, вонзившегося в тело хронобура. А затем этот «псевдоголем» был выброшен в одну из Ветвей и потянул за собой цепочку «големов» с людьми.

С Федором не спорили, не до того было, зато появилась надежда если и не на возвращение, то хотя бы на помощь конкистадоров. Хотя все понимали, что петля Бича Времен распалась и в узлах его выхода в других Ветвях Древа должны были остаться, по идее, только развалины Ствола.

— Итак, господа десантники, пришло время собирать камни, — сказал Ивашура, оглядев примолкшую семерку мужчин и женщину. — Как говорили древние греки: даже боги не способны сделать бывшее небывшим. Надо привыкать к своему положению и думать, что делать дальше. Для начала предлагаю проанализировать, чем мы располагаем. Потом обменяемся идеями, если они появятся. Возражения есть?

Возражений не последовало. Ни Павел Жданов, ни Григорий Белый, выходцы из двадцать четвертого столетия одной из «Земель» другой Ветви Времен, не претендовали на роль командира отряда в сложившейся ситуации, где их опыт был непригоден, и эту роль стоически взял на себя Игорь Ивашура, привыкший считать себя ответственным за судьбы друзей и приятелей.

С экипировкой разобрались быстро.

«Големы» ни на что не годились. Исчерпав запасы энергии, претерпев множественный хронопереход, они превратились в полиметаллические скорлупы, разбитые и неживые.

Костюмы спасателей — кокосы, также принявшие на себя удар взбесившегося хронобура, но все-таки защитившие хозяев, еще были пригодны к употреблению, но оружие — «универсалы» и «глюки» — уберегли только трое из всего отряда: Жданов, Белый и Валетов. У остальных сохранились комплекты НЗ, а у Рузаева обнаружилась аптечка, хотя сам он об этом не догадывался, пока не раскрылась тайна ремешка с плоской белой коробочкой вместо часов, который он носил на рукаве костюма.

Рации, встроенные в кокосы, и компьютеры костюмов — инки — работали, поэтому на некоторое время люди были защищены, но энергия кокосов потихоньку таяла, и в скором времени следовало позаботиться о смене защитных комплектов.

— Негусто, — подвел итоги ревизии Ивашура. — Но и не безнадега. Могло быть хуже. Пока не найдем более приличную одежду, будем щеголять в кокосах, тем более что они защитят нас от местных кусачих тварей. Что будем делать, господа десантники?

— Осваиваться, — буркнул Миша Рузаев, не выходивший в последнее время из состояния глубокой депрессии. Он все еще не мог свыкнуться с мыслью, что Гаспаряна с ними нет и не будет.

— Предлагаю идти к Стволу, — сказал Федор Полуянов.

— Зачем? — спросил Костров. — Хронобур исчез, хроношахта разорвана, Ствол, скорее всего, разрушен, цепь «лифта времен», соединявшая Ветви, лопнула.

— А если нет? — Вопрос прозвучал беспомощно, и Полуянов замолчал, потом упрямо сверкнул глазами. — И все же я хотел бы взглянуть на Ствол, покопаться в оборудовании, убедиться в его недееспособности. Мало ли что мы найдем полезного?

— Поддерживаю, — бросил Белый, покусывающий травинку. — Надежд, конечно, особых нет, но Ствол — не обычное техническое сооружение, а трактриса времен, пространственноподобная линия, вполне могли сохраниться куски этой линии, петли, соединившие соседние Ветви.

Тая, округлив глаза, посмотрела на Кострова, и тот сжал ее локоть, понимая чувства подруги, у которой внезапно вспыхнула

надежда на возвращение. Павел Жданов, взглянув на нее, проговорил мягко:

— Не стоит особенно уповать на счастливый случай, но шанс, что нам повезет, есть. Кто знает, что такое время?

— Время... — пробормотал Полуянов. — По-древнерусски — воремя, общеславянское — вермя. Кстати, основа термина — санскритское vartman — колея. Предки наши были достаточно мудры. Одно могу сказать с уверенностью: узлы выхода Ствола — узлы «вечного теперь», и все они лежат на линии хроношахты...

— Лежали, — хладнокровно поправил Жданов. — Что ж, идемте. Чем быстрее мы расстанемся с иллюзиями относительно возвращения в свое время, в свою Метавселенную, тем быстрее адаптируемся здесь.

Он зашагал вперед, за ним Валетов, Ивашура, Рузаев. Отставшая Тая с мольбой посмотрела на Ивана.

— Неужели он прав? И мы навсегда останемся здесь, в чужом мире?

Костров ободряюще поддержал ее под локоть.

— Просто надо быть готовыми ко всему. Уж лучше заранее подготовиться к худшему, чем испытать крушение надежд. Но ты знаешь, — Иван понизил голос, — я почему-то уверен, что мы выкрутимся из этого положения.

— Правда? — Глаза Таисии вспыхнули.

Иван чмокнул девушку в щеку и ускорил шаги, догоняя ушедших вперед товарищей. В глубине души он далеко не был уверен в своих утверждениях, но иного способа поддержать подругу не знал.

Реку преодолели вброд, растянувшись цепочкой. Белый и Жданов ушли вперед, Полуянов о чем-то спорил с Рузаевым, за ними задумчиво шагал Ивашура, потом Тая с Иваном, и замыкал цепь Лаэнтир Валетов, по-прежнему равнодушный ко всему происходящему. Иван догнал Ивашуру и услышал разговор Михаила и Федора.

— И все же я не понимаю, — невозмутимо говорил Рузаев, — почему наши «големы» выбросило из недр Ствола так далеко, во внешнюю зону. Мы ведь должны были оказаться внутри, в хроношахте.

— Ствол — не просто сооружение, — повторил слова Белого Полуянов, — он еще процесс реализации многомерного континуума в трехмерный.

— Ну и что?

— В момент торпедирования хронобура произошла остановка процесса, образовался многовекторный узел на Древе Времен...

— Ну и что? — повторил Рузаев.

— Нас выбросило по инерции в одну из альтернативных Ветвей.

— Хорошо, выбросило, но почему мы оказались за пределами Ствола?

— Инерция временного сброса поменяла знак на пространственную, — закончил наконец свою мысль Федор, — и нашу группу вынесло за пределы хроношахты. Если бы этого не произошло, все, наверное, закончилось бы трагически.

— Все в руках случая. А что ты там говорил об этой громаде, разрубившей Ствол пополам? Ведь по форме это чистый «голем».

Ответа Полуянова Иван не расслышал, потому что рация кокоса донесла возглас Жданова:

— Внимание!

Ивашура мгновенно выхватил «универсал», вглядываясь в темную гору Ствола, выраставшую над лесом в двух километрах отсюда. Предупреждение Павла застало всех на лугу, и прятаться было негде, поэтому разведчики «Нью-Земли» просто заняли круговую оборону, оглядываясь и держа оружие наготове. Ничто не нарушало идиллического спокойствия здешней природы, однако второй возглас Жданова сориентировал людей:

— Небо!

Высоко над громадой Ствола плыла темная точка, постепенно увеличиваясь в размерах, пока не разделилась еще на несколько точек. Это была стая птиц.

— Это не птицы, эсперы, — подал голос Белый. — Если начнут атаку — открывайте огонь.

Приближающаяся стая действительно не была стаей птиц. Иван вспомнил встречу с подобными существами, похожими на летающих скатов, в недавнем путешествии по Стволу. Тогда «скаты», автоматы-защитники хронобура, атаковали их. Неужели и здесь они примутся защищать объект охраны, уже прекративший существование?

Но эсперы нападать на людей не стали. Покружив над ними на небольшой высоте, четыре плоские громадины, отливающие седым блеском, повернули назад и вознеслись над Стволом, превратились в едва видимые точки.

— Узнали они нас, что ли? — пробормотал Рузаев.

— Вряд ли, — покачал головой Полуянов. — Просто у них работают остатки программы, запрещающей самостоятельные действия при отсутствии прямой угрозы охраняемому объекту. Они теперь как поводыри слепого, оставшиеся без хозяина.

— Не отставайте, — подстегнул товарищей Ивашура.

Через полчаса отряд достиг мрачной горы Ствола и остановился, разглядывая серо-фиолетовые, с узором ниш и выбоин, стены хроноускорителя. В этом мире он мало чем напоминал

стройную белую башню, какой видел ее Павел Жданов в своем времени. Да и Рузаев с Ивашурой видели Ствол иным. Здесь хроноускоритель был похож на конусовидный утес, сложенный из многих слоев разного цвета. И теперь еще вдобавок он был разрублен до основания гигантской дубиной «псевдоголема», сияющего снежной белизной, с переплетением непонятных царапин и штрихов по всей длине.

Тихо постояв под острым носом «псевдоголема», отряд двинулся вдоль стены Ствола по густой, но невысокой — по колено — траве, вроде осоки, приглядываясь к выбоинам и дырам. Веяло от Ствола запустением, мертвым спокойствием, застарелой угрозой и угрюмой чужеродностью, что заставляло людей держаться настороженно. Но в конце концов, прошагав километра два, все привыкли к тишине и неподвижности нависшей над головой громады и повеселели. Только Павел Жданов, единственный в отряде паранорм, имеющий экстраординарную чувственную сферу, ощущал тонкое дуновение живого тепла, исходящего от стен Ствола, и это ощущение не позволяло ему расслабляться. Какие-то механизмы с источниками энергии все еще жили внутри хроноускорителя, стоило поискать эти аппараты и выяснить их возможности. И еще Павел очень надеялся, что ему удастся восстановить связь со Стасом, инком Ствола. Многое сразу стало бы понятно.

Но первым уловил движение не Павел, а Лаэнтир Валетов. Он догнал Ивашуру и сказал ему в спину без особого волнения:

— За нами наблюдают.

Рации были включены у всех, и десантники разом остановились, взявшись за оружие и с опаской разглядывая стену здания справа. Но Валетов добавил:

— Они прячутся в лесу.

Ивашура вгляделся в полосу ближайших лесных зарослей, как все остальные, ничего не увидел и тихо спросил:

— Где?

Валетов показал рукой на густой подлесок, и тотчас же там шевельнулись ветки, из-за кустов вышли две косматые фигуры, остановились. До них было всего метров триста, люди хорошо разглядели неожиданных гостей.

По виду они очень походили на медведей, вставших на дыбы. Но, во-первых, имели не волосатые, а гладкие морды, безволосые передние лапы, а во-вторых, носили нечто вроде кожаных фартуков, защищающих животы и ноги-лапы до колен.

— Смотрите, что у них в лапах... — прошептала Тая.

В передних лапах медведи держали палки, отсвечивающие тусклым металлическим блеском.

— Ничего удивительного, — проворчал Рузаев. — Просто

здесь водятся «урсус сапиенс», разумные медведи. Людей, наверное, нет, вот нишу и заполнили бурые любители меда.

Словно в ответ на его слова, один из псевдомедведей в фартуке желтого цвета поднял свою палку и помахал ею над головой справа налево. Затем опустил палку и сделал вполне человеческий жест: покачал вытянутым перед мордой длинным когтистым пальцем. Жест мог означать что угодно, однако большинству десантников показалось, что разумный зверь дает им совет не ходить возле Ствола.

— Что будем делать? — быстро спросил Ивашура. — Если это аборигены, с ними надо подружиться. Кто знает, сколько времени мы проведем в этих краях.

— Я схожу к ним, — предложил Рузаев. Но стоило ему сделать шаг вперед, как медведи исчезли. Шевельнулись кусты, и все.

— В другой раз, — проговорил Павел. — В интересный мир нас выбросило, десантники. Зеленые луга, леса, реки, тишина, чистейшая экология... и цивилизация разумных медведей. Начнем осваиваться... — Он не договорил.

На лес, в том месте, где скрылись двое медведей, спикировала стая эсперов. Сверкнули молнии разрядов, вонзились в деревья. Оттуда прилетела волна шипящих свистов, глухие удары, и все стихло. Стая покружила над лесом, потом вернулась, медленно облетела замерших, сжимающих оружие людей и снова вознеслась в небо, под перья облаков.

— Неужели они их... убили? — прошептала Тая.

— Странно, — пробормотал сосредоточенный Ивашура. — Почему эсперы напали на них? Ведь никакой опасности медведи не представляют. Мы более опасны, чем они.

Никто ему не ответил. Настроение у всех упало. Мир вокруг был с виду тих, спокоен и прекрасен, но в нем существовали насилие и смерть, и связано это было с горой Ствола.

— Идемте, — предложил Белый, махнув рукой. — Я нашел вход. Хотя, может быть, разделимся? Часть останется здесь, а двое-трое пойдут в разведку.

— Я останусь, — гортанным голосом откликнулся Валетов, отошел, сел на траву, потом лег на спину.

— Останься и ты, — понизил голос Иван, обнимая Таю.

— А ты?

— Я схожу на разведку.

— Хорошо, — кивнул Ивашура. — Пойдут Иван, Гриша и...

— Я, — поднял руку Полуянов.

Жданов, прищурясь, посмотрел на Ивашуру, улыбнулся.

— Пусть идут, я поброжу окрест, неподалеку.

Разведгруппа без особых прощаний втянулась в громадный пролом в стене Ствола, черный, с лучевидными серебристыми

потеками, и скрылась с глаз. Тая еще некоторое время всматривалась в темноту прохода, вслушивалась в долетающие звуки, потом отошла, села рядом с Рузаевым.

— А я пока схожу туда, — кивнул на лес Павел, — посмотрю.

— Возьми Михаила, — посоветовал Ивашура.

— Нет, одному сподручней. В случае чего — дайте сигнал.

Он прошагал по лугу до кромки леса, пошарил там в траве и канул в кусты. И стало совсем тихо.

ГЛАВА 3

Владей почувствовал опасность одновременно с Ясеной еще до того, как та приобрела конкретные формы. Остановился, предупреждающе вскинув руку, оглянулся, встретил взгляд девушки:

— За нами кто-то наблюдает.

Ясена кивнула, прислушалась к себе и показала пальцем сначала в сторону, потом в небо. Это означало, что за ними следили с двух сторон, причем по-разному. Глаза в лесной чащобе смотрели если и не по-доброму, то без угрозы и злобы, а вот взгляд с неба, скрытого веером листвы, был ощутимо угрюм и беспощаден. Это могли быть либо грифоны, кормящиеся не только падалью, но и живым мясом, либо хвостоколы-перунцы, о которых предупреждал Род.

Владей вошел в транс всеведения и увидел четыре черных стрелы над лесом, испускающие леденящий душу ужас. Поспешил закрыть себя и спутников скорлупой невидимости, и, вероятно, сделал это вовремя. Хвостоколы, кружащие над лесом и Горой Богов, до которой осталось не более полутора верст, вдруг спикировали вниз далеко в стороне и вонзили в землю пламя смерти. Издалека донеслись свистящие, словно удары плетью, звуки: шахх — шахх — шахх... затем все стихло.

Владей стер пот со лба, слабо улыбнулся на прикосновение Ясены:

— Все хорошо, они нас не увидели.

— Кто? — не понял Петрян.

— Перунцы, стражи Горы. Род предупреждал, что их стоит опасаться.

— Но я чувствую еще кого-то, — прошептала жарко Ясена, оглядываясь.

— Это всего-навсего медвяны, — уверенно бросил Владей. — Они нас не тронут.

Отряд разведчиков снова двинулся вперед и вскоре достиг места, по которому нанесли свой страшный удар хвостоколы.

Поляна в лесу была испещрена трехсаженными ямами глубиной в четыре сажени, причем земля в этих местах стала жидкой, выплеснулась вверх, как вода от брошенного сверху камня, и так застыла. Владей насчитал одиннадцать всплесков, уходящих цепочкой в лес, затем нашел следы крови на траве и остановился, кивнув Петряну на поломанные кусты:

— Хвостоколы стреляли не зря.

— Медвяны, — понимающе кивнул в ответ охотник, принюхался, вгляделся в траву и кусты. Нырнул в заросли и вернулся с полуторасаженной блестящей палкой, на торцах которой были выгравированы странные иероглифы: 2301.

— Никого нет, медвяны всегда уносят своих раненых сородичей, а Лох рассказывал, что из этих палок медвяны стреляют жгучими стрелами, пробивающими даже камень.

Владей слышал истории Лоха, но верил им мало.

В кустах зашуршало, из-под перистых опахал папоротника выглянули блестящие бусинки глаз и скрылись, заметив людей. Змеежи обычно людей не боялись, но этот явно был напуган. Владей снова прислушался к духам природы, к шепоту дриад и наяд, к дыханию листвы и трав и, холодея, понял, что наблюдает за ними вовсе не семья медвян, а некто огромный, сильный, мрачный, чужой и страшный, живой и неживой одновременно. Но главное, видящий особым магическим образом тройку россинов издали, сквозь деревья и кусты, этот нечеловек-незверь был ранен и хотя не звал на помощь, но странным образом давал понять, что ждет кого-то. Хотя вполне могло быть, что он звал своих. Просто Владей слышал его мысленные образы.

— Зайди слева, — бросил молодой волхв, снимая лук и доставая стрелу, — Ясена, пойдешь за мной в десяти шагах, прикроешь спину.

Не ожидая возражений, Владей скользнул под еловую ветвь и словно растворился в зарослях густого, не тронутого рукой человека более ста веков леса. Точно так же неслышно и гибко спутники волхва последовали за ним.

Россины сызмальства были приучены к самым неожиданным встречам. Отвагу, хладнокровие и готовность встретить таинственные явления они впитывали с молоком матери. Нет, они, конечно, умели удивляться и восхищаться, а также радоваться волшебной красоте и простоте мира, но их удивление редко переходило в страх и не влекло отрицательных эмоций. Что касается ведунов-волхвов, колдунов и магов, то они и вовсе предчувствовали почти все виды опасности и умели прогнозировать будущее, пусть и на уровне подсознательного восприятия. Владей, идя по ментальному запаху чужого, уже знал, что тот не причинит им вреда.

Сначала они приняли его за черную скалу, окруженную сломанными, как соломинки, деревьями. Затем, осмотрев со всех сторон, поняли, что это гигантский, не то каменный, не то металлический зверь, упавший на бок. У зверя отсутствовала голова, зато был торс, круп и мощные, как рычаги, ноги с круглыми копытами величиной с варочный чан. С виду он напоминал кентавра, вплавленного в странные всплески земли и дерна. Но этот железный кентавр не был главным действующим лицом. Прямо под его ногой лежал, также наполовину утопленный в ставшей жидкой и застывшей потом, как смола, земле, страшный черный человек с гладким лицом и единственным, тускло светящимся, длинным, горизонтальным глазом-щелью. Он смотрел на россинов с угрюмым равнодушием, но без угрозы, и чувствовалось, что ждет он кого-то другого. Во всяком случае, интереса к разведчикам черный всадник, придавленный своим обезглавленным конем, не проявил.

— Кто ты? — спросил Владей, приблизившись, не обращая внимания на испуганный оклик Ясены.

Сияние глаза на лбу гиганта (даже лежа на боку, он был вдвое выше рослого юноши) усилилось на мгновение. Владей почувствовал томление, покалывание под черепом, подергивание мышц на лице, давление на сердце. Отступил было, но тут же приблизился снова.

— Кто ты?

Глаз на лбу черного человека почти погас, словно тот потерял сознание. Исчезли и неприятные ощущения, испытываемые молодым волхвом.

— Он ранен, — объяснил Владей спутникам, отступив под сень уцелевшей ольхи. — Почти мертв. Вероятно, с ним сражались перунцы.

— Но ведь и хвостоколы, и он сам — обитатели Горы! — воскликнула Ясена. — Зачем им воевать друг с другом?

— Не знаю.

— Что будем делать? — Петрян оглянулся через плечо. Видно было, что побоище, происшедшее в лесу, его не слишком взволновало.

— Пока над Горой кружат хвостоколы, туда не пойдем. Попробуем подойти с другой стороны, где лес подходит почти под склон Горы.

— А как же следы тех, кто прошел перед нами?

— Если они остались живы, найдем их в Горе. А сейчас давайте полдничать.

— Только не здесь, рядом с... этим, — быстро сказала Ясена, нервно облизнула губы. — Я его боюсь.

Они отошли на двести шагов севернее, к ручью, впадавшему в

реку Пужаную, уселись в тени густого явора, достали из котомок свертки с едой: хлеб, сыр, вареные яйца кураносов, грибы, яблоки, орехи. Запили кисловатым отваром из ягод сальмадиллы, прибавляющим силы.

Семья кроланей, затем молодой есол и пара бурозубых летяг пытались подобраться ближе, привлеченные запахом еды, но Петрян отогнал их шипением змеежа. Подделывал голоса птиц и зверей он мастерски.

— Как ты думаешь, это он убил Мирхаву? — тихо спросила Ясена, имея в виду черного всадника.

— Вряд ли, — мотнул головой Владей. — Он не злой, и у него у самого есть враги. Я уже встречался с такими, как он, и никогда они на меня не нападали.

Солнце ушло на третью четверть дня, когда они снова выступили в поход и приблизились к гигантскому уступу Горы со стороны развалившей ее «небесной палицы». Остановились на опушке леса, язык которого подходил к Горе меньше чем на полверсты, с благоговением и трепетом стали разглядывать темно-серые, с фиолетовым и багровым отливом, склоны Горы и белый острый нос «палицы», испещренный какими-то письменами.

Ничто, ни одно движение, не нарушало сонного покоя природы вблизи Горы. Вокруг царили тишина и неподвижность. Здесь даже птицы молчали и насекомые не строили себе жилищ, прячась в глубине опавшей листвы. И все же Владей чувствовал, что за Горой настороженно наблюдают множество глаз, причем не только звериных и птичьих, а в самой Горе прячутся живые существа, многие из которых распространяли явственно ощутимую ауру злобы и ненависти. И еще внутри Горы светились живым теплом какие-то огромные механизмы, а также некоторые ее участки, целые этажи прорытых там ходов, сплетающиеся в странную и удивительную объемную сеть, думающую и ждущую. Владею даже показалось, что эта сеть почувствовала его ментальный взгляд, насторожилась и окликнула его на своем языке, и он поспешил выйти из поля всеведения.

— Ты что? — отреагировала Ясена, ощутившая то же самое, но в меньшей степени.

Владей потер лоб, махнул рукой Петряну, посылая того вперед:

— Хвостоколы улетели, можно идти. Но если встретим врагов — отступаем.

— Почему? — удивился Петрян. — Втроем мы справимся с любым...

— С любым — с кем? — посмотрел на охотника волхв. — С черным всадником? Или с тем, кто убил Мирхаву? Они не

люди. И нам надо вернуться, чтобы рассказать Роду и князю, что мы увидели.

Петрян повернулся и заскользил в зарослях луговых трав к громаде Горы. За ним, по знаку Владея, гибко нырнула в метельчатые зеленые волны Ясена. Владей шел последним, зорко оглядывая ландшафт двумя видами зрения — световым и внутренним. Духи природы шептали ему: не ходи, там опасность, там нежить, там страх и ужас, там смерть! — но отступать было рано и стыдно, хотя он точно знал, что Гора угрюмо наблюдает за ним, читает его мысли и готовит встречу. А еще у Владея появилось ощущение беды, которая с ним непременно случится. Ощущение было таким острым и отчетливым, что волхву захотелось бежать отсюда куда глаза глядят. Однако, стиснув зубы, он преодолел панику и ничего своим спутникам не сказал.

Под нависшим карнизом второго слоя Горы, у стены со множеством ниш и выбоин, они остановились, возбужденные и разгоряченные движением, готовые к схватке или отступлению. Пока преодолевали луг, никого не увидели и не услышали, поэтому приободрились и поверили в свои силы, хотя перед глазами всех троих стоял образ разрезанного пополам Мирхавы.

— Как ты думаешь, где сейчас те восемь чужаков, что шли сюда? — жарко прошептала Ясена на ухо Владею.

— Внутри Горы, — уверенно ответил тот. — Если бы они остановились неподалеку, я бы их почуял.

— Надо же, дошли! — усмехнулся в усы Петрян. — В детстве я, бывало, часто мечтал, как пойду к Горе и открою ее тайну. Интересно все же, откуда она свалилась на нашу землю? И почему к ней нельзя было подойти близко?

Владей хотел сказать, что Гора излучает особый свет, ментальное поле, действующее на сознание человека угнетающе, но Петрян вряд ли понял бы, что такое «ментальное поле», и волхв не стал ничего объяснять.

Они двинулись вдоль стены гигантского сооружения Богов, чутко прислушиваясь к звукам собственных шагов, всматриваясь в ниши и пещеры, образовавшиеся в стене за многие тысячи лет. Прошли под нависшим над землей носом (а может, рукоятью) палицы, разрубившей Гору. Снова зашагали вдоль стены, пока не обнаружили пещеру, уходящую глубоко в недра Горы. Внутренним зрением Владей проследил за ее извивами до впадения пещеры в более крупную полость внутри Горы. Остановил отряд, оглядев по очереди Ясену с горящими глазами и Петряна, готового дать отпор кому угодно.

— Я чую опасность.

— Я не боюсь! — вздернула подбородок девушка, но Владей не дал ей договорить.

— Конечно, лучше было бы тебе остаться на воле, но я не уверен, что вне Горы ты будешь в безопасности. Первый пойду я, ты за мной. Петрян замыкающим. А теперь помолимся Перуну.

Глянув на поседевшее перистыми облаками небо — верный признак скорого изменения погоды, — Владей шагнул в полумрак пещеры. Факел ему был не нужен, он хорошо видел в темноте.

Когда небольшой отряд втянулся в пещеру, на опушку леса в полуверсте от Горы Богов вышел человек, постоял некоторое время, ощупывая окрестности внимательным взглядом, и спокойно направился к провалу в стене огромного здания, в котором скрылись посланцы племени россинов. Это был Род, Глава Схода племени.

ГЛАВА 4

Задумчиво-сосредоточенный Жданов вернулся через сорок минут, похлопывая себя по ноге ореховым прутиком. На прояснившийся взгляд Таи ответил успокаивающей улыбкой, а на вопросительный Рузаева сообщил:

— Там в лесу лежит хронорыцарь.

— Какой хронорыцарь? — поднял голову лежащий на траве Ивашура. — Уж не тот ли черный всадник, что встречался нам в Стволе?

— Один из ему подобных. Эсперы накрыли его залпом и повредили кентавра, то есть систему передвижения. Да и у него самого, видимо, иссякли запасы энергии.

— Я схожу посмотрю, — подал голос внезапно заинтересовавшийся Лаэнтир Валетов и, не спрашивая разрешения, направился к лесу.

Жданов проводил его внимательным взглядом, повернулся к Ивашуре, сел рядом.

— Я чего-то не понял, — проговорил Игорь Васильевич. — Черные всадники всегда могли за себя постоять, как же этот не смог отбиться от эсперов?

Павел кивнул.

— Я тоже задаю себе этот вопрос. Есть только одно разумное объяснение: атака была внезапной и быстрой. Всадник не ожидал нападения.

— Но зачем эсперам нападать на него? — хмыкнул Рузаев. — Война закончилась. И он, и они — из одной команды.

— Не из одной.

— Ну все равно они призваны защитить хроноускоритель, разве что программы у них были разные.

— Никто не знает, какую программу имели хронорыцари, — проворчал Ивашура. — Они не из нашей Ветви времени и созданы не людьми. Если, конечно, можно считать их киборгами или автоматами, обладающими целевой программой.

— Может быть, они отсюда, из этого мира? — робко предположила Тая.

— Вряд ли, — покачал головой Жданов. — Хронорыцари принадлежат какой-то технологической цивилизации, достигшей очень высокого уровня воздействия на свою Вселенную. Здесь же ее влияния не чувствуется. Мы попали в мир, где разум или только зарождается... медвежий... или пошел по другому пути.

Ивашура с любопытством глянул на инспектора.

— Интересное предположение. По какому же? Что или кого ты увидел в лесу, Павел, кроме хронорыцаря?

Жданов остался спокоен.

— Я видел давешних медведей.

— Значит, по-твоему, они единственные хозяева здешнего мира?

— Не думаю. Здесь живут люди. Я все время чувствую давление на свою психику, а это означает, что местные жители умеют пользоваться ментальными полями, то есть достигли уровня влияния на тонкие пси-процессы. Если я прав, скоро мы встретим аборигенов.

Рузаев хмыкнул, придвинулся ближе, намереваясь затеять спор, однако Тая его опередила:

— Павел, я не физик и не ученый, поэтому многого не поняла. Не могли бы вы попроще объяснить, что произошло? Почему мы оказались здесь, не на Земле? Ну, то есть не на своей Земле... — Девушка покраснела, пытаясь сформулировать вопрос.

Жданов кивнул.

— Я попробую. Один из наших ученых, существовавший в нашей Метавселенной, в нашей Ветви времени, разработал теорию, согласно которой Большая Вселенная в каждый микромомент времени ветвится на параллельные микромиры, каждый из которых представляет комбинацию микрособытий, реализующихся вследствие вероятностной изменчивости мира. Понимаете?

— Кажется, да.

— В результате Большая Вселенная разбивается на отдельные Ветви времени, образующие Древо Времен, так называемый Фрактал временных континуумов, веточки которого представляют собой отдельные Метавселенные со своим набором физических законов и со своим направлением времени. Таким образом, получается, что линия направления времени каждой Ветви — это линия осуществления одной возможности из числа всех заклю-

чавшихся в предыдущем мгновении, в предыдущем узле ветвления.

Павел искоса глянул на сосредоточенное, напряженное лицо Таисии.

— Повторить?

— Не надо. — Девушка снова покраснела, но не рассердилась. — Я поняла так, что ваше Древо Времен, то есть Большая Вселенная, по сути, пространство осуществления всех возможностей, всех комбинаций. Правильно?

Павел взял ее за руку и поцеловал пальцы.

— Вы умница, Таисия.

— Мне это уже говорили, — с облегчением засмеялась Тая. — Но я хотела бы сформулировать еще раз, что из себя представляет Древо. Бесконечное число ветвей...

— Множество возможных состояний Вселенной образуют Дендроконтинуум, континуум потенциально равноценных копий, Ветвей Мироздания.

— Красиво звучит. И так просто!

Жданов улыбнулся.

— Истина всегда кажется удивительно простой. Но я не уверен, что мы точны в оценках происшедшего.

— Зато я окончательно все поняла. Ствол, то бишь хронобур, соединил не разные времена одной Ветви Древа, а углы разных Ветвей! Поэтому, когда взрыв хронобура погнал нас назад, в будущее, мы вышли не в своем времени, а в другом. Но если... — Тая побледнела. — Если Ствол разрушен и ничего не соединяет... не соединяет Ветви... значит, мы навсегда останемся здесь?!

Павел лег на траву, глядя на слоистую стену Ствола.

— Надеюсь, что это не так. Нам помогут.

— Кто? — с прежним любопытством поинтересовался Ивашура, понимавший, что Жданов говорит не все, что знает.

Павел не ответил.

Глаза у Таи стали большими, испуганными.

— А что, если в Стволе остались «хронохирурги»?!

— Это вряд ли.

— Ну не сами «хирурги», а их слуги, «санитары». Тогда нашим ребятам угрожает опасность столкнуться с ними...

— Не волнуйся, все десантники хорошо подготовлены, — сказал Игорь Васильевич, понимая, что девушка беспокоится за Ивана Кострова. Повернулся к Жданову. — А в самом деле, Павел, мы не подумали. В Стволе должны были остаться не только пауки-конкистадоры, обслуживающие его хозяйство, но и другие автоматы, в том числе принадлежащие «хронохирургам». Не исключено, что мы встретим и «санитаров».

Жданов вдруг резко привстал на локтях. Ивашура проследил

за его взглядом и увидел, как на лес спикировала стая эсперов. Исчезла. Но вскоре появилась вновь, кругами набрала высоту и зависла над горой Ствола.

— Что там? — понизил голос Игорь Васильевич.

— Ничего, все в порядке, — ответил Жданов, знавший наверняка, что эсперы спикировали именно в тот район леса, где лежал убитый кентавр и его всадник — хронорыцарь и куда направился Лаэнтир Валетов.

* * *

Участок кольцевого коридора, в который проникли разведчики, был сильно поврежден. От сотрясения, испытанного зданием Ствола в результате удара «палицей голема» при выходе его во внешний мир, стены деформировались, а потолки обрушились, образовав настоящую полосу препятствий. Ни о каком контакте со Стасом, инком хроноускорителя, речь не шла. Гриша Белый не смог даже определить точки информационного обмена в стенах первого горизонта. Стас не отзывался, будто перестал функционировать совсем.

— Этого следовало ожидать, — заявил Федор Полуянов, когда они преодолели около ста метров коридора, не встретив ни одного конкистадора и вообще никого живого. — Но узел выхода здесь приличный, какой-нибудь из контуров Стаса мог вполне сохраниться на других этажах. Будем искать.

— Давайте лучше искать лифт, — пробормотал Иван Костров. — То есть хрономембрану. Тогда и узнаем, работает ли еще Ствол как трактриса, соединяющая времена, или нет.

— Не времена — Ветви Времен.

— Что в лоб, что по лбу.

Белый, поковыряв вогнутую, волнистую от проседания стену коридора щупом из своего походного инструментария, молча пошел вперед, обходя трещины, ямы и глыбы похожего на бетон материала, упавшие с потолка. Светильники в коридоре не работали, но свет сочился отовсюду из щелей и отверстий в дверях и стенах, создавая сероватый полумрак, так что факелы и фонари не понадобились.

Запахи внутри здания не были слишком разнообразными, запахи пыли, гниения, копоти, старости да еще зелени — сквозняки приносили эти ароматы с луга. Но Иван первым обратил внимание на еще один запах, слабый и неприятный, похожий на вонь от сгоревшего пластика.

— Да, ты прав, — принюхался Белый. — Это пластик. Кажется, в здании недавно что-то горело.

Пройдя еще с полсотни шагов, они наткнулись на это «что-

то». В этом месте коридор образовывал шаровую полость со множеством мелких оспин и трещин, будто здесь сработал мощный заряд взрывчатки. А на дне полости поблескивали металлом останки какого-то механизма.

Белый и Полуянов, посветивший в яму, переглянулись.

— Конкистадор, — сказал Федор. — Его кто-то взорвал.

— Значит, жизнь внутри Ствола продолжается, — тихо произнес Костров. — И по тем же законам, которые были установлены раньше. Надо ждать всего, даже встречи с обиженными «хронохирургами».

— Ну, с «хронохирургами» вряд ли, — не согласился Белый, — а вот с нашими друзьями «санитарами» вполне.

Преодолев возникшее препятствие, отряд выбрался на относительно ровный участок и вышел в зал с трубой хрономембраны, по традиции называемой лифтом.

В зале сильнее пахло сгоревшим пластиком, и в его центре на месте трубы зияла глубокая шестиметровая воронка. Лифт перестал существовать, уничтоженный взрывом.

Теперь уже все трое обменялись понимающими взглядами. По Стволу явно гуляли недруги и старательно уничтожали оборудование хроноускорителя. Зато именно это обстоятельство окрашивало происходящее в оптимистические тона.

— Ствол не умер! — высказал вслух общую мысль Федор. — Он еще дышит. Ну, хотя бы отдельные системы жизнеобеспечения. Мертвое здание не нуждается в дополнительном разрушении.

— Паша, — позвал Белый, но рация молчала, стены полностью экранировали радиоволны.

— Что будем делать?

— Возвращаться.

— Может, попробуем выйти во внутренний двор, посмотреть, что там? — предложил Иван.

— То же самое, — буркнул Григорий, но подумал и согласился: — Полчаса потратить можно, хотя ничего особенного мы не увидим.

Он оказался прав и не прав одновременно.

Во двор здания удалось выйти со второй попытки, не со стороны лифта — коридор выхода там был полностью разрушен, — а со стороны бокового ответвления, тупика со смотровой системой. Здесь, в торце коридора, зияла брешь, и разведчики один за другим протиснулись в нее, чтобы увидеть абсолютно черную плоскость двора, испещренную метровой ширины трещинами, и ослепительно белую балку «псевдоголема», разрубившую стены здания почти до уровня третьего этажа. Впечатление создавалось такое, будто двор Ствола был когда-то залит толстым слоем ас-

фальта. Ни трава, ни деревья на нем не росли, он был ровным, как поле такыра в глинистой пустыне. Лишь две детали на обозримом трехкилометровом пространстве этого поля разнообразили пейзаж: глыба у стены здания, оплывшая, как восковая свеча, фиолетового цвета с красным отливом, напоминавшая сталагмит и ракету одновременно, и знакомая черепаховидная машина с двумя торчащими многометровыми усами под балкой «голема» в центре площади.

— Сходим посмотрим? — задал вопрос Костров, не имея особого желания бродить по «асфальтовому такыру».

Белый не ответил, внимательно обшаривая взглядом стены здания, серые, безжизненные, с окнами и без них, усеянные порами, нишами и звездообразными дырами. Внизу, у поверхности двора, стены тоже были черными и оплавленными, пустившими потеки и наплывы. Один из участков стены на высоте двухсот метров привлек внимание Григория, и он указал на него:

— Ничего не замечаете?

Иван оглядел этот участок, отличающийся цветом — он был гораздо светлее, — блеском, отсутствием пятен и ям, и хотел сказать: ну и что? — и вдруг сообразил:

— Там могли сохраниться системы жизнеобеспечения Ствола! Сейчас же проверим. Пошли.

— Успеем, не шебуршись. Таких участков должно быть несколько, хроноускоритель имел больше трех десятков зон безопасности, снабженных особой экранировкой и полевой защитой. Видимо, мы открыли одну из них.

— Гриша, а та скала у стены тебе ничего не напоминает? — поинтересовался Полуянов.

Белый сузил глаза, что-то вспоминая.

— Драккар?!

— Очень похоже. Автоматика машины могла и сдохнуть в процессе перехода, ресурс тоже, наверное, исчерпан, но корпус уцелел.

— Не хочешь ли ты сказать, что по Стволу где-то бродят наши ребята?

— Не знаю. Это было бы слишком здорово, если бы они остались в живых.

— Что такое драккар? — потребовал объяснения Иван, не понимая внезапного волнения товарищей.

— Аппарат для передвижения и работы в экстремальных условиях, — отозвался Федор. — Вроде наших «големов», но менее мощный. В драккаре была запущена команда десантников для отключения хронобура. Но на связь они так и не вышли, мы считали их погибшими.

— Они и погибли, — хрипло сказал Белый. — Чтобы драккар

стал похож на оплывшую свечу, его надо очень хорошо нагреть, вплоть до звездных температур. Я не знаю, как и почему он оказался здесь, в этой Ветви времени, но, судя по всему, тут во дворе когда-то полыхал ядерный костер. Пошли к своим, надо обсудить положение... — Он не договорил.

Над белой трубой «псевдоголема», соединявшего края кольцевых стен Ствола точно по диаметру, появилась стая эсперов и хищно кинулась вниз, к застывшим людям. И было в их стремительном пике столько угрозы, что все среагировали как надо. Иван и Федор нырнули в пролом, из которого выбрались во двор, а Григорий профессионально открыл огонь из «глюка».

Эсперы тоже выстрелили: четыре шипящих зеленых клинка ударили в стену здания, в «асфальт» двора, расплескивая мгновенно расплавившийся материал стен в форме воронок со стеклистыми краями, также мгновенно застывшими, и в этот момент трасса тусклых желтых огоньков из «глюка» нашла стаю эсперов, не ожидавших отпора. Вспыхнули два огненных клубка, разлетелись брызгами сияния и струйками дыма. Уцелевшие эсперы совершили крутой вираж, унеслись в небо и скрылись за противоположной стеной здания.

— Ничего не понимаю! — пропыхтел Иван, выкарабкиваясь из-под Федора и выглядывая наружу, где спокойно стоял Белый в позе ковбоя, держа в обеих руках оружие. — Какого дьявола они напали на нас?! Почему не нападали, когда мы шли по лесу?

— Либо их инки перестали функционировать вовсе, либо что-то изменилось во внешнем мире, — предположил Полуянов. Подумав, добавил с мрачным видом: — Есть и третий вариант.

— Какой? — оглянулся на него Белый, не спеша прятать «глюк».

— Кто-то поменял эсперам целевые установки.

— Кто? Когда?

— А недавно, когда мы пошли на разведку. Кто — не знаю, но за нами следили и следят до сих пор, это факт. И не только разумные медведи, отнесшиеся к нам по-дружески, но и враги, для которых наше появление явно стало неприятным сюрпризом. Кстати, такой поворот косвенно свидетельствует в пользу нашего предположения, что Ствол как система еще функционирует. Надо только добраться до работающих горизонтов и узлов.

Белый вдруг стремительно обернулся и выстрелил. Огненный пунктир, напомнивший Ивану очередь трассирующими пулями, воткнулся в лепешку чужого автомата с гибкими усами телесного цвета и превратил ее в облачко пламени и дыма. В почве на том месте образовалась тарельчатая впадина, из которой начали разлетаться какие-то горящие лохмотья, фонтанировать ядовито-желтые жгуты дыма и белых искр.

Полуянов хотел было спросить: зачем стрелял? — но передум-

мал, потому что возня в глубине кратера продолжалась, словно там в агонии билось какое-то крупное животное. И вот оно наконец стало выползать из ямы.

Люди увидели широкие плечи, две пары лап, блестящее туловище. Головы у монстра не было, вероятно, выстрел Григория снес ее вместе с корпусом автомата-черепахи, и гигант никак не мог восстановить зрение либо вообще логическую мыследеятельность.

— Обезьянозмей! — глухо воскликнул Костров.

Белый выстрелил еще раз. На месте ворочающегося гиганта вспух еще один огненный шар, лопнувший с оглушительным треском и свистом. Часть почвы испарилась вместе с туловищем монстра, и, когда дым рассеялся, на дне образовавшейся воронки блеснул голубой металл.

ГЛАВА 5

Несмотря на многовековую философскую закалку этих детей природы и их готовность противостоять злым силам и чарам, всем троим было страшно, хотя и по-разному. Петрян боялся, что проглядит опасность. Ясена боялась чудовищ, а еще больше того, что Владей отправит ее обратно. Владей же чуял живое тепло, исходящее из глубин Горы, злое и равнодушное, реже — с дуновением заинтересованности, ощущал всей кожей чьи-то взгляды, отражал угрожающее ментальное зудение: «Не ходи, погибнешь! Не ходи, станешь мертвым слугой Богов!» И не знал, как защититься от этих не слышимых никем, кроме него, злых шепотов, заставляющих его напрягаться сверх меры, мешающих вслушиваться в д в и ж е н и е духов Горы.

Пещера, в которую проникли россины, оказалась на удивление правильной и ровной, похожей на прямой коридор в покои князя. Казалось, что эту пещеру внутри Горы Богов кто-то проложил, очень давно, может быть, во времена появления Горы. Владей решил называть ее коридором. Хотя стены и пол были волнистыми, в трещинах и пятнах сырости, было видно, что коридор когда-то был прямоугольным и светлым. И еще Владей чувствовал по обе стороны коридора пустоты, прятавшиеся за толстыми стенами, пока не понял, что черные прямоугольники в стенах являются дверями. Попробовал открыть одну, другую, толкнув ее рукой, не смог и опечалился, что не сумеет объяснить сути явления Роду и князю, однако выручила Ясена. Третья дверь от ее прикосновения и певучего приказа: «Дверь, доверься, доброму откройся!» — вдруг неслышно свернулась валиком вокруг невидимой оси и вдвинулась в стену, образуя проход.

Разведчики уже привыкли к полумраку и хорошо видели все детали коридора, но в помещении за волшебно свернувшейся дверью таился такой мрак, что не помогло и кошачье зрение Владея. Он ничего не увидел, только почувствовал, что помещение не пустое, оно полно каких-то тяжелых предметов — не то каменных глыб, не то металлических коробов. Живым в помещении не пахло. Владей шагнул вперед, зацепил что-то ногой, и рядом грохнуло, по твердому полу заскакали, зазвенели, застучали, рассыпаясь, какие-то трубки и банки.

Волхв отскочил назад, вытянув вперед меч, но тут же опустил его. Из проема двери выкатилось несколько блестящих цилиндров и белая палка, в которой Владей узнал палицу медвян.

— Там их целые штабеля, — тихо произнес он, поднял палку и на торце ее увидел те же символы: 2301.

— Здесь живут медвяны, — заявил Петрян. — Это их дубинки, их жилище.

Владей покачал головой.

— Скорее всего, медвяны просто нашли эту пещеру раньше нас. Такие дубинки сделать им не под силу.

Петрян взвесил в руке белую, гладкую и тяжелую палку, бросил ее в пещеру, бывшую, очевидно, складом. Загремело. В глубине пещеры загорелся крохотный фиолетовый огонек, замигал, разгорелся ярче, меняя цвет на красный, и тотчас же дверь встала на место, отсекая собой таинственный оживший мрак. На какое-то мгновение Владею показалось, что кто-то смотрит на него из-за двери — вопросительно и удивленно, словно в пещере проснулся хозяин, но это ощущение быстро прошло. «Хозяин» заснул снова.

Коридор закончился в круглом помещении с глубокой ямой в центре и дырой в потолке над ямой. Вид помещения свидетельствовал о том, что здесь некогда произошло землетрясение: стены его пошли складками, оплыли, покрылись трещинами, а с потолка осыпались пласты и целые глыбы похожего на серый ноздреватый камень материала. Пол, когда-то, наверное, ровный, гладкий и блестящий, вспучился буграми и был затоптан звериными следами. Владей и Петрян свободно прочитали следы стаи крысобак, волкодила, медвян, бурозубых летяг, змеежей и других более мелких животных. Но среди звериных встречались и человеческие следы, хотя обувь прошедших здесь людей была необычной и твердой, не такой, какую носили россины.

Снова у Владея родилось ощущение, что за ними наблюдает некто невидимый, неслышимый, странный, не злой, но и не добрый. Определить, откуда исходит взгляд, не удалось ни с первой, ни со второй попытки, даже после выхода в магическое состояние ясновидения. Казалось, наблюдатель смотрит сразу отовсюду.

Волна слабости заставила волхва выйти из транса, и несколько минут он отдыхал, с благодарностью принимая поддержку Ясены: прохладные ладошки гладили его шею, затылок, и это было очень приятно.

Вернулся Петрян, рискнувший разведать, куда ведут еще два коридора, уходившие из круглого зала в темноту загадочных недр Горы.

— То же самое, — сказал он. — Разруха, запустение, пыль, грязь, много всяких следов. Жизнь здесь замерла давно, даже насекомых не видно. Может быть, Боги тоже умерли? Ну или ушли в другое место, после того как на Гору свалилась Палица Господня.

— Мы еще ничего не узнали, — негромко возразил Владей, приходя в себя. — И впредь надо быть очень осторожными, это очень плохое место.

— Почему?

— Потому что здесь везде ходила смерть, — так же тихо ответила Ясена, чувствовавшая примерно то же, что и Владей. — Она и сейчас прячется где-то в Горе.

— Тогда зачем нам рисковать? Давайте вернемся, расскажем Роду...

— Что расскажем? — нахмурился Владей. — Что мы ничего интересного не увидели? Нет, пойдем дальше, пока не выясним предназначение Горы, кто ее обитатели, зачем она появилась здесь и почему была разрушена небесной дубиной...то есть Палицей Гнева Господнего. К тому же я очень хочу знать, что за люди прошли здесь недавно.

— Наверное, это те, следы которых мы обнаружили еще на лугу.

— Увидим.

Владей обошел яму в центре круглой пещеры и направился к черному прямоугольнику третьего выхода, заваленного обломками рухнувшего потолка. Петрян этот проход не исследовал.

Коридор вывел разведчиков не во внутренние покои Горы, как представляли они себе, а на огромный двор. Гора внутри оказалась пустой! Вернее, центральная ее часть представляла собой нечто вроде гигантского загона для скота с отвесными стенами высотой не менее двух верст! И хотя Владей предполагал встретить здесь полость, нечто соответствующее громадной пещере, но увидеть необъятный круглый двор в кольце угрюмых серых стен, открытых солнцу и ветрам, разрубленных по диаметру Палицей Господней, молодой волхв не ожидал.

Некоторое время пораженные зрелищем россины рассматривали черную трещиноватую поверхность двора, ослепительно белую Палицу, кольцо стен с узором окон, ниш, бугров и пятен,

фиолетовую скалу необычной формы неподалеку, потом Ясена произнесла с дрожью в голосе:

— Святой Перун! Неужели я не сплю, и Гора в действительности внутри полая?!

— Конечно, не спишь, — простодушно отозвался Петрян, в душу которого тем не менее закрался благоговейный трепет. — Я думаю, Боги держат здесь свой скот, а перед нами выгон, поле для выпаса.

— Без травы? — скептически подняла бровь Ясена.

— Траву съели... или вытоптали.

— Нет здесь никакого скота, — негромко проговорил Владей. — И никакой это не выгон. Ясена, Петрян, останьтесь, я хочу посмотреть, что там сверкает в центре двора, под Палицей.

— Я с тобой...

— Ждите! — Владей, не оглядываясь, перепрыгивая трещины, быстрым шагом направился по твердому покрытию двора к его середине, где виднелось углубление в почве, отсверкивающее металлом.

Ему не понадобилось гадать, что за металл блестел под солнцем в центре Горы. Слой черной почвы толщиной в несколько сажен здесь был снят или испарился от взрыва (Владей чувствовал энергетические следы катаклизма) на площади в триста квадратных сажен, и стала видна выпуклая крыша какого-то сооружения или машины из рифленого зелено-голубого металла, полностью увязшей в почве, со рваной бороздой на самом верху. Борозда заканчивалась дырой, в которую свободно мог пролезть человек, и хотя это место носило отпечаток зла, Владей без колебаний нырнул в дыру, сразу переходя в состояние магического транса. Своей решительностью он, как ему казалось, компенсировал недостаток четкого плана действий внутри Горы.

Дыра действительно была пробита каким-то мощным энергетическим выхлопом в куполе чечевицеобразного сооружения и открывала доступ к его центральному залу. Владей сразу определил размеры металлической чечевицы — около двухсот сажен в диаметре — и ее толщину — около двадцати сажен. Центральное помещение сооружения в виде купола располагалось точно в его центре и было заставлено застывшими, тяжелыми и непрозрачными глыбами, от которых веяло холодом, чужеродностью и смертью. Определить их назначение не представлялось возможным, хотя волхв, конечно, был знаком с техникой предков по рассказам учителя истории и видел кое-что в музеях князя. Кроме непонятных глыб, Владей разглядел также два скелета каких-то животных на полу помещения и несколько непонятных предметов.

Освоившись с гулким ментальным эхом от стен сооружения,

говорившим о других пустотах, а также об отсутствии живых существ поблизости, Владей мягко спрыгнул на пол куполовидного помещения, очертил себя мечом и медленно двинулся в обход глыб к тому месту, где в стене заметил треугольник открытой двери.

Но до нее он не дошел. Показалось, в спину посмотрел некто огромный и страшный, как Дракон из россинских мифов. Владей мгновенно отпрыгнул в сторону, нанося удар мечом за спину, задел одну из глыб, оглянулся. Сзади никого не было, лишь огоньки на стене помещения перестали мигать, стали ярче, застыли. А затем с коротким стоном ожила та глыба, которую задел мечом разведчик.

Что-то лязгнуло внутри ее, она разделилась на три фигуры, которые засветились разноцветно, как зимняя елка в доме князя. Множество огней замерцали по всей поверхности фигур, затеяли игру в перемигивание, в складывание замысловатых комбинаций. Один из огней оседлал тонкий гибкий прут, метнулся к юноше, раскрываясь бутоном цветка. Владей рубанул его мечом и метнулся назад, к дыре в потолке, откуда проник в чужое сооружение. Он уже понял, что нечаянно разбудил автоматику непонятной машины.

Никто не помешал ему выбираться обратно, лишь усилилось впечатление тяжелого, не по-человечески равнодушного и презрительного, как пощечина, взгляда. Исполин, в недрах которого оказался молодой волхв, проводил его этим взглядом, вернее, выгнал и успокоился, а может быть, заснул опять.

Не оглядываясь, Владей бегом преодолел расстояние до стены здания, которым, по сути, оказалась Гора Богов, где его ждали Петрян и напряженная, готовая бежать на помощь Ясена.

— Что случилось?! — Глаза девушки стали огромными и тревожными, и плескалась в них такая тревога и забота, что Владей невольно потянулся к ней, лишь в последний момент взяв себя в руки. Отдышался, с кривой улыбкой погладил подругу по плечу.

— Там, под слоем этой черной спекшейся пакости, которая когда-то была землей, лежит чужая машина. Внутри никого нет, потому что лежит она, скорее всего, со времен появления Горы. Но совсем недавно ее кто-то посещал, разломал ей крышу... а я нечаянно включил ее уснувшую автоматику...

— То-то бежал ты, как дикозай! — усмехнулся в усы Петрян. — Я уж подумал, за тобой гонится стая волкодилов или ночной вампуар.

На щеки Владея легла легкая краска, но огрызаться он не стал, сохраняя достоинство. Сказал как можно тверже:

— Пройдемся вдоль стены, посмотрим на ту скалу. Потом

поднимемся на другие этажи Горы. Видите, там есть более светлые участки? Надо выяснить, чем они отличаются от остальных.

Некоторое время разведчики смотрели на середину двора, где под слоем спекшейся земли пряталась чужая машина неизвестного назначения, но все было тихо, никто из дыры в ее куполе не появлялся, и молодые люди повернули налево, к фиолетовой скале, прилепившейся боком к стене Горы.

Скала ничего особенного из себя не представляла, и все же Владей не зря обратил на нее внимание. Перейдя на внутреннее зрение, он понял, что и скала — тоже оплавившаяся, погрузившаяся в почву древняя машина. Но в отличие от чечевицы в центре двора эта машина не внушала страха и отчуждения, ее контуры были как будто знакомыми и простыми и вызывали в памяти ассоциации с летающими реактивными машинами предков.

— Реактивный экипаж, — пробормотал Владей.

— Что? — не понял Петрян.

— Эта скала когда-то летала.

— А она не проснется, как та, под Палицей? — с опаской спросила Ясена.

— Не проснется, если ее не трогать. Хотя интересно было бы проникнуть внутрь и сравнить с другой. Может, там и оружие предков сохранилось.

— Пусть стоит. Грех трогать могилы предков, навлечем гнев Богов. Мне почему-то кажется, что там, внутри, люди...

— Может быть, ты и права, это усыпальница, могила предков.

— А если это те, чьи следы мы встретили у Горы? — не думая, ляпнул Петрян.

— Да при чем тут те следы? — с досадой повел плечом Владей и добавил тише: — Там внутри мертвые люди, давно мертвые...

Скалу обошли изрядным крюком и вскоре отыскали проход в стене, ведущий в глубины Горы. Еще раз глянули на сияющую балку Палицы, соединившую края чудовищного здания, и нырнули в затхлую темноту Горы.

Блуждали они по коридорам нижнего этажа долго, но все-таки сумели отыскать лестницу, ведущую на верхние этажи. Лестница, наполовину обрушившаяся, заваленная обломками стен и каким-то черным полусгоревшим хламом, вывела их на второй ярус здания, ничем не отличавшийся от первого, а затем на третий и четвертый. Здесь разрушения были не столь заметными, воздух посвежел, стал суше, сырость на этот этаж проникнуть не смогла. Зато пыли накопилось предостаточно, ноги тонули в ней по щиколотку.

Ничего примечательного на четвертом горизонте здания, кро-

ме пыли, найти не удалось. Коридоры, почти не запятнанные чьими бы то ни было следами, тянулись в бесконечность, унылые, скучные и однообразные, наполненные полумраком и какой-то застарелой обреченностью. Разведчики прошлись по ним сначала в одну сторону, потом в другую, попытались открыть две-три двери, не смогли и вернулись к лестнице. Посовещались, решили подняться повыше.

Прошли пятый, шестой этажи, а на седьмом в одном из коридоров обнаружили странную трубу, проложенную посередине коридора, похожую на сморщенный резиновый баллон, утыканный тонкими, стеклянными на вид иглами. Ежастая труба, или, скорее, толстенный шланг, уходила так далеко, что не стоило искать ее конец. Начало же трубы было взорвано когда-то и представляло развороченный кратер с размазанными по стенам краями.

Впечатление труба-баллон создавала странное, омерзительное, отталкивающее, тошнотворное, будто ядовитая змея толщиной со ствол столетнего дуба, и Владей, испытав болезненное ощущение беспощадности, запечатленное в расслабленно-упругом теле непонятного объекта, вдруг понял, что труба когда-то была живой тварью!

Видимо, те же ощущения владели и Ясеной, потому что она придвинулась ближе и проговорила с дрожью в голосе:

— По-моему, это сдохший гигантский червяк!

— Подумаешь, — отозвался рассудительный Петрян. — Если у Богов все огромное: жилище, пернач, машины, — то почему бы и тварям их не быть огромными? Червяк как червяк, только очень большой. Пусть себе лежит. Ну что, старшой, пойдем назад? Ничего интересного тут нет. Да и не нравится мне здесь, действительно смертью пахнет.

Владею показалось, что с этими словами снова кто-то огромный, как гора, глянул на него отовсюду — со стен коридора, с потолка, даже из-под пола — и скрылся, удовлетворенный увиденным. И тотчас же ойкнула Ясена.

— Назад! — круто повернулся к ней волхв, вспотевший от защитных усилий и попытки определить неведомого врага. — Что случилось? Ты что-то почуяла?

— Взгляд! — прошептала девушка, держа руки на висках. — Здесь все... живое и мертвое... одновременно.

Владей кивнул, снял руку с потеплевшей вдруг рукояти меча, двинулся к лестнице и остановился. Возле выхода на лестничную площадку мелькнула размытая тень, исчезла. Раздался скрип и шорох, затем далекие гулкие удары, словно кто-то бежал по лестнице вниз, перепрыгивая сразу через пять-шесть ступенек. Затем все стихло. Но россины понимали, что жизнь в Горе, подчиняю-

щаяся чужим законам, все же теплится и что за их передвижением следят внимательные глаза многих духов, настроенных не только дружелюбно, но и враждебно.

ГЛАВА 6

— Скоро нам придется подумать о пропитании, — заявил Ивашура. — Прежде чем кончится НЗ, следует попытаться перейти на местные продукты. Неизвестно, сколько еще придется жить в этом мире.

— Надо — значит, перейдем, — пожал плечами неунывающий Белый.

Остальные приняли слова командира отряда молча, в том числе и Тая. За время своего путешествия по Стволу вместе с Иваном она привыкла и к голоду, и к жажде, и к самой неприхотливой еде. Ивашура невольно глянул на Павла Жданова, который был опытнее его во многих вещах, но бывший спецназовец из будущего, сотрудник службы безопасности и гриф, как называли специалистов высшего класса, не прореагировал на взгляд. В последнее время он выглядел задумчивым больше обычного и в общих разговорах участвовал мало. Ивашура как-то улучил момент и отозвал его в сторону:

— Что случилось, Паша? Ты какой-то смурной...

— Чувствую слежку, — так же тихо, скороговоркой, ответил Жданов. — Нас ведут. Но кто, не могу определить.

— Значит, в Стволе есть люди?

— Наверняка.

— «Санитары»?

— Если уцелели мы, могли уцелеть и они.

— Понятно. Может, не будем лезть в пекло?

Жданов глянул непонимающе и отошел. Ивашура выругался про себя и догнал группу.

Разведчики расположились на отдых в кольцевом зале Ствола на десятом этаже. До этого они исследовали нижние этажи здания и выходили во двор, над которым висела ослепительно белая труба «псевдоголема».

К воронке в центре двора, которую проделал в почве Белый выстрелом из «глюка», вызвались сходить трое: Костров, Валетов и Полуянов. Белый и Жданов интереса к загадочному блеску воронки не проявили.

Трое достигли многометровой глубины кратера и обнаружили на дне верхушку куполовидного сооружения, оказавшегося транспортным средством «санитаров». Именно в таком катере когда-то передвигались слуги «хронохирургов», гигантские шестила-

пые обезьянозмеи, напавшие на Жданова и долгое время преследовавшие отряд десантников, когда тот спускался по Стволу к «началу времен».

— Вот, значит, откуда вылез тот змей, — сказал Полуянов, имея в виду монстра, уничтоженного Григорием во время первой вылазки. — А я все гадал, где же он прятался. Не мог же он сидеть внутри черепахи с усами. Кстати, что, если он был не один?

— Был бы не один, уже вылез бы, — бросил Иван. — Эти твари боятся только черных всадников. Давай я пойду первым.

Но первым полез в катер, имеющий, по свидетельству Федора, форму двояковыпуклой линзы, Лаэнтир Валетов. Путешественник по хроношахте из двадцать первого века «соседней» Ветви времени, он так и не стал полноценным членом отряда, на которого могли бы рассчитывать товарищи, ни с кем не сблизился и ни с кем своими чувствами и мыслями не делился. Держался особняком. А с недавних пор и вообще перестал участвовать в совещаниях, беседах и перерывах на обед, подолгу исчезая в неизвестном направлении, предпринимая одному ему необходимые вылазки и походы в одиночку.

— Не нравится он мне, — сквозь зубы бросил однажды Гриша Белый Жданову, когда Валетов исчез в очередной раз. — Не подставил бы нас когда-нибудь.

Что имел в виду Григорий, он не пояснил, но, поскольку Павел обсуждать эту тему не стал, разговор прекратился.

Валетов не появлялся больше часа, и в «змеиный» катер полезли Полуянов и Костров. Проплутав по хитрым коридорам чужого корабля с полчаса и никого не встретив, они вернулись. Спустя несколько минут наверх вылез Валетов, равнодушный, как всегда, и к чувствам товарищей, и вообще ко всему на свете. На вопрос Федора: «Ты что там искал так долго?» — Валетов не ответил.

В принципе, корабль обезьянозмеев ничего особенного из себя не представлял (по меркам Полуянова и его современников), а главное, был практически пуст, если не считать мертвых киберов типа черепах с усами. Но Федор все же сумел каким-то образом определить, что аварийный запас энергии катер имеет и автоматика его «сдохла» не полностью. Изредка она включалась сама собой, как бы просыпаясь на мгновение. Так делает человек во время беспокойного сна: вскочит, обведет глазами комнату, успокоится, снова ляжет...

Эсперы в поле зрения больше не появлялись. Видимо, наглядный урок, который преподал им Гриша Белый, позволил бывшим защитникам хронобура сделать надлежащие выводы. Не встретились больше разведчикам и старые враги: «санитары», обезьянозмеи, роботы и прочие слуги «хронохирургов». Хотя кое-

кто из них действительно мог уцелеть, как расстрелянный Григорием обезьянозмей, и прятался где-нибудь в недрах гигантского здания. Во всяком случае, расслабляться себе люди не позволяли, еще свежи в памяти были встречи с запрограммированными соотечественниками, перешедшими на сторону «хронохирургов».

Десятый горизонт Ствола был тих и темен. Трещин в стенах коридоров и помещений здесь почти не встречалось, а нетронутый слой пыли на полу свидетельствовал о том, что по коридорам давно не ступала нога человека или зверя.

Павел Жданов не стал отдыхать, сидя на футлярах каких-то неведомых машин в одном из помещений с видом на двор. Он походил по комнате, останавливаясь у стен и прислушиваясь к чему-то, потом вышел, сопровождаемый внимательным взглядом Валетова.

Костров и Тая шептались в углу, не особенно переживая за свою судьбу. Оба были молоды и верили в себя и друзей.

Рузаев о чем-то спорил с Полуяновым, устроившись прямо на полу.

Белый пытался вскрыть футляр установки, похожей на уснувшего морского льва, потом бросил это занятие, сел у стены и достал из коробки НЗ флакон с тоником.

Валетов по обыкновению сидел в самом дальнем углу комнаты и дремал.

Оглядев всех, Ивашура хлебнул воды из своей чудесной фляги-синтезатора, подумал и вышел следом за Ждановым.

— Ничего? — кивнул он на стену коридора, возле которой сидел на корточках Павел.

— Ничего, — ответил безопасник, вставая.

Оба понимали, о чем шла речь: Жданов давно пытался установить связь со Стасом, инком Ствола, но пока все его попытки заканчивались неудачей. Ствол перестал быть саморегулирующейся и управляемой системой. Все или почти все его источники энергии давно прекратили существование, и если Стас и сохранил где-нибудь автономные ячейки функционирования, искать их можно было много дней.

В коридор вышел Валетов, скользнул по стоявшим безразличным взглядом и удалился по коридору в темноту. Жданов и Ивашура переглянулись. Оба подумали об одном и том же, но вслух говорить ничего не стали. Из помещения выбрался слегка осоловевший Рузаев, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Если я что и понял, так это смысл фразы: простота и истина — не одно и то же.

Игорь Васильевич рассмеялся.

— Похоже, Федор своими рассуждениями довел тебя до кондиции. О чем спорили на этот раз?

— Я так и не понял, что такое трехмерное время и как оно может быть функцией наших чувств.

— А сам Федор понимает?

— Судя по эрудиции — да, судя по горячности — нет.

Ивашура снова рассмеялся.

— Ну-ну, скептик, учись спорить. Хотя я тоже не понимаю, как время может быть трехмерным. Однако есть хорошее изречение: смысл времени должен лежать вне его.

— Вообще-то правильно, только я слышал другое: не смысл времени, а смысл мира должен лежать вне его.

— Бытует мнение, что время — основа мира.

Рузаев вздохнул, почмокал губами.

— Покурить бы... пойду погуляю, пошарю по другим бункерам, может, найду что полезное.

— Далеко не уходи, скоро двинемся дальше.

Михаил не спеша удалился в темноту вслед за Валетовым.

— Он до сих пор не может принять смерть Гаспаряна, — тихо проговорил Ивашура, когда шаги Рузаева смолкли. — Они с Суреном дружили много лет.

Жданов промолчал. Ему снова показалось, что за ними из невероятных далей наблюдают чьи-то не по-человечески выразительные, искусно прячущиеся глаза.

* * *

Михаил не особенно задумывался, куда идет и зачем. Захотелось побыть одному, поразмышлять, вспомнить прошлое, ощутить атмосферу небывалой старины, он и пошел. Поэтому, выйдя в кольцевой зал с обломками центральной трубы, разбросанными по полу, он не сразу обнаружил там беседующих людей. А когда спохватился и понял, что он здесь лишний, было уже поздно что-то предпринимать, его заметили. В голове всплыли строки гумилевского «Стокгольма»:

И понял, что я заблудился навеки
В глухих переходах пространств и времен.
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

Одним из собеседников был Валетов, другим — незнакомый, отталкивающего вида, лысый, а вернее, бритоголовый молодой человек с неприятным насмешливо-пренебрежительным змеиным взглядом.

— Твой? — бросил он на языке, которого Михаил не понял.

— Нет, из команды, — ответил Валетов равнодушно. — «Шестерка». Но может быть опасен. Миша, подойди, — обратился он

уже к Рузаеву. И Михаил вопреки воле шагнул к собеседникам, уже понимая, что выхода нет. Звоночек тревоги зазвенел в голове, когда до мужчин оставалось не больше десятка шагов. Михаил опомнился, потянулся к рукояти «универсала» за поясом, и в тот же момент бритоголовый молодой человек со змеиным взглядом выдернул из-за спины некий узкий и тонкий водянисто-туманный предмет на рукояти и взмахнул им справа налево. Михаил ничего не успел понять и почувствовать. Прозрачно-волокнистое лезвие перечеркнуло его шею, плечо, руку, отделило их от туловища, и Рузаев умер прежде, чем разрубленное тело упало на пол.

— Они начнут его искать, — безучастным тоном проговорил Валетов, глядя на лужу крови, расползающуюся вокруг чисто срезанных головы и руки Михаила Рузаева. Перевел взгляд на тускло т е к у щ у ю полосу меча в руке бритоголового. — Где вы приобрели такую штуку?

— Это лонг-меч — по терминологии здешних аборигенов. Мы добыли партию в одном из узлов Ствола за два перехода отсюда и сделали здесь тайник. Но на тайник набрели медвяны...

— Разумные медведи?

— И похитили несколько штук вместе с партией «МК», энергоаккумуляторов, которые они, к счастью, используют только вместо дубинок. Знали бы они, что это за дубинки. Медвян мы почти всех перебили, мечи забрали, но пара все же пропала.

— И тем не менее ваши мечи против «глюка» не потянут.

— Так укради хотя бы один.

— Легче сказать, чем сделать. Оба у сотрудников безопасности с весьма широким спектром возможностей и хорошей интуицией. Ко мне они и так относятся подозрительно, а если я допущу промах...

— Отряд не должен дойти до второго работающего контура хрономембраны. Его надо заманить к нам, на горизонт нашей базы, там мы их встретим.

— Как я их заманю?

— Думай. К сожалению, все наши попытки выйти через первый контур в узлы выше потерпели неудачу, Ветви времени в том направлении заблокированы. А все нижние Ветви претерпели необратимые сдвиги, цивилизации там погибли. Естественно, и оружие добывать стало негде. Так что придется пока надеяться только на мечи.

— Возьми его «универсал», — кивнул Валетов на мертвого Рузаева.

— Возьму, конечно, хотя не думаю, что он заряжен под завязку. Иди, тело я спрячу так, что никто не найдет. Связь, как всегда, односторонняя, жди вызова.

Валетов кивнул, обошел тело бывшего члена команды и растворился в темноте коридора. Когда его шаги смолкли, из другого коридора бесшумно вынырнула почти невидимая фигура, приблизилась к бритоголовому и оказалась выше его на полметра. Гигант был черен как ночь, и его можно было бы принять за негра, только негр этот родился не на Земле Ивашуры, Кострова и Рузаева. Белки глаз чернокожего великана светились хищным желтым блеском, губы перечеркивали лицо жесткой прямой линией, а нос казался клювом.

— Он не подставит нас? — прогудел гигант густым басом. — Я ему не верю.

— Его программировал сам эмиссар Ветви, — скривился бритоголовый. — Вряд ли эту программу можно нейтрализовать. Но если он проколется, те ребята уберут его сами, без нас. Его задача — увести их от бункера номер два, заманить в ловушку. Остальное дело техники. Не справимся, хозяева ликвидируют нас.

— Может быть, для сопровождения группы использовать эсперов?

— Этот идиот уже сориентировал их на нападение, и теперь у нас осталось всего три эспера и один герплекс. Если Тюрьм не откроет запасник, мы останемся без технической поддержки.

— Вот поэтому и нужен «глюк». Только с его помощью мы вскроем зоны безопасности Ствола и уничтожим бункер с хрономембраной.

Черный гигант неосторожно наступил на лужу крови, но не обратил на это внимания.

— Я в левое крыло. Сбор в пять. И не вздумай лихачествовать, противник у нас сильный. Догадается, что его ведут, шансов выиграть игру будет гораздо меньше.

— Их всего-то осталось шестеро, пять мужиков плюс одна женщина. Кстати, почему бы нам не попытаться выкрасть эту даму?

— Мало тебе аборигенок?

— Все разнообразие какое-то. К тому же, похитив ее, мы вполне можем заставить их действовать в соответствии с нашим планом.

— Мысль неплохая, я передам ее Тюрьму, пусть проанализирует. Но сам на контакт не лезь.

— Хорошо, — с разочарованием произнес бритоголовый. — Но в Ствол проникла еще и группа аборигенов, двое молодых парней и девица. Могу я хоть с ними позабавиться?

— Если это не повлечет осложнений.

Негр махнул четырехпалой ручищей, включил маскировочный костюм, превративший его в привидение, и исчез в коридоре, оставляя на полу кровавые отпечатки рифленых подошв.

Бритоголовый неодобрительно проследил за цепочкой следов, брезгливо сплюнул на пол и тронул на воротнике серебристую полоску. Через минуту в помещение, смешно семеня множеством гармошкообразных ножек, вползла металлическая черепаха с двумя длинными, розовыми, живыми на вид усами.

— Убрать, — буркнул бритоголовый.

Черепаха подползла к телу Рузаева, ощупала его усами и начала расчленять; кончики усов резали плоть без усилий, не оставляя следов, и тут же отправляли куски в утробу заурчавшей черепахи. Впечатление было такое, будто она ест, хотя живым существом этот автомат не был. Через две минуты от Михаила Рузаева, бывшего эксперта Академии наук России, не осталось ничего, даже пятен на полу.

Бритоголовый отослал черепаху, которую называл герплексом, порыскал по коридорам вокруг зала и канул в темноту следом за негром.

ГЛАВА 7

Они скитались внутри Горы уже третьи сутки, но трапезничать старались «на воле», то есть вне мрачных коридоров и мертвых пещер Горы, под ее стенами с внешней стороны. Во двор Горы разведчики россинов предпочитали не выходить, уж очень это место было пропитано давним буйством з л а и смерти. Впрочем, смертью дышали зачастую не только стены пещер и коридоров, но и воздух, словно внутри Горы когда-то шла беспощадная война, война Богов с людьми, как определил для себя Владей. Сами Боги не показывались, однако волхв чувствовал их шевеление и присутствие. Однако людей, оставивших следы у реки, разведчики не встретили. Группа из восьми человек таинственно исчезла внутри гигантского сооружения Богов, словно растворилась в его необъятном массиве.

На третьи сутки похода россины поднялись на сотый горизонт Горы и неожиданно обнаружили, что этот район здания наполнен жизнью, таинственной и непонятной, скрытой для глаз, но доступной чувственному восприятию юного волхва и его подруги. Произошло это так.

Поднявшись по лестнице, местами сильно разрушенной, до очередного этажа, разведчики вышли в коридор без единой пылинки, сухой и чистый, хотя и более темный, чем прежние. Стены его не имели трещин, складок, дыр и бугров. Был коридор пустынен и тих, но Владей сразу ощутил скрытую угрозу в этой тишине и неподвижности, а также в отсутствии пыли и наличии тонкого запаха озона. Коридором пользовались часто и совсем

недавно, а кто — Боги или их ужасные слуги, — Владей различать еще не умел.

— Мне не хочется идти туда, — сказал он, прислушиваясь к едва слышным голосам духов, уговаривающих его вернуться.

— По-моему, это первая пещера, где мы можем спокойно отдохнуть, — возразил Петрян. — Чисто, тихо, пусто, никого нет, ни змей, ни комаров. Пройдемся и назад. К тому же сам говорил, что мы должны принести полное знание о Горе.

Владей подумал и согласился скрепя сердце.

Но пройтись по коридору не удалось. Уже через сотню шагов он уперся в глухую стену из огромных каменных глыб, непонятно как оказавшихся здесь. В принципе, все было наоборот: россины поначалу удивлялись гладким стенам и полам помещений и переходов внутри Горы, все ждали «настоящих» пещер с «настоящими» бугристыми, сложенными из горных пород стенами, но потом привыкли к искусственным формам здания. Поэтому стена из неотесанных глыб показалась им неуместной.

— На нас опять кто-то смотрит!— прошептала Ясена на ухо Владею, хотя тот сам давно чувствовал чужой взгляд. — И еще там, за стеной, кто-то дышит...

— Тут, наверное, поработали медвяны, — хмыкнул Петрян, пробуя стену рукой. — Им такие камешки под силу.

— Зачем это им? — пробормотал Владей, решая, уходить или попробовать разобрать стену. Он знал приемы, позволяющие разрушать подобные кладки. — Медвяны не хозяева Горы, им незачем перегораживать коридоры.

— Тогда пошатай стену, может, пройдем.

— Давай, Владя, — жарко шепнула Ясена. — Я помогу.

Владей вопреки собственной воле представил, как в камнях появляются корчи и боли, камни напрягаются, начинают трескаться и рассыпаться... и в следующее мгновение стена из глыб вдруг пошла рябью, разгладилась и разошлась в стороны, открыв освещенный белый, с зеркальным горячим полом коридор.

В лицо пахнуло теплом, незнакомыми запахами, электричеством, в уши влилась волна звуков: тихих скрипов, попискиваний, редких звонких щелчков, далеких звоночков и шагов. Свет лился с потолка, блестящего, как ртуть: по нему то и дело змеились голубые световые прожилки. А звуки исходили от возникающих из пола странных фигур. Сначала в полу появлялась опухоль, затем она начинала расти, вытягиваться, дышать как живая, двигаться — словно по воде катилась волна, и втягивалась обратно в пол.

Ряд черных дверей в невероятно белых, как фарфор или снег, стенах был неподвижен и незыблем, что бы ни происходило с полом и потолком коридора, зато сами стены становились изредка

прозрачными или начинали постреливать искрами, вызывая заметную ионизацию воздуха. Запах озона при этом усиливался...

Владей очнулся первым, оглянулся на потрясенную Ясену, в глазах которой отражался светящийся коридор, и внезапно понял, что если они сейчас же не уйдут, то в живых не останутся. Дернул застывшего Петряна за пояс, схватил Ясену за руку:

— Быстро отсюда!

Петрян мотнул головой и послушно потрусил по коридору, разительно отличавшемуся от своего продолжения за исчезнувшей перегородкой, прочь от этого места, но Ясена вырвала руку, собираясь выразить свое несогласие. Если бы не толчок Владея, отбросивший ее к стене, девушку поразил бы длинный змеистый разряд, протянувшийся из «живого» коридора в «неживой», пустой и тихий. Лишь после звонкого треска, удара и ядовитого шипения Ясена опомнилась и бросилась бежать вслед за Петряном. Но взгляд, которым она одарила Владея, был исключительно красноречив.

Отбежав с десяток шагов, Владей оглянулся и успел увидеть, как из ничего, буквально из воздуха, возникает плотная серая стена, отрезая видение чужой и непонятной жизни, превращается в нагромождение камней.

Отдыхали двадцатью этажами ниже.

Ясена все еще дулась на Владея, но уже скорее демонстративно, чтобы показать ему, как он был не прав. Разговаривала она только с Петряном, на чье воображение сильно подействовало открытие внутри Горы пещеры с живым полом. По мнению охотника, в этой пещере явно обитали Боги, которые могли рассердиться за вторжение и выгнать нежданных гостей или даже вообще умертвить их.

— Может быть, Мирхава тоже был здесь, — рассуждал он. — А потом Боги догнали его в лесу и разрубили мечом.

Владей так не думал, но спорить не хотел, вместо него это с успехом делала Ясена. Как выяснилось, в ее планы входило возвращение к жилищу Богов и встреча с ними.

— Ничего они мне не сделают, — храбро заявила она, искоса глянув на Владея. — Я только спрошу, откуда они, почему их Гора уничтожила наш род, зачем они убили Мирхаву, почему на Гору пал Гнев Божий, почему к Горе раньше нельзя было приблизиться, почему... — Она умолкла, потому что Петрян засмеялся, и даже на губах Владея промелькнула улыбка.

— Что смешного я сказала? — ледяным тоном осведомилась девушка.

— Больно любопытная, — посерьезнел Петрян. — Дать тебе волю, ты любого Бога заговоришь, замучаешь вопросами.

— Наверх мы не пойдем, — твердо сказал Владей. — Там живут очень опасные твари.

— Боги?

— Боги не бывают злыми, в крайнем случае они равнодушны, а в той пещере с текучим полом все дышит злом. Не понимаю, как нам удалось открыть туда дверь, замаскированную под каменную стену. Хорошо еще, что нас никто не увидел. — Владей замолчал. Он не был уверен, что их не обнаружили. — Вот теперь пора уходить домой.

Ясена хотела по обыкновению возразить, но посмотрела в глаза волхва и проглотила возражения.

Они нашли лестницу и стали спускаться, отсчитывая этажи. А уже ближе к поверхности земли Ясена вдруг остановилась, прислушалась к чему-то и тихо проговорила:

— Подождите... я чувствую... здесь пахнет недавней смертью!

Владей вошел в транс, пропуская через свою нервную систему шепоты духов, полевых структур местного уголка Горы, и тоже уловил затухающее струение последнего крика жизни. Где-то недалеко действительно недавно произошло убийство.

— Приготовьтесь, — бросил он, выходя с лестничной площадки в коридор, хотя его спутники и так были готовы ко всему.

Этот коридор был недавно устлан толстым слоем пыли, но кто-то явно пытался замести следы и всю пыль согнал в углы, под стены, проделав полосу посередине коридора. И все же Владей увидел отпечатки рифленых подошв, выходящие из круглого зала и пропадающие у одной из черных дверей. Отпечатки пахли кровью, что подтверждало версию об убийстве.

Владей встретил темный взгляд Ясены (они давно адаптировались к полутьме и видели друг друга хорошо), молча ткнул пальцем в пол. Девушка кивнула, не выказывая страха, достала стрелу из колчана за спиной, натянула лук. И все же врага они обнаружили, когда отступать было уже поздно.

С тихим шорохом одна из дверей коридора в двух десятках шагов отсюда за спинами разведчиков свернулась валиком вокруг невидимой опоры, и в коридор шагнул высокий плотный мужчина с голой, как гриб-дождевик, головой. На нем был странный дымящийся, обтягивающий тело комбинезон, который изредка исчезал вовсе — вместе с телом владельца. Лицо незнакомца было бледным и каким-то безжизненным, хотя это мог быть эффект освещения. Но глаза его буквально светились хищным предвкушением драки и беспощадной угрозой. В них не было ни капли доброжелательности и сочувствия. Это стало особенно заметно, когда чужак приблизился, ступая по-особому гибко и бесшумно.

— Привет, — произнес он с акцентом, останавливаясь в пяти

шагах от застывших, готовых к бою россинов. — Кажется, я наконец повеселюсь. Предлагаю компромисс: вы отдаете мне девушку, я отпускаю вас живыми.

Язык незнакомца не был языком россинов, как, впрочем, и языком других племен: индиков, нордславян, франкогерманнов, финсов, бриттов, — но Владей все же понимал, о чем идет речь. Поняла и Ясена. Она подняла лук, целя в грудь безволосого чужака. Тот неприятно улыбнулся.

— Кажется, мое предложение не проходит. Что ж, тем интереснее игра. Начнем, пожалуй.

Незнакомец крутанул кистью неизвестно как оказавшийся в его руке меч так, что тот сделал два полукруга в разные стороны, нарисовав «крылья бабочки» слева и справа от тела, а затем пустил меч вперед. Никто ничего не успел понять.

Бледно-стальной «ручей» лезвия вдруг удлинился на два десятка сажен и достал Петряна, стоявшего в пяти-шести шагах от безволосого чужака. Петрян успел защититься своим мечом, все же бойцом он был отменным, но тусклый блик меча незнакомца просто перерубил его меч и вошел наискось в шею, проник дальше, в грудь, легко рассек туловище и вернулся обратно.

Некоторое время Петрян стоял на полусогнутых ногах, вперив удивленно-недоуменный взгляд в улыбающееся лицо врага, потом часть его тела с плечом, головой и второй рукой соскользнула с туловища, и обе половины рухнули на пол, брызнув обильной кровавой пеной.

Вскрикнула Ясена, мгновением позже спуская тетиву лука. С тупым звуком стрела ударила в грудь безволосого, под сердце, отскочила, сломанная у самого наконечника. Та же участь постигла и вторую, и третью стрелу; девушка выпустила их в течение двух секунд, а стрелять она умела и промахнуться на таком расстоянии не могла. Когда же она догадалась выстрелить в голову чужого, тот снова нанес удар своим удивительным мечом. Правда, на этот раз расстояние между ним и Ясеной было больше, и кончик меча достал лишь ее лук, а затем в бой вступил прыгнувший вперед Владей.

Он уже понял, что незнакомец владеет оружием профессионально, к тому же меч его обладает магической силой и способен удлиняться. Но и меч, который подарил юноше старый волхв, тоже не был простым и мог сохранить жизнь хозяину. А еще Владей отчетливо понял, что Мирхава был убит именно этим безволосым обитателем Горы с жестоким и ч е р н ы м взглядом.

Два меча встретились в воздухе, породив тонкий стеклянный, долго не тающий звук. Улыбка сползла с губ незнакомца, глаза его сузились, засветились.

— Ах ты, змееныш!

Описав восьмерку, почти невидимый в движении меч безволосого достиг головы Владея, но был перехвачен защитным веером и отброшен. Один раз... второй... третий...

Владей не нападал, только защищался, изучая тактику и приемы боя противника, но, когда тот, разозленный сопротивлением, опасно приблизился к замершей у стены Ясене, перешел от защиты к нападению.

Его меч послушно удлинился при ударе, который учитель фехтования называл бумерангом, наткнулся на ответное движение меча противника, но в последнее мгновение пошел не вверх, а влево и вниз, как бы огибая препятствие, потом скользнул вверх и без усилий снес ухо безволосому.

С изумленным вскриком чужак выронил меч, зазвеневший на полу, схватился было за кровоточащую рану, но тут же отскочил назад, увертываясь от еще одного выпада, и... бросился бежать. В три прыжка достиг провала двери, нырнул в него, и через мгновение донесся его крик:

— Мы еще встретимся, щенок!

Затем дверь мягко, без скрипа, закрылась, отрезая звуки, и наступила пульсирующая, пропитанная угрозой и смертью тишина.

Ясена упала на колени возле тела Петряна, разрыдалась. Владей опустил меч, подошел к ней, положил руку на плечо девушки, глядя на застывшее лицо охотника. Петрян не был его другом, но жил рядом, имел жену и двух детей, был сильным и добродушным, хорошим охотником и защитником племени, и терять его было больно.

— Пошли, — глухо сказал молодой волхв, чувствуя на себе знакомый внимательный взгляд. Гора все время разглядывала его и никак не могла определить, кто для нее проникшие в ее утробу россины — друзья или враги.

Ясена послушно встала.

— Его надо похоронить...

— Вдвоем мы не унесем его. Запоминай место, вернемся. И возьми-ка этот меч. — Владей поднял упавший меч безволосого.

— Ни за что!

— Это особый меч. Смотри. — Владей прочертил в воздухе кривую, лезвие меча вошло в стену, сделало глубокий разрез и легко вышло обратно с тихим шипением. — Он рубит сталь и камень. Мне Род подарил точно такой же. Говорят, эти мечи сделаны в другом мире и принадлежат Богам Горы.

Ясена сглотнула слезы, покачала головой, с отвращением взяла меч за рукоять. Глаза ее расширились. Меч был необычайно легким и пел от каждого движения.

— Как я с ним буду идти? В руке держать?

Владей снял с плеча и пояса Петряна перевязь с ножнами, подогнал по фигуре девушки, сунул меч в ножны и закинул ей за спину, чтобы удобно было выхватывать правой рукой из-за плеча.

— Идем.

Ясена печально вздохнула, оглядываясь на тело охотника, и двинулась следом за другом.

* * *

Рузаева найти не удалось.

Вернувшийся Валетов его не встречал и к исчезновению бывшего эксперта отнесся равнодушно, однако заметил, что видел каких-то людей, скрывшихся на лестничной площадке в левом крыле здания. Не верить бывшему пленнику Ствола, человеку, с которым удалось победить «хронохирургов» и сохранить Ветвь времени, то есть всю гигантскую Метавселенную людей с ее вакуумом, звездными скоплениями и планетами, причин не было, и все же он вел себя настолько несимпатично, что Гриша Белый впервые сорвался, наорав на безучастного ко всему Валетова, что тот давно на подозрении и вообще «шпион кардинала».

Что имелось в виду, поняла даже Тая, но она же первая и вступилась за их спутника, резонно заметив, что если бы он был «шпионом кардинала», то есть слугой «санитаров» или самих «хирургов», то не стал бы помогать им сохранить хронобур или раскрылся бы раньше.

Белого никто не поддержал, хотя Жданов имел на сей счет кое-какие соображения. Но он промолчал, промолчал и Федор Полуянов. Костров же вообще не думал о таких материях, как предательство и война с «хирургами». Для него все закончилось давно, они выплыли из далей времен в чужом мире, и следовало приспосабливаться к жизни в нем, если возвращение в свое время было невозможно. И еще в его душе росла тревога за товарища. Иван не верил, что опытный и осторожный Миша Рузаев мог заблудиться или пойти на разведку один. Было ясно, что с ним что-то случилось.

Искали Михаила несколько часов. Потом собрались в пустом круглом зале здания на двадцатом этаже. Ивашура оглядел хмурые лица членов отряда, сказал негромко:

— Миша не мог исчезнуть без причины. Его или захватили... те люди, которых видел Лаэнтир... если видел... или кто-то другой. Либо он погиб.

Тая побледнела, с испугом глянула на Кострова, тот ответил ей успокаивающим и в то же время тоскливым взглядом.

— С этого момента переходим на полную готовность, на режим спецотряда, — продолжал Ивашура. — Что-то мне подска-

зывает, что этот Ствол, несмотря на старость, находится в рабочем состоянии. Вокруг что-то происходит, кипит странная тайная жизнь, просто мы ее пока не видим.

Полуянов хотел что-то сказать, но посмотрел на Жданова и промолчал.

— Пока не выясним обстоятельств исчезновения Михаила, боеготовность будем сохранять днем и ночью, как будто находимся в тылу врага, в разведрейде. Возражения есть?

Молчание было ответом Ивашуре.

— Пойдем таким образом: Гриша и Валетов — впереди, потом Федор, потом Тая с Иваном, замыкающими — мы с Павлом.

— Я с ним не пойду, — бросил Белый, ни на кого не глядя.

— Я пойду, — сказал Жданов.

— А куда мы направимся? — робко спросила Тая. — Везде одно и то же...

— Со двора мы видели участки стены Ствола, имеющие естественный белый цвет. Где-то на высоте сотого этажа или чуть выше. Возможно, там сохранилось работающее оборудование.

— Но мы уже искали там...

— Плохо искали. К тому же этих участков было больше, а мы исследовали только два.

— А как же Миша? Вдруг он придет...

— Куда? Если бы он был ж... в состоянии идти или говорить, он связался бы с нами по рации. Найдем работающий участок Ствола и попросим Стаса поискать Михаила по своим каналам.

Ивашура плохо верил, что им удастся найти работающий контур инка Ствола, но, кроме данного варианта, предложить больше ничего не мог. Впрочем, как не могли бы ничего предложить и остальные члены отряда.

До ночи они успели подняться на девяносто пятый уровень Ствола и приблизиться к одному из загадочных районов здания, сохранивших исконный цвет стен. Заночевали в пустой комнате со множеством белых мягких тюков, напоминающих тюки ваты. Что это была за вата, выяснять не стали, сил на это не осталось ни у кого.

А утром выяснилось, что двое бывших десантников исчезли: Григорий Белый и Лаэнтир Валетов.

ГЛАВА 8

Пути Владея и безволосого чужака пересеклись раньше, чем предполагали и тот, и другой. Но если первая встреча оказалась неожиданной для юного волхва, то вторая — для гологолового,

потерявшего вместе с мечом честь и жаждавшего отыграться любой ценой.

Владей уже понял геометрию Горы: каждый ее уровень-этаж был копией самого нижнего с коридором, пронизывающим Гору по кольцу, и с несколькими круглыми пещерами-залами, от которых отходили короткие коридорчики, выходящие либо во двор Горы, либо наружу. Нарушалась эта геометрия лишь там, где в незапамятные времена происходили какие-то события, не то битвы Богов между собой, не то война Богов с людьми, не то целенаправленное разрушение Горы с помощью взрывов.

Наиболее сильно Гора была разрушена, конечно, в месте разруба ее Палицей Господней. Но обнаруживались сильно искореженные участки, и не связанные с Палицей. Так, встреча Владея с безволосым и его командой произошла в районе гигантской бреши в стене Горы. Огромный кусок здания в этом месте был словно вырван изнутри, вплоть до внутренней стены, затронув сразу два десятка уровней, обнажив коридоры и многие помещения.

Владей почувствовал, что они с Ясеной не одни, когда вышел на край вывала по коридору сотого этажа. Отсюда был виден лес, подступивший к Горе почти вплотную, холмы, небо, а напротив, на той стороне вывала, топорщился выступами и провалами разрушенный неизвестным катаклизмом участок Горы. Завороженные ландшафтом разведчики не сразу обратили внимание на нижние горизонты разрушенной зоны, хотя Владей еще на подходе услышал шевеление духов. Не то чтобы он не придал этому значения, но усталость брала свое, да и сигнал напоминал ш е в е л е н и е медвян. Однако это были не медвяны.

Тремя ярусами ниже, на противоположной стороне вывала, в одном из помещений, у которого отсутствовала перегородка, возле непонятного агрегата со множеством мигающих разноцветных огоньков возились люди: великан-негр с блестящей голой головой, еще один безволосый мужчина, в котором Владей узнал давешнего своего противника с мечом, существо, похожее на человека, но с неестественно широкими плечами и яйцевидной головой, а также двое в одинаковых блестящих комбинезонах; один из них стоял у стены с безразличным видом, второй лежал на рычагах агрегата, опутанный светящимися шнурами. Руки и ноги последнего были прихвачены к рычагам машины черными браслетами.

Незнакомцы и россины обнаружили друг друга одновременно. Разыгралась немая сцена, в течение которой Владей осознал, чем именно занимаются чужаки. Они явно пытали лежащего в объятиях машины. Появление разведчиков застало их врасплох.

Затем что-то повелительно рявкнул широкоплечий яйцеголо-

вый нелюдь, негр поднял в руке черный предмет с длинной трубкой, из которой вылетела яркая зелено-желтая молния, вонзившаяся в стену коридора точно в том месте, где стояли Владей и Ясена, и проделавшая в стене приличную дыру. Но за мгновение до этого сориентировавшийся волхв отшатнулся, увлекая за собой девушку, и они скрылись из глаз стрелявшего.

— Догнать! — щелкнул голосом, как бичом, широкоплечий. — Ликвидировать!

— Я займусь ими, — поспешил заверить командира — это был Тюрьм — бритоголовый. — Это просто местные жители, искатели приключений.

— Ты уже один раз занимался ими, — буркнул негр, пряча «универсал». — Разреши, босс, я их догоню.

Тюрьм дернул яйцевидной головой, что означало согласие, и негр бросился вон из помещения, громадный, массивный, но стремительный и бесшумный, как тень.

— Продолжайте, — кивнул на лежащего Тюрьм. Он был гуманоидом, но жил на Земле какой-то из достаточно «отдаленных» Ветвей времени. — Если ничего не вытянете, ликвидируйте. Впрочем, — он помолчал немного, — ликвидируйте в любом случае, он слишком много видел.

Передвигаясь вразвалку, буквально по-крабьи, но все же быстро и бесшумно, представитель расы иноземлян исчез. Бритоголовый глянул на Валетова, все так же с отрешенным видом подпиравшего стену, и пнул потерявшего сознание Гришу Белого:

— Мне это надоело, приятель. Если уж наша аппаратура не может высосать из него ни капли информации, то я пас.

— Он сотрудник спецназа из Ветви начала двадцать четвертого века, где умеют делать мыслеблоки. Если ваша техника бессильна, то я тоже ничем помочь не могу. Я и так сделал все возможное, усыпив и доставив его сюда. Возвращаться в отряд мне теперь нельзя.

— Ошибаешься, придется вернуться. Они все еще опасны, даже Тюрьм не хочет ввязываться в открытый бой с ними. Вернешься и снова предложишь им подняться на верхние горизонты. В принципе другого пути у них все равно нет. Либо выход на Стаса, либо отказ от поисков и возвращение в леса. Последний вариант хуже, но для нас и он сгодится на крайний случай.

Бритоголовый подошел к агрегату — медицинскому комбайну типа «Гиппократ», используемому в данном случае в качестве пси-сканера, «генератора правды», прошелся по клавиатуре управляющего компьютера. Огоньки на корпусе аппарата замигали чаще, изменили расположение и цвет, сгруппировались в три поля с оранжево-красной гаммой. Это означало, что доза излучения, подавляющего волю и даже рефлексы пациента, увеличена и жизнь его находится в опасности.

— Объект в шоковом состоянии, — прозвучал вежливый баритон машины. — Психика на грани фрустрации. Рекомендую обратный частотный пси-веллинг и вывод из двигательного паралича. Поддерживать данный организм искусственно в подобном режиме могу лишь в течение пяти минут.

— С нас хватит, — прорычал бритоголовый, собираясь нажать красную клавишу на панели.

И в этот момент где-то недалеко раздался взрыв.

Вздрогнул пол, качнулись стены помещения. Бритоголовый вопросительно глянул на встрепенувшегося напарника.

— Ты слышал? Что это?

Валетов пожал плечами, прислушиваясь. Бритоголовый мелкими шажками подскочил к двери, открыл ее, высунул голову в коридор, потом ужом выскользнул в полутьму. Валетов подошел к медицинскому комбайну, мгновение вглядывался в бледное лицо Белого, коснулся нескольких клавишей на панели управления и выбежал следом за приятелем.

Огоньки на корпусе машины стали группироваться в другой узор, цвет их постепенно ушел от красных тонов к желтым и зеленым. Над панелью всплыло облачко света, сформировалось в световую надпись: «Отбой программы. Возврат к норме».

Еще через минуту Белый открыл глаза...

* * *

Владей и Ясена вихрем промчались по коридору до лестничной клетки, бросились вверх, чтобы подняться выше, потом Владей сообразил, что преследователи все равно их нагонят, как-никак они здесь хозяева, а россины — непрошеные гости, и повернул обратно. Единственным шансом уцелеть была попытка сопротивления, причем неожиданная. Следовало напасть на преследователей первыми, чтобы уравнять возможности.

Искал нужное место для засады волхв недолго. Лучшего места, чем лестничная клетка, найти было трудно, к тому же этажом ниже она была полуразрушена. Здесь когда-то, очевидно, прогремел взрыв, и ударная волна повела лестничные пролеты, вырвала из стен крупные куски и обрушила часть потолка.

Ясену, взволнованную, но отнюдь не испуганную, Владей поставил так, чтобы она контролировала выход с лестничной площадки в коридор и могла выстрелить из лука в любой момент. Сам же встал за выступ стены с трещиной, через которую мог наблюдать за лестницей, и выхватил меч. Иллюзий насчет легкой победы он не строил, интуиция подсказывала, что бой будет тяжелым, необычным и долгим, несмотря на наличие у противника оружия, мечущего молнии.

Где-то недалеко грохнуло, так что заколебались стены лестничной клетки. Владей перешел на ясновидение, как бы растворился во всем объеме Горы, превратился в неосязаемое прозрачное облако, свободно проникающее сквозь стены и все твердые предметы. Здешние духи были насквозь чужими, но все же послушно зашептали в уши, прямо в голову, раскрывая местные тайнички, предупреждая об опасности и будущих путях. Владей отметил место нового взрыва — к нему приближались две зыбкие тени с целым набором омерзительных намерений, — пошарил вокруг себя и обнаружил еще две тени, явно жаждущие смерти. Это приближались преследователи.

Кроме них, в поле ясновидения попали еще какие-то движущиеся призраки, но оценивать их угрозу было уже некогда, первый преследователь появился на лестничной площадке этажом ниже. Это был тот самый великан-негр с метателем молний, совсем непохожий на негров-странников, которых видел в своей жизни Владей. Лицо его было человеческим, но в то же время странным, незнакомым, непропорциональным. На этом лице читались сила и жестокость, но сила иная, не такая, к какой привык юный россин.

Негр не ждал сюрпризов, он считал себя хозяином положения, верил, что беглецы несутся прочь со всех ног, не помышляя о сопротивлении, и просто стремился побыстрее выполнить легкую работу — убить непрошеных свидетелей. К тому же он привык считать всех, с кем встречался, слабее себя, поэтому атака двух молодых людей оказалась для него неожиданной.

Конечно, реакция у него была отличная, реакция профессионального убийцы, и он сумел вовремя остановиться, чтобы выстрелить. Но стрела Ясены вонзилась ему в руку, держащую страшный аппарат для метания молний, сбивая прицел, а вторая стрела вошла точно под подбородок. Гигант выстрелил, но тут же схватился рукой за горло, и в тот же миг меч Владея с легкостью, как тростинку, обрубил ему руку с машинкой молний по самый локоть.

Негр взвыл, отскакивая, обрызгав стену кровью, но он был мастером боя и действовал в соответствии с приказом, обладая навыками спецназа своего времени. Боль не помешала ему метнуться к своей отрубленной руке, выхватить черное оружие уцелевшей рукой и трижды выстрелить в проем двери, озаряя зелено-желтыми сполохами темноту лестничной клетки. Если бы россины вовремя не отступили назад, от них остался бы только пепел.

Продолжая стрелять, чужак поднялся по лестнице, держа под прицелом дверь и не позволяя Владею высунуться. Однако он уже слабел, вряд ли видел цель и держался только на силе приказа

яйцеголового командира: «Найти и уничтожить!» И все же Владею пришлось бы туго, если бы великану удалось выйти в коридор. Прятаться там было негде, а искать открытую дверь в одну из пещер по сторонам коридора было некогда. Понимая это, Владей переждал очередной сполох страшного оружия противника. Молния прочертила глубокую борозду в стене и потолке коридора, выплавила стреловидную дыру в противоположной стене — и волхв нырнул вниз, на пол, скользнув на животе к выходу на лестничную площадку с вытянутым вперед мечом.

Они столкнулись на пороге: негр с посеревшим от боли и потери крови лицом и взятым на изготовку метателем молний и россин с мечом, растянувшийся на полу во весь рост, глядя на раненого снизу вверх.

Владей отчаянно рванул меч на себя и вверх, разрубая тело негра снизу между ногами, понимая, что не успевает: дуло метателя молний медленно, как во сне, опускалось ему на спину. В то же мгновение дважды сверкнул холодно-прозрачный струящийся металл, и на пол упала вторая рука негра с оружием, так и не успевшим выстрелить, а затем — его голова. Лицо Владея обрызгала липкая соленая капель, он отвернулся, бледнея, закрыв на краткий миг глаза. А когда открыл, увидел над собой лицо одного из тех, кто стоял у непонятного агрегата с лежащим возле человеком.

— Живой? — проворчал незнакомец. — Везет же тебе, малый, самого Вельзвура нейтрализовал! Вставай, сюда подтягивается Тюрьм со своими головорезами. Бери девушку и уходи в лес, здесь вам не место для прогулок.

Говорил незнакомец на языке, близком к росскому так же, как тот безволосый воин, у которого Владей отобрал меч, поэтому понятны были не все слова, но главное волхв все же понял. Привстал на колено, собираясь задать вопрос: кто вы? Но из-за стены вдруг вывернулась Ясена с луком на изготовку, и Владей едва успел остановить ее.

Незнакомец с равнодушным бледным лицом глянул на нее, покачал головой, прислушался к чему-то, повелительно махнул рукой в сторону леса за стеной Горы и неслышно исчез на лестнице, будто привидение. Владей и Ясена молча смотрели то друг на друга, то на труп великана-негра, то на пустую лестницу.

— Он же... — начала было Ясена.

— Я видел, — еле ворочая языком, ответил Владей. — Но он прав, сюда идут новые убийцы. Пора выбираться на волю.

— Это не их ли следы мы видели у реки?

— Не знаю. В Горе живут и другие люди, я их чую. Да и ты, наверно, тоже. Стоило бы их отыскать, да опасно.

— А может быть, поможем тому мужчине, что лежал в пещере

на рычагах чужой машины? Люди, которые с ним возились... у них очень нехорошая аура — и мысли, и чувства. Может быть, он из тех, из других?

Владей хотел ответить отказом, но, подумав, согласился.

— Пожалуй, так можно добыть гораздо больше достоверной информации. Мы поможем ему, он поможет нам... Пошли!

Ясена, не удержавшись, чмокнула друга в щеку и сбежала по ступенькам вниз, мимо трупа чернокожего убийцы, даже не взглянув в его сторону. Владей покачал головой, шагнул было следом, но, вспомнив стрельбу, вернулся и, преодолев брезгливость, вынул черный и тяжелый метатель молний из второй отрубленной руки негра. Это оружие еще могло пригодиться.

Обойдя разрушенный участок Горы по коридорам ниже этого уровня, они нашли ту самую пещеру с агрегатом, когда лежащий на рычагах машины человек пришел в себя и пытался снять путы и браслеты.

Владей еще раньше перешел в состояние ясновидения, убедился в том, что, кроме пленника, в пещере никого нет, и лишь потом вошел внутрь, тремя ударами меча пробив дверь и заставив ее свернуться.

Лежащий на машине черноволосый смуглый мужчина в блестящем комбинезоне замер, глядя на вошедших, дернулся было к поясу и снова застыл. Глаза его, полные боли и ярости, расширились. Он ожидал увидеть совсем других людей, только не двух юных россинов, одетых соответственно своей эпохе.

— Кто вы?

Снова тот же искаженный росский язык, полный чужих интонаций и ударений, и снова Владей понял смысл сказанного.

— Владей, — указал он на себя, затем ткнул пальцем в раскрасневшуюся спутницу. — Ясена. Мы россины, наш род живет в двадцати верстах от Горы. А кто ты?

Незнакомец, озадаченно вслушивающийся в плавную росскую речь, понял лишь последний вопрос. Попытался поднять руку, но не смог.

— Я из другого мира... пленник Ствола. Вы называете его Горой? Похоже. А зовут меня Григорием.

Владей понял с пятого на десятое; ухватив имя, повторил старательно:

— Григгорие...

Лежащий засмеялся, но тут же перестал, скрученный приступом внутренней боли. Медленно выдохнул сквозь стиснутые зубы:

— Вот дьявол, как эти выродки меня!.. — Глянул на Ясену. — Девушка, что ли? И понесло же вас сюда... Помогите-ка снять эти ремешки, а то вернутся те скоты, и тогда нам несдобровать.

Владей взмахнул мечом, с ювелирной точностью перерезая

путы, удерживающие лежащего на рычагах агрегата, а также металлические на вид браслеты. Освобожденный встал, оказавшись на голову выше Владея, хмыкнул, растирая запястья и разглядывая меч в руке волхва:

— Черт меня побери! Да никак это дриммер! Откуда он у тебя, парень?

— Это лонг-меч, — ответил Владей, ловко кидая меч в ножны за спиной, похвастался: — Он рубит все предметы, даже металл.

— Еще бы, — усмехнулся Григорий, встряхивая кистями, спохватился: — Спасибо за освобождение. Но теперь уходим отсюда в темпе, если хотим остаться живыми. «Санитары» просто расстреляют нас издали, если увидят, и даже дриммер... э-э, ваш лонг-меч не поможет. Жаль, что они увели мой «глюк».

Владей достал из-под полы кафтана метатель молний, протянул черноволосому незнакомцу. Тот вытаращил глаза:

— «Универсал»! Откуда он у вас?

— Мы убили черного великана, — гордо ответила Ясена.

— Что?! Вы... убили негра?!

Владей кивнул, понимая чувства освобожденного человека, подумал и добавил:

— Нам помогли. Один из тех, кто находился возле вас. Вас ведь пытали, правда?

— В точку, малыш. И кто же вам помог? Бритоголовый урод?

— Нет, он стоял в стороне... бледный такой... очень странный, равнодушный.

— Валетов?! Не может быть! — Григорий Белый бросил взгляд на медицинский комбайн, опоясанный зелеными и желтыми огоньками, хотел еще раз повторить «не может быть» и осекся. — Странно... но без чьей-то помощи я действительно не выплыл бы из беспамятства. Кто-то ввел программу возврата к норме. Кто? Валетов? Чушь! Похитить, чтобы потом... — Черноволосый замолчал, лицо его стало угрюмым и озабоченным. — Дьявольщина, неужели они вытянули из меня код связи со Стасом?

— Идемте, — потянул его за рукав Владей. — Сюда идут чужие... недобрые люди, они скоро будут здесь.

— Да, пора, — очнулся Григорий. — Ни черта не понимаю, абракадабра какая-то... Если бы знать еще, куда идти... и рация перестала работать.

— У вас есть друзья в Горе? Я могу отвести к ним.

— Ты что же, можешь здесь ориентироваться?

— Он волхв ступени воина! — снова с гордостью произнесла Ясена. — Он видит жизнь.

— Ясновидящий, значит. Определенно мне сегодня везет. Что ж, ведите, как вас там? Россины? Почти что россияне. Похоже,

фортуна решила с нами не ссориться. А давно вы бродите по Стволу... то бишь по Горе?

— Мы здесь третий день, — сказал Владей, выглядывая в коридор. Остальные вышли за ним, каждый держа наготове свое оружие: лук — Ясена, метатель молний под названием «универсал» — Григорий.

— А не попадались ли вам рабочие зоны? — спросил последний.

— Как? Зоны?

— Ну, участки Горы с защитой, с летающими огнями, всякими механизмами?

— Живые, что ли?

— Вроде того, живые.

— Мы случайно проникли в один из таких уголков Горы, еле ушли.

— Страшно! — добавила Ясена простодушно.

Григорий схватил Владея за плечо железными пальцами, останавливая. Тот не понял, в чем дело, ловко вывернулся, отскочил, хватаясь за рукоять меча.

— Да не дергайся ты, — поморщился Григорий, пристально разглядывая лицо юноши. — Ты в самом деле видел... был в зоне безопасности?

Владей не ответил, считая вопрос лишним.

— А указать дорогу туда сможешь?

— Конечно, сможет, — ответила за друга не менее оскорбленная Ясена.

Григорий с силой помассировал себе затылок, крякнул и сказал проникновенно:

— Милые мои, если бы вы знали, какие вы молодцы!

ГЛАВА 9

Для поисков Валетова и Белого, а заодно и Рузаева Ивашура разбил отряд на две группы, строжайше приказав держать постоянную связь. Идти решили «гребенкой», по двое-трое на каждом этаже, прочесывая помещение за помещением. Другого варианта поисков не предложил никто.

Кострову с Таей добавили Полуянова, а Жданов пошел с Ивашурой, хотя оба согласны были идти по одному, уверенные в своих силах. Но все понимали, что происходит нечто экстраординарное, вокруг кипит тайная жизнь, причем жизнь, враждебная людям, и рисковать больше не хотели. Стало ясно, что в здании бывшего хроноускорителя прячутся недобрые силы, что после Схода Ствола со «струны» хроношахты в нем оказались и

«санитары», бывшие слуги «хронохирургов», поэтому следовало побыстрее определить, остались ли в Стволе рабочие зоны, и выявить силы врага. В том, что исчезновение Рузаева и Валетова с Белым связано с деятельностью этого врага, не сомневались ни Ивашура, ни Жданов.

Поиски начали с девяносто пятого этажа, на котором ночевал отряд. Спустились на три этажа вниз, потом пошли выше. Однако спустя час Жданов подал сигнал внимания, и вторая группа подтянулась к нему, благо до лестничной клетки было недалеко.

— Этажом ниже движется группа, — тихо сообщил Павел, прислушиваясь к тишине коридора. — Трое, среди них одна женщина... вооружены.

Ивашура уже знал о паранормальных способностях бывшего грифа безопасности и не удивился его уверенной оценке. Спросил:

— «Санитары»?

— Не уверен. Они возбуждены, но не агрессивны.

— Может, это Миша с Белым и Валетов?

— Среди них одна женщина, — повторил Павел.

— Уверен?

Жданов наметил улыбку, не желая ничего доказывать.

— Странно, — произнес Полуянов. — Если бы это были Гриша с Лаэнтиром, они давно связались бы с нами по рации.

— Если вы помните, в Стволе еще во время нашего похода встречались люди из других времен, — сказал Костров. — Давайте перехватим их и выясним. Что может быть проще?

Ивашура похлопал Ивана по плечу.

— Смелая идея, воин. Я как-то об этом не подумал.

Иван смущенно глянул на Таю, понимая, что заработал насмешку поделом. Девушка улыбнулась, щелкнула его в нос и поспешила за ушедшими вперед спутниками.

Разведки боем не потребовалось, хотя группа была готова начать военные действия. Среди троих, которых вычислил Павел, оказался Григорий Белый, живой и невредимый, вооруженный «универсалом», но без «глюка». «Раздиратель кварков», как выяснилось, у него отобрали, когда Валетов усыпил товарища и без всякого шума вынес из помещения так, что не услышал никто.

— Здоровый, гад! — покрутил головой Белый, рассказывая позже о своих злоключениях. — Я же вешу больше ста.

Спутниками Григория оказались юноша и девушка, аборигены здешних мест, пробравшиеся в Ствол, в Гору Богов, как они называли его, по заданию старейшины племени и князя. Говорили аборигены на языке, сильно походившем на белорусский — по мнению Ивашуры, поэтому к их речи все быстро приноровились. После чего Владей, так звали парня, смущаясь, но образно

и точно изложил историю племени россинов, а также историю Горы Богов, появление которой привело к Разрыву Бытия, к катастрофе, потрясшей всю планету — Гезем, как называли ее россины.

Слушали его внимательно, в том числе и Гриша Белый, и лишь потом десантник поведал, что с ним приключилось и как его освободили юные разведчики племени россинов.

— Кстати, у паренька дриммер, — кивнул Белый на меч за спиной Владея. — Ума не приложу, как он у него оказался.

— У нее тоже, — коротко проронил юноша, глянув на Ясену. — Отбили у одного безволосого человека, очень дурного.

— Во, даже два! Говорит, медвяны — это такие разумные медведи — нашли склад с дриммерами, очень давно, и утащили несколько штук. Один из них подарил мальчишке старейшина Род, главный их колдун.

— Волхв, — поправил Владей строго.

— Один черт! Второй они отбили у лысого урода, который пытал меня вместе с Валетовым. Вот бы нам найти этот склад!

— Да, это было бы здорово, — согласился Жданов.

— Что такое дриммер? — осведомился Ивашура.

— Эффектор глюонного поля... ну, или, если перевести на человеческий язык, нечто вроде волшебного жезла. Мысленным или звуковым приказом, при преодолении некоего порога или кода его можно превратить во что угодно, от ножа до костюма, спектр трансформаций дриммера очень широк. А «санитары», как видите, превратили дриммеры в мечи, что на данном этапе развития росского племени весьма своевременно. Однако об этом мы еще поговорим.

— Значит, Валетов... — задумчиво произнес Ивашура, не без удивления поглядывая на бесстрастное лицо Владея, за локоть которого цеплялась еще более юная красавица россинка с удивительным именем Ясена. — Валетов — агент «санитаров». Почему же он не помешал нам еще тогда, во время атаки хронобура?

— Потому что он из второго эшелона поддержки «хирургов», — мрачно бросил Жданов. — Его закодировали на случай, если наша атака удастся и Древо Времен сохранит приготовленную «к отсечению» Ветвь.

— Но тогда включение программы Валетова означает, что ничего еще не закончилось?! — вырвалось у Полуянова. — И все еще возможен иной исход?

— Именно так, Федя, — раздался чей-то знакомый холодный голос, и в помещение, где остановились для выяснения ситуации бывшие десантники, вошел невозмутимый Лаэнтир Валетов. Немая сцена была так красноречива, что по узким бледным губам

Валетова скользнула улыбка. Его бывшие товарищи впервые увидели, как он улыбается.

Валетов глянул на Белого, хищно подтянувшегося для броска, но не сделал ни одного жеста для защиты. Сказал, обращаясь теперь уже к Жданову:

— Увы, Федор прав. Даже на этой стадии возможен возврат к прошлому. Древо Времен, то есть Большая Вселенная, не сразу принимает решение о кардинальной переделке самой себя, об «отсечении» Ветвей.

Белый прыгнул... и врезался головой в стену, хотя, казалось, Валетов при этом не сделал ничего особенного, просто отошел в сторону. Белый бросился еще раз и опять промахнулся, а ведь он был мастером боя, способным справиться с дюжиной хорошо тренированных бойцов, насколько было известно Ивашуре. Игорь Васильевич поднял руку с «универсалом», еще не решив, что делать, но Жданов остановил его, сделал жест Григорию, в глазах которого зажегся нехороший огонек.

— Подожди, Гриша. Он сам пришел, пусть говорит.

— Но он же, гад, захватил меня и...

— Успокойся, разберемся. Кто вы, Лаэнтир? Кого представляете?

Валетов сделал шаг вперед, оглядел медленно приходящее в себя воинство Ивашуры, кивнул Владею, как старому знакомому:

— Молодец, парнишка, не поддался панике. Да и девочка твоя молодчага.

Жданов вопросительно приподнял бровь, и Владей, порозовев, сказал:

— Он меня спас.

На лицах присутствующих явственно проступили недоверие и изумление, а по капризным губам Валетова, играющего роль человека, избалованного цивилизацией, равнодушного к человеческим переживаниям, страстям и достоинствам, снова пробежала усмешка.

— Кто вы? — повторил вопрос Ивашура.

— Агент «санитаров» второго эшелона, — ответил Валетов серьезно. — И в то же время резидент тех, кто боролся с экспансией «хирургов» задолго до прорыва хроношахты в другие Ветви. Павел, вы немного знаете их, потому что контактировали с ними еще до похода в Ствол.

Жданов не ответил. Он пришел в себя быстрее других, но как относиться к Валетову, еще не решил.

— У меня мало времени, — продолжал выходец из двадцать первого века «соседней» Ветви времени. — Поэтому давайте быстренько повторим начальные условия задачи — она еще не выполнена до конца, как вы уже поняли, — и наметим план даль-

нейших действий. Бог даст, сообща мы справимся. Конечно, переоценивать свои силы и возможности не стоит, кроме вас, «хирургами» занимаются и другие существа, может быть, многократно превосходящие вас по возможностям. Однако у вас особая миссия...

— Где Миша Рузаев? — перебил вдруг говорившего Иван Костров. — Чую, что ты знаешь.

На круглом лице Лаэнтира ничего не отразилось.

— Он погиб. К сожалению, помешать Лурье я не успел, он неуправляем и способен на любую подлость.

— Кто это — Лурье?

— Один из «санитаров», запрограммированный «хирургами» на уничтожение всех, кто попадется ему на пути.

— Безволосый... — подал голос Владей, быстро схватывающий суть разговора.

Валетов кивнул.

— Да, он абсолютно лысый. В том мире, где он родился, волосы на голове — атавизм.

— Как это произошло? — глухо проговорил Костров. — Ну, с Мишей...

— Потом, — сжал зубы Ивашура, переживая острое желание дать Валетову по морде. — Говорите.

Видимо, его желание отразилось на лице, потому что Жданов успокаивающе тронул Игоря Васильевича за плечо. Понял ли Валетов этот секундный диалог, было неизвестно, его лицо и на этот раз осталось неподвижным, сонным, холодным, чужим.

— Что вы имели в виду, намекая на особую миссию? — спросил Павел, нарушая тяжелое молчание, наступившее после слов о гибели Рузаева.

— Я, конечно, виноват во многом. — Валетов не оправдывался, это было видно, но разрядить обстановку хотел. — Однако я не Бог. В гибели Михаила, может быть, вашей вины не меньше. Слишком рано вы расслабились. Что касается особой миссии... вы остаетесь десантной группой, ответственной за финальную часть операции с «хирургами». Остальные группы в других Ветвях, повторяю — с неизмеримо большими возможностями, выполняют лишь отвлекающие функции и способствуют выводу десанта на цель. Их задачи, вероятно, сопряжены с более тяжелыми потерями.

— Какова же наша цель?

— Не знаю. Моя задача — сохранить группу...

— Хорошо же ты ее решаешь! — бросил Белый. Но было заметно, что он уже остыл и скепсис высказывал по инерции.

Валетов на его выпад не ответил.

— Хроношахта выбросила нас здесь, так сказать, на задворках

чужой Ветви, не случайно. Это, по сути, хронокарман, схрон, свободный или почти свободный от влияния «хирургов».То, что по Стволу бродят «санитары», говорит лишь о многослойности наших пересечений. «Хирурги» просчитали партию на много ходов вперед и не могли не подстраховаться. Но, как говорят у вас на Земле, и мы не лыком шиты. Ваш выход был подготовлен заранее, здесь вас не ждали.

— А как же этот ваш... Лурье?

— Он обычный исполнитель, главный же в данном узле выхода — Тюрьм, функционер «хирургов». Вот он действительно опасен. Итак, я продолжаю рисовать ситуацию. Хроношахта, или Ствол, как вы уже знаете, представляет собой трактрису времен, пространственноподобную линию, или, иначе, многомерное пространственно-временное многообразие «суперструн», соединяющих Ветви Древа Времен.

— Соединявших, вы хотите сказать?

— И да, и нет. Материальное вытаивание Ствола во всех Ветвях завершилось. Например, в данном мире, на родине этих симпатичных ребят, это произошло около десяти тысяч лет назад, породив пространственно-временную патологию — Разрыв Бытия, как говорят они. Естественно, цивилизация рухнула, чтобы начаться почти с нуля. Но вся наша Вселенная — Древо Времен — изначально устроена на реализацию в с е х возможностей, заключенных в каждом предыдущем мгновении, то есть узле ветвления. А Ствол — как пакет виртуальных «суперструн», свернутых измерений, лежит как бы вне Древа, хотя и внутри его. Я понятно изъясняюсь? — Валетов выжидательно умолк.

Федор Полуянов, главный «теоретик» отряда, почесал затылок, переглянулся с Ивашурой, но крякнул и промолчал. Лишь Владей да Ясена ничего не поняли из сказанного, но переспрашивать побоялись, жадно ловя даже не смысл — эмоциональную насыщенность разговора.

— Идем дальше. — Валетов говорил монотонно и ровно, не делая скидок на некомпетентность некоторых слушателей. — После вашего вмешательства в судьбу хронобура, соединившего около миллиарда Ветвей, возникла уникальная ситуация, когда обмен информацией между Ветвями по Стволу происходит только в том случае, когда он... вообще не происходит. Этого объяснить я вам, наверное, не смогу даже с помощью физических формул, потому что такой физики, физики невозможных состояний, ваша земная наука не знает.

— А ты попробуй, — буркнул Костров, чувствуя зябкое вздрагивание плеча Таи.

— Это, в сущности, означает, что Ствол из числа возможностей, реализующихся в каждом последующем ветвлении Древа,

как бы изымает одну возможность — для поддержания себя, но на развитии Ветвей это не сказывается. Так понятно?

— Спасибо, понятно, — отозвался не Иван, а Федор. — У Ствола своя линия развития, «мигающая», виртуальная. Она есть, и ее как бы нет. Но тогда возникает проблема мерности времени...

— Подожди, Федор, — остановил товарища Ивашура. — Не будем залезать в дебри физики процесса. Лаэнтир, скажите лучше, каковы последствия данного состояния Ствола и что нужно делать нам?

— Последствия таковы, что «хирурги» могут контролировать всю сеть связанных Стволом Ветвей и в одной из них собираются запустить Контрствол — для перехвата хронобура. Ваша задача: после вывода группы на цель, то есть на Контрствол, уничтожить его. После чего виртуальная линия Ствола окончательно дематериализуется и мир вернется к первоначальному состоянию.

Белый хмыкнул.

— И мы опять в своем времени построим хроноускоритель, запустим его в прошлое, «хирурги» воспользуются им, и снова повторится все сначала. Нет?

— Возможно, — невозмутимо ответствовал Валетов. — А возможно, и нет. Любое невероятное событие хоть когда-нибудь да реализуется Древом Времен. Однако хочу напомнить всем, что «хронохирургов», по сути, одновременно давно нет и еще нет! Они тоже стали виртуальными, как бы запущенными в поле памяти Вселенной и должны еще только родиться в той Ветви времени, которую пересекла ваша Ветвь, катастрофически изменив ее — до полного вырождения, и в то же время они давно исчезли вместе с породившей их Ветвью, которая «засохла», не успев развиться в полноценную Метавселенную.

— Если их нет, то как же они сумели вмешаться во все события всех Ветвей, соединенных Стволом? —скептически хмыкнул Костров.

Валетов вздохнул, начиная проявлять признаки нетерпения.

— Древо Времен устроено сложнее, чем вы думаете.

— Давайте покороче, — глянул на часы Ивашура. — Вы говорили, что у вас мало времени.

— Я уже почти все сказал. Тюрьм подготовил ловушки возле всех работающих до сих пор зон Ствола. В одну из них случайно забрел этот парнишка. — Лаэнтир кивнул на Владея. — Его выпустили, чтобы он добавил реалистичности готовящемуся спектаклю. Ни в одну зону пройти вам с вашим арсеналом не удастся. Не помогут ни «глюк», ни дриммер. Но если бы и удалось пройти в зону с работающим хронолифтом, вас встретили бы на выходе.

— Понятно, — кивнул Ивашура. — Есть другой вариант?

— Трансгресс.

Теперь уже усмехнулся Жданов.

— Хорошо бы, да только трансгресс ведь, насколько я знаю, есть еще одна линия связи Ветвей, созданная существами из очень далекого будущего Земли. Назвать их людьми не поворачивается язык, хотя по намекам можно судить, что они наши потомки. Но вы же говорите, что вы их резидент? Почему же не можете дать нам координаты трансгресса?

— Я просто жду инструкций. А те, кого вы назвали, хотя и предусмотрели ваше появление здесь, но не знали точного времени появления. Однако, выбрав вашу команду в качестве главного исполнителя операции, они будут подстраховывать вас и впредь.

Наступила тишина. Все переваривали услышанное и не торопились с выводами. Только Павел пробормотал про себя, ни к кому особенно не обращаясь:

— Хотел бы я когда-нибудь узнать, по каким причинам они выбрали именно нас...

— Допустим, мы все поняли, — прервал молчание Белый. — Но остается пара вопросов. Первый: зачем ты меня похитил?

— Я должен был сыграть убедительный спектакль для Тюрьма и его головорезов. Не забывайте, я запрограммированный агент «хирургов». Тюрьм хотел узнать код вызова Стаса, компьютера Ствола, чтобы, во-первых, уничтожить все рабочие зоны, во-вторых, выйти в сеть связи с «хирургами». Сейчас у него нет связи и действует он в соответствии с прежней программой. Кстати, ваш пси-блок преодолеть ему не удалось. Да и я вовремя вмешался, отвлек Тюрьма и Лурье.

— Хорошо, логично. Но если нам нельзя идти в зону и воспользоваться лифтом, что мы сможем сделать? Или ты все-таки знаешь, где находится трансгресс?

— Знаю, — кивнул Валетов после некоторого раздумья. — Вернее, знаю, где он должен быть. Но чтобы дойти и сохранить отряд, нам надо будет совершить отвлекающий маневр, иначе нас не пропустят. Часть отряда атакует одну из зон, якобы не зная о ловушке, а другая часть в это время проникнет в ту часть Ствола, где торчит контур трансгресса. Начав бой, первая группа отступит таким образом, чтобы это было похоже на паническое бегство...

— Логично. — Ивашура оглянулся на Жданова, по лицу которого нельзя было определить, о чем он думает. — Павел, твое мнение?

— Да все вроде бы нормально, — отозвался бывший гриф безопасности. — Я, кажется, догадываюсь, где прячется трансгресс. В дубине «псевдоголема», разрубившей Ствол. Так?

Лаэнтир Валетов в третий раз улыбнулся своей бледной специфичной улыбкой.

— Спасибо за подсказку. Хорошо иметь дело с паранормом... — Он не договорил, стремительно оборачиваясь, выращивая над плечом турель «глюка», но выстрелить не успел.

За его спиной возникла прозрачная человеческая фигура, словно там сгустился воздух, тусклый блик протянулся от фигуры к телу Валетова, и его голова, отделившись от туловища вместе с турелью «глюка», упала на пол. Из шеи ударила тугая струя крови, едва не задев застывших в ступоре десантников. Затем со стуком тело того, кто называл себя Лаэнтиром Валетовым, упало на пол. Со сдавленным криком отпрянула Тая, стоявшая к нему ближе всех.

Прозрачная фигура, обезглавившая Валетова, оформилась в старика в маскирующем комбинезоне типа «хамелеон», с мечом в руке.

— Род! — вскрикнула Ясена.

— Учитель... — пробормотал потрясенный Владей.

— Приветствую вас, други мои! — звучным голосом проговорил старый волхв, небрежно бросая меч (дриммер!) в ножны за спиной. — Долго же я вас ждал. Давайте знакомиться.

Белый искоса глянул на Жданова, словно спрашивая разрешения на действие, но не дождался.

— Вы... — начал Павел.

— Настоящий эмиссар ваших друзей, если вам будет угодно. Этот парень выдал вам почти всю правду, кроме двух моментов: он действительно агент «хирургов», и очень ловкий, раз сумел водить вас за нос так долго, но никак не резидент Тех, Кто Следит. И второе: он сам не знал, где находится трансгресс. Вы, Павел, подсказали ему ответ. Пришлось срочно вмешаться, чтобы он не успел передать сведения своему боссу Тюрьму.

— Господи! — ахнула Тая, сжимая пылающие щеки ладонями. — Лаэнтир — предатель, Миша убит... да когда же это кончится?!

Ясена подошла к ней, обняла, и был этот жест такой естественной иллюстрацией женской слабости, что мужчины невольно отреагировали на него по-мужски: Иван и Владей сделали шаг к подругам, собираясь их успокоить и утешить.

— Он действительно был из двадцать первого века «соседней» Ветви? — кивнул на тело Валетова Ивашура.

— Какое это имеет значение? — пожал плечами Жданов. — Я его уже вычислил, и он решил опередить события. Надо признаться, момент он выбрал удачно. Я почти поверил ему.

— Почему почти? — поинтересовался Белый.

— Он все отлично рассчитал. Убил Михаила, очевидно, как

нежелательного свидетеля, но спас Владея, выкрал тебя, чтобы выяснить пароль связи со Стасом, но, когда не удалось сломать твой пси-блок, сделал вид, что тебя подстраховал, обрисовал нам наше незавидное положение и при этом выдал готовый вариант решения. Что, между прочим, было ошибкой. Он слишком усложнил обоснование своего появления в качестве резидента. Но все же откуда он мог узнать о нашей особой миссии?! Если не был резидентом Тех, Кто Следит?

— Может быть, предательство — не только чисто человеческое приобретение? — усмехнулся Григорий, изучая морщинистое величавое и строгое лицо Рода. — Может, и среди ваших шефов есть предатели?

— Если предательство входит в тонкий расчет, то наверняка есть, — ответно улыбнулся мудрый волхв племени россинов. — Я думаю, утечка информации была допущена преднамеренно. Зачем — узнаем позже. — Род подошел к Владею, не знавшему, как теперь вести себя с учителем, заговорил с ним по-россински. — Прости, сынок, за испытание. Но я не мог открыть тебе всей правды сразу, нужно было, чтобы ты сам узнал ее. Я был уверен, что ты справишься, и не ошибся. Теперь ты волен уйти и рассказать все князю.

— Петрян погиб, его надо похоронить.

— Я уже сделал это.

— Когда?!

— Я шел за вами, но вмешаться не успел. Прости старика еще раз.

Владей смешался, оглядываясь на сгоравшую от любопытства Ясену, потом преодолел робость и спросил с замиранием сердца:

— А можно я пойду с вами, учитель?

Род заглянул в глаза юноши и легонько потрепал его по щеке.

ГЛАВА 10

На подготовку операции прорыва они потратили полдня, укрывшись в анфиладе комнат на сто первом этаже Ствола. Место выбрал Род, заверив, что здесь им будет удобно и безопасно. К тому же он в и д е л передвижение сил противника и всегда мог предупредить об угрозе столкновения.

Жданов, благодаря своим паранормальным способностям, тоже хорошо предвидел опасность, поэтому бывшие десантники, готовые стать ими снова, расположились в недавно работавшей зоне отдыха почти как в гостинице, разве что без удобств, в номере вроде работающего туалета и ванной. Почему эту зону «сани-

тары» не уничтожили, приходилось только гадать. Возможно, предполагали сами когда-нибудь воспользоваться ею.

Во время подготовки и отдыха отряд разбился на «группы симпатий и дела». В одной из них оказались пары: Владей с Ясеной и Костров с Таей.

Разговор здесь зашел на интересующие всех четверых темы. Владей рассказал о жизни племени россинов, Иван в ответ поделился сведениями о своем мире, где существовала Россия. Девушки потом принялись выяснять чисто женские детали — больше вопросов накопилось, естественно, у Ясены, — а мужчины перешли на темы воинских искусств. Владей показал Ивану приемы владения мечом, Костров продемонстрировал искусство рукопашного боя.

В другой группе уединились Род и Павел Жданов. Ивашура не мешал им, понимая, что у обоих накопилось множество вопросов и наблюдений, требующих анализа. Игорь Васильевич справедливо полагал, что все необходимое будет высказано ему в нужный момент. Однако о чем беседовали волхв племени россинов — и он же эмиссар Тех, Кто Следит — со Ждановым, осталось неизвестным. Лишь краем уха заценил Ивашура несколько фрагментов беседы.

— И все же мне до сих пор непонятно, — спрашивал Жданов, — почему Те, Кто Следит, сами не участвуют в войне с «хирургами»? Какой в этом высший смысл?

— Один из ваших знаменитых ученых-физиков, — отвечал Род, — однажды произнес замечательную фразу: «Бог не только играет в кости, но играет преимущественно там, где человек никогда не увидит результата»[1]. Речь шла, разумеется, о принципе неопределенности в творческих играх. Но эта фраза как нельзя более кстати подходит для деятельности Тех, Кто Следит за вами. Понимаете?

— Вы хотите сказать, что они тоже участвуют в игре... то есть войне с «хирургами»?

— Только на гораздо более высоком уровне. Не обижайтесь, каждый из нас должен решать задачу, которая по плечу только ему...

Дальнейший разговор шел тоном ниже, поэтому Игорь Васильевич вовсе перестал к нему прислушиваться. Зато у Ивашуры появилась возможность поговорить с Полуяновым и задать ему несколько вопросов на интересующую тему — о социальном устройстве Земли двадцать четвертого века.

Оказалось, что в мире Федора (Жданова, Белого, Златкова и других), где стало возможным создание хроноускорителя, исто-

[1] С. Хоукинг, американский физик (из книги «Черные дыры», 1978 г.).

рия пошла несколько другим путем, нежели в мире Ивашуры (Кострова, Рузаева, Таисии). Так, в двадцатом веке на той Земле страна под названием СССР не распадалась на десятки независимых государств! В ней никогда не было ГКЧП, войн в Чечне, Таджикистане, Абхазии, Карабахе, да и сами республики СССР назывались немного иначе. Почти все славянские народы, кроме болгар и словаков, жили в единстве, без деления на украинцев, белорусов и русских, и столицей этого этнического монолита всегда был Златоград, расположенный там, где в мире Ивашуры стоял Киев. Москва, правда, тоже была, но как город областного значения, как, впрочем, и Санкт-Петербург, носивший на родине Федора название Невгород.

В двадцать втором веке произошло слияние всех европейских государств, СССР и стран Азии, кроме Китая, в единое материковое образование, исповедующее законы демократии, близкие к идеалам коммунизма, но, в отличие от них, реально действующие. А потом, в двадцать третьем столетии, отпала и сама роль государств как систем защиты национальных, этнических и социальных интересов народов, их населяющих. Образовалась одна система — Земной Пул, управляемый Президентом, который опирался на властные институты правительств, Высшего Координационного Совета, Управления аварийно-спасательной службы, выборных структур типа парламентов и Комиссариата общественной безопасности.

— Да-а, — завистливо протянул Игорь Васильевич, выслушав Полуянова. — Вы там смогли обойтись без революций, не то что мы в России.

— А разве у вас не то же самое? — опешил Федор.

Ивашура улыбнулся и вкратце обрисовал положение на Земле его времени. Полуянов слушал с интересом, хмыкал, но выяснить подробности не успел: отдых закончился. Посерьезневшие, все собрались возле пары Жданов — Род.

— Вопросы? — проронил Павел, оглядев строгие лица товарищей.

— Хотел бы я знать, что за системой боя владел Валетов, — проворчал Белый.

— Будет время, я расскажу о ней, — произнес Род. — На Земле той Ветви времени, где жил Валетов, распространена система тэнгресити-боя, основанная на использовании топологических эффектов формы для наполнения тела энергией и мгновенного изменения положения. В нашем мире это достигается с помощью магии, волхвования.

— Это пока к делу не относится. — Павел взглядом дал понять Григорию, что интерес интересу рознь. — Вопросы по существу операции есть?

— Мы не определили, кто с кем и куда пойдет, — отозвался Костров.

— У меня готово предложение, — выступил вперед Игорь Васильевич, продолжая держать нити управления отрядом в своих руках. — К трансгрессу пойдут четверо: Жданов, две девушки и наш новый юный союзник Владей. Остальные работают по отвлекающему маневру. Думаю, Павел и Владей, обладающие экстрасенсорикой, смогут обойти опасные места и засады, отряд пройдет, не поднимая шума. Нам же, наоборот, нужно пошуметь, создать впечатление серьезности атаки, а потом быстро отступить. Или есть другие варианты?

Белый и Жданов переглянулись, но если у них и были возражения, высказывать их они не стали. За них ответил Род, с уважением оглядев фигуру командира отряда:

— Решение оптимально, Игорь Васильевич, примите мои поздравления. Прошу лишь небольшой корректировки: с командой Жданова пойдут два моих друга.

Наступила тишина. Члены отряда обменялись непонимающими взглядами, Белый насторожился, да и Жданову стало не по себе, потому что его спины коснулся знакомый внимательный взгляд, в котором не было ничего человеческого. Решать — реагировать или нет, надо было быстро, однако в следующую секунду выяснилось, кого имел в виду волхв. Из коридора в помещение бесшумно скользнули две огромные мохнатые фигуры, в которых все узнали разумных медведей здешнего мира.

— Медвяны! — ахнула Ясена.

— Знакомьтесь, — повел рукой Род. — Хорс и Хорив, разведчики медвян, представители новой разумной расы, появившейся на нашей Земле в результате вытаивания Ствола.

Жданов встретил взгляд светлых, с вертикальным зрачком, необычайно умных глаз одного из гигантов и почувствовал, как мгновенно был оценен этим существом. Невольно улыбнулся, кивая медвяну в ответ, словно подтверждая оценку. Медвян тоже слегка наклонил голову, тяжелую, вытянутую вперед, с мощными челюстями, и наблюдавший за этим немым диалогом Род усмехнулся.

— Я думаю, вы поладите, Павел. Они отлично понимают наш язык, а кроме того, способны читать мысли. Моим соплеменникам в скором времени придется с ними считаться и уживаться. Итак, выступаем, коллеги?

Медвяны отступили в коридор, ловко и неслышно, что казалось невероятным при их габаритах и массе. Жданов махнул рукой, первым выводя свой сводный «женско-мужской батальон», задержался на пороге:

— До встречи у трансгресса, друзья. Рискуйте разумно. Кста-

ти, не забудьте, у них есть «глюк». Хорошо бы его уничтожить... вместе с владельцем. — Он хотел добавить что-то еще, но лишь ответил на жест Белого ударом ладони о ладонь.

Оставшиеся подождали шума удаляющихся шагов, ничего не услышали — ходить тихо научились все — и начали еще раз проверять амуницию. Спустя несколько минут отряд выступил в путь.

* * *

Они стояли перед выпуклой белой стеной с затейливой вязью борозд, загородившей все пространство впереди, и молчали. Стена принадлежала боку «псевдоголема», разрубившего здание Ствола сверху вниз почти до основания. Владей называл «псевдоголем» Палицей Богов, и это мифически-эмоциональное определение было недалеко от истины. Только Боги — если иметь в виду Тех, Кто Следит — могли направить отряд десанта на «големах» таким образом, чтобы он вышел, во-первых, в достаточно тихом месте, прямо неподконтрольном «хронохирургам», и во-вторых, уцелел при выходе — хотя бы и ценой разрушения Ствола. Того, что выход «заминирован» эффектами многомерного дублирования и трансформации масштабов, люди в «големах» не знали, зато знали Те, Кто Следит, и послали впереди группы еще один «голем». Именно этот ведущий аппарат и «разминировал» собой законы многомерности, увеличившие его и навеки вписавшие в ландшафт Горы Богов, превратив в гигантскую палицу или балку, которая соединила края кольцевого здания. Теперь отряду Жданова предстояло проникнуть внутрь этой «балки» и найти трансгресс, «парамост межпространственных перемещений», как назвал его Павлу автомат управления.

— Будущее отбрасывает свою тень, — вспомнил Жданов английскую пословицу, пристально разглядывая корпус «псевдоголема» в конце разрушенного коридора. — Знать бы, чье это будущее...

— Что? — оглянулся Владей, с благоговением взиравший на бок Палицы Богов.

— Дошли, — сказал Павел. — Давай настраиваться на поиски входа.

Еще в самом начале пути они решили действовать не вслепую, а, используя приемы ясновидения, попробовать издали определить, в каком конце «псевдоголема» находится трансгресс, а также имеется ли в корпусе Палицы Богов проход внутрь. Для этого они поднялись на пару этажей выше, нашли комнату, выходящую окнами во двор здания, и принялись каждый по-своему раз-

глядывать белую трубу «псевдоголема», пока обе девушки стерегли коридор.

Через полчаса, потеряв уйму нервной энергии, Владей и Павел вышли из инсайта — состояния ясновидения — и суммировали свои впечатления. Оба отметили в центре трубы наличие энергоисточника («внутреннего огня», как выразился Владей) и оба не нашли ни одного отверстия, трещины или скрытого люка. Корпус «псевдоголема» казался монолитным и непробиваемым.

— Что ж, — не расстроился Жданов, — будем действовать просто. Если не удастся войти там, где у нормального «голема» располагается мембрана люка, попробуем проковырять в корпусе дырку.

— А Боги нас за это не убьют? — наивно спросила Ясена.

— Не убьют, — серьезно ответил Павел.

Владей, немногословный и сдержанный, каким и положено быть волхву-воину, только кивнул, полагаясь на опыт старшего спутника.

Теперь они стояли на сто двадцать втором этаже Ствола напротив того места, где у «голема» должен был находиться появляющийся по команде люк, и буравили стену взглядами, пытаясь разглядеть, что там за нею прячется.

До «псевдоголема» они дошли быстро, никого не встретив по пути, ощупывая пространство впереди «щупальцами» пси-полей, прислушиваясь к шепоту духов и колебаниям здания. Но дальше пройти не смогли. Люк, если и был здесь, по команде извне не открывался.

— Придется прибегнуть к грубой силе, — пробормотал Жданов, доставая «универсал». — Конечно, если бы у нас был «глюк», проблем было бы меньше.

Но «глюк» он отдал Белому, поэтому приходилось рассчитывать только на «универсал». А еще Павел не знал, как отреагирует «псевдоголем» на энергетический удар.

— Может быть, попробовать мечом? — предложил Владей.

Жданов оглянулся и хлопнул себя ладонью по лбу.

— Дриммер! Ну конечно! Как я мог забыть о нем. Разреши?

— Я сам, — твердо отвел его руку Владей.

Павел хотел было объяснить юноше, что у него в руках не просто меч, а эффектор любых материально-полевых преобразований, с помощью которого можно не только воевать, но и строить, изменять параметры Среды, синтезировать любые материалы, лечить, превращать его в любые полезные предметы, однако глянул на лицо парня и отступил.

— Хорошо, иди ты. Только будь осторожней. Сначала проткни стену «псевдо»... э-э... Палицы Богов и отскочи на всякий случай. Если ничего не произойдет, сделай четыре разреза...

Владей кивнул и упруго зашагал по коридору к белой стене, обходя обломки обрушившегося перекрытия и провалы в полу. Ясена следила за другом восторженными сияющими глазами, в которых стояли слезы, для нее он был героем, и Жданов улыбнулся в душе. В принципе и по его меркам юноша был героем, достойным поклонения и любви таких красавиц.

Владей не колебался ни секунды. Подобрался вплотную к загадочному боку Палицы и с ходу полоснул по нему мечом. И... ничего не произошло. Меч легко пробил белый материал стены, словно она была сделана из картона, прочертил в ней глубокий надрез. Тогда волхв принялся углублять надрез и вычертил мечом почти идеальный прямоугольник, показав себя хорошим геометром. Когда он заканчивал нижний разрез двери, прямоугольник, обозначенный тонкими линиями разрезов, неожиданно выгнулся пузырем и лопнул с тихим треском, превратившись в облако белого дыма. На Владея пахнуло незнакомыми запахами, холодом, а он, забыв об опасности, смотрел на открывшийся взору тоннель и ждал сурового приговора Богов.

Лишь после этого Павел понял, что юноша действительно герой. Ибо он шел на смерть, будучи уверенным, что Боги не прощают тех, кто вторгается в их обитель без приглашения. Но пошел без колебаний.

Ясена бросилась к волхву, размазывая по щекам слезы, а Павел, встретив удивленный взгляд Таи, коротко объяснил ей, в чем дело. Затем связался с Ивашурой:

— Мы на месте.

— Мы тоже, — отозвалась рация.

— Начинаем?

— За вами никто не увязался?

— Если кто и увязался, мы у цели. Проход в «голем» готов, идем дальше.

— Как удалось?

— Дриммер.

— Ясно. С Богом! Мы начинаем тоже.

Павел отключил связь, подошел к проделанному Владеем проему в корпусе «псевдоголема».

— На разведку я пойду один. Как только отыщу то, что нам нужно, дам сигнал. А вы пока все трое остаетесь здесь. Будете держать оборону в случае нападения. Приказ понятен?

Владей промолчал, и даже девушки не стали возражать против такого варианта, хотя им не терпелось скорее добраться до цели. Не оглядываясь, Павел шагнул в прямоугольный проем, ведущий в кормовой отсек «голема», и скрылся в зеленоватом сиянии его стен, не позволяющем разглядеть внутренности аппарата даже на расстоянии десятка шагов.

* * *

Координаты зоны, предположительно обслуживающей хрономембрану Ствола — его своеобразный лифт, — которые сообщил Владей, совпали с теми, что имел Род: сотый этаж здания, в центре полукольца, ограниченного белой трубой Палицы Богов. К зоне можно было подойти с двух сторон по кольцевому коридору, и первоначально они так и собирались поступить, разделив отряд. Однако это означало неизбежное ослабление десанта и не гарантировало прорыва двух групп одновременно, поэтому Род посоветовал сделать финт: послать с одной стороны медвян, чтобы они подняли шум, а самим атаковать зону с другого направления.

— А они послушаются? — усомнился Белый.

Род отошел к двум мохнатым гигантам, следовавшим за отрядом на некотором отдалении, о чем-то поговорил с ними с помощью жестов, мимики и прямого внушения (медвяны действительно воспринимали мысленные образы людей) и вернулся.

— Все в порядке, они понимают ситуацию. А помогают нам не из-за неких симпатий, а во имя справедливости. Банда Тюрьма терроризировала окрестности давно и уничтожила чуть ли не половину популяции медвян. Они хотят покончить с таким положением вещей. Единственная закавыка: им нечем «шуметь».

— А у вас, как у эмиссара Тех, Кто Следит, разве нет своего арсенала? — недоверчиво осведомился Белый.

— Увы, друг, весь мой арсенал — вот здесь. — Род, улыбнувшись, постучал пальцем по лбу. — Да еще, пожалуй, этот лонгмеч. Но его я отдать медвянам опасаюсь, им могут завладеть наши враги.

— Если «санитары» Тюрьма вооружены дриммерами, нам не прорваться, — меланхолично заметил Белый.

— Вооружены, однако всех свойств дриммеров они не знают, принимают их только за мечи с необычными свойствами.

Ивашура снял с пояса свой «универсал», протянул волхву.

— Передайте медвянам вот это, если они смогут им воспользоваться. Сможет медвян взяться за ручку и попасть пальцем в скобу? Уж больно пальцы у них когтистые.

— Сейчас посмотрим. — Род принял оружие, отошел к своим лесным друзьям. Полуянов и Костров промолчали. У Ивашуры еще оставался «глюк», который ему передал Жданов, а остальные были вооружены «универсалами», хотя боезапаса у каждого едва ли хватило бы на два десятка выстрелов.

Медвяны ушли, растворились в полутьме коридора, направляясь к лестнице, чтобы зайти к зоне «с тыла». Род вернулся, встретил взгляд Ивашуры, кивнул с нежностью и сожалением.

— Они погибнут. Но иного выхода нет.

— Кажется, я тоже начинаю их уважать, — тихо проговорил Ивашура. — Как вы условились с ними о начале штурма?

— У них нет понятия «течение времени», но думаю, минут через десять можно будет начинать. Мы их услышим.

Отряд остановился за полкилометра до зоны, представлявшей, по сути, тот же коридор с такими же дверями, выходивший в круглый зал с трубой лифта, однако э т о т участок коридора с залом все еще снабжался энергией из автономного кварк-кессона и обслуживался автоматикой Ствола. Мало того, участок был заблокирован, чтобы создать у десантников впечатление, будто там внутри действительно находится работающий лифт. Если бы они поверили Валетову и пришли сюда всем отрядом, живым бы не ушел никто, потому что зона была заминирована и готова к взрыву.

— У «санитаров» есть масс-детекторы? — вполголоса обратился Белый к старому волхву. — Если есть, они быстро вычислят, что нас здесь меньше, чем должно быть.

— «Санитары» появились в Горе... м-м, в Стволе, примерно на год раньше вас и освоили, естественно, все его уцелевшие НЗ-склады, тем более оставленные специально для такого случая «хирургами». У них должны быть оружие и техника. Но я знаю лишь о дриммерах, пандавах и герплексах, автоматах типа «черепаха». Многие россины проникали в Гору Богов сквозь Границу Страха, но вышли единицы, мало что видевшие. Те сведения, которыми я располагаю, доставили мне медвяны.

— Что такое пандавы?

— Шестилапые твари — две ноги и четыре руки с необычной змеиной головой, очень сильные и опасные.

— Понятно, мы называем их обезьянозмеями. Да, это серьезный противник. Медлить нельзя, надо начинать штурм.

— Подождем еще немного... — Старейшина россинов не договорил.

Где-то в недрах здания раздался глухой удар, за ним другой, вздрогнули стены коридора, эхо повторило раскаты взрывов, и Род кивком ответил на вопросительный взгляд Ивашуры.

— Медвяны дошли. А наши друзья?

— Они у цели, только что сообщили.

— Тогда пора и нам. — Род вынул меч из ножен. — Я пойду впереди. В стены, потолок и пол коридоров встроены сюрпризы от падающих на голову каменных глыб до фугасов направленного действия, их надо обезвреживать. Когда пройду я, двинетесь вы.

Род на несколько мгновений застыл, превращаясь в бронзовую статую, потом кожа лица его стала полупрозрачной, налилась бледным лунным свечением, седые волосы поднялись шапкой над головой, а сам он стал стройнее и выше. Шагнул в кори-

дор и исчез. Вернее, с невероятной быстротой преодолел метров двадцать. Замер, вслушиваясь в тишину вокруг, снова двинулся вперед в немыслимом темпе, словно перемещался не человек из плоти и крови, а призрак.

Белый, который и сам неплохо владел сверхскоростным ритмом, только крякнул, покрутив головой:

— Дает старик!

Инфракрасной оптики у них не было, а глаза хоть и адаптировались к вечной полутьме коридоров и помещений Ствола, не могли проследить за действиями волхва. Лишь изредка удавалось поймать и зафиксировать отдельные эпизоды его рейда. Ивашура, например, всего дважды смог определить, что делает Род: мечом врубаясь в стены, он обезвреживал какие-то ловушки.

Трижды за время рейда волхва срабатывали фугасы, но каждый раз уже после того, как Род оказывался на десяток метров дальше. Грохот этих взрывов еще не успел отгреметь, как Белый заметил в противоположном крыле коридора какое-то движение и не раздумывая выстрелил туда из «универсала».

— Внимание, сзади киберы!

Ивашура оглянулся, поймал тусклый металлический блик в сотне метров, выстрелил из «глюка» навскидку. Над головой пролетел бесшумный ручей прозрачного огня — это выстрелила «черепаха», догоняющая десантников, однако выстрел Белого помешал ей прицелиться, а трасса «глюка» развалила чудище надвое. Грохнуло! Горячая ударная волна детонации — рванули аккумуляторы кибера — едва не сшибла с ног людей.

— Вперед! — скомандовал Ивашура, и четверка десанта рванула по коридору за Родом, который уже достиг тупика — заблокированного участка зоны — и с философским спокойствием ждал остальных.

Им не пришлось пробивать дверь в стене, она образовалась сама, и навстречу разгоряченным бегом землянам вышла кошмарная фигура с четырьмя лапами и головой кобры — знакомый всем обезьянозмей, не то кибер «хирургов», не то киборг, не то закодированное ими живое существо.

Чисто змеиным движением монстр дернул головой, оглядывая прижавшихся к стенам людей, и выстрелил. Зелено-голубая молния сорвалась с одной из крупных чешуй «бронекостюма» на груди, вонзилась в стоявшего ближе всех Рода. Но волхв каким-то чудом уклонился, подставляя меч, и молния неведомого энергетического разряда отразилась обратно, ударила по светящимся глазам чудовища.

Обезьянозмей издал скрежещущий вопль, отшатнулся, и Род успел достать его мечом: одна из лап монстра упала на пол, задымив, как головешка. В следующее мгновение меч волхва про-

ткнул дверь позади обезьянозмея, которая автоматически свернулась вокруг опоры.

— Сюда!

Десантники нырнули в проем — и вовремя: ослепленный на время обезьянозмей открыл пальбу «из всех стволов». Всполохи молний озарили помещение, в котором оказались люди, зал с тремя черными параллелепипедами, похожими на гробы, такими же черными потолком и стенами. Костров узнал это место: они с Таей когда-то отдыхали в подобном зале, да и с Павлом Ждановым тоже.

— Зал контроля! — воскликнул Иван. — Здесь Павел устанавливал связь со Стасом.

— Отключен, — буркнул Белый. — Причем недавно, мониторы контроля еще теплые. Неплохо было бы поговорить со Стасом, а, командир? Что дальше?

Ивашура молча показал «глюк», намереваясь тут же пустить его в ход, как только обезьянозмей покажется на пороге, но Род остановил Игоря Васильевича:

— Погодите, сейчас его отвлекут.

Сверкание разрядов внезапно прекратилось. Казалось, обезьянозмей наконец увидел, что воевать ему не с кем. Однако увидел он другое. Послышался звук тяжелых шагов, от которых сотрясался пол здания, шаги приблизились. Ивашура рискнул выглянуть в коридор и разглядел контуры черно-фиолетового гиганта, медленно надвигавшегося из темноты. Это был хронорыцарь, может быть, даже тот придавленный своим жутким конем, мимо которого они проходили в лесу, недалеко от Ствола.

Гигант, напоминавший ожившую каменную, грубо отесанную скульптуру с едва намеченными головой, ногами и руками, остановился в полусотне шагов от застывшего обезьянозмея, пристально разглядывая его единственным рубиново светящимся горизонтальным глазом-щелью. Наступила напряженная тишина.

Рядом с головой Ивашуры появились головы Белого и Кострова, которые тоже заинтересовались происходящим в коридоре. Только старый волхв не стал смотреть на разворачивающиеся события, а сразу двинулся к стене помещения, примыкавшего к заблокированной зоне, и принялся разглядывать ее и пробовать мечом.

Тем временем в коридоре начался бой между гигантами, слугами «хронохирургов» и Тех, Кто Следит.

Сначала они опробовали друг на друге свое лазерное, плазменное и электроразрядное оружие, изрешетившее стены, пол и потолок коридора. Если кто и пострадал от попаданий, заметно-

го преимущества это не принесло никому. Все-таки отсутствие коня-кентавра сказывалось на мощи черного всадника.

Затем исполины схватились врукопашную, с легкостью круша друг другом стены здания, окончательно разрушая перегородку и обрушивая часть потолочного перекрытия.

— Сейчас они вломятся сюда и растопчут нас, как козявок, — сказал Белый. — Надо или убираться отсюда, или помочь рыцарю.

В это время Род, буквально обнюхивающий стену зала, в три мгновенных росчерка располосовал ее мечом и толкнул метровый треугольник рукой. С гулом треугольник выпал по ту сторону стены, открывая еще один зал — длинный, гудящий, заполненный белыми шкафами с мириадами огней, столбами, пирамидальными сооружениями, конусами и решетками.

— Все сюда!

Десантники без разговоров ринулись в треугольный проход с толстыми стенами, и в тот же момент в стене помещения, откуда они только что бежали, обращенной во двор, образовалась огромная звездообразная брешь. Стена по краям бреши буквально выплеснулась внутрь комнаты, образовав жидкую корону, тут же застывшую. Часть разряда, образовавшая брешь, с гулом ударила в противоположную стену зала, уже покрывшуюся трещинами, готовую рухнуть, проделала в ней дыру поменьше.

— Мать честная! — влетел в треугольный проход Костров. — Что это было?!

— Эсперы, — буркнул Белый, влетая следом, подскочил к Ивашуре. — Дай на минутку «глюк».

Игорь Васильевич непонимающе глянул на него, потом на Рода, тот кивнул.

— У него профессиональные навыки и реакция воина, отдайте «глюк», пусть попробует снять эсперов, иначе они нас достанут.

— Как эсперы узнали, что мы здесь?

— Кто-то их наводит. Вперед, добры молодцы, пробиваемся дальше. Где-то неподалеку я чувствую живую засаду.

Ивашура сунул «глюк» Григорию, тот ласточкой нырнул в зал, откуда они только что выбрались, исчез из глаз. С грохотом часть стены нового помещения вывернулась десятиметровым цветком лотоса — эсперы продолжали обстреливать здание, целя именно туда, где находились люди. Пока десантники бежали по залу с работающим оборудованием, в его стене появились еще три звездчатых пролома. Затем канонада эсперов стихла.

Запыхавшиеся бойцы отряда ждали ее продолжения у двери из зала, но выстрелов больше не было, а потом в зале появился

Белый, целый и невредимый. Рысцой приблизился, бросил на пол «глюк».

— Каюк обоим. Но стрелять больше нечем, магазин пуст.

Стены зала вздрогнули, рухнул один из шкафов. По-видимому, борьба хронорыцаря и обезьянозмея все еще продолжалась.

— Куда дальше? — спросил Костров.

— В дверь.

— А если снова сквозь стену?

— Там стоит кварк-кессон, реактор зоны, если пробьем изоляцию...

— Вопросов нет. Тогда через дверь.

Род взмахнул мечом, в двери появился шрам, она дернулась, как живая, пошла волной и лопнула. Десантники по одному выбрались в короткий металлический коридор с рядом ниш и светящихся окон, однако преодолеть его не успели. Из каждой ниши вдруг выпрыгнули стремительные тени и бросились на команду Ивашуры.

Их набралось две дюжины, не все они были людьми и даже живыми существами, но все были вооружены лонг-мечами и жаждали одного — расправиться с проникшими на их территорию врагами.

К счастью, бойцы отряда не остановились, будучи готовыми к засаде, к превосходящей численности противника, и выиграли первое столкновение, прорвавшись в конец коридора ценой исполосованных защитных костюмов, легких ран и царапин. Сами же уложили пятерых боевиков засады. Род пробил мечом заблокированный люк, пропустил всех, отбился от приблизившегося урода с плоской головой сколопендры, махнул рукой:

— Уходите, я их задержу!

— Вместе отобьемся, — возразил было Ивашура, но старый волхв яростно сверкнул глазами.

— Уходите! Среди них нет Тюрьма, вооруженного «глюком», и его охраны. Вполне вероятно, что он вычислил Жданова. Мчитесь туда... — Род снова крутанул меч смертельным веером, отбивая атаку очередного «санитара».

— А как же вы нас догоните?

— Я останусь. Я не только эмиссар ваших друзей, но еще и россин. Это моя родина, мой народ, здесь я родился, здесь и умру. Прощайте. Дальнейшую дорогу вам укажут другие, свою же задачу я выполнил.

Несколько мгновений всматривался Игорь Васильевич в гибкую не по летам фигуру волхва, с удивительной легкостью и силой работавшего мечом, и бросил всего одно слово:

— Вперед!

* * *

Внутри «псевдоголема» было светло из-за свечения его стен, перепонок и оборудования, в результате трансформации масштабов увеличившихся в сотни раз. Зная конфигурацию прототипа, в натуре представлявшего собой единый кристалл из особого сверхпластичного материала со встроенным задатчиком форм, Павел легко добрался до середины гигантского аппарата, никого не встретив по пути и не обнаружив ни одной ловушки или смертоносного сюрприза. Видимо, «санитары» так и не сообразили проникнуть внутрь колоссальной трубы, разрубившей здание Ствола, приняв ее за муляж, за пустую оболочку некогда существовавшего реально аппарата.

Трансгресс располагался в рубке «голема» — длинная ажурная колонна из серебристого материала, опутанная лесом растяжек и паутин, которые сливались в красивый и сложный узор. Невольно задержав дыхание, Павел подошел под колонну, глядя на нее снизу вверх, облизал пересохшие губы. Внезапно пришло ощущение, что на него смотрит с высоты некто огромный, тяжелый и неумолимо строгий, не терпящий ошибок, не прощающий неповиновения.

Связь с момента проникновения Жданова внутрь «псевдоголема» работать перестала, но Павел все же вызвал по рации Таю, а потом Ивашуру. Убедившись в отсутствии ответа, осторожно дотронулся до ближайшей растяжки, зная, что никаких паутин, растяжек и самой ажурной трубы на самом деле не существует. Просто трансгресс влиял на чувства человека таким образом, что мозг создавал образы, наиболее адекватные объекту. В тот же момент непреодолимая сила подхватила Жданова и подвесила в центре трубы по ее оси. Павла окружили десятки фигур в зеркальных комбинезонах — его отражения в неизвестной субстанции, — в уши просочился мурлыкающий женский голос:

— Вы находитесь в узле трансгресса системы Зимзама-три. Код перегиба: ба-ум сто одиннадцать тэта аш двадцать три. Ближайший узел перегиба: Аримойя — тридцать три, двенадцать хроноквант-градусов ниже. Ваша масса?

— Секунду, — торопливо выговорил Павел, облившись потом. — Вас разве не предупредили? Я Павел Жданов, Солювелл-три, планета Земля, хронокоординат не помню...

Женский голос сменился на мужской:

— Приветствую тебя, землянин. Кажется, ты наконец выплыл из реки времен на твердый берег.

— Не очень-то он твердый... да и река времен — не совсем точный термин, а вернее, совсем неточный.

— Ты прав, — согласился неведомый обладатель голоса. —

Время — очень тонкое и сложное понятие. По большому счету оно находится вне Бытия, хотя и делает это Бытие возможным. Тебе еще придется разбираться в том, что такое время и как с ним бороться.

— Простите, — пробормотал Павел. — С кем я говорю? Мне почему-то кажется, что в прошлый раз я беседовал с другим че... э-э, *господином*.

Обладатель голоса не удивился вопросу, вообще не выказал никаких чувств:

— Ты общаешься с одним из Тех, Кто Следит за тобой. Не имеет значения, кто с тобой беседовал раньше, все мы разумные клетки одного организма, хотя и носим некие отпечатки личности. Кстати, термин «Те, Кто Следит» не совсем удачен, ибо мы не только следим, но и помогаем и координируем действия всех сил, заинтересованных в сохранении Метавселенных, Ветвей времени, в которых они обитают.

— Как вам удается вычислять мое местонахождение, а тем более провести туда линию трансгресса? Что такое тогда вообще трансгресс?

— Трансгресс по сути — трубка топоса, то есть особое пространство с переменной, вариабельной, топологией. С другой стороны — это процесс преобразования...

— Нет, я имел в виду не физический смысл. Если верить автомату обслуживания трансгресса, то я имею дело с сетью некоего непространственного способа транспортировки материальных тел в любую точку любой Ветви Древа Времен. В таком случае трансгресс кто-то создал для своих целей... Или его создали вы?

— О нет, — с добродушной интонацией рассмеялся собеседник. — Трансгресс создали не мы. Позволительно будет предположить, что возраст этой сложной системы, изредка играющей роль транспорта, сравним с возрастом Древа Времен.

— Но ведь Древо — Большая Вселенная, а она вечна!

— Вечность — не бесконечная протяженность времени, а *бесконечное число конечных времен. Хотя в чем-то ты прав*, землянин. Позволительно будет сделать еще одно допущение: трансгресс — Ветвь совсем иного Древа Времен.

— Не понял!

— Думай — и найдешь ответ. Кстати, ваш Ствол, в сущности, сам стал Ветвью со своими законами, константами, пространством и временем. Если только удастся его восстановить и сохранить.

Павел, перед мысленным взором которого вспыхнула грандиозная панорама только что полученной информации, с трудом заставил себя оторваться от восторженного, с холодком жути, созерцания.

— Извините, я не сразу... но если вы правы... Господи, какие масштабы! Еще раз простите, но ни о чем подобном я никогда не задумывался! Однако почему сами «хронохирурги» не воспользуются трансгрессом? Смогли же вы, да и мы, люди...

— «Хирурги» никогда не смогут воспользоваться трансгрессом в силу соблюдения неких законов, знать которые тебе необязательно. Эта транспортная сеть была создана — если только она действительно не есть Вселенная — существами с иным спектром эмоций и переживаний, которые встроили в систему селективный контур, отсеивающий тех, кто действует во вред другим. Этот контур подразладился, но все еще работает, он с трудом пропустил вас, то есть представителей человечества, еще не избавившихся от груза эгоизма, подлых расчетов, равнодушия, беспредельного желания жить за счет других. Хотя мы вас понимаем. Но вернемся к делу.

— Мне сказали, что «хирурги» не оставили попыток ампутировать нашу Ветвь, то есть Метавселенную, и строят где-то Контрствол...

— Да, это так. Если они запустят свой Контрствол, генератор ретроактивного воздействия, то Ствол будет уничтожен, нейтрализован, а вместе с ним будет ликвидирована и линия связи Ветвей, и хронобур, и с десяток Ветвей «засохнет». В том числе и ваша.

— А ваша?

— Мы слишком далеки от дестабилизированных узлов Древа, хотя этот процесс, конечно, отразится и на нашей Метавселенной. И все же мы уцелеем.

— Тогда почему вы вмешались?

— Мы говорили на эту тему когда-то. В каком-то смысле вы наши предки, и наш мир — мир вашей мечты. Реализованный.

— Как «засыхает» Ветвь?

— В вашем мире этот процесс уже начался, хотя и несколько замедлился, так как ты — ты лично — уцелел и еще обладаешь запасом инвертирования законов. Что касается «засыхания» — происходит всеобъемлющее схлопывание волнового потока Вселенной. Иногда мгновенно, иногда достаточно плавно. Изредка процесс идет рывками, поэтапно: сначала исчезает разумная жизнь, то есть Среда действия социальных законов Бытия, причем во всем объеме Ветви сразу, потом вымирает фауна — на всех бесчисленных планетах, если Метавселенная включает в себя такие системы, как звезды, галактики, их скопления, и наконец гибнет флора. Ну а уж потом начинается распад материальной ткани мира: атомов, элементарных частиц, вакуума... Кстати, вам может представиться уникальная возможность увидеть воочию мир «засохшей» Ветви.

— Почему может? — От обилия информации, которую надо было анализировать, Павел осоловел настолько, что не сразу врубался в смысл сказанного.

— Потому что вы можете отказаться от дальнейшего пути.

— А как же «хронохирурги»? Наш мир, Древо Времен? Другие Ветви?

— Вы готовы идти дальше?

Павел открыл рот, чтобы произнести вслух: готов! — но взял себя в руки, унял дрожь в теле, ледяной озноб. Глубоко вздохнул, и... голос прозвучал неожиданно, не теплый и не холодный, но и не равнодушный — доброжелательный, голос такого далекого будущего, что при мысли об этом замирало сердце:

— Ты сделал выбор, землянин. Благодарить не будем, все мы сидим в одной лодке, как говорят у вас на родине. Ты один?

— Нет, наш десантный отряд поредел, но...

— Мы ждем.

В следующее мгновение Жданов оказался стоящим на полу центрального отсека «псевдоголема», под невозмутимо блистающей трубой трансгресса.

— Я быстро, — пообещал Павел, будто далекий абонент мог его услышать. И тотчас же в душе шевельнулась тревога: ситуация во внешнем мире изменилась.

* * *

Владей почувствовал приближение опасности сразу же после ухода Жданова. Напрягся, заставляя организм работать в состоянии магического озарения — всеведения на пределе.

Внутри Горы шла война с применением мощных энергетических потоков, это мешало сосредоточиться, однако волхв сумел все-таки определить источник опасности, угрожающий непосредственно ему и спутницам.

— Прячьтесь, — приказал он Ясене, также увидевшей скрытое перемещение тьмы. — С двух сторон сюда движутся враги.

Ясена уже показала себя дисциплинированным воином, поэтому отступила к светящейся дыре в боку Палицы Богов беспрекословно, Тая же задержалась, не понимая, в чем дело.

— Объясни ей, — сквозь зубы бросил Владей, чувствуя, как тают драгоценные секунды, необходимые для отступления. Кто-то посмотрел на него оценивающе, юноша сделал шаг вперед, пытаясь проникнуть взором сквозь стены.

Коридор, по которому они добрались до Палицы, был пуст, но где-то рядом продолжала шевелиться тьма, вот-вот грозившая вылиться на свет.

Ясена подбежала к новой подруге, защебетала, подталкивая ее к проходу в глубины Палицы, но было уже поздно.

Одна из черных дверей слева по коридору бесшумно свернулась, и в коридор вышел, мерзко улыбаясь, недавний противник Владея, безволосый чужак, которого новые друзья волхва называли «санитаром».

— Какая приятная встреча, — осклабился он, поигрывая мечом, держа его в правой руке, в то время как из левой выглядывал ствол метателя молний. — Стоять! — Это он бросил уже Тае, дернувшейся к поясу, где у нее был закреплен «универсал». — Стоять, леди, не то я попорчу вашу шкурку. И ты, самочка, не хватайся за лук, не поможет. — Безволосый прищелкнул языком. — Надо же, как мне везет! Искал одну, а получил сразу двух красавиц. Нет, Тюрьм все-таки голова. Проверь, говорит, левый конец этой белой дубины, больно плотно он вписался в здание, не то что правый. Я и проверил.

Язык безволосого отличался и от россинского и от русского, хотя в нем было много родственных слов. Ни Владей, ни Тая не смогли понять всей речи «санитара», однако смысл сказанного уловили.

— Что ж, продолжим разговор, — улыбнулся шире безволосый, подходя ближе. — В прошлый раз ты меня сильно огорчил, молокосос, пора возвращать долг.

В тот же миг он выстрелил в Таю, снова попытавшуюся выхватить оружие. Разряд пришелся ей в грудь, девушка отлетела к стене, упала и осталась лежать без движения. Вскрикнула Ясена. Владей стремительно нырнул на пол и в подкате выбросил вперед меч.

Бой закончился.

Безволосый пытался отбить выпад, но такого приема не знал, и меч Владея, удлинившись вчетверо, пронзил его насквозь, несмотря на защитный комбинезон. Владей нажал, поднимаясь с пола на колено, меч, продолжая движение назад и вниз, разрезал тело «санитара» до паха и возвратился без единого пятнышка. Безволосый с вытаращенными глазами рухнул на пол, заливая его кровью. Понять он так ничего и не успел.

Но это было еще не все. Если бы Владей сразу кинулся под защиту Палицы Богов и затолкал туда Ясену, ситуация могла измениться в его пользу. Однако он промедлил, а когда отреагировал наконец на тревожные сигналы подсознания, было поздно. В коридоре появились еще три действующих лица: великан с широченными плечами и яйцевидной головой и двое высоких существ, затянутых в черное трико, делавшее их почти невидимыми. Они были похожи на людей и насекомых одновременно.

Тюрьм — яйцеголовый, Владей узнал его — без лишних слов

вытянул вперед руку и выстрелил. Владей успел подставить меч, как его учил Род, но это был выстрел из «глюка», отразить который волхв не смог. На месте юноши вздулся сияющий радужный пузырь, лопнул с оглушающим треском, и Владей исчез. Его уцелевший меч со звоном воткнулся в стену. Отшатнувшаяся Ясена, не веря собственным глазам, с ужасом глядела на оплывшую, остекленевшую яму в полу, побелела, внезапно осознав, что это означает, и с воплем метнулась навстречу врагу, дважды успев выстрелить из лука.

Тюрьм не стал тратить на нее энергию «глюка», просто отмахнулся, сломав девушке руку, и прошагал дальше, разглядывая располосованное чуть ли не надвое тело своего подчиненного. Бросил с угрюмым презрением:

— Лурье всегда торопился получить все и сразу.

Жестом командир ватаги «санитаров» послал своих телохранителей вперед. Двое в черных маскировочных комбинезонах молча нырнули в прямоугольник вырезанного Владеем прохода в корпусе «псевдоголема», однако спустя короткое время один из них вылетел обратно с перебитой шеей и уже не встал. Затем на пороге возник Павел Жданов, быстро оглядел поле боя и встретил взгляд яйцеголового эмиссара «хирургов». Несколько мгновений они смотрели друг на друга, держа противника под прицелом. Но у Жданова был только «универсал», а Тюрьм держал в руке «раздиратель кварков», способный любой материальный объект превратить даже не в пыль — в ничто, в глюонное излучение.

— А вот и знаменитый землянин Жданов, — произнес наконец Тюрьм с удовлетворением скрипяще-металлическим голосом, — доставивший нам столько хлопот. Где же ваши друзья, Те, Кто Следит? Что же они не вмешаются, не спасут героя в очередной раз?

Павел молчал, хотя знал ответ. Невмешательство Тех, Кто Следит за ним, в некоторых ситуациях говорило о том, что он мог выпутаться и сам.

Щель на лицевой оконечности головы-яйца Тюрьма раздвинулась — он улыбнулся.

— Или вы рассчитываете на помощь отряда? Не стоит, от него сейчас не останется и пылинки. Сектор заминирован и вот-вот взорвется.

Словно в ответ на слова «санитара» где-то в недрах Ствола рвануло так, что стены здания зашатались и, казалось, сейчас рухнут. Со всех сторон загрохотало, корпус «псевдоголема» со скрипом просел на метр. Жданов прыгнул в коридор, но остановился, следя за стволом «глюка». Он был готов к работе на сверхскорости, но ждал благоприятного момента.

— Не спеши, герой. У меня, собственно, только один вопрос: трансгресс здесь, в этой трубе?

Павел молчал, сделав вид, что внутренне сломлен.

— Похоже, ты нашел его, — продолжал Тюрьм. — Жаль, я не догадался проверить трубу раньше, считал ее пустой оболочкой. Зато я догадался заложить по центру двора хороший фугас. — Улыбка снова раздвинула узкие черные губы «санитара». — Вы, по-моему, там побывали — в моем катере, не так ли? Бедный пандав, сторживший его, помешать вам не сумел. А сейчас я сначала уничтожу тебя, потом взорву катер с трубой и с трансгрессом, естественно, — и все закончится. Неплохая... — Тюрьм не закончил.

Вмешались силы, которые он уже списал со счета, пребывая в полнейшей уверенности, что ситуация находится под его контролем.

Очнувшаяся Ясена, долго целившаяся в него из лука, терпя боль в сломанной руке, выстрелила. Стрела попала Тюрьму в затылок, срикошетировала. Великан оглянулся, выпустив из поля зрения не только Жданова, но и Таю. Выстрел Лурье из «универсала» не пробил ее защитный комбинезон, только оглушил ее, и она тоже ждала своей минуты, уже научившись многим тонкостям боя, как заправский спецназовец.

Тюрьм, обладая мгновенной реакцией, выстрелил назад, но всех возможностей противника он не знал и промазал. Павла на прежнем месте уже не было, луч «глюка» вонзился в бок «псевдоголема», проделав в нем пятиметровый вывал, испарив часть корпуса на глубину в полсотни метров. В ответ сверкнула вспышка «универсала», вонзившего миллион вольт в шею гиганта, и снова факел разряда из «глюка» протянулся к Жданову, уничтожая стену коридора и все, что было за ней.

В третий раз Тюрьм выстрелить не успел. Разряд «универсала» Павла не пробил защитный воротник, но вырубил автоматику костюма, что немедленно сказалось на подвижности хозяина. Он нашел противника слишком поздно. Тая, вскочив и выдернув из уцелевшей стены меч Владея, наотмашь ударила гиганта.

Лезвие дриммера вошло наискось между шеей и плечом Тюрьма и вышло из бока, отделив плечо и руку с «раздирателем кварков». И тотчас же Павел вонзил в это место последний заряд «универсала», развернув тело «санитара», будто консервную банку.

Тюрьм медленно повернул голову к Тае, так что девушка в испуге отпрянула, и завалился навзничь, рухнул с тяжким ударом, словно глыба камня.

Тая выронила меч, заплакала, прижимая тыльную сторону ладони к губам, потом вспомнила о Ясене, подковыляла к ней,

скорчившейся на полу, присела на корточки. К ним подошел Павел и молча обнял обеих.

В такой позе, посреди учиненного боем разгрома, их и застали бездыханные от бешеной гонки уцелевшие десантники: Ивашура, Полуянов, Белый, Костров. Остановились, оглядывая поле боя, засыпали Павла вопросами, примолкли, когда он коротко сообщил о гибели молодого россина.

— Как это произошло? — понизил голос Ивашура.

— Потом. — Жданов очнулся, подобрал упавшие «глюк» и меч Владея. — Быстрее к трансгрессу. Эта тварь приготовила к взрыву свой катер во дворе. Если не успеем...

Мужчины поняли все, бросились к дыре в корпусе «псевдоголема». Игорь Васильевич задержался, кивнул на безучастную ко всему подругу юного волхва.

— А что делать с ней?

— Идите, я догоню. — Павел подошел к Ясене, увидел ее прикушенную до крови губу, решительно достал аптечку с антишокером. Ничего не говоря, чмокнул присоской аптечки к шее девушки, подождал, пока алый индикатор сменит цвет на зеленый, снял аптечку.

Щеки девушки порозовели, в глазах протаяло изумление, они стали осмысленными, хотя боль и горе заполняли их до краев.

— Мы уходим, — сказал Павел. — Сможешь дойти до своих сама?

Ясена отрицательно качнула головой, встала, прошептала еле слышно по-россински:

— Я с вами...

— Что? — не понял Павел.

— Я пойду с вами, — громче повторила девушка. — Там у меня никого нет... Владея убили... я здесь умру. Возьмете?

И в голосе юной россинки было столько тоски и надежды, что Павел не смог сказать «нет».

Они догнали ушедших вперед уже под трубой трансгресса. Все молча смотрели на приближающихся Жданова и Ясену, понимая, что это означает. Потом Тая вышла вперед и бережно взяла девушку под здоровую руку, шепча ей что-то на ухо. Павел вздохнул с облегчением. Объяснить, почему он решил взять Ясену с собой, он не смог бы и самому себе.

Через минуту они все находились внутри стартового объема трансгресса, подхваченные силовым полем.

— До встречи в иных временах, — попрощался с ними вежливый представитель Тех, Кто Следит, уже другой, судя по тембру мыслеголоса, не тот, с кем недавно общался Жданов. — Кое-что успело измениться за последние полчаса. Нам стало известно, что «хронохирурги» попытаются прервать трактрису Ствола, взо-

рвав его выходы в некоторых Ветвях. Как ни странно, это именно ваши Ветви, ваши Метавселенные, то есть родные вам времена и планеты. Вы должны помешать их планам.

— Как? — за всех спросил Павел.

— Решать вам, каждому в силу своих возможностей. Больше я ничего не успею вам сообщить. Мина под нами в центре двора сейчас взорвется. Желаю всем удачи!

Ответить неведомому союзнику никто не успел. Трансгресс включился, и началось стремительное падение — или взлет? — каждого в бездну...

Часть II

ВЕРБЛЮДЫ ТАНЦУЮТ...

ГЛАВА 1

На фоне глубокого звездного купола небосвода Башня казалась провалом в преисподнюю. Не здание исполинских размеров — гипертрофированно жуткое явление инфернальных сил, решивших потрясти человеческое воображение невиданными масштабами и кошмарными тайнами. С другой стороны — априори было известно, что Башня создана людьми. Или их потомками. Потому что ни у кого из исследователей не оставалось сомнений, что она каким-то образом связана со временем, точнее, с прошлым человечества и с его будущим.

Где-то далеко раздался долгий тоскливый звук, полуплач-полувой. Стих. Веронике стало зябко, несмотря на теплую летнюю ночь. Она передернула плечами, но взгляда от черного провала не отвела. Ее спутник почувствовал смену настроения женщины, успокаивающе сжал локоть.

— Это всего лишь выпь.

Вероника благодарно улыбнулась. Старик Гришин почему-то взял симпатичную дикторшу Центрального телевидения под свою опеку, считая личным долгом посвящать ее в проблемы исследования Башни. Иногда это становилось обременительным. Но Вероника не сердилась на академика, разделяя его увлеченность, эмоциональность и... печаль по Ивашуре, начальнику экспедиции, пропавшему без вести возле стен Башни почти полгода назад.

Женщина вздохнула. Игорь Васильевич, Игорь Васильевич, где же ты теперь? Почему молчишь, почему не подашь весточки?

И когда вернешься?.. Вероника была уверена, что Ивашура жив. Несмотря на официальное заключение: «Погиб вместе с другими членами исследовательской группы в составе: полковника Федеральной службы безопасности Одинцова, капитана ФСБ Штерна, сотрудников Центра по изучению быстропеременных явлений природы Михаила Рузаева и Сурена Гаспаряна...»

Да, следов от них не осталось никаких, к тому же вернувшийся из вылазки к Башне второй помощник Одинцова майор Сысоев подтвердил факт их гибели, но сердце... сердце не соглашалось с этим заявлением. И Вероника ждала, приезжая в Брянские леса на свидание с Башней каждые две недели.

Мысли свернули в другое русло.

Со времени исчезновения (гибели?) отряда Ивашуры произошло множество событий, удивительных и ужасных, трагических, драматических, изредка приносящих впечатление успеха и подъема, но чаще — сталкивающих человека, утверждавшегося в самомнении повелителя природы, с чудесами, которые он не мог не только одолеть, но даже объяснить и понять.

В январе Башня начала сжиматься, одновременно увеличивая активность. «Глаза дьявола» — источники жесткого рентгеновского и гамма-излучения, «мертвые выбросы» — струи неизвестной субстанции, превращавшие любые предметы из любого вещества в полиметаллические болванки, «призраки» — удивительные объемные светящиеся фигуры, насыщенные электричеством, «телеэкраны» и другие чудеса Башни стали появляться чаще и в бóльших масштабах. Что, к слову, привело к жертвам среди исследователей, не готовых к резкому возрастанию активности гигантского сооружения.

После каждой пульсации Башни происходили подвижки почвы в округе в радиусе полусотни километров, изменился рельеф, появились холмы и новые долины, в ряде мест ручьи и реки пробили себе новые русла, но главным бедствием при этом оставались землетрясения, разрушающие города, заводы, линии электропередачи, газопроводы и трубопроводы разных назначений и калибров. Жители стали покидать райцентр, Жуковка превратилась в зону отселения, беженцы из других городов и сел, начавшие было обживать ее, потянулись в другие районы России, подальше от жуткой громады, грозящей невиданными катаклизмами.

В конце февраля активность Башни достигла максимума, и хотя она к тому времени сжалась уже вдвое, уменьшив диаметр до двух километров, находиться даже в десяти километрах от ее стен было небезопасно. А поскольку добиться взаимопонимания с обитателями Башни не удалось — в контакт с людьми ни пауки, ни черные всадники на «кентаврах», ни странные птицы, формой

напоминавшие скатов, не вступали, — на самом верху, в правительственных кругах, дали команду попробовать свои силы военным и Федеральной службе безопасности. В результате восьмого марта, аккурат в праздник всех женщин Земли, по Башне был нанесен с воздуха ракетный удар: девять «СУ-37» Брянской зоны ПВО выпустили одновременно со всех сторон восемнадцать ракет «Х-59».

Момент пуска совпал с очередной пульсацией Башни, и фейерверк получился впечатляющий.

Все ракеты попали в цель (лишь одна не взорвалась), в воздух взлетели гигантские фонтаны огня и дыма, но... после того, как «извержение» Башни закончилось, взорам потрясенных людей предстало практически чистое, неразрушенное здание без тех дыр и проломов, рухнувших стен и груд вывороченных блоков, которые все ожидали увидеть после попаданий и взрывов.

Конечно, уже было известно явление «флаттера», процесса, очищающего, ремонтирующего стены Башни, но чтобы «флаттер» смог восстановить разрушения подобных масштабов — такого не ожидал никто.

Вероника знала, что в недрах военных кабинетов зрел и другой план: нанести по Башне ядерный удар, но пока что никто не решился воплотить его в жизнь. Да и в принципе острота проблемы была несколько снята некоторым снижением таинственной деятельности хозяев Башни. Однако в апреле произошло уж и вовсе неожиданное событие: Башня взорвалась изнутри! Правда, по поводу этого до сих пор шли споры, многим наблюдателям показалось, что на гигантское здание сверху спикировала огромная, длиной метров двести, ракета. Она вонзилась точно в центр кольца, коим представлялась Башня с высоты, исчезла, а уж потом, через пятнадцать-двадцать секунд, и раздался взрыв, расколовший здание на пять частей. С тех пор Башня стала похожа на удивительный рукотворный цветок, своеобразный «бутон лотоса», перестав светиться, стрелять, искрить, демонстрировать свои чудеса, она оставалась тем не менее опаснейшим объектом исследования. «Глаза дьявола» и прочие шумные, смертельно опасные дела прекратились, но «мертвые выбросы» нет-нет да и заставали исследователей врасплох. Вдобавок появились новые сюрпризы, такие, как «блуждающие зоны ужасов», стреляющие по любой движущейся цели механические «черепахи» и «скаты», а также гигантские шестиметровые монстры, похожие на двуногих и четырехлапых чешуйчатых обезьян с головами змей. Вероника сама видела такое чудовище, и оно произвело на женщину неизгладимое впечатление. «Господи! — подумала она тогда. — Каково же Игорю там, внутри?»

Она все еще считала Ивашуру живым и молилась в душе, чтобы никакие монстры не помешали ему вернуться.

К лету произошли изменения и в социально-бытовой сфере экспедиции. Не выдержав нагрузки, ушел директор Центра Богаев, на место Ивашуры был назначен доктор физико-математических наук Тьмаревский из ФИАНа (Физического института Академии наук), сменился и куратор со стороны правительства: вместо ушедшего на покой Старостина появился представитель Совета безопасности Козюля, энергичный человек, бывший генерал. А старик Гришин остался, не желая, впрочем, занимать ни один из официальных управляющих постов. Академик был исследователем, ученым и хотел нести этот крест до конца своих дней.

Невидимый, протарахтел в стороне над лесом вертолет, и снова наступила тишина. Звери и птицы покинули этот край давно, еще прошлой осенью, и уже не возвращались, даже насекомые не хотели селиться в болотах и лесах, словно понимали угрозу, исходящую от полуразрушенной, но все еще непредсказуемо опасной Башни.

— Пойдемте, Вероника. — Пальцы Гришина легонько тронули локоть женщины.

Она вздохнула, отрывая взгляд от черной бездны над лесом, поискала Полярную звезду, рассмеялась с дрожью в голосе.

— Интересно, с какой звезды они все же прилетели?

Гришин понял. Наряду с основной — временной — концепцией, объясняющей явление Башни, существовала версия ее космического, внеземного происхождения. Сам академик склонялся к первому варианту, но в среде ученых не было единства, и теорий хватало, хотя ни одна из них пока не претендовала на истину.

— У писателей конца прошлого века Стругацких была повесть «Пикник на обочине», помните? — продолжала Вероника, пока они медленно спускались с холма к дороге, где их ждал экспедиционный «уазик».

— Фантастику не читаю, — ответил Гришин извиняющимся тоном. — Пробовал в детстве, а потом...

— Так вот в повести рассказывается о том, как Землю посетили инопланетяне-негуманоиды, провели эдакий пикничок, оставив после себя зоны с неземным мусором, особо опасным. В принципе Башня может претендовать на звание такой зоны.

— Я все же убежден, что Башня — явление земного плана, несмотря на выходы из нее разных страшилищ, и связана она с прорывом временного барьера. Слишком много фактов указывает на это.

Вероника села в машину, следом, кряхтя, влез Гришин, заур-

чал мотор, «УАЗ» медленно, раскачиваясь на колдобинах и буграх, пополз прочь от гигантской аномалии (Башня изменила все параметры Среды вплоть до геомагнитной обстановки). Солдаты поста, охранявшие въезд на территорию запретной зоны, проводили машину глазами и закурили. Они давно привыкли к опасному соседству и не реагировали на торчавшую над лесом громаду.

В кабине машины воняло бензином и карболкой. Вероника сморщила носик, заметила взгляд водителя в зеркале заднего обзора и улыбнулась.

— Отвыкла от запахов цивилизации.

— Скорее наоборот — от запахов нецивилизации, — авторитетно возразил водитель, молодой парень, обрадованный возможностью поговорить с красивой женщиной. — У вас там в Москве, наверное, запахи совсем другие, я имею в виду телестудию. Ну а как вам наша Башня?

— Манит, — Вероника подумала, передернула плечиками, — и пугает. Сама не знаю почему, но меня действительно тянет сюда. Вот и приезжаю каждый месяц, как на свидание.

Подвывая мотором, «УАЗ» выбрался с проселочной дороги на асфальтовую ленту, новую, уложенную всего месяц назад, но уже исполосованную трещинами, и через несколько минут миновал еще один пост — милицейский, на въезде в город.

Лагерь экспедиции располагался на окраине Жуковки, в двенадцати километрах от Башни и всего в двух от отгороженной зоны отчуждения. Он был мобилен и мог в любую минуту сняться и переместиться на другое место. Состоял лагерь из двенадцати огромных спецфургонов финской фирмы «Миккели», дизеля, трех трейлеров Академии наук, в которых находились пять лабораторий и компьютерный центр, а также машины связи и двух БТРов охраны. В одном из фургонов, использующемся в качестве гостиницы для важных визитеров, представляющем собой жилой бокс: четыре комнаты со всеми удобствами, кухня, столовая на двенадцать человек, комната отдыха с телесистемой, она же конференц-зал, — жила Вероника.

— Пойдемте пить кофе, Константин Семенович, — остановилась она у длинной, тридцатиметровой, белой с красной полосой сосиски фургона. — Время еще не позднее.

Гришин посмотрел на часы и согласился:

— Думаю, жена бы не возразила.

На пороге фургона им повстречался сурового вида молодой человек, окинул ведущую телепрограммы новостей цепким взглядом, молча посторонился, пропуская. Вероника узнала его, это был тот самый майор ФСБ Максим Сысоев, помощник полковника Одинцова, единственный уцелевший из всей группы Ивашуры. В последнее время Вероника начала замечать с его сторо-

ны особое внимание к себе, выливающееся, правда, пока что в странные многозначительные взгляды и частые встречи, как бы невзначай. Вот как сейчас. Это не особенно беспокоило бы женщину, привыкшую к мужскому интересу, если бы не одно обстоятельство: майор Сысоев в отличие от остальных представителей мужского пола — официальных, военных и гражданских лиц — даже в начале лета, в тридцатиградусную жару был наглухо запакован в костюм и носил рубашки только с длинными рукавами. Почему-то именно данный факт тревожил Веронику больше всего. И еще она была уверена, что майор знает об исчезновении отряда Ивашуры гораздо больше, чем доложил руководству экспедиции.

Открыв дверь своего гостиничного номера, Вероника пропустила академика, бросила вызывающе-ироничный взгляд на все еще рассматривающего ее майора и захлопнула дверь. Проговорила сквозь зубы:

— Мерзавец! Смотрит словно удав на кролика.

— Это вы о майоре? — уточнил Гришин, с удовольствием усаживаясь в плетеное кресло-шезлонг. — Да, неприятный молодой человек. Мне приходилось с ним сталкиваться.

— А вы заметили, как этот майор одет? Темно-серый костюм, глухая синяя рубашка, застегнутая на все пуговицы, красный галстук... и это в такую жарищу!

Гришин, одетый в бежевую рубашку с короткими рукавами и шорты, улыбнулся.

— Ну, у каждого свои причуды. Мерзнет человек, может быть, или статус обязывает быть человеком в футляре. А что мы будем пить?

— Можно открыть вино, у меня есть «Хванчкара», или заварить чай, кофе.

— Тогда лучше чай, кофе на ночь мне вредно, а для вина нужна причина.

Вероника быстро приготовила чай для Гришина и кофе — для себя, накрыла стол, зажгла бра на стене, и они принялись чаевничать, поглядывая на экран телевизора, встроенного в нишу. В комнате стояли четыре кровати, по две — одна над другой, стол, четыре стула, тумбочки были встроены в стены, шкаф для одежды тоже, и тем не менее походной солдатской казармой комната не выглядела, в ней было уютно и прохладно. До вселения Вероники здесь обитала девушка, сотрудница какого-то института, но она уехала, и Вероника жила пока одна.

— И все-таки, Константин Семенович, — проговорила она задумчиво после недолгого просмотра программ телепередач и выключила телевизор, — вот мы все говорим, говорим, что Баш-

ня связана со временем, вернее, с путешествием во времени... а что такое время вообще?

— Это называется вопрос на засыпку, — пробормотал Гришин.

— А все-таки?

— Как сказал философ: время — понятие, необходимое для описания чего-то происходящего с Я или внутри Я.

— Красиво, но непонятно.

Гришин рассмеялся.

— Я сам вряд ли смогу объяснить внятно, что такое время. Существует множество концепций времени, и все они не идеальны, хотя, может быть, некоторые и близки к истине.

— Например?

— Ну, например, субстанциональная, реляционная, динамическая теории... статическая, субъективно-психологическая... и так далее.

— Константин Семенович, я не специалист в физике, поэтому раскройте суть этих идей попроще и не увиливайте от ответа.

Гришин развел руками, состроив комическую гримасу: вот, мол, получил ни за что.

— Я же вам говорю, Вероника Даниловна, я специалист в несколько другой области знаний и сам мало что понимаю в физике времени. Другие ученые и коллеги, впрочем, тоже. Ну хорошо, попытаюсь. Субстанциональная концепция определяет время как особую субстанцию наряду с пространством, веществом, излучением и полем. Так нормально?

Вероника не выдержала тона и рассмеялась.

— Так нормально. Во всяком случае, мне все понятно.

— Идем дальше. Реляционная гипотеза толкует время как отношение или систему универсальных устойчивых отношений между физическими событиями. Очень заманчивая гипотеза, но с изъянами. Динамическая версия: время — изменение порядка событий...

— Ну, это я еще со школы помню. Будущее превращается в настоящее и прошлое.

— Именно так, уважаемая Вероника Даниловна. Хотя никто не знает, п о ч е м у будущее превращается в прошлое, ч т о его заставляет. Наконец, статическая теория: время — скольжение сознания мыслящего индивидуума вдоль мировой линии, где события располагаются друг за другом, как точки с определенными координатами в пространстве.

Вероника оживилась.

— Вы хотите сказать, что по этой теории порядок вещей во Вселенной жестко закреплен, а мы, точнее, наше сознание мчится

мимо? Ощупывает, так сказать, дорогу в будущее? И все уже известно заранее? Кому известно в таком случае?

Гришин с уважением оглядел раскрасневшуюся собеседницу, хмыкнул.

— Надо признать, вы задаете весьма интересные вопросы, Вероника. На них нет ответов. По этому поводу могу привести вам лишь высказывание одного из ученых недавнего прошлого: «Для Бога нет будущего, ибо Он ничего не ожидает, и нет прошлого, ибо для Него ничего не происходит»[1]. Понимаете? Если Вселенную создал Бог, то лишь он знает, что такое время. Мы же всегда будем знать не всю, а только часть истины. Почему бы нам не остановиться на определении Достоевского? «Время есть отношение бытия к небытию».

— Время есть отношение, — повторила Вероника, — бытия к небытию... Хороший афоризм. Может быть, с очень мощным философским подтекстом. Надо будет поразмышлять на досуге. Ну а другие гипотезы?

— Другие не менее... — Академик не договорил.

Где-то на территории лагеря зародился шум, раздались возбужденные голоса, лязг железа, стук дверей, топот. Кто-то закричал, бахнул выстрел, взревел двигатель вездехода.

— Эт-то что еще такое там творится? — Гришин вскочил.

Вероника дотянулась до селектора связи и повысила голос:

— Юра, что случилось? Что за паника? Приехал кто или ребята решили повеселиться?

— Говорят, возле Фокина солдаты оцепления перехватили группу людей, идущую от Башни.

Ухнуло вниз сердце, заложило уши. Вероника побледнела.

— К-какую группу? Сколько их? Кто?!

— Трое в каких-то блестящих комбинезонах. Один из них — Игорь Васильевич Ивашура, бывший начальник...

Еще не смолк голос дежурного, а Вероники уже не было в комнате. Простучали каблучки ее туфель по коридору, хлопнула дверь.

— Чудеса! — покачал головой Гришин, и тут только до него дошел смысл слов: вернулся Ивашура!

ГЛАВА 2

Обычно путешествие по линии трансгресса сопровождалось провалом сознания: падение в пропасть, вспышка света, истома, небытие — и вот они уже за тысячи и миллионы парсеков от

[1] Иоанн Скотт Эриугена.

места старта, за миллионы и миллиарды лет. Нынешний же старт Ивашура помнил до мельчайших подробностей, а еще ему показалось, что его бессчетное количество раз «пересаживали» с одного вида транспорта на другой, пока наконец капсула трансгресса (сгусток поля? тахионный луч? процесс перегиба координат?) не достигла родной Метавселенной, родной Ветви времени и не затормозила, выбросив хрупкий свой груз — людей — в материальность и реальность бытия...

Потрясенный, он таращился в темноту, ничего не видя и не понимая, пока не почувствовал рядом движение и дыхание. Напрягся, дотягиваясь до пояса с оружием, вдруг сообразив, что лежит на твердом, а лицо овевает теплый ветер с запахами трав и цветов.

— Куда это мы врезались? — раздался недовольный голос Кострова, и Ивашура с облегчением расслабился. — Тая, ты как?

— В порядке, — отозвалась девушка. — Где Игорь Васильевич? Ничего не вижу.

— Здесь я, — откликнулся Ивашура. — Поздравляю, десантники. Кажется, мы прибыли точно по расписанию и в нужный квадрат. Вот только уходили мы зимой, а вернулись, судя по всему, летом.

Они полежали немного, привыкая к положению, к запахам и звукам, разглядели звездное небо над головой и глухую черную стену, скрывшую половину небосклона, и поняли, что выпали из трансгресса ночью возле стены Ствола.

Идти никуда не хотелось, вообще не было желания напрягаться, бороться с силами зла, кому-то что-то доказывать, организовывать и работать, но Ивашура заставил себя собраться и убедил в необходимости этого спутников. Через полчаса они уже шагали прочь от остывшей громады Ствола, к лесу, за которым шатром вставало сияние города, к людям. Никто их не заметил, никто не попался на пути. Еще через два с лишним часа их обнаружили возле деревни Фокино, на границе отгороженной зоны, солдаты патруля.

На счастье Ивашуры, Кострова и Таи, первыми с ними встретились не сотрудники ФСБ, а работники экспедиции и журналисты. Поэтому засекретить выход группы из Башни новому начальнику службы безопасности, которым стал майор Сысоев, не удалось. Чем объяснялась подобная нерасторопность службы, заинтересованной в сокрытии тайны, стало известно позже, а пока майор, поднятый по тревоге дежурным по лагерю, скрепя сердце слушал вместе со всеми рассказ бывшего начальника экспедиции в одном из фургонов лагеря, битком набитом людьми.

Рассказ длился недолго, около двадцати пяти минут, Ивашура был немногословен, что вполне объяснялось усталостью вернув-

шихся «с того света». Отчасти это было верно, однако истинной причиной лаконичности Ивашуры было то, что он знал о присутствии на пресс-конференции агента «хирургов» и тщательно подбирал слова, чтобы не наговорить лишнего. «Санитары» здесь, в Брянских лесах, должны были оставаться в неведении относительно знаний вернувшихся, а тем более их нового задания. Что реакция последних последует в ближайшее время, Ивашура не сомневался и был готов к этому. Были готовы и Тая с Иваном, хотя очень хотели отдохнуть, пожить в атмосфере спокойствия и уюта, в домашней обстановке, с родными и близкими.

Вероника не отходила от Игоря Васильевича ни на шаг, что и радовало, и тревожило Ивашуру. Он не хотел посвящать ее в свои опасные тайны и в то же время жаждал остаться с ней наедине, выговориться, получить поддержку и одобрение, а если и не рассчитывать на серьезность отношений, то хотя бы расслабиться в компании с той, о ком не раз думал во время похода по Древу Времен.

И все же, как ни спешил он закруглиться, путешественников по Башне, оказавшейся своеобразной машиной времени, а точнее — шахтой времени, отпустили только в четвертом часу ночи. Возбужденные исследователи феномена, ученые, сотрудники многих институтов и Центра по изучению быстропеременных явлений природы, бойцы спецназа, обслуживающий экспедицию персонал, представители официальных кругов — расходились по своим комнатам нехотя, возбужденные чудом возвращения пропавших без вести и их не менее чудесным рассказом о сути Башни.

В каюте для совещаний руководства экспедиции остались семь человек: Ивашура, Иван, Тая, Вероника, майор Сысоев, заместитель секретаря Совета безопасности Козюля и новый начальник экспедиции Тьмаревский, кругленький, маленький, лысый, но с длинной «курчатовской» бородой. По всему было видно, что он испытывает адские муки сомнений и недоверия, однако в отличие от скептически настроенного Козюли доктор физматнаук из ФИАНа ни одного вопроса не задал и слушал рассказ Ивашуры внимательно.

— Гмм-кхе-кхе, — прокашлялся он, когда в комнате остались только непосредственные руководители исследовательского контингента. — Э-э... м-м-м... в общем, я думаю, картина ясна...

— Да-а-а! — проговорил Козюля, с силой хлопнув себя по ляжкам, встал, оглядел всех. — Будем разбираться со всем этим на свежую голову. Отдыхайте пока, располагайтесь в здешней, так сказать, гостинице. Пойдемте, Лев Давыдович.

Тьмаревский подхватился со стула и шариком выкатился за дверь. За ним, поколебавшись, вышел молчавший все время

майор Сысоев, бывший помощник Одинцова, одетый как на прием.

Путешественники по хроношахте Бича Времен переглянулись.

Иван поднял брови, кивая на дверь. Ивашура кивнул в ответ, понимая Кострова без слов. Майору Сысоеву явно было что скрывать под пиджаком. Вероника, не понявшая этой пантомимы, произнесла с сожалением:

— Ну, я тоже пошла. Тая, идемте со мной. Я одна в номере, а коек четыре, разместимся нормально. Умоетесь, отдохнете.

Тая оглянулась на Ивана, получила молчаливое одобрение, и женщины вышли.

— Итак, будем располагаться и мы, благо здесь есть две койки. — Ивашура ткнул пальцем в потолок, на стены, показал себе на уши. Иван понял, что в комнате могут быть установлены подслушивающие устройства, и кивнул. С этих пор им предстояло вести себя предельно сдержанно и осторожно, потому что для агента «хирургов», занимающегося здесь своими делами, они были свидетелями сверхнежелательными.

Словно в ответ на мимику друзей в дверь без стука вошли майор Сысоев и двое здоровенных молодых ребят в рубашках, буквально лопающихся на могучих плечах, один — обритый наголо, второй, наоборот, с пышной прической «а-ля Миша Боярский».

— Собирайтесь, пойдете с нами, — равнодушно проговорил майор, небрежно показав издали красное удостоверение с тисненым двуглавым золотым орлом.

— А в чем дело? — осведомился Ивашура не менее индифферентно. — По-моему, мы договорились разбираться на свежую голову, то есть утром. Ваш шеф сказал...

— Он мне не шеф. Собирайтесь, и побыстрей.

— Да, собственно, и собираться-то нечего, у нас все с собой.

— А санкция прокурора у вас есть? — невинным тоном спросил Костров, поглаживая свою отливающую медью щетину на щеках. Последний раз он брился с неделю назад. — Может быть, дадите время до утра привести себя в порядок? Или ФСБ считает нас инопланетными шпионами?

— Мне санкции прокурора не нужны.

— Не юмори, рыжий, — тихо добавил один из парней, теряя терпение, бритоголовый, с квадратным подбородком, толстым носом и злыми глазами цвета свинцовой пули. — Не то небо с овчинку покажется.

— Да ну? — удивился Иван. — А ты, значит, специалист по выделке овчин.

— Если не подчинитесь, вынужден буду применить силу, — угрюмо сказал майор.

Ивашура и Костров обменялись взглядами. Потом Игорь Васильевич демонстративно сел на кровать.

— Никуда мы не пойдем. Подождете до утра.

Крутоплечий верзила шагнул было к нему, и в этот момент в комнату ворвалась запыхавшаяся Вероника. Оглядела застывшую компанию, подошла к Ивашуре.

— Я позвонила ребятам, утром прилетит Гибелев со своими архаровцами, а возле лагеря уже собрались жуковские журналисты, жаждут встречи. — Тут только Вероника якобы заметила напряженно застывших сотрудников майора, перевела взгляд с лица Ивашуры на них и обратно. — Что происходит, Игорь?

— Ничего особенного, — усмехнулся Ивашура. — Ребятки из службы безопасности предлагают следовать за ними. Вероятно, они считают, что мы убили полковника Одинцова, а также наших друзей Гаспаряна и Рузаева, а чтобы скрыть следы, придумали историю о шахте времени.

— Чушь! — сердито фыркнула Вероника. — Господин Сысоев, в чем дело?

— Ни в чем, — ответил майор, пожевав губами, затем повернулся к своим телохранителям. — Пошли, утром продолжим разговор.

— Иди, иди, культурист, — посоветовал замешкавшемуся верзиле Костров, — бицепсами будешь в цирке играть.

— Ну, смотри... — процедил сквозь зубы накачанный молодой человек с обритой наголо бугристой головой.

— Смотрю, — ответно показал зубы Иван, хотел что-то добавить, но из коридора донесся окрик: «Агатов!» — и бритоголовый исчез за дверью.

Оставшиеся в комнате молча взглянули друг на друга.

— Они нас в покое не оставят, — задумчиво проговорил Ивашура. — Надо что-то придумать. Ты про жуковских журналистов сочинила или они действительно ждут?

— Конечно, сочинила, — призналась Вероника. — Кто тебе поплетется сюда в четыре часа ночи? Почувствовала, что этот майор затевает какую-то гадость, и прибежала.

— А про Гибелева с его архаровцами?

Вероника опустила голову.

— Тоже. Но его-то как раз, — она прямо и сердито посмотрела на Ивашуру, — можно поднять хоть сейчас. Уверена, примчится первым же авиарейсом из Москвы.

— Тогда иди звони, пока не перекрыли все каналы связи, говори своему коллеге что хочешь, но утром он должен быть здесь. Нас спасет только открытая пресс-конференция с привлечением

столичных журналистов и телекорреспондентов, заставить которых замолчать будет невозможно.

— Игорь, что происходит? — Вероника нахмурила тонкие брови-крылья, придававшие ее лицу особый восточный колорит.

Ивашура поколебался немного, но рассказать ей правду не решился.

— Потом как-нибудь объясню, — сказал он глухо. — Иди поухаживай за подругой Ивана и не отходи от нее ни на минуту. Как бы наш бравый майор не взялся за нее.

— Спокойной ночи. — Вероника ушла.

Мужчины остались одни и несколько минут сидели молча, думая об одном и том же. Потом Игорь Васильевич начал снимать свой блестящий комбинезон, не раз спасавший ему жизнь во время боя в мире россинов.

* * *

Гибелев не подкачал и появился в лагере экспедиции с двумя телеоператорами и четырьмя корреспондентами Центрального телевидения (ОРТ, РТР и ВИД) и радио, а также с гостившим у него журналистом из Германии Гюнтером Кранцем. Поэтому ни выставить приехавших за пределы лагеря, ни помешать пресс-конференции Ивашуры, прошедшей на открытом воздухе при достаточно большом стечении народа, майор Сысоев не сумел. А может быть, этого ему не позволило сделать начальство. Во всяком случае, вел он себя тихо и незаметно и к вернувшимся путешественникам больше не приставал.

После обеда Иван и Тая уехали на вокзал без провожающих, чтобы без лишней суеты и огласки отбыть в Москву. Они хотели побыть дома, сообщить родителям о помолвке и отдохнуть от долгого путешествия по другим временам. В дальнейшем они решили не расставаться и сыграть свадьбу, как только позволит обстановка.

— Счастливые люди! — вздохнула Вероника, провожая глазами «девятку» Гришина с молодой парой, пока она не скрылась на околице города; академик лично захотел отвезти Ивана с Таей на вокзал.

— Ты говоришь так, словно завидуешь, — усмехнулся Игорь Васильевич. — Неужели такая женщина, как ты, может быть несчастливой?

— Несчастливой — не то слово. — Вероника поправила прическу. — Скорее невезучей. Не нашлось мужчины, чтобы я могла вот так, как Тая за Иваном, следовать за ним куда угодно, без оглядки.

Ивашура хотел было пошутить, но вовремя прикусил язык,

чувствуя на спине чей-то взгляд. Оглянулся. На него от фургончиков экспедиции смотрел один из клевретов Сысоева, качок с пышным чубом. Вероника тоже оглянулась.

— Пойдем ко мне, хоть поговорим без соглядатаев.

— У меня другое предложение. — Игорь Васильевич понизил голос. — Сейчас я кое с кем повстречаюсь и кое-кому позвоню, потом зайду к тебе, и мы поедем в город, посидим в каком-нибудь жуковском ресторане. Возражения?

— Никак нет, начальник!

Ивашура наклонился, бережно взял руку женщины, поцеловал пальцы и быстро пошел к лесу. И Вероника вдруг поняла, насколько Игорь изменился. Он и раньше был решительным и смелым человеком, прекрасным организатором, целеустремленным и даже порой жестким, но теперь в нем чувствовалась иная сила — знание вселенских тайн, ответственность за судьбу не только людей, но и мира Земли, и это знание сделало его кем-то большим, чем просто руководитель экспедиции. Он имел право приказывать, оставаясь при всем при том галантным кавалером и мужчиной, ценящим в женщине красоту и ум.

В начале пятого они сумели оторваться от бдительного ока майора Сысоева, побродили по центру Жуковки, абсолютно провинциального, как и сотни других в российской глубинке, городка, а потом уединились за столиком частного ресторанчика «Ломотов и К°», расположенного в переулке Мальцева, недалеко от местного рынка.

Женщины обычно любят, когда мужчина играет перед ними роль героя, босса, барина или благодетеля, но Игорь Васильевич Ивашура такую роль не играл, он был волевой натурой изначально, с рождения, и всегда знал, с кем и как себя вести. Его спокойный уверенный голос действовал на Веронику столь сильно, что она удивлялась сама себе, поддаваясь магии этого голоса, интонациям, завораживающим оттенкам, хотя сам Ивашура не прилагал к этому никаких видимых усилий. Он просто рассказывал разные истории, эпизоды похода по Башне, шутил часто и вел себя абсолютно естественно. И вместе с тем внутри него жили тревога и напряженность, Вероника чувствовала это с самого начала и в конце концов спросила напрямик:

— Игорь, тебя что-то беспокоит. Я еще ночью заметила, да и Сысоев не зря интересуется тобой. Что все-таки происходит? А я чую — происходит, и хочу помочь. И вообще... — она замолчала на мгновение, но преодолела естественную женскую гордость, — я готова всегда быть с тобой. Понимаешь?

Ивашура, словно споткнувшись на скаку, замолчал, пристально разглядывая ставшее пунцовым лицо собеседницы, ослепительно красивое от волнения и переживаемых чувств, в том

числе — страха, что ошибается, что он не свободен или не чувствует то же самое, накрыл сильной рукой ее ладонь, сжал. Улыбнулся так, что ей стало больно и радостно одновременно, проговорил медленно:

— Я давно хочу того же. Но со мной будет неспокойно... если не сказать больше. А в последнее время — опасно.

— Переживу, — храбро заявила Вероника. — Рассказывай все.

И тогда он поцеловал ее в губы, не обращая внимания на обстановку, ресторанную суету и сидящих за соседними столиками посетителей.

ГЛАВА 3

Появление Ивана настолько поразило его мать и старенькую бабушку, что обе едва не слегли с сердечным приступом. Но все обошлось, женщины быстро отошли, а забота и уход за ними Таи, невестки, как догадались они, и вовсе подняли тонус и настроение «мамы Любы и бабы Маши».

Погостив у Ивана два дня, молодая пара отправилась к родителям Таи, проживавшим в Лобне; сама она имела квартиру в Москве, недалеко от станции метро «Царицыно». Естественно, Калашниковы обрадовались возвращению дочери, да еще с женихом. Оба уже похоронили ее в душе, прождав полгода и получив сообщение из милиции о том, что она пропала без вести. Отец, Николай Демьянович, профессиональный военный, побывавший в свое время в Чечне и списанный по ранению, работал заместителем комиссара Лобненского военкомата и попробовал искать дочь по своим каналам, однако правды не добился, пока не съездил в Брянскую область, к родственникам, и не выяснил, что дочь пропала аккурат в момент появления в здешних лесах жуткой Башни, «НеНЛО», как ее прозвали в народе: неопознанного нелетающего объекта. И вот дочь вернулась...

Разговоры затянулись за полночь, были охи и ахи, изумленные реплики Калашникова-старшего, в конце концов поверившего в реальность путешествия по шахте времени, а когда рассказчики притомились, их милостиво отпустили подышать свежим воздухом.

Июньская ночь была теплой и звездной. Над парком в стороне теплоцентрали вставала огромная из-за рефракции оранжевая луна. Одетые по-домашнему в спортивное трико Иван и Тая спустились к реке, остановились у воды, завороженные лунной дорожкой.

— Не верится, что мы побывали в прошлом, — прошептала Тая, — за миллиарды лет до Рождества Христова.

— И даже до рождения Вселенной, — отозвался Иван, обнимая девушку. — Признаться, я и сам с трудом верю в наш поход. Если бы мне кто рассказал подобное — рассмеялся бы ему в глаза! Но стоит вспомнить лифт, погони, «санитаров»... гибель Сурена и Миши... нет, все было! Что-то еще нам предстоит?

— Спасать Вселенную, — невольно улыбнулась Тая. — Несоизмеримые понятия — я и Вселенная, а надо же, как все переплетено: оказывается, от меня тоже зависит ее судьба!

— Ну, насчет несоизмеримости можно поспорить. Человек — тоже микрокосм, своеобразная Вселенная, и не в масштабах величие. Другое дело — наша взаимосвязь. Мы жестко сидим в узле, определяющем параметры Мироздания, а оно, в свою очередь, влияет на нас и определяет нашу линию поведения.

— Ты заговорил как философ.

— Поневоле им станешь, пройдя десятки других Ветвей времени, столкнувшись с замыслами тех, кого и врагом-то назвать нельзя в полном смысле этого слова. Вот «санитары» — да, враги, их уровень близок нашему, а «хирурги» — нет. По сути, это боги, только злые.

— Скорее равнодушные — к нам, другим существам, к жизни вообще.

— У зла градаций много, равнодушие — одна из них. Люди в большинстве своем тоже заражены бациллой равнодушия. Но спорить об этом мне не хочется. Интереснее анализировать наш последний бой. Ты помнишь...

Тая прижала пальцы к губам Кострова, заставив его замолчать.

— Иван, давай не будем об этом тоже. Мне все еще больно, что мы потеряли Мишу... и страшно. Ведь еще ничего не известно, путь наш не закончен.

— Для тебя закончен, — недовольно буркнул Иван. — Дальше я пойду один, вернее, с Игорем. Ты останешься дома, будешь ждать.

— Ну уж нет! — Брови Таи сдвинулись, упрямства ей было не занимать. — Только вместе! Я такой же десантник, как и ты, иначе Те, Кто Следит, давно посоветовали бы вам избавиться от подобной обузы. И все, никаких возражений! Одного я тебя никуда не отпущу!

Иван открыл рот, собираясь возразить, и тут же закрыл. Если Таисия начинала «упираться рогом», заканчивалось это всегда капитуляцией Ивана. Лучше было не акцентировать внимание на будущих делах и попытаться уйти с Ивашурой в Ствол-Башню тихо, по-английски.

— Хорошо. — Иван притянул к себе девушку, поцеловал, преодолевая недолгое сопротивление, потом стал целовать шею,

щеки, грудь, рванул с себя футболку... и закончился этот взрыв любви и страсти через час.

Искупались, продолжая касаться друг друга руками и телами, ощущая не утоленное до конца желание, надели костюмы прямо на мокрые тела. Иван оступился, едва не свалившись в воду, и Тая засмеялась, зажимая рот. Потом притворно сдвинула брови.

— Насильник! Хорошо, что здесь никто не гуляет в три часа ночи... — И тотчас же испуганно вскрикнула, потому что неподалеку раздался чей-то недобрый скрипучий голос:

— Напрасно ты так думаешь, малышка. Нам было очень интересно смотреть на ваши кувыркания. Не хочешь повторить?

В лунном свете серебристо высверкнули три фигуры на другом берегу реки. Было видно, как свет переливается в их одежде, будто живое жидкое сияние, и Костров даже принял было одежду незнакомцев за компенсационные костюмы, такие же, какие сохранились у них, но это были всего лишь белые летние рубашки и брюки. Лунный свет превратил их в ртутно-серебристую рыбью чешую.

— Беги! — еле слышно прошипел Иван.

— Но мы можем... — так же тихо, неуверенно проговорила Тая.

— Беги, я их отвлеку. Они вооружены, но, пока перейдут реку, ты успеешь добраться до милиции. К себе не иди, нас, очевидно, выследили. Поняла?

— Побереги себя. — Тая набрала воздуха в грудь и нырнула в кусты слева, будто в ледяную воду.

Рванулся в другую сторону и Костров, чувствуя тугие толчки воздуха над головой и шлепанье пуль в береговой откос. Троица в белых костюмах мгновенно открыла огонь из пистолетов с глушителями, но такой резвости от своих жертв не ожидала и поэтому опоздала. Ошиблась она и в оценке ситуации. Иван, пройдя хорошую школу жизни, приобретя выучку десантника, не был кабинетным ученым, поэтому он не бросился бежать сломя голову, а, надеясь на фактор внезапности, решил напасть на преследователей первым.

Пробежав с шумом десятка два шагов, пригнувшись, каждую секунду ожидая удара пули в спину, он свернул, сделал круг, перемещаясь теперь бесшумно, и вышел к реке как раз там, где ее переходил крайний левый «форвард», широкоплечий и бритоголовый. Иван едва не присвистнул, узнав в нем телохранителя майора Сысоева, парня по фамилии Агатов. Проговорил про себя: вот и свиделись, особист хренов! Посмотрим, чего стоят твои бицепсы и трицепсы...

Мускулы бритоголовому Агатову не помогли. Во-первых, понадеявшись на превосходство в силе и вооружении, о противни-

ке он думал только как о беглеце, не помышлявшем о сопротивлении. Во-вторых, напрочь отсекал творческий подход в таких делах. И в-третьих, знал технику боя всего лишь на уровне первого дана — школярскую блокировку и кихон, хорошо смотрящийся на публике. Иван возник рядом как привидение, когда бритоголовый качок выходил на берег, первым ударом выбил пистолет-пулемет (отечественный «бизон», очень удобная и мощная машина), а вторым, несмотря на демонстрацию стойки, защитного блока и удара (так машут веслом), уложил здоровяка на песок ударом локтя-кулака в ключицу-шею.

Шум от падения тела получился изрядный, поэтому Иван не стал рисковать с обезвреживанием двух оставшихся боевиков, а просто подхватил выпавший у Агатова «бизон», дал очередь по метнувшимся к нему фигурам, затем бросил оружие в воду и нырнул за ним, моля Бога, чтобы здесь было не мелко.

Фортуна не подвела. Глубина реки в этом месте достигала полутора-двух метров, поэтому, погрузившись в ил и перевернувшись на спину, Иван не поплыл дальше, а стал ждать, глядя из воды вверх, на колышущееся зеркало поверхности.

Ждать пришлось недолго, около трех минут.

К упавшему подбежал всего один его партнер, сыпанул очередями по кустам и воде, помог Агатову прийти в себя и подняться, и они тяжело побежали туда, где несколько минут назад исчезла Тая. Но догнать ее они уже не могли.

Иван всплыл, отдышался, прошелся по берегу, вглядываясь в причудливую игру теней, и обнаружил третьего охотника лежащим ничком: ноги в воде, туловище на песке. Иван перевернул его и невольно поежился. Пуля из «бизона» попала парню в щеку и застряла в голове. Этого здоровяка Костров видел впервые.

Вздохнув: «Или они нас, или мы их — альтернативы нет», — он медленно и осторожно побрел вслед за исчезнувшими головорезами Сысоева. Сомнений не оставалось, бывший напарник полковника Одинцова стал «санитаром» и стремился теперь избавиться от нежданных гостей, чтобы выполнить задание «хирургов» без помех. Какое это было задание, гадать не приходилось, а прикрытие агенту «хирургов» досталось великолепное. ФСБ была структурой мощной и практически не подлежащей контролю со стороны.

Идти далеко не пришлось.

Тая смогла быстро добраться до ближайшего отделения милиции и привести с собой к реке наряд муниципалов — троих парней в камуфляже с автоматами. Пока парни разбирались, кто в кого стрелял и кто убитый, Иван бросил в девушку камешек, надеясь, что она не закричит от радости, жестом показал, что ждет ее дома, и тихо растворился в кустах.

Тая пришла через полтора часа, усталая, грустная и в то же время решительная, готовая постоять за себя и за друга.

— Отпустили, — выдохнула она Ивану на ухо, чтобы не будить родителей, которые ничего не знали. Будить их Иван не стал.

Они обнялись. Потом Костров шепнул:

— Нужно уходить. Эти мерзавцы здесь были и могут вернуться. Что ты рассказала ментам?

— Пьяные бандиты, с автоматами... напали, хотели изнасиловать... поссорились, стали стрелять... о тебе ни слова. Гуляла, мол, по берегу одна. Записали адрес, два раза допрашивали, потом отпустили. Что теперь будет, Ваня?

— Война, — горько усмехнулся Иван. — Мы все еще на службе, Тая, и до дембеля далеко. Пиши письмо своим, что мы, мол, решили отдохнуть на юге до свадьбы, позвоним позже.

— А сами?

— Сами снова в Брянские леса, поближе к Игорю. Как бы его там не... а втроем мы отобьемся. И еще надо выполнить задание, которое нам доверили. Ты готова? Или все же на время где-нибудь спрячешься?

Тая сильнее прижалась к Ивану.

— Я с тобой! Десантник я или не десантник? — она подняла голову, сияние луны — света в квартире не зажигали — отразилось в ее глазах.

— Десантник, — проворчал Иван и поцеловал ее в подозрительно заблестевшие глаза.

В поезд Москва — Брянск сели на Киевском вокзале после тщательной проверки перрона и потока пассажиров. Ничего подозрительного не заметили, хотя Иван в душе признался, что контрразведчик из него никакой. Их могли вести издали, с применением спецтехники, что нелегко обнаружить и профессионалу. Но делать было нечего, их путь лежал в Брянские леса, а добраться туда можно было всего тремя видами транспорта, одинаково небезопасными: железнодорожным, автомобильным и воздушным. Второй и третий Иван по зрелом размышлении отбросил, в обоих случаях преследователям было легче перехватить жертвы и ликвидировать, не привлекая особого внимания. Поезд тоже не гарантировал комфортных условий по части безопасности, но Иван надеялся, что при большом скоплении народа преследователи не решатся хотя бы стрелять. Холодного оружия Костров не боялся.

Через час легли спать; поезд в Брянск отходил от вокзала почти в двенадцать часов ночи. А еще через час с четвертью у Ивана

сработала интуиция, и он проснулся как от толчка. Полежал, глядя в потолок купе, чувствуя злые сквознячки, текущие через голову из-за стенок вагона, из коридора, бесшумно спустился вниз, разбудил Таю.

— Может быть, я напрасно психую, но мне не по себе. Пойду проверю вагоны впереди и сзади нашего. Жаль, что не взяли оружия, хотя бы газового.

— Да, «универсал» не помешал бы, — улыбнулась девушка, так и не отдохнувшая за день. — Или на крайний случай мечдриммер.

— Возьми складной нож. Обращаться умеешь, десантник?

— Даже бросать умею, отец когда-то учил.

— Отлично! Чуть что — пускай в ход, не задумываясь. Мы должны выжить и помочь Игорю выполнить задание.

Иван приоткрыл дверь, выглянул в коридор — никого. Быстро двинулся к туалету, открыл и зашел, оставив дверь полуоткрытой. Подождал минуту, обращаясь в слух.

Со стороны купе проводника щелкнула дверь тамбура, кто-то вошел. Иван присел, чтобы голова не отразилась в зеркале, осторожно выглянул из-за двери и в тусклом свете ночника увидел две крупные фигуры все в тех же белых рубашках и брюках. Преследователи не потрудились переодеться, чувствуя себя хозяевами положения. Спеси у них даже после гибели напарника не поубавилось. Каким образом они выследили беглецов, гадать было бесполезно, существовало множество разных методов и технических средств.

План действий созрел в голове мгновенно.

Иван нарочито шумно хлопнул дверью туалета, вышел в коридор, резко остановился, словно только что увидев преследователей, и бросился из вагона, приглушенно крикнув:

— Тая, беги!

Расчет его оправдался. Двое не стали проверять все купе подряд, ломать голову, сколько человек убегает. Рефлекс сработал за них, да и фраза Ивана: «Тая, беги!»— тоже прозвучала вовремя. Жертвы убегали, их надо было догнать и уничтожить.

Иван выскочил в тамбур, попробовал открыть двери вагона — заперты на ключ, помчался дальше. Проскочил соседний вагон, снова дернул за ручки выходных дверей. Слава Аллаху! То ли проводник ленивый попался, то ли дверь не запирается, но именно то, что нужно. Прилип к поручням несущегося в темноту вагона, закрыл дверь, краем глаза следя за тамбуром... Вот они!

Две тени метнулись из переходника в вагон, не заметив не полностью закрытой двери. Пора!

Иван снова вскочил в тамбур и метнулся вслед за пробежавшими убийцами, не особенно удивляясь своему хладнокровию:

поход по Стволу не прошел даром и для него, а навыки Российских ВДВ не забываются никогда.

Бугристого от мышц здоровяка с мясистым затылком Иван догнал в следующем вагоне и с ходу врезал ему по шее тычком — ударом костяшками пальцев правой руки. Попал куда надо. Здоровяк сунулся носом в ковер на полу коридора и затих. Первый бегущий — тот самый бритоголовый Агатов, уже получивший крещение от Ивана у реки, — оглянулся, стал поворачиваться, ведя руку с «бизоном» справа налево, как в тире, но поворачивался недостаточно быстро. Костров в прыжке выбил у него ногой пистолет-пулемет, тут же добавил выпад растопыренными пальцами в бок, отбрасывая к двери из коридора в туалетный бокс.

Бритоголовый, массивный и твердый, как шкаф, не упал, сбить его с ног, наверное, и кулаком было трудно, а свободы в тесном помещении для маневра Костров не имел, поэтому Агатов решил задавить противника силой, захватить корпус и сломать позвоночник. Но шанса такого Иван ему не дал. Как только Агатов, набычившись, ринулся на него, Иван нырнул ему в ноги и нанес жестокий удар рукой снизу вверх — в пах. И схватка закончилась, практически еще не начавшись. Закатив глаза, Агатов замычал, опустился на пол, скорчился, глядя на противника и не видя его.

Иван подобрал оба упавших «бизона», обыскал карманы преследователей, молясь в душе, чтобы никто не вышел из купе, опустил себе в карман удостоверения сотрудников Федеральной службы безопасности (Управление «К», отдел «НИЗ»; что за НИЗ такой — научно-исследовательская зона, что ли?) на имя капитана Агатова Сергея Николаевича и на имя лейтенанта Смурного Петра Аркадьевича, обнаружил прикрепленные специальными ремешками к ногам кинжалы — прекрасной формы и работы персы, тоже положил в карман. Похлопал по щекам бледного до синевы бритоголового.

— Эй, капитан, живой?

Глаза Агатова, почти полностью занятые зрачками, стали проясняться, и Костров добавил медленно и внятно:

— Встречу еще раз — убью! Понял? Не попадайся мне на глаза, особенно там, в Брянских лесах. Моли Бога, чтобы наши тропы больше не пересеклись. Понял?

Агатов оскалился, пришлось дать ему пощечину, чтобы привести в чувство.

— Понял, подонок?!

— П-по...

— Ну и отлично. Оружие пока побудет у меня. Если что, я сумею объяснить, каким образом оно у меня оказалось.

Пнув Агатова и, походя, второго особиста, Иван отправился в

свой вагон. Он был уверен, что до утра к ним никто больше не пристанет. Ожидавшей его с нетерпением Тае он сказал всего три слова:

— Все спокойно, спи.

ГЛАВА 4

Они сидели в каюте Гришина и беседовали о высоких материях: хозяин, одетый в полосатую пижаму, Игорь Васильевич Ивашура, Вероника Ткаченко, доктор физико-математических наук Меньшов, волосатый, бородатый, громогласный, шумный, но интересный собеседник, и Леонид Дмитриевич Гибелев, телекомментатор программы НТВ.

Время перевалило за полночь, а они и не собирались расходиться, увлеченные темой разговора, которой интересовались не только дилетанты, но и сами специалисты: время и его аспекты, гипотезы, предположения. У Гришина и у Меньшова были по этому вопросу свои мнения, поэтому слушать их перепалку было очень забавно, хотя даже Ивашура не всегда их понимал, несмотря на свой опыт и полученные знания.

Как тогда при встрече с Гришиным, инициатором беседы о физической природе времени стала Вероника, не получившая от академика ответы на многие свои вопросы.

— Константин Семенович, мы позавчера не договорили, — сказала она, когда компания пригубила вино и разобрала нехитрую закуску — бутерброды с икрой, колбасой и ветчиной. — Я не поняла, что такое динамическая теория времени.

— Вы его лучше не спрашивайте, — хмыкнул Меньшов, вытирая усы, — он теоретик, истина ему только снится. Спрашивайте у экспериментатора, у меня например.

— А чем теоретик отличается от экспериментатора? — заинтересовался Гибелев.

— Это классика ученого фольклора, — улыбнулся Ивашура. — Не помню, кто сказал, но изречение известно давно: «теоретик верит себе, когда другие не верят, а экспериментатор, наоборот, не верит себе, даже если верят другие». А что там вы имели в виду под динамической теорией, Константин Семенович?

— Это не теория — концепция, справочно-математический аппарат не дотягивает ее до теории. По этой концепции время — всего лишь изменение порядка событий, при котором будущее превращается в настоящее и в прошлое.

— Спекуляция, — поморщился Меньшов. — Что значит — превращается? В результате какого процесса? Почему порядок событий именно таков, каков есть?

— Потому что таковы законы, вложенные в континуум при рождении Вселенной, — ответил Гришин спокойно. — Кстати, я не сторонник динамической модели. — Он оттопырил губу в некотором сомнении. — Впрочем, и статической, и прочих иных тоже.

— А что, есть еще модели? — собрал морщины на лбу Ивашура.

— Ну, например, субъективно-психологическая: время — это способ восприятия Вселенной сознанием человека.

— Ерунда, — проворчал Меньшов, терзая бороду. — Козырев еще сорок лет назад доказал в своих опытах, что время — особая субстанция, способная трансформироваться в энергию.

— Все это хорошо, — примирительно произнесла Вероника, — все это мне понятно. А статическая модель? Как объясняет течение времени она?

— По статической теории время — это скольжение сознания человека вдоль мировой линии, — буркнул Меньшов. — И если я кое-что смыслю в физике, то эта модель — откровенная бредятина. Ее автор — недоучка-аспирант Петя Смирнов, сумевший выбиться в депутаты и благодаря этому обойти многих претендентов на пост ученого секретаря. Сорок лет он, по его же словам, изучал курс физики Ландау, умудрился прочитать в свое время книгу Цацулина «Атомная крепость», в результате чего у него поехала крыша. В конце концов он дошел до журналистской деятельности, начал кропать критические статейки, в том числе и против меня, и на этой почве окончательно спятил.

Ивашура и Гришин переглянулись, засмеялись, к ним присоединился и Гибелев, знавший, о ком идет речь. Только Вероника осталась серьезной. Нахмурив лоб, она о чем-то размышляла.

— Мужчины, вы слишком жестоки к оппонентам. Речь же о другом. Все пять перечисленных вами концепций времени не свободны от изъянов, а есть ли такая, которая свела бы их воедино, объединила бы их достоинства?

— Нетути, — бросил Меньшов.

— Есть, — в унисон ответил Ивашура.

Все посмотрели на него.

— Ну-ка, ну-ка, Игорь Васильевич, интересно, — проговорил Гришин. — Поделитесь-ка своей гипотезой.

— Она не моя. И я не все рассказал о своем путешествии по Стволу... э-э, по Башне, — рассеянно проронил Ивашура. — Точнее, н и ч е г о не рассказал о тамошних встречах и о причинах явления Башни. Я могу на вас положиться, что ни одно слово не просочится за стены гостиницы? — Он посмотрел на Гибелева.

Комментатор телевидения заерзал, но взгляд выдержал.

— За себя ручаюсь. — Гибелев почувствовал, что говорит не то, и поспешил добавить: — За Веронику тоже.

— Так вот, реальна лишь одна версия. Виталий, ты наверняка читал работы Эверетта...

— О вариантном копировании? Конечно, читал, но никогда не воспринимал всерьез.

— Что вы хотите сказать, Игорь? — Гришин пристально глянул на обманчиво спокойное лицо Ивашуры.

— Эверетт б ы л п р а в, — тихо произнес тот. — В каждое мгновение Вселенная ветвится на столько копий — «ветвей хронодендрита», — сколько вариантов имеет данный квантовый переход.

Меньшов хотел выстрелить своим обычным: «Чушь!» — но передумал, хотя скепсис его не угас.

— Почему же мы этого не замечаем? Почему не видим расщепления Мироздания?

— Потому что наше сознание, сознание наблюдателя, каждый раз оказывается в одной из возможных копий-ветвей. Таким образом, множество возможных состояний Вселенной образует многомерный континуум потенциально равноценных эвереттовских копий — Дендроконтинуум, Фрактал или Древо Времен.

— Не факт... — начал было Меньшов.

— Подожди, Виталий, — сердито оборвал его Гришин, что было ему не свойственно. Видимо, академик волновался.

— Факт, — все так же тихо проговорил Ивашура. — Ствол... простите, привык называть Башню так. В общем, Башня была создана не в нашем будущем, а в будущем другой Ветви времени, и соединила она не прошлые времена одной Метавселенной, а множество Ветвей Древа Мира. Я посетил многие Ветви и знаю.

Наступила тишина. Потом Меньшов крякнул, дернул себя за бороду, за волосы, покрутил головой.

— Игорь, я, конечно... и все же... ведь хронон равен десяти в минус сорок четвертой степени секунды! Что же получается, что Вселенная спустя каждый хронон делится на идентичные копии?

— Не идентичные, но отличающиеся весьма и весьма незначительно. А затем каждая копия или Ветвь, в свою очередь, спустя хронон делится на другие копии.

— Что такое хронон? — спросила Вероника.

— Квант времени, равен времени, необходимому для преодоления фотоном, то есть светом, диаметра электрона.

— Сколько же при этом расщеплении образуется копий?! Бесконечность?!

— Очень много, но не бесконечное количество.

Меньшов шумно выдохнул.

— Не верю! Что хотите делайте, режьте, приводите любые доводы — не верю! Все-таки человек я простой, несмотря на высшее образование, и привык верить глазам.

Ивашура погрустнел, откупорил бутылку «Старорусской», налил всем по глотку.

— Давайте выпьем за погибших, за Сурена — это он любил говорить: человек я простой... За Мишу Рузаева... Пусть земля им будет пухом.

Выпили, помолчали. Меньшов отломил кусок хлеба, прожевал, сказал с упрямой миной:

— Все равно твое Древо Времен не решает проблему собственно времени. Получается, что каждая Ветвь — Метавселенная с потоком времени, текущим под углом к потоку времени другой Ветви. Так? Именно поэтому они не пересекаются и не взаимодействуют друг с другом. Тогда что такое Башня? Надвременной топологический тоннель с квантованным выходом?

— Хватит, мужчины, — вздохнула Вероника. — Чем мудреней вы говорите, тем меньше понимаете сами, что говорите. Я устала. Как бы вы ни утверждали обратное, но время все же идет и мы идем вместе с ним.

— Не помню, чьи это стихи, — сказал Ивашура, — их читала Тая Калашникова, подруга Ивана, но мне они запали в душу:

Кто-то сказал — время идет.
Ах, к сожалению, нет.
Время стоит, мы же идем
Через пространство лет.

— Красиво. — Вероника задумчиво посмотрела на Игоря Васильевича. — Действительно, в этих строчках кроется глубокий смысл. Игорь, а почему ваш Ствол, то есть Башня...

— Называй ее хроношахтой, если хочешь.

— Пусть будет шахта. Почему она соединяла Ветви времени в прошлом? То есть двигалась к началу ветвления, а не наоборот, в будущее других Ветвей?

— Этого я не знаю, — честно признался Ивашура. — Вероятно, существует некий закон корреляции выходов Ствола в другие Ветви, не позволяющий ему соединять будущие времена. У меня сложилось впечатление, что ученые из той Ветви, где был построен Ствол, сами не очень-то разобрались, что произошло. С другой стороны, могли вмешаться разумные силы, заинтересованные именно в таком направлении хроношахты.

По взглядам Гришина и Меньшова Игорь Васильевич понял, что проговорился. Правда, ни тот, ни другой не знали истинной подоплеки сказанного и под словами «разумные силы» вряд ли видели конкретных существ, то есть «хронохирургов», но у Ивашуры появилось неприятное чувство прощупывания психики чьей-то волей. Чтобы не подвергать разум слушателей давлению запретной информации, он перевел разговор на другую тему.

— Константин Семенович, мне так никто и не рассказал, чем вы тут без меня занимались.

— А ничем, — под общий смех ответил Гришин. — Любуемся издали на Башню да пишем трактаты на основе ранних исследований. Ситуацией здесь распоряжается Федеральная служба безопасности, а экспедиционный корпус мало того что сократился вдвое, так еще практически и ничего не делает. Федералы изредка милостиво разрешают какой-нибудь группе приблизиться к Башне с приборами, но чтобы как при вас, пощупать стены своими руками... — Академик нахмурился с горечью.

— Что, так плохо? — Ивашура сочувственно глянул на Меньшова.

Физик мотнул кудлатой головой.

— Исследования сокращены, допуск в зону теперь возможен только после проверки и согласования с чинами из ФСБ. Так что похвастаться открытиями не можем.

— А кто этот ваш новый начальник экспедиции? Я что-то его совсем не знаю.

— Тьмаревский? — Меньшов сплюнул. — Лев Давыдович. Вроде мы с ним из одного учреждения, а я его тоже не знаю ни как ученого, ни как человека. Одно скажу: твоей хватки и умения работать с вышестоящим начальством у него нет. Может быть, возглавишь экспедицию снова?

— Действительно, Игорь Васильевич, — подхватил Гришин, — почему бы вам не вернуться на свое место?

— Подумаю, — неопределенно пообещал Ивашура.

Гибелев, с интересом прислушивающийся к разговору, хотел было что-то вставить, но в это время в коридорчике фургона гостиницы послышался топот, потом стук в дверь.

— Входите, — откликнулся Гришин.

Дверь открылась, и в комнату вошли одетые по-походному: ветровки, джинсы, рюкзаки — Иван Костров и Тая.

— Добрый вечер, — поклонился Иван, чем-то расстроенный или озабоченный. Впрочем, его спутница тоже не выглядела веселой и довольной.

— Иван?! — обрел дар речи Ивашура. — Ты же хотел отдохнуть. Я жду тебя только через неделю.

— Погода хорошая, — хмуро ответил Костров, и все увидели на щеке у него свежие царапины. — Луна светит, мочи нет. Пошли погуляем?

Ивашура понял, встал.

— Посидите, мы сейчас.

Они вышли. Тая робко огляделась, и Вероника поспешила посадить гостью рядом.

— Что это вы такие серьезные? Случилось что?

— Так, — повела плечиком девушка, — ничего особенного.

— Давайте-ка нальем гостье винца, — преувеличенно бодро проговорил Гибелев, придвигая к Тае пластмассовый стаканчик. — Что будете пить? «Хапуриви», шампанское, водку?

— Спасибо, немного шампанского.

Гибелев налил полстаканчика шампанского, Тая пригубила, с благодарностью кивнула Веронике, подвинувшей ближе блюдо с бутербродами. Меньшов, разглядывающий гостью своими цыганскими глазами, опрокинул в рот полстакана водки, закусил.

— А знаете, други, кого мы видели недавно, аккурат месяц назад? Это уже после того, как Башня треснула. Гигантского черного человека на огромном кентавре! Выполз из стены Башни, рысью объехал ее кругом и скрылся. Все прямо обалдели. Урод, я вам скажу, первостатейный.

Вероника заметила, как вздрогнула Тая, придвинулась ближе.

— Вы там с такими не встречались?

— Встречались, — тихо ответила Тая. — Они людей не обижают.

— А кого еще вы встречали в Башне?

Отвечать девушке не пришлось, вернулись Ивашура и Костров.

— Вечер закончен, — лаконично известил собравшихся Игорь Васильевич. — Константин Семенович, встретимся завтра. Извините, у нас возникли кое-какие проблемы.

— Может, я чем помогу? — прогудел Меньшов.

— Или я? — отозвался Гибелев с готовностью.

— Спасибо, помощь пока не требуется.

Тая встала, вышла вслед за Иваном. Вероника тоже поднялась.

— Я с вами. — Оглядела дружно вставших мужчин, повернулась к Гришину. — Спасибо за вечер, Константин Семенович. Надеюсь, мы еще встретимся за чашкой кофе.

Ивашура заколебался было, решая, стоит ли брать женщину с собой, однако длились его колебания недолго. Они вышли. В коридоре Иван повернул голову к Ивашуре и сказал негромко:

— Они возьмутся за нас по-настоящему. То была разведка боем. Парням приказали, они выполнили приказ. Что будем делать?

Один за другим они вышли из фургона наружу. Над миром царствовала полная луна, заливая лес, недалекие домики пригорода, дорогу призрачно-серебристым светом. Какой-то человек торопливо скрылся за соседним фургоном, и очарование лунной ночи сменилось неуютным ощущением тревоги.

— Что все это значит? — тихо спросила Вероника.

Мужчины переглянулись.

— Говорите все! — Женщина начала сердиться. — Я и так догадываюсь, что вы попали в переплет. Будет хуже, если я все узнаю, но не от вас и слишком поздно.

— Она права, — едва слышно шепнула Тая.

Ивашура кивнул, Иван легонько сжал плечо подруги.

— Расскажи ей все, пока мы побеседуем.

Женщины медленно направились мимо ветхого заборчика, за которым доживала век хлипкая хибара, мужчины побрели за ними, прислушиваясь к звукам, долетавшим из города и со стороны леса.

— Мы сейчас представляем собой отличную мишень, — со смешком проговорил Костров.

Игорь Васильевич вытянул из внутреннего кармана куртки рукоять «универсала».

— Сохранил, хотя заряда хватит всего на десяток выстрелов.

— Наши там остались, разряженные полностью. Но у меня кое-что припасено. — Иван показал два «бизона», заткнутые за пояс под курткой. — У боевиков майора отнял. Нам бы еще вернуть комбинезоны...

Компенсационные костюмы, в которых они вышли из Ствола, у них отобрали спецы ФСБ под предлогом «изучения», и где теперь эти костюмы находились, было неизвестно.

— Зря взял, — заметил Ивашура. — Если это их штатное оружие, они в лепешку разобьются, чтобы его вернуть.

На фоне темно-зеленой, почти черной стены леса в полусотне шагов мелькнула светлая тень. Ивашура остановился, сказал сквозь зубы:

— Ты был прав, мы сейчас хорошая мишень. А они не остановятся ни перед чем. Зови девчат, идем обратно. Теперь нам все время надо быть на виду, там, где больше народу. По толпе они стрелять не осмелятся.

Иван догнал беседующих женщин, и в то же время Ивашура крикнул:

— Ложитесь!

Тая упала на землю мгновенно, привыкнув повиноваться без слов, впитав с мукой и болью навыки десантника. Вероника замешкалась, и Костров сбил ее с ног, прикрыл телом. В лесу замелькали вспышки выстрелов, стреляли из «бизона» с насадкой бесшумного боя, очередь прошла над упавшими на уровне груди.

Костров, падая, ответил из своих «бизонов», а Ивашура выстрелил из «универсала», не целясь и не рассчитывая мощность выстрела. Длинная шипящая молния разряда накрыла какие-то бочки, огонь из лесу прекратился. Подождав немного, Игорь Ва-

сильевич вскочил, подбежал к лежащим, помог подняться Веронике.

— Никого не зацепило?

— Извините, — пробормотал Иван, — что я вас уронил. Не больно?

— Нет, все нормально. — Вероника была ошеломлена, но в себя пришла быстро. — Они в нас... стреляли?! Значит, все правда... А мы не можем даже пожаловаться.

Ивашура беглой улыбкой ответил на взгляд Ивана.

— Держится молодцом, да? Похоже, у нас появился еще один десантник. А пожаловаться нам действительно некому. Вот что, Ваня. Вам с Таей лучше всего исчезнуть на время, ну или, в крайнем случае, быть поблизости от лагеря, но не высовываться. В нужный момент я вас найду. Есть где переночевать?

— Я говорила, в Жуковке у меня тетки родные живут, — напомнила Тая. — Можем пожить у любой из них.

— Отлично, отправляйтесь сейчас же и бдите в четыре глаза.

Иван пожал руку Игорю, взял Таю под руку, и они быстро зашагали через поле к домикам пригорода Жуковки.

— Что же теперь будет? — голос Вероники дрогнул.

Ивашура подошел к ней, обнял, и они застыли на несколько мгновений, тесно прижавшись друг к другу. Потом женщина шепнула:

— Кто все-таки стрелял?

— Не знаю. Враг.

— «Санитар»?

— Кто-то из них или же их помощник. Исполнителей такого плана у них хватает.

— Вы его... убили?

— Скорее всего, нет, — покачал головой Ивашура, — но отпугнули. Теперь они будут знать, что мы вооружены, и не сунутся просто так.

— Куда пойдем? К тебе, ко мне?

— К Гришину.

— Куда?!

Ивашура засмеялся.

— Там нас никто искать не будет. А с Константином Семеновичем я уже договорился, он эту ночь проведет у коллеги.

Вероника поцеловала Игоря в щеку, хотела отодвинуться, но он прижал ее к себе сильней и поцеловал в губы властно и в то же время нежно. Через несколько минут они были на территории лагеря, освещенного луной и двумя фонарями на столбах.

Перестрелка никем не была услышана, и тревогу охрана лагеря поднимать не стала.

Попыток нападения на Ивашуру больше не было.

Не удалось федералам во главе с майором Сысоевым и запереть его в стенах ФСБ, изолировать от общественности, журналистов и научных работников. У бывшего начальника комплексной экспедиции оказалось слишком много друзей среди высокопоставленных лиц в Москве, чтобы Сысоеву разрешили вести силовую политику в отношении столь известного многим чиновникам человека.

Помощник Сысоева капитан Агатов, участвовавший в нападении на Ивана с Таей, не показывался, то ли был убит во время последней перестрелки в лесу, то ли был переведен отсюда в другое место. Однако шума по поводу стрельбы в лагере не было, что наводило на размышления. Сысоев не хотел огласки, способной помешать его планам, и умело прятал концы в воду, будь то раненый или убитый сотрудник, а также вещественные доказательства — спецкостюмы путешественников по «шахте времени», их аптечки и блоки НЗ.

Ивашура пока не требовал вернуть принадлежащее его экспедиции имущество, справедливо полагая, что не следует нарываться на неприятности, однако мечтал в скором времени воспользоваться спецкостюмами, которые выдерживали даже выстрел из «универсала».

По разговорам с исследователями он понял, что вокруг Башни, как здесь продолжали называть хроноускоритель, сложилась очень непростая обстановка, сильно осложнившая изучение феномена. Ситуацию держали под контролем не столько служба безопасности, сколько Совет безопасности, создавший атмосферу непроницаемой секретности вокруг таинственного объекта. Руководил всеми мероприятиями по охране заместитель секретаря СБ Петр Михайлович Козюля. Ивашура его не знал, поэтому решил выведать, что это за человек, каковы его полномочия, а главное — цели. Правда, судя по задавленности ученых, сей деятель власть имел немалую и весьма активно мешал исследователям, не подпуская их к Башне. Ивашура не удивился бы, узнав, что Козюля «санитар».

Первая их встреча не развеяла подозрений. Петр Михайлович напоминал знаменитого политика конца двадцатого столетия — Лебедя и был так же прям, суров, лаконичен и жёсток в формулировках. Он не стал оправдываться перед Ивашурой, не стал и извиняться за действия спецслужб, начавших откровенную слежку за бывшим начальником экспедиции.

— Вы теперь персона грата, вернувшаяся с того света, — сказал он Игорю Васильевичу; встреча происходила в фургоне, при-

надлежащем ФСБ. — Мы вам верим, но все ваши сообщения требуют проверки. Так что придется потерпеть.

— А как вы собираетесь проверять наши сообщения? — полюбопытствовал Ивашура.

— Это секрет службы, — отрезал бравый замсекретаря СБ. — И пока идет проверка, вам не рекомендуется покидать территорию полигона... э-э, лагеря. Кстати, а где ваши приятели, этот Костров и журналистка? Каким образом им удалось без разрешения миновать блокпосты и уйти из расположения поли... э-э, лагеря?

— Увы, я не контролирую каждый их шаг, — развел руками Ивашура. — Вероятнее всего, они отправились домой, повидать родных и близких. Я думаю, они скоро вернутся.

— Ну-ну, — хмыкнул Козюля, длинный, костистый, худой как жердь, с коричневым сморщенным лицом. — Я посоветовал бы вам связаться с ними и вызвать сюда. В противном случае придется их...

— Да? — с иронией поднял бровь Ивашура.

— Вернуть принудительно, — сухо закончил Петр Михайлович. — Мы здесь не в бирюльки играем. Несмотря на то что Башня снизила активность, она по-прежнему представляет реальную угрозу для города, района, да и области в целом. Если не удастся договориться с теми, кто ее строил, кстати, с вашими приятелями из будущего, о которых вы рассказывали, то придется ее разрушить.

— Вы же пробовали.

— Ракетный удар был предупреждающим. Готовится кое-что... — Козюля прервал сам себя. — Короче, никуда не уезжайте без моего ведома во избежание неприятностей.

— Ну, это я вам обещаю, — задумчиво проронил Ивашура, размышляя, что же такое «кое-что», о чем проговорился Петр Михайлович, и кто его готовит.

Откланявшись, Игорь Васильевич направился к Гришину, и тот поведал ему о проведенных за последние полгода экспериментах с Башней. Всего их оказалось четыре. Два провели физики-ядерщики во главе с Меньшовым, подставившие под «мертвый выброс» контейнер с радиоактивным кобальтом и с десяток биологических объектов, от муравьев и жуков до крыс, а два — военспецы, просветившие Башню локаторами, гамма-телескопом и нейтринным интраскопом. О результатах последних экспериментов и с какой целью они ставились, Гришину ничего не было известно.

— О взаимодействии «мертвого выброса» с любыми предметами вы знаете, — добавил академик. — Мгновенное превращение в полиметаллический конгломерат. Думали, что кобальт взо-

рвется, пройдя цепочку распада-синтеза до плутония включительно и набрав критическую массу, но ничего подобного не произошло. Конечный продукт — свинец со следами зауральных образовался слишком быстро, практически мгновенно. Виталий до сих пор бесится, что не дали довести дело до конца. Игорь Васильевич, а правда, что вы в Башне встречались с потомками? Или это сказано было специально для спецслужб?

— Правда, — кивнул Ивашура. — Хотя я уже говорил об истинном положении вещей. Башню построили люди из другой Ветви времени, а не наши прямые потомки. Константин Семенович, вы не в курсе, кто в настоящее время готовит поход к Башне?

Гришин задумался, покачал головой.

— По-моему, никто. Разве что федералы. Но у них свои задачи, и нам они не докладывают. Знаю только, что Сысоев часто провожает к Башне колонны машин.

— Колонны?!

— По два-три грузовика или фургона. Как минимум два раза в неделю в зону отправляется такая колонна, а Сысоев со своими помощниками ее сопровождает. Что они там делают, одному Богу известно.

— Спасибо за информацию, — пробормотал Ивашура, озадаченный этой новостью. Впрочем, он был готов к такому сообщению. Агенты «хронохирургов», просочившись в ряды ФСБ, не могли не подчинить деятельность службы у стен Башни своим целям. А цели эти были просты — уничтожение хрономембран Ствола, отсечение его от трактрисы «Бича времен».

К концу дня Ивашуре удалось связаться с другом из военной контрразведки в Москве и уговорить его приехать. Друг — полковник Гаранин курировал спецобъекты, то есть военные заводы и базы на территории России и мог выправить командировку в любой район страны, особенно не засвечиваясь.

Затем Ивашура встретился с лейтенантом Кущей, который все еще командовал взводом оцепления зоны вокруг Башни, и договорился о проведении «секретного рейда» к Башне — во имя интересов науки, разумеется. Посвящать в детали лейтенанта он не стал, хотя знал его отношение к себе и мог надеяться на парня почти как на самого себя.

Куща предложению не удивился. Он тоже хорошо знал рисковую натуру бывшего начальника экспедиции и верил в его истовую увлеченность научными тайнами, ради которых можно было пренебречь положением и даже рискнуть жизнью.

Вечер Игорь Васильевич провел с Вероникой.

Им удалось избавиться от слежки, которую демонстративно вели двое крепких молодых людей, и спокойно посидеть в знакомом ресторанчике. В девять часов вечера они встретились с Ива-

ном у тетки Таи, доживающей век в собственном доме на улице Гомонова. В десять по этому же адресу заявился крепко сбитый плечистый мужчина лет сорока, оказавшийся полковником Гараниным Олегом Борисовичем.

— Рассказывайте, — пророкотал он басом, пожав руки мужчинам и оглядев женщин, как бы спрашивая: а вы что здесь делаете?

Тая, в отличие от Вероники не смутившаяся подобной оценкой гостя, усадила всех в гостиной — в горнице, как говорила ее тетка Ксения, — принесла чай, бутерброды с сыром и колбасой, и женщины подсели к телевизору. Ивашура, с удовольствием выпив чашку ароматного чая с чабрецом, принялся вводить приятеля в курс дела, не заботясь о впечатлении, каковое должен был составить Гаранин о рассказчике.

Иван ждал реакции гостя, в душе забавляясь ситуацией, но полковник ничем не выдал своих чувств, даже когда Игорь Васильевич дошел до «хронохирургов» и Тех, Кто Следит. Ивашура закончил рассказ, наступило молчание. Все, даже тихо беседующие о чем-то женщины, смотрели на полковника, ожидая, что он скажет.

— Да! — проговорил он наконец и улыбнулся, отчего каменное лицо его пошло морщинами и складками, сразу добавив к возрасту десяток лет. — Всякое слышал, но такое... Если бы не Башня, сама по себе являющаяся феноменом, да ваше неожиданное возвращение, не поверил бы!

Полковник вдруг остро посмотрел на Ивана.

— Вы уверены, что в нападении на вас участвовали сотрудники конторы? Я имею в виду ФСБ.

— Уверен, — хмуро ответил Костров.

— А доказательства?

— Доказательства вот, — усмехнулся Ивашура, показывая «бизоны». — Иван отобрал их у помощников Сысоева. — Он поколебался немного и вынул из-под джинсовой рубашки «универсал». — И еще вот это.

Гаранин покачал в руке грозное оружие, напоминающее «маузер», но зализанное, создающее особое впечатление мощи, с удобно умещавшейся в ладони рукоятью.

— Хороша машина! Заряжена? Чем стреляет? Разрывными?

— Силовым полем либо плазменными сгустками. — Ивашура отнял у полковника пистолет. — Форма силового разряда варьируется в широких пределах, можно при желании сформировать силовой пузырь и в виде пули. Ну так что посоветуешь?

Гаранин задумался, потер пальцем переносицу.

— Надо разобраться. Нужны прямые доказательства, что федералы готовят взрыв Башни.

— Ночью я отправляюсь к ней, можешь присоединиться.

— Ты серьезно?

— Я всегда говорю серьезно, особенно в подобных обстоятельствах.

— Лекция о противозаконности подобных действий нужна?

— Нет.

Полковник хмыкнул, оглядел сидящих напротив десантников, снова потер переносицу.

— А если вас перехватят в зоне?

— Пробьемся. Не перехватят.

Олег Борисович отхлебнул чаю, покосился на прижавшихся друг к другу женщин.

— Нужно подготовиться. Я с вами. Плюс двое моих ребят. Не волнуйтесь, профи высокого класса. Кто еще пойдет?

— Иван, я, один лейтенант из взвода оцепления, все ходы и выходы здесь знает, ну и вас трое. Итого шесть человек.

— А мы? — подала голос Тая.

— А вы подождете здесь, — твердо сказал Ивашура.

Вероника хотела возразить, но посмотрела на лицо Игоря Васильевича и промолчала.

* * *

Отряд миновал оцепление в районе болота возле Пожны, где когда-то проходила линия электропередачи. Болото за три недели июньской жары подсохло, и лейтенант Куща, действительно знавший окрестности Башни как собственный огород, провел отряд там, где никто не удосужился поставить ограждение из колючей проволоки.

Впереди группы бесшумно скользили Куща и парни полковника Гаранина, не слишком высокие, не особенно накачанные и широкоплечие, но тем не менее уверенные, сдержанные и опасные, словно укус змеи. За ними шли Ивашура и Гаранин, а прикрывал тылы Иван Костров, вооруженный «бизоном» и кинжалом. У Кущи имелся «калашников». Как были вооружены полковник и его команда, Ивашура не знал, сам он нес за ремнем брюк «универсал» и второй «бизон».

Впервые за три дня, которые пробыл в Брянских лесах Игорь Васильевич, луна спряталась за облака, и это обстоятельство благоприятствовало замыслу.

Через полчаса выбрались к мостику через реку. Здесь, по утверждению Кущи, пролегала дорога к Башне, по которой некие спецслужбы в обстановке полной секретности гоняли колонны грузовиков.

— Пошли вдоль нее, — шепнул Ивашура Гаранину. — Она приведет нас не просто к Башне, а прямо к базе тех, кто ее строил.

— Не стоит, Игорь Васильевич, — вмешался Куща. — Дорога наверняка просматривается и охраняется, я проведу вас более коротким путем, в обход топи.

Нырнули в заросли осинника слева от свежей грунтовки, снова вышли к просеке ЛЭП. Темп движения снизился, идти приходилось все более осторожно, чтобы не шуметь осокой и камышом. Поэтому оставшиеся шесть километров до Башни преодолевали больше полутора часов. Наконец выбрались на всхолмленное, разломанное давними подвижками Башни пространство, на котором не росло ничего, даже трава, остановились под защитой брошенного БТРа, попавшего когда-то под «мертвый выброс». Лобовая броня вездехода блестела как серебро, корма же, наоборот, почернела, словно вымазанная сажей.

Лейтенант коснулся плеча Ивашуры, показал рукой вправо. Игорь Васильевич поднял к глазам захваченный у исследователей аппарат ночного видения. Поле и черная стена Башни, закрывшая половину небосвода, окрасились во все оттенки багрового и коричневого цветов. Башня перестала быть монолитом, входом в преисподнюю, покрылась узором более светлых рубиновых пятен на общем темно-коричневом фоне и сеточкой оранжевых прожилок, что говорило о каких-то источниках тепла. Поле стало светло-коричневым со множеством более темных полос. И на этом фоне ярко высветились два металлических барака, пять автомашин: три фургона, джип и «Волга», а также штабеля каких-то ящиков и бочек. Возле них возились люди, но с километрового расстояния разглядеть в ноктовизор, что они делают, было невозможно, а бинокль ночью помогал мало.

— По-моему, они таскают ящики внутрь Башни, — одними губами выдохнул на ухо Ива́шуре Костров.

— Что это может означать?

— Только одно: в ящиках взрывчатка, в бочках — бензин, и разносят их по всему зданию, где стоят лифты хрономембран. Чтобы уничтожить лифты наверняка, взрывчатки надо много, вот и возят ее уже несколько месяцев. Узнать бы, в какой стадии находится вся операция.

— Для этого надо проникнуть в Ствол и проверить. Причем без шума. Снять все на пленку.

— Зачем?

— Полковнику нужны доказательства не санкционированной сверху деятельности ФСБ, только после этого он задействует военную контрразведку и поможет нам.

— Может, обойдемся своими силами?

— Не обойдемся.

— А если он с ними? И эти его профессионалы — «санитары»? Один раз мы уже обожглись — с Одинцовым.

— Я слишком хорошо знаю Олега. К тому же он не занимался Башней и заинтересовать «санитаров» не мог.

— Тогда давай прямо сейчас и рванем туда.

— Куда? — придвинулся к разговаривающим полковник; он услышал последнюю фразу.

— Дитё шутит, — сердито прошептал Ивашура. — Ну что, Олег Борисович, определился?

— Наполовину, — отрывисто бросил Гаранин. — То, что по дороге к Башне ездят грузовики, возят какие-то ящики, еще ни о чем не говорит. И этот лагерь под стенами тоже. Мало ли чем может заниматься служба безопасности?

— Вот именно, — с иронией хмыкнул Костров. — Игорь, давай хоть дриммер заберем, что ли. В любой момент может пригодиться.

— Рано, пусть лежит.

— Что заберете? — полюбопытствовал Гаранин.

— Когда мы вышли оттуда, то спрятали возле Башни одну вещь, дриммер называется. Говорят, он может трансформироваться в любое изделие рук человеческих, но мы использовали его в качестве меча.

— Помощней ничего не догадались прихватить?

— Во-первых, у нас не оставалось времени добывать себе оружие, а во-вторых, дриммер очень необычное устройство. Может случиться, что ты еще испытаешь его в действии. Что ж, разведчики, пошли обратно. Больше нам здесь делать нечего. Теперь мы знаем, как проще всего подобраться к Башне. Подготовимся и вернемся. Лишь бы нам никто не помешал.

Внезапно в районе базы вспыхнул прожектор. Его луч описал полукруг и уперся в БТР, за которым прятался отряд Ивашуры. Все замерли.

— Отходим! — почти беззвучно шепнул Гаранин.

— Не торопись, — прижал палец к губам Игорь Васильевич. — Собак у них, к счастью, нет, а если пойдут люди, мы всегда успеем разбить прожектор и уйти. Не хочется поднимать лишний шум.

Издалека донеслись громкие голоса, скрип, металлическое позвякивание. В ту же секунду о корпус вездехода ударила пуля, с визгом отрикошетировала, и лишь потом донесся звук выстрела.

— Приготовьтесь. — Ивашура достал «универсал». — Как только я расстреляю прожектор — бегите к лесу и вдоль реки к болоту.

Послышался второй шлепок пули о борт БТРа, на этот раз без

рикошета, затем щелчок выстрела. Стреляли явно из винтовки с оптическим прицелом.

— Черт, у них, наверное, звуковые сканеры! — Ивашура высунул руку из-за гусеницы и сделал два выстрела, выбрав в качестве пуль плазменные сгустки. Два неярких шарика размером с желудь метнулись вдоль оси луча лазерного целеуказателя и разнесли прожектор в пыль. Упавшая темнота показалась абсолютной.

— Пошли! — выдохнул Ивашура, и они помчались назад, рискуя запнуться о пласт земли или камень и сломать шею.

ГЛАВА 6

Два дня Ивашура деятельно готовился к разведрейду в Башню, искусно имитируя увлеченность научными проблемами, стоящими перед исследователями. Но если в первый день после ночной вылазки к Башне его донимали особисты и федералы Сысоева, дотошно выспрашивая подробности похода по хроношахте, придирчиво уточняя детали, расположение хрономембран и складов и даже пытаясь выяснить, где и с кем он провел ночь, то второй день прошел чересчур спокойно, из чего Игорь Васильевич сделал вывод, что агентура «хирургов» готовит для вернувшейся команды неприятный сюрприз. Поразмыслив над этим, Ивашура принял решение упредить сюрприз и уйти в рейд, не дожидаясь возвращения Гаранина из Москвы. Полковник убыл туда ранним утром второго дня вместе со своими зубрами контрразведки и приказал без него ничего не предпринимать.

После встречи с Гришиным Игорь Васильевич уединился в одной из кают фургона-гостиницы, предоставленной ему в единоличное пользование нынешним начальником экспедиции, и набросал в мыслях план предстоящей кампании. Смущал его лишь один факт: майор Сысоев, одевающийся даже в летнюю жару в глухую рубашку и пиджак (скрывает «паутинку» на коже?), должен был иметь помощников не только из среды профессионалов ФСБ, подчиненных ему по службе, но и прямых агентов «хирургов», закодированных для решения одной-единственной задачи: уничтожения хроношахты.

Занятый размышлениями, Ивашура не сразу расслышал стук в дверь. Спохватился:

— Входите, не заперто.

Вошла Вероника, с виду уверенная и спокойная, как всегда, но в глазах женщины явно читалась озабоченность и тревога.

— Что-нибудь случилось? — насторожился Игорь Васильевич.

— В принципе ничего, — отмахнулась Вероника, оказываясь

вдруг в объятиях Ивашуры и освобождаясь из них через некоторое время. — Следит за мной один тип... куда я, туда и он.

— Этого следовало ожидать. Ты его знаешь?

— Видела в компании майора.

— Ну и черт с ним, пусть следит. В нужное время мы всегда сможем от него избавиться.

— Надоела их бесцеремонность. А ты о чем задумался?

— О «санитарах» и их слугах. В лагере кто-то еще, кроме Сысоева, должен быть «санитаром». Надо искать.

— Как ты их собираешься искать?

— Они меченые. По всему телу нечто вроде татуировки — тонкие синеватые прожилки, складывающиеся в узор редкой паутинки. Это они получили в подарок от хронобура, явившегося причиной ответвления от Древа Времен нашей Ветви. Точнее, Ветви, давшей начало огромному количеству Ветвей, в том числе и нашей.

— Не представляю процесс, оставивший такой след на телах «санитаров». И почему он затронул только их?

— Не знаю, не задумывался, но эту информацию мы получили от одного из эмиссаров наших могущественных друзей из будущего, а он знал, что говорил. Хотя я, конечно, тоже не представляю, каким образом рождение Ветви — Метавселенной способно затронуть живых существ в других мирах, да еще со столь изощренной избирательностью.

— По-моему, я видела у кого-то на руке такую татуировку. — Вероника наморщила лоб. — Давно, месяц назад. Дай Бог памяти... Ах да, у Ленечки Гибелева, совершенно случайно. Он умывался, я тогда еще удивилась: с чего это мужик в свитере умывается, только рукава закатал. А он увидел, застеснялся. Неужели ты думаешь?..

— Я ничего не думаю, но все может статься. Надо проверить вашего Ленечку. То-то он примчался из столицы за несколько часов, как только узнал о нашем выходе. Ника, нужна твоя помощь.

— Все, что угодно.

— Сходи в Жуковку и вызови Ивана. Он знает, куда прийти.

— Но за мной же следит...

— Не беспокойся, это моя забота. Выходи не спеша и делай вид, что ничего не замечаешь.

— *Только ты осторожней.*

Ивашура засмеялся, поцеловал Веронику и подтолкнул к двери.

— Все будет хорошо.

Женщина вышла. Через несколько секунд Игорь Васильевич вылез в окно фургона с другой его стороны, убедился, что здесь нет наблюдателя, следившего за ним лично, и увидел, как от со-

седнего фургона наискосок двинулась за Вероникой фигура в темном спортивном костюме. Вторая фигура осталась на месте, ожидая своего подопечного. Шел уже десятый час вечера, но было достаточно светло, чтобы разглядеть под тонкой тканью костюма ремень наплечной кобуры.

«Жди, жди, — подумал Ивашура с насмешкой, — я с тобой потом поговорю».

Вероника миновала пост охраны лагеря, где дежурили местные милиционеры, свернула к домам пригорода Жуковки, но пошла не по асфальтовой дороге, а по тропинке через небольшую сосново-березовую рощицу.

— Умница ты моя! — прошептал Ивашура, оценив маневр женщины. Бесшумно двинулся наперерез паре: впереди Вероника, метрах в тридцати сзади — «спортсмен». Выбрал место, где тропинка обходила заросли кустарника, подождал, пока с ним поравняется преследователь, и вышел из-за ствола сосны.

— Закурить не найдется?

Парень, следивший за Вероникой, долговязый, длинноволосый, с носом-пуговкой, шарахнулся в сторону, сунул было руку за пазуху, но Ивашура опередил его классическим ударом в подбородок. Описав дугу, тело парня нырнуло в заросли крапивы и осталось лежать неподвижно.

«Смотри-ка, давно не дрался по-боксерски, — подумал Игорь Васильевич, пососав костяшки пальцев, — а навыки остались. Кажется, я уложил его надолго, даже Ивану понравилось бы».

Проследив за голубой блузкой Вероники, пока та не скрылась за домами, он вернулся в лагерь, демонстративно профланировал мимо ошеломленного его появлением наблюдателя и обнаружил в своей каюте лейтенанта Кущу, смотрящего телевизор.

— Привет, Володя. Что-нибудь нужно?

— Не мне, — усмехнулся лейтенант, и лицо его, лицо двадцатичетырехлетнего парня с ямочками на щеках, на мгновение стало очень старым и мудрым.

Ивашура внимательно всмотрелся в глаза Кущи, как бы невзначай опустил руку в карман куртки, где грелся о бок «универсал». Спросил негромко:

— Кто вы?

Лейтенант кивнул, продолжая улыбаться с некоторым снисхождением, сочувствием и пониманием собеседника.

— Вы хорошо схватываете ситуацию, Игорь Васильевич.

— Оголите руку по локоть!

Куща, одетый в армейский полевой костюм, закатал рукав куртки, подержал худую незагорелую руку пальцами вверх, расправил рукав, аккуратно застегнул пуговицу.

— Осторожность не помешает, тут вы правы.

Ивашура снял палец с курка, готовый стрелять сквозь ткань кармана. Куща не был отмечен «татуировкой» «хирургов».

— Вы эмиссар Тех, Кто Следит?

— Совершенно верно.

— Никогда бы не подумал! — Игорь Васильевич покачал головой, улыбнулся. — Извините. В моем представлении эмиссаром мог быть умудренный опытом человек, Гришин к примеру, но никак не юный офицер. Что заставило тебя... вас раскрыться?

— Время, — серьезно ответил Куща. — Вернее, его отсутствие. По моим данным, на завтра запланировано уничтожение Башни. «Санитары» выявили все хрономембраны здешней линии, их всего четыре, и закончили их минирование.

— Ясно. Наш разведрейд опоздал. Постойте, как же нас выпустили из Башни? Если все лифты заблокированы...

— Вы забываете, что доставил вас сюда не Ствол хроношахты, а трансгресс. Кстати, выход его сохранился.

— Что посоветуете нам делать?

— Я смог определить координаты трех мембран, необходимо найти четвертую и уберечь ее. Судя по перехвату переговоров Сысоева со своими помощниками, они зачем-то засекретили ее местонахождение от всех заинтересованных лиц и готовят какой-то особый взрыв — с передачей энергетического импульса в соседний узел Ствола.

— Чтобы и там разрушить мембраны.

— Возможно. Моя компетенция так далеко не распространяется.

— Ты... вы пойдете с нами?

— Нет, моя задача — вывести вас на цель. До Башни я вас доведу и помогу всеми имеющимися в распоряжении средствами, а дальше вы пойдете одни.

— Полковник Гаранин «санитар»?

— По имеющимся у меня данным — нет.

— Камень с души!.. Тогда придется подождать его возвращения, вдвоем с Иваном нам не справиться. Я собирался потрясти Гибелева, по всей видимости, он один из врагов, на предмет выяснения деталей операции, которую готовит Сысоев.

— Гибелев? Телекомментатор? Значит, это еще один. Я имею сведения о трех «санитарах». Это Сысоев, заместитель секретаря СБ Козюля и физик Меньшов.

— Что?! — Ивашура от неожиданности поперхнулся соком, брызнув на собеседника. — Простите!

— Ничего. Он ваш друг?

— Не друг, но... черт! Когда его завербовали?

— Закодировали, это совсем иной процесс. Сейчас я уйду, пора на развод, а в полночь вернусь. Сможете избавиться от хвоста?

— Смогу.

— Вот вам рация. — Куща передал Игорю Васильевичу черный квадратик величиной с почтовую марку, прижал его пальцем, и в углу квадратика замигала зеленая искорка. — Будем держать связь. И вот вам еще на всякий случай. — Лейтенант достал нечто вроде значка: золотой паучок с множеством тонких ножек-проволочек. — Это опознаватель «свой-чужой», в нужный момент он подает сигнал: «Я свой!»

— Зачем он мне нужен? В какой нужный момент?

— Узнаете. Закрепите под волосами на лбу. — Лейтенант встал. — До связи, Игорь Васильевич. Действуйте, как наметили.

Он ушел, а Иващура остался сидеть с ощущением плавящегося от перегрева мозга.

Иван почувствовал слежку, когда выходил из магазина с Таей, где они накупили продуктов на несколько дней: колбасу, консервы, овощи, хлеб, молоко, чай. Тая не хотела объедать теток, как она выразилась, живущих только на одну пенсию, и Костров счел этот довод справедливым.

— Иди потихоньку, не оглядывайся, — сказал он девушке одними губами. Сделав вид, что расшнуровалась кроссовка, нагнулся, завязал шнурок, оглядел улицу и успел заметить беглый взгляд какого-то небритого парня в спортивном костюме, покупавшего сигареты в киоске напротив. Иван узнал его. Не узнать мрачное бледное лицо, хотя и порядком подзаросшее щетиной, с челкой на весь лоб и квадратной челюстью, было нельзя. Парень был напарником капитана Агатова из команды Сысоева.

Что заставило Ивана пригнуться и вскинуть над головой руку, он и сам не понял. На руку упало какое-то тонкое черное кольцо, словно кто-то играл в кольца и набросил одно на стержень. Кольцо тут же уменьшилось в диаметре, до боли перехватив предплечье. Мышцы обожгло, словно руку обвил раскаленный обруч, затем по жилам вниз потек такой мертвящий холод, что захолонуло сердце.

Однако Иван был слишком опытен, чтобы удивляться впустую и анализировать свое состояние во время боя. Он тут же упал вперед, перекатился через голову и вскочил, оборачиваясь, уже понимая, что врагов двое. Этот второй, одетый по-другому — в серые брюки и рубашку, изумленно смотрел на Кострова, еще не веря, что бросок кольца не удался, сунул было руку в карман, однако из двери магазина за его спиной вывалилась целая компания, и стрелять он не стал. Отступил, потом, когда Иван сделал к нему движение, бросился прочь. За ним рысью помчался напарник.

Подбежала Тая, не заметившая падения друга, но оглянувшаяся в тот момент, когда «игрок в кольца» брался за рукоять пистолета.

— Что с тобой?!

Тут только Иван вспомнил о кольце, почувствовал боль в руке, уже порядком онемевшей, и озадаченно глянул на странное кольцо, ставшее кроваво-красным и более толстым, чем было раньше.

— Что это? — округлила глаза Тая.

Иван попытался ослабить хватку кольца, с трудом сдвинул его с места и покатил по руке вниз, к запястью. Снял, с облегчением вздохнул. Затем глянул на передавленное предплечье, начавшее синеть, и похолодел. Он понял, что это такое. Кольцо предназначалось для его шеи и служило автоматической удавкой! Будучи наброшенным на шею, оно сжималось и душило жертву за несколько секунд, а снять его обратно через голову вряд ли было возможно.

Наверное, он побледнел, потому что Тая испуганно уцепилась за его плечо и оглянулась. Глаза ее снова стали огромными. Она тоже поняла.

— Петля?

Иван кивнул, все еще рассматривая холодное и упругое, как тело змеи, кольцо. Сунул в карман.

— Пошли домой.

— Он пытался тебя... задушить?

— Нас выследили, надо уходить отсюда. И хорошо бы повидаться с Игорем, посоветоваться.

Тая, бежавшая за Костровым чуть ли не вприпрыжку, отстала и замолчала, и он был вынужден идти медленнее.

— Не обижайся, Тайна. Но все это серьезнее, чем мы думали. Кто-то спокойно кладет на весы чужие жизни, лишь бы устранить нас с дороги. Тебе надо уехать. Немедленно!

— Нет, — отрезала девушка.

Он остановился, повернул ее к себе, проговорил как можно более убедительно:

— Я очень не хочу тебя потерять, Тайна. Понимаешь?

— Я тебя тоже, — ответила она шепотом. — Но одна не уеду.

До девяти вечера они пробыли у тетки Ксении, не подавая вида, что напряженно ждут нежелательных гостей. Однако гость вскоре прибыл, и оказалась им Вероника Ткаченко, посланная Ивашурой.

— Вас ждут в условленном месте в десять часов, — сказала она, оглядев притихшую пару. — Что это с вами?

— Расскажи. — Иван накинул куртку, сунул под ремень «бизон». — Сидите здесь, пока не приду.

Тая хотела остановить его, но он уже исчез в саду за верандой теткиного дома.

В десять Костров встретил Ивашуру у поворота дороги на Скрабовку, возле трех мощных дубов, за которыми начинался сосновый лес. Башня отсюда была не видна за деревьями, но присутствие ее черной громады ощущалось во всем: в молчании леса, в отсутствии лесных птиц и насекомых, в застывших деревьях, в самом воздухе и в противоестественной тишине. Лишь изредка где-то взревывали моторы машин, тут же замолкая в испуге, да издалека прилетал перестук колес электрички, разносившийся на многие километры окрест. Луна еще только показалась из-за горизонта, огромная, распухшая, медно-красная, с синими тенями морей, и казалась лицом сторожа, охранявшего мрачный покой Башни.

— Как вы там? — осведомился Ивашура, пожав все еще побаливавшую руку Ивана.

Тот протянул ему тяжелое кольцо-удавку.

— Что это? Кистевой эспандер?

— Душитель. — Иван изложил историю с нападением. — Наверное, новое оружие из арсенала «санитаров».

— Или нашей ФСБ. Их спецы тоже не стоят на месте в творческом поиске методов умерщвления человеков. — Ивашура не остался в долгу и передал разговор с лейтенантом Кущей. — Так что у нас здесь есть не только враги, но и союзники. А сейчас мы с тобой должны взять Гибелева и вытрясти из него все, что знает.

— Зачем?

— Он один из «санитаров».

Иван хотел сказать: не может быть! — но лишь звучно сплюнул.

— Этого следовало ожидать. Я еще в первую встречу обратил внимание на его свитер. Свитер летом!

— Времени у нас в обрез. Сысоев собрался взрывать Башню сегодня ночью.

— Давай свой план.

Обсудив детали захвата, они двинулись к лагерю экспедиции, освещенному по периметру двумя фонарями и прожектором, работающим от сети. Попросив закурить у парней, «прогуливающихся» по территории, они скрутили их, не ожидавших такого наглого нападения от объектов своего наблюдения, связали и заперли в каюте Ивашуры в гостинице. Затем принялись за поиски Гибелева.

Им повезло.

Телекомментатор ЦТ отыскался в расположении склада горюче-смазочных материалов, где он заправлял бензином из запасов экспедиции сысоевский «БМВ» с затемненными стеклами.

Ивашура с Иваном подождали, пока он выедет с территории склада, и остановили машину за воротами, у стены деревянного барака, где было темно.

— Подвезти? — с преувеличенным оживлением спросил Гибелев, несмотря на теплый вечер одетый в свитер с воротом до подбородка. — Рад видеть доблестных путешественников. Куда собрались на ночь глядя?

— Привет, Леня. — Ивашура влез на переднее сиденье, кивнул на панель управления «БМВ» с полихромным индикатором. — Серьезный у тебя аппарат. Случайно его Сысоеву не «хирурги» подарили? Или ФСБ раскошелилась?

Гибелев замер, потом дернулся к бардачку, сразу сообразив, что шутками здесь не пахнет, но Игорь Васильевич перехватил его руку, а Иван упер в шею сзади острие кинжала.

— Тихо, «санитар»! Люди мы суровые, битые и щадить тебя в случае чего не будем. Веди машину и не нервничай.

Гибелев посидел немного в раздумье, поерзал на сиденье, устраиваясь поудобней, выжал сцепление. По его лицу не было видно, что он сильно обеспокоен.

— Куда?

— Налево и в лес, к реке. Иван, обыщи-ка его.

Костров тщательно ощупал свитер и брюки водителя, обнаружил точно такое же кольцо-удавку, которое едва не задушило его в Жуковке, показал Ивашуре. Тот кивнул, открывая дверцу бардачка и извлекая оттуда «бизон» и две гранаты «РГ-8». Сказал флегматично:

— Неплохо вас экипируют, Леонид Дмитриевич.

Иван пошарил под сиденьем водителя и вытащил оттуда огромный черный револьвер длиной чуть ли не в полметра. Выдохнул с восхищением:

— Вот это да! Слышать слышал, но вижу такую машину в первый раз!

— Что это? — оглянулся Ивашура.

— Модель 458 «Целиска» под патрон «винчестер-магнум», австрийцы изготавливают. С такими револьверами на слонов можно охотиться. С пятнадцати метров пробивает стальную пластину толщиной в сантиметр.

— Интересно, зачем Леониду Дмитриевичу такая мощная гармата? — равнодушно пожал плечами Игорь Васильевич. — От него же шуму — как от пушки. Может, форма — это лишь маскировка?

Гибелев, изогнувшись, попытался выхватить у Ивашуры револьвер, но получил удар по уху и упал на сиденье. Машина вильнула, едва не врезавшись в дерево, остановилась, мотор заглох. Наступила тишина.

— У него должна быть рация для связи со своими, — все тем же ровным голосом сказал Ивашура.

Костров снова начал ощупывать одежду «санитара» и нашел висящую на шее на цепочке вместо крестика телесного цвета пластинку с мигающим зеленым глазком.

— Она?

Ивашура глянул на рисунок «татуировки» на шее Гибелева, рванул цепочку так, что она лопнула, внимательно осмотрел пластинку, кивнул.

— Похоже. У меня такая же. — Повернулся к Гибелеву, смотрящему вперед сквозь прищур век и насвистывающему сквозь зубы какую-то мелодию. — Я понимаю, Леонид, что вы не боитесь смерти, уж так вас запрограммировали хозяева, поэтому пугать этим я вас не буду. Но вот покалечить вас, избирательно, так сказать, мы можем. Пояснить, что я имею в виду?

— Не надо, — перестал насвистывать Гибелев. — Похоже, мне не надо было покидать столицу.

— Это уж точно. Но так удобно все складывалось: появились мы, вам позвонила Вероника... Когда вас завербовали?

— Завербовали? — не понял телекомментатор.

— Ну закодировали. Кто, Сысоев?

— Нет, еще Одинцов, перед уходом с вами. Так что я тут давно и обосновался прочно. Давайте говорить о деле. Я, конечно, лажанулся, как любят говорить переводчики американских телебоевиков, но и вы не в том положении, чтобы диктовать свои условия. Предлагаю обмен: вы отпускаете меня, мы перестаем охотиться на вас. А через сутки мы и вообще исчезнем.

— Вместе с Башней, — кивнул Ивашура. — Это нам известно. Где находится четвертая мембрана, которой занимается лично Сысоев?

Гибелев поскучнел.

— Вы и это знаете? А если я не скажу?

Ивашура с улыбкой обменялся взглядом с Иваном.

— Скажете!

Гибелев заерзал, почесал за ухом, снова рванулся было к Ивану, все еще разглядывающему суперревольвер, и снова получил удар по уху. Прижал ладонью вспухшее еще от первого удара ухо.

— Черт, для научного работника вы деретесь слишком хорошо! Допустим, я отвечу. Но где гарантии, что вы меня отпустите?

— Ну-ка, Ваня, дай мне пушку. — Ивашура взял тяжелый револьвер. — Что это он так нервничает из-за нее?

Он откинул барабан и высыпал на ладонь пять длинных, тяжелых, с палец величиной золотистых патронов с черными головками пуль.

— Интересные пульки. Ты такие видел?

— Таких не видел. Видать, пули не простые. Испытать бы? Давай привяжем этого деятеля к рулю, отойдем подальше и шарахнем по машине.

Гибелев начал бледнеть, на лбу его выступила испарина.

— А что, неплохая идея, — подыграл Ивану Игорь Васильевич. — Ну, Леонид Дмитриевич, как обменчик? Вы нам ответы на все наши вопросы, мы же не станем испытывать на вас этот револьверчик. Годится?

Телекомментатор облизнул сухие губы, закрыл глаза, открыл, выдавил через силу:

— Спрашивайте.

— Координаты четвертого лифта.

— Сто двадцать первый этаж, рабочая зона со стороны реки, увидите.

— Отлично, проверим. Кто еще закодирован, кроме Козюли, тебя, Сысоева и Меньшова?

В глазах Гибелева мелькнуло удивление, но страха не было. Он действительно не боялся смерти, хотя только что панически реагировал на угрозу пальнуть по нему из револьвера.

— Эмиссар-один — Сысоев, агентов влияния пятеро: Меньшов, я, один из лейтенантов Сысоева, Козюля и один из вице-премьеров правительства.

— Старостин?

— Нет, Чуйко. Мы закодировали его для дезориентации правительства и финансирования...

— Понятно. Когда намечается взрыв Башни?

От щек Гибелева снова отлила кровь, но ответил он быстро, даже слишком быстро:

— Завтра ночью.

Ивашура и Костров обменялись понимающими взглядами, однако уличать «санитара» во лжи не стали.

— Какая из мембран планируется вами для отхода?

— Кроме четвертой, больше не работает ни одна... — Гибелев заметил, как сдвинулись брови Ивашуры, закончил с колебанием: — Вторая, на семнадцатом этаже. Но она заблокирована, Сысоев не может в нее попасть сам. Ждет помощи.

— Что ж, благодарим за информацию, — растянул в улыбке губы Ивашура, и Костров тут же нанес удар по затылку Гибелева рукоятью револьвера. Телекомментатор обмяк.

— Что будем с ним делать?

— Свяжем и оставим в лесу, чтобы часа три-четыре не смог выбраться. Нам этого времени должно хватить.

— А машину?

— Есть идея. Машина принадлежит Сысоеву. Мы подъедем на ней прямо к базе майора у Башни, никто не остановит, руча-

юсь. Разоружим охрану, проникнем в Башню, а дальше — по обстоятельствам.

— Ну, стратег! — восхищенно крутанул головой Костров. — Даже я такого бы не придумал. Только не забудь забрать дример. Меч нам очень пригодится, там, внутри. Во всяком случае, с его помощью можно будет проникнуть в заблокированную зону лифта на семнадцатом этаже.

— Мы, кажется, друг друга стоим, — улыбнулся Ивашура. — Жаль, что мы не успели спросить у Лени, как включается удавка. Спрячь ее пока у себя. Доставай упряжь.

Они связали потерявшего сознание Гибелева, еще раз убедившись, что он «санитар», по сеточке «татуировки» на теле, отнесли его подальше в лес и привязали к стволу сосны, предварительно вставив в рот кляп. В лагерь вернулись в одиннадцать часов с минутами и тотчас же узнали, что вернулся полковник Гаранин.

ГЛАВА 7

Телекамеры были размерами со спичечный коробок и крепились на лацканы курток, сигналы же с них записывал компьютер и синтезировал целостную картину события, которое представляло собой поход в Башню отряда из семи человек: Ивашуры, Кострова, Таи, Вероники, полковника Гаранина и двух его «зубров» — капитана Клюева и прапорщика Сергеева.

Кроме телекамер, Гаранин привез оружие — пистолеты «кабан» и бронежилеты из кевлара, легкие, тонкие, но выдерживающие, по его словам, удар автоматной пули и осколки гранат. Больше всего броникам обрадовался Ивашура, потому что это было единственной защитой для Вероники, женщины, несомненно, смелой, но не владеющей навыками рукопашного боя и десантно-разведывательных операций. Тая в этом смысле была образованна лучше.

Прежде чем отправиться в путь, Ивашура связался по рации с лейтенантом Кущей, получил ответ: «Не ждите меня, присоединиться не могу, но подстрахую» — и вынужден был начинать рейд не так, как задумал.

Разговаривали мало, обстановка не благоприятствовала беседам и шуткам. По одному, под прикрытием ребят Гаранина, перебрались в лес, к машине, убедились, что слежки нет, и погнали «БМВ» в обход лагеря к дороге, по которой сотрудники ФСБ гоняли к Башне грузовики со взрывчаткой.

Расчет Ивашуры оказался верным. Машину майора Сысоева на КПП знали и пропустили в зону возле Башни без проверки документов, лишь откозыряли на короткий гудок.

— Значит, самого Сысоева здесь нет, — заметил Костров. — Странно. Если они собрались взрывать Ствол сегодня ночью...

— Он может подъехать позже или вообще будет руководить операцией дистанционно.

Иван счел эти доводы резонными и замолчал, проворчал только:

— Лишь бы не поднял панику раньше, обнаружив, что Гибелев куда-то пропал вместе с машиной.

Девять километров проехали по дороге, не включая фар, настороженно вглядываясь в темноту леса. Луна то показывалась из-за облаков, то скрывалась за ними, и это обстоятельство держало всех в досаде и напряжении. В километре от Башни Ивашура остановил «БМВ».

— Ждите здесь, не выходите из машины. Мы с Иваном сейчас прогуляемся кое-куда и через полчаса вернемся.

— Куда? — тихо спросил Гаранин.

— Заберем спрятанное снаряжение.

Не поясняя, что он имеет в виду, Ивашура выбрался наружу, подождал Ивана, и они канули в темноту как привидения, не хрустнув сучком и не прошелестев травой.

До того места, где они спрятали меч-дриммер, идти надо было с километр. Сориентировавшись, десантники обошли болотце, бегом преодолели открытое пространство до стены Башни, выросшей над головой бесконечной стеной мрака, отдышались за глыбой земли.

— Хорошо, что база совсем с другой стороны и отсюда не видна, — шепнул Костров. — Вот было бы смеху, выйди мы тогда прямо на нее.

— Смех был бы горький, — проворчал Ивашура. — Перестреляли бы нас, как перепелов, и костюмы б не спасли. Ты точно помнишь место?

— Еще полста метров, возле поваленной сосны.

Крадучись, они пошли вдоль стены Башни, обходя горки и встопорщенные пласты почвы, обнаружили упавшее дерево с вывороченными корнями и были остановлены тихим, но непреклонно-выразительным возгласом:

— Стоять! За оружие не хвататься!

Вспыхнул луч фонаря, осветил землю, чьи-то ноги в ботинках сорок пятого размера и длинное, узкое, туманно-прозрачное и металлическое одновременно лезвие меча.

— Дриммер у меня, — продолжил человек знакомым голосом. — Так что будь благоразумен, Игорь Василич.

— Меньшов? — Ивашура напряг зрение, силясь разглядеть лицо говорившего. — Виталий, ты? Один?

— Я, Игорь. — Человек осветил свой плащ, бородатое лицо,

погасил фонарь. — Только, во-первых, в настоящий момент не доктор физматнаук Меньшов Виталий Борисович, а резидент «хирургов», и ты это знаешь, а во-вторых, я не один, а с дриммером, что сводит ваши шансы уцелеть к нулю.

— Это всего лишь меч, — пренебрежительно процедил сквозь зубы Костров.

— Ошибаешься, рыжий. Дриммер потому и назван дриммером, что может не только превращаться в любые предметы, внесенные в программу, но и выполнять любые желания и приказы. Надо лишь знать код, так сказать, «слово власти». Я знаю. Понятно?

— Понятно, господин резидент. Как ты его нашел?

— Он не был заблокирован, а полуинициированный дриммер излучает в длинноволновом радиодиапазоне. Вы этого не знали?

Костров сделал взмах рукой, но меч в руке Меньшова тотчас же удлинился на несколько метров, отбил бросок кинжала, с тихим треском распорол куртку на плече Ивана, успевшего тем не менее отклониться. Если бы он этого не сделал, остался бы без руки.

— Не шебуршись, рыжий, — оскалил зубы Меньшов. — Хотя ты и мастер рукопашного боя, но, как говорят, против дриммера не выдюжишь. Брось-ка пистолетик на землю, он тебе явно мешает, да и второй кинжальчик, если есть. Я все равно сдам вас майору, целиком или частично, так что для вас лучше будет, если целиком.

Иван, помедлив, бросил к ногам «бизон».

— Мне жаль, что так получилось, Игорь, — продолжал физик; луна вышла из-за облака и высветила его серебром, словно он за одно мгновение поседел. — Но программа не оставляет мне свободы выбора. Идите вперед, к биваку майора. Он скоро подъедет с Леней Гибелевым.

— Гибелев не подъедет, — флегматично заметил Ивашура, что-то взвешивая про себя.

Физик с любопытством глянул на него.

— Вы что же, вычислили его и убрали?

— Очередь за тобой, — буркнул Костров.

Меньшов снова оскалился.

— Не кажи гоп, хлопче. Я ведь могу и осерчать.

— Ты уверен, что успеешь? — странным голосом спросил Ивашура.

Меньшов перестал показывать зубы, насторожился.

— Хочешь сказать, что у тебя есть «универсал»? Без автонаводки и мыслеспуска он — железяка.

— Ты уверен? — все тем же голосом повторил вопрос Игорь Васильевич.

Меньшов отступил на шаг, потом расслабился, покачал головой.

— Блефуешь, Игорь. Если бы ты имел «универсал» с компьютерным блоком, ты им уже воспользовался бы. Но я не любитель рисковать и предупреждал — не дергайтесь. А теперь я покажу тебе, что такое дриммер в действии. —Он помолчал несколько мгновений и произнес раздельно: — Убей его!

Лезвие меча метнулось к Ивашуре... и остановилось в миллиметре от его лба. Медленно втянулось обратно.

Меньшов обалдело глянул на меч, перевел взгляд на сосредоточенного Ивашуру. Прошептал снова:

— У б е й е г о!

Меч не шелохнулся, продолжая туманно струиться от рукояти к острию.

— Прощай, Виталий, — глухо проговорил Ивашура. — Мне тоже очень жаль, что все так случилось. Но и у меня нет выбора.

Тусклая беззвучная вспышка осветила вывороченный пласт земли, на котором стоял Меньшов, и ствол сосны. Меч выпал из руки физика, и он с дырой во лбу мягко завалился навзничь. Ивашура, сгорбившись, смотрел на тело бывшего приятеля и вышел из ступора, лишь когда Костров тронул его за плечо.

— Время, Игорь. Если бы его не... он наверняка поднял бы шум. Кстати, что произошло? Почему дриммер не убил тебя?

— Я тоже знаю «слово власти». — Ивашура подобрал меч. — Пошли назад, а то полковник еще бросится на поиски.

Они двинулись к лесу обратным маршрутом, прислушиваясь к звукам, доносившимся со стороны базы Сысоева. Там ничего не происходило, драматическая сцена с физиком не была услышана охраной.

— Что за слово? — не отставал Костров.

— Я шучу. Куща дал мне кодовый опознаватель для дриммера, я только что понял. — Ивашура показал под волосами надо лбом золотистого паучка. — Дриммеры делали в мире Жданова, и конструкторы предусмотрели, как видишь, кое-какие меры безопасности. Меч не рубит своих, тех, у кого есть такая штучка.

— Вроде самолетного запросчика «свой-чужой»?

— Нечто в этом роде.

Они вышли к «БМВ», и Гаранин сердитым шепотом осведомился, где они прохлаждались целый час.

— Наткнулись на неожиданное препятствие, — ответил Ивашура, не вдаваясь в подробности. Не посмотрев на женщин, залез в машину.

Иван, понимающе глянув на его спину, коротко рассказал о встрече с Меньшовым. В кабине «БМВ» наступила тишина. По-

том Ивашура включил подфарники, тронул машину с места, и вести отвлеченные разговоры стало некогда.

База ФСБ возле Башни была не огорожена, но охранялась капитально — двумя блокпостами, перекрывающими дорогу и целину со стороны леса, а также лазерными и электронными системами, способными засечь в километре передвижение муравья и жужжание пчелы. Именно такое устройство и засекло группу Ивашуры в прошлый раз, во время разведывательного похода. Теперь же стоило машине пересечь невидимый лазерный луч, как впереди на столбиках с обеих сторон дороги вспыхнули предупреждающие алые огоньки, а к «БМВ» выскочили, словно из-под земли, две тени. Вспыхнули фонари, освещая машину, кусок дороги, ноги в ботинках и камуфляж-штанах.

Ивашура задержал дыхание, собираясь при первых же признаках досмотра рвануть прямо к Башне, но, видимо, Сысоев еще не прибыл и появление его машины приняли за прибытие начальства.

Фонари погасли. Охранники в маскировочных костюмах исчезли так же быстро, как появились, красные светлячки на столбиках изменили цвет на фиолетовый и погасли. Игорь Васильевич плавно выжал сцепление и въехал на территорию базы, сразу определив местоположение здешнего штаба. Однако подъехал не к фургону, похожему на один из домиков экспедиции, а к бронетранспортеру с крупнокалиберным пулеметом на крыше, охранявшему вход в Башню — неровную дыру в ее стене пять на пять метров, проделанную, очевидно, с помощью взрыва. Дыра освещалась изнутри тусклым желтым светом, но людей ни внутри, ни возле видно не было.

— Может быть, рванем прямо туда? — выдохнул на ухо Ивашуре Костров. — Пусть потом догоняют.

— Олег, выпускай своих парней, — негромко произнес Ивашура. — Надо во избежание лишнего шума обезвредить командирскую будку и БТР.

— Шум все равно начнется, — обиженно проворчал Иван. — Я пойду с ними.

— Ты пойдешь со мной. Олег, останешься здесь, с женщинами. Ваша группа — резерв на случай осложнений.

План был оговорен заранее, и полковник промолчал.

— Игорь, — прошептала Вероника.

Ивашура, вылезающий из машины, сунулся обратно, обнял подавшуюся к нему женщину одной рукой, поцеловал и вышел. Костров выбрался следом, когда оба помощника Гаранина уже растаяли в темноте у глыбы бронетранспортера.

С виду не торопясь, но ожидая появления противника с любой стороны, Ивашура с Иваном прошагали по утрамбованной

площадке к домику штаба с тарелкой спутниковой антенны на крыше и с ходу вошли в коридор, освещаемый лишь настольной лампой, стоящей на тумбочке. Охранник обретался здесь и дремал, удобно устроившись на стуле и опустив автомат между ног. Услышав шум, вскочил, вытягиваясь, тараща глаза, но сообразить, что происходит, не успел. Иван пролетел на цыпочках весь коридор (он начал движение раньше, как только вошел) и точно воткнул два пальца в солнечное сплетение камуфлированного верзилы, не экипированного, к счастью, бронежилетом. Парень согнулся пополам, хватая раскрытым ртом воздух, Иван добил его костяшками пальцев в затылок (не смертельно, жить будет, но очнется не скоро), уложил на пол, затем выключил лампу и метнулся назад, к Ивашуре, который уже открывал одну из дверей. Сквозь щели этой двери пробивался свет, в то время как другие — всего дверей было четыре, по две на каждой стороне коридора — казались темными.

Это была диспетчерская, комната управления всем хозяйством базы. Посередине стоял стол с тремя мониторами, компьютером и пультами, рядом на столике поменьше — переносная военная рация типа «слава», с выходом на спутниковую теле- и радиосвязь, две микрорации «Тюльпан», мощный двадцатикратный бинокль. В углу — пирамида с тремя автоматами «АКСУ» и карабином «СКС», два ящика, один из которых был вскрыт и показывал ствол переносного зенитно-ракетного комплекса типа «гарпун». У стены диван, у стола три стула и кожаное черное кресло, предназначенное, очевидно, для «самого».

На диване сидели двое в камуфляжных комбинезонах без знаков различий, третий — в черном трико, с повязкой на голове — нагнулся над столом. Все трое оглянулись на скрип двери и теперь молча смотрели на вошедших. Потом Ивашура, не давая им опомниться, сделал выпад мечом и развалил рацию на столике надвое. Морзянка, попискивание из динамика, чьи-то голоса — все стихло. Острие меча уперлось в грудь здоровяку. Иван узнал в нем помощника Сысоева капитана Агатова. Качнул головой:

— Надо же, выжил, поручик! Надеюсь, на этот раз демонстрировать выучку не станешь? Везение ведь может и закончиться когда-нибудь. Ложись. Ложись на пол, говорю! Драки не будет, некогда. И вы, господа, тоже укладывайтесь рядом.

Военные на диване — один постарше, лет под сорок, с широким бледным лицом, второй помоложе, загорелый до черноты — послушно сползли на пол, легли лицом вниз. Иван связал им руки и ноги особым способом, не позволяющим не только делать попытки развязаться, но и двигаться вообще, глянул на неподвижно разглядывающего стол Ивашуру.

— Куда их?

— Проверим остальные комнаты и разнесем по одному. В принципе до начала их операции остались считаные часы, надо спешить.

Они проверили оставшиеся комнаты штабного строения, обнаружили еще одного спящего охранника и связали, оставив досыпать с кляпом во рту. У Ивашуры пискнула «марка» рации за ухом.

— Игорь, мои вернулись, — раздался голос Гаранина. — Все тихо. Разоружать охрану периметра нет смысла, да и опасно. Помощь нужна?

— Нет, идем обратно, — ответил Игорь Васильевич. Махнул рукой Кострову. — К машине! Знаешь, что я нашел на столе?

— План Башни.

— Умница! Да, план коридоров, где заложена взрывчатка. Гибелев не соврал. Они заминировали три этажа в местах расположения лифтов, а сто двадцать первый этаж отмечен как строго охраняемый объект. Соображаешь?

— Сысоев готовится уплыть отсюда... или, наоборот, встретить десант.

Ивашура остановился так резко, что Иван налетел на него.

— Ты что?

— Знаешь, рыжий, ты мыслишь лучше меня! Нам в первую очередь надо уничтожить именно тот лифт, а уж потом заниматься остальными. Где же лейтенант, черт бы его драл! Нужен совет.

— Какой лейтенант?

— Куща. Он же обещал подстраховать.

— У тебя нет с ним связи?

— Рация молчит. — Ивашура думал несколько мгновений, оглядывая площадку базы с застывшими машинами, домиками, штабелями ящиков, махнул рукой. — Ждать не будем. Вернись-ка туда и захвати «гарпун» с парой ракет, авось пригодится.

Костров безмолвно повернул обратно и через минуту возвратился с зенитно-ракетным комплексом на плече и с ящиком ракет под мышкой. Еще через минуту они встретились с группой Гаранина у входа в Башню.

ГЛАВА 8

Отдыхали на восемьдесят первом этаже, преодолев четыреста с лишним ступенек за полчаса. Женщины выбились из сил, да и мужчины устали изрядно, однако не жаловался никто. Все понимали, что от скорости подъема зависит успех операции.

Ивашура не знал, как полковник относится к происходящему, но решил ничего не объяснять, хотя изредка ловил на себе его

красноречивые взгляды. Когда боль в ногах от подъема стала невыносимой, Игорь Васильевич объявил привал и отозвал в сторонку Гаранина. Они поднялись на пролет выше. Ивашура сел на ступеньку, с наслаждением упер ноги в стену.

— Насколько мне было бы проще, Олег, — сказал он, улыбаясь, — если бы я полгода назад взял с собой тебя, а не полковника Одинцова. Ты его, случайно, не знал?

— Знал немного, — нехотя отозвался Гаранин. — Что ты задумал, Игорь? Вижу, что у тебя есть определенная цель, и даже догадываюсь — какая, но ничего понять не могу. А вслепую ходить не привык.

— Я же тебе все рассказал.

— Думаю, что не все.

Ивашура помедлил, хлебнул воды из фляги.

— Если я расскажу тебе все, ты не поверишь.

— А ты попробуй. Это лишь один дрянной журналист, тебе вряд ли известный, Ромул Арбихман, покусывающий спецслужбы, считает, что контрразведчики ФСБ — необразованные, серые личности. Ты же так не считаешь?

— Ну, серых личностей, наверное, везде хватает. — Ивашура вздохнул. — Как среди федералов, так и среди ученых. Я уж не говорю про самих журналистов. Однако даже мне поверить в мою историю было бы трудно. Что ж, слушай, пара минут у нас есть, пока отдышатся женщины.

Рассказ длился целых пять минут, и после него полковник глубоко задумался. Он получил такую порцию информации для размышлений, от которой рядовой обыватель просто отмахнулся бы, как от бреда шизофреника.

Во всем здании хроноускорителя царила мертвая тишина, ни одного звука не доносилось снаружи, да и внутри можно было расслышать лишь собственное дыхание, и эта тишина действовала на психику больше, чем яростная пальба.

Они проникли в Башню легко, не встретив у входа ни одного человека. Поднялись на третий этаж и рысью преодолели треть кругового коридора до следующей лестничной шахты, по которой и поднялись на восемьдесят первый этаж. Теперь предстояло отшагать еще сорок этажей, выйти к рабочей зоне, охраняемой командой Сысоева, и разрушить там лифт. И лишь потом спуститься вниз, на семнадцатый этаж, с заблокированной изнутри рабочей зоной хрономембраны (интересно, кто ее заблокировал? Те, Кто Следит? Хронорыцари? Сам Стас, компьютер Ствола?), проникнуть внутрь, взорвать мину Сысоева таким образом, чтобы не повредить лифт... и выжить при этом самим.

Ивашура покачал головой, понимая, что план сложен и почти не выполним. Но у него, то есть у них всех, не было другого выхода.

— Да-а! — промычал Гаранин, возвращая собеседника к яви. — Задал ты мне загадку! А если я тебе предложу другой вариант?

— Какой?

— Проникнуть в эту твою... хреномембрану...

— Хроно...

— Хреномембрану, обезвредить взрывное устройство и занять круговую оборону до подхода основных сил.

— Каких сил? — Ивашура подозрительно всмотрелся в смутно белеющее напротив лицо полковника, но разглядеть его не смог.

— Моих сил. — Олег Борисович усмехнулся. — Думаешь, я зря в Москве сутки провел? Стоит дать сигнал, и сюда через час вертолетный полк высадит десант Брянской бригады спецвойск.

Теперь получил порцию информации для размышлений Игорь Васильевич. Но думал недолго.

— Этот вариант чреват потерями. Будет запасным, на крайний случай. Попробуем управиться собственными силами. Главное — обезвредить «санитаров», без них «хирургам» одним не справиться с уничтожением Ствола... то есть Башни.

— А зачем женщин потащил с собой? Что за особый стратегический расчет?

— Я не сказал тебе еще одной вещи. — Ивашура помолчал. — Если все сложится удачно, мы уйдем. А тебе придется отдуваться за всех. Справишься?

— То есть как уйдете? Куда?

— Туда. Вверх. Или вниз по Стволу, «Бичу Времени», как его прозвали наши приятели. У нас задача посложней: сохранить Вселенную, как бы выспренно и напыщенно это ни звучало.

Гаранин хмыкнул.

— Да уж, звучит... неправдоподобно. Так и хочется проснуться. А мне с вами нельзя?

— А кто будет охранять Башню здесь? Вдруг «санитары» предпримут еще одну попытку?

— Ясно. Значит, буду выполнять задачу здесь. Хотя очень хочется побывать там... в будущем.

— Скорее в прошлом.

— Ну, все равно, в других мирах. А ты вернешься?

— Если честно — не знаю.

— Понятно. Что ж, пошли, командир?

Игорь Васильевич встал, обнял поднявшегося полковника.

— Если бы ты знал, как я тебе благодарен!

— Да чего уж там, — проворчал Гаранин. — Как-никак себя спасаем... со Вселенной вместе. — И не было в его голосе ни сарказма, ни скептической нотки, ни иронии. — Как ты думаешь, майор уже прибыл на базу? Поднял тревогу?

— Если бы поднял, мы бы и здесь услышали. Наверное, еще не прибыл. Хотелось бы, чтобы мы начали первыми.

— Да, фактор внезапности великое дело.

Они вернулись к отдыхающим десантникам. Ивашура безошибочно нашел в темноте Веронику, подсел к ней, и они просидели несколько секунд обнявшись. Потом Гаранин тихо скомандовал своим ребятам выступать, и все зашевелились, разминая мышцы ног.

Отряд выступил в поход. Через двадцать минут они вышли на сто двадцать первый горизонт здания, где располагалась работающая хрономембрана Ствола, контролируемая эмиссаром «хирургов» майором Сысоевым.

— Что будем делать дальше? — спросил Гаранин, когда Иван с его сотрудниками сходил в разведку и доложил о бетонной стене, перегородившей коридор, охраняемой двумя мощными парнями в камуфляже с автоматами. — Не пробиваться же туда силой. Охрана вряд ли знает, что охраняет, парни просто на службе, а при штурме жертвы неизбежны с обеих сторон.

— Мы не собираемся штурмовать эту крепость, — рассеянно проронил Ивашура. — Попробуем пройти другим путем, опыт уже есть.

Он красиво крутанул в руке меч, так что даже Иван посмотрел на него с завистью и недоумением, и вонзил бледно-голубое лезвие в стену коридора. Затем двумя последующими ударами нарисовал на стене тонкими прорезями треугольник. Налег плечом на треугольник, Костров помог ему, упершись рукой, и кусок стены толщиной в полметра, которую вряд ли можно было пробить гранатой, с гулом выпал в соседнее помещение. Пол коридора вздрогнул.

— Сейчас нас засекут и... — Гаранин сделал всем понятный жест.

— За мной. Твои ребята пусть прикрывают тыл. — Ивашура включил фонарь, нырнул в треугольную дыру.

Один за другим члены отряда последовали за ним.

Помещение было длинным и пустым, если не считать каких-то странных ветвистых образований, вырастающих из пола и напоминающих скелеты деревьев.

— Похоже, здесь что-то росло, — предположила Вероника.

— Или просто высохло за много тысяч лет, — добавила Тая.

Ивашура, не отвечая на реплики, прошел в конец помещения и проделал ту же процедуру, что и в коридоре: в три взмаха вырезал мечом кусок стены и выдавил его на ту сторону.

Следующее помещение было копией первого, только «высохший лес» стал гуще. Третье помещение ничем не отличалось от первых двух так же, как и четвертое и пятое, но «лес» становился

все гуще, он начал повторяться и на потолке, подобно пещерным сталактитам, и наконец пройти дальше, не задевая белых колючих ветвей, стало невозможно. Пришлось рубить «деревья», что дриммер делал не с такой легкостью, как дыры в стенах. Видимо, материал «скелетообразного леса» представлял собой не вещество — соединение атомов и молекул, — а полевые структуры.

Ивашура насчитал двадцать четыре помещения, которые удалось пройти, когда при очередном проникновении за перегородку в лицо им брызнул яркий белый свет и взору представился круглый зал с пульсирующими, меняющими размеры, форму и цвет объектами непонятного назначения, рядом металлических контейнеров явно земного, то есть отечественного, происхождения и колонной лифта — хрономембраны — посередине.

У колонны с открытой дверью стоял знакомый десантникам монстр — обезьянозмей и всеми четырьмя лапами копался в клетке лифта. Лишь голова его, голова кобры с раздутым капюшоном, увеличенная до размеров бычьей, была повернута к людям, выражая каким-то образом ошеломление и удивление. Еще один монстр, похожий на гигантскую пиявку с головой паука, стоявший на хвосте, возился с одним из меняющих форму объектов, живых и неживых одновременно. Людей в зале не было.

— Огонь! — скомандовал Ивашура, не потерявший бдительности, и первым выстрелил в обезьянозмея из «универсала».

Затрещали выстрелы. Костров, Гаранин и его команда открыли стрельбу из пистолетов.

На обезьянозмея пальба никакого впечатления не произвела, а вот пиявку-паука буквально размазало по стенам: брызнуло зеленой маслянистой, бурно испаряющейся жидкостью. Затем Иван сунул в отверстие, пробитое мечом, ствол зенитно-ракетного комплекса и выпустил ракету за мгновение до того, как в перестрелку вмешался обезьянозмей, метнувший зеленый клубок огня.

Однако выстрел монстра не был точным, хотя и ослепил людей, зато Иван попал прямо в яблочко — в раскрытую дверь хрономембраны. Взрыв получился таким, что зашатались стены, а десантников отбросило от дыры в стене.

Это их спасло. Потому что второй взрыв, не очень громкий и яркий, но более тяжелый, глубокий, потрясающий внутренние структуры материи, буквально испарил стену, и во все стороны от колонны лифта ударили струи «мертвого выброса». Одна из струй пересекла прапорщика Мишу, превратив его в свинцовую статую, вторая коснулась плеча Ивашуры, но легко, лишь ткань комбинезона обратив в металлический наплечник. И все же укол боли был столь сильным, что Игорь Васильевич на какое-то время потерял сознание.

Очнулся он от того, что лицо его задела ветка «засохшего дерева», завозился, понимая, что его несут на руках Гаранин и Костров.

— Я сам... отпустите!

Встал, опираясь на чье-то плечо, оказалось — Вероники.

— Где мы?

— Все там же, — ответил невидимый Гаранин. — Миша Сергеев мертв. Остальные отделались легким испугом. Что это было?

— Слуга «хирургов».

— Нет, я о взрыве. Показалось — ядерный!..

— Пострашней, пожалуй, — хрипло произнес Ивашура. — Мы взорвали действующую хрономембрану, и произошло прямое преобразование времени в энергию... если только не наоборот. Плюс «мертвый выброс».

— Это те черные струи?

— «Мертвый выброс» на самом деле сброс хронопотенциала во внешний мир, — попытался внести ясность Костров, знакомый с этой процедурой еще со времени своего путешествия с Таей по Стволу.

Вряд ли полковник понял его, но переспрашивать не стал. Сказал с угрюмой задумчивостью:

— Странно, что все тихо... как на кладбище. Нас ведь должны были преследовать... встретить на выходе.

— Еще встретят.

— В том-то и дело, что коридор, из которого мы проникли сюда, темен и нем. Я послал вперед Клюева, он передает, что в пределах видимости никого нет.

— Это немного упрощает дело. Рвем когти на семнадцатый этаж, пока Сысоев не опомнился. Надо успеть до взрыва горизонта.

Гаранин, невидимый в темноте, щелкнул обоймой пистолета, передернул затвор.

— Пошли. Только осторожней, «лес» тут очень колючий.

Они выбрались в коридор через тот же треугольный пролом, рассредоточились, это получалось у них уже автоматически, и помчались к лестнице, а потом по ней вниз, ощущая каждую истекшую секунду. До семнадцатого этажа им удалось добраться всего за двенадцать минут.

Но здесь их ждал сюрприз.

Как только отряд оказался в коридоре, ведущем к заблокированной рабочей зоне, подготовленной командой Сысоева к уничтожению, с потолка впереди и сзади бегущих цепочкой десантников вдруг упали толстые металлические решетки, вспыхнул слепящий свет прожектора, и раздался усиленный мегафоном голос:

— Всем стоять! Оружие на пол! Руки на затылок! При малейшем движении стреляем без предупреждения!

Иван поднял было пистолет, чтобы выстрелить в прожектор, но выстрел из глубины коридора опередил его. Пуля из карабина попала Кострову в грудь, бронежилет не пробила, но отшвырнула Ивана назад, свалила с ног. Вскрикнула Тая, бросаясь к Ивану.

— Не двигайтесь! — сквозь зубы бросил Ивашура. — Бросайте оружие.

— Но мы могли бы... — начал Гаранин.

— У меня меч.

Полковник не понял, при чем здесь меч, но в голосе Игоря Васильевича было столько уверенности, что он повиновался.

Десантники побросали пистолеты на пол, подняли руки над головой. Меч Ивашуры остался на боку, под курткой, прижатый ремнем брюк. Рукоять его торчала под мышкой, закрепленная в специальной петле, и видна не была.

В сияющем тоннеле светового луча прожектора появилась тень, прошагала с полсотни метров, сгущаясь в черную человеческую фигуру, остановилась у решетки.

— Вот так встреча, — произнесла фигура насмешливо голосом майора Сысоева. — Полковник Гаранин! Вы-то как оказались в этой компании?

— Мимо проходил, — усмехнулся Олег Борисович.

— Понятно. Видимо, я что-то упустил из виду, раз Башней заинтересовалась военная контрразведка.

— Да уж, — неопределенно хмыкнул Гаранин. — Устроили вы тут испытательный полигон. Не хотите поторговаться? Я ведь здесь не один.

— А что вы можете предложить? Жизнь? Я ею не особо дорожу, такова уж внушенная мне программа. Лифт моей личной хроноструны вы уничтожили. Кстати, как вам это удалось? Я считал, что гарантирован от любой случайности.

— Это секрет.

— Понятно. Что ж, тогда шансов у вас... Впрочем... — Сысоев помолчал. — Пожалуй, шанс есть. Что, если вам предоставить возможность разблокировать эту зону? Она под контролем инка Ствола, Стаса, как его называют ваши друзья, и проникнуть туда я не смог, почему и решил уничтожить. Ну как? Ваш выбор.

Гаранин повернул голову к Ивашуре.

— Отпустите женщин, — ровным голосом сказал тот, щурясь от яркого света.

Сысоев засмеялся.

— Я ждал этого предложения. Как романтично! Нет, уважаемый Игорь Васильевич, не пойдет. Сделаете дело — отпущу всех,

вы мне не нужны ни живыми, ни мертвыми. Вариант не подходит — не обессудьте.

— Согласен.

— Вот и отлично.

Майор поднял руку, в коридоре появились еще две тени, превратились в двух верзил в камуфляже с автоматами. Решетка перед десантниками поднялась. Верзилы встали с двух сторон, направили оружие на десантников.

— Выходите и не делайте резких движений.

— Подожди, — угрюмо проговорил Ивашура, приблизился к Тае, склонившейся над Иваном. — Что с ним?

— Нормально, живой, — отозвался сам Костров сдавленным голосом. — Либо ребро сломано, либо синяк будет, но броник спас. — Иван завозился, сел на полу, потом встал, поддерживаемый Таей. — Шмальнули, судя по всему, из малого калибра. «СКС» проделал бы во мне и в жилете дырку даже с километрового расстояния.

— Шагай, — подтолкнул его стволом автомата верзила слева.

Десантники вытянулись цепочкой и медленно двинулись за шагавшим впереди Сысоевым. Прожектор впереди погас, зато вспыхнул еще один — сзади. В его свете стали видны двое парней в комбинезонах, у одного из них оказалась винтовка «маузер» калибра 5,45 миллиметра. Из нее, видимо, и досталась пуля Кострову.

Из-за закругления коридора показался еще один человек, торопившийся навстречу. Это был Гибелев.

— Вот вы где, — выдохнул он. — Боялся, что не успею, но освободиться удалось только сейчас.

Сысоев оглянулся.

— Так, значит, это они тебя спеленали? То-то рация молчит. Поздравляю, Игорь Васильевич, я вас недооценил.

— Они забрали программатор.

Сысоев резко остановился, дал знак одному из конвоиров.

— Обыщи их.

— Не надо. — Костров вытащил из-за пояса гигантский револьвер, который они отобрали у Гибелева, бросил на пол. — Забирайте.

— Вот это что за диковина, — негромко сказал Ивашура. — А мы гадали, отчего Леонид Дмитриевич так нервничает, когда на него наводят эту пушку.

Майор оскалился, подобрал револьвер.

— Потеря была бы невосполнима.

Он снова зашагал вперед, а переглянувшиеся Ивашура и Костров поняли, что шансов уцелеть у них нет. В любом случае они обречены: либо умереть, либо стать слугами «санитаров».

Впереди показалась голубая, бликующая металлом стена, перегородившая коридор. Возле нее высились штабеля ящиков, а у самой стены стояли два металлических контейнера, в которых Иван узнал боеприпасы объемного взрыва, так называемые вакуум-бомбы типа «серая зона», по мощности сравнимые с ядерным зарядом десятикилотонного эквивалента.

— Елки-палки! — изумленно воскликнул он, получив тут же удар в спину. Мгновенно, не разворачиваясь, ударил ногой в ответ, так что конвоир отлетел назад и растянулся на полу. Его напарник дал очередь над головами, Сысоев оглянулся на застывших пленников, покачал головой.

— Я бы посоветовал не раздражать моих ребят, это может плохо кончиться. Итак, Игорь Васильевич, вот ваш объект. Приступайте. Мы, конечно, пытались пройти туда, но Стас закуклил зону полевой завесой, восстанавливающей структуру стен.

Десантники сгрудились у голубой стены, с виду металлической. Сысоев отступил, подчиненные встали за его спиной, еще двое подкатили на тележке прожектор поближе, направили на стену.

— Они не отобрали рацию, — одними губами произнес Гаранин. — Я даю сигнал своим.

— Поздно, — прошипел Костров.

— Стойте! — выкрикнул вдруг Гибелев. — Майор, вы забрали у них дриммер? У них был с собой...

В то же мгновение Ивашура, развернувшись лицом к стоящим в двадцати шагах «санитарам», бросил в их сторону меч и произнес два слова:

— Убей их!

Что произошло в последующие несколько секунд, никто так толком и не понял.

Лишь Сысоев да Гибелев, знавшие, что такое дриммер, успели среагировать, да и то неправильно: открой они огонь — успели бы кого-нибудь убить или ранить, они же попытались защититься.

Когда ошеломленные десантники пришли в себя, в мертвенно-белом свете прожектора они увидели лежащие на полу тела, а затем — медленно летящий над полом меч. Он возвращался от тех, кто стоял у прожектора. Опустился у ног Ивашуры, такой же чистый, туманно-прозрачный, струящийся и в то же время создающий впечатление разящей стали. Все молча смотрели на него, пока Игорь Васильевич не подобрал дриммер и не спрятал под куртку, лезвием в левую штанину, до бедра, рукоятью в петлю под мышку.

Гаранин прокашлялся.

— Как он это сделал?

— Не суть важно, — хмуро ответил Ивашура. — Давайте думать, как пройти в зону. Не то какой-нибудь служивый рванет этот склад по запасному варианту, не получив вовремя сигнал отбоя.

— Может быть, просто растащим взрывчатку, обезвредим взрыватели...

— Не надо, — раздался из-за прожектора чей-то голос, и в световой конус вышел человек в полевой форме российской армии.

Гаранин и его подчиненный капитан Клюев напряглись, меряя взглядами расстояние до убитых с автоматами, но Ивашура удержал их.

— Это свой. — Сделал несколько шагов навстречу. — Я ждал вас раньше, лейтенант. Вы обещали подстраховать.

— Появились проблемы. Пришлось ликвидировать Козюлю, он занервничал и собирался форсировать события. Тем не менее я подстраховывал и вас. Если бы вы не догадались использовать дриммер, я успел бы сам ликвидировать команду Сысоева.

— Кто это? — подошел Гаранин. — А, лейтенант Куща!

— Так точно, товарищ полковник, — вытянулся молодой человек. — Извините, что заставил вас поволноваться.

— Кроме всего прочего, он эмиссар Тех, Кто Следит, — негромко добавил Ивашура.

Их окружили оживившиеся женщины, Костров и Клюев, такой же озабоченный, как его шеф. Гаранин хотел задать вопрос, но Куща опередил полковника:

— Вы легко пройдете в зону с помощью дриммера. А там договоритесь со Стасом, он знает, что делать.

— А вы?

— Я останусь. Нам с полковником еще предстоит повоевать кое с кем, чтобы гарантировать ваш отход и не допустить новых попыток взрыва Башни. Хотя ее, конечно, придется взорвать.

— Как? Зачем? — в один голос спросили женщины.

— Чтобы все думали, в том числе не вычисленные нами «санитары», что их план сработал. Но заряды, естественно, мы перегруппируем. Их надо установить так, чтобы стены Башни рухнули и завалили работающую зону. А о том, что она работает, будем знать только мы. Не возражаете, полковник?

Гаранин потер подбородок, окинул взглядом фигуру лейтенанта, в глазах которого снова на миг протаяло удивительное понимание момента, кивнул, усмехнулся.

— Если бы вы знали, как мне будет трудно хранить тайну.

Куща повернулся к Ивашуре.

— Отправляйтесь, Игорь Васильевич, время не ждет. Мы тут справимся сами.

Ивашура встретил его руку, сжал, отступил, потянув за собой Веронику, все еще глядя на эмиссара Тех, Кто Следит. Потом повернулся к голубой стене и вынул меч.

Часть III

ПОД НАМИ

ГЛАВА 1

Ромашин заявился домой к Златкову рано утром, когда тот еще спал.

Всемирно известный ученый жил на окраине Злата Бряга, в прошлом — столицы Болгарийской республики, ныне — города-музея планетарного значения. Дом Атанаса скорее напоминал замок в миниатюре, чем обычный жилой коттедж, но имел стандартное инженерно-техническое оборудование, делавшее жизнь человека комфортабельной и удобной. В зависимости от программы и желания владельца внутреннее пространство дома можно было перестраивать в широком диапазоне интерьерно-архитектурных решений, но Златков предпочитал «рыцарский» вариант: каминный зал, обеденный, комнаты отдыха, спальни, винные погреба, алхимические лаборатории, конюшня, скотный двор, баня... плюс компьютерный комплекс, оборудованный плейвером — фантоматическим генератором с игровым объемом и эйдоэффектами. Плейвер мог конструировать почти любые ситуации, в которых мог бы и хотел поучаствовать игрок. Сам Златков уже давно не пользовался плейвером, да и сын, повзрослев, покинул дом и жил теперь в Мурманске, поэтому комната плейвера открывалась редко. Именно сюда Ромашин и привел Атанаса, одетого в халат, недоумевающего по поводу столь раннего визита комиссара-два Евразийского филиала наземной службы безопасности.

Ромашин был одет в белый кокос и походил на опытного врача «Скорой помощи», профессионально успокаивающего пациента. На вопрос Златкова, чем обязан визиту, комиссар ответил:

— Не волнуйтесь, Атанас, все будет хорошо. Просто надо без свидетелей поговорить об интересующих меня вещах.

Инк плейвера включил в комнате интерьер прошлой игры: сын, очевидно, создал вариант мира «запрещенной реальности» и воевал с Иерархом этого мира, — но Ромашин выключил контур, и комната сразу стала маленькой и голой, с мерцающими ян-

тарными стенами и светящимся потолком. Комиссар вырастил из пола два кресла, колокол инка задвинул в стену и сел перед стоящим Златковым, глядя на него снизу вверх.

— Садитесь, Атанас. Разговор будет долгим.

— Вы один?

— И даже без «кольчуги».

Златков, подумав, запахнул халат и сел.

— Ничего не понимаю... пять утра... нормальные люди еще спят...

— Так то нормальные.

— Что происходит? Дело не терпит до десяти часов, до начала рабочего дня?

— Не теребите пуговицу халата, то бишь кнопку вызова охраны, — вежливо посоветовал Ромашин. — Один из ваших телохранов спит, а второго пришлось убрать, потому что он «санитар» и приставлен не столько охранять вас, сколько в нужный момент ликвидировать. Программа у него такая.

— Откуда вы знаете?

— Я много чего знаю.

Златков откинулся на спинку кресла, изучающе глядя на комиссара, который сцепил руки на груди и с неопределенным сожалением смотрел на него.

— Вы уверены, что поступаете правильно?

— А вы?

— Резонный вопрос. Честно говоря, я давно ждал этого, только не предполагал, что мной займетесь вы лично.

— Этого требует уровень игры, Атанас. Я ждал, что вы придете ко мне сами, но потом понял, что программа — вы ведь закодированы? — этого не допустит.

— Вы правы. Я смог преодолеть два предохранительных порога программы, в том числе порог самоликвидации в случае раскрытия, но третий порог — освобождение от внутреннего брейн-контроля, внесенного непосредственно в генетическую матрицу, — пробить пока не смог.

— Когда вас закодировали?

— Перед последним пробным запуском Ствола, почти два года назад. После чего я разработал правдоподобную концепцию времени и начал проводить в жизнь план «хирургов».

Ромашин кивнул, глаза его стали грустными.

— Да, удар был нанесен сильный. Если бы не Те, Кто Следит, мы с вами уже перестали бы существовать. Еще и сейчас проблема не решена, нет стопроцентной гарантии, что наша Ветвь уцелеет. Именно поэтому вами занимаюсь я лично, а не следственный отдел службы... в котором, кстати, сидят помощники «санитаров». Собственно, у меня только один вопрос: сможете ли вы,

оставаясь резидентом «хирургов», помочь нам освободиться от них?

Златков закрыл глаза. Лицо его сделалось бледным, на лбу выступила испарина. Видимо, он боролся с программой «хирургов», предписывающей ему действовать определенным образом. Помолчав с минуту, он глухо сказал:

— Я попробую. — Открыл черные, полные внутренней борьбы и муки глаза. — А вы не боитесь, что я поведу с вами тройную игру? Или дам команду на ликвидацию?

— Боюсь, — серьезно кивнул Ромашин. — Но, во-первых, у меня нет другого выхода, а во-вторых, есть шанс декодировать вас, не изменяя личности. Наши медики поработали с захваченными «санитарами» и кое-чему научились.

— Сначала я попробую освободиться сам. Если не получится...

— Хорошо, только не опоздайте. А что вы там говорили о правдоподобной концепции времени?

— Прежде чем начать строительство хроноквантового ускорителя, мы создали теорию «бурения времени», предполагая, что время — особого рода субстанция, физическая реальность, такая же, как пространство, вещество и поле. В наших ранних опытах, а я занимаюсь проблемой инверсии времени пятьдесят лет, мы как будто получили подтверждение правильности субстанциональной концепции.

— Как будто?

— Во всяком случае, нам удалось преобразовать время в энергию. Мы так думали, что удалось. Отсюда и родилась идея хронобура, которую мы воплотили в жизнь. Но теперь, после открытия Древа Времен, квантового ветвления Вселенной, появления «хирургов» и Тех, Кто Следит, после десятка новых открытий и похода в Ствол Павла Жданова, я не уверен, что верна даже концепция самих «хирургов», которую они используют для работы с нами.

Ромашин покачал головой.

— Поскольку я незнаком с этой теорией, давайте по порядку, с самого начала. По долгу службы мне пришлось проштудировать многие труды по хронофизике, и я кое в чем разбираюсь. Ведь реальность Фрактала, или Древа Времен, не снимает с повестки дня вопрос: что такое время?

— Не снимает, — кивнул Златков, с усилием преодолевая внутренний позыв взорвать дом вместе с собой и гостем; этого уровня контроля — самоликвидации при провале — он уже действительно не боялся. — Кроме пяти существующих, так сказать, официальных версий времени, многие ученые, в том числе и я, разработали еще несколько.

— Погодите, я знаю только четыре: субстанциональную, реляционную, динамическую и статическую.

— Пятая версия — субъективно-психологическая, в принципе она тоже ничего не объясняет и не решает. По этой версии время — способ отражения Вселенной сознанием мыслящего существа. В каком-то смысле так называемое биологическое время — процесс упорядочивания и синхронизации информации из разных источников в теле человека — смыкается с понятием субъективно-психологического времени.

— По-моему, эта идея себя изжила. Во всяком случае, в разряд серьезных она не входит.

— Отчего же? Просто ученые не занимались ею всерьез, поэтому и нет капитальных разработок. Но сама идея великолепна: пространство и время есть субъективные формы нашего чувственного восприятия объектов и явлений, они могут быть только изменяющимися отношениями и имеют смысл только для субъекта. Очень мощная идея! Будь я помоложе и получи другое образование, я занялся бы ею. Но я занимался другими идеями.

— А какую концепцию вам внушили «хирурги»?

— Они кинули мне кость в виде пространственно-событийной концепции. — Златков слабо улыбнулся, снова преодолевая приступ-команду ликвидировать источник беспокойства. Ромашин заметил это.

— Может быть, закончим разговор? Вы все чаще усилием воли отключаете программу, как бы не наступил нервный срыв.

— Справлюсь. В каком-то смысле мне теперь легче, потому что вы сбросили с моих плеч весомый груз неумышленного предательства. Сам я вряд ли пришел бы к вам с повинной, несмотря на успешную борьбу с программой. Я закончу. Чтобы вы знали, с чем вам придется иметь дело. Итак, концепция «хирургов»: прошлое, настоящее и будущее сосуществуют одновременно в общем многомерном пространстве событий.

— Об этом говорил еще Блаженный Августин, — хмыкнул Ромашин. — «Прошедшее и будущее время также существуют, хотя и непостижимым для нас образом».

Златков сморщил лицо в гримасе, означающей улыбку.

— С вами приятно разговаривать, Игнат. Чувствуется профессиональная подготовка и хватка. Вам бы бросить службу безопасности и уйти в науку.

— Спасибо за благие пожелания. В юности я подавал большие надежды, но счел работу безопасника более необходимой.

— Кому, обществу?

— Себе. Но давайте прервем коллоквиум по проблемам времени... хотя мне очень интересно. Остался единственный вопрос: почему вам перестала импонировать идея «хирургов»? Ведь наш

Ствол, по сути, ярко проиллюстрировал ее своим воплощением, соединив Ветви Древа Времен и став мировой линией, существующей одновременно в прошлом, настоящем и будущем.

Златков некоторое время изучал спокойное неподвижное лицо комиссара, поправил полу халата, наклонился вперед.

— Игнат, это только часть истины. Если я прав и моя собственная концепция верна, не только знать, но и говорить о ней опасно!

— Почему?

— Потому что она существенно меняет мировоззрение человека. Потому что знание истины в этом деле означает всемогущество! Переход на совершенно иной уровень информированности.

— Так уж и совершенно иной, — раздвинул губы в беглой улыбке Ромашин. — Почему же «хирурги» в таком случае не воспользуются этим всемогуществом? Или Те, Кто Следит, чтобы избавиться от притязаний «хирургов»?

— Потому что, кроме нашего, человеческого, уровня борьбы за жизнь и власть, существуют иные уровни, где у «хирургов» и Тех, Кто Следит, образовался паритет. Мы единственные, кто этот паритет может поколебать. Потому нас и пытаются использовать и те, и другие.

Ромашин заглянул в запавшие, лихорадочно блестящие глаза ученого, и ему на мгновение стало страшно. Чтобы убить этот страх, он заставил себя пошутить:

— В таком случае тот, кто раскроет тайну войны «хирургов» и Тех, Кто Следит, станет Богом. Может быть, это сделаете вы?

Златков проглотил ком в горле, прикрыл глаза ладонью, пробормотал невнятно:

— Я еще не уверен... нужны расчеты, эксперименты, помощники, свобода. Ничего этого в полной мере у меня нет. «Хирурги» не оставят меня в покое.

— Вот поэтому и надо от них избавиться. — Ромашин ветал. — Хотя бы в пределах нашей Земли. Работайте, как работали. Я надеюсь, мне удастся через вас выйти на их эмиссара и выяснить, что здесь готовится. Одно только слово: выдержите игру до конца?

Златков не пошевелился. Лишь спустя некоторое время Ромашин услышал шепот:

— Попытаюсь...

Выйдя из замка ученого на лужайку перед домом, где его ждал двухместный пинасс, Ромашин обошел машину кругом, но в кабину не сел. Он не солгал Атанасу, что пришел один, однако партнер у него все-таки был — инк-анализатор ситуаций и обработки рассеянной информации, вживленный за ухом под кожу и питающийся сигналами сети микродатчиков, вшитых в ткань

костюма. Подключенный прямо к слуховому нерву инк носил имя Саваоф и с недавних пор стал Игнату вторым Я.

— Поостерегись, — сказал он хозяину. — Чую колебания полей по формуле прямой угрозы жизни.

— Разве за мной сейчас наблюдают? — мысленно спросил Ромашин. — Я же предпринял меры.

— Меры сработали, филеры «санитаров» нас потеряли, но, вероятно, «хирурги» следят и за своими агентами. Я ощущаю поток внимания к дому Златкова.

— Наш с ним разговор был подслушан?

— Не думаю, ты ведь включал шумовик?

Ромашин кивнул. Шумовик — генератор «белого шума» — создавал вокруг себя сферу звуковых интерференций, пробиться сквозь которую не мог ни один оптический, лазерный или электронный сканер.

— Почему я не могу сесть в машину?

— Поток внимания теперь распространился и на тебя. Нас засекли. Боюсь, что сторож, охраняющий Златкова, настроен не просто на слежку и передачу информации хозяевам, он явно запрограммирован на ликвидацию факторов, дестабилизирующих ситуацию.

— Хочешь сказать, что не только я вхожу в число этих дестабилизирующих факторов, но и Златков? Они посмеют его убрать?

— Не знаю, делай выводы сам. Ты не просто гость ученого, ты комиссар службы безопасности и наверняка внесен в реестр особо опасных лиц. Твой ранний визит должен был насторожить не только охрану Златкова, но и руководителей повыше. Рано или поздно тобой займутся специально. Либо запрограммируют, либо просто убьют.

— Сделать это непросто.

— Они готовятся к какой-то акции, а ты стоишь у них на пути.

Ромашин еще раз обошел пинасс, прислушиваясь к себе, и впервые в жизни пожалел, что он не паранорм.

— А что, если нам исчезнуть?

— Не понял.

Игнат вздохнул. Саваоф не был рассчитан на тонкие, нюансные, многослойные беседы и подсказать ничего не мог, но мысль была неплохая, надо было ее обдумать. Надо было найти союзника, обговорить с ним условия исчезновения, а потом исчезнуть. Скажем, погибнуть в авиакатастрофе. Взорвался пинасс... или куттер... или даже коракл, после того как в него вошел комиссар два Игнат Ромашин. И пусть «санитары» вздохнут с облегчением и спокойно поработают... некоторое время.

Игнат залез в кабину пинасса, задал курс к ближайшей стан-

ции метро и начал обдумывать идею, все больше убеждаясь в ее привлекательности и не отвечая на «вздохи» Саваофа, расстроенного легкомыслием хозяина.

До метро, однако, долетели нормально. Если наблюдатель и следовал за пинассом, уничтожать его он не стал, не имея на то санкции эмиссара «хирургов». Что самостоятельных действий охране Златкова не предписывалось, Ромашин был уверен. Другое дело, что предпримет эмиссар, когда узнает о визите.

— Нет, пора исчезать, пора, — вслух произнес Игнат.

Выйдя из метро Брянска, он задействовал «кольчугу» — бригаду сопровождения, взял куттер и взлетел над зоной бедствия, в центре которой, в лесах, располагался хроноквантовый ускоритель.

Всего два месяца прошло с момента запуска в Ствол Павла Жданова, но за это время все здесь изменилось.

Кубическое здание хронолаборатории растаяло, и на его месте сначала образовалось озеро хронопены, а затем, когда хронопена испарилась, стометровой глубины воронка с полурастаявшими, пористыми, как губка, стенами. На дне воронки осел слой серебристого металла, зеркально-гладкий, как зеркало, причудливо искажающий перспективу, поэтому наблюдателям постоянно казалось, что они видят на дне воронки странные движущиеся объекты.

Но больше всего изменился Ствол. Спустя два дня после старта Жданова он вдруг налился багровым свечением и буквально взорвался, но не разрушился, а словно застыл в процессе взрыва и теперь издали напоминал гигантскую, гротескно увеличенную колючую головку чертополоха, слепленную из ажурных, иззубренных, перекрученных поверхностей, лохмотьев, сталактитов, листьев, стеблей, тычинок и пестиков. Вблизи становилось видно, что каждый такой «лист» — по сути, струя взрыва, застывший в момент разлета фрагмент стен Ствола — состоит из множества ворсинок размером от сантиметра до двух-трех метров и впечатление производит удивительное, поражающее гармоничностью форм и переходов. Ученые попытались объяснить сей феномен не взрывом, а «выходом в земную физическую реальность чужого закона, изменившего структуру данного объема пространства-времени», и возможно, они были правы, но лишь Златков обратил внимание на общую форму образования: Ствол теперь странным образом напоминал Древо Времен — то есть Большую Вселенную. Словно некий исполин решил пошутить, а может, проявить свою компетентность и создал для людей «модель Древа Мира», дабы они преисполнились благоговения и восхищения.

Ромашин достал бинокль.

Ядро «модели» представляло собой черное плотное образование диаметром около километра, с кавернами и дырами, в глубине которых изредка появлялся мерцающий свет, словно там, внутри полого шара, кто-то разжигал костер. Но пройти внутрь и вернуться не удавалось до сих пор ни одному конкистадору, в том числе и автоматам с защитой от хронопены. Разведчики же из числа живых людей, проплутав по лабиринтам «перекрестка пространств» многие часы и дни, возвращались обратно без особых открытий. Ствол не пропускал их к своим опасным тайнам, а иногда калечил или убивал смельчаков. Именно в связи с гибелью последней разведгруппы и появилось решение СЭКОНа[1] о необходимости скорейшего уничтожения бывшего здания хроноускорителя.

Ромашин спрятал бинокль, повторил про себя: как можно скорее уничтожить... И задал сам себе сакраментальный вопрос: зачем? Зачем «хронохирургам» понадобилось разрушать Ствол, если «война Ветвей» закончилась? А она закончилась, причем победой людей, Жданов д о ш е л до дна Мира и отключил хронобур — если верить расчетам и происшедшим в космосе изменениям.

Область сжимающейся вокруг Солнечной системы тьмы исчезла, звезды и галактики засияли вновь, хотя рисунок созвездий изменился, к неописуемому изумлению астрономов. Трансфузия полей вокруг Ствола также пропала, экологическая обстановка улучшилась, подвижки почвы, порождающие землетрясения, прекратились, исчезли «привязанные» над хроноускорителем прозрачные «дыры» — зоны поглощения вещества и «пузыри отталкивания», природа залечила раны, нанесенные ей человеком, наступила тишь и благодать. Отчего же ноет сердце при взгляде на это колючее чудо — «чертополох» Ствола? И почему не пропадает ощущение угрозы, исходящей от его колючек?

Может, Златков прав и Ствол надо уничтожить? Чтобы все тревоги рассеялись, а опасное явление исчезло как дурной сон?

В кабине запищал вызов, командир «кольчуги» кобра Харлам Саковец запрашивал инструкции.

— Обычный маршрут, — бросил в микрофон Ромашин, зная, что сегодняшний маршрут будет не совсем обычным. Сегодня, после встречи с директором УАСС комиссар-два Евразийского филиала СБ Игнат Ромашин «погибнет» во время облета Ствола.

---

[1] СЭКОН — отдел социально-этического контроля за опасными исследованиями.

Хотя подземный бункер Центра пояса защиты потерял свое значение как долговременное сооружение с максимально возможной степенью безопасности, его решили сохранить и передать в ведомство вновь созданного Центра по ликвидации последствий и изучению феномена Ствола. Руководил работой Центра второй заместитель председателя СЭКОНа Лев Косулин, а руководство исследовательской бригадой по-прежнему продолжал осуществлять Атанас Златков.

В этот день он прибыл в Центр поздно, к двенадцати часам дня по местному времени и сразу стал свидетелем двух событий, драматического и трагического, изумивших всех сотрудников Центра.

Трагическим событием стала гибель комиссара безопасности Ромашина. Его куттер взорвался во время облета Ствола, столкнувшись с одной из ветвей «чертополоха». Зная расчетливость, ум и силу этого человека, Златков не поверил в его гибель, хотя и засомневался в своих выводах, когда в Центр принесли останки погибшего.

Пока врачи хлопотали вокруг обезображенного тела, пытаясь вдохнуть в него жизнь, случилось второе событие.

Ни с того ни с сего вдруг отвалилась одна из колючек «чертополоха» (застывшая струя взрыва) длиной около двухсот метров, ударилась о землю и взорвалась по-настоящему. Во все стороны брызнули струи чистейшего смарагдового огня, вспухли клубы дыма, а когда опали, перед взорами наблюдателей предстало нечто вроде половинки гигантского ослепительно белого яйца, внутри которой копошились две человеческие фигуры. Служба безопасности Центра, потрясенная гибелью комиссара, на этот раз сработала вовремя и подобрала людей уже через две минуты после их появления, буквально за секунды до того, как яйцо загорелось бездымным фиолетовым пламенем и сгорело без следа, оставив на своем месте глубокую каверну.

Спасенных было двое, и одного из них, Федора Полуянова, знали все работники Центра, второго — только спецслужбы. Им оказался гриф безопасности Григорий Белый, запущенный с особым отрядом в Ствол накануне запуска Павла Жданова.

Размышляя над двумя событиями, происшедшими одно за другим, Златков опустился в бункер и был встречен мрачным начальником Центра, занятым созданием комиссии по выяснению причин гибели комиссара Ромашина.

— Вы мне нужны, — бросил он на ходу, окруженный толпой помощников, секретарей и сотрудников безопасности, обескура-

женных случившимся. Златков вынужден был повернуть и проследовать за Косулиным в его рабочий кабинет.

Видеопласт кабинета был настроен на морской пейзаж, однако начальник Центра выключил его, движением руки отослал помощников, подождал, пока в кабинете останутся трое — Златков, начальник группы безопасности Центра Базарян и он сам, — повернулся к стоящему Базаряну и сказал дрожащим от ярости голосом:

— Как это могло произойти?!

— Не знаю, — ответил перепуганный Базарян, терзая черные усики. — Он вел куттер сам, никого не взял... все было как обычно... никаких тревожных сигналов... кто же знал, что он врежется в этот чертов «чертополох»?

— Вы! Вы должны были знать! Представляете, что будет?! Самое малое — отстранение от работы! И мне придется подавать в отставку! Понимаете, ч т о произошло?!

Базарян дернул себя за ус, скривился, хотел что-то сказать в свое оправдание, но посмотрел на молчавшего Златкова и проглотил возражения. Промямлил:

— Комиссия разберется... разрешите идти?

— Идите, — выдохнул Косулин, достал из стола белый тюбик адаптогена, чмокнул присоской в шею, бросил тюбик в ящик. — Извините, Атанас, не сдержался. Такая беда!

— Не торопитесь с отставкой, — тусклым голосом произнес ученый. — Надо спокойно разобраться, может быть, служба безопасности и не виновата ни в чем. А что там с выходцами из Ствола?

Косулин несколько оживился, сел за стол, кинул взгляд на плывущие строки бланк-сообщений, вырастил усик микрофона и бутон эмкана, одним движением нацепил дугу с наушником на голову. Теперь он мог общаться мысленно и в звуковом диапазоне с десятком абонентов сразу.

— Сейчас их отмывают, кормят и лечат. Через час приведут сюда. Сначала с ними поговорим мы, потом устроим пресс-конференцию для представителей средств массовой информации. Все-таки после возвращения Марича это лишь второй выход из Ствола живых людей, явление, можно сказать, уникальное.

Златков промолчал, с иронией подумав: «Знал бы ты, что за Марич вернулся из вылазки в лабораторию...»

Лишь самому Атанасу было известно, что под личиной Марича действовал агент «хронохирургов», да, возможно, об этом догадывался Ромашин.

— Так вот, уважаемый коллега, — продолжал Косулин. — Вчера вы изволили заявить, что Ствол перестал быть опасным для природы планеты и человека. Хотелось бы знать, на чем ос-

новано ваше заявление. Ведь не далее чем два дня назад, вы во всеуслышание дали добро на уничтожение остатков хроноускорителя.

— Я ошибался, — равнодушно ответил Златков, принимая свой обычный сонный вид.

— Когда? Два дня назад или вчера?

— Хроноквантовый ускоритель вовсе не является таковым, это название не соответствует его назначению.

— Да Бог с ним, как бы он ни назывался, он до сих пор работает и преподносит сюрпризы. — Косулин вдруг задумался, озадаченно глянул на собеседника. — То есть как это ускоритель не является таковым? Это же ваша идея, вы его рассчитывали, конструировали, строили...

— Я ошибался, хроноквanты ускорить нельзя, их можно только задержать, выбрать один из вариантов ветвления... — Златков пожевал губами. — Простите, Лев, я вряд ли способен нарисовать наглядную картину преобразования хронополей. Во всяком случае, Ствол — не ускоритель и не машина времени.

Брови Косулина поползли вверх.

— Но ведь она... он... э-э, проник в прошлое...

— Недавно появилась революционно смелая работа Марка Прашкувича по теории времени. Согласно ей сигналы, посылаемые в прошлое, полностью гасятся своим эхом. Ознакомьтесь, и вы поймете, что ни о каком хронобурении прошлого речь идти не может. Справедлива, вероятнее всего, версия Эверетта.

— О ветвлении Вселенной? Но вы же сами месяц назад разнесли эту версию в пух и прах!

— Я ошибался, — в третий раз признался Златков, и глаза его на мгновение блеснули энергией, иронией и болью. От усилия сдержать эту внутреннюю боль он побледнел, и начальник Центра поспешил перевести разговор на другие рельсы.

— Хорошо, только не волнуйтесь, Атанас, поговорим на эту тему позднее. Как вы думаете, что произошло на самом деле со Стволом? Почему он, во-первых, едва не вызвал вселенскую катастрофу и, во-вторых, легко отвел ее?

Златков вытер ладонью лоб, улыбнулся с долей насмешливости и сочувствия к самому себе, покачал головой.

— Ну и аппетит у вас, Лев. Ответ на этот вопрос знает только Бог... да еще, может быть, Те, Кто Следит... если они вообще существуют. Я же — человек, способный ошибаться, как выяснилось, чаще других.

— Так уж и чаще, — проворчал Косулин, теряя интерес к разговору. — Вы меня ни в чем не убедили. Я считаю, что Ствол опасен и его следует уничтожить. Подготовка уже начата, вам же

надо рассчитать фронт взрывных работ и последствия взрыва. С этим вы, я надеюсь, справитесь?

— А если там внутри еще бродят люди?

— Что? Какие люди? — смешался начальник Центра.

— Жданов, члены группы Белого. В Ствол было направлено по крайней мере два десятка человек, вернулись двое... вернее, трое. Где остальные? Вы уверены, что они погибли?

— Но ведь они же... вы сами утверждали... условия внутри башни ускорителя не способствуют... выжить после взрыва...

Златков встал, холодно поклонился.

— И тем не менее придется учитывать этот вариант. Проверьте, уточните, убедитесь.

— Но как это можно проверить?!

— Запустить в Ствол спецкоманду, защищенную по высшему классу. А проводниками послужат вернувшиеся только что оттуда Белый и Полуянов. Позовите меня, как только они придут в себя и обретут возможность говорить. И на вашем месте я бы поставил возле них охрану.

Златков вышел, а озадаченный Косулин остался сидеть за столом, силясь понять, что имеет в виду руководитель исследовательской бригады Центра.

* * *

Григорий Белый отказался разговаривать с начальством Центра и участвовать в пресс-конференции, на которую слетелись сотни корреспондентов крупнейших информационных агентств со всех уголков Земли. Отказ он мотивировал усталостью и нежеланием видеть кого бы то ни было из людей, а также стрессовым душевным состоянием, вызванным гибелью комиссара Ромашина. Таким образом, Федору Полуянову пришлось отдуваться за двоих, а так как делал он это неохотно, на вопросы отвечал скупо, то и пресс-конференция закончилась быстро.

Златков, присутствовавший на совещании у начальника Центра и на пресс-конференции, прекрасно понял, что Полуянов о многом умалчивает, а многое преподносит совсем не так, как это происходило на самом деле. Было видно, что бывший хроноинженер (а также начальник группы риска «Роуд-аскер» службы безопасности) тщательно формулирует каждую фразу и пытается по вопросу определить, кто его задал — нормальный человек или «санитар». В конце концов он тоже сослался на усталость и покинул Центр, сопровождаемый обоймой подстраховки, которую приставил к нему вконец задерганный и расстроенный Базарян.

Придя к себе в кабинет, Златков проанализировал все услы-

шанное, восстановил картину происшедших событий — там, на Дне Мира, у начала Ветви времени, порожденной провалом хронобура, и вдруг почувствовал страх. У него постепенно складывалось впечатление, что не только все эти масштабные события были спланированы неким колоссальным интеллектом, но даже мелкие детали вроде участия в операции отдельных личностей, Жданова или самого Атанаса Златкова, к примеру, были скрупулезно учтены и тщательно подогнаны одна к другой, образуя монолитный блок р е а л и з о в а н н о г о действия.

Так, может, и в самом деле прав был Блаженный Августин, говоря, что прошедшее и будущее времена существуют одновременно в общем пространстве событий? Недаром и Аристотель задавался вопросом: чем отличается физическая реальность вчерашнего дня от физической реальности дня сегодняшнего или позавчерашнего? Он наверняка был п о с в я щ е н в истину, иначе зачем природа снабдила его мощным умом, интуицией и ясновидением, способностью творить миры...

На столе зажегся красный огонек вызова, и мысли Златкова свернули в другое русло. Снова перед глазами встало лицо Ромашина, лицо человека незаурядного, посвятившего всего себя без остатка службе безопасности, и снова в голове всплыл вопрос: где ошибся этот человек, провидевший практически все шаги «хирургов», вычисливший почти всех «санитаров»? Или все же он просто сделал хитрый ход? Успокоил врага своей гибелью, подтолкнув его тем самым к более решительным действиям, а сам тем временем готовит ответный удар?

Огонек на столе погас. Загорелся снова. Кто-то настойчиво пытался связаться с ученым, но тот оставался равнодушным к неведомому абоненту.

А если Ромашин все-таки погиб? Что в таком случае делать ему, Атанасу Златкову, осознавшему свое предательство (пусть невольное, запрограммированное хитроумной аппаратурой, но кому от этого легче?) и наполовину избавившемуся от контроля? Рассказать о встрече с комиссаром главе СЭКОНа? Который сам, возможно, является резидентом «хирургов»... Или просто застрелиться?

Дверь кабинета свернулась валиком влево, и в кабинет вошел Игорь Марич, бывший хроноинженер, бывший приятель Федора Полуянова, бывший человек. Включил шумовик, остановился посреди комнаты, сказал угрюмо, с нажимом:

— В чем дело, Атанас?

— А в чем дело? — спростодушничал Златков.

— Косулин приостановил подготовку взрыва Ствола до завершения работы комиссии по расследованию обстоятельств гибели комиссара.

— Разве в этом кроется нечто тревожное? На его месте я сделал бы то же самое.

— Но он издал распоряжение сразу после разговора с тобой! Кстати, что за самодеятельность? Зачем ты ему подбросил полено в костер сомнений — идею о том, что Ствол стал менее опасен? Да еще предложил запустить туда спецгруппу для обследования?

— Дело в том, коллега, — рассеянно ответил Златков, — что в отличие от вас я должен производить впечатление человека думающего, обязан генерировать идеи, предлагать планы, анализировать, считать и решать. Если я перестану это делать, меня вычислят мгновенно. Вы же знаете Ромашина.

— Комиссар уже не в счет, а его команда не сможет противостоять нам, как прежде. И все же мне не нравятся ваши речи и поступки. Прекратите гнать отсебятину, иначе придется...

— Что? — глаза Златкова вспыхнули силой и угрозой.

— Перепрограммировать тебя... вас, коллега, — уже тише продолжил Марич. — Не слишком высовывайтесь, занимайтесь своими трактовками времени, хронополем, исследованиями, моделированием Древа Времен, но не лезьте с практическими советами к высокому начальству. С этого момента будете докладывать мне о своих перемещениях каждые два часа. Уяснили?

— Пошел вон! — не повышая голоса, сказал Златков.

Марич хмыкнул, кивнул про себя, словно соглашаясь с собственным мнением о создавшейся ситуации, и добавил так же негромко:

— Послезавтра сюда прибудет посол «хирургов», он разберется в твоем поведении... коллега. Не позавидую тому, кто не сможет доказать свою лояльность. До встречи.

Инженер вышел, а Златков вдруг рассмеялся, чувствуя странное облегчение, будто с плеч упала гора, давившая его все годы возни с хроноускорителем. До полной победы — над обстоятельствами и судьбой — было еще далеко, но одна маленькая победа все же была им одержана: победа над самим собой! Он преодолел порог кодирования, нейтрализовал программу, не стал помешанным и объявил войну «хирургам». С в о ю войну, интеллектуальную. А вооружен он был гораздо лучше любого «санитара», ибо его оружие — мозг — не требовало особого ухода, спецхранения и работало в любых условиях. Даже если Ромашин погиб, он сам найдет способ перехитрить «хирургов», выяснить, зачем они провоцируют полное разрушение Ствола, чего добиваются, какие планы разрабатывают, и в конце концов отыскать верный рецепт, как сорвать эти планы.

Слежку Гриша Белый обнаружил сразу же, как только покинул Центр по ликвидации последствий катастрофы под Брянском. Он был опытным безопасником, и косые взгляды «случайных» людей — в бункере начальника Центра, в коридорах, на транспортной стоянке — чувствовал кожей. Однако, будучи уверенным, что в настоящий момент слуги «хирургов» ничего предпринимать не станут, не зная, с чем он вернулся, от «хвоста» избавляться не спешил. Лишь добравшись до метро Брянска, он наконец определил, кто его ведет и с помощью каких средств, и ушел «вчистую», с тройной пересадкой без выхода из канала. Григорий знал, что «санитары» все равно вычислят маршрут, но ему необходим был получасовой запас времени: забежать в Управление, бросить пару слов кое-кому из друзей и заскочить на склад, чтобы вооружиться. Как гриф безопасности, то есть функционер службы высокого ранга, он имел особые полномочия, мог действовать без санкций начальства и СЭКОНа и имел доступ ко многим спецхранам Управления.

На складе он немного задержался, потому что здесь его ждал сюрприз. Доступ сработал, его пропустили в хранилище оружия, хотя и не сразу, после консультаций инка хранилища с инком охраны тайн УАСС, но дриммеры ему найти не удалось. Они отсутствовали на складе. Мало того, оружейный инк не знал, что это такое!

Ошеломленный Григорий связался с общим информарием Управления, но и там не нашел упоминаний о хранящихся некогда в бункерах СБ дриммерах. Впечатление было такое, будто они вообще не существовали!

Пришлось взять то, что в данный момент находилось в хранилище: «глюк» и кинжал с молекулярной заточкой лезвия, каких Григорий еще не видел. Кроме оружия, в другом бункере хранилища он отобрал спецкомбинезоны «уник» с генератором идеальной маскировки типа «хамелеон», два комплекта защитных костюмов, выдерживающих выстрел «универсала», со встроенными узлами автоматики и управляющим инком, бинокли, аптечки и блоки НЗ. Все это он упаковал в контейнер и велел инку склада доставить по адресу, который после выполнения задания надлежало стереть из электронной памяти.

— Уж не на войну ли собрались? — пошутил инк, видеопризрак которого сопровождал безопасника во время хождений по складу.

— На нее, родимую, — пробормотал Григорий, озадаченно разглядывая стеллаж с табличкой: «Ингравы. Максимальная масса транспортировки — 200 е.м.».

— Что это за диковина?

— Стандартные антигравы, — улыбнулся инк. — Масса переноса до двух тонн. Ремень с генератором и стабилизатором положения тела. Надеваешь, подгоняешь и летишь.

— Когда же их успели создать?

— Давно, лет семь назад. Точнее, семь лет два месяца и три дня.

— Семь лет?! — Белый изумленно потянул к себе одну из коробок, раскрывшуюся в руках, пощупал черный упругий ремень с квадратной толстой пряжкой. — Надо же, я понятия не имел, что у нас есть такие штуки.

— Мода на них прошла, теперь ингравы монтируются прямо в ткань костюма. Но летают не многие, медики объяснили этот феномен психологическим барьером. Разве что спасатели во время операций, пожарники, врачи «Скорой» и безопасники.

— Короче, работники тревожных служб. Ладно, присоедини пару комплектов к грузу.

Белый повернулся, чтобы выйти из хранилища, и в это время инк спросил его в спину:

— Скажите, гриф, вы знаете этого человека?

Григорий оглянулся и рядом с фигурой инка обнаружил видеопризрак Павла Жданова в белом кокосе официала.

— Что за шутки, витс?

— Как вы сказали? — заинтересовался инк. — Витс? Меня зовут Барри.

— ВИТС — это сокращение, аббревиатура слов: высокоинтеллектуальная техническая система. — Белый рассвирепел. — Издеваешься, Барри?! Чтобы клерк не знал такого слова...

— И тем не менее в моей памяти его нет. Простите. Это не существенно. Вы не ответили на вопрос.

— Это Павел Жданов, сотрудник группы риска «Астро-аскер». Только он, насколько мне известно, не носил костюм официала.

— Спасибо. — Изображение Павла исчезло. — Все в порядке.

— Да что в порядке?! Что ты тут изображаешь?!

— В моей памяти записан приказ — выполнять задания лишь тех сотрудников, кто лично знает Жданова.

— Бредятина! — протянул изумленный безопасник. — Его же знает каждая собака...

— Далеко не каждая... гм-м... собака. Для меня важно не узнавание, а реакция вашей пси-сферы. Вы действительно з н а е т е его не так, как другие. Всего доброго. — Изображение инка растаяло.

Белый почесал в затылке и, полный впечатлений, выбрался из-под земли в Бугровский лес под Екатеринбургом, где располагался склад Управления.

В лесу царил теплый день бабьего лета, березы светились белизной стволов и золотом листвы, пылали костры кленов, по воздуху летали паутинки, и не верилось, что где-то, в невообразимой дали пространств и времен, существа под названием «хронохирурги» лелеют планы отсечения Ветви времени, которую люди именуют Метагалактикой...

Побродив немного между деревьями, Григорий стряхнул с себя оцепенение, вызвал модуль и помчался к метро, прикидывая, кто может быть полезен им с Федором в предстоящих делах и где можно раздобыть исчерпывающую информацию о планах «санитаров». Через час, проскакав для верности по десятку станций, он выбрался из метро Салавпилса и на такси спокойно добрался до своего небольшого «охотничьего» коттеджа, где жил последние несколько лет.

Настроил систему охраны коттеджа, походил по комнатам, вдыхая давно забытые запахи, включил игровой плейвер, но тут же выключил — не до игр. Зашел в сауну, разделся и с удовольствием искупался в мини-бассейне. Затем сварил кофе, затопил камин и уселся в гостевой зале с чашкой кофе и рюмкой коньяка. Мозг все еще сопротивлялся резкому выключению из напряженного ритма жизни, но мысли шли вяло, постепенно останавливая бег. Не волновали уже ни «санитары», ни открытия, сделанные в спецхране Управления. С сочувствием подумав о Полуянове, Белый уснул, и снился ему залитый солнцем коралловый берег, ласковое море и чайки, стонущие вовсе не по-птичьи...

Он вскинулся: сигналил инк системы охраны дома. Но это просто прибыл заказанный груз. Григорий снова уснул и проснулся уже через два часа от легкого прикосновения к руке. Открыл глаза. Перед ним в гостевом кресле сидел живой и невредимый комиссар-два Игнат Ромашин.

Белый закрыл глаза, на ощупь нашел рюмку с коньяком, сделал крупный глоток. Открыл один глаз. Ромашин не исчез. Он сидел нога на ногу, по обыкновению обхватив пальцами колено, серьезный и деловито-сосредоточенный, и Григорий проглотил вопрос: «Вы мне снитесь или нет?»

— Живой я, живой, — успокоил его Ромашин. — Просто понадобилось, чтобы я для всех побыл мертвым некоторое время. Рассказывайте. Официальную версию Федора я уже слышал. Нужна реальная оценка ситуации.

Белый кивнул, покосившись на светящийся зеленым «кактус» сторожа в углу комнаты. Комиссар заметил этот взгляд.

— У наших мудрецов есть «отмычки» для таких систем, пора вместо «клиффордов» переходить на «киборги». Но это к слову.

— Я проспал около четырех часов. Странно, что меня до сих пор не засекли «санитары».

— Они ждут вас у родственников, об этом домике знают всего два-три человека в Управлении. Но не обольщайтесь, в конце концов вас вычислят и начнут охоту.

— Так серьезно все?

— Серьезней некуда. Все главные лица в СБ и СЭКОНе закодированы, даже Златков...

— О нем я знаю.

— С ним-то как раз все не так просто. Очень сильной воли человек, он смог освободиться от контроля и практически готов работать с нами. Что касается остальных...

— Директор Управления тоже?..

— Нет, Костров смог закрыть себя «кольчугой» наглухо, ключа к ней «санитары» пока еще не нашли и взять директора под свой контроль не смогли. «Взорвался» я с его помощью. Одно время после прыжка Жданова нам представлялось, что мы переловили всех «санитаров», но ничуть не бывало. На свободе остался кто-то из них с программатором и быстро восстановил свое войско. Я вычислил восьмерых, однако, наверное, далеко не всех.

— Татуировка.

— Что?

— У всех закодированных «хирургами» людей после обрыва «струны» хронобура появился на коже странный ветвистый рисунок в виде паутинки, похожий на татуировку.

Ромашин задумался, кивнул.

— То-то я все ломал голову, почему те, кого я вычислил, всегда одеваются в комби до горла, с длинными рукавами, даже в жару. — Он встрепенулся. — О, дьявол! Не может быть! Получается, что первый зампред ВКС Орест Шахов — тоже «санитар»?! Он вдруг начал носить плотные фарантуры, а на приемах щеголяет только в кокосах...

Белый промолчал. Ромашин провел рукой по лицу, успокаиваясь, откинулся на спинку кресла.

— Рассказывайте, но покороче, у нас мало времени. За вами вот-вот придут. Резидент в Центре и так дал нагоняй всем своим «шестеркам», что они вас упустили. Кстати, Федора Полуянова изолировали якобы для обеспечения безопасности. Приказы идут сверху, безопасники ниже поручика их исполняют — и крайних нет.

— Поручика? Разве за время нашего отсутствия ввели новые звания?

— Почему новые? Они были всегда. Ротмистр, прапорщик, поручик, лейтенант, оберст... ну и так далее.

— А кто в таком случае я, гриф «Роуд-аскер»?

— Гриф не звание, а ранг. Насколько я знаю, вы были гранд-майором. Я не прав?

Белый налил полный стакан воды, залпом выпил. В голове мелькнула мысль: не сошел ли он с ума? Но он тут же отогнал ее. Становилось понятно, что в мире произошли некие странные изменения. И надо было выяснить, что именно изменилось: сам ли мир Земли начала двадцать четвертого века или бывшие десантники Григорий Белый и Федор Полуянов, спасшие этот мир от уничтожения.

— Что-нибудь не так? — спросил внимательный Ромашин.

— Позже, — ровным голосом ответил Белый. — Я не готов к определенным выводам. А теперь слушайте...

Рассказ длился около сорока минут, до тех пор, пока зеленый «кактус» сторожа не выкинул гроздь оранжевых огней.

— Вот и гости пожаловали, — сдержанно отреагировал комиссар. — Мне пора уходить. Транш у вас имеется?

— Что? — не понял Белый.

Ромашин настороженно заглянул ему в глаза.

— Гриша, создается впечатление, что вас поражают самые обыкновенные вещи. Транш — это непеленгируемая рация. Если у вас ее нет, вот экземпляр. — Игнат протянул Белому черную каплю с коготком, внутри которой мигнула синяя искорка. — Обеспечивает связь в пределах Солнечной системы. Через спутниковые сети, разумеется.

Григорий взял рацию, как ядовитый змеиный зуб. Ромашин хмыкнул, встал.

— До связи, гриф. Будь готов ко всему. Мне надо кое-что уточнить, а вечером мы встретимся снова, чтобы начать свою операцию. Вы прибыли на Землю очень вовремя.

Ромашин вышел, сел в такси-пинасс и... исчез! То, что Григорий принял за такси, оказалось «големом», стартовавшим в джамп-режиме сразу на высокую орбиту вокруг Земли. Комиссар знал свое дело и подстраховывался капитально.

Григорий включил монитор охраны, оглядел команду, прибывшую по его душу на трех куттерах, и усмехнулся, проворчав:

— Ну что же вы, коллеги, смелее. Сейчас я преподам вам урок, чтоб в следующий раз неповадно было действовать так открыто.

Не спеша он переоделся в «хамелеон», укрепил в узлах автоматики оружие — «глюк», «универсал» и кинжал, — рассовал по карманам доставки боезапас, аптечку, НЗ, универсальный инструментарий, батарею динго, настроил инк спецкостюма на мыслеприем хозяина и включил аппаратуру костюма. Инку понадобилось две секунды на апробацию режима и проверку систем, после чего Григорий Белый будто растаял в воздухе, стал невидимым.

* * *

Гибель комиссара-два практически не отразилась на деятельности Евразийского филиала службы безопасности. Круг решаемых им задач не изменился, огромный механизм связей и отношений сохранил набранный ход, тысячи людей продолжали свое дело, даже не представляя, что произошло. Лишь родные, близкие и друзья комиссара переживали трагедию, ошеломленные случившимся, все еще не веря в его смерть, несмотря на панихиду и похороны на старинном кладбище в Рославле, на родине Ромашина.

Место Игната занял его первый заместитель Луиджи Тарантино, и все пошло своим чередом, если не считать усиления влияния «санитаров» на службу безопасности и ситуацию вокруг «чертополоха» хроноускорителя в целом. А поскольку Тарантино, жгучий брюнет с ниточкой усов и глазами навыкате, был резидентом «хирургов» рангом выше, чем Игорь Марич, последний был вызван в резиденцию службы, занимавшую крыло гигантского здания УАСС под Рязанью.

— Полуянова и Белого необходимо в ближайшее время ликвидировать, — приказал комиссар, небрежно отбрасывая со лба прядь черных волос. — Они в курсе всех событий, это очевидно, и очень опасны. Через двое суток прибывает инспектор наших хозяев, мы должны будем отчитаться о проделанной работе и о готовности к уничтожению Ствола. К этому времени оба должны быть обезврежены.

— Полуянов уже под стражей, содержится пока в клинике Центра, но через пару дней, когда шумиха вокруг его имени уляжется, мы переведем его в изолятор СБ в Брянске, где он и останется навсегда. Белый же... — Марич потускнел. — Белому удалось скрыться. Мы ждали его у родителей, у жены и детей — все живут отдельно в разных уголках Европейской России, однако у него оказался личный схрон, так сказать, коттедж в Салавпилсе. Когда наши люди прибыли туда, он был готов к встрече. Сжег все три куттера, четверых оперативников покалечил и скрылся.

Тарантино налился темной кровью, минуту молчал, потом произнес обыкновенным голосом, будто они говорили о пустяках:

— А ведь вы обязаны были проконтролировать их появление, коллега, такие проколы наши хозяева не прощают.

— А вы должны были изучить их досье, — огрызнулся Марич. — И сообщить мне подробности. Откуда я мог знать, не будучи в вашем штате, что этот гриф владеет скоростными режимами и занимается рукопашным боем с младенчества?

— Хорошо, хорошо, не кипятитесь. Белый далеко не убежит,

рано или поздно объявится возле Ствола. С Полуянова глаз не спускать! Попробуем его закодировать, а если не получится — уничтожим. Ваш промах с Белым велик, но ликвидация Ромашина компенсирует его, можете пока не бояться гнева хозяев.

Марич знал об истинном положении дел, но говорить, естественно, ничего не стал. Гибель комиссара изменила соотношение сил и решила множество проблем, которые сам Марич решить не мог. Что ж, пусть все думают, что Ромашина убрал он.

— Мне не нравится поведение Златкова.

— А в чем дело?

— Он позволяет себе странные эскапады, делает ненужные заявления, развил бурную деятельность по изучению остатков Ствола, перекрестка пространств, как он говорит.

— Что беспокоит вас конкретно?

— Он стал другим, избегает контактов... — Марич помолчал. — У нас есть данные, что за день до гибели комиссар Ромашин встречался с ним дома.

Тарантино сузил глаза, голос его похолодел.

— Это уже интересно. Разговор записали?

— Нет, Ромашин применил глушилку.

Марич поймал немигающий, острый и холодный, словно у змеи, взгляд резидента и внутренне поежился. Он знал, что происходит с теми, кто не оправдывает надежд «хронохирургов».

* * *

Федор Полуянов мог бы освободиться из своего заточения уже через час после того, как его поместили в отдельный бокс клиники Центра под предлогом «восстановления тонуса и проведения специальных лечебных процедур», но не стал этого делать, не получив сигнала от Белого. Он действительно нуждался в отдыхе, а лучшего места, чем палата в реанимационном отделении клиники, придумать было трудно.

В гибель комиссара Федор не поверил. Слишком хорошо он знал этого человека, способного рассчитать любую комбинацию на много ходов вперед. Однако пока доказательств у него не было, настроение оставалось паршивым. Очевидным было наступление «хирургов» на властные структуры и усиление их контроля над Стволом. Они явно готовили удар по зданию бывшего хроноускорителя, и удар этот был не за горами.

День и ночь после перевода его в отдельный бокс клиники с медицинским комбайном и прочими лекарскими прибамбасами Федор проспал, как младенец. На следующее утро рослый молодой человек в комби техперсонала принес завтрак и молча пере-

дал «больному» черную капельку с коготком, проронив всего одно слово:

— Транш.

Капля оказалась рацией с речевым и мыслевыходом, а также, естественно, и мысленным входом. Таких Федор в бытность свою начальником группы «Роуд-аскер» не знал.

Рация запищала после обеда. Это был Белый.

— Федор, ты живой? Слышишь меня?

— Ты где?

— Неподалеку. Все нормально, готовлю с Ромашиным сюрпризы местной контре.

— Он жив?!

— Ты сомневался? Будь спокоен, этот человек не даст себя угробить за здорово живешь. Рацию тебе передал его паренек, с ним и будешь контактировать. Вечером по моему сигналу уйдешь, он поможет.

— Благодарю за заботу. Что, у нас мало времени?

— День и ночь. Завтра или послезавтра прибывает некий инспектор от «хирургов», будет проверять готовность их сети к операции по уничтожению Ствола. Может быть, придется его захватить. Кроме того, Златков подал хорошую идею: запустить туда разведгруппу для оценки опасности остатков хроноускорителя. Если СЭКОН даст добро, у нас появится шанс организовать контригру.

— Но ведь Златков...

— С нами. Мужик мощный и умный, самостоятельно смог раскодироваться. Представляешь силу воли? Ну, будь. Да, вот еще что, покумекай на досуге. — Пси-голос Григория изменился. — В спецхране Управления нет дриммеров!

— Ну и что? Дриммер не игрушка, разработан специально для первопроходцев, спасателей и прочих представителей тревожных служб и требует особого обращения. Нет в Управлении, есть где-нибудь на складах ВКС.

— Они здесь в о о б щ е не существуют!

Федор засмеялся.

— Гриша, ты переутомился. Как это дриммеры не существуют? Мы же с тобой ими пользовались. А мечи Владея и старого волхва?

— Т а м они есть, здесь их нет.

— Что ты хочешь сказать? Что значит — там?

— А ты подумай. Добавлю еще кое-что для размышлений. Тебе знаком термин «транш»?

— Это... мне кажется, принесли...

— Рация, правильно. Но я таких никогда не видел! А ведь обязан знать, как гриф СБ. Кстати, ты тоже. У нас, конечно, есть

микрорации, но без выхода на спутниковые сети, и называются они по-другому.

— Вокеры...

— Все, до связи.

— Подожди... — попытался было остановить безопасника Федор, но тот уже отключил связь.

— У нас, — вслух пробормотал Полуянов. — Черт возьми, что он хотел этим сказать?!

ГЛАВА 4

Заседание Совета безопасности Евразийского нойона (материкового куста) состоялось в конференц-зале УАСС. Корреспонденты службы новостей на это заседание допущены не были, и по миру пошли бродить всякие тревожные слухи, умело инспирируемые агентами влияния «хронохирургов», о «новом всплеске» смертельно опасного для здоровья людей хроноизлучения, регистрируемого приборами за многие сотни километров от полуразрушенного здания хроноквантового ускорителя в Брянских лесах. Поговаривали даже, что здание вот-вот взорвется и вокруг Солнца снова начнется свертка пространства, грозящая концом света.

В принципе слухи были не так уж и далеки от истины, но об этом знали всего несколько человек, в том числе постоянные члены Совета безопасности: Орест Шахов — зампредседателя ВКС, Ив Костров — директор УАСС, Луиджи Тарантино — новый комиссар-два, Златков Атанас. Ну и, естественно, Гриша Белый и Федор Полуянов, которые на заседании Совета не присутствовали. Лев Косулин, начальник Центра по ликвидации последствий, знал многое, но не все, как, впрочем, и большинство специалистов и руководителей тревожных служб.

На повестке дня заседания стоял один вопрос: ситуация вокруг хроноквантового ускорителя. Зачем СЭКОНу понадобилось секретить тему, не понял даже его председатель, однако все формальности были соблюдены, и общественность могла судить о важности проблемы лишь по просочившимся сквозь стены УАСС слухам.

Двадцать пять членов Совета выслушали доклад Златкова, затем выступления Косулина, Тарантино и Шахова, вяло поучаствовали в прениях и уже собирались принять решение, подготовленное председателем СЭКОНа — стереть Ствол с лица Земли, — но в это время слова попросил Ив Костров и предложил не торопиться с уничтожением здания.

— Дело даже не в том, что мы потеряем уникальный объект

для исследований, — сказал он. — Для акции уничтожения необходимы более весомые аргументы и обоснования, которых я не услышал. Все мы знаем о роли так называемых «хронохирургов» и их приспешников — «санитаров», вознамерившихся отсечь от Древа Времен нашу Ветвь, то есть, по сути, уничтожить нашу Метавселенную. Можно спорить о терминах, но суть останется неизменной. Наши посланцы, двое из которых недавно вернулись из похода по временной «струне» Ствола, приняли посильное участие в войне с различными пособниками «хирургов», но их самих не встретили. В то же время некоторые данные исследований говорят в пользу того, что «хирурги» все еще надеются на реванш. На мой взгляд, требуется послать спецгруппу в Ствол, а то и не одну, для оценки обстановки и работоспособности энергооборудования ускорителя. Лишь после этого можно будет вынести окончательное решение о судьбе Ствола.

— А если разведгруппа нарвется на эту вашу... хронопену и погибнет? — язвительно осведомился Тарантино. — Или нарушит наступившее равновесие? Вы можете гарантировать, что это не произойдет?.. — Он посмотрел на Златкова.

— Не могу, — честно сознался Атанас. — Ствол сейчас представляет собой конгломерат пространств с разными свойствами.

— Вот видите. — Комиссар развел руками.

— И все же я настаиваю на посылке группы для обследования объекта, — твердо заявил Костров. — Еще неизвестно, чего мы добьемся, уничтожив Ствол. Если в нем все еще работает реактор, то взрыв кварк-кессона превратит Брянские леса в пустыню. А такая возможность есть, приборы отмечают наличие в здании ускорителя источников энергии. Мое мнение: надо не взрывать здание, а изолировать его, благо появились технические предпосылки для такого действия.

Последовало недолгое молчание, затем развернулась бурная дискуссия по поводу предложения директора УАСС, длившаяся три часа с небольшим. Затем прошло голосование членов Совета. С перевесом в три голоса победили идеи Кострова и Златкова: подготовить спецгруппу для проникновения в здание хроноускорителя и построить вокруг него куполовидное укрытие, способное выдержать любой взрыв Ствола.

После заседания в кабинете Ореста Шахова встретились новый комиссар безопасности, Златков, Марич и Павло Обережный, командир «кольчуги» прикрытия директора УАСС. «Санитаром» он стал недавно, когда агентам «хирургов» удалось закодировать его во время отдыха. Их совещание не в пример заседанию Совета безопасности было кратким.

— В разведгруппе должен быть наш человек, — сказал Шахов. — Поскольку благодаря странной инициативе нашего хро-

ногения мы не смогли помешать созданию этой группы, следует знать о каждом ее шаге, а при первой же возможности уничтожить ее.

— Человек найдется, — заверил его Тарантино.

— Скорее всего, пойду я, — буркнул Марич. — Но для уничтожения группы понадобится поддержка.

— Поддержка будет. Вслед первой мы пошлем вторую группу, целиком составленную из наших людей. Остальные продолжат подготовку взрыва Ствола. Естественно, втайне от общественности и руководства УАСС.

— Между прочим, Атанас, — повернул к Златкову голову Орест Шахов, — зачем вам понадобилось затевать всю эту кутерьму с разведгруппой?

— По двум причинам, — безразличным голосом отозвался ученый. — Первая — Ствол в настоящее время действительно представляет собой перекресток пространств с разными физическими свойствами, представляющий несомненный интерес для науки. Изучение его свойств даст нам понимание происходящих в здании процессов, позволит сделать прогноз поведения и опасности разных участков, а главное — позволит определить местоположение работающих хрономембран для их конкретного уничтожения. Вторая причина: гибель разведгруппы станет дополнительным весомым аргументом для СЭКОНа и для нас, конечно, в пользу прямого разрушения хроноускорителя как сверхопасного объекта.

Шахов ощупал рассеянно-сонное лицо Златкова своими серыми цепкими глазами, медленно проговорил:

— Да вы у нас настоящий стратег. Замысел и в самом деле хорош... если его осуществить. А мы его обязательно осуществим, не так ли, коллеги?

Агенты «хирургов» ответили дружным молчанием.

* * *

Директор УАСС Ив Костров слыл человеком жестким — по отношению к тем, кто хоть раз допустил преступную, по его мнению, халатность и разгильдяйство, и даже жестоким, если такие случаи повторялись. Наказание следовало мгновенно: работник Управления, виновный в повторном нарушении служебных правил, допустивший срыв плана или развитие аварийной ситуации, безжалостно изгонялся из рядов спасателей и безопасников или привлекался к уголовной ответственности, невзирая на ранги и былые заслуги. Поэтому окружали Кострова только люди, преданные делу, и только молодые. Сорокалетний возраст считался порогом для работников оперативных подразделений, а пятиде-

сятилетний — для чиновников аппарата управления. Люди старше пятидесяти лет могли работать только в отделе когнитивного прогноза и эф-анализа[1] да в экспертной группе.

Когда после известных событий в Брянских лесах с появлением «санитаров», чья деятельность несла разрушения и смерть, наметилась потребность защиты руководителей тревожных служб, пытавшихся ограничить экспансию «санитаров», Костров не стал возражать против варианта личной «кольчуги» — группы телохранителей, командиром которой был назначен поручик оперативного отдела Павло Обережный. За полгода с момента создания группы директор УАСС практически не контактировал с ней и с ее командиром, исполнявшим свои обязанности с похвальной аккуратностью и мастерством. Но в последнюю неделю Костров вдруг столкнулся с назойливым вниманием поручика и насторожился. Обережный слишком часто стал запрашивать инструкции, интересоваться предполагаемыми маршрутами передвижения и даже дважды заявлялся к директору в кабинет, чтобы «лично убедиться в безопасности шефа».

Проанализировав поведение командира обоймы сопровождения, Костров связался с «погибшим» комиссаром и рассказал ему о своих сомнениях. Реакция последнего последовала незамедлительно:

— Никуда из Управления не выходи до вечера. Затем сообщи Обережному маршрут: администрирование Москвы — строительное управление — аварийный пост в Североморске у завода «СевЗУАПЛ». Остальное — моя забота.

Костров так и поступил. Закончив рутинные дела, двинулся по указанному маршруту, который проделывал нередко, и в четвертом часу дня вышел из служебного галеона с традиционной расцветкой УАСС: красный верх, синий низ, между ними белая полоса, — под Североморском, на территории завода по утилизации военных отходов прошлых столетий.

Североморск когда-то служил портом для атомных подводных лодок, сильно загрязнявших экологическую среду, а после всеобщего объединения стал первым в мире городом, где был построен крупнейший завод по утилизации отработанного ядерного топлива, оружия, транспортных средств и просто мусора. Работал завод уже три сотни лет, претерпел множество технологических изменений, но избавить планету от ядерных и химических отходов так и не смог.

У причалов охраняемой зоны № 3 до сих пор стояли подвод-

---

[1] Эф-анализ — от слова future (будущее, *англ.*) — F-анализ, то есть всесторонний компьютерный анализ деятельности Управления с разработкой и выдачей рекомендаций по перспективным направлениям.

ные ракетные крейсеры типа «Тайфун», «Смерч», «Недотрога» и «Блю хоррор», терпеливо дожидавшиеся своей очереди, и почти каждую неделю чистильщики доставляли сюда с разных концов планеты найденное оружие, опасные химические и взрывчатые вещества, мины, бомбы и снаряды, столетиями прятавшиеся в земле, в глубинах океана и в космосе.

На территорию завода директора УАСС пропустил инк охраны, получивший кодовый ответ о ранге и допуске гостя. Спустя несколько секунд возле его галеона опустился один из нефов личной охраны, второй остался висеть в воздухе на высоте сотни метров, контролируя воздушное пространство.

Костров, помня наставления Ромашина, внешне спокойно и неторопливо побрел к одной из круглых цистерн угрюмого вида, диаметром около двухсот метров, торцами смотрящих в небо. Обошел старинный перегрузочный узел со стрелами кранов, подошел к длинному зданию древнего железнодорожного вокзала, и в этот момент среди телохранителей директора возникла короткая потасовка и перестрелка, закончившаяся почти мгновенной гибелью пятерки.

Действия телохранителей до этого момента полностью укладывались в разработанную специалистами и апробированную множество раз схему сопровождения ОВП[1]: двое впереди, двое по бокам, командир сзади, эшелон прикрытия и контроля сверху или, если нет такой возможности, усиливает контроль «уязвимых зон» в соответствии с местностью. Но схема не рассчитывалась на прямое предательство члена команды, поэтому была малоэффективна при появлении в группе инициатора внезапно возникшей угрозы, несмотря на компьютерное сопровождение и связь.

Огонь на поражение открыл по своим товарищам не командир отряда, как сначала подумал Костров, а один из «крабов» — членов группы, специализирующихся на прикрытии охраняемого объекта сбоку. Он был отменным стрелком и успел из «универсала» поразить трех телохранителей в голову и командира обоймы Павла Обережного в грудь; видимо, таков был план — начинал комбинацию запрограммированный смертник, а заканчивал «раненый» и потому находившийся вне подозрений командир. Однако поручик Обережный не просчитал варианта чужого вмешательства, а также того, что объект был предупрежден.

Костров упал на землю сразу же после первого выстрела, мысленно включая защиту костюма. Поэтому плазменные заряды Обережного цели не достигли: первый прошел над ним, а второй был полностью погашен кокосом. Третьего ни поручик, ни его контрагент сделать не успели. Из здания старинного вокзала

---

[1] ОВП — очень важная персона.

протянулись к ним туманно искрящиеся лучики и разрезали обоих вместе с защитными костюмами и взорвавшимися в руках «универсалами». Огонь, открытый из кинувшегося сверху нефа прикрытия мгновением позже, оказался уже не нужен.

— Пока, — донесла Кострову рация мыслеголос Ромашина. — Берегись теперь сам. Ты знаешь, что делать.

— Спасибо, — мысленно отозвался директор Управления, поднимаясь с земли и отстраняя протянувшиеся руки ошалелых от неожиданности телохранителей второй пятерки.

Ребята, впрочем, тут же опомнились и умело провели поиск затаившихся неподалеку неведомых «друзей», не забывая прикрывать Кострова, никого не нашли и вызвали подмогу. Через полчаса Костров вошел в свой кабинет и доложил о случившемся комиссару-два Тарантино. Соболезнования и горячие уверения последнего в том, что он «немедленно примет меры», директор выслушивать не стал. Он просто подал рапорт в административную комиссию ВКС о неполном служебном соответствии вновь назначенного комиссара Евразийской наземной службы безопасности.

* * *

Нападение на директора УАСС не стало достоянием гласности и не повлияло на события, разворачивающиеся вокруг здания бывшего хроноквантового ускорителя.

По решению Совета безопасности Евразийского нойона спешно была создана команда из пяти человек, профессионалов службы, для оценки состояния хроноускорителя, в которую были включены Федор Полуянов и Игорь Марич. Григория Белого, грифа безопасности, мастера рукопашного боя, включить в группу не удалось. Он исчез. Посланные за ним официальные лица вернулись ни с чем. Ни у жены, ни у детей и родственников он не появлялся.

Экипировка разведгруппы не заняла много времени. Уже на второй день группа была готова к походу в здание, похожее издали то ли на удивительный шар перекати-поля, то ли на причудливый колючий цветок «чертополоха», то ли на «растянутый во времени взрыв». Все пятеро опробовали скафандровые комплексы, превращавшие людей в неведомых динозавроподобных существ, способные защитить их от любого вида излучений и даже от хронопены, познакомились с инками скафандров, которые управляли всеми их системами и оружием, и договорились о подстраховке каждого и о способе передвижения.

Полуянов был неприятно удивлен, узнав, что в комплект входит инграв — поясной генератор антитяготения, не только сни-

мающий пресс груза (скафандр со всеми прибамбасами весил около ста двадцати килограммов), но и способный поднять владельца на километровую высоту. Выяснились и еще кое-какие подробности, заставляющие чесать затылок, и Федор наконец всерьез задумался над словами Григория, подходя вплотную к догадке, пугающей простотой и очевидностью. В конце концов он не выдержал и связался по транш-рации с Белым:

— Привет, беглец. Ты далеко?

— Рядом. Готовлю третью группу, которая пойдет за вами. Встретимся в здании.

— Почему третью? Вторую?

— Вторую готовят «санитары». По сигналу Марича она накроет вашу команду, а тот потом сочинит какую-нибудь жуткую историю, которая послужит поводом для уничтожения Ствола. Следи за инженером в четыре глаза, чтобы не выстрелил тебе в спину.

— Нас снабдили суперскафандрами...

— Против струнного «глюка» это — яичная скорлупа. Что ты хотел сообщить? Что-нибудь случилось? Почему звонишь не по графику?

— Гриша, назови мне, пожалуйста, столицу Болгарии и как называются у нас жители этой страны?

— София и болгары.

— А з д е с ь столица Болгарии — Златов Бряг и аборигены называют себя болгарийцами!

— Что, дошло наконец?

Федор звучно проглотил слюну, благодаря скафандр за то, что тот был непрозрачен внешне и не давал возможности видеть его лицо.

— Так это... правда?!

— Йес, мой друг. Мы с тобой попали н е в с в о ю Ветвь времени! Да, здесь живут все те, кто посылал нас в поход, есть Ствол, есть ученый, реализовавший идею хронобурения, и даже моя жена и дети! — Белый хохотнул. — Но дело в том, что у меня н и к о г д а н е б ы л о ни жены, ни детей! Улавливаешь разницу? Я когда узнал — обалдел!

— Но тогда... нас посылали... а Жданов как же?

— Это означает, Федя, что существует множество Ветвей времени с планетами по имени Земля, с почти абсолютно сходными условиями жизни, и в каждой Ветви решался вопрос засылки в Ствол десантных групп для отключения...

— Для сохранения.

— Ну, или сохранения Ствола.

— Почему же мы не пересеклись с теми группами... со своими двойниками... там, в Стволе?

— А кто тебе сказал, что он существует в единственном экземпляре?

Полуянов почувствовал слабость в ногах и вынужден был присесть на скамейку в парке базы Управления, где группа готовилась к походу.

— Не понимаю! Существуют законы...

— Поговори со Златковым. Сей деятель не раз задумывался над природой времени и устройством Вселенной, у него есть оригинальные идеи. До связи, дружище. Кстати, вовсе не обязательно для связи со мной принимать меры предосторожности, местные транш-рации не боятся прослушивания и пеленгации.

С тихим двойным звоночком мыслеголос Белого уплыл в немоту эфира, связь прервалась.

Полуянов понял, что за ним следят не только «санитары», но и люди Ромашина, и ему, несмотря на сумбур в голове, на мгновение стало легче.

ГЛАВА 5

Белый и Ромашин встретились в драйв-рубке одного из спутников погодного мониторинга, подвешенного на орбите над Северным Ледовитым океаном на высоте пятисот километров. Спутник не требовал настройки аппаратуры и профилактических работ, но мог менять функции и поэтому имел рубку. Безопасниками отряда «Астро-аскер» он использовался в качестве запасной орбитальной базы. А когда Ромашин установил на его метро кодовый замок, спутник и вовсе стал недоступен для всех, кто не знал кода.

«Погибший» комиссар изменил внешность, походку, жесты и речь и теперь походил на пожилого джампера, путешественника по новым, колонизируемым землянами мирам. Однако мешком сидящий кокос, футляры видео- и фотоаппаратуры, укрепленные в спецкарманчиках на рукавах, животе и спине костюма, были камуфляжем, на самом деле Ромашин носил суперсовременный динго-костюм «уник», формирующий любую модель и голографически разворачивающий любой вид одежды.

Белый, одетый в «хамелеон», выключил аппаратуру костюма, перестал быть привидением с тающими интерференционными струями, словно там, где он двигался, воздух дрожал от зноя, и Ромашин, сидевший в кокон-кресле рубки, молча пожав ему руку, кивнул на второй развернутый кокон.

С минуту они разглядывали друг друга, не зная, что оба сравнивают впечатления от встреч с «родными» им Ромашиным и Белым. Для первого отличий между «тем» Григорием Белым и

«этим» не нашлось, второй с трудом признал в пожилом джампер-туристе сурового начальника службы безопасности.

— Однако узнать вас можно только при сильном желании. Признаться, я сначала подумал, что попал не туда и не к тому.

— Стараемся, — без улыбки ответил Ромашин. — Вас еще не вычислили? «Клопов» не подсунули?

— Обижаете, начальник. Я редко выхожу из схрона, а если и выхожу, то ночью, не в толпу и в «хамелеоне». А как вам положение нелегала?

— Не нравится, — тем же тоном произнес комиссар. — Я привык быть на людях, в обществе, все время на виду, и нынешнее положение — крайне вынужденное. — Ромашин помолчал. — О том, что я жив, не знает ни один человек из моих близких.

Григорий представил, каково сейчас жене комиссара, красавице Дениз, его сыну, отцу и матери, всем родственникам, а также ему самому, и поежился. Только очень сильный человек способен решиться на такой поступок, да и то ради колоссальной важности цели. Несомненно, спасение Ветви Мира является такой целью, но какие же надо иметь нервы и волю, чтобы справиться со своими переживаниями и чувствами!

Глаза Ромашина стали тоскливыми, но лишь на один миг, и тут же снова обрели стальной блеск. Он понял, о чем подумал собеседник.

— Я вызвал вас по двум причинам. Первая — рутинно-профессиональная: знакомство с командой, которая пойдет в Ствол третьей, после группы Федора и обоймы ликвидации. Поведете команду вы. Вторая причина сложней. Но о ней позже. Итак, ваша задача до похода в Ствол...

— Выявить меченых, захватить пару «языков», выяснить план «хирургов» и средства его реализации.

— Что-то в этом роде, — кивнул Ромашин. — Но последний пункт — лишний. Допрос меченых в вашу задачу не входит, это мои проблемы. Зато добавлю еще один пункт, может быть, наиболее важный из всех: перехватить в Стволе инспектора «хирургов». Его цели неясны; для чего он прибывает, не знает даже Златков, и это меня пугает.

Белый хищно улыбнулся.

— Этот противник посерьезней остальных, интересно будет потягаться с ним в спарринге.

Ромашин внимательно посмотрел на уверенно-воинственное лицо безопасника с иронично изогнутой складкой губ, и тот поспешил добавить:

— Я пошутил. А кем будет инспектор? Человеком, роботом, киборгом, другим разумным существом?

— Неизвестно. Однако уровень его так высок, что даже у ре-

зидентов душа уходит в пятки. — Ромашин позволил себе улыбнуться. — Если только у них есть душа. Теперь я попросил бы вас поделиться теми наблюдениями, которые вы сделали за время пребывания на Земле. Мне сказали, что вы задаете очень странные вопросы. Это вторая причина вашего вызова и личного контакта со мной. Обещаю, что дальше этих стен ваши слова не просочатся. Златков тоже заинтересовался вашим поведением и сделал одно весьма любопытное предположение. Понимаете, о чем речь?

— Сформулируйте, — внутренне поджался Григорий.

— Ну-ну, успокойтесь, — дернул уголком губ Ромашин. — Здесь нет ни подслушивающих, ни записывающих устройств, а зону разговора я перекрыл шумовиком. Если же вы мне не доверяете...

— Каждому хочется опереться на плечо друга, я не исключение. Но Жданов далеко, а вас...

— ... я не знаю, — закончил Ромашин. — Так?

— Примерно так. И все же: начали — договаривайте.

Комиссар собрал морщины на лбу, помолчал, глядя Белому прямо в глаза, медленно проговорил:

— Вы из другой Ветви, Гриша.

Белый дернулся, словно под током, ответил Ромашину таким же пристальным изучающим взглядом, и голос его внезапно сел:

— Вы понимаете... что это значит?!

Ромашин погрустнел.

— Скорее всего, нет. Этого не понимает даже такой мощный интеллект, как Атанас Златков, и даже еще более мощные фигуры — Те, Кто Следит. Иначе они уже подсказали бы ответ. Видимо, Атанас прав, мы далеки от разгадки природы времени, несмотря на созданную нами теорию хронопереноса и реализацию идеи бурения времени в здании Ствола.

— Если все это обстоит именно таким образом...

— Вы сомневаетесь?

— Н-нет... уже нет. Но если это правда... возникает столько попутных проблем и вопросов, что кружится голова. Нам нужен консультант, и что-то мне подсказывает, что им вполне может стать ожидаемый «санитарами» гонец. И еще может статься, что «хронохирурги» — единственные обладатели истины.

Ромашин задумчиво кивнул, не торопясь продолжать тему. Проговорил спустя некоторое время:

— Расскажите мне о дриммерах. Наша наука и техника вплотную подобралась к созданию таких суперуниверсальных изделий, но в материал еще не воплотила.

Белый не сразу вышел из транса, в который его завели размышления о множественности Ветвей — Вселенных с мало отли-

чающимися условиями существования, а главное — о бесчисленных Григориях Белых и Игнатах Ромашиных, живущих в этих мирах и решающих те же проблемы.

— Черт возьми, как сложен мир!

— Видимо, он гораздо более сложен, чем мы думаем и даже можем представить, — ответил Ромашин горько.

* * *

Разведгруппа, ведомая Федором Полуяновым, стартовала в Ствол лишь после того, как там побывали конкистадоры. Три механических паука метровой высоты, повинуясь команде из Центра, отыскали в иззубренно-колючем шаре «чертополоха» проход в его недра, нырнули в него и благополучно вынырнули обратно через пару часов, принеся видеозапись своего путешествия по таинственным лабиринтам «перекрестка пространств». И хотя видеозаписи всех трех киберов разнились, будто они шли не одним тоннелем один за другим, а совершенно разными, главным фактором в пользу посылки людей стало возвращение конкистадоров.

Группа ушла в Ствол утром семнадцатого сентября в сопровождении целой роты киберов. Связь с ней почти сразу же прервалась, но спустя час вышел конкистадор и доложил, что все идет нормально, отряд успешно продвигается по коридорам Ствола и, хотя потерял уже два автомата, продвинулся к ядру «чертополоха» на пять километров.

Это известие взбудоражило исследователей, ожидавших возвращения разведчиков не меньше, чем официальные лица. Видимый диаметр ядра «чертополоха» не превышал одного километра, а в сообщении говорилось о пяти и о том, что группа «движется дальше».

Еще через два часа из дыры тоннеля, в котором скрылись разведчики, выполз другой паук и принес известие о дальнейшем пути группы, преодолевшей уже восемь километров, и об удивительных эффектах, сопровождавших продвижение. В зале Центра по ликвидации последствий началась дискуссия между учеными по поводу оценки «восемь километров», но быстро стихла. Все ждали, что будет дальше.

Очередной конкистадор-посланец вышел через четыре часа после второго и запись передал лаконичную и неполную: «Впереди бесконечная цепь пространств с разными... или это иллюзия, или начало другой...» На этом запись обрывалась.

Златков знал, что за слово оказалось стертым в конце сообщения: слово «Ветви», — но не счел нужным делиться догадкой ни с

кем. Он вдруг остро пожалел, что не пошел в поход вместе с Полуяновым.

Больше конкистадоры не выходили. А поздно ночью, когда уставшие исследователи и наблюдатели угомонились, в Ствол тайно ушла вторая группа, ведомая одним из «санитаров». Она нырнула в здание в том месте, где к нему почти вплотную прижимался хобот одного из хроностабилизаторов, разрушенного выпадом хронопены сразу после старта Жданова. Однако не только наблюдатели из числа сотрудников безопасности, но и «санитары» пропустили старт в Ствол еще одной группы, которую возглавил Григорий Белый.

До этого он успел выявить двух меченых и захватить одного из них. Им оказался сотрудник СЭКОНа, экоэттик, афганец по происхождению Наджибулла Талибхан. Допрашивал его уже Игнат Ромашин со своей бригадой, использовав для этой цели некоторые неизвестные медперсоналу кабинеты в институте Склифа в Новгороде с кое-какой медицинской аппаратурой. Эта аппаратура понадобилась комиссару для нейтрализации программы в мозгу закодированного «санитара» и удержания его психики на грани распада.

После допроса Талибхана отправили на лечение, психика его все же не справилась со взрывом установленного в сознании «подрывного устройства» — команды самоуничтожения, срабатывающей при попытке давления на личность, и хотя принятые комиссаром меры ослабили «взрыв», Наджибулла Талибхан надолго выбыл из строя и как «санитар», и как человек.

Кое-что все же выяснить у него удалось, и Ромашин связался со Златковым, чтобы договориться о встрече. Вопросы, возникшие у него после контакта с Талибханом, по рации решить было невозможно.

Они встретились в рубке того же спутника службы погоды, предназначенного для подобного рода встреч. Ромашин все еще пребывал в образе довольного жизнью джампера, Златков же по обыкновению имел вид засыпающего на ходу дилайтмена. Лишь те редкие люди, кто встречался с ним взглядом, могли оценить мерцающий на дне его глаз огонь мысли и силы.

— За вами наблюдают? — спросил Ромашин, когда они поздоровались и сели друг против друга.

— Почти не скрываясь. С момента, когда я предложил оценить степень опасности Ствола изнутри, мне перестали доверять. Но все же пока удается уходить из-под наблюдения, разумеется, с помощью этих ваших штучек с непеленгируемыми пересадками на метро, динго-двойников и эйдонаводок. Надо признаться, ваши специалисты разработали неплохие методы маскировки.

Однако в будущем личные контакты придется ограничить или вовсе исключить.

— Согласен. Сегодняшняя встреча последняя, кое-что надо обсудить и договориться о взаимодействии. Но первый вопрос у меня иного плана. — Ромашин уселся в кокон-кресле поудобнее. — Как вы объясните феномен Гриши Белого?

— Двойники? — тотчас же понял Златков. — Да, это весьма занятная проблема. Посылали одного, точнее — многих, а вернулись внешне те же люди, но с иным опытом, знаниями и памятью. С точки зрения ортодоксальной науки, н а ш е й науки, объяснить сей феномен нельзя. Требуется применение неформальных логик. Но если принять за истину матричную концепцию времени...

— Секундочку, что за концепция?

— Любое информационное преобразование Вселенной производит мгновенное изменение матрицы Мира.

— Я знаком с этой версией мироустройства. Но наш случай, по-моему, выпадает из нее. Матричная концепция предполагает мгновенное изменение памяти людей, не так ли? То есть они не должны помнить, что было до изменения, до точки бифуркации, как принято говорить, так как изменяется не только внешний мир — матрица Вселенной, но и, соответственно, их внутренний мир. В памяти стирается все то, что происходило раньше.

Златков покачал головой. Сонным он уже не казался.

— Вы более информированы, чем я думал, комиссар. Однако наш случай полностью укладывается в рамки матричной гипотезы. Белый потому может помнить события и детали прошлой жизни, что он в момент изменения о т с у т с т в о в а л в нашей Метавселенной!

В рубке наступила тишина. Ромашин переваривал полученную информацию, но чувствовалось, что он внутренне был готов услышать столь необычные, поражающие воображение вещи.

— Наверное, я все-таки ограничен от природы, — с виноватой усмешкой произнес он наконец, — потому что до сих пор не могу понять, что же такое время. Каждая версия, а их, по моим подсчетам, набралось уже восемь, объясняет природу времени по-своему, и каждая не претендует на звание истины.

Усмехнулся и Златков.

— Как говорил Антифонт: «Время есть мысль или мера, а не сущность». Попробуйте опровергните его.

— Не смогу. Впрочем, вы, по-моему, тоже. Мне надо осмыслить ваше предположение. Оно многое меняет в моем мироощущении. Ведь, если вы правы, вполне возможно возвращение н а ш и х ребят, уходивших в Ствол из н а ш е г о пространственного континуума. Чем это может закончиться, трудно представить.

Златков, который давно обдумал и просчитал многие варианты взаимодействий Ветвей времени, промолчал. Он занимался хронофизикой более пятидесяти лет, но чем больше углублялся в дебри разных теорий, тем с меньшей уверенностью мог сказать, что такое время. Несмотря на осмысление этой удивительной темы, создание теории хронопереноса и воплощение идеи в хроноускорителе.

— Это все, что вы хотели выяснить, комиссар?

Ромашин ответить не успел. В стенах рубки вдруг вспыхнули алые огоньки, раздался басовитый мужской голос:

— Отмечаю локацию с земной поверхности в диапазонах «один ноль два» и «один и шесть». Мощность девяносто, пучки узкие, направленные. Предполагаю использование станций наведения...

— Уводи станцию! — отреагировал Ромашин на сообщение инка спутника, вскочил. — Быстрее отсюда, Атанас! Кажется, нашу секретную базу все-таки нащупали. Интересная петрушка получается...

Один за другим они нырнули в кабину метро, швырнувшую обоих по «струне» транспортировки на одну из лунных станций, и уже не увидели, как пронзившая атмосферу Земли ракета вонзилась в спутник и превратила его в лопнувший огненный шар.

Домой Златков возвращался затемно.

После встречи с Ромашиным, которую засекли «санитары», он проанализировал случившееся — уничтожение спутника — и понял, что не учел сноровки и технической оснащенности своих бывших хозяев. «Санитары» все же не потеряли его из виду, вычислили местонахождение и попытались локализовать объект на орбите с кодовым выходом метро. А когда это не удалось, уничтожили спутник. Это означало, что резидентам «хирургов» Златков перестал быть нужен как специалист и помощник и теперь следовало ждать волны покушений на его жизнь.

До вечера Атанас находился в Центре по ликвидации последствий, продолжая работать с проблемным инком Центра, занимаясь расчетами и моделированием своей новой идеи, консультируя коллег, десятки специалистов, занятых проблемами времени в общем или частными научными вопросами, которые так или иначе касались работы хроноускорителя. О своей безопасности он задумался, лишь когда прощался с начальником Центра. Долго колебался, просить ли Ромашина о подключении «кольчуги», но так и не решился. Значение своей персоны для мировой науки Златков никогда не оценивал сам, полагаясь на мнения окружав-

ших его людей, поэтому и на этот раз не стал доказывать даже самому себе важность своих умозаключений.

Шел одиннадцатый час вечера по времени Злата Бряга, когда он посадил такси-пинасс на освещенной фонарями лужайке возле своего дома. Отпустил машину, но в дом не спешил, ощущая некий дискомфорт, неприятный холодок в спине, словно от дуновения морозного ветра. Внимательно оглядел сад, рощицу тополей и каштанов, начинающих терять листву, ничего подозрительного не заметил и, расправив плечи, пошел напрямик через цветник с увядшими гладиолусами. Интуиция сработала еще раз прямо у двери: нахлынула вдруг слабость, ноги отказывались переступать порог коттеджа, а в спине застрял тяжелый кирпич чужого взгляда.

Облившись потом, Атанас отступил, оглянулся и, повинуясь инстинкту, бросился ничком на землю.

Взрыв был не очень мощным, но направленным, и если бы Златков остался на прежнем месте, от него не осталось бы ничего. А так его только отшвырнула прочь ударная волна, располосовав на спине прочнейший кокос и срезав клок волос на затылке вместе с кожей. При ударе о гранитную скамейку Златков сломал два ребра и левую руку, но сознание потерял еще раньше и поэтому не видел развития событий.

Из-за дома со стороны водоканала вывернулся полосатый неф аварийной службы, метнулся к телу ученого, застрявшему в кустах, однако его пассажиры сделать ничего не успели. Откуда-то на огромной скорости вылетел галеон со звездой правительственной инспекции на борту и с ходу разнес неф залпом из аннигилятора. Покружив над садом в поисках затаившихся ликвидаторов, он опустился возле Златкова, из него выбрались двое парней в серо-синих комби, подобрали ученого, уложили в просторной кабине и улетели. Уже в воздухе один из парней включил рацию:

— Первый, все в порядке, успели. Ранен, но будет жить, везем в сотую Склифа. Дом проверит вторая группа.

— Добро, — отозвалась рация мыслеголосом Ромашина. — Не спускайте с него глаз.

ГЛАВА 6

Полуянов не знал, вся ли его группа состоит из «санитаров» или только один Марич, но на всякий случай стерегся всех. Для этого он разбил группу на двойки и шел в арьергарде, сориентировав сторожевого инка следить больше за спиной. Кроме того, он «привязал» к себе одного конкистадора, установив с ним ко-

дированную связь. Теперь восьминогий механический паук слушался только его команд и, по сути, стал телохранителем командира группы.

Впереди и сзади разведчиков бежала еще дюжина конкистадоров, готовая прийти на помощь в любой момент, однако Федор не был уверен, что Марич не подстраховал себя, как он сам.

Первого паука они отправили с донесением спустя час после старта, пройдя около пяти километров по черному, пустому, словно вымазанному сажей и копотью коридору переменного сечения, то прямоугольному, то овальному, то круглому.

Ничего удивительного не происходило, ничего особенного они не увидели, если не считать самого коридора, который, казалось, тянется в бесконечную даль и пульсирует как живой.

Затем постепенно стали накапливаться странности: послышались тихие необычные звуки — скрипы, вздохи, щелчки, струнные аккорды, топоток маленьких ножек по металлу, зудение мух и посвисты ветра; изменился поток излучения — в сторону увеличения плотности гамма-лучей и нейтрино; началось «порхание» электромагнитных и гравитационных полей, отразившееся на самочувствии разведчиков не лучшим образом. Скафандры излучение выдерживали, и тем не менее вибрации полей отзывались в телах людей ломотой суставов и ухудшением зрения. Лишь максимальным напряжением защитных генераторов удалось снять эти негативные явления, а о том, что ждало разведчиков впереди, приходилось думать с тревогой. Во всяком случае, ничего подобного Федор до этого не испытывал.

Коридор начал ветвиться, словно прожилки на древесном листке. Первый узел ветвления они пропустили, на втором задержались. Коридор здесь был круглым в сечении, и такими же, только поменьше в диаметре, виднелись боковые ходы. Стены их отсвечивали металлом и заметно пульсировали, а по полу бродили голубые огни, похожие на небольшие шаровые молнии.

— По-моему, мы изначально избрали неверный путь, — сказал Полуянов. — Или повернули не туда. Данный коридор не принадлежит зданию хроноускорителя, это и не коридор вовсе, а развертка «струны» иного пространства. Предлагаю вернуться, поискать настоящий кольцевой коридор и обойти здание кругом. Если удастся, конечно. Нам необходимо найти реактор, выяснить, работает ли он, и определить уцелевшие зоны с лифтами хрономембран.

— Хорошо бы еще найти ту мембрану, по которой вы с Белым выбрались в наше время, — подал голос Марич. — Хотя я совершенно не понимаю, как вам это удалось. Мембраны работают только в одном направлении — вниз, в прошлое.

Полуянов промолчал. О том, что он и Григорий были перене-

сены сюда трансгрессом, никто не должен был знать, и они придерживались версии, что воспользовались лифтом мембраны.

— Попробуем пройти по этим двум ходам, — предложил Марич. — Может быть, один из них и приведет нас в нормальный коридор.

Но ответвлявшиеся от основного боковые тоннели не вывели группу к знакомым интерьерам здания. Первый постепенно сужался, петляя, темнел, зарастал черной паутиной, пока не «усох» совсем. Второй, наоборот, стал шире и вскоре уткнулся в гигантскую шаровидную полость, диаметр которой аппаратура скафандров оценила в два километра. Полость была заполнена слоистым серым дымом и то и дело пробивалась ядовито-зелеными молниями, оставлявшими в этом дыму черные следы.

Пришлось возвращаться к развилке и решать, что делать дальше. Марич упорно настаивал на продвижении вперед, остальные члены группы соблюдали нейтралитет, и в конце концов Федор решил продолжить путь.

— Если в течение часа не выйдем в здание, — сказал он, — повернем обратно.

Марич занял место впереди отряда, следуя за тремя конкистадорами, за ним двинулись остальные и последним Полуянов. Отпустив группу метров на тридцать, он попробовал связаться «с поверхностью», ответа не услышал и остро пожалел, что рядом нет Григория. Быстрый в решениях, импульсивный, бесстрашный и целеустремленный, безопасник был надежен как скала, на него всегда можно было положиться в самых безнадежных ситуациях. Что задумал Ромашин, Федор не знал, но помнил его предупреждения и назад поглядывал часто. Где-то там, по извивам коридоров, спешила за первой разведгруппой команда ликвидации, и надо было не пропустить момент ее появления.

Полуянов не знал, что его опасения напрасны. По крайней мере на ближайшие несколько часов. Вторая группа, ведомая грифом безопасности Шитовым, ставшим «санитаром» недавно, вышла в другой тоннель и надолго застряла в его умопомрачительных пересечениях с самим собой. Каждое такое пересечение бросало пятерку ликвидаторов в пузырь пространства с локальным ходом времени, подобный тому, в какой попал когда-то Игорь Васильевич Ивашура на Земле своей Ветви, и каждый раз приходилось выбираться из этого пузыря предельным напряжением физических сил и энергетических запасов. Наконец Шитов смекнул, что попали они не туда, и повернул на одной из развилок обратно, только сориентироваться правильно не сумел. Группа продолжала следовать по цепочке иновременья и углубляться в вихревую зону пересечений пространств с удивительными свойствами.

* * *

Отряд Белого прорвался в Ствол «из подвала», то есть через подземный тоннель, координаты которого знал только Ромашин. Тоннель был прорыт еще до катастрофы хроноускорителя и соединял его с бункером независимой аппаратуры и лабораторией времени. Однако после провала Ствола в прошлое был частично разрушен, частично затоплен хронопеной. Уцелел лишь северо-западный его участок длиной около полукилометра, о котором забыли все, даже Златков. Вернее, не забыли, а приняли общее мнение: уничтожен. Зато о нем помнил Ромашин, тайно исследовал и использовал в нужный момент.

Отряд, экипированный не хуже первой разведгруппы, вышел в коридор, пронзающий в прошлом здание по кольцу, но смог пройти по нему лишь около сотни метров. Коридор перестал быть таковым, потому что в соответствии с изменением формы здания приобрел те же ломаные колена, изгибы и разрывы, и напоминал теперь пунктир, а кое-где — пучок прямоугольных коробов, круглых труб или перекрученных спиралей. Естественно, пройти по нему в другие участки «чертополоха» было невозможно.

Пришлось применить «глюк», чтобы пробить проход в ядро здания, соединяющее все разлетающиеся «струи взрыва», ветви и колючки «чертополоха». Однако ядро оказалось еще более сложным образованием, нежели каждая вырастающая из него колючка. Оно напоминало кочан капусты, каждый лист которого представлял собой слой пространства с разным количеством измерений и свойств. Но это десантники Белого поняли позже, прощупав и испытав на себе с десяток «капустных листьев». В первом же они заблудились, едва не потеряв ориентацию, так как слой, в который им удалось выйти с помощью «раздирателя кварков», оказался настоящим лабиринтом.

Во второй слой «капусты» они также пробились с помощью «глюка», потратив на плутания в первом около двух часов.

Этот слой напоминал скорее губку или пласт гигантского разноцветного мха. Пробираться между его стеблями было невероятно трудно, так как росли они почти вплотную друг к другу, и еще очень сильно мешала сочащаяся фиолетовым свечением жижа, люди тонули в ней по пояс, а иногда по горло, с трудом выбираясь на более мелкое место. Инк скафандра, разобравшись в потоках полей и излучений, сообщил Белому, что жижа, скорее всего, особого рода субстанция или неизвестное науке поле, и посоветовал поскорее выбираться из «зарослей мха», потому что энергозапасы скафандра расходовались здесь слишком быстро.

Десантники вернулись к лабиринту и попытались пройти к центру Ствола в другом месте. Дыра, проделанная лучом «глю-

ка», вывела их в следующий слой «капустного кочана», представляющий собой ком «сахарной ваты», сплетенной из тяжей, нитей и жил некой бесконечной паутины. Лучи фонарей выхватывали из тьмы белоснежные перепонки, растяжки и связки, куда бы люди ни бросили взор. Это была настоящая вата или губка, только увеличенная в тысячи раз. Искать в ней ушедшую вперед группу было бессмысленно.

Снова вернулись в лабиринт, посовещались. Еще и еще раз попытали счастья, попадая то на берег освещаемого звездным небом черного асфальтового океана с бесконечной чередой застывших волн, освещаемого звездным небом, то в мир, заполненный туманом с летающими в нем сиреневыми и багровыми огнями. И снова возвратились к началу пути, поручив инкам скафандров проанализировать погружения и дать рекомендации.

Инки трудились полчаса, после чего и родилась гипотеза «капустного кочана» — переплетения и плотной упаковки слоев пространств с разными свойствами. Но рекомендаций, что делать дальше, куда идти и где искать ушедших ранее, инки дать не смогли.

Тогда Белый предложил свой вариант движения.

— Мы примерно знаем, где вошла в Ствол группа ликвидации, — сказал он. — Попытаемся подойти к этому месту как можно ближе и пойти по ее следам. В конце концов, Федор знает, кто в его команде враг, а кто друг, справится и сам в случае нужды. А вот если их настигнут ликвидаторы, шансов у него не будет.

Предложение было принято, и пятерка зеркально бликующих «динозавров» направилась по коридору первой «струи взрыва» к узлу пересечения ее с ядром здания. Ей предстояло спуститься, а может быть, подняться, — понятия «верх» и «низ» в этом немыслимо сложном образовании перестали отражать свой смысл, — к той точке здания, откуда начала путь пятерка ликвидаторов, отправленная вслед за разведгруппой Полуянова.

* * *

Кострова разбудил ранний утренний звонок. Зная, что все видеозапросы проходят инк-цензуру и к нему попадают лишь те, которые действительно способен решить только директор УАСС, Костров набросил халат и приказал домовому включить связь. Стена спальни напротив потеряла плотность и растаяла, превратившись в видеообъем, впустив в спальню тусклый свет свечи. Из-за свечи на директора глянули чьи-то светящиеся желтизной, словно у кошки, глаза.

— Извините, Ив, за столь ранний визит, — произнес хрипловатый голос, и Костров узнал Кристиана Хансена, второго замес-

тителя Ромашина, ведающего спецподготовкой службы безопасности, — но поймать вас в другое время трудно, а случай показался мне необычным. Комиссар погиб, вы теперь единственный человек, кому можно доверять.

— Слушаю.

Свеча по ту сторону виома загорелась ярче; из тьмы проступили резкие черты лица Хансена, холодного, твердого, словно камни фьорда, на берегу которого он родился. Впрочем, свеча вовсе не была свечой, это работал кодовый отсеиватель канала связи, зачастую облекавший намеренно искаженные защитой абонента сигналы в забавные картинки.

— Мне позвонила жена Григория Белого...

Костров продолжал сидеть у кровати в той же позе, и Хансен продолжал:

— Я готовил его лично к броску в Ствол еще до похода Жданова. Мы дружим семьями, поэтому Марина хорошо меня знает. А позвонила она из-за того, что Григорий после выхода из Ствола не явился домой.

— Откуда она узнала, что он вышел? Вся информация о событиях вокруг хроноускорителя засекречена.

— К ней пришли двое молодых людей, представились коллегами Белого и остались его ждать. Но он... не пришел. Марина была в шоке и позвонила мне, чтобы я ей все объяснил. Естественно, я попытался ее успокоить. Зато у меня у самого возникли некоторые сомнения, наводящие на размышления. Если...

— Минуту, Кристиан, — остановил вице-комиссара Костров. — Перед ис... перед гибелью Ромашин встречался с вами? Ничего не передавал?

— Нет, — после секундного замешательства ответил Хансен. — Мы контактировали в пределах служебной необходимости. А что он должен был мне передать?

— Еще вопрос, — напористо продолжал Костров. — Что вы ответили жене Белого?

— Ну, что он выполняет спецзадание... А что еще я мог сказать? — попытался оправдаться Хансен, увидев, как резко изменилось лицо директора УАСС. — Она плакала, я ничем не мог ее успокоить...

— Немедленно найдите ее и дезавуируйте свое заявление! Придумайте любую легенду, только не ту, что вы нашли. Белый не выполняет никакого спецзадания! Поняли?

Каменные желваки каменного лица Хансена шевельнулись, будто он перекусывал проволоку.

— Не понимаю. Зачем?

— После того как поговорите с ней, прилетайте ко мне. Я все объясню. Жду.

Костров выключил виом и некоторое время смотрел прямо перед собой, думая о людях, с которыми ему приходилось работать. Хансен был профессионалом, жестким и требовательным с подчиненными, и было удивительно узнать, что он способен на дружбу и сострадание.

Только бы он успел, подумал Костров. «Санитары» будут стеречь Белого везде, в том числе и дома, и если с губ его жены сорвется фраза: «муж выполняет спецзадание...» — они все поймут. И нанесут удар, во-первых, раньше, чем мы узнаем, когда этот удар готовится, и, во-вторых, в месте, которого мы не знаем до сих пор.

«А что, если Хансен «санитар»?» — пришла угрюмая мысль.

Костров встал, побродил по спальне, заглянул в спальню жены, но будить ее не стал, пошел в душ. Вторая мысль была успокаивающей: если бы Кристиан был агентом «хирургов», он не звонил бы директору УАСС, а просто дал бы сигнал тревоги по всей агентурной сети «санитаров». Сеть эта отреагировала бы немедленно, и Ромашин узнал бы об этом первым. И доложил бы ему, директору Управления.

Уже стоя под тугими струями душа, Костров услышал сигнал транша (рацию он не снимал ни днем, ни ночью). Это звонил Ромашин, легкий на помине. Выслушав директора, он сказал:

— Есть причина, по которой Белый не явился к жене.

— Какая же?

— Он не женат!

От неожиданности Костров включил слишком горячую воду, едва не ошпарился и зашипел сквозь зубы.

— Не говорите загадками, Игнат! В чем дело?

— Времени на объяснения у меня нет. Поговорите на эту тему со Златковым, когда он выйдет из клиники. Он сейчас залечивает ребра и руку в клинике Склифа в Новгороде. А теперь главное: инспектор «хирургов» прибудет сегодня вечером. И судя по тем сведениям, которыми мы располагаем, он не человек.

— А кто?

— Не знаю. Выйдет — увидим. Начинайте мобилизацию, Ив, и с Богом!

Костров почувствовал короткий озноб, включил воду погорячее, потом похолоднее, чтобы кровь быстрее побежала по жилам.

— Не спешим ли мы? Не зная, что хотят устроить «санитары»...

— Во-первых, кое-что мы уже знаем со слов Белого и Полуянова: «хирурги» собираются разорвать причинную цепь, которой стал Ствол, а для этого им надо уничтожить хотя бы один полный выход Ствола в какой-нибудь из Ветвей. Для верности же необходимо устранить в первую очередь причину рождения нашей Ветви, то есть собственно хроноускоритель со всеми его

хрономембранами. Другой вопрос: каким образом они собираются это сделать? Взорвать изнутри? Не похоже, мы бы засекли подготовку. Да и проникнуть в нынешний Ствол не так-то просто. Нанести удар извне? Нужна орбитальная база или по крайней мере наземная с соответствующим транспортом доставки взрывного устройства — бомбы или ракеты. Это реальный вариант уничтожения Ствола, но сведений о подобном у меня нет. Захваченные «санитары» ничего не знают. Мы пытаемся вычислить базу «санитаров», однако лучшим решением данной проблемы будет перехват инспектора. Он должен знать все. Кстати, я вычислил главного резидента «хирургов», который и будет встречать инспектора.

Директор Управления провел внезапно пересохшим шершавым языком по верхней губе, не удивляясь своему волнению; всегда неприятно разочаровываться в людях, ставших предателями, даже если они становятся ими не по своей воле.

— Кто он?

— Орест Шахов.

— Что?! Не может быть! Т-ты понимаешь?.. Вы понимаете, Игнат, что это означает?

— Понимаю, — ответил Ромашин. — Для захвата и допроса Шахова понадобится квалитет ответственности. Подумайте, кто может его составить и дать санкцию на арест.

Костров выключил воду, сел на край ванны. Голова была пустой и звонкой, и гуляла по ней с комариным писком одна только мысль: Шахов — резидент «хирургов»!..

ГЛАВА 7

Ромашин настолько хорошо изучил психику «санитаров», их тактику, стратегию, стандарты решений, систему связи и взаимодействия, что мог вычислить любого из них в течение получаса. Естественно, с помощью больших инков Управления, к которым имел дистанционный доступ. Поэтому тех, кто стерег возвращение Павла Жданова на его квартире и у родителей, он определил легко. Результатом этого было задержание двух «санитаров» особой группой перехвата, подчинявшейся лично комиссару, о которой в Управлении никто не знал, ни один заместитель, так как создана она была незаконно, тайно, в обход комиссий по этике и кадрам. Теперь же Игнат мог только похвалить свою предусмотрительность, ибо группа пригодилась, и даже раньше, чем он предполагал.

Окруженные веселыми девушками прямо у метро Смоленска «санитары» не успели понять, в чем дело. Усыпили обоих мгно-

венно, поэтому их программы самоликвидации не сработали. А потом психику каждого медленно, но уверенно, имея немалый опыт подобного рода операций, разгрузили в медцентре Управления, и Ромашин узнал кое-какие любопытные подробности о замыслах «хирургов». Так выяснилось, что ожидаемый ими инспектор имеет очень широкие полномочия, вплоть до «зачистки» ряда агентов, что означало ликвидацию не справившихся с делом или пренебрегших инструкциями хозяев.

Ромашин созвал всех своих помощников по «спруту», компьютерной сети связи, и провел короткое совещание, выяснив мнение каждого о проведении операции «Мангуст», то есть о полной ликвидации сети «санитаров». Двое из пяти «кобр»[1] не согласились с предложением начать операцию немедленно, до появления инспектора, и Ромашин перенес сроки ее проведения, остудив горячие головы пословицей: «Тот, кто делает быстро, не всегда делает достаточно быстро».

Златков все еще находился на излечении в клинике Склифа, личная встреча и даже переговоры с ним по рации были невозможны, и комиссар вынужден был ждать, когда ученый сможет уединиться, хотя вопросов к нему набралось изрядно. Особенно Игната интересовала проблема двойников: сколько их насчитывалось всего? Почему произошел переброс пары Полуянов — Белый не в свою Ветвь? Возможны ли другие накладки? Где находятся «настоящие» Полуянов и Белый? Того ли Жданова они встретили в Стволе или «чужого»? Как это отразится на судьбах Мироздания? И, наконец, каково же тогда устройство этого самого Мироздания, допускающего сосуществование бесчисленного множества Метавселенных, похожих одна на другую, словно капли воды? Не считая мелких отличий вроде тех, с которыми столкнулись люди.

Ромашин представил, как в этот же самый час миллионы других Ромашиных ломают голову над теми же вопросами жизни и смерти Вселенной, и у него стало муторно на душе. Вообразить такой вариант Мира было нетрудно, труднее было поверить в колоссальную сложность и избыточность Древа Времен, в его чрезмерное многократное дублирование, не поддающееся логике. Объяснить это дублирование можно было разве что замыслом Творца, придавшего сотворенной им Вселенной стопроцентную надежность, будто он сомневался в своей творческой силе и на всякий случай обеспечил сам себе шанс выживания при любом внутреннем преобразовании.

Ромашин повторил про себя последнюю мысленную формулировку и уставился перед собой ничего не видящим взглядом.

---

[1] «Кобра» — аббревиатура слов «командир обоймы риска».

Было похоже, что неожиданно для себя самого он сформулировал принцип бытия Большой Вселенной. Представляя собой невообразимой протяженности (бесконечной?!) и сложности разумное существо (Бога?!), Вселенная (Древо Времен) просто играла сама с собой в разные игры (жизнь — смерть, например), для чего и создала возможность вероятностного пересечения Ветвей, которая только и придавала интерес Игре, потому что при этом Вселенная могла притвориться, что не знает исхода Игры...

Шок, испытанный Ромашиным от осознания глобальности замысла «садовника», взрастившего Древо Мира или самого ставшего этим Древом, был так силен, что он не вытерпел и позвонил Златкову, и... был несказанно разочарован, услышав ответ:

— Я уже думал над этой проблемой, коллега. Конечно, все намного сложнее, чем вы тут нарисовали, но схвачено верно. Поздравляю. Вот подлечусь, и мы с вами подискутируем на эту тему. Замечу лишь одно: если ваше... гм-м, предположение верно, то выигрышной стратегии Игры просто не существует. Понимаете, о чем идет речь?

Ромашин понимал. Златков намекал на то, что судьба их Ветви так же, как множества других, давно решена, борись они за выживание или не борись, воюй или не воюй с «хронохирургами», посылай или не посылай в Ствол Пашу Жданова с миссией спасения человечества. Мало того, при таком варианте бытия в роли «хронохирургов», Тех, Кто Следит, людей, наконец, выступала сама Вселенная, увлеченно играющая сама с собой в вечный конфликт Добра и Зла...

— Господи! — вслух произнес Ромашин. — Сделай так, чтобы я был не прав!

Златков, понимающий состояние комиссара, наверное, лучше, чем он сам, промолчал.

* * *

После того, как прошли сутки, а от группы Полуянова не поступило больше ни одного сообщения, директор УАСС объявил Ствол и территорию вокруг него в радиусе двух километров зоной особого внимания. Теперь без специального разрешения или пропуска ни один человек не мог пройти в зону, ни один летательный аппарат вклиниться в ее воздушное пространство, ни одна организация или частное лицо не имели права вести там какие бы то ни было работы, в том числе исследовательские.

Естественно, указ Кострова серьезно осложнил работу «санитаров» и понравиться им не мог, поэтому ими были предприняты

попытки надавить лично на директора с целью отменить указ, а также на Совет безопасности ВКС, председателем которого был заместитель главы ВКС Орест Шахов.

Первая попытка не удалась. Шахов не смог доказать Кострову его неправоту ни по видео, ни при личной встрече. Директор действовал строго в соответствии с пунктом «срам»[1] инструкции аварийно-спасательной службы. Тогда зампред ВКС начал срочно обрабатывать членов Совета безопасности с целью дискредитации действий директора УАСС и признания его неполного служебного соответствия, что автоматически означало лишение многих полномочий и в конце концов отставку. Но этот процесс требовал времени, а его-то как раз у Шахова не было, потому что долгожданный инспектор «хронохирургов» наконец-то прибыл на Землю.

Он не стал выходить из Ствола (причину Шахов узнал позднее), а потребовал явиться к нему всех четверых резидентов первого и второго ранга, которыми являлись Орест Шахов, Луиджи Тарантино, Игорь Марич и Атанас Златков. Пришлось ломать голову, как проникнуть в Ствол, не вызывая паники среди безопасников, стерегущих зону с утроенным вниманием.

Поскольку Марич уже находился в здании хроноускорителя, а Златков лечился и прибыть не мог, задача упрощалась, хотя и не намного, однако Тарантино еще не сложил с себя полномочия комиссара после заявления директора УАСС о его несоответствии должности и продолжал командовать силами службы безопасности в зоне особого внимания.

Чтобы не возбуждать общественность и исследователей, оставшихся на некоторое время не у дел, поход в Ствол двух руководителей столь высокого ранга решили засекретить и разработали «легенду»: Шахов и Тарантино изъявили желание проинспектировать состояние отрядов поддержки, которые должны были в случае беды с первой разведгруппой идти в Ствол для эвакуации пострадавших. Таким образом, оба резидента спокойно прошли все заслоны, не обнаруживая при этом себя, и нырнули в одну из незаметных дыр в стенке нижней «колючки чертополоха» — там, где их ждал инспектор, в то время как специальная команда «санитаров» отвлекала всех возможных наблюдателей спецэффектами типа динго-программ и радиопризраков. Наблюдатели при этом могли слышать «радиопереговоры» важных персон со всеми службами и видеть их появление перед видеокамерами во время редких встреч с работниками Центра.

Однако эти маневры могли сбить с толку кого угодно, только не комиссара Ромашина с его чудо-богатырями перехвата и ана-

---

[1] «Срам» — сведение риска к абсолютному минимуму.

лиза ситуации. Он сразу понял, что за интерес к зоне особого внимания проявляют Тарантино и Шахов, а поскольку ему во что бы то ни стало надо было выяснить, кто прибыл на Землю с инспекцией от «хирургов», Ромашин вынужден был сделать свой ход — проникнуть в Ствол вслед за резидентами.

Операция была разработана всего за три минуты; вся команда комиссара и его личная компьютерная сеть находились в состоянии «резонанса» и не требовали ввода данных. После чего две обоймы безопасников, многие из которых вполне легально работали в Центре по ликвидации последствий, начали проводить операцию в жизнь.

У точки входа в Ствол Шахова и Тарантино вдруг вспухло облако дыма, из стены вырвались языки пламени, и тотчас же в это место после сигнала тревоги метнулся пожарный модуль, команда которого — киберы и люди в спецкостюмах — приступила к тушению пожара. Тушили они споро, огонь погас быстро, лишь струи дыма продолжали расползаться во все стороны, но за это время произошла и «смена караула»: «санитары», стерегущие вход, были захвачены, а на их место встали люди Ромашина. Сам он, в сопровождении обоймы риска из личной охраны, одетый в скафандр, вооруженный «глюком», стартовал в здание в режиме ракетного залпа.

Полевые анализаторы «санитаров», конечно, засекли изменение гравитационных и электромагнитных потенциалов в контролируемой зоне, но из-за дыма и прочих шумовых эффектов правильный вывод сделать не смогли. Бросок группы Ромашина прошел для всех заинтересованных лиц незамеченным.

* * *

Шахову и Тарантино не пришлось долго плутать в мешанине труб и коридоров, образующих внутренности нижней «колючки чертополоха». Инспектор ждал их в сотне метров от входа на пересечении круглых тоннелей, похожих на кишки неведомого великана — фиолетово-розового цвета, с жирно блестящими стенками и белесо-зеленоватыми лужами. Однако лишь Орест Шахов, получивший полный объем сведений о «хирургах», смог оценить, что это за лужи, образующие длинную цепочку по всей длине тоннеля. Лужи вдруг зашевелились, начали испаряться, превращаться в туманные зеленоватые фигуры, отдаленно напоминающие Кощеев Бессмертных со стертыми лицами. Их набралось около полусотни — призрачных, невесомых на вид, легких: дунь — рассыплются, развеются, исчезнут, — но когда они собрались вместе, втянулись один в другого, темнея на глазах, превратились в плотную, металлическую на вид статую Кощея, на

резидентов повеяло недоброй мощью, безразличием, высокомерием, выразительной воинственностью, угрозой и враждебностью.

Тарантино, не представлявший вида инспектора, отшатнулся, готовый стрелять изо всего своего арсенала, встроенного в костюм, но Шахов остановил его порыв:

— Остынь, это свои. Сам пожаловал!

Комиссар расслабился, понимая, что речь идет о «хронохирурге». Но резиденты ошибались. Инспектор тоже представлял собой разумную систему (типа «диффузная туманность»), состоящую из миллиардов микроорганизмов, но лишь в какой-то степени копировал своих хозяев. «Хронохирурги» были много сложней, мобильней, мощней — в физическом и интеллектуальном планах, оперативней, беспощадней и масштабней. К тому же они не знали сомнений при достижении цели любыми средствами. Тем не менее и этот их близкий родственник из «соседней» Ветви времени производил большое впечатление.

На его широкой «костляво-металлической» груди дважды мигнула малиновая звезда и тут же проступили выпуклые буквы русского языка, слагаясь в текст: «Доложите обстановку. Кратко. Степень готовности. Метод реализации».

Шахов и Тарантино переглянулись, затем заместитель председателя ВКС подал «Кощею без лица» заранее заготовленную пуговку бланк-сообщения. Пуговка легла в беспалую ладонь протянувшейся на четыре метра бесформенной руки и утонула в ней. Рука втянулась в глыбистое туловище инспектора, выросла вновь. На груди «Кощея» проявилась новая выпуклая надпись: «Мешающие факторы? Степень автономности агентов? Кто не справляется с делом? Кратко».

Шахов и Тарантино снова обменялись взглядами.

— Говори ты, — сказал зампред ВКС. — Если что упустишь, я добавлю.

Новоиспеченный комиссар пожал плечами и начал перечислять факторы, мешающие работе «санитаров», в число которых попали Ив Костров, Федор Полуянов и Григорий Белый.

На груди инспектора появилась новая надпись: «Устранить! Продолжайте».

— Легко сказать — устранить, — проворчал Тарантино. — А если объект не хочет, чтобы его устранили?

«Проблемы?» — отреагировал инспектор новой фразой на тираду комиссара.

— Костров — директор Управления аварийно-спасательной службы, — вмешался Шахов. — Как очень важная персона он хорошо защищен. Попытка его физического устранения не удалась, исполнители погибли.

«Найдите новых. Не сможете — найду я, в том числе и для вашей личной замены. Что еще?»

Фразы на русском языке прибывшая разумная тварь строила вполне грамотно, и Шахов подумал, что, вероятнее всего, дело не в хорошем знании языка, а в мысленном приеме: они с Луиджи воспринимали телепатическую передачу инспектора, трансформирующуюся в их мозгу в «надписи на груди».

— Григорий Белый ускользнул от наших следящих систем, — мрачно добавил Тарантино. — Но рано или поздно мы его найдем и уничтожим.

«Поздно. Мы начинаем. Кто виноват в провале акции? Непосредственный исполнитель? Руководитель?»

— Белого упустили Марич и агент Юрлов... плюс несколько работников службы, исполняющих свои прямые обязанности.

«Юрлова устранить! Найти руководителя ячейки из более способных работников службы и закодировать. Программатор я вам передам позднее. Все?»

— Федор Полуянов, такой же возвращенец, как Белый, ушел в составе разведгруппы в здание хроноускорителя. Но его «пасет» агент Марич со своей командой, получивший задание при первом же удобном случае убрать Полуянова. Можете на этот счет не беспокоиться.

«Ошибка! Игорь Марич — двойной агент! Его необходимо немедленно устранить!»

— То есть как двойной? — не понял Тарантино, оглядываясь на молчавшего Шахова.

«По моим сведениям, Марич работает на наших врагов, которых люди назвали Те, Кто Следит. Даже если это не так, ради перестраховки он подлежит ликвидации. Если он успеет дойти... Впрочем, придется мне самому заняться им. Как давно ушла группа? В каком направлении?»

Запинаясь, пытаясь максимально точно обрисовать точку входа в Ствол группы Полуянова, Тарантино начал объяснения и был прерван на полуслове:

«Достаточно, я понял. Но с вами должен был явиться сюда еще один агент, Атанас Златков. Где он?»

— Он ранен, — проговорил Шахов вместо замявшегося комиссара. — Мы решили его нейтрализовать. По всем данным, этот человек начал работать против нас.

«Что ж, это возможно, если его воля смогла преодолеть порог нейтрализации программы. Справитесь?»

— Справимся, — поспешил заверить инспектора Тарантино.

«Вы ничего не сказали о главном вашем противнике, комиссаре Ромашине».

— Он... погиб.

«Хорошая новость. Ваши властители будут довольны. Я здесь не в последнюю очередь из-за деятельности этого опасного человека. Кто его ликвидировал?»

— Марич, — сказал Тарантино, хотя далеко не был уверен в этом.

Реакция инспектора походила на реакцию человека, побагровевшего от ярости. На Шахова и его спутника буквально выплеснулась волна недовольства, презрения и гнева.

«Кто давал задание Маричу?»

— Я, — нехотя ответил Тарантино.

В ту же секунду к нему метнулась рука инспектора и накинула на голову тонкое красное кольцо. Кольцо упало на плечи, захватив часть воротника костюма Луиджи, и мгновенно сжалось, передавив шею комиссара так, что он не успел ничего предпринять. Схватился за горло, пытаясь разжать смертельные объятия кольца-душителя, просунуть под него пальцы и ослабить хватку, но не смог. Лицо его налилось кровью, посинело, глаза вылезли из орбит. Захрипев, Тарантино упал, дернулся несколько раз и затих.

Шахов, готовый дорого продать свою жизнь, опасливо отступил, пристально следя за руками посланца «хирургов», но тот не собирался убивать обоих резидентов.

«Такие помощники нам не нужны. Он должен был продублировать исполнение и проверить результат лично».

— Мы не знали, что Марич подозревается в измене! — хмуро бросил Шахов. — Вы что же, предполагаете, что Ромашин... жив?

«Немедленно начните его поиск! Немедленно! Всеми доступными средствами! Этот воин слишком умен и непредсказуем, он может сорвать все наши планы. Уничтожьте Златкова. Готовьте удар по зданию — с утечкой информации, пусть служба безопасности занимается противодействием с максимальным напряжением сил. Мы же нанесем удар изнутри».

— Когда?

«Я вас извещу. Очень скоро. Как только ликвидирую тех, кто может помешать, — Полуянова и Марича. Ваша задача — Белый, Ромашин, Златков, Костров. Ждите вызова».

С этими словами инспектор повернулся и бесшумно зашагал по тоннелю, имитируя походку человека. Через минуту он затерялся во мраке, пропал.

— Тьфу! — сплюнул на пол трубы Шахов. Обладая умело отрецензированным пакетом информации о «хирургах», он знал о существовании подобных тварей, но встретил одну из них впервые.

«Колония микроорганизмов, — флегматично подумал он, успокаиваясь. — Уничтожить такое существо, наверное, очень трудно, всегда останется какое-то количество уцелевших микро-

бов-клеток, способных воссоздать весь организм. А у меня неожиданно добавилось проблем: поиски комиссара и уничтожение Златкова».

— Ну и где мне теперь прикажете его искать, господина Ромашина? — Последний вопрос Шахов задал сам себе вслух, разглядывая скрюченное тело незадачливого коллеги.

— А зачем меня искать? — раздался сзади резидента чей-то любезно-ироничный голос. — Вот он я. Привет, Орест.

Шахов стремительно обернулся, готовый открыть огонь из всех видов оружия, встроенного в костюм, но предупреждающий залп суггесторов «слон» погасил его сознание, как гасит порыв ветра слабый огонек свечи.

ГЛАВА 8

Протопав восемь часов по кишкообразным петлям тоннеля со сменой разного рода эффектов, отряд снова вышел к гигантской шаровой полости с висящим в центре плотным облаком тумана, и Полуянов дал команду отдыхать.

В общей сложности они за это время прошли километров тридцать, ни разу не встретив «нормального» коридора, принадлежащего Стволу, или хотя бы какой-нибудь знакомой детали. Через каждые полкилометра тоннель пересекался с двумя отростками, действительно напоминающими прожилки на древесном листе, но и отростки не выводили людей в «цивилизованные» уголки здания. Попав в одну из проявленных многомерных областей «перекрестка пространств», отряд так и не смог из нее выбраться. Даже повернув назад, они не вышли в исходную точку путешествия, а продолжали спускаться-подниматься-кружить по бесчисленным коленам и петлям «кишечника», стенки которого не мог пробить ни кинжал, ни разряд «универсала», ни луч аннигилятора, которым, как выяснилось, был вооружен Марич.

После демонстрации аннигилятора Полуянов понял, что обречен, и инстинктивно ждал выстрела: в спину или в лоб — значения не имело, скафандр мог удержать антипротонный луч ограниченное время, — но выстрела все не было, Марич неутомимо шагал впереди, разговаривал мало, а оглядывался и того меньше. По-видимому, он и сам был обескуражен тем, что они никак не могут выбраться из заколдованного круга.

Конкистадоры-проводники сгрудились на краю бездны, потом разбежались кто куда, имея задание исследовать все препятствия и найти выход из положения.

Трое молчаливых спутников Марича сели отдельно и принялись сосать тоник, так, во всяком случае, думал Федор. То, что он

их не слышал, еще не говорило о молчании ребят, они могли переговариваться между собой на другой волне.

Марич походил у обрыва, к которому их привел тоннель, сел рядом с Полуяновым. Федор проглотил несколько порций «концентрата силы», воспользовавшись услугами инка скафандра, глотнул «живой воды», почти мгновенно поднимавшей тонус, но начинать разговор не спешил. Марич нарушил эфирную тишину первым:

— Что будем делать, командир?

Федор еще некоторое время молчал, потом сказал коротко:

— Думать.

Марич хмыкнул, повозился немного, устраиваясь у стены тоннеля поудобней. Видимо, он был настроен на философский лад, потому что заговорил о проблеме, которая мучила и Полуянова:

— Федор, вы попутешествовали по Стволу изрядно...

— Вы тоже, — отрезал Полуянов.

— Да, конечно, — легко согласился Марич. — Хотя у нас были разные дороги и разные встречи. И все же кое-что из вашего рассказа мне непонятно. Не буду спрашивать, кто такие «хронохирурги», этого вы можете не знать. Как, впрочем, и я. Но вот Ствол, хроноускоритель — он-то почему сработал как шахта времени? Как его оценивают ваши высокие друзья? Ведь идея Златкова об ускорении хроноквантов, приводящем к зеркальному эффекту, неверна. Я хочу сказать, что наш Ствол н е д о л ж е н был «пробурить» время и соединить Ветви Древа Времен. Что произошло на самом деле?

— Не знаю, — подумав, ответил Полуянов, который действительно не знал, что произошло.

— Жаль, — вздохнул разочарованный инженер. — Я думал, ваши друзья открыли вам глаза.

— А разве в а м в а ш и не открыли? — Федор напрягся, пристально разглядывая сидящего напротив ртутно отблескивающего горбатого урода с конической головой — так выглядел Марич в скафандре. Подозвал конкистадора-охранника поближе, понимая, что провоцирует инженера на какие-то активные действия, но уже не желая играть роль ничего не понимающего человека.

Марич неожиданно добродушно рассмеялся.

— Мне — нет, хотя я, конечно, знаю очень много. Однако вы правы. Для того чтобы знать, что произошло, необходимо в первую голову выяснить, что такое время. А то мы говорим: хроноквanты, бурение времени, квантовое расщепление Древа Времен, Ветви времени, в которых время течет «под углом» к нашему... Как — под углом? Куда? Почему мы этого не ощущаем? Риторические вопросы... но ведь интересно! Не правда ли, коллега? Вот

вы, например, какую концепцию времени исповедуете? Допустим, Древо Времен разветвляется на столько копий, сколько возможностей развития содержит каждый предыдущий миг, квант времени. Но — время! Что такое само время? Идея Древа Времен не отвечает на этот вопрос.

— Не знаю, — снова ответил Полуянов, озадаченный и заинтересованный темой, а также страстностью Марича. — Гипотез много, Златков разработал только одну из них...

— Но какая истинная?

— Не знаю, — в третий раз отозвался Федор. — Может быть, в каждой Ветви время разное? Отражает свой смысл? Где-то субстанция, где-то поле, где-то мера отношений, способ восприятия Мира... Сколько Ветвей, столько и времен.

Марич резко наклонился вперед, так что Полуянов непроизвольно включил систему наведения оружия в режим стрельбы, задержав «палец на курке» — мысленный спуск последним усилием воли.

— Федор, вы гений! Вдумайтесь в то, что вы сказали.

— Ну? Что я сказал?

— Древо Времен реализует все возможные состояния Вселенной, все возможные смыслы термина «время». Тогда и концепций времени должно быть не девять, сколько знаем мы, а гораздо больше.

— Ну и что? — помолчав, осторожно спросил Полуянов.

— А ничего, — засмеялся Марич, вскакивая. — Даже эта гениальная догадка не решает проблему времени, по крайней мере в нашей Ветви. Сколько себя помню как фаната хронотеории, инженера «машин времени», начитавшись Уэллса и Азимова, Саймака и Головина, я всегда искал ответ на вопрос: почему в нашей Метавселенной направление времени не величина, а абсолютное условие? Почему его нельзя повернуть вспять?

— И что, ответа не нашли? — Полуянов тоже встал.

— Двадцать лет назад в моей жизни появился Златков, ученый, который, как мне казалось, сумел доказать реальность «машины времени», увлек меня и тысячи последователей и учеников. И вот мы построили хроноускоритель... который ничего не ускоряет, чтобы просверлить дырку в прошлое... и что в результате произошло?

— Что?

Марич снова рассмеялся с необычными для него дружелюбными нотками.

— Мы встретились с вами в шахте времени, дорогой коллега, чтобы решить одну и ту же задачу, но разными способами.

— Какую задачу?

— Спасти нашу Метавселенную, нашу Ветвь времени, а заод-

но и множество других Ветвей, отпочковавшихся от нашей. Ну что, пошли дальше?

— Куда? — только и спросил озадаченный поведением Марича Полуянов.

— Назад, конечно. Выход там, мы его просто не заметили, придется проверять все ходы по памяти инков. Кстати, Федор, как вы понимаете главную задачу нашего похода?

«Выйти живыми обратно», — хотел ответить Полуянов, но не успел.

Из глубины коридора, по которому они вышли к полости в недрах Ствола, замелькали вдруг вспышки выстрелов, Федор почувствовал тяжелые удары в бок и в конус шлема, мгновенно ответил и упал, вжимаясь в твердое покрытие закругленного угла коридора. Его конкистадор, повинуясь заложенной программе, ринулся в глубь тоннеля, принимая следующие выстрелы на себя. Федор перекатился на другой бок, снова открыл огонь и внезапно осознал, что оставил незащищенной спину. Холодея, оглянулся, собираясь встретить в упор выстрел Марича, подкравшегося сзади. Но то, что он увидел, поразило его.

«Санитары» Марича и он сам почему-то отвечали на выстрелы, все время передвигаясь, то ползком, то бросками и перекатами, и на Полуянова внимания не обращали. Мало того, они явно старались его защитить!

— Отступаем! — раздался в наушниках рации голос хроноинженера. — Федор, не зевайте! За мной!

Марич перекатился ближе, потом ползком добрался до края обрыва и прыгнул вниз.

— Включайте инграв и прыгайте за мной! Быстрее, спаситель Вселенной! Энергии ингравов должно хватить на преодоление этой полости. Ребята нас прикроют.

Ничего не понимая, Полуянов добрался до края бездны и сорвался с него, включая антигравитационный пояс.

— Кто ты, инженер?

— Потом, потом, — сердито огрызнулся Марич, выписывая петлю, чтобы миновать центральное облако тумана, скрылся за ним. — Дуйте следом, тут до фига отверстий, надо выбрать единственно верное, которое выведет нас в наш уютный земной мирок.

Язык свирепого желтого пламени пролетел под ногой и заставил Федора поторопиться. Через минуту он уже стоял рядом с Маричем на краю широкого квадратного коридора с кирпичными на вид стенами. Оглянулся. Но из-за тумана ничего не было видно, никто не бросился их догонять — ни попутчики, ни неведомые враги.

— Почему вы спасаете меня? — спросил Полуянов, все еще не

веря случившемуся и сторожко следя за действиями хроноинженера. — Ведь вы же «санитар», не так ли?

— Так, — хладнокровно ответил Марич. — Пойдемте. Надеюсь, нам удастся добраться до района назначения. — Он повернулся и зашагал по усеянному булыжником полу коридора, светя под ноги поясным прожектором.

— До какого района? — полюбопытствовал Полуянов, оставаясь на месте.

Марич оглянулся.

— Во-первых, не стойте там, на краю, из полости ваша спина — отличная мишень, а за нами гонятся не дилетанты, а профессиональные убийцы. Во-вторых, ваша миссия не окончена, и вас ждут. Я провожу вас в район рандеву.

— Кто меня ждет?

— Увидите.

— Кто вы, Марич? Я вам не верю.

— Естественно, вы не обязаны мне верить. Да, я «санитар» и в то же время эмиссар ваших друзей, Тех, Кто Следит. Это достаточно весомая рекомендация? Да не стойте вы там, словно истукан, черт побери!

Полуянов проглотил по крайней мере еще с полдюжины вопросов и шагнул вслед за Маричем.

* * *

Отряд Белого настиг ликвидаторов почти в тот момент, когда те напали на разведгруппу Федора Полуянова.

Бой был скоротечным. Ликвидаторы не смогли выдержать огня с двух сторон и унесли ноги с поля боя, оставив два трупа. Зная, что в команде Федора есть «санитары», наверняка подчиняющиеся Маричу, Белый решил было уничтожить и весь его отряд, но, проанализировав ситуацию, сообразил, что здесь что-то не так. «Санитары» должны были скооперироваться и убить Полуянова, а не отражать атаку ликвидаторов.

Григорий приказал прекратить стрельбу. Тотчас же перестали стрелять и разведчики первой группы. У Белого екнуло сердце, когда он насчитал всего трех человек: двое остались невредимыми, третий был искромсан лучом аннигилятора и лежал неподвижно. Весь стометровый участок коридора до разветвления, где скрылись уцелевшие ликвидаторы, был усеян останками расстрелянных конкистадоров. Белый насчитал девять штук, некоторые из них еще шевелились, скребли лапами пол, но восстановлению не подлежали.

— Федор! — позвал Григорий. — Федор, отзовись! Ты жив?

Ответа не последовало. Снова тревожно сжалось сердце. Если

бы Полуянов был жив, он бы ответил. Но, может быть, его здесь просто нет? Похоже, тоннель за спинами разведчиков расширяется, Федор и Марич могли отступить... хотя вряд ли это решает проблему безопасности Полуянова.

Включив рацию на общую SOS-волну, Белый снова попытался вызвать Федора и услышал в ответ незнакомый суховатый голос:

— Полуянов и Марич ушли. Мы остались прикрывать отход. Кто вы?

— Молодцы, как на подбор, с нами дядька Черномор... — пробормотал Белый. — Мы из группы поддержки Полуянова. Двигайте-ка сюда, ребята, да не вздумайте баловаться, играть в ковбоев, против наших «глюков» ваши машинки — что комариное жало против языка лягушки.

На аварийной волне послышались смешки, сравнение оценили и напарники Григория, и уцелевшие разведчики.

— Мы можем присоединиться к вам, — предложил обладатель сухого голоса. — «Санитаров» среди нас нет, и в спину мы стрелять не намерены. Наша задача — прикрытие Марича.

— А вы знаете, кто он? Резидент «хронохирургов»!

— Это не совсем так, но мы не уполномочены вести переговоры от его имени, догоним, вы сами поговорите с ним.

Белый хмыкнул, оглянулся на своих молодцов, контролирующих каждый жест разведчиков, каждый звук в тоннеле, каждую мелькнувшую тень, и скомандовал:

— Васёк, бери приблудных под свою опеку. Пойдем за ними. — Переключил диапазон связи. — Ведите, ребята. С кем имею честь разговаривать?

— Кристиан Хансен.

— Крис?! Бродяга, неужели не узнал?

— Почему не узнал? Гриша Белый.

— Черт! Что же ты сразу не сказал, кто ты? А кто это с тобой?

— Синити Миямото и... Берт Габуния. Убит.

Наступило короткое молчание. Потом Григорий проговорил на полтона ниже:

— Вечная ему память!.. К сожалению, нести его мы не сможем, вернемся потом, когда выполним задание. Веди группу, Крис.

Пятерка Белого подошла к уцелевшим разведчикам и остановилась у обрыва в полость, в центре которой шевелилось белесое облако не то дыма, не то тумана. И в это время стенки тоннеля вздрогнули. Из его глубины, с той стороны, откуда вышли безопасники Григория, прилетел низкий зловещий вой, от которого у всех побежали по коже мурашки.

— Эт-то еще что такое? — негромко произнес Белый.

— Собака Баскервилей, — пошутил Хансен и добавил другим тоном: — Гриша, это может быть все, что угодно. Как-никак в Стволе сейчас пересекаются сотни миров со своими условиями жизни, странно, что мы еще ни на кого не наткнулись, я имею в виду существ, населяющих эти миры. Но сдается мне, дело в другом: за нами идет погоня.

— Отобьемся, — беспечно отмахнулся Григорий. — Нас теперь семеро, а если догоним Федора, будет восемь.

— Девять. Ты не приплюсовал Марича.

— Не уверен, что его надо приплюсовывать, скорее — вычитать.

— Может быть, ты и прав, но все эти проблемы решить можно только в присутствии самого Марича.

Хансен прыгнул в пропасть, и все остальные как горох посыпались за ним.

* * *

Коридор, по которому шли Полуянов и Марич, не был коридором здания хроноускорителя. Он удивительно напоминал старинный подземный ход под каким-нибудь монастырем и сложен был из огромных, потемневших от времени кирпичей. Изредка в его полу проступали выпуклые щиты, закрывающие устья колодцев, и еще реже в стенах открывались проходы, забранные ржавыми решетками с пудовыми замками. Одну такую решетку Федор разнес разрядом «универсала», обследовал проход и вышел в кубическое помещение, на стене которого висел на чудовищно толстых цепях странный скелет о двух головах, с виду — лошадиных, шести лапах и с длинным хвостом.

— Матка Боска! — воскликнул за спиной Полуянова Марич. — Змей Горыныч, не иначе! Настоящая камера! Склеп. Куда это мы попали? Уж не в подвалы ли некой неземной инквизиции?

— А разве вы здесь не бродили? — рассеянно спросил Федор, с содроганием разглядывая скелет твари на стене.

— Здесь — нет. Я вообще не бродил по Стволу. Коллега, вы все время забываете, что Ствол сейчас сросток разных миров, пересекшихся по милости взбесившегося хронобура. Есть такой термин: хроноклазм...

— Этот термин выдумали писатели, сочинявшие ситуации с пересечением времен.

— Это у вас его выдумали писатели, в вашей Ветви, у нас же хроноклазм сугубо научный термин и означает нарушение связности времени и пространства.

— Откуда вы... — начал Полуянов, внутренне напрягаясь.

— Откуда я знаю, что вы из другой Ветви? Знаю, коллега. Не пугайтесь, ничего сверхъестественного, я тоже умею анализировать факты, не укладывающиеся в стройное здание общепринятого мнения. Идемте, нам надо поспешить. Никто не знает, даже я, каков темп времени в этом месте. Рискуем опоздать.

— Не пойду, — заупрямился Полуянов, — пока не скажете, куда, на встречу с кем мы рискуем опоздать.

— Могу сказать одно: ожидающие нас не являются «хронохирургами» или их слугами. Мало того, ваших друзей ведут в том же направлении, и с ними вы встретитесь тоже. Этого достаточно?

Федор помолчал, размышляя о странном доверии, которое он сейчас испытывал к Маричу, и с неохотой кивнул.

— Честно говоря, звучит не очень убедительно, но, похоже, у меня нет выбора.

Коридор-тюрьма вскоре закончился, уткнувшись в глухую каменную стену с узором пластов разных пород. Пройти дальше не удалось. Стена казалась настоящей со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Странно, — протянул инженер, колупнув кинжалом один из пластов, похожий на мрамор. — Пересечение явно произошло недавно, и, судя по всему, происходит неуклонное вырождение континуума.

— Что это значит?

— Наш «перекресток пространств» упрощается, скатывается в трехмерье, иными словами, вырождается, понимаете? Скоро из многомерного объекта он станет трехмерным, глыбой камня или металла, например. Хотя возможен и провал ниже, в двумерный, а то и одномерный объект.

— Возвращаемся? — после паузы спросил Полуянов. — Или применим «глюк»?

— Что же вы молчали, что у вас есть «глюк»? Когда вам успели его передать? Мы же выходили вместе.

— Меня контролировал лично Ромашин.

— Тогда понятно. Жив, значит, комиссар. Я так и думал. Что ж, попытайтесь пробить дырку в стене. Может быть, это всего лишь перемычка.

Они отступили на два десятка шагов, и Федор дал по стене очередь из «глюка».

Вспыхнуло тусклое прозрачное пламя, приглушенное облаком сизого дыма. Пол коридора зашатался, пошел трещинами, стал проваливаться куда-то, словно под ним разверзлась пропасть.

— Подвешивайся! — крикнул Марич. — Прыгай в пробитое окно!

Взлетев на метр над полом на последних крохах энергии ин-

гравов, они нырнули в плотный вихрь дыма и вывалились в знакомый до боли коридор Ствола с металлическим полом, белыми стенами, черным потолком и рядом дверей по одну сторону коридора. Оглянулись.

Сзади, в стене без дверей, медленно затягивалась звездообразная дыра, сквозь которую был виден горный склон, часть ярко-зеленого неба и летящий по нему косяк каких-то светящихся птиц. Дыра покрылась слоем матового стекла, начала утолщаться, затягиваться.

— Поздравляю, — проронил Марич. — Мы наконец-то выбрались туда, куда направлялись.

Дыра исчезла. Но за мгновение до этого из нее выплеснулся вдруг низкий вой, сменившийся хриплым бормотанием, и было в этом вое столько угрозы и ненависти, что Полуянов невольно отступил.

— Что это было?!

— Погоня, — не задумываясь ответил Марич.

ГЛАВА 9

Развернули медицинский бокс прямо в тоннеле, поместив Шахова в специальный тест-пенал. Привели его в чувство, и Ромашин начал допрос, руководствуясь показаниями диагноста и врача-инка, имеющего опыт подобных операций.

Длился допрос всего несколько минут, Шахов был запрограммирован многопланово и глубоко, вплоть до физиологических реакций, и смог, осознав поражение, реализовать вцементированную в психику команду самоликвидации. Сердце его внезапно остановилось, и никакие ухищрения инк-врача не помогли ему забиться вновь. Однако и того, что успел выяснить Ромашин у бывшего зампреда ВКС, хватило, чтобы сделать надлежащие выводы и начать действовать.

Трем своим подчиненным он приказал продолжить поиски группы Полуянова и присоединиться к ней, сам же с помощником вернулся назад, к выходу из Ствола, и прямо оттуда связался с Костровым, коротко пересказав ему последние новости.

— Думаешь, пора? — ответил директор УАСС.

— Самое время, — уверенно подтвердил Ромашин.

— Развертка полномасштабного «Шторма» займет не менее трех часов. «Санитары» могут засечь подготовку и нанести удар раньше.

— Во-первых, они будут ждать команды Шахова и начнут психовать, лишь не найдя его в течение определенного времени. За этот период ты успеешь нейтрализовать больше половины

действующего против нас состава. Во-вторых, удар они наметили хоть и мощный, но отвлекающий: ракетный залп по Стволу. Наземных ракетных баз давно уже нет, значит, они воспользуются старыми орбитальными базами, о которых мы забыли, или лунными, законсервированными и спрятанными еще лет сто назад. Ищите.

— Легко сказать — ищите... — проворчал Костров. — Где Шахов?

— Он... умер. Кодирование было слишком глубоким, преодолеть порог команды мы не смогли.

— Жаль, — после некоторого молчания проронил Костров. — Он был нужен живой... как свидетель. Кстати, прокурор Управления санкцию на его арест не дал.

— Этого следовало ожидать. Начинай, — приказал Ромашин и отключил связь. После этого он вызвал группу поддержки, не таясь, сел в галеон погранслужбы и выдал инк-пилоту курс к метро. Через полчаса он с личной оперативной обоймой обезвредил стерегущих Златкова в клинике «санитаров» и забрал его с собой, ничего не объясняя. Еще через полчаса они высадились в метро Управления и прошагали в бывший кабинет Ромашина, провожаемые удивленно-испуганными или тревожно-озадаченными взглядами встречавшихся по пути сотрудников; все знали о «гибели» комиссара и встретить его живым в коридоре Управления никак не ожидали.

В кабинете Ромашин дал в эфир сигнал: «Принимаю ответственность!»— и с этого момента все силы Евразийского филиала службы безопасности должны были снова подчиняться комиссару-два Игнату Ромашину, внезапно ожившему в рамках операции «Мангуст». Надев корону «спрута» и включившись в информационный вихрь службы, Ромашин соединился с СЭКОНом и ВКС, объяснил свое появление, проконтролировал выходы на связь всех отделов, развернул «Шторм» в пределах полномочий и компетенции службы безопасности и наконец обратил лицо к бесстрастно разглядывавшему кабинет Атанасу Златкову.

— Извините за бесцеремонность. Присаживайтесь. Разговор у нас будет недолгий, но важный. Мы взяли Шахова...

— И он остался жив?

— К сожалению, нет.

— Ясно. Глубокое залегание... Что происходит, комиссар?

— Развернут общий по Управлению «Шторм», началась операция «Мангуст», поиск баз «санитаров» и прочие дела. Но главный удар по Стволу готовится изнутри.

— Я это предполагал.

— Прибыл инспектор «хирургов». Судя по уклончивым мыслеследам Шахова, это не просто существо или высокоинтеллек-

туальный кибер, но разумная система типа «диффузный организм». Нечто вроде трансформного кластера микроорганизмов, способного разделяться на копии, которые вполне могут действовать самостоятельно. Справиться с ним будет нелегко. В связи с этим у меня к вам несколько вопросов. Как его уничтожить? Если, конечно, не удастся захватить.

— Не удастся, не надейтесь.

— Жаль, если так, хотя надежда остается. Тогда с помощью какого оружия можно его уничтожить? Аннигилятор, «глюк», плазмопушки?

— Ни то, ни другое, ни третье стопроцентной гарантии дать не может. Впрочем, как и любые другие способы уничтожения тоже. Я не знаю, как вам помочь в этом деле.

— Как вы думаете, инспектор — «хирург»?

— Вряд ли «хирурги» опустятся до подобного уровня действий. Они существа гораздо более высокого порядка, чем люди, особенно по творческому потенциалу. Кроме того, по некоторым косвенным данным можно судить, что они вообще не существа, а мощные разумные системы типа «стая». Каждая особь этой «стаи» не намного интеллектуальнее человека, но, собравшись вместе...

— Понятно. Спасибо за ушат холодной воды.

— Я не хотел...

— А я не обиделся. Теперь вопрос в русле наших последних бесед. Не кажется ли вам, что игра нам предложена какая-то уж слишком простая? Буквально унижающая нас. Агенты, резиденты, эмиссары, «санитары», террористы, неудачные попытки ликвидации... а меченые и вовсе подставлены нам для более надежного опознавания и обнаружения. Если «хронохирурги» столь высокоразвитые существа, Игроки с большой буквы, то почему они играют с нами столь примитивно?

Златков рассеянно потер верхнюю губу, задумчиво глянул на свой палец и вдруг остро посмотрел на Ромашина.

— А кто вам сказал, что они играют с н а м и?

Ромашин медленно отодвинулся от стола, откинулся на спинку кресла, изучая бледное, обманчиво сонное лицо ученого.

— Черт возьми! Что вы хотите этим сказать, Атанас?

— «Хронохирурги» играют с равными себе. Может быть, между собой, может, с Теми, Кто Следит. Не знаю пока. Надо думать, сопоставлять, искать. Мы же для них всего лишь рабочий материал. Ну, или мелкие фигуры, пешки, так сказать. Я думаю, Игра ведется на всех уровнях Мироздания, мы же видим только свой.

В кабинете наступило молчание. Рабочий стол комиссара бесшумно кипел, бросал зарницы, грозди огней, световые транс-

паранты, но Ромашин ничего этого не замечал. Он вдумывался в прозвучавшие слова, и смысл сказанного наконец дошел до него.

— Матерь Божья! Каков же тогда замысел Игроков? Чего они добиваются? Уничтожения тысяч или миллионов Ветвей времени? Какова же при этом цена выигрыша? Да и существует ли выигрыш вообще?! Неужели вы правы, выигрышной стратегии не существует и жизнь — вечная Игра?

— Не хотелось бы разочаровываться, — тихо и грустно ответил Златков. — Я имею в виду — в собственном уме. Но я считаю, что Игра идет «на интерес». Важен сам процесс, а не выигрыш. Хотя, может быть, я и ошибаюсь. Ошибся же я, разрабатывая свою теорию хронопрокола. Квантовый перенос, — передразнил он самого себя. — Ускорение хроноквантов... «бурение» времени... Но как же красиво все это выглядело в виде формул!

Ромашин рассмеялся, приходя в себя.

— Не расстраивайтесь, Атанас, вы еще способны создать истинную теорию времени. Я чувствую, что мы не все еще испытали, что нам не все еще рассказали наши покровители, но мне не хватает слов, чтобы выразить свою мысль. Мне не хватает слов даже на то, чтобы задать верный вопрос.

— Древние говорили, что правильно заданный вопрос уже является ответом.

— Что ж, подождем, пока я его сформулирую. Из заранее заготовленных у меня остался только один. Последними словами Шахова были: «... встретимся в вечности». Что он имел в виду, на ваш взгляд?

Златков сгорбился, теряя интерес к разговору.

— Этот вопрос надо было задать ему... — Ученый вдруг оживился. — Хотя, возможно, он имел в виду Древо Времен?

— Какое отношение имеет Вечность...

— Если принять априори, что Вечность не есть прямая бесконечная линия, бесконечная протяженность времени, а есть бесконечное число к о н е ч н ы х времен...

— То это и есть Древо Времен! Очень точная формулировка. Но почему Шахов был уверен, что мы с ним встретимся?

Златков ушел в свои размышления, становясь рассеянным.

— Думаю, вы уже поняли. Он имел в виду, что Шаховых много во Вселенной. В каждой Ветви есть свой Шахов, так же как Ромашин и Златков, и другие люди. Вы все время забываете, Игнат, о квантовом дублировании. Миров, условий, исполнителей... Ведь уже есть прецедент: в наш мир вернулись не наши гонцы — Белый и Полуянов. Не те, кого мы посылали. Значит, где-то по другим Ветвям бродят наши. Вот и включите этот факт в свое досье на время. Лучше скажите, что мне делать конкретно, комиссар? Я вам нужен?

— Идите домой, Атанас. Мои ребята за вами присмотрят. Как только закончится операция «Мангуст», встретимся в Центре.

Златков кивнул, не прощаясь, вышел. Ромашин дал команду обойме прикрытия следовать за ним и проговорил вслух:

— Ну что ж, Орест, встретимся в Вечности, говоришь? Может быть, даст Бог, и встретимся.

И тут в голову комиссара пришла мысль, заставившая его побледнеть.

Где-то там, в Ветвях бесконечного Древа Времен, должны были бродить по бесчисленным Стволам хроноускорителей миллионы Павлов Ждановых, и все они участвовали в Игре помимо своей воли и все не знали, за кого играют! На чьей стороне? На стороне ли одного Игрока? Или по разные стороны баррикад?..

* * *

Операция «Мангуст», развернувшаяся с одобрения директора УАСС и Совета безопасности ВКС, позволила за считаные часы задержать около полусотни агентов «хирургов», большинство из которых оказались новобранцами, то есть завербованными в ряды агентуры недавно, уже после выхода Ствола из состояния резонанса. Меченых, с «татуировкой» по всему телу, набралось всего пятеро, все они занимали ответственные посты в СЭКОНе, ВКС и в службе безопасности. И все они были опасны, запрограммированы на сопротивление, прошли спецподготовку и знали приемы рукопашного боя.

Троих из них удалось задержать с минимальными потерями: погиб один человек и еще семеро оперативников получили ранения разной степени тяжести. Но двое, Карен Волонихин и Филипп Норденшельд, соответственно — второй заместитель председателя СЭКОНа и эксперт ВКС, сопротивлялись до конца, положив чуть ли не всю обойму захвата — одиннадцать человек!

Они были вооружены карабинами «дракон», которые стреляли ракетными пулями и гранатами, специальными прыгающими минами с наводящимся на цель сектором взрыва, «универсалами» и аннигиляторами типа «нихиль». Живыми их взять не удалось. Оба пытались вырваться из окружения и начали палить по близлежащим жилым домам, по другим сооружениям и трассам пассажирского транспорта. После того как «меченые» сбили два галеона и разрушили несколько зданий, командир бригады захвата применил в ответ «глюк». От Волонихина осталась кисть руки и часть карабина «дракон», от Норденшельда не осталось ничего.

Когда комиссару доложили о потерях, он пожалел, во-первых, что не пошел на задержание сам, во-вторых, что в операции

не смогли участвовать Белый и Полуянов, не говоря уже о Павле Жданове, и, в-третьих, Игнат понял, что Волонихина и Норденшельда кто-то предупредил. Имея все необходимые данные для расчета и прогноза, Ромашин подключился к оперативному инку Управления и вычислил предателя, тоже бывшего, судя по всему, «санитаром» со стажем. Им оказался не кто иной, как начальник отдела базисного информационного обеспечения службы безопасности Дханпатрай Десаи. На людях он появлялся редко, всегда — и подчеркнуто — носил закрывающие тело индийские костюмы и поэтому остался вне поля зрения следопытов Ромашина.

Еще раз тщательно взвесив все факты, укладывающиеся в поле расчета, Игнат вызвал в кабинет «кобру» личной охраны Харлама Саковца.

— Готовься, бялорус, — сказал он, оглядывая кряжистую, медвежью, с виду неуклюжую фигуру командира обоймы риска; Харлам носил бороду, усы, длинные волосы до плеч и постоянно ходил с черной лентой, охватывающей лоб и не дающей волне волос разлетаться при ходьбе.

— Всегда готов, — басом ответил главный телохранитель, понимая, что предстоит неординарное дело.

— Пойдем на захват.

Саковец мог бы поворчать, как он это изредка себе позволял, что захват — не его забота, что комиссару не пристало выполнять функции перехватчика, что среди оперативников много хороших исполнителей, профи высокого класса, но взгляд Ромашина не стимулировал ворчание, и Харлам произнес только одно слово:

— Кто?

— Дханпатрай Десаи.

— Начальник ИО конторы, — уточнил «кобра» Саковец.

— Не могу спорить, — кивнул Ромашин.

— Ваш приятель, — добавил Харлам.

— Бывший, — лаконично закончил разговор комиссар. — Начинайте полную программу: наблюдение, местонахождение, маршруты, цепочка выходов, трасса захвата. Учтите, он профессионал и, если заметит, шанса бескровного захвата не даст. К тому же он еще мастер боя, бодипадхай.

— Мы тоже не лыком шиты, — прогудел Саковец.

— Вперед, время не ждет. Я присоединюсь к вам в конечной фазе перехвата.

Бородач развернулся и бесшумно исчез за дверью кабинета, потом вернулся на секунду, чтобы сообщить:

— Я оставлю двух парней, для моего собственного успокоения, они за вами поглядят.

Ромашин покачал головой, глядя на дверь, улыбнулся. Харлам отвечал за его жизнь и оставлять без защиты не хотел.

В толще стола запульсировал зеленый огонек, изнутри раздался двухтональный гудок. Вызов из Центра.

— Включи, — нехотя позвал домового Ромашин.

— Комиссар, из Ствола вышел человек, — доложил Базарян, командир группы «Роуд-аскер», отвечающей за безопасность персонала Центра и контролирующей все события вокруг здания хроноускорителя. — Одет не по-нашему...

Екнуло сердце: неужели Жданов?!

— Кто?

— Назвался Григорием Белым.

Ромашин медленно выдавил из легких ставший густым, словно кисель, воздух. Затем насторожился:

— То есть как — назвался? Есть сомнения? Не похож на Белого? Ты же отправлял его с группой...

— В том-то и дело, что отправлял. Он... странный какой-то... меня не помнит... и одет не в скафандр, а в необычного покроя комбинезон.

— Давай его сюда... Впрочем, я лучше сам к вам явлюсь. Ждите.

Подумав немного, Ромашин переоделся в «уник» с узлами автоматики, управляющими оружием, взял аннигилятор, «глюк», набор метательных ножей и звезд и вышел из кабинета, предчувствуя неожиданные открытия.

Белый ждал его в подземном бункере Центра, окруженный безопасниками Базаряна, взъерошенный и какой-то предельно собранный и возбужденный. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Пятнистый комбинезон, о котором говорил Базарян, сидел на нем, как вторая кожа, но земные фабрики спецодежды такие комбинезоны не делали уже лет двести.

Бросив взгляд на худое, темное, неподвижное лицо Белого с горящими черными глазами, Ромашин понял, что не ошибся с предположением: этот Григорий Белый был другим! Из д р у г о й Ветви Времени!

— Здравствуй, Гриша, — сказал комиссар, пожимая горячую сильную руку безопасника. — Надеюсь, меня ты помнишь?

— Надеюсь, вы меня тоже, — угрюмо отшутился Белый. — Что здесь происходит? Меня никуда не выпускают.

— Сейчас все объясню. Но сначала ответь на один вопрос, пусть он и покажется тебе странным. Ты давно женат?

Белый нахмурился, исподлобья глянул на Ромашина.

— Это что, новый тест? Или что-то случилось с женой?

Ромашин и Базарян переглянулись. Но Базарян не знал того,

что знал Игнат. Тот Григорий Белый, что вышел из Ствола вместе с Федором Полуяновым, по его словам, никогда женат не был!

— Нет, с ней все в порядке, — качнул головой комиссар. — Поехали ко мне, я тебе все объясню. А ты расскажешь, где был и что делал. С Павлом встречался? — все же не удержался он от вопроса.

Белый посмотрел на него с недоумением.

— С каким Павлом?

У Ромашина перехватило дыхание, но он постарался не выдать своих чувств.

— С Павлом Ждановым, грифом из группы «Астро-аскер».

— Может быть, с Пантелеем Ждановым? Я встречался с Пантелеем, которого вы отправляли в Ствол. А что, есть еще Павел Жданов?

Ромашин покачал головой, внезапно осознавая, что к ним прибыл е щ е о д и н чужой Белый! Медленно, с расстановкой, комиссар проговорил:

— Я отправлял в Ствол П а в л а Жданова!..

ГЛАВА 10

Дханпатрай Десаи, высокий смуглый индиец, не спеша поднялся по ступенькам своего второго летнего дома, расположенного в пригороде Калькутты, приказал обойме телохранителей действовать по обычной схеме и остановился возле декоративной решетки цветника, искусно сплетенной из виноградной лозы и лианы тараника даис, цветущей круглый год. Со стороны он казался спокойным и невозмутимым, но на самом деле был сжат как пружина, готовый отреагировать адекватно на любую новость, прошедшую сквозь сеть «спрута», а тем более на прямую угрозу жизни.

И все же он прозевал момент начала операции захвата, потому что готовился к стандартному развитию событий, а не к классу операций «элит», разработанных аналитиками и экспертами службы безопасности по уровню секретности «четыре нуля».

Из двери его дома с верандой и мансардой в виде буддийской пагоды, который охранялся инк-системой и кодовыми опознавателями, был оборудован ловушками разных типов и автоматом уничтожения, вдруг вышел живой и невредимый Игнат Ромашин, бывший комиссар Евразийского филиала СБ, которого меньше всего ожидал увидеть Десаи.

В отличие от самого Десаи его телохранители среагировали на это должным образом, развернув эшелон прикрытия и подстраховки, но были перехвачены оперативниками Саковца и открыть

огонь — ни предупреждающий, ни на поражение — не успели. Усыпили их с помощью гипноизлучателей «слон» и «удав» почти мгновенно.

— Здравствуйте, Дхан, — приветливо помахал рукой начальнику отдела Ромашин, подходя ближе, остановился в десятке шагов от молча наблюдавшего за ним с каменным лицом Десаи. — Я тут случайно проходил мимо, дай, думаю, загляну.

— Вы живы, — гортанным голосом, утверждающе, со странной интонацией проговорил Десаи. — Это нужно понимать как...

— Совершенно верно, — кивнул Ромашин, оставаясь учтивым и доброжелательным. — Как провал. Вы шестой резидент «хирургов». Двое мертвы, трое захвачены, вы последний. Что диктует вам в этих условиях глубокая программа?

— Вы же знаете. — Тон Дханпатрая остался тем же, и это не ускользнуло от внимания комиссара. Он мысленно вызвал команду сопровождения, продолжая разговаривать с Десаи:

«Первый, он слишком спокоен, в чем дело? Обыщите дом, может быть, мы чего-то не заметили, упустили из виду».

— Знаю. Но я также знаю, что человек с сильной волей может ослабить давление программы и даже нейтрализовать ее. Не хотите попробовать?

— У вас уже есть прецедент? — с едва заметной насмешкой спросил начальник ИО отдела.

— Атанас Златков.

— Вот даже как? Поздравляю. Вы приобрели ценного агента. Однако давайте расставим кое-какие точки над «и». — Десаи оглянулся на цепочку оперативного десанта, обезвредившего его телохранителей и окружавшего дом. — Да, я могу ослабить пси-приказ... если создастся такая ситуация. Но в данный момент прямой необходимости в этом нет. Потому что, комиссар... кстати, я почти догадался о вашем плане с исчезновением, просто не хватило времени на анализ. Так вот, дело в том, что я заминирован, поэтому диктовать условия буду я.

— Заминирован. — Ромашин склонил голову набок. — Это что-то новое в практике «санитаров». Допустим. И что из этого следует? Давайте взрывайте себя, останки мы похороним.

Мысленно же он запросил группу поддержки:

«Обыскали дом? Что-нибудь нашли?»

«Нашли слинг без отражающего зеркала, — ответил командир группы. — Подключен к инку инициации и готов к работе. Кроме слинга, обнаружили еще два взрывных устройства и уже обезвредили».

«А слинг обезвредить сможете?»

«Попытаемся, но без знания кода и замков сделать это будет трудно».

«Подключитесь к Стратегу и начинайте».

— Комиссар, у меня дома находится слинг. Без фокусирующего зеркала, естественно. — Десаи растянул губы в ухмылке. — Знаете, что это такое?

Ромашин усилием воли согнал со щек краску, что выглядело так, будто он побледнел от волнения или страха. Конечно, он знал, что такое слинг — генератор «струны» для мгновенной масстранспортировки. Использовался слинг в стационарных комплексах метро и создавал так называемый «спонтанный распад вакуума». Разряд такого генератора превратил бы окружавшую дом местность в радиусе нескольких километров в «пустую яму» — в гигантскую сферу с «горящим» вакуумом. Вторичная же ударная волна после схлопывания сферы в точку способна была разнести в пыль не только коттедж индийца, но и еще полгорода. Катастрофа подобного рода уже произошла однажды на Меркурии.

— Вы серьезно?! — спросил Ромашин, стараясь затянуть время, мысленно давая команду снайперам подготовиться к поражению резидента, но так, чтобы он не успел дать команду инку на включение слинга.

— Не стоит лихорадочно искать выход из положения, — снова улыбнулся Десаи. — Я же понимаю, что вы сейчас советуетесь со своими помощниками. Не вздумайте стрелять, инициатор сработает, как только перестанет регистрировать мое мыслеизлучение.

— Хорошо, не будем, — легко согласился Ромашин. — Ваши условия?

— Дайте мне галеон, организуйте «зеленую улицу» до здания хроноускорителя, пропустите меня в зону и отпустите захваченных «санитаров». Только после этого мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве.

«Комиссар, мы сможем дезактивировать его только в спецусловиях, — раздался по «спруту» пси-голос аналитика группы поддержки. — Предлагаю незаметно перетранспортировать слинг вместе с инком инициации в нашу лабораторию под Бомбеем, там мы его вычистим».

«А если он включит инициатор во время транспортировки?»

«Займите его на какое-то время, минут на десять хотя бы, мы попробуем упаковать слинг в контейнер с пси-экраном».

«Начинайте».

— Вы знаете, Дхан, — покачал головой Ромашин, — я не могу один решать такие вопросы, нужен квалитет ответственности...

— Не лгите, можете.

— Н-ну, хорошо, допустим, я дам распоряжение... где гарантии, что вы не взорвете Ствол вместе с собой и со всеми, кто в нем находится?

— Если выполните все мои условия, взрыв будет лишним. Все, комиссар, не тяните время. Даже если ваши специалисты обнаружили слинг в доме, им не раскодировать инициатор. Да или нет?

— Больше нет, чем да, — ответил Ромашин, получивший сигнал от бригады поддержки, что слинг уже запакован в непроницаемый для радиоволн и пси-излучения контейнер. — Мои специалисты действительно попытались раскодировать слинг, но безуспешно. Можете быть спокойны. Но если хотите, можем поиграть в одну любимую вами игру. Говорят, вы мастер-рукопашник. Я в некоторой степени тоже. Не согласитесь ли принять вызов?

Десаи внимательно посмотрел на простодушно-бесстрастное лицо комиссара. Тот напрягся, чувствуя наступление решающей минуты. В сущности, он рисковал жизнью в надежде отвести большую беду, но существовала опасность, что индийцу все-таки удастся включить слинг, несмотря на принятые меры.

«Вы его слышите?»— спросил Игнат мысленно.

«Контролируем все пси-диапазоны, — успокоили его. — Пока все тихо. Но, видимо, он прав, инициатор включится сам, если инк перестанет получать какие-то сигналы».

«И все же забирайте контейнер и выстреливайте на орбиту, пока я буду его отвлекать. Он попытается инициировать слинг только после того, как убедится в окончательном проигрыше. Вы к тому времени должны быть далеко отсюда. А на орбите слинг нам будет не страшен».

«Мы пошли, комиссар».

«Ни пуха...»

«К черту!»

«Кстати, выясните, где он добыл слинг и каким образом умудрился установить его дома. Возможно, наткнетесь на других «санитаров», которые ему помогали».

Вслух же Ромашин сказал:

— Ну так как? Принимаете вызов?

— Я вас не понимаю, — медленно проговорил Десаи. — Здесь какой-то подвох? Какова цель схватки?

— Не скрою, я имею цель нейтрализовать вас как очень опасного сумасшедшего, агента «хирургов», чтобы уберечь от самоликвидации. Уверен, что вы знаете очень много и можете быть нам полезным.

— Кому нам?

— Человечеству. Мне, моим друзьям. Вашим родственникам. Поэтому угроза привести слинг в действие меня действительно пугает. Цена же схватки высока для обеих сторон. Выиграете вы — вам сохранят жизнь и дадут «зеленую улицу» до Ствола, вы-

играю я — вы отдаете мне слинг и будете отпущены на все четыре стороны.

— Даже так?

— Мне лично ваша жизнь не нужна. Как, впрочем, и вам самому. Ну, по рукам?

Ромашин неплохо делал вид, что волнуется, и Десаи купился. Видимо, он был настолько уверен в себе, что не допускал мысли о возможности проигрыша.

— Хорошо, комиссар, я согласен. Только уберите своих псов подальше. Я хочу быть уверен в том, что никто не вмешается в поединок.

— Ну ты и свинья, йог! — не выдержал Белый, маневрирующий неподалеку. — На меня посмотри!

Десаи бесстрастно глянул на безопасника.

— Так вот, — продолжал Григорий, с трудом сдерживаясь, — если произойдет чудо и ты победишь, мы, конечно, исполним волю комиссара, но клянусь родом, я тебя из-под земли достану! В любой Ветви, в любом мире, куда бы ты ни скрылся! Как понял? Перехожу на прием.

Индиец отвернулся.

— У вас очень самоуверенный телохранитель, комиссар. Это может стоить ему головы. — Он осторожно снял рупан[1], сандалии, размотал дхоти[2] и декоративный пояс-шарф, снял и уложил на рупан два ожерелья и спиралевидные браслеты. Выпрямился.

— Начнем, комиссар? Я слышал о ваших подвигах, но ни разу не видел в деле.

— Я вас тоже, — вежливо признался Ромашин, в свою очередь снимая кокос, майку, туфли, пока не остался в плавках. — Гриша, Харлам, уведите всех за горизонт. В пределах ста метров не должно быть никого.

Они встали друг против друга, обменялись оценивающими взглядами. Оба были высокими, поджарыми, широкоплечими, без капли жира, с узкими мускулистыми бедрами, разве что комиссар имел более развитую мускулатуру, а индиец был смуглее. Однако и тот и другой одинаково производили впечатление скрытой силы и уверенности в себе. Предсказать поединок зрителям со стороны, не знающим возможностей обоих, было непросто.

Дханпатрай начал первым. Он владел редкой разновидностью индийской борьбы — айодхья, основанной на гибкости, быстро-

---

[1] Рупан — индийский плащ, концы которого завязываются на груди и отбрасываются на плечи.

[2] Дхоти — платок, прямоугольный или треугольный, закрепляющийся на бедрах.

те, точности и плавности движений, к тому же он знал другие системы воинских искусств и умел работать на сверхскорости, то есть свободно переходить на «рефлекторное мышление» и увеличивать скорость сокращения мышц.

Он стоял в десяти шагах от Ромашина и вдруг оказался рядом и нанес серию уколов-ударов с финальным энергетическим «выдохом» в область сердца противника, способным пробить грудную клетку или бесконтактно порвать сердечную сумку. Однако Ромашин, владевший русбоем, увел корпус закручиванием торса и ответил двойным ударом локоть-колено, называемым в русбое «остынь».

Дханпатрай блокировал локоть, но от колена не ушел и вынужден был уйти влево, защищая правой рукой печень, а левой — пах. Снова, не останавливаясь ни на мгновение, начал атаку: шаг вправо — удар пяткой с поворотом корпуса — подскок — удар правой рукой косо вниз — поворот корпуса — удар растопыренными пальцами левой руки в шею и тут же левой ногой вперед.

Вся серия не достигла цели, Ромашин присел и нырнул вперед под руки-ногу противника, ударил обеими ногами в голени, чтобы тот подпрыгнул, и в тот же момент достал Десаи затылком в область копчика. Прием был известен под названием «хрящ», выполнить его могли только мастера, имеющие высший титул в русбое — «сокол соколов».

Индиец упал навзничь, от боли на мгновение потеряв сознание, и Ромашин мог легко добить противника, грозившего взорвать себя вместе с несколькими миллионами жителей Калькутты, однако не сделал этого. Дождался, пока Десаи придет в себя, сказал вежливо, без улыбки, без тени превосходства в голосе:

— Может быть, довольно, Дхан?

«Он выдал команду в диапазоне пси, — предупредил комиссара аналитик группы контроля. — Частота одиннадцать тридцать шесть, мощность ноль три келлена. Возможно, это команда инициации слинга».

«Где слинг?»

«На высоте шести километров и удаляется отсюда со скоростью две тысячи километров в час».

«Если он до сих пор не взорвался, значит, либо контейнер не пропустил команду, либо Дхан блефует. Но чего-то я здесь не понимаю. Цель «хирургов», по словам Белого и Полуянова, — уничтожение Ствола. Почему же они не воспользовались слингом раньше?»

«Вероятно, по каким-то причинам применять слинг нельзя. Или же они ждали своего часа. Может быть, слинг хотели установить в Стволе позже».

«Мне связь со Златковым. Пусть наши люди дадут ему транш».

Связь с ученым появилась буквально через десяток секунд. Телохранители Атанаса, получив приказ, действовали незамедлительно.

«Игнат? Что случилось?»

«Мы захватили еще одного резидента, о котором не знали ни вы, ни кто-либо иной из «санитаров». Он хотел инициировать слинг...»

«Откуда у него слинг?»

«Не суть важно. Вопрос в другом: почему «санитары», владея слингом, не привели его в действие? Это же самый простой способ уничтожения Ствола».

«Слинг по сути — компактификатор измерений, он как бы сворачивает континуум, превращает все объекты в «одномерные струны». Если его включить в Стволе, волна компактификации покатится по работающим мембранам вниз, в другие Ветви. То есть произойдет спонтанная свертка всех узлов Ствола, между которыми протянута «струна хронополя».

«Иными словами, будут уничтожены все, кто находится в Стволе, независимо от принадлежности к той или иной группировке. В том числе и сами «хирурги».

«О «хирургах» ничего сказать не могу, они могут вообще быть вне поля действия Ствола, но, очевидно, взрыв слинга что-то такое важное может уничтожить, что-то очень нужное «хирургам».

«Спасибо, Атанас. Выздоравливайте».

«А кого вы захватили?» — успел спросить Златков, но Ромашин уже отключил канал. Произнес вслух, с сожалением разведя руками:

— Вы проиграли, Дхан. Мне очень жаль, но... — договорить он не успел, Десаи внезапно прыгнул к нему выгибом вперед и, почти достав комиссара, метнул тонкий, как жало, миниатюрный пальчиковый кинжал, известный под названием «коготь дракона». Такой кинжал обычно крепится под сгибом среднего пальца.

Увернуться Ромашин не смог, хотя и отклонился на поллоктя. Кинжал вонзился ему не в глаз, а в щеку, пробив ее, десну и язык. В принципе ничего особенного не произошло бы, Игнат умел нейтрализовать боль и снимать шок, но кинжал был о т р а в л е н! Единственное, что успел сделать комиссар, — усилием воли установить гематобарьер, чтобы блокировать подачу крови в голову и к пораженному месту, а также нейробарьер, чтобы отсечь передачу парализующего сигнала по нервным волокнам. Поэтому начавшийся паралич развития не получил. Но для спасения жизни этого было мало, а времени на спасение у него оставалось от силы три минуты — до просачивания яда сквозь барьеры.

Снайпер Саковца, следящий за боем с расстояния в сто метров, выстрелил из аннигилятора практически одновременно с выпадом индийца и лучом аккуратно отрезал ему кисть руки, однако помешать не смог. Зато разгадал второе движение резидента «хирургов» — бросок кинжала левой рукой — и тут же не задумываясь отхватил и эту руку еще до завершения броска. Второй кинжал в упавшего комиссара не попал. А затем в действие вступили законы и инструкции системы охраны жизни. Опытные телохранители, догадавшись, в чем дело, развернули «стрелу спасения»: одна тройка подхватила тело комиссара, вторая — тело Дханпатрая Десаи, третья подогнала галеон с переносной кабиной метро, отправила умирающих в клинику Управления, предупредила врачей и медцентр о характере поражения обоих пациентов, четвертая во время всего действия подстраховывала остальных от возможного повторного нападения и держала связь с поднятыми по тревоге силами оперативной бригады.

Через две минуты тела Ромашина и Десаи лежали на столах реанимационного бокса в клинике УАСС, и Гиппократ, инк медцентра, приступил к первичному тестированию и анализу состояния пациентов. Еще через полминуты в боксе появились доставленные в шторм-порядке врачи. Борьба за жизнь людей началась...

Однако к этому времени Дханпатрай Десаи был стопроцентно мертв. Программа самоликвидации, внушенная «хронохирургами» на уровне подсознания, после его отчаянной атаки наконец-то сработала и освободила несчастного от мук.

* * *

— Мы пойдем с вами, — заявил мрачный Саковец, стоя у круглой дыры входа в Ствол, через которую сутки назад ушла группа разведчиков во главе с Полуяновым.

— Я пойду один, — сквозь зубы процедил Белый. — Ваша задача — обеспечить охрану комиссара в клинике. Если бы с этим вашим йогом дрался я, он остался бы жив.

У Саковца было другое мнение по этому пóводу, но он оставил его при себе и примирительно добавил:

— Возьмите хотя бы пару моих ребят. Уверяю вас, обузой они не будут, а спину прикроют.

— Хорошо, — сдался Белый (Белый-второй, «чужой», попавший не в свою Ветвь). — Эх, мне бы дриммер!

— Что? — не понял руководитель охраны комиссара.

— К сожалению, этой «волшебной палочки» у вас нет, — вздохнул Григорий. — Комиссар мне все доходчиво объяснил. Он выживет, как думаешь?

— Выживет, — уверенно ответил Саковец. — «Живая вода» и не таких с того света вытаскивала. Через пару часов будет бегать.

— Так уж и через пару, — засомневался Григорий. — Впрочем, вам видней, возможности медицины своего мира вы знаете лучше.

Саковец не понял последней фразы безопасника, но переспрашивать не стал, скомандовал:

— Сигурд, Мильчевский, поступаете в распоряжение грифа Белого. — Сунул руку Григорию: — Удачи, друг.

Белый пожал руку, проверил инк-сопровождение скафандра и первым шагнул в дыру входа — горбатый, двуногий и двулапый варан в зеркально бликующей чешуе. За ним канули в темноту тоннеля еще два таких же варана.

* * *

Он нагнал их возле обрушившегося участка коридора, который наконец-то приобрел знакомый вид, принадлежа зданию хроноускорителя, и должен был вывести к его уцелевшей рабочей зоне с лифтом хрономембраны. Полуянов почувствовал вдруг толчок в спину, ледяное дуновение ветра (в скафандре!) и низкое угрожающее рычание. Споткнувшись, едва не упал, оглянулся, готовый применить оружие, но никого не увидел.

Коридор, по которому они шли, закруглялся в ста метрах и был пуст, не считая глыб, свалившихся с потолка и со стен, покрытых извилистыми трещинами и узором дыр. Только теперь Федор понял, что его ощущения вызваны пси-ударом, а не физическим воздействием. Тот, кто гнался за ними, был так уверен в своих силах и превосходстве, что не побоялся предупредить. Если бы он подкрался ближе и сразу нанес мощный поражающий пси-удар, защита скафандров вряд ли выдержала бы, и участь разведчиков была бы решена.

— Погоня близко! — предупредил Федора Марич, переживший примерно те же ощущения. — Придется сражаться, сквозь этот завал пробиться к залу с мембраной мы не успеем.

— Как ты думаешь, что за зверь нас догоняет?

— Прошел слух, что в нашу обитель прибывает инспектор, будто бы даже сам «хирург».

— Ух ты! Ему-то зачем опускаться так низко? Исполнителей не хватает?

— Кто знает? Логику негуманов понять простому человеку трудно. Мы зачастую не понимаем друг друга, чего уж говорить о разуме, абсолютно непохожем на человеческий. Давай-ка мы сделаем здесь небольшой контрфлеш, уступчик для засады. Ты слева, за камешками, я справа, чуть впереди.

Снова откуда-то — Федору показалось: из глубин его естества, из желудка и грудной клетки — прилетел порыв ледяного ветра в сопровождении злобно-угрожающего ворчания. Но на сей раз пси-выпад был сильнее и заставил людей пережить гамму негативных эмоций и непроизвольных физиологических реакций: сокращение мышц, спазм желудка, аритмию сердца, головную боль от резкого сжатия сосудов.

— Черт! — глухо проронил Федор. — Эдак он нас будет глушить издалека... хоть бы появился.

— А он уже здесь, — хрипло отозвался Марич, и Федор наконец увидел догнавшее их существо.

Посредине коридора, всего в двадцати шагах от засевших в контрфлеше разведчиков, стоял неизвестно как оказавшийся там призрак — не то мыльный пузырь, не то колеблющийся туманный столбик. Вспыхнувший луч фонаря выхватил из полутьмы странную кисейно-прозрачную фигуру: так выглядел бы персонаж русских сказов Кощей Бессмертный, слепленный из редкого сероватого тумана. Но от этого «Кощея» прянула вдруг такая мощная волна пси-излучения, что, несмотря на защиту, Федор снова всем телом ощутил удар, точнее, ожог.

Марич сориентировался первым. С криком:«Это рой!» — он открыл огонь по «Кощею» из аннигилятора.

И тотчас же весь коридор зашевелился, зафонтанировал дымками, превратившимися в настоящий полк призрачных «Кощеев». Теперь стало понятно, каким образом инспектору удалось подобраться к разведчикам вплотную: он передвигался по коридору в форме ручья, вернее, цепочки бесшумно крадущихся пленок жидкости. А еще люди убедились, что их оружие неэффективно против этого диффузного монстра, своеобразного двухуровневого роя.

Луч аннигилятора легко разрезал каждого «Кощея» на части, которые мгновенно соединялись в ту же фигуру. Разряды «универсалов» так же успешно кромсали призрачные струи, пробивали в них дыры, но уничтожить ни одного призрака не смогли. И даже «глюк» не дезинтегрировал солдат роя, двигающихся с поразительной быстротой, а главное, успевающих ответить противнику из многих видов оружия, самым мощным среди которых было, несомненно, пси-излучение. Впечатление создавалось такое, будто на двух представителей человечества обрушился залп из суггесторов «удав» и «слон».

Вряд ли пси-защита скафандров и собственная воля спасли бы Полуянова и Марича от гибели, не вмешайся в этот бой иная сила.

С дальнего конца коридора вдруг замелькали частые вспышки выстрелов, и в свете фонарей разведчиков засверкали живой рту-

тью чьи-то скафандры. Полуянов насчитал семь фигур, но удивиться, откуда здесь столько людей, не хватило сил. И хотя огонь велся в основном из «универсалов» миллионовольтными электрическими разрядами или плазменными сгустками, инспектору пришлось часть сил бросить на отражение неожиданной атаки.

— Берегись! — послышался в наушниках рации энергичный голос Белого. — Свои! Федор, ты жив?

— Скорее да, чем нет, — отозвался Полуянов со вздохом облегчения. — Кто это с тобой?

— Хансен с ребятами Ромашина.

Призраки роя изменили тактику. Теперь они начали собираться по пять-шесть особей и наседать таким отрядом на одного человека. Тактика принесла успех. За считаные секунды группа Белого поредела, потеряв двух человек, и вынуждена была отступить. На пол коридора стали рушиться стены, обломки потолочного перекрытия, здание не выдерживало пульсации ядерного и кваркового огня. Наступило короткое, чудовищное по напряжению равновесие сил. Люди стреляли скупо, но метко (стрельбой управляли, разумеется, инки скафандров), инспектор же, потеряв треть массы, не мог развить пси-наступление сразу на все направления, задавить «дробную» цель. И снова в действие вмешалась другая сила.

За спиной Полуянова рухнула груда обломков, загораживающих коридор, и в образовавшейся бреши появились две человеческие фигуры, рыжеволосая и черноволосая, в необычных комбинезонах защитного цвета с пятнами камуфляжа. Еще толком не разглядев их, Федор шестым чувством угадал, что это Ивашура и Костров.

— Держитесь! — раздался чей-то призыв.

В луче фонаря вспыхнул, как голубое пламя, поднятый над головой Ивашуры меч. Затем прогремел его сильный звучный голос:

— Убей его!

Дриммер сменил сияние с голубого на ослепительно желтое, стал потом белым, будто раскалился от хлынувшей в него энергии, и миллионом ослепительных искр метнулся в стаю призрачных «Кощеев».

Зашипело, словно от падения в воду множества угольков. На всех диапазонах — пси, электромагнитном и звуковом — раздался многоголосый вопль, затем сменился скулящим ворчанием, замолк на невыносимо низкой ноте... и инспектор «хронохирургов» перестал существовать. Однако и меч-дриммер уже не вернулся к владельцу, исчерпав всего себя без остатка.

Еще некоторое время люди, в большинстве своем пораженные финалом боя, настороженно всматривались в очистившееся

от туманных вихрей пространство коридора, вслушивались в звонкую тишину и молчали. Потом тишину нарушил возглас Ивана Кострова:

— Кажется, мы подоспели вовремя, командир.

И лишь тогда все задвигались, зашевелились, заговорили, потянулись к пришедшим на помощь союзникам.

— Федор, ты здесь? — позвал Ивашура.

Полуянов разгерметизировал скафандр, откинул капюшон шлема, подошел к нему и обнял. За ним ко вновь прибывшим приблизился Белый, тоже снял шлем, потряс руку Ивана.

— Как вы здесь оказались, рыжий?

— Стреляли, — с улыбкой ответил Костров знаменитой фразой из фильма «Белое солнце пустыни», снятого в конце шестидесятых годов двадцатого века в его родной Ветви времени.

Подошел Марич, убрал шлем, пристально глянул на собранного и внимательного Ивашуру.

— Игорь Васильевич?

— Он самый. А кто вы?

— Эмиссар Тех, Кто Следит. Мне передали, что следует встретить гостей, правда, в связи с некоторыми осложнениями... э-э... я не успел. Но шли мы к лифту, где я должен был ждать вас.

— Лифт рядом. И мы не одни. — Ивашура повернулся к проделанному в горе обломков проходу, крикнул: — Вероника, Тая, идите сюда.

Послышались шаги, шорохи, женские голоса, и в проходе появились две женщины в таких же комбинезонах, что были на Ивашуре и Костров. Марич, безопасники Белого, да и он сам молча смотрели на приближающихся женщин.

— Они такие же десантники, как мы, — засмеялся Ивашура. — А может быть, и получше нас. — Посерьезнел. — У вас есть послание для нас? Вести от Павла Жданова?

— У меня есть весть от Жданова, — раздался чей-то голос, из-за спин безопасников вышел человек в скафандре, и все ошеломленно перевели взгляды с его лица на лицо стоявшего с Ивашурой Григория Белого. Потому что подошедший был его точной копией, разве что прическу имел другую. Лишь Марич, Полуянов да сам Белый не проявили особых чувств, догадываясь или просто зная, в чем дело.

— Привет, копия, — сказал Григорий-первый.

— Привет, дубль, — в том же тоне отозвался Григорий-второй. — Узнал?

— Как же я себя-то не узнаю?

— Знакомьтесь, друзья, — вмешался в их диалог Полуянов. — Один Гриша Белый — ваш, один — наш. Я хочу сказать, что мы с вами, — Полуянов кивнул на «своего» Белого, — из другой Ветви.

По какой причине нас послали не на родину и поменяли местами, я не знаю, да и не важно это. Главное, что мы добились цели, обезвредили «санитаров».

— Это не главная цель, — покачал головой Марич. — Вам надлежит снова выйти в путь и ликвидировать угрозу взрыва Ствола. А заодно и угрозу существованию Ветви. Что за весть вы принесли от Павла Жданова? — повернулся он к Григорию-второму.

— Не от Павла, — ухмыльнулся Григорий-второй. — От Пантелея. Там, где я живу, Жданов один и он — Пантелей. Я ведь тоже чужой в данном мире, так же как вы со своим отрядом. Но с другой стороны, никакие мы не чужие друг другу, раз делаем общее дело. Здесь сработали мы, в моем мире сработает другая команда дублей. Все в порядке. А Панте... да и ваш Павел, наверное, заброшены в схрон, то есть куда-то в одну из «усохших» Ветвей времени, где «хирурги» строят свой Ствол. Вернее, Антиствол. Жданов должен найти это сооружение, а мы должны присоединиться к нему. Это все, что я знаю.

— Ясно, — кивнул Ивашура. — Не будем терять времени... хотя никто мне, по существу, так и не объяснил, что такое время. Пора идти на помощь Павлу.

— Подождите, — вспомнил вдруг Григорий-первый. — А где Ромашин? Комиссар? Ведь это его заслуга в том, что мы уцелели, дошли и встретились.

— Он ранен, — нехотя ответил Григорий-второй.

— Серьезно?

— Отравлен. Цианон.

Наступило молчание.

— Кто? — сдавленным голосом проговорил Полуянов. — Кто его?..

— Это произошло случайно, во время боя с одним из «санитаров».

Марич, который знал, что н и ч е г о с л у ч а й н о г о в этом далеко не лучшем из миров не существует, похлопал Федора по плечу:

— Не стоит обсуждать эту тему, не время. Ромашин будет жить, будьте уверены. Вам действительно пора.

— А Златков? — упрямо сдвинул брови Белый-первый. — Он ведь тоже собирался лично проводить нас, объяснить суть воздействия хроноускорителя.

— Он тоже ранен, лечится.

— Интересные тут у вас проблемы решаются, — покачал головой Ивашура. — Хотел бы я встретиться с этими вашими... комиссаром и ученым. Прощайте, эмиссар. Или вы с нами?

— Нет. — Марич отступил на шаг. — Мой дом здесь, хотя я и

сподвижник Тех, Кто Следит. Да и напутешествовался, знаете ли, хватит.

— Тогда прощайте. Прощайте все, друзья. До встречи во Вселенной.

С этими словами Ивашура обнял женщин, подтолкнул их к проходу в обломках стен, зашагал следом. За ним потянулись Костров и Полуянов. Белый-первый протянул руку Белому-второму, обнял, шепнул на ухо:

— Ты тут разберись, в чем дело, почему Ромашин и Златков оказались выключенными из процесса в самый нужный момент.

— Разберусь, — железно пообещал дубль.

Марич, догадывающийся о причине выключения комиссара из конечной стадии борьбы за сохранение Ствола, промолчал. В этой Ветви времени, которой принадлежали Солнце, Земля, Брянские леса, хроноускоритель, — стратегию и тактику Игры определяли не «хронохирурги», а Те, Кто Следит. А они умели организовывать случайные происшествия.

Часть IV

ПОГОНЩИКИ ПРАВЯТ СЛОНАМИ

ГЛАВА 1

...И ширится вокруг безжизненная гладь,
И берега тускнеют, отдаляясь...

Напоенные прохладой строчки чьих-то стихов всплыли в темном пространстве головы, повторились многократно гулким шепотом, заставили вспомнить лето, море, ветер... и Павел ощутил себя стоящим на твердом полу в блестящем спецкостюме, с мечом в правой руке и чьей-то ладонью в левой. Рядом стояла незнакомая красивая девушка, почти девочка, с волной светлых волос, перехваченных лентой, с лицом испуганным, но оттого еще более красивым, стройная, одетая в необычный, знакомый по историческим фильмам наряд: охотничий кафтан, подпоясанный кушаком, кожаные штаны, мягкие сапожки со слегка загнутыми носами, за плечом лук и колчан со стрелами.

— Где мы? — низким голосом с необычным акцентом спросила девушка, старательно пряча страх в глубине больших голубых глаз.

И тогда Павел вспомнил, кто есть он сам и кто стоит рядом. Это была Ясена, девочка-россинка из далекой Ветви времени, где жили люди и разумные медведи — медвяны. Не отвечая на вопрос, Павел огляделся.

Трансгресс высадил их в довольно странном месте.

Они стояли на голом трещиноватом холме с белесой высохшей травой. Холм являл собой часть бугристой равнины, которая всего в радиусе километра была ограничена чем-то похожим на приплюснутый купол из матового стекла или полиэтиленовой пленки. Купол источал тусклый желтоватый свет, не дающий теней. Ажурная черная труба трансгресса боком касалась вершины холма, на котором стояли Жданов и Ясена, и уходила в обе стороны, исчезая в стенках купола. В этом мире тишины и неподвижности почти ничего не росло, если не считать высохшего до белизны кустарника, стелющегося в лощинах между холмами, напоминающего мотки проволоки или кораллы.

Но дышалось в этом мирке на удивление легко, а сила тяжести не превышала земной.

— Куда мы попали? — переспросила притихшая Ясена, не торопясь вынимать ладонь из руки Павла.

— Разберемся, — улыбнулся он. — Здесь никого нет, не бойся.

— Я и не боюсь, — вспыхнула девушка, выдергивая руку, и демонстративно отошла на несколько шагов.

Павел обвел внимательным взглядом череду холмов, пожал плечами. Если трансгресс выбросил их здесь, значит, в этом был смысл. Не стоило задавать риторические вопросы, следовало выяснить все самим. Хотя, с другой стороны, можно было, не прилагая никаких усилий, соединиться с информом трансгресса и у него узнать, где они оказались. Однако делать этого Жданов не стал. Что-то мешало ему: не гордость и не равнодушие, — ощущение скованности, порожденное присутствием трансгресса. Словно внутри ажурной трубы сидел некто холодно-рациональный и ждал, что предпримет человек, пользующийся доверием Тех, Кто Следит.

Вокруг не было ни одной живой души, кроме Ясены, не шелестела трава под ветром, не порхали насекомые, мир был неподвижен, сер и скучен, но чувство ожидания росло, Павлу активно не нравилась подобная тишина, и он наконец не выдержал. Со свистом крутанул меч вокруг себя, как бы обвив тело спиралью защитного приема, и почти прокричал, заставив Ясену вздрогнуть:

— Эй, кто здесь? Выходи!

— Спасибо, — раздался ниоткуда — ни сверху, ни снизу, ни сбоку, а как бы со всех сторон сразу — гортанно-скрежещущий

голос, и рядом с Павлом проступила, уплотняясь на глазах, фигура человека в плаще из металлических пластин, с головой, прятавшейся под необычной формы шлемом, напоминающим голову насекомого и ящера одновременно. Что это могла быть и «родная» голова существа, Павел не подумал, ему почему-то показалось, что это шлем. Впрочем, было ли так на самом деле, он так никогда и не узнал. Гость человеком явно не был.

На соседнем холме проявилась из воздуха, как проявляется изображение на фотобумаге, некая бурая, с черными прожилками масса, сформировавшаяся в двадцатиметровую громаду, больше всего напоминавшую гигантский черепаший панцирь.

— Извините, — проронил гость небрежно, — это мой перемещатель. Ничего, если он тут меня подождет?

— Ничего, — великодушно разрешил Павел, одновременно прощупывая ауру незнакомца, но никаких негативных токов не ощутил. Гость излучал в пси-диапазоне, и очень мощно, однако в его ауре не таилось угрозы, злобы, презрения или высокомерия. Он скорее был равнодушно-вежлив и — совсем немного — заинтересован встречей, хотя в этом интересе было больше флегмы и ленивого каприза.

— С кем имею честь? — учтиво спросил Павел, жестом успокаивая Ясену, схватившуюся за лук.

— Неважно. — Гость махнул рукой в «латной перчатке» и вызвал этим движением перезвон металлических пластин плаща. — Случайно проплывал мимо и увидел вас. Ведь вы Павел Жданов из независимой Ветви?

— Жданов, — кивнул Павел. — А что значит — из независимой Ветви? От чего независимой?

— Вопрос некорректен, — сказал гость, не объясняя тем не менее, в чем его некорректность. — Но вообще-то вы не производите впечатления Исполнителя.

— А я и не исполнитель, — пожал плечами Павел. — Вы меня с кем-то спутали, наверное.

— Мне говорили именно о вас. Хотя возможна и ошибка. Вы не единственный Павел Жданов, вовлеченный в Игру.

— Уважаемый сэр, — насупившись, произнес Павел, — не соблаговолите ли объясниться? Вы говорите загадками, не понятными ни мне, ни моей спутнице, что с вашей стороны не совсем вежливо.

— Что и как говорить, решаю я сам, — ответил незнакомец в шлеме, и прозвучало это на удивление негрубо, без пренебрежения, даже миролюбиво, просто как констатация факта. — А вежливость всего лишь эмоциональная окраска информации. Или вы думаете иначе? Для вас важен тон беседы?

— В принципе... пожалуй, — озадаченно проговорил Павел,

погладив руку прижавшейся к нему сзади Ясены. — И все же кто вы?

— А что вы сделаете, если я не отвечу?

Павел взвесил в руке меч-дриммер, напрягся, пытаясь проникнуть под слой пси-поля, которым был окутан незнакомец, и ему показалось, что сквозь металл шлема на миг проступили черты лица чужака — нечеловеческого лица.

— Спасибо, я понял, — кивнул гость. — Не буду вам мешать. Прощайте. Может быть, наши пути еще пересекутся, хотя вы — воин, а я — бродяга. Имени в человеческом понимании у меня нет, я ведь всего лишь один из немногих, один из отдельных «я» организма «мы». Но если хотите, можете называть меня Мимо.

С этими словами незнакомец в плаще стал таять, расплылся в облачко дыма, которое скользнуло к громаде перемещателя и всосалось в него. Перемещатель превратился в струю черной жидкости, брызнувшую в две стороны, растянулся в струну, вонзившуюся в противоположные бока купола, исчез. Лишь в тех местах, где он пронзил купол, некоторое время виднелись черные кольца, пока не расплылись кляксами и не пропали.

— Он волхв, — с дрожью в голосе проговорила Ясена. — И очень-очень чёрный! Страшный! Сильный!

— Мне он страшным не показался, — задумался Павел. — Сильным — пожалуй, и еще странным и чужим. Но он, конечно, не волхв, не человек вообще. Что он хотел мне сказать? Или ничего? Просто посмотрел как на диковину, и все. Голова кругом!.. На что он намекал, говоря, что я не единственный Жданов?

Павел вдруг вспомнил о трансгрессе.

— Подожди-ка меня здесь, я попытаюсь кое-что выяснить.

Ясена хотела возразить, но проглотила слова, так как больше всего на свете боялась, что ее упрекнут в трусости.

— Я погуляю, — сказала она, отходя с решительным видом.

Пряча улыбку, Павел подошел к трубе трансгресса, чуждой этому миру, как чужими были здесь и они с девушкой, подвесил себя по центру старт-объема.

— Трансгресс «Сола сто три» готов к перегибу, — раздался в его голове тихий мурлыкающий женский пси-голос. — Ближайший выход...

— Отставить выход, — прервал автомат Павел. — Нужна связь с информом «Сола сто три».

— К сожалению, связь невозможна, — прошелестел голос. — «Сол сто три» принадлежит к распадающейся Ветви с вырожденной более чем на семьдесят процентов реальностью. По сути, это виртуальный мир, скатывающийся к одномерному континууму. Его информ перебазирован...

— Жаль, — не дослушал разочарованный Жданов. — Я хотел

кое-что выяснить. А может, знаете вы? С кем я только что беседовал возле трансгресса? Вы видели?

— С бровеем.

— С кем, с кем?

— Мне известно, что где-то «внизу» — координатами это слово считать вряд ли представляется правомерным — существует племя Бродящих по Ветвям времен. Он один из них.

— Что же, они бродят по мирам на своем транспорте?

— Другими сведениями не располагаю, извините.

— И за то спасибо. Выпустите меня.

Павел снова оказался на холме под трубой трансгресса, странным образом соединявшего Ветви и, по словам волхва Рода из племени россинов, ставшего своеобразной Ветвью времени, миром без конца и без начала.

Ясена стояла спиной к нему в напряженной позе, готовая к стрельбе из лука, и Павел сразу понял, что произошло нечто напугавшее девушку. Мгновенно сосредоточился, прислушиваясь не столько к звукам, сколько к своим ощущениям. И почуял медленное, но неотвратимое приближение какого-то холодного, беспощадного, свирепого существа, абсолютно чуждого всему тому, чем жил и чему радовался человек.

Спустя несколько мгновений Павел понял, что это его подсознание отреагировало таким образом на пси-поток, так называемый поток внимания, образованный мыслеизлучением некоего существа или группы существ. Но то, что эти существа друзьями не были, понять было несложно.

Оглянувшись еще раз кругом и отметив, что в пределах видимости, кроме трансгресса, нет ни одного живого объекта или сооружения, способного возбудить поток внимания, Павел пробормотал:

— Надо нам побыстрее уносить отсюда ноги.

— Куда? — отозвалась Ясена, приободрившись.

— За пределы этого купола. Не нравится мне взгляд в спину... А что случилось, пока я отсутствовал?

— Кто-то выглянул оттуда. — Девушка показала вверх, вздрогнула. — Черный весь... и глаз один, красный, светится... Посмотрел и скрылся.

— Хронорыцарь? — пробормотал Павел. — Если это хронорыцарь, то, во-первых, у нас появился могучий союзник, а во-вторых, где-то поблизости должен быть расположен Ствол. Но, с другой стороны, мы с тобой недостаточно хорошо экипированы для его поиска и вообще для серьезного похода.

— У меня же лук и нож, а у тебя волшебный меч. Разве этого мало?

— Недостаточно. Придется снова обращаться к обслуге трансгресса. Подожди меня еще немного.

Павел коснулся мечом трубы трансгресса, впустившей его внутрь, и произнес с некоторым стеснением:

— Простите, ради Бога, это опять я. Не могли бы вы обеспечить меня и мою спутницу защитными комплектами? Нам придется путешествовать, а условия за стенкой этого пузыря могут отличаться от земных.

— Вы уже находитесь под защитой местного исполнителя наших законов, — прозвучал вежливый женский голос. — Условия жизни в «засыхающей» Ветви не позволяют выжить живым существам биологических видов, в том числе и человеку. Даже уцелевшие осколки Мира не везде имеют благоприятный состав воздуха, необходимую интенсивность излучений и электромагнитных полей.

— Но мы... как бы это сказать... не видим никакой защиты, не ощущаем ничего...

— Вокруг каждого из вас создан так называемый темпор-кокон, определенный объем пространства с заданными свойствами, управляемый вами на уровне инстинкта, физиологических реакций, позволяющий дышать и отправлять естественные потребности. Объем можно сделать видимым, но это вовсе не обязательно.

— Нечто вроде скафандра, так сказать. Весьма предусмотрительно с вашей стороны. Благодарю. Каковы же запасы кокона? Как долго мы будем находиться под его защитой?

— Вблизи нашего парамоста — бесконечно долго, вдали — от месяца до нескольких часов, все зависит от нагрузки на кокон. Его энергетические возможности, к сожалению, ограниченны.

Еще раз поблагодарив инк-распорядителя трансгресса, Павел «сошел» на землю, успокаивающе кивнул Ясене, делавшей вид, что она никого и ничего не боится.

— Все в порядке, девочка. Можем идти на разведку.

Они спустились с холма в низину, обходя скопления высохшего кустарника, а может быть, и кладбище скелетов неведомых существ, поднялись на следующий холм. Снова спустились и поднялись и вскоре вышли к краю холмистой равнины, где начиналась испускающая необычный тусклый свет пленка купола. Дриммер в руке Павла придавал ему силы и уверенности, и он даже задумался над этим явлением: меч действительно внушал владельцу спокойствие и уверенность, но экспериментировать, изучать возможности дриммера, с которым Павел не имел дела в бытность свою грифом безопасности, хотя тот и был создан на Земле его Ветви, было недосуг.

При ближайшем рассмотрении стенка купола продолжала со-

здавать впечатление прозрачной слюдяной пленки, за которой ворочался густой золотистый туман. Павел тронул ее кончиком меча. Ничего не произошло. Лезвие с некоторым усилием пронизало пленку, как бы преодолевая сопротивление туманной Среды, и вышло обратно, не оставив следа. Чувствуя вздрагивание плеча Ясены, Павел коснулся пленки рукой, совершенно не представляя себе, как будет взаимодействовать с препятствием подаренный трансгрессом темпор-кокон.

Рука ощутила упруго-податливое сопротивление, прошла сквозь пленку, исчезая в тумане, словно он был настолько плотен, что не пропускал свет. Решившись, Павел шагнул в стену сам, потянув за собой девушку, и... оказался висящим в белесой светящейся пустоте, в светлой бездне без конца и края, заполненной не то паром, не то действительно плотным туманом, не позволяющим разглядеть спутника уже в метре от себя.

Ахнула повисшая рядом, одевшаяся в ореол золотисто-голубого свечения Ясена, хотя ощущений падения бездна не вызывала. Люди явно висели в тумане, ни на что видимое не опираясь, и тем не менее здесь не царила невесомость, тело привычно работало в прежнем режиме, низ был низом, верх — верхом. И лишь спустя еще какое-то время Павел сообразил, что это, вероятнее всего, действие защитного кокона, спасающего владельца от неприятных ощущений.

Он оглянулся.

Сзади постепенно исчезала в бездне странная кружевная тень, словно комок паутины, совершенно непохожий на тот мирок, из которого они выбрались в туман. Павел невольно сделал движение к нему, испытав вдруг страх навсегда остаться в этом белесом нигде без опоры под ногами. Потом пришла трезвая мысль: если бровей Мимо из племени Бродящих по Ветвям смог запросто посетить пузырь с кусочком уцелевшей местной природы, то путешествовать в этом мире «засыхающей» Ветви может, наверное, любой. Надо просто выяснить, как это делается.

— Держись, Ясена, — оглянулся Павел на спутницу, которая крутила головой во все стороны, но не паниковала и выглядела возбужденной и воинственной. Видимо, она воспринимала происходящее с ней как волшебный сон.

Девушка не ответила, из чего Павел сделал вывод, что их невидимые «скафандры» раций не имеют, а Среда, в которой они находятся, звук не проводит. Он попытался плыть в тумане, как в воде, сделав пару движений брассом, но из этого ничего не вышло, их положение не изменилось, разве что Ясена, руку которой он выпустил, превратилась в кружевную тень и стала отдаляться. Испугавшись по-настоящему потерять девушку, Павел рванулся к ней, оттолкнувшись изо всех сил от пустоты ногами,

достал рукой край кружевной тени и с облегчением перевел дух. Тень превратилась в Ясену, еще не успевшую ничего понять и испугаться. Подтянув ее к себе вплотную, так что они повисли, обнявшись, он проговорил:

— Надо чем-нибудь обвязаться, чтобы не потеряться в тумане. У тебя есть какая-нибудь веревка, шнурок?

На этот раз девушка услышала его. Их темпор-коконы, наверное, соединились и образовали общий кокон защиты.

— Есть запасная жилка для силков, но не длинная, локтя на четыре. — Девушка достала из кармана куртки тонкий кожаный ремешок. — Вот.

— Хватит.

Павел обвязал себе левую руку выше локтя, потом то же сделал спутнице, подергал — держит.

— Порядок. Ну а теперь попробуем летать в этой белой пустоте. Летал же бровей, да и хронорыцарь, которого ты видела.

Он приблизил к лицу меч и медленно, с нажимом, проговорил:

— Ищи большие тяготеющие массы!

Острие меча засветилось голубым льдистым светом, и тотчас же возникло ощущение движения, плавного скольжения, полета. Дриммер выполнял желание хозяина, хотя, как он это делает, понять было невозможно. В этом белом тумане, скрывающем неведомые бездны и глубины, все человеческие чувства отказывались служить человеку, и даже сенсорика паранорма ничего не давала Павлу, кроме ощущения с л е п о т ы и безнадежности. Мир «засыхающей» Ветви упрощался, распадался, сжимался, умирал, и эти ощущения были главными.

ГЛАВА 2

Они высадились на этот спокойный берег после трех неудачных попыток найти то, ради чего трансгресс высадил Павла в Метавселенной «засыхающей» Ветви времени, — Контрствол «хирургов».

Сначала дриммер привел их к самому настоящему астероиду — каменистому обломку горы размером с Фобос, спутник Марса. Ни воздуха, ни признаков жизни астероид не имел, весь утыканный острыми шипами и столбами скал, усеянный камнями и кратерами самых разных размеров. Некоторые из столбовидных скал угрюмого багрово-фиолетового цвета сильно смахивали на обелиски, сооруженные чьими-то руками, и возможно, так оно и было, однако ни один из них не подходил под определение «техническое сооружение типа здания хроноускорителя», и

Павел не стал обследовать эти скалы, несмотря на явный интерес Ясены к подобного рода мероприятиям.

Вторая попытка оказалась удачней. Дриммер вывел своих хозяев к пустырю, охватывающему часть мира с довольно приличной по площади пустыней и низменностью, бывшей когда-то дном моря. Полоса искрящейся соли явно указывала на береговую линию, а цвет низменности — буро-седой, с длинными зеленоватыми потеками — вызывал в памяти пересохший земной Арал или Мертвое море. Но самым потрясающим открытием для Павла, не говоря уже о Ясене, стала светящаяся золотом и серебром пустыня, представлявшая собой древнее поле битвы.

Застывшие исполины, принятые сначала Ждановым при взгляде издали за каменные глыбы, увязшие в песке, оказались останками погибших воинов, среди которых нашлись известные ему хронорыцари и шестилапы с головой змеи. Разве что размеры их раз в десять превышали размеры тех, с кем имел дело сам Павел.

От приподнятого края ограниченной куполом «неба» пустыни до полосы соли, бывшего берега моря, он насчитал около сотни полузасыпанных песком фигур, но лишь треть их принадлежала черным всадникам с их извечными противниками — шестилапыми обезьянозмеями, а также черепаховидным автоматам с гибкими розовыми усами и гофрированным, как резиновые шланги, шипастым червякам, остальные монстры были Павлу неизвестны. Стоя у одного из них, напоминающего металлическую сколопендру с полурасплавившимся брюхом, Павел внезапно понял, что масштаб войны, в которую были вовлечены люди вокруг здания хроноускорителя, гораздо больше, чем они себе представляют, и что, возможно, причина этой войны лежит не в запуске или выключении ускорителя времени, а совсем в другой плоскости, в плоскости интересов могущественных существ — «хронохирургов», Тех, Кто Следит, и других, о которых человек не имеет ни малейшего представления.

Озарение было неожиданным и заставило Павла переоценить свое отношение к происходящему. Он даже подумал: уж не внушил ли ему кто-нибудь эту мысль? Причем явно не Те, Кто Следит, потому что им ни к чему заронять сомнения в душу человека, союзника и воина, отстаивающего их интересы.

Павел огляделся в поисках того, кто мог бы послать не ощутимый сознанием, но воспринятый подсознанием телепатический импульс, никого не увидел, кроме сотни закованных в броню гигантов, торчащих из песка, ничего не почувствовал, кроме тревоги, восхищения и ужаса Ясены, и отложил анализ идеи на более подходящее время. Чувство тревоги передалось и ему, потому что кто-то шел по его следу и уверенно приближался.

Здесь, на поле боя, происшедшего в незапамятные времена,

они не задержались. Пейзаж после битвы действовал на обоих угнетающе. Было неважно, кто в конце концов победил в этой битве, главное, что все ее участники погибли, отдав жизни во имя целей, сформулированных не ими.

«Надо найти того, кто подсказал бы мне, каковы эти цели, — подумал Павел. — Кого-нибудь из независимых наблюдателей. Того же бровея Мимо, к примеру. Знает, поди, но ведь не скажет. Или скажет?.. Если хорошо попросить? Может быть, вся наша возня со «спасением Вселенной» не более чем игра? Правила которой разработаны не нами?..»

— Какое жуткое место! — прервала его размышления Ясена, огромные и круглые глаза которой говорили о ее чувствах больше, чем слова.

Павел мысленно согласился с ней. Место действительно было жутким, хотя апофеозом войны человеку служить не могло. Бились и умирали здесь не люди.

Покинув этот печальный угол местного космоса, Павел и Ясена долго молчали, продолжая неспешный, по их мерке, полет в тумане между каплями-осколками «засыхающей» Ветви времени. Каждый думал о своем, но у Ясены терпения было меньше, и она принялась рассказывать о своих переживаниях и о том, что видела в походах на земле предков, сравнивая те ужасы и эти. Потом примолкла и она. А вскоре дриммер притащил невольных путешественников к новому пузырю, осколку мира, заключенному то ли в кокон неведомого поля, то ли ограниченного законами «засыхания» Ветви; в свое время и Земля вместе с Солнечной системой была ограничена сферой свертки пространства, пока действия отряда Жданова не деблокировали ее и не поменяли закон свертки на закон «виртуального сна» Метагалактики, разрешающий подобное «сонное мигание».

Этот мирок был похож на скопище разбитых вдребезги витрин. По всему многокилометровому пространству (идеальная плоскость, напоминающая пористую белую кость) стояли ряды гигантских стометровых черных рам из неизвестного материала, а под рамами лежали груды толстого, в полметра толщиной, стекла! Так это выглядело издали, так это смотрелось и вблизи. Отыскались и виновники погрома: гигант-хронорыцарь и ежастопластинчатая тварь с многосуставчатыми лапами. Они сошлись здесь в ближнем бою, врукопашную, и погибли, не выпуская друг друга из объятий. Часть корпуса хронорыцаря и круп его коня-кентавра были искромсаны, буквально нашинкованы, как шинкуют капусту, а половина тела крабоежа превратилась в расплавленную металлическую лужу.

Смотреть на застывших навеки бойцов было неприятно, и Павел со спутницей поспешили удалиться из этого пузыря.

Вскоре они нашли небольшой мирок, смахивающий на приоткрытую раковину моллюска, и устроились на отдых. Длина «раковины» не превышала сотни метров, а толщина — метров двадцати. В полураскрытые створки благодаря рассеянному свету, льющемуся отовсюду, со всех сторон пузыря, в котором была заключена эта загадочная конструкция, виднелись какие-то отблескивающие перламутром вздутия, жилы, перепонки с отверстиями и центральное ядро, действительно похожее на гигантскую жемчужину. Желания исследовать объект ни у Павла, ни у Ясены не появилось, они просто присели на створке «раковины», созерцая пустой зеленоватый «небосвод» этого мирка, потягивая тоник из тубы, оставшейся у Павла в коробке НЗ.

Поразмышляв, он пришел к выводу, что не знает, в какой стороне искать пузырь с частью здешней природы, приспособленной «хронохирургами» для строительства Контрствола. Этой мыслью Павел и поделился с Ясеной, польстив тем самым ее самолюбию, как бы поставив девушку в равное положение.

— В таком мире я бы жить не захотела, — заявила она искренне. — Он весь пропитан скорбью. — Огорчилась. — А где искать ваш корстол, я не знаю.

— Контрствол.

— Ну, все равно. Может быть, он знает? — Девушка показала на меч, струившийся под рукой Павла, словно ручеек голубоватого пламени. — Меч-то волшебный.

— К сожалению, он тоже имеет пределы возможностей. И дриммер вовсе не меч. То есть я хочу сказать, что функции оружия — не главные в его программе. Он может стать любым предметом, свойства которого заложены в памяти программатора. Может выполнять много полезных работ, служить щитом, врачевателем, поваром, ремонтником, исследователем, анализатором, строителем... не помню, чем или кем еще.

— Почему же ты не прикажешь ему стать глазом, который видит сквозь туман?

Павел вздохнул.

— Я не знаю кода управления, или, говоря иначе, «слова власти». Он меня слышит, но повинуется лишь в пределах той формы и функции, которая введена сейчас в его программу.

— Так поговори с ним, — простодушно предложила Ясена. — Объясни, что нам нужно.

— Боюсь, не смогу объяснить. Хорошо еще, что он не отказывается служить проводником, иначе мы с тобой утонули бы в этом тумане и никогда не нашли дороги к таким вот уголкам. Кстати, совершенно не представляю, как дриммер ориентируется по гравитации. Я, например, абсолютно не могу здесь ориентироваться.

— Я тоже, — призналась девушка. — Как слепая и глухая. А что мы будем делать дальше?

— Трансгресс не зря высадил нас в этом мире. Наши друзья, пославшие нас сюда, ошибиться не могли. «Хирурги» строят Контрствол где-то здесь. Надо искать. Будем следовать за мечом от пузыря к пузырю, пока не наткнемся на тот, который нужен.

— А если нас заметят? Будем сражаться?

Павел внимательно посмотрел на слегка осунувшееся, милое, прекрасное девичье лицо.

— Если хочешь, вернемся к трансгрессу, и я попробую уговорить автоматику... э-э... демона трансгресса отправить тебя домой.

Ясена покраснела, гордо вскинула голову.

— Я никуда не пойду! И не надо считать меня слабой слизянкой, я воин и сама могу за себя постоять!

— Хорошо-хорошо, извини. — Павел успокаивающе вытянул вперед ладони. — Я не хотел тебя обидеть. Просто ты не должна была пускаться в этот поход, где опасности подстерегают нас на каждом шагу. Ну что, отдохнула? Идем дальше?

Девушка вскочила, привычным движением поправляя волосы, и Павел невольно залюбовался ее грацией и естественной свободой движений. Подумал вскользь, с долей сожаления и вины: если бы ты только понимала, девочка, в какой попала переплет!..

Они выступили в поход, связанные все тем же тонким ремешком. Прыгнули со створки «раковины» вниз, приблизились к пленке пузыря, охватывающего «раковину», продавили ее телами и оказались в таинственной светлой пустоте, создающей впечатление бездны. Конечно, туман этот никаким туманом не был, Павел это осознавал. Вокруг просто шел процесс «усыхания» континуума, преобразования пространства, который и воспринимался несовершенным аппаратом чувственного восприятия человека в виде тумана. Но легче от этого знания не становилось, ориентиров местный «туманный космос» никаких не имел. Лишь вплотную приблизившись к очередному осколку бывшего мира данной Ветви, окруженному сферой сжатия, точнее, сферой закона усыхания, можно было разглядеть некий сгусток, тень, похожую на медузу или на паутину.

Наткнувшись на очередную «медузу», Павел просунул в нее голову, уже не удивляясь, что так легко удается проникнуть внутрь мира, отвечающего библейским представлениям о Вселенной, и увидел дикое скопление камней самой причудливой формы, размеров и цвета, опутанных не то белыми водорослями, не то щупальцами гигантской каракатицы, плавающей рядом с каменной грудой. На Павла с непередаваемым выражением тос-

ки и боли глянули четыре огромных, выпуклых фасетчатых глаза с шестигранными ячейками.

Похолодев, он выдернул голову из пузыря, оттолкнул Ясену, готовую последовать за ним, отрицательно покачал головой. Не стоило высаживаться во владениях неведомой погибающей твари и выяснять ее принадлежность к врагам или друзьям.

Через час меч приволок своих пассажиров к новой волосатой тени, на этот раз скрывавшей в себе достаточно обширный осколок планеты с горами и равнинами, с извилистыми меандрами русел пересохших рек, с засохшими лесами и развалинами каких-то древних построек, замков и храмов. Возле одного такого замка, сложенного из зеленовато-сиреневых блоков и облицованного плитами из похожего на мрамор материала, торчали вполне современные металлические конструкции — антенны и мачты, стоял ангар, отблескивающий металлом, и рядом с ним зеркально бликующая двояковыпуклая линза, вызывающая в памяти ассоциации с летательным аппаратом.

На всех постройках лежала печать инородности и недоброжелательности, и Павел понял, что это, очевидно, одна из баз «хирургов». Высаживаться здесь не стоило, хотя у Жданова и мелькнула мысль воспользоваться чужим летательным аппаратом. Тем более что никого живого внизу у построек он не заметил.

Повернув голову, он встретил взгляд Ясены и невольно улыбнулся. Они с девушкой напоминали сейчас ангелов, разглядывающих землю, просунув головы сквозь хрустальный свод небес. Кивнул на строения у замка.

— Видишь?

— Вижу. Они... неприятные.

— Вот бы захватить ту блестящую штуковину возле мачты.

— Зачем?

— Судя по всему, это машина для преодоления пространств. Путешествовать в ней удобней, к тому же наши враги не сразу догадаются при встрече, что внутри их машины сидим мы.

— Тогда давай захватим.

Павел понаблюдал некоторое время за территорией базы, все больше убеждаясь в том, что она пуста, и наконец решился на ее штурм.

Они прыгнули вниз с двухсотметровой высоты «неба», поддерживаемые полями темпор-коконов, опустились по другую сторону замка и принялись осматриваться, внезапно осознавая, что замок имеет форму гигантской многолапой твари, наподобие той, которую Павел видел совсем недавно у груды камней.

— Святой Род, — прошептала Ясена. — Какая же нечисть здесь жила! Смотреть жутко!

Глядя снизу вверх на стены замка, копирующие форму кара-

катицы, Павел тоже подумал о его обитателях, затем краем глаза заметил какое-то движение сбоку и, не задумываясь, толкнул девушку под защиту рухнувших с крыши блоков. В стену, напротив того места, где они только что стояли, с резким визгом ударил огненный клубок, раздробив с десяток нижних блоков и плит и проделав в них глубокую многометровую нишу.

— Ты что?! — гневно выдохнула Ясена, не сразу сообразив, в чем дело.

— Я ошибся. Здесь нас либо ждали специально, либо оставили охрану, которая заметила наше приземление. Придется отступать. Следуй за мной и делай все, что скажу.

Павел высунулся из-за камня и тут же спрятался обратно. Следующий выстрел неведомого охранника пришелся на каменный блок и разнес его в щебень. Не дожидаясь повторной атаки, Павел втиснул Ясену в щель, расколовшую стену замка в давние времена, влез туда сам.

Щель была, скорее всего, следствием землетрясения. Поначалу узкая, она вскоре расширилась и, хотя неведомый враг продолжал обстрел — в спину Павлу с грохотом шибанула волна мелких камней, пыли и дыма, — не давая возможности уничтожить беглецов, вывела их в одно из помещений замка.

На ощупь в темноте двигаться не хотелось, поэтому Павел немного подождал, приводя организм в состояние паранормального видения, и лишь потом, разглядев комнату с какими-то незнакомыми предметами, двинулся к двери, придерживая Ясену за локоть. Однако та вдруг выдернула локоть и сказала, что хорошо видит в темноте. Вероятно, как многие россины, ее соплеменники, становившиеся впоследствии волхвами, девушка обладала экстрасенсорным восприятием.

Дверь, каменная, толстая, в узорах непонятных письмен, была заперта, и Павлу пришлось пробивать в ней выход мечом. Вырезав круг и вышибив его наружу, он выглянул в отверстие, увидел квадратный в сечении коридор, внутри которого мог свободно уместиться модуль серии «коракл», и выпрыгнул на его каменный потемневший пол. За ним выскользнула Ясена, и в ту же секунду в стену помещения с гулом и визгом ударил огненный вихрь. Преследователи не теряли времени даром и почти настигли беглецов.

— Бегом! — подтолкнул девушку в глубь коридора Павел. — Я их задержу и догоню тебя. — Встал за отверстием, вырезанным в двери, сжимая в руке меч.

Послышалось дробное цоканье многих ног, от которого завибрировал пол коридора, затем затрещала дверь, рассыпаясь грудой обломков от тяжкого удара, в проеме двери показалась кошмарная металлическая сколопендра, родственница той, что

ги) он рос в сторону здания, достигшего уже высоты двух с лишним километров. Никого живого вблизи работающего синтезатора не было видно, здесь работали автоматы, поэтому разведчики не спешили. За территорией узла следили видеокамеры, следовало миновать их с максимальной «нежностью».

Наконец сработали искатели электромагнитных импульсов, которые сопровождали работу камер, и Ждановы двинулись к фермам сложным зигзагом, обходя камеры. Фермы поддерживали гигантский чан, опутанный шлангами, излучающий в инфракрасном свете, словно огромный ковш с расплавленным металлом. Именно поэтому видеокамер вблизи него «санитары» ставить не стали.

Фермы пошли гуще, уперлись в частокол труб. За частоколом высилась стена из гофрированного металла, а за ней, всего в двух десятках шагов, начиналась циклопическая, черно-багровая, пупырчатая и чешуйчатая стена Контрствола.

— Перелезем? — коротко спросил Павел-второй.

— Попадем под видеокамеры.

— Аннигилятор?

— Сработает аппаратура энерголокации.

— В обход?

Вместо ответа Павел-первый достал дриммер и двумя взмахами снес две трубы, не позволяющие протиснуться в щели между ними.

— Прошу.

— Хорош ножичек! — хладнокровно отреагировал Павел-второй. — Честно говоря, я не верил твоим рассказам о возможностях меча.

За частоколом пролегал каменный желоб с пучком кабелей. Кабели вполне могли быть элементами контура, следящего за целостностью стен здания или за подходами к ним, но у разведчиков не было особого выбора. И они перепрыгнули желоб, отметив напор пульсирующей в кабелях энергии. Тем же манером Павел вырубил окно в гофрированном ограждении узла, вылез наружу. Показалось, что стена Контрствола встрепенулась и взглянула на него с подозрительностью и недовольством, но ощущение, скорее всего, было следствием психологического давления гигантского сооружения. Здесь, в непосредственной близости от него, ни видеокамер, ни постов охраны быть уже не могло. Охранять таким образом каждый метр периметра здания было нецелесообразно.

Разведчики оказались как бы в нише, образованной вогнутой частью стен и крышей из десятка толстенных шлангов, по которым наверх подавался строительный материал. Когда они гляну-

ли налево и направо, в коридор между стеной здания и оградой узла, у обоих мелькнула одна и та же мысль.

— Хорошо, что они не догадались пустить здесь собак, — сказал Павел-второй.

— Или кого помощней, — согласился первый. — Обезьяно-змеев, к примеру. Ну что, попробуем пробиться здесь?

— Попробуй, если только твой меч возьмет эту стену. Кстати, из чего он сделан? Как действует? Он же режет металл, как масло.

— То, что ты видишь — лезвие меча, — на самом деле глюонное поле, разрушающее межкварковые связи. Эффектор поля находится в рукояти, универсальной для всех преобразований поля.

— Ясно. О таком эффекторе я и мечтать не мог.

— Потому он так и называется — дриммер. Между прочим, мы не единственные существа, овладевшие кварковыми процессами. Хлысты-антенны «черепах», с которыми наверняка сталкивался и ты, вероятнее всего, тоже кваркглюонные преобразователи. А теперь отойди и прикрой меня сзади.

Павел взвесил в руке меч, глубоко вздохнул, подумав: «Ну, не подведи, братец!» — и сделал в стене первый разрез.

* * *

Внутреннее пространство Контрствола ничуть не напоминало интерьеры Ствола — хроноускорителя. Сооружение «хронохирургов» изнутри напоминало термитник, впрочем, снаружи тоже, если не принимать в расчеты его величину, и было оно до предела заполнено «термитами»: строителями, монтажниками, установщиками оборудования и настройщиками. Ждановы, проникнув на первый этаж здания, легко затерялись в бесконечных потоках «термитов», большинство которых составляли «дикобразы», основная рабочая сила «хирургов». Но встречались и люди, и существа, похожие на людей, как гориллоиды, и вовсе непохожие, целеустремленно делающие свое дело.

Чтобы не выделяться из общего фона, Ждановы нагрузили на себя какие-то контейнеры в форме ярко-желтых баранок и потащили их с этажа на этаж, приглядываясь к тому, что делают рабочие, запоминая расположение энергетических центров и аппаратных помещений, пытаясь составить генеральный план здания и уяснить замысел строителей.

Все коридоры «термитника» представляли собой одинаковые круглые трубы диаметром в пять-шесть метров и пересекались друг с другом множество раз, создавая на первый взгляд хаотический конгломерат ходов. Однако чем выше поднимались разведчики, обходя по спирали здание, тем больше убеждались, что все в этом колоссальном «термитнике» подчинено одному слож-

ному закону, в том числе и рисунок коридоров, сплетавшихся в одну удивительную гармоничную сеть вокруг оси здания. Осью же служила центральная шахта в оболочке из полупрозрачного зеленого материала, напоминающего бутылочное стекло. Очевидно, здесь и располагалось сердце Контрствола — стартовая камера хроностабилизатора, раздваивающаяся на высоте полутора километров на две башни.

Входов в шахту разведчики обнаружили множество, любая спираль коридора заканчивалась у ее стены, однако туда их не пропустили. Каждый вход охранялся двумя-тремя хмурыми молодцами из числа землян, соотечественников Ждановых, и киберами грозного вида, слегка напоминающими пауков-конкистадоров.

Остановились в темном закутке очередного перехода, соединявшего коридоры. Деления здания на этажи не существовало, также лестниц и лифтов. Вместо лифтов использовались бегущие дорожки вроде эскалаторов старинного метро. Коридоры наклонно поднимались вверх, закручиваясь вокруг центральной шахты спиралью, поэтому оценить уровень подъема было трудно, и все же разведчики примерно знали, на какой высоте находятся.

— Метров четыреста, — буркнул Павел-второй. — Мне кажется, пора возвращаться. План здания ясен, мы все записали на видео, Стас расшифрует и даст рекомендации, что тут надо уничтожать в первую очередь.

— Мы не выяснили главного, — не согласился Павел-первый. — Где расположен их центр управления?

— Может быть, его нет вовсе? Ведь наш Ствол не имеет единого центра управления. Где хочешь, там и подключайся к инксети, если знаешь коды и пароли связи.

— Ты забываешь, для кого строится Контрствол. «Хирурги» — разумная система типа «рой» или «стая»... или «грибница», по словам хронорыцаря, вот почему здание похоже на термитник: оно приспособлено для нужд хозяев. Когда строительство закончится, здесь поселится семья «хирургов», которая должна управляться из единого центра — маткой. Земные муравейники, термитники и пчелиные рои управляются именно так.

— Но то з е м н ы е рои. Почему «хирурги» должны копировать организацию земных биологических систем? Если они владеют пси-связью, центр им не нужен. Где бы они ни находились, центр — везде и нигде.

— Это твои домыслы.

— А рассуждения о поселении здесь семьи «хирургов» не домыслы? На кой фиг им селиться здесь, в «засыхающей» Ветви?

— Не ворчи, я просто думаю... вслух. Мне почему-то кажется,

что «хирурги» очень похожи на наших насекомых, да и на людей тоже. Вполне возможно, что они — наши предки, потому и вовлекли так легко потомков в свои игры.

— Жданов, я тебе уже говорил, что ты гений?

— Я и без тебя знаю, — скромно ответил Павел-первый. — Ну что, будем искать центр?

— Давай попытаемся подняться выше, под самую крышу башни. Не найдем ничего, вернемся.

Они проверили, не наблюдает ли кто-нибудь за двумя «отдыхающими дикобразами», и выбрались в коридор. По переходу прошли дальше, к тоннелю, который представлял собой нечто вроде движущейся вверх ленты транспортера, встали на нее рядом с молчаливыми «дикобразами». Но лучше бы они этого не делали. Эти «дикобразы» не принадлежали ни к касте рабочих, ни к касте охранников, они явно были рангом выше и недаром носили на шее какие-то золотые шарфы, спускающиеся на грудь и спину. Один из них оглядел «строителей» с баранками контейнеров на плечах и вдруг оскалился, показывая острые, в три ряда, зубы.

Собственно, это был не оскал, не выражение угрозы, просто своеобразная мимика существ, но что она означала, Павел-первый, стоящий рядом, не понял. Лишь когда «дикобраз» повторил оскал, Ждановы сообразили, что тот задал им какой-то вопрос на своем языке.

Отвечать надо было быстро, и Павел заставил свою имитацию под «дикобраза» оскалиться в ответ. А затем, когда лента приблизилась к отверстию очередного перехода, Ждановы ловко нырнули в него и затерялись в темноте.

— Что ему было надо, уроду, хотел бы я знать, — проворчал Павел-первый. — Видал, какие у него зубы? Запросто руку отхватит.

— Он, вероятно, хотел выяснить, чьи мы родственники, — ответил в том же тоне Павел-второй. — Не нравится мне это. Предлагаю вернуться. Эти золотошарфовые вполне могут психануть и поднять тревогу.

— Мы уже поднялись выше километра, до вершины осталось чуть меньше. Я не думаю, что охрана начнет нас искать в здании, скорее будет ждать на выходе. А уж там мы сообразим, что делать.

— Тогда давай бросим здесь эти баранки, может быть, именно они и заставили обратить на нас внимание, и держи наготове «слон». Нам повезло, что пси-спектры «дикобразов» близки к нашим и они реагируют на излучение.

Разведчики нашли другой транспортный тоннель с бегущей вверх дорожкой и вскоре вышли в кольцевой коридорчик, опоясывающий круглую площадку с огромным стекловидным «ана-

насом», нацеленным вершиной в конус крыши. Здесь одна из башен Контрствола заканчивалась. «Ананас» же мог быть чем угодно: реактором, излучателем, антенной, эффектором хронополя или центром управления, — все равно выяснить его назначение не представлялось возможным. Охранялся он по крайней мере батальоном «дикобразов» и людей плюс к этому киберсистемами, самой безобидной из которых была черепаха с розовыми антеннами. Кроме того, по площадке неторопливо бродили обезьянозмеи восьмиметрового роста и гигантские пауки вполне живого вида.

Ждановы сделали круг, разглядывая «ананас» и его защитников, записывая на видео все детали интерьера, и собирались уже убираться обратно по нисходящему транспортеру, когда из отверстия, коими была усеяна кольцевая стена вокруг центрального строения, вдруг вывернулся знакомый золотошарфовый «дикобраз». Увидев разведчиков, он что-то завизжал, указывая на них когтистой лапой, и началось то, к чему они в общем-то были готовы, но чего надеялись избежать.

Павел-первый выстрелил из гипноизлучателя в «дикобраза», заставив его замолчать, а Павел-второй накрыл лучом «слона» ближайшую группу охранников, на некоторое время лишив их способности соображать. Затем Павел-первый включил спецпрограмму динго, создавшую двух не отличимых от настоящих двойников «дикобразов» и заставившую видеопризраков ринуться сквозь толпу, в то время как зачинщики конфликта тихо отступили в другую сторону.

Маневр удался.

Охрана приняла бегущих двойников за реальных «дикобразов», на которых обратил внимание их начальник, и потратила несколько драгоценных минут на выяснение их личности. Когда всем стало понятно, что мечущиеся по площадке «дикобразы» — просто голографические структуры, разведчики были уже двумя сотнями метров ниже.

Конечно, они понимали, что поднявшаяся тревога — худшее из всего, что можно было ожидать, но, с другой стороны, никто, по сути, не разглядел, кто они на самом деле и куда скрылись. Несколько минут на анализ «санитарами» ситуации у разведчиков в запасе были, к тому же они сразу же после бегства изменили облик, превратившись в землян в блестящих комбинезонах, неотличимых от других строителей внутри здания.

Транспортер, мчавший их вниз, остановился, когда до первого этажа оставалось около четырехсот метров. «Санитары» догадались отключить энергию.

Еще около сотни метров Ждановы преодолели, используя сверхскоростной темп, вихрем проносясь мимо цепочек строите-

лей, тупо ждущих в трубах, когда включат движение. Потом произошло несколько столкновений с рабочими и охранниками, в результате чего поднялся нарастающий шум, и погоня снежным комом нависла над бегущими, грозя догнать и смять в лепешку.

Естественно, им приготовили встречу, и не одну. Спешно сформированные отряды перехвата перекрыли несколько нижних горизонтов, и тогда пришло время использовать заранее приготовленный вариант отступления.

Уничтожив первый заслон — пару «черепах» и с десяток охранников — с помощью аннигиляторов и дриммера, разведчики свернули в переход между тоннелями, соорудили из тел мертвых «дикобразов» засаду, снабдили их аннигиляторами и перемахнули в другой переход, повыше. Подождали, пока мимо пронесется группа погони, и включили автоматическую стрельбу.

«Дикобразы» с аннигиляторами послушно открыли огонь, отвлекая на себя ответный огонь.

— У нас минут пять, не больше, — быстро произнес Павел-второй, дыша носом совершенно бесшумно, словно не бежал сломя голову несколько километров по закручивающимся спиралью коридорам чужого здания.

— Успеем, — ответил Павел-первый, вынимая меч.

Внешнюю стену он прорубил за полминуты.

Еще минута ушла на оценку ситуации снаружи; было видно, как сбегаются к зданию Контрствола люди и съезжаются разного рода машины. Со стороны дублей стена здания отверстий не имела и выходила прямо на котлован с каким-то булькающим варевом. С этой стороны за стеной никто не следил.

Минута понадобилась разведчикам на крепление блоков и подготовку спуска с трехсотметровой высоты. Затем они одновременно перекрестились и прыгнули вниз. Автоматические болинги засвистели по натянувшимся тросикам, опуская «альпинистов» к подножию рукотворной горы.

Отстегнув альпкомплекты, Ждановы обежали котлован, вырубили замешкавшегося водителя цистерны, заливающей в котлован маслянисто-черную жидкость, вскочили в кабину и погнали машину, не тратя времени на отсоединение шланга. Жидкость из шланга продолжала хлестать, и за машиной потянулась смолистая пузырящаяся дорожка.

Их заметили, когда цистерна с визгом и воем сбила вышку внешнего охранения, прорвала проволочный периметр и устремилась по каменистой равнине к полузасыпанной колонне Ствола.

Сначала на цистерну коршуном кинулся патрульный аппарат в форме кинжала; его сбил из аннигилятора Павел-второй. Затем спикировал гигантский крест с шестью куполами кабин по торцам. Его тоже удалось сбить, но автоматика аппарата успела от-

крыть огонь, и тогда стало ясно, что за жидкость выливалась из цистерны.

Вспыхнув, загорелся черный хвост за машиной, волна пламени догнала ее, и та взорвалась, выбросив из пылающего чрева водителя и пассажира.

Рассчитанные на случаи, подобные этому, спецкостюмы спасли своих хозяев. Однако прошло время, пока разведчики пришли в себя и обнаружили, что окружены со всех сторон. С десяток наземных машин, похожих на броневики времен Первой мировой войны, подползали к ним, угрожающе пошевеливая дулами излучателей. Два крестообразных аппарата зависли сверху. И около сотни чернотелых «дикобразов» растягивались в цепь, отрезая беглецов от Ствола.

— Безнадега? — подал голос Павел-второй.

— Полнейшая, — ответил Павел-первый.

Вскочив, они включили сверхскорость, максимально ускоряя реакции организма, переходя в полубессознательное состояние, открыли огонь и бросились на прорыв.

ГЛАВА 8

Как потом выяснилось, прорваться им удалось благодаря Ясене. Сам Стас, показывающий девушке подступы к зловещему двуглавому зданию «хирургов», даже став свидетелем разыгравшейся драмы, вряд ли решился бы на какой-нибудь самостоятельный шаг. Да и средств для оказания помощи разведчикам у него практически не было.

Однако под натиском Ясены — угрозы «разнести его обитель в клочья», слезные мольбы о помощи, гневные презрительные отзывы о Стасе в частности и «плохих богах» вообще, снова слезы и неподдельное отчаяние — инк Ствола колебался недолго и сделал весьма опасный ход — открыл хрономембрану, за которой уже давно на визит к нему напрашивались не знавшие пароля гости, абсолютно не представляя при этом, кто из нее выйдет, но надеясь на лучшее.

Уже через несколько секунд в зону высадился отряд Ивашуры, и Ясена, узнав старого знакомого, завизжала от радости и бросилась Игорю Васильевичу на грудь. Женщины, Тая и особенно Вероника, с интересом наблюдали эту сцену, но Ясена, обнаружив Таю, с таким же чувством подбежала к ней и тоже обняла. А затем, захлебываясь словами, попыталась рассказать, что происходит.

Ивашура, Белый, Полуянов и Костров, понявшие из ее речи только, что Павел в опасности, уединились на несколько секунд

со Стасом, выяснили, в чем дело, вооружились из местных запасов и принялись действовать, не теряя ни мгновения.

Уже через считаные минуты по коридору, контролируемому инком, они выбрались из Ствола и ударили в спину не ожидавшим атаки «санитарам» почти одновременно с отчаянной атакой Ждановых.

Бой был коротким. Против «глюков», которыми были вооружены Белый и Полуянов, а также аннигиляторов и «универсалов» — защиты у слуг «хирургов» не было. Буквально за секунды они потеряли всю технику, летающую и бегающую, а также три четверти отряда, окружившего разведчиков. Потери в живой силе были столь ошеломляющими, что запаниковали даже спешащие на помощь своим «дикобразы». Они в нерешительности остановились в полукилометре от поля боя, и неуверенность их дала возможность беглецам и пришедшим на помощь друзьям беспрепятственно добраться до Ствола и укрыться в нем до того, как «санитары» опомнились и начали преследование.

Накрыть Ствол залпом из своих орудий, уничтожить его они могли, но тогда терял смысл сооружаемый ими Контрствол, который, по мысли «хронохирургов», должен был войти в резонанс со «струной» хроношахты и нейтрализовать ее, превратить в воспоминание, разрушить созданную Стволом связь Ветвей. А для этого Ствол должен был работать. И погоня, дойдя до стен Ствола, вынуждена была задержаться.

Конечно, «санитары» обыскали здание сверху донизу в поисках схрона неведомых диверсантов и их помощников, но заблокированную Стасом рабочую зону с действующей хрономембраной обнаружить не смогли.

Рассказ обоих Ждановых длился более часа.

Слушали его все, почти не перебивая. Спутники Ивашуры, кроме Белого и Полуянова, да и он сам, были ошарашены встречей с двумя Павлами и пришли в себя не скоро.

Закончил повествование Павел-первый, логично, с его точки зрения, объяснив появление второго Жданова. Гриша Белый, уже переживший такую же ситуацию со встречей дубля, кивнул сам себе. Он вполне понимал состояние приятеля. Полуянов тоже не стал оспаривать и комментировать концепцию Павла, хотя кое-какие сомнения у него остались.

— Итак, по-вашему, все мы заложники Игры «хронохирургов» с Теми, Кто Следит, — резюмировал Ивашура, в принципе подготовленный всем ходом событий к тому, что услышал. — Но ведь прямых доказательств этому нет?

— Они есть, только мы их не видим, — возразил Павел-пер-

вый. — Существует множество необычных фактов, которые можно связать по-разному, и я это понимаю. Но мое предположение объясняет в с е! Или почти все.

— Могу кое-что добавить, — вмешался Белый. — Я успел пообщаться с нашими учеными, в частности со Златковым, а также с Ромашиным. Вот кто, скажу я вам, голова! Он не только расколол Златкова, который стал «санитаром» не по своей воле, но и выстроил логичную версию происходящего.

— Хотел бы я с ним побеседовать.

— Он тяжело ранен, дай Бог, чтобы выжил. Но его идея мне импонирует. Где-то глубоко «внизу», у корней Древа Времен, обитают существа, власть которых почти безгранична. Это «хронохирурги». Но спустя неизмеримое количество лет родилась цивилизация, ставшая такой же могущественной. Это Те, Кто Следит. И в какой-то момент их интересы пересеклись. Так начался конфликт, в котором оказались замешаны мы, люди, живущие во многих Ветвях-Метавселенных.

— Может быть, Ромашин прав, — пожал плечами Павел-первый. — Но я почему-то уверен, что и я недалек от истины. Конфликт двух Игроков такого класса, по сути Творцов Вселенных, для них всего лишь Игра. Для нас же это — война, в которой мы участвуем, боремся за право существовать.

— Чума на оба их дома! — буркнул Костров, припомнив Шекспира. — Все эти ваши философские построения гроша ломаного не стоят, потому что мы уже влезли по уши в этот конфликт и продолжаем увязать. Лучше скажите, что делать в сложившейся ситуации? Скоро «хирурги» пойдут на штурм Ствола всеми силами и выковырнут нас отсюда, словно изюмину из булки.

— Будем драться, — проронил Белый безмятежно. — Лично я не хочу сдаваться на милость «санитаров». А что касается целей тех, на чьей мы стороне, так это пусть у них голова болит. Если удастся уйти отсюда живыми, я больше не играю в их игры.

— Даже если действия Игроков будут угрожать существованию вашей Ветви? — слабо улыбнулся Ивашура.

Григорий задумался и думал так долго, что, не дождавшись ответа, Игорь Васильевич обратился сразу ко всем членам отряда:

— Надо выработать стратегию поведения по отношению к нашим гипотетическим друзьям, Тем, Кто Следит. Участвовать в освободительной войне — почетно, участвовать в Игре в качестве пешек — унизительно.

— Игорь, ты не учитываешь одно обстоятельство, — впервые заговорила Вероника. — И в том и в другом случае мы сражаемся з а с е б я! Не за Тех, Кто Следит. И за них тоже, конечно, но больше за себя. Отказаться от участия в Игре под предлогом унизительного отношения к нам — значит отказаться от борьбы за

жизнь. Может, попробовать стать вровень с Игроками? Доказать, что и мы тоже кое-чего стоим? Что мы не пешки, наконец, а фигуры посерьезней?

В комнате отдыха, организованной Стасом, установилась хрупкая тишина. Потом Павел-второй глянул на первого и мрачно изрек:

— Жданов, я тебя переоценивал. Ты не гений.

— Я тоже засомневался, ты знаешь.

— Эта женщина подала совет, которому нет цены! Друзья, что, если нам спуститься по Стволу «вниз», к корням Древа Времен, и поискать самих «хирургов»? Объясниться? Или подняться «вверх», в крону Древа, где обитают Те, Кто Следит.

— Паша, ты сошел с ума, — пробормотал Полуянов. — Если спуститься нам еще под силу, то контакт с «хирургами» — за пределами наших возможностей. В их власти ворочать Метавселенными...

— А вот тут ты ошибаешься, — живо возразил Павел-первый. — Если бы в их власти было ворочать вселенными, они не прибегали бы к помощи «пешек». Да, они Игроки высокого класса, но и наш потенциал никто не мерил.

— И все же это безумие!

— Как это сделать — другой вопрос. Давайте поищем трансгресс, его выход здесь есть, в одном из еще живых пузырей местного пространства. Можно воспользоваться и Стволом.

— Вряд ли это нам что-нибудь даст. Во-первых, мы упремся в начало той самой Ветви, которая дала толчок развитию наших Метавселенных. Во-вторых, во всех узлах выхода нас наверняка ждут «санитары». А экипированы мы гораздо хуже, чем в первый раз, «големов» у нас нет.

Снова по комнате разлилось молчание. Прервала его Ясена:

— А если воспользоваться перемещателем бровея?

Мужчины глянули на нее непонимающе, а кое-кто оценивающе, и зардевшаяся девушка вынуждена была спрятаться за спину Павла-первого.

— Что за перемещатель? — поднял брови Ивашура.

— Что еще за бровей? — эхом отозвался Костров.

Павел коротко рассказал всем присутствующим историю своего знакомства с бродягой по Ветвям, присовокупив догадку:

— Больше всего в этом контакте меня смущает абсолютно независимое поведение бродяги и точность его появления в нужном месте. Он меня не просто вычислил, он просто знал, где я появлюсь. А это уже уровень не какого-нибудь бродяги, туриста, странника, это уровень повыше, может быть, и самого Игрока.

— Интересное предположение, — скептически поджал губы Полуянов. — Еще один Игрок? Не много ли их развелось?

— Пусть не Игрок, пусть другое действующее лицо, судья, к примеру. Чем не идея? Или наблюдатель, болельщик, скажем. Между прочим, меня он почему-то упорно называл исполнителем.

Полуянов почесал затылок, потом развел руками:

— Спорить не буду, идея интересная.

Засмеялся Костров:

— Ничего себе ты с ним обошелся, Паша! Он прилетел с намерением словить кайф, поболеть за свою команду, а ты ему меч в пузо: двигай, паря, куда говорят, не то кишки выну!

Засмеялись и остальные, оживились женщины, но всех остудил Стас:

— Дорогие гости, к сожалению, шутить некогда, пора браться за дело всерьез. Я ощущаю поток внимания. Нас ищут по всему Стволу, и время поисков стремительно сокращается. В нашем распоряжении всего полтора-два часа.

Замолчав, все посмотрели на Ивашуру. Он олицетворял здесь власть, которая все знает и видит и всегда может найти выход из кризиса. Игорь Васильевич улыбнулся в душе, с иронией и грустью. Он был всего-навсего человек, способный ошибаться, хотя и умеющий кое-что. Например, организовывать людей.

— Неплохо было бы отыскать вашего бровея Мимо — кстати, имечко он себе придумал двусмысленное — и приказать ему предоставить в наше распоряжение свой перемещатель. Однако вряд ли подобное насилие удастся еще раз, особенно если он болельщик, и, что важно, того же класса, что и наши Игроки. А во-вторых, мы просто не в состоянии его найти. Остаются два пути. Первый: поискать трансгресс и нырнуть «на дно» мира с его помощью. Второй путь: воспользоваться уцелевшей хрономембраной Ствола.

— План не идеален, — покачал головой Павел-второй. — Ни тот, ни другой. Но иного нет и не будет. Я бы, правда, кое-что к нему добавил. Перед нашим уходом следовало бы нанести удар по Контрстволу изо всех видов оружия, дабы заставить «хирургов» потратить какое-то время на восстановление разрушенного. Это и будет нашим резервом. Иначе они успеют достроить и запустить свой хронобур. Кто знает, что произойдет после этого.

— Неизвестно, исчезнет ли наша Ветвь, — добавил негромко Павел-первый, чувствуя затылком дыхание Ясены. — Но мир, все Древо Времен, наверняка изменится. К лучшему или к худшему, не могу сказать, однако родину мы потеряем.

— Погонщики правят слонами... — пробормотал Костров.

— Что? При чем тут погонщики?

— Это строчка из стихотворения. «Верблюды танцуют под нами, погонщики правят слонами, и змей усмиряет колдун...» Ну

и так далее. Я хотел сказать, что очень неуютно быть слоном, зная, что существуют погонщики.

— Красиво говоришь, Иван, — восхитился Григорий Белый.

Никто не улыбнулся на шутку.

— Итак, решаем. — Ивашура оглядел построжавшие лица сподвижников. — Мы снова — десант. Это раз. Сейчас готовим удар по Контрстволу. Это два. Затем сматываемся отсюда, ищем трансгресс и катапультируемся к началу Времен. Это три. Ну а что будет потом, решим на месте. В сущности, останется пустяк: найти Ветвь «хирургов», отыскать их самих и договориться.

Ответом Ивашуре было согласие в глазах десантников. Они знали, на что шли, но верили в благополучный исход операции. Игроки сами по себе их интересовали мало, для всех важнее была оценка их собственных действий товарищами, родными и близкими, любимыми, наконец.

Часть V

И ЗМЕЙ УСМИРЯЕТ КОЛДУН...

ГЛАВА 1

Большинство захваченных «санитаров» погибло, не выдержав давления на психику программ самоуничтожения. Медики Управления смогли спасти жизнь только восьми человек.

Служба безопасности снова установила полный контроль над полуразрушенным зданием хроноускорителя.

Был выявлен еще один функционер «хирургов», занимавший пост вице-премьера по науке и технике в объединенном правительстве континента. Он сопротивлялся яростно, ранил нескольких оперативников, но был захвачен и в бессознательном состоянии доставлен в клинику УАСС. Шанс, что он заговорит, существовал.

Из Ствола вышли в целости и сохранности хроноинженер Игорь Марич и гриф безопасности Григорий Белый.

Златков выздоровел и приступил к исполнению обязанностей начальника исследовательской бригады Центра по ликвидации последствий. В отличие от всех эмиссаров, запрограммированных «хирургами», вернее, их помощниками, он сумел подавить программу и выжить.

Началось восстановление здания лаборатории времени, оборудованного теперь более современными системами безопасно-

ти. Хроноускоритель, практически переставший быть изделием рук человеческих, превратившийся в удивительный конгломерат пространств с разными физическими свойствами, был окружен новыми, более мощными установками хронооптимизации и поглотителями всех видов энергии. Стал ли он меньше угрожать природе Земли и всему космосу новыми катаклизмами, никто не знал, но у обывателей на душе полегчало. Люди — удивительные существа, зачастую им достаточно иллюзии безопасности.

И наконец, место Ореста Шахова в ВКС занял директор Евразийского филиала Управления аварийно-спасательной службы Ив Костров.

Все эти сведения выздоравливающий Ромашин выудил у инка Управления, соединившись с ним по своей личной консорт-линии. Больного оберегали от излишних волнений и информацию цедили скупо, особенно первые две недели после его схватки с Десаи. Единственным допущенным к отравленному комиссару был его телохранитель Харлам Саковец.

Однако своевременная медицинская помощь и забота врачей, а также мощный организм Ромашина в конце концов одолели недуг, и уже через две с половиной недели комиссар начал ходить, общаться с родными и близкими, все еще не вполне осознающими, что он остался жив. А однажды утром, после стандартных реабилитационных процедур, к нему неожиданно заявился Атанас Златков, как всегда рассеянно-флегматичный, имеющий вид засыпающего на ходу или, наоборот, еще не окончательно проснувшегося. Лишь немногие люди, в их числе и комиссар, знали, какой силой воли и внутренней дисциплиной обладает этот человек.

Преодолев неловкость, возникшую от некоторой растерянности, Ромашин предложил ученому посидеть за чашкой кофе, и они поднялись в солярий медцентра, опекаемые невидимой обоймой телохранителей и бригадой врачей. Хотя после успешной операции «Мангуст» непосредственная опасность жизни комиссара не угрожала, Харлам Саковец продолжал исполнять свои обязанности, которые с него еще никто не снял.

Домовой, смешной гном с подносом, принес кофе, тосты, сахар, сливки, гость и пациент клиники уселись в удобные шезлонги и стали неторопливо пить кофе, разглядывая с высоты ста с лишним метров панораму русской равнины с невысокими холмами, лесами, лугами и долами, с извилистой петлей реки. Утро было солнечным, нежарким, природа дышала покоем и умиротворением, но взгляд Игната невольно ловил на этом фоне белую колонну Ствола, и настроение его из элегического превратилось в деловое.

— Как вы себя чувствуете, Атанас? — заговорил Ромашин. —

Мы теперь вроде бы как оба битые «хирургами», так что цену жизни знаем.

— За одного битого двух небитых дают. — Сквозь флегму в глазах Златкова на миг проступил пронзительный огонь глубокого знания. И холодная тень печали.

— Ну, за вас я бы дал не двух, а пару сотен небитых, — улыбнулся Ромашин. — Чувствую, не за тем вы пришли, чтобы справиться о моем здоровье?

— Да и вас мое интересует мало, — огрызнулся Златков.

Они оценивающе глянули друг на друга. Каждый вполне понимал чувства собеседника.

— Что-нибудь случилось? — спросил наконец Ромашин. — Мы что-то упустили из виду? «Санитаров» переловили, взрывные устройства обезвредили, но победу торжествовать рано?

— Вы же сами знаете, что о победе говорить не приходится. Победителей в этой Игре, в которую мы ввязались, быть не может.

— Позволю себе возразить. Если брать масштабы Древа Времен, то есть Большой Вселенной, то да, согласен, на этом уровне победитель не выявляется. Что же касается уровня пониже, масштабов Ветви времени, то тут, безусловно, победитель должен быть. Победим мы — выживем, не победим...

— Извините, я действительно мыслил категориями Абсолюта, — нехотя отступил Златков. — В последнее время... м-да... — Он замолчал, пожевал губами. — Со временем еще разбираться и разбираться. Но это отдельная тема. Я же сейчас увлекся проблемами иной глубины — исследованиями свойств тел седьмой степени, законов невозможных состояний и тому подобными вещами.

Ромашин заинтересованно глянул на обманчиво сонное лицо ученого, покачал головой.

— С удовольствием побеседовал бы с вами на эти темы, но, увы, некомпетентен. К стыду своему, я не знаю даже, что такое тело седьмой степени.

— Это термин из области непарадоксальной метрики вероятностных вселенных. Телом первой степени в ней является точка, второй — линия, третьей — поверхность... и так далее.

— Четвертой, соответственно, пространственная фигура трех измерений. А тела пятой, шестой и седьмой степени?

— Тело пятой степени — время. — Златков несколько оживился, хотя было видно, что думает он сразу о многих вещах, а не только о предмете разговора. — Ну, или, иными словами, это существование во времени тела как пространственной фигуры. Шестая степень — вечность, а точнее — существование самого времени.

— Что же тогда тело седьмой степени? Существование вечности?

— У тела седьмой степени нет названия, это символ, абсолют. Но меня весьма увлекла принципиальная непознаваемость этого «объекта». Кстати, древние индийцы догадывались о подобных вещах. Помните тексты Атхарвавед? Термин Махакала?[1] Так вот их Махакала и есть тело седьмой степени.

Ромашин задумался, машинально допивая кофе. Златков отставил чашку, откинулся в шезлонге, закинул ногу за ногу и обхватил колено длинными нервными пальцами.

— Кажется, я вас понимаю, — заговорил комиссар. — Чисто в эмоциональном плане. Любые проблемы добавляют интереса к жизни, а подобного рода... — он пошевелил пальцами, — это как перец в пище для любителей острого. И все же не могли бы вы привести наглядный пример?

— Пример чего?

— Приложения теории к реальному положению вещей.

— Пожалуйста. Одним из следствий этой теории является лемма, что все наше трехмерное пространство есть лишь мгновение во времени.

Ромашин хмыкнул:

— Простите, не улавливаю.

— И не надо, — покривил губы Златков. — Специфика науки в том и состоит, что ее мало кто понимает, даже сами профессионалы-разработчики.

У Ромашина дрогнули губы, но он сдержал улыбку.

— Где-то я прочитал очень точную поэтическую оценку Эйнштейна. «Перед Эйнштейна мудростью и скрипкой почтенно головы склоним, хотя понятен он всего двоим: себе и временами — Богу».

Златков как бы очнулся, с удивлением обнаружив себя сидящим в шезлонге напротив комиссара, стал суховато-деловым и энергичным.

— Игнат, я многое передумал, пока выздоравливал. Лежачий образ жизни, знаете ли, способствует размышлениям. И я вдруг понял одну простую вещь. Наш Ствол, по сути своей, стал КЗ! «Коротким замыканием» Вселенной. Его воздействие на Древо Времен вовсе не безобидно, это ЧП вселенского масштаба! Ибо он изменил в с е Ветви, которые пересек и соединил. Наша Ме-

---

[1] Махакала — буквально Великое Время. Согласно представлениям Атхарваведы Время, которым (или в котором) создается вселенная, в конце цикла бытия превращается в грозное пламя, уничтожающее вселенную в ходе светопреставления. Но когда «огонь Времени» (кала-агни) затухает, Время «пожирает само себя» и превращается в Махакалу — трансцендентное, абсолютное «Время над Временем», Вечность.

тавселенная едва не свернулась, и последствия обратной временной волны еще долго будут сказываться на ее развитии. Во всяком случае, все звезды видимой области Метагалактики изменили спектры излучений. Даже Солнце, хотя и не столь заметно.

Ромашин остался спокойно-задумчивым.

— Допустим. Что из этого следует?

— Ствол надо уничтожить!

Комиссар с изумлением вгляделся в сосредоточенное лицо гостя.

— Вы с ума сошли! Именно этого и хотели добиться «хронохирурги».

— А кто нам доказал, что они не правы? — тихо проговорил Златков.

У Ромашина мелькнула мысль, что ученый запрограммирован глубже, чем они до сих пор представляли, и вся его «волевая борьба с программой» на самом деле — хитрый запрограммированный ход «хирургов».

— Те, Кто Следит...

— Они не доказывали. Они просто советовали, что надо делать, по их мнению, а мы слепо следовали этим советам.

— Вы дьявол, Атанас! Вы все время напрягаете меня и заставляете менять точку зрения. Я даже начинаю сомневаться, что вы на нашей стороне.

— На вашей, — улыбнулся Златков. — Да и на дьявола я похож мало. Дьявол тот, кто затеял все это со Стволом.

— Вы имеете в виду «хронохирургов»?

— Я имею в виду того, кто подставил их и Тех, Кто Следит в комбинацию Игры. Я считаю, что «хирурги» и Те, Кто Следит — не основные Игроки, хотя и гораздо более серьезные фигуры, чем мы с вами. И наконец, я полагаю, что Тирувилеиядаль ведется на всех уровнях Мироздания, во всех Ветвях Древа Времен, где мы занимаем, может быть, самый низкий уровень.

— Что такое Тирувилеиядаль?

— В переводе с тамильского — священная игра. Нам просто внушили, что мы чуть ли не самые главные в этой борьбе за жизнь, на самом же деле все не так. Кто-то меняет стратегию, тактику, условия, константы, законы, наконец, а мы лишь можем догадываться об этом, принимая смену принципов Игры за проявление законов природы.

Златков утомился и замолчал. Молчал и Ромашин, взвешивая откровения ученого и почти веря им.

Прилетел ворон, важно походил по балюстраде солярия, поглядывая то на людей, то на трапезный столик, каркнул осуждающе и сорвался вниз. Налетевший теплый ветерок взъерошил

чуб Ромашина и седую шевелюру Златкова, принес запахи цветов с луга.

— Что же вы предлагаете делать? — очнулся комиссар.

— А ничего, — сказал ученый. — Сражаясь за частные истины, за одну из сторон, мы ничего не докажем и ничего не приобретем. Кроме разве что жизни.

— Но это немало, не так ли? Разве мы, люди, не имеем права жить? Да и как еще иначе мы заставим кого-то уважать нас?

— Прежде надо научиться уважать себя самих, — проворчал Златков. — Это намного важнее... и труднее.

— Хорошо, меня вы уговорили. Что посоветуете нам делать в сложившейся ситуации? Уничтожить Ствол?

— Хроноускоритель — частность. Хотя если его нейтрализовать, может произойти обратный фазовый переход Древа в изначальное состояние. Я не просчитывал этот вариант. Речь же веду о другом. Надо собрать всех исполнителей воли «хирургов» и Тех, Кто Следит и вывести их из Игры. Игроки без фигур — не игроки, короли без пешек — не короли. Игра может закончиться ничьей... — Златков задумался, стекленея взглядом. — Хотя, конечно, в воле Игроков набрать фигуры другого плана и начать снова. Однако лишь этот вариант заставит их остановиться.

— Вы представляете, какая это работа? Собрать всех исполнителей, всех Ждановых из миллионов затронутых Ветвей, всех Белых, Полуяновых! Кто и как с этим справится? Где их искать?

— Никого искать не придется, — досадливо поморщился Златков. — Все они привязаны к выходам Ствола. Достаточно дать сигнал сбора через работающие хрономембраны.

— Во-первых, сделать это будет непросто. Сигнал должен быть услышан всеми и всеми понят. Во-вторых, никто нам не поверит. Такова человеческая природа — подспудно ждать провокации. Я бы не поверил.

— Смотря как подать информацию. Формулировка подобных заявлений — тонкая политика, и все же это шанс. Кстати, я вспомнил, ради чего заявился к вам. Хотел предупредить о возможном появлении знакомых фигур в качестве объектов противостояния.

— Что вы имеете в виду? Каких фигур?

— Павла Жданова, других ваших сотрудников. Сколько существует Ветвей с почти идентичными условиями существования, столько существует Ждановых. Но у каждого из них — своя правда! «Нашего» Павла, да и нас с вами, Те, Кто Следит смогли уговорить не трогать хронобур. Но наверняка есть Ждановы, которых смогли привлечь на свою сторону «хронохирурги»!

— Но если в результате наших действий, направленных на

спасение хронобура, Вселенная сохранилась, значит, антиждановых не было?

— Просто их оказалось меньше. И учтите еще, что Ствол мог быть создан не один.

Ромашин осторожно поставил пустую чашку на столик.

— Тогда Игра теряет смысл.

— Наоборот, она становится глубже и сложнее. Особенно если учесть, что природа времени в каждой Ветви своя. Разная. Мы с вами живем в Метавселенной, где время — лишь условие восприятия процессов движения материи мыслящими существами, то есть нами.

— Помнится, вы говорили иное.

— Мои взгляды тоже подвержены изменениям, — сухо заметил Златков. — И я не гений. Некоторые загадки природы объяснить я так и не сумел. Например, в нашей Метавселенной существуют три типа однонаправленных явлений. Термодинамические процессы, протекающие в направлении роста энтропии, определяют термодинамическую стрелу времени. Расширение Вселенной определяет космологическую стрелу времени. И, наконец, психологические процессы, дающие субъективное ощущение течения времени, определяют психологическую стрелу времени. Так вот для меня загадка: почему все три стрелы направлены в одну сторону?

— Имманентное свойство природы. Вложено в наш континуум как непреложный закон.

— О да, — усмехнулся Златков. — Кем вложено? Творцом? Но тогда мы упираемся в еще одну проблему, проблему возникновения Творца. Кстати, ее тоже можно рассматривать как запредельный случай метрики пространств, общий пример Абсолюта, тела седьмой степени.

Ромашин потер пальцем висок. Он устал и жаждал остаться один, чтобы еще и еще раз проанализировать сказанное Златковым. Атанас заметил его жест, поднял руки вверх и встал.

— Ухожу. Вы еще не окрепли для подобных бесед. Но помните о предупреждении.

— Спасибо, — проговорил Игнат без особой благодарности в голосе. — И хотя сегодня я вряд ли усну спокойно, все равно спасибо. — Он вдруг вспомнил. — Постойте, Атанас, один вопрос, последний. Вы говорили, что работаете над какими-то законами невозможных состояний...

— Это новый раздел хронофизики, — оглянулся Златков, — исследующий так называемые «объемы, плоскости и линии невозможностей», то есть линии несуществующих измерений, ведущих никуда и приходящих ниоткуда. К сожалению, наглядного примера таких состояний я привести не могу.

— Разве несуществующее и невозможное можно измерять? — поднял брови Ромашин. — Как это можно исследовать вообще?

— А как мы изучаем прошлое, уже не существующее? Или прогнозируем будущее, еще не существующее? Между прочим, несуществующее и невозможное бывает разных степеней. В свете этого выходы нашего Ствола в соседних Ветвях являются точками или узлами невозможностей второй степени.

— А что такое узел первой степени?

— Распад протона, к примеру. Событие крайне маловероятное. Остановка единичного электрона. В общем, все события, почти невероятные в нашем материальном мире, можно назвать узлами невозможностей первой степени. А есть еще и третья степень, мыслится и четвертая... Прощайте, Игнат, выздоравливайте.

Златков кивнул и шагнул на квадрат пронзающего лифта, унесший его из солярия в недра здания. Ромашин остался сидеть, рассеянно вертя в пальцах кофейную чашку. Уронил, но успел подхватить. Домовой с подносом терпеливо ждал команды унести прибор.

В ухе пискнул вызов траншрации. Игнат очнулся, жестом отослал «гнома», включил связь.

— Комиссар, у нас ЧП! — доложил Базарян, командир группы «Роуд-аскер», отвечающей за безопасность Центра по ликвидации последствий.

Екнуло сердце.

— Что там еще?

— Из Ствола вышел Павел Жданов в сопровождении незнакомых людей и киберов неизвестного назначения. Я таких еще не видел.

— И это все ЧП?

— Он захватил зал управления Центра и взял в заложники начальника Центра, председателя СЭКОНа и двух сенаторов Евразийского Совета.

Ромашин проглотил ставшую горькой слюну.

— Его мотивации?

— Когда он вышел, то сразу спросил, почему его не встречает комиссар. Мы объяснили, попросили покинуть опасную зону, и тогда он... в общем, трое моих ребят в реанимации.

Ромашин почувствовал слабость, на лбу выступила испарина, ноги стали ватными, непослушными. И тотчас же следящая медсистема подняла панику среди врачебно-санитарного персонала. На крышу поднялись две медсестры в сопровождении медицинского инка, уложили пациента на антиграв, надвинули на грудь анализатор состояния, заставили выпить «живой воды» и увезли вниз.

Все это время комиссар боролся с болью в затылке, а когда справился, позвал:

— Арчил, дальше что?

— С вами все в порядке? — отозвался Базарян.

— Нормально. Говори.

— Он требует...

— Ну? Не тяни.

— Он требует встречи с вами и Орестом Шаховым.

— Ясно. Буду через час.

— Но вы же...

— Ждите.

Ромашин полежал в палате, опекаемый хорошенькими медсестрами клиники, почувствовал себя лучше и решительно встал.

ГЛАВА 2

Эффективность удара по Контрстволу превзошла все ожидания.

Ровно за час до окончания рассчитанного Стасом срока пребывания в зоне отдыха десантники выступили в поход, вооруженные до зубов, очистили нижние этажи Ствола от поисковых групп «санитаров» и вышли из здания.

Здесь их встретили «броневики» охраны и летающие кресты, но были уничтожены, ибо охранники Ствола и защитники Контрствола не представляли мощи противостоящей стороны.

Приблизившись на километр к внушающей ужас и восхищение башне Контрствола, десантники дали залп из всего имеющегося у них оружия: ракетные ружья «дракон», аннигиляторы «нихиль», «универсалы», «глюки», а Гриша Белый ухитрился, кроме того, с помощью подствольного гранатомета забросить на территорию стройки малый слинг, генератор «струны» для системы метро.

Инициированный без фокусирующего зеркала слинг создал вместо «струны» объем компактификации — свертки пространства, и двухсотметровый портал вместе с частью основания Контрствола перестал существовать, в то время как «глюки» и аннигиляторы десантников проделали приличные бреши в стенах здания и особенно по центру конуса левой башни, где разведчики Ждановы обнаружили какое-то особое устройство в форме ананаса. Неизвестно было, удалось повредить устройство или нет, но штурмующие остались довольны результатом атаки.

— Отходим, — подал сигнал Ивашура. — Сил у них много, опомнятся — вряд ли отобьемся.

Десантный отряд повернул обратно, огрызаясь огнем на ред-

кие попытки уцелевших «санитаров» задержать его. А у стен Ствола десантников ждал сюрприз — возникший ниоткуда, прямо из воздуха, двадцатиметровый перемещатель бровея Мимо, похожий на гигантский панцирь черепахи.

Ивашура и его друзья, не видевшие прежде корабля бровея, едва не начали пальбу, и Павел еле успел их остановить.

Перемещатель завис над почвой на высоте трех метров, из его днища пролилась струйка жидкого металла и оформилась в фигуру бровея. Некоторое время люди и бродяга по мирам смотрели друг на друга и молчали. Потом бровей поднял руку в «латной перчатке» и поманил десантников.

— Вам не стоит задерживаться здесь, воины. Мой перемещатель к вашим услугам.

Ивашура оглянулся на Павла-первого, не спеша воспользоваться предложением.

— Ему можно верить?

— Хотелось бы, — с сомнением произнес Павел-второй. — Жданов, мне не нравится, что он появляется в нужном месте в нужное время.

— Мне тоже, — сквозь зубы процедил Павел-первый. — Странная забота для бродяги — помогать первым встречным-поперечным.

— Во-первых, вы не первый встречный, — возразил бровей Мимо, — и даже не второй. Ждановых я встречал множество раз. Во-вторых, я многое могу себе позволить. Но извольте поторопиться, ваши недруги, кажется, начинают приходить в себя.

Павел оглянулся на поврежденное дымящееся здание Контрствола, возле которого уже формировалось войско «санитаров» во главе с гигантским обезьянозмеем, на два десятка летающих крестов, журавлиным строем приближавшихся со стороны горной цепи, перевел взгляд на Павла-второго.

— Как ты думаешь, если мы атакуем перемещатель, он выдержит?

— У меня остался еще один слинг, — ответил все понимающий дубль. — Свертки в «струну» не выдержит ни один материальный объект.

Бровей Мимо не пошевелился, но от него пахну́ло столь ощутимой плотной волной снисходительного всепрощения, что это почувствовали все.

— Уходите, — сказал Павел-первый. — С этого момента наши пути расходятся. Следующая встреча закончится для вас печально.

— Жаль, я просто хотел помочь исполнителю.

— Мы в состоянии постоять за себя сами. — Павлу вдруг пришла в голову интересная мысль, и он высказал ее вслух. — Пере-

давайте привет «хронохирургам» и Тем, Кто Следит. Скоро мы навестим тех и других.

Фигура бровея заколебалась, подернулась рябью, превратилась в струю дыма, которая без следа всосалась в брюхо «черепахи». Еще через мгновение перемещатель превратился в тонкую черную струну и исчез, унося бродягу по мирам Древа Времен.

— За мной! — скомандовал Павел-второй, и отряд дисциплинированно отступил к Стволу, успев скрыться в его недрах за минуту до атаки «санитаров».

* * *

Подземный бункер Центра по ликвидации последствий был окружен со всех сторон на всех уровнях и горизонтах.

Ромашин представить себе не мог, что ему придется перешагнуть порог центрального зала в качестве парламентера, поэтому, стоя перед дверью в зал, воспринимал происходящее заторможенно, как сон. Вывел его из этого состояния Базарян:

— Может быть, мы за вашей спиной прорвемся в зал и возьмем их всех? Залп из «слонов» — и все...

— Жданов — профессионал, каких мало, — прогудел в усы Харлам Саковец. — Он наверняка предусмотрел все варианты возможной атаки. Хорошо еще, что он отпустил обслугу Центра.

— У нас тоже немало крутых профессионалов, — обиделся командир «Роуд-аскер». — Со всеми он не справится.

— И ты согласен положить всю обойму, чтобы доказать ему, какие вы профессионалы? — Комиссар с иронией глянул на смуглолицего Базаряна.

Тот стушевался, пробормотал:

— Нет, но обидно же...

— Харлам, — обратился Ромашин к своему телохранителю. — Потолок проверили?

— Есть два вент-люка, прямо над вириалом управления и у стены. Можно будет попробовать.

— Подготовьтесь на всякий случай. У вас будет максимум полсекунды на отстрел люков и еще полсекунды на десантирование и гипноатаку.

— Управимся.

— Иди.

Ромашин вздохнул, жестом предложил всем отойти от двери в зал и перешел на волну связи с Центром:

— Жданов, я Ромашин. Впусти.

Монолитная на вид дверь свернулась валиком вокруг опоры, ушла вбок. Ромашин шагнул вперед и оказался в полной темноте. Дверь за ним бесшумно встала на место, и тотчас же разгорелось

небольшое круглое окошко на потолке, освещая фигуру человека, стоящего посреди зала. Невозможно было разглядеть, сколько еще людей прячется в темноте, но Игнат чувствовал на себе их взгляды. Расправил плечи, пристально глянул на того, кто ждал его в конусе света.

Человек был одет в черный комбинезон, скрадывающий движения и делающий его почти невидимым, но лицо, несомненно, принадлежало Павлу Жданову.

— Проходите, комиссар, — раздался его негромкий голос.

Над головой Игната разгорелась панель потолка, осветив комиссара.

Ромашин подошел ближе, остановился, изучая лицо безопасника, отмечая едва уловимую печать инородности. Павел был Павлом и все же — чужим, не тем человеком, которого знал Игнат.

— Что, не похож? — усмехнулся Жданов. — Вы тоже отличаетесь от комиссара, посылавшего меня в Ствол.

— В таком случае вы догадываетесь, что случилось?

— Я попал не в свою Ветвь.

— Совершенно справедливо. И между прочим, не только вы один. До вас у меня гостили Гриша Белый и Федор Полуянов, также заброшенные не в свою Ветвь.

— Это любопытно. Кто-то из наших покровителей ошибся. Однако не будем терять времени.

— Не будем. Заложники живы?

Зажегся еще один квадрат потолка, высветил сидящих у стены зала начальника Центра Льва Косулина, председателя СЭКОНа и двух сенаторов, ухитрявшихся даже в этом положении выглядеть спесивыми представителями власти.

— Эй, комиссар, — брюзгливым тоном позвал один из них, с обширной лысиной и рыхлым лицом. — Нельзя ли побыстрее договориться с этим типом? Мы уже больше часа здесь сидим.

— Сидите пока, — сухо ответил Ромашин, уловив веселый блеск в глазах Жданова. — Отойдем?

Они отошли в глубь зала, к играющей огнями пирамиде псивириала.

— Прежде чем мы начнем переговоры, хотел бы задать вам один вопрос. Что есть время в вашем мире?

Жданов, не мигая, вглядывался в лицо Ромашина. Вопрос был для него неожиданным, но спрашивать, зачем это знать комиссару, он не стал.

— Время — понятие статистическое, насколько я помню терминологию темпорфизики.

— Как вы сказали, темпорфизики?

— Разве у вас физика времени называется иначе?

— Да, хронофизика. Но извините, я перебил вас.

— А говорить больше не о чем. Могу добавить, что необратимость времени в нашей Ветви связана с огромным количеством процессов, направленных в одну сторону по законам теории вероятности.

— Что ж, эти понятия у вас и у нас совпадают. Впрочем, иначе и быть не могло. В противном случае вы не были бы Павлом Ждановым. Позвольте еще вопрос? Кем являются в вашей Метавсленной «хронохирурги»?

— Это важно? — голос Жданова похолодел.

— Я понимаю, что вы на их стороне в отличие от нас, но для объективного разбора ситуации ответ важен.

— Мы называем их по-другому — Хранители Равновесия. Хотя это не суть важно. Так же, как название ваших покровителей.

— Те, Кто Следит.

— Для нас они «дестабилизаторы». Но суть дела от разницы в терминах не меняется. Хранитель Равновесия, или «хронохирург», по-вашему, это разумная система типа «грибница». Вас это устраивает?

— Вполне. Меня все устраивает. Дело в том, что мы говорим о разных «хронохирургах». Для нашей Ветви «хронохирург» — разумная система типа «стая». Для мира, откуда к нам прибыли «чужие» Белый и Полуянов, «хирург» — система типа «рой». Улавливаете разницу?

— Поясните.

— Мы имеем дело с целым букетом «хирургов», их соперников, Стволов и прочих сопутствующих деталей. Я хочу сказать, что мы н е в р а г и.

— Это... любопытно.

— Теперь слушайте. Необязательно верить мне на слово, тем более что все, мною сказанное, лишь правдоподобная версия событий. Поэтому запаситесь терпением и не отрицайте все с ходу.

— Говорите.

Ромашин, переждав приступ слабости, начал рассказ, длившийся четверть часа. Когда он закончил, Жданов долго молчал, взвешивая все «за» и «против». Он тоже многое знал, кое в чем сомневался, накопил требующую проверки информацию и теперь должен был решить, чему верить.

— Я думал над этим, — признался он наконец. — К сожалению, у меня нет такого консультанта и советчика, как ваш Златков. То есть такой ученый у нас есть, но он далеко не главный реализатор идеи хронобича. Но вы нарисовали картину... страшную! Если только это правда.

— Проанализируйте ситуацию, и вы поймете, что я прав.

— Ну хорошо, допустим. Допустим, существуют Игроки, использующие нас в качестве фигур низкого достоинства. Что нам делать в таком случае?

— Ничего. Вернее, надо каким-то образом оповестить всех участников Игры нашего уровня, объяснить им все и попросить выйти из Игры.

— Каким образом?

— Не знаю. — Ромашин вспомнил слова Златкова. — Есть идея использовать для этого Ствол.

Жданов смотрел непонимающе. Игнат добавил:

— Линия Ствола сохранилась, иначе вы не появились бы здесь. Кстати, это тоже загадка — почему сохранилась. Или хронобур не уничтожен и продолжает углубляться в прошлое других Ветвей, соединяя их, или Древо Времен «ждет» чего-то, например, очередного хода Игроков. Тут надобно думать. Так вот все «пешки», то есть игроки нашего уровня, миллионы Павлов Ждановых, Белых, Полуяновых и других, должны собраться у точки выхода хронобура, у начала времен. Надо появиться там раньше других Игроков и остановить всех!

Жданов покачал головой.

— Я не вижу, как это можно осуществить технически. Даже если использовать трансгресс, невозможно опуститься сразу во все точки выхода Стволов.

— Надо думать, — повторил Ромашин. — Это пока лишь голая идея. Но выход из положения — здесь.

— А если я вам не поверю?

— Тогда мы проиграем. — Ромашин усмехнулся, на мгновение проваливаясь в вату слабости. — Причем все. Вы убьете меня, заложников, с десяток парней спецслужб, мои люди убьют вас. И все это будет на руку только Игрокам. Вас устраивает такой вариант?

— Допустим, я вам верю. Но могут не поверить другие... э-э... Ждановы.

— Поверите вы, поверят и они. Истина не страдает от того, что кто-то ее не признает, но страдают люди по обе стороны баррикад. Надо сделать так, чтобы страданий было поменьше.

Из темноты выступила закованная в жидкий металл спецкостюма фигура.

— Командир, не слушайте его, он лжет! Мы засекли передвижение групп с источниками энергии, две из них сейчас над нами. Наверняка готовится штурм.

Жданов повернул голову к Ромашину, пристально заглянул в его глаза.

— Это правда?

— Конечно, правда, — устало ответил Игнат. — Мы страхуемся, как это на нашем месте сделал бы любой спец.

— Я убью его! — На плече подошедшего шевельнулась турель, дуло «универсала» глянуло в лицо Ромашину.

— Отставить! — жестко проронил Жданов.

— Но они готовят атаку...

— Мы пропустим вас обратно к Стволу, — с усилием произнес Игнат. — Нет смысла сражаться с вами ради торжества справедливости. — Ромашин включил рацию. — Харлам, снимайте людей, освободите коридор для прохода к Стволу группы Жданова.

— Понял, — донесся через несколько секунд голос Саковца. — Уходим.

Ромашин повернулся спиной к Жданову. Тот шагнул к нему, взял под локоть, понизил голос.

— Вам плохо, комиссар? Мне сказали, что вы в клинике. Что случилось?

— Ничего особенного, — буркнул Ромашин. — Мне просто нравится лежать в реанимации. — И потерял сознание.

Пришел в себя он уже в своей палате в клинике Управления. У кровати сидел бородатый Харлам и увлеченно беседовал с сидящим напротив Ждановым. Заметив, что комиссар пошевелился, они замолчали и повернули к нему головы.

— Ох и занимательные вещи сообщает сей отрок о жизни на Земле в их Ветви! — прогудел телохранитель комиссара. — Например, у них там не ВКС, а Всемирное Вече, а вместо...

— Угомонись, — бледно улыбнулся Игнат, встречая выразительный взгляд Жданова. — Так что вы решили, Павел?

— Поживу некоторое время у вас, поговорю со Златковым. Вы меня заинтересовали. Подумаю. А потом решим, что делать.

— Он знает весьма любопытную школу рукопашного боя, — сказал Харлам. — Обещал дать несколько уроков.

Ромашин не ответил. Закрыв глаза, он размышлял о других Ждановых, воюющих на стороне «хронохирургов», и о том, что уговорить их всех д у м а т ь будет действительно непросто. Если вообще возможно.

* * *

— И все же я не понимаю, почему ты отказался от услуг бровея, — задумчиво сказал Павел-второй.

— Сам не знаю, — не менее задумчиво отозвался Павел-первый. — Обидным показалось, что он считает нас несмышлены-

шами, неспособными постоять за себя. Наверное, следовало бы задавить эмоции и воспользоваться его перемещателем, чтобы добраться до трансгресса. А теперь у нас всего два пути: бежать отсюда и самим искать трансгресс или нырнуть в хрономембрану Ствола. Стас обеспечит спуск. Стас, сколько у нас осталось времени на раздумье?

— Боюсь, что не более получаса, — ответил инк Ствола.

Десантный отряд расположился в зоне отдыха, пока еще контролируемой Стасом, но был готов выступить в путь.

— Проблему надо решать глобально, — заявил Ивашура; все посмотрели на него, кто оценивающе, кто с интересом, а женщины с надеждой. — Нам необходимо разделиться. Одна группа пойдет вниз, к «хирургам», вторая — к Тем, Кто Следит. Только так мы сможем выслушать обе стороны, то есть одного и другого Игрока, и определить свою позицию.

Ждановы взглянули друг на друга.

— А что, это, пожалуй, лучший выход из положения. Как вы поделите отряд?

— Пятеро пусть идут «вниз», четверо «вверх». Пятерку хотел бы повести я, если не возражаете.

— Командуйте. Кто пойдет с вами?

— Вероника, Гриша Белый, Федор и вы, Павел.

— Какой именно? — улыбнулся Павел-первый.

— Я еще не совсем вас различаю... пусть это будете вы.

— Тогда и я с ним! — вцепилась в руку Павла-первого Ясена.

Все засмеялись. Девушка, покраснев и сверкнув глазами, по обыкновению спряталась за спину Жданова.

— Детский сад, а не десант, — покачал головой Белый.

— С вами пойду я, — сказал Павел-второй. — А он пусть идет с оставшимися. Тем более что он тоже контактировал с Теми, Кто Следит и знает, как с ними вести себя.

Отряд разделился, группируясь вокруг лидеров двух групп. Женщины обнялись, шепча друг другу ободряющие слова, мужчины обменялись рукопожатиями.

— Что ж, поехали! — торжественно возгласил Павел-первый, вспоминая свой первый старт в Ствол. — Надеюсь, нам удастся уговорить Игроков поменять правила Игры.

— Встретимся... а кстати, где мы встретимся потом? — Павел-второй нахмурился. — В Стволе? В одной из Ветвей?

— В трансгрессе, — предложил Полуянов. — По-моему, это единственный устойчивый объект в изменяющемся Древе Времен.

— Федор, ты умница! — сказал Белый серьезно. — Конечно, с этим трансгрессом еще надо разобраться, почему он не зависит

от условий каждой Ветви, но надежней схрона, наверное, не существует.

— Поторопитесь, господа, — напомнил Стас. — Зона окружена, атака вот-вот начнется, а долго удерживать натиск я не смогу.

— Кто первый? — спросил Белый. — Кстати, Стас, ты ведь гарантируешь только спуск. А подъем?

— Хрономембрана после вашего возвращения работает в обе стороны, как простой лифт. Объяснить сей феномен я не в состоянии, но запустить группу «вверх» смогу.

— Тогда запускай «верхних».

Павел-первый, Ясена, Костров и Тая отступили к стене зоны отдыха, которая пропустила их в зал с колонной лифта. Все четверо молча вошли в кабину мембраны, полупрозрачная дверь сгустилась и закрыла проем. Мелькнули снизу вверх голубые огоньки, как пузырьки воздуха в воде, и дверь растаяла снова. Короб кабины оказался пустым, первая группа десанта ушла «вверх», «в будущее».

— Порядок. — Белый шагнул в лифт. Остальные гуськом втянулись в кабину, и Стас включил аппаратуру спуска. Пятерка десантников стремительно понеслась сквозь пространство и время по цепи выходов Ствола к истокам Мироздания.

ГЛАВА 3

Павел Жданов из другой Ветви задержался со своей командой в чужом для него мире почти на пять дней. За это время он четырежды посещал Златкова, на работе и дома, постоянно беседовал с Ромашиным, облетел Землю кругом, побывал на родине — не посещая, впрочем, родных «настоящего» Павла Жданова, живущего здесь, а также излазил вместе с Григорием Белым и Маричем «перекресток пространств», в который превратился хроноускоритель.

О своих выводах он поделился с комиссаром у того дома, когда Ромашина выпустили из клиники. В гости был приглашен и Златков, весьма неохотно отрывающийся от дел. В последнее время он работал на больших инках Управления аварийно-спасательной службы и даже в сетях ВКС, загрузив машины какими-то сложными вычислениями до такой степени, что они отказывались выполнять работу для чиновников правительства.

Ромашин ради любопытства поинтересовался, чем занимаются большие вычислительные комплексы УАСС типа «Стратег», и получил ответ: расчетами «транзитивных отношений физики невозможных состояний», а также «спекуляциями трех- и более

мерных времен» и «вычислениями параметров инсайт-взаимодействий супербольших разумных систем».

Понять хотя бы приблизительно, о чем идет речь в первых двух случаях, комиссар не смог, несмотря на всю свою научно-техническую подготовку. Третья тема расчетов была ближе. Златков решал проблему «хронохирургов», вычислял условия их существования.

Собрались все трое в девятом часу вечера на веранде ромашинского коттеджа, смотрящей на березовую рощу. Солнце уже скрылось за деревьями, по роще пролегли вечерние тени. Было удивительно тихо, если не считать редких птичьих трелей, и у гостей постепенно сложилось элегическое настроение, поддержанное хозяином, предложившим попробовать коктейль «Славянский», который составил он сам. Жена комиссара, высокая стройная красивая блондинка по имени Дениз, посидела с гостями несколько минут для приличия и ушла, сославшись на занятость.

Ромашин, заметив странный — длинный взгляд Павла, сузил глаза:

— Что, не видели раньше мою жену, Павел?

— В моем мире у вас нет жены, — помолчав, ответил Жданов. — Она погибла на Камчатке во время захвата «черного человека», то есть вашего друга Шаламова.

Ромашин внутренне вздрогнул, оставаясь с виду спокойным и расслабленным. В его мире у него не было друга по фамилии Шаламов, хотя людей с такой фамилией он знал.

— Все-таки наши миры отличаются в деталях, — констатировал он философски бесстрастно. — И это понятно. Слишком сложен процесс, называемый жизнью, и слишком зависим от вероятностных законов. Но не будем о грустном. Павел, вы хотели поговорить с нами о чем-то важном. Мы слушаем вас.

— Вкусно. — Жданов поднял прозрачный бокал с янтарным напитком. — Научите меня делать такой божественный нектар? — Повернул голову к Златкову. — Атанас, я хотел бы задать вам несколько вопросов в присутствии комиссара. Не возражаете?

— Задавайте, — буркнул ученый, с рассеянным видом созерцавший пейзаж.

— Чем вы объясняете противоречие: вакуум данной Ветви не имеет стрелы времени, но время здесь тем не менее имеет направление и необратимо?

— Направление необратимых физических процессов определяют вероятностные законы статистики при случайных взаимодействиях. Этим законам подвластен и вакуум, но зафиксировать

низкоэнергетические взаимодействия неизмеримо труднее. Мы их просто не замечаем. Кроме флуктуаций. — Златков почесал горбинку носа. — В принципе, конечно, каждый атом — флуктуация, но это уже вопрос философии.

— Вы хотите сказать, что ваша Метавселенная изначально родилась со вложенными в нее вероятностными законами? С законом роста энтропии?

Златков вдруг словно проснулся, зачарованно глянул на потягивающего коктейль Жданова.

— Браво, гриф! Неужто сами дошли, или подсказал кто? Те, Кто Следит, например?

— Я уже понял, что Те, Кто Следит — в а ш и подсказчики. Мои же друзья — Хранители Равновесия, ну, или, по-вашему, «хроноХирурги». Но «дошел» я сам.

— О чем речь? — любезно осведомился Ромашин. — Что-то к вечеру я туго соображаю.

— Возможны миры, где вероятностные законы не работают, — развеселился Жданов. — И этими мирами являются как раз Ветви, или, если хотите, Корни Древа Времен, принадлежащие «хирургам». Сверхсистеме типа «грибница», задумавшей изменить кое-какие законы существования Древа.

— Но ведь мы уже пришли к выводу, что «хирурги» для нас — разумная система типа «стая».

— Просто в разных Ветвях они принимают разный облик, причем именно в соответствии с законами вероятности, вложенными в Ветви.

— Тогда я не понимаю смысла их Игры с Теми, Кто Следит. Что это за Игра, в результате которой может измениться все Древо и сами Игроки в придачу?

— А Игры никакой и нет, — меланхолически заверил всех успокоившийся Златков. Ромашинский коктейль понравился ему, и он налил себе еще бокал.

Едва не поперхнувшийся Ромашин сделал большой глоток коктейля, осторожно поставил бокал на столик, вытер губы.

— Вы шутите, Атанас?! Ведь вы первый сделали предположение об Игре такого уровня...

— Теперь я думаю несколько иначе.

Жданов с интересом, Ромашин с недоверием посмотрели на Златкова. Ученый слабо улыбнулся, пребывая в благодушном настроении.

— Я неправильно выразился, коллеги. Все мы участвуем в Игре, подразумевая управляющее начало — Игроков. Для нас это нормально. Однако после долгих размышлений и расчетов я пришел к выводу, что мы участвуем в Игре совсем другого плана. —

Атанас допил коктейль, пососал дольку лимона — собеседники терпеливо ждали продолжения, — подумал и налил себе третий бокал напитка. — Знаете, Игнат, ваш коктейль действительно чудесен. Я тоже возьму рецепт, если не возражаете.

Комиссар сделал иронический поклон.

— Давно не чувствовал себя так покойно и комфортно, — продолжал Златков, словно не замечая красноречивых взглядов. — Но к теме. Я пришел к выводу, что Игра, в которую мы вовлечены якобы помимо нашей воли, это саморегулирующийся, многомерный, многоплановый, принципиально транзитивный[1], а может быть, и разумный процесс.

На веранде установилась прозрачная тишина. Птицы и те смолкли на какое-то время. Лишь коротко прошелестели листья берез от налетевшего слабого ветерка.

Долго-долго смотрели на ученого двое мужчин, отвечающих за безопасность человеческих коллективов, потом Ромашин тихо проговорил:

— Означает ли это, что Игроки т о ж е управляемы?

— Вы, как всегда, точны в формулировках, комиссар, — рассеянно согласился Златков. — Я даже скажу больше... Впрочем, чувствую, вы еще что-то хотели сказать?

— Игра как разумный процесс, в результате которого непрерывно изменяется матрица Мироздания, или, иначе, Древо Времен, есть Бог!

Златков поморщился.

— Обычно Бога вспоминают, когда хотят перевести проблему в разряд запредельно сложных. Можно говорить и о Боге, если хотите, как о Творце Игр бесконечной сложности, разбитых на уровни и подуровни. На каком-то подуровне к Игре подключаемся и мы, биологические существа с конечным сознанием. Так вот Творец Игр — сам вне Игры. Вне Древа Времен, которое и есть Его Игра, так сказать, Лила.

— Что такое Лила? — поинтересовался Жданов.

— Индоарийский термин, означающий деяния Бога, производимые им по собственной воле, легко, играючи. Соответствует в принципе тамильскому Тирувилеиядалю — священной игре.

— Я понял! — негромко, с дрожью в голосе, произнес Ромашин, совершенно не стыдясь своих чувств. — Но ведь если мы осознали уровень своего участия, не означает ли это, что мы можем из Игры... выйти?!

---

[1] Транзитивность — свойство величин, позволяющее их сравнивать; примеры транзитивных отношений: раньше, чем; тяжелее, чем; выше, чем; внутри; равенство и т. п.

— Наверное, можем, — кивнул Златков.

— Каким образом? — теперь уже не удержался от удивленного восклицания Павел Жданов. — Как предлагал комиссар — собрать всех Ждановых и других исполнителей в кучу и объяснить им смысл происходящего?

Златков покачал головой.

— Вряд ли это возможно — собрать всех. Но и какого-то количества исполнителей будет достаточно. Нужен очень простой и легко реализуемый шаг... в принципе я знаю, какой. Но еще не просчитал последствий. Могу только намекнуть: необходимо использовать два агрегата — наш Ствол и Контрствол, только совсем по-иному, для других целей.

Во взглядах сотрудников службы безопасности, обращенных на ученого, легко читались сомнение, надежда, недоверие и жажда все выяснить до конца, поэтому Златков добавил с насмешливой кротостью:

— Надеюсь, вы не станете пытать вашего покорного слугу, дабы выбить из него показания?

Жданов рассмеялся, улыбнулся и Ромашин.

— Атанас, мы не «хирурги»... — Он виновато взглянул на Павла, но тот не обиделся, хотя Игнат имел в виду его хозяев. — К тому же вы доказали, что обладаете колоссальной силой воли, коль смогли отстроиться от программы. Нет, мы подождем, пока вы сделаете все необходимые расчеты. Однако вы, говоря обо мне, о точности моих формулировок, обмолвились: «Я даже скажу больше...» Что вы хотели сказать?

— Да ничего особенного, — пробормотал Златков, уходя мыслями в себя. — Вы не учитываете одно важное обстоятельство: каждая игра требует наличия не только двух игроков как минимум, но и судей, контролирующих соблюдение законов игры. Поразмышляйте над этим. Вы же, Игнат, паранорм, каких мало, иначе чем объяснить ваше постоянное опережение событий, точность представлений, знание законов Игры? Вы находитесь в почти постоянном инсайте[1], хотя и не осознаете этого. Иными словами, вы слышите г о л о с Бога. Ну, или Судьи, если хотите.

— М-да... — протянул Жданов неопределенно, глядя на застывшего комиссара. — Ну и как относиться к вам теперь, господин Ромашин? Я тоже паранорм, но еще ни разу не слышал г о л о с Бога. А тем более Судьи.

Игнат не ответил, ошеломленный предположением Златкова, и Жданов обратился к ученому:

---

[1] И н с а й т — состояние озарения, ясновидения.

— Вы кого хотите сведете с ума, Атанас. Кстати, в свете ваших последних утверждений, что есть трансгресс?

— Вы уже и сами догадались, по-моему. — Ученый очнулся, поставил бокал на столик, встал. — Извините, мне пора идти. Благодарю за угощение и приятную беседу.

— Я провожу, — встал и Ромашин, обретая былую выдержку. — Вызвать такси?

— Не надо, здесь всего две сотни метров до стоянки монорельса, хочу прокатиться до метро над лесом.

Поклонившись, Златков сошел с веранды на траву и пошел через рощу к дорожке, ведущей между другими коттеджами к метро и аэровокзалу Смоленска. Когда он скрылся за деревьями, Ромашин повернул голову к Павлу и встретил его ставший непроницаемым взгляд.

— Итак, комиссар, на чем мы остановились?

— На том же. Надо думать, прикидывать, считать. А что такое трансгресс в свете атанасовских высказываний?

— Если я его правильно понял, трансгресс — всего-навсего судейская система контроля. Просто мы видим ее под углом наших материальных представлений, вот она и упрощается для нас в «линию связи», в «парамост пространственных перемещений». Но если я прав, то любой судья имеет возможность в любой момент вызвать трансгресс и... — Жданов не договорил.

Среди берез бесшумно выросла ажурная серебристая труба, тающая высоко в небе.

Двое мужчин, одинаково пораженные зрелищем, смотрели на нее, оценивали полученное з н а н и е. Наконец у Ромашина созрел вопрос:

— Интересно, к т о мы с тобой, Павел?

Жданов покачал головой, с любопытством и каким-то странным сожалением оглядел Ромашина с ног до головы.

— Мне почему-то кажется, что вопрос надо ставить иначе, комиссар. К т о вы?! Я-то уж точно к появлению трансгресса не имею никакого отношения.

ГЛАВА 4

Падение длилось долго, вечность — по ощущениям десантников, уже не раз испытавших на себе бросок по «струне» хрономембраны. Поэтому, когда жар и свист этого небывалого падения сквозь времена сменились холодом и тишиной, сознание людей восприняло это как остановку, удар по психике, от которого они долго не могли опомниться.

Первым пришел в себя Павел Жданов, имеющий большие резервы адаптации. Потом Белый. Поглядев на спутников, начинающих потихоньку шевелиться на полу кабины, они вышли из лифта в кольцевой зал Ствола и остановились.

Это был именно тот зал, тот узел выхода хроноускорителя, где много дней (месяцев, лет, веков?) назад десантники во главе с Павлом (не этим, а первым) ждали груз «големов» и готовились к атаке на хронобур. Как и тогда, нынешний горизонт здания с трубой хрономембраны был пуст и тих. Ни конкистадоров-пауков, ни черных всадников-хронорыцарей, ни «черепах» с усами-антеннами, ни других чудовищ, киборгов и живых существ Павел с Григорием не увидели.

— Интересно, в какой момент мы сейчас попали? — проговорил Белый, выйдя в коридор, освещенный голубыми прожилками в потолке. — До нашего первого появления или после? — Он вдруг хихикнул. — Если до — представляешь лица команды того Жданова, когда они увидят нас?

— Не увидят, — рассеянно произнес Павел. — Наше появление наверняка породило развилку во времени, отделение новой Ветви от этой, где мы сейчас находимся. Та команда прибудет именно туда.

— А давай спросим у Стаса, он-то должен знать, были мы здесь или нет.

— Спросим. Но если ты помнишь, где-то тут в коридорах торчит выход трансгресса... — Он отшатнулся.

В глубине коридора бесшумно вырос «лес» ажурных ферм и растяжек — фасад линии трансгресса.

Белый присвистнул, глядя то на Павла, то на появившийся как по мановению волшебной палочки трансгресс.

— Маэстро, вы, случайно, не колдун? Или по крайней мере эмиссар Тех, Кто Следит?

— Если бы я был эмиссаром... — хрипло выговорил Павел, откашлялся. — Хотя, может быть, я этого не знаю?

— Проверим?

— Как?

Белый засмеялся.

— Паша-первый, с которым я ходил раньше, такого вопроса не задал бы. Я имел в виду трансгресс. Проверим?

Жданов вернул себе непроницаемый вид.

— Успеем. Пошли к остальным, спросим их мнение.

В кольцевом зале они встретились с успевшими прийти в себя и выйти из кабины лифта Ивашурой, Вероникой и Полуяновым. Павел коротко рассказал им о появлении трансгресса, опустив

подробности и предполагаемые причины. В возможность прямого вызова трансгресса он еще не верил.

— Надо решить, как мы пойдем дальше, — закончил он. — По сути, мы уперлись в «дно» Мира, вернее, в «дно» Ветви, породившей наши Метавселенные. Сюда же, как я теперь представляю, упираются и все бесчисленные Стволы — созданные людьми хроноускорители. Ваш «родной» Павел Жданов со своей командой — с вами ли, с другими ли Ивашурой, Костровым, Валетовым и так далее — уже сделал свое дело, но в своей Ветви! Мы наверняка попали в другую Ветвь, где судьба Метавселенных висит на волоске. И снова у нас небогатый выбор: нырнуть в «начало времен» и спасти хронобур с помощью трансгресса или же предоставить шанс другим, тем, кого пошлют Те, Кто Следит.

— Но ведь мы собирались идти парламентерами к «хирургам», — с наивным удивлением сказала Вероника.

— Вряд ли это достижимо.

— Да, недостижимо с помощью Ствола, — кивнул Ивашура, пристально разглядывая Жданова. — А с помощью трансгресса? Ведь он появился не зря? Кто-то его сюда вызвал?

— Он и вызвал, — кивнул на Павла Белый.

Павел покачал головой.

— Я в этом не уверен. С одной стороны, трансгресс появился после моих слов, и я действительно желал, чтобы он здесь был. Но я не мог его вызвать, по крайней мере один. Либо помог Григорий, либо... кто-то другой.

— Здесь никого больше нет, — заявил хмурый Полуянов, успевший выглянуть в коридор и вернуться.

— Я понимаю вас, — усмехнулся Жданов. — Слишком гладко прошел наш спуск по цепи Ствола. Значит, наш противник изобрел какую-то хитрость и где-то ждет нас в засаде. Может быть, и здесь. Хотя я тоже ничего не вижу и не чувствую. И тем не менее трансгресс возник после нашего выхода. Если это не ловушка «хирургов» — у нас есть шанс опуститься ниже «дна» Мира, к «корням» Древа Времен, где живут сами «хирурги». Решайте. Мое мнение — надо идти, использовать подаренный шанс.

— Минуту, — негромко произнес Ивашура, раздумывающий над чем-то. — Мне до сих пор неясно, что такое трансгресс. То есть да, транспортная система, мост пространственных... э-э... перемещений и тому подобное, но чей он? Кому принадлежит? Кому нужен? Мы ведь попали в него случайно.

По залу разлилось молчание.

— Кому же еще может принадлежать трансгресс, — неуверенно начал Полуянов, — как не Тем, Кто Следит?

— Нет, — отрицательно мотнул головой Павел. — Если бы он

принадлежал Тем, Кто Следит, им самим не составило бы труда отключить хронобур, а они использовали нас.

— Но и «хирурги» не являются его владельцами.

— Трансгресс слишком универсальная и мощная система, чтобы принадлежать какому-то одному Игроку, — продолжал Ивашура. — Она может служить либо всем одинаково, либо...

Все внимательно, с верой и ожиданием разглядывали внезапно замолчавшего Игоря Васильевича. Лишь Вероника смотрела на него иначе, понимающе, с какой-то буквально материнской нежностью и любовью.

— Договаривай, Игорь.

— Странно, что мы не подумали об этом раньше, — с удивительным даже для себя спокойствием продолжал Ивашура. — Любая игра предполагает соблюдение правил. А кто следит за этим?

— Судьи, — буркнул Полуянов.

— Вот им и принадлежит трансгресс!

— Браво, Игорь Васильевич! — раздался из коридора чей-то добродушный голос, и в зал вошел бровей Мимо собственной персоной — двухметровый гигант, похожий на закованного в латы рыцаря с накинутым на плечи плащом из металлических пластин. — Позвольте представиться: один из Судей, как только что изволил выразиться ваш приятель.

— Значит, вы не зря стали все чаще попадаться нам на глаза, — проговорил Жданов. — Мы нарушили какие-то правила Игры?

— Не вы, мой друг, не вы — Игроки.

— Тогда почему вы преследуете нас, вмешиваетесь именно в наши действия?

— Потому что судьям нужны исполнители их решений, а вы — вы лично и другие ваши «двойники», Павлы Ждановы изо всех Ветвей Древа, как показали события, уже достигли уровня исполнителей. Когда Игра заходит в тупик или начинает скатываться к бессмысленным гекатомбам, агрессивному несогласию с законами, прямому уничтожению соперника, в нее вмешиваемся мы.

— Но мы же... тоже игроки, только более низкого уровня...

— Это не помешает вашей миссии.

— И что от нас требуется?

— Да, в общем-то, ничего особенного. Каждому просто надлежит вернуться к прямому исполнению обязанностей. Игра, в которой вы приняли посильное участие не по вашей воле, закончена. Ну, или заканчивается. Вы можете возвращаться.

— Не верю, — твердо сказал Ивашура. — Мы намерены продолжить свой путь.

— Это ваше право. — Тон, с каким были сказаны (мысленно переданы, конечно) слова, был сродни пожиманию плеч. — Только нам будет искренне жаль, если вы погибнете. Придется искать новых исполнителей, а это в какой-то степени задержит нас. И куда же вы направляетесь, если не секрет?

— К «хронохирургам», — вставила Вероника, потому что мужчины молчали. — Спустимся по трансгрессу к «корням» Древа Времен и...

— А зачем спускаться? — опять «пожал плечами» бровей. — Трансгресс и есть Корень, то есть древнейшая корневая система Древа, используемая Судьями в качестве универсальной судейской системы контроля. Она же используется «хронохирургами» в качестве их временного пристанища, так что искать их не требуется. Заходите и контактируйте. Кстати, советую задуматься над тем, почему «хирурги», живущие в Корне Древа, оставили вас в живых. Прощайте, разбуженные слишком внезапно. И да поможет вам Воля Творца.

— Стойте, — угрюмо бросил Жданов. — Вы охотно шли нам навстречу, когда мы этого не просили, извольте ответить на пару вопросов.

— Я весь внимание.

— Почему трансгресс — временное пристанище для «хирургов»?

— Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться, что такое время, на что нам не хватит... гм... гм... времени.

— А вы объясните попроще и покороче.

— Извольте. Каждая Ветвь Древа есть Метавселенная со своими законами, наборами физических констант и — своим временем. Сколько Ветвей — столько времен, имеющих сходную или же совершенно разную физическую природу. Скажем, в вашей Метавселенной время — процесс изменения объектов в сторону необратимого роста энтропии, что определяет и стрелу времени. В других Ветвях время — особая субстанция, обладающая энергией, силовое поле, конгломерат мировых линий, субъективно-психологические формы восприятия, изменяющиеся отношения тел и явлений...

— Понятно. Дальше.

— «Хронохирурги» — Игроки...

— Дальше, — бросил Белый.

— Спокойно, Гриша, — укоризненно глянул на него Ивашура.

— «Хронохирурги» всех видов, имеющие, кстати, разные названия в разных Ветвях: «стая», «рой», «грибница», «монарх»,

«муравьиная куча», «коммуна», «термитник», «файл» и так далее, — Игроки со стажем. Они участвовали до нынешней в сотнях других Игр, а в предпоследней ухитрились изобрести процесс, уничтоживший их собственную Ветвь. Объяснить этот процесс на человеческом языке или даже назвать его я не в состоянии. Скажу только одно: Корень Древа Времен, давший жизнь «хирургам», теперь «горит».

— Как это? — прошептала Вероника.

Бровей не ответил.

— Почему же вы вовремя не остановили Игроков? — спросил скептически настроенный Белый.

— Судьи тоже... э-э, материальные существа...

— У нас говорят — из плоти и крови.

— Нечто в этом роде. Так вот, мнения Судей разделились, и общая Воля не была поддержана. Когда же Игра зашла в тупик, процесс уже пошел.

— Кажется, в нашей земной истории у меня на родине было нечто подобное, — усмехнулся Ивашура. — Процесс пошел, да не в ту сторону.

— Я ответил на все ваши вопросы?

— Остался последний. — Павел подумал. — Нет, еще два. — Он еще немного помолчал. — Или три. Первый: где живут Те, Кто Следит за нами? Второй: как остановить Игру? Третий: каким образом я, если я на самом деле судебный исполнитель, как вы утверждаете, могу заставить Игрока соблюдать правила Игры?

— Те, Кто Следит, живут там же, где и «хронохирурги». Несмотря на всю сложность, трансгресс — кольцо. То есть он сложнейшая система, разумная сама по себе в силу своей сложности, но она же и замыкает Корни и Ветви Древа в измерениях, которым в земном языке нет названия. А вот над тем, как остановить Игру, — подумайте. В принципе вы можете это сделать и без нашей подсказки. Что касается исполнения, то людьми уже созданы атрибуты власти исполнителей, хотя они и назвали их иначе.

— Как же?

— Дриммеры! — хрипло произнес Полуянов.

— Вот именно, друг мой. Теперь я могу быть свободен?

Бровей посмотрел на ошеломленных десантников насмешливо-снисходительно (глаз его не было видно из-под «шлема», но чувства он внушал именно такие) и исчез так же тихо, как появился.

— Ни черта я что-то не соображаю! — сказал Белый, в сердцах сплюнул на пол. — Кто друг, кто враг... кто Игрок, кто Судья...

— А я, выходит, судебный исполнитель, — хладнокровно от-

кликнулся Жданов. — То-то меня так опекали Те, Кто Следит. Хотели, чтобы я им подсудил.

— Что будем теперь делать? — задала своевременный вопрос Вероника. — Есть ли смысл искать «хирургов»?

— Теперь понятно, почему они нас не ликвидировали во время перемещений по трансгрессу, — продолжал размышлять вслух Павел. — По той же причине: хотели произвести на Судей благоприятное впечатление.

— Ничего себе, благоприятное! — хмыкнул Белый. — Давили нас, травили, уничтожали всеми способами...

— Ты не учитываешь уровень этого давления. Наверняка Игра идет и в высших сферах, в Ветвях, где живут существа, на много порядков сложнее и разумнее нас.

— Тогда почему они выбрали в качестве судебных исполнителей тебя и твоих двойников?

— Не знаю, парадокс действительно есть, но это лишь подтверждает наше несовершенство. Игорь Васильевич, что вы решили?

— Если этот ваш... бровей Судья прав и трансгресс — кольцо, то стоит попросить его автоматику доставить нас к нашим друзьям, отправившимся в гости к Тем, Кто Следит. Встретимся, обсудим ситуацию и выработаем решение. Согласны?

— Аминь! — хором ответили Белый и Полуянов.

ГЛАВА 5

Бросок по «струне» Ствола в «будущее» группы Павла Жданова-первого длился недолго. Это почувствовали все, не испытав особой встряски и неприятных ощущений. Что-то было не так, сработал какой-то фактор, которого они не учитывали. Поэтому Павел не спешил выходить из кабины, когда лифт остановился. Поднял руку, призывая всех к молчанию, разгерметизировал скафандр, откинул конус шлема и прислушался к звукам, долетавшим из недр Ствола. С минуту стоял, полузакрыв глаза, уйдя в транс паранормального состояния, потом очнулся, оглядел зеркально бликующие фигуры товарищей, кивнул.

— Можете снимать шлемы, дышать здесь можно.

— Что там слышно? — прошептала Тая.

Павел покачал головой, достал дриммер.

— В том-то и дело, что ничего. Глухо. Я ничего не слышу, ни одного звука. И не вижу. Похоже, зал выхода мембраны заблокирован.

— Кем?

— Может быть, Теми, Кто Следит. «Хронохирургам» делать это не надо, их задача — уничтожить нас любым способом как досадную помеху.

— Поговори со Стасом, — предложил Иван, также откидывая капюшон шлема и принюхиваясь. — А пахнет здесь приятно. Стас-то должен знать, где мы застряли и кто нас накрыл.

— В том все и дело, Стас меня не слышит. Я его уже минут пять вызываю.

Павел вышел в чистый и светлый кольцевой зал с дымчато-хрустальным полом и жемчужно светящимися стенами, обошел трубу лифта, разглядывая пол, потолок и стены, вернулся к дверному проему лифта.

— Можете выходить. Никого и ничего. И ни одного выхода в коридоры. Мы действительно заблокированы.

Он подошел к стене с ветвистым рисунком каких-то светящихся жил, некоторое время разглядывал ее, коснулся ладонью и отдернул. Потом воткнул в нее меч.

Лезвие дриммера вошло в стену легко, проделав глубокий и узкий шрам, который тут же затянулся, стоило вытащить лезвие из стены.

— Полевая структура, — прокомментировал Жданов. — Попытаться пробить ее можно, однако за успех не ручаюсь. Почему же молчит Стас, хотел бы я знать. Кажется, мы в ловушке, господа десантники. Или в тюрьме.

— Эй, кто здесь хозяин? — повысил голос Костров, заставив вздрогнуть озирающихся женщин.

Ответом ему была тишина.

— Ничего себе гостеприимство! — тихонько проговорила Ясена, поглядывая на Жданова огромными глазищами, в которых горел огонь любопытства и восторга. В крови юной россинки кипела жажда приключений, которую вряд ли можно было погасить.

— А почему ты считаешь, что нас должны принимать как важных и долгожданных гостей? — улыбнулась Тая.

— Но ведь вы сами говорили, что те, Следящие, ваши друзья. А друзья всегда должны заботиться...

— Очень я сомневаюсь, что они наши друзья, — недовольно проговорил Костров. — Паша, мне показалось или в самом деле мы летели недолго? Такое впечатление, что мы недалеко ушли от схрона с Контрстволом.

— У меня сложилось такое же.

— Тогда почему бы нам не продолжить подъем? Что мы теряем?

Жданов ободряюще подмигнул Ясене, задумчиво прошелся по красивому полу вокруг колонны лифта.

— Почему бы и не попробовать, в конце концов? Отдых никому не требуется? Тогда закукливайтесь — и вперед.

Все четверо накинули конусовидные шлемы, совершенно непрозрачные внешне, вошли в кабину лифта и нажали белый квадрат «подъема». Раздался резкий визгливый гудок, но дверь лифта не появилась и кабина с места не сдвинулась.

— Застряли, — сказал Костров. — Еще раз?

Но и последующие нажатия на кнопку пуска не привели к положительному результату. Лифт не хотел везти пассажиров ни вверх, ни вниз.

— Придется искать другой путь, — решил без особых эмоций Жданов.

— Какой? — с надеждой спросила Ясена.

— Обходной, — фыркнул Костров. — Выйдем в коридор, найдем лестницу, поищем другую мембрану и продолжим путь. Может быть, эта просто сломалась. А если не найдем, придется шагать вверх по лестнице, как мы это уже делали.

Павел покачал головой, но ничего не сказал.

Хрономембрана сама по себе не ломалась, вывести ее из строя мог только мощный энергетический выхлоп, взрыв. Было ясно, что их кто-то остановил, заблокировав выход на «струну», и сделать это мог любой, кто знал коды и пароли управления Стасом.

— Выходите, дамы, — сделал приглашающий жест Жданов. — Отдохнем, коль представилась такая возможность, а заодно поразмыслим над ситуацией. Не может быть, чтобы такие умные люди, как мы, не нашли выхода из положения.

Ясена шагнула в зал первая и тут же с визгом шарахнулась обратно.

— Там! Там!..

Мужчины, обнаружив адекватную реакцию, заслонили женщин спинами, сориентировали свои огневые комплексы, Павел вытянул вперед меч, и они разом выпрыгнули из кабины, готовые мгновенно открыть огонь на поражение.

Но их подготовка оказалась напрасной.

Зал, до этого момента пустой и чистый, зарос какими-то металлическими на вид фермами, сетками и ажурными решетками, создающими красивую воронку, в глубине которой стоял человек в белом кокосе с тремя красными полосками официала-безопасника на предплечье.

— Здравствуйте, путешественники, — произнес он невозмутимо и сделал шаг вперед.

Костров двинулся было скользящим шагом ему навстречу, но Жданов остановил Ивана.

— Игнат, вы?!

— А кто же еще, — ответил незнакомец с добродушной усмешкой и поклонился. — Комиссар-два службы безопасности Евразийского филиала Игнат Ромашин к вашим услугам. Жданов, это вы?

Павел откинул конус шлема, подошел к Ромашину, и они несколько мгновений вглядывались в лица друг друга, ища знакомые черточки. Потом обнялись. Костров и робко выглянувшие из кабины женщины глядели на эту сцену с одинаковыми чувствами.

— Но вас должно быть больше, — сказал Ромашин, оглядывая отряд.

— Мы разделились. Пятеро отправились «вниз», на рандеву с «хронохирургами», мы же решили встретиться с Теми, Кто Следит. Надо наконец определиться, стоит ли воевать дальше.

— Конечно, не стоит.

— В принципе мы это поняли, однако хотели бы услышать вразумительное объяснение происходящему из уст наших покровителей в будущем.

— Хорошо, что мне удалось вас отыскать. — Ромашин бросил взгляд на стены зала. — Давно вы здесь сидите?

— Минут двадцать. Объясните же, Игнат, как вы нас вычислили с такой точностью? И кто перекрыл хроношахту в направлении на «верхние» Ветви? Вы?

— Нет, к сожалению, я делать этого не умею, — покачал головой комиссар. — И сидите вы здесь не двадцать минут, как вам кажется, а три с лишним месяца. Те, к кому вы направились в гости, так умело заблокировали узел выхода Ствола вместе с вами, что даже поисковая система трансгресса искала вас три месяца — по независимому времени. На Земле же прошло еще больше.

Павел потемнел, сжал губы.

— Значит, намеки бровея Мимо на недобросовестность Тех, Кто Следит... правда?

— Они Игроки, что с них возьмешь? Ведь и нам иногда хочется выиграть любой ценой, не правда ли?

— Почему же они нас просто не... убили?

Ясена и Тая переглянулись, снова как зачарованные стали смотреть на комиссара, столь чудесно появившегося в нужный момент. Ромашин покосился на них, но шутить не стал.

— О, как настоящие джентльмены, они тоже пекутся о соблюдении неких норм, имиджа, ибо Судьи вполне способны засчитать им поражение.

— Какие судьи? — не понял Костров.

— Судьи, контролирующие Игру. Поэтому ни Те, Кто Сле-

дит, ни «хронохирурги» не позволили себе разделаться с вами на их уровне. Прямо. В любой момент. Это должны были сделать исполнители на уровнях, соответствующих вашему. Согласно условиям Игры.

— Вашему? — Павел пристально глянул в глаза Игнату, сделал шаг назад. — Вы сказали — вашему?

— Да, я так сказал, — остался спокойным Ромашин.

— А вы разве... не с нами?

— И да, и нет. Пойдемте со мной, я все объясню.

— Куда?

— В трансгресс.

— Говорите здесь.

— Хорошо, — терпеливо согласился Ромашин. — Сейчас мы оседлаем трансгресс и отправимся на встречу с вашими друзьями, которых вы направили «вниз». Они ждут.

— Откуда вы это узнали?

Ромашин улыбнулся, кротко, чуть снисходительно и в то же время доброжелательно, и Павел, который больше всего боялся, что комиссар закодирован и является резидентом «хронохирургов», поверил ему.

— И наши друзья ждут нас «внизу» три месяца?

— Нет, по их часам прошло не более суток. Три месяца прошло по независимому времени, времени трансгресса. Время внутри этой системы можно считать абсолютным.

— К т о вы, Игнат?

— Судья, — просто ответил Ромашин.

* * *

Группы Ивашуры и Жданова-первого соединились уже через полчаса после появления Ромашина.

Мужчины сдержанно, как всегда, пожали друг другу руки, по сути, даже не успев соскучиться. Женщины обнялись, но тоже выразили свою радость без обычных восторженных ахов и охов. Встреча произошла «на дне» Мира, то есть в предпоследнем узле Выхода Ствола, как выяснилось, принадлежащего Ветви, где «группа спасения» Жданова еще не появлялась. Обо всем этом, об Игре и Игроках, о контроле за ними и еще о многом другом поведал комиссар десантникам, уже достаточно подготовленным, чтобы выслушать его спокойно.

Рассказ длился около часа, и после него все долго молчали, получив пищу для размышлений. Первым переварил сенсационные новости Григорий Белый, человек действия, привыкший больше делать, чем думать.

— Значит, к «хирургам» мы теперь не пойдем?

— Зачем? — вопросом на вопрос ответил Ромашин.

— Хотелось бы посмотреть хоть одним глазком на их житье-бытье, на них самих...

— Как выглядят «хирурги», не знаю и я сам, но думаю, что их облик не представляет интереса. К тому же учтите, что они многомерные существа, а человеческий глаз просто не в состоянии уловить все геометрические извивы и формы иномерности.

— Не понимаю, как «хирурги» могут жить внутри трансгресса... — тихонько проговорила Тая, обращаясь к Ивану; десантники расположились в удобных креслах в холле гостиницы, созданной Стасом. — А тем более уживаться со своими врагами, Теми, Кто Следит...

Ее услышал Павел-первый, покачал головой.

— Это-то как раз понять можно, трансгресс только нам кажется трубой, транспортной линией, на самом деле он сверхсложная многомерная система с уровнями и подуровнями, со своими ландшафтами и «струнами» связи, космическими пейзажами, вакуумом и пространственными объемами. Вот чего не понимаю я, так это каким образом он сохраняет свое надвременное положение, почему независим от Древа Времен.

— Этого не знаю и я, — вмешался Ромашин. — Единственный человек, который мог бы ответить на ваш вопрос, Павел, это Атанас Златков, но он почему-то наотрез отказался покидать Землю... и нашу Ветвь.

— Ну хорошо, я принял ваши объяснения, — произнес Жданов-второй. — Итак, мы с Пашей, все Ждановы из всех Ветвей — исполнители решений Судей. Почему же мы узнаем об этом последними? И как мы можем повлиять на Игроков, которые на много порядков сложней нас, мощней, умней, наконец? С помощью этих ваших мечей-дриммеров? Смешно. Может быть, в качестве личного оружия дриммер и сгодится, хотя я предпочитаю «глюк», но вряд ли он способен заставить «хирурга» выполнить условия Игры.

Ромашин остался спокоен и невозмутим.

— Вам не надо замахиваться на самих «хирургов», гриф, для их урезонивания существуют исполнители соответствующего ранга. Вы же — исполнитель на уровне другой стаи, человеческой, ваш уровень — трехмерность, ваша забота — соблюдение закона людьми и существами, подобными им. А для этих целей дриммер более чем достаточен. Просто вы еще не знаете всех его свойств и возможностей.

Комиссар повернулся к Павлу-первому:

— Дайте мне ваш меч.

Жданов вытянул дриммер за рукоять из-за спины, подал Игнату. Тот некоторое время разглядывал струящееся голубоватое лезвие меча, потом сделал какое-то движение, и меч исчез. Рука комиссара теперь держала нечто вроде полупрозрачного хрустального кастета, внутри которого мерцали россыпи искр, начиная плавное движение.

— Как вы это сделали? — потребовал объяснений Павел.

— Я знаю «слово власти», то есть мысленный пароль. Дриммеры — вещь опасная. Если ими завладеют преступники, которые имеются в любом обществе, не миновать беды. Создавались они по технологии субкварковых преобразований как мирные универсальные инструментарии и многодиапазонные защитные комплексы, однако использовать их можно и в качестве оружия. Кстати, ваш любимый «глюк» всего лишь бедный родственник дриммера. — Ромашин подкинул «кастет» вверх и произнес ровным голосом: «Всех связать!»

В следующее мгновение «кастет» лопнул, как бы пророс черными жгутиками, буквально вскипел, выбрасывая множество тонких нитей, и в течение долей секунды эти нити спеленали не успевших даже понять, что происходит, десантников. Правда, Павел-первый, да и второй тоже успели среагировать на команду комиссара, хотя и по-разному: первый направил на Ромашина ствол «глюка», второй превратил свой костюм в яйцеобразный кокон. Но остальные были застигнуты врасплох.

— Комиссар, что это значит? — хладнокровно спросил Павел-первый.

— Демонстрация возможностей дриммера, только и всего.

— Вы очень рисковый человек! Не знай я вас так, как знаю, я сейчас мог бы превратить вас в облачко элементарных частиц. Мой «глюк» готов выстрелить в любой момент.

— Да, конечно, — кивнул Ромашин. — Извините за испытание, но демонстрация дриммера еще не закончилась. Стреляйте.

— Что?! Игнат, вы понимаете, что говорите?

— Стреляйте, Павел. Я в своем уме.

— Но... черт! — Жданов повернул голову к дублю. — Ты что-нибудь понимаешь?

— Стреляй, — высунул Павел-второй голову из кокона. — Он Судья, ты исполнитель. Выполняй приказ.

Жданов покачал головой, глянул на Ясену, не спускавшую с него потемневших круглых глаз, дернул уголком губ, намечая улыбку, и выстрелил, до минимума уменьшив заряд.

Трасса желтых огоньков из дула «глюка» вонзилась в грудь сидящего напротив Ромашина, и произошло нечто вроде бесшумного светового взрыва.

Вспышка жемчужного света заставила всех зажмуриться, по комнате пронесся световой ураган, искривляя тела сидящих, кресла, столики, цветы в кадках. Метнулись из угла в угол световые сполохи, складываясь в интерференционные и дифракционные веера, и светопреставление прекратилось. Ромашин продолжал спокойно сидеть на своем месте и, прищурясь, смотреть на оторопевшего Жданова.

— Но «глюку» не может сопротивляться ни один материал, ни одно поле! — с недоумением произнес Полуянов.

— Материал не может, — согласился комиссар. — Дриммер может. Струи конституэнтных[1] кварков и глюонов он встраивает в свою энергетическую сферу, превращает в неотъемлемую часть собственной эффекторной системы.

— Никогда бы не поверил, что такое возможно! — задумчиво проговорил Павел-второй. — А нельзя ли объяснить все эти эффекты попроще? Скажем, влиянием гипноиндуктора «удав»? Никто ни в кого из «глюка» не стрелял, никто не демонстрировал возможности дриммера... а? Покажите «удав», комиссар, или «слона».

Ромашин рассмеялся.

— Скептицизм ваш вполне оправдан, Павел, и все-таки никакого гипноиндуктора у меня с собой нет. Все обстоит именно так, как я вам сказал.

— Знаете, Игнат, — почесал в затылке Павел-первый. — Я, конечно, знал, что дриммеры существуют, но... даже легенды о них менее невероятны, чем их реальные возможности. И мне почему-то кажется, что наука нашего просвещенного века не создала технологии подобных изделий. Федор, ты у нас известный теоретик и практик, опровергни меня.

Полуянов скривил губы.

— Если бы я знал наверняка... дриммерами заниматься мне тоже не приходилось, эта тема всегда была святая святых секретчиков безопасности. Но где-то по большому счету ты прав. Распеленайте нас, комиссар.

Ромашин не сделал ни одного движения, но паутина нитей, опутавших десантников, освободила их, втянулась в клубок, который превратился в прежний хрустальный «кастет». Затем и «кастет» растекся лужицей по ладони комиссара, струйкой обвился вокруг запястья и стал платиновым браслетом.

— Вы несколько поколебали мои убеждения, надо признаться, — заявил Ромашин, глядя на браслет, как все остальные де-

---

[1] Конституэнтный кварк — «голый», так называемый токовый кварк.

сантники. — Может быть, вы правы, и дриммеры — подарок нашей цивилизации.

— От кого?

— От судейской коллегии, наметившей некоторых людей кандидатами в Судьи. А также в судебные исполнители. Вернемся, я подкину эту мысль Златкову, пусть повозится. Ну а сейчас пора... — Комиссар замолчал.

Ожил мерцающий огнями «огурец» Стаса, превратился в озабоченного молодого человека.

— Господа, спешу предупредить. Зона моего прямого контроля резко уменьшилась. Я чувствую мощное усиление потока внимания. Кто-то пытается ограничить рабочий объем, перекрыть энергоканалы и разблокировать зону.

Как бы в подтверждение слов инка из недр здания прилетел гулкий удар, поколебавший стены и пол гостиницы. Люди вскочили. Стас исчез, через несколько секунд появился снова.

— Это самая настоящая а т а к а, господа! И мне удержать ее не удастся, возможности атакующих гораздо выше моих. Они уже пробили северную стену блока.

— Уж не ваши ли это приятели пожаловали, комиссар? — бесстрастно поинтересовался Павел-второй. — «Хронохирурги»?

— Возможно, это именно они, — отозвался Ромашин озабоченно, не выказывая тем не менее ни растерянности, ни радости, ни страха. — Только приятелями они мне никогда не были. Есть всего одно объяснение происходящему... Кстати, готовьтесь к бою, ситуация действительно серьезная.

— Какое объяснение? — требовательно проронил Павел-второй, оглядываясь на задумавшегося Павла-первого, и направил на комиссара ствол своего «глюка».

— Не торопись с выводами, — очнулся Павел-первый. — Кажется, я понял. Мы сейчас для всех Игроков — прямая угроза выключения их из Игры. И они пойдут на любые ухищрения, чтобы нас остановить. Как «хирурги», так и Те, Кто Следит. Жданов, говорю тебе, не суетись. Игнат, приказывайте, мы готовы к исполнению своих обязанностей.

Ромашин встретил его глубокий, умный, понимающий взгляд, и вдруг пришли строки стихотворения старинного поэта[1]:

В сердце бедном много зла
Сожжено и перемолото.
Наши души — зеркала,
Отражающие золото...

[1] А. Белый.

Первый штурм блокированного Стасом бастиона длился всего несколько минут.

В атаке на десант землян, в который входили два судебных исполнителя и Судья, участвовали практически все «санитары», собранные местным резидентом «хронохирургов» по ближайшим узлам выхода Ствола. В том числе и два обезьянозмея, владеющие оружием, способным пробить любую стену, даже поддерживаемую и подпитываемую энергополем.

Одного из них уничтожил Павел Жданов, удачно выстрелив из «глюка» в брешь, пробитую самим же монстром. Второго шестилапого гиганта-киборга обезвредили Белый и Полуянов, скрестив на нем огненные копья аннигиляторов.

С остальным воинством «санитаров», среди которых были люди, чернокожие гуманоиды, «дикобразы», гориллоиды, «черепахи»-герплексы, юркие киберы, похожие на насекомых, и гигантские «червяки», выстреливающие иглы, — десантники справились быстро. Стас, контролирующий внутреннюю геометрию интерьера зоны, для каждого десантника создал «окоп» или «дот», из которого они и вели огонь, в упор расстреливая атакующих, видимых как на ладони.

Последний из «санитаров» превратился в дымный смерч, и атака захлебнулась.

Стас заделал пробоины в стенах зала вокруг трубы хрономембраны, убрал трупы врагов, очистил помещение от обломков стен, копоти, пятен, проозонировал воздух, и зал заблестел чистотой, словно здесь и не проходил только что короткий, но яростный бой.

— Штурм отчаяния, — прокомментировал его Ивашура, больше переживающий за Веронику, нежели за себя или вообще за судьбу отряда.

Однако женщины выдержали испытание с честью, сражаясь наравне с мужчинами, защищая спины дорогих им людей да еще ухитряясь при этом перекликаться по рации и давать советы.

Ромашин в схватке почти не участвовал, только снял двух «санитаров», подобравшихся близко, а сам продолжал анализировать складывающуюся ситуацию, искать выход из положения. Он тоже считал бой актом отчаяния «хирургов», но был уверен, что у противника припрятаны и другие козыри.

— Мы можем уйти отсюда по цепи Ствола? — спросил его Павел-первый. — Или по линии трансгресса?

— Нам не надо никуда уходить, — покачал головой Ромашин. — Коль атака равных нам сил не удалась, «хирурги» начнут

повышать уровень воздействия, пока не добьются своего. Терять им нечего. К тому же не сказали еще своего слова Те, Кто Следит.

— Хороши Игроки, нечего сказать! — насмешливо прищурился Белый. — Моральные нормы для них явно не писаны.

— Да и мы, в общем-то, тоже хороши, — проворчал Костров. — Такие крутые, что дальше некуда. Судьи называется, исполнители... а ничего сделать не можем! Как же вы собираетесь влиять на Игроков, если их уровень, как вы утверждаете, для нас недосягаем?

— Не спешите с выводами, — успокоил его Ромашин. — У нас тоже есть в запасе кое-какие сюрпризы. Будем ждать.

Ожидание длилось недолго.

Через сорок минут на зал началась новая атака, в которой уже участвовали силы Тех, Кто Следит. Игроки договорились действовать сообща, терять им действительно было нечего, а десантники-земляне и для тех, и для других представляли реальную угрозу срыва Игры. Эту угрозу необходимо было нейтрализовать.

Первыми на штурм зоны пошли черные всадники, правда, без своих гигантских коней-кентавров. Проломив стены зала сразу в нескольких местах, они устроили настоящий ад, обладая мощным «выплесковым» оружием, от которого материал здания Ствола плыл и застывал причудливыми гирляндами и кратерами. От прямого попадания такой «пули» Полуянов улетел к противоположной стене и долго не мог прийти в себя, хотя скафандр спас его. В то же время оружие людей на хронорыцарей почти не оказывало воздействия. Разряды «универсалов» гасились их черными «латами» полностью, молнии аннигиляторов отражались, довершая разгром зала, и лишь неяркие трассы «глюков» заставляли черных всадников отступать, хотя видимого урона не наносили. Вероятно, хронорыцари имели защиту на уровне кварковых преобразований.

И тогда оба Павла Жданова применили дриммеры в привычной для них форме — в качестве мечей. Удара этих мечей черные всадники не выдерживали. Правда, люди не сразу приспособились к процессу взаимодействия дриммеров и хронорыцарей. Меч входил в тела всадников туго, с мокрым чмоканием, как в тесто, и не отрубал конечности с первого удара. Поэтому приходилось бить несколько раз. Пока черный всадник залечивал одну рану (шрам от удара начинал затягиваться прямо на глазах), Павел наносил еще два удара, а потом в прыжке рубил бугор головы. После этого рыцарь переставал сопротивляться и оплывал бесформенным куском черной глины.

Уничтожать бывших союзников было горько, больно и страшно, однако десантники понимали, что альтернативы нет: не убь-

ют они — убьют их, и дрались с ожесточением, без сентиментальных вздохов и размышлений.

Атака хронорыцарей захлебнулась. Всего их набралось восемь, и все погибли, застыв в разных концах разгромленного, истерзанного ядерным и плазменным огнем зала. Но передышки люди не получили. Вслед за черными всадниками на отряд напали эсперы и конкистадоры, изделия рук человеческих, переориентированные на уничтожение своих бывших хозяев, а потом уж и вовсе невиданные механизмы, созданные, очевидно, на Землях других Ветвей.

В этой бойне принял участие и Ромашин, наглядно показав, что такое дриммер в руках опытного человека. Буквально за полминуты выпущенные им дриммеры уничтожили большую часть атакующих, превращая их в черные шары, которые мгновенно уменьшались, сжимались в точку, исчезали без следа, порождая гулкие всхлипы и трески обратной ударной волны.

Оставшиеся силы нападавших были уничтожены десантниками, сумевшими сохранить спокойствие и удержать оборонительные линии. Последний паук-конкистадор прорвался в зал за спиной гигантской сколопендры, которую расстрелял Гриша Белый. Павел-второй направил на паука «глюк», чтобы ликвидировать прорыв, но Ромашин вдруг остановил его:

— Не стреляйте, Павел! Это парламентер.

Конкистадор просеменил к трубе лифта, оставшейся нетронутой, несмотря на творившийся кругом разгром, в задумчивости поднял вверх две передние лапы и вдруг превратился в юную красивую девушку в тунике и сандалиях, загорелую, с пышными золотыми волосами, изумрудными глазами и алыми губками. Она улыбнулась, подбоченясь, нашла глазами Павла-первого (все десантники были похожи друг на друга, будучи одетыми в скафандры, но девушка выбрала именно Жданова-первого) и проговорила грудным контральто:

— Не пора ли устроить перемирие, исполнитель Жданов?

— Я здесь не главный, — отозвался Павел, озадаченно оглядываясь на Ромашина, единственного из всех не имеющего скафандра.

— Вы главный? — повернулась незнакомка к комиссару. — Странно. В моем реестре вы не значитесь как лицо, облеченное властью.

— А вы кто? — любезно поклонился Ромашин.

— Я представитель мыслящих, которых вы называете Теми, Кто Следит.

— Очень приятно познакомиться. Я Ромашин. Чем обязаны столь высокому визиту?

— Произошло явное недоразумение. — Девушка повела ладошкой, указывая на глыбы погибших черных всадников. — Один из наших помощников спутал уровни воздействия и проявил инициативу, не посоветовавшись с нами. Больше этого не повторится.

Последние слова незнакомки прозвучали особенно звонко, по разрушенному залу метнулось странное дребезжащее множественное эхо, а Павел-первый, да и второй тоже ощутили вдруг тихое потрясение ментального поля, исказившее на мгновение их восприятие действительности. Неприятное ощущение тут же прошло, настроение обоих резко повысилось, прибавилось сил, все происшедшее стало казаться несущественным, вторичным, главным была встреча с прекрасной представительницей высших сил, дружить с которыми счел бы за честь любой человек из любой Ветви времени. А еще было радостно осознавать, что Те, Кто Следит выступают на стороне людей и готовы защищать их всеми доступными средствами, предоставить любую помощь, а в перспективе могут обеспечить достойное представительство в среде Игроков.

Видимо, те же чувства, даже в более ярком выражении, овладели и остальными десантниками, потому что они зашевелились, повеселели, вышли из-за своих укрытий, перебрасываясь шутками и веселыми репликами. Женщины разгерметизировали скафандры, открывая возбужденные счастливые лица, мужчины стали прятать и блокировать оружие. Тем неожиданнее для них прозвучал холодный резкий голос комиссара:

— Отставить веселье! Это гипноатака! Всем включить пси-защиту, немедленно!

Из девяти десантников лишь двое Павлов не спешили выключиться из состояния боя и были вознаграждены тем, что последовавшая после слов комиссара мощнейшая дезориентирующая гипноатака почти не причинила им вреда. Пси-защита скафандров успешно отбила страшный выпад резидентки Тех, Кто Следит. На остальных же нападение подействовало убедительно, заставив их броситься друг на друга и начать «гражданскую войну» всех против всех.

Дальнейшие события, не зависящие от внешних причин, развернулись в течение нескольких секунд. Людей могли остановить только они сами, их воля и сознание. Но лишь Ясена смогла справиться с собой, разобраться в обстановке и не стала открывать огонь по товарищам. Костров и Тая, Ивашура и Вероника, Гриша Белый и Федор Полуянов успели накрыть друг друга залпами из «универсалов» и аннигиляторов. К счастью, ни один из

них не выстрелил из «глюка», иначе практически весь отряд был бы тут же уничтожен.

Жизнь людей висела на волоске, когда в события вмешался Ромашин.

Один его дриммер сковал действия дезориентированных десантников, второй атаковал посланницу Тех, Кто Следит, нанесшую мощнейший дезинформационный гипноудар. И война своих со своими прекратилась. Опомнившиеся люди, еле переводя дух, молча смотрели то на Ромашина, то на свободных от пут Ждановых, то на место, где только что стояла изумительно красивая девица, на которую ни у кого, наверное, не поднялась бы рука. Дриммер комиссара превратил ее в ничто, в дуновение ветра.

Ромашин пробрался мимо черных глыб хронорыцарей к трубе лифта, вызвал Стаса, пошептался с ним и повернулся к десантникам, постепенно приходящим в себя. Но заговорил только тогда, когда Стас заделал проломы в стенах зала и расчистил пол.

— Мы все еще игрушки в руках наших покровителей. Хотя я вас не виню, нападение было слишком неожиданным, даже для меня. А ведь атаковал нас не Тот, Кто Следит, а всего лишь его резидент.

— Вот именно, — проворчал Белый. — А вы утверждаете, что мы способны диктовать условия самим Игрокам. Черта с два они нас послушают!

Остальные молчали, стыдливо пряча глаза друг от друга. Женщины не решились подойти к мужчинам и лишь посматривали на своих друзей, не понимая, что произошло. Чувствовала себя неплохо только Ясена. С простотой и естественностью дочери природы она одарила десантников презрительно-высокомерным взглядом, подняла подбородок и гордо прошествовала к «своему» Павлу, взяла его под локоть. Не выдержав, спряталась за его спину.

Ромашин засмеялся. Со вздохом облегчения все зашевелились, сбились в кучу, снова обратили внимание на комиссара.

— Никто не ожидал пси-удара такой силы, — виновато пробормотал Полуянов. — Вот и началась неразбериха.

— Интересно, а что случится, если здесь появится «хирург», так сказать, лично? — хмыкнул Белый. — Или один из Тех, Кто Следит?

— Они и г р а ю т на неизмеримо более высоких горизонтах, — начал было Павел-первый, но Григорий пренебрежительно махнул рукой:

— Чтобы убрать мешающих их замыслам, они вполне решатся спуститься со своего горизонта на наш. Кстати, почему мы не

можем уйти отсюда и переждать в более спокойном месте? Чего ждем?

— Я пригласил сюда других Судей и судебных исполнителей, — спокойно ответил Ромашин. — Из иных Ветвей. Как только они начнут прибывать, наш статус изменится. На судейскую коллегию никто не осмелится напасть. А пока нам придется отбивать атаки Игроков и держаться. Другого выхода нет.

— Между молотом и наковальней, — тихо проговорила Вероника.

Мужчины промолчали. Цель Игры, затеянной Игроками, казалась им бессмысленной, но на их стороне десантными уже не играли, осознав бесперспективность своих действий. Однако им было за кого и за что сражаться, и сдаваться никто не собирался.

* * *

Они отбили еще одну атаку, самую яростную и самую короткую, довершившую разрушение зала и близлежащих помещений Ствола. На этот раз в нападении участвовал посланец «хирургов» — боевая разумная система типа «стая», с родственником которой уже встречались Белый и Полуянов на Земле своей Ветви.

Она просочилась в зал сквозь не заделанные Стасом щели и дыры, но была вовремя обнаружена и встречена огнем «глюков» и ответным залпом дриммеров: около полусотни танцующих змей с дынеобразными головами, то складывающихся в одно существо, то распадающихся на полупрозрачные тени, обладающие огромным пси-потенциалом и потому смертельно опасные.

Когда растаяла последняя змееобразная особь стаи, люди еще некоторое время ждали продолжения, не дождались и принялись молча подсчитывать ресурсы и боезапас. Сил вести отвлеченные разговоры у них уже не осталось.

Через несколько минут проверка ресурсов закончилась.

— Еще одна такая атака, — хмуро доложил Белый, — и мы останемся безоружными, если не считать дриммеров. Странно, что «хирурги» тянут время. На их месте я бы не посылал «шестерок», а пошел сам. Ну, или послал бы не одного бойца, а целый отряд. С тремя-четырьмя стаями мы бы не справились.

Словно в ответ на его слова Стас коротко доложил о «гудении струны» лифта: кто-то мчался сюда по цепи выходов хроноускорителя и вот-вот должен был появиться в зале.

— Приготовьтесь на всякий случай, — сказал Ромашин. — Хотя, сдается мне, это начинают собираться приглашенные.

— Как же вам удалось их вызвать? — заинтересовался Жданов-первый. — Наверное, не без помощи Златкова?

— Не без, — улыбнулся комиссар. — Это оказалось достаточно простым делом. Мы запрограммировали своего Стаса, а уж он программу связи со всеми бродящими по узлам выхода послал дальше.

— Удивительный человек... хотя и странный немного.

— Все мы странны по-своему. Но интеллект Атанаса такой мощи, что он, наверное, мог бы поспорить с Игроками. Во всяком случае, он первым оценил их, определил параметры Игры и разработал рекомендации, как ее прекратить.

— Почему же вы нам этого не сказали раньше?

— Потому что деталей не знаю сам, Златков не был убежден в истинности своих идей и попросил время на дополнительные расчеты. Надеюсь, он справится.

С тихим звоном возникла дверь лифта, доставившего первого гостя. Растаяла. И под изумленные возгласы в зал вышел тот, о ком только что говорили, Атанас Златков собственной персоной.

Одет всемирно известный ученый был в оранжевый «уник» аварийщика-спасателя. О том, что «уник» может трансформироваться в любой костюм любого цветосочетания, он, наверное, не подумал.

— Какая встреча! — пробормотал он с меланхолическим выражением на лице и разрядил обстановку до гомерического хохота. Остановился, озадаченно глядя на смеющихся десантников.

— Что это с ними?

— Все в порядке, — подошел к нему Ромашин, пряча улыбку. — Мы говорили о вас, и вы тут же появились.

— А что тут у вас творится? Такое впечатление, будто произошло землетрясение.

— И не одно, а несколько. Нас атаковали.

— «Хирурги»?

— И те, и другие.

— Я предполагал нечто подобное, потому и решился на этот трюк со спуском. Сейчас сюда прибудут наши общие знакомые Григорий Белый и Марич с кое-каким оборудованием. Потом мы сделаем пару переходов и...

— И нас перехватят, — перебил его Белый.

— Меня же не перехватили? — философски заметил Златков. — Пока вы тут сражались, мы там успели предпринять кое-какие меры. — Он увидел приближавшихся Ждановых, оживился. — Вас уже двое, очень рад.

— Я тоже! — в один голос искренне воскликнули оба Павла,

пожимая руку ученому. — Что побудило вас ринуться в пучину времен?

— Мы договорились с Судьей, — Златков кивнул на Ромашина, — что, как только я закончу разработку одной интересной идеи, тут же сообщу. Я закончил.

— Что за идея?

— Как прекратить все это безобразие с использованием нашего Ствола в качестве Бича Времен.

Сказано это было так просто, что в зале установилась мгновенная тишина.

— Вы нашли способ воздействия... на Игроков?! — раздался в этой тишине голос Ивашуры.

— В принципе да, хотя я прежде всего искал способ нейтрализации воздействия Ствола на соединенные им Ветви.

— И что для этого нужно сделать?

— Ну, на это могу ответить и я, коль идея уже была высказана Атанасом, — вмешался Ромашин. — Прежде всего необходимо собрать всех исполнителей. Затем мы все переместимся в схрон, в тот узел выхода Ствола, где строится Контрствол, и объясним строителям ситуацию. Затем включим Контрствол в соответствии с рекомендациями Атанаса. — Комиссар повернул голову к ученому. — Я правильно все нарисовал?

— В пределах компетенции, — снова вызвал смех окружающих Златков.

— А если мы не успеем? — спросил Белый, будучи прагматиком, редко полагающимся на обещания других людей. — Мы отбили уже четыре атаки, может быть, переживем еще одну, но самих «хирургов» встретить будет уже нечем. Я вообще удивлен, как пропустили они сюда вас, господин Атанас.

— А я никого не спрашивал, — пожал плечами Златков. — Зачем им останавливать одного слабого человечка? Что же касается атак, их больше не будет, уверяю вас.

Ответить на вопрос почему он уже не успел, Стас объявил о прибытии следующей пары гостей.

Это были обещанные Гриша Белый и Марич, тащившие за собой тележку-антиграв с какими-то приборами.

Началась суматоха, все хотели посмотреть на встречу двойников-Белых, поговорить с каждым, и Ромашину с Ивашурой пришлось призвать отряд к дисциплинированности и тишине. Десантники отступили от лифта, потом и вовсе вышли из зала в коридоры и близлежащие помещения, бывшие недавно полем боя, с пробитыми навылет стенами, усеянные обломками рухнувших перекрытий, оплавленные и сожженные.

Естественно, было выставлено боевое охранение на случай

появления неприятных сюрпризов, но обещание Златкова оправдалось. На отряд больше никто не напал. А потом начали прибывать отряды десантников из других Ветвей времени: Ждановы, Белые, Ивашуры, Полуяновы и даже «погибшие» Рузаевы, Гаспаряны и Валетовы.

— Сюр! — только и сказал Гриша Белый, ошалев от встреч «с многократно умноженным самим собой». — Во сне такое не приснится!

Павел-первый был с ним согласен, потому что и его пробирала дрожь от происходящего действа, объяснить которое он мог — себе (но не Ясене), а воспринимать как реальность не хотел.

— Слушай, — снова подошел к нему возбужденный Григорий, волоча за руку второго Белого, возбужденного не меньше. — Я тут поспорил с ним... э-э, с самим собой, так сказать... хе-хе... Зачем все-таки понадобилось собирать всех, если Златков и сам мог бы включить Контрствол?

— Насколько я понял Ромашина, контакт с Игроками возможен только на уровне с т а й. Помнишь наш разговор? Человечество — тоже с т а я, только еще не осознавшая себя на этом уровне. Так вот мы собираем с т а ю единомышленников, иначе никто слушать нас не станет.

— Понял? — бросил снисходительно Григорий своему дублю.

Павел засмеялся. Белые отошли к своей группе. Павел некоторое время наблюдал за прибывающими, здороваясь с каждым, пожимая руки своим двойникам, и отметил одну странность: ни один следующий Павел Жданов не прибыл с девушкой. Таким образом, он пока оставался единственным, у кого была Ясена.

Выбрав момент, Павел оставил ошеломленную Ясену с Таей, подошел к одинокой паре тихо беседующих Златкова и Ромашина (их двойники почему-то еще не появились) и поделился с ними своим открытием. Гости все прибывали и прибывали, их уже насчитывалось несколько сотен, а конца и края этому не было видно.

— Что ж, тебе повезло, — сказал Ромашин, понимая чувства безопасника. — Видимо, Ветвь с племенем россинов уникальна, больше таких нет, и твоя Ясена — единственная. — Он прищурился. — Или ты хотел бы иметь их несколько?

— Да н-нет, — смешался Павел, неожиданно став косноязычным. — Я не это... думал же, другая...

— Вполне возможно, что все Ясены погибли в своих похождениях по Стволу, — пришел ему на помощь Златков. — С другой стороны, Ветвь россинов действительно может быть единственной с такими условиями. Схрон. Временной тупик, так сказать. Вообще удивительно другое, что вас выбросило именно туда, в

спокойное место. Ваш штурм хронобура мог закончиться совсем иначе.

— А как вы объясните, что их выбросило в тупик? — заинтересовался Ромашин.

— Да очень просто, воздействием сразу двух Игроков — «хирургов» и Тех, Кто Следит, уравновесивших друг друга. Одержи победу «хирурги» — вся команда просто перестала бы существовать. Ну а если бы победили Те, Кто Следит, ребят занесло бы куда-то очень «высоко», в «крону» Древа, откуда они уже никогда не вернулись бы домой.

— До меня медленно доходит, но я, кажется, понял, — пробормотал Павел, все еще ища глазами знакомые лица, чередой появляющиеся из кабины лифта; Стас, разделившись на десятки своих копий, успешно справлялся с регулировкой и размещением групп. — Даже убийство Валетова волхвом Родом на земле россинов — результат игровых ходов обоих Игроков. Наша команда равновесная и потому наиболее перспективная для них. Они пытались склонить нас на свою сторону любым способом...

— В пределах вашего уровня, — поднял палец Ромашин. — И только почувствовав угрозу провала, Игроки начали поднимать уровень воздействия, формируя все более мощные поля сопротивления.

— Я не согласен, — мотнул головой Златков. — То есть вы правы, Игнат, но я имел в виду Игроков. Есть веские основания полагать «хирургов» и Тех, Кто Следит не Игроками, а просто фигурами покрупней, чем пешки-люди. И еще тут у меня возникла одна идея... — Златков пожевал губами, погружаясь в задумчивость. — По принципу экономии энтропии в транзитивно зависимых контаминатах...

— Попроще, Атанас, — рассмеялся Ромашин. — Иногда мне кажется, что вы родились на Земле случайно, не ваш это уровень.

— Попроще я вряд ли... — Златков на мгновение словно засветился изнутри, а Павел вдруг ощутил нечто вроде бездны, разверзающейся под ногами. Все тут же и прекратилось, ученый стал тем, кем и был — полусонным с виду, рассеянным человеком, но впечатление б е з д н ы осталось.

— В общем, у меня появилась идея подсчитать параметры трансгресса, — продолжал ученый. — Интуиция мне подсказывает, что он создан кем-то, кто гораздо выше всех действующих персонажей нынешней драмы.

— Кем?

Златков посмотрел на Ромашина, и по губам его неожиданно скользнула застенчивая улыбка, совершенно не подходящая этому человеку.

— Настоящим Игроком! — произнес он заговорщицким шепотом. — Понимаете? Единственным! Решая проблему Ствола, я уперся в две другие проблемы и работаю сейчас над ними днем и ночью, настолько они меня заинтересовали. В результате я понял, что Игрок действительно должен быть один. А поскольку он не любит проигрывать, то и выиграть не может. Понимаете? Играет-то он... — Златков помолчал, — сам с собой...

— Вы хотите сказать, что Игру не выиграет никто? Какие бы усилия он ни прилагал? Ни «хирурги», ни их соперники...

Златков кивнул.

Ромашин и Павел переглянулись, помолчали. Вопрос, вертевшийся у Жданова на языке, был невыносим, и он все-таки задал его:

— В какие именно проблемы вы уперлись, Атанас? Извините, что я вторгаюсь в личную сферу...

— Любопытство не порок. Проблемы действительно стоят того, чтобы положить на них жизнь, смею вас заверить. В принципе это вечные проблемы физики невозможных состояний. Первая — проблема нашего предназначения. Вторая — проблема возникновения Игрока. Или Творца, если хотите.

Ромашин задумчиво, а Павел с дрожью в теле смотрели на ученого и не знали, что сказать в ответ.

А гости все прибывали, звуки шагов, шарканье, голоса тысяч человек слились в ровный гул, заполнили зал, все помещения вокруг, и казалось, Ствол вскоре не выдержит напора и рухнет, погребая всех под собой.

ГЛАВА 7

Это было поистине грандиозное сюрреалистическое зрелище.

Из здания Ствола выходили люди, похожие друг на друга как две капли воды, строились в колонны и вливались в общее войско, подступившее к стенам Контрствола. Никогда никто ранее не наблюдал подобного шествия, хотя, наверное, в истории Древа Времен собирались рати и более многочисленные. Однако и эта армия, насчитывающая никак не менее трехсот тысяч человек, впечатляла, а главное, состояла она из подразделений одинаковых людей: «полка» Ждановых, «бригады» Белых, «батальона» Костровых, женских «батальонов» и «рот» — Таисий Калашниковых, Вероник Ткаченко, других женщин, по-видимому, чьих-то подруг, ставших десантницами.

Ромашин взирал на эту армию с высоты тридцать второго этажа Ствола с философским спокойствием, Златков — меланхоли-

чески, скрестив руки на груди, Жданов же, Павел-первый в иерархии всех Ждановых, с кого началась вся история, чувствовал себя не в своей тарелке. Помогало только присутствие Ясены, быстро привыкшей к тому, что происходит, и с любопытством, но без страха, разглядывающей армию, самую необычную из всех когда-либо существовавших.

— Стая, — задумчиво произнес кто-то сзади. — Не очень-то это похоже на стаю.

Павел оглянулся. Его команда в полном составе смирно стояла за его спиной и ждала приказа. Игорь Васильевич Ивашура, Вероника, Иван Костров с Таей, Федор Полуянов, Гриша Белый. Не было с ними только Павла-второго, он командовал «полком» других Ждановых, подтягивающихся к угрюмому черно-багрово-фиолетовому двуглавому замку Контрствола...

Конечно, в этом мире-схроне их ждала у кабины лифта засада.

Но, во-первых, Стас отвлек находившихся в засаде шумовыми и видеоэффектами, во-вторых, десантники пустили вперед своих киберов, реагирующих на изменение обстановки быстрее людей. Киберы, естественно, были уничтожены, но и сами нанесли засаде немалый урон. В-третьих, сообщение, посланное Ромашиным с помощью Златкова еще из своей Ветви, достиглотаки адресата и здесь, в схроне «хирургов». Сторонников диалога, готовых выслушать парламентеров, набралось немного, но они были и сыграли свою роль, хотя и несколько позднее.

А затем из лифта вышел передовой отряд армии Ромашина, вооруженный дриммерами, и участь засады, а заодно и всех остальных охранников Ствола была решена.

Появившийся вслед за авангардной группой ударный «батальон» очистил от «санитаров» Ствол, сбил десятка два летающих крестов и прочей техники и занял оборону. А вскоре начали прибывать основные силы людей.

Остатки «санитаров» отступили к зданию Контрствола, в панике бросая оружие. Потом кто-то начал наводить там порядок, и паника улеглась. Защитники Контрствола попрятались внутри недавно отремонтированного здания, подтянули резервы, подняли в воздух более мощные машины, которых ни Павел-первый, ни его спутники не видели раньше: четыре гигантских конуса, усыпанных круглыми отверстиями и вертикальными щелями. Конусы здорово походили на трансгалактические спейсеры земной погранслужбы. Вероятно, под влиянием «хронохирургов» находились Земли, почти не отличимые от Земли Ромашина и Жданова.

Но, видимо, именно в этот момент сказали свое слово те, кто не хотел воевать и готов был выслушать предложения противни-

ка. Готовый вспыхнуть с новой силой бой не начался. «Санитары» и их неведомые начальники угрюмо смотрели на развертывание армии Ромашина, заполнившей всю равнину от Ствола до Контрствола.

— Пора и нам, — сказал наконец Ромашин. — Думаю, мы заслужили честь представлять сводную рать многих человечеств.

Ивашура и женщины повернули было к выходу с «балкона», образованного рухнувшим вниз участком стены, но Павел-первый остановил их.

— Спускаться долго, у нас есть транспорт.

Игорь Васильевич взглянул вопрошающе, и Жданов добавил:

— Дриммеры.

— Я не умею ими пользоваться, — смущенно улыбнулась Вероника, нащупывая в кармашке костюма свой «волшебный кастет».

— А не надо ничего уметь. Ваш дриммер настроен на ваш мысленный поток и выполнит все желания, надо только приказать.

Словно иллюстрируя пояснение Жданова, Ромашин прыгнул с балкона вниз, вычертил красивую дугу и понесся к зданию Контрствола. За ним сорвался с выступа Белый, посыпались горохом Полуянов, Костров, Тая, и, наконец, последними, разобравшись в управлении дриммером, стартовали Вероника, Ивашура и замыкающим Павел.

Вся восьмерка, провожаемая взглядами воинов многотысячного войска, опустилась перед воротами заграждения, окружающего Контрствол по периметру. Створки ворот — обычная решетка, приводимая в движение сервомеханизмами, — разошлись, пропуская парламентеров. Ромашин спокойно двинулся вперед, за ним Белый, самый напряженный из всех, ожидающий каверз от бывших врагов, остальные чуть отстали.

Прошли мимо памятного Павлу растворного узла, обогнули замершие грузовозы. Когда до огромного восстановленного портала, обрамляющего вход в здание, осталось около сотни метров, отряд остановился. Наступила странная, торжественная и одновременно полная напряжения минута ожидания.

— Врата Ада! — прошептала Ясена.

Остальные женщины были с ней согласны. Впрочем, мужчины тоже. Павел отчетливо увидел пропасть, способную поглотить не только их маленький отряд, но и войско сзади, и весь уцелевший осколок здешней природы, и всю Вселенную! И еще он почувствовал при этом, что странным образом эта пропасть зависит от воли всего нескольких человек, одним из которых был он сам...

Минута истекла. Но того, кто вышел к парламентерам, они увидеть не ожидали.

Это был... Ромашин! Игнат Ромашин номер два! А за ним появился и Атанас Златков-второй, с виду равнодушный ко всему.

Некоторое время двойники молча рассматривали друг друга. Потом засмеялся Павел. И его смех разрядил обстановку лучше любого другого жеста или слова. Правда, вышедшие из крепости «хирургов» копии известных всем людей не были расположены к шуткам и смеху, и все же реакция Жданова подействовала на них успокаивающе.

— Чего вы хотите? — жестко проронил Ромашин-второй; Ромашин-первый в таком тоне никогда ни с кем не разговаривал.

— Мира, — ответил он сдержанно.

— И для того, чтобы это доказать, вы привели целую армию?

— Абсолютно верно. Вряд ли ваши хозяева расположены слушать кого бы то ни было, если только это не ультиматум. Это первое. Второе: вы наверняка проанализировали полученную информацию...

— Мы получили ее только что и прибыли сюда за несколько минут перед вашей демонстрацией.

— В принципе я готов принять вашу концепцию,— добавил Златков-второй, благосклонно взиравший на своего визави. — Но хотелось бы выслушать... э-э... м-м... коллегу более обстоятельно.

— Мы готовы к этому, — кивнул Ромашин-первый. — У вас имеется аппаратура компьютерного эф-анализа?

Ромашин-второй и Златков-второй переглянулись.

— Найдем.

— Тогда сделайте милость, обсудите с коллегой все спорные проблемы, а мы тут подождем в приятной компании.

Златков-первый поклонился, подошел к своему дублю, и они скрылись за колоннами портала.

— Разве они наши враги? — тихонько шепнула Ясена на ухо Павлу. — Почему они там, а не с нами?

— Не враги, — вздохнул Павел, — но фактор противостояния. Их родина оказалась под влиянием «хронохирургов», склонивших их на свою сторону, в то время как мы поверили другому Игроку.

— Тем, Кто Следит?

— Умница.

— А почему их так мало? Я имею в виду ваших начальников, Ромашина и Златкова. Столько прибыло разных двойников, а их всего по двое... и я — одна... — Девушка вздрогнула. — Я так боя-

лась... — она прикусила губку, но Павел понял, что хотела сказать Ясена. Она вспомнила о Владее.

«Действительно, — подумал Павел, — пикантная возникла бы ситуация, если бы здесь появился двойник волхва. А как бы отреагировала Ясена на появление «лишней» соперницы? Или она уже иначе смотрит на это дело? Ведь обещала выйти за меня замуж...»

— Ничего не бойся, все наши беды позади. — Сам Жданов в этом сомневался, но не видел, чем еще успокоить девчонку. — А двойников Ромашина и Златкова здесь мало по той простой причине, что во многих Ветвях, вовлеченных в Игру, они просто не существуют, а в тех мирах, где они живут, их роль не столь велика.

Он оглянулся.

Войско двойников заполняло всю равнину до рухнувшего утеса Ствола, и крылась в их молчании столь грозная сила, что даже колоссальная гора Контрствола, нависшая сверху, не могла поколебать уверенности стоящих напротив людей. Златков (первый) был прав. «Хирурги» не решились открыто воевать со стаей многих человечеств, но они явно готовили какую-то акцию. Уверенность Ромашина-второго тоже основывалась на чем-то.

Ромашины отошли в сторону, тихо беседуя. Остальные парламентеры собрались в группу вокруг Белого, вздумавшего рассказать анекдот для разрядки нервов.

Златковы вернулись через полчаса, оживленно споря на ходу, размахивая при этом руками, поминутно останавливаясь, втолковывая друг другу какие-то истины. Опомнились и замолчали они, когда до молча ждущей их группы осталось всего несколько шагов.

— Да, — сказал Златков-второй; отличить обоих ученых можно было только по костюмам: на Златкове-первом был все тот же оранжевый «уник», на его дубле красовался дымчатый «хамелеон».

— Да, — повторил Златков-второй, — противоречий в их доказательствах я не нашел. Есть кое-какие спорные моменты, но существа дела они не меняют.

— Вывод? — сухо спросил Ромашин-второй.

— Нас использовали наши «хирурги», их — свои... То есть Игроки. Сейчас они, Игроки опять же, пытаются изменить правила Игры, используя квантово-тоннельные «уши», торчащие в вакууме...

— Попроще, — совсем сухо попросил Ромашин-второй, — и без вашего научного жаргона.

— Но мы не можем... — начал было Златков-второй. Первый отстранил его:

— Попробуем. Трансгресс перестал быть транспортной системой для обеих сторон, ни «хирурги», ни Те, Кто Следит не могут им воспользоваться, как раньше. Он отключен.

— Кто его отключил?

— Я, — поднял глаза на Ромашина-первого Златков.

— Вы?!

— Сейчас это не имеет значения. Как Главный Судья уровня я имею право на такие действия. Тем более если они одобрены Судейской коллегией.

— Вы... Главный Судья?!

Тишина, наступившая после восклицания сразу двух Ромашиных, была такой, что стал слышен шорох песка под ногами переступавших с места на место людей в полукилометре отсюда. Даже спутники Златкова смотрели на него с изумлением, не веря своим ушам.

— Что тут особенного? — поднял брови ученый. — Должен же кто-то быть главным арбитром игры? Вот он, — Атанас кивнул на Ромашина-первого, — арбитр первого ранга, Павел Жданов — судебный исполнитель, я — Главный Судья. Все утверждены Судейской коллегией, все исправно несут свои обязанности... хотя и не всегда знают об этом. Все правильно.

— Неправильно, — заметил Златков-второй недовольно. — Говори им то, что есть на самом деле, а то они все индивидуалы и мыслят категориями личностных отношений.

— А, ну конечно, — согласился Златков-первый, — я же это и имел в виду. Судья — это категория, понимаете? Не личность. Главный Судья — это в с е Златковы, вместе взятые, обитающие во всех Ветвях. Поэтому их и мало. Судебный исполнитель — это все Ждановы, вместе взятые... ну и так далее.

— Стая, — серьезно сказал Ромашин-первый.

— Да, комиссар, — согласился ученый. — Если хотите — стая. Или рой. Разумная регулирующая система. Но образуется она только тогда, когда Вселенной начинает угрожать опасность распада, дестабилизации, вырождения, иначе — если Древо Времен начинает «сохнуть» из-за действий Игроков. Тогда Древо формирует Судейскую коллегию, которая и ограничивает деятельность Игроков, игнорирующих правила Игры.

— Только учтите, — перебил Атанаса дубль. — Мы сильно упрощаем ситуацию, ведь Игра имеет не один уровень, а речь идет только о том, который доступен стае людей.

— Хорошо, я вас понял, — сказал Ромашин-второй, встречая

дружелюбный взгляд своего двойника и отвечая ему сдержанно-заинтересованным, уже не враждебным взглядом. — Допустим, мы выйдем из Игры — все, кто осознал ее агрессивный характер и бесперспективность. А если Игроки найдут нам замену? Сможет ли остановить Игру потеря Игроками всех... м-м, пешек?

— Господин Судья первой категории, — произнес Ромашин с некоторой иронией, — мы с вами всего лишь люди, и наш уровень — регуляция Игры биологических систем. Высшие уровни нам недоступны. Но и наш — весьма и весьма сложен, так что работы у нас будет много.

— Эмоционально, но неточно, — проворчал Златков-первый. — Вы опять забываете, Игнат, что ни «хирурги», ни их соперники не являются собственно Игроками, они просто фигуры более высокого порядка, чем пешки-люди, и используются истинно Великими Игроками, управляющими Древом Времен. Добраться бы до них! Ведь кто-то же из них ошибся... — Ученый посмотрел на своего двойника и умолк.

— Продолжайте же, Атанас, — заинтересованно проговорил Ромашин-первый. — Сказали «а», говорите «б».

— Это всего лишь предположение, — нехотя пробормотал Златков, впадая в обычную свою меланхолическую задумчивость. — Мой тезка со мной не согласен.

— Да потому что фазовый портрет эволюции такой сложной системы, как Древо Времен... — вскричал возбужденный Златков-второй, вызвав оживление группы Ивашуры, но Ромашин-второй остановил его нетерпеливым жестом.

— Не тяните время, Атанас, нас ждут сотни тысяч людей.

— Есть косвенные доказательства того, что кто-то из Великих Игроков, а не «хирурги» или их соперники, торпедировал некие важные законы Древа Времен, и теперь оно «горит».

— Что значит «горит»?

— Для того чтобы это объяснить, я буду вынужден снова вернуться к проблемам времени. Да, конечно, Древо Времен реализовало все возможные концепции времени, коих бесконечное множество, но, какими бы ни были эти времена, собственно время как континуум — горит! Сзади нас — ничего! Пепел памяти. Вселенная вспыхивает каждое мгновение, ветвится и тут же сгорает... чтобы вспыхнуть опять! Жизнь как бы убегает от небытия и никак не может убежать.

Златков-второй махнул рукой и демонстративно отошел в сторону. Первый посмотрел на него рассеянно, повернулся к Ромашиным, рассматривающим его во все глаза.

— Существует некий единый Принцип, заставляющий Вселенную сгорать и вспыхивать вновь, передавая память бытия

последующим мгновениям. Может быть, этот Принцип — Воля Творца, Игрока над Игроками, может, общий закон жизни, удерживающий мир на грани небытия. Мы думаем над данной проблемой и когда-нибудь найдем ответ.

— Но это уже другая история, — негромко проронил Ромашин-первый. — Нам же следует довершить начатое.

— Да, вы правы, — очнулся Ромашин-второй. — Что вы предлагаете делать?

— Включить Контрствол в контур Ствола для векторного шунтирования хроношахты. Что будет равнозначно свистку арбитра на футбольном поле.

— Игра остановится?

— Мы надеемся, что да. Вряд ли мы повлияем на все уровни Игры, но законы развития затронутых Ветвей восстановим. Технически сделать это несложно, все необходимые для этого материалы и ресурсы находятся под руками. Но прежде — всех исполнителей придется отправить по домам, где они смогут проконтролировать исполнение решения Судей. Их дальнейшее присутствие здесь необязательно.

Оба Златкова и Ромашины глянули на бесконечные шеренги людей на равнине, над которой внезапно возник зыбкий огненный диск, походящий на солнце. Оглянулись и десантники.

— Мне страшно... — вцепилась в руку Павла Ясена.

— Солнце... — начал хрипло Ивашура, откашлялся.

— Это не солнце, — хмуро сказал Ромашин-первый.

— Нет, это стихи...

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее![1]

Вероника подошла к нему и обняла.

ГЛАВА 8

Равнина между зданиями Ствола и Контрствола была пуста. С трудом верилось, что недавно здесь располагалась трехсоттысячная армия двойников, принимавших участие в Игре на стороне разных Игроков, но осознавших свое подчинение и сумевших отказаться от участия в вечной войне за существование.

При расставании едва не возникла тихая паника: парные двойники, мужчины и женщины, не знали, как из множества

[1] Н. Гумилев. Молитва.

одинаковых людей выбрать своего — друга, мужа, невесту или жену. Но потом все разобрались все-таки и разбрелись по своим мирам.

От Контрствола протянулась к башне Ствола стометрового диаметра ажурная труба, с виду сплетенная из серебристой паутины. Это был эффектор векторной стабилизации, усиливающий связь хрономембран обоих зданий. В принципе можно было обойтись и без него, но Златковы, руководившие проектом, настояли на монтаже стабилизатора.

Все это время десантники Ивашуры провели вместе, не вмешиваясь в события и даже не следя за тем, что происходит. Наступило время полной расслабленности команды, дошедшей до конца и теперь не знавшей, что делать дальше.

Они спали, гуляли парами и поодиночке, собирались вместе на обеды, вечерние «посиделки», вели неспешные беседы и отдыхали, отдыхали, отдыхали, особенно не задумываясь о завтрашнем дне. Да и однообразный день здешнего уголка природы способствовал расслаблению. Казалось, он будет тянуться вечно и ничто не помешает людям довести свою миссию до конца. Единственное, на чем удалось настоять Ромашину, обеспокоенному состоянием команды, было обязательное ношение с собой дриммеров. Даже Павел Жданов не понял желания комиссара, но просьбу выполнил.

За час до включения Ствола и Контрствола в единую систему все собрались у осыпавшихся стен бывшего хроноускорителя. Все понимали, что отдых закончился, что пора и им расходиться по своим домам— Ветвям.

Мужчины прощались сдержанно. Женщины всплакнули, обнявшись, и долго не хотели расставаться.

— Выше головы, десантники, — попытался приободрить друзей Ивашура. — Как я уже понял, Древо Мира — хитрая штука, оно еще предоставит нам возможность встретиться.

— Вы же слышали гипотезу Златкова, — хмуро заметил Белый. — Существует лишь мгновение настоящего. Никакого Древа нет, сзади нас — ничего. Пустота. Пепел памяти, как выразился он.

— Это даже не гипотеза, — отмахнулся Игорь Васильевич, — всего лишь предположение. Вполне вероятно, что какие-то Ветви или Корни Древа и «горят», но не все же Древо. Пока мы с вами тут прощались, родилось еще с полсотни миллионов Ветвей, и в каждой сейчас наши двойники бьются над теми же проблемами. Неужели сообща мы их не решим?

— Сообща — значит, стаей? — грустно улыбнулась Вероника.

— А что, разве «стая Ивашур» — не звучит?

— Пора, Игорь Васильевич, — тихо обронил Павел, представив картину, как в бесчисленных Ветвях времени сейчас сотни тысяч, миллионы, миллиарды Ивашур прощаются с миллиардами Ждановых, обнимаются, пожимают друг другу руки, успокаивают подруг и уходят...

Уходят ли?

Может быть, и нет никаких миллиардов?! А есть всего одна Вселенная с одним-единственным Игроком, с помощью внушения создающим виртуальную реальность?..

Видно, мысль отразилась на его лице, потому что Ивашура внимательно посмотрел на Павла и кивнул.

— Кажется, мы подумали об одном и том же... что все это сон. Точнее, что мы персонажи чьего-то сна.

— Или компьютерной игры.

— Не компьютерной, — покачал головой Ивашура, ища глазами Веронику, в то время как Павел искал Ясену. Девушка улыбнулась ему, мгновенно реагируя на его взгляд.

Наваждение?

Или реальность?..

— Нет, не компьютерной, — увереннее повторил Павел. — Для Игрока такого класса, каким является Творец Древа, ничего не стоит создать мир, где возможно и невозможное. Знаете, о ком я постоянно думаю?

— О Златкове?

В глазах Жданова мелькнуло удивление.

— Вы хороший психолог, Игорь. Да, о нем. Этот человек гораздо глубже, чем кажется.

— Главный Судья Игры биологического уровня...

— Нет, еще глубже. Это человек-бездна, и с некоторых пор я его стал побаиваться.

— Но он уже показал себя...

— Да, с лучших сторон. Так сложилась ситуация. И я думаю: что произошло бы, окажись Златков не на нашей стороне?

Гулкий подземный удар, напоминающий толчок землетрясения, поколебал равнину, заставив всех замолчать и оглянуться на двуглавую гору Контрствола.

— Что там у них происходит? — проворчал необычно молчаливый и сдержанный Белый.

— По-моему, это не у них, — качнул головой Павел, прислушиваясь к себе.

Еще один удар подбросил поверхность равнины вверх. С грохотом обрушились плохо державшиеся обломки стен Ствола, над песчаной равниной встало облако пыли. Зеленоватый, ровно светящийся небосвод над головой пошел темными трещинами, как стекло.

— Что там у вас происходит, Атанас? — включил рацию костюма Павел. Выслушал ответ, повернул голову к недоуменно озиравшимся товарищам. — Резко ускорилось «засыхание» Ветви. Здешний мир вот-вот схлопнется в «черную дыру». Поэтому запуск Контрствола состоится раньше намеченного, у нас осталось всего несколько минут.

Мужчины, не выдержав, обнялись все вместе, постояли так секунду и, подхватив дам, поспешили ко входу в Ствол.

Первыми в кабине хрономембраны скрылись Иван Костров, Тая, Ивашура и Вероника. Потом нырнули «вниз» Гриша Белый и Федор Полуянов.

Павел с Ясеной задержались, получив сигнал Ромашина подождать его. Вскоре он ворвался в кольцевой зал Ствола в сопровождении двух чернокожих землян какой-то другой Ветви.

— Хорошо, что я успел вас застать, — выдохнул он. — Вы нам нужны, Павел. — Повернулся к неграм и сказал им что-то на незнакомом языке.

Оба бросились из зала.

— Я нужен вам один? — уточнил Жданов, покосившись на Ясену.

— Вы один. Она пусть отправляется на Землю и ждет вас там.

— Никогда! — нахмурилась Ясена.

Павел с легкой улыбкой посмотрел на комиссара.

— Будете возражать?

— Не буду, пожалуй, — помолчав немного и что-то прикидывая, сказал Ромашин. — Пойдемте, нас ждут.

— Что происходит, кроме «засыхания» Ветви?

Словно для иллюстрации слов Жданова по равнине снова прокатился низкий подземный гул, заставив колебаться стены Ствола.

— Трансгресс «гудит» — по меткому выражению Стаса. Кто-то пытается пробиться сюда сквозь блок, одновременно запустив извне более жесткий вариант закона «засыхания» Ветви.

— Игроки?

— Несомненно. Они наконец увидели в нас серьезных соперников, ведь мы замахнулись и на другие уровни Игры... благодаря Златкову. Но мы все же должны успеть. Если бы Игроки принялись действовать сразу после сбора армии двойников, они добились бы своего.

Ромашин поспешил к выходу. Жданову и Ясене пришлось догонять его и мчаться к зданию Контрствола с помощью дриммеров.

Златков ждал их в зале управления Контрстволом, если можно было назвать так «ананас», венчающий одну из башен здания на

высоте двух с половиной километров. Под оболочкой «ананаса» пряталась друза кристаллов, каждый из которых представлял собой особый функциональный объем, «нервный узел». Внутри кристаллов и должны были располагаться «пилоты» комплекса. Всего кристаллов было тринадцать, двенадцать малых, размером с первый воздушный шар братьев Монгольфье, тринадцатый — в два раза больше, он венчал друзу. Златков встретил делегацию у этого кристалла, разговаривая с каким-то гигантом, живо напомнившим Жданову яйцеголового Тюрьма.

Суматоха возле здания Контрствола и внутри его кипела такая, что прибывшие с трудом пробились к галерее, опоясывающей зал управления.

— Вовремя, — заметил Златков, отсылая гиганта, окинувшего Жданова ничего не выражающим взглядом. — Давайте быстрее, у нас мало времени.

— Сначала объясните, что происходит, — резко сказал Павел. — И что мы должны делать.

— Идет процесс противодействия Игроков решению Судьи, — нетерпеливо ответил Златков. — Я рано отослал всех судебных исполнителей, теперь надо успеть «дать свисток».

— Разве вы сами не в состоянии это сделать?

— Молодой человек... — начал Златков.

— Павел, — вмешался Ромашин, — эту гигантскую игрушку — Контрствол строили не люди и не для людей. Ее контур управления рассчитан для с т а и. Понимаете? Чтобы включить его, необходимо присутствие целого прайда...

— Нас же только четверо.

— Нас ровно двенадцать — с вами вместе, — отрезал Златков. — Не хватает одного исполнителя, но, я думаю, обойдемся. Идемте же, остальные уже заняли места.

— Кто — остальные?

— Да, Боже мой, какая разница?!

— Не нервничайте, Атанас, — тихо сказал Ромашин. — Павел всегда играл в открытую и имеет право знать все.

— Извините, — остыл ученый. — Я действительно несколько перенапрягся. Среди тех, кто занял места в контуре управления, вам знакомы лишь наши с комиссаром двойники. Остальные — бывшие резиденты «хронохирургов». Подходит вам такая компания?

— Старшим будете вы или комиссар?

— Комиссар.

— Тогда подходит. Но вы сказали, что одного исполнителя не хватает.

— Обойдемся.

— А если его заменит она? — Павел подтолкнул вперед Ясену. — Она обладает параномальным запасом...

— Что ж, — Златков окинул вспыхнувшую девушку безразличным взглядом, — хуже не будет. Пусть идет.

Через несколько минут они расположились по одному в пустующих кристаллах зала управления. Каждый кристалл представлял собой абсолютно пустой многогранник с полупрозрачными светящимися гранями. Стоило зайти в него человеку, как воздух в кристалле застывал и превращался в желе, которым можно было дышать, но который не давал возможности двигаться. Чтобы испытать систему, Павел рванулся изо всех сил, и тотчас же упругая среда отпустила хватку. В пустом пространстве «кристалла» раздался ровный бесполый голос:

— Вас что-то беспокоит? Можете принять любую удобную позу.

Павел хотел сказать, что беспокоится за свою подругу, но передумал. Автомат обслуживания комплекса наверняка объяснит ей, что надлежит делать.

Садиться на пол Жданов не стал, подождал, пока воздух загустеет, и расслабился, окунаясь в океан необычайно глубокой тишины. В «кристалл» не долетал не только ни один внешний звук, но не просачивались даже пси-поля. Павел мог слышать лишь пульс крови да эхо собственных мыслей.

Однако это состояние длилось всего с десяток секунд. Включилась связь, и пленка глухоты прорвалась. Стали слышны вздохи и голоса соседей, скороговорка инка координации, тихий писк настройки. Затем все шумы постепенно стихли, Ясена один раз позвала Павла, он ответил ей, успокаивая, и снова наступила тишина, хотя и не глухая, полная, всеобъемлющая, а живая, наполненная ожиданием и нарастающим напряжением.

— Включаю синхронизацию, — прозвучал тот же бесполый голос инка координации. — Думайте о главном — о полной нейтрализации хроношахты. Время выхода на режим — одна минута. Даю отсчет.

В ушах затикал метроном, отсчитывая секунды. Перед глазами появилась объемная схема взаимодействия Ствола и Контрствола, пронизывающих огромное количество Ветвей времени, часть «Дендрокристалла» Вселенной. Зеленые веточки Контрствола постепенно проникали в алые светящиеся жилки Ствола, пока не совместились с ними полностью.

Затем картинка сменилась. Перед глазами Павла протаял объем видеопередачи: равнина со Стволом и Контрстволом с высоты птичьего полета. Он не сразу понял, что изменилось с момента их

входа в здание Контрствола, а когда понял — волосы зашевелились на голове.

Равнину разорвали гигантские многокилометровые трещины. Пересекаясь, трещины образовывали неровные куски, которые стали проседать один за другим, создавая провалы площадью в сотни квадратных метров.

Насколько хватало поля видеопередачи, процесс дробления ландшафта и низвержения его частей в бездну шел везде. Буквально за минуту от песчаных дюн, холмов, лесов и гор не осталось ничего, кроме пухлого одеяла пыли, во многих местах подсвечиваемого изнутри багровыми вспышками.

Удивительным образом метаморфоза разрушения мира не затронула здания Ствола и Контрствола, соединенные ажурной светящейся пуповиной векторного стабилизатора. Казалось, они плавают над океаном пыли в невесомости, но вот-вот начнут падать в пыльную бездну, преддверие Ада.

— Синхронизация закончена, — сообщил инк-координатор. — Даю пусковой десятисекундный отсчет.

Какая-то страшная сила стала гнуть здание Контрствола, ломать его на части, которые начали отрываться, исчезать в багровой пыльной пелене. А затем рядом со Стволом — Павел все еще видел всю панораму перед собой — появился сияющий гигантский «одуванчик» какого-то сооружения. Впрочем, не сооружения...

— Атанас, ты видишь? — послышался голос Ромашина.

— К нам прорвался один из Игроков, — отозвался Златков.

— Стая?

— Скорее рой. Но он опоздал. Даю «свисток».

В подтверждение слов ученого автомат досчитал положенное число секунд, колоссальная черная молния сорвалась со второй башни Контрствола, перечеркнула все видимое пространство, вонзилась в «одуванчик», разбрызгивая его на огненные лоскуты... и все померкло перед глазами Жданова. Последнее, что он услышал, был затихающий жалобный голос Ясены:

— Павел...

* * *

Очнулся он от неприятных металлических гудков, какого-то сигнализатора опасности. Подхватился, обнаружив, что лежит на полу в пустой комнате в форме многогранника с мигающим вверху сине-фиолетовым огоньком аварийного освещения.

Первой мыслью было: он на борту терпящего бедствие спейсера в системе Каптейна. Потом начала работать память, вспом-

нилось путешествие по Бичу Времен, война с «хронохирургами», последний «великий поход двойников» на Контрствол.

Павел встал на четвереньки, медленно разогнулся, чувствуя ломоту в суставах и боль в позвоночнике. Покачал головой, представив, каково сейчас Ясене. Позвал:

— Эй, кто-нибудь... отзовитесь!

Гудки смолкли, как будто автомату вбили в рот кляп. Послышался звук тяжелых лязгающих шагов, словно по каменному полу топал рыцарь в доспехах, и в помещение вошла темная плечистая фигура. Огонек в толще потолочной грани разгорелся сильней. Павел вгляделся в фигуру и узнал в «рыцаре» бровея Мимо. Сжалось в тревоге сердце.

— Вы?! Почему вы здесь? Где остальные? Что случилось?

— Ваши сподвижники еще не очнулись, — небрежно ответил бродяга по Ветвям времени. — Но вам не о чем беспокоиться, землянин. Игра закончена. Игроки получили заслуженное наказание и вряд ли когда-либо смогут изменить положение дел.

— К-какое... наказание?!

— Судьи, ваши друзья Златков и Ромашин, немного превысили полномочия. Они не просто зашунтировали Ствол, нейтрализовав «короткое замыкание» Ветвей Древа, но изменили з а к о н Древа, разрешающий так называемое подбарьерное просачивание. Теперь ни один будущий Игрок не сможет воспользоваться подобными «замыканиями» для решения своих задач в обход правил Игры.

— Атанас, — позвал Павел, но ответом ему была тишина. — Извините, я не понял... Что произошло с Игроками?

— Они наказаны, — терпеливо повторил бровей Мимо. — Или вы имеете в виду тех, против кого играли вы? «Хронохирургов»? Они больше не существуют. Ветвь, которую они готовили для заселения, «засохла», не успев родиться, вместе с ними, естественно. Они поспешили с переселением из Корня Древа, который вы называете трансгрессом. Заодно пострадали и Те, Кто Следил за вами, ведь они — потомки «хирургов». Но у них еще есть шанс вырастить себе полноценную Ветвь.

Павел проглотил ком в горле, с силой потер лоб.

— Подождите!.. В голове не укладывается... «хирурги» исчезли?! А Те, Кто Следит — их потомки?! Мне они говорили другое, что они н а ш и потомки.

— И ваши тоже, — кивнул бровей. — Я имею в виду человечество. Древо Времен сложней ваших примитивных представлений о нем, оно пересекается само с собой бессчетное количество раз в бессчетном количестве измерений и времен. Но, собственно, перейдем к делу. У меня есть к вам деловое предложение.

— Д-да... конечно... что? — До Павла не сразу дошел смысл слов путешественника по мирам. — Подождите, дайте прийти в себя... неужели это правда — «хирургов» больше нет?!

— Да, вы, люди, чересчур эмоциональные существа, — констатировал бровей Мимо, разглядывая Жданова с некоторым сожалением. — Это зачастую мешает вам решать важные проблемы. Итак, вы готовы выслушать предложение?

— Д-да, — согласился Павел и глубоко вздохнул, успокаивая сердце. — Да! Чего вы хотите?

— Игра закончилась — н ы н е ш н я я, конечно. Ваша Метавселенная-Ветвь сохранилась, надобность в Судьях и судебных исполнителях отпала. Но вы, вы лично, можете попробовать себя в ином качестве.

— В каком же? — с недоумением поднял брови Павел.

— В качестве Игрока в следующей Игре.

От неожиданности Павел засмеялся... и умолк. Он вдруг понял, что бровей не шутит.

— Вы сами-то понимаете, о чем говорите? Я всего лишь человек, существо биологического цикла...

— Вы — с т а я, — поправил Жданова бродяга по Ветвям времени. — С т а я по имени Павел Жданов, живущая примерно в двух триллионах Ветвей. И предложение это сейчас выносится в с е м Павлам одновременно.

Глаза Жданова выразили его чувства, и бровей Мимо засмеялся. Во всяком случае, так можно было понять его пси-волну, соответствующую человеческому смеху.

— Трудно представить? Ничего, пройдет. Итак?

— Кто... вы? — тихо спросил Павел. — Простой бродяга по мирам не может иметь полномочий такого масштаба... если только он...

— Ну-ну?

— Не Игрок!

Бровей Мимо снова «рассмеялся».

— Отдаю должное вашей прозорливости. Недаром я следил за вами практически с момента вашего проникновения в Ствол. Но я не Игрок, я организатор Игр. Итак, вы согласны?

У Павла закружилась голова, и он вынужден был присесть на корточки. Помассировал затылок, с усилием встал, распрямил плечи.

— Почему бы вам не обратиться с подобным предложением к Златкову или Ромашину?

— Судьи, как правило, н и к о г д а не становятся Игроками в силу многих причин, в основном психологического плана. Ромашин отказался стать Игроком, но, возможно, согласится стать

помощником о р г а н и з а т о р а. Его уровень позволяет ему сделать это!

— Тогда чего вы хотите от меня?

— Да или нет?

— Нет.

— Что ж, уважаю вашу волю. — Бровей отступил. — Но не теряю надежды. У вас еще остается шанс перешагнуть на другой уровень бытия и сознания, неизмеримо более высокий, чем ваш нынешний.

— Я сказал — нет.

Бровей Мимо насмешливо оглядел затвердевшее лицо Павла, поклонился... и его не стало.

Павел снова почувствовал приступ тошноты и головокружения, зажмурился, заставляя организм преодолеть нахлынувшую слабость, вспомнил о спутниках и выбежал из своего отсека управления в кольцевую галерею.

Ясена встретила его на пороге, с затуманенным взглядом, бледная, растерянная, протянула к нему руки. Они обнялись. Но перед глазами Павла все еще стояла фигура бровея, организатора Игр, и в голове бился пси-голос мнимого бродяги:

«Можете попробовать себя в ином качестве... в качестве Игрока... можете попробовать себя... можете попробовать...»

— Могу, — прошептал Павел.

— Что? — не поняла Ясена.

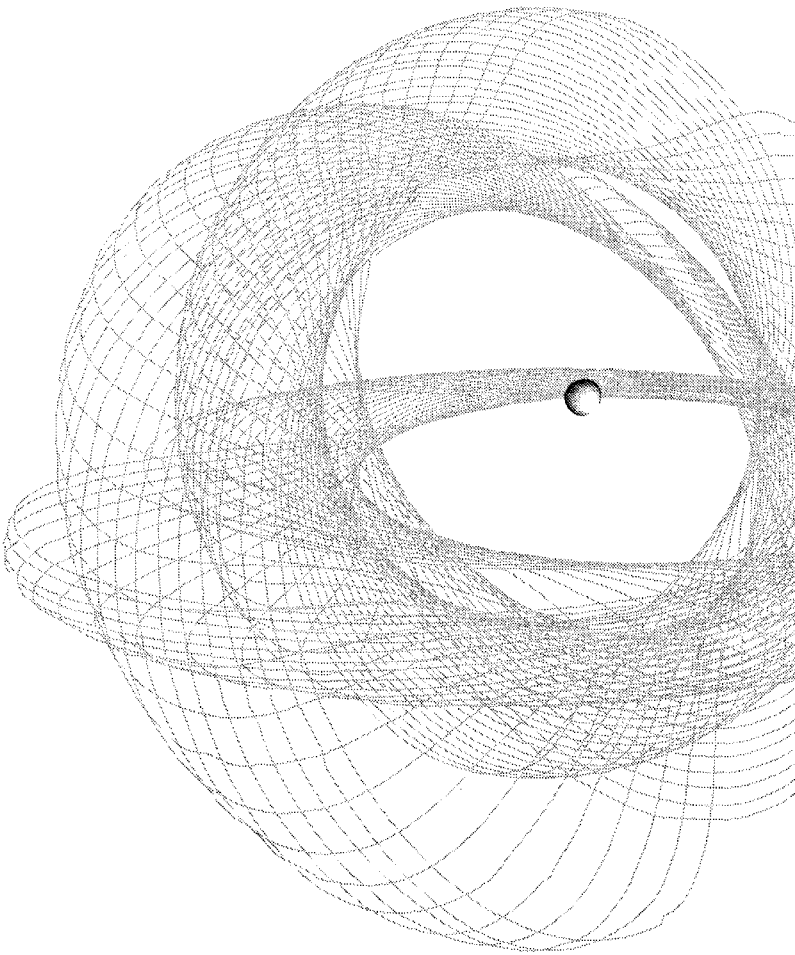
— Но не хочу! — Он поцеловал ее так, как никогда не целовал, обнял за плечи, повел по кольцу галереи к другим отсекам. — Пора домой, зоренька моя Ясная, нам столько предстоит увидеть и сделать...

Бровей перед мысленным взором Павла подмигнул ему и растаял окончательно. Человек для него как личность не имел значения, человек как стая оставался потенциальным кандидатом в Игроки.

А о р г а н и з а т о р Игр, потрясающих Вселенные, умел ждать...

ПАЛАЧ ВРЕМЕН

РОМАН



А между тем, как Богом речено,
Чей Промысел постичь нам не дано,
Как будто без начала и конца,
Как свиток разворачивается
Пред нами Время — и не внять в миру нам
Таинственным его и странным рунам.

Д.Р.Р.Толкиен. Мифопоэйя

Часть I

А МЕЖДУ ТЕМ

ГЛАВА 1

Холмистая равнина была покрыта чешуйчатой багровой травой и коричневым перистым кустарником от горизонта до горизонта и с высоты километра казалась алой. В середине ее располагалась круглая впадина, как бы огороженная двумя рядами оплывших багровых скал, вершины которых светились изнутри и все отклонялись от центра впадины, образуя своеобразный колючий воротник. Оттуда вырастала жемчужно-белая колонна высотой около двух километров, которая к вершине превращалась в светящийся дымный столб, постепенно тающий в сиреневом небе.

Изредка на фоне столба можно было увидеть кружившие вокруг него черные точки, пикирующие вниз и вновь возносящиеся в небо.

Завершенность этому необычному пейзажу придавали яркая звезда, низко висящая над горизонтом, и косо перечеркнувшая небосклон светящаяся нить, играющая роль центра системы. Нить представляла собой макрострингу — «суперструну», пронизывающую местный космос, вокруг которой и вращалась планета с торчащей из равнины колонной. По сути, вся эта вселенная — Ветвь Древа Времен — представляла собой чуть ли не бесконеч-

ной длины «трубу» с центральной «струной» сверхплотной материи, очень массивной и светящейся, вокруг которой и кружились материальные объекты — планеты, звезды, облака пыли и струи астероидов, которые по мере замедления скорости вращения падали на «струну» и бесследно ею поглощались.

Там, где образовывались устойчивые конфигурации планет и звезд, на планетах возникала жизнь, однако разумная встречалась очень редко. Мир макрострингa был неустойчив и не позволял эволюционным процессам доводить жизненные циклы до совершенства. Тем не менее разум иногда возникал на планетах «струны», как, например, на планете с необычной колонной, — в виде колоний микроорганизмов.

Беда была в том, что этот мир умирал. Ветвь Времен «засыхала», отрубленная неизвестно кем из Игроков. Жизнь на планетах удивительного мира «струны» была обречена на исчезновение.

Послышался приближающийся тихий стеклянный треск.

Разглядывающее белую колонну существо, похожее на горбатого двуногого и двурукого варана с зеркально бликующей шкурой, оглянулось. К нему подходило еще одно такое же существо, с хрустом давящее ногами красные полупрозрачные перья травы и более темные наплывы мха и лишайника, напоминающие рыбью чешую. Стеклянная хрупкость мха и травы, а также коричневого кустарника, покрывающего равнину, только подтверждала вывод наблюдателей о судьбе здешней области Мироздания. Изменились физические константы мира, параметры его вакуума, а вместе с ними и свойства материальных объектов. Цепочка «холодных» ядерных преобразований сбрасывала химические элементы в «нижние» этажи таблицы элементов, углерод превращался в кремний, и растения становились «стеклянными», чтобы впоследствии рассыпаться в порошок сурьмы, затем в железную пыль и — в финале — заблестеть ртутными озерами с берегами, одетыми свинцовой коростой.

Существа, похожие на зеркально-металлических варанов, были людьми в защитных костюмах. Они уже наблюдали ржавые пустыни и серые свинцовые плеши вдали от белой колонны Ствола и понимали, что это означает. Планета, вращавшаяся вокруг «суперструны», быстро теряла энергию, сжималась и превращалась в полиметаллический шар. Лишь десятикилометровая зона вокруг Ствола еще держалась, сохраняя форму материальных объектов, в том числе — биологических, но и она неуклонно сокращалась. По подсчетам людей, ей осталось жить от силы десять дней — по внутреннему времени скафандров, а что такое время с точки зрения законов данной Ветви — не знал никто.

Вполне возможно, гипотеза одного из членов команды, попавшей в этот мир, — что время в нем подчиняется типологичес-

кой концепции и представляет собой изменчивость индивидов и таксонов[1], регистрируемую только по положению объектов в пространствах их состояний, — была близка к истине. Во всяком случае, наблюдения показали, что таксоны разных масштабов — от бактериальных кластеров до биосистем типа травы или кустарника обладают разными «объемами времени» и умирают в зависимости от этих объемов — быстро или медленно.

Когда отряд только появился на планете, бактерии еще водились в изобилии в водоемах и в воздухе, теперь же воздух стал стерильно чистым, а на поверхности планеты сохранились лишь массивы лесов и кустарников, остатки «неразумной» природы.

Разум планеты исчез вместе с остальным миром микроорганизмов. О том, что здесь некогда роились разумные «капли» и «вихри» микробов, можно было судить лишь по их «городам» — удивительным сооружениям в виде скопищ бокалов разной формы. Один из таких «городов» располагался в двенадцати километрах от белой колонны Ствола, и любоваться им ходили все члены отряда.

— Его здесь нет, — проговорил второй «варан». — Мы напрасно теряем время. К тому же рискуем остаться здесь навсегда, этот мир вот-вот рассыплется.

Словно в подтверждение его слов холм, на котором они стояли, треснул, и несколько кустов по соседству осыпались, а куртины мха лопнули и расплылись желтым дымком.

Вздрогнувшие «вараны» посмотрели на трещину, пересекшую склон холма, на колонну Ствола, друг на друга.

— Вот тебе и подтверждение, — со смешком проворчал второй. — Зови остальных, пора возвращаться.

— Не паникуй, Гриша, — тихо сказал Жданов. — У нас еще есть время.

— Время, время... — в том же тоне продолжал Григорий Белый. — Я уже совсем запутался и перестал понимать, что это такое. В одной Ветви оно одно, в другой — другое, в третьей — третье... а какое время на самом деле, не знает никто. По-моему, и наш консультант.

— Все времена относительны и реальны для своей Ветви, — рассеянно заметил Павел. — Только время Ствола, можно сказать, абсолютно, так как он соединяет все Ветви и не зависит от их условий.

— Хорошо, хорошо, пусть так, но все же нам пора уносить отсюда ноги, и побыстрей. Федора здесь нет, это ясно, и у меня есть подозрение, что он уже не появится.

---

[1] Таксон — группа дискретных объектов, связанных той или иной степенью общности свойств и признаков.

Павел промолчал. У него складывалось такое же мнение.

Они появились здесь, в мире «засыхающей» Ветви, — пятеро «хронодесантников», команда подготовки будущего Игрока, — по вызову Федора Полуянова, пообещавшего сообщить нечто очень важное. Однако прошел час, другой, третий, мир вокруг стремительно умирал, рассыпался в прах, звезда, дающая жизнь планете, голубела и усиливала блеск, чтобы взорваться в скором времени, а Федор не выходил из Ствола, и ждать его становилось все трудней.

— Возвращаемся, — решил наконец Павел. — Пошлем сообщение через Стаса и подождем еще пару часов в Стволе. Потом решим, что делать.

Он дал в эфир сигнал внимания и вызвал остальных членов команды, которые разбрелись по равнине в поисках Полуянова.

Через некоторое время над мрачной кровавой равниной просияла серебристая точка, превратилась в летящего «варана».

— Я обнаружил еще один город, — раздался голос Кевина Купера, безопасника из подразделения Белого. — Там целая система пещер, одному мне не справиться.

— Федору там нечего делать, — буркнул Белый. — Он бы оставил какой-нибудь знак или маячок.

Над холмами в другой стороне от Ствола мелькнули зеркальные блики, и через минуту к трем «варанам» присоединились еще два — Атанас Златков и Луиджи Пирелли, приставленный к ученому для охраны.

— Ну, что у нас плохого? — хмыкнул Григорий. — Что тут у них происходит?

— Полным ходом идет вырождение континуума, — отозвался Златков, — упрощение связей и инфляция измерений. Система теряет модальную устойчивость и проходит через иерархию неустойчивых состояний. Здесь уже, к примеру, перестали выполняться транзитивные отношения типа «тяжелее, чем». Во всяком случае, приборы отмечают хаотические колебания гравитационных полей...

— Чем это все закончится? — перебил ученого Белый.

— «Скатывание» многомерности к сингулярной точке происходит достаточно быстро, причем количество измерений уменьшается по дробным модам с шагом «ноль тридцать три». Нас ждут очень интересные эффекты.

— Какие?

— При переходах от четырехмерия к трехмерию и ниже свертка измерений должна привести к появлению пространственно-временных петель и складок, пространство скоро начнет перекручиваться и рваться на «куски» — топологически не связанные области.

— Но ведь этот процесс опасен? Защита наших «кокосов» выдержит?

— Думаю, подобные преобразования физической базы не выдержит даже защита «големов».

— Тогда чего мы ждем? Пока и нас не разорвет на топологически не связанные области? Слишком хорошо началась наша экспедиция. А что хорошо начинается, всегда кончается плохо.

— Все, что начинается плохо, кончается еще хуже, — меланхолически добавил Златков. — Это известный закон Паддера. Я вообще не понимаю, почему мы вышли из Ствола в этой деградирующей Ветви.

— Нас должен был ждать Федор с отрядом конкистадоров и каким-то важным сообщением.

— Полуянов? Что он может знать об Игре, чего не знаем мы?

— Он наш экипировщик и инициатор похода, — нехотя сказал Жданов.

— А разве не вы руководитель экспедиции?

— Я, но...

— Тогда хорошо бы прояснить все детали похода, что мы должны делать и какая у кого роль.

— Встретимся с Федором и поговорим.

Холм под ногами одетых в защитные костюмы людей с грохотом проборoздила еще одна трещина. Волна треска и гула прокатилась по равнине, порожденная появлением новых трещин. Насколько хватало глаз, кустарник на склонах холмов начал осыпаться, опадать оранжевыми струйками пыли. Сияние звезды над горизонтом скачком сдвинулось в сине-фиолетовую полосу спектра. Небо потемнело.

— Уходим, — прервал свои размышления Жданов, поднимаясь в воздух.

За ним стартовали остальные «хронодесантники», беря курс на мерцающую вдали колонну Ствола. Однако долететь до нее им не удалось.

Черные точки, кружащие над гигантским сооружением, — эсперы, защитники Ствола в местах его «вытаивания» в реальностях других Ветвей, вдруг перестали бесцельно кружить у стен башни и хищно кинулись к приближающемуся отряду. Если бы не реакция Жданова, почувствовавшего опасность, отряд мог понести потери.

Первый эспер, похожий на металлического ската с размахом крыльев около четырех метров, метнул в Жданова клинок изумрудного огня, но промахнулся. Зато не промахнулся Павел (точнее, инк скафандра), ответив выстрелом из аннигилятора. Эспер

разделился на две части, одна из которых пошла вниз и врезалась в склон холма, а вторая превратилась в смерч огня и дыма.

Открыли огонь по отряду и три оставшихся «ската», выбирая каждый свою цель. Ослепительно зеленые молнии ударили по равнине, создавая цепочки кратеров с выплеснувшимися и застывшими в виде лепестков лотоса краями. Однако не сплоховали и спутники Павла, привыкшие к резкой смене обстановки. Гриша Белый сбил два эспера, а Пирелли и Купер справились с оставшимся защитником Ствола. Не стрелял только Златков, справедливо полагая, что война — не его прерогатива, хотя оружием его костюм располагал, как и все остальные.

Скоротечный воздушный бой закончился, дым рассеялся, лишь на склонах холмов продолжали догорать остатки аппаратов, но и они быстро погасли.

Конечно, оружием, встроенным в плечевые турели уников, управляли инки костюмов, люди лишь отдавали мысленные команды уничтожить объекты, поэтому не стоило удивляться их меткости и реакции. Эсперы потерпели поражение закономерно, так как их целевые установки не предусматривали боевые атаки на летательные аппараты за пределами охраняемой зоны. Летающие «скаты» призваны были не допускать внешнего повреждения Ствола-хронобура, ни случайного, ни преднамеренного. И тот факт, что их пришлось уничтожать, подействовал на «хронодесантников» удручающе.

— Ни фига не понимаю! — бросил в сердцах Белый после боя и минуты настороженной тишины. — Что происходит, командир?! Почему они напали на нас?

— Не знаю, — хладнокровно ответил Жданов. — Или я упустил что-то из виду, или одно из двух...

— Скажите, пожалуйста, Павел, — вежливо проговорил Златков, — почему ваш сотрудник выбрал для встречи именно эту Ветвь и что он хотел сообщить?

— Мне известно, что ему предложили принять сторону одного из Игроков.

— Кого именно?

— Разве вы не в курсе? — хмыкнул Белый. — Вы же Судья!

— Во-первых, я Судья, вернее, один из Судей прошлой Игры, во-вторых, я ничего не знал о предложении, сделанном Федору.

— На что вы намекаете?

— Ни на что. Эсперов больше нет?

— Их было всего четыре экземпляра.

— Тогда давайте доберемся до Ствола и поговорим со Стасом, выясним обстоятельства нападения. Если только...

— Если только что?

— Пока ничего.

Жданов молча направился к башне хронобура, похожей издали на сигарету, поставленную на землю горящим концом к небу. Только размеры «сигареты» намного превышали размеры аналога: диаметр Ствола равнялся полутора километрам, а высота достигала трех, не считая «тлеющего» конца.

Башня хронобура, созданная на Земле начала двадцать четвертого века и во время запуска соединившая около миллиарда Ветвей Древа Времен, имела три тамбур-выхода во внешний мир: на первом, двенадцатом и тридцать шестом этажах. Когда отряд Жданова десантировался из Ствола, он воспользовался выходом с двенадцатого уровня, имеющим адаптирующий временной фильтр для согласования физических законов внутри и вне Ствола. Именно к этому поясу хронобура, отмеченному радиомаяком, и подлетел Жданов, вызывая Стаса — инка Ствола. Однако вопреки ожиданиям инк не откликнулся и входной узел не открыл.

«Попробуй другие диапазоны», — мысленно посоветовал Павел инку своего скафандра.

«Естественно, — ответил инк, — этим я и занимаюсь, хотя ответа не слышу».

Приблизились остальные члены отряда, повисли рядом.

— Что за проблема? — мрачно поинтересовался Белый.

Вместо ответа Жданов поднялся выше, нашел еще один радиоконтур, видимый как тонкое светящееся кольцо на фоне пористого белого материала стены Ствола, вызвал Стаса.

Глухое молчание.

Снова и снова инк уника пытался связаться с компьютером Ствола, меняя диапазоны рации, но все было тщетно. Стас либо не слышал вызова, либо не хотел отвечать и впускать своих хозяев обратно. Оставалась еще одна зона входа — на первом горизонте башни, однако она находилась в этом мире под землей: при «вытаивании» основание Ствола оказалось погруженным в местную почву до пятого этажа.

— Может, пробьем в земле тоннель к первому уровню? — предложил молодой и азартный Пирелли, еще не сообразивший, что произошло.

Ответом ему было молчание. Более опытные десантники прекрасно поняли, чем им грозит обрыв связи со Стасом. До полного распада мира «сверхструны» оставались считаные часы.

— Что вы можете сказать по этому поводу? — обратился Жданов к Златкову. — Вы знали, что нас не впустят?

— Не знал, но предполагал, — ответил ученый меланхолически. — Думаю, нас просто заманили в элементарную ловушку.

— Этого не может быть! — взорвался Белый. — Я знаю Федора много лет, он не мог бросить нас здесь.

— Возможны два варианта. Либо он убит, либо...

— Продолжайте, — тихо сказал Павел.

— Либо он уже работает на другого Игрока.

В эфире установилась выразительная тишина. Потом Гриша Белый откашлялся и выругался, завершив тираду «станиславским»: «Не верю!»

— Я тоже не верю, — вздохнул Жданов. — И тем не менее мы отрезаны от своего мира. Предлагайте идеи.

— Надо еще раз попытаться вызвать Стаса. — Белый сорвался с места, вознесся на сто метров выше и принялся вызывать инка Ствола. Все молча смотрели вверх, ожидая результата. Через несколько минут Григорий вернулся.

— Если бы у нас были дриммеры, мы попытались бы пробиться в Ствол через мембрану входа.

— К сожалению, дриммеров у нас нет. Еще хорошо, что ты настоял стартовать в униках и с оружием. Если помнишь, Федор возражал, обещая снабдить нас всем необходимым после встречи.

— Ты думаешь, он... предатель?

— Я не думаю, я только вспоминаю детали разговора. Все в конце концов выяснится.

— Если только мы выберемся отсюда.

— Но у вас же есть «глюк», — с удивлением сказал Пирелли. — И аннигиляторы. Неужели они не пробьют стену Ствола?

— Пробьют, конечно, — мрачно буркнул Григорий. — И мы получим наглядную картину свертки Ствола в «струну».

— Почему?!

— Потому что Ствол — это надвременный топологический тоннель с квантованным выходом, — сказал Златков. — При инструктаже вам должны были дать эту информацию, молодой человек. Выход же Ствола в реальности данной Ветви наполовину виртуален, и, если мы повредим его энергооболочку, законы местной физики просто вытолкнут его из Ветви.

— Извините, — стушевался ошеломленный безопасник, — я не знал...

— Черт! — хлопнул себя ладонью по бедру Белый. — Должен же быть какой-нибудь выход! Атанас, вы же были Судьей, почему бы вам не попробовать вызвать трансгресс?

— Я уже пытался, — спокойно сказал Златков. — Либо меня выключили из контура контроля, либо трансгресс не имеет здесь точки выхода. Возможен и совсем грустный вариант: сразу после окончания прошлой Игры трансгресс перестал существовать как судейская система контроля, а значит, и как система хронопространственных перемещений.

— Вряд ли, — покачал головой Жданов. — Трансгресс, по

сути, сам является Ветвью дендроконтинуума, а то и его Корнем. Он должен был уцелеть, иначе исчезло бы все Древо.

— Возможно, вы правы, — не стал возражать Златков. — Хотя никто не знает базовых законов, встроенных в Игру Садовником, и как они реализуются в Древе.

— Кем-кем? — заинтересовался Павел.

— Так я называю того, кто «посадил» Древо Времен. Изначально Первый. Возможно, он реализовал в Древе самого себя. А возможно, и нет. С недавних пор я начинаю подозревать, что Древо не есть синоним Большой Вселенной, а всего лишь локальный вид пространства Игр. Пусть это покажется вам тавтологией, но возможны еще более сложные системы, учитывающие законы физики невозможных состояний.

В наушнике рации Павла тихо свистнул модем личного канала, послышался голос Белого, слышимый только Жданову:

— Атанас сел на любимого конька, останови его, пусть лучше подумает, как нам смыться отсюда.

С равнины к стенам Ствола докатился скрежещущий гул. Холмы на ней начали оседать, проваливаться сами в себя, в бурокрасной поверхности равнины образовались глубокие рвы, воронки и ямы, увеличивающиеся в размерах. Пелена пыли размыла ландшафт, превратила его в зыбкий полупрозрачный акварельный рисунок. Нить макрострингa, пересекающая небосвод, перестала светиться, исчезла, затем вспыхнула сильнее. Светило планеты еще продолжало бросать лучи на ее поверхность, но все более и более слабые — почти фиолетовые.

— Погода ухудшается на глазах, — пробормотал Григорий. — Пора явиться чуду.

— Плохая погода лучше, чем никакая, — заметил Златков. — Думаю, какое-то время у нас еще есть.

— Какое?

— Полчаса, может быть, час.

— Смотрите! — воскликнул вдруг молчавший до сих пор Кевин Купер.

Молния перечеркнула темнеющее небо, и на равнину выпала сияющая золотом конструкция, напоминающая огромную шипастую дубину. Приблизилась к Стволу, и стало понятно, что она вдвое длиннее и толще здания хронобура. Свечение, вуалью окутывающее конструкцию, пошло на убыль, втянулось в корпус, превратилось внутри стометровых шипов в рои искр, создающих впечатление живого организма.

— Что это? — сдавленным голосом проговорил Пирелли.

— Помощь, надо полагать, — пожал плечами Белый. — Ата-

нас, это случайно не ваши коллеги пожаловали? Или нам на всякий случай приготовиться к атаке?

Златков не ответил, разглядывая диковинный летательный аппарат.

Один из шипов «дубины» внезапно оторвался от ее выпуклого лба и устремился к людям, висящим у стены Ствола. Те невольно заняли позиции для отражения атаки, приготовив оружие к бою. Но шип не имел агрессивных намерений. Подлетев к десантникам на расстояние в двести метров, он стал мутно-прозрачным, в его глубине отчетливей засверкали тысячи зеленых звездочек, сложились в символическую фигуру человека, которая вдруг плавно помахала рукой. Шип приветствовал землян! Затем голова фигуры расплылась струйками искр, и Павел почувствовал покалывание кожи на затылке, давление на глазные яблоки, просачивание под череп тоненьких воздушных струек. Впрочем, неприятными эти ощущения не были. Тот, кто сидел внутри шипа, просто хотел поговорить с землянами на пси-языке.

— Он нас гипнотизирует! — сквозь зубы проговорил Белый.

— Спокойно, гриф, — отозвался Златков. — Очевидно, это одна из местных форм разумной жизни. Каждый шип — колония микроорганизмов, обладающая собственным объемом времени.

— Откуда вы знаете?

— Когда я был Судьей, мне была дана информация о многих расах Древа, в том числе и об этих кристалломикробах. Я с ними общаюсь. Они встречались с людьми и знают, кто мы такие.

— Это славно. Значит, наши соотечественники уже побывали здесь до нас. Эти парни могут нам помочь? Кстати, они понимают, что происходит в их вселенной?

— Понимают, но помочь нам вряд ли сумеют. Их космоход по местным пространствам не приспособлен для транспортировки людей.

— Тогда пусть убираются!

— Не психуй, Гриша, — проговорил Жданов недовольно. — Они ни в чем не виноваты. Как они вышли на нас? Вы их действительно позвали, Атанас?

— Я просто звал кого-нибудь, кто меня слышит. Услышали эти... гм, гм, парни. Они пытаются пробить стенку потенциального барьера, отделяющего их домен-Ветвь от соседней.

— Это им удастся?

— Не знаю, сомневаюсь. Хотя утверждать не берусь. Можно послать с ними сообщение о нашем бедственном положении. Если они пробьются в живую Ветвь, есть шанс, что сообщение дойдет до наших пограничников.

— Почему их слышите и понимаете только вы?

— Я паранорм, знаете ли, а эти... э-э... парни играли в данной

Ветви роль судебных исполнителей и знали Судью. То есть кого-то из моих кванков[1], не меня лично. Однако я не слишком отличаюсь от Златковых всей реализованной мировой хронолинии.

— Понятно. Что ж, попросите их передать сигнал SOS в Солнечную систему. Только пусть не промахнутся. Ветвей, где имеются Солнечные системы с планетами под названием Земля, Древо имеет предостаточно.

— Я дам им всю информацию для идентификации.

— Пусть найдут на Земле Жданова, — угрюмо посоветовал Белый. — Или его родственников. Больше я никому не верю.

— Тогда Павлу придется на какое-то время выключить пси-защиту уника, чтобы они сняли скан-портрет его личности.

— Это обязательно?

— Иначе им трудно будет отличить кванков Жданова.

— Рискнешь, Паша? — по личному каналу спросил Белый. — Или ну их к бесу? Кто знает, что у них на уме, у этих кристалломикробов.

— Хорошо, пусть сканируют, — ровным голосом сказал Павел, не отвечая Григорию.

Давление на мозг усилилось, под череп забрались прохладные «усики и ножки насекомых», забегали по всему объему головы, вызывая ощущение щекотки. Затем Павлу показалось, что в нервные узлы впились крохотные иглы, он невольно вскрикнул от неожиданной боли, и тут же все неприятные ощущения исчезли. «Насекомые» выбежали из головы, оставив странное чувство приятного пузырчатого кипения.

— Что там у тебя?! — пробился в уши напряженный голос Белого.

— Нормально, гриф, жить буду. Что дальше, Атанас?

— Теперь остается только ждать, — отозвался по-философски спокойно Златков.

Шип с разумной колонией микроорганизмов обрел плотность металла, дал задний ход, отодвинулся от Ствола и присоединился к собратьям, усеявшим корпус их транспортника. Вся «дубина» покрылась тусклым золотым сиянием, пошла косо вверх, с хлопком превратилась в длинную яркую искру и исчезла.

Люди долго смотрели в небо, словно ожидая чего-то, прислушивались к грохоту умиравшей планеты и молчали. Потом послышался мрачный голос Белого:

— Черт меня дернул согласиться на эту авантюру! Сидел бы сейчас где-нибудь в кафе с приятной девушкой и горя не знал!

---

[1] Кванк — хроноквантовая копия, дубль живого существа, реализующийся Ветвями Древа Времен при разделении каждой на копии (см. роман автора «Схрон»).

Лучше бы вы, Атанас, вызвали судебного исполнителя. Он единственный, кто помог бы нам укротить Игрока.

Ответом ему была тишина.

— Чего молчишь, Жданов?

— Думаю, — отозвался Павел.

— О чем?

— Пытаюсь представить, сколько еще таких команд, как наша, сейчас заперто в ловушках других «засыхающих» Ветвей.

— Много, — рассеянно сказал Златков. — Один человек не может стать Игроком на уровне всего Древа Времен в силу принципиальной темпорально-детерминистской ограниченности. Игроком становится только большая разумная система, стая или рой. Спектр существ. Посредник, предложив вам стать Игроком, имел в виду не вас лично, а с т а ю Ждановых, образованную всеми вашими кванками. Не так ли? Именно поэтому Игрок, против которого мы должны были играть, и предпринял меры по защите своих интересов. Ударил сразу по многим кандидатам.

— Вы считаете, надежды... нет?

— Вот как раз так я и не считаю. Раз Игрок предпринял попытку ограничения размеров вашей стаи, значит, он вас боится. А это, в свою очередь, означает, что существует свободный от влияния Игрока мир, где либо Федор Полуянов не играет на его стороне, либо вообще не существует, либо ваш кванк еще не получил предложение стать Игроком.

— Не вижу логики... — начал Белый.

— Подожди, — перебил его Павел. — Вы хотите сказать, что Игрок выключает только тех, кто уже согласился стать его соперником? Разве этого не достаточно?

— Конечно, нет. Игрок не всемогущ, ему тоже доступны не все уровни Игры и не все Ветви. Подождем.

— Что нам остается? — проворчал Белый.

С приглушенным всхлипом равнина вокруг Ствола начала оседать, превращаться в пыль. Звезда над горизонтом вспыхнула ярче, за несколько мгновений расплылась в быстро тускнеющее облачко, погасла. Наступила почти полная темнота. Светящаяся в небе нить не могла рассеять тьму и походила на щель в небесном куполе, из которой сочилось призрачное сияние...

ГЛАВА 2

Имя этого существа невозможно было произнести человеческим языком, но его смысл сводился к словам «идущий вопреки».

В прошлой Игре, охватившей весь многомерный континуум Древа Времен, он играл на стороне так называемых Сторожей

Будущего, или Тех, Кто Следит, как их называли люди Земли. Они же называли его соотечественников «хронорыцарями» — за облик, схожий с обликом некогда существовавших на планетах мировой линии Земли всадников-рыцарей, закованных в латы. Правда, размеры «хронорыцарей» впятеро превышали размеры земных прототипов, а «лошадьми» им служили мощные энергоносители, напоминающие кентавров, способные противостоять космическим катаклизмам.

В этой недавно начавшейся Игре Идущий Вопреки стал помощником Судьи, то есть судебным исполнителем, получив карт-бланш особых полномочий и возможность влиять на Игроков в пределах универсальных Законов Древа Времен. И хотя он походил на людей, имея две руки, две ноги, торс и голову, «хронорыцарь» гуманоидом не был, родившись в мире, который представлял собой четырехмерную гиперплоскость одномоментных событий, движущуюся сквозь пространственно-временную субстанцию вдоль оси времени.

Планетой этот мир назвать было трудно, так как вещество и поля, его образующие, являлись не самостоятельными физическими реальностями, а специфическими структурами самой пространственно-временной субстанции типа сгущений и вихрей. Мир Идущего Вопреки был компактным, но очень сложным объектом и представлял собой как бы одиночную волну наподобие солитона, распространяющуюся в направлении от прошлого к будущему.

Однако, играя на стороне Тех, Кто Следит, Идущий Вопреки побывал в сотнях Ветвей Времен, законы которых в корне отличались от законов его мира, и научился воспринимать их реальность как данность пространства Игры. Научился он и ценить жизнь во всех ее проявлениях, за что и получил приглашение Судьи войти в состав корпуса исполняющих судейские решения.

Игра началась, как и все предыдущие, между двумя основными Игроками, овладевшими всеми энергоинформационными ресурсами своих Ветвей-Метавселенных — за к о н т р о л ь над всем Фракталом Времен — с использованием всех средств, доступных Игрокам, но лишь тех, которые разрешали Законы Игры. Затем характер контактов Игроков резко изменился. Один из Игроков начал игнорировать Законы, заменяя их своими волевыми установками, подкапываясь под базисные принципы, запрещавшие сужать пространство Игры за счет ликвидации к о р н е в ы х пространств или Корней Древа. Тогда в процесс Игры вмешался Судья и восстановил дух и букву Закона, сделав Игроку предупреждение.

Некоторое время, отражаемое в разных Ветвях Времен поразному, имеющее разное физическое обоснование (на Земле, к

примеру, двадцать четвертого века прошло около двадцати пяти лет), Игра шла на равных, порождая причудливые сочетания «проросших» одна в другую Ветвей, хотя многие Ветви-Метавселенные, поврежденные волей Игроков, «засохли», а некоторые «загорелись», угрожая стабильности соседних Ветвей.

Однако Игрок, уже проявивший склонность к изменению принципов Игры, снова начал свою деятельность в обход Законов Древа, и ситуация заметно ухудшилась. Над Древом Времен нависла угроза многофазового перехода и коллапса. За эту деятельность Игрок получил имя, переводимое на земные языки как Палач. Его соперник — разумная сверхсистема растений, которой можно было бы дать имя Медленный Разум, — явно проигрывал в быстроте принятия решений, несмотря на привлечение на свою сторону сотен цивилизаций биологического цикла.

Идущий Вопреки хорошо зарекомендовал себя во время операций по наказанию разного уровня помощников Палача, действовал строго в рамках законов и заставил Игроков относиться к себе с уважением. Вместе с тем он весьма серьезно мешал Палачу, срывая его планы, и к нему начали присматриваться с двух сторон на предмет вербовки. Однако попытки подкупить Идущего Вопреки ничего не дали, и тогда Палач решил устранить строптивого судебного исполнителя физически. А для начала пообщался с Судьей, который тоже стал опасаться активности своего помощника, способного занять его место.

В один из редких моментов отдыха Идущий Вопреки получил задание восстановить Законы Бытия в одной из «заболевших» Ветвей, где сработал «вирус» Палача в форме энергоинформационного потока, изменившего некоторые физические константы. Судебному исполнителю следовало изгнать из Ветви эмиссаров Палача, контролирующих процесс распада местной вселенной, нейтрализовать «вирус» и заблокировать границы Ветви особой «печатью» — Принципом Судьи, усиливающим потенциальный барьер, который препятствовал бы проникновению в домен чужеродных носителей информации.

Идущий Вопреки не имел в своем лексиконе словосочетаний «не могу» и «не хочу», поэтому без возражений вышел из своего «состояния безвременья» и отправился по указанному адресу.

«Больная» Ветвь, которую предстояло «лечить», принадлежала к кусту так называемых «твердых» Ветвей. Каждая из них была целиком заполнена твердой субстанцией, которую для наглядности можно было сравнить с толщей камня в глубинах планет земного типа. Естественно, никаких планет такие Метавселенные не имели, их роль исполняли шарообразные полости с медленно пульсирующими «звездами» — центральными «узлами на-

пряжений», в которых «горело» время, превращаясь в энергию, свет и тепло.

Такие воздушные пузыри распределялись по массе «твердых миров» неравномерно, складываясь в своеобразные скопления наподобие галактик и звездных образований в Метавселенной, где существовали звезды, Солнце и Земля. Разумные существа, живущие на внутренних поверхностях «планетопузырей», не могли, конечно, видеть другие «пузыри», так как «твердый вакуум» их мира не пропускал электромагнитные волны зримой части спектра, зато они научились пользоваться звуковыми локаторами и звукоскопами, постепенно расширяя границы своего знания о вселенной.

Скорость звука в «твердом вакууме» составляла половину скорости света в человеческом понимании процесса передачи информации, так что постижение «твердых» Ветвей их обитателями шло медленнее, чем людьми — их мира, но все же не останавливалось.

В конце концов цивилизации, достигшие определенного уровня, начали посылать экспедиции к соседним «планетопузырям» на очень своеобразных аппаратах, которые можно сравнить разве что с земными подземоходами. Эти аппараты не летали, а буквально бурили «твердый вакуум», проделывали в нем «кротовые норы», шахты от «пузыря» к «пузырю». Сначала они были громоздкими и медлительными, затем, по мере совершенствования техники, становились все более изящными и быстрыми, пока их скорость не подошла к информационному пределу. На очереди было овладение «струнной» технологией, позволявшей преодолевать любые пространственные объемы практически мгновенно. Однако именно в этот период развития разума в одной из «твердых» Ветвей Времен и произошло нарушение законов по воле Игрока, бросившее разум в волну регресса.

Идущий Вопреки получил эту информацию вместе с заданием и полагал, что знает все. Но он ошибался. Судья по какой-то причине «забыл» ему сообщить об одной элементарной вещи: система судейского контроля, она же — транспортная система, имеющая на языке землян название трансгресс, в «засыхающих» мирах становилась однонаправленным процессом, своеобразной мембраной, пропускающей в мир «засыхающей» Ветви все и всех, но не выпускающей обратно н и ч е г о и н и к о г о! Во избежание заражения соседних Ветвей «вирусами» чужих дестабилизирующих законов. Таким образом, судебный исполнитель не мог воспользоваться трансгрессом в случае угрозы жизни, а в случае неудачи оказывался в ловушке. Мало того, поручая Идущему Вопреки устранить последствия нарушения Игроком принципов Игры, Судья «забыл» также и передать ему «жезл

силы» и он же — сертификат особых полномочий, называемый землянами дриммером. А так как Идущий Вопреки привык доверять тем, с кем он имел дело, то и не вспомнил о дриммере, полагая, что, раз ему больше ничего не сообщили и не вручили, он способен справиться с трудностями теми средствами, которыми владел.

Трансгресс высадил его на поверхности одного из «планетопузырей» «твердой» Ветви, освоенного разумными существами данного мира, похожими на земных бабочек, только гигантских размеров. Силу тяжести здесь заменяла сила давления, прижимающая предметы к поверхности «пузыря», а сила пленочного натяжения помогала удерживать равновесие, поэтому местная флора и фауна селилась в основном на стенках «планеты». Размеры «планетопузыря» намного превышали диаметр Земли и даже Солнца, достигая диаметра орбиты Марса в мире людей. Но за время существования цивилизации «бабочки» застроили почти весь объем «пузыря» своими сложными, многокрасочными, красивыми замками, подобравшись чуть ли не вплотную к центральному «светилу» — зоне, в которой время превращалось в энергию. Они уже готовы были напрямую выкачивать эту энергию из своего «солнца» для нужд растущей цивилизации, если бы их не опередили эмиссары Палача. Идущий Вопреки сразу после выхода из трансгресса заметил торчащий из «светила» черный хобот энергоотсоса, направляющего энергию за пределы «планетопузыря» и вообще за пределы Ветви.

Последствия вмешательства Игрока в жизнь «твердой» Метавселенной были видны, что называется, невооруженным глазом.

Жизнь в «пузыре» замерла, парализованная надвигающейся «темнотой». Энергии хозяевам мира катастрофически не хватало, и они резко снизили активность, не понимая причин явления, сосредоточив деятельность на спешной отправке экспедиций к соседним «планетам» в надежде найти приемлемые условия для обитания. Но там их ждало то же самое. А экспедиции гибли одна за другой, застревая в толще «твердого вакуума», который из-за просачивания чужих физических законов становился «желеобразным» и «жидким». По сути, этот мир был обречен и скоро должен был «распухнуть», а затем сжаться в черную дыру.

Идущий Вопреки, оценив состояние местного космоса, принялся за работу, в общем-то не свойственную судебным исполнителям; они редко устраняли последствия несанкционированного вмешательства Игрока в жизнь той или иной Ветви Древа Времен. Хотя, с другой стороны, изгнание из Ветви просочившегося «вируса» — эмиссара Игрока — и означало «свисток Судьи», за которым следовало предупреждение — ликвидация эмиссара.

Первым делом Идущий Вопреки уничтожил хобот энергоотсоса, чтобы восстановить энергобаланс «планетопузыря». Затем принялся искать «струну» просачивания в Ветвь «вируса» Игрока; «твердый вакуум» был для его аналитических систем совершенно прозрачным, и он хорошо видел скопления «планетопузырей» и «кротовые норы», проделанные в толще «твердого вакуума» кораблями разумных существ.

«Струн» просачивания «вируса», изменившего состояние Ветви, он обнаружил множество, целую систему, пронизывающую «твердый космос», однако вопреки уверенности в своем праве влиять на события не смог нейтрализовать ни одной.

Во-первых, ему не хватало полномочий, то есть дриммера, во-вторых, трансгресс в этом мире не работал. Судебный исполнитель буквально застрял в «пузыре» с цивилизацией бабочек, не имея возможности свободно путешествовать в пределах Ветви.

Тогда он определил координаты эмиссара Игрока, контролирующего процесс сворачивания Ветви в данном районе, и предстал перед ним во всем великолепии судебного исполнителя, сурового и неподкупного.

Резиденция эмиссара представляла собой энергетически независимый кокон, похожий на шипастую раковину моллюска, и располагалась на вершине толстой серой башни, в которую превратился в здешних условиях оставшийся со времени прошлой Игры «стержень поддержки Игрока». Люди Земли называли эту башню хронобуром или Стволом. В результате решения Судейской коллегии прошлой Игры обоим Игрокам — «хронохирургам» и Тем, Кто Следит — было засчитано поражение, и они были отстранены от участия в дальнейших Играх, а Ствол, ставший к тому времени своеобразной Ветвью Времен, был заблокирован местными судебными исполнителями в каждом узле выхода. В данной Ветви он тоже не работал как «шахта времен», соединявшая множество Ветвей, хотя был видим и материально ощутим, поэтому судебный исполнитель воспользоваться им не мог. Точнее, м о г б ы, если бы имел «жезл силы» — дриммер.

Ажурные эстетически выверенные творения разумных бабочек уже покосились, оплыли, потеряли цвет, но Ствол и «раковину» эмиссара процесс распада материи не затронул. Ствол казался непобедимо плотным и массивным, как скала, а резиденция светилась изнутри угрюмым вишневым накалом.

Идущий Вопреки «постучал в ворота» — посигналил особым образом в пси-диапазоне. «Раковина» эмиссара медленно вывернулась наизнанку, открывая фигуру пандава, давнего соперника «хронорыцарей» во времена прошлой Игры. Судьба снова свела их вместе, а точнее — развела по разные стороны баррикад.

Шестилапый урод, похожий на помесь земного динозавра и

змеи, выпрямился во весь рост, растопыривая верхнюю пару лап, с надменной холодностью глянул на гостя. Так они стояли некоторое время друг против друга — чешуйчатый, бликующий зеленым металлом обезьянозмей и черно-фиолетовый «рыцарь» на алом «кентавре», торс-рог которого светился сине-фиолетовым накалом. Потом эмиссар Палача проговорил:

«Чего тебе надобно, судейская крыса?»

Естественно, разговор двух негуманоидов шел в мысленном диапазоне, едва ли доступном кому-либо еще, но смысл его сводился к приводимому ниже тексту.

«Я пришел объявить волю Судьи», — ответил Идущий Вопреки.

«Плевал я на твоего Судью!»

«Он не мой, и тебе придется подчиниться. Если не выполнишь требований, я уничтожу остальные энергоотводы и заблокирую домен».

Обезьянозмей ухмыльнулся:

«Прежде тебе придется предъявить свои полномочия исполнителя. Где твой властный сертификат, судейская крыса?»

«Тебе достаточно знать, что я — исполнитель воли Судьи. Или ты подчинишься, или...»

«Или что? Что ты можешь сделать, кретин? Отнять у меня мое право делать то, что я хочу? Ограничить свободу? Уничтожить?»

«Мои полномочия неограниченны».

«Ошибаешься! Это м о и полномочия неограниченны!» — В лапе обезьянозмея внезапно появился длинный предмет, напоминающий меч с туманно-льдистым текучим лезвием. Это был дриммер, «жезл силы», атрибут власти судебных исполнителей, почему-то оказавшийся у эмиссара Игрока.

«Ну, что ты скажешь теперь?!»

Идущий Вопреки метнул черный луч свертки пространства, намереваясь выбить «жезл силы» из лапы обезьянозмея. В следующее мгновение лезвие дриммера удлинилось, пронзило рог «кентавра» и туловище судебного исполнителя, превратилось в огненный ручей, ударивший в центр «планетопузыря», где пульсировал тускнеющий клубок оранжевого пламени — «светило» этого мира. Идущий Вопреки посмотрел единственным узким и длинным глазом на свою грудь, в которой образовалось дымящееся отверстие, хотел было увеличить потенциал защиты и отступить, уйти в «струну», но не успел.

Его тело заколебалось, как пелена дыма, начало рваться на клочья и струи, втягивающиеся в яростный ручей огня, и в течение короткого времени распалось, влилось в общий поток энергии дриммера.

Последнее, что смог сделать умирающий судебный исполнитель, — это послать компакт-депешу Судье о своей гибели. Он не

знал, что в тысячах других миров «засыхающих» Ветвей точно так же погибли тысячи других судебных исполнителей, попавших в ловушку.

Первый «отборочный» этап Игры Палач выиграл вчистую, хотя при этом преступил базовые Законы Древа Времен, запрещавшие ограничивать его рост и упрощать мерность дендроконтинуума.

ГЛАВА 3

Ивору Жданову исполнилось двадцать четыре года.

Это был невысокий по меркам века, хрупкий на вид молодой человек с гривой каштановых волос и синими глазами, в которых светились ум и воля. Лицо у него было овальное, с твердым подбородком. Губы, чуть полнее, чем требовали каноны мужской красоты, всегда были готовы сложиться в улыбку, хотя могли и твердеть до упрямой жесткой линии, а нос, хоть и напоминал о сотнях поколений славянского рода, не портил лица.

В мае две тысячи триста двадцать пятого года Ивор закончил факультет квистории[1] Среднеевропейского гуманитарного университета и теперь раздумывал над своей дальнейшей судьбой. Он получил целых три предложения от разных организаций, но пока не пришел к консенсусу с самим собой, так как предложения казались равноценными.

Одно из них исходило от профессора Кострова, преподающего в университете динамику квистории и одновременно работающего в ИВКе — Институте внеземных культур. Костров предложил молодому квистору не тратить время на аспирантуру, а сразу войти в группу ИВКа, занимающуюся палеоконтактами на основе хронотеории всемирно известного ученого Атанаса Златкова.

Второе предложение сделал декан факультета Трофим Ивашура — стать аспирантом и заняться углублением и расширением теории квантовых состояний Древа Времен.

Третье неожиданно выдал комиссар-два службы безопасности Евразийского нойона Федор Полуянов. Он заявился к Ивору лично — молодой человек жил в отдельной квартире-винограднике Тверской жилой грозди, — долго расспрашивал его о жизни, о контактах с отцом Павлом и матерью Ясеной, интересовался, не рассказывал ли отец о встречах с необычными гостями, а затем предложил войти в группу «Роуд-аскер» наземной службы без-

---

[1] Квистория (квантовая история) — наука, изучающая вероятностные модели исторического развития социальных систем Земли в условиях многовариантного копирования. Квистор — специалист по квистории.

опасности в качестве оперработника. В крайнем случае — в качестве консультанта по квистории.

Последнее предложение было уж и вовсе неожиданным, хотя и лестным, но Ивор не дал Полуянову ответа сразу. И не потому, что не хватило решительности — он как раз отличался быстрой реакцией и дерзостью, свойственной поэтам во все века (молодой ученый писал стихи), — а потому, что хотелось попробовать себя сразу во всех трех областях деятельности, которые открылись перед ним. Посоветоваться он мог только с мамой, работающей в ИВКе под началом Кострова и желавшей видеть сына рядом. Отец еще ранней весной вместе с Атанасом Златковым и своим другом Григорием Белым, советником СЭКОНа, отправился в какую-то секретную экспедицию и до сих пор не вернулся.

Поломав голову и не найдя оптимального решения, Ивор отложил его до лучших времен и согласился провести несколько дней в компании сверстников, таких же выпускников университета, как и он, среди которых была и девушка, которая ему нравилась, — Альбина Яворская, первая красавица факультета и мисс Тверь прошлого года. Заводилой и душой компании был Костя Ламберт, спортсмен и шутник, в которого были влюблены многие девушки факультета, хотя он вел себя со всеми одинаково, в том числе и с Альбиной, что задевало красавицу и заставляло держаться подчеркнуто независимо. Именно Косте принадлежала идея провести уикенд в одной из экозон Венеры, и именно Альбина раскритиковала идею и предложила свой вариант: Центральную Мексику, где недавно раскопали и воссоздали древний город ацтеков — Пинкучиали.

Вероятно, у нее были высокие покровители из числа чиновников Центральноамериканского нойона, которые дали разрешение группе молодых людей в количестве девяти человек провести какое-то время на территории заповедника с обновленным городом. Хотя об этом никто из них не подумал. Главное — их допустили туда, куда другим вход был заказан.

Отряд высадился на плато Дель Парраль с туристического дирижабля, развернул походные модули «Пикник» и принялся заниматься культурным отдыхом, как его понимали члены отряда.

Сначала они посетили город, сняв на видео себя на фоне живописных террасовидных пирамид и ритуальных храмов, поглазели на работу терраформистов, строителей и художников, кропотливо восстанавливающих акведуки, пирамиды, здания, фрески, стелы, орнамент и скульптурный парк древних ацтекских сооружений, искупались в реке Кончос. Затем погуляли по сельве — в защитных униках, естественно, спасающих от москитов и прочих жужжащих и кровососущих тварей, и принялись наслаждаться яствами, которые приготовил им кухонный комбайн «Скатерть-

самобранка». После чего начался концерт исполнителей песен под старинные гитару и синтезатор, танцы, философские беседы и раскованный треп. Мужчины изощрялись в остроумии, женщины оценивали их юмор и с удовольствием разрушали воздушные замки надежд сильной половины на завоевание сердец слабой половины человечества.

В этих упражнениях ума и изящного слога нашлось место и стихам Ивора, который прочитал свои последние творения. Мужчинам особенно понравилось:

Я помню — в мощи этих крыл
Слились огонь и мрак, —
В самом уж взлете этом был
Паденья вещий знак.

А женщинам:

Сумрак неизмеримый гордости неукротимой,
Тайна, да сон, да бред:
Это — жизнь моих ранних лет...[1]

Однако на Альбину стихи Жданова не произвели особого впечатления, она была занята собой и попытками завладеть вниманием Кости, который в свою очередь умело дирижировал компанией и держал процесс под контролем. Поэтому никто не удивился, когда эта пара вдруг исчезла в неизвестном направлении. Вечер середины мая продолжался, теплый, напоенный ароматами сельвы, но у костра вскоре остался только один Ивор, расстроенный поведением примадонны и завороженный пляской язычков огня. Остальные разбились по парам и разбрелись кто куда, наслаждаясь предельно романтическим по нынешним условиям века живой и умной техники вечером.

Посидев у затухающего костра в позе мыслителя, Ивор заскучал, хотел было пойти спать в одну из кают модуля, но вдруг почувствовал неизъяснимую тягу к приключениям, нацепил на пояс ремень антиграва и взлетел над лагерем в фиолетовое небо, полное искусственно созданных видеокартин — рекламных, информационных и развлекательных, создающих ансамбль световой архитектуры, из-за которой Земля была видна из любой точки Солнечной системы. Поэтому вечер и ночь таковыми назвать было трудно, так как поверхность Земли, не освещенная Солнцем, была всегда освещена почти как днем. Но ухищрениями светотехников ночное небо при этом оставалось темным и звездным, лишь изредка закрываясь пеленой туч для плановых дождей и гроз.

---

[1] В романе использованы стихи Э. По, К. Бальмонта, В. Высоцкого, Н. Игнатенко, С. Андреева, В. Гафта, Е. Лукина.

Покружив над лагерем на стометровой высоте, Ивор направил полет к ацтекскому городу, строения которого были освещены еще не все, и опустился на вершину самой высокой пятиступенчатой пирамиды со срезанной вершиной, которая была сложена из пористых каменных плит и пока не восстановлена полностью. Привлекло молодого поэта и будущего квистора то, что пирамида была не освещена и вокруг нее не возились строители и архитекторы. Обойдя верхнюю площадку пирамиды, Ивор запрокинул голову и долго смотрел в небо, на звезды, проглядывающие сквозь эфемерную световую вуаль реклам, хотел было спуститься на нижнюю ступень пирамиды, и в этот момент зенит проколол пронзительно-голубой луч света, вырос в поток смарагдового пламени, и в центр площади напротив пирамиды, на которой стоял Ивор, вонзился сияющий огненный кулак. Раздался чудовищный грохот, взрыв, во все стороны полетели ручьи огня, осколки каменных плит и черные рваные хлопья, насквозь пробивающие стены зданий. Один из таких рваных иззубренных обломков упавшего с неба объекта пронзил пирамиду Ивора, второй пролетел мимо буквально в метре, и лишь тогда молодой человек наконец вспомнил об антиграве и прыгнул с покосившейся плиты верхушки пирамиды в небо.

Грохот стих. Огонь втянулся в корпус необычного летающего аппарата, косо воткнувшегося в поверхность площади, окруженного торчком вставшими плитами. Дым и пыль осели, и взору ошеломленного происшествием Ивора предстала утыканная черными колючками деревянная дубина километровой длины.

Именно это сравнение первым пришло в голову. Затем стометровые колючки-шипы начали отваливаться от бугристого, пористого, обуглившегося корпуса «дубины» и распадаться в черную пыль. На глазах пораженного свидетеля катастрофы с поверхности удивительного сооружения за несколько секунд опали все шипы, кроме одного, светящегося изнутри, мутно-прозрачного, как старинное бутылочное стекло. Ивор невольно приблизился к нему, завороженный игрой кружащихся внутри пятигранного шипа зеленых звездочек, и почувствовал пристальный, оценивающий, печальный, с л е п о й взгляд. Вздрогнул, отшатываясь.

«Человек, не уходи! — раздался в голове тихий шуршащий голос, похожий на шелест ветра в ветвях дерева. — Мы тебя не обидим. И у нас кончается запас индивидуальности».

«Кто... вы?» — мысленно спросил Ивор в ответ.

«Мы из тех, кого больше не будет. Мы последние из уходящих. Мы посланы с известием».

С каждой фразой пульсация звезд внутри гигантского остро-

конечного нароста замедлялась, свечение угасало, звезды тускнели, а «стекло» темнело.

— С каким известием? — спросил Ивор вслух. — Кому?

«Мы прошли семьсот семьдесят шесть Ветвей... — Мысленный шепот существа или существ, живших внутри шипа, стал почти неслышен. — Ваша... Ветвь... последняя... мы ищем... носителей родовой линии человека... по имени Павел Жданов...»

«Это мой отец!»

«Мы его... посланцы...»

«Но он ушел в экспедицию, и на Земле его нет. Где он?!»

«В одной из отмирающих Ветвей... очень глубоко... на пределе... Ты тоже носитель отпечатка... его личности...»

«Я его сын».

«Он в опасности...»

«Что с ним?!»

Шепот почти угас:

«Ветвь становится тенью... виртуальным миром... выхода не... ищи... по запаху... никому не...»

Давление на мозг Ивора прекратилось. Звезды внутри гигантской колючки погасли. Сама она почернела, покрылась сетью трещин и вдруг отделилась от корпуса корабля-матки, упала на одно из восстановленных зданий города и с грохотом раскололась на задымившиеся осколки.

Ивор очнулся, поднялся чуть выше, разглядывая разбившийся негуман-корабль в поисках еще «живых» шипов, ничего не обнаружил и только теперь осознал всю серьезность происшествия и мрачную тайну появления посланцев. Отец оказался в опасной ситуации, и его надо было спасать!

С воем к трубе-«дубине» чужого космического корабля примчалась стая аппаратов, принадлежащих пограничникам, службе общественной безопасности, аварийно-спасательной службе, медикам и аэроинспекции, выбросила десант. Над городом загорелось МК-зеркало, освещая каждую его деталь.

Закипела работа. Эфир заполнился «морским» прибоем оперативных переговоров, команд, сводок, скрипами бланк-сообщений и возбужденными голосами корреспондентов информационных агентств. К зависшему в полукилометре от чужого спейсера Жданову приблизился упавший с неба галеон с эмблемой службы безопасности, откинул колпак блистера.

— Залезайте ко мне, молодой человек, — раздался чей-то глуховатый голос.

Человек на переднем сиденье аппарата повернул к Ивору голову, и тот узнал приятеля отца, комиссара-два Евразийского филиала наземной службы безопасности Федора Полуянова. Ивор не удивился появлению комиссара, лишь подумал, что тот

оказался на месте катастрофы наравне с операми своей службы, что говорило о его быстрой реакции и ответственности.

— Какими путями тебя сюда занесло? — продолжал Полуянов, когда Ивор сел рядом с ним.

Пришлось рассказать об отдыхе в компании бывших выпускников университета.

— Они тоже наблюдали падение этой колымаги?

Ивор покачал головой.

— Они все разошлись, и я прилетел сюда ради любопытства. Лагерь находится в трех километрах отсюда. Если хотите, можем долететь до него и расспросить ребят.

— Мы так и сделаем. А ты видел весь процесс падения или только финальную стадию?

— Не знаю, я смотрел в небо... мечтал... — Ивор слегка порозовел. — И вдруг луч света! И появление этой громадины... издали она очень была похожа на дубину с шипами. Но все шипы при ударе о землю отвалились.

Полуянов пристально посмотрел на Жданова.

— Это точно? Все отвалились? Сразу или в какой-то последовательности?

В памяти Ивора всплыл мысленный шепот уцелевшего существа, обитавшего в глубине шипа:

«Ищи по запаху... никому не...»

Что хотел сказать умирающий организм? Кого следовало искать «по запаху»? И что значит «никому не»? Никому не рассказывай?

Пауза затянулась.

— Что молчишь? — добродушно проговорил Полуянов. — Ты все видел? Шипы отваливались не сразу? Некоторые из них были активными?

— Только один, — пробормотал Ивор.

— Ты с ним... контактировал?

— Н-нет, — ответил Ивор быстро. Слишком быстро.

— Не бойся, — усмехнулся Полуянов. — Никто ничего не узнает. Я друг твоего отца и понимаю кое-что в квистории. Тебе дали информацию о его местонахождении?

— Нет, — более уверенно сказал Ивор. — Я понял только, что он находится в какой-то умирающей Ветви и что ему грозит опасность.

О том, что посланник отца предложил искать его «по запаху», Ивор умолчал.

— В какой именно Ветви, ты не знаешь?

— Не знаю. Честно.

— Верю. — Полуянов задумчиво побарабанил пальцами по изогнутому подлокотнику сиденья, глядя на суету тревожных

служб вокруг чужого космолета. — Жаль, что они не успели дать тебе точные координаты команды Жданова. Это помогло бы избежать многих неприятных процедур.

— Каких процедур? — не понял Ивор.

— Информация, которую ты получил, крайне важна, и нам необходимо знать малейшие детали. Придется сканировать твою память... если ты сам не вспомнишь все подробности.

— Вы шутите?! — не поверил Ивор.

— К сожалению, мой мальчик, ты не понимаешь всей серьезности происходящего.

— Но я действительно больше ничего не знаю! Тот, кто со мной разговаривал на пси-волне, был почти мертв и успел сообщить только об опасности, грозящей отцу. Кстати, вы должны знать больше, так как вы сами посылали его в эту экспедицию.

— Ты прав, — кивнул Полуянов. — Я готовил экспедицию и должен был участвовать в ней, если бы не... — Комиссар пожевал губами. — Впрочем, это уже не важно. Однако прошу тебя о нашей беседе ни с кем не говорить, этим ты только усугубишь положение отца... да и свое тоже. Если вспомнишь еще что-нибудь существенное о выпадении посланника — позвони.

— Как вы сказали? О выпадении?

Полуянов покосился на лицо сбитого с толку молодого человека.

— Этот негуманский спейсер выпал из «струны» у Юпитера, облетел все планеты Солнечной системы, а потом прыгнул к Земле. Мне очень хотелось бы знать, почему он объявился здесь, в Мексике, хотя мы ждали его в другом месте, и почему именно ты стал свидетелем его выхода.

— Я н-не знаю...

— Верю. Хорошо, если на этом инцидент и закончится. Прощай пока. Звони, если что.

Ивор включил антиграв, поднялся над галеоном службы безопасности, проводил его взглядом. Галеон устремился к освещенной угрюмой колонне разбившегося негуманского спейсера, затерялся среди множества огней в карусели спецтехники.

Остро захотелось посоветоваться с отцом, рассказать о странных угрозах комиссара, поделиться впечатлениями от контакта с негуманами. Потом пришла мысль: мама тоже в свое время попутешествовала с отцом по мирам Древа и понимает в этом толк. Она может дать хороший совет.

Приняв решение, Ивор облетел кругом «дубину» чужого корабля, вокруг которого уже установили лучевую завесу для обозначения зоны недоступности, встретил возбужденных приятелей, примчавшихся к месту падения корабля, но делиться с ними полученной информацией не стал. Хотя желание повысить свой

статус в глазах Альбины было. Но она с подчеркнутым победно-независимым видом держала за руку Костю Ламберта, и Жданов с грустью признал в душе свое поражение.

Выслушав с десяток предположений о причинах случившегося, Ивор тихо, по-английски покинул приятелей, забрал свои личные вещи в лагере и на турфлайте добрался до метро. Через несколько минут он вышел из метро Твери, — здесь царил полдень, — взял пинасс-такси и вскоре выбрался из него на сто сорок третьем ярусе седьмой жилой грозди города. Блок под номером девятнадцать, где жила семья Ждановых, венчал ярус и состоял из четырех комнат с перестраиваемым интерьером: двух спален, гостевого зала и рабочего кабинета с двумя независимыми выходами на Интерпаутину.

Мать была дома — занималась триаксом в компании подруг. Увидев сына, она обрадовалась и удивилась.

— Что-нибудь произошло? — спросила она, оставив подруг в гостиной. — У тебя неприятности?

Ивор понял, что она еще не знает о падении негуманского спейсера в Мексике.

— Неприятности, похоже, у отца, — мрачно проговорил он и поведал маме историю своего контакта с негуманоидом.

Ясена выслушала рассказ сына молча, не перебивая и не ахая, как это обычно делают все матери. Это была уже не та испуганно-решительная красивая девочка, стечением обстоятельств вырванная из родовой ниши на планете Гезем одной из «тупиковых» Ветвей Древа Времен. Став женой Павла, она закончила исторический факультет Московского университета, затем Академию пси-социологии, стала эф-аналитиком ВКС, потом начальником отдела квистории СЭКОНа. Куда бы ни заносила судьба мужа, она всегда была рядом, умудряясь при этом быть классным специалистом своего дела и любящей женой. Хотя в последний поход Жданова она почему-то осталась дома.

— Что будем делать? — тихо спросил Ивор, не дождавшись реакции матери.

Ясена очнулась.

— К Полуянову больше не обращайся, мальчик. Не нравятся мне его странные намеки. Я попробую навести кое-какие справки по своим каналам, а ты поговори со стариком Ромашиным. Думаю, он тебе кое-что объяснит.

— Кто это?

— Игнат Ромашин, бывший глава службы безопасности, теперь просто художник и скульптор. Статую «хронорыцаря» в нашем родном Парке Воспоминаний видел? Его работа.

— Почему ты уверена, что этот старик мне кое-что объяснит? Что именно?

— Поговори с ним, — уклончиво ответила Ясена. — Но больше никому ни слова! Особенно комиссару Полуянову. Обещаешь?

Ивор внимательно посмотрел на мать, и в сорок два года не потерявшую своей привлекательности и красоты.

— Ты от меня что-то скрываешь. Ты знала, что отец ушел в Ствол?

Ясена выдержала взгляд сына.

— Знала, но тебе знать об этом было рано. Разберемся с этим странным посланием негуманов — поговорим.

— Но почему нельзя об отце говорить с дядей Федором? Он же комиссар безопасности и друг отца.

— Есть хорошая пословица на этот счет: никогда не судите о человеке по его друзьям, у Иуды они были безупречны[1]. А теперь займись своими делами, мальчик, мне пора провожать подруг.

Ивор поцеловал мать, спустился в гостиную, попрощался с подругами мамы, проводившими его шутками и любопытными взглядами, и снова вызвал такси. Он решил не откладывать дела в долгий ящик и сразу поговорить с бывшим комиссаром земной СБ Игнатом Ромашиным.

ГЛАВА 4

Мастерская художника и скульптора Ромашина Ивора не поразила. Она состояла всего из двух помещений: компьютерного вириала с видеозоной и виртуальным программатором и собственно скульптурной студии, где видеозарисовки обретали плоть, объем и жизнь. Ивору уже приходилось бывать в подобных мастерских, принадлежавших друзьям или творческим организациям, и ничего нового он увидеть не ждал. Но все же кое-что интересное ему показали.

Игнат Ромашин вышел к гостю сам, седой, темнолицый, худой, костистый, погруженный в свои мысли. Ивор смутился, не зная, как представиться и сообщить, что, собственно, привело его к бывшему комиссару. Но хозяин мастерской просто подал ему руку, сделал приглашающий жест и провел Жданова в свои апартаменты.

— Подожди здесь, — сказал он негромко, — я сейчас освобожусь.

Он вышел, а Ивор от нечего делать стал разглядывать выставленные в зале скульптуры, торсы, головы, принадлежащие в основном животным, а также существам, которых Жданов в боль-

[1] П. Валери.

шинстве своем никогда не видел. Однако встречались и знакомые фигуры, застывшие в пластолите или туг-бетоне, а иногда — в граните или известняке. Так, среди изваяний Ивор с удивлением увидел знакомую по квистории черепаху с усами — герплекса, представлявшего собой киборга-разведчика неких разумных существ. Десятки подобных «черепах» были запущены в Ствол кем-то из Игроков. А чуть дальше возвышалась жуткая шестиметровая фигура со змеиной головой, доставая макушкой потолок. Это был знаменитый пандав — обезьянозмей «хирургов», мощный киборг, способный самостоятельно передвигаться по «струне» через космическое пространство.

Находилась в этой компании и скульптура «хронорыцаря» — гиганта в фиолетовой чешуе с одним горизонтальным щелевидным светящимся глазом, сидящего на «кентавре», торс которого заменял острый голубовато-льдистый рог.

Но все же большинство изваяний коллекции Ивору было незнакомо. Он остановился напротив метровой высоты двояковыпуклой линзы с коричневой морщинистой шкурой, из которой вырастали два желтоватых стебля, увенчанных пластинчатыми шляпками. Эти стебли со шляпками сильно смахивали на гигантские грибы — бледные поганки.

— Это матка мицелия, — раздался сзади голос Ромашина. — Форма разумной жизни типа «грибница». Ее обнаружила наша Даль-разведка на одной из планет шарового скопления в Волопасе.

— Мы такую не изучали, — пробормотал Ивор.

— Как ни странно, наши мицеллиты не участвовали в прошлой Игре, хотя засылали своих наблюдателей, а вот их кванки стали «правой рукой» Игрока. Я имею в виду «хронохирургов». Но давай о деле, у меня не так уж и много свободного времени. Пошли в мой кабинет.

Ромашин повел гостя на второй этаж строения, и они расположились в креслах уютного рабочего модуля, стены которого походили на светящиеся изнутри пчелиные соты.

— Слушаю тебя, — посмотрел на Жданова серыми проницательными глазами бывший комиссар.

— Понимаете, я попал в необычное положение, — начал Ивор стесненно, — и мама посоветовала обратиться к вам.

— Продолжай.

Глаза Ромашина вспыхнули и погасли, а Ивор вдруг почувствовал облегчение и уверенность, волнение его улеглось.

— Я с друзьями отдыхал в Мексике, — продолжал он смелей, — и случайно оказался недалеко от места падения негуманского космолета. Вы, наверное, слышали об этом?

Взгляд Ромашина изменился, стал острым и сосредоточенным. Он наклонился вперед.

— Ты был там во время падения?

— Мало того, я контактировал с живым негуманом. — Ивор коротко рассказал скульптору о разговоре с обитателем гигантской «колючки» и о встрече с Полуяновым и добавил: — Из всего этого я понял только одно: отец в опасности! Комиссар не стал мне ничего объяснять, а мама знает лишь о походе отца в Ствол. Может быть, вы знаете о цели этого похода и почему он так засекречен?

Ромашин помял пальцами подбородок, склонив голову набок и о чем-то размышляя, потом стремительно вышел из кабинета. Ивор удивленно посмотрел ему вслед, не зная, как реагировать на уход хозяина, но тот вернулся буквально через полминуты и не один. За ним вошел такой же высокий человек в серебристо-сером унике, и ошеломленный Ивор перевел взгляд с его лица на лицо Ромашина и обратно: они были похожи, как братья! Вернее, у обоих было одно и то же лицо! Только прически были разными да волосы второго гостя казались темнее и не столь седыми.

— Знакомьтесь, — сказал Ромашин-первый, — Ивор Жданов, сын Павла и Ясены. Ивор, это Игнат Ромашин.

— Но вы... — Ивор пожал сухую сильную руку гостя. — Вы так...

— Я кванк Ромашина, — улыбнулся Ромашин-второй. — Или он — мой. Смотря с какой стороны посмотреть. Гощу вот у него второй день, разбираюсь с кое-какими проблемами.

— Садитесь, — сказал Ромашин-первый, выращивая еще одно кресло, — поговорим без спешки.

— А как вы попали к нам? — наивно поинтересовался возбужденный Ивор. — Разве Ствол открылся? Он же был заблокирован.

— Ствол заблокирован, однако кое-какие его хронолифты работают. Ты квистор и изучал историю создания хронобура, поэтому мне не придется начинать с общеизвестных истин[1]. После того как Игра была остановлена, Ствол не исчез, продолжая соединять все Земли в мирах разных Ветвей, но все его выходы были перекрыты судебными исполнителями каждой Ветви.

— Нам это говорили.

— Теперь ты услышишь то, чего вам не говорили. Ствол не только не исчез, но стал самостоятельной Ветвью Времен, пространством обитания многих разумных существ, попавших в него во времена прошлой Игры. Кроме того, у него образовался свой хозяин...

— Стас! — вырвалось у Ивора.

---

[1] См. книги автора «Бич времен» и «Схрон».

Ромашины переглянулись, с одинаковыми усмешками посмотрели на порозовевшего молодого человека.

— Правильно мыслишь, — сказал Ромашин-первый.

— Именно Стас, инк Ствола, — кивнул Ромашин-второй. — Он-то и регулирует теперь жизнь в этой необычной Ветви, создавая локальные объемы бытия и свои хронолифты, недоступные влиянию извне.

— Но как же вам удалось проникнуть внутрь Ствола, если он заблокирован, а хронолинии подчиняются только Стасу?

— Удалось, — снова усмехнулся Ромашин-два. — Это длинная история. Главное, что мы имеем возможность посещать через Ствол соседние Ветви. Я, твой отец и кое-кто еще.

— Кажется, я понимаю. Все вы в прошлой Игре вместе со Стасом играли на одной стороне...

— И он остался нашим другом. Правильно мыслишь, квистор. Однако давай-ка вернемся к твоей встрече с Полуяновым. Почему он вдруг заговорил о пси-сканировании?

— Меня это тоже удивило. Ведь я сказал ему все, что знал... — Ивор прикусил язык, вспомнив, что не сообщил Полуянову некоторые подробности контакта с негуманом. Виновато обвел глазами внимательные лица собеседников. — Извините, я кажется... солгал. Негуман произнес странную фразу... будто отца можно найти по запаху, но об этом я Полуянову не сказал.

Ромашины обменялись быстрыми взглядами.

— Ты правильно понял посланника? Он так и сказал: «по запаху»?

Ивор пожал плечами.

— Контакт был практически селективным, я слышал мысли негумана почти как звуковую речь. Он так и сказал: «Можно найти отца по запаху». Если предполагать, что... — Ивор застыл с открытым ртом, прошептал: — Кажется, я понял...

Ромашины не шевельнулись, и он продолжал:

— Негуман имел в виду «запах» мысли, «запах» личности! Ведь сам он нашел меня именно таким образом, посетив множество Земель в других Ветвях.

Ромашин-второй почесал затылок, прищурился.

— Ей-богу, общение с этим юношей доставляет мнѣ удовольствие. Можно говорить, что я не зря посетил вашу Землю.

— Он сын своего отца, — усмехнулся Ромашин-первый. — А Жданов, как говорится, и в Африке — Жданов.

— Жаль, что в нашем мире у нашего Жданова нет такого сына.

— Потому что такая жена, как у нашего Жданова, — единственная на все Ветви.

— Ты прав, скульптор. Давай теперь займемся развитием идеи

этого парня — как найти его отца в Мультиверсуме по «запаху» личности.

— Где-где? — встрепенулся Ивор. — В Мультиверсуме?

— Так у нас называют Большую Вселенную, состоящую из бессчетного количества пузырей-Метавселенных, которые, в свою очередь, образуют «кусты», или Фракталы Времен. Но об этом мы еще поговорим.

Ромашин-второй встал.

— Спасибо за информацию, Ивор Жданов. Сдается мне, мы увидимся в скором времени.

— Но вы не сказали, куда и зачем ушел мой отец!

Ромашин-второй посмотрел на первого.

— Дашь ему пакет? По-моему, он надежен и умеет держать язык за зубами.

— Дам, — пообещал скульптор.

Ромашин-второй похлопал Ивора по плечу, пожал руку хозяину кабинета.

— Найди по своему Полуянову все, что сможешь, нам нужен полный интенсионал. Я свяжусь с тобой сам.

Открылась и закрылась дверь кабинета. Ивор и Ромашин-первый остались одни, глядя на дверь. Затем Ивор сказал:

— Он действительно попытается найти моего отца?

— В принципе он ищет своего Жданова, а не твоего отца, но судьба Ждановых соединяет их всех. Найдется один — отыщутся и остальные. Однако мой кванк — человек решительный, если сказал — сделает. В своей Ветви он так и остался комиссаром, не то что я здесь.

Ивор прищурился.

— Мне почему-то кажется, что вы и у нас здесь занимаетесь не только свободным творчеством. Мой отец говорил о секторе контрразведки в УАСС. Вы случайно не возглавляете его?

Ромашин добродушно рассмеялся.

— Расколол старика, ясновидец. И хотя сектор контрразведки я не возглавляю, но имею к нему кое-какое отношение.

Помолчали.

— Все равно не понимаю, зачем вашему кванку понадобилось решать наши проблемы. Своих не хватает?

— Ну, проблем и у них полон рот: хронозеркала, таинственный Наблюдатель, «мячи дьявола», гасящие звезды, «спящие джинны» — роботы негуманов, способные изменять реальность... И Жданов у них свой имеется. Но, во-первых, он тоже пропал, как и твой отец, а во-вторых, их проблемы тесно увязаны с нашими.

— Это как?

Ромашин пожевал губами, с некоторым сомнением глядя на гостя, пощипал подбородок.

— Пожалуй, я дам тебе почитать докладную записку аналитиков безопасности, подготовленную для ВКС. Ты все поймешь.

— Может быть, хотя бы намекнете, что происходит?

— Можно и намекнуть. Вкратце происходит следующее. Ты не интересовался статистикой некоторых отрицательных явлений в масштабах Земли?

— Нет, — озадаченно покачал головой Ивор. — Не приходило в голову.

— А зря. Иначе бы ты заметил некие негативные тенденции. За последние двадцать лет в нашей Ветви произошли изменения некоторых физических констант, повлекшие за собой, в свою очередь, изменения физических и психических кондиций человечества.

— О каких константах идет речь?

— В первую очередь изменилась масса электрона — увеличилась, хотя и незначительно, на три десятых процента. Плюс к этому — увеличилась эф-константа вакуума, отвечающая за его осцилляции: их амплитуда возросла, а частота снизилась, что, в свою очередь, отразилось на самочувствии всех существ, населяющих нашу Ветвь. К примеру, люди стали чаще страдать психическими заболеваниями и умирать от кровоизлияний в мозг, и тенденция эта продолжает развиваться.

— Может быть, изменения констант здесь ни при чем?

— Нам тоже хотелось так думать, но эксперты догадались провести закрытое исследование ситуации с увеличением смертности и нашли его причину. Виноваты именно те процессы, о которых я говорил.

— Но каким же образом экспертам удалось измерить увеличение массы электрона? Ведь это произошло сразу во всем объеме нашего метагалактического домена? Изменились параметры не только измеряемых объектов, но и самих инструментов.

— Молодец, квистор, тебя не напрасно учили премудростям квантовой физики и истории. Мы сами не сразу определили бы сдвиг констант, если бы нам не помогли коллеги из соседней Ветви, предоставив независимую — от наших местных условий — аппаратуру. Раскачка вакуума имеет место, и это означает...

— Что начавшаяся Игра отражается и на нашей Ветви!

— Совершенно верно. Вот для нейтрализации этого воздействия мы и направили группу во главе с твоим отцом в нижние Ветви.

— Вы отправляли?

— Нет, конечно, командовал всем процессом подготовки и запуска Федор Полуянов.

— Почему же он так странно прореагировал на появление посланника отца?

— Разберемся. О нашем разговоре — никому ни слова.

— Даже маме?

— Мама работает вместе со мной, ей можно. — Ромашин улыбнулся, заметив прыгнувшие вверх брови собеседника. — Она из тех редких женщин, которые способны коня на скаку остановить, в горящую избу войти, постоять за себя и хранить тайны. С комиссаром постарайся не откровенничать или не встречаться вовсе. Этот человек явно что-то скрывает от нас всех, необходимо узнать — что именно и по какой причине.

— Я знаю его плохо.

— Возможно, мы тоже знаем его недостаточно. В прошлой Игре он играл вместе с нами... — Ромашин оборвал себя, встал. — Будь внимателен, квистор. Заметишь что-нибудь необычное, постарайся сообщить.

Ивор тоже поднялся, с сожалением подумав, что уходить не хочется, пожал руку Игнату, и тот проводил его к выходу из мастерской. На пороге Жданов задержался, кивнул на ряды скульптур, в большинстве своем изображавших чужих существ.

— Вас не компрометирует это анимационное творчество?

Бывший комиссар понял.

— Наоборот, никто не обращает внимания, все считают мое увлечение чудачеством. Очень удобная позиция.

Из-за спины Ромашина вдруг вышла тоненькая миниатюрная девушка в легком сарафане, облегающем фигуру. Она так напоминала Ясену: тот же овал лица, те же широко расставленные удлиненные зеленые глаза, те же брови вразлет, — что Ивор потрясенно уставился на нее, забыв о приветствии.

— Знакомьтесь, — покосился на нее скульптор. — Моя дочь Мириам.

— Здравствуйте, — улыбнулась девушка, окидывая Жданова смеющимся дерзким взглядом. — Я могла вас видеть прежде?

— Ты видела его мать, — проворчал Игнат. — Она бывала у нас в гостях. Уходишь?

— Да, мне пора на занятия.

— Не возражаешь, если тебя проводят?

Глаза Мириам оценивающе прошлись по фигуре Ивора, и тот впервые в жизни пожалел, что он не атлет.

— Если твой гость не спешит...

— Не спешу, — быстро сказал Ивор.

— Я так и предполагал, — кивнул Ромашин, пряча в глазах веселые искры. — Возьмите мой флайт. — Скульптор посмотрел на Жданова. — Она учится на факультете квистории СЕГУ, который ты закончил.

— Правда? — удивленно глянул на девушку Ивор.

— Правда, — засмеялась она. — Заканчиваю четвертый курс.

Потом летняя практика в какой-нибудь археоэкспедиции, дипломная работа и экзамен. Пойдемте, а то я опоздаю на коллоквиум.

Мириам схватила Ивора за руку и потащила во дворик дома Ромашиных, где уже стоял готовый к полету личный аппарат Игната — каплевидный трехместный флайт цвета «брызги шампанского». Игнат проводил их задумчивым взглядом и вошел в мастерскую.

Дом, принадлежащий семье бывшего комиссара, располагался на территории Волоколамского заповедника в зоне владений лиц с высоким социальным статусом. Он принадлежал еще отцу Игната Филиппу, бывшему игроку сборной Земли по волейболу, а потом ее тренеру (в Ветви, откуда к Игнату прибыл его кванк Ромашин-второй, Филипп Ромашин стал конструктором таймфаговой аппаратуры, а потом сотрудником и комиссаром службы безопасности). Это был трехэтажный коттедж, стилизованный под древнерусские хоромы, с высокими двускатными крышами, резными наличниками и панелями, с маковками башенок и высоким крыльцом. Мастерская Ромашина была пристроена к дому позднее, но в том же стиле и не портила архитектурных пропорций.

Дом стоял у небольшой реки среди других строений, принадлежащих деятелям науки, культуры, искусства и виратуры[1], а также крупным чиновникам правительства Московского нойона, и не особенно выделялся среди них размерами и эстетикой форм. Здесь встречались гораздо более мощные и вычурные сооружения, созданные фантазией строителей.

Подлетая к дому Ромашиных, Ивор вдоволь налюбовался формой коттеджей, теперь же, улетая вместе с дочкой скульптора, бросил вниз, на отдаляющийся город, утопающий в зелени леса, лишь один взгляд. Мириам завладела его вниманием полностью.

Через минуту после знакомства они уже перешли на «ты» и болтали обо всем, что приходило в голову, вспоминали преподавателей университета, искали общих знакомых, рассказывали о своих пристрастиях и увлечениях, шутили, смеялись, будто были знакомы всю жизнь, и не заметили, что за ними в отдалении следует малозаметный на фоне облаков белый галеон.

Здание Среднеевропейского гуманитарного университета располагалось в Минске, бывшей столице Белоруссии, ныне — правительственном центре Белопольского нойона. До него быстрее можно было добраться на метро из Волоколамска, но молодые люди об этом не подумали, и путешествие на флайте длилось

---

[1] Виратура — видеолитература, литература с игровой текстовой разверткой.

около двадцати минут, пока он мчался на юго-запад в воздушном коридоре скоростных машин.

Попрощались на крыше одной из башен университета, договорившись встретиться вечером. Ивор хотел было прочитать Мириам только что сложившиеся стихи, но вместо этого сказал как нечто очень важное:

— Ты не представляешь, как ты похожа на мою маму!

Девушка засмеялась, выскакивая из кабины флайта.

— Потому что моя мама из того же родового клана, что и твоя. Ее зовут Ярина, отец посещал ее мир — Гезем, влюбился и привез сюда, на Землю. Мы еще поговорим на эту тему.

Умчалась.

А он остался сидеть в кабине с ощущением безмерного удивления, ошеломленный, обрадованный, еще не вполне поверивший в счастье знакомства с девушкой, которую ждал и которой уже давно посвятил многие стихи. Альбина Яворская отошла на второй план и исчезла, превращаясь в символ.

Ивор поднял глаза к небу и вслух проговорил:

Прохожих не видно, но самую первую
увижу тебя, мне недолго идти.
А встреча случится.
Я так в это верую,
что это не может
не произойти!..

Стихи эти были написаны давно, но теперь казались пророческими.

ГЛАВА 5

Два дня Ивор прожил как в тумане, находясь под впечатлением знакомства с дочерью Ромашина и проведенного с нею вечера. Стихи почему-то не слагались, хотя душа жаждала каких-то чудесных открытий и ждала новых встреч с девушкой, оказавшейся дальней родственницей мамы. Лишь на второй день после вечерней встречи с Мириам Ивор написал несколько строк:

Что это было? То ли наважденье
От чар луны в глухой полночный час?
То ль краткий миг внезапного прозренья,
Что раскрывает больше тайн для нас,
Чем древние ученья?..

Вечером девятнадцатого мая он не выдержал и позвонил ей, не зная, как она прореагирует на звонок. Однако девушка восприняла его появление нормально и с детской непринужденностью предложила присоединиться к ее компании.

Ивор уже имел опыт одиночества в компаниях приятелей, поэтому согласился не сразу, подумав, что если он не придется ко двору и компании Мириам, то это уже диагноз. Но отказываться от встречи со ссылкой на то, что не знает друзей девушки, он не стал.

К счастью, опасения его оказались напрасными.

Компания Мириам состояла из двух парней и трех девушек, собравшихся поиграть в теннис на кортах австралийского спорткомплекса в Маалу. Ивор неплохо играл в теннис, и стесняться своей спортивной несостоятельности ему не пришлось. В паре с Мириам он выиграл два матча, после чего окончательно расположил к себе друзей девушки и перестал чувствовать себя лишним.

Наигравшись вдосталь, компания вымылась под душем, поплавала в бассейне с чистой морской водой и вечер просидела в бунгало-баре «Маалу-рок» на берегу океана. Здесь посетителей обслуживали живые люди, выступали живые музыканты и певцы-аборигены, было шумно и весело. Ивор впервые в жизни попробовал австралийскую кухню и полакомился экзотическими фруктовыми салатами из гринадиллы, или «плода страсти», как его называли, чайота и барбакарру. Первое ему понравилось, второе и в особенности третье — нет.

Потом они гуляли по крупному белому песку на берегу океана, глядя на светящиеся изнутри волны, пели, читали стихи, с интересом поглазели на плантацию светящихся в темноте багбрабусов — летающих пузырчатых мхов, привезенных с одной из планет альфы Возничего. Мхи сплетались в причудливые ажурные замки, напоминающие искусственные архитектурные сооружения, и можно было понять дальразведчиков, наткнувшихся на эту форму жизни и принявших ее за следы разумной деятельности.

Поздно вечером по местному времени компания разделилась на пары, и как-то само собой получилось, что Ивор остался с Мириам. Девушка притихла, глядя на высыпавшие звезды, видимые сквозь вуаль реклам и светомузыкальных струй; они стояли на скале, нависшей над водой.

— Тебе не хотелось бы попутешествовать по Вселенной? — прозвучал ее тихий нежный голос.

Ивор, чувствующий ее локоть, но не смеющий обнять, ответил не сразу, мысленно нанизывая на свое настроение строчки рождавшихся стихов:

— Я посещал наши лагеря у других звезд. Вместе с отцом.

— Я имела в виду Большую Вселенную.

— Древо Времен?

— Есть гипотеза, что Древо Времен не одно во Вселенной. Разве ты не проходил курс вариантной истории?

— Проходил и гипотезу слышал.

— Так хочется взглянуть на Земли других Ветвей!

Ивор улыбнулся.

— Мне знакомо это чувство. Наверное, об этом мечтают все, кто занимался квисторией. К сожалению, Ствол заблокирован, и проникнуть внутрь него невозможно.

— Но ведь твой отец каким-то образом проник в него? — заметила девушка.

— Откуда ты знаешь?

Она удивленно оглянулась.

— Ты же сам говорил. Да и папин кванк, приходивший к нам, прибыл сюда из своей Ветви через Ствол.

— Необязательно, он мог использовать трансгресс.

— Нет, не мог, трансгресс, если ты помнишь курс технологии Игр, система, предназначенная для судейского персонала, а не для людей.

— Мой отец пользовался трансгрессом свободно.

— Потому что он был участником Игры и потенциальным Игроком.

— Хорошо, не будем спорить. Но я почему-то уверен, что трансгресс открыт для людей, просто мы не знаем кода его вызова. Кстати, чтобы проникнуть в Ствол, заблокированный прошлым судебным исполнителем...

— Тебе известно, кем он был? — перебила Ивора девушка.

— Отец говорил, что им был Игорь Марич. Так вот, чтобы пройти в заблокированный Ствол, нужен дриммер.

— Значит, он у твоего отца имеется.

— Если бы дриммер был у моего отца, он не просил бы помощи. Надо выяснить, у кого он остался на Земле, и передать отцу.

— А что, это мысль, — загорелась Мириам. — Я подозреваю, что он у комиссара.

— Почему же Полуянов до сих пор не выручил отца?

— Потому что не заинтересован в этом. Недаром он спрашивал о твоем разговоре с посланником и пригрозил сканировать память. Я вообще считаю, что этот человек что-то скрывает и даже, может быть, уже играет на стороне одного из новых Игроков.

Ивор озадаченно посмотрел на профиль девушки, высказавшей то, что мучило его самого.

— Тогда нам надо поговорить с твоим отцом и поделиться нашими соображениями.

— Зачем делиться? Мы сами все выясним и сделаем. Ты не знаешь моего папочку: он на километр не подпустит нас к Стволу и вообще к этой проблеме. Давай действовать самостоятельно.

— Но как-то не очень удобно... — промямлил Ивор.

Мириам повернулась к нему, решительно сдвинув брови.

— Ты хочешь выручить своего отца?

— Хочу.

— Тогда отбрось все колебания! Я попытаюсь выведать место нахождения дриммера по своим каналам, ты по своим. Как только получим его — начнем действовать. А сейчас предлагаю посмотреть на Ствол.

— Можно подумать, ты его не видела.

— Ночью он красивее и таинственнее.

— Нас к нему не пропустят близко.

— У меня есть папин пропуск.

Ивор невольно улыбнулся.

— Я не думал, что ты такая решительная.

— А я не думала, что ты такой несамостоятельный, — рассердилась Мириам. — Летим к метро. — Она взяла его за руку. — Я беру над тобой шефство и выведу в люди. Квисторы мы или не квисторы? Способны заменить дедов и отцов или нет?

— Способны, — со вздохом заверил ее Ивор.

Через минуту они сидели в такси, которое доставило молодых людей к метро Маалу, затем в Брянске нашли свободный флайт и направились к двухкилометровой колонне хронобура, располагавшейся недалеко от небольшого старинного городка Жуковка.

Когда-то Ствол выглядел как куст черного чертополоха, представляя собой конгломерат проросших друг в друга пространств с разными свойствами. Но двадцать лет назад он вдруг потерял форму чертополоха и теперь издали казался гладким светящимся белым минаретом, вершина которого растворялась в световой вуали неба. Вблизи же он вырастал в рифленую пористую гору, ощутимо массивную и тяжелую, внушающую беспокойство и дискомфорт. К тому же эта рукотворная гора была окружена вогнутой полупрозрачной стеной энергоотражателя и цепью рогатых слоноподобных туш хроностабилизаторов, усиливающих эффект тревожного ожидания.

Однако ближе чем на три километра флайт с молодой парой не подпустили. Стоило ему достичь окраины Жуковки, как перед аппаратом высветилась в воздухе алая надпись: «Внимание! Запретная зона! Вход без пропуска запрещен!» Затем из-за стены энергоотражателя выметнулся луч оранжевого света и нарисовал перед носом флайта решетку, что на языке аэроинспекции означало: «Остановитесь немедленно!»

На панели киб-пилота замигал желтый огонек вызова. Ивор остановил флайт, включил приемник.

— Борт ноль-ноль-шесть, — раздался в кабине скрипучий недовольный голос. — Поверните назад. Зона в радиусе трех километров закрыта для пролета любых видов транспорта.

— Имею пропуск службы безопасности с красной полосой, — ответила Мириам. — Номер сто одиннадцать двести.

Короткая пауза. Потом тот же голос проговорил:

— Пропуска данной серии недействительны. Немедленно покиньте запретную зону!

— Как недействительны?! — возмутилась девушка. — Это же пропуск моего... — Она прикусила язык.

Из темноты перед висящим в воздухе флайтом возник треугольный хищный контур когга с синими огнями воздушной инспекции.

Ивор встрепенулся, дал команду кибу, и флайт сдал назад, удаляясь от фарфорово-белой башни Ствола. Когг воздушного патруля бдительно сопроводил его до вылета из зоны и сгинул.

— Ничего не понимаю! — с досадой сказала Мириам. — Отец же пользовался этим пропуском неоднократно.

— Значит, что-то произошло, — пожал плечами Ивор. — Поменялись коды, сигналы, начальство изменило допуск. Мало ли что еще? Может быть, виной всему появление негуманского спейсера. Если так, то мы вообще не сможем подойти к Стволу.

— Что-нибудь придумаем. — Мириам оглянулась. — На меня хронобур действует, как красная тряпка на быка. Так хочется побродить по его коридорам, побывать в других Ветвях, познакомиться с другими кванками...

Ивор промолчал, хотя у него тоже изредка возникало это желание. Сами собой сложились строки:

Там свой мир.
Он и сложен и прост.
Он прекрасен в своей виртуальности.
Эй, ты там, наверху!
Помоги,
Дай ответ на вопрос:
Что нас ждет за порогом реальности?

Он медленно прочитал их вслух.

Мириам замерла, разглядывая выхватываемое из темноты сполохами реклам лицо спутника, задумчиво проговорила с каким-то странным выражением недоверия и восхищения одновременно:

— Ты действительно поэт, Жданов. А я поначалу отнеслась к твоему дару скептически. Прости, ладно? Почитай еще что-нибудь свое. Впрочем, — вспомнила она, где находится, — у нас еще будет время. Помчались по домам, утром займемся неотложными делами. Время не ждет.

Ивор был с ней полностью согласен, хотя домой лететь не хотелось. Хотелось продолжить вечер и быть с дочкой Ромашина еще долго... долго...

* * *

Мама не одобрила идею Мириам тайно от всех проникнуть в Ствол с помощью дриммера и отправиться на поиски отца. Но Ивор и не ожидал от нее иной реакции. Идея уже захватила его, а отступать, пасовать перед трудностями он не любил, поэтому спорить с матерью не стал, просто сделал вид, что ее доводы его вполне убедили.

Поразмышляв над проблемой проникновения в здание хронобура, Ивор понял, что особых шансов заполучить дриммер у него нет. Единственный путь, ведущий к этой цели, состоял в прямой просьбе комиссару дать ему на время лонг-меч (так называли дриммер соотечественники мамы). Но реакцию Полуянова нетрудно было представить, прямой путь вел в тупик, и молодой квистор решил пока не ломать голову над проблемой добычи дриммера. Стоило попробовать пробраться в Ствол иным путем, для чего надо было как следует проштудировать теорию хронобурения Златкова и вспомнить ее техническое воплощение в конструкции Ствола.

Весь день двадцать первого мая Ивор просидел дома в контакте с инком университета, созерцая эвереттовские «оленьи рога» и «фрактальный папоротник» Златкова, и пытался найти ответ на вопрос: в чем ошибся знаменитый создатель метатеории Древа Времен, занимая пост Судьи в прошлой Игре, за что его освободили от исполнения обязанностей служителя правосудия.

«Оленьи рога» Ивор вполне понимал: они графически поясняли идею древнего ученого Хью Эверетта-третьего, изложившего еще в пятьдесят седьмом году двадцатого века теорию многовекторного ветвления Вселенной как следствия реализации вероятностной изменчивости мира.

А вот «фрактальный папоротник» Златкова с траекторией Ствола каждый воспринимал по-своему, и объяснить им влияние хронобура на Древо Времен было нелегко.

Как объясняли теорию преподаватели университета, Ствол ограничивал количество альтернативных копий в точках своего выхода, как бы угнетал развитие Метавселенных, сужал спектр возможностей многовариантной реализации Древа, зато инициировал другой процесс — рождение Древа маловероятных и совсем невероятных состояний материи. Например, в таких Метавселенных становились равноправными нетранзитивные отношения, при которых одновременно два взаимоисключающих друг друга события спокойно уживались рядом (или «внутри» друг друга), не аннигилируя при этом, порождая причудливые «миры-призраки виртуальных несогласий» и миры парадоксальных метрик (таких, например, где параллельные прямые одновременно

являются перпендикулярными). Представить подобные состояния удавалось не всем, даже Ивору с его хорошо развитой фантазией поэта, да он особенно и не старался это сделать, зато еще раз убедился, что Ствол стал своеобразным ограничителем реальных состояний и детонатором недоступных наблюдению человеком миров, где в принципе невозможное становилось возможным. В рамках этого подхода можно было принять и существование «абсолютных невероятий» (термин принадлежал Златкову) и «физики недоступного совершенства» (термин отца Ивора).

В конце концов Ивор устал от попыток анализа умозаключений ученого (когда он еще только учился, эти умозаключения были интересными), создавшего хронобур, и принялся кропотливо искать слабые места сооружения, через которые можно было пробраться к одной из хрономембран. В свое время он отнесся к изучению конструкции хронобура спустя рукава, хотя и сдал предмет — конструирование хронооборудования — на «отлично». Теперь надо было срочно наверстывать упущенное.

Однако углубиться в изучение конструкции Ствола ему не дали. Только он успел выяснить, что Ствол имеет тридцать зон безопасности (модулей, свободных от хроносноса) и всего три тамбур-входа, как домовой сообщил хозяину, что к нему пришел гость.

Ивор, одетый в майку и шорты, открыл дверь и остолбенел.

Гостем оказалась молодая женщина сногсшибательной красоты, одетая по моде «пареонет»: платье на ней как бы имелось и в то же время как бы отсутствовало, и по телу безупречных форм и линий бродили радужные просверки и туманно-прозрачные вихрики, нередко открывающие на несколько мгновений считавшиеся интимными места. Волосы у нее были рыжие, со светящимися кончиками, глаза ярко-желтые, с поволокой, губы то темнели до черноты, то раскалялись до алого свечения. В руке незнакомка держала сумочку-сквош неопределенных очертаний, также похожую на вскипающее облачко.

Все знакомые девушки Ивора, конечно, следили за модой и носили уники или платья в соответствии с рекомендациями ведущих модельных агентств мира, а также не забывали о новейших разработках в области макияжа и артбодинга, но гостья Жданова была в ы з ы в а ю щ е современна! Вдобавок ко всему по коже ее тела бродили паутинки эротических сцен, уши то удлинялись до плеч, то исчезали вовсе, ногти «проваливались» в себя, превращаясь в микровитейры — объемные картинки, комбинации запахов кружили голову собеседника, а весь костюм, представляя собой генератор пси-возбуждения, создавал почти непреодолимый шарм женщины-вамп, обещавшей неизъяснимое наслаждение.

— Вы долго собираетесь держать меня на пороге? — кокетливо улыбнулось небесное создание.

Ивор очнулся, проглотил слюну.

— Вы ко мне?

Гостья засмеялась.

— Если вы Ивор Жданов, то к вам.

Ивор посторонился.

— Проходите, пожалуйста. Извините, я никого не ждал, поэтому в таком виде... я сейчас переоденусь.

— Не суетитесь, я ненадолго и к тому же неплохо вижу в инфракрасном диапазоне, так что не стоит стараться выглядеть лучше, чем вы есть в состоянии онатюрель[1].

Покрасневший Ивор провел даму в гостиную, интерьер которой в стиле маккалоа не менял по крайней мере уже два месяца, и предложил быть как дома, пока он все-таки сменит наряд.

— Что будете пить? — спросил он через минуту, появляясь в спортивном костюме. — Чай, кофе, тоник? Или, может быть, вино?

— Спасибо, я не люблю напитки вашей Ветви, — равнодушно проговорила незнакомка, без особого любопытства окидывая взглядом атрибутику маккалоа: ниши, статуэтки, циновки, магические чаши с орнаментом, вычурные плетеные стулья и кресла.

Ивор вздрогнул, внезапно прозревая.

— Кто вы?!

— Вы правильно догадались, — усмехнулась гостья, усаживаясь в кресло рядом с двухметровой статуей жихаря, сплетенной из соломы и тростника. — Я не из вашей Ветви и прибыла сюда лишь ради встречи с вами.

— Кто вы? — повторил вопрос Ивор.

— Я гонец одного из Игроков, можете называть меня «хронокурьером».

— Вы... не похожи...

— На женщину?

Золотые глаза гостьи вспыхнули, алые губы призывно раскрылись, руки потянулись к Ивору, так что он невольно сделал к ней шаг, но ее глаза вдруг заледенели, и Жданов отшатнулся, трезвея. Незнакомка засмеялась.

— Для контакта не имеет значения, кто я в вашем понимании — мужчина или женщина. Скажем, во мне есть многое от одного и от другой, хотя и не в половом отношении. А вы молодец, коли учуяли это. Но если вам будет легче, я изображу мужчину...

— Нет-нет, необязательно, — поспешно сказал Ивор. Сделал

---

[1] Au naturel (*фр.*) — в природном виде, голый.

усилие, и чары гостьи развеялись. Тогда он сел в кресло напротив и сказал уже более свободно:

— Я имел в виду имя. Как вас называть?

— Зовите меня Тирувилеиядаль.

— С какой стати гонца Игрока заинтересовала моя скромная персона? Я ведь только-только закончил университет и еще ничего не...

— Уровень ваших знаний не имеет значения, главное — уровень личности. Вы — сын судебного исполнителя с потенцией Игрока. Этого пока достаточно.

— Я сын... судебного?..

— Человек-спектр Павел Жданов как с т а я кванков в прошлой Игре сыграл роль помощника судебного исполнителя, хотя и неосознанно. Вам же предлагается стать эмиссаром другого Игрока в новой Игре.

— Но почему мне? — растерялся Ивор. — Ничего особенного в своей жизни я не совершил. К тому же я не профессионал спецназа.

— Профессионалов спецназа у нас хватает, — засмеялась Тирувилеиядаль (хотя, может быть, следовало сказать — засмеялся? или вообще — засмеялось?). — Не хватает умных индивидуальных исполнителей с большим пси-резервом и внутренней свободой.

— Вы считаете, что я и есть человек с большим... э-э... пси-резервом? — хмыкнул Ивор.

— Мы не считаем, мы знаем. Наблюдатели наши, как правило, не ошибаются, а они следят за вами практически со дня рождения.

Ивор недоверчиво прищурился.

— Зачем?

— Обычная практика наблюдения за потенциально мощными личностями. Я уже говорила: вы сын судебного исполнителя и дочери колдуна с планеты Гезем, имеющей задатки ведуньи, а значит, и преемник их паранормальных возможностей.

— Но я ничего такого... — Ивор пошевелил пальцами, — не умею!

— Пси-резерв иногда просыпается поздно. Однако вы уже проявляете кое-какие способности, остальное всплывет в нужное время и в нужном месте.

— Какие еще способности?

— Поэтами в вашем мире становятся далеко не все. Это задаток. Но мы уклонились от темы. Вы согласны выбраться из русла рутинного бытия и свернуть на дорогу, ведущую к абсолютной власти?

Ивор усмехнулся, получил хлесткую мысленную пощечину —

взгляд золотых глаз посланца Игрока, — инстинктивно загородился прозрачным щитом воли (сразу стало легче) и пробурчал:

— Власть мне не нужна.

— Власть нужна всем! — с презрительной убежденностью заявила Тирувилеиядаль. — Это единственная субстанция на все Древо Времен, придающая смысл Игре, Игрокам и самому Древу, способствующая проявлению творческих сил и высших гармоний.

— Если войну между Игроками вы называете высшей гармонией...

— Войной Игру называете вы, люди. Она же и в самом деле помогает проявлять Древу в с е варианты и комбинации времен и вселенных.

— Ну, не знаю... может быть... не думал...

— И вам не интересно убедиться в этом воочию? Пробудить свои силы и увидеть то, чего никто из ваших соотечественников никогда не увидит?

— Почему же — интересно...

— Так в чем же дело? В бесконечно многих мирах условия существования таковы, что у людей нет ни слов, чтобы их описать, ни фантазии, чтобы мысленно представить. А вам это станет доступно!

— Я... боюсь, — простодушно признался Ивор.

Тирувилеиядаль засмеялась.

— Мы поможем вам избавиться от страха. Итак, вы согласны?

Молодой человек упрямо сдвинул брови.

— Я еще не принял решения. Мне надо подумать.

— Хорошо, думайте. — Гостья встала, соблазнительно качнув бедрами. — Не в качестве метода вербовки, а в качестве подарка могу предложить сексуальную игру. Убеждена, вы получите истинное наслаждение!

— Не сомневаюсь, — хмуро бросил Ивор, подавляя в душе желание схватить женщину в охапку и бросить на кровать.

Брови посланницы Игрока изогнулись, она смерила хозяина взглядом и направилась к выходу. Уже на воздушной дорожке, ведущей к другим жилым модулям грозди, остановилась и оглянулась.

— О нашем разговоре лучше не рассказывать никому. Решение вы должны принять лично. Иначе придется очищать память.

Из-за соседней «виноградины» вывернулся каплевидный пинасс, затормозил возле рыжеволосой красавицы и унес ее в небо. Ивор постоял немного, провожая аппарат задумчивым взглядом, зябко передернул плечами и поспешил в дом, бормоча под нос:

— Еще одна угрожает сканированием памяти... уж не работает

ли дядя Федя Полуянов в одной упряжке с мадам Тирувиле... и как там еще?.. иядаль?..

В кабинете Ивор уселся в кокон-кресло компьютерной зоны и вызвал Мириам. Пора было признаваться, что он не придумал способа добычи дриммера и не знает, как пробраться в Ствол незамеченным.

ГЛАВА 6

В гости к Ромашиным Ивор приходил теперь как к себе домой, хотя всегда с трепетом ждал встреч с Игнатом, которого не то чтобы боялся, но опасался и уважал. Если же Ромашин отсутствовал, молодой человек переживал облегчение и одновременно чувство вины, тут же исчезавшее под натиском энергии Мириам. В такие моменты он подолгу созерцал творения отца девушки, в том числе — объемные картины (в основном пейзажи других планет), и сожалел, что не родился художником.

Так было и на этот раз, когда наутро после встречи с посланцем Игрока он заявился к Мириам, чтобы обсудить дальнейшую программу действий.

Дочери Ромашина тоже не удалось найти лазейку в Ствол в обход всех охранников хронобура, и ее сумасбродный план ничем не отличался от сумасшедшей идеи Ивора — прижать Федора Полуянова к стенке, заставить рассказать все о посылке команды Жданова-старшего в Ствол и отдать дриммер.

Посмеявшись вдвоем над своими идеями, молодые люди приуныли, потом все же поднялись из мастерской в жилой блок, засели за инк-информатор и принялись обсуждать способы проникновения внутрь Ствола, пользуясь полным описанием конструкции хронобура, доступным лишь сотрудникам службы безопасности.

Им повезло: описание хранилось в памяти персон-инка отца Мириам, имевшего доступ ко многим секретным файлам службы.

О предложении, которое ему сделала курьерша Игрока Тирувилеиядаль (не догадался спросить, балбес, — кто этот Игрок, из какой Ветви Времен и что из себя представляет), Ивор пока никому не говорил, в том числе Мириам, но курьерша сама напомнила о себе, и Жданову волей-неволей пришлось рассказать девушке все. Потому что позвонила Тирувилеиядаль именно в тот час, когда Ивор и Мириам разглядывали выданное инком изображение Ствола в разрезе.

Ивор поднес к глазам руку с браслетом видео, и над матово-черным квадратиком развернулся крошечный объем передачи: на Жданова глянула рыжеволосая голова вербовщицы Игрока.

— Вы приняли решение, господин Жданов?

— Еще нет, — сказал застигнутый врасплох Ивор.

— Боюсь, вы переоцениваете свое значение. — Красавица Тирувилеиядаль превратилась в мужчину с птичьим лицом. — Я позвоню завтра. Будьте добры ответить «да» или «нет».

— Я не переоцениваю своего значения, — разозлился Ивор, — но не люблю, когда давят на психику!

— Это еще не давление, — очаровательно улыбнулась Тирувилеиядаль, и объем передачи свернулся в лучик, погас.

— Кто это был? — с сомнением посмотрела Мириам на помрачневшего Ивора. — И что ей было от тебя нужно?

Ивор провел ладонью по щеке, поколебался немного и рассказал девушке о своей встрече с посланницей Игрока.

— Как интересно! — воскликнула Мириам, когда он закончил. — Неужели откажешься?

— Ты не понимаешь, — хмуро сказал Ивор. — Она не сказала, на стороне какого Игрока мне предложено играть. А если за того, кто замахнулся на свертку нашей Ветви?

Радостное оживление на лице Мириам уступило место задумчивости.

— Ты прав, я не подумала. Так спроси у нее, когда она позвонит в следующий раз.

— Вряд ли она скажет правду. История учит, что вербовщики обычно не отличаются честностью и щепетильностью. Может быть, стоит посоветоваться с твоим отцом?

— Конечно, — с готовностью поддержала его девушка, — он не откажет и никогда не ошибается. Только не проговорись о наших планах. А пока его нет, давай прикинем, что нам нужно для похода.

— Ты хочешь идти... вдвоем?

— А тебе еще кто-то нужен? — с потрясающим простодушием спросила Мириам, выгнув бровь. — Вспомни своих родителей, испытавших множество бед, но не разлучавшихся ни при каких обстоятельствах. Вспомни хроноскитальцев из нижних Ветвей — Ивана Кострова и Таю Былинкину. Они вообще долгое время путешествовали по Стволу вдвоем.

— Да я не возражаю, — пробормотал Ивор, отдавая инициативу в руки девушки. — Просто прикидываю, справимся ли мы... я ведь не профессионал по выживанию... а с группой спецназа было бы легче дойти до цели...

— Ты скрытый паранорм, только еще не знаешь этого. Иначе тебе не сделали бы предложение вступить в Игру. А профессионалами по выживанию в экстремальных условиях и мастерами по рукопашному бою не рождаются, а становятся. Научишься. Я тебя научу. Меня отец с детства тренирует. Согласен?

— Куда же я денусь? — невольно улыбнулся Ивор.

— Тогда продолжаем подготовку. Я считаю, что в первую очередь нам нужен дриммер. О нем мы поговорим позже. Затем нам понадобится аппаратура пси-веллинга для идентификации личности и пеленгации твоего отца. Такая наверняка имеется в крупнейших медицинских пси-клиниках и в медцентре УАСС. Думаю, мы сможем достать портативный экземпляр. Кроме того, нам нужны транш-рации для связи, уники типа «кокос», оружие, НЗ и парочка витсов. Что еще?

Ивор покачал головой, хмыкнул.

— Ты, однако, размахнулась! Да кто ж нам все это даст за просто так?

— Мы и спрашивать никого не будем. Веллингер попытаемся достать в центре Управления, где у меня есть приятель. Кроме того, я знаю код бункера запасной базы СБ на Венере, которая использовалась в прошлой Игре, там и возьмем все, что нам нужно.

— Разве база не охраняется? И откуда тебе известен код доступа?

— Я же тебе говорю: эта база осталась еще с прошлой Игры, она секретная, готовилась как схрон для безопасников, воюющих с эмиссарами «хронохирургов». Отец показывал ее мне, когда я была еще маленькая.

— Сдаюсь. — Ивор поднял руки вверх. — Похоже, у тебя все продумано. Осталось только добыть дриммер, пробиться с его помощью в Ствол и вытащить отца из ловушки.

Брови Мириам сдвинулись, в зеленых глазах появился опасный огонек.

— Ты смеешься? Издеваешься, да?!

— Ничуть! — поспешно возразил Ивор.

— Думаешь, если я еще учусь и вообще девчонка, то способна только в куклы играть и танцевать?

— Ничуть не бывало! Я думаю, что ты очень решительная и смелая, как амазонка. И очень красивая! — Последнее признание вырвалось у Ивора нечаянно, и он тут же пожалел об этом, но, как ни странно, на Мириам оно подействовало успокаивающе.

— То-то же, — сказала она тоном ниже. — Я не потерплю, чтобы надо мной смеялись. Вот увидишь, у нас все получится... если будешь меня слушаться. Обещаешь?

— Обещаю, — помедлив, сказал Ивор серьезно.

Она глянула на него оценивающе, насмешки не увидела, вдруг поцеловала в щеку и продолжила как ни в чем не бывало:

— Идем дальше. В принципе мы можем обойтись и без дриммера.

— То есть как? — не понял Ивор. — Как же мы тогда... — Он замолчал, с недоверием глянул на собеседницу. — Ну, конечно, кванк твоего отца! Он-то уже проходил в Ствол и обратно!

— Как ты догадался? — удивилась Мириам. — Мысли мои прочитал, что ли?

— Со мной бывает. Интуиция. Но идея, по-моему, неплохая. Беда только в том, что мы не знаем, когда здесь снова появится кванк отца и даст ли он нам дриммер. А время не ждет.

— Черт, ты снова прав! Надо думать. Может быть, у отца есть связь со своими кванками из других Ветвей?

— Вряд ли он скажет. Хотя спросить, конечно, можно.

— Кажется, он уже пришел. — Мириам уловила перемигивание огней на панели домового. — Пап, это ты?

— Я, — раздался негромкий голос Ромашина по системе домашнего интеркома. — Ты одна?

— С Ивором. Можно, мы к тебе зайдем? Пообщаться надо.

— Что-то случилось?

— Есть интересные новости.

— Через пару минут.

— А мы пока кофеем побалуемся, — вскочила со своего стула Мириам, чтобы принести кофейный прибор.

Через десять минут Ромашин принял делегацию в своем кабинете, превратив его в уголок Большого Американского Каньона Колорадо: казалось, площадка с креслами и вириалом инка висит над обрывом колоссального живописного ущелья, прорезавшего плато, к счастью, так и не освоенного людьми. Вся эта территория осталась заповедником геологических формообразований и местом съемок многих видеофильмов.

— Я весь внимание, — сказал скульптор, по обыкновению закинув ногу на ногу и обхватив колено пальцами обеих рук.

— Вот он начнет, — кивнула на Ивора Мириам.

Жданов смутился, но переборол себя и коротко поведал Игнату о визите посланницы Игрока.

Наступила пауза. Ромашин задумался, глядя на каньон под ногами. Молодые люди переглянулись, чувствуя растущую неловкость, будто сделали нечто предосудительное. Игнат заметил их волнение, дернул уголком губ, намечая улыбку.

— Ситуация, дети мои, весьма любопытная. Или я выдаю желаемое за действительное, или наши силы кто-то пытается разделить.

— Что ты хочешь сказать? — подняла брови Мириам.

— Существует вечная формула, изобретенная не человеком, но успешно претворяемая в жизнь во всех Ветвях Мироздания: разделяй и властвуй! Так вот нашу команду, которая начала действовать, пытаться нейтрализовать просачивание в нашу вселенную «вируса» Игрока, этот самый Игрок хочет разделить. Заставить воевать друг с другом. С одной стороны, нам это лестно: нас уважают как реальную силу, способную на равных играть с силь-

ным соперником. С другой — эмиссары Игрока уже действуют в нашей Ветви, а мы не знаем, кто они, сколько их, что они затевают и как далеко продвинулись в своих планах.

— Почему ты считаешь, что эмиссаров Игрока много?

— Не много, но и не один. Вспомните ваш разговор с комиссаром. Он тоже хочет, чтобы молодой Жданов был с ним в одной команде, предлагая ему место опера или консультанта в своей службе.

— Но он ни словом не обмолвился об участии в Игре, — с сомнением проговорил Ивор.

— Пока не было нужды. Если бы ты согласился, объяснение состоялось бы рано или поздно. А визит госпожи Тирувилеиядаль — сомневаюсь, что это женщина, — говорит о прямой заинтересованности Игрока в вербовке на свою сторону творчески мыслящих людей.

— Но ведь и Полуянов, и эта рыжая ведьма могут работать на одного и того же хозяина, — с пренебрежением сказала Мириам.

— Могут, — согласился Игнат. — Хотя ответственности за принятие решения с твоего друга это не снимает.

— Что же мне делать? — пробормотал Ивор. — Отказаться?

— Конечно, отказаться! — Мириам решительно тряхнула волосами.

— Я бы потянул время, — спокойно сказал Ромашин. — Пусть обозначатся оба и хотя бы намекнут, кому они служат. Может быть, кто-то из них все-таки связан с Игроком-джентльменом, выполняющим все правила Игры. В таком случае можно было бы и присоединиться к его команде.

— Я все же не понимаю, что они нашли во мне, — сказал Ивор, виновато покосившись на Мириам.

Та открыла рот, но ее опередил отец:

— Мама тебе ничего не рассказывала?

— О чем?

— О твоих врожденных способностях.

— Н-нет... как будто нет... не помню, если честно.

— Поговори с ней, возможно, узнаешь кое-что интересное для себя. А пока, милые мои, выметайтесь-ка отсюда, мне надо поработать. Держите меня в курсе событий.

Молодые люди вышли из кабинета.

— Что он хотел сказать? — опомнился Ивор.

— То, что ты себя плохо знаешь,

— Но мама никогда мне ничего не говорила о каких-то там способностях... и отец тоже... и вообще я не понимаю, о чем идет речь!

Мириам заговорщицки подмигнула ему, потащила за собой и уже в своей комнате проговорила:

— Во-первых, ты просто не замечаешь своих умений. Я уже не раз удивлялась, когда ты отвечал мне на вопросы, которые я не задавала.

— Что же, по-твоему, я читаю мысли? — скептически хмыкнул Ивор.

— Не читаешь, но интуитивно схватываешь, чувствуешь ситуацию. Ты и моих друзей поразил, когда мы играли в теннис, перехватывая их удары в самый нужный момент. А ведь Боб и Саша — мастера. И во-вторых, я случайно слышала разговор отца с твоей мамой, и он сказал, что ты — потенциальный оператор.

— Что еще за оператор?

— Думаю, это нечто сродни экстрасенсу с выходом на магическое оперирование.

— Значит, мне осталось только вывернуть себя наизнанку и выяснить, что я умею? — улыбнулся Ивор, не придавая особого значения словам девушки.

— Я в это верю! — серьезно ответила Мириам. — Поговори с мамой, может, она знает, как привести тебя в состояние инсайта. А пока что вернемся к нашим баранам. Я сейчас... — Она не договорила.

Снова запиликал вызов видео Ивора.

На этот раз позвонил Федор Полуянов.

— Жданов, ты где находишься?

Ивор и Мириам переглянулись.

— Я скоро буду дома, — уклончиво ответил молодой человек.

— Ничего не хочешь мне сообщить?

— О чем? — Ивор сделал удивленный вид.

— Например, о встрече с красивой рыжеволосой женщиной.

— Откуда вы знаете? — пробормотал Ивор.

— Я обязан знать все. Жду тебя в четырнадцать по среднесолнечному в Управлении. Заодно поговорим и о твоей работе в отделе. Пора определяться.

Изображение головы комиссара погасло.

Молодые люди молча смотрели друг на друга.

— Мне это категорически не нравится, — сказала Мириам задумчиво. — Судя по всему, за тобой следят работники комиссара, иначе трудно объяснить его информированность о том, кто тебя посещает.

— Я бы заметил...

— Существуют эквидистантные методы слежки, которые практически невозможно обнаружить.

— Откуда ты знаешь?

— Ты забываешь, что я дочь бывшего комиссара. Я много чего знаю и умею. Вот что: время у нас еще есть до встречи с Полуяно-

вым, давай-ка смотаемся на базу, обеспечим себе экипировку, а уж потом пойдем в Управление. Идет?

— Вместе?

— Более удобного момента не придумаешь. Комиссар будет уверен в своей неуязвимости, расслабится, а мы его прижмем и заставим отдать дриммер.

— Так он нас и послушается.

— Ты меня мало знаешь, — подбоченясь, сказала Мириам. — Когда необходимо, я могу быть очень-очень убедительной.

— Хорошо, — согласился Ивор ценой потери душевного равновесия. — Летим на базу.

Девушка подбежала к нему и поцеловала.

Больше он не колебался.

* * *

Игнат слышал весь разговор младшего Жданова с дочерью. Когда они тихонько, не прощаясь, покинули дом, он вызвал по транш-линии особый отдел контрразведки. Вином связи развернулся световым веером и протаял в глубину, открывая вход в тесное помещение с чешуйчатыми стенами и коконом инк-управления. В коконе сидел светловолосый мужчина с угрюмоватым лицом, на котором выделялись крупные губы, крупный же нос и холодные колючие серые глаза. Это был начальник особого отдела секунд-майор Клыков.

— Они направились на Венеру, в район гор Максвелла, восточный внутренний склон кратера Клеопатра.

— На базу ОСС-11, — уточнил Клыков низким голосом.

— Понаблюдайте за этим районом. Мало ли что случится. Боюсь, Жданова ведут.

Майор наклонился вперед, коснулся огонька на «кактусе» вириала, на несколько мгновений замер: разговаривал с кем-то в пси-диапазоне. Окончив разговор, глянул на Ромашина.

— Группа пошла.

— Чья?

— Тео аль-Валида бин-Талала.

— Тогда все в порядке.

— Жданов знает о наших интересах?

— Миа его подготавливает, но он еще сырой, не созрел. Хотя решительности должно хватить.

— Жаль, что он не профессионал по выживанию.

Ромашин усмехнулся.

— Профи спецназа у нас достаточно, нужен именно такой человек — интуиция, порыв и вдохновение. Остальное приложится.

Игнат не знал, что почти дословно повторил речь курьера Игрока в адрес Ивора Жданова.

— Ты прав, — после недолгой паузы сказал Клыков. — Но именно поэтому ему нужна спецохрана. Твоей дочери будет недостаточно, случись что серьезное.

— Ты не знаешь моей дочери, — дернул уголком губ Ромашин. — Хотя группу на всякий случай подготовь.

— По варианту «Аргус»?

— По варианту ВВУ[1] «Шторм».

— Слушаюсь, — кивнул начальник особого отдела, не показав, что удивлен масштабами предполагавшейся функционально ориентированной операции.

— Работай и звони, как пройдут маневры. Кто у нас сегодня следит за комиссаром?

— Пархоменко.

— Пусть не вмешивается, что бы ни произошло.

— Передам. — Клыков поколебался немного, но все же добавил: — Можно вопрос?

— Валяй.

— Тебе не кажется, что парень слишком молод для такого дела?

— Это хорошо, что он молод и неопытен. Никто из наших врагов не будет брать его в расчет.

— Понял. Может быть. Еще вопрос, не относящийся к делу?

— Задавай.

— Зачем Творцу, реализовавшему Древо Времен, Игры на выживание? Почему он сталкивает лбами целые системы цивилизаций?

Ромашин покачал головой.

— Похоже, Ваня, ты начитался Златкова и заболел, раз задаешь такие глубокие философские вопросы. Во-первых, Творец никого не сталкивает лбами, так как не он — организатор Игр, а его ученик. Как бы кто его ни называл. Во-вторых, ты не дочитал труды Атанаса, в последнем из них — об аспектах нового мировоззрения — говорится, что Игра — это просто выражение процесса усложнения и совершенствования Древа Времен.

— А мне кажется, каждая Игра только сокращает варианты развертки Ветвей. Хотя теоретик я слабый...

— Зато критик сильный. Работай и думай, это полезно. Кстати, возможно, ты прав, и начавшаяся Игра действительно направлена на свертку многих Ветвей. До связи.

Виом свернулся в нить, но тут же развернулся снова. На Рома-

---

[1] ВВУ — внезапно возникшая угроза, императив службы безопасности.

шина взглянули яркие зеленоватые глаза Ясены Ждановой, матери Ивора.

— Что-нибудь с сыном?! — встревожилась женщина.

— Пока ничего серьезного, — ответил Ромашин. — Имеется определенная стадия романа с одной молодой особой.

— То есть с твоей дочерью, — покачала жена Павла Жданова. — Это можно было бы приветствовать, не знай я нрав твоей Миа. Она всегда нравилась мне независимостью суждений, однако иногда она становится слишком самостоятельной и увлеченной.

— Согласен, это далеко не лучшие ее качества, — хмыкнул Игнат. — Порой она бывает слишком независимой, что вредит ей самой. Но уверяю тебя, сына твоего она в обиду не даст.

— В ней течет кровь нашего рода, всегда отличавшегося свободолюбием и независимостью. Я в молодости была не менее увлекающейся натурой, да и твоя Ярина тоже. Где она, кстати? Давно не видела.

— Она пытается запустить на Марсе пивоваренный завод и сутками сидит в Зурбагане. Думаю, объявится не сегодня-завтра.

— Ты отпускаешь ее одну?

— А что с ней сделается? Марс — не центр Галактики. Я звоню тебе по более серьезному поводу. Хочу посоветоваться и поразмышлять о походе Павла.

— Я жалею, что не пошла с ним, — пригорюнилась Ясена. — У меня были определенные сомнения по поводу планов похода, но интуиции не хватило.

— Не переживай, вытянем мы твоего Павла. Он, к счастью, не один, а с Атанасом. Итак, начнем с базовых позиций. Двадцать лет назад, спустя пять лет после окончания прошлой Игры, началась следующая. Появились новые Игроки, о которых мы почти ничего не знаем, кроме того, что сообщил Посредник. Один представляет собой форму жизни на основе биоядерных реакций, то есть реакций так называемого «холодного» термоядерного синтеза, не имеющую аналогов на Земле и вообще в нашей Ветви. По сути, это «жидкие кристаллы со спонтанно нарушаемой симметрией», способные принимать любую геометрическую форму, кроме остроугольной.

— Костров в своей лаборатории создал нечто подобное — удивительная субстанция! Уже есть предложения перевести всю нашу промышленность на создание псевдоживой текучей техники на основе биоядерных технологий.

— Если нет принципиальных возражений, почему бы и нет? Далее. Второй Игрок представляет собой — опять же со слов Посредника — разумную фитоструктуру. Представить трудно, но

можно. Это так называемый «медленный объемный разум на основе систем флоры». Данного Игрока мы так и назвали — Мера, по первым буквам слов «медленный разум», в отличие от второго, имя которому — Палач — предложил сам Посредник. Очень символичное имя, надо признаться, весьма многообещающее.

— Если не сказать больше. Боюсь, Посредник не дал нам полного пакета информации о цели Палача и вообще о состоянии Игры.

— Он сказал только, что Палач побеждает, а его действия напрямую затрагивают нашу Ветвь.

— И Ветви многих наших кванков. Может быть, положение еще хуже, и затронут не только наш Куст Ветвей, но и почти все Древо?

— Эта мысль приходит ко мне все чаще, — признался Ромашин, — а посоветоваться не с кем. Златков, к сожалению, ушел с Павлом. Я был против, но Федор настоял на том, чтобы он вошел в команду. Итак, Посредник уговорил Павла подключиться к Игре в качестве независимого судебного исполнителя, для чего необходимо создать кластер Ждановых, то есть объединить всех Павлов во всех Ветвях в с т а ю. И первый же выход за пределы нашей Ветви привел отряд в ловушку! Почему? Что не сообщил Посредник? Чего не учли мы сами?

— Если бы я знала ответы на все вопросы, мы бы не ошибались. Единственное, что приходит на ум, — это изменение масштабов. Цена Игры такова, что вербовщики Игроков начинают искать союзников и исполнителей все активней, а также устраняют с пути всех, кто может помешать.

— Мне нужен доступ к Стратегу Управления или Мыслителю ИВКа, но так, чтобы не знал Федор. Попробую с их помощью проанализировать ситуацию.

— Я дам заказ якобы от ВКС или лучше от СЭКОНа, — пообещала Ясена; речь шла о доступе к большим инк-системам.

— С Федором давно общалась? Что он говорит?

— Он делает вид, что развил бурную деятельность по розыску Павла и якобы собирается запустить в Ствол еще один спецотряд.

— Это интересно. Мы сможем внедрить в отряд своего человека?

— Постараемся. Ваня Клыков вроде бы является одним из кандидатов.

— Тогда у меня все. — Ромашин поколебался несколько мгновений, но о деятельности сына Ясене так и не сказал. Ей и без того хватало переживаний за мужа.

ГЛАВА 7

Первые достоверные сведения об условиях на поверхности Венеры были получены еще в конце шестидесятых годов[1] двадцатого века, когда на планету один за другим посыпались зонды и спускаемые аппараты, запущенные Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

Уже тогда стало известно, что атмосфера Венеры почти целиком состоит из углекислого газа, температура воздуха у поверхности близка к четыремстам шестидесяти градусам по Цельсию, а давление достигает девяноста атмосфер. Кроме того, было установлено, что толщина облачного покрова планеты составляет от тридцати до сорока километров, причем верхний слой облаков состоит из капелек концентрированной серной кислоты. Таким образом, освещенность поверхности Венеры оказалась примерно такой же, как в пасмурный день на Земле. Цветовая же палитра венерианского пейзажа была близка средневолновому диапазону видимой части спектра: здесь преобладали зелено-коричневые тона, так как синие и голубые лучи поглощались необычайно плотной атмосферой.

Впоследствии люди узнали, что на Венере случаются грозы намного мощнее земных и что ураганные ветры, постоянно дующие со скоростью до ста метров в секунду на высоте верхней границы облачного слоя, сменяются у поверхности легким «ласковым» дуновением около одного метра в секунду.

Первый пилотируемый полет на Венеру состоялся в две тысячи двадцатом году и едва не закончился трагически. Спускаемый аппарат отнесло от предполагаемого места посадки на двести с лишним километров, и сел он в ущелье, откуда не смог потом взлететь. Пришлось сажать второй модуль и забирать экипаж первого.

Однако и в начале двадцать четвертого века, несмотря на создание сети мгновенного транспорта (метро) и успешное освоение галактических просторов, эта планета оставалась почти не тронутой из-за своих специфичных условий. К тому же на ней была обнаружена жизнь, хотя и весьма своеобразная — на основе кристаллических соединений углерода. Образуя причудливые фестоны, арки, башенки, ротонды, грибообразные наросты, «живые» кристаллы графита, гексавита и алмаза селились в наиболее жарких районах Венеры, и открытие сверкающих «городов» стало сенсацией, хотя держалась эта сенсация недолго — до второй экспедиции на планету. И все же естественные творения

---

[1] В 1967 году поверхности Венеры достиг спускаемый аппарат советской межпланетной станции «Венера-4».

местной природы были великолепны. Их текучими переливами можно было любоваться бесконечно, как языками огня в костре или текущей водой. А сохранилась эта форма жизни на Венере лишь благодаря особенности всего живого: стоило отделить от тела «кристаллической грибницы» хотя бы один кристалл, как он через некоторое время распадался в черный графитовый порошок. Именно поэтому люди и не истребили кристаллидов Венеры ради использования их тел в ювелирной промышленности, для украшений, как они это сделали на Земле с моллюсками-жемчужницами.

Секретная база службы безопасности, о которой говорила Мириам, была оборудована в пещере на восточном внутреннем склоне кратера Клеопатры. Кратер этот диаметром девяносто пять километров (на самом деле он двойной, внешний — диаметром девяносто пять, и внутренний — пятьдесят пять) располагался на плато Лакшми, самой высокой части гор Максвелла, и был окружен почти параллельными хребтами-складками, отстоящими друг от друга на пять-пятнадцать километров и тянущимися на сотни километров. Больше всего этот бороздчатый рельеф напоминал морщинистую шкуру моржа, каковое сравнение сделал Ивор, стоя на вершине пика Максвелла и с высоты одиннадцати с половиной километров обозревая горную страну.

Мириам стояла рядом в таком же «кокосе», что и он, похожая на удивительное существо с конусообразной головой и блестящей шкурой (в спецкостюмах типа «кокос» можно было купаться в солнечной фотосфере или разгуливать по ледяным равнинам Плутона), и с таким же романтическим восторгом созерцала дикий пейзаж Венеры.

Оказались они на вершине самой высокой горы Земли Иштар, которой принадлежали и горы Максвелла, и плато Лакшми, лишь по прихоти Мириам, которая захотела опробовать «кокосы», найденные на базе. Но до этого молодые разведчики несколько часов провели в отсеках базы, прибыв сюда по «замороженной» линии метро. Код выхода, известный Мириам, оказался действующим, и прямо из кабины метро университета в Минске они вышли в отсек метро базы.

Инк базы встретил их неласково, огорошив вопросом: есть ли у них доступ степени «А»? Такого доступа ни у Ивора, ни у Мириам не было, и победного шествия по всем помещениям базы, запрятанной в толще базальтовых пород кратера, не получилось. Инк разрешил им лишь посетить зону отдыха и отсек внешнего выхода, где они обнаружили «кокосы». Но ни на оружейный склад, ни в ангар со спецоборудованием гости базы не попали, и надежды Мириам на получение оружия и аппаратуры пси-идентификации не оправдались. Им достались только «универсалы»,

входящие в стандартный комплект для выхода наружу, блоки НЗ и аптечки.

— Что ж, с паршивой овцы хоть шерсти клок, — не упала духом Мириам. — Придется добывать оружие и спецуху в другом месте.

Ивор с интересом посмотрел на девушку, знавшую словечки из жаргона тревожных служб. «Спецуха» на этом жаргоне означала аппаратуру специального назначения.

Побродив по доступным помещениям базы, оценив комфорт зоны отдыха: жилые модули были довольно большими и имели все необходимое для отдыха и удовольствия, вплоть до минибаров, игровых зон и шикарных пневмодиванов (таких уже не делали), — гости посидели в одном из модулей, пытаясь представить, кто здесь жил, потом облачились в «кокосы» и вышли наружу через тамбур-вход.

Короткий коридор привел их к металлической на вид стене, которая оказалась видеофантомом. Вход в пещеру, ведущую к базе, был замаскирован генератором динго[1], создающим видимость твердого скалистого выступа. Отыскать вход со стороны, даже имея локатор, в склоне кратера со множеством каверн и пещер было нелегко.

Выйдя из скалы, как привидения, молодые люди включили антигравы и, поднявшись над кратером, некоторое время созерцали зелено-оранжево-коричневые горы и желтое дно гигантской астроблемы, состоящей из двух ударных кратеров. Потом поднялись выше и устроились на вершине пика Максвелла, с которой можно было увидеть чуть ли не всю поверхность Венеры: из-за очень плотной атмосферы рефракция была чудовищно сильной.

Вид с вершины горы оказался настолько великолепным, что Ивор не удержался и тихо и торжественно прочитал вслух:

Орлом раскинув крылья, с высоты
Я вниз глядел, на жизнь мою, что ныне
Песчинкою затеряна в пустыне.
И красота, низвергнутая в ад,
Звала меня! Звала меня назад!

— Как здорово! — воскликнула Мириам. — Прямо под настроение! Это ты прямо сейчас сочинил?

— Это не я, — смутился Ивор. — Старинный поэт.

— Какой? Я как будто неплохо знаю классику.

— Эдгар По.

---

[1] Динго — аппарат динамической голографии.

— Да, конечно, вспомнила, я читала По в юности. «Ворон» — его стихотворение?

— Его. — Ивор вдруг почувствовал смутное беспокойство, оглядел зеленовато-серый клочкастый небосвод, близко-далекий горизонт (впечатление было такое, будто они стоят в центре гигантской чаши с поднимающимися вверх морщинистыми краями).

Нельзя было сказать, что Венера пустынна и безлюдна, все-таки на ее поверхности люди успели построить десятка три купольных городов и станций, десятка два шахт, карьеры и заводы по производству силикатов и углепластиков, но местность вокруг пика Максвелла и вообще плато Лакшми была слишком пересеченной и дикой, ближайший город был расположен в двухстах с лишним километрах от кратера Клеопатры, за хребтами гор Акны, и все же Ивору показалось, что они с Мириам здесь не одни.

— Миа, давай уйдем отсюда, — пробормотал он.

К его удивлению, девушка отреагировала на его слова без обычного шутливого подначивания, сразу оценив состояние молодого человека.

— Ты что-то увидел? — быстро спросила она.

— Не увидел, но... такое впечатление, что на нас смотрят по крайней мере с двух сторон!

— Тогда сматываемся домой!

Мириам сорвалась с обрыва и стремительно понеслась вниз, к восточному склону кратера Клеопатры. Ивор устремился за ней, выписывая крутую дугу пикирования. И тотчас же за ними хищно кинулся почти невидимый в сумеречном свете венерианского дня треугольник когга, появившийся словно из воздуха.

Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

До спасительного скального выступа, прикрывавшего входной коридор базы, оставалось всего две-три сотни метров, когда когг открыл стрельбу.

Мириам, летевшая в сотне метров впереди, продолжала мчаться с прежней скоростью, но в момент залпа внезапно сделала петлю и открыла огонь по преследователям из «универсала». Ивор же поступил точно так же, доверившись интуиции, — отвернул влево, и огненная трасса прошла мимо. К счастью, преследователи применили плазменную пушку, а не «глюк» или антимат. В противном случае шансов спастись у беглецов бы не было. В данной ситуации, несмотря на то что огонь вел инк аппарата, залп не достиг цели, а второго не последовало.

Во-первых, световая очередь «универсала» — Мириам применила лазерную насадку — пришлась по кабине когга, ослепив пилота и сбив прицел инка. Во-вторых, откуда-то возник еще один

когг и открыл по первому огонь из более серьезного оружия. Трасса неярких штрихов — разряд «глюка» — перечеркнула треугольник агрессора, и тот, задымив, отвалил в сторону.

— Не отвлекайся! — крикнула Мириам замешкавшемуся Ивору.

Жданов метнулся за ней, и молодые люди, проскочив коричнево-желтый бок скалы, ввалились в пещеру.

— Никогда себе не прощу! — бросила в сердцах девушка, подталкивая Ивора в спину. — Можно было предвидеть, что нас вычислят!

— Кто? — тупо спросил Ивор.

— Дед Пыхто! Ты медлишь с ответом вербовщику Игрока, этого достаточно, чтобы на тебя оказали более серьезное давление или вообще ликвидировали для предупреждения утечки информации.

— А кто нам помог?

— Узнаем. Пока это не имеет значения. Надо убираться отсюда. Хорошо, что твоя интуиция не спит, даже когда ты сам спишь.

— Я не сплю, — запротестовал Ивор.

— Это я образно.

Люк в тамбур базы открылся. Первой в него влетела Мириам, за ней Ивор. Люк за его спиной встал на место, отодвинулась ребристая пластина входа в технический холл базы. И тотчас же Ивор ощутил дуновение холодного ветра угрозы.

— Не входи туда! — крикнул он.

Мириам по инерции сделала шаг вперед и... выстрелила!

Ее выстрел оказался неожиданным не только для Ивора, — девушка действовала как бывалый телохранитель! — но и для того, кто ждал их в холле. Она опередила его буквально на долю секунды, сбив ему прицел. Ответный выстрел лишь задел ее плечо, срезав турель с «универсалом».

Мириам развернуло на девяносто градусов и отбросило назад, так что Ивору стали видны холл и две зеркально бликующие фигуры, одна из которых согнулась пополам, а вторая двигалась к люку. Тогда он выстрелил сам и одновременно мысленно вскричал, обращаясь к инку: «Закрой тамбур!»

И люк закрылся, отрезая холл с неизвестными от тамбура.

Ивор бросился к присевшей на корточки девушке.

— Жива?! Не ранена?!

— Вот гады! — с неожиданным хладнокровием проговорила она. — Засаду нам устроили! Ну, вы у меня попляшете!

Ивор взял ее под локоть, чтобы помочь встать, но она высвободилась и легко вскочила сама.

— Не волнуйся, со мной все в порядке. Этот гад стрелял из

«дракона», а «кокос» пулей пробить трудно. Как тебе удалось закрыть люк?

— Сам не знаю, — пробормотал Ивор. — По-моему, я крикнул инку, чтобы он загерметизировал тамбур.

— Не слышала я никакого крика... да и не слушается инк базы таких приказов, исходящих не от полномочного персонала. Ладно, потом разберемся, давай выбираться из ловушки.

— А если на выходе нас ждут те стрелки, из когга?

— Когг подбит, я видела, как он задымил и отвалил. Но не уверена, что это сделали наши друзья. Эх, нам бы «глюк»! Или по крайней мере «шукру»! Я бы им показала, где раки зимуют!

— Ты ведешь себя, как заправский безопасник, — хмыкнул Ивор, с уважением и недоверием глядя на девушку. — Словно всю жизнь сражаешься с террористами.

— Не сражаюсь, но постоять за себя смогу. И за тебя тоже. Ты просто мало меня знаешь. Папа с трех лет воспитывал меня как мальчишку, я даже в школу выживания ходила... — Мириам замолчала, прислушиваясь к чему-то. — Уходим, а то они откроют люк и перестреляют нас, как куропаток.

В следующее мгновение люк собрался гармошкой, открывая вход.

— К стене! — скомандовала девушка.

Ивор послушно отпрыгнул в угол тамбура, ловя нашлемным прицелом отверстие люка, ожидая выстрела оттуда. Мириам сделала то же самое, вжавшись в стену с другой стороны. Но никто не стрелял и в тамбур не врывался. Прошла секунда, вторая, третья...

— Эй, путешественники, — донесся из холла чей-то гортанный энергичный голос, — можете выходить. Здесь уже тихо и спокойно.

— Кто это? — прошептал Ивор.

— Тео? — неуверенно проговорила Мириам и повторила вопрос через звуковую мембрану «кокоса».

— Совершенно верно, сеньорита, — отозвался обладатель гортанного голоса. — Тео аль-Валид собственной персоной.

— Наши! — взвизгнула девушка, бросаясь к люку и проскальзывая в отверстие.

Ивор степенно вошел следом.

На матово-сером полу холла он увидел два тела в бликующих зеркальных балахонах и валяющееся оружие: устрашающего вида карабин и «универсал». Чуть поодаль стояли два парня в таких же костюмах, но с откинутыми шлемами. Один был черноволос и смуглолиц, второй — пониже ростом — рыжий, с белыми ресницами. Мириам подбежала к черноволосому, на ходу свертывая

конус шлема (собирался он складками-пластинками к плечам), и протянула ему руку.

— Привет, ротмистр. Вот уж кого не чаяла увидеть. Какими путями вас сюда занесло?

— Стреляли, — улыбнулся смуглолицый, переводя глаза на Ивора. — Это твой друг?

— Ивор Жданов, — представила спутника девушка, — поэт и квистор и, естественно, мой друг. Мы тут слегка похозяйничали...

— Да уж, слегка. Инк базы уже пожаловался нам на ваши приказы, но ты же знаешь, он не подчиняется даже мне. Тебе же придется объясняться с отцом.

— Ничего не поделаешь, придется, — вздохнула с унылым видом Мириам. — Он мне устроит взбучку. А кто это нас тут ждал? Вы их... убили?

Тео аль-Валид перевел взгляд на тела в скафандрах.

— Одного обездвижили. — Он спрятал в захват на поясе гипноиндуктор «слон». — Второй ранен, сам потерял сознание. Ты стреляла?

— Так получилось.

— Молодец, точный выстрел. Не зря я тебя тренировал.

Мириам оглянулась на Ивора.

— Тео — мой инструктор по стрельбе. А это Дима Лежич, мой тренер по русбою.

Рыжий Дима исподлобья глянул на Ивора, вдруг улыбнулся и протянул ему широкую ладонь.

— Очень приятно.

— Взаимно, — вежливо сказал Ивор.

В холл из коридора, ведущего в недра базы, вышел еще один мужчина в «кокосе», огромный, как шкаф, с мрачноватым бугристым лицом и черными глазами, седой.

— Привет, непоседа. — Он перевел взгляд на Ивора. — Здравствуйте, Ивор Жданов.

— Это Иван Клыков, — несколько стушевалась Мириам, — секунд-майор контрразведки.

Клыков мельком взглянул на тела людей, устроивших засаду.

— Их было четверо, — сказал Тео аль-Валид. — Двое здесь, двое сбежали.

— Обыщите все отсеки на всякий случай. И смените код входа метро.

Тео подтянулся, кивнул.

Гигант еще раз глянул на Ивора и вышел.

— Мне приказано доставить вас домой, — продолжал коман-

дир группы, — но вы и сами доберетесь. Только придется сдать оружие.

Мириам сдвинула брови.

— Тео, не напрягай голосовые связки. Спасибо тебе, конечно, за помощь, и все такое прочее, но «универсал» я не отдам. Он мне может пригодиться в любой момент. Ты же видишь, что происходит. За Ждановым чуть ли не охота началась.

— Отец будет недоволен.

— С папенькой я как-нибудь договорюсь.

Тео перевел задумчивый взгляд с лица Мириам на Ивора и обратно, почесал кончик носа и кивнул.

— Что ж, тебе видней, я умываю руки. Но помните: вас здесь не было.

— Спасибо, ротмистр! — Мириам хлопнула ладонью в перчатке по его подставленной ладони, махнула рукой Ивору. — Поехали, Жданов, — и первой направилась к выходу из холла.

Мужчины посмотрели ей вслед.

— Очень решительная молодая особа, — осклабился рыжий Дима. — С ней не соскучишься.

— Ангел с «универсалом», — добавил Тео аль-Валид с непонятными интонациями, покосившись на Ивора. — Вы давно с ней знакомы?

— Четыре дня, — честно признался Ивор.

— Тогда у вас все еще впереди.

Ивор непонимающе посмотрел на безопасника и поспешил на зов Мириам, так и не уяснив, что имел в виду Тео.

Через несколько минут они были на Земле.

* * *

Происшествие на венерианской базе службы безопасности не остудило намерения Мириам добиться своего. Она лишь с большим упорством стала готовиться к прорыву в Ствол и подключила к решению этой задачи всех своих знакомых в тревожных службах, кому доверяла так же безоговорочно, как и отцу. Она же настояла и на том, чтобы Ивор поговорил со своей мамой о визите посланницы Игрока (не говоря ей о сражении на Венере, чтобы не волновать лишний раз) и полюбопытствовал, как бы невзначай, чем он мог заинтересовать самого Игрока.

Разговор с мамой Ясеной получился действительно интересный, хотя убедить сына в его экстраспособностях, якобы просчитанных еще до рождения медиками родильного дома, ей не удалось.

— Почему-то я вовсе не чувствую себя исключительной лич-

ностью, — сказал Ивор, когда они уже заканчивали часовую беседу.

— Это меня радует, — сказала Мириам, почти не принимавшая участия в разговоре: она пришла уже в конце, когда Ивор выяснил практически все подробности своего рождения и воспитания. — Ваш сын — просто чудо, но слишком открыт и непосредственен. Я бы хотела немного позаниматься его воспитанием.

Ясена с некоторым сомнением посмотрела на Мириам, державшуюся подчеркнуто строго и серьезно.

— Что ж, возьмись, девочка. Надеюсь, это поможет ему оценить мир с другой стороны.

— И все же ты не объяснила мне, что за программа вложена в меня, — упрямо заявил Ивор. — Чего мне бояться или чему радоваться.

— Не программа, — мягко возразила Ясена, — а возможности. И тебе надо очень постараться, чтобы их реализовать.

— Но я их не вижу! Не чувствую!

— Их надо разбудить.

— Как?!

— В принципе это могут сделать специалисты Центра нетрадиционной медицины у нас в России или в Мексике, там у меня есть друзья. Но мы с отцом считаем, что твой пси-резерв должен проснуться в естественных условиях, без технологической помощи.

— Почему же он до сих пор не проснулся?

— Ты не готов, сынок, — мягко проговорила Ясена. — Большие возможности — это прежде всего большая ответственность, твердая воля, способность предвидения каждого действия, великая доброта, наконец.

— Что же, по-твоему, я злой? — нахмурился Ивор.

— Ты добрый, обладаешь хорошей интуицией и даже бываешь тверд в намерениях, хотя отец называет это твое качество упрямством, но ответственности тебе еще не хватает. А природа не ошибается. Если она не дает прямого выхода к высотам знания и деяния, значит, так надо. Потерпи немного.

— Мы потерпим, — пообещала Мириам. — Я беру над ним шефство, если не возражаете. Он обязательно вырастет над собой и станет великим человеком.

— Не сомневаюсь, — проговорила Ясена, пряча сомнения на дне глаз. — Только не забывайте: чтобы добиться успеха в этом мире, одного стремления к цели недостаточно, нужны еще хорошие манеры.

Ивор с любопытством посмотрел на мать, повторившую известное высказывание Вольтера, но в слегка подправленном ви-

де[1]. Она не была уверена в правильности подхода сына к проблеме и сомневалась в его выборе. Но она была матерью и имела право на сомнения.

Он перевел взгляд на Мириам. По ее виду нельзя было судить, поняла ли она намек мамы, однако Ивор почему-то был уверен, что поняла. В уме Мириам отказать было невозможно, как, впрочем, в красоте и решительности.

Они попрощались с Ясеной, выслушали ее напутствие тщательней продумывать каждый свой шаг, и Мириам в кабине такси пожаловалась спутнику:

— Я ей не понравилась. Как ты думаешь, почему? Наговорила лишнего?

— Во-первых, ты ей понравилась, — запротестовал Ивор. — Иначе она никогда бы не доверила тебе взять шефство надо мной. — Он улыбнулся. — Вообще ты меня иногда поражаешь. То ты совсем девчонка, то мастер воинских искусств, то серьезная дама-воспитательница.

— Спасибо, — фыркнула Мириам. — Серьезность — не всегда положительное качество. Как бы сказал мой папаня: серьезность — последнее прибежище заурядности. Чем ты еще меня утешишь?

— Во-вторых, мама беспокоится за меня и не хочет, чтобы я рисковал жизнью, что вполне естественно.

— Может быть. Моя мама тоже такая, хотя всегда мне все разрешала. Слушай, давай я тебя с ней познакомлю? Она сейчас на Марсе, в Зурбагане, строит какой-то завод.

— Нам же надо идти к Полуянову. Разве что потом, после встречи, если получится.

— Я совсем забыла о приглашении комиссара, — поморщилась Мириам, оглядываясь на пинасс, мчавшийся за их такси в некотором отдалении. — Летим ко мне домой, переоденемся в уники понадежней и пойдем к комиссару. Надеюсь, он расскажет правду о твоем отце и отдаст дриммер.

— А если нет?

— Что-нибудь придумаем, — беззаботно махнула рукой дочь Ромашина.

ГЛАВА 8

В здании Управления аварийно-спасательной службы Ивор бывал всего два или три раза, да и то в детстве, когда отец брал его с собой. На сей раз молодой квистор летел туда не как свободный

[1] Чтобы добиться успеха в этом мире, одной глупости недостаточно, к ней нужны еще хорошие манеры.

посетитель, а как человек, не имеющий права отказаться от посещения, которому пришел официальный вызов. Впрочем, вины за собой он не чувствовал (приключение на Венере с погоней и стрельбой было инсценировано неизвестными лицами, он только защищал свою жизнь) и летел на встречу с комиссаром с легкой душой. Идея Мириам «надавить» на Полуянова казалась невыполнимой, поэтому ситуация должна была разрядиться сама собой, а о том, что они будут делать дальше, Ивор не задумывался.

Дочка Ромашина посещала Управление, в котором располагалась и служба общественной безопасности, гораздо чаще своего спутника и тоже особенно не переживала за исход встречи с комиссаром. К тому же там у нее были свои связи, друзья и приятели, которые могли помочь при необходимости.

Добирались они, однако, не воздушным транспортом, а веткой метро, код выхода которой был известен Мириам еще со времен работы отца комиссаром, поэтому полюбоваться на огромное, сложное, гармоничное, красивое здание УАСС не пришлось.

В коридорах Управления было немноголюдно, тихо, солнечно (потолки излучали натуральный дневной свет), витали приятные лесные запахи. Скоростной лифт доставил прибывших из зала метро на сто первый этаж здания, где располагался кабинет комиссара наземной службы безопасности, они вышли и остановились перед прозрачной перегородкой, за которой начинался коридор с двумя десятками дверей, ведущих в служебные модули руководителей Управления разного уровня.

В глубине прозрачного материала перегородки высветилась надпись: «Прошу прощения. Чем могу быть полезен?»

— Мы по вызову комиссара, — ответила за Ивора Мириам.

Надпись погасла, появилась другая: «Еще раз прошу прощения, мисс, но в моем формуляре стоит лишь фамилия Жданов. Вашей фамилии нет».

— А если мы вместе?

«Это исключено. Комиссар ждет Ивора Жданова».

— Обратись к нему, он разрешит.

«Уже обратился, но ответ вас не обрадует. Вам придется подождать своего спутника в уголке отдыха. Налево по коридору, пятнадцать шагов. За вами поухаживают».

— Спасибо, цербер! — сердито бросила Мириам, поглядела на Ивора. — Придется тебе выкручиваться одному. Если что не так — дай знать, я буду ждать тебя здесь до упора.

Ивор кивнул.

«Проходите, пожалуйста», — зажглись два слова в толще перегородки, и тотчас же в ней образовался прямоугольник входа.

Мириам удержала Ивора за руку, шепнула на ухо:

— Не нравится мне это. Будь внимателен!

— Буду, — пообещал Ивор, сам чувствуя легкое беспокойство, и шагнул в дверь.

В коридоре прямо из воздуха сформировался крепкий мужчина в сером унике — фантом инка, обслуживающего зону службы безопасности.

— Идемте, я вас провожу.

Он зашагал вперед как живой человек. Ивор оглянулся на Мириам и двинулся за провожатым.

Дверь в кабинет комиссара с табличкой «Федор Полуянов. Комиссар НФСБ-2» располагалась в тупике другого коридора, перпендикулярного входному. Дверь открылась. Ивор вошел.

Рабочий модуль комиссара мало чем отличался от кабинета отца: те же янтарные стены с проступающими в глубине «пчелиными сотами» с искрами света внутри, тот же матово-черный пол, «облачный» потолок, кокон управления зоной связи, вириал инка, столик в углу с тремя креслами. Ничего лишнего, если не считать старинного плоского портрета какого-то человека на стене.

— Проходи, садись, — сказал Федор Полуянов, сидевший в коконе за полупрозрачным «лепестком». — Я сейчас освобожусь.

Ивор сел в одно из кресел, с любопытством разглядывая портрет на стене и гадая, кому он принадлежит. Волнение, поднявшееся в душе при подходе к рабочему модулю комиссара, слегка улеглось, но все же некий душевный трепет остался. Ивора не каждый день вызывали в службу общественной безопасности, и пустяками эта служба не занималась.

Кокон оперативно-компьютерной системы раскрылся как своеобразный тюльпан, из него вылез Полуянов, приглаживая волосы на висках. Достал из скрытого в стене бара бутылку тоника, отпил пару глотков и поставил обратно, не предложив гостю. У Ивора внезапно заныло под ложечкой: он только теперь уловил настроение друга отца, и оно явно находилось в миноре.

— Рассказывай, — сказал Полуянов, останавливаясь у кресла; садиться комиссар не стал. — Сиди, — остановил он попытку молодого человека встать.

— Что рассказывать? — пробормотал Жданов.

— О визите рыжеволосой дамы. — Полуянов пристально посмотрел на гостя, снова пригладил волосы на виске. — О бое на Венере в районе кратера Клеопатры.

— Нас там не было, — вырвалось у Жданова.

Брови комиссара подпрыгнули.

— Кого это — нас?

— Я слышал о перестрелке на Венере от мамы, — попытался выправить положение Ивор, — но сам в это время был с подругой в... одном месте.

— Ты не умеешь врать, парень, — усмехнулся Полуянов. — Я знаю, что именно ты находился в горах Максвелла, к тому же не один, а с дочерью бывшего комиссара Ромашина. И именно на вас было совершено нападение, связанное, очевидно, с визитом рыжей красавицы. Кто вам помог отбить атаку?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — упрямо сдвинул брови Ивор, отводя глаза.

Полуянов вздохнул.

— Было бы лучше для нас обоих, а для твоего отца в особенности, если бы ты рассказал мне все как есть. Правду!

— Мне нечего рассказывать... и уж если говорить о правде, то вы первый должны мне рассказать правду об отце...

— Это секрет службы.

— Тогда и у меня пусть будут секреты, недоступные посторонним людям!

Полуянов хмыкнул, смерил Ивора жалостливо-насмешливым взглядом, подошел к разверстому кокону.

— Ты ошибаешься, квистор. У тебя не должно быть секретов от службы безопасности. Но у меня нет времени объяснять тебе очевидные вещи. Или ты рассказываешь все, или...

— Вы просканируете память? — криво улыбнулся Ивор.

— Ты не оставляешь мне другого выбора. — Полуянов ткнул пальцем в один из огоньков на светящейся тумбе вириала. — Басанк, зайди.

В кабинет вошел огромный, бугристый от мышц молодец в обтягивающей могучий торс камуфляжной «облипке», с ничего не выражающим лицом, с квадратной прической по моде «хэвибрейн». Скользнув равнодушным взглядом по лицу Ивора, он вытянулся перед хозяином кабинета.

— Объект отказывается сотрудничать с нами добровольно. Займись им. Но не переборщи, он нам еще понадобится.

Гигант шагнул к столику, за которым сидел Ивор.

— Пошли.

— Никуда я с вами не пойду! — возмущенно выпалил Ивор.

В следующее мгновение огромная рука схватила его за отвороты куртки и одним движением выдернула из кресла, так что он повис в воздухе, не задевая ногами пол.

— Ну? — посмотрел на него одним глазом комиссар. — Ре-

шай. Сам все расскажешь или после применения спецметодов допроса?

— Я буду жаловаться! — прохрипел Ивор, тщетно пытаясь освободиться.

Полуянов махнул рукой, и Жданов получил короткий и сильный удар в живот. Перехватило дыхание. В глазах потемнело, завертелись огненные колеса. Рот наполнился горечью. Еще через несколько мгновений он стал тонуть в тишине и темноте. Последнее, что он услышал, были слова Полуянова:

— Я же сказал — не перестарайся, болван! Он всего лишь мальчишка, простой мечтатель, а не суперагент ноль-ноль-семь...

Что-то дрогнуло в душе, реагируя на оценку «простой мечтатель» и «мальчишка». На миг словно включилось второе дыхание, и он стал видеть себя как бы со стороны. Захотелось доказать этим черствым людям, что и он чего-то стоит. Ивор дернулся в руках помощника комиссара, обжигая его взглядом, крикнул мысленно: «Отпусти!»— и тут же вслед за этим: «Миа, помоги!»

Рука Басанка разжалась, Ивор упал на пол, и ему показалось, что на голову рухнул потолок. Получивший неожиданный псиудар от непокорного объекта, гигант в ярости ответил Ивору ударом по голове огромным кулаком. И лишь потом опомнился, с опаской глянув на взбешенного комиссара.

— Черт бы тебя побрал! — взорвался Полуянов.

— Он меня обжег чем-то...

— Взглядом, что ли? Неси его в лабораторию к Левинзону, — буркнул Полуянов, остывая, озабоченно щупая пульс Жданова. — Пусть поднимет тонус и подключит к «правдососу». Я скоро приду.

— Там его девчонка ждет.

— Пусть ждет. Через полчаса мы его выпустим, а помнить он будет лишь то, что мы ему оставим.

Басанк кивнул, подхватил безвольное тело молодого человека и вынес из кабинета.

* * *

Он плыл сквозь тьму, тьму и тьму... тишину, тишину и тишину... безвольный и безмолвный...

Затем что-то начало меняться вокруг.

Тьма, тьма... тишина, тишина...

Тьма... тишина...

Полутьма... тусклое шипение...

Полусвет... шипение...

Неяркий ровный свет, тени... шорохи...

Свет, свет... шорохи, скрипы, стук, гул, чьи-то голоса... ощущение несвободы...

Он попытался пошевелиться, но его остановил очень мягкий, тихий, раскатистый шепот:

— Не-е то-о-ро-о-пи-ись...

— Кто здесь? — замер Ивор.

— Тво-о-е-е вто-о-ро-о-е-е «я-а-а»...

— Значит, я разговариваю сам с собой?

— Про-о-и-и-зо-о-ше-ел спо-о-нта-а-нный про-о-рыв глу-у-бо-о-кой пси-и-хи-и-ки в сознание... ты находишься в измененном состоянии... при-и-выка-ай...

— Как это произошло? — Ивор напрягся и вдруг вспомнил последние события. — Меня же ударили по голове! Поэтому я попал в измененное состояние?

— Не-ет... это произошло раньше... ты начал сопротивляться на пси-уровне... и тебя ударили...

— Пора действовать! Мириам не знает, что со мной случилось. Они хотят прочистить мне мозги! Сколько времени уже прошло?

— Мы с тобой сейчас вне времени... готовься... но не суетись, сначала изучи обстановку... тебе будет нелегко привыкнуть...

— Ничего, соображу, что к чему. Начинай отсчет.

— Не спеши... десять, девять, восемь... тебя подключили к «детектору лжи», или «правдососу», как все здесь называют систему целенаправленного психофизического воздействия... семь, шесть, пять... для считывания информации в памяти и ввода ложной информации в подсознание... четыре, три... я в состоянии заблокировать эту информацию, но лучше не рисковать... два, один, ноль!..

В глаза Ивору брызнул р е а л ь н ы й свет, в уши хлынула волна звуков: пощелкивание, шаги, мелодичные звоночки, человеческие голоса, шорохи, — тело обрело плотность и вес, появились ощущения неловкости, давления, боли. Не шевелясь, Ивор осторожно огляделся.

Он лежал полуголым в глубине саркофага из прозрачного материала с прихваченными к ложу запястьями рук и лодыжками ног. На груди и на животе были прикреплены розовые кругляши присосок с иголочками съемов, из которых били в нависшие фасетчатые щиты тоненькие лучики света. Такой же кругляш, только побольше в диаметре, торчал посреди лба Ивора, создавая ощущение холодного щупальца, высасывающего кровь из головы.

Помещение явно принадлежало медцентру или биолаборато-

рии, судя по заполняющей его аппаратуре. В нем находились четыре человека: гигант Басанк, прислонившийся плечом к двери со скучающим видом, бородатый мужчина с широкими бровями и взглядом Мефистофеля, мужчина помоложе, розовощекий и полный, и женщина с угрюмым желтоватым лицом, на котором было написано презрение ко всему на свете. Эти трое колдовали у вириала местного инка и у панели саркофага, переговариваясь между собой на узкоспециальном жаргоне ученых мужей.

— Мистика какая-то! — сказала женщина, оттопырив губу. — У него парадоксальная реакция на левый торс[1]. Либо это следы дистантной блокады, либо мотивация скрытого паранормального носителя.

— Давайте прогоним тест на подпороговой по невербальным каналам, — предложил розовощекий. — Может быть, он уже является носителем суггестивного приказа?

— Проверим, — буркнул «Мефистофель».

— Он очнулся, — сказала женщина.

Все трое посмотрели на Ивора.

— О с в о б о д и т е меня! — раздельно сказал он.

Троица замерла. Великан Басанк перестал чистить ногти и уставился на Ивора удивленным взглядом. В помещении стало тихо.

— О с в о б о д и т е меня! — повторил Ивор, внезапно покрываясь холодным потом. Волна слабости едва не накрыла его с головой. Это была реакция организма на включение магического волеизъявления, но он этого еще не знал.

Трое работников пси-лаборатории СБ, как в сомнамбулическом сне, послушно подошли к саркофагу, отстегнули обручи на запястьях рук Жданова, начали отсоединять присоски датчиков и отключать каналы медкомбайна.

— Эй, что вы там делаете? — нахмурился Басанк; пси-приказ Ивора на него практически не подействовал.

«Мефистофель» оглянулся на него, завороженно глянул на Ивора, прислушиваясь к чему-то, глаза его стали проясняться, в них разгорелся огонек понимания и недоумения. Руки перестали отсоединять датчики и освобождать ноги Ивора из захватов.

— Всемилостивый Иезод! — прошептал он. — Этот парень нас... подчинил!

Басанк в два шага пересек помещение, отшвырнул начальника лаборатории в сторону, ударом ладони в грудь опрокинул Ивора на ложе саркофага.

---

[1] Имеется в виду «левозакрученное» торсионное поле.

— Лежать! Пеленайте его! Быстро!

Ивор посмотрел в глаза гиганта, мысленно закрыл ему рот и внятно выговорил:

— Спи!

Басанк вздрогнул, замер на мгновение. Женщина с неприятным выражением лица и розовощекий толстяк послушно закрыли глаза и опустились на пол, хотя приказ Ивора их не касался. Осоловел и «Мефистофель», присев на корточки возле саркофага «детектора лжи». Но Басанк не уснул! Он с мрачной улыбкой погрозил Ивору пальцем и произнес:

— Не шали, малыш. Я хоть и не витс, но хорошо защищен и не боюсь направленного внушения. А комиссар тебя, похоже, недооценил. Жаль, что я не имею права тебя убить, — приказ комиссара, — но вот покалечить могу и сделаю это с удовольствием.

Он неожиданно нанес удар в живот лежащему Ивору тяжелым как молот кулаком. Однако Ивор напрягся, уходя в пустоту (интуитивно, не размышляя), определенным образом развернул вектор энергии удара, и... кулак Басанка упруго отскочил от живота Жданова, как от резиновой подушки.

— Не может быть! — оторопел подручный Полуянова, посмотрев на свой кулак. — Ты же не мастер боя! Или я чего-то не понимаю?

Он нанес еще два удара один за другим — в грудь Ивора и в голову, и тот не смог отразить последний, настолько удар был силен и неожиданен. В голове вспыхнуло радужное пламя, разрывая ее на куски, и Жданов снова погрузился в багровую тьму, полную невидимых колючек и твердых предметов. Однако плавал он в этой шелестящей тьме недолго.

Кто-то схватил его за шиворот и вытащил из трясины на мягкий, уютный, ласковый и тихий берег. Во всех осколках головы зазвучал знакомый мягкий бархатисто-раскатистый голос:

— Ау, Жданов, далеко собрался?

— На дно... — вяло буркнул Ивор, чувствуя блаженство от уходящей, отступающей боли.

— Мы так не договаривались. Пора тебе самому лечить себя, сознательно, а лучше — не допускать таких ошибок. Сопротивляться нужно в хорошо подготовленный момент, ты же только провоцируешь своих врагов на нападение и усугубляешь положение.

— Я не знал, что этот квадратноголовый шкаф не поддается воздействию.

— У него, скорее всего, имеется генератор пси-защиты. Хотя и его можно обойти умеючи.

— Я не умею.

— Научишься. Выползай из своей уютной раковины, но не торопись показывать свои возможности. Мостик, соединивший твои подсознание и сознание, еще хрупок, еще один такой удар по голове — и ты идиот.

— Постараюсь...

— Тогда вперед, квистор. Три, два, один... ноль!

Ивор очнулся и сразу «обнял» весь объем помещения сферой своих сверхчувственных восприятий. И едва не потерял сознание снова — от боли в голове, в груди и животе, а также от нахлынувшей слабости.

Особенно сильно пульсировал болью висок (хорошо, что хоть череп цел!), затем челюсть (вот паразит поганый, он же чуть ее не сломал!), губы, ключица и ребро. Судя по всему, Басанк продолжал избиение пленника после того, как тот потерял сознание. Времени же с момента начала избиения прошло всего ничего — буквально две минуты. Спасибо резерву, вовремя он заработал, без него был бы полный капут!

В помещении лаборатории почти ничего не изменилось. Лишь «Мефистофель» начал приходить в себя да Басанк отошел от «правдососа», озабоченно разглядывая свою покрывшуюся волдырями, как от сильного ожога, руку.

И в этот момент дверь в лабораторию выгнулась пузырем и лопнула с громким треском. В помещение тигрицей ворвалась Мириам с «универсалом» в руке, за ней знакомый Ивору по инциденту на Венере Тео аль-Валид, сотрудник особого отдела контрразведки. Он навел на гиганта пистолет с ребристым дулом — суггестор «слон» и нажал на курок.

Но Басанк не впал в транс, как следовало ожидать («Защита!» — мелькнуло в голове Ивора), а выхватил в ответ свой штатный «универсал», рукоять которого торчала из подмышки, и выстрелил в Тео. Вернее, хотел выстрелить.

Напрягаясь так, что вены на лбу вздулись и едва не лопнули, Ивор крикнул в н у т р ь Басанка, внезапно осознавая, как обойти его пси-защиту: «Мимо!»

Ствол «универсала» в руке помощника Полуянова сместился на сантиметр, и лишь после этого последовал выстрел, проделавший в стене помещения крупную звездообразную дыру. Затем выстрелила Мириам, среагировавшая на угрозу, и выбила «универсал» из руки Басанка. Гигант замер, но тут же схватился за рукоять кинжала, укрепленного на поясе, и снова застыл, теперь уже от ненавидящего голоса Ивора:

— Стоять!

Все оцепенели. Приказ был подкреплен надпороговой пси-

командой, противиться которой не смог даже обладавший защитой Басанк.

— Освободи меня, — расслабился Ивор, виновато глянув на Мириам. Силы почти оставили его.

Девушка встрепенулась, послушно подбежала к нему, отщелкнула браслеты на ногах, помогла вылезти из саркофага «правдососа». И в этот миг в комнату вошел человек в необычного покроя одежде: мятая на вид полурубашка-полукуртка, переходящая в пузырчатые шаровары, нечто вроде бахромчатой портупеи со множеством висящих сосулек, громадные ботинки с шипами. Он был высок — даже выше двухметрового Басанка, — узкоплеч, с лицом землистого цвета, не вызывающим, впрочем, ощущения болезненности, с очень широким ртом и умными оранжевыми глазами. Оглядев компанию, гость остановил взгляд на Жданове и сказал приятным низким голосом:

— Я вас слушаю, оператор.

— Что? — не понял Ивор, переглядываясь с Мириам.

— Вы меня позвали — я пришел.

— Но я... никого не звал!

Незнакомец раздвинул губы в странной усмешке.

— Разве не вы только что крикнули: «Мимо!»

— Но.. я же... я просто заставил его промахнуться! — Ивор указал на неподвижного Басанка. — И вообще это был мысленный крик!

— Извините, — пожал плечами незнакомец. — Я ошибся.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Стойте! — опомнилась Мириам, делая шаг к странному гостю. — Вы услышали пси-вызов Жданова?

— Ну, конечно.

— И вас зовут... Мимо?!

— Так точно, леди.

Мириам оглянулась на Ивора. Глаза ее стали большими и сияющими.

— Вспомни рассказы отца! Это бровей Мимо, бродяга по Ветвям! — Она снова повернулась к гостю. — Где вы были в момент вызова? В нашей Ветви?

— Разумеется, иначе я бы не услышал его.

— У меня... у нас просьба...

— Я весь внимание.

— Мы попали в трудное положение... почти безвыходное... не могли бы вы нам помочь?

— Каким образом?

— Можете вызвать сюда, в эту точку, где мы находимся, трансгресс?

— Нет ничего легче.

— Спасибо! — Мириам подбежала к Ивору. — У нас появился шанс обойтись без помощи комиссара. Я знаю, где можно достать дриммер!

— Где? — непонимающе спросил слегка обалдевший молодой человек.

— На Геземе! В мире моих и твоих дедов, в мире, где родились наши матери! Идем туда!

— Сейчас?!

— А когда еще? Вспомни — время не ждет! Твой отец в беде!

Ивор посмотрел на Басанка, на Тео, на терпеливо ждущего бровея Мимо и вдруг понял, что все это ему не снится, все происходит наяву! Но признаться, что ему страшно, он не смог.

— Идем!

— Прощай, Тео! — Девушка бросилась к безопаснику, обняла его на мгновение. — Спасибо тебе за все! Уходи отсюда, когда мы исчезнем. Передай отцу, чтобы не волновался за меня. Я вернусь. Мы вернемся! — Она взяла Ивора за руку и посмотрела на бродягу по мирам Ветвей. — Вызывайте трансгресс!

Тотчас же помещение лаборатории бесшумно проткнула ажурная двухметровая труба серебристого цвета.

— Прощайте! — вскинула кулак над собой Мириам, прежде чем нырнуть в трубу трансгресса.

Молодые люди подпрыгнули и оказались внутри трубы.

— Как он тебя!.. — прошептала Мириам, проведя пальчиком по разбитым губам. — Но ничего, вылечимся. Ты готов? — Она прижалась к Ивору.

— Готов! — кивнул он, помедлив.

— Тогда поехали!

— Вы находитесь в узле выхода Солювелл-три, — раздался в ушах обоих мягкий женский голос. — Вербальный код перегиба — бам-у-эс-тридцать-тридцать. Ближайший узел выхода — Балор-девять...

— Нам нужен выход в Ветвь, где есть планета Гезем, — быстро перебила Мириам оператора трансгресса.

Короткая пауза.

— Прошу вас сделать заказ поточнее.

— Я знаю, где это, — возник рядом с обнявшейся парой внутри трубы бродяга по Ветвям. — Даю координаты. — Он замолчал, переходя, очевидно, на «личный» мыслеязык.

— Заказ принят. — Женский голос стал деловитым. — Перегиб длится три минуты по независимому времени. Приятного перемещения.

В следующее мгновение в головы Ивора и Мириам хлынул призрачный «лунный» свет, и сами они превратились в свет...

Когда в помещение ворвался Федор Полуянов в сопровождении трех человек охраны, в нем находились только медленно приходящие в себя сотрудники лаборатории и равнодушно разглядывающий стену Басанк. Куда девался пациент доктора Левинзона, специалиста по «высасыванию правды», никто из них так и не вспомнил.

Часть II

КАК БОГОМ РЕЧЕНО

ГЛАВА 1

Возвращаясь из магазина вдоль линейки машин во дворе собственного дома, Руслан снова заметил сидящих на бетонной приступочке у спуска в подвал двух пацанов весьма специфичного вида и направился к ним. Неделю назад в его новой машине «Мазда» последней модели выбили боковое стекло, чтобы извлечь автокомпьютер, и хотя взломщикам сделать это не удалось, стекло пришлось вставлять, платить немалые деньги и нервничать. Теперь Руслан в каждом парне видел автовора и в своем родном дворе устроил настоящую охоту за молодыми людьми, слонявшимися без дела.

Стекло в машине выбивали такие же пацаны, что и эти двое, мирно попивающие минералку (очень интересный факт: именно минералку, а не пиво или джин-тоник, что выглядело бы естественней). Руслан в тот момент был дома — жил он на третьем этаже шестнадцатиэтажки — и после гулкого удара и срабатывания сигнализации успел выглянуть в окно и увидеть спины убегающих парней.

Эти двое, сидящие за торцом дома на бетонном бордюрчике, охватывающем лестницу в подвал, были одеты в точно такие же спортивные костюмы и белые кроссовки.

— Ваши документы, — почти вежливо попросил Руслан, останавливаясь возле парней с пакетом покупок в руке.

Молодые люди — одному можно было дать лет семнадцать, другому не более девятнадцати — подняли головы и непонимающе уставились на Руслана.

— Какие документы? — ломающимся баском спросил семнадцатилетний, белобрысый, с пушком на губах.

— Ваши, — терпеливо повторил Руслан, протягивая руку. — И побыстрей, пожалуйста.

— А ты кто такой, дядя? — прищурился второй, смуглолицый и черноволосый, явно выходец с Кавказа.

— Я местный участковый. Документы!

— Не свисти, — растянул рот в нехорошей улыбке смуглолицый, — мы участкового знаем. — Он встал и оказался почти такого же роста, что и Руслан. — Вали отсюда, дядя! Мы тебя не трогаем, и ты нас не трожь.

Руслан достал из-за ремня сотовик, нажал несколько кнопок, поднес к уху:

— Вася, ты на дежурстве? Быстро группу на Лодочную! Да, ко мне домой. Я тут задержал двух подозрительных парней. Думаю, это они у меня стекло выбили в машине неделю назад...

Молодые люди переглянулись и вдруг рванули прочь, не разбирая дороги, сломя голову, через кусты и штакетник, к берегу водохранилища, затем свернули к проходу между домами, ведущему на мост через канал.

— Увижу еще раз — покалечу! — крикнул им вслед Руслан, довольный произведенным эффектом; никакому дежурному он, естественно, не звонил, хотя мог бы, так как работал в оперативном Управлении по борьбе с терроризмом Федеральной службы безопасности.

Руслану Кострову исполнилось недавно двадцать девять лет. Отслужив в армии в десантных войсках два года, он закончил юрфак МГУ, с малых лет занимался рукопашным боем, много читал, увлекся эзотерикой и даже женился — в двадцать два года, но прожил с молодой красивой женой всего семь месяцев, после чего она ушла от него к бывшему командиру полковнику Щербатову, который увез ее потом в Киргизию. На этом семейная жизнь Руслана закончилась, и вспоминал он о ней редко, лишь в минуты меланхолии, дав зарок жениться только по расчету, а не по любви. С тех пор он жил один, изредка позволяя себе короткие, ни к чему не обязывающие знакомства и расставания без сожалений. Второй такой красивой женщины, как Саша, он пока не встретил.

В дом номер пять по улице Лодочной в Тушине, стоявший на берегу Химкинского водохранилища, он переехал недавно, всего около года назад, когда внезапно умер от сердечного приступа дед Руслана, Петр Мстиславович, доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией Тушинского института микротехнологий, и квартира досталась Кострову в наследство. С дедом он особенно дружен не был, заезжал изредка, раз в два-три месяца, да встречался с ним иногда на его же даче в Переделкине. Деда Петю мало кто любил из-за увлеченности того работой, которой он отдавал практически все время, почти не уделяя внимания семье, хотя, в сущности, был человеком незлобивым и рассе-

янным. Всем хотелось, в том числе сыну Петра Мстиславовича Ивану, чтобы известный ученый-физик хотя бы в выходные дни переставал быть исследовательской машиной и возвращался в семью чаще, чем два раза в год — в день рождения и на Восьмое марта.

Вырос Руслан в Крылатском, прожив вместе с отцом и мамой Таей двадцать пять с лишним лет (если не считать годы службы в армии) в двухкомнатной квартире. Зато после смерти деда в доме отца внезапно появился судебный исполнитель и зачитал завещание Кострова-старшего о передаче трехкомнатной квартиры в Тушине в собственность внуку. Так Руслан стал обладателем квартиры и вскоре переехал на новое место жительства, разобрал хлам, которым было забито дедово жилище, починил старую, но добротную, времен третьей чеченской войны мебель, переставил все по-своему и впервые в жизни почувствовал себя человеком, независимым от социальных условий. Правда, квартира его часто пустела из-за длительных командировок хозяина в разные регионы страны, однако когда Руслан возвращался, это становилось чуть ли не праздником, и в доме всегда собирались гости — либо приятели и друзья, либо отец с мамой и близкие (и не очень) родственники.

Если отец при этом бывал в романтическом настроении, он вспоминал времена своего героического похода в Башню и не менее знаменитого возвращения, каждый раз раскрывая такие удивительные подробности из мира Древа Времен, что слушатели потом долго качали головами, не зная, верить этим откровениям или нет. Но Руслан верил. Он знал отца слишком хорошо, чтобы не сомневаться в его правдивости, да и мама, прошедшая вместе с отцом огни и воды, всегда подтверждала его рассказы.

С тех странных и страшных времен прошло уже более тридцати лет. Отец после возвращения домой из миров Древа Времен некоторое время работал с Игорем Васильевичем Ивашурой в бригаде исследователей Башни, оказавшейся узлом выхода хронобура на Земле. Как убедительно доказал Ивашура (его данные подтвердили все, кто вышел вместе с ним, — Иван Костров, Таисия Былинкина и Вероника Крылова), Вселенная, давшая жизнь и разум человеку, оказалась лишь одной из бесчисленных Ветвей Древа Времен, каждый миг (квант времени) рождавшего новые Ветви. И вот в одной из таких «отпочковавшихся» Ветвей со своим ходом времени ученые реализовали проект «бурения» времени, создав гигантское сооружение — хроноквантовый ускоритель, он же — хронобур, или Ствол. В мире, где родились Ивашура и Костров, это сооружение после его выхода назвали Башней.

После того как растущая Башня принесла много бед и несчастий на многострадальную землю Брянщины, в недрах военных

кабинетов созрела идея нанести по ней ядерный удар. Однако благодаря Ивашуре и его друзьям это удалось предотвратить. А спустя некоторое время после ухода группы Ивашуры в Башню она взорвалась изнутри, превратившись в своеобразный гигантский «бутон лотоса». Такой она оставалась долгое время после возвращения группы, и лишь спустя двадцать пять лет начала подавать признаки жизни.

Некоторые участки «лепестков лотоса» стали искриться, светиться, обновляться, изменять форму и цвет, а затем в один момент все «лепестки» вдруг срослись, и Башня трансформировалась в огромную коническую скалу фиолетово-багрового цвета с серебристым налетом, с редкими входами-пещерами, постепенно затягивающимися сизо-фиолетовыми пробками. Спустя тридцать лет после взрыва Башня, окруженная пятиметровой стеной с колючей проволокой поверху, стала недоступной для исследователей.

Отец Руслана к тому времени уже не был связан с Башней. Отработав десять лет заведующим лабораторией Центра по изучению быстропеременных явлений природы, он ушел оттуда на преподавательскую деятельность в МГУ, где и работал по сей день на кафедре реконструкции всемирной истории. Изредка его вызывали для консультаций в Брянскую губернию к руководству Криптозоны, как стали называть Башню и все окружающее ее хозяйство, и тогда он выезжал из Москвы на несколько дней, возвращаясь задумчиво-рассеянным или вовсе хмурым. Отвечая жене на вопрос, отчего у него плохое настроение, поседевший и полысевший Иван Петрович говорил с легкой улыбкой:

— Да заела тоска по иным временам и пространствам.

Иногда он брал с собой в командировки сына, и Руслан хорошо изучил Криптозону и саму Башню, восхищаясь ее размерами и удивляясь продолжавшимся внутри нее процессам. Но по стопам отца он не пошел, не стал ученым или инженером, вдруг увлекшись проблемами безопасности страны и борьбой с терроризмом. Впрочем, не вдруг. В две тысячи восемнадцатом году от взрыва бомбы у памятника Пушкину, в самом центре Москвы, унесшего жизни тринадцати человек, погиб друг Руслана рижанин Валдис, и, когда следствие так и не выявило преступников, Руслан поклялся найти их сам.

Увы, не нашел, хотя и стал работать в Управлении по борьбе с терроризмом Федеральной службы безопасности.

Двадцать второго августа в известном московском ресторане «Богема» сработало очередное взрывное устройство, эквивалентное двумстам граммам тротила, и группу Руслана «Антей» бросили на расследование инцидента, хотя уверенности, что это теракт, не было. Подобным образом происходили и разборки между

криминальными структурами, не договорившимися между собой.

Взрыв произошел в кабинете хозяина ресторана в тот момент, когда он разговаривал с приятелем и охранником. Хозяин — Марат Усулганов, бывший претендент на президентское кресло (он участвовал в выборах дважды), — и охранник погибли на месте, а посетитель — известный актер театра и кино Прянишников чудом остался жив. Он и показал, что взорвался телевизор хозяина, метровый «Шарп», используемый Усулгановым в качестве дисплея новейшего компьютера «Интель-Марк-3», созданного на основе нанотехнологий. Однако эксперты группы вместе с коллегами центральной криминалистической лаборатории МВД не нашли ни одного следа взрывчатого вещества. Впечатление складывалось такое, будто взорвалась одна из комплект телевизора — компьютерная плата с высокой плотностью упаковки микросхем.

Во вторник после обеда Руслан встретился с руководителем экспертной бригады, доктором физхимии, полковником Полторацким в его кабинете в здании технического центра ФСБ на Лужковской набережной, и тот поделился с капитаном своими соображениями:

— Взрывы подобного рода стали нередкими в наше время и относятся к так называемым реакциям спонтанного фазового перехода в кристаллах с нарушенной симметрией. Хотя кое-кто из моих коллег пытается доказать, что виновата в этом нарушенная симметрия вакуума, из-за чего увеличилась амплитуда квантовых осцилляций. В компьютерных чипах с высокой плотностью примесей создается локальная нестабильность. Стоит «толкнуть» атомы определенным образом, как происходит цепная реакция сброса напряжений, причем на уровне холодных термоядерных реакций. А это есть взрыв. Но что, какой процесс является причиной таких самопроизвольных лавинообразных реакций, мы пока не знаем. Это, должно быть, весьма экзотический тонкий процесс, на уровне кварковых превращений. И лично у меня складывается вполне определенное мнение...

— Секретное? Мне его знать не положено?

— Почему? Я из своих исследований секрета не делаю. Я считаю, что за подобные нелинейные процессы должны быть ответственны изменения некоторых фундаментальных констант.

— Что вы имеете в виду?

Полторацкий, крупногабаритный, лысый, с окладистой седой бородой, снял очки и близоруко посмотрел на собеседника.

— Законы нашей физики базируются на так называемых базовых принципах или физических константах...

— Да, я помню школьную программу: принцип Паули, инва-

риантность, постоянная Планка, заряд электрона... гравитационная постоянная. Так?

Полторацкий надел очки, улыбнулся.

— В ваших познаниях я не сомневался. Так вот причиной спонтанных взрывных фазовых превращений может быть, во-первых, изменение массы электрона — где-то на десятые доли процента, во-вторых, увеличение амплитуды вакуумных осцилляций, о чем я уже говорил. Но предупреждаю — это мое частное мнение, и вашей работе оно вряд ли поспособствует. Во всяком случае, ваше начальство вряд ли отменит поиск террористов или конкурентов директора ресторана.

Так оно и оказалось.

Выслушав Руслана, полковник Варавва, его непосредственный начальник, предложил ему поменьше фантазировать и верить ученым бредням, а побольше заниматься своим непосредственным делом.

В пятницу капитан составил план первоочередных мероприятий по делу «теракта» в ресторане, озадачил группу, распределив обязанности каждого, и отправился на место происшествия.

Ресторан уже работал по полной программе, несмотря на гибель хозяина, а его место занял новый директор — бывший администратор Гольдич, суетливый человечек с рыхлым лицом и бегающими глазками. Ничего нового он, естественно, Руслану не сообщил, зато освободил место представителю официальной власти за столиком в хрустальном зале, за чешуйчатой стеклянной колонной, подсвеченной снизу и изображавшей пальму.

Здесь уже сидел мужчина средних лет с бледным землистым лицом, одетый в необычного покроя костюм — не то комбинезон, не то балахон строительного рабочего зеленовато-коричневого цвета. Посмотрев на Руслана вскользь ничего не выражающими яркими, буквально оранжевыми глазами и не ответив на приветствие, он отвернулся. Руслан проследил за его взглядом и увидел за столиком у стены пару: молодой человек боксерского вида с неприятным лицом типичного рэкетира беседовал с девушкой, очень красивой, с точеным смуглым лицом.

Она слушала его со сдвинутыми бровями и пылающими щеками, катая по столу шарик салфетки. Ее короткое фиолетовое платье приподнялось и открыло красивые стройные ноги, но девушка ничего не замечала, видимо, занятая ссорой или не слишком приятным разговором, и все время порывалась уйти, но собеседник хватал ее за руку, усаживал и продолжал что-то втолковывать.

Посидев минут сорок, но так и не дождавшись развязки этой беседы, Руслан иронически поблагодарил молчаливого соседа за

компанию и поднялся на второй этаж здания, где находился кабинет владельца ресторана. Показав охраннику удостоверение, еще раз зашел в опечатанный кабинет, где произошел взрыв, задумчиво постоял у развороченного стола. Вспомнились слова полковника Полторацкого: «это реакция спонтанного фазового перехода... изменилась масса электрона... увеличилась амплитуда вакуумных осцилляций...» Что-то стояло за этими узкоспецифичными терминами, отзвук некоего з н а н и я, тревожащего память. Нечто подобное Руслан уже слышал в беседах отца с друзьями, когда они вспоминали свои приключения. Уж не связан ли странный «теракт» с выходом в земную реальность н о в о г о Игрока? Ведь не зря же Полторацкий упомянул об учащении взрывов с фазовыми переходами: за последние несколько лет, по статистике Управления, только в России произошло восемь взрывов — рвались в основном дисплеи компьютеров и новейшие плазменные телевизоры. Интересно, сколько таких инцидентов произошло за рубежом?

Обойдя кабинет кругом, Руслан пообещал сам себе выяснить ситуацию в мире и решил посоветоваться с отцом. Тот мог знать и другие любопытные факты, говорящие в пользу последнего предположения Руслана о целенаправленном «просачивании» в земную реальность чужих физических законов, означающих вмешательство воли Игрока.

Проходя через зал, капитан отметил отсутствие красивой незнакомки и ее крутого партнера, уловил необычно сосредоточенный и заинтересованный взгляд мужчины в балахоне, потягивающего томатный сок, но не обратил на него особого внимания. В нынешнее время можно было встретить человека в еще более странной одежде, либо сильно пьющего, либо не пьющего вовсе. Мало ли кому придет в голову выпендриться и натянуть на тело то, что раньше считалось рабочей одеждой или вообще не годилось в качестве таковой! Садясь в машину, Руслан вдруг заметил брюнетку из ресторана в фиолетовом платье и задержался.

Очевидно, это был уже финал ссоры, начавшейся в зале ресторана. Девушка сбросила с плеча руку настырного молодого человека с манерами и внешностью рэкетира, быстро пошла со стоянки на улицу, но тот догнал ее, схватил за руку, дернул к себе. Девушка снова вырвала руку, но парень вцепился в нее, заломил ей руку за спину так, что она вскрикнула, потащил к белому «Мерседесу», в кабине которого сидели еще двое молодых людей. Дверца открылась, парень стал заталкивать девушку в кабину, влепил ей пощечину. Она снова вскрикнула, отталкиваясь ногой от машины, и сердце Руслана не выдержало.

Подойдя к молодому «боксеру» сзади, он тронул его за шею

особым образом, и у того сразу онемела рука, выкручивающая локоть подруги. Девушка вырвалась, посмотрела на Руслана полными слез глазами, пошла прочь, но ее перехватил вылезший из «мерса» мощного телосложения парень с короткой стрижкой, вернее, почти наголо обритый, с небольшим чубчиком над узким и невысоким лбом. Молодой человек, заталкивающий девушку в машину, оглянулся. Глаза у него были почти бесцветные, бешеные, с расширяющимися и сужающимися зрачками. Такие глаза обычно бывают у наркоманов, принявших дозу.

— Тебе чего, козел?!

Руслан глянул на девушку.

— Простите, что вмешиваюсь, но ваши знакомые, по-моему, немного перебрали. Если хотите, я отвезу вас домой.

Незнакомка, закусив пунцовую губу, судорожно кивнула. С румянцем на щеках, с большими миндалевидными серыми глазами, в которых стояли слезы, она была так необычайно хороша, что у Руслана екнуло сердце и он позавидовал тем, кто был с ней в приятельских отношениях.

— Ты чего, козел?! Не понял?! — опомнился «рэкетир», сунул левую руку под полу пиджака, собираясь, очевидно, вытащить оружие, и Руслан ткнул его указательным пальцем в кадык, не желая начинать «показательные выступления» по рукопашному бою. Затем, продолжая движение, ударил ногой по дверце «Мерседеса», отбрасывая назад начавшего вылезать водителя. Покачал пальцем перед глазами изумленного спортсмена с чубчиком.

— Не стоит продолжать в том же духе, парень, я сегодня не в настроении. Отпусти ее.

— Да я тебя!.. — кинулся на него атлет, вытягивая вперед кулаки-кувалды.

Руслан качнулся вправо, нанес ему мгновенный, незаметный со стороны укол сгибом указательного пальца в ямку за ухом — так называемый «серьгунок», и поддержал брюнетку под локоть.

— Пойдемте, вон моя машина стоит.

Девушка расширенными глазами посмотрела на своих приятелей, один из которых сполз на асфальт, держась за ухо, а второй уже сидел у машины спиной к колесу, перевела взгляд на капитана и, вырвав локоть, торопливо пошла прочь.

Вся эта сцена произошла так быстро, что почти никто из проходивших мимо стоянки людей не обратил на нее внимания.

Руслан пожал плечами, уже ругая себя, что ввязался в историю, его не касающуюся, грустно поплелся к своей «Мазде», поглядывая на исчезающую за углом стройную фигурку, оглянулся, услышав щелчок дверцы: это вылез водитель «мерса», получив-

ший удар дверцей в лоб, такой же накачанный, как и его приятели, с массивной стальной цепью на шее.

— Эй, братан! — прошипел он, держа руку под мышкой, где у него, судя по всему, находилась кобура с пистолетом. — Ты на кого наехал, знаешь?! Мы же тебя грязью сделаем, в бетон замешаем, язык вырвем, на всю оставшуюся жизнь немым будешь!..

Я умею молчать на семи языках, вспомнил Костров чей-то афоризм и незаметно из-под руки метнул в парня расческу. Пока тот отбивал мощной ладонью и доставал оружие, в прыжке ударил его ногой в грудь. Водитель перелетел через капот «Мерседеса», роняя пистолет, и исчез в траве под решеткой заборчика.

Кто-то несколько раз хлопнул в ладоши.

Руслан оглянулся.

На него смотрел тот самый мужчина в странном «строительном» балахоне, сосед по столу в ресторане. Несколько мгновений они оценивающе разглядывали друг друга, потом губы незнакомца искривила усмешка.

— Замечательная подготовка, господин капитан. Вы ни в чем не уступаете своему отцу. Помнится, он тоже был мастером боя.

Голос у мужчины с землистым лицом и яркими янтарными глазами был гортанный, говорил он по-русски чисто, но с каким-то необычным тонким акцентом.

— Кто вы? — мрачно поинтересовался Руслан. — И откуда знаете меня и моего отца?

— Меня зовут Мимо. — Еще одна кривая усмешка. — Ваш отец вспомнит меня. Прощайте, капитан. Надеюсь, мы еще встретимся. Догоняйте ту красотку, иначе потом пожалеете.

Незнакомец по имени Мимо (странное имя... или фамилия?) отступил и исчез. Будто растворился в воздухе. Ошеломленный Руслан повертел головой, пытаясь определить, куда он делся, потом махнул рукой и поспешил к машине.

Девушку в фиолетовом платье, которую Руслан освободил из рук невежливых парней, он увидел стоящей у перекрестка и голосующей. Подъехал, открыл дверцу, сказал с извиняющейся улыбкой:

— Боюсь показаться назойливым, но вам все-таки лучше было бы сесть в мою машину. Ваши знакомые сейчас очухаются и ринутся за вами. Садитесь и ничего не бойтесь, я не из их компании.

Девушка поглядела на поток машин, нахмурилась, о чем-то размышляя, потом тряхнула головой и села в кабину рядом с Костровым.

— Улица Лодочная, дом семь, если можно. Знаете, где это? Район Тушино.

Руслан невольно присвистнул, трогая машину с места.

— В чем дело? — повернула она к нему красивую точеную головку с короткой, но очень оригинальной стрижкой.

— Мы с вами соседи, я тоже обитаю на Лодочной, в доме номер пять.

Девушка пожала плечами, забилась в уголок сиденья и притихла, глядя перед собой остановившимися глазами. Она все еще переживала свой конфликт с «боксером» и его приятелями, показавшими себя во всей красе «крутого» воспитания.

— Как вас зовут? — поинтересовался Руслан.

— Надежда, — безучастно ответила она.

— Надя, значит. А меня Руслан.

— Меня зовут Надежда, — тихо, но твердо заявила девушка.

Желание разговорить ее, как-то утешить прошло. Но все же он не мог не предложить ей помощь, чтобы не показаться невежливым.

— Чего они от вас хотели? Я заметил вас еще в ресторане. Вы сидели неподалеку, у стеклянной пальмы.

— Это личное, — тем же тоном отозвалась Надежда.

— Может быть, я могу вам помочь? Я мог бы проводить вас до дому...

— Спасибо, я сама. — Девушка очнулась, огляделась, в глазах ее зажглись иронические огоньки. — Вы чрезвычайно любезны. Высадите меня у аптеки, пожалуйста.

— Но мы не доехали.

— Я выйду.

Руслан остановил машину за светофором, девушка открыла дверцу и выскользнула из кабины.

— Может быть, дадите свой телефон? — неуверенно спросил он.

— Это ни к чему.

— Тогда запомните мой на всякий случай. — Он назвал номер: три девятки, три шестерки и семерка. — Вдруг пригодится.

Надежда молча захлопнула дверцу, двинулась по тротуару в обратную сторону, но потом вдруг вернулась и быстро выговорила:

— Извините, что я так себя веду, вы ни в чем не виноваты. Обещаю: если понадобится ваша помощь, я позвоню.

Повернувшись, она быстро перешла на другую сторону улицы. Руслан, обрадованный таким поворотом событий, проводил ее взглядом и поехал домой. Затем внезапно вспомнил встречу со странным человеком по имени Мимо и решил немедленно встретиться с отцом. Сидеть весь вечер дома одному не улыбалось никак.

Отец и мама были дома: пили чай на просторной кухне в компании с незнакомым мужчиной с сединой в волосах и с умными цепкими серыми глазами. Одет он был, несмотря на лето, в блестящую серую водолазку и такие же брюки с серебристым отливом.

— Ты вовремя, — сказал Иван Петрович, обнимая сына. — Мама торт испекла, твой любимый — медовый. Познакомься — это Игнат Ромашин. Игнат... э-э...

— Филиппович, — подсказал гость, вставая из-за стола и протягивая Руслану крепкую руку.

Руслан задержал на нем взгляд, вспоминая фамилию гостя: где-то он ее уже слышал, — и отвел отца в прихожую.

— Папа, есть разговор.

— Срочный и секретный?

— Не очень срочный, но при твоем госте говорить неудобно. Я сегодня был в ресторане...

— Поздравляю.

— И встретил там интересного человека, — не отреагировал на тон отца Руслан. — Он отрекомендовался, что знает тебя, и передал привет.

— Представился?

— Он назвал себя Мимо.

— Как-как? — Иван Петрович изумленно поднял брови. — Повтори.

— Мимо.

Костров-старший несколько мгновений смотрел на сына как на вестника потрясений и перемен, затем быстро вернулся на кухню. Там заговорили, мама тихо вскрикнула, затем послышался голос отца:

— Руслан, зайди.

Сбитый с толку капитан повиновался. Его встретили три заинтересованных и взволнованных — каждый по-своему — взгляда.

— Как выглядел этот господин Мимо? — спросил Ромашин.

Руслан коротко и точно описал внешность и костюм незнакомца.

— Это он, — тихо сказала Тая, с каким-то страхом переглядываясь с мужем. — Неужели нам снова... — Она передернула плечами, посмотрела на сына и замолчала.

— Что происходит? — нахмурился Руслан. — Вы сидите, как заговорщики, и говорите загадками.

— Мы и есть заговорщики, — мягко улыбнулся Ромашин.

— Ты не помнишь его? — кивнул на гостя отец.

— Вряд ли он меня запомнил, ему тогда шел четвертый год, когда я был у вас в последний раз.

Руслан покачал головой.

— К сожалению, действительно не помню, хотя фамилия знакома...

— Игнат — комиссар службы общественной безопасности Земли двадцать четвертого века, — сказал Иван Петрович. — Естественно, Земли из другой Ветви Времен. Я тебе рассказывал.

Руслан наконец вспомнил фамилию Ромашина и те обстоятельства, с какими она была связана, по-новому взглянул на гостя.

— Вы в самом деле тот самый Ромашин... из другой Ветви?!

— Можешь потрогать и убедиться, — засмеялся Игнат. — Садись, поговорим, коль уж на тебя вышел сам бродяга по Ветвям. Что ты знаешь о Стволе?

— О чем? Ах, да... извините, у нас ваш Ствол называют Башней, я не сразу вспомнил.

— Может быть, не стоит его вовлекать во все это? — робко проговорила Тая.

— Рано или поздно ему все равно пришлось бы принять участие в Игре, — покачал головой Ромашин. — Да и парень он крепкий, бывалый и неженатый к тому же.

Руслан промолчал, не желая рассказывать о своем недавнем знакомстве с красивой брюнеткой по имени Надежда.

— Я знаю о Башне со слов отца. В нашей прессе о ней материалов не встретишь, все засекречены. Насколько мне помнится, Башня представляет собой кусок хронобура, выпавший в наше время. Так?

— Кусок — это сказано сильно, — хмыкнул Костров-старший.

Руслан покраснел.

— Ну, не кусок — часть хронобура, вернее, копия...

— Хроноквантовая копия, — уточнил Ромашин. — Еще Ствол... э-э... Башню можно назвать трактрисой времен, пространственноподобной «сверхструной» или многомерным пространственно-временным многообразием, а также надвременным топологическим тоннелем с квантованным выходом, соединившим множество Метавселенных — Ветвей Дендроконтинуума, то есть потенциально равноценных копий Вселенной. При материальном вытаивании Ствол... м-м... Башня соединила около двух триллионов Ветвей. Я живу в одной из «соседних» Ветвей, отделенной от вашей примерно тремя десятками выходов Ствола. Кстати, ближайшие к вашей Ветви мертвы.

Костров-старший посмотрел на Ромашина озабоченно.

— Я этого не знал. Почему мертвы? Из-за вмешательства прежних Игроков?

— Уточняю: жизнь в этих Ветвях имеется, в том числе и разумная, но Земля мертва. Копия вашей Земли, разумеется.

— Ядерная война? — догадался Руслан.

— По разным причинам. Где-то прошла ядерная война, где-то бактериологическая, а кое-где сработали «мины замедленного действия» типа эпидемий, вырвавшихся из военных лабораторий, либо всплески генетических изменений вследствие применения трансгенных продуктов.

— У нас тоже все шире используются такие продукты, — произнесла Тая. — Неужели последствия так ужасны?

— Дело в том, что генная инженерия относится к так называемым «божественным промыслам», или интеллигибельным технологиям, применение которых имеет непредсказуемые последствия. Жизнь на нашей Земле устояла лишь потому, что мы еще две сотни лет назад отказались от экспериментов на генах. Но не будем о грустном, возможно, ваши правители в скором времени запретят опасные технологии, отражающиеся на потомстве.

— Пока же статистика такова, — хмуро сказал Иван Петрович, — что во всем мире болен каждый второй человек! И тенденция эта увеличивается. Может быть, это следствие новой Игры?

— Не исключено, — кивнул Ромашин. — Я посетил уже около сотни кванк-Земель, и везде картина весьма неприглядна. У вас в особенности, если проанализировать факты. То, что все страны планеты без исключения охватил терроризм, прямое доказательство агрессии Игрока.

— Вы сказали — кванк-Земель? — заинтересовался Руслан, взглядом благодаря мать, которая налила ему чаю и придвинула тарелку с бутербродами.

— Кванк — это сокращенное «квантовая копия». Каждый предмет, объект, существо, даже каждый атом Земли и всей вашей Метавселенной имеет квантовую копию. Я лично знаком с полусотней моих кванков и двумя кванками твоего отца. Правда, твоих кванков пока не встречал. Но иногда бывают исключения. К примеру, я знаю человека, не имеющего своего кванка.

— Ясена? — прищурился Костров-старший.

— Совершенно точно, Ясена Жданова. Она родилась на планете Гезем, расположенной в своеобразном хронокармане, который не имеет квантовых продолжений. Да и сын Ясены и Павла почему-то существует в одном экземпляре, хотя, возможно, я просто не попадал в Ветви, где есть его кванки. Ствол ведь не трансгресс, он соединил не все Ветви Древа Времен.

— Почему? — спросил Руслан.

— Потому что принцип Паули действовал и во время его запуска, разрешая выходы хронобура только в миры с определенной плотностью вакуума.

— Разве вакуум имеет плотность? Это же пустота...

— Пустота, да не та, — усмехнулся Костров-старший. — Как говорил наш общий знакомый Атанас Златков, вакуум — это квантовая жидкость с ненулевой плотностью энергии. Есть даже гипотеза, что весь наш мир представляет собой многовариантное возбуждение вакуума типа вихрей, волн и узлов.

— Это не гипотеза,— покачал головой Ромашин. — В некоторых Ветвях Древа все именно так и обстоит. Но это тема отдельного разговора. Вернемся к вашей встрече с бровеем Мимо. Его появление здесь весьма символично и едва ли случайно. А выход на твоего сына, — Игнат посмотрел на Ивана Петровича, — означает одно: он явно ищет новых участников Игры.

— Наверняка мы утверждать этого не можем, — проворчал Костров. — Пока сам бровей не скажет, чего хочет.

Все трое оценивающе — Тая еще и печально — посмотрели на Руслана.

— Что вы на меня так смотрите? — криво улыбнулся капитан.

— Будь осторожен, сынок, — серьезно покачал головой Иван Петрович. — Возможно, ты знаешь то, чего не знаем мы, поэтому Мимо и объявился. Какие новости у тебя на работе?

— Все как всегда, — помрачнел Руслан. — Расследуем причину взрыва в ресторане «Богема»... — Он вдруг замолчал, глядя перед собой остановившимися глазами. — Господи! Кажется, я действительно влип с этим расследованием...

Руслан поймал взгляд матери, очнулся, залпом допил чай.

— Знаете, что мне сказал эксперт-криминалист Управления? Что взорвался микрочип, а не спецустройство с обычным взрывчатым веществом. Мы этого вещества и не нашли ни грамма. Полковник Полторацкий считает, что либо нарушена симметрия вакуума, либо изменились физические константы типа массы электрона, либо вообще произошел спонтанный фазовый переход в кристаллах с нарушенной симметрией. Это его слова. И таких взрывов, между прочим, зарегистрировано уже достаточно.

Костров и Ромашин переглянулись.

— Я предполагал нечто в этом роде, — кивнул комиссар из другой Вселенной. — Еще одно свидетельство того, что ваша Ветвь затронута «вирусом» воли Игрока. Пора что-то предпринимать.

— Что?

— Встретимся с Игорем Васильевичем и обсудим. А пока я с вашего разрешения откланяюсь.

Игнат встал из-за стола. Поднялись и Костровы, провожая

гостя к выходу. Ромашин пожал руку Руслану, поцеловал пальцы Таи и вышел вместе с Иваном Петровичем на лестничную площадку.

Тая обняла сына.

— Ты знаешь, я не трусиха, но мне почему-то страшно. — Она зябко вздрогнула. — Особенно за тебя. Уж очень ты любишь рисковать.

— Ничего, мам, все будет хорошо, — успокоил ее Руслан, думая о своем. — Вы же в свое время, когда были молодыми, выдержали испытание? Теперь наша очередь. Я считаю, дети должны идти дальше родителей. Да и не такой уж я рисковый, как тебе кажется.

Тая грустно улыбнулась.

— Думаешь, я не знаю, чем ты занимаешься на работе? Кто брал чеченца-смертника в Рязани? А кто весной пересек реку по тонкому льду под Пензой, чтобы зайти в тыл бандитам?

— Откуда ты знаешь? — хмуро удивился Руслан.

— Знаю и всегда переживаю за тебя. Да и не один ты такой, все твое поколение такое: чем тоньше лед, тем больше вам хочется проверить, выдержит ли он.

— Я больше не буду.

— Так я тебе и поверила. — Тая засмеялась, возвращаясь на кухню. — Еще чай будешь?

— Нет, спасибо, домой поеду. У меня сегодня был хлопотливый день, отдохнуть надобно.

Вернулся Иван Петрович.

— Уже уходишь?

— Да вот не уговорила остаться, — грустно вздохнула Тая. — Уж не ждет ли тебя там кто, капитан?

Руслан вспомнил знакомство с девушкой Надей, покачал головой.

— К сожалению, не ждет. А хотелось бы.

— О визите к нам Игната — никому ни слова! — понизил голос отец.

— Само собой. Зачем он вообще сюда прибыл? Я имею в виду Землю. И как он вышел из Криптозоны?

— У него свои секреты. А прибыл он для оценки ситуации и зондирования социума на предмет наличия эмиссаров Игрока. Ты правильно догадался: началась н о в а я Игра, и один из Игроков, похоже, не слишком озабочен соблюдением игровых правил.

— Но, насколько я понимаю, масштаб Игры намного превышает возможности отдельно взятого человека и цивилизации в целом. Или я чего-то не учитываю?

— Игра ведется на многих уровнях, в том числе на уровне че-

ловеческих, да и нечеловеческих, сообществ, не прошедших социальную стадию эволюции, хотя большинство людей воспринимает ее через призму общепринятых концепций, через кривые зеркала политики и экономики либо обычного мещанского подхода типа «моя хата с краю», «лишь бы меня не трогали» или «бери от жизни все!». К сожалению, подход властей к проблеме не намного отличается от мещанского. Им важно удержаться в кресле какое-то время, чтобы обеспечить себя и родственников на много лет вперед, а не изучать явление и принимать меры к его устранению. Их кредо: после нас — хоть потоп!

— Разве наши руководители не принимают никаких мер?

Костров-старший пренебрежительно отмахнулся.

— Сомневаюсь, что они знают истинную цену Башни. Вокруг нее всем сейчас заправляют силовики, это их золотая жила, приносящая колоссальный доход. Ты думаешь, к Башне подойти невозможно, все подступы перекрыты? Да, перекрыты, а пройти в Криптозону может каждый, способный за это заплатить.

— Не может быть!

— Может, сынок. Просто ты не копался в этом дерьме и не знаешь людей. Идеалистом я тебя воспитал. Хотя не думаю, что это плохо. Приходи к нам завтра вечером, может быть, появится новая информация.

— Обязательно.

Руслан попрощался с родителями и поехал домой, пребывая в состоянии какого-то необычного возбуждения. Интуиция подсказывала, что впереди его ждут интересные открытия и волнующие встречи.

* * *

Следующий день выдался не менее хлопотливым, чем предыдущий.

Руслан встретился с дюжиной людей, кто мог бы хоть в малой степени поспособствовать поиску «террористов», в том числе с Полторацким и с его другом, специалистом-физиком, работающим в одной из лабораторий Физико-энергетического института в Дубне и занимающимся теорией полевых взаимодействий. Физик подтвердил гипотезу Полторацкого о самопроизвольной инициации нового типа цепных реакций в полупроводниковых кристаллах, но помочь следствию советом — где искать виновника взрыва (не считать же таковым расшалившийся вакуум?) — не смог. Кроме того Руслан провел информационный поиск по Интернету и секретным сетям спецслужб в надежде наткнуться на более реальные идеи, объясняющие взрыв в ресторане, чем гипотеза Полторацкого, однако в этой деятельности не преуспел.

Лишь подтвердились данные, приведенные Полторацким, о нарастании случаев со взрывами компьютерной техники. В России их набралось уже полтора десятка (многие расследовались на местах, без привлечения специалистов из Москвы), в Европе — более полусотни, в Америке — около двух сотен.

Зато в результате копания в «паутине» вскрылся еще один любопытный факт: за последние два года участились сбои в компьютерных сетях, приводящие иногда к серьезным последствиям. И каждый день добавлял к статистическим сводкам по сбоям по два-три случая. Однако стоило Руслану попросить допуск в лаборатории Министерства обороны, занимавшиеся изучением и разработкой антихакерных технологий, как тут же последовал окрик «не мешать», и допуск ему, естественно, не дали. В результате капитан понял, что в недрах оборонки существует ряд закрытых лабораторий, тематика которых касается всех без исключения научных направлений, в том числе аспектов психотронного управления людьми, кодирования психики и усиления интеллекта, а также создания оружия на основе новейших открытий, таких, как теория спинторсионного поля, теория энергоинформационного обмена или процессы дистанционного влияния на компьютерные сети.

Второй вывод Руслан сделал позже, к вечеру, еще раз побеседовав с Полторацким. Технологии, с помощью которых можно было бы выводить из строя хорошо защищенные сети и базы данных, начали разрабатываться давно, еще в двадцатом веке, а их экспериментальная реализация в нынешние времена лишь подтверждала слова Ромашина о выходе в реальность Земли (и Ветви) «потока внимания» какого-то мощного Игрока, задумавшего подправить некоторые законы бытия Ветви или вообще ее «отсечь».

О своих выводах — с некоторыми сокращениями, разумеется, — Руслан доложил вечером полковнику Варавве, когда тот вызвал его в Управление. К удивлению Кострова-младшего, на сей раз полковник не стал обвинять подчиненного в беспочвенном фантазировании, молча выслушал и буркнул лишь, чтобы капитан поменьше болтал о своих открытиях с кем попало. В этот вечер был полковник хмур и озабочен, говорил мало, и Руслан спросил на всякий случай, не заболел ли он часом.

— Не бойся, капитан, моя болезнь не заразная, — ухмыльнулся Варавва, — старость называется.

Руслан внимательно посмотрел на полковника, которому недавно исполнилось пятьдесят четыре года, покачал головой.

— До старости еще дожить надо, Владимир Кириллович. Что случилось все-таки?

— Пока ничего. — Варавва, морщась, проглотил таблетку анальгина, запил водой, помассировал ладонью шею. — Но если мы будем продолжать копать дело о взрыве в прежнем темпе, что-нибудь непременно случится. Напрасно ты засветился с этим физиком из ФЭИ. На кой это тебе понадобилось? Знаешь, чем он занимается?

— Нет. Чем?

— Разве Полторацкий тебе не говорил?

— Нет.

— Раздолбай! Этот физик уже пять лет сидит в Криптозоне, изучает Башню и ее эффекты. Он редко появляется на свободе, а ты взял его и достал.

— Ну и что? Что тут такого криминального? Мы говорили о физических явлениях...

— Да о чем бы вы ни говорили, он — закрытый специалист! И мне уже звонили *сверху,* — Варавва поднял глаза к потолку, — интересовались, что ты за человек и зачем влез в доверие к спецу из Криптозоны.

— Чепуха какая-то! Мы действительно говорили о разных физических теориях и эффектах. К тому же меня познакомил Полторацкий, я не сам на физика вышел. Что же получается, я не имею права контактировать с нужными следствию специалистами?

— Имеешь, но не со всеми и только по согласованию. Короче, мне дали понять, что расследование взрыва в ресторане надо закрыть. Улавливаешь?

— Велики чудеси твоя, господи! — усмехнулся Руслан. — Вся эта мышиная возня начальства только подтверждает мою уверенность в том, что причина взрывов компьютеров нетривиальна, что в нашем мире что-то происходит на тонком уровне, а если кто-то это замечает, его начинают бить по рукам и отстранять от дела. Не так?

— Может, и так. Умный ты больно, капитан, весь в отца пошел, даром, что не рыжий, как он. — Варавва поморщился еще раз, достал из сейфа плоскую металлическую флягу, налил в колпачок прозрачной коричневой жидкости, выпил.

— Хочешь глоток? Коньяк. Молдавский.

Руслан отрицательно качнул головой.

— Тогда иди работай.

— То есть иди и сочиняй отчет об отсутствии состава преступления?

— Как раз наоборот: ты должен найти преступника, террориста или конкурента хозяина ресторана, которому была выгодна его смерть. Улавливаешь?

Руслан с изумлением посмотрел на полковника.

— Но ведь никакого конкурента не было, в телевизоре сам собой взорвался микрочип...

— Начальству нужен преступник — найди его! В противном случае нас с тобой уволят к чертовой матери за служебное несоответствие. Ты этого хочешь?

— Нет. Но и готовить «липу», искать несуществующего преступника, не хочу и не буду.

— Я все сказал. — Вараввa движением бровей показал Кострову на выход, снова налил себе коньяку. — Иди.

Костров направился к двери.

— Стой!

Капитан остановился, оборачиваясь.

— Ты прав, — сказал Вараввa трезвым голосом. — Нельзя подставлять ни в чем не повинного человека. Мы призваны защищать народ от террористов, а не спасать собственные задницы от гнева начальства. Делай то, что считаешь нужным, я подпишу твой отчет. Теперь иди.

— Спасибо, Владимир Кириллович.

Руслан щелкнул каблуками и вышел из кабинета в смятении чувств, унося в душе тоскливый взгляд Вараввы, понимавшего, чем он рискует. Поужинал в столовой Управления, еще раз встретился со своим замом старлеем Маркиным и поехал домой.

Вечер прошел в каком-то безрадостно возбужденном состоянии. Руслан не понимал, чего хочет душа, пока не сообразил — общения с женщиной! И тут же зазвонил телефон.

— Руслан? Извините, что я так поздно... вы меня вчера подвозили, помните?

— Надежда?! — не поверил ушам Костров. — А я только что подумал о вас! Прямо наваждение какое-то! Где вы?

— Дома. Не хочется проводить время в одиночестве. Не желаете составить мне компанию?

— Диктуйте адрес.

— Лучше давайте погуляем по берегу водохранилища, вечер такой чудесный.

— Давайте, — легко согласился Руслан, начиная лихорадочно соображать, что надеть на себя. — Где вас ждать?

— Напротив дома, на углу, где начинается асфальтовая дорожка на берег. Через десять минут.

Руслан несколько мгновений вслушивался в зачастившие в трубке гудки, не веря безусловной удаче, потом опомнился и помчался переодеваться.

Надежда появилась из подъезда в бело-голубом платье и босоножках на модном каблуке — ложечкой. Руслан галантно поклонился, поцеловал ей пальцы, и они направились по дорожке к берегу водохранилища, освещенному редкими фонарями.

Настроение у девушки действительно оказалось минорным, хотя она и пыталась бодриться, и Руслан, поощренный улыбкой фортуны, постарался его улучшить, превзойдя себя по части шуток и веселых историй, половину которых он выдумал на ходу. В конце концов его усилия не пропали даром, Надежда развеселилась, и вечер прошел весьма мило и непосредственно, как в юности, когда молодому Кострову очень хотелось произвести впечатление на одноклассницу, влюбленную, как было известно всей школе, в другого парня.

Они гуляли по набережной, спускались к воде, бросали камешки, потом сидели в кафе на улице Свободы, танцевали и снова гуляли по тихим и немноголюдным в это время улочкам Тушина, находя массу тем для разговоров.

В час ночи простились у дома номер семь на Лодочной улице. Руслан побоялся нарушить хрупкий мостик взаимопонимания и доверия, соединивший их, и не стал обнимать и целовать девушку, оценившую его сдержанность. Поцеловал ей руку, подождал, пока она войдет в подъезд, капельку разочарованный, что его не пригласили в гости. Спохватившись, что снова не взял номера телефона Надежды, кинулся в подъезд, вспомнив цифры кода домофона, которые набирала девушка, и остановился, словно наткнувшись грудью на стену.

Она уже входила в лифт, покорно склонив голову, а молодой бугай в черном костюме, тот самый, с которым она была в ресторане, подталкивал ее в спину. Вошел туда сам, оглянулся с непонятной усмешкой на Кострова, и двери лифта закрылись.

Оглушенный сюрпризом, Руслан повернулся к выходу и наткнулся на двух парней в черных костюмах, вошедших в подъезд с улицы. Один из них, с чубчиком на бритой голове, был Руслану знаком по инциденту возле ресторана: он помогал кавалеру Надежды запихивать ее в машину.

— Тебя разве не учили в школе, козел, не гулять с чужими девками? — осведомился верзила с чубчиком.

Его партнер, низкорослый, но широкий, как асфальтовый каток, с квадратным лицом, на котором лежала печать инфантилизма, хихикнул. Короткая стрижка и тяжелая челюсть превращали его в стандартного бандита, «шестерку» на побегушках у пахана.

«Чубчик» достал нож, поиграл им, вращая пальцами.

— Ну?

Руслан молча двинулся на парней, озадаченных его поведением. Парень с чубчиком даже выставил вперед нож, а его квадратнолицый приятель сунул руку под мышку. Воспользовавшись их коротким замешательством, Руслан уложил квадратнолицего ударом торцом ладони снизу вверх в нос, а «чубчику» вывернул руку с ножом, так что тот взвыл тонким голосом и согнулся, поскуливая.

— Разве тебе со школы не известна формула: за козла ответишь? Сколько раз ты меня обозвал козлом?

— Н-не помню... — взмок «чубчик».

— Зато я помню. — Руслан отвесил парню оплеуху, нажал на его локоть, заставляя согнуться в три погибели. — Кто вы такие?

— Отпусти!.. Больно же, коз!.. Мы же тебя изувечим!..

— Это я уже слышал. — Руслан нажал на предплечье парня сильнее, тот упал на колени, снова взвыл. — Спрашиваю в последний раз: кто вы? Почему преследуете Надежду? Кто тот белобрысый боксер, что ждал ее у лифта?

— Надькин... телохранитель... мы тоже... отпусти, дурак! Мы работаем в охране... тебе хана, если будешь пялить на нее глаза! Босс из тебя кишки выпустит!

— Ну, это мы еще посмотрим. От кого вы охраняете Надежду?

— Отпусти руку, с-сука!

Руслан хладнокровно качнул парня вперед. Тот врезался головой в бетонную ступеньку лестницы, охнул, снова заскулил.

— Я задал вопрос!

— Мы из охранного агентства «Бэтмен». Ты не представляешь, на кого наехал, хмырь! Надя — девушка босса, он тебя завтра же найдет и в канализацию спустит...

Руслан коротко врезал ребром ладони по складчато-мясистому загривку парня, отпустил его руку, попробовал ногтем острие ножа, глядя, как «чубчик» копошится на полу подъезда, постепенно оживая. Его приятель тоже начал подавать признаки жизни, сопеть и сморкаться.

— Передайте своему поганому патрону, что девушка сама должна решать, с кем ей быть и где гулять. Если он и дальше будет ограничивать ее свободу, я займусь им вплотную.

— Он из тебя кишки выпустит и на яйца намотает! — прохрипел «чубчик», поднимаясь и выхватывая пистолет. — Лечь! На пол!

Руслан перешел в т е м п, легко вывернул оружие из руки мордоворота, закрутил спираль приема и всадил ему локоть в область ключицы. «Чубчик» отлетел под батарею почтовых ящиков и затих. Руслан сплюнул, спрятал в карман пистолет и вышел, про-

вожаемый ошеломленным взглядом зашедшего с улицы мужчины.

На улице было темно, накрапывал дождик, фонарь в двадцати шагах в ореоле туманных капель не разгонял мрак в глубине двора, но капитан сразу почуял человека за будкой электротрансформатора. Взялся за рукоять пистолета, двинулся к будке, намереваясь выяснить отношения еще с одним представителем охранного агентства «Бэтмен», но человек в прозрачной накидке сам вышел к нему и оказался оперативником Маркина.

— Мы вас ищем везде, товарищ капитан, — прошептал он, пряча под полу куртки мобильник. — Вы не отвечали...

Руслан вспомнил, что не взял с собой сотовый телефон.

— Что случилось?

— Полковник Варавва ждет вас в Управлении. Убит полковник Полторацкий.

— Что?! — Руслан потрясенно уставился на мокрое лицо парня. — Как убит?! Когда?!

— В одиннадцать часов вечера, прямо в Управлении. Полковник Варавва вызвал его к себе, не дождался, вышел в коридор, а он лежит... с пулей в затылке.

Руслан несколько секунд хватал ртом ставший плотным воздух и стремительно зашагал к гаражам.

— Едем!

— Я на машине, товарищ капитан, могу подвезти.

— Хорошо. — Руслан свернул к своему дому. — Подожди немного, я переоденусь.

Через несколько минут он выбежал во двор в своей обычной рабочей одежде и нырнул в кабину подъехавшей «Волги».

* * *

Ночь не принесла никаких результатов и открытий.

Полковник Полторацкий, главный эксперт Управления антитеррора ФСБ, был убит из пистолета «пернач» калибра девять миллиметров, штатного оружия почти всех оперативников Управления, и отыскать киллера, естественно, не удалось. Ни охрана здания, ни задержавшиеся в своих кабинетах работники, в том числе и Варавва, выстрела не слышали. Убийца сделал свое дело и спокойно удалился, чтобы почистить пистолет и сделать вид, что он тоже поражен случившейся бедой. Из чего можно было сделать вывод: Полторацкий знал этого человека. Иначе не был бы так беспечен.

Всего в Управлении на момент убийства находилось одиннадцать сотрудников: майоры, подполковники, полковники и генерал, начальник Управления, но кто из них решил ликвидировать

Полторацкого, сказать было нельзя. Все они на первый взгляд не имели причин убивать криминалиста, пользующегося всеобщим уважением.

«Ствол», из которого стреляли, найти не удалось. Все изъятые у сотрудников пистолеты оказались чистыми, без следов пороховой гари. У восьмерых они вообще лежали в сейфах запыленными, у троих сверкали первозданной чистотой, будто были вычищены недавно. Однако эти трое как раз и были вне подозрений, потому что возглавляли целые отделы и подразделения: полковник Бурыга, подполковники Эйникис и Молчанов.

Утомленный бессонной и нервной ночью, Руслан поехал домой лишь в начале одиннадцатого утра, чтобы привести себя в порядок и позавтракать. Об отдыхе, естественно, не могло быть и речи, убийство Полторацкого потрясло и заставило работать интуицию и фантазию. Руслан был почти уверен, что эксперта убрали эмиссары Игрока, так как он ближе всех подобрался к разгадке причин происходящих событий. О том, что опасность теперь грозит и ему самому, не раз встречавшемуся с Полторацким, Руслан не подумал.

К вечеру окончательно стало ясно, что расследование взрыва в ресторане «Богема» зашло в тупик и его придется прекратить за «отсутствием состава преступления».

С одной стороны, это облегчало жизнь группы Кострова, с другой — вызывала подозрение торопливость, с какой высшее начальство в лице генерала Кирсанова отзывало лучшую группу в Управлении «для получения нового задания».

Сначала Руслан был уверен, что его привлекут к расследованию убийства Полторацкого, однако этого не произошло. Расследованием занялись волкодавы особой бригады собственной безопасности ФСБ, допросили капитана, интересуясь его контактами с Полторацким, после чего полковник Варавва посоветовал Руслану не вертеться на глазах у начальства и продолжать воспитание личного состава. Что имелось в виду, догадаться было трудно. Тогда Руслан плюнул на все интриги в недрах Управления и решил выяснить, что такое охранная контора «Бэтмен» и чем она занимается.

Вскоре обнаружились интересные факты.

Охранное агентство «Бэтмен» было создано около двух лет назад и занималось в основном охраной частных лиц. Но были среди его клиентов и кое-какие организации вроде частного фонда «Интерпресскон» и приборостроительный институт «Новая механика». Покопавшись в базах данных этих организаций, Руслан увидел знакомую фамилию и присвистнул про себя: директором института «Новая механика» был доктор энергоинформационных наук профессор Докучаев Н.Н. Удивление же капитана вы-

звало совпадение фамилий: Надежда тоже носила фамилию Докучаева. Теперь становилось понятным наличие у нее телохранителей: охраняли не только самого Докучаева, но и членов его семьи, — а также слишком настойчивое их присутствие. Директор «Бэтмена» явно имел виды на дочь охраняемого объекта, и его клевреты не давали ей ни малейшей возможности чувствовать себя свободной.

Чем занимался институт, руководимый отцом Надежды, понять было трудно. В досье на институт, хранящемся в банках данных Управления, говорилось лишь, что работники института «проводят исследования в области энергоинформационных взаимодействий». Тогда Руслан встретился с хакером из отдела компьютерных разработок Жорой Кучковым, с которым был дружен, и тот по его просьбе взломал секретные файлы Министерства обороны. Так у Кострова появились данные по работе «приборостроительного» института «Новая механика» и досье на Докучаева Николая Николаевича, отца Надежды. В частности, в материале указывалась тема, над которой уже пять лет работал Докучаев: «Применение некоторых нелинейных процессов Башни в создании неракетного оружия нового поколения».

И еще: фирма «Бэтмен» никоим образом не была частной охранной конторой, как, впрочем, и сам институт. Обе организации принадлежали сверхсекретной сети государственных служб Министерства обороны.

Руслан понял, что влез не в свои сани и что стоит немедленно из них выпрыгнуть, пока не сломал себе шею. Он знал, что случается с человеком, проникшим в секреты спецслужб, даже если этот человек — работник одной из них. Но душа жаждала встреч с дочерью Докучаева, умной, безусловно красивой и, судя по всему, не слишком счастливой, и Руслан решил посмотреть, что будет дальше.

Копаться в тайнах лабораторий Минобороны, занимавшихся Криптозоной, не стоило, но отказываться от продолжения знакомства с Надеждой не хотелось. Хотя занозой в памяти торчало видение закрывающейся двери лифта, нахально-торжествующая физиономия охранника и тихая, съежившаяся Надя.

К вечеру этого напряженного, насыщенного событиями дня Руслан устал настолько, что мечтал лишь добраться до кровати и лечь спать. Но тревожное ощущение чего-то забытого, недосказанного мешало сделать это. Понасиловав память, он очистил себя от шелухи эмоций и переживаний по поводу убийства Полторацкого, помедитировал и поймал-таки причину срабатывания «ложной памяти». Она была проста и незатейлива, как кукиш в кармане: Надежда так и не сказала ни слова о причинах конфликта со своими телохранителями в ресторане, хотя Руслан спраши-

вал ее об этом дважды. Вероятно, она не хотела встречаться с боссом «Бэтмена», и ее пытались уговорить. Так, во всяком случае, представил себе эту ситуацию Костров. Однако сама Надя ничего говорить не стала, сделала вид, что не расслышала вопроса.

В десять Руслан наконец добрался до дома, умылся, хотел сварить кофе, и в это время зазвонил телефон. В трубке раздался знакомый мелодичный голосок Надежды:

— Привет чекистам. Ты чем занят, Руслан Иванович?

— Ничем, — ответил Руслан честно, с одной стороны, обрадованный звонком, с другой — переживая укол ревности.

— Тогда, может быть, зайдешь в гости? Сегодня я одна. Мама на даче, папа поехал в командировку.

— А церберы твои с тобой? — вырвалось у капитана.

Молчание. Потом тихий надтреснутый голос:

— Если тебе больше нечего...

— Прости! — быстро перебил девушку Руслан. — Я не хотел тебя обидеть! Просто бешусь от ревности, и все. Мчусь к тебе, говори адрес.

Голос Надежды слегка повеселел. Она продиктовала номер квартиры, и Костров кинулся переодеваться, забыв об усталости, сдерживая нетерпение, волнение и фантазии. Очень не хотелось ударить лицом в грязь, показать себя с худшей стороны, очень не хотелось ошибиться в своих мечтах, но еще больше не хотелось играть на чувствах девушки ради получения информации об отце.

Он надел все белое — брюки, рубашку, туфли, захватил коробку конфет, купленную по случаю еще вчера (как в воду глядел, что понадобится!), бутылку шампанского и поспешил к соседнему дому, привычно отмечая глазом любое движение вокруг. Нервная система, специально тренированная для специфических нагрузок мастера перехвата, давно научилась прислушиваться к подсказкам подсознания, что не раз спасало Руслану жизнь во время задержания террористов. Не сработала она только в этот вечер, голова была занята предстоящей встречей с понравившейся девушкой. Лишь войдя в подъезд, Костров ощутил дуновение холодного ветра, но не обратил на него внимания, хотя идти дальше расхотелось.

Обычно в таких случаях Руслан сразу начинал анализировать ситуацию и искать виновника беспокойства. В данном случае он был не на работе и встреч с террористами не планировал. Его могли ждать только телохранители Надежды, а их он не боялся. Если бы понадобилось, он мог предъявить свое офицерское удостоверение сотрудника ФСБ.

Поднявшись на пятый этаж и никого не встретив, он нажал кнопку звонка Надиной квартиры. Дверь открылась. Он шагнул вперед, и тотчас же сработала сторожевая система организма,

уловившая дуновение угрозы или «ветра смерти», как говорили японские мастера единоборств.

Надежда стояла в глубине прихожей с прикушенной губой и смотрела на гостя, откинув назад голову, с ясно читаемым испугом в глазах. Она не могла открыть дверь сама, это сделал кто-то другой, но отступать было поздно, и Руслан метнулся вперед, нырнул на пол, перекувырнулся через голову, оглядываясь в падении и видя две мужские фигуры — за дверью прихожей и за спиной Надежды, вскочил... и все поплыло у него перед глазами от тяжелого и странного, м я г к о г о удара по голове, нанесенного не столько извне, сколько изнутри. Проваливаясь в беспамятство, капитан услышал полный боли крик девушки:

— Они меня заставили! Я не хотела! Не бейте его!..

После этого он потерял сознание окончательно.

Туман был белым и плотным, как молоко, таким густым и белым, что, казалось, его можно пить и даже резать ножом. Костров попытался облизнуть пересохшие губы, не чувствуя их, так ему вдруг захотелось пить, вознамерился было позвать кого-нибудь на помощь, чтобы ему принесли стакан воды или молока, но обнаружил, что не в состоянии сделать ни одного движения.

Попробовал пошевелиться — с тем же результатом. Зато стал рассеиваться туман перед глазами, в нем протаял розоватый светящийся овал, приблизился и превратился в размытое человеческое лицо с черными провалами глаз.

— Кто вы? — вяло поинтересовался Руслан, не слыша своего голоса.

— Гляди-ка, очухался ханурик, — донесся как сквозь вату чей-то тихий озадаченный голос. — Силен мужик, всего-то три часа и провалялся. Другие на его месте проспали бы сутки.

— Приведите его в сознание...

Костров почувствовал укол в грудь, и сразу вокруг все волшебно переменилось. Туман рассеялся, появилась обстановка спальни: трюмо, шкаф для одежды, люстра над головой, единственная, но очень широкая кровать, на которой лежал сам Руслан со связанными за спиной руками и стянутыми липкой лентой ногами.

В комнате находилось двое мужчин. Один сидел рядом на кровати, смуглолицый, с заметной сединой в красивых волнистых черных волосах, со слегка раскосыми глазами и чувственным ртом. Он сильно походил на Надежду. По-видимому, это и был ее отец, засекреченный ученый, имеющий отношение к исследованию Криптозоны и Башни.

Второй мужчина оказался «боксером», спутником Надежды, который ее опекал.

— Здравствуйте, Руслан Иванович, — сказал Докучаев. — Книжечку вашу мы нашли с фейсом и фамилией, так что знаем, с кем имеем дело. Как вы себя чувствуете?

— В общем и целом неплохо, Николай Николаевич, — попытался усмехнуться Руслан онемевшими губами.

Мужчины переглянулись. Молодой покачал головой, злобно поджал свои тонкие бледные губы.

— Я же говорил, что он знает больше, чем вы думаете.

— Рассказывайте, капитан, — проговорил Докучаев. — Зачем вам, сотруднику группы антитеррора «Антей», понадобилось следить за нами?

— Ни за кем я не следил, — скривился Руслан. — Все получилось случайно. Увидел вашу дочь в ресторане с этим хамоватым мудаком...

«Боксер» шагнул к кровати и ударил Руслана по лицу.

— Остынь, Михаил, — отстранил телохранителя Николай Николаевич. — Продолжайте, Руслан Иванович.

— Еще раз ударишь — убью! — глухо пообещал Руслан, слизывая с разбитых губ кровь.

«Боксер» снова замахнулся, но его остановил отец Надежды, недовольно проговорил:

— Дай побеседовать спокойно с человеком. Выйди на минуту.

— Но он очень опасен!

— Он связан и слаб после укола. Выйди.

Михаил бросил на Руслана злобно-предупреждающий взгляд и вышел.

— Он хороший телохранитель, — посмотрел ему вслед Николай Николаевич, — но иногда переходит все границы. К тому же ревнив.

— Собственно, из-за этого я и вмешался тогда, увидев, как он ведет себя с вашей дочерью. В тот момент я не знал, что Надя — ваша дочь.

Докучаев нахмурился.

— Он себе что-нибудь... позволил? По отношению к Наде?

— Не знаю их отношений, но вел он себя совершенно по-хамски. Пришлось вмешаться и отвезти вашу дочь домой, благо мы соседи. С этого все и началось. О том, что вы работаете в лаборатории и на оборонку, я узнал только сегодня... вернее, вчера. Развяжите меня.

Докучаев покачал головой.

— Вы становитесь опасным свидетелем, капитан. Боюсь, вас не спасет ни ваш непосредственный начальник полковник Варавва, ни руководитель Управления генерал Кирсанов. Уж очень

глубоко вы нырнули в наше ведомственное болото. Небось проверили, чем мы занимаемся?

— Не успел, — пошевелился, меняя позу, Руслан. — Знаю только, что вы работаете в Криптозоне и занимаетесь исследованием энергоинформационных процессов.

— Это все?

— Все!

Докучаев с сомнением пригладил пальцем бровь.

— Хотелось бы верить... хотя это все равно проблемы не решает. Вы не должны были вмешиваться в наши дела.

— Я же говорю, что не вмешивался! — разозлился Руслан. — Ну, побил ваших «шестерок», так они того заслуживали!

В комнату заглянул Михаил.

— Пациент плохо себя ведет, Николай Николаевич?

— По его словам, ты ведешь себя не лучше. Что же с ним делать?

— Отдайте его нам! Он тихо исчезнет, никто никогда не найдет.

— Ты не знаешь его отца. Тот докопается. Надо сделать так, чтобы он все забыл, а Наде сделать внушение, чтобы случайно не проболталась.

— Сделаем.

— Надя тоже в вашей компании? — горько усмехнулся Руслан.

— В каком смысле? Она моя дочь, но, конечно же, к моей работе никакого отношения не имеет. А так как она очень самостоятельна, ее свободу приходится ограничивать. Но не так, как ты это делал. — Докучаев с мрачной иронией посмотрел на телохранителя. — С этого момента ее будет сопровождать другая тройка.

— Но я же...

— Ты понял?

— Понял, — сник Михаил, одарив Руслана таким взглядом, что тот невольно напряг мышцы, пытаясь разорвать путы на руках.

— К сожалению, — продолжал Николай Николаевич, — Надя в последнее время совсем отбилась от рук, не слушается, самовольничает, знакомится с кем попало и так же, как и вы, становится непредсказуемо опасным свидетелем. Мне, очевидно, к глубокому прискорбию, придется принимать адекватные меры.

— Случайно не такие, какие были применены к полковнику Полторацкому?

Докучаев озабоченно нахмурился.

— Почему вы решили, что полковника убрали мы? Ведь он ваш работник. И убили его прямо в Управлении.

— Я не решил, просто фантазия разыгралась.

— М-да... — Николай Николаевич пожевал губами, встал, походил по комнате. — Может быть, завербовать его в нашу контору?

— Да на хрен он нам сдался? — оскалился «боксер». — Своих лохов хватает.

Докучаев улыбнулся.

— Да уж, соперник он сильный. Руслан Иванович, вы действительно не знаете, чем мы занимаемся?

— Не люблю повторяться.

Докучаев снова пригладил бровь, дернул себя за нос, решая какую-то проблему, прошелся вокруг кровати.

— Есть одна идея... — Он посмотрел на телохранителя. — Принеси мой кейс.

Михаил вышел и через минуту принес малиновой кожи «дипломат» с электронным замком. Николай Николаевич открыл его и достал необычной формы огромный пистолет с коротким и толстым, но без отверстий, коричневым дулом.

— Знаете, что это такое?

Руслан отрицательно покачал головой.

— Эту машинку мы обнаружили в Башне около двадцати лет назад, когда она еще была доступна. Долго ломали голову, что это такое, пока не разобрались. Так вот перед вами очень мощный универсальный психотронный генератор, способный запрограммировать любое живое существо. Я подключился к проблеме всего пять лет назад и решил ее. — Докучаев усмехнулся. — Честно говоря, мне хотелось перед кем-нибудь похвастаться, так уж вышло, что это оказались вы. Разумеется, со всеми вытекающими последствиями.

Руслан встретил взгляд ученого и понял, что тот имел в виду.

— Вы хотите с помощью этого... программатора... закодировать меня?

— Моя дочь редко ошибается в людях, — вздохнул Докучаев. — Вот и вас она оценила правильно. Вы слишком умный, сильный и романтичный мужчина, капитан. А это, как вы понимаете, перебор. Придется вас действительно закодировать, хотя и не с помощью этого страшилища. Оно создано, по словам Игоря Васильевича Ивашуры, не на Земле и не людьми. А мы на его основе создали свой генератор.

Докучаев уложил тяжелый с виду пистолет в кейс, закрыл, перевернул и открыл. В отделении с другой стороны «дипломата» лежал сверкающий хромированными деталями еще один пистолет, более изящный, с длинным гофрированным дулом красного цвета.

— Знакомьтесь, Руслан Иванович, это наш опытный образец пси-генератора «кобра». — Докучаев достал свое детище и тре-

петно погладил его ствол. — Он намного легче прототипа и, хотя работает пока неустойчиво, скоро пойдет в серию. А до ума мы его доведем.

Руслан посмотрел на восторженно-увлеченное лицо ученого с горящими глазами, лицо фанатика своего дела. Отцу Надежды было плевать на весь мир, лишь бы ему не мешали. О последствиях применения своих разработок он не задумывался.

ГЛАВА 4

Они собрались в квартире Ивана Кострова в девять часов утра: бывшие «хронодесантники» Игорь Васильевич Ивашура, слегка располневший, но сохранивший живость ума и присущую ему решительность, жена Ивашуры Вероника Даниловна, сам Иван Петрович, Тая (Таисией Николаевной ее никто не называл, выглядела она всего на тридцать) и бывший полковник военной контрразведки Олег Борисович Гаранин. Он облысел, но держался бодро и часто шутил, повторяя: из двух совершенно одинаково умных людей лысый умнее.

Помянули погибших в походе Мишу Рузаева и Сурена Гаспаряна. Помолчали. Потом вспомнили свои приключения и разговорились. А в самый разгар воспоминаний появился еще один гость — Игнат Ромашин, бывший Судья уровня социума в прошлой Игре. Гаранин был единственным, кто его еще не знал.

Их представили друг другу, и беседа возобновилась.

— Ну, и как вам там живется, в параллельных измерениях? — поинтересовался бывший полковник. — Хуже или лучше, чем у нас?

— Смотря по каким параметрам сравнивать, — усмехнулся Ромашин, накрывая рюмку ладонью: алкоголя он не употреблял. — Дело в том, что в нашей Ветви развитие социума пошло несколько иным путем. У нас на всей Земле победил коммунизм.

— Завидно! — крякнул Гаранин, с силой приглаживая голый череп. — Хотел бы я пожить у вас какое-то время, посмотреть, чем вы дышите. Небось техника у вас на высоте?

— Куда ж без нее? Разумеется, уровень техники высок, хотя и не максимален. Мой кванк из «опередившей» нас Ветви утверждал, что их техника слилась с природой и подчиняется мысли человека. Земля у них представляет одну колоссальную зону работы-отдыха, изменяющуюся в соответствии с желаниями жителей.

— А разве ваша техника не поддается мысленному контролю?

— Скажем так: не вся, в разумных пределах. Мои соотечественники не все обладают необходимой сдержанностью и точностью мысли. К сожалению, и при коммунизме социум рождает

людей с извращенной психикой, властолюбцев, агрессоров и даже отморозков, если пользоваться вашими терминами.

— Даже так?!

— Это объективное явление. Социальная стадия эволюции разума во Вселенной — самая низкая из всех. Древо Времен же реализует все стадии без исключения, на то оно и Древо Воли Творца.

— Разве бывают еще какие-то стадии?

— У самого социального уровня насчитывается множество подуровней. Вспомните квисторию: каменный век, бронзовый, железный, этнокультурный...

— Что еще за квистория?

— Ах да, — спохватился Ромашин, — у вас же еще нет этой науки. Квистория — квантовая история, наука, изучающая вероятностные модели исторического развития цивилизации Земли на всех ее копиях. У нас эта наука появилась почти сразу вслед за созданием и запуском хронобура. Так вот, отвечаю на ваш вопрос о стадиях развития цивилизаций. Лично я знаю четыре стадии: социальная, толерантная, духовной интеграции, энергоинформационной интеграции. Самая длительная из всех — социальная, и она же — самая ранимая и непредсказуемая. Чаще всего цивилизации биологического цикла гибнут именно на этой стадии. Вообще цивилизаций, переживших социальную стадию, мало, зато они потом идут по пути развития достаточно стабильно.

— А есть цивилизации небиологического цикла?

— Сколько угодно.

— Однако на эту тему можно говорить долго, — прервал Иван Петрович поток вопросов Гаранина. — Давайте вернемся к нашим проблемам.

— Я еще не все выяснил, — с сожалением проговорил Олег Борисович. — Вряд ли потом удастся поговорить свободно. Последний вопрос можно?

— Валяйте, — с улыбкой в глазах кивнул Ромашин.

— Как у вас с модой?

Мужчины переглянулись. Женщины, прислушивающиеся к разговору, переглянулись тоже и засмеялись. Гаранина это не смутило.

— Это я к тому, что у нас начали носить нечто невообразимое и безобразное, глядеть тошно. Мало того, что почти перестали носить пиджаки и галстуки, так все норовят нарядиться в спортивные костюмы, колготки, кепи, шорты и майки. Даже на официальных приемах мужики стали появляться в свитерах и безрукавках! А вы прибыли в нормальном цивильном костюме.

— Спортивная одежда удобна, — пожал плечами Ромашин, — вот и носят. Просто мода в компьютерном веке стала более праг-

матичной. Дома перед монитором гораздо удобнее сидеть в халате, пижаме или в трусах и майке, а не в приталенном костюме. И еще большую роль играет технология изготовления одежды. У вас до сих пор используются естественные материалы на основе льна, хлопка и шелка, а наши уники — многодиапазонные костюмы из жидкокристаллических материалов с трансформацией формы, они могут изменяться в широком спектре существующих стилей. Например, я могу ходить вот так.

Ромашин что-то сделал, и на глазах изумленных зрителей его блестящий пуловер и брюки с искрой превратились в роскошный белый костюм со множеством деталей, с поднятыми плечами, рюшами, воланами и стоячим воротником.

— Нравится?

— Бесподобно! — проворчал Гаранин.

Все засмеялись.

— Как называется это безобразие? — поинтересовалась Вероника.

— Джансин, костюм для торжеств. Вы удовлетворены, Олег Борисович?

— О да! — с чувством сказал Гаранин.

Все снова засмеялись.

Ромашин шевельнул рукой, и белый костюм превратился в обтягивающую торс водолазку и брюки.

— Итак, на чем мы остановились?

— А как у вас шло развитие науки и техники? — Олег Борисович виновато посмотрел на остальных, но не увидел на лицах осуждения, все заинтересовались ответом.

— Примерно так же, как и у вас. В две тысячи первом году, если память мне не изменяет, организовалась глобальная сеть мобильных телефонов с выходом на спутники. В две тысячи втором нашли прививку от аунримы — это аналог вашего СПИДа. Разработали всемирную сеть видеотелефонов. В две тысячи пятом, — Ромашин с улыбкой в глазах посмотрел на Гаранина, — открыли эффективное средство против облысения.

— Да я уже привык, — под общий смех сказал Олег Борисович, погладив лысину.

— На Марс первая пилотируемая экспедиция отправилась у нас в две тысячи восемнадцатом году, на Венеру — в две тысячи двадцатом. В две тысячи пятидесятом заработал первый термоядерный реактор. В две тысячи сотом ученые научились «доить» вакуум и делать «энергоконсервы» на основе МК — мини-коллапсаров, что сразу подтолкнуло выход в Галактику космической индустрии. Заработали первые станции метро. Ну, и так далее.

— Ясно, — хлопнул ладонью по столу Костров. — Теперь по-

говорим о том, ради чего мы собрались. Что вам удалось выяснить, Игнат?

Ромашин посерьезнел.

— Положение хуже, чем я ожидал. Подступы к Стволу охраняет армия, но руководит всей Криптозоной эмиссар Игрока Леонид Данилович Козюля, бывший генерал, бывший советник президента, а ныне — зампредседателя Совета безопасности. Ему помогает еще один тип — доктор наук Тьмаревский, и я подозреваю, что он запрограммирован на определенного рода деятельность. Мало того, военспецы двух десятков лабораторий, работающих в Криптозоне, заняты не столько изучением феноменов Башни, сколько разработкой новых видов оружия, и некоторые из них весьма сильно продвинулись в своих областях. Особенно лаборатория Докучаева: эти ребята работали с программатором...

— Где они его нашли? — удивился Ивашура. — При мне никто таких вещей не находил.

— Где они раздобыли программатор «хронохирургов», я не знаю, но факт остается фактом. Докучаев докопался до принципа работы программатора и создал свой суггестор «кобра». Вряд ли об этом не знает эмиссар. Думаю, как раз с его подачи и началась разработка психотронных супергенераторов, способных воздействовать на всех существ биологического цикла.

В гостиной Костровых стало тихо. Потом шевельнулся Олег Борисович, с прищуром глянул на Ромашина.

— Откуда у вас эти сведения, комиссар?

— От верблюда, — с иронической усмешкой ответил Игнат.

— Ты забываешь, что он — бывший Судья, — сказал Ивашура. — У него должны были остаться технические средства съема информации из любых источников. Не правда ли, Игнат?

— Совершенно верно, Игорь Васильевич. Кое-что в моем распоряжении оставили после окончания Игры. Не технику — з н а н и е приемов и методов управления пространством и временем. Хотя многое пришлось забыть. Но путешествовать по Ветвям я могу почти свободно. Через Ствол, конечно, хотя тут уж ничего не поделаешь. Трансгресс мне, к сожалению, неподвластен.

— Так вы уже заделались бровеем? — мягко пошутила Вероника.

— Ну что вы, Верочка, до бровея мне далеко. Это уже совсем другой уровень реализации возможностей. Бровеи могут выходить из потока времени и сопротивляться необходимому действию.

— Что это значит?

— Это значит, что они независимы от условий Древа Времен.

У меня даже есть подозрение, что бродяги по Ветвям — е д и н с т в е н н ы е зрители Игр. И заказчики.

— Мы снова отвлеклись, — недовольно сказал Костров. — Игнат, Олег Борисович не в курсе событий, можно, я в двух словах обрисую ситуацию?

— Разумеется, какие могут быть возражения?

Иван Петрович поставил на стол бокал с шампанским, посмотрел на Гаранина, сдвинув брови, и рассказал ему все, что знал сам. Молчание на сей раз длилось дольше, несколько минут. Опытные профессионалы-«хронодесантники» спокойно продолжали завтракать, пить чай и кофе, поглядывая на замолчавшего Гаранина, и думать о своем. Наконец бывший полковник военной контрразведки привычно пригладил лысину и медленно проговорил:

— Я не понимаю, что можем в этой ситуации сделать мы — люди. По-моему, ни один уровень Игры нам сейчас не доступен.

— Ошибаетесь, — тихо возразил Ромашин. — Мы не можем повлиять непосредственно на Игрока или отменить его ход, но мы можем — и обязаны! — помочь тем, кто м о ж е т это сделать.

— И что, уже есть такие гиганты? — иронически хмыкнул Гаранин.

— Да, это наш знакомый Павел Жданов. Точнее, разумно-исполнительная система кванков Жданова. В настоящее время многие из них застряли в «засыхающих» Ветвях, попали в засады и ловушки по воле эмиссаров Игрока и не могут выбраться самостоятельно. Им надо помочь освободиться и собрать всех вместе, чтобы образовалась с т а я единого духовного наполнения и воли. Возможно, это заставит Игрока, начавшего Игру на свертывание наших Ветвей-Метавселенных, прекратить играть не по правилам.

— Но вы не уверены в том, что это возможно?

— Не уверен, — не отвел взгляда Игнат. — Однако у нас нет иного выхода! Необходимо создать команду, которая никем не контролируется и никому не известна. Для чего надо действовать тихо и аккуратно, чтобы не насторожить местных эмиссаров.

— Кто возглавит эту команду? Вы?

— Нет, я слишком заметная фигура, меня не пропустят так далеко, как надо пройти. Руководителем избран молодой человек, квистор с задатками оператора, сын Павла Жданова и Ясены, аборигенки из «тупиковой» Ветви. Хотя сам он еще не знает об этом. Его зовут Ивор, и он будет ждать отряд на родине матери.

— С задатками кого? Вы сказали — оператора...

Ромашин привычно наметил улыбку.

— В понятии ваших соотечественников термин «оператор реальности» соответствует термину «волшебник». Или маг.

— Понятно... — Гаранин озадаченно оттянул губу, спохватился. — Хотя что я говорю?! Ничего мне не понятно! Маги — это ведь из фольклора, сказочные персонажи, а я человек сугубо материальный и простой.

— Поверили же вы в Древо Времен, поверите и в людей, обладающих магическими способностями.

— А что такое «тупиковая» Ветвь? Как Вселенная может быть «тупиковой»?

— Некоторые Ветви дальше не ветвятся, не разделяются на квантовые копии в силу каких-то неведомых нам запретов. Еще загадка, почему наш Ствол-Башня вышел в реальность этой Ветви.

— Но я все же не вижу, кто может возглавить команду здесь, у нас, — проговорил Ивашура. — Нам всем за шестьдесят, воинские нагрузки уже не каждому по плечу.

— Надо искать людей, единомышленников, — сказал Гаранин. — Я попробую отыскать парочку подходящих ребят.

— В принципе я знаю Ветвь, где на ее Земле живут очень интересные люди, — сказал Ромашин. — Железовский, Берестов, Панкратов... очень мощные личности. Особенно Железовский. Весьма колоритная интеллектуальная фигура. Можно было бы предложить им присоединиться к команде. Но у них своих проблем полон рот: сложные контакты с негуманами, встреча со сверхоборотнем — реликтовой формой жизни, сформировавшей миллиарды лет назад законы физических взаимодействий их метагалактического домена — Ветви. Они назвали это сверхсущество Конструктором. Кстати, их Ветвь тоже «тупиковая» и на кванки не делится.

— Нет, если уж браться за дело, посылать отряд, то со своим командиром, — твердо сказал Костров. — Предлагаю на этот пост своего сына. Он в курсе всех событий, мастер боя и ответственный человек.

По гостиной поплыло молчание. Все почему-то посмотрели на Таю. Мать Руслана слабо улыбнулась.

— Я не возражаю... хотя и боюсь за него. Но наш мальчик справится, я уверена.

— Он не мальчик, но мужчина, — проговорил Ивашура. — Пожалуй, лучшей кандидатуры не найти. Но согласится ли он?

— Позвони ему, — посмотрел на жену Иван Петрович, — пусть подъедет. Хотя вырваться ему с работы будет трудно, у них там ЧП: убит главный эксперт Управления полковник Полторацкий.

Гаранин крякнул:

— Эт-то еще что такое?!

— Подробностей пока не знаю, но Руслан расскажет.

В дверь вдруг позвонили.

Костровы переглянулись.

— Ты кого-нибудь ждешь? — глянул на Ивана Петровича Ивашура.

— Как будто нет...

Костров вышел в прихожую, открыл дверь, послышались голоса, и в гостиную вошел Руслан. Но в каком виде! Лицо разбито, над бровью ссадина, губы и нос распухли, рубашка вся в крови и разорвана, белые брюки тоже в пятнах крови. Но в глазах — ни тени страха, спокойная уверенность в себе и виноватая озабоченность, будто он заранее извинялся за появление в таком виде перед честной компанией.

Вскрикнула Тая, бросаясь к сыну. Мужчины встали.

— Что случилось?! — осведомился Костров-старший, входя вслед за сыном. — Ты с кем-то подрался? На тебя напали?

— Кошки, — растянул губы в кривой улыбке Руслан, успокаивающе погладил по руке подбежавшую к нему мать. — Все в порядке, я жив и здоров. Сейчас умоюсь, приду в норму и все расскажу.

Он вышел, сбрасывая на ходу рубашку, заперся в ванной. Тая, потрясенная и бледная, вернулась в гостиную.

— Ничего, не в первый раз, — проворчал Иван Петрович, обнимая жену. — Работа у него такая нервная. Наверное, участвовал в какой-нибудь операции по задержанию бандитов. Пора бы уж привыкнуть

— Никогда не привыкну! — всхлипнула Тая. — Он такой бедовый! Везде первым норовит быть, особенно там, где опасно.

Четверть часа прошло в молчании, лишь звякали ложки о края чашек — мужчины нервно пили чай, вздыхали женщины, да шелестела одежда. Наконец Руслан вышел из ванной комнаты в полосатом халате, вытирая волосы полотенцем. Кровь с лица он смыл, и, хотя синяки и ссадины остались, а губы напоминали оладьи, выглядел он уже не таким страшным, как прежде.

— Рассказывай, не тяни душу, — бросил Иван Петрович, сдерживаясь.

Руслан сел за стол, налил стопку рома и выпил. Морщась, сунул в рот дольку лимона, потом прожевал кусок буженины и начал рассказ...

— Полежите немного, — сказал Докучаев, направляясь к двери, — я сейчас составлю программу и вернусь.

Руслан дернулся, напрягаясь до боли в предплечьях, так что ремень врезался в кожу рук, но ослабить путы не смог.

— Да не переживайте вы так, — оглянулся Николай Николае-

вич. — Кодирование — безболезненная операция, вы ровным счетом ничего не почувствуете, разве что уснете, а когда проснетесь, будете послушным и начнете сотрудничать с нами.

Он вышел.

В комнате остался закуривший телохранитель. Воровато оглянувшись на дверь, он подошел к кровати и ударил Руслана по лицу.

— Это тебе за откровенность, козел!

В то же мгновение Руслан, изогнувшись, нанес ему удар ногами в челюсть. Михаил едва не проглотил сигарету, взмахнул руками, отлетая в угол, с грохотом разбил трюмо.

— Ах ты, б...! — Он выплюнул сигарету, схватился за пистолет, и в это время в спальню заглянул Докучаев. Кинул взгляд на разбитое зеркало, на Руслана с поджатыми к груди коленями, поманил пальцем Михаила:

— Выйди!

Телохранитель спрятал оружие под мышку, шагнул из комнаты, прохрипел, оглянувшись:

— Мы еще договорим!

Дверь закрылась.

Руслан расслабился. Откинулся на подушку, опустил ноги, отдыхая. Потом начал изучать интерьер, пытаясь найти выход из положения. Взгляд упал на осколки зеркала.

Решение созрело мгновенно.

Руслан спустил ноги на пол, потом вообще сполз на паркет и подкатился к трюмо, выбирая осколок поострее. И в этот момент в комнате появился человек. Руслан замер, не веря глазам. На него с непонятной полуусмешечкой смотрел тот, кто назвал себя Мимо. По словам отца — бродяга по Ветвям Древа Времен.

— Положение ваше, однако, незавидное, — промолвил бровей Мимо, оглядывая спальню. — Как вас угораздило так опростоволоситься, капитан?

— И на старуху бывает проруха, — буркнул Руслан. — Лучше помогите освободиться.

— Это не входит в мои обязанности. Вы должны выпутываться из таких положений самолично, а лучше не попадать в подобные ситуации.

— Спасибо за совет, я его уже где-то слышал. Это все, что вы можете себе позволить?

— Могу немного придержать время, — показал бледную улыбку бровей; зубы у него имели зеленоватый оттенок. — Если это вас устроит.

— Вполне. — Руслан с трудом пристроил осколок зеркала между рук, порезавшись не один раз, начал тереть им ремень, стягивающий запястья. — Как вы здесь оказались?

— Случайно проходил мимо, — с иронией сказал бровей.

Руслан скривил губы.

— Ваше имя случайно не отражает суть характера, если вы всегда проходите мимо?

— Подмечено верно, — кивнул без улыбки Мимо, останавливаясь напротив сидевшего на полу Кострова. — Это характерная особенность всех бровеев. Вы уверены, что справитесь с возникшей проблемой?

— Справлюсь, — пообещал Руслан. — Хотя вам-то что за дело? Вы же бродяга, зритель, так сказать. Какая вам разница, что будет со мной, если вы даже помочь не хотите?

— Я могу помочь, но тогда это будет означать ваш проигрыш. Вы выбываете из Игры. Для меня же это не слишком приятный вариант, я поставил на вас. Если выберетесь — шанс поднять свой уровень у вас сохранится.

— Но я не играю...

— Уже играете, хотя еще не знаете об этом.

— Понятно. — Руслан закусил губу, порезавшись еще раз, и в это время ремень лопнул. — Значит, вы хотите меня завербовать в команду одного из Игроков? Так?

Он начал массировать затекшие руки, не обращая внимания на сочившуюся из порезов кровь, потом тем же осколком стекла, похожим на ятаган, разрезал ленту на ногах, встал.

— Вы неправильно меня поняли, Руслан Иванович, — сказал бровей Мимо, с любопытством разглядывая лицо Кострова. — Я не вербовщик, я действительно зритель, поставивший определенную сумму — речь о деньгах не идет — на понравившегося спортсмена.

— Бровеи участвуют в тотализаторе?

— Что-то вроде этого.

— Я не спортсмен.

— Вы любите азарт и риск, этого достаточно. Прощайте.

— Вы уже уходите?

— Да, мой запас интереса к вам подошел к концу. Да и в других районах вашего мира тоже происходят интересные события, боюсь пропустить.

— Но там вас задержит охрана...

— Где?.. Ах, здесь... Не волнуйтесь, местная охрана не может задержать того, кто абсолютно свободен в пределах Древа Времен. Желаю удачи, капитан.

— Подождите! — вспомнил Руслан. — Подскажите, где сейчас находится Надежда... э-э... дочь хозяина этой квартиры.

— Она отправлена в Криптозону, как вы называете территорию вокруг кванка хронобура, — не удивился вопросу Мимо. —

Зачем она вам? Она же вас, по сути, подставила, предала. Очень неэтичный поступок.

— Ее заставили! К тому же только по-настоящему хорошая женщина может совершить по-настоящему глупый поступок.

— Какое необычное утверждение. Ваше?

— Оскара Уайльда.

— Неужели вы броситесь за ней, начнете спасать, рискуя жизнью и карьерой?

— Еще как начну!

— Тогда вы глупей, чем я думал.

— Полегче, господин бровей! — с угрозой проговорил Руслан. — Я ведь тоже невысокого мнения о вас и вашей нравственной позиции. Идите своей дорогой и предоставьте мне мою.

Бровей Мимо пожал плечами и исчез.

Руслан унял дрожь в коленях, глубоко вздохнул и рванул дверь спальни на себя...

В гостиной никто не проронил ни звука, все ждали продолжения рассказа. Лишь Тая, прижавшая кулачки к груди, прерывисто вздохнула.

— Что было дальше? — очнулся Иван Петрович.

— Остальное было делом техники, — небрежно отмахнулся Руслан. — Они не ждали, что я освобожусь и выйду.

— Надеюсь, ты никого не...

— Папа, я воспитан тобой и обучен убивать лишь в смертельной ситуации, когда или ты — или тебя. Конечно, кое-кому из них досталось, — Руслан виновато посмотрел на мать, — но ведь и они меня не жалели.

Костров-старший посмотрел на Ромашина.

— Оставляю предложение в силе.

— Насчет командира группы?

— Да.

— Но он наверняка захочет повидаться с этой девушкой... К тому же он влез в осиное гнездо спецслужб и будь здоров как расшевелил его. Парня начнут искать...

— Это вы обо мне? — поинтересовался Руслан. — Может, объясните, что имеется в виду? Кстати, я ведь тоже не беззащитен и тоже работаю в спецслужбе. Отобьемся.

— Один ваш сотрудник не отбился, — мрачно проговорил Гаранин.

— Вы имеете в виду Полторацкого? Уверен, его убрали агенты эмиссара Игрока, а не люди Докучаева. Я уже думал над этим и постараюсь выйти на киллера.

— Ну? — оглядел лица мужчин Иван Петрович.

— Я — за, — сказал Ивашура спокойно.

— Можно попробовать, — буркнул Гаранин. — Но тогда и я пойду с ними — в качестве советника. Одна лысая, но опытная голова не помешает.

— Пожалуй, — с легким сомнением кивнул Ромашин, отвечая одновременно Олегу Борисовичу и Кострову. — Надеюсь, бровею Мимо не придется разочаровываться в его и нашем выборе.

— Па, объясни! — потребовал Руслан, сдвинув брови.

Иван Петрович вздохнул.

— Мы хотели бы, чтобы ты возглавил спецгруппу для освобождения кванков Павла Жданова. Пойдешь?

Руслан прищурился, оглядел ждущие лица присутствующих, помолчал: внутренний голос давно уже сказал «да» — и медленно проговорил:

— Я согласен.

ГЛАВА 5

В Брянске Руслан задерживаться не стал. Заехал в местное Управление ФСБ, поговорил с подполковником Курницким, приятелем и однокашником Вараввы, который посоветовал Кострову сначала разузнать все новости от коллеги, и поехал дальше, в Жуковку. Башня располагалась в четырех километрах от этого небольшого провинциального городка, часть жителей которого так и не вернулась на родную землю, когда почти тридцать лет назад Башня после очередной пульсации начала угрожать окраинам райцентра. По словам Курницкого, около сотни частных домов, деревянных и кирпичных, располагавшихся на восточной окраине Жуковки, так и оставались пустыми по сей день. В некоторых из них еще можно было жить.

Конечно, Руслан не сказал Варавве, что у него, помимо официального задания раздобыть в Криптозоне образец суггестора «кобра», есть еще личные планы. О том, что дочь военспеца Докучаева отправлена туда отцом, полковник не знал. Но обо всем остальном, что с ним приключилось в доме Николая Николаевича, Руслан доложил начальству в подробностях, сначала Варавве, потом начальнику Управления генералу Кирсанову.

Их реакция его не удивила. Оба не слишком любили параллельные структуры и ревниво следили за успехами коллег во всех областях сотрудничества и соперничества. В данном же случае речь шла о возможности получения доступа к разработкам психотронного оружия, чем занималась лаборатория Докучаева, и Руслану была дана команда найти ключик к лаборатории: либо

через самого профессора, либо через его родных и близких, либо через охрану и рабочее окружение.

Смерть Полторацкого напрямую с разработками лаборатории суггестора «кобра» никто не связывал, но Варавва в конфиденциальном разговоре с Русланом дал понять, что у них теперь очень удобная позиция и что вполне можно будет сослаться на этот случай как на факт связи Полторацкого с оборонкой.

— Полторацкого могли убрать за то, что он через свои связи узнал о разработке «кобры», — сказал Варавва. — Кстати, учти, если это соответствует действительности, ты на очереди следующий. Поскольку ты ценный опер нашей конторы, официального обвинения тебе предъявлять не станут, но попытаются убрать как эксперта.

— Учту, — пообещал Руслан.

Теперь он ехал в Криптозону в командировку, и не один, а с группой, что намного увеличивало шанс заполучить необходимую информацию, а заодно увидеться с Надеждой и уговорить ее уйти от отца. Почему-то Руслан был уверен, что она согласится.

Его идея спасти девушку не встретила особого понимания среди друзей отца, но возражать никто не стал, даже мама, знавшая упрямый и твердый характер сына. А Ромашин в напутственном слове добавил, что будет неподалеку от Криптозоны и в случае чего поможет «советом и делом». Это заявление окончательно развеяло сомнения в правильности решения Кострова-младшего, и команда отца дала «добро» на его «освободительный поход». Одновременно ему дали задание подыскать несколько кандидатур для спецгруппы, которая должна была уйти в Башню ради спасения Вселенной (никто даже не улыбнулся, когда Ивашура произнес эту фразу). Руслан согласился. У него уже родились кое-какие идеи, но озвучивать их он не стал. Ему казалось, что времени для формирования десанта еще достаточно.

В Жуковку он приехал к обеду, перекусил в кафе «Десна» возле железнодорожного вокзала и дождался квартирьера — старшего лейтенанта Маркина, который отправился к месту назначения на день раньше.

Старлей Гена Маркин был небольшого росточка — метр семьдесят «с кепкой», кругленький, светловолосый, веснушчатый, тихий с виду человек, неспособный обидеть даже муху. Но оперативником он показал себя классным, владел всеми видами оружия (метал ножи, как циркач, попадая с двадцати пяти метров в шляпку гвоздя), прекрасно готовил (с ним хорошо было выезжать на природу), разбирался в людях и везде имел приятелей, знакомых и просто нужных людей. Посылая его в Жуковку квартирьером, Руслан не сомневался, что вопрос размещения группы будет решен оптимально.

Гена Маркин возник у машины Кострова (поехал он не на своей «Мазде», а на служебной «Волге») точно в назначенное время, сел рядом с водителем и пожал ему руку.

— Привет, командир. Нормально добрался?

— Вопрос уже предполагает ответ, коль я здесь, — хмыкнул Руслан. — Докладывай.

— Рассматривались три стандартных варианта размещения ребят: местная гостиница на тридцать мест, частный сектор и негласное поселение в заброшенных домах на окраине города. Остановились на последних двух. Первый, к сожалению, отпал сразу, так как гостиница контролируется нашими же парнями из конторы и контрразведчиками оборонки. Кстати, здесь по улицам часто шастают патрули в форме и без, проверяют документы.

— Что ж поделаешь — Криптозона рядом.

— В общем, Витек, Лева и Вовчик поселились в одном из брошенных домов Жуковки, за бывшим противотанковым рвом. Место очень удобное, рядом с лесочком, почти не просматривается со стороны, разве что с улицы. Рядом живет компания каких-то неопрятных личностей, вероятно, бомжи, человек восемь. Так что в крайнем случае можно замаскироваться под них. Керим и Жора устроились в частном секторе на улице Учительской, недалеко от зоны. Сашу пришлось размещать через моих родственников в деревне Латыши, хотя она заслуживает большего комфорта. Зато у нее удобный наблюдательный пункт: один из КПП в Криптозону — буквально под носом, в трехстах метрах от деревни. Паша-летчик поселится в Сидоровке, недалеко от второго КПП.

— Понятно. Мне бы желательно расположиться возле главного входа в зону.

— Все продумано, — ухмыльнулся старлей. — Мы с тобой будем жить у моей тетки Домны Федоровны на хуторе, недалеко от того места, где когда-то располагалась деревня Скрабовка и где теперь торчит Башня.

Руслан удивленно воззрился на Маркина.

— Но ведь это уже на территории Криптозоны!

— Именно, — невозмутимо кивнул старший лейтенант. — Тетка у меня заболела, в натуре, у нее астма, но покидать хутор не желает, поэтому к ней часто наведываются родственники. Охрана зоны уже привыкла к этому за последние месяцы и проверяет документы спустя рукава. Я же действительно являюсь племянником Домны Федоровны, даже фамилия та же, а ты сыграешь роль доктора. Документы можно сделать за полдня, а с руководством Жуковской райбольницы мы договоримся, чтобы в случае проверки там подтвердили наличие в штате терапевта с фамилией Костров.

Руслан не выдержал и засмеялся.

— Ты псих, Гена! Это самый наглый и самый экстравагантный из способов проникновения на чужую территорию, которые я когда-либо слышал от тебя.

— Не нравится — поищем другой вариант, — не смутился Маркин.

— В том-то и дело, что нравится. Но я не хотел бы раньше времени залезать в зону, где за нами будут следить в тридцать три глаза и три телекамеры. Знать бы, куда господин Докучаев упрятал свою дочь...

— Уже известно, — скромно признался старлей. — Она в Криптозоне, а не в Жуковке, в городке исследователей Башни, живет в коттедже номер три, где останавливается и сам Докучаев. Там же в подвале у него лаборатория. Охраняют коттедж шесть здоровенных жлобов в камуфляже и три в штатском, а также женщина, которая играет роль домохозяйки.

— Откуда ты это узнал?

— Напоил одного из офицериков зоны, он все и выложил.

Руслан несколько мгновений смотрел на простодушное с виду лицо старшего лейтенанта, покачал головой и от избытка чувств хлопнул его по плечу так, что тот сунулся носом в переднюю панель машины.

— Бесценный ты кадр, Гена!

— Осторожнее, товарищ капитан, я человек хрупкий, слабый, практически беззащитный, еще сломаете нужный орган, что я буду делать?

— С меня литр самогона!

— Вы же знаете, мы не пьем, — с достоинством отказался старлей.

— Тогда куплю тебе штаны с лампасами.

— Рад стараться, вашбродь! — вытянулся Маркин.

Руслан показал ему кулак. Тот взял под козырек. Оба рассмеялись. Потом Костров сделался серьезным.

— В таком случае поехали решать вопрос моего трудоустройства в Жуковской больнице. С чего начнем?

— Паша еще в Москве, позвоним ему, он привезет корочки врача. Вечером будем уже в зоне.

— Ребята сейчас где? Устраиваются, отдыхают?

— Обижаешь, командир, — с укором посмотрел на Руслана Маркин. — Они уже вовсю работают. В семь часов назначен общий сбор, каждый отчитается, что видел и слышал.

— Молодцы, не зря я вас муштровал два года.

Руслан посмотрел в окошко на вершину Башни, тронул машину с места, отметив внимательные взгляды двух мужчин в рубашках и джинсах, вышедших из кафе вслед за ним. Возможно,

это были негласные наблюдатели ФСБ, патрулирующие улицы Жуковки. Удивляться не приходилось, весь городок, по сути, относился к Криптозоне, где царили порядки военных поселений и лагерей.

* * *

Проникнуть в святая святых спецслужб России (и мира в целом) на протяжении последних тридцати лет — на территорию Криптозоны — оказалось не так уж и сложно для таких специалистов, какими были оперативники бригады антитеррора ФСБ. Хотя охраняли эту зону их же коллеги, разве что из другого подразделения Федеральной службы безопасности.

Маркина и Руслана пропустили за пятиметровой высоты бетонную стену, окружавшую Башню по периметру в радиусе трех километров от нее, практически без проволочек. Прямо при них дежурный на КПП позвонил куда-то, продиктовал фамилии Маркина и Кострова, подождал ответа десять минут и вернул гражданские паспорта обоим. Естественно, свои офицерские удостоверения сотрудников группы «Антей» Управления антитеррора ни тот, ни другой предъявлять не стали.

Затем их обыскали, отобрали у Маркина сотовый телефон, проверили у Руслана чемоданчик «врача» и пропустили.

Так Руслан оказался на хуторе Култыга, состоящем из пяти дворов, в километре от мрачной, коричнево-серой, испещренной шрамами и буграми стены Башни и в полутора километрах от городка исследователей, где, по словам старлея, обитала в настоящий момент Надежда Докучаева.

Тетка старлея Домна Федоровна была еще нестарой женщиной, но болезнь подкосила ее, заставила страдать, нервничать и отняла много сил, поэтому выглядела она лет на двадцать старше — седая, рыхлая, малоподвижная, полная, с бледным отечным лицом и седыми волосами. Приезду племянника и «врача» она обрадовалась и, несмотря на позднее время, принялась хлопотать на кухне, собирать на стол. Пришлось съесть отварную картошку с селедкой, по рябчику в виноградных листьях (сосед на охоту ходил) и выпить по чашке чая с мятой.

После этого «врач» Руслан осмотрел больную и порекомендовал ей, во-первых, поменьше заготавливать и хранить в доме сушеные травы, во-вторых, делать специальную дыхательную гимнастику, а в-третьих, пользоваться для профилактики новейшим препаратом астматин, снимающим синдромы астмы. Все эти премудрости Руслану сообщили в Жуковской районной больни-

це, где работал дальний родич Маркина, и, в общем-то, давая рекомендации женщине, он не выглядел дилетантом.

Уже поздно ночью, стоя на крыльце хаты, капитан и старлей наконец вздохнули спокойно и перекинулись парой слов, глядя то на черную громаду Башни, закрывающую полнеба, то на звезды.

— Нам бы еще сюда пару ребят, — сказал Геннадий, закуривая.

— Да, не помешало бы, — согласился Руслан, отгоняя дым; он не курил. — Но вряд ли это осуществимо. Нас хоть и пропустили в зону, однако наверняка будут держать под неусыпным надзором. Придется справляться одним.

— Больше двух дней задерживаться здесь нельзя.

— Больше и не потребуется. Твоя задача — выяснить завтра все подходы к городку военспецов и выявить средства наблюдения за территорией зоны. Я врач, и мне нельзя высовываться лишний раз.

Маркин кивнул.

В их распоряжении был электронный сканер СЭР, определяющий в радиусе двухсот метров любое оптическое или электромагнитное устройство, а также оружие. Сканер был замаскирован под аппарат для измерения давления, и его привез из Москвы и передал командиру Паша-летчик, получивший прозвище за умение летать практически на всех видах самолетов и вертолетов.

— Вечером ребята перебросят нам через заграждение все, что нужно, и мы пойдем в городок, в гости к господину Докучаеву.

— Надо бы подумать об отходе.

— Подумаем. У нас всего два варианта: с шумом и без. С шумом — это прорываться через один из КПП и уходить в леса и болота. Без шума — я еще не знаю как.

— Через КПП можно пройти и тихо.

— Каким образом?

— Либо помогут ребята, снимут часовых — без мокрухи, понятное дело, либо это сделаем мы. Внаглую.

— Внаглую, говоришь? Хорошая идея. Попробуем.

— Я пошутил.

— А я нет. Если та штучка, за которой мы идем к Докучаеву, — суггестор «кобра» — работает, то она же и поможет нам выбраться. Все, идем спать, глаза слипаются.

— Я еще постою минутку, на звезды полюбуюсь. — Маркин втянул дым, и кончик сигареты разгорелся сильнее. — В столице таких не увидишь. Командир, ты так и не рассказал, кто тебя разукрасил так артистично.

— Я в долгу не остался, — ухмыльнулся Руслан. — Возможно, с этими парнями нам еще придется столкнуться.

Он ушел в дом, разделся в спальне за печкой, где ему отвели спальное место, упал на кровать и провалился в сон, как в омут.

Весь день ушел на сбор информации и подготовку операции по изъятию у Докучаева суггестора «кобра». О том, что Руслан собирается при этом освободить Надежду, из всей группы знал только Маркин, показавший себя с самой лучшей стороны. Старший лейтенант не только проник в городок, где жили военные специалисты, исследователи Башни и офицеры полка охраны, под видом родственника Домны Федоровны, которому понадобилось купить провизии и кое-какие вещи (в городке работал магазин), но и уточнил местонахождение дочери Докучаева. Девушку выводили на прогулку, и Гена полчаса наблюдал за ней, примечая, кто ее сопровождает, сколько их и как они себя ведут. Охранников было двое — «боксер» Михаил, которому Руслан посадил хороший фингал под глазом и едва не снес ухо напрочь, и его чубатый напарник с перевязанной ладонью. Амбал попытался выстрелить в Руслана во время его бегства из квартиры Докучаева, и капитану пришлось действовать быстро и грубо, то есть ломать пальцы, выкручивая пистолет.

В зону решили бойцов группы не вводить, кроме Александры, во избежание подозрений. Охрану Криптозоны могло насторожить появление на охраняемой территории полдюжины здоровых мужиков одновременно. О том, что Саша была не просто миловидной молодой женщиной, но и сотрудником группы антитеррора, владеющим рукопашкой и навыками сапера, догадаться по ее виду не представлялось возможным. Она спокойно прошла на территорию зоны через главный КПП как армейский медработник, имея на руках соответствующее удостоверение.

К семи часам вечера у Руслана окончательно созрел план действий, и он начал претворять его в жизнь.

Из наблюдений Маркина и ребят за пределами Криптозоны удалось составить схему работы часовых по ее периметру, уточнить деятельность транспортных систем, снабжающих людей внутри всем необходимым и вывозящих отходы, оборудование ученых и дежурные смены. Мусорщики и автобусы с людьми, естественно, досматривались на КПП, а вот машины военных и спецслужб с карт-пропусками под лобовым стеклом проезжали беспрепятственно. Поэтому Костров решил воспользоваться случаем и выехать за пределы Криптозоны на одном из таких автомобилей. Выбор пал на мини-вэн «Шевроле», принадлежа-

щий лаборатории Докучаева. Эту машину выпускали и впускали практически мгновенно, стоило ей только появиться у ворот.

В половине десятого солнце скрылось за надвигающейся пеленой облаков. Стемнело. Маркин вышел из хаты Домны Федоровны и нырнул в лес, держа с членами группы связь по рации. Зная, где за стеной наблюдают зрачки телекамер, он должен был выйти к месту напротив деревни Латыши, куда Вовчик (лейтенант Владимир Васекин) и Леха (лейтенант Шилов) наметили перебросить тюк со спецснаряжением.

Через полчаса Маркин возник во дворе тетки с рюкзаком за плечами. На вопрос Руслана: «Ничего подозрительного не заметил?» — он ответил кратко: «Все тихо».

Они переоделись в камуфляжные комбинезоны «ратник-3» со встроенными рациями, приборами ночного видения и компьютерными органайзерами, рассовали по карманам боезапас, укрепили под мышками оружие — пистолеты «укол», стреляющие усыпляющими иглами, и помощней — бесшумные «дротики». Сделали перекличку всех участников операции и выступили в поход.

В начале двенадцатого, обойдя внутренние лесные посты и телекамеры по сложному зигзагу, капитан и старлей подошли к городку исследователей, состоящему из пятнадцати одноэтажных деревянных домиков и трех коттеджей для особо важных персон, в которые входил и военспец Докучаев Николай Николаевич. Городок освещался пятью фонарями и просматривался телекамерами, поэтому идти прямо к коттеджу Докучаева было нельзя.

Дождались условленного момента, благодаря господа, что послал тучи на небо, усугубившие темноту ночи. В половине двенадцатого в городке внезапно погас свет. Это сработало спецустройство в трансформаторной будке, предназначенное для вывода из строя подстанции и создания мощного электромагнитного импульса, отключающего компьютеры. На городок и пространство вокруг рухнула тьма. Лишь над зубчатой линией леса в километре отсюда вставало розоватое зарево — там располагались казармы, где жили солдаты охранного полка, — слегка освещавшее Башню.

Руслан выпрыгнул из отводной канавы за пределами городка (места здесь были болотистые и канавы предохраняли поселение от подтопления) и устремился к крайнему коттеджу, к которому в этот миг уже подходила «медработница» Саша. Нашлемная пластина прибора ночного видения позволяла видеть все вокруг почти как днем, разве что в другой расцветке.

На звонок Саши из коттеджа выглянул угловатый и здоровый, как бетономешалка, охранник, осветил девушку фонарем. По-

слышались голоса: охранник выяснял, что нужно гостье. Понять, что происходит, он не успел. Саша выстрелила в него из авторучки усыпляющей иглой, а возникший рядом Руслан успел подхватить обмякшее тело и без шума опустил на доски крыльца. Весил охранник не меньше ста десяти килограммов, и удержать его было очень трудно.

Появился приотставший от длинноногого командира Маркин, поднял выпавший из руки верзилы фонарь и первым вошел в холл коттеджа. Его встретил второй охранник, не уступавший габаритами первому. Получив в грудь иглу сна, он рухнул на пол с такой силой, что, казалось, вздрогнул весь дом. Откуда-то сверху, с галереи, опоясывающей холл, раздался недовольный мужской голос:

— Что вы там уронили, Панаско?

Сверкнул луч фонаря, выхватывая из темноты тело охранника на полу холла.

Руслан выстрелил.

Третий детина — в темно-зеленой форме офицера — удивленно охнул и опустился на доски галереи. Стало тихо.

— Я налево, ты направо! — бросил в усик рации Руслан. — Обходим первый этаж, потом второй и подвал. Саша, ты ждешь нас здесь.

Маркин, слабо видимый даже аппаратурой «ратника» — комбинезон не пропускал тепло, — исчез в коридорчике справа. Руслан двинулся в другую сторону, пробуя двери. На первом этаже их оказалось три. Одна вела на кухню и в столовую, вторая в подсобное помещение с грудами коробок и ящиков, третья в бильярдную комнату, где двое парней в военной форме увлеченно гоняли шары по столу, освещенному фонарем. На звук открываемой двери они отреагировали поздно и уснули, не успев поднять шума.

Руслан поднялся на второй этаж, подождал Маркина.

— Две комнаты пустые, — выдохнул тот. — В третьей кто-то спит.

— Подстрахуй, здесь пойдем вдвоем.

Они бесшумно двинулись дальше, прислушиваясь к тихим звукам, просачивающимся из-за дверей. Всего комнат на втором этаже коттеджа было четыре. Первая оказалась кабинетом Докучаева, судя по компьютеру на столе, комплексу спутниковой связи, огромному телевизору и двум шкафам, в одном из которых за стеклянными дверцами хранилась какая-то аппаратура, а в другом — книги.

— Поищи в столе, — сказал Руслан. — Потом догонишь. Суггестор похож на пистолет с длинным коричневым дулом.

Выскользнув в коридор, он открыл соседнюю дверь и оказал-

ся в спальне хозяина, судя по запаху дорогого одеколона и разбросанной мужской одежде. Докучаева здесь не было.

Следующая комната тоже оказалась спальней, и в ней двое занимались любовью, очевидно, охранник и женщина-домохозяйка, о которой говорил Маркин. Гостей они не ждали и осознать, что происходит, не успели.

В коридоре что-то стукнуло.

Руслан выглянул и увидел лежащего под огромной неподвижной тушей старлея. Прислушался, но все было тихо, лишь из-под двери последней комнаты доносились голоса разговаривающих людей.

— Помоги, — просипел Маркин. — Эта скотина вышла из туалета, когда я закрывал дверь...

Руслан стащил уснувшего гиганта с Геннадия, тот с трудом встал.

— Ну и боров! Он же меня едва не расплющил!

Руслан жестом оставил старлея в коридоре, рванул дверь, за которой на повышенных тонах разговаривали двое, и ворвался в комнату, освещенную двумя горящими свечами.

Это была спальня.

На высокой кровати поверх одеяла лежала Надежда в халатике и в наручниках, откинувшись к спинке кровати. Над ней склонился незнакомый Руслану мужчина в спортивном костюме, сухопарый, с длинным костистым лицом, широкоскулый, с черными зализанными волосами. На звук открываемой двери он удивленно оглянулся.

Кроме него, посреди спальни стоял, засунув руки в карманы брюк, Николай Николаевич Докучаев собственной персоной. В углу прислонился к шкафчику для одежды «боксер» Миша с двумя синяками — под глазом и сбоку на подбородке. Реакция у него была хорошая, он сразу схватился за оружие, но Костров выстрелил первым, и охранник уснул мгновенно, сползая на пол.

Мужчина в спортивном костюме вскочил, встал в позу каратека: руки перед грудью, пальцы вытянуты, ноги полусогнуты.

— Стоять! — глухо приказал Руслан, направляя ствол метателя игл в лицо «спортсмену».

— Кто вы?! — опомнился Докучаев. — По какому праву?!

Руслан покачал пальцем.

— По праву сильного, господин ученый. Вам знакомо это положение, судя по тому, как вы обращаетесь со своей дочерью.

Тихо вскрикнула Надежда. Она узнала голос Кострова.

В спальню бесшумной тенью проскользнул Маркин.

— Уведи его, — кивнул на Докучаева Руслан. — Надеюсь, он покажет, где хранится «кобра».

— Как вы смеете?! — начал было Николай Николаевич и умолк, увидев направленный на него ствол пистолета.

— Шагай, — повел стволом Маркин.

Они вышли.

— Кто вы? — осведомился мужчина в спортивном костюме.

Руслан снял шлем, усмехнулся.

— Коллега в некотором роде. А ты случайно не директор фирмы «Бэтмен»?

— Да, я руковожу охранным агентством...

— Так это для тебя твои «шестерки» берегли дочь босса?

«Спортсмен» нахмурился, глаза его сверкнули.

— А это не ты тот самый опер ФСБ, изо всех сил рвущийся в ее защитники?

— Угадал. Сними с нее наручники.

Рука мужчины дернулась к карману и остановилась.

— Я бы тебе снял, будь ты без пушки!

— Так в чем дело? — Руслан бросил на пол пистолет, поднял ладони. — Ну давай, живчик.

«Спортсмен» прыгнул без подготовки, демонстрируя отличную физическую форму, замахал руками в приемах карате, но нарвался на встречный удар из арсенала да-цзе-шу[1] и согнулся с выпученными глазами, хватая ртом воздух, держась за живот.

Руслан повернул его к себе, достал из кармана ключ от наручников, отомкнул их, снял с рук Надежды и бросил на пол.

— Собирайся, заключенная, уходим.

— Куда? — прошептала девушка, глядя на него полными слез глазами.

— Ты собираешься оставаться с этими бандитами? Жить с этим садистом и свиньей?

— Нет! Но ведь я... тебя...

— Ты не виновата.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую. Собирайся, у нас мало времени.

Руслан открыл шкаф, нашел брючный костюм, бросил Наде. Она, как во сне, спустила на пол ноги, встала, не сводя с него глаз.

— Папу жалко...

— Он тебя не пожалел, скотина!

— Вы... его?..

— Никто никого убивать не собирается, мы не террористы. Но и измываться над людьми я ему не дам!

Надежда наконец очнулась, начала лихорадочно одеваться, не

---

[1] Искусство пресечения боя.

стесняясь взглядов Кострова, запихала в сумку какие-то платья и костюмы, выпрямилась.

— Я готова.

— Саша, — позвал Руслан по рации напарницу, — мы выходим.

— Ах ты паскуда! — бросился на него начальник «бэтменов».

Руслан, готовый к атаке, ответил поворотом и ударом сверху вниз по загривку противника, тот по инерции пролетел вперед еще два метра, врезался лбом в угол кровати и обмяк.

В коридоре Кострова и Надю встретил Маркин.

— Все в порядке, образец у меня.

— Дискету с программой не забыл?

— Нет.

— Уходим!

Вдруг пискнула рация.

— Помощь нужна?

Руслан не сразу узнал голос Ромашина, спросил с удивлением:

— Как вы нашли нашу волну?

— С помощью обычного сканера. Как успехи?

— Все нормально, начинаем отступление.

— Если понадобится помощь, позовите, я буду неподалеку.

— Спасибо, но вряд ли.

— Удачи вам!

— Вам тоже.

Из коттеджа выбрались без осложнений. С момента начала операции прошло всего двенадцать минут, и на подстанции еще не справились с аварией. Света не было на всей территории городка и на соседних объектах: военном складе, автобазе и стоянке машин. Маркин исчез в темноте, направляясь вслед за Сашей к автостоянке. Вскоре к коттеджу подъехал «Шевроле» Докучаева, за рулем которого сидел старлей.

— Прошу устраиваться.

Руслан усадил дрожащую не столько от холода, сколько от переживаний Надежду в салон мини-вэна, где уже сидела Саша, прыгнул на сиденье рядом с Маркиным, и машина устремилась к главному КПП Криптозоны.

Отряд был готов к прорыву с боем: с той стороны машину ждали остальные члены группы, экипированные не хуже, — но, к счастью, шума не возникло. Полусонный часовой вышел из будки поста, глянул на «Шевроле» и без единого слова открыл ворота. Видимо, машину Докучаева знали и привыкли к его частым отлучкам и возвращениям.

Через полчаса «Шевроле» со всеми бойцами группы «Антей» оставил позади Жуковку и выехал на трассу Брянск—Смоленск.

Несмотря на успешное окончание операции и быстрое возвращение, триумфатором Руслан себя почему-то не ощущал. Его все больше грызла мысль, что он упустил из виду нечто важное, какую-то деталь, и, даже докладывая об успехе начальству в лице Вараввы и Кирсанова, не мог освободиться от этого неприятного ощущения.

Генерал выслушал его с недовольным выражением лица, повертел в руках суггестор «кобра», разработанный в лаборатории Докучаева, затем дискету с программой и инструкцией, как этот самый суггестор заряжать и использовать по назначению, и сунул обе вещи в сейф.

— Вас будут искать, капитан, — сказал он, не глядя на Руслана. — Продумайте с Владимиром Кирилловичем легенду — где вы были в период с пятнадцатого по двадцатое августа — и уезжайте в отпуск. Приказ на ваш отпуск с четырнадцатого августа уже подписан. Лучше всего было бы уехать куда-нибудь подальше от Москвы, например, к родственникам в Сибирь.

— У меня нет родственников в Сибири, — пожал плечами Руслан.

— Ну, на Дальний Восток, на Камчатку, еще куда-нибудь. Главное, переждать какое-то время, пока контрразведка будет шмонать наше Управление. Мы должны успеть... — Генерал замолчал, пожевал губами и махнул рукой. — Идите.

— Но я хотел бы остаться в Москве... — заикнулся Руслан.

— Выполняйте приказ, капитан! — Кирсанов бросил на Руслана недовольный взгляд. — Погоны не жмут? Могу снять!

Варавва подтолкнул Руслана к выходу.

— Мы уже уходим, Казбек Илюмжинович. Все будет сделано как надо.

В коридоре полковник остановил Кострова и мрачно произнес:

— Что с тобой, Костров? Ты как будто не знаешь двух главных пунктов Устава. Первый: командир всегда прав. Пункт второй: если командир не прав — смотри пункт первый.

— Мне надо остаться в столице, Владимир Кириллович. Хотя бы на пару дней.

— Ну и оставайся, раз надо, только не суйся начальству под ноги. И еще я хочу тебя предупредить... — Варавва почесал за ухом, формулируя предложение, уловил взгляды проходивших мимо сотрудников Управления и заторопился. — Пошли ко мне, поговорим.

В кабинете он достал из сейфа свою любимую плоскую флягу, налил в колпачок коньяку, глотнул, смакуя, потом сделал еще

один большой глоток прямо из горлышка, сморщился и просипел, глядя на Руслана остановившимися глазами:

— Я знаю, кто убил Леву Полторацкого.

— Кто?! — чуть было не подпрыгнул капитан.

— Тебе это знать не положено... очень большой человек... он ко мне заходил, перед тем как должен был появиться Лева... А больше было некому... Так вот, капитан, дело серьезнее, чем ты думаешь. Этот гад приходил ко мне, чтобы поинтересоваться, что ты за человек. Можно ли с тобой договориться. Я не понял, что он имеет в виду, и дал характеристику: честен и неподкупен. А теперь вот сомневаюсь... — Голос полковника сел. — Не подложил ли я тебе свинью?

— Почему вы так решили? — не понял Руслан.

— Потому что Леву замочили за длинный язык, а ты с ним якшался. Во всяком случае, беседовал, и не один раз. Улавливаешь?

— Вы хотите сказать... меня тоже могут убрать? За что? Полторацкий ничего особенного мне не... — Руслан замолчал, вспомнив предположения эксперта о причинах взрывов процессорных микрочипов.

— Вот, ты сам знаешь! — поднял вверх палец Варавва. — Иди и остерегайся всех, даже знакомых, даже друзей! А лучше тебе действительно уехать куда-нибудь подальше, глядишь — и уцелеет голова. Старик знает толк в таких вещах.

Полковник имел в виду генерала Кирсанова, хотя тот стариком и не был.

— Хорошо, я подумаю, — пообещал Руслан. — Завтра-послезавтра исчезну, в деревню к дедам поеду, на Вологодчину. Но ответьте на вопрос, Владимир Кириллович. Зачем понадобилось красть этот психогенератор у оборонщиков? Ради чего? У нас своих разработок не хватает?

— Не твоего ума дело, — буркнул Варавва. — Если хочешь знать, этот прототип, что сейчас находится у Докучаева, был сначала у нас, а потом его передали оборонке.

— А если они подымут шум?

— Пусть поднимают. Это не в их интересах. За то, что они не смогли уберечь свою суперсекретную технику, с них головы поснимают. Нет, уверен, они будут молчать и тихо искать пропажу. Надеюсь, ты не засветился?

— Нет, — после паузы соврал Руслан. О дочери Докучаева он, естественно, докладывать никому не стал.

— Все, иди.

Руслан пошел к двери и остановился, осененный внезапной догадкой.

— Владимир Кириллович, кто отдал приказ похитить суггес-

тор у Докучаева? Ведь не Кирсанов же? Ему-то он и на фиг не нужен?

— Тебе что за дело?

— Хочу разобраться, кому выгодно, чтобы почти готовое к серийному производству оружие ушло из рук разработчиков.

— Этого нам знать не положено.

— А Козюля имеет доступ к секретам оборонки?

Варавва хмыкнул, с интересом окинул Кострова прояснившимся взглядом.

— Что ты хочешь сказать?

— Ответьте прежде на вопрос.

— Нет, начальник Криптозоны, несмотря на свой статус, вряд ли допущен к тайнам наших военных лабораторий, работающих в зоне.

— Еще вопрос. С неделю назад господин Козюля был в Москве, в нашем Управлении он тоже появлялся. Так вот, с Кирсановым он общался?

— Ну общался. И что?

— Вот и ответ. Могу даже сказать, кто был у вас за час до гибели Полторацкого: подполковник Эйникис. Ни для кого не секрет, что он — зять Козюли, женат на его младшей дочери.

Варавва вытер вспотевший лоб платком.

— Страшный ты человек, Костров. Умный. И глупый одновременно. Держи свои предположения при себе, понял? Не то язык может повредить шее. И чтоб духу твоего в Управлении не было в течение месяца!

Руслан вытянулся, козырнул и вышел. Он знал, был совершенно уверен, что его догадка правильна.

Надежда ждала его в квартире отца, опекаемая мамой. Неизвестно, о чем говорили женщины в отсутствие мужчин, однако они прекрасно поладили и уже называли друг дружку на «ты». Дочь профессора Докучаева успокоилась, привела себя в порядок и выглядела просто фантастически прекрасно, так что Руслан, увидев ее, с испугом подумал, что мог бы пройти мимо, не вмешаться в сцену у ресторана и теперь не имел бы возможности встречаться с этой красивой, умной и слегка печальной женщиной.

— Что собираешься делать? — спросила мама, когда он вошел в дом.

— Завтра мы уедем, — сообщил Руслан.

Надя с удивлением посмотрела на него. В халатике мамы она была очень на нее похожа — такая же стройная, высокая и тонкая.

— Куда, если не секрет?

— Ее надо на время спрятать, — кивнул он на девушку. — Отвезу ее к деду Проклу под Вологду. Не возражаете?

— С чего бы я возражала? — улыбнулась Тая. — Сам потом вернешься?

— Побуду в деревне вместе с ней пару дней и вернусь... по тем делам, что мы обсуждали. Потом снова поеду к деду. Мой начальник дал мне месячный отпуск.

— Правда? — обрадовалась Надежда. — Я недолго буду одна?

— Дня три, не больше.

— А почему Варавва дал тебе отпуск, когда у вас там такое ЧП? — поинтересовалась Тая.

— Ему видней, — пожал плечами Руслан, не желая говорить правду и волновать женщин. — В Управлении и без меня оперов хватает, разберутся. Ну что, Надежда Николаевна, будем собираться?

— Мне надо забрать свои вещи...

— Обойдемся, в крайнем случае купим новые. В квартиру тебе возвращаться нельзя, папенька наверняка послал на твои розыски своих «бэтменчиков».

— Тогда я ему письмо напишу.

— Это можно, бросим в ящик где-нибудь по дороге. Собирайся пока, я на часок к отцу заскочу.

Руслан переоделся, чмокнул в щеку Надежду, потом мать и поехал к отцу на работу.

Костров-старший встретил его на пороге приемной кабинета декана факультета промышленной экологии Московского университета, где он преподавал курс энтропии закрытых экосистем.

— Ты ко мне?

— Ехал к тебе.

— Хорошо, что успел, я собирался уезжать на встречу. Заходи, поговорим, пока Василь Савельевича нет.

Они вернулись в приемную, Руслан поздоровался с секретаршей отца Любовью Валерьевной, отец попросил кофе, и оба проследовали в кабинет декана.

— Что случилось?

Руслан пересказал Ивану Петровичу свою беседу с Вараввой.

Секретарша принесла кофе и конфеты. Костров-старший подождал, пока за ней закроется дверь, сказал бесстрастно:

— Он прав.

— Но я подчинялся приказу!

— Все равно. Теперь ты не только исполнитель преступного по своей сути приказа, но и опасный свидетель. Профи оборонки вполне могут начать за тобой охоту. Зря я тебя выдвинул в командиры спецгруппы.

Руслан виновато опустил голову.

— Ты думаешь, я не справлюсь?

— Может быть, и справишься... если доживешь до момента похода в Башню. Ладно, что-нибудь придумаем. Мы сами виноваты, что разрешили тебе ехать в Жуковку и вызволять из Криптозоны твою пассию. Кстати, как там она?

— Уже оклемалась, подружилась с мамой, собирается ехать со мной в деревню к деду Проклу. К вечеру мы будем там. Между прочим, я ее действительно спас. Когда мы с Геной проникли в коттедж, она была прикована наручниками к кровати и начальник охраны Докучаева ее допрашивал. При отце!

— Понятно. Хорош гусь ее папаша! Представляю, что ты сделал с охранником.

— Да ничего особенного, стукнул только пару раз... по слепухе...

Иван Петрович нахмурился.

— Надеюсь, не до смерти?

— Выживет, но на баб смотреть, скорее всего, перестанет. Надя призналась мне, что он заставлял ее спать с ним.

— Ладно, забирай ее и уезжай. Видимо, придется назначать другого командира группы.

— Не придется, — буркнул Руслан. — Я вернусь через день-два и начну собирать группу. Два кандидата у меня уже есть: Гена Маркин и Паша-летчик.

— Ты их хорошо знаешь?

— Достаточно для того, чтобы не сомневаться. Надежные и опытные мужики, профессионалы до мозга костей, трепаться не любят, оба не женаты.

— Ты с ними уже раговаривал?

— Еще нет, но могу поручиться, что они согласятся.

— Хорошо, скажешь потом, как прошла беседа. Я буду дома после пяти.

Руслан кивнул, допил кофе, и они вышли из кабинета.

В машине капитан посидел с минуту, размышляя над словами отца, включил зажигание, и в это время зазвонил мобильник. В трубке раздался голос Маркина:

— Командир, убит Варавва. Тебя ищут.

— Что?! — не поверил Руслан. — Как убит?! Я же с ним полтора часа назад разговаривал!

— Подробностей не знаю. Тебя ищет дежурный по Управлению. Я тебе нужен?

Руслан не сразу собрался с мыслями, оглушенный известием.

— Не нужен... впрочем, да! Возьми Пашу-летчика и лети с ним в Управление. Ждите в нашем автопарке, подготовьте к вы-

езду одну из машин, лучше серую «Волгу» с форсированным движком.

— Понял, еду.

Связь прекратилась.

Руслан выругался и рванул «Мазду» с места так, будто участвовал в гонках.

В Управление он прибыл в начале второго. Взбежал на второй этаж, где находился кабинет Вараввы. Коридор был перекрыт рослыми спецназовцами из отдела внутренних расследований, которыми командовал хмурый майор Калугин. Увидев Руслана, он махнул рукой, и Кострова пропустили.

— Где он?! — выдохнул капитан.

— В кабинете. Посмотри, и поговорим.

Руслан ворвался в приемную, где работали эксперты в штатском, оттолкнул парня в камуфляже и вошел в кабинет Вараввы.

Полковник лежал в кресле, откинувшись на спинку, со вздутым синим лицом и выкатившимися глазами. Руслан сначала не понял, что у него на шее, показалось — кусок шланга красно-фиолетового цвета. Но, подойдя ближе, он увидел, что глубоко врезавшийся в шею, передавивший горло и мышцы шеи «шланг» на самом деле представляет собой толстое кольцо, не то резиновое, не то каучуковое. Как оно оказалось на шее полковника, будучи вдвое меньше диаметром, чем голова, представить было трудно.

В кабинете тоже работали эксперты-криминалисты, тихо переговариваясь между собой. Один из них осторожно взял со стола рукой в прозрачной перчатке флягу с коньяком, и Руслан вспомнил, как Варавва пил этот коньяк, не боясь, что подчиненные учуют запах. Постояв еще немного с тихим гулом в голове, он вышел из кабинета.

— Пошли, — сказал майор Калугин.

Они направились по коридору к приемной начальника Управления, свернули в небольшой холл с кожаными креслами и кадками с фикусами. Сели.

— По моим сведениям, ты был предпоследним, кто видел Владимира Кирилловича живым. О чем вы говорили?

— О работе, — глухо сказал Руслан, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладонь; в душе родилось желание пойти к подполковнику Эйникису и вытрясти из него душу.

— Точнее.

— Это служебная информация, товарищ майор. Мы говорили о моих планах и об отпуске. Кстати, вы сказали, что я был предпоследний, кто видел Владимира Кирилловича. А кто был последний?

— Подполковник Эйникис.

Руслан вздрогнул, впился глазами в недовольно-хмурое лицо

собеседника, хотел было сообщить, что Эйникис и есть убийца, но передумал. Калугин бы не поверил, к тому же он мог быть одним из агентов эмиссара Игрока. Косвенное подтверждение этому Руслан уже имел: майор начинал и расследование убийства Полторацкого, но до сих пор не продвинулся вперед ни на шаг.

Впрочем, подумал Руслан трезво, я теперь в каждом вижу врага. Майор просто делает свое дело как умеет.

— О чем вы беседовали еще? — продолжал Калугин.

— О задании, которое нам дал генерал Кирсанов. Подробности можете узнать от него, я говорить об этом не имею права.

— Да-да, разумеется. Но вы не заметили в поведении полковника чего-нибудь необычного? Он не называл каких-либо известных фамилий?

— Не помню, — после паузы проговорил Руслан, понимая, что не должен повторять слова Вараввы. — Разве что фамилию начальника Управления...

— Постарайтесь вспомнить, капитан, — настойчиво, с нажимом сказал Калугин. — Это очень важно.

— Нет, больше мы никого не вспоминали, — твердо заявил Руслан.

— Жаль, — кисло вздохнул майор. — Я надеялся, что вы поможете следствию. Если что-нибудь вспомните — позвоните мне.

— Непременно, — вежливо пообещал Руслан. — Я могу идти?

— Да, идите.

Костров встал, кинул подбородок к груди и отошел, провожаемый задумчиво-рассеянным взглядом начальника отдела внутренних расследований.

Не менее задумчивым выглядел и сам Руслан, спускаясь во двор, на стоянку автотранспорта, принадлежащего Управлению. Он прикидывал план, как выйти на подполковника Эйникиса и предъявить ему счет за два убийства — Полторацкого и Вараввы. Сомнений в том, что именно Эйникис был ликвидитором, у Кострова не было.

Уже подходя к «Волге» отдела, в которой его ждали Маркин и Паша-летчик, Руслан услышал свою фамилию и оглянулся. Его догоняли двое: громадный, глыбистый, как отколовшийся утес, молодец в черной кожаной куртке, с каменным лицом и особой стрижкой «а-ля киборг», и мужчина в форме подполковника с темным узким лицом, на котором выделялись черные, глубоко посаженные глаза и хищный нос. Это был подполковник Эйникис, зять начальника Криптозоны и командир особого подразделения ФСБ по связям с общественностью.

— Подождите, капитан.

Руслан косо глянул на своих подчиненных, готовых вылезти

из машины и прийти на помощь, незаметно качнул пальцем, останавливая их.

— Я вас внимательно слушаю, — сказал он, поворачиваясь лицом к человеку, с которым он хотел встретиться тет-а-тет.

— Мне говорили, что вы недавно вернулись из командировки, — остановился Эйникис напротив Кострова, в то время как его глыбистый сопровождающий занял позицию чуть сзади, не сводя ничего не выражающих светлых глаз с капитана.

Руслан понял, что подполковник з н а е т, где он был и что делал.

— Что молчите?

— Жду вопроса, — невозмутимо сказал Руслан.

Эйникис нахмурился. Его телохранитель шагнул было вперед, но подполковник остановил его рукой.

— Вопроса не будет, — хмыкнул он. — Я просто хотел предупредить, чтобы вы поменьше вертелись перед начальством и делились с ним своими умными соображениями. Это может повредить не только карьере, но и жизни.

— У вас все? — с тем же невозмутимо-корректным видом спросил Руслан.

Подполковник сдвинул брови, и его мощный спутник снова шагнул вперед, надвигаясь на Руслана, как танк. В тот же момент из «Волги» вышли Маркин и Паша, встали рядом с командиром. Гигант остановился, оценивающе глянув на членов группы «Антей».

— Если у вас все, товарищ подполковник, — продолжал Руслан с ледяной иронией, — то с вашего позволения я избавлю вас от своего присутствия.

— Ты играешь с огнем, капитан,— проскрипел Эйникис. — Надеешься на кого-нибудь? На отца? Или кого повыше?

— На себя, — усмехнулся Руслан. — И я люблю играть... с огнем.

— Тогда мы еще встретимся.

— Очень на это рассчитываю.

— Разрешите, товарищ подполковник? — оглянулся на патрона каменнолицый телохранитель.

— В другой раз, малыш, — подарил Руслану обещающую улыбку Эйникис, поворачиваясь к антеевцам спиной. — Нам еще надо успеть зайти к генералу.

— Иди, иди, бронетранспортер, — пренебрежительно сказал Паша-летчик, — а то, не ровен час, боссу понадобится туалетная бумага.

— Я тебе хайло еще заткну! — пообещал здоровяк и бросился догонять подполковника.

— Чего они от тебя добивались, командир? — поинтересовался Маркин.

— Меня предупредили, — сказал Руслан, глядя вслед зятю начальника Криптозоны.

— О чем?

— Им не нравится, что я догадываюсь кое о чем.

— Нам это знать не положено?

— Боюсь, вы не поверите. Хотя, с другой стороны, обратиться за помощью мне все равно не к кому.

— Мы готовы.

— Пошли в машину.

Руслан сел в кабину «Волги», подождал подчиненных и сжато поведал историю о значении Башни в истории Древа Времен и о замысле спасения родной Метавселенной. Тишина в кабине после этого длилась долго. Старшие лейтенанты переглядывались, размышляли и не спешили высказывать свое мнение вслух. Тогда Руслан поделился с ними своими догадками о роли господина Козюли и его зятя-подполковника в последних событиях, связанных с убийством Полторацкого и Вараввы.

— В это поверить легче, — оживился Паша-летчик. — Хотя, если честно, я готов войти в вашу команду. Интересно поглядеть, как там живут люди в будущем. Что будем делать?

— А ты? — посмотрел на Маркина Костров.

Старлей достал платок, высморкался, аккуратно сложил и сказал невинным тоном:

— Вы же без меня пропадете, товарищ капитан.

Руслан засмеялся.

— Волк тамбовский! Любишь сермягу из себя лепить. Верю, что не подведешь.

— Рад стараться, вашбродь!

— В таком случае слушайте мой план...

Руслан перешел на полушепот. Последняя фраза Эйникиса, которую он обронил, уходя, — о визите к генералу — подсказала Кострову, что надо делать. Моментом необходимо было пользоваться незамедлительно, более удобный мог уже не представиться.

ГЛАВА 7

Кабинет начальника антитеррористического Управления генерала Кирсанова располагался на третьем этаже семиэтажного корпуса сталинской эпохи. Обычно коридор этой части здания был тих и безлюден, однако в связи с последними событиями в настоящее время по нему то и дело пробегали озабоченные сотрудники Управления, прогуливались по двое рослые парни из

особого подразделения охраны VIP-персон, подозрительно вглядываясь в каждого человека, и создавалось впечатление, что то ли началась эвакуация, то ли, наоборот, заселение кабинетов новыми хозяевами.

Чтобы не заострять внимания охранников, к кабинету Кирсанова Руслан и оба старших лейтенанта подошли по одному. В приемной начальника Управления их встретили двое: секретарь-адъютант генерала капитан Киржниц, вежливый, немногословный, всегда чем-то занятый, и громадный, как шкаф, молодой человек в кожаной куртке, похожий на того мордоворота, с каким во дворе Управления появился подполковник Эйникис.

— Слушаю, капитан, — сказал адъютант, мельком глянув на Кострова, заглянувшего в приемную.

— Я ищу подполковника Эйникиса, — сказал Руслан. — Важное дело.

— Он у генерала.

— Очень хорошо. — Руслан внешне неторопливо пересек приемную, взялся за ручку двери. — Мне как раз нужен и сам Казбек Илюмжинович.

— К сожалению, мне велено никого не впускать, — поднялся Киржниц. — Выйдет подполковник, я доложу о вас.

— К сожалению, нельзя терять ни минуты. — Руслан открыл дверь, краем глаза отмечая появление в приемной Маркина и Паши.

— Эй, торопыга, куда собрался? — рванулся к нему «шкаф» в куртке. — Тебе же сказано — генерал занят!

Дверь закрылась за Русланом, но он был уверен, что ребята справятся с телохранителем Эйникиса без шума.

В кабинете Кирсанова, как и ожидалось, посетителей было двое: подполковник и его каменнолицый качок-охранник в кожанке. Он сразу двинулся навстречу Кострову, сжимая гигантские кулаки, способные, наверное, крошить кирпичи.

— Кто вас впустил, капитан? — оглянулся на гостя Кирсанов; он стоял у стола, в то время как Эйникис разглядывал что-то лежащее на столе.

Вместо ответа Руслан в т е м п е рванулся вперед и в прыжке нанес верзиле в куртке удар ногой в грудь. Гигант хекнул, отлетая назад, и упал на второй столик — для переговоров с посетителями, разламывая его на части. Короткий грохот, звон разбитого графина с водой, тишина.

Под изумленными взглядами оторопевших генерала и подполковника Руслан подошел к столу хозяина и увидел знакомый силуэт суггестора «кобры» с коричневым дулом. Рядом лежала дискета с инструкцией по применению генератора. Костров спря-

тал дискету в карман костюма, взял суггестор и направил ствол на Эйникиса.

— Вы хотели со мной встретиться, господин киллер. Я решил не откладывать рандеву. А теперь, может быть, поделитесь своими планами с генералом? Ведь суггестор понадобился не вам лично, а вашему тестю, не так ли? Он начал терять контроль над ситуацией и забеспокоился, решил завладеть разработкой Докучаева. Ведь проще не убивать людей, а кодировать, не так ли?

Подполковник сунул руку под полу пиджака, и Руслан выхватил свой пистолет.

— Не балуйте, господин убийца! Бросьте свою пушку на пол!

— Я не боюсь смерти, капитан, — усмехнулся Эйникис, но тем не менее руку послушно убрал.

— А я и не собираюсь вас убивать, — усмехнулся в ответ Руслан. — Насколько я знаю, эта штука заряжена и готова к действию. Что, если я испытаю ее на вас?

Лоб Эйникиса покрылся испариной.

— Чего вы хотите?

— Э-э... а-а... что здесь происходит?! — опомнился Кирсанов. — Вы что себе позволяете, капитан?!

Руслан, не сводя глаз с подполковника, отступил к телу его бугая-телохранителя, пошарил в карманах и вытащил толстое кольцо синеватого цвета, похожее на каучуковый ручной эспандер.

— Знаете, что это такое, генерал?

— Ну?

— Таким колечком два часа назад был убит полковник Варава. Думаю, вас ждала та же участь. Эмиссару... э-э... начальнику Криптозоны Козюле вы уже не нужны, после того как успешно добыли суггестор.

— Какая чушь! — взорвался Кирсанов, наливаясь кровью. — А ну вон отсюда! Я сейчас вызову охрану и...

Эйникис внезапно прыгнул к двери, доставая из подмышки еще один пистолет. Дверь открылась, на пороге вырос Гена Маркин и встретил подполковника ударом в голову. Эйникис грохнулся навзничь, роняя пистолет, обмяк, но тут же тряхнул головой и сел, держась за челюсть.

— Не надо суетиться, господин подручный эмиссара, — спокойно сказал Руслан. — Вы сделали ошибку, выбрав не ту цель. Врагов надо выбирать тщательнее. Садитесь, поговорим.

— Я бы попросил!.. — опомнился ничего не соображавший Кирсанов.

— И вы сядьте, Казбек Илюмжинович! Успокойтесь и слушайте, может быть, что-нибудь поймете. По крайней мере — что вас подставили.

Эйникис покосился на тушу своего телохранителя, не подающего признаков жизни, поколебался и сел на уцелевший стул.

— Вы напрасно теряете время. Я ничего не скажу.

— Тогда я вас просто убью! Терять мне, как вы понимаете, нечего. Я ведь был на очереди, не так ли? Итак, вопрос первый: зачем вы убили Полторацкого и Варавву? Зачем понадобилась такая экстраординарная операция? Ведь вы должны были понимать, что убиваете не простых смертных, а важных сотрудников спецслужб, коллеги которых начнут усиленно искать убийц и наверняка найдут.

Эйникис сверкнул волчьими глазами, отвернулся.

— Хорошо, я отвечу за вас. Произошла утечка информации о прорыве в нашу Ветвь воли Игрока, и вы решили перестраховаться, начали спешить и ошибаться, пока не засветились. Тогда второй вопрос: какова стратегия? На чем строится расчет эмиссара в нашей Ветви? Ведь всех людей, начинающих понимать, что в мире происходит что-то странное, не перебьешь.

— Ну, это вопрос времени, — скривил губы Эйникис.

— Уверен, что вы и в этом вопросе ошибаетесь. Игрок ваш, может быть, очень крутой, но, используя таких помощников, как вы, едва ли выиграет. Отвечайте на вопросы, подполковник, мое терпение не вечно.

— Идите к дьяволу!

Руслан хладнокровно выстрелил в Эйникиса из суггестора.

Разряд пси-излучателя, естественно, не был виден, однако, судя по внезапной бледности, разлившейся по лицу подполковника, невидимый поток энергии на него подействовал.

— Отвечайте на вопрос! Что вы собираетесь делать?! Какова задача, которую решает здесь эмиссар?!

— Мы... должны... задержать... — начал Эйникис. Было видно, что каждое слово дается ему с великим трудом. Он вспотел, побледнел еще больше, начал дрожать. Затем глаза подполковника закатились, и он безвольно обмяк на стуле, откинув на спинку голову.

Маркин подошел к нему, поднял веко, подержал палец на шее и покачал головой.

— Однако, кранты подполковнику, не дышит совсем. Что будем делать, командир?

— Вы... убили его?! — прошептал Кирсанов, вытягивая шею. — Как это все понимать?! Вы представляете, что будет, капитан?!

Руслан с жалостью посмотрел на генерала.

— Вы же видели, что произошло. Мы его не убивали, у Эйникиса, очевидно, сработала программа самоликвидации. Неужели вы так ничего и не поняли? Не поняли, что подполковник —

агент Игрока, убивший Полторацкого и Владимира Кирилловича? И что, если бы не мы, следующим в этой цепочке стали бы вы?

Заворочался на полу среди обломков стола телохранитель Эйникиса.

— Пора уходить, — сказал Маркин.

Руслан выстрелил в парня из «кобры» и медленно, с нажимом, проговорил:

— Когда тебя начнут допрашивать, расскажешь все, что знаешь, всю правду! — Капитан посмотрел на колеблющегося, не знающего, что делать, Кирсанова. — Мы уходим, товарищ генерал. Появились кое-какие проблемы, которые надо срочно решать. Все, что вы услышали, имеет место быть, как бы вы к этому ни относились. Поэтому у меня просьба: дайте нам время на решение наших проблем, не спешите поднимать тревогу по Управлению и объявлять нас во всероссийский розыск. Не я убил Владимира Кирилловича, а вот этот мерзавец, являющийся зятем Козюли и его же агентом. Обещаете?

Кирсанов окинул мутноватым взглядом Руслана и Маркина, покосился на Эйникиса и его телохранителя, сидевшего с тупым лицом на полу, нерешительно качнул головой:

— Я... не знаю... кому верить...

— Попытайтесь поверить мне. Я забираю эту машинку. — Руслан взвесил в руке докучаевский пси-генератор и спрятал в карман. — Она опасна прежде всего для вас. Когда зайдет разговор о суггесторе, — а Козюля непременно приедет сюда и поинтересуется его судьбой, так как именно он давал задание выкрасть «кобру» у Докучаева, — скажете, что нашей группе не удалось его похитить. Это на какое-то время снимет с вас подозрения и даст возможность тихо уйти в отставку по состоянию здоровья. Начнете говорить лишнее — вас уберут так же, как и Варавву.

Руслан пошел к двери. Маркин скользнул в нее первым. Руслан оглянулся и встретил остекленевший взгляд генерала, в котором сомнения боролись с желанием вызвать охрану. Однако начинать новый убедительный разговор с генералом было ни к чему. Кирсанов был человеком определенной идеологической системы, взрастившей всех руководителей ФСБ его ранга, и если уж принимался действовать, то заставить его изменить решение было невозможно. Оставалось только верить, что разумное начало победит.

В приемной Руслан задержался на несколько секунд.

Второй телохранитель Эйникиса и адъютант Кирсанова лежали на полу связанные, с заклеенными скотчем ртами. Но если взгляд Киржница выражал недоумение и страх, то в глазах шкафообразного парня тлели ненависть и угроза. Вряд ли он был

способен думать. Вызывал удивление выбор Эйникиса, окружившего себя столь неповоротливыми и тупыми исполнителями, понадеявшегося на их размеры и силу.

— Развяжи его, — кивнул на адъютанта Руслан.

Паша-летчик быстро разрезал на руках и ногах Киржница ленту скотча. Адъютант сел, потянул полоску скотча с губ.

— Нас здесь не было, капитан, — сказал Костров. — Зайди к генералу, он все объяснит. Этого бугая не трогай, пусть майор Калугин решит, что с ним делать.

— Вы с ума сошли! — тонким голоском проговорил Киржниц. — Вам это просто так с рук не сойдет!

Руслан улыбнулся.

— Еще благодарить будешь, что жив остался.

Маркин и Паша скрылись в коридоре. За ними вышел Руслан и, не оглядываясь, поспешил к лестнице. В душе росла уверенность, что в Управление он уже не вернется.

* * *

Экстренное совещание длилось около часа.

Собрались не у Костровых, как всегда, а на квартире Гаранина в Первом Миусском переулке. Присутствовали только мужчины: Костровы — старший и младший, сам Олег Борисович, Ивашура и Ромашин. Руслан сообщил последние новости, показал всем суггестор «кобру», и все долго и сосредоточенно рассматривали оружие, предназначенное для превращения человека в безвольное существо, в послушного чужой воле робота.

— Сколько у нас времени? — нарушил молчание Гаранин.

— Боюсь, его у нас нет, — угрюмо проворчал Костров. — Инициатива моего сына практически перечеркнула наши планы по созданию группы десанта.

— Он не виноват, — мягко возразил Ромашин, с участием глянув на не поднимавшего глаз Руслана. — Так сложились обстоятельства. Не все можно предусмотреть, когда не знаешь врага в лицо. Но шанс у нас еще есть. Руслан, сколько у вас людей?

— Двое, Маркин и Паша-лет... э-э... Павел Строев.

— Плюс я, — непреклонным тоном добавил Гаранин. — Кроме того, у меня есть надежный человек, чемпион России по стрельбе из лука, великолепный шахматист и вообще отличный мужик.

— Надеюсь, он не твой ровесник? — прищурился Ивашура.

— Ему всего сорок два года.

— Хорошо, подойдет. Итого, у нас пятеро...

— Шестеро, — тихо поправил Руслан.

— Кто шестой?

— Я возьму с собой Надежду, дочку Докучаева. Ей оставаться здесь нельзя.

Мужчины переглянулись.

— Это безумие! — с досадой сказал Иван Петрович. — Ты не представляешь, с чем вам придется столкнуться в походе. Рисковать своей жизнью — одно, чужой — другое.

— Ты же участвовал в десанте вместе с мамой.

— Она оказалась в Башне случайно.

— И тем не менее вы прошли все испытания и вернулись целыми и невредимыми.

— У нас не было выбора, у тебя он есть. Оставь эту девочку здесь, я за ней пригляжу.

— Не думаю, что ей будет здесь лучше. Контрразведка всех на уши поставит, чтобы найти ее и вернуть отцу. А он... фанат и отморозок, равнодушный ко всему, что мешает ему работать.

— Однако ты не подумал...

— Не спорьте, — перебил Ивана Петровича Иващура. — В конце концов, как говорят индийские мудрецы: врач не может стать по-настоящему хорошим врачом, пока не убьет одного или двух пациентов. Это примерно тот же случай. Но, с другой стороны, твой сын прав: в нынешнем положении, оставаясь здесь, девочка рискует не меньше, чем если пойдет с ним. Да и вспомни наши походы. Ни Тая, ни Вероника не были нам обузой.

Костров-старший отвернулся.

— Я тоже возражаю, — сказал Гаранин. — Она ограничит нам свободу маневра. Придется все время отвлекаться на ее защиту...

— Пусть идет, — вмешался в спор Игнат. — Иногда совет умной женщины в критической ситуации стоит больше всех мужских разглагольствований.

— Да, в общем, я просто размышляю вслух, — сказал Иван Петрович. — Кто знает, с чем или с кем им придется иметь дело. Но вот без оружия им не обойтись. Был бы у нас дриммер...

— Дриммер сделан не людьми и не для людей и вообще не является оружием. Это «жезл силы», магический манипулятор, если хотите, орудие судебных исполнителей. Он может быть и оружием, но это не главное его достоинство и предназначение.

— И все же он не помешал бы.

— Согласен. Но у нас дриммера нет. Придется искать ему замену. Так как отсюда мы пойдем все вместе, я проведу вас по тем Ветвям, где я уже был, а дальше вы пойдете самостоятельно. В одной из соседних Ветвей земляне изобрели весьма интересный дезинтегратор под названием «скорпион». В луче этого дезинтегратора начинается самопроизвольная цепная реакция распада любого химического элемента, надо лишь соответствующим образом настроить генератор. На Земле другой Ветви тоже разра-

ботали кое-что любопытное — «сдвигатель атомов». Его еще называют «копьем» или «кием».

— Как?

— «Кий». Такая длинная палка для игры в бильярд.

— У вас тоже играют в бильярд?

— Играют.

— Понял.

— Так вот, в луче этого «кия» происходит мгновенный векторный скачок всех атомов и молекул любого вещества и материала, сквозь который луч проходит. Амплитуда скачка невелика, всего около сантиметра, но последствия представить нетрудно.

— Да уж, — проворчал заинтересованный Гаранин. — Попади такой «кий» в голову — и хана! Кровоизлияние обеспечено.

— Не только в голову, человеческое тело вообще не защищено от луча «кия», смертельным будет почти любое попадание. Но и технику таким лучом тоже можно выводить из строя.

Мужчины оживились. Лишь Ивашура остался рассеянно-равнодушным, постукивая пальцами по столу.

— Стоит ли рисковать, добывая эти экзотические виды оружия? — спросил он, когда разговоры стихли. — У отряда уже есть «кобра», Олег Борисович снабдит всех пистолетами, да и у вас ведь наверняка имеется «универсал» или кое-что помощней.

— «Глюк». Согласен. Можно было бы и не рисковать, — кивнул Ромашин. — Однако существует один нюанс. Обладание необычными видами защиты и нападения с у щ е с т в е н н о увеличивает потенциал оператора и повышает уровень Игрока. Даже если это оружие никогда не будет применено.

— При чем тут какой-то оператор? — не понял Гаранин.

— Наш отряд, по сути, является оператором воздействия на Игру. Еще не судебный исполнитель, но уже потенциальный регулятор. Конечно, его стоило бы доукомплектовать, усилить, проинструктировать, но времени нет, учиться придется на ходу, и мы пойдем в этом составе.

— Вы говорили о каких-то своих знакомых в других Ветвях, очень сильных личностях...

— Да, я знаю Мальгина, Берестова, Железовского...

— Можно попросить их присоединиться к нам?

Ромашин ответил не сразу:

— За каждого из них я готов поручиться, как за самого себя, но не уверен, что они согласятся войти в команду. Проблемы, которые они решают у себя дома, требуют их личного участия. Но попытаться можно. Если кто-нибудь из них согласится, это почти гарантия успеха.

Костров-старший скептически поднял бровь:

— Что-то в прошлой Игре мы никого из них в деле не видели.

— Вы забываете, что их Ветвь — «тупиковая», а Ствол у них вышел не на поверхности Земли, как в остальных Ветвях, а в подземных пустотах на глубине около километра. Никто из них не знал, что наш хронобур соединил их Землю с другими Землями в триллионах Ветвей. О том, что Ствол вышел в их мире, знали только бровеи... и Судьи Игры. Я, например, получил сведения о выходе хронобура в Метавселенной, созданной Конструкторами, совершенно случайно и вспомнил о них только теперь.

— Понятно. Что ж, если вы проведете отряд туда...

— Отряд должен будет сделать это сам. Я лишь помогу ему пройти в Ствол... то есть в Башню. Дальше наши пути разойдутся.

— Этого достаточно, — сказал Руслан тихо, но твердо.

Все посмотрели на него.

— Может быть, я тоже пойду с тобой? — предложил Иван Петрович.

— Тебе и так достанется крепко. Придется объясняться и с органами правопорядка, и со слугами эмиссара, и с ним самим — чтобы отвлечь его внимание. Да и маме нельзя одной оставаться в такой ситуации.

— Резонно.

Руслан посмотрел на Ромашина.

— Каким образом мы попадем в Башню?

— Сначала надо пройти в Криптозону, — проворчал Гаранин.

— С пси-генератором это несложно, — кивнул на «кобру» Игнат. — Детали обдумаем на месте. Чем раньше выедем, тем лучше. У меня есть средство передвижения.

— Какое?

— Микроавтобус пожарной службы.

— Где встречаемся?

— Здесь же, у Олега Борисовича, его квартира пока не засвечена. Давайте определимся по времени: часа вам хватит на сборы?

— Лучше два, мне надо утрясти кое-какие проблемы, которые требуют моего присутствия.

— Учти, тебя наверняка ищут, — предупредил Костров сына. — Дома тебе лучше не появляться. Если хочешь, я привезу твою Надежду сюда сам.

— Спасибо, папа, — взглянул на отца Руслан с благодарностью. — Это было бы неплохо. До встречи.

Он кивнул и вышел из квартиры первым. За ним заторопились остальные, погруженные в свои мысли. Не спешил только Игорь Васильевич Ивашура, оставшийся не у дел и поэтому чувствовавший себя неуютно.

Интуиция сработала, когда он выходил из машины во дворе дома, где жил Гаранин. Руслан замер, прислушиваясь не столько к шуму вокруг, сколько к своим ощущениям, залез обратно в машину, подумав, что напрасно отпустил отца. Затем по рации вызвал Маркина, который должен был порыться в своих арсеналах и подъехать к Гаранину с оружием:

— Гена, ты где?

— Все в порядке, направляемся с Пашей к тебе.

— Во двор не заезжайте, что-то мне здесь не нравится. Оставьте машину на улице и подстрахуйте меня по варианту «тень».

— Принял.

Руслан выключил рацию, посмотрел на спутницу.

— Что-то случилось? — тихо спросила Надежда, сидевшая на заднем сиденье «Мазды».

— Пока нет, но мне активно не нравится здешняя атмосфера. Подождем ребят и поднимемся к Олегу Борисовичу.

— Кто это?

— Друг отца, бывший полковник контрразведки, они вместе когда-то воевали с «хронохирургами» и их эмиссарами.

— Ты мне так и не объяснил ничего толком. Куда мы едем, зачем, что будем делать в этой твоей Башне...

— Объясню все позже. Главное — добраться до Башни и незаметно просочиться внутрь. Тогда мы будем в безопасности... относительной, конечно.

Пискнула рация.

— Мы на месте, — сообщил старлей. — Видим твою тачку.

— Я выхожу с дамой, двигайтесь за мной в кильватере и глядите в оба. Приготовились.

— Давно готовы.

— Пошли!

Руслан вышел из машины, подал руку Наде и повел ее через двор к девятиэтажке, где на пятом этаже располагалась квартира Гаранина. Одеты они были по-походному в джинсовые костюмы и куртки, в карманах которых можно было спрятать много разных полезных вещей. Особенно оружие. В карманах куртки Руслана лежал суггестор «кобра», набор метательных стрелок и сюрикэнов, а на поясе в чехле висел десантный нож. У Нади из оружия имелся только пистолет «ТТ», принадлежащий Кострову-старшему. Провожая сына, Иван Петрович без колебаний отдал ему свой старый пистолет, принадлежавший еще деду, но вполне дееспособный и пристрелянный.

Интуиция Руслана не подвела.

Движение во дворе началось, когда он с Надей уже подходил к подъезду гаранинского дома, дверь которого не имела домофона и была открыта настежь.

Сначала к подъезду двинулась сидевшая на скамеечке молодая пара: коротко стриженный молодой человек спортивного вида в светлом костюме и такая же девушка с упругим гимнастическим шагом. Затем хлопнули дверцы микроавтобуса «Соболь» возле металлических гаражей, и вылезшие из него два молодых парня весьма специфического облика вразвалочку зашагали вслед за парой «спортсменов». Так работали почти все спецслужбы, планирующие операцию захвата, и Руслан опытным глазом отметил злую целенаправленность группы спецназа. Многих оперативников других подразделений конторы, как называли ФСБ ее сотрудники, он знал в лицо, но в данном случае работали не федералы, а, скорее всего, оперы Главного управления по борьбе с организованной преступностью. А это, в свою очередь, говорило о том, что Козюля имел выход на верхи ГУБОПа и принял все меры для пресечения утечки информации и ликвидации опасных свидетелей. А именно — Руслана Кострова и Надежды Докучаевой.

В подъезде никого не оказалось.

— Спрячься здесь! — быстро сказал Руслан, подтолкнув Надежду к нише с панелью почтовых ящиков. — Не высовывайся, что бы ни происходило!

Сам же стал за дверью и приготовился встретить гостей. Он не знал, задержан Гаранин или нет, но надеялся, что все закончится благополучно.

Раздались шаги, в подъезд вошла пара молодых людей, прислушалась к тишине дома, и тотчас же парень вытащил из подмышки пистолет и метнулся к лестнице. Девушка тоже выхватила пистолет (оба имели бесшумные двадцатичетырехзарядные «дротики») и приблизилась к лифту.

В то же мгновение Руслан выпрыгнул из-за двери, взлетел по ступенькам вверх и безжалостно толкнул девицу в спину, так что она ударилась всем телом о дверь лифта, вскрикнула и выронила пистолет. Ее партнер метнулся назад, и Руслан выстрелил в него из «кобры», не вынимая пси-излучатель из кармана. Парень споткнулся, кубарем скатился по ступенькам лестницы вниз до лестничной площадки первого этажа и остался лежать без движения.

Его напарница пришла в себя, потянулась за пистолетом, но Руслан отбросил «дротик» ногой, шагнул к ней и остановился, услышав за спиной резкий окрик:

— Стоять! Руки за голову!

Костров послушно прижал к затылку ладони, повернулся лицом к входной двери.

На него смотрели две пары глаз и два пистолетных дула.

— Я капитан Костров, — сказал Руслан спокойно, взмолившись в душе, чтобы Надя не запаниковала и не выскочила из своего убежища. — Федеральная служба безопасности, подразделение «Антей».

— Нам-то тебя и нужно, капитан, — осклабился один из парней, чуть повыше ростом, с кривым носом. — Не делай резких движений, не то придется вертеть в тебе дырки.

— Не буду, скажите только, откуда вы. По почерку вроде бы волкодавы из ГУБОПа. Нет?

— Догадливый ты, однако, капитан Костров. Недаром, наверное, мы за тобой охотились. Лёха, обыщи его. Кстати, где его девчонка? Он же с ней выходил.

— Да здесь где-нибудь, сейчас найдем.

Руслан напрягся, готовясь к прыжку. Но в этот момент за спинами двух оперативников из ГУБОПа возникли Гена Маркин с Пашей-летчиком, и ситуация резко изменилась.

— Не двигаться! — тихо, но четко скомандовал старлей. — Бросайте оружие!

Парни мгновенно обернулись, обученные отвечать выстрелом на угрозу, однако оперативники «Антея» действовали быстрей.

Паша-летчик просто вырубил своего противника ударом пистолета в челюсть, а Маркин выстрелил, выбивая пулей пистолет из руки спецназовца. Затем сделал шаг вперед и применил тот же прием, что и Паша, — врезал рукой с пистолетом по скуле противника.

С криком «Руслан!» из-за почтовых ящиков выбежала Надежда, бросилась к Кострову.

— Тише, все в порядке, — остановил ее Руслан, кивнул Маркину: — Свяжите их всех. Паша пусть останется, а ты потом поднимешься к Олегу Борисовичу вслед за мной.

— Будет сделано.

Руслан посмотрел на дрожащую от переживаний девушку.

— Побудь здесь, я не задержусь.

Не слушая возражений, он поднял один из пистолетов на полу и бесшумно побежал по лестнице вверх, включаясь в боевой режим.

Группа захвата, действующая по приказу какого-то начальника из высшего руководства спецслужб, действовала грамотно, вычислив место появления объекта задержания и устроив там засаду, но она недооценила опыт Руслана, его кондиции и вероятность того, что он будет не один.

Лестница никем не контролировалась вплоть до площадки пятого этажа. Лишь там, у лифта, дежурили двое молодых людей, курившие сигареты «АСТ».

Не останавливаясь ни на мгновение, Руслан выстрелил в одного из них из «кобры», а второго, успевшего развернуться к нему лицом, сбил на пол подсечкой, парализовал руку с пистолетом и ударом колена в подбородок нокаутировал. Замер, прислушиваясь к звукам, долетавшим на этаж из квартир и с улицы. Прошипел на ухо застывшему истуканом парню, получившему импульс пси-генератора:

— Сядь у окна и отдыхай!

Детина послушно повернулся, сел спиной к стене, откинул голову и расслабился. «Кобра» успешно справлялась со своей задачей полного подавления воли человека.

Появился Маркин с пистолетами в двух руках.

Руслан поднял вверх указательный палец, развернул его к двери в коридорчик с выходившими в него дверями квартир, сделал фигу. Старлей кивнул, спрятал пистолеты под ремень за спиной, шмыгнул в коридор.

Квартира Гаранина не охранялась, хотя это еще ни о чем не говорило. Засада наверняка ждала гостей внутри. Из ее обитой коричневым дерматином двери торчал глазок для контроля коридора. Одетый в обыкновенный летний костюм: серые брюки, клетчатая рубашка, легкая велюровая курточка, — маленький и скромный с виду Маркин больше всего походил на студента из фильма «Операция «Ы» и вряд ли был способен вызвать подозрения у засадников. Он неторопливо подошел к двери квартиры Гаранина и позвонил.

Дверь тут же открылась.

— Вам кого? — спросила выглянувшая из прихожей широкоплечая девица с короткой стрижкой.

— Олега Борисовича, — тонким голоском отозвался Маркин. — Мне надо ему кое-что передать.

— Заходите.

Дверь распахнулась шире. Старлей шагнул вперед, и тотчас же открывшая ему девушка схватила Геннадия за руку и рванула на себя. Однако вряд ли она ожидала того, что произошло в следующее мгновение.

Маркин сам прыгнул к ней навстречу, увеличивая импульс движения, врезался головой в подбородок и одновременно выхватил из-под полы вельветовой безрукавки девицы пистолет. Прятавшийся за дверью еще один участник засады не сразу отреагировал на этот прием, и Маркин схватился с ним в рукопашной, не давая парню возможности применить оружие. А потом в

схватку вмешался Руслан, действовавший в режиме скоростного реагирования, который профессионалы боя называли т е м п о м.

Третьего члена засадной группы, выглянувшего из гостиной на шум в прихожей, удалось обезвредить с помощью «кобры», и стрельбу открыть он не успел. Руслан ворвался в гостиную, выстрелил в человека у окна, достающего из-под отворота черной кожаной куртки пистолет-автомат, заглянул в спальню, никого больше не обнаружил и вернулся в гостиную.

Гаранин сидел на стуле, связанный по рукам и ногам, посреди комнаты и угрюмо взирал на происходящее, подрагивая ноздрями. Рот у него был заклеен скотчем, бывший полковник контрразведки не мог говорить и находился в ярости. Руслан быстро разрезал шнур, стягивающий лодыжки и запястья рук Олега Борисовича, тот сам отклеил ленту со рта и сплюнул.

— Вот сволочь!

— Полностью с вами согласен, Олег Борисович, — кивнул Руслан. — Вязал вас профессионал.

— Еще бы, — скривился Гаранин, подходя к мужчине, безвольно застывшему у окна. — Я сам его учил. Знакомьтесь: это и есть тот самый спец, которого я хотел взять с собой. Майор Сорокин Рудольф Кантемирович. Он и привел команду захвата. Неужели его завербовали эти ваши... эмиссары Игрока?

— Вне всяких сомнений. — Руслан покачал головой. — Ну и ну! Это действительно сюприз! Собирайтесь и уходим, времени у нас кот наплакал.

— Да, ты прав, — заторопился Олег Борисович, почесал затылок, оглядывая своего приятеля-майора, на которого рассчитывал и которого прочил в члены отряда. — Как же мы иногда ошибаемся в людях... — Гаранин с уважением глянул на суггестор в руке Кострова. — А неплохо работает эта штуковина. Нам бы такие.

— У нее маленький радиус действия — до десяти метров. К тому же ее аккумулятор рассчитан всего на полчаса непрерывной работы, потом его надо заряжать. Да и модулирование импульса не автоматическое, тоже требует смены программ.

— Все равно полезная вещь, позволяет обойтись без шума.

Гаранин начал переодеваться и собирать вещи в сумку. Через минуту он был готов.

Руслан вызвал Пашу:

— Что у тебя?

— Пока все тихо, только один жилец зашел, но ощущение паскудное. Надо улепетывать.

У Руслана тоже появилось неприятное чувство приближающейся снежной лавины, что объяснялось изменением обстановки: «датчик» интуиции снова уловил сдвиг тонких полей вокруг.

— Выходим.

Один за другим они выскользнули из квартиры Гаранина, оставляя бесчувственные тела спецназовцев (Маркин обыскал мужчин и обнаружил удостоверение на имя старшего лейтенанта ГУБОПа; засада состояла из сотрудников МВД, как и определил Руслан), спустились на первый этаж, и Маркин с Пашей первыми вышли из подъезда. За ними последовали Олег Борисович, Руслан и Надежда, с трудом сдерживающая нервную дрожь. Подошли к «Мазде» Кострова, держа под контролем всех прохожих и стоящие во дворе автомобили. Руслан отключил противоугонку, открыл дверцу машины, и в это время во двор с улицы с ревом влетел джип «Шевроле Блейзер» с темными стеклами, напоминающий бронетранспортер. Все остальное произошло в течение нескольких секунд.

Опытные оперативники «Антея» отреагировали на появление джипа мгновенно, не сговариваясь и не спрашивая, что делать.

Руслан втолкнул Надежду в кабину «Мазды», нырнул на сиденье водителя и включил двигатель. Гаранин чуть замешкался, сделав два лишних движения: глянул на джип, потом на Кострова, — но успел вскочить в машину, когда Руслан уже трогался с места.

Маркин выстрелил, точно попадая в колесо джипа, затем следующим выстрелом ослепил водителя: пуля из «дротика» попала в бронированное лобовое стекло «Шевроле», не пробила его, но нарисовала пучок трещин. Водитель рванул руль влево, удерживая джип на прямой, когда лопнула шина и его повело в сторону, затем вправо — при ударе пули в стекло, и джип врезался в стоявшую во дворе старенькую «сто одиннадцатую» «Ладу», превратив ее в груду железа.

Пассажиры джипа были, естественно, из того же подразделения, что и парни засады, поэтому выбрались из кабины «Шевроле» в режиме десантирования, однако воевать им было уже не с кем. «Мазда» Руслана миновала шеренгу машин, объехала джип и нырнула в арку, выезжая на улицу. А Гена Маркин с Пашей-летчиком, сделав несколько выстрелов по спецназовцам в камуфляже и уложив их на асфальт, в темпе покинули поле сражения и скрылись в проходе между домами, где оставили свою «Волгу». Спустя минуту после выхода отряда Руслана во двор две машины увозили их по Ленинградскому проспекту по направлению к Кольцевой автодороге.

Однако отцепиться от губоповцев оказалось непросто.

Во-первых, они имели хорошую систему связи и взаимодействия, быстро отрабатывающую изменение ситуации. Во-вторых, на ГУБОП работала и милиция, и ГИБДД, подключавшаяся по сигналу тревоги. Джип с группой поддержки отстал, зато уже

на втором посту дорожной инспекции у развилки Волоколамского и Ленинградского шоссе «Мазду» Руслана пытались остановить инспекторы, пока еще только с помощью полосатых жезлов и свистка.

— Где вы? — включил рацию Руслан, не ответив на жесты инспекторов, свернул на Волоколамку.

— В сотне метров сзади, — ответил Маркин. — За нами хвост: джип с крутыми ребятами и две «лягушки» с мигалками.

— Выйди на волну ГАИ! — быстро сказал Гаранин. — Пока преследователи не опомнились, можно перевернуть ситуацию с ног на голову!

Руслан понял. Олег Борисович предлагал дезориентировать работников ГИБДД, чтобы они не знали, кого именно надо задерживать.

— Гена, дай мне номера джипа!

— У, три двойки, НА.

Руслан передал рацию Гаранину.

— Здесь фиксированные частоты, жмите кнопку, пока не выйдете на диапазон инспекции.

Гаранин пощелкал кнопкой переключений частот, нашел волну ГИБДД и суровым голосом отчеканил:

— Всем постам Северо-Западного округа! Задержать джип «Шевроле Блейзер» с номерами У-222-НА! Пассажиры вооружены! Как поняли?

— Кто говорит? — после короткой паузы прилетел голос дежурного.

— Полковник Гаранин. Машину «Мазда» цвета «серый металлик» номер К-227-АТ и «Волгу» С-555-СТ пропускать без остановок!

Олег Борисович выключил рацию, проворчал:

— Надо было раньше догадаться это сделать, хотя, конечно, надежд мало, что финт сработает.

Проскочили развилку на улицу Курчатова. Инспектор у тумбы переключения светофора не обратил на «Мазду» никакого внимания, хотя Руслан гнал под сто тридцать.

Свистнула рация.

Руслан поднес трубку к уху.

— Сворачивайте к Тушинскому аэрополю, — раздался в трубке голос Ромашина. — Я жду вас у ворот.

— Кто? — кивнул на трубку Гаранин. — Отец?

— Комиссар Ромашин. — Руслан перещелкнул диапазон. — Гена, догоняй и делай, как я. У Тушинского аэродрома идем поперек шоссе.

— Понял.

— Держитесь! — Руслан включил фары, вдавил клаксон и с

воем рванул через встречную полосу к въезду на Тушинское летное поле прямо перед потоком машин. «Волга» с Пашей за рулем последовала за ним, как приклеенная.

Раздался хор автомобильных сигналов, скрежет тормозов, грохот ударов — несколько машин столкнулось. В боковое крыло «Мазды» врезался какой-то джип, едва не развернув машину беглецов на сто восемьдесят градусов, но все же она протиснулась в щель между автобусом и грузовиком и, помятая, вырвалась из потока перед воротами на Тушинское поле. Почти с таким же успехом это сделала и «Волга» Паши-летчика, получившая вмятину на правой двери.

Игнат Ромашин действительно ждал их возле металлических ворот, держа в одной руке черную сумку. Костюм, который он называл уником, изменил форму и теперь походил на зеленовато-серый армейский комбинезон.

Руслан остановил «Мазду» в метре от него, высунул в окно голову.

— Как вы здесь оказались?

— Потом объясню. — Игнат шевельнул рукой, и над плечом его выросла небольшая турелька с толстым стволом какого-то оружия. Из дула вылетела лиловая молния и, развернувшись в полотнище ослепительного огня, лопнула перед носом джипа «Шевроле», вздумавшего пересечь шоссе. Нос джипа подскочил вверх, и машина перевернулась.

Второе полотнище лилового огня опрокинуло бело-синий «Форд» с мигалкой, принадлежащий инспекции ГИБДД.

— Поехали, — сказал Ромашин будничным тоном, обходя «Мазду» слева, и сел рядом с Гараниным, ошеломленным легкостью, с какой комиссар остановил преследователей.

Руслан кинул взгляд на зеркало заднего вида, отражавшее сумматоху на шоссе, и повел машину к воротам. За ним двинулась «Волга» Маркина и Паши.

Ворота открылись, словно Ромашин знал волшебное слово, и закрылись за обеими машинами.

— Направо и вниз, — сказал Игнат. — К последнему вертолету.

Руслан повиновался, направляясь к полю винтокрылых машин. Через минуту они остановились у небольшого вертолета с работающим двигателем. Это был шестиместный «Ка-115» с двумя винтами на одной оси, способный летать со скоростью до трехсот километров в час. Безмолвно вылезли из машин, забрались в кабину вертолета, на месте пилота которого сидел неопределенного возраста круглолицый мужчина в таком же комбинезоне, что был и на Ромашине. Дверцы кабины закрылись. Вертолет поднялся в воздух.

Все смотрели вниз, на сиротливо оставшиеся на поле маши-

ны, и молчали. Надежда прерывисто вздохнула. Руслан обнял девушку, прижал к себе, успокаивая, расслабился. Из всех сидящих в вертолете только он да Ромашин понимали, что возврата к прошлому нет. Пути назад были отрезаны, а будущее казалось зыбким и неопределенным, как солнечный блик на воде.

До Башни, возвышающейся над лесами и болотами Брянской губернии, долетели за час. Пилот вел машину низко, над вершинами деревьев, буквально в полуметре следуя всем изгибам рельефа, и если вертолет искали, то вряд ли локаторы ПВО могли различить его на фоне ландшафта.

— Приготовьтесь, — сказал Ромашин, за все время полета не проронивший ни слова. — Здание хронобура имеет три тамбур-узла для выхода наружу, мы попытаемся воспользоваться верхним, на тридцатом этаже.

— Будем десантироваться прямо из вертолета? — уточнил Гаранин.

— Иного пути нет.

— Если мы замешкаемся хотя бы на пару минут, нас собьют.

— Надеюсь, этого не произойдет.

— А вы как выходили из Башни? Тоже через тридцатый этаж?

— Еще один тамбур находится на втором этаже. Но мне было проще, уник снабжен системой динго-маскировки. Охранники меня просто не заметили, когда я выходил.

Вертолет перескочил через стену с колючей проволокой, окружавшую Криптозону, в течение десяти секунд пересек воздушное пространство до Башни и свечой взмыл в небо, зависнув на высоте ста двадцати метров над землей. Ромашин открыл дверцу салона, вынул из сумки продолговатый предмет длиной с локоть, похожий на когтистую лапу с рукоятью, направил на стену Башни в десяти метрах. Стена внезапно дала трещину, которая зигзагом побежала дальше, замкнулась в многоугольник с неравными сторонами. Этот многоугольник налился розовым сиянием и стал таять, испаряться, образуя уходящий в стену тоннель.

Ромашин пробежался пальцами по рукояти необычного инструмента, укрепил его на полу кабины, самый длинный коготь «лапы» вдруг выстрелил в глубину тоннеля, потащив за собой тонкую белесую нить, вцепился в пол. Затем еще один коготь сорвался с «лапы» инструмента, вонзился в пол тоннеля рядом с первым, за ним второй и третий. Из нитей, соединявших ствол инструмента с когтями в тоннеле, выросли тонкие ворсинки, образуя нечто вроде светящейся паутинной дорожки. Ромашин без колебаний ступил на эту хрупкую с виду дорожку, сделал два шага и оглянулся, протягивая руку.

— Я и девушка пойдем первыми, остальные за нами.

Надежда нерешительно посмотрела на Руслана. Тот мягко подтолкнул ее к проему двери.

— Не бойся, все будет хорошо. Я пойду сзади.

Надя вцепилась в руку Ромашина, и они засеменили по странной лучистой дорожке к проходу в Башню. Вертолет стоял в воздухе как вкопанный, подчиняясь мастерству пилота. Что будет с ним, останется ли он в вертолете или последует за беглецами, Ромашин не сказал.

— Вперед! — махнул рукой Руслан.

Гена Маркин, Олег Борисович и Паша быстро перебежали по «струнам» дорожки в пещеру входа. Вертолет вздрогнул. Снизу донеслись частые хлопки и треск: охрана Башни, опомнившись, открыла по нарушителям огонь.

Руслан заглянул в кабину.

— Вы с нами?

— Уходите, — повернул к нему голову пилот, — я не успею.

Вертолет снова вздрогнул, качнулся.

— Уходите!

Руслан беззвучно выругался и бросился к выходу из кабины, ступил на струны дорожки. Одна из пуль попала в струны снизу, и они засияли сильнее. Руслан перебежал пропасть по этому зыбкому и хрупкому на вид мостику, его подхватили чьи-то сильные руки, он оглянулся и увидел в проеме дверцы вертолета бровея Мимо. Бродяга по мирам Ветвей подмигнул ему, поднял сжатый кулак большим пальцем вверх, как бы одобряя происходящее, и в тот же момент вертолет отвалил в сторону, косо пошел вверх, но тут же задымил и рухнул на лес. Раздался взрыв, внизу вспух клуб пламени и столб дыма. Тихо вскрикнула Надя. Мужчины молча смотрели на горящие обломки вертолета, прощаясь с погибшим пилотом и со всем своим прошлым одновременно.

— Идемте, — окликнул их Ромашин и добавил, понимая чувства спутников: — Это был витс.

— Кто? — не понял Гаранин.

— Нечто вроде робота, — вспомнил Руслан рассказы отца, продолжая смотреть вниз, на подножие Башни.

Ромашин подошел к нему, заглянул в лицо.

— Что-нибудь не так?

— Мне показалось...

— Бровей?

— Так вы тоже его видели?!

— Он провожал нас. Это хороший знак. Видимо, наш отряд действительно кое-что собой представляет — в потенциале, конечно, если на нас делают ставку.

— Я не понял, о ком вы говорите, — проворчал Олег Борисо-

вич, — но, на мой взгляд, мы слишком легко отделались. Почему нас пропустили к Башне почти беспрепятственно?

— Потому что контроль за Игрой на уровне пешек, если брать шахматные термины, ведется слабый. Простите меня за сравнение, но мы пока пешки. Вот когда мы образуем более серьезную фигуру, тогда за нас возьмутся всерьез. Но давайте поторопимся, тамбур вот-вот закроется.

Руслан посмотрел на девушку.

— Боишься?

— Боюсь!

— Будет еще страшней, выдержишь?

— С тобой — да!

— Тогда в путь.

Отряд двинулся по темному тоннелю в глубь стены Башни. Сзади загудело — это закрылся проход в тамбур-зону. Впереди вспыхнул свет. Все невольно замедлили шаг, даже Ромашин, знавший, что их ждет. А Руслана вдруг охватило чувство распахивающейся под ногами бездны.

В лицо подул ветер тайны, сердце сжалось от предчувствия удивительных событий и встреч, и он понял, что настоящая жизнь еще впереди.

Часть III

ЧЕЙ ПРОМЫСЕЛ

ГЛАВА 1

Они стояли на лысой вершине холма, где их высадил трансгресс, и разглядывали пейзаж, удивительно напоминающий пейзажи России с ее лесами, равнинами, лугами и реками. Вокруг холма росли красивейшие леса, изредка расступавшиеся под натиском болот или рек. Ни одно искусственное сооружение не пробивалось из-под темно-зеленой шкуры леса, ни один дымок не появлялся на этом фоне, и ни один летательный аппарат не прочерчивал в густо-синем небе инверсионного следа. Человеческая цивилизации на планете Гезем — копии Земли в этой Ветви — после Разрыва Бытия, как тут называли катастрофу, связанную с выходом хронобура, так и не смогла подняться до прежнего уровня.

Человеческие племена сохранились, поддерживая едва теплившийся огонек разума на планете, и в будущем могли объеди-

ниться в единое сообщество, носящее статус цивилизации, однако и спустя двадцать пять лет после выхода из Ствола отряда Жданова и ухода Ясены, матери Ивора, с Гезема на Землю Павла, в этом мире практически ничего не изменилось. Во всяком случае, по первому впечатлению, возникшему у беглецов с Земли, прибывших на родину их матерей.

Впрочем, это впечатление не обмануло их и подтвердилось впоследствии. В данный же момент молодых людей больше волновало другое — наличие хотя бы одного аборигена, который мог бы подсказать, где, в какой стороне следует искать племя россинов, в котором родилась Ясена и жил мудрый волхв Род. Только он мог дать Ивору и Мириам лонг-меч, как тут называли дриммер, или посоветовать, где его искать.

— Вот он, смотри! — воскликнула Мириам, вытягивая вперед руку.

Но Ивор и сам уже увидел на севере едва видимую на горизонте тонкую былинку, проколовшую небо. Это был Ствол.

— Нам надо идти туда, — сказала Мириам. — Племя твоей и моей мамы селилось недалеко от Ствола.

— Отсюда до Ствола не меньше тридцати километров. Если бы у нас были антигравы...

— Их у нас нет, поэтому придется идти пешком.

— Я пить хочу, — признался Ивор. — В горле пересохло.

— Спустимся и найдем ручей или реку. Только сначала попробуй просканировать окрестности своим сверхчувственным «локатором» и определить, где нас ждет опасность.

Ивор послушно закрыл глаза, настроился на т и ш и н у и погрузился в не слышимые человеческим ухом звуки и не видимые глазом поля. Тело растворилось в странном призрачном облаке, голова превратилась в огромный расширяющийся шар, пронизанный миллионами лучиков и ниточек света. Ивор вдруг ощутил себя одной из клеток гигантского живого организма под названием Лес и почувствовал все его шевеления, вздрагивания, вздохи, шумы, разговоры мириад существ, живущих в нем, все устремления, желания и мечты.

Озарение длилось недолго, словно сверкнула молния, высветила все мельчайшие детали мира и погасла, но Ивор успел ощутить всю его сложность и красоту, испытать восторг и сожаление, что прикосновение к бескрайней системе иной жизни, чем-то очень знакомой и близкой, закончилось.

— Ты права, — сказал он, отвечая на немой вопрос в глазах спутницы. — Ближайшее селение располагается в двадцати километрах отсюда, недалеко от Ствола. На мой взгляд, оно небольшое, человек на двести. Животных в лесу много, но почти все не-

опасны. Зато километрах в десяти живут какие-то интересные существа. Очень большие и умные. Вот они — опасны!

— Может быть, это медвяны? Мама тебе не рассказывала о популяции разумных медведей?

— Рассказывала, разумеется, однако медвяны это или нет, я не знаю. Лучше бы их обойти.

— Ничего, отобьемся, если кто-нибудь рискнет на нас напасть. У меня с собой «универсал». Да и ты начал понемножку вспоминать приемы воздействия на реальность.

Ивор промолчал. Не то чтобы он не верил в свои возможности, но говорить о них было рано. Да и признаваться не хотелось, что он разговаривает сам с собой, как с чужим человеком, опытным и знающим жизнь. Хотя опыт этот, вероятнее всего, принадлежал не самому Ивору, а всей родовой линии предков.

Они спустились с холма в лес, нашли ручей, умылись, напились, и Мириам первой направилась в ту сторону, где на горизонте росла былинка Ствола, скрытая теперь от взора лесной стеной.

Первые пять километров дались им легко. Увлеченные созерцанием местной природы и выделением из лесных шумов знакомых звуков, путешественники не заметили, как пролетели полтора часа. Деревья в лесу росли почти такие же, что и на Земле: сосны, ели, березы, дубы и лиственницы, хотя встречались и незнакомые разновидности. Например, бамбук с черным стволом, хвощевидная трава высотой в рост человека или растения, напоминающие гигантский подсолнечник с канделябровидной верхушкой.

Попадали и звери, в основном мелкие грызуны, белки-летяги, сопровождавшие путешественников долгое время, какие-то буро-желтые и длинные зверьки, напоминающие собак и хорьков одновременно, а также змеежи — колючая помесь ежа и змеи, лягушары — огромные лягушки с почти человеческими головами и печальными глазами утопленниц, и стукалы — нечто среднее между дятлом и сусликом. Но Ивор чувствовал, что за ними наблюдают и более крупные животные, не привыкшие торопиться и оценивающие степень опасности непрошеных гостей.

Мама говорила, что на Геземе водились кролани — кролико-олени с трехлистниковыми рогами, болотамы — бегемоты с крокодильей пастью, живущие в болотах, и тигриды — хищники, от которых убегали даже слоновидные хищные черепахи размером с грузовой драккар. К счастью, в лесах Срединного пояса Россинии эти твари не водились.

Птиц в лесу оказалось множество, и от их трелей звенело в ушах. Все они имели крылья, клювы и лапы, так что ничем не отличались от земных, не считая расцветки. Впрочем, здешняя малиновка практически была идентична земной, сорока тоже, как и

длинноногий кулик, а вот вороны здесь были иссиня-фиолетового цвета с красными носами и красными лапами и не каркали, а буквально завывали, как злые духи. Ивор вспомнил, что соплеменники мамы называли этих птиц каянницами.

Температура воздуха в лесу не превышала восемнадцати градусов, хотя уники на землянах могли регулировать внутренний температурно-влажностный обмен и выдерживали как мороз до пятидесяти градусов по Цельсию, так и жару до шестидесяти. Судя по пышной зелени и разнообразию трав и цветов, прибыли путешественники на Гезем — с учетом места высадки — в разгар весны. Дышалось здесь легко (кислорода в здешнем воздухе было чуть больше, чем на Земле), а от запахов кружилась голова. Особенно сильным был запах меда, собирали который на буйно цветущих лугах гигантские пчелы с палец величиной. Укус такой пчелы наверняка был болезненным, если не смертельным, и Мириам с опаской обходила стороной скопления цветов с жужжащей тучей пчел.

А спустя два часа с начала похода к Стволу земляне неожиданно столкнулись с медвянами.

Перейдя вброд очередной ручей с кристально чистой водой, они взобрались на обрыв, протиснулись сквозь могучие заросли хвощей и крапивы и оказались на очередном лугу, в центре которого возвышались странные круглые домики, сплетенные из прутьев и укрепленные на вершинах высоких столбов. Ивор и Мириам не сразу поняли, что это своеобразные ульи. Но остановились они по другой причине.

В полусотне метров от них у одного из ульев копались в огромной повозке, накрытой колпаком из плетеных прутьев, две могучие косматые фигуры с медвежье-человеческими лицами, одетые в блестящие зеленоватые фартуки. Их шеи были повязаны шарфами, а лапы к плечам обнимали не то браслеты, не то бликующие серебряным шитьем повязки.

— Медвяны! — охнула Мириам.

Существа, заросшие буро-коричневой шерстью, перестали возиться в повозке и уставились на землян светящимися желтыми глазами, в которых отражались ум и любопытство.

Пауза длилась минуту. Потом Ивор сделал шаг вперед и сказал, протягивая вперед руки ладонями вверх:

— Мы пришли с миром и приветствуем хозяев этой земли. Давайте поговорим?

Разумные медведи переглянулись (Ивор не услышал, а почувствовал их ментальный обмен), снова уставились на молодых людей, и на тех вдруг вылилась волна необычных ощущений, переходящих друг в друга, соединяющихся, сплетающихся, создающих удивительный эффект интеграции разнородных и даже

противоположных эмоций: стеснение, сомнение, жажда понять и осмыслить, печаль и радость, страх и отвага, угроза и приветствие. Затем один из медвян поднял лапу над головой и сделал приглашающий жест.

Ивор и Мириам переглянулись.

— Они нас не боятся?

— Это их мир, они в нем хозяева, чего им бояться. Попробуем поговорить, найти общие интересы, может быть, и подружимся.

Они направились к медвянам, разгребая травы, как воду. Остановились в нескольких шагах, вдруг увидев запряженного в повозку зверя, похожего на волка и крокодила одновременно. Медвян, подозвавший путешественников, обнажил зубы. Вероятно, это означало улыбку. Ивор улыбнулся в ответ.

— Мы пришли оттуда. — Он указал на небо. — Меня зовут Ивор, ее — Мириам.

Медвян посмотрел на спутницу Жданова, снова показал зубы и медленно, с трудом проговорил:

— М-мы-р-ри-а-амм...

Затем поднял огромную когтистую, но с плоской и голой ладонью лапу, показал на небо, на Ивора со спутницей и сделал отрицательный жест.

— Н-них-х-х... г-хо-р-ра... у-у-у... — Медведь вытянул лапу в ту сторону, где располагался еще невидимый за деревьями Ствол.

Ивор понял, что медвяны з н а ю т, откуда на самом деле прибыли люди. Ствол здесь представлял собой врата в иные миры, откуда на Гезем изредка высаживались десанты диковинных существ.

— Правильно, — кивнул молодой человек, — мы пришли из далекого мира, куда нельзя добраться даже на космолете. Помогите, мы ищем таких же людей, как и мы. — Он указал на Мириам и себя.

Медвяны посмотрели друг на друга, уставились на Ивора. Тот, кто беседовал с людьми, нерешительно показал на Мириам.

— У-у-у... ма-а?

— Попробуй повторить, что ты сказал, — предложила девушка, — и одновременно продублируй то же самое мысленно. Похоже, они общаются в пси-диапазоне.

Ивор повиновался, четко представив племя родичей мамы, их дома и Ствол неподалеку.

— Гух-ух! — рявкнул медвян, не сводя глаз с лица Ивора. — Ч-ччвекки ф-ф с-с-торрона-а... — Он снова вытянул лапу в направлении на Ствол. При этом Ивору показалось, что он вполне понимает разумного медведя, указавшего, где надо искать людей. Судя по интонации речи, медвян относился к ним вполне доброжелательно.

— Р-р-рак-м-ма, — произнес вдруг второй медвян более высоким и мягким голосом.

Морда у этого медведя была покруглей и понежней, чем у первого, да и фартук облегал фигуру по-иному, и путешественники поняли, что это самка.

Ее напарник, а возможно, и хозяин или муж, что-то прорычал, она влезла по пояс под крышу повозки и вытащила самую настоящую деревянную кружку с крышечкой, затем засеменила к Ивору и протянула ему.

— Спасибо, не надо, — застеснялся Ивор, но Мириам быстро проговорила:

— Бери, это мед! — И он взял.

В кружке, вмещавшей около двух литров, действительно оказался мед. Он был ярко-оранжевый и прозрачный и источал такой упоительный специфичный цветочный запах, что у Ивора потекли слюнки. Не удержавшись, он макнул палец в мед и облизал, прислушиваясь к ощущениям. Но этот мед почти ничем не отличался от пчелиного меда на Земле, разве что был менее густым и тягучим, и его хотелось пить как воду.

— Дай мне, — попросила Мириам.

Ивор протянул ей кружку. Девушка попробовала мед пальчиком, потом сделала несколько глотков и сказала, зажмурившись от удовольствия:

— Кайф!

Медвяны заворчали, скаля зубы, размахивая лапами. Они поняли, что их продукт понравился пришельцам. Самка снова было сунулась в повозку за медом, но Ивор ее остановил, сделав отрицательный жест:

— Спасибо, мы больше не унесем. Если еще свидимся, в долгу не останемся.

— Пусть вам живется легко, — добавила Мириам.

Медвяны, конечно, не поняли их языка, но общий благодарный и дружелюбный тон восприняли и закивали тяжелыми головами, ворча на своем рыкающем языке ответные слова удовлетворения и доброжелательности. Помахав им руками, земляне снова двинулись в путь, пересекли луг и оглянулись. Но медвян с их повозкой уже не было видно. Над морем травы торчали только столбы с ульями, окруженные тучей пчел.

— Нет, все-таки хорошо, что мы направились именно сюда, — сказала Мириам. — Здесь хорошо. Я чувствую себя как дома. А ты?

— Я тоже, — кивнул Ивор, чувствуя жажду. — Не хочешь пить?

— Хочу. Это, наверное, действие меда сказывается. Я бы не прочь и искупаться.

— Река недалеко, я чувствую влагу. И еще что-то...

— Что?

— Не знаю. Ощущение странное, будто впереди лежит нечто большое, чужое и холодное... и опасное!..

Мириам перестала блаженно потягиваться, нахмурилась, вырастила из уника на плече турель и вставила в нее «универсал».

— Не хватало нам только нарваться на выживших «санитаров».

— Медвяны нас предупредили бы.

— Все равно я пойду первой.

Ивор пожал плечами и возражать не стал.

Через полчаса они действительно вышли на берег неширокой спокойной реки и увидели на противоположном, более низком берегу наполовину утонувшую в земле черно-фиолетовую тушу чудовища длиной в добрых полсотни метров и высотой в четыре человеческих роста. Оно напоминало механического «кентавра», упавшего на передние ноги и умершего в таком положении. Конечно, механизм имел еще множество деталей, выступов и отверстий, но обводы корпуса и копыта все же превращали его в «кентавра». Правда, вместо головы на «мускулистом» человеческом торсе вырастал членистый рог длиной около шести метров, покрытый сизо-серой окалиной, а весь корпус монстра лоснился фиолетово-черным «воронением» металла.

— Вот это зверюга! — вполголоса заметила Мириам, готовая выстрелить в любой момент при малейшем движении кентавра. — Ты знаешь, что это такое?

— Похоже, «лошадь» «хронорыцаря», — пробормотал Ивор. — Отец не раз встречал этих странных существ. Вполне возможно, где-то здесь лежит и всадник.

— Насколько я помню материально-техническое оснащение участников Игры, подобные «кентавры» представляли собой автономные энергосистемы «хронорыцарей».

— Представляли, ну и что?

— Мы не сможем воспользоваться такой энергосистемой?

Ивор с любопытством посмотрел на спутницу.

— Как ты собираешься ею воспользоваться?

— Еще не знаю, но вдруг придется спасаться от каких-нибудь «санитаров» или «хронохирургов».

— «Санитары» и «хронохирурги» участвовали в прошлой Игре, в нынешней задействованы другие Игроки, с другими возможностями. У них должны быть свои оруженосцы и помощники.

— Не важно, как они будут называться, но я уверена, что в скором времени мы столкнемся с ними. И если нам не удастся добыть дриммер...

— Ты же уверяла, что он здесь есть!

— Он был у Рода, волхва племени, где родились наши мамаши, это я знаю точно. Однако прошло уже много лет, и жив ли Род, неизвестно.

— Понятно, — пробормотал разочарованный Ивор. — Я думал, мы придем и возьмем...

— Есть такая древняя пословица: без труда не вытащишь рыбку из пруда. Надо не ждать подарков, а приложить определенные усилия, чтобы достичь цели. Тогда и душа возрадуется.

Ивор промолчал.

Они переплыли реку и обошли чудовищную «лошадь» «хронорыцаря» кругом, разглядывая детали корпуса. Ивор попытался рассмотреть нечто вроде люка на боку крупа механического кентавра, и ему показалось, что внутри него шевельнулось что-то тяжелое и теплое, как будто вздрогнуло сердце исполина. Молодой человек понял, что «кентавр» еще жив или по крайней мере имеет запас энергии, и его системы в состоянии работать.

— Что ты увидел? — насторожилась Мириам.

Ивор очнулся.

— Он не мертв, просто спит! Или выключен и законсервирован. Возможно, его действительно удастся разбудить, хотя я пока не знаю — как. Да и заставить подчиняться — тоже задача...

Девушка засмеялась.

— Мне нравится твоя обстоятельность. Я только помечтала о возможности покататься на такой «лошади», а ты уже начал искать способы управления. Но было бы здорово заставить это чудище повиноваться. Представляешь, мы заявляемся домой на таком «кентавре»? — Она фыркнула. — Хотела бы я увидеть рожу Полуянова.

Ивор улыбнулся.

— Всегда приятно прийти туда, где тебя не ждут. Пошли, а то солнце садится.

«Кентавр» скрылся за деревьями. Молодые люди снова углубились в лесную чащобу и через час остро пожалели, что у них нет антигравов. Пробираться сквозь густые заросли неухоженного, полного поваленных деревьев, заросшего кустарником и травой леса было нелегко, и не привыкшие к такой ходьбе земляне вскоре устали. Мириам упорно шла вперед, протискиваясь между сучьями елей и сосен, обходя или переползая через метрового диаметра стволы, раздвигая руками стебли метельчатой жгучей травы, похожей на крапиву. Однако стоило Ивору предложить отдых, как она тут же согласилась.

— Пожалуй, к вечеру мы таким темпом к деревне не подойдем, — сказала она, разглядывая старый трещиноватый пень. — По таким лесам я никогда не ходила.

— Потому что у нас на Земле таких и нет, — отозвался Ивор, присев на корточки. — Перекусить бы чего-нибудь.

— К сожалению, у меня с собой ничего нет. Могу подстрелить какую-нибудь зверюшку, разожжем костер и поджарим. Меда хочешь?

— От него пить хочется.

— Это точно. Кстати, посмотри на этот пень.

Ивор повернул голову.

— Вижу.

— Здесь росло дерево.

— Ну и что?

— И его с р у б и л и! Пень сам по себе не делается.

Ивор встал, оглядел пень со следами топора, хмыкнул.

— Действительно, кто-то срубил сосну.

— Дело не в сосне, а в том, что сквозь такие буреломы далеко ствол не уволокешь. Деревня где-то рядом. Напрягись, посмотри своим третьим глазом.

Ивор вздохнул, преодолевая усталость и лень, выпрямился, закрыл глаза и совершенно без усилий вошел в состояние в н у т р е н н е г о резонанса. И сразу же горизонт раздвинулся, стволы деревьев стали бесплотными и прозрачными, Ивор увидел сквозь них холмистую равнину, реки и ручьи, Ствол в десятке километров от этого места, похожий на угрюмую конусовидную скалу с двуглавой вершиной, и всего в километре обнаружил поселок людей из полусотни деревянных изб. Показалось, что поселок этот нежилой, в нем не было движения, но обрадованный Ивор поспешил выйти из сферы озарения и сообщил наблюдавшей за ним Мириам:

— Тут недалеко, в километре, деревня.

— Я же говорила, — обрадовалась девушка. — Теперь мы и отдохнем, и в баньку сходим, и поужинаем. На одном меду далеко не уедешь.

Они снова пустились в дорогу, подстегиваемые желанием встретиться с родными бабушками и дедами, отдохнуть, поговорить о жизни и расслабиться. О встрече с волхвом особенно не думали, само собой разумелось, что это произойдет обязательно.

Вскоре деревья поредели, путешественники наткнулись на хорошо утоптанную, хотя и поросшую травой тропинку и вышли к деревне, удивляясь тишине и отсутствию движения.

Деревня была пуста. Судя по заброшенности огородов и обветшалости строений, она была брошена давно, не менее двух десятков лет назад. Точнее, не брошена, а оставлена. Нигде не было видно мусора, разбитой посуды, на улицах и во дворах не валялись вещи или трупы и кости животных.

Ивор и Мириам зашли в один дом, в другой, третий и везде

видели аккуратно застеленные кровати (все они ориентировались строго в меридиональном направлении: соплеменники Ясены и Ярины спали головой на север), убранные комнаты, чистые горницы и кухни (если не считать слоя пыли). Люди явно покидали селение без спешки и паники. Но почему-то не вернулись.

— Да, дела-а... — почесал в затылке Ивор. — Неужели медвяны нас обманули? Направили в брошенную деревню?

— Не думаю, — нахмурилась Мириам. — Они простодушны и вряд ли знают, что такое ложь и обман. Мы, наверное, сами забрели не туда. Вокруг Ствола не одно только наше племя поселилось, были и другие. Можешь еще раз выйти в эфир и посмотреть на этот район сверху?

— Попробую, — пожал плечами Ивор и вдруг насторожился. Показалось, на спину легла чья-то пугливая холодная рука. Включив «третий глаз», он уловил движение в одном из брошенных домов в конце улицы и вытянул вперед руку:

— Там кто-то есть!

Реакция Мириам была мгновенной. Она прыгнула к Ивору, дернула его на себя за руку и выстрелила из «универсала». Они упали на землю, и это спасло жизнь обоим. Пуля, выпущенная из какого-то допотопного карабина или ружья, пролетела над ними, вонзилась в стену избы неподалеку и пробила в ней дыру величиной с кулак.

Но и выстрел Мириам не достиг цели, разве что напугал неведомого стрелка. Тот выстрелил еще раз и затаился.

— Эй, кто вы там, не стреляйте! — крикнула девушка. — Мы мирные люди и никому не желаем зла.

Тишина в ответ.

Затем шевельнулась дверь хаты в сотне метров от лежащих землян, и на пороге появилась тоненькая фигурка в охотничьей парке, сапожках и кожаных штанах с бахромой, с огромным ружьем в руках. Это мог быть кто угодно — старик-охотник, юноша или невысокий мужчина с волосами, собранными в косу на затылке, но Ивор вдруг понял, что перед ним девушка.

ГЛАВА 2

Ее звали Яная, и она оказалась дальней родственницей обоих пришельцев с Земли. Колдун Кослвила, отец Ясены, матери Ивора, был дядей Янаи, а ее мать была троюродной сестрой Ярины, матери Мириам.

Все эти подробности земляне выяснили, беседуя с аборигенкой в саду возле того самого дома, из которого стреляла Яная. По сути, это был дом ее родичей, и пришла она в брошенную дерев-

ню за кое-какой утварью, что случайно совпало с появлением землян.

— Зачем же ты стреляла? — удивилась Мириам, с интересом приглядываясь к наряду юной россинки.

— Страшно же! — ответила Яная простодушно. — Уже два сезона наши охотники стерегут Проклятую Гору Богов, ждут выхода опасных тварей. Я подумала, что эти твари прошли сквозь оцепление, и сильно испугалась.

Ивор и Мириам переглянулись.

Говорила россинка на удивительной смеси русского, украинского, польского, индийского и немецкого языков, но понять ее было можно даже при отсутствии лингвора.

— Что она имеет в виду под Проклятой Горой Богов? — спросил Ивор.

— Ствол, естественно. — Мириам посмотрела на Янаю, прижимавшую к груди уродливой формы ружье с длинным ребристым дулом. — Что за тварей вы ждете из Горы?

— Вождь приказал убивать всех, кто выходит из Горы, даже если они похожи на людей.

— Зачем?

— Я не знаю. — Юная россинка порозовела. — Мамия говорила, что к вождю приходили чужие, все черные, в таких же костюмах, что и на вас, и после этого он сделался костяным.

— Каким?!

— Ну, он как снулая рыба, ни на кого не смотрит, ничего не делает, только кричит и людей бьет.

— Да-а! — покачала головой Мириам. — Это явное кодирование, ты не находишь? — Она посмотрела на Ивора. — Тебе не кажется, что кто-то нас опередил и заставил вождя не выпускать из Ствола никого? То есть нас.

— Может быть, — согласился Ивор. — Слуги здешнего эмиссара, если это не сам вождь, ждали, что мы выйдем из Ствола. Интересно, если мы заявимся в деревню, что нас ждет?

— Теплый прием, — фыркнула Мириам. — Даже горячий. Если бы нам удалось встретиться с Родом или в крайнем случае с дедом Кослвилой... Яная, старый волхв Род жив?

— У нас нет такого, — с сожалением покачала головой россинка. — Ходит легенда, что много сезонов назад, почти в два раза больше, чем мне, могучий волхв Род ушел в Проклятую Гору Богов и не вернулся.

Ивор и Мириам снова обменялись взглядами.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — задумчиво проговорила девушка. — Похоже, помощи мы не дождемся. Во всяком случае, дриммера нам не видать. А я так надеялась, что мы его здесь получим!

— Ничего, еще не все потеряно. Отец говорил, что Род нашел в Стволе целый склад дриммеров. Возможно, они спокойно лежат где-то и ждут нас. Надо идти в Ствол.

— Но прежде все же не мешало бы расспросить родичей, того же Кослвилу, он колдун и может что-то знать.

— Деда Кослвилу забрали с собой лихие люди, — тихо сказала Яная. — Он тоже ходил в Проклятую Гору Богов и рассказывал чудеса. Три сезона назад за ним пришли черные люди в рыбьих костюмах и увели. С тех пор его никто не видел.

— Оперативно работают, — пробормотал Ивор.

— Кто? — не поняла Мириам.

— «Санитары», кто же еще. Вернее, агенты нового Игрока. Не допускают ни малейшей утечки информации. Ну, что, ты настаиваешь на походе в деревню?

Мириам прошлась по траве, сбивая рукой метелки.

— И тем не менее я хотела бы встретиться с родственниками... ведь они даже не знают, что у их соплеменницы есть дочь.

— Тогда пошли, Яная нас проводит.

— Вам нельзя идти в деревню, — с виноватым видом покачала головой россинка. — Вождь будет сильно гневаться и кричать.

— Ну, мы его криков не боимся.

— Ты забываешь, что он может отыграться на Янае. Нам он, может быть, и не сделает ничего, но ей испортит жизнь наверняка.

— Что ты предлагаешь?

— Идти в Ствол. Там мы установим контакт со Стасом и попросим его направить нас в Ветвь, где застрял отец.

Мириам подумала немного и согласилась.

— Наверное, это оптимальный вариант в нынешних условиях. Яная, как нам обойти ваших охотников? Они все вооружены такими пищалями?

— Нет, у меня очень старое ружье, — застеснялась россинка. — Его еще мой прадед из Индиконии привез. У охотников метрополийские винтовки с буркалами.

— С чем? — удивилась Мириам.

Яная покраснела.

— Это такие стеклянные штуки для прицеливания.

— Оптические прицелы. — Мириам дотронулась до ружья в руках россинки. — У твоего ружья действительно такого нет. Интересно, а боеприпасы к ружьям где вы достаете? Тоже покупаете?

— Раньше покупали в метрополии, обменивали на шкуры зверей, на мясо и мед, а теперь сами делаем. В деревне свою кузню поставили, там волхвы и кузнецы работают. А у тебя на плече тоже ружье?

— Можно сказать и так. Только оно бесшумное и стреляет разными пулями.

— У тех черных чужаков, что приходили к вождю, тоже такие ружья были.

Ивор, почти не принимавший участия в разговоре, почувствовал беспокойство, прислушался к своим ощущениям и пробормотал:

— Пора уходить отсюда. Что-то изменилось вокруг, изменилось в плохую сторону...

— Что ты чувствуешь? — быстро спросила Мириам.

— Странное чувство... будто подул холодный ветер и нас осветил невидимый прожектор...

— Это поток внимания. Возможно, вслед за нами здесь появились плохие парни с хомодетекторами и биопеленгаторами и начали нас искать. Яная, не побоишься отвести нас к Проклятой Горе Богов?

— Не побоюсь, — храбро вскинула голову россинка. — Лишь бы наши охотники пропустили.

— С ними мы уж как-нибудь договоримся. Ты ведь нам поверила? И они поверят. Кстати, а почему ты нам поверила?

— Мед, — показала Яная на деревянную кружку в руке Ивора. — Медвяны подарили вам глечик с медом, а они дружат только с добрыми людьми.

— Что ж, спасибо им.

Они выступили в поход: впереди Яная со своим тяжелым «пулестрелом», за ней Ивор и последней Мириам. Пересекли деревню, углубились в заросли леса по дороге, ведущей на север. Дорога была на удивление ровная, будто укатанная грейдером, и трава на ней не росла, хотя не ходили и не ездили по этой дороге уже давно. По словам Янаи, жители оставили деревню после того, как в ней поселился злой дух, пугающий домашних животных. Волхвам выгнать его не удалось, и вождь принял решение переселиться подальше от Проклятой Горы Богов. А чтобы дух не преследовал племя, россины оставили не только дома, но и все свои вещи.

— Теперь-то уж можно понемногу забирать кое-какие предметы обихода, — добавила Яная, — дух давно ушел отсюда, это волхв Кирик проверил, но люди все равно боятся сюда ходить.

— А ты?

— А я не боюсь!

— Как ты думаешь, что это за дух у них поселился? — спросила Мириам Ивора. — Уж не видеокамеру ли скрытую установили в деревне агенты здешнего эмиссара? Для наблюдения за всеми жителями и гостями?

— Вполне, — согласился Жданов. — Чьего-то появления они очень боялись, вот и приняли превентивные меры.

— Поищем?

— Некогда.

— Наверняка они ждали нас, — сказала Мириам с великолепной уверенностью. — Бровей назвал тебя оператором не зря, это соответствует действительности. Нам повезло, что трансгресс высадил нас далеко от Ствола.

— Сможем ли мы пробиться к нему с одним «универсалом» — вот вопрос, — проворчал Ивор, стараясь не отстать от гибкой фигурки проводницы, скользящей между деревьями; с дороги они уже свернули и шли теперь по лесу.

— Что-нибудь придумаем, — пообещала Мириам с той же категоричной уверенностью. — Положись на меня.

Благодаря знанию местности и чутью Янаи три с лишним километра они двигались с хорошей скоростью, обходя болотца и буреломы, переправляясь через попадавшиеся ручьи по перекинутым через них бревнам. Затем Ивор снова почувствовал знакомое дыхание «холодного ветра» и усилием воли перешел в состояние мгновенного подсознательного ответа на изменение обстановки.

Он увидел пульсирующую светящуюся сеть, пронизывающую пространство леса и соединяющую более яркие лучистые облачка. Эти облачка представляли собой ауры живых существ, населяющих лес. Большинство из них светилось «мирным» зеленовато-желтым светом, но встречались и «опасные» тона — багровые, угрюмо-коричневые и особенно агрессивные — фиолетовые. Два таких фиолетовых пятна ждали путешественников буквально в полусотне метров впереди.

— Стойте! — шепотом крикнул Ивор. — Там кто-то есть! Близко!

Яная замерла, прислушиваясь к лесной тишине. Оглянулась на спутников.

— Ждите меня здесь! Это наверняка наши охотники. Я поговорю с ними, и они вас пропустят.

— Почему ты в этом уверена?

Россинка улыбнулась — смущенно и гордо.

— Я дочь ведича, он командует охотниками. Они почти все хотят взять меня в жены.

Девушка исчезла в зарослях кустарника.

Мириам посмотрела на Ивора оценивающе.

— А ты бы не хотел на ней жениться? Все глаза проглядел!

— Красивая девочка, — отозвался Ивор с рассеянным видом, с удовольствием отмечая изменение ее настроения. — К сожале-

нию, я не охотник, а квистор. Едва ли у них тут ценится способность разбираться в квантовой истории.

— Ах так, значит, к сожалению! — угрожающе проговорила Мириам. — А если бы не это обстоятельство, ты бы остался? Могу посодействовать.

Ивор улыбнулся.

— Я пошутил. Она, конечно, достойна любви и обожания, но мое сердце уже занято.

— Кем же, если не секрет?

— Квисторией, — серьезно сказал Ивор.

Мириам сдвинула брови, но рассердиться не успела.

Послышался легкий треск ветвей, шелест, чьи-то голоса, и к замершим землянам выбежали россины — два парня в охотничьих кафтанах, с винтовками в руках, и Яная. Винтовки у них действительно имели устройства для прицеливания, но было видно, что оружие далеко от совершенства и сделано не на заводах, а в кустарных мастерских. Впрочем, от этого оно не стало менее опасным, мимолетно подумал Ивор.

Россины направили стволы своих «пищалей» на землян, Мириам в ответ развернула ствол «универсала» в их сторону. Она могла бы перестрелять охотников в любой миг, но воевать не пришлось. Яная что-то сердито крикнула, и парни опустили винтовки.

— Вам нельзя идти к Проклятой Горе Богов, — сказала россинка. — Кари и Юлиан видели, что из нее выползли злые черепахи с усами и теперь рыскают вокруг.

— Этими усами они срезают деревья, — добавил один из молодых россинов, с голубыми глазами и пушком над губой. — Теперь там широкая полоса лесоповала.

— Вот дьявол! — с досадой проговорила Мириам. — Похоже, нас во что бы то ни стало решили не пускать в Ствол. Может быть, ты еще раз попробуешь позвать бровея Мимо? Пусть вызовет трансгресс.

Ивор покачал головой.

— Мы должны идти дальше без посторонней помощи. Иначе какой я оператор?

— Тогда придется пробиваться с боем. Эти парни с Яной отвлекут черепах, — а это, скорее всего, знакомые нам герплексы с нейтрализаторами межатомных связей, — а мы попытаемся проскочить к Стволу.

Ивор снова качнул головой.

— Этим парням и так достанется от вождя, что пропустили нас. Нужен какой-то нестандартный прием... — Он замолчал, уставившись в пространство. — М-м-м... почему бы не попробовать?

— Что?

— Оживить «лошадь» «хронорыцаря».

— Ты серьезно?! — удивилась девушка.

— Почему нет? Если нам удастся активировать энергосистему «кентавра», мы прорвемся к Стволу сквозь любое оцепление. Если же не удастся, тогда и будем думать, как это сделать.

— Я думала, только я такая сумасшедшая.

— У нас были общие предки.

Мириам улыбнулась.

— Вы хотите... разбудить... мертвого слугу богов?! — догадалась Яная. — А если он оживет и проглотит вас?!

— Не проглотит, — беспечно махнула рукой Мириам. — У него и рта-то нет. Это всего-навсего механико-энергетическое страшилище, оно не предназначено для охоты и поедания людей живьем. Возвращаемся к «кентавру», оператор. Если тебе удастся запустить его, я покаюсь во всех своих грехах.

— Идет, — сказал Ивор, подставляя ладонь под удар ладони девушки.

— Вы действительно сумасшедшие! — прошептала россинка. — Как бы я хотела пойти с вами!

Ивор и Мириам засмеялись.

— Тебе еще рано, — сказала землянка.

— Мне уже пятнадцать сезонов, — приосанилась Яная, — и мне можно иметь мужа.

— И все же мы не имеем права взять тебя с собой.

— Я понимаю, — сникла россинка, жалобно посмотрела на Ивора. — Но хотя бы одним глазком посмотреть на то, как вы будете оживлять мертвого слугу богов, можно?

— Это пожалуйста. Может быть, у нас ничего и не получится. Ведите нас к нему кратчайшей дорогой.

Россины посмотрели на свою соотечественницу, Яная что-то сказала им не терпящим возражений тоном, и все трое растворились в лесу как тени. Они были детьми своего времени, хозяевами леса, хранителями его первозданной чистоты и умели превращаться в бесплотных духов природы.

— Идите за нами, — прилетел из чащи леса тонкий голосок россинки.

Ивор встретил насмешливо-понимающий взгляд Мириам и поспешил за россинами.

До реки, на берегу которой лежал по брюхо увязший в земле «конь» «хронорыцаря», отряд добрался всего за полтора часа. Россины вообще не выказывали признаков усталости, привыкнув к долгим лесным переходам, а земляне хоть и устали, но держались на самолюбии и темпа не теряли.

Остановились в пределах видимости громадного механизма.

— Дальше мы не пойдем, — заявила Яная. — Может быть, не стоит будить слугу богов?

— Еще как стоит, — не согласилась Мириам и добавила со смешком: — Хотя я сама не знаю, что это нам даст.

— Что делать нам, если он нападет на вас?

— Он не нападет. А если все-таки бросится, вам необязательно ввязываться в драку, уходите домой. — Мириам посмотрела на Ивора, пристально рассматривающего гиганта на берегу. — Подойдем ближе?

— Да, конечно, — очнулся молодой человек. — Впрочем, ты останься здесь на всякий случай. Я не уверен, что справлюсь, и не знаю, опасен ли этот зверь на самом деле.

— Я пойду с тобой.

Ивор нахмурился, твердо сжал губы.

— Ты останешься здесь!

И Мириам проглотила вертящиеся на языке возражения, пораженная тоном, каким были сказаны слова. Такой непоколебимости Ивор еще не демонстрировал.

Он приблизился по берегу реки к мертвому «кентавру», остановился в метре от него, постоял несколько минут, задрав голову, приводя себя в состояние в с е в и д е н и я, дотронулся до холодного крупа гиганта. Россины и землянка, затаив дыхание, смотрели на его действия, ожидая чуда. Но прошла минута, другая, третья, ничего не происходило, «кентавр» не шевелился, угрюмый и холодный, как мертвая скала, и Яная прошептала едва слышно:

— Ничего не получится... мертвый слуга богов лежит здесь очень давно, много-много сезонов...

— Ивор, возвращайся, — позвала Мириам. — Мы, наверное, ошиблись, он давно сдох.

Молодой квистор не ответил, продолжая изучать конструкцию «кентавра». Обошел его кругом и вдруг полез на круп, цепляясь за ребра, штыри и чешуи. Взобравшись наверх, он спокойно прошелся по спине исполина, приблизился к «человеческому» торсу, из которого вырастал огромный острый рог, покрытый сизо-сиреневой окалиной, задумчиво уставился на него.

Россины и Мириам снова задержали дыхание, сжимая от волнения кулаки. И вздрогнули от резкого металлического лязга. Это шевельнулся торс исполина, слегка приподнимая рог. Затем с длинным скрипом разогнулась правая передняя нога «кентавра», с грохотом выдернула копыто из почвы. За ней пошла вверх другая нога. Дрогнули задние ноги, обрушивая пласты земли в реку, и «кентавр» медленно выпрямился, вырастая над лесом, вознося Жданова на тридцатиметровую высоту. Рог исполина налился тусклым лиловым свечением.

Россины попятились, выставив перед собой стволы винтовок.

— Бог ты мой! — прошептала Мириам. — Ты все-таки разбудил это чудовище!

— Эй, там, на берегу! — донесся веселый и довольный голос Ивора. — Присоединяйтесь ко мне. Эта зверюга неопасна.

Мириам опомнилась, оглянулась на россинов.

— Все, мы уходим, дорогие мои. Спасибо за помощь. Надеюсь, вождь не накажет вас слишком строго. Если же попытается, передайте ему, что вы помогли внуку и внучке деда Кослвилы, ученикам волхва Рода. Пусть призадумается. Прощайте.

— Прощай, — отозвалась Яная с грустью. — Добрых вам встреч! Вы уже не вернетесь?

— Кто знает, может быть, еще и свидимся.

Мириам помахала рукой охотникам, обняла Янаю и помчалась к исполинской горе «слуги богов», которого оживил Ивор.

Вид с высоты спины «кентавра» открывался просто замечательный. Если бы не тревожный подтекст прогулки, связанный с ожиданием схватки с неведомыми врагами, катание на гигантском механическом звере было бы захватывающим. Однако Мириам прекрасно понимала, что их ждет впереди, и пейзажи россинских владений рассматривала лишь с точки зрения оценки опасности.

Что касается Ивора, то он был занят управлением «кентавром» и на созерцание красот природы не отвлекался. На вопрос Мириам, как ему удалось разбудить энергосистему «хронорыцарей», он ответил:

— Я представил себя «хронорыцарем», и этот «конь» тут же проснулся.

Как на самом деле произошел контакт человеческой мысли и желания с мыслесферой чужого киберорганизма, для Мириам осталось тайной. Впрочем, ей было достаточно самого этого факта и осознания удивительных возможностей сына Павла Жданова, который, похоже, далеко еще не исчерпал себя и потихоньку вскрывал запасы своих способностей.

«Кентавр» перешагнул реку, вернулся обратно, пугая россинов, с благоговейным ужасом разглядывающих ожившего «слугу богов», и направился к обелиску хронобура, торчавшему из леса в десяти километрах отсюда. Двигался он вроде бы и небыстро, почти без раскачки, переставляя ноги практически как земная лошадь, однако до полосы свободного пространства, образованного вывалом леса (герплексы поработали на славу, выкосив около десяти квадратных километров), добрался за полчаса.

Охотников, посланных вождем племени россинов стеречь

Проклятую Гору Богов, всадники не увидели. Очевидно, те прятались в зарослях и не хотели попадаться на пути гигантского металлического «кентавра». Зато герплексы, сторожившие Ствол со своей стороны, не заставили себя ждать.

Их оказалось три — чудовищные гороподобные черепахи с пластинчато-сегментными панцирями высотой в десять метров, отливающими перламутром, с двумя длинными, как удилища, красными усами, являвшимися эффекторами особого поля, в котором распадались межатомные и межмолекулярные связи любого вещества. Две черепахи выползли из-под стены Ствола, третья появилась чуть в стороне и сзади. Она, очевидно, пряталась в лесу.

Скорость движения этих странных созданий, по сути — таких же автоматов, как и «кентавр», не превышала двадцати километров в час, тем не менее миновать их не представлялось возможным, и Мириам поняла, что боя избежать не удастся.

— Попробуй обойти их слева! — крикнула она Ивору. — Я попытаюсь отстрелить у них усы!

— Держись! — буркнул в ответ Ивор, закусывая губу. — Мы их возьмем на абордаж!

Мириам вцепилась в штырь, торчавший из спины «кентавра» там, где должно было быть седло (таких штырей из спины вырастало больше десятка, разного диаметра и длины), и «кентавр» резко ускорил ход, переходя на иноходь. Километровой ширины полосу он преодолел всего за полминуты и с ходу вонзил свой запылавший рог в первую из черепах, не обратив внимания на ее стреляющие, как плеть, усы.

Герплекс успел только сделать два глубоких шрама в мощной груди «кентавра», не остановившие его, когда рог проткнул панцирь черепахи на всю длину. Черепаха окуталась струями белого пара и развалилась на дымящиеся осколки. Ее усы превратились в струйки вспыхнувшей жидкости, вспухли розовым дымком, исчезли.

Второй герплекс кинулся на «кентавра» сбоку, с угрозой поднимая красные, омерзительно живые «удилища», и кто знает, чем бы закончилось сражение, если бы не реакция Мириам. Девушка мгновенно открыла огонь из «универсала», сначала ударно-силовой — гравитационными «пулями», потом сменила вид стрельбы и ударила по черепахе плазменными сгустками, целясь в шишковидные основания усов.

Ее усилия не пропали даром.

Герплекс от неожиданности осел на гармошкообразных ногах, откинул назад усы, как это делает жук-дровосек, когда его тронешь пальцем, и эта секундная задержка позволила «кентавру» повернуться и вонзить рог в панцирь врага.

Раздался взрыв!

Во все стороны полетели обломки панциря герплекса, ударная волна оторвала Мириам от штыря, за который она цеплялась, и сбросила со спины кентавра. Но в самое последнее мгновение перед тем, как ей упасть на стволы поваленных сосен, Ивор крикнул что-то нечленораздельное и яростное, так что «кентавр» под ним вздрогнул, и скорость падения девушки резко замедлилась. Упала она достаточно мягко, словно с высоты двух-трех метров, а не тридцати, как на самом деле. Скрылась в ветвях.

Но анализировать происшедшее было некогда. К месту боя приближался третий герплекс, которого надо было встретить во всеоружии.

— Залезай обратно! — крикнул Ивор, заставляя «лошадь» опуститься на колени.

Мириам выбралась из-под сосновых веток, проворно взлетела на спину «кентавра», цепляясь за грубые ребра и скобы, и тотчас же «конь» «хронорыцаря» бросился бежать к темно-коричневой, конусовидной, двуглавой глыбе Ствола с диаметром основания около трех километров, до которой оставалась всего сотня метров.

— Что ты задумал? — удивилась Мириам.

— Незачем сражаться с этими черепаховидными автоматами, — ответил Ивор. — Главное — пройти в Ствол, а без «кентавра» сделать это будет трудно.

Девушка не нашлась, что возразить.

Герплекс, щелкающий усами, как кнутом, отстал.

«Кентавр» домчался до горы хронобура, некогда разрубленной чуть ли не до основания «палицей» голема, увеличенной эффектом масштабного копирования, и с ходу вонзил пылающий рог в стену Ствола на высоте сорока метров над землей.

Мириам с визгом вцепилась в спасительный штырь, чтобы удержаться на месте от удара инерции, в то время как Ивор стоял в нише «седла», расставив ноги, неподвижно, как скала.

Раздался гулкий треск, словно лопнул огромный резиновый шар. Стена в месте укола рогом пошла трещинами, провалилась куда-то сама в себя, образуя дымящееся жерло пещеры. Что-то вспыхнуло там, в глубине дыры, облако искр вырвалось наружу, образовало кольцо, осыпавшееся вниз с шипением и треском. «Кентавр» выдернул рог из образовавшейся пещеры, попятился. Из пещеры вылетела черная струя, вонзилась в грудь кентавра, облила его передние ноги и рог, и гигант со скрежетом осел на задние ноги, застыл. Рог его медленно погас.

— Сброс хронопотенциала! — проговорил взволнованный и обрадованный Ивор. — Мы попали прямо в узел мембраны! За мной!

Мириам без колебаний схватила его за руку, и они, разогнавшись, прыгнули со спины «кентавра» в зев пещеры, засеребрившейся от металлического налета. Стены пещеры стали сдвигаться, но молодые люди успели преодолеть зону пространственно-временных преобразований и ворвались в зал с «лифтом» хрономембраны до того, как выход из Ствола в мир Гезема закрылся.

ГЛАВА 3

Они бродили по коридорам и помещениям Ствола уже более трех часов, пытаясь выйти на связь с инком хронобура Стасом, но цели так и не достигли. Все здесь было им знакомо — по рассказам отцов, а также из истории хронобура, которую они изучали в институте, — и одновременно незнакомо — вследствие того, что сами они попали внутрь Ствола, точнее, в одну из его квантовых копий, и знакомились с ним реально впервые.

Зная расположение зон безопасности в теле хронобура и схронов с НЗ на пятнадцатом, тридцатом и сорок пятом этажах здания, молодые люди не поленились проверить их все, но нигде ничего не нашли. Кванк Ствола на Геземе, серьезно разрушенный во время прошлой Игры, был практически разграблен и мертв. Рог кентавра совершенно случайно пронзил защитный кокон одной из уцелевших зон безопасности с шахтой хрономембраны, которая, судя по всему, еще работала, однако была заблокирована. Вызвать Стаса или хотя бы открыть дверь в «лифт» землянам не удалось. Стас их не слышал, а «лифт» открываться не хотел, несмотря на все усилия Ивора воздействовать на автоматику хрономембраны в пси-диапазоне. В отличие от «коня» «хронорыцаря» земная автоматика подчиняться молодому квистору не желала.

— Осталась только одна непроверенная зона, — сказал Ивор, когда они расположились на отдых на сорок пятом этаже здания после обследования очередного склада НЗ, также оказавшегося вскрытым и пустым.

— По-моему, мы обошли все, — отозвалась несколько приунывшая Мириам, высовываясь из окна во двор, выглядевший с высоты ста шестидесяти метров чистым и ровным, с редкими трещинами, грудами обломков стен и глубокой воронкой по центру.

Палица голема, разрубившего Ствол, давно исчезла, то ли испарилась, то ли осыпалась на землю в виде порошка, то ли претерпела обратную трансформацию и превратилась в четырехметровый тетраэдр, свалившийся вниз и утонувший в материале двора. Факт оставался фактом — «голема» не было, и теперь ста-

ли видны гладкие поверхности стен и перекрытий в том месте, где он когда-то лежал.

— Отец говорил, что, кроме штатных ниш безопасности, была оборудована еще одна — на сотом этаже.

— Почему я об этом не знаю? — Мириам заинтересовалась бликом в окне нижнего пояса кольцевого здания на противоположной стороне и козырьком приставила ко лбу руку.

— Потому что эту зону создавали в условиях секретности для самого Златкова. Предполагалось, что в момент запуска хронобура он будет управлять процессом оттуда.

— Этого мы не проходили.

Ивор хотел было рассказать девушке о беседе с отцом, но вдруг почувствовал знакомый «холодный ветер» и дернул Мириам за руку, так что она слетела с подоконника на пол. И в ту же секунду в окно снизу влетела огненная стрела и с треском и шипением проделала в потолке комнаты глубокий шрам.

— Ты!.. — вскочила Мириам и присела, мгновенно оценив ситуацию. — О, дьявол! Кажется, нас в покое не оставили! Придется драться.

— Постереги меня, — попросил Ивор сосредоточенно. — Я попробую пощупать пространство в здании. Если здесь есть источники энергии, я их почую. Вообще надо было сделать это раньше, как только мы вошли, а не бродить по Стволу как неприкаянные.

Мириам хотела обидеться, приняв укоризненную сентенцию спутника на свой счет, но Ивор уже у ш е л в себя, и ей ничего не оставалось, как охранять его во время сеанса ясновидения.

Со двора по окнам разграбленного склада НЗ больше не стреляли. Мириам попыталась разглядеть противоположную сторону кольца здания, ничего не увидела, прикинула, сколько времени понадобится преследователям, чтобы добраться до помещения на сорок пятом этаже, и выскользнула в коридор, чтобы подготовиться на всякий случай к бою.

Ждать долго не пришлось. Ивор вышел в коридор через три минуты после начала «беседы с духами Ствола».

— Источников энергии два, — сообщил он, сохраняя сосредоточенный вид. — Оба располагаются гораздо выше нашего уровня, где-то на высоте четырехсот метров. Один в этом крыле, второй на другой стороне. Какой выберем?

— Этот! — быстро сказала Мириам.

— Тогда я выбираю другой.

— Почему? — возмутилась девушка.

— Есть такая пословица: выслушай женщину и поступи наоборот. — Ивор улыбнулся, заметив гневный блеск в ее глазах. — Я пошутил. На самом деле все объяснимо. Те, кто стрелял, будут

искать нас здесь, а мы в это время будем спокойно подниматься на сотый этаж с другой стороны.

Мириам задумчиво оглядела спокойное лицо Жданова.

— Ты умеешь притворяться противным, я это учту. Но и думать умеешь, что меня радует. Побежали на ту сторону. Я буду прикрывать спину, гляди вперед в три глаза.

Ивор не тронулся с места.

— Что-то не так? — встревожилась девушка.

Он хотел сказать, что она красивая и смелая, но вслух выговорить эти слова не решился. Требовались иная обстановка и иное настроение.

Они помчались по коридору в обход здания, стараясь не поднимать шума. Нашли ближайший холл с лестницей и начали подниматься вверх, считая этажи. На шестьдесят первом снова выбрались в коридор — сухой, чистый, с металлическим полом, на котором не оставалось следов, и пробежали с полкилометра по кругу, пока не уперлись в тупик.

Это явно был схрон или отсек с энергооборудованием хронобура, о чем говорила перегородка с контуром двери: такую перегородку можно было изготовить только в заводских условиях. Ивор попытался открыть дверь мысленным усилием, не смог, затем открыл «третий глаз» и проник в помещение мысленным взором. Он увидел-почувствовал обтекаемо-геометрические громады, решетки и стойки с грибообразными наростами, все мертвое, застывшее, лишенное энергии, и быстро вышел из состояния всевидения.

— Туда нам не пройти.

— Что там? — поинтересовалась Мириам, тревожно оглядываясь.

— Технологический карман. Скорее всего, это отсек питания энергокаркаса хронобура.

— Побежали назад, к холлу с лестницей. Сколько нам этажей осталось?

— Мы на шестьдесят первом, если я не ошибаюсь, еще сорок этажей подниматься.

— Надо было сразу взобраться на сотый и бежать. Как ты себя чувствуешь?

— Ноги гудят, — простодушно признался Ивор.

— У меня тоже, — улыбнулась Мириам. — А ведь я закаленная, специально тренировалась для... — Она закусила губку и направилась назад по коридору, оглянулась. — Не спи, оператор, отдыхать некогда.

Ивор послушно затрусил за ней, почти скрывшейся за изгибом коридора, и вдруг ощутил порыв ледяного ветра. Свело мышцы лица.

— Стой! — придушенно крикнул он. — Туда нельзя!

Мириам послушно остановилась, вглядываясь в полумрак коридора, освещенного лишь сочащимся сквозь редкие дыры и щели в стенах светом.

— Беги сюда!

Девушка начала отступать, поскользнулась на гладком полу и едва не упала. И тотчас же из темноты вылетел огненный клинок, вонзился в стену над ее головой и проделал длинную дымящуюся борозду. Мириам ответила очередью из «универсала», опрометью бросилась к Ивору, держащемуся рукой за стену в трех десятках шагов.

Очередь плазменных сгустков унеслась в глубину коридора, послышался низкий рык, от которого задрожал пол, затем треск и шипение. В коридор вдруг выплеснулось целое облако змеящихся электрических разрядов, едва не долетевшее до землян. Мириам еще раз выстрелила в глубь коридора, теперь уже лазерным лучом, перечеркнула его крест-накрест, и стало тихо.

Несколько секунд молодые люди напряженно вглядывались в темноту и вслушивались в тишину здания, не зная, что последует за электрической атакой. Потом Мириам прошептала, кинув на Ивора горящий взгляд:

— Никогда не прощу себе, что не просчитала этого варианта! Хотя бы «глюк» догадалась у Тео попросить!..

В устах студентки эти слова звучали странно, как требование профессионала наказать его за ошибку, но Ивору было не до оценки поведения спутницы. Он понял, что они погибнут, если ничего не предпринимать, и усилием воли включил все свои паранормальные «оболочки».

Оборудование, стоявшее в помещении за дверью, было обесточено, и оживить его не представлялось возможным. Таким же мертвым казался и механизм отпирания двери. Но все же один источник энергии, хотя и весьма незначительный, Ивору отыскать удалось. Этим источником оказался стоящий на полу предмет, явно не имеющий отношения к аппаратам отсека. Больше всего он напоминал двухметрового диаметра черепаху.

— Герплекс! — прошептал Ивор.

— Что?! — оглянулась на него Мириам. — Где герплекс?!

— Там... внутри...

— Тогда мы пропали!

— Он полудохлый... я попробую его активировать...

— Зачем?!

— Если рядом нет друзей, их надо делать из врагов...

Ивор напрягся, вторгаясь в схему управления неземным автоматом, как сделал это, оживляя «кентавра», и нашел зоны контакта.

Механическая черепаха, пролежавшая здесь неизвестно сколько времени, вздрогнула, вырастила ноги и засеменила к двери. Ощупав ее своими усами, она прочертила в двери метровую окружность и осела на задние ноги, застыла. Запас энергии, тлевший в ее аккумуляторах много лет, окончательно растаял.

Ивор подскочил к перегородке, толкнул дверь, и вырезанный усом герплекса круг с грохотом рухнул на лоб черепахи.

— Лезь быстрее! — прошипел Ивор.

Мириам выстрелила в глубь коридора последний раз и ласточкой влетела сквозь круглую дыру в помещение за дверью. За ней последовал Ивор, обрадованный своим успехом. Мириам ойкнула, наткнувшись на остов черепахи: в помещении было абсолютно темно.

— Спокойно, — сказал Ивор, — это сдохший герплекс. Он уже неопасен.

— Я ничего не вижу!

— Цепляйся за меня, я пойду первым.

— Куда?

— Все технологические зоны хронобура располагаются по вертикальным шпангоутам Ствола и имеют свои лестничные колодцы. Вы этого разве не проходили?

— Я вспомнила, проходили, хотя техника Ствола меня мало интересовала. Мне больше по душе устройство хрономембраны.

Мириам нашла Ивора, взяла его за руку. Оглядываясь на отверстие в двери, вырезанное герплексом, из которого сочился серый свет, они двинулись в глубь помещения с темными громадами каких-то машин. В центре зала Ивор остановился и уже привычно вызвал состояние всевидения.

Ему понадобилось всего полминуты, чтобы обнаружить в одной из громад у стены помещения характерную полость, уходящую в гладкий монолит пола. Одновременно он определил положение преследователей: их было трое плюс какой-то большой зверь с массивной головой, закованный в броню из костяных пластин и одновременно поросший шерстью. Они уже подкрались ко входу в зал, готовые ворваться в него.

Ивор потянул девушку за собой, остановился у вырастающей из пола установки плавных очертаний, форма которой слегка напоминала раковину. Попытался проникнуть мыслью в ее контуры управления и открыть замки.

В отверстие, через которое они вошли в зал, вдруг влетела ослепительно желтая молния, отразилась от панциря герплекса и погасла в потолке среди черных сталагмитообразных выступов. Мириам тотчас же ответила выстрелом из «универсала», давая понять преследователям, что их здесь ждет горячий прием.

— Помоги! — прохрипел взмокший Ивор. — Вход не открывается, но дверь здесь тонкая, можно попытаться пробить.

— Стань сзади, — скомандовала Мириам.

Вспыхнул фиолетово-сиреневый луч лазера, впиваясь в выпуклый бок «раковины». Послышался треск. По боку побежала трещина. Мириам перенесла луч правее, вслед за трещиной. Весь бок «раковины» пошел трещинами и обрушился на пол грудой осколков. Обнажилось нутро установки с рядами ребер и ниш, множественными наплывами и отверстиями. Одно из отверстий уходило в пол. Это и был вход в колодец, соединявший технозоны на этажах Ствола.

Ивор пощупал рукой небольшой выступ, опоясывающий отверстие люка, затем скобы, уходящие вниз, и прошептал:

— Спускаемся. Иди первой.

— Я за тобой! — ответила Мириам едва слышно.

— Хорошо.

Ивор сел на край люка, нащупал ногой скобы и начал спускаться в колодец.

Раздалось низкое угрюмое рычание, свет в отверстии, пробитом герплексом, померк — это в зал ворвался неведомый зверь, соединявший в себе признаки крокодила и не то волка, не то медведя. Россины называли этих зверей волкодилами, но земляне этого не знали.

Мириам выстрелила в мелькнувшую тень и нырнула вслед за Ивором в колодец.

Ее выстрел оказался удачным. Послышались рев и скулящий вой, визг когтей по полу. Ворвавшиеся в зал преследователи открыли беспорядочную стрельбу из своих излучателей, но беглецы были уже вне досягаемости.

Колодец вывел их в точно такой же зал с мертвыми машинами, затем в еще один и еще, пока Ивор не почувствовал, что здесь есть жизнь. Оглядевшись в сфере всевидения, он обнаружил теплую — во всех отношениях — установку и, проникнув в ее «мозг», понял, что она является устройством контроля прочности шпангоутов здания. Конечно, в настоящий момент никаким контролем она не занималась, лишенная линий связи со всеми системами датчиков и анализаторов, но двери в зал открыть могла. Ивор быстро нашел необходимый код для этой операции, и дверь в зал свернулась валиком вокруг невидимой оси, открывая проход в коридор.

Молодые люди бросились к прямоугольнику выхода, из которого в зал брызнул тусклый свет коридора. Но уже на пороге Ивор остановился, снова вошел в контур управления установкой и приказал наглухо заблокировать выходы и не открывать.

— Теперь аллюр три креста! — выдохнул он.

И они помчались по коридору к лестничной шахте, которая должна была вывести их на сотый этаж здания, где, по расчетам Жданова, располагался узел хрономембраны, превращавшей Ствол в постоянно включенную трактрису времен, в пространственноподобную «струну», соединявшую множество Ветвей бесконечного Древа Времен.

Они не увидели и не почувствовали, как из стены коридора вышел задумчиво-рассеянный бровей Мимо и долго смотрел им вслед.

* * *

Зона безопасности с работающей хрономембраной действительно оказалась на сотом этаже Ствола. Искать ее пришлось среди хаоса рухнувших стен и перекрытий — удар «дубины» голема пришелся как раз по этому участку здания и чудом миновал вертикальное ребро жесткости, в теле которого и прятался зал с трубой хронолифта.

Почти бездыханные от гонки по лестничным пролетам — преследователи смогли-таки выбраться в коридор и шли по пятам с вопящим от боли и ярости зверем, — Ивор и Мириам наконец отыскали вход в зал с хрономембраной, Жданов с трудом открыл дверь, и они оказались в зале с чистым блестящим мраморным на вид полом, стенами из ракушечника и серебристым потолком, по которому изредка пробегали ручьи призрачного фиолетово-голубого света. Если бы не погоня, молодые люди, конечно же, обошли бы кольцевой зал, любуясь его интерьером, но теперь им было не до созерцания красот ствола.

Ивор открыл дверь лифта, Мириам дала очередь из «универсала» по двери в зал, расходуя последние запасы энергии, вскочила в решетчатую коробку лифта, Ивор ударил локтем в панель управления мембраной, а когда это не сработало, крикнул в н у т р ь себя изо всех сил:

«Вези нас вверх!»

Дверца лифта проявилась из воздуха, словно он мгновенно сгустился до консистенции твердого материала (естественно, это было силовое поле с «порошковой намоткой»), свет в кабине погас, ударило в ноги, сердце ушло в пятки, наступила короткая невесомость, сознание померкло... и восстановилось. Тело казалось тяжелым и рыхлым, падающим и падающим вниз, в глубокую пропасть, а не вверх, как приказал Ивор. Затем оно вытянулось в бесконечной длины нить и лопнуло с тихим шелковым треском на множество отдельных кусочков...

Провал в сознании...

Гулкий свист, жжение в кончиках пальцев...

Провал...

Удар и свет...

И наконец он ощутил себя стоящим на полу кабины хронолифта на дрожащих от слабости ногах.

Над головой в потолке мигал оранжевый глазок.

Мириам сидела на полу, сжавшись в комочек.

Ивор испуганно наклонился над ней, тронул за плечо. Девушка вздрогнула, шевельнулась, подняла голову.

— Уже... приехали?

— Как самочувствие?

— Голова кружится... такое впечатление, что я мчалась по Вселенной целую вечность... но вообще-то я в норме.

Она встала, поддерживаемая Ивором. На несколько мгновений они оказались лицом к лицу, вплотную друг к другу. Ивор невольно прижал к себе девушку сильнее, ища в ее глазах ответ. Она потянулась к нему губами. Поцелуй получился робким и нежным, но таким сладким, что у Ивора закружилась голова. Затем Мириам опомнилась, отодвинулась и сказала деловым тоном:

— Ну, куда мы залетели, хотела бы я знать? Почему дверь не открывается?

— Потому что мне хотелось бы выяснить степень вашей защиты, — ответил приятный мужской голос.

Молодые люди вздрогнули, посмотрели друг на друга.

— Кто это говорит?

— Меня зовут Стас, я хозяин данного объекта в данном уголке Вселенной.

— Стас? — обрадовалась Мириам. — Наконец-то мы тебя нашли! Что ты там говорил насчет степени защиты?

— Мир, в котором располагается объект моей заботы, требует дополнительных мер защиты человеческого организма. Ваших костюмов недостаточно.

— Что же нам делать?

— Могу снабдить вас автономными ТК с месячным энергоресурсом.

— Что такое ТК?

— Я знаю, — вмешался Ивор. — Это темпор-кокон, рассчитанный на эксплуатацию в любых условиях.

— Ну, положим, не в любых, однако диапазон его применения широк.

— Давай твои ТК, — решительно потребовала Мириам. — Только я не поняла, почему ты называешь Ствол объектом.

— Потому что вы практически вынеслись за пределы действия трактрисы времен, каковым является Ствол в нижней части Древа Времен. В данной Ветви, принадлежащей так называемой

Кроне Древа, Ствол принимает свойства парамоста, универсальной системы пространственно-временных перемещений.

— Трансгресса, что ли?

— Совершенно верно.

Ошеломленные ответом, молодые люди переглянулись.

— Ствол стал... трансгрессом?! — изумленно сказала Мириам.

— Почему это вас удивляет? Ствол — не чисто человеческая затея, это реализация решения Судейской коллегии, нуждающейся в системе контроля Игр. Ствол соединил не более двух триллионов Ветвей в том виде, в каком был создан. Затем с помощью этических технологий он был преобразован в трансгресс, замкнувший Корни и Крону Древа, развивающийся по мере роста Древа с учетом всех возможных и невозможных состояний материи.

— Что это значит?

— Известное вам Древо Времен — это Мультиверсум или Фрактал потенциально возможных состояний материи. Но существует еще и Древо невозможных состояний, имеющее свой трансгресс, соединяющийся с нашим в каких-то измерениях, коим в человеческом языке нет названия.

— Колоссально! — глухо проговорил Ивор. — В институте нам этого не давали... Я догадывался, что Древо должно реализовывать абсолютно в с е произведения в с е х писателей-фантастов Земли, но не в таком масштабе...

— Надеюсь, вы не разочарованы, оператор?

— О нет! — искренне воскликнул Ивор.

— Тогда я доволен, что смог вас удовлетворить. Чего изволите?

— Нам бы выйти и осмотреться, — напомнила о себе Мириам.

— Нет ничего проще.

Дверь кабины хронолифта растаяла.

— Но ты обещал дать нам темпор-коконы...

— Они уже инициированы.

— Я ничего не чувствую!

— Защитный ТФЗ или ТК создан по дрим-технологии и практически неощутим. Не волнуйтесь, девушка, как только потребуется, он проявит свои качества.

Мириам посмотрела на Ивора вопросительно, тот пожал плечами, и они одновременно шагнули из кабины лифта наружу.

ГЛАВА 4

Неяркий свет струился отовсюду и создавал впечатление объемной структуры, хотя стен у этого, с позволения сказать, помещения, куда вышли путешественники, не было. Оглянувшись,

они не увидели и трубы с клеткой лифта. Сзади из гладкого, розового, с муаровым рисунком пола вырастала ажурная серебристая колонна, заполненная искрящимся туманом, исчезающая где-то высоко вверху, как бы растворявшаяся в перламутровом свете.

Сила тяжести в этом странном пространстве, ограниченном облаками света, была чуть выше земной, и, когда Ивор обратил на это внимание, Стас, незримо присутствующий рядом, объяснил:

— На самом деле гравитационное поле объекта превосходит земное в тысячи раз. Вас охраняет темпор-кокон. Он же обеспечивает все ваши физиологические потребности.

— А едой он не обеспечивает? — поинтересовалась, озираясь по сторонам, проголодавшаяся Мириам. Кружку с медом они потеряли еще во время боя с преследователями на Геземе.

— Для этого существуют блоки НЗ.

Что-то звякнуло. Из воздуха выпали две продолговатые коробки с вытисненными буквами НЗ и цифрами: 2301.

— Этого достаточно?

— Вполне, — обрадовалась Мириам. — А не мог бы ты снабдить нас другими костюмами, более серьезными? К примеру, «кокосами»?

— Пожалуйста, — радушно отозвался Стас.

Рядом с коробками НЗ упали на пол два ртутно бликующих свертка.

— Вот здорово! — захлопала в ладоши девушка. — Это резко меняет наше положение. Еще бы парочку «глюков», а лучше — дриммеров, — вообще решились бы все наши проблемы.

— К сожалению, оружие мне недоступно, — виноватым тоном проговорил Стас, — а дриммеры тем более. Это инструмент судебных исполнителей.

— Ну и ладно, сами добудем. Где здесь можно переодеться?

У металлической на вид колонны выросла из пола перламутровая будочка с открытой дверцей.

Мириам взяла один из свертков и смело шагнула внутрь будочки, тут же осветившейся изнутри. Дверца закрылась. Ивор задумчиво посмотрел на будочку, сосредоточился, и стенки ее стали прозрачными.

— Хорошая волевая индукция, — мягко, с легкой иронией сказал Стас.

Ивор покраснел. Стенки капсулы, где переодевалась Мириам, стали непрозрачными. Тогда он тоже стал переодеваться, не заботясь о том, что становится доступен лицезрению со стороны.

«Кокосы» — компенсационные костюмы спасателей — представляли собой защитные скафандровые комплексы с изменяемой геометрией и узлами автоматии со встраиваемой техникой и

оружием. Естественно, они были максимально удобны и функциональны, чего нельзя было сказать об обычных униках, предназначенных для повседневного пользования в неэкстремальных условиях. Поэтому, переодевшись, молодые люди почувствовали себя уверенней.

— Жить можно, — весело сказала Мириам, выходя из «кабины для переодевания». — Может быть, посмотрим, куда нас занесло?

— Пожалуй, — согласился молодой человек.

Тотчас же свет вокруг стал меркнуть, тускнеть, горизонт видения начал расширяться по мере того, как отступал световой ореол, пока не стало совсем темно. Лишь пол под ногами продолжал быть видимым, как толстый слой подсвеченного изнутри розового стекла. Прошла минута, другая...

— И как скоро мы увидим здешний мир? — не выдержала Мириам.

— Вы его уже видите, — прилетел вежливый ответ.

— Но вокруг темно, ничего не видно!

— Вы попали в Ветвь, где началась эпоха вечной тьмы. Звезд в этом мире и вообще скоплений материи и светящихся объектов уже не осталось.

— Как мы сюда попали?! Ведь мы стартовали из Ствола Гезема, с тем чтобы выйти в ближайшей Ветви...

— Оператор дал команду «вверх!», и вся линия моих кванков во всех выходах хронобура дала вам «зеленый свет». Поэтому вы оказались здесь, в конце мировой линии Ствола и в начале трансгресса, хотя все эти понятия весьма условны. Я имею в виду начало и конец.

— Это я виноват, — тихо сказал Ивор, чувствуя вздрагивающую от волнения руку девушки. — Я действительно крикнул «вверх!», мысленно, конечно, не зная, к чему это приведет.

— Этого оказалось достаточно, — сказал Стас. — Воля оператора для нас — закон. Хотя вынужден констатировать, что он не всегда точно знает, чего хочет.

— Да уж! — хмыкнула Мириам. — Даже я не всегда его понимаю. Итак, ты утверждаешь, что мы высадились в Ветви, где уже не осталось звезд. Сколько же лет прошло здесь с момента рождения местной Метавселенной?

— Это число выражается единицей с тысячью пятистами нулями. Я не знаю земного названия этого числа.

— Вот это да! — поразилась Мириам. — Это же триллионы триллионов лет!

— Гораздо больше.

— А что было в этой Метавселенной до эпохи вечной тьмы?

— Ей предшествовали пять эпох. Первая — эпоха инфляци-

онного раздувания. Длилась она всего десять в минус тридцать второй степени секунды, но объем рожденной Ветви стал за этот ничтожный промежуток времени просто колоссальным, и в нем родились первые элементарные частицы. Вам интересно слушать мою болтовню?

— Продолжай, — потребовала Мириам.

Ивор промолчал, ему тоже хотелось узнать историю этого мира.

— Вторая эпоха была эпохой излучения и проходила в два этапа. Первый длился три минуты. За это время родившуюся вселенную заполнило излучение, произошла массовая аннигиляция материи и антиматерии, образовался избыток барионов вследствие несохранения законов симметрии и появились легкие элементы: дейтерий, гелий, литий. Второй этап длился триста тысяч лет. Излучение отделилось от вещества, вселенная стала прозрачной.

Затем была эпоха звездообразования и распада звезд. В течение миллиарда лет возникают первые звезды и скопления их — галактики, образуются тяжелые элементы. Спустя еще восемьдесять миллиардов лет появляются планеты, зарождается жизнь, первые цивилизации начинают осваивать космические пространства.

— Это в общем, — перебила Стаса Мириам. — А конкретно о данном районе Ветви, где проявился Ствол, тебе что-либо известно?

— Разумеется. Цивилизация, родившаяся на планете, название которой на человеческом языке непроизносимо, вышла в космос первой, но затем столкнулась с другой, и обе они через миллион лет исчезли.

— Они были людьми?

— Вовсе нет, эти существа представляли собой устойчивые комбинации запахов, пахучих веществ.

— Не может быть!

Стас вежливо промолчал.

— Рассказывай, что было дальше, — снова потребовала Мириам.

— А дальше начался закат разума и жизни вообще. Спустя двадцать миллиардов лет с момента рождения Ветви жизнь в ней исчезает. Галактика, давшая жизнь «разумным запахам», сталкивается с другой, звезды начинают сжиматься, галактики сливаться, образуя звездные суперсистемы. Еще через триллион лет гаснут красные карлики, остаются лишь черные дыры, нейтронные звезды и белые карлики, которые, остывая, превращаются в черные карлики, так сказать, «огрызки» звезд. Рассеиваются даже

газопылевые облака, в которых некоторое время теплилась своеобразная жизнь, в том числе разумная.

— И это все? Началась эпоха тьмы? Но ты говорил, что эпох было шесть.

— Четвертую эпоху можно назвать эпохой распада галактик. За сотни и тысячи триллионов лет мертвые несветящиеся звезды потеряли свои планеты, случайные столкновения бурых и черных карликов породили новые звезды, вокруг которых снова возникла жизнь — уже четвертая волна. Но галактики продолжали распадаться, звезды почти равномерно разлетелись по всему расширяющемуся домену, последние планеты упали на мертвые звезды. Температура фонового излучения опустилась почти до абсолютного нуля. Черные звезды в центрах бывших галактик поглотили все звезды. Началась пятая эпоха.

— Сколько же длилась четвертая?

— Десять в тридцать третьей степени лет. В отличие от многих других в этой Ветви протоны — самые стабильные частицы — не распадаются, но постепенно теряют энергию за счет квантово-механического туннельного эффекта. В результате вся оставшаяся материя сливается в шары, многие из которых потом превращаются в черные дыры. Но большая часть шаров не дотягивает до предельных масс, и они постепенно остывают, а все атомы внутри них превращаются в атомы железа. Вот этот период в жизни местной Ветви вы и наблюдаете.

— Ничего мы не наблюдаем. Разве что глубокую тьму. И чем же закончится эпоха железных шаров?

— Либо они превратятся в сверхмассивные нейтронные капли, либо в черные дыры. Но и те и другие постепенно испарятся, по космосу же еще долго будут летать кванты света — фотоны с неимоверно увеличившимися длинами волн.

— А потом?

— Трудно сказать. Возможно, Ветвь будет заполнена «чистым скалярным» вакуумом, а возможно, произойдет спонтанный фазовый переход, и домен схлопнется в сингулярность или породит новый вакуум и новые формы материи.

— Веселенькая перспектива! А нам доказывали в школе, что во Вселенной действует универсальный закон соответствия: что вверху — то и внизу.

— Это величайшее из заблуждений, внушенное человечеству вашей Ветви. Вселенная н е п о в т о р я е т саму себя ни в чем, ни «внизу», ни «вверху».

— Зачем же нам это внушали?

— Чтобы сокрыть от вас истину. По сути, человечество — потенциальный Игрок высочайшего класса, и его пытались и пытаются до сих пор не допустить до участия в Играх. Сокрытие ис-

тинного положения вещей в Мультиверсуме является одним из методов игровой дискриминации.

— Колоссально! Я этого не знала. А нельзя ли каким-нибудь образом увидеть эти самые железные шары?

— На одном из них вы находитесь, вместе со мной, разумеется. Его диаметр равен диаметру вашего Юпитера, сила тяжести в две с половиной тысячи раз больше земной. Второй шар располагается в ста миллионах километров от нас. Остальные недоступны моей аппаратуре. Могу показать только эти два.

Площадка с вырастающей из нее ажурной колонной Ствола-трансгресса стала невидимой, зато под ногами людей проявилась из темноты идеально ровная поверхность синеватого цвета, похожая на поверхность ледяного озера. До самого неблизкого горизонта глазу было не за что зацепиться — такой идеально гладкой была эта равнина, состоящая из чистого железа.

Стал виден и фиолетово-синий зрачок второго железного шара, повисшего низко над горизонтом. Хотя как Стасу удалось показать гостям столь экзотичные объекты в абсолютной темноте, было непонятно.

И вдруг Ивор почувствовал присутствие еще какого-то объекта на равнине. Не увидел, а именно ощутил.

— Стас, вы все пространство контролируете вокруг Ствола?

— В пределах моих возможностей. Вы имеете в виду что-то конкретное, оператор?

— Мне кажется, что недалеко располагается какой-то объект...

— Вы действительно обладаете высокой парачувствительностью, оператор, — с уважением сказал Стас. — Я не показал вам этот объект лишь потому, что сам не знаю ни причин его возникновения, ни что он из себя представляет.

На гладкой «ледяной» поверхности железной равнины в километре от людей — по первому впечатлению — появился странный предмет, налитый багровым свечением, напоминающий верхнюю часть черепа оленя с двумя членистыми рогами.

— Что за чудо? — удивилась Мириам. — Я действительно вижу голову провалившегося в железо оленя или нет? Это живое существо или искусственное сооружение?

— Не ведаю, — виновато вздохнул Стас. — Моих скромных возможностей не хватает, чтобы выяснить это. С уверенностью могу сказать лишь одно: объект энергетически независим, иначе давно был бы поглощен железной звездой.

— Как давно он здесь торчит?

— Мне трудно ориентироваться в здешнем времени. С одной стороны, я сам появился относительно недавно, с другой — я связан и с Корнем Древа, и с его Кроной, разделенными милли-

ардами триллионов лет и «углов поворота». Может быть, этот объект намного старше меня.

— Хорошо, забудем о нем, хотя интересно было бы выяснить, что это такое на самом деле. У тебя еще есть минутка?

— Разумеется. До пятницы я совершенно свободен.

— До какой пятницы? — не поняла Мириам.

— Это шутка. Ей около трехсот пятидесяти лет.

— Поговорим теперь о другом.

— С удовольствием. Меня редко посещают гости. За все время моего существования встреча с вами — третья.

— С кем же была первая и вторая?

— Первым был Судья одной из Игр, вторым — бровей Мимо.

— Наш пострел везде поспел, — пробормотала Мириам.

— Вы с ним знакомы?

— Еще бы. Он помог нам бежать с Земли на Гезем.

— Бровей Мимо помог вам бежать? — удивился Стас. — Весьма странно... Бровеи, насколько мне известно, редко кому помогают... точнее, никогда и никому.

— Нам он все-таки помог. Интересно, что ему было здесь нужно?

— Он со мной почти не разговаривал. Сходил к объекту с рогами, который вы назвали «головой оленя», предупредил о появлении оператора и удалился.

— Странный человек... если, конечно, он человек, — сказал Ивор. — Отец говорил, что он был организатором прошлой Игры. Кто он сейчас? Просто зритель?

— Не знаю, — ответил Стас после некоторой заминки, которую никто не заметил.

— Еще вопрос, — заговорила Мириам, настроенная на решение практических задач. — Подскажи, в какой из Ветвей застрял Павел Жданов, отец Ивора... то есть оператора.

— К сожалению, не смогу. Многие мои кванки, особенно в «засыхающих» Ветвях, заблокированы, и доступа к ним я не имею.

— Но ведь у тебя есть связь с автоматикой трансгресса, а он пронизывает все Ветви Древа.

— Не все, но вероятностное большинство. И тем не менее у меня нет информации о координатах Ветви с вашим отцом, оператор. Могу лишь дать вам код вызова трансгресса, а вы уж ищите отца сами.

— Это замечательно! — обрадовалась Мириам. — Зная код вызова, мы всегда сможем вернуться домой или проникнуть в любую из Ветвей. Давай код!

— Расслабьтесь, оператор, — посоветовал Стас. — Эта информация особого рода, она занимает определенное место в «файле»

вашей памяти и требует связи психики с энергокаркасом вашего тела.

— Я готов.

Ивор закрыл глаза, расслабился и ушел в п у с т о т у.

Мириам, с интересом наблюдавшая за ним, увидела, как он вздрогнул и вдруг на мгновение стал прозрачным, засветился изнутри и тут же погас, лишь волосы еще некоторое время искрились и потрескивали.

— Все? — с жадным любопытством спросила девушка, когда он открыл глаза.

— Как будто... — неуверенно ответил Ивор, прислушиваясь к себе. — Такое щекотное чувство...

— Все в порядке, — заметил Стас. — Вам подвластны и более ответственные уровни управления реальностью, нежели система контроля, называемая вами трансгрессом.

— Какие? — заинтересовалась Мириам.

— Оператор сам на них выйдет.

— Почему вы помогаете нам? — медленно проговорил Ивор. — С каким из Игроков вы связаны?

— Я связан со всеми Игроками, — засмеялся Стас. — Причем помимо своей воли. Но симпатизирую немногим. А помогаю вам я с сугубо меркантильной целью: я хочу жить, жить свободно и полно, не рискуя исчезнуть в очередной Игре. А нынешняя Игра идет не на завоевание игровых пространств, а на коллапс Древа Времен, на аннигиляцию Ветвей, что противоречит правилам. Сотрясатель Системы Игр, или Палач, как образно назвали одного из теперешних Игроков, решил свернуть Фрактал Времен и превратить его в вектор, в Стрелу Времени, подвластную только его воле. В результате началось вырождение Мультиверсума, Ветви Древа «засыхают», Корни «гниют», что неизбежно приведет к инфляционному коллапсу всего Древа, скатыванию его в одномерный объект.

— В сингулярность...

— Совершенно точно. Вот почему я на стороне тех, кто может остановить Палача.

— Вы считаете, что я смогу его... остановить?

— Не вы — все человечество как потенциальный Игрок высшего уровня. Но вы, оператор, должны стать зародышем этого Игрока, консолидатором всех законопослушных сил. Если сумеете — Мультиверсум уцелеет. И я вместе с ним.

— Но почему именно я должен стать этим... консолидатором?

— Большинство предметов и существ, реализованных Древом Времен, имеет темпоральный спектр, то есть существует не во всех, но в очень многих Ветвях. Иногда люди говорят — измерениях. Ваш отец — яркий пример такого темпорального спектра:

Павлов Ждановых — миллиарды. Кстати, если бы удалось собрать хотя бы сотую или даже тысячную долю всего спектра, образовался бы мощный Игрок, способный обеспечить соблюдение правил Игр даже без Судейской коллегии. Судьи же, к сожалению, не всегда объективны, или их можно купить. Так вот вы, оператор, не имеете темпорального спектра, вы — один на все Древо Времен, а это значит, что в вас спит сила р о д а. Если она проснется, вы сможете стать не только оператором реальности или судебным исполнителем, но и Судьей.

— Но я не хочу быть Судьей!

Стас снова засмеялся.

— Никто вас не неволит, оператор, я просто рисую перспективу. Судья олицетворяет третий уровень сил в Мультиверсуме, есть ниже уровни и есть выше.

— Расскажи! — загорелась Мириам.

— Вы, наверное, устали...

— Мы потерпим.

— Хорошо, воля ваша. Всего уровней, определяющих систему Игр и расстановку сил в Древе Времен, шесть. Самый нижний — оруженосцы Игроков, их представители — эмиссары, вербующие сторонников и контролирующие исполнение приказов Игроков. Сами Игроки представляют пятый уровень схемы взаимодействий, то есть отнюдь не высший. Но это не означает, что они слабы, все они овладели энергоинформационными потоками в пределах своей Метавселенной и способны влиять на законы соседних Ветвей.

— Значит, не они определяют уровень Игры? — с недоверием и разочарованием проговорила Мириам.

— Не они, — подтвердил Стас. — Только нам от этого не легче. Время от времени рождаются Игроки, презирающие жизнь во всех ее проявлениях и замахивающиеся на все Древо Времен, и тогда Ветви начинают воевать, а цивилизации — гибнуть.

— Тогда выше Игроков должны быть Судьи?

— Судебные исполнители. Как правило, это симбиотические системы или мощные, индивидуальные, наполовину искусственные существа.

— Киборги?

— Нечто в этом роде. Их энергетический ресурс не превышает энергозапаса Игрока, но он всегда отмобилизован и сконцентрирован, что позволяет судебному исполнителю влиять на локальные законы Ветвей и нейтрализовывать негативную деятельность эмиссаров. Хотя нередки случаи гибели исполнителей, не рассчитавших своих возможностей. Судьи же, естественно, обладают достаточными властными полномочиями, чтобы контролировать весь процесс Игры, и представляют собой многомерные ра-

зумные иерархические системы, входящие в Судейскую коллегию. К примеру, создатель хроноквантового ускорителя, или хронобура, человек-спектр Атанас Златков был Судьей прошлой Игры на уровне социально-эволюционной доминанты Игры. А комиссар безопасности человек-спектр Игнат Ромашин являлся Судьей на уровне человеческой и родственных ей цивилизаций биологического цикла.

— Уфф! — выдохнула Мириам. — Никогда не думала, что мне будет читать лекции по квистории сам Стас, инк Ствола! Ну, а выше Судей кто?

— Организатор Игр, естественно. В человеческом лексиконе есть имя-термин, близкий по смыслу деятельности Организатора: Сатана. Или Люцифер. Эта мыслящая система весьма коварна и многолика, и лишь немногим уступает Творцу Древа Времен, своему Учителю.

— Но это всего второй уровень из перечисленных тобой. Кто же на самом верху? Творец?

— Нет, — мягко возразил Стас. — Творец — вне всяких уровней, он вообще вне Игры. Хотя тут у меня есть определенные пробелы в знании реального положения вещей. Первый уровень взаимодействий Мультиверсума занимает Заказчик, и он же — Зрители Игры. Возможно, они каким-то образом являются и представителями Творца, и его «чувствующей» частью.

— Но ты не уверен?

— Прошу прощения, мои возможности по анализу поступающей информации ограничены. Все, что я мог сказать, я сказал.

— Спасибо, — тихо проговорил Ивор. — Этого достаточно. Вы нам очень помогли. Последний вопрос, если не возражаете. Кто такой Палач? И с кем он играет? Кто является вторым Игроком?

— Палач как форма жизни не имеет аналогов в Древе Времен. Он из так называемой «тупиковой» Ветви, не имеющей квантовых копий. Субстанциональная основа жизни Палача — жидкие кристаллы со спонтанно нарушаемой симметрией, энергетическая основа — холодные термоядерные процессы. Отдельные капли-особи Палача способны принимать любую форму, кроме остроугольной, и растекаться по любой поверхности слоем всего в несколько микрон толщиной. Никакой социальной организации, никакой техники. Палач — сам себе техника, транспорт и оружие. Космос, где он возник, представляет собой нечто вроде обычной паутины, в узлах которой происходит энергообмен. Никаких звезд, никаких планет и пылевых облаков в этом космосе нет. «Звездами» в нем являются зоны, где горит время, превращаясь в «паутину» — материальную основу жизни.

— Боже мой! — прошептала Мириам. — Не могу представить!

— А второй Игрок? — покосился на нее рассеянно-задумчивый Ивор.

— Второй Игрок — разумная растительная структура.

— Лес?!

— Скорее грибница, но гораздо большего масштаба, нежели земные аналоги. Хотя в принципе все, что растет — трава, леса, водоросли, мхи, — является дальними родственниками этой структуры, имеющими биополя, но не имеющими интеллектуальной сферы. Этот Игрок получил имя Мера — Медленный Разум. К сожалению, он проигрывает, несмотря на помощь таких же «разумных флор» в других Ветвях. Что еще вас интересует, оператор?

Ивор понял, что злоупотреблять гостеприимством Стаса не стоит. Пора было отправляться в путь.

— Спасибо еще раз за помощь и особенно за ценную информацию. Вы, можно сказать, открыли нам глаза.

— Всегда готов служить тем, кто уважает чужое мнение и чужую свободу. Куда вас отправить?

— Назад, в прошлое. Я знаю, что отец застрял в одной из «засыхающих» Ветвей с очень оригинальной «струнной» геометрией. Вы не знаете такой?

— Я имею выходы в мириады Метавселенных с «оригинальной» геометрией. Могу направить в ближайшую.

— Нет, ближайшая не годится. Отец с друзьями застрял в мире, где есть Ствол. Но он заблокирован.

Стас молчал некоторое время, словно размышляя над словами землянина. Заговорил он с нотками сожаления в голосе:

— Простите, оператор, я проверял выходы Ствола в «засыхающих» Ветвях. Всего таких выходов около миллиона. Заблокированных гораздо меньше, но достаточно много. Вам придется проверять их лично, мне эта операция недоступна.

— Тогда направьте нас в «засыхающую» Ветвь с выходом хронобура, ближайшую от моей родной Ветви.

— Нет ничего проще.

Ивора и Мириам подхватила непреодолимая сила, подвесила внутри ажурной трубы трансгресса. Вокруг них сформировалась кабина хронолифта, вспыхнул неяркий свет.

— Прощайте, оператор, до свидания, леди. Надеюсь, мы еще встретимся и побеседуем.

Свет в кабине померк. Под ногами молодых людей разверзлась звездная бездна...

Планета была как планета: диаметр — примерно такой же, как и у Земли (судя по отдаленности горизонта), сила тяжести практически не отличалась от земной, воздухом можно дышать, хотя и с трудом; кислорода здесь было значительно меньше, чем на Земле. И цвет неба на этой планете, принадлежащей миру «засыхающей» Ветви, был иным — серым, с желтоватым оттенком.

Трансгресс высадил их на вершине плоского каменного столба, каких вокруг было множество, и, лишь приглядевшись, земляне узнали в одном из ближайших останцов колонну хронобура. В этом пыльном, тусклом, грустном мире Ствол почти ничем не отличался от скал — ни формой, ни цветом, разве что был чуть повыше.

— Почему мы вышли здесь, возле Ствола, а не внутри него? — спросила Мириам. — Ведь Стас — инк хронобура и обслуживает только его.

— Ты, наверное, прослушала, что говорил Стас, — ответил Ивор. — Ствол в далеком будущем переходит в трансгресс...

— Это я как раз помню. Но не понимаю, почему трансгресс дублирует Ствол в тех Ветвях, где имеются выходы хронобура. Получается пересечение линий — трансгресса и Ствола, хотя они вместе представляют собой единую систему, пронизывающую Древо Времен.

— Я не думал об этом, — признался Ивор. — Возможно, такие пересечения существуют там, где Ствол перестает функционировать как транспортная система.

Помолчали, разглядывая необычный ландшафт. И вдруг Мириам с дрожью в груди поняла, что скалы вокруг с плоскими вершинами являются искусственными сооружениями! Башнями преимущественно круглой формы с рядами слепых черных окон.

— Боже мой! — прошептала девушка. — Да это же... город!

— Брошенный город, — уточнил Ивор меланхолически. — Мертвый. А вот там он переходит в живой город. — Молодой квистор вытянул руку.

Действительно, на горизонте, в стороне, противоположной низкому неяркому солнцу, виднелась гребенка более светлых зданий, над которыми висела туча вспыхивающих точек. Вероятно, эта туча представляла собой воздушный транспорт города.

Ивор включил антиграв и поднялся в воздух на полкилометра выше. Мириам с опозданием присоединилась к нему. Теперь они могли увидеть весь необычный «горно-городской» ландшафт и оценить масштабы городского строительства местных разумных существ.

Мертвый город тянулся полосой до горизонта, постепенно

понижаясь за счет разваливающихся и обрушившихся зданий. Другой его конец утыкался в окраину живого города, как бы постепенно оживая, по мере приближения к жилым кварталам. Складывалось впечатление, что город двигался по планете как живой организм, наращивая тело со стороны «лба» и отпуская «хвост» из постепенно стареющих и начинающих разрушаться зданий.

Ивор поднялся еще выше, под струи сиреневато-сизых облаков, и убедился, что его догадка верна. Город действительно пересекал холмистую равнину, кое-где переходящую в степи и пустыни, длинной полосой шириной в два десятка километров и в самом деле напоминал живую змею с отмирающим хвостом.

— Интересные тут люди живут, — заметила Мириам, поднимаясь к Жданову. — На всю планету — один город! Не город — музей архитектуры под открытым небом. Здесь можно найти здания, построенные еще, наверное, тысячи лет назад.

— Такой город может быть и не один, но идея движения в сторону прогресса интересна. Зачем делать свалки, мусороперерабатывающие заводы, если весь мусор можно просто сбросить в бывшие жилыми кварталы. С другой стороны, эта идея отражает деградацию цивилизации. Долго она так не продержится. Либо вся планета превратится в свалку, либо численность населения сократится до демографического предела. Кстати, судя по жилой части города, — видишь, какая она маленькая? — здесь происходит второе — вырождение.

— Мы и просили Стаса высадить нас в «засыхающей» Ветви. Куда мы теперь? Познакомимся с аборигенами? Или начнем искать твоего отца?

— Не имеет смысла ни то, ни другое. Отца здесь нет.

— Откуда ты знаешь? — удивленно посмотрела на спутника Мириам.

— Я чувствую, — грустно улыбнулся Жданов.

— «Запах»? — догадалась Мириам. — Ты не чувствуешь мысленного «запаха» отца? А если он прячется где-нибудь под землей?

— Не имеет значения. Я бы услышал его мыслеголос, даже если бы отец находился на другой планете этой системы. Но его здесь нет.

— Тогда нам тут нечего делать. Вызовем трансгресс или пойдем в Ствол, побеседуем с кванком Стаса?

Ивор не ответил, глядя на толчею летательных аппаратов над «живой головой» города. Одна из бликующих точек отделилась от облака воздушного транспорта и направилась к зависшим под облаками землянам.

— Нас заметили! — обеспокоилась Мириам. — Как бы не слу-

чилось стычки. Может быть, не будем ждать неприятностей, отступим к Стволу?

— Я не чувствую агрессии, — сказал Ивор. — Возможно, кто-то просто заинтересовался нами и решил познакомиться поближе. Уйти мы всегда успеем.

— Все равно лучше приготовиться ко всем неожиданностям.

Отсверкивающая металлом точка приблизилась, превратилась в машину, состоящую из трех горбов, несущего крыла и выступающего вперед рыла с отверстием. Над рылом располагался первый горб с прозрачным фонарем, под которым обнаружились две человеческие фигуры в белых комбинезонах. Их лица также были вполне человеческими, хотя голые шишковатые черепа красивыми назвать было трудно.

Аппарат завис напротив землян. Его повелители молча разглядывали молодых людей, не делая попыток позвать их или хотя бы выразить какие-нибудь чувства.

— И долго они будут таращиться на нас? — поинтересовалась Мириам вполголоса.

Словно услышав ее реплику, пилоты аппарата посмотрели друг на друга, аппарат отвалил влево и помчался назад к городу, скрылся из виду.

— Странная реакция, — хмыкнула девушка. — Ни вопроса, ни привета. А ведь с виду — люди. Неужели такое поведение — тоже следствие «засыхания» Ветви?

— Вполне возможно, — пробормотал Ивор, прислушиваясь к голосу интуиции. — В вырождающихся мирах в первую очередь изменяется физика, потом психика населяющих Ветвь существ. Но я был не прав: скорее всего, это был патруль, наблюдающий за окрестностями Ствола. Его задача — обнаружить гостей и доложить куда следует. После этого и последует реакция.

— Тогда чего мы ждем? — рассердилась Мириам. — Вызывай трансгресс, и бежим отсюда.

— Поздно...

Что-то сверкнуло в воздухе, в километре от землян, как серебряная нить, и с неба вонзилась в одно из старых зданий города ажурная труба трансгресса.

— Правильно! — обрадовалась девушка. — Хотя мог бы вызвать его и поближе.

— Это не я вызвал.

— Не ты? Как не ты?! А кто?! — Мириам осеклась.

Ажурная колонна трансгресса выплюнула три драконовидных создания с двумя головами каждое. У них была темно-лиловая пластинчатая кожа, по две лапы, гигантские перепончатые крылья, отливающие перламутром, а вот головы оказались самыми настоящими кабинами эллипсоидальной формы с прозрачными

колпаками. Внутри кабин можно было разглядеть по пилоту в неярких синеватых комбинезонах. С виду пилоты были похожи на чернокожих людей с вытянутыми вперед мощными лбами.

— Вот и гвардия местного эмиссара пожаловала, — со смешком проговорила Мириам. — С ними нам не справиться, отступаем. Вызывай трансгресс ближе.

— Не могу, — виновато развел руками Ивор. — Он занят.

— Что значит занят?! Это же не личная линия связи?

— Пусть не личная, но все равно он не отзывается... или я чего-то не понимаю.

Лицо Ивора побледнело и заблестело от пота.

Полуживые-полумеханические драконы взмахнули крыльями и устремились к землянам.

— Бежим! — выдохнула Мириам.

— Куда? — растерялся Ивор.

— К Стволу! Может быть, удастся прорваться в здание.

Молодые люди метнулись вниз, набирая скорость, понеслись к угрюмой фиолетово-серой башне хронобура. Драконы с искусственными головами ринулись за беглецами, постепенно догоняя. Когда погоня только началась, их разделяло около километра, но когда земляне домчались до Ствола, драконы оказались на полкилометра ближе, и пилоты, управляющие своими жутковатыми киборг-аппаратами, открыли по беглецам огонь из каких-то интересных орудий, аналогов которым не знали ни Ивор, ни Мириам.

Разряд орудия представлял собой зигзагообразную электрическую молнию, но не очень яркую, состоящую из множества вспыхивающих и гаснущих голубовато-фиолетовых звездочек. Одна из молний пролетела далеко в стороне и погасла, вторая прошла гораздо ближе, вонзилась в стену одной из башен города и превратилась в косматый вихрь ярчайшего радужного огня. Ударная волна отбросила мчавшихся беглецов в сторону и едва не вмазала их в соседнюю башню. И тотчас же инки скафандровых комплексов землян отметили всплеск радиации. Взрыв, разваливший здание, больше всего напоминал атомный, хотя и не очень большой мощности.

Мириам на лету ответила из своего «универсала», но не попала, хотя и заставила одного дракона метнуться в сторону.

Приблизилась округлая ржаво-синяя гора Ствола, испещренная узором вмятин, бугров, ниш и рытвин, словно ее глубоко изъела коррозия. Некоторые из рытвин были довольно глубокими, но не настолько, чтобы в них можно было спрятаться, и беглецы помчались вокруг Ствола, ища тоннель, окно или щель, способные их укрыть.

И в этот момент стена Ствола в сотне метров от них вдруг лоп-

нула, разошлась лепестками розы, и из образовавшегося провала вылетели два гигантских пупырчато-шипастых «огурца» со спиралевидными хвостиками. Конечно, форма объектов была намного сложней, но общий облик создавал впечатление земного овоща, да и цвет имел соответствующий — буро-зелено-желтый, что усиливало сходство.

Мириам резко затормозила, не зная, как реагировать на появление новых препятствий, потом крикнула Ивору: «Пикируем!» — и понеслась вниз. Жданов без раздумий последовал за ней.

Драконы тоже проделали этот маневр, не обратив внимания на стометровые «огурцы», и тут произошло неожиданное. «Огурцы» окутались шубой электрического сияния и преградили драконам дорогу. А затем открыли по ним огонь пакетами голубых и синих молний!

Один дракон сразу же получил два попадания, левая его яйцевидная голова-кабина разлетелась на куски, и он, судорожно замахав крыльями, провалился вниз, исчез среди развалин зданий. Два оставшихся ответили «огурцам» стрельбой из своих атомных орудий, завязался бой, финал которого трудно было предугадать.

Ивор остановился, захваченный зрелищем сражения. Мириам тоже оглянулась, но думала она об одном — как защитить своего друга, поэтому картина боя преследователей с неведомыми друзьями оставила ее равнодушной.

— За мной, Жданов! — крикнула она, устремляясь к отверстию в стене Ствола, из которого вылетели «огурцы». — Не отставай!

Ивор очнулся и догнал девушку.

Они так и не увидели, чем закончился бой между представителями двух враждующих группировок, принадлежащих, скорее всего, разным Игрокам. Во всяком случае, сомнений насчет этого у Ивора не было. Единственное, о чем он искренне пожалел, — что не удалось познакомиться с пилотами «огурцов», вступившихся за них.

Беглецы нырнули в отверстие начинавшегося тоннеля в стене хронобура, за доли секунды преодолели весь тоннель, пронизывающий внешнюю стену здания толщиной в полсотни метров, и вылетели в гигантский сферический зал со слабо светящейся трубой хронолифта посредине. Труба казалась намного меньше «огурцов», и было непонятно, как им удалось уместиться в ней во время путешествия из Ветви в Ветвь, но анализировать тайну несоответствия масштабов было некогда. Механодраконы могли победить в бою и последовать за беглецами. Поэтому земляне решили не ждать их появления, а сразу нырнуть в «струну» хронолифта, соединявшую Ветви, и оказаться подальше от негостеприимного мира.

Дверь в лифт открылась, как только они приблизились к трубе хрономембраны. Путешественники нырнули в решетчатый короб кабины, дверь закрылась за ними; выглядел этот процесс так, будто уплотнился воздух и превратился в полупрозрачную пластину двери.

— Куда теперь? — повернулся Ивор к Мириам.

— Вниз, — прошептала девушка, потерявшая много душевных и физических сил.

Ивор обнял ее, поцеловал и проговорил вслух, обращаясь к автомату хрономембраны:

— Вниз!

Свет в кабине померк...

* * *

Стены кольцевого зала источали жар и подрагивали. Если бы не «кокосы», беглецы вряд ли смогли бы выйти из кабины хронолифта в зал. Температура здесь достигала ста сорока градусов по Цельсию.

Из глубин здания через коридоры в зал просочились гулкие громовые удары, от которых стены заколебались как живые, и душераздирающий визг, будто где-то недалеко дрались разъяренные ведьмы. Затем послышался голос автомата:

— Внимание, хроносдвиг! Длительность — сто пятьдесят тысяч лет, коррекция сверху невозможна. Горизонт в провале! Всем покинуть горизонт! ТФА заблокировать выходы мембран! Даю отсчет: одиннадцать минут до сдвига, десять минут пятьдесят восемь секунд, десять минут пятьдесят шесть секунд...

— Влипли! — констатировал Ивор с философским спокойствием. — По каким-то причинам здешний кванк Ствола ликвидируется. Что происходит, как ты думаешь?

— Возможно, мы попали в коллапсирующую Ветвь, — предположила Мириам.

— Вы совершенно правы, мисс, — раздался под шлемами «кокосов» негромкий, но отчетливый мужской голос. — К сожалению, данный домен Мультиверсума свертывается в точку, в сингулярность. Чем могу быть полезен оператору и его спутнице? Только прошу учесть, я в вашем распоряжении всего лишь в пределах десятиминутного отсчета.

— Стас? — неуверенно проговорила девушка.

— Он самый, мадемуазель.

— Что здесь у тебя происходит?

— Не у меня, милая сударыня. В данной Ветви, где я имел неосторожность выйти в реальность, эмиссар Игрока по имени Палач запустил генератор упрощения континуума. Из шестнад-

цати измерений, присущих этой Метавселенной, скомпактифицировались уже двенадцать. Оставшиеся четыре схлопнутся в течение нескольких минут.

Мириам невольно глянула на неподвижно стоявшего рядом Ивора. Конусовидный шлем «кокоса» не позволял видеть лица молодого человека, но девушке почему-то показалось, что он принял какое-то определенное решение и обдумывает его.

— Уходим? — нерешительно сказала она. — Здесь мы явно лишние.

— Откройте мне выход во внешний мир, — ровным голосом произнес Ивор.

— Зачем?! — изумленно воскликнула Мириам. — Что ты хочешь увидеть?

— Я попробую остановить генератор.

— Ты с ума сошел!

— Стас, откройте мне ближайший внешний тамбур. Побыстрей, пожалуйста!

— Я не могу разблокировать контур защиты, произойдет взаимопересечение пространств и...

— Я требую!

Пауза.

— Как скажете, оператор. В принципе мой объект обречен. Погибну я минутой позже или минутой раньше — не имеет значения. Но предупреждаю: у вас всего десять... нет, уже девять минут.

— Я помню.

Послышался дробный цокот, из коридора выскочили два метрового роста паука, подскочили к землянам. Мириам невольно попятилась.

— Садись, — отрывисто бросил Ивор, вскакивая на ближайшего механического паука. — Конкистадоры доставят нас к зоне выхода.

Мириам повиновалась.

Пауки развернулись и помчались из зала в заполненный слоистым дымом коридор. Через минуту бешеной скачки они высадили наездников в тупике одного из боковых коридорчиков возле черной двери с надписью: «Тамбур V. Без ТФЗ не выходить!» Дверь свернулась валиком вокруг оси, ушла в бок. Ивор и Мириам ворвались в небольшое кубическое помещение, в котором тут же вспыхнул неяркий оранжевый свет. Дверь за ними закрылась. Раздался короткий рев сирены. Стена помещения лопнула, стала раздвигаться, впуская яркий голубовато-белый свет. Ивор включил антиграв и вылетел в образовавшийся проем. Мириам без слов метнулась за ним.

Они оказались в туманно-серебристой бездне, разделенной

слоями на множество «книжных страниц». Эти слои корчились, вспыхивали голубым светом и таяли, исчезали, рождая судороги пространства. Сквозь дымную вуаль вверху виднелась светящаяся белая спираль — не то близкая галактика, не то светило этого мира. Внизу, в гулкой бурлящей бездне, в которой исчезало основание Ствола — здесь он имел форму многогранной белой колонны, — иногда сквозь дымную кисею проглядывала другая размытая спираль — темно-фиолетовая, угрюмая, неприятная, с угрозой глядящая на непрошеных гостей.

— Мы ничего не успеем сделать! — крикнула Мириам, не слыша своего голоса; гул, испускаемый спиралевидной бездной, стушевывал все звуки. — Возвращаемся!

Ивор не ответил. Он уже вошел в состояние п у с т о т ы и разворачивал все свои сферы экстравидения, чтобы определить местонахождение генератора свертки, о котором говорил Стас.

Пространство домена стремительно «скатывалось» в сингулярность, теряя измерения одно за другим. Чудовищная сила расшатывала его, ломала, сжимала в «гармошку», скручивала в спираль, сворачивала координаты и физические законы, превращала объемные тела в плоские, плоскости — в линии, линии — в точки.

В тот момент, когда Ивор вышел в местный космос, количество измерений его сократилось до трех, и мир на несколько мгновений стал прозрачным. Ивор увидел дымящиеся клубки и вихри пламени — местные звезды и смерчеобразные твердые образования — планеты с дымно-пылевыми хвостами. Они на глазах распадались на каменные сгустки, вытягивались в длинные пылевые языки и сжимались в спиральные вихри.

Увидел Ивор и генератор свертки пространства: совершенно жуткая змееобразная конструкция ворочалась во мраке космоса и «глотала» его «твердь» кусок за куском — такое складывалось впечатление. Она представляла собой не материальное образование, а конгломерат чужих физических законов, управляющих процессом свертки, и Жданов понял, что на сей раз ему не удастся проникнуть волевым усилием в «мозг» генератора и перехватить управление. Для этого требовалось знание иных законов — вселенского масштаба, законов, контролирующих рост Древа Времен, а земная наука еще только нащупывала контуры этих законов.

Трехмерный объем Ветви сжался в бесконечный двухмерный лист. Небольшой участок трехмерия сохранялся лишь возле башни хронобура, но и его начала корежить и мять непреодолимая сила упрощения континуума. Ствол заколебался, как голографическая картинка. Отверстие в его стене, через которое люди вы-

брались в коллапсируюший мир, превратилось в сетку, в твердую заплатку, исчезло.

— Ивор! — крикнула испуганная Мириам. — Что делать?!

Молодой квистор очнулся, вызвал трансгресс. Бесшумная молния перечеркнула сминавшееся в складку пространство, рядом возникла ажурная труба, окутанная облаками мелких электрических молний. Землян подхватила мягкая невидимая рука стартовой сферы, поместила внутрь трубы.

— К друзьям! — скомандовал Ивор, перебивая скороговорку обслуживающего трансгресс автомата. — Надо знать меру!

Последнее, что он увидел, было надвижение т ь м ы на бесконечный двухмерный пятнистый лист, яркие пятна на котором представляли собой ставшие плоскими бывшие «звезды» и «планеты» этого обреченного мира.

Затем наступила невесомость, короткая дурнота, тела людей растворились в потоке света, и они начали падать в бездну.

Падение продолжалось долго — по внутренним ощущениям Ивора, а когда трансгресс наконец «остановился» и его пассажиры «вышли», оба почувствовали себя усталыми и разбитыми.

Они стояли на какой-то шелестящей мягкой поверхности под удивительно красивым звездным небом с незнакомыми созвездиями, окруженные шевелящейся и шепчущей стеной, состоящей из отдельных пушистых предметов или объектов разной высоты. Ивор не сразу понял, что это своеобразные деревья.

— Где мы? — послышался тихий голос Мириам.

— У друзей, — ответил он, разгерметизируя «кокос» и сворачивая шлем. — Снимай колпак, здесь можно дышать.

Мириам послушалась, но отходить от спутника не решалась, оглядываясь и прислушиваясь к шуму ветра в лесу.

— Ночь... тепло... мы случайно не на Гезем вернулись?

— Нет, это мир второго Игрока. Я снова произнес волшебные слова о «мере», и трансгресс, понявший меня буквально, перенес нас в Ветвь Меры.

— Как здорово! Значит, это царство разумных растений? Можно, я включу фонарь?

— Не надо, сейчас глаза привыкнут к темноте, и ты сможешь ориентироваться. Предлагаю перекусить и пару часов поспать. Утром начнем знакомиться с хозяевами.

— Я ничего особенного не ощущаю...

— Они вокруг и вполне понимают нас. — Ивор прошелся по заросшей травой поляне, нашел ложбинку, сел. — Иди сюда.

Мириам приблизилась, опустилась рядом.

Ивор бережно обнял девушку, заглянул в ее глаза, в которых отразились звезды, улыбнулся, вдруг почувствовав себя намного старше и опытней.

— Тебе еще не надоело бегать по чужим мирам?
— Нет, — помотала она головой, зажмурилась.
И тогда он поцеловал ее...

ГЛАВА 6

Ивор проснулся первым.

Мириам лежала рядом, прижавшись к нему и подложив под голову кулачок. «Кокосы» не могли, конечно, компенсировать отсутствие кроватей, но были достаточно удобны, чтобы в них можно было спать.

— Также, если лежат двое, то тепло им, — вслух вспомнил Ивор Екклезиаст, — а одному как согреться?

Мириам проснулась, открыла глаза, мгновение лежала неподвижно, прислушиваясь к тишине вокруг, потом увидела свою позу, покраснела и упруго вскочила, оглядываясь по сторонам.

— Что ты там бормотал?

— Молился, — серьезно ответил Ивор, вставая и тоже начиная осматриваться.

То, что они ночью приняли за лес, и было лесом, только деревья в этом лесу больше всего напоминали чешуйчатые, поросшие пухом и мхом грибы разнообразных форм и расцветок. Многие из них достигали высоты в пятнадцать и даже двадцать метров, но встречались и «дождевики» размером с человека и меньше. Однако неприятных чувств эти грибные создания не вызывали, некоторыми из них можно было любоваться, настолько их форма казалась гармоничной и красивой, а от спиралевидных «лиан» с колониями ярких пурпурных «ушей» и бутонов вообще нельзя было отвести глаз. Во всяком случае, Мириам обратила внимание именно на эти «лианы», представляющие, очевидно, симбиотические пары типа дерево—лишайник.

Трава, усеявшая все пространство между грибами, напоминала земную осоку, только серо-жемчужного цвета. Небо в этом мире имело салатовый оттенок, а светило, всплывшее над волнистой линией леса, было желто-зеленое, не слишком яркое, но приятное.

Выбравшись из ложбины в лесу, где они провели ночь, на ближайшую возвышенность, земляне долго разглядывали бескрайние лесо-грибные просторы без единого следа цивилизации и впитывали его звуки и краски, постепенно растворяясь в нем, превращаясь не в существ с иным мировоззрением, а в категории: неторопливость, размеренность, отрешенность, размышление...

И лишь заметив приближающийся со стороны уходящей ночи

предмет, напоминающий длинный пупырчатый огурец, Ивор очнулся и понял, что мир Игрока-2, планета Меры или же он сам, попытались приобщить гостей к местному времени и мироощущению.

— Нас встречают, — предупредил молодой человек спутницу.

Мириам с трудом пришла в себя, стряхнула оцепенение, шевельнула онемевшими губами:

— Так бы стояла и стояла целую вечность... Кто нас встречает?!

Затем и она увидела скользящий над грибным царством «огурец».

— Батюшки-светы, да это же те, кто помог нам отбиться от драконов «засыхающей» Ветви! Вот так встреча! Как они здесь оказались?

— Вероятно, это воин Меры, — предположил Ивор. — Или его эмиссар.

— Почему не сам Мера?

— Потому что Мера — это, по сути, растительный супермозг, вспомни слова Стаса. Вряд ли он способен активно двигаться. Ему нужны более подвижные помощники и исполнители.

— Он будет говорить с нами?

— Сейчас узнаем.

«Огурец» приблизился, вырастая в размерах до величины земного стадиона, завис над землянами. В его бугристо-пупырчатом днище открылся круглый люк. У молодых людей появилось ощущение дружеского жеста со стороны «огурца».

— Похоже, нас приглашают в гости, — пробормотала Мириам. — Но можно ли им верить? Что, если нам просто внушают доброжелательность?

— Это друзья, — с уверенностью отозвался Ивор. — Они дали нам возможность отдохнуть и охраняли наш сон. Теперь пришло время контакта.

О том, что Мера мог просканировать психику и память гостей, Ивор говорить не стал. Он чувствовал, что ничего дурного хозяева не замышляют.

Земляне включили антигравы «кокосов», поднялись вверх и сквозь пятиметровое отверстие люка проникли внутрь «огурца».

Они оказались в тоннеле с перепончатыми, слабо светящимися желтоватыми стенами, который привел их в огромный грот, стены которого поросли колониями ярких пурпурных грибов в форме человеческих ушей. Взгляд пронизал землян, умный, пристальный, доброжелательный взгляд, хотя никаких глаз грибыуши не имели.

— Ох и не люблю я гипнотизеров! — проворчала Мириам. — Может, включим пси-защиту?

Словно в ответ на ее слова напротив зависших в центре грота землян появился человек в темно-зеленом комбинезоне без всяких деталей — карманов, «молний», нашивок и техноокон. Он был сед, имел красивую седую бороду и усы, горящие черные глаза, крупные губы и римский нос. Ивор не сразу узнал его: это был Атанас Златков, создатель хронобура собственной персоной.

Ученый шевельнул рукой, и тотчас же интерьер грота изменился. Вокруг людей сомкнулись опалесцирующие стены, объявились светящийся потолок и более темный опаловый пол. Из пола выросли удобные, кожаные с виду кресла, столик и на высокой подставке ваза с колотым льдом, из которой торчало серебристое горлышко бутылки шампанского.

— Ну, привет, — с легкой усмешкой произнес Златков, — соотечественники. Рад видеть вас в этом тихом и спокойном мире. Давно не встречался с представителями хомо сапиенс.

— Атанас? — неуверенно проговорила Мириам, поглядев на Ивора.

— Он самый, — кивнул ученый. — Разве что не из вашей Ветви. Насколько мне известно, мой кванк из вашей Метавселенной застрял где-то в нетях и еще не выбрался в мейнстрим. Да вы присаживайтесь, побеседуем. В моем лице вас приветствуют и флориане, хозяева Ветви, им тоже любопытно поговорить с вами.

Ивор кивнул Мириам, и они сели в кресла. Златков расположился напротив, сцепив руки на груди, разглядывая гостей умными черными глазами, изредка уходящими в глубины неведомых пространств и как бы задергивающимися шторками непроницаемости. Мириам заерзала под его взглядом.

— Что вы на меня так смотрите?

— Любуюсь, — улыбнулся Златков. — Вы очень красивая молодая особа, и что-то мне подсказывает, что я знаю вашего отца. Не Игнат ли Ромашин случайно?

— Да, я его дочь.

— Рад познакомиться. — Златков перенес взгляд на Ивора. — Ну, а вы сын Жданова, потенциальный оператор, или Тот, Кого Ждут, если верить легендам Древа.

— Почему потенциальный? — пробормотал Ивор. — Стас называл меня оператором...

— Стас — это инк Ствола? Он очень вежливое существо. Если бы вы были оператором реально, вы бы не попадали в разные глупые и опасные ситуации. Не обижайтесь, у вас все впереди. К тому же, если бы вы изначально были оператором, вряд ли зашли бы так далеко, как сейчас.

— Почему?

— Вас бы просто не пропустили. А так как никто не ждал от

вас подвигов и не брал в расчет, охота за вами началась только сейчас.

— Понял...

— А каким ветром вас сюда занесло, Атанас? — поспешила Мириам сгладить впечатление от слов ученого, хотя Ивор не думал обижаться. — Что вы здесь делаете, у Меры?

— У кого? — поднял бровь Златков.

— Так назвал Игрока-2 Стас — Мера, от слов «медленный разум».

— Что ж, вполне логично и соответствует тому, что есть. Я же здесь живу по собственной воле уже много лет и занимаюсь всякими-разными исследованиями и расчетами. Благо собеседник у меня — дай бог каждому. Например, я учусь посредством Хроник Мультиверсума изменять его законы через цепочки невозможных состояний. Изучаю архитектонику времени в разных Ветвях Древа. Подхожу к пониманию своего открытия.

— Как это? — удивилась Мириам.

— До сих пор мне была непонятна причина реализации такой мощной энергоинформационной системы, как Ствол—трансгресс.

— Но вы же сами рассчитали теорию временных проколов и построили Ствол!

— Я строил и рассчитывал не то, что получилось на самом деле. Я считал, что обратимость времени возможна, для чего необходимо всего лишь изменить направление изменения скорости фундаментального взаимодействия; к слову сказать, в большинстве Ветвей с планетами и звездами она уменьшается. Но впоследствии выяснилось, что при попытке изменения направления скорости фундаматора я неизбежно должен был наткнуться на встроенный в Древо принцип экономии энтропии, дающий более сложным системам, в том числе биологическим, преимущество перед простыми. А мой хронобур почему-то обошел его!

— И вы только сейчас подошли к объяснению феномена?

— Скажем так: я близок к решению задачи. Вот только описать вам это открытие не смогу, в человеческом языке отсутствуют необходимые понятия.

— Попытайтесь, пожалуйста, — попросил Ивор.

Златков усмехнулся в усы.

— Если говорить совсем просто, то идея трансгресса так сильна, что сама явилась причиной своей реализации. Если чуть усложнить ответ, то мы придем к понятию кейроса.

— Кейрос? — наморщила лоб Мириам. — Это что-то из греческой мифологии...

— Согласно представлениям древних философов о триедином времени, кейрос являет собой процесс образования про-

странства потенциально допустимых состояний материи, реализуемых разумными системами из некоего Изначального Единого Пространства в с е х мыслимых и немыслимых состояний. Так вот в данной интерпретации идея «струн» информации, пронизывающих Вселенную, есть кейрос, породивший трансгресс. А он, в свою очередь, тесно связан с плотностью вероятности реализации тех или иных событий, которая на разных осях времен — мы говорим: в разных Ветвях — может быть разной. То есть плотность вероятности возникновения трансгресса была такой высокой, что он н е м о г н е р е а л и з о в а т ь с я! Моя идея хронобура лишь ускорила реализацию. Кстати, применение идеи кейроса позволило мне рассчитать и Древо Невозможных Состояний материи, вероятность существования которого не равна нулю. Теперь вам понятно, чем я тут занимаюсь?

Ивор и Мириам обменялись красноречивыми взглядами. Девушка засмеялась.

— Боюсь, мои возможности анализа такой информации довольно низки. Я почти ничего не поняла. Например, что такое триединое время? Это и есть кейрос?

— Триединое время — категорийное понятие. Время бывает абсолютным, многомерным, относительным и мнимым. Древо Времен реализует лишь относительные времена, «сдвинутые» друг относительно друга на определенный квант-угол. В рамках этой данности нет ни абсолютного будущего, ни абсолютного прошлого, а передача причинных взаимодействий осуществляется посредством «вмороженных» в Мультиверсум законов. Древо Невозможных Состояний должно жить в потоках мнимого времени, ограниченных эквивременными поверхностями. Абсолютным же временем может пользоваться только Абсолют, то есть Творец. Хотя и абсолютное может иметь какие-то градации. Я еще работаю над этими вопросами.

— Спасибо за разъяснение, — с иронией поклонилась Мириам.

Златков остался сосредоточенно-спокойным, глянул на задумавшегося Ивора.

— Вас что-то беспокоит, оператор?

Молодой человек очнулся, по губам его скользнула улыбка.

— Я вспомнил аксиому земной журналистики: обращайся к собеседнику как к умному человеку, но не забывай, что он идиот. Наша беседа проходит примерно в этом ключе.

Улыбнулся и Златков.

— Пожалуй, это слишком самокритичное заявление. Надеюсь, вы меня поняли.

— Не всё.

— Я тоже не всё, — призналась Мириам. — Не понимаю, как вообще можно рассчитывать то, чего не может быть в природе.

— Природа — если иметь в виду Большую Вселенную — реализует в с ё! Физика невозможных состояний описывает состояния, невозможные лишь с точки зрения законов Древа Времен. Где-то существуют миры, где эти состояния — объективная реальность. В них нет ни времени, ни пространств, но обязано быть нечто, их заменяющее.

— Что?

— Ну, скажем, поля семантико-этических дилемм или объемы коэффициентов отображения Абсолюта. И так далее.

— Сдаюсь! — подняла вверх руки Мириам. — Мои мозги начинают плавиться. Давайте поговорим о чем-либо другом.

— Пожалуйста, — пожал плечами Златков. — Может быть, вы голодны? Можем пообедать.

— Я бы не возражала. НЗ на завтрак — не слишком приятная трапеза.

— Я тоже хочу есть, — кивнул Ивор. — Но прежде разрешите задать еще пару вопросов. Когда еще появится возможность побеседовать с Судьей Игр.

Златков прищурился, покачал головой.

— Я уже давно не Судья.

— Ну, все равно наверняка имеете возможность общаться с Судейской коллегией.

— Что вы хотели бы узнать? — Златков не стал отрицать своей связи с Судьями Игр, и Жданов отметил это для себя.

— Что произошло?

— Хороший вопрос, — усмехнулся ученый, оценивающе глянув на задумчивое лицо молодого землянина. — Можно сказать, основополагающий. Если говорить о глобальном уровне происходящих событий, то Безусловно Второй, он же Заказчик Игр, решил стать Безусловно Первым, то есть сменить Творца Мироздания. Достигнув предельного для данной Вселенной уровня постижения Абсолюта, он решил «обрезать» Древо Времен до состояния Вектора или Стрелы Времени, то есть максимально уменьшить пропускную способность каналов связи и вычислительную мощь Разума, что коррелируется с понятиями Правда и Духовность. По сути, он хочет ограничить свободу Творца, реализовавшего себя в Мультиверсуме.

Златков поднял вверх руку и вынул из воздуха белый прямоугольник с каким-то рисунком, похожий на лист картона.

— Вот что происходит на самом деле, если это изобразить схематично, на плоскости.

Ивор кивнул, передал лист «картона» Мириам.

— Я уже понял, что Игра идет на сворачивание Древа, нам об

этом сообщил Стас. Не могли бы вы показать все игровое пространство?

— Вряд ли его можно отобразить схематично, — скептически поджал губы ученый. — По сути, все Древо является игровым пространством и даже п р о ц е с с о м Игры, сложность которого даже не поддается определению.

— Ну, хотя бы приблизительно.

Златков задумался, поглаживая бороду, кивнул.

— Хорошо, попробуем. Для этого мне потребуется помощь флориан. Подождете пару минут?

— Конечно, подождем. А кто такие флориане? — спросила девушка.

— Так я называю представителей местных разумных систем. Между прочим, мы сейчас находимся внутри одного из них, хотя по большому счету это искусственный растительный организм, обладающий большой динамикой и скоростью обработки информации, а также возможностями трансформации. Флориане создали для себя интегральную искусственную среду — квантовые города и поселения. Посидите здесь, пока я побеседую с ними.

Златков исчез. И появился вновь.

— Прошу прощения, я забыл, что вы голодны. Какую кухню предпочитаете?

— Русскую, — сказал Ивор.

— Прибалтийскую! — заявила Мириам.

— Через несколько минут вам подадут обед.

— Неужели его нам приготовит сам Мера? — пошутила девушка.

— Ну, что вы, — усмехнулся Златков, — я здесь на полном самообеспечении, даже захватил с Земли прекрасный кухонный комбайн «Смак», выращиваю овощи и фрукты. Позже я покажу вам свой «приусадебный участок». А пока открывайте шампанское.

Златков указал на торчащую из льда серебристую головку бутылки и исчез.

Ивор поднялся, достал бутылку и прочитал:

— «Абрау-Дюрсо. Брют-классик».

— Видать, на их Земле тоже делают хорошее шампанское, — весело проговорила Мириам. — Отличается только названием: наше шампанское никогда не называли брют-классик.

Ивор откупорил бутылку, разлил вино в бокалы, подал девушке. Мириам подняла свой бокал.

— Предлагаю тост.

— Неудобно без хозяина, — пробормотал молодой человек.

— С ним мы тоже выпьем. За успех безнадежного дела.

Ивор помедлил, потом дотронулся бокалом до бокала спутницы и отхлебнул глоток.

— Наше дело не безнадежное, — уверенно заявил он.

Появился Златков, поднял свой бокал.

— За встречу, соотечественники.

Они сделали еще по одному глотку. Златков посмаковал вино, допил и поставил бокал на стол.

— А теперь с вашего разрешения мы покажем вам схему взаимодействий главных сил Древа Времен, или, как вы изволили выразиться, пространство Игры.

Свет в помещении погас. Затем пол под ногами сидящих людей засветился и протаял в глубину. Они повисли над белесой бездной, в которой начала проявляться ажурная ветвящаяся конструкция, состоящая из множества объемных фигур. Лишь спустя какое-то время зрителям стало понятно, что означает эта конструкция.

Она изображала игроков в шахматы, сидящих за столом с шахматной доской. Один игрок слегка напоминал фигуру человека с рогатой головой, второй — многорукое существо с лиановидными конечностями и папоротниковидным туловищем. Шахматная доска тоже казалась ажурной, а фигур на ее полях было гораздо больше, чем в известной земной игре, и каждая фигура пускала вверх перья папоротника, кое-где соприкасающиеся и прорастающие друг в друга. Мало того, и игроки, и столик, и доска тоже соединялись и прорастали друг в друга, создавая удивительную живую композицию, каждая часть которой влияла на соседние.

— Древо? — неуверенно проговорила Мириам.

— Его символическое изображение, — раздался голос невидимого Златкова. — Каждая веточка и листик папоротника есть Ветвь Древа, отдельный его домен. Теперь смотрите.

Фигуры игроков вдруг ожили.

Один из них сделал ход — передвинул «пешку» на шахматной доске. И тотчас же несколько листиков папоротника, вырастающего из головы «пешки», пожелтели и осыпались, а листики соседней фигуры, которой коснулся стебель папоротника, стали чернеть и сворачиваться.

Еще ход.

Игрок в облике рогатого человека взял фигуру.

Мгновенно весь куст папоротника на пешке, которую он съел «ладьей», усох и рассыпался в прах.

Его противник ответил атакой «ферзя», тесня «ладью».

Произошло изменение конфигурации ветвей папоротника на десятке фигур сразу. Многие листики также начали сохнуть, менять цвет или превращаться в живых «гусениц», падающих на

шахматную доску и растворявшихся в ней. Но появились и новые зеленые побеги папоротника, а чернеющие листики начали оживать, распрямляться.

— Конечно, это лишь упрощенная схема Игры, — проговорил Златков. — Я не мог изобразить всех действующих сил, ибо их намного больше двух. Но основных Игроков два — Палач и Мера. Остальные фигуры на шахматной доске — цивилизации более низкого уровня.

— Люди — это пешки? — робко спросила Мириам. — Самые слабые фигуры?

— Нет, милая барышня. Их уровень немного выше. Хотя обольщаться не стоит.

Игроки с их стульями и столом исчезли. Проявилась прежняя обстановка комнаты для бесед. Златков оценивающе смотрел на гостей.

— Вы удовлетворены, оператор?

— Да, — тихо сказал Ивор.

— Разумеется, сравнение Игры с шахматной партией не совсем корректно, она больше похожа на такие игровые виды спорта, как баскетбол или водное поло, где допустимы грязные приемы, не всегда регистрируемые судьями. Но представление об Игре получить можно. А теперь давайте обедать. Что-то я проголодался.

Словно по мановению волшебной палочки, посреди комнаты возник стол, уставленный тарелками и блюдами с закусками. Златков сделал приглашающий жест, и гости не заставили себя упрашивать. Через минуту они сидели за столом и ели.

Выбора блюд не было, как не было и меню, но все блюда точно отражали вкусы и аппетиты землян, из чего Ивор сделал вывод, что хозяин каким-то образом предварительно подслушал их мысли и желания. Однако заострять на этом внимание Жданов не стал. Если Златков и поступил так, то лишь для того, чтобы угодить гостям.

Обед прошел в молчании. Блюда сменялись сами собой и исчезали в неизвестном направлении, будто за едоками ухаживали невидимки. Затем на столе появились широкие бокалы с малинового цвета напитком, в котором вспыхивали золотистые искорки, и Златков сказал, беря один из бокалов:

— Вельми рекомендую. Мое творчество. Сварено из местных трав и ягод.

Он отхлебнул напиток, подержал во рту и проглотил.

Ивор тоже сделал глоток. Напиток был кисловато-сладким, приятным на вкус, освежающим, с горьковатым запахом миндаля, в нем лопались воздушные шарики и щекотали язык.

— Ну, как?

— По-моему, замечательно! — похвалил напиток Ивор.

Мириам отпила полбокала, зажмурилась, помотала головой. Глаза ее расширились.

— Великолепный букет! Дадите рецепт?

Златков засмеялся.

— Женщина везде женщина, даже за тридевять земель от родной Солнечной системы. Пусть это будет моим фирменным секретом. Все равно таких растений вы нигде больше не найдете. Итак, дорогие гости, пора прощаться. Меня ждут неотложные дела, да и терпение флориан небесконечно. Что еще я могу для вас сделать? В пределах моих возможностей, разумеется.

— Мы будем чрезвычайно благодарны, — улыбнулся и Жданов. — Я знаю, что ничего случайного не бывает и наша встреча была предопределена, хотя и не знаю — кем. Возможно, бровеем Мимо. — Ивор впился глазами в лицо Златкова. — Вы с ним не встречались?

Лицо ученого осталось невозмутимым, хотя в глазах мелькнул какой-то огонек.

— Иногда он посещает сей райский уголок. Но беседуем мы редко, бровей Мимо — не самый компанейский человек и не слишком интересный собеседник для меня.

— Почему?

— Потому что знает гораздо больше, чем говорит, а я этого не люблю. И, возможно, он не тот, за кого себя выдает.

— Мимо был Организатором прошлой Игры...

— Это он вам сказал?

— Нет, с ним разговаривал мой отец... давно...

— На вашем месте я бы не верил ни одному его слову. Я имею в виду бровея.

— Однако он помог нам! — горячо возразила Мириам. — Вызвал трансгресс...

Брови Златкова изогнулись.

— Если так, то я не знаю, что и сказать. Мир перевернулся. Либо произошли изменения в психике бровеев, которых я не заметил. Итак?

— Один вопрос, — заторопился Ивор. — Если Палач играет не по правилам, почему в Игру не вмешается Судья?

— Судья... э-э, как бы поточнее выразиться... подкуплен. А судебные исполнители отстранены либо устранены. Физически. Вот почему нужен независимый исполнитель. Вся надежда на вас... э-э... оператор.

— Вы смеетесь, — нахмурился Ивор.

— Боже упаси! — возразил Златков. — Только люди способны сформировать боевую команду в обход воли Игроков, и только

вы сможете стать катализатором этой команды и превратить ее в с и л у. Хотя честно скажу, шансов у вас немного.

— Ничего, пробьемся, — пренебрежительно повела плечиком Мириам. — Только помогите нам, если сможете. Дайте нам координаты «засыхающей» Ветви, где застрял отец Жданова.

— Насколько мне известно, таких Ветвей множество, и почти в каждой заблокированы кванки Ждановых. Сам я, конечно, не смогу вам помочь, но флориане должны знать расстановку сил и отправят вас туда, куда нужно. Я попытаюсь им все объяснить.

— Тогда у нас все. — Ивор решительно встал. — Спасибо за гостеприимство.

Мириам тоже поднялась, спросила с любопытством:

— Атанас, вы так и собираетесь жить в этом мире один? С флорианами? Не хотите вернуться домой, на Землю?

— Не хочу, — покачал головой Златков. — Здесь намного спокойнее. Да и не один я. — Он улыбнулся.

Рядом с ним вдруг сформировалась из воздуха пышнотелая молодая женщина с золотыми волосами, такими же золотыми глазами и ямочками на щеках.

— Здравствуйте, — поклонилась она с достоинством.

Земляне не сразу ответили на приветствие, ошеломленные знакомством. И тотчас же золотоволосая красавица исчезла.

— Ничто человеческое, как говорится, — философски заметил Златков, не обращая внимания на легкое замешательство гостей. — Хочу дать вам один совет, прежде чем мы расстанемся. Ищите Матричную Ветвь. Возможно, вы найдете там ответы на все ваши вопросы. Ну, или на большинство вопросов.

— Зачем нам нужна Матричная Ветвь? — не поняла Мириам. — И что это такое вообще? Может быть, Корень Древа?

— На Земле существовала легенда, что человек создан по образу и подобию Творца. Поразмышляйте над этим.

— Ничего не понимаю. — Мириам посмотрела на Ивора. — А ты?

— Вы хотите сказать... — медленно начал тот, — что люди — прямые дети Творца?

— Великолепно, оператор! — хмыкнул Златков. — Вы далеко пойдете. Да, люди — и с т и н н ы е дети Творца, они когда-то все были богами, но забыли об этом. Прощайте. А это вам подарок. — Ученый вытащил из воздуха предмет с рукоятью, напоминающий старинный револьвер с трехгранным дулом.

— Какой интересный, — взяла в руки револьвер Мириам. — Что это за пушка?

— Ваксинг, или, в просторечии, вакуумхлоп. Мне подарил его один мой приятель, но мне он не пригодился. Это оружие на основе возбуждения вакуума, оно создает «пузырь схлопывания»

пространства в черную дыру. В зависимости от мощности импульса может образовываться либо сфера сверхзвука мощностью до ста децибел, либо воронка всасывания диаметром около ста метров.

— Класс! — восхитилась девушка, понимавшая толк в оружии. — Такого я еще не встречала! Нам он действительно может понадобиться.

— Прощайте, — подал руку Ивору Златков, поцеловал пальцы Мириам. — Заходите еще. Передавайте привет всем моим кванкам.

Он исчез.

— Но как же мы... — начала обескураженно Мириам.

— Все в порядке, — отозвался чей-то басовитый резонирующий голос, и комната исчезла, люди повисли в центре грота с колониями светящихся грибов. — Мне объяснили, что я должен сделать. Вы готовы?

— Мера? — прошептала девушка.

— Скажем так — одно из воплощений этой системы мысли. До свидания, носители надежды.

Свет в гроте померк. Ивор взял Мириам за руку, и горячий вихрь увлек их в бездну иных измерений...

ГЛАВА 7

Подробности они узнали позже.

Сначала показалось, что планета, на которую их перенес трансгресс по команде Меры, ничем не отличается от подобных образований других Ветвей.

Планета по первому впечатлению была круглой, имела пригодную для дыхания атмосферу и силу тяжести, чуть меньшую земной. К тому же на ней вылупился Ствол, что уже само по себе говорило о ее принадлежности к Ветвям, близким по параметрам к земной с ее вакуумом, звездами и галактиками. Однако инки «кокосов» отметили некоторые странности в поведении местного светила, а также в ландшафте вокруг Ствола, и озадаченный Ивор принялся рассматривать пейзаж сквозь призму внутреннего паравосприятия. Одновременно он с замиранием сердца начал искать «мыслезапах» отца, веря, что Мера направил их именно в ту Метавселенную, где застряла команда Павла Жданова.

Выход в бессознательное восприятие реальности сразу ознаменовался несколькими открытиями.

Во-первых, планета под ногами с нормальным горно-равнинным рельефом оказалась не круглой, а плоской, как лепешка.

Во-вторых, она не вращалась вокруг оси, а видимое движение

оранжевого светила именно этот факт и отображало: планета-лепешка медленно двигалась относительно светила по какой-то траектории, которую нельзя было назвать орбитой.

В-третьих, разумная жизнь в этой системе присутствовала, но не на планетах, а на искусственных сооружениях, представлявших собой космические города и одновременно растительные организмы. Каждый такой город, по сути, был живым существом или системой живых существ растительного происхождения. В каком-то смысле они являлись родственниками флориан Меры, попавшими под пресс давления Игрока номер один — Палача.

Эту информацию Ивор принял-прочитал-почувствовал мгновенно, словно всю жизнь занимался контактами с представителями растительной формы жизни.

И, наконец, на грани восприятия Ивор получил слабый мысленный отклик, похожий на удивленный взгляд отца. Впечатление было такое, будто луч «пси-локатора» молодого Жданова, настроенный на определенную ментальную частоту, отразился от некоего объекта, излучавшего в примерно таком же диапазоне мыслеволн.

— Папа! — прошептал Ивор, бледнея.

Мириам, расхаживающая по плоской вершине скалы, на которой они оказались, с видом грозного сторожа, обрадованно обернулась.

— Нашел?!

— Странно... это он... и в то же время...

— Он это или нет?!

— Очень слабый сигнал... и какой-то необычный...

— Просто в данный момент отец находится далеко отсюда, может быть, даже на другой планете системы.

— Это не имеет значения... он и в самом деле сейчас далеко... на острове...

— На каком острове?

— Я имею в виду искусственное сооружение в космосе...

— Что ты мямлишь! — рассердилась Мириам. — Немедленно объясни, что ты видишь!

Ивор попытался передать ей свои ощущения, но это ему удалось не сразу. Он все еще слышал слабое эхо мыслесферы отца, выражающее удивление и беспокойство.

— Поняла, — кивнула Мириам, не забывая поглядывать по сторонам в поисках опасности. — Особенности здешней природы меня мало интересуют. Если ты узнал отца, позови его, пусть прилетит.

— Это паллиатив.

— Был бы у нас корг или хотя «голем» — сами бы отправились

к нему, а так придется ждать. Предлагаю переместиться поближе к Стволу.

— Зачем?

— Какое-никакое, но убежище.

— Он же заблокирован.

— В случае чего разнесем стену Атанасовым ваксингом и пройдем внутрь, а там Стас поможет.

— Если бы все было так просто, отец давно освободился бы сам.

— Все равно шансов спастись внутри Ствола у нас больше, чем на открытом пространстве.

— Хорошо, — уступил Ивор, — полетели к Стволу, будем ждать отца там. Хотя не думаю, что на нас кто-то намеревается напасть.

— Ты забыл о словах Златкова, что на тебя, господин оператор, организована охота. Оруженосцы Палача наконец оценили твой потенциал и будут идти по следу, пока не догонят.

— Пусть догоняют, — махнул рукой Ивор, поднимаясь в воздух и направляясь к серо-коричневой горе Ствола. — Надеюсь, ты меня защитишь? Как там, у Екклезиаста? «Ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего».

Мириам догнала спутника.

— Твои шутки неуместны, Жданов. Ты действительно не понимаешь, какая на тебе лежит ответственность, или притворяешься?

— Я еще молод и имею право на ошибку, — поддразнил Ивор девушку. — Вот когда стану Игроком или хотя бы Судьей...

— Будешь так рассуждать — не станешь ни тем, ни другим, — снова рассердилась Мириам. — Я уже начинаю жалеть, что связалась с тобой.

— Почему? — удивился Ивор.

— Потому что ты слишком привык к умеренности.

— Разве это плохо?

— Как говорил мудрец: умеренность — роковое свойство. Только крайность ведет к успеху.

— Ну, это несерьезно.

— А серьезность, между прочим, вообще последнее прибежище заурядности.

Ивор замедлил полет, остановился. Мириам повисла впереди с мрачным видом. Он приблизился к ней, попытался обнять, но она оттолкнула его руку.

— Нечего приставать к бедной девушке, я обиделась.

— Я больше не буду, Миа. Я все понимаю и готов и дальше следовать твоим советам.

— Правда? — недоверчиво прищурилась Мириам.

— Клянусь Безусловно Первым!

— Ох, ну вечно ты говоришь глупости, — огорчилась она. — Тебя еще надо воспитывать и воспитывать.

— Вот и займись этим богоугодным делом, — серьезно сказал Ивор. — Только прежде покайся в каких-то грехах. Помнишь, обещала?

— Обещала — выполню, но позже. Давай все-таки осмотрим Ствол, вдруг твой отец оставил на нем или поблизости какой-нибудь знак.

Предложение спутницы заставило скептически настроенного Ивора призадуматься.

— Пожалуй, в этом что-то есть, — согласился он наконец, снова устремляясь к громаде Ствола.

Однако их ждало разочарование.

Кванк хронобура в этом увядающем мире был мертв. То есть разрушен и пуст. Уже с километрового расстояния стали видны дыры, трещины, бреши и вывалы в его стенах, превращавшие здание в пустотелую развалину, сиротливо дожидавшуюся своего конца. Как ни напрягался Ивор, стараясь отыскать в двухкилометровой высоты теле Ствола «живые» зоны с энергопитанием, ничего у него не вышло. От хронобура веяло холодом, застарелой угрозой и обреченностью. Видимо, работающих хрономембран у него действительно не осталось, и теперь это была просто древняя развалина, ничем, кроме масштабов, не напоминающая о былой мощи и предназначении.

Ради очистки совести путешественники по Ветвям через одну из рваных дыр проникли в здание, побродили по этажам, везде натыкаясь на разрушенные стены, покосившиеся балки и шпангоуты, нашли зал одной из хрономембран и с минуту рассматривали оплавившиеся, потекшие, закопченные, выгнувшиеся пузырем стены, пол и потолок. Было видно, что здесь когда-то произошел мощный взрыв, и от колонны хронолифта ничего не осталось.

Обманутые в своих надеждах, они выбрались в сумеречный день планеты-лепешки, облетели Ствол кругом и поднялись на его вершину, увенчанную странным, костяным с виду гребнем. Лишь чуть позже они поняли, что это какое-то засохшее растение, а не скелет умершего существа, как подсказывали глаза.

— Да, вряд ли отсюда можно выбраться, не зная кода вызова трансгресса, — констатировала Мириам. — Если бы нам не удалось сюда пробиться, твой отец мог остаться здесь навсегда. Кстати, чего мы ждем? Может быть, поищем какой-нибудь транспорт?

— Где? — буркнул Ивор, прислушиваясь к тишине пси-эфи-

ра, в которой изредка проявлялись тихие шорохи и среди них — слабый отблеск ауры отца.

— Ну, планета ведь была когда-то обитаема. Или ты на что-то надеешься, а мне не говоришь?

— Я позвал отца... он должен был услышать... подождем немного. Если через пару часов не появится, начнем поиск сами.

Мириам хотела возразить, но посмотрела на твердо сжатые губы друга и передумала. Однако ее деятельная натура не терпела пустого времяпровождения, и она принялась на всех диапазонах рации вызывать «местные власти». И ее усилия не пропали даром! Поначалу скептически отнесшийся к ее инициативе Ивор с удивлением услышал на аварийной волне чей-то далекий, едва пробившийся сквозь шелест фона мужской голос:

— Кто говорит?!

Спрашивали на русском языке!

— Свои! — обрадованно закричала Мириам. — Нам нужен Павел Жданов. А вы кто?

— Я Григорий Белый. Кто конкретно — свои?

— Пусть это будет для вас сюрпризом. Где вы? Мы ждем вас возле Ствола.

Молчание.

Прошла минута, другая...

Ивор и Мириам обменялись тревожными взглядами. У обоих мелькнула одна и та же мысль.

— А если этот Белый служит Палачу? — прошептала девушка.

— Не может быть, — так же тихо ответил Ивор. — Отец всегда абсолютно правильно разбирался в людях. Белый его друг.

— Полуянов тоже был его другом.

— Если бы Белый тоже работал на стороне Палача, он бы здесь не застрял вместе с отцом.

— Логично, — согласилась Мириам, подумав.

— Ждите, — прилетел сквозь шумы эфира голос друга отца. — Мы будем через час. Как вы здесь оказались, свои? Неужели Ствол заработал?

— У нас есть свой транспорт.

Еще минута молчания.

— До встречи.

И тишина.

— Ну вот, а ты говорил — женщины ни на что не годны и ошибаются чаще, чем мужчины, — с победным видом заявила Мириам.

— Я так не говорил, — запротестовал Ивор.

— Ну, думал, — отрезала она.

Ивор невольно улыбнулся, понимая чувства спутницы, пы-

тавшейся скрыть свое удовлетворение. Она искренне была рада тому, что ее инициатива неожиданно дала результат.

— А что, если нас все-таки запеленговали эмиссары Палача? Ведь я не застрахован от ошибок. Ты веришь тем, с кем мы разговаривали?

— Недоверчивость — мудрость дурака[1], — назидательно сказала Мириам. — И не разыгрывай меня, ты не должен ошибаться. Иначе нам вообще нечего делать за пределами Земли. Надеюсь, ты не растеряешься, как в прошлый раз, вызывая трансгресс?

Ивор не обиделся, с нетерпением считая минуты до прибытия отца.

— Я уже понял, в чем дело, — пробормотал он. — Трансгресс имеет в каждой локальной области лишь один выход, он же вход. Радиус области равен примерно трем-пяти километрам, судя по нашему печальному опыту. А когда я в прошлый раз вызывал трансгресс, он был уже занят погонщиками драконов.

— Тогда прощаю, — успокоилась Мириам. Поглядела на ждуще-взволнованное лицо Ивора и вдруг подошла к нему, прижалась на мгновение. — Не переживай, поэт, все будет о'кей. Что бы ты делал без меня, а?

Жданов улыбнулся.

— Это уж точно.

Последние минуты ожидания оказались самыми тягостными.

Ивор держался внешне спокойно и даже шутил, но было видно, что он волнуется. Наконец в небе планеты-лепешки сверкнула серебристая искра, превратилась в светлое пятнышко, затем в самый настоящий кочан капусты овальной формы.

«Кочан» приблизился к Стволу, медленно облетел его, не торопясь идти на посадку, словно его пилоты внимательно рассматривали землян. Завис над краем крыши здания и мягко опустился вниз. Размерами он был с земной «пакмак», вблизи же его сходство с кочаном капусты уже не казалось столь разительным, как издали, но ощущение, что перед ними растение, точнее, овощ, только в сотню раз больше земного аналога, у Ивора и Мириам не прошло.

«Листья капусты» с хрустом встопорщились сильнее, в боку гигантского «кочана» образовалась линзовидная щель, из которой вылетели три фигуры в обычных земных униках. Развернувшись в цепь, они подплыли к молодым людям (Мириам на всякий случай приготовилась к адекватному ответу), опустились на крышу здания. Атанас Златков, Григорий Белый и Павел Жданов. Ошибиться было невозможно.

— Отец? — неуверенно проговорил Ивор.

---

[1] Дж. Б. Шоу.

Прибывшие на «капустном» корабле переглянулись.

— Кажется, это и есть обещанный сюрприз, — хмыкнул Белый, с любопытством разглядывая побледневшее лицо молодого человека, покосился на Жданова. — Я не знал, дружище, что у тебя есть сын.

— Я сам не знал, — с не меньшим любопытством во взоре ответил Павел. — Кто вы, молодой человек?

— Как кто?! — возмутилась Мириам. — Это же ваш сын, Ивор! Вы шутите или издеваетесь?!

— Успокойся, — проговорил вдруг Ивор, проведя ладонью по лицу. — Это не отец.

— Как не отец?! Что ты говоришь?! Это же Павел Жданов, я же вижу, я бы узнала его и... — Девушка застыла с округлившимися глазами. — Боже мой!

— Он — Жданов, — глухо сказал Ивор, — но не отец.

— Кванк!

— Да.

— Ах, вот оно в чем дело! — протянул Белый. — Мы, кажется, пересеклись с сыном одного из твоих кванков, Паша, и эти молодые люди приняли тебя за его отца.

— Увы, это так, — кивнул Павел Жданов, с сочувствием глядя на побледневшего, расстроившегося Ивора. — В моем мире у меня нет детей. Приношу свои извинения.

— Не за что извиняться, — глубоко вздохнул Ивор, пытаясь скрыть разочарование. — Вы не виноваты. Я был уверен, что нам дали верные координаты схрона, поэтому даже не сомневался, что вы мой отец. Хотя нет, была тень сомнения, когда я искал мыслепоток отца в пространстве, ваша аура слегка отличается от ауры отца, но я даже предположить не мог, что вы...

— Понятно. — Жданов обменялся взглядом с молчавшим Златковым. — Значит, вы ищете своего отца? Что с ним?

— Он застрял где-то в одной из «засыхающих» Ветвей. Его подставили...

— Кто?

— Федор Полуянов. Он завербован эмиссаром Палача...

— Кем-кем? Эмиссаром Палача?

— Разве вы не знаете? — удивилась Мириам. — Один из Игроков пренебрегает правилами Игры, и его назвали Палачом. Он безжалостно отсекает Ветви от Древа Времен одну за другой.

Снова быстрый обмен взглядами.

— Я был прав, — заговорил Златков. — Очевидно, на службу этому самому Палачу перешла вся спектральная линия Полуяновых. Не удивлюсь, если группы, подобные нашей, застряли и в других коллапсирующих Ветвях.

— Это так и есть.

— Откуда вы знаете? — поинтересовался Белый.

— Он — оператор, — гордо сказала Мириам, положив руку на плечо Ивора. — К тому же мы посетили уже уйму Ветвей и беседовали с весьма информированными учеными. Кстати, вам привет. — Она посмотрела на Златкова.

— От кого?

— От вашего кванка. Он живет сейчас в мире второго Игрока — мы дали ему имя Мера — и занимается расчетами всякой мудреной белиберды.

Златков — здесь он был с усами, но без бороды, да и седины у него было поменьше — усмехнулся.

— Не скажете, какой именно белибердой он занимается?

— Он заканчивает работу над теорией физики невозможных и абсурдных состояний, — сказал Ивор, окончательно приходя в себя. — Скоро будет готов расчет Древа Невозможных Миров. А вы над чем работаете?

— Примерно над той же белибердой. — Веселый блеск в глазах собеседника. Он хотел продолжить, но его перебил Белый:

— Чего мы тут стоим, как бедные родственники? У вас есть время? Поехали-ка домой, там и отдохнем, и позавтракаем, и поговорим. Надеюсь, у вас припасен способ выхода в Древо? Здешний Ствол, к сожалению, не функционирует.

— Домой? — Ивор вопросительно посмотрел на Жданова.

Тот улыбнулся.

— Мы здесь торчим уже полтора года и успели расположить к себе аборигенов. Они предоставили нам кров и пищу, мы же помогаем им техническими советами.

— Вы имеете в виду флориан? — уточнила дочь Ромашина.

— Как вы сказали?

— Насколько я успел понять, в этом странном мире живут разумные растительные системы, — сказал Ивор. — Я обнаружил с полсотни искусственных сооружений в космосе...

— Это они и есть — нечто вроде летающих выращенных станций или городов-сообществ. На одной из них мы и обитаем. Мир же этой Ветви действительно уникален. Но обо всем этом мы лучше поговорим в более уютной обстановке. Кстати, как вам удалось обнаружить обитаемые объекты в космосе? Ваши скафандры имеют исследовательские комплексы?

— Я же говорила — он оператор! — веско проговорила Мириам.

— Надеюсь, вы объясните, что это означает. Прошу в наш аппетитный местный спейсер. — Жданов сделал приглашающий жест.

Через минуту все пятеро разместились внутри сферической

кабины летательного аппарата, оказавшегося живым существом, точнее, теплокровным растением, и тот устремился вверх, пронзая атмосферу планеты-лепешки.

* * *

Мир «засыхающей» Ветви, где земляне нашли братьев по разуму, давший жизнь гигантским растительным разумным системам, действительно оказался достойным изумления и восхищения.

Когда-то он был таким же огромным, как земная Ветвь: луч света смог бы его пересечь лишь за десятки и сотни миллиардов лет. Но в результате просачивания в домен «вируса» чужих законов его объем стремительно начал уменьшаться, и в конце концов осталась лишь узкая полоса между сближающимися доменными стенками толщиной всего в два десятка астрономических единиц[1]. Для наглядности Златков, объясняющий гостям положение вещей в мире разумных лесов, схематично изобразил местную планетную систему на специальной доске, и молодые люди долго с недоверием разглядывали ее.

Планеты и центральное светило системы вращались вокруг сверхплотного и массивного одномерного образования, называемого «сверхструной», постепенно, по мере сдвижения доменных стенок смещаясь к центру системы, к плоскости орбиты, занимаемой светилом. Сколько времени осталось Ветви до схлопывания стенок, было неизвестно, однако, по расчетам Златкова, срок этот был невелик — около полугода по земным меркам. Ветвь «засыхала», и никакая сила не могла остановить этот процесс.

Во время беседы, которая состоялась после завтрака в «доме-общежитии», где обитали земляне, запрятанном в недрах летающего космического города, Ивор понял, почему ошиблись флориане, отправившие гостей по неверным координатам.

Во-первых, эта Ветвь мало отличалась от той, где застрял отец Ивора, разве что «суперструна» была ориентирована не поперек пространственного слоя, а вдоль; информацию о своем погибающем мире дали молодому Жданову посланцы отца при первом контакте в Мексике.

Во-вторых, Павел Жданов этой Ветви мало чем отличался от Павла Жданова-отца. А если учесть, что и в других Ветвях застряло немало кванков Ждановых, то выбор флориан оказался неслучайным и почти правильным. Почти. Правда, утешить эти объяснения Ивора не могли, он по-прежнему не знал, где искать отца.

---

[1] 1 а.е. — расстояние от Земли до Солнца, равное 149 млн. км.

— У нас нет выбора, — сказал присутствующий в помещении, где проходила беседа, Гриша Белый, отрастивший себе красивые седые бакенбарды. — Надо просто идти по Ветвям, где стоят заблокированные кванки хронобуров, и искать вашего отца, юноша, одновременно освобождая застрявшие отряды Ждановых. Так мы в конце концов и отца вызволим, и приличную команду сформируем.

— Боюсь, Палач не даст нам возможности действовать свободно, — покачал головой Павел Жданов. — Да и времени такой поход потребует много.

— У тебя есть конкретные предложения?

— Нет, — подумав, мотнул головой Павел. — Придется идти кружным путем. Хотя мы, к сожалению, не бессмертны.

Ивор пошевелил губами, поднимая глаза к потолку, и пробормотал:

И в таинство бессмертья посвящен,
я наконец-то вышел на дорогу,
ведущую не к вечности, не к богу,
а просто к перекрестию времен.

Мужчины переглянулись.

— Он поэт, — сказала Мириам гордо. — Стихи рождаются помимо его воли. Атанас, я тут чего-то не понимаю, объясните на пальцах, что происходит в этой Ветви. Почему она начала сжиматься?

— В данной Метавселенной лишь две силы уравновешивали друг друга, — пустился в пояснения Златков, — обеспечивая стабильность мира: сила тяготения и отрицательное натяжение вакуума. Игрок... э-э, Палач каким-то образом смог ослабить коэффициент натяжения, что привело к эффекту конфайнмента, или втягивания домена в материальный конус свертки. Доменные стенки, представляющие собой поверхность Лобачевского, то есть поверхность одинаковой отрицательной кривизны, ограничивающие Ветвь, начали сближаться...

— Спасибо, я поняла, — кивнула Мириам, пряча иронические огоньки в глазах.

— Итак, что решаем, господа поэты и мечтатели? — подвел итог беседе Павел Жданов.

— Идем дальше по «засыхающим» Ветвям, коль у нашего юного друга прорезался талант оператора, — сказал Белый. — Владея прямым доступом к трансгрессу, мы становимся почти независимыми от внешних условий. Осталось добыть оружие.

— У нас есть «универсал» и ваксинг, — сообщила Мириам.

— Что такое ваксинг?

Мириам посмотрела на Ивора, тот молчал, и тогда она сама объяснила принцип действия «вакуумхлопа», который подарил им Златков, поселившийся у флориан.

— Пушка ничего себе, но этого мало, — покачал головой Белый. — У нас на троих только один «универсал» и почти полностью разряженный аннигилятор. Нам бы дриммеров парочку...

Мириам улыбнулась.

— Эта идея и нам приходила в голову. Мы даже посетили родину наших мам — Гезем, но дриммеров не добыли. Их там уже нет. Однако у меня идея.

Мужчины молча смотрели на молодую землянку, ожидая продолжения. Она сделала паузу и проговорила с простодушной миной:

— Дриммер есть у Полуянова. И, наверное, не только у одного нашего комиссара. Но уж у него есть наверняка!

Белый пощипал бакенбарды, взвешивая ответ.

— А ведь идея-то неплохая, отцы. Эта девочка права. Может быть, вернемся домой, где нас не ждут, и приватизируем дриммер у Федора? Думаю, Федя Полуянов не решится ликвидировать нас сразу, при массовом стечении народа.

— Я — за, — сказал Златков, впадая в меланхолию.

Жданов-старший посмотрел на Ивора.

— Ваше слово, оператор.

— Нам посоветовали искать Матричную Ветвь, — сказал Ивор.

— Кто посоветовал? — ожил Златков.

— Ваш кванк, у которого мы были в гостях перед прыжком сюда.

— Он не объяснил, что имелось в виду?

— Нет.

— Очень интересный совет. С вашего позволения я кое-что проверю. — Он встал и вышел.

— У него есть связь с местным инком, — пояснил Белый, — если можно назвать так здешние вычислители, заменяющие компьютер. Итак, не понял. Что решаем?

— Дриммер! — заявила Мириам.

— Матричная Ветвь — заманчивая идея, — проговорил опытный в дипломатии Павел Жданов, — хотя я не совсем понимаю, что она даст нам. Однако и ее неизвестно где искать. Давайте подновим экипировку, разберемся с нашим и вашим Полуяновыми, вооружимся, а уж потом выступим в поход. Теперь мы уже не попадемся так бездарно, как в этот раз. Не возражаете?

— Нет, — ответила за двоих Мириам.

Мгла отступила, он увидел человека, отлитого из жидкого металла, и вытянулся перед ним навытяжку, пытаясь поглубже затолкать душевный страх. Человек что-то повелительно прокричал, протянув к нему длинную текуче-ртутную руку.

— Будет выполнено, хозяин! — ответил Полуянов и проснулся.

Полежал немного, глядя в туманно-струящийся синеватый потолок, чувствуя себя неотдохнувшим и разбитым, потом поднялся и поплелся в туалетную комнату. Долго разглядывал свое ставшее одутловатым и морщинистым лицо. На лбу появились две новые изломанные морщины, и Федор мимолетно подумал, что надо вызвать витолога, чтобы тот разгладил ему морщины и подновил лицо.

Сквозь стенки туалета донесся всплеск.

Полуянов выглянул в соседнее помещение: девушка по имени Розалия нырнула с вышки и плавала в бассейне голой, поднимая тучу брызг. О предупреждении хозяина дома она, естественно, забыла.

— Вылезай, дрянь! — побагровев, рявкнул Федор. — Я тебе что вчера говорил?!

Розалия перестала петь и смеяться, быстро вылезла на бортик бассейна и испуганно шмыгнула в свою спальню.

Полуянов плюнул, буркнул домовому:

— Смени воду...

Он любил по утрам в одиночестве купаться в бассейне с тонизирующей солевой смесью, однако не переносил, когда кто-нибудь его опережал. Розалия приходила к нему уже трижды и каждый раз забывала о его предупреждениях.

— Пора менять, — подумал Федор вслух.

Час у него обычно уходил на утренний туалет, купание, поднятие тонуса и ухаживание за телом. Затем он одевался, выбирая костюм — сегодня это был уник официала службы — бело-серый, с голубой динго-подсветкой, — и направлялся в столовую.

Сон, приснившийся под утро, он помнил смутно, хотя основная информация осела в глубинах подсознания и ждала своего часа. В принципе это был не сон, а направленная пси-передача, предназначавшаяся эмиссару Игрока в данной Ветви.

Розалия уже сидела там как мышка, понимая, что провинилась. Полуянов бросил на нее равнодушный взгляд, и она поняла, что господин уже думает о другом. Она была здесь лишней. Исчезла девушка так тихо, что Федор этого не заметил.

Он уже заканчивал завтрак, когда домовой доложил о звонке по консорт-линии.

— Кто звонит? — поинтересовался комиссар, вытирая рот салфеткой.

— Абонент не назвался, — ответил инк.

Полуянов бросил взгляд на часы и поднялся к себе в рабочий модуль, имевший три уровня защиты от несанкционированного доступа.

— Включи канал, — приказал Полуянов.

Однако обратка — виом связи, показывающий того, кто звонит, — не включилась, вибрирующий луч консорт-линии не развернулся в объеме передачи.

— В чем дело?

— Абонент не включил видеокамеру, — пояснил домовой.

— Я Полуянов, — высокомерно сказал комиссар, понимая, что абонент, знающий код его личной консорт-линии, не хочет, чтобы его узнали. — С кем имею честь разговаривать?

— Господин комиссар, — раздался гулкий, резонирующий и одновременно посвистывающий высокими обертонами голос. — Меня зовут Тирувилеиядаль, я посланец того, кто имеет право приказывать. Нам необходимо встретиться.

— Приходите ко мне домой, — предложил Федор, недоумевая по поводу столь неадекватной моменту скрытности. — Или на службу. Я буду на рабочем месте через час.

— Это невозможно. Нельзя, чтобы нас кто-нибудь увидел из ваших подчиненных или начальников. Я буду ждать вас в Златоградском видеоцентре через сорок минут.

— Как я вас узнаю?

— Узнаете.

Щелчок отбоя связи, слабый звоночек отсечки контроля.

— Выяснили, откуда звонили? — позвал Федор сторожа электронных систем кабинета.

— Спутник Юпитера Титан, космопорт «Моргиана», борт спейсера «Петр Великий», — доложил инк.

Полуянов хмыкнул, размышляя, стоит ли объявлять тревогу и захватывать спейсер УАСС на Титане или лучше подождать встречи с посланцем Игрока по имени Тирувилеиядаль. Что такой посланец существует, Федор знал, он сам встречался с ним, вернее, с ней около месяца назад. Но уверенности в том, что это снова она, у комиссара не было. Все приказы и сообщения он получал по ментальному каналу и не нуждался в приватных беседах с посланцами кого бы то ни было.

— Придется рисковать, — сказал комиссар вслух, вызывая заместителя.

Виом консорт-линии развернул дрожащий лучик света в плоскость, потом в объем передачи. Перед Полуяновым возник Джон Булл, сменивший Басанка на посту заместителя в связи с

недавними событиями — бегством с Земли сына Павла Жданова и дочери скульптора Ромашина.

— Обеспечь мне «эшелон» до Златограда, — сказал Полуянов.

— Режим? — невозмутимо поинтересовался Булл, предпочитавший лаконичную речь.

— ВВУ[1].

— «Эшелон» будет готов через пять минут.

Виом связи свернулся в световую нить, угас.

Полуянов прошелся по «деревянному» полу модуля, размышляя, все ли он предусмотрел, и спустился к кабине индивидуальной ветки метро.

Вскоре он в сопровождении витса охраны добрался до Златограда, сел в служебный куттер и направился к ажурно-ветвистому зданию столичного видеоцентра, построенного еще в прошлом веке на одном из киевских холмов. Вспомнилась двадцатипятилетней давности встреча с командой из другой Ветви Времен, на Земле которой Златоград назывался Киевом, Новгород Санкт-Петербургом, а столицей была Москва. Мимолетно подумалось: где эти люди сейчас? Ивашура, Костров, Рузаев, Таисия, Вероника... На чьей они стороне? Но в это время куттер совершил посадку на VIP-площадке, и мысли комиссара свернули в другое русло. И хотя он знал, что его прикрывает особая бригада охраны по императиву ВВУ, все же не преминул запросить дежурного по Управлению:

— Я Полуянов, режим запущен?

— Вы в поле «Эшелона», — доложил дежурный. — Гарантия безопасности девяносто пять процентов.

— Могли бы обеспечить и девяносто девять, — проворчал Полуянов, зная, что такие гарантии невозможно обеспечить даже Президенту Земного Пула и членам Правительства.

Рядом сел флайт с обоймой Джона Булла.

Комиссар и его заместитель в сопровождении обоймы телохранителей: два витса, двое «живых» людей — проследовали в здание.

— Вас ждут, — появился в просторном и тихом холле видеоцентра вежливый сопровождающий — динго местного инка. Несмотря на то что в холле разговаривали одновременно десятки людей, спецаппаратура здания гасила звуки до почти неслышного шелеста.

— Кто? — полюбопытствовал Полуянов.

— Руководство четвертого канала.

Полуянов и Джон Булл переглянулись.

---

[1] ВВУ — императив внезапно возникшей угрозы.

— Это становится интересным, — процедил сквозь зубы Федор.

— Проверить помещения горизонта, — дал команду в эфир Булл.

— Идемте, — оглянулся на них проводник.

Коридор, пандус, малый холл, прозрачные перегородки, отделяющие технологические зоны от студий, еще коридорчик, ряд дверей в кабинеты творческой элиты канала.

— Все чисто, — доложили по рации контролеры «эшелона», имеющие сканирующую пространство аппаратуру. — Вооруженные люди отсутствуют.

Дверь в рабочий модуль директора четвертого канала свернулась валиком, открывая вход. Первым в нее шмыгнул витс-телохранитель, ничем не отличающийся от живого человека, за ним Джон Булл и еще один охранник. Полуянов степенно прошествовал последним.

Кабинет известного мастера видеоновостей представлял собой склон горы с пятачком свободного от камней участка — так был настроен видеопласт кабинета. Мужчина в черном, с пышной седой шевелюрой и прозрачно-серыми цепкими глазами, стоящий на краю «обрыва», оглянулся на гостей и выключил видеопласт.

Горный пейзаж пропал, появились телесного цвета стены с рисунком «вен», пол с модной «деревянной» структурой, белый потолок, испускающий ровный дневной свет. Затем из пола выросли кресла, столик для фруктов и напитков, рабочий стол хозяина с «кактусом» вириала инка.

— Здравствуйте, комиссар, проходите, не стесняйтесь, — сказал Ромашин — это был он, — радушно поведя рукой. — Присаживайтесь.

— Что это значит?! — осведомился Полуянов, сдерживая раздражение. — Где Щагольский? Мне сказали, что он ждет меня у себя.

— Вы неправильно поняли, — остался невозмутимым скульптор. — Вас вызвал не Щагольский, и даже не я, — Ромашин усмехнулся, — и не Тирувилеиядаль.

— Что за чушь! А кто?

— Сейчас узнаете. Это очень приятный сюрприз.

— Если вы немедленно не объясните, что происходит, я...

— Да вот они, — оглянулся Ромашин.

Стена сзади него разошлась лепестками лилии, и в образовавшийся проем один за другим вошли пять человек: Павел Жданов, Атанас Златков, Григорий Белый и двое молодых людей — Ивор и Мириам.

— Привет, комиссар, — сказал Жданов. — Узнаешь?

Полуянов несколько мгновений смотрел на него с ничего не выражавшим лицом, поднял было руку, опустил, быстро оглядел группу и снова замер, зачарованно вглядываясь в слабо улыбавшегося Жданова. Наконец хрипло выговорил:

— Не может быть!

— Мы тоже не надеялись свидеться, — проговорил Павел, кивнул на Ивора с Мириам. — Если бы не эти молодые люди.

— Значит, сын все-таки нашел тебя...

— Как видишь. — Павел не стал объяснять комиссару, что Ивор не является его сыном. — Итак, у нас к тебе дело.

Полуянов очнулся, махнул рукой заму.

— Выйди.

Джон Булл посмотрел на него непонимающе, заколебался.

— Выйди! — рявкнул Полуянов, кинул взгляд на телохранителей. — Вы тоже!

Охранник и заместитель вышли.

Полуянов изобразил улыбку, бросился было обнимать Жданова, но встретил вежливое неприятие и отступил.

— Как я рад вас видеть! Думал, уже не найду...

— Ты ошибался, эмиссар, — бесстрастно проговорил Белый.

Полуянов споткнулся, застыл на мгновение, словно не веря ушам, быстро глянул на Белого, рассматривающего свои ногти с брезгливо поджатыми губами, исподлобья глянул на Павла.

— Ч т о он сказал?!

— Да все нормально, Федор, — меланхолически произнес Златков. — Мы понимаем, что вербовали тебя с применением программатора, поэтому где-то даже сочувствуем. Не ты, так кто-то другой стал бы здесь эмиссаром Палача. Выслушай наши предложения и попробуй пойти на компромисс.

— Да вы не представляете!..

— Представляем, — растянул губы в холодной усмешке Белый. — Между прочим, наша беседа сейчас записывается, и в случае необходимости передача выйдет в эфир.

Полуянов побледнел, шагнул к двери, но Григорий встал у него на пути, и комиссар сдержал желание вызвать охрану и задержать всех вернувшихся.

— Чего вы хотите?

— Во-первых, отдай нам дриммер.

Брови Полуянова прыгнули вверх, он с изумлением оглядел лица присутствующих, сдержал нервный смех.

— Однако, пустячок, а приятно. А если его у меня уже нет?

— Он у тебя, Федя, иначе ты не смог бы разблокировать Ствол и послать твоих... э-э, нашу группу в ловушку, а потом снова заблокировать вход.

Полуянов облизнул губы, дернулся к двери, натыкаясь на Бе-

лого, задумался. На плече его вспух бликующий желвак — зародыш узла автоматии для развертки личного оружия.

— Хорошо, допустим, я доставлю вам дриммер. Что дальше?

— Э-э, не так, — покачал головой Белый. — Отсюда мы направимся к тебе все вместе, да еще парочку корреспондентов видеоновостей прихватим для вящей подстраховки. Вышел ты у нас, понимаешь ли, из доверия, комиссар. Кроме дриммера, нам нужны «кокосы», «глюки», НЗ, эмбриотранспорт, витсы и оружие.

Полуянов крякнул, дернул себя за ухо.

— Да, аппетиты у вас хорошие. Однако для выдачи такого количества спецоборудования необходима санкция СЭКОНа и директора Управления.

— Не вешай нам лапшу на уши, Федя, все это оборудование легко можно взять на складах комиссариата с твоей подачи.

Глаза Полуянова сверкнули, он снова задумался.

Мириам приблизила губы к уху Ивора:

— Если он попытается нас обмануть, я его пристрелю.

— Не вмешивайся, — так же тихо ответил молодой человек. — Они знают, что делают.

— Может быть, и знают, но верить ему нельзя.

— Хорошо, допустим, уговорили, — закончил свои размышления Полуянов (Ивору очень не понравился тон, с каким были произнесены слова). — Я проведу вас на склад Злата Бряга, там есть все, что вам нужно, и передам дриммер. Только вам это не поможет, парни, вас всего трое...

— Пятеро! — возразила Мириам.

— Пусть будет пятеро, — криво улыбнулся Федор.

— Плюс наши кванки в других Ветвях!

Ромашин дотронулся до локтя дочери, мягко сказал:

— Спокойнее, Миа.

— Все равно вы всех не соберете, — продолжал Полуянов, чувствуя накапливающуюся в душе злобу. — Ну, пусть вас десять человек, ну, двадцать, пусть даже сто, но против вас — армия! Тысячи и миллионы таких, как я, и тысячи и миллионы других! Вы проиграете!

— Но и вы не выиграете! — не выдержала Мириам, виновато глянув на отца. — Вы же погубите Древо!

— На наш век вселенных хватит.

— Мы еще вернемся к этой теме, — сказал Ромашин. — Скорее всего, ты не знаешь истинного положения вещей.

— Может быть, это вы не знаете?

— Вот и выясним этот вопрос при следующей встрече.

Полуянов вдруг успокоился, окончательно прикинув план действий.

— Следуйте за мной.

Он направился к двери, но снова наткнулся на Белого.

— Пропусти его, — разрешил Жданов-старший. — Не в его интересах затевать войну на глазах у сотен свидетелей.

— Вы все учли? — спросил Ромашин.

— Как будто все. Ты с нами?

— Нет, я подготовлю несколько копий нашей беседы для Президента, Совета Безопасности и ВКС. В случае осложнений запись будет передана в надежные руки.

Полуянов скривил губы, обошел Белого и шагнул за порог кабинета. За ним вышли остальные, в том числе Ивор. Мириам задержалась на короткое время, чтобы поговорить с отцом.

— Ты был великолепен, па! Береги себя.

— Не беспокойся за меня, я пожил на свете и кое-что соображаю. Храни мальчика, гриф, у него большое будущее. Как он тебе?

— Большой ребенок. — Мириам порозовела. — Но мне он нравится.

— Этого следовало ожидать. Ну, догоняй их.

Дочь чмокнула отца в щеку и убежала.

Ромашин, склонив голову к плечу, постоял в раздумье, словно прислушиваясь к чему-то, и подошел к столу хозяина кабинета. Но выполнить задуманное не успел. Дверь в кабинет внезапно распахнулась, и появившийся на пороге человек с черным лицом выстрелил в Игната из парализатора.

* * *

В куттере все не разместились, поэтому младшему Жданову с дочерью Ромашина пришлось лететь в машине заместителя комиссара с ним самим и витсами охраны.

Ивор откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза, отдыхая. Мириам прижалась к нему и притихла, не зная, радоваться ей или нет возвращению домой. Так молча они и долетели до первой станции метро Златограда, расположенной на Хрещатике. Собрались у кабины в секторе для особо важных персон.

— Прошу сообщить маршрут, — сухо сказал озабоченный Белый. — Хотелось бы знать, где состоится передача главного... гм, приза.

— Он лежит в сейфе у меня дома, — спокойно сказал Полуянов. — Но ведь вы же хотели получить экипировку? Предлагаю сначала слетать на склад, переодеться, а потом ко мне...

— Не верю я ему, отцы, — буркнул Белый, посмотрев на Жданова и Златкова. — Предчувствие дурацкое... Федя наш горазд на

сюрпризы. Эй, оператор, как у тебя с чутьем? Не ждет ли нас ловушка?

— Не знаю, — пробормотал Ивор, давно пытающийся прочитать мысли комиссара, но все время натыкающийся на блок: у Полуянова был генератор пси-защиты.

— Весьма обнадеживающий ответ, — хмыкнул Белый.

— Не смущай парня, — вступился за Ивора Жданов-старший. — Он еще неопытен и потерял много сил. Федор, если ты задумал каверзу, то это чревато негативными последствиями. Предлагаю сначала забрать у тебя дома нашу гарантию безопасности, лежащую у тебя в сейфе, а потом посетить склад в Злата Бряге. И отпусти ты охрану, ради бога, никто не собирается лишать тебя жизни и свободы.

Полуянов покосился на флегматичного с виду Джона Булла, напоминающего статую, буркнул:

— Забирай обойму, мне достаточно одного витса.

— Слушаюсь, — отозвался заместитель и отозвал телохранителей.

В кабину метро они вошли первыми. При Полуянове остался функциональный витс охраны, практически не отличимый от живого человека.

— Все мы не уместимся, — сказал Белый. — Трое пойдут первыми — эти молодые люди и Атанас, потом уже мы. Код твоего метро не изменился? Шепни на ушко Атанасу.

— Вот что, друзья, — встрепенулся Златков. — Мне бы надо кое с кем повидаться. Не возражаете, если я на часок освобожу вас от своего присутствия? Вы справитесь и без меня.

Белый вопросительно взглянул на Жданова.

— Лучше бы нам держаться вместе, — сказал тот. — Но если встреча важна — действуй, как считаешь нужным, Атанас. Через час встретимся у... как договаривались. Федя, — повернулся Павел к Полуянову, — отдай ему свою рацию.

Комиссар заколебался, преодолевая очередной приступ дикого желания дать команду витсу перебить всех, затем вынул из-под волос за ухом усик антенны с каплей транш-рации (микрофон был встроен в присоску и реагировал на резонанс костей черепа при разговоре) и передал Златкову.

— Оперативная линия занята, личная свободна. Цвет — маренго.

— Что значит — цвет?

Полуянов с хмурым удивлением уставился на ученого.

— Шутите? Линия включается только на цвет.

— Ага, понял, разберусь.

Златков вошел в освободившуюся кабину, дверь за ним закрылась.

— Теперь вы, — посмотрел на Ивора и Мириам Григорий. — Говори код выхода, Федя.

— Ты же его знаешь.

— Хочу проверить твою искренность.

Полуянов пожевал губами, глядя на безопасника, продиктовал семизначное число и пароль.

Ивор и девушка набрали код, и «струна» метро швырнула их сквозь пространство в дом комиссара на берегу Балтийского залива.

Вышли они в небольшой холл со светящимися, словно сделанными из рисовой бумаги, стенами, прошлись по мозаичному полу, осматриваясь. Но поделиться впечатлениями не успели.

Кабина метро Полуянова сработала еще раз, и в холле появились он сам, витс, Белый и Жданов.

— Идемте в кабинет, — отрывисто бросил Федор, направляясь по коридорчику со светящимися стенами к лестнице.

— Не нравится мне здесь,— тихо, сквозь зубы проговорил Ивор.

Белый похлопал его по плечу, догнал Полуянова.

— Ничего, все идет по плану, — сказал Жданов. — Мы здесь не задержимся.

Он тоже догнал комиссара и заговорил с Белым.

— Будь готов к выходу, — шепнула Мириам, беря Ивора под руку. — Мне тоже не нравится здешняя атмосфера.

Они поднялись на второй этаж, вошли в рабочий модуль комиссара с комплексом мгновенной инк-связи со всеми филиалами службы безопасности Земного Пула, в том числе на других планетах, с аналитическим инком «Стратег» и новейшим эйдоигровым комбайном «Фанат». Стены кабинета напоминали пчелиные соты, пол был «деревянным», потолок «открывался» в голубое небо с барашками белых облаков.

Полуянов быстро подошел к стене, в толще которой был упрятан сейф.

— Стоп! — остановил его Белый. — Не торопись, Федя. Отойди в сторонку, мы сами откроем, дай только пароль.

— Пароль — это я сам, — пожал плечами Полуянов, покосившись на играющую огнями «елочку» вириала управления всей аппаратурой кабинета. — Сейф открывается только на мыслекоманду, да и то лишь после считывания биопараметров владельца.

— Открывай, — разрешил Жданов. — Миа, ты готова?

— Я всегда готова, — отозвалась дочь Ромашина.

На одном плече у нее выросла турель с «универсалом», на другом — с ваксингом.

Полуянов усмехнулся.

— Вынужден признать, что я слишком поздно узнал о принадлежности этой милой девушки к асам контрразведки.

Дверца сейфа, не слишком толстая, но практически непробиваемая из-за силовой подпитки, медленно отогнулась книзу, как мягкий слой ваты.

— Отойди! — резко бросил Белый, шагнув к сейфу.

В то же мгновение Полуянов метнулся в сторону и крикнул:

— У б е й их!

Из металлокерамического чрева сейфа выплыл меч со струящимся голубым лезвием. Все застыли. Затем Мириам выстрелила из ваксинга, перед острием меча развернулась черная звезда «антивзрыва», оглушительный удар потряс воздух, поколебал стены помещения, ударная волна отбросила людей к стене, опрокинула вириал инка. Дриммер изогнулся, как живой, его лучистое лезвие покрылось сеточкой разрядов, на долю секунды он замешкался — и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы в происходящее вмешался Ивор.

— Н е у б и в а й! — крикнул он, находясь в состоянии сверхвозбуждения, так что от его крика у присутствующих едва не полопались барабанные перепонки, а от пси-удара взорвался вириал, разлетаясь по кабинету брызгами, искрами и дымными струями. — Блокировка функций!

И дриммер послушно выполнил приказ: заблокировал функцию убийства, перестал выцеливать жертвы, свернулся в подобие браслета и улегся обратно в сейф.

Держась за уши, оглушенные двойным акустическим ударом люди начали шевелиться, вставать на ноги, трясти головами, приходя в себя. Ивор почувствовал слабость, головокружение, силы его кончились, он едва не упал, успев опереться на плечо Мириам.

— Поздравляю, — сказал он, пытаясь улыбнуться. — Мне следовало раньше догадаться, что я имею дело с асом контрразведки. Ты в этом хотела покаяться?

— Молчи, ты весь зеленый, — озабоченно проговорила Мириам. — Потом поговорим.

— Нет, признавайся сейчас!

— Добровольно в своих грехах признаются только святые. Да, я гриф контрразведки и одновременно студентка университета. Тебе от этого легче? Или теперь ты перестанешь со мной разговаривать?

— Я подумаю, — пробормотал Ивор, проваливаясь в полубессознательное состояние.

— Силен оператор! — пришел в себя Белый. — Я уж думал, нам кранты! Как это ему удалось остановить дриммер?

— Не знаю, — ответил Жданов-старший, подходя к Полуяно-

ву. — Вот мы и выяснили, кто есть кто, Федор. Зачем ты хотел нас убить? Ведь никто из нас никогда не стал бы делать с тобой то же самое.

— Вам не понять, — оскалился Полуянов. — И вы еще не выиграли! Насколько я успел сообразить, вы не из нашей Ветви?

— Ты догадлив.

— Еще бы, — снова показал зубы Полуянов. — Это вас и погубило. Если бы вернулись н а ш и парни, а не кванки, они бы не стали раскрывать свои карты, а попытались бы поиграть со мной в кошки-мышки. Я очень хорошо знаю их характеры. Кстати, их я, возможно, и не стал бы ликвидировать. А кванков не жалко, их тысячи. А теперь обещанный сюрприз.

Тотчас же в кабинете появилось существо, с виду напоминающее ожившую металлическую статую, у которой даже кожа лица и глаза отсвечивали текучей ртутью.

— Убей их! — прошипел Полуянов.

Мириам выстрелила из ваксинга и «универсала» одновременно, однако и плазменная «пуля», и силовой разряд были поглощены телом металлического человека без следа. Зато его выстрел не прошел мимо цели.

Указательный палец правой руки «статуи» вдруг превратился в тонкую струйку жидкого металла, дотянувшуюся до Мириам и мгновенно растекшуюся по телу, оставляя свободными только нос, губы и глаза девушки, превращая и ее в подобие статуи.

— Ивор! — успела тихо вскрикнуть она, не в силах сдвинуться с места.

Жданов-младший бросился к ней, сбрасывая оцепенение, преодолевая вялость и головокружение, но вторая струйка металла окатила его, растекаясь по костюму, застывая и сковывая движения, и он тоже замер на месте.

Та же участь постигла и Жданова-старшего с Белым.

— Я же сказал — убить! — недовольно буркнул Полуянов, доставая из сейфа свернувшийся в браслет дриммер и озабоченно оглядывая его. — Вот обормот, что он с ним сделал?

— Не время убивать, — гулким басом пророкотал металлический человек. — Они нам еще пригодятся, особенно личинка оператора. Хозяин будет доволен.

— Иди на место, — приказал комиссар, засовывая браслет в сейф. — В следующий раз не опаздывай, я чуть было не погиб.

— Правильная оценка противника — залог успеха. — Металлический человек как бы вывернулся сам в себе и, скользнув к двери, исчез. Это был, конечно, не сам Игрок и даже не его воплощение в здешней реальности, а только пустой сосуд, субстант с низким уровнем интеллекта, ждущий внедрения хозяина, но Полуянов его побаивался, хотя и командовал, как витсом.

Он подошел к Ивору, единственному из всех, кто не упал и не потерял сознания от надетой «смирительной рубашки» — пленки жидких кристаллов, материальной основы тел Игрока, которому люди дали имя Палач.

— Недооценил я тебя, парень. Жаль, что так все вышло. Лучше бы ты не возвращался. Хорошо, если Игрок, которому я временно служу, сделает из тебя своего оруженосца, но может и что похуже.

— Ни-ко-гда! — с трудом выговорил Ивор.

Полуянов усмехнулся, толкнул его, проследил за падением тела — оно упало как металлическая глыба, бросил взгляд на своих бывших друзей и вышел из кабинета. В коридоре он приказал домовому убрать тела людей в спецбункер под домом, где обитал и металлический посланец Палача.

— Что Ромашин? — вызвал комиссар Джона Булла.

— Ушел, — коротко ответил заместитель.

Секунду Полуянов стоял белый от бешенства, ударил кулаком в стену.

— Как?!

— Ребята просчитались. Он был защищен. Нейтрализовал Карпентера, связал Липского, сломал челюсть Солане и ушел.

Несколько мгновений Полуянов боролся с собой, чтобы не закричать на весь дом, потом произнес всего одно слово:

— Найти!..

Часть IV

ПОСТИЧЬ НАМ НЕ ДАНО

ГЛАВА 1

День выдался жарким, и холодное пиво казалось божественным напитком, поднимающим тонус, утоляющим жажду и улучшающим настроение.

Костров посмотрел на картонный кружок с надписью на английском «Будвайзер», допил кружку и поставил на кружок.

Он сидел в летнем кафе, расположенном на площади России напротив кинотеатра «Россия», и ждал Ромашина. Это была Москва (Россия, Земля, Солнечная система) другой ветви Времени, и было интересно искать различия в деталях бытия этой и той столиц, этого и родного образа жизни.

В родной Ветви площадь, где он сидел, называлась Пушкин-

ской, знаменитый киноконцертный зал тоже носил имя великого поэта, напротив памятника начинался сквер, обнимаемый с двух сторон асфальтовыми лентами Тверского бульвара, направо от которого располагался забегаловочный ресторан «Макдоналдс». Здесь же площадь называлась Российской, а на месте «Макдоналдса» высилась зеркальная пирамида Тверского пассажа.

Костров и Ромашин прибыли из-под Брянска (Башня в этой Ветви тоже вылезла на свет в Брянских лесах, недалеко от городка Жуковки) в Москву вдвоем, оставив остальных в одной из зон безопасности хронобура. Посчитали, что всему отряду нет нужды «светиться» перед органами, а для миссии — добыть оружие, о котором говорил комиссар, — двух человек будет достаточно.

Они уже посетили одну Ветвь, на Земле которой был создан «кий» — генератор особого поля, увеличивающего амплитуду колебаний атомов, «сдвигающего» их в одном направлении на довольно значительную величину — до одного сантиметра. «Кий» разрабатывался поначалу не в военных лабораториях и предназначался для ядерного уплотнения материалов, однако военспецы быстро смекнули, какую выгоду можно извлечь из этой разработки, и изучение «метода обработки материалов» ушло в секретные лаборатории Пентагона и Министерства обороны России.

Руслан не знал, каким образом Ромашину, комиссару службы безопасности из Ветви, опередившей в развитии Ветвь Костровых на триста с лишним лет, удалось выйти на разработчиков «кия», но факт оставался фактом. Незаметно выбравшись из Башни (естественно, выходили они в спецкостюмах, обладавших системами маскировки), Ромашин и Гаранин провели в том мире всего два дня и принесли два «кия», похожих на старинные кремневые пистолеты, а также аккумуляторы к ним. В дальнейшем Ромашин пообещал заменить аккумуляторы на МК-батареи, срок службы которых исчислялся десятками лет.

После удачного похода за генераторами сдвига отряд отправился в «соседнюю» Ветвь, где специалисты работали над созданием «скорпиона» — генератора глюонного поля, в котором начиналась цепная реакция распада любого, стабильного в обычных условиях элемента. По сути, «скорпион» являлся прообразом самого мощного земного оружия на всех кванках Земли — «глюка», разряд которого был способен «раздирать» даже кварки, то есть влиять на глубинные основы материи.

Первыми на идею «скорпиона» в этой Ветви вышли американцы, испытав генератор избирательного ядерного распада в пустыне Невада на природных объектах, а затем на животных. Последнее испытание генератора должно было быть крупномасштабным и окончательным, после чего «скорпион» становился достоянием армии. Однако командир бомбардировщика «Грейт

хантер» Дональд Кларк отказался выполнять полет с генератором на борту, узнав, что готовится уничтожение целого индейского поселка, история получила огласку, и о создании «скорпиона» узнал весь мир.

Россия, точнее, Советский Союз — тогда он еще существовал, — прореагировала разработкой своего варианта «скорпиона», причем в усовершенствованном виде: российские «скорпионы» приобрели вид пистолетов и могли использоваться индивидуально. Хотя данные об этом не разглашались.

Руслан же узнал подробности создания оружия от Ромашина, пока они ехали из Брянска в Москву на поезде. Теперь он ждал Игната на площади России, млел от жары, пил пиво и размышлял о превратностях судьбы, забросивших его в другую вселенную, мало чем отличавшуюся от его собственной. Мысль о том, что здесь, на Земле «параллельной» Ветви, тоже живут Костровы — отец, мать и сам Руслан, приводила в трепет. Хотелось бросить все и убедиться в реальности происходящего, хоть одним глазком взглянуть на родителей (кванков родителей, если изъясняться языком Ромашина) и сравнить их с «настоящими». А еще больше хотелось увидеть самого себя и небрежно бросить при встрече:

— Привет, кванк. Не узнаешь?..

В кафе появился Игнат Ромашин, сел рядом за столик с кружкой пива. «Кокос» на нем сейчас имел форму белого летнего костюма с водолазкой, скрывающей горло. Так же был одет и Руслан.

— О чем мечтаешь? — полюбопытствовал Ромашин, оценив осоловелый вид Кострова.

Тот улыбнулся.

— Подумал, что я скажу, встретив самого себя. Это ведь не исключено?

— К сожалению, не исключено, поэтому желательно на таких открытых площадках, как это кафе, не расслабляться. Я договорился о встрече с моим коллегой, он попытается помочь, но придется еще пару дней... — Игнат не договорил.

Проходивший мимо молодой человек в шортах и футболке, вихрастый, длинноносый, в очках, — он держал в одной руке кружку с пивом и рюкзак в другой, — вдруг остановился и неуверенно проговорил:

— Руслан?

Костров удивленно оглянулся.

— Что вы сказали?

— Не узнаешь, что ли? — вытаращился парень в очках.

— Простите, не узнаю, — вежливо покачал головой Руслан.

— Да я же Гарик Светлов! А ты Руслан Костров, я тебя узнал!

— Вы ошиблись, — сказал сориентировавшийся Ромашин. — Его зовут Игорь. Что, неужели так похож?

— Ну да! — мотнул головой ошеломленный очкарик. — Я же с ним в одном классе учился.

— К сожалению, это не он.

— Бывает, — выдавил улыбку Руслан. — Но я действительно вас не знаю.

— Шутишь?!

— Нет.

Парень в шортах шумно выдохнул, оглядел Руслана с ног до головы, покачал головой.

— Надо же, какое сходство! Никогда бы не поверил... правда, прическа у тебя... у вас, другая и глаза какие-то... не те... извините.

Он отошел, сел за соседний столик, не сводя глаз с Руслана.

— Что я говорил? — тихо проговорил Ромашин, выдерживая спокойный вид. — Мир тесен.

— Но чтобы прилететь из другой вселенной и встретить в Москве однокашника... это суперневезение!

— Вы с ним действительно учились в одном классе?

— В том-то и дело, что нет. Я его не помню. В нашем классе вообще не было Гариков Светловых. Учился в соседнем Коля Светлов, хороший парень, но не Гарик.

— Понятно. Что ж, это послужит нам уроком. Допиваем пиво и уходим.

— Куда?

— Встретимся через час с Феликсом и будем устраиваться в гостиницу.

— Кто этот Феликс?

— Он полковник, работает в хозуправлении Главного штаба Военно-морских сил, но имеет доступ к секретным лабораториям — поставляет им необходимые материалы. Кроме того, он эмиссар Игрока в этой Ветви.

Руслан с изумлением посмотрел на собеседника.

— Вы серьезно?!

— Абсолютно. Эмиссары Игроков имеются в каждой Ветви, и эта не исключение. Феликс работает на второго Игрока — на Меру, поэтому сделает для нас все, что в его силах. Но я уверен, что и Палач имеет здесь свою агентуру. Вот почему нам вредны якобы случайные встречи. Думаю, агент Палача уже получил сведения о нашем выходе и будет нас искать.

— От кого он мог получить такие сведения? Нас же никто не видел.

— У наблюдателей Игроков имеется соответствующая аппаратура для слежки за Стволом, они нас наверняка засекли.

— Почему же нас не задержали еще в прошлый раз, когда мы искали «кий»?

— Просто не успели. Здесь же не исключены всякого рода неприятные сюрпризы, вот как эта случайная встреча, почему нам и надо держаться как можно незаметней. Еще по кружке?

— Нет, я уже до краев.

— Тогда отправляемся на рандеву.

Они встали, Руслан встретил взгляд парня в очках, развел руками, мол, виноватушки-обознатушки, и «хронодесантники» неторопливо побрели через улицу к подземному переходу и спуску в метро. Время у них было, а добираться предстояло до Октябрьского парка, расположенного в Северо-Западном административном округе столицы, для чего требовалось не больше сорока пяти минут.

Встреча с Феликсом состоялась в назначенное время у стадиона «Октябрь», где стояла летняя продовольственная палатка. Взяли по кружке пива, на этот раз отечественного — «Малышевского», и сели в тенечке под зонтиком, среди таких же млеющих от жары мам и пап с детьми и без и разновозрастных молодых людей, возвращавшихся с пляжа — до берега Москвы-реки было рукой подать.

Феликс оказался тихим и незаметным с виду человечком с белесыми бровями. Не верилось даже, что он является эмиссаром могущественного Игрока, влияющего на судьбы многих миллионов миров. Говорил он мало, больше слушал, думал и Руслану понравился.

Договорились о встрече на следующий день на этом же месте, вспомнили былые времена, Ромашин рассказал о проблемах своих кванков в других Ветвях, с доброй полусотней которых он встречался лично, а Руслан не удержался от вопроса: откуда комиссар знает о новейших разработках оружия на Землях разных Ветвей?

— Все очень просто, — ответил Игнат. — Я был одним из Судей прошлой Игры, а Судьям давался весьма значительный объем информации о положении в конфликтных Ветвях. Естественно, я многое забыл, но все же кое-что еще помню.

— Что значит — конфликтные Ветви?

— Метавселенные, в которых сталкивались интересы Игроков.

— А разве есть такие Ветви, где интересы Игроков не сталкиваются?

— Сколько угодно — от Матричной Ветви и Корней Древа до контрольных и статистически независимых Ветвей.

Руслан прищурился, отпил несколько глотков янтарного пузырящегося напитка, разглядывая лицо комиссара. Иногда ему

казалось, что Ромашин как бы нарочно выдает секретные сведения, а потом спохватывается.

— Что такое — контрольная Ветвь?

Ромашин улыбнулся, с удовольствием допил пиво.

— Все-таки хорошие напитки умели делать наши предки. Что касается контрольной Ветви, то она — то же самое, что эталон. Еще ее можно сравнить с контрольной группой мышей в медицинских экспериментах: этой группе не вводят вирусов и не травят разной химией в отличие от экспериментальной группы.

— Этого мне отец не рассказывал.

— Он сам этого не знал.

— Все, я пошел, — сказал Феликс, вставая и подавая руку собеседникам. — Постараюсь помочь, хотя риск чрезвычайно велик.

Он отошел от столика, двинулся к теннисным кортам.

Руслан опытным глазом отметил движение телохранителей полковника: парней было трое, и маскировались они умело. Проговорил задумчиво:

— Он что, боится риска?

— Он имел в виду другой риск, — пояснил Ромашин. — Все новейшие научные и военные разработки курируются агентами Игроков, которые таким образом нейтрализуют друг друга. Стоит кому-нибудь из них воспользоваться знаниями, как начинается тихий передел поля Игры. Стоит Феликсу допустить ошибку, он провалится сам и провалит всю агентурную сеть, что почти мгновенно скажется на качестве Игры.

— Жертва фигуры...

— Совершенно верно, как жертва фигуры в шахматной партии отражается на качестве игры, так и в этом случае эмиссар рискует потерять «качество», проиграть «партию»... и жизнь.

— Зачем же он взялся нам помогать?

— В случае удачи наш рейтинг повысится, да и не только наш и эмиссара — Игрока в целом, что ослабит давление Палача. Так что не переживайте за него, он рискует не напрасно. Еще по кружечке? Не думал, что так будет приятно в жару пить холодное бродило.

Они посидели еще несколько минут, наслаждаясь расслабленностью и покоем, понимая, что такого момента может уже не представиться, и направились наверх, мимо стадиона, к выходу из парка.

Устроились в гостинице «Останкинская», предъявив паспорт Кострова и удостоверение на имя полковника Гаранина. Видимо, документы практически не отличались от тех, что действовали на этой копии Земли, потому что дежурный администратор дала им двухместный номер, даже не взглянув на фотографии.

Вечер и ночь прошли спокойно. Они смотрели телевизор (Игнат с куда большим интересом, чем Руслан), поужинали в кафе на седьмом этаже гостиницы, снова смотрели телевизор и легли спать, уверенные в том, что никто ими не интересуется.

Утром Ромашин предложил Руслану боевую разминку, и они полчаса показывали друг другу приемы рукопашного боя, которыми владели: Костров — из арсенала русбоя, Ромашин — тэнгресити. Этому виду воинского искусства комиссар, по его словам, учился у одного из своих кванков, великого мастера боя, имеющего высший титул во всех иерархиях боевых искусств — «сокол соколов».

Позавтракали в том же гостиничном кафе, потом Ромашин уехал по каким-то делам, предварительно договорившись о месте встречи, и Руслан остался один. Памятуя встречу с однокашником местного Руслана Кострова, он решил не испытывать судьбу и никуда из номера не выходил, пока не настало время двигаться в путь.

В три часа пополудни он спустился от трамвайной остановки на улице Живописной к стадиону «Октябрь» и снова уселся под зонтиком у киоска с кружкой пива. Ни Феликса, ни Ромашина еще не было, хотя время перевалило за три. Руслан почувствовал смутную тревогу. Комиссар был человеком обязательным и опаздывать себе не позволял. Да и Феликс не производил впечатления легкомысленного человека, зная цену обещаниям.

Просидев четверть часа и не дождавшись ни того, ни другого, Руслан нашел безлюдный уголок у стены конно-спортивной школы, включил рацию «кокоса» и вызвал Ромашина. Игнат отозвался через полминуты:

— Я подъезжаю. Что случилось? Феликс приехал?

— Нет.

Молчание.

— Жди у теннисных кортов.

Ромашин отключился.

Руслан вышел из-за стены здания на аллею и остановился. В двадцати шагах впереди стояли трое молодых людей в костюмах, напоминающих комбинезоны, и смотрели на него.

«Влип!» — пришла трезвая мысль.

Один из парней, с коротким ежиком волос и круглым плоским лицом, на котором выделялись безвольно-капризная складка губ и прозрачные глаза, с фигурой культуриста, скривил губы:

— Оказывается, капитан, вы любитель пива?

Руслан понял, что, во-первых, его знают, а во-вторых, скорее всего, следили за ним, хотя он ничего и не заметил.

— Игнат, — вызвал он Ромашина, почти не шевеля губами. — Меня в ы ч и с л и л и.

— Понял, — откликнулся Ромашин после паузы. — Не выключай рацию, я найду тебя по пеленгу.

— Кто вы? — спросил Руслан, расслабляясь перед действием.

Круглолицый культурист снова скривил губы; улыбаться он, очевидно, не умел. И у Руслана возникло ощущение, что он этого парня где-то встречал.

— Меня зовут Лаэнтир Валетов. Отец не рассказывал о встрече с одним из моих кванков?

— Рассказывал, — глухо проговорил Руслан, давая команду инку «кокоса» перейти в режим защиты.

Тотчас же белый летний костюм на нем поплыл, превратился в металлический с виду бликующий комбинезон с турелью «универсала» на плече.

Точно в такие же «металлические» статуи превратились и парни напротив, ощетинились стволами пистолетов, отреагировав на метаморфозу Кострова. Они тоже были одеты в «кокосы» или подобные им спецкостюмы.

Лаэнтир Валетов рассмеялся, покачал головой.

— А я вас не сразу узнал, капитан, хотя вы очень похожи на своего отца. Разве что волосы не рыжие.

— Как вы меня нашли? — поинтересовался Руслан, понимая, что один против троих не выстоит и что надо тянуть время.

— Да, в общем-то, случайно, — охотно ответил Валетов. — Мы потеряли вас в вашей Ветви, почти догнали в соседней, где вам помогли достать генераторы сдвига, бросились на Гезем, где вас должна была ждать сладкая парочка с Земли Солювеллатри, а потом наши наблюдатели внезапно засекли интересную сцену в кафе на площади России в Москве... м-да. Остальное было делом техники.

— Откуда вы? Из контрразведки?

— Почти, — растянул бледные губы Валетов. — Мы из службы ликвидации. Где ваш спутник?

— Не знаю, о ком речь, — спокойно сказал Руслан, дойдя до нужной кондиции. — Я здесь совершенно один.

— Тогда подождем.

На аллее появились гуляющие люди, две женщины и подросток, с любопытством уставились на «пришельцев из космоса», которыми сейчас выглядели ликвидаторы и Руслан.

— Проходите! — повелительно бросил им один из «пришельцев». — Здесь идут съемки фильма. Быстро!

Свидетели стычки испуганно шарахнулись в кусты, но уходить не спешили.

— Уберите оружие, — сказал Руслан. — Могут пострадать люди.

— Чепуха! — пренебрежительно махнул рукой Валетов. — Это чужая Ветвь. Одним свидетелем больше, одним меньше. Это ничего не изменит. Главное, что мы хорошо понимаем друг друга. Это я вам советую убрать оружие. Судя по всему, у вас только «универсал». А где же «глюк» или по крайней мере «кий»?

— У него работает рация! — вдруг проговорил спутник Валетова, рослый, бледнолицый и хмурый.

В то же мгновение раздался резкий щелчок, напоминающий удар кнутом, за ним еще один. Бледнолицый спутник Валетова вздрогнул, прижал руку к груди и упал лицом вниз. Второй парень схватился за голову — над переносицей у него вырос кровавый стерженек сантиметровой длины, толщиной с карандаш, — и тоже свалился на дорожку.

Валетов сориентировался мгновенно.

Одновременно с первым выстрелом из «кия» он метнулся в кусты, и выстрел Руслана опоздал. Издалека донесся гортанный голос:

— До встречи у Ствола...

На аллею в полусотне шагов от Руслана вышел Ромашин. Из «кия» стрелял он. Посмотрел на тела ликвидаторов Валетова.

— Уходим!

Послышались голоса, на аллее появились новые отдыхающие. Из ворот конно-спортивной школы выехали на лошадях две девчушки.

Ромашин пересек аллею и исчез за деревьями, направляясь к берегу реки. Руслан последовал за ним. Они перешли на бег, превратили «кокосы» в белые костюмы, чтобы не выделяться среди посетителей парка, дали крюк и вышли к стадиону, где должна была состояться встреча с Феликсом. Однако полковника у пивного киоска не было. Вместо него за столиком сидел молодой человек в зеленой футболке и читал газету. Руслан узнал парня: это был один из телохранителей Феликса.

Переглянувшись, Ромашин и Костров подошли к нему.

— Что случилось? — Игнат присел рядом на пластмассовый стул.

Молодой человек кивнул на пластиковый пакет на столе.

— Это вам.

— Где полковник?

— Убит. — Парень сложил газету, встал. — Какое-то время я буду его заменять. Будьте осторожнее. В нашей конторе сидит агент противника, мы узнали слишком поздно. Помощи не ждите.

Он не торопясь двинулся через площадь к двухэтажному спортзалу, свернул за угол, исчез.

«Хронодесантники» посмотрели друг на друга. Ромашин взял

пакет и направился к теннисным кортам. Затем свернул направо, на дорожку, ведущую к реке.

— Что будем делать? — догнал его Руслан.

— Для начала выберемся отсюда, — сказал Ромашин озабоченно. — Возьмем лодку и переплывем реку, пока не поднялась тревога. Пока там вызовут милицию, пока она приедет... успеем.

— А потом?

— Потом будем искать транспорт до Брянска.

— Можно использовать антигравы «кокосов».

— Только ночью. Днем нас сразу засекут наблюдатели Палача. Феликс был прав, их здесь очень много, и риск был неоправданно велик. Эмиссар Палача со своими оруженосцами наверняка будет ждать нас у башни хронобура.

— Прорвемся, не впервой.

Ромашин промолчал.

Через калитку вышли с территории парка на берег Москвы-реки, спустились по береговому откосу к воде и взяли на лодочной стоянке двухвесельную шлюпку напрокат. Через четверть часа они были уже на другом берегу реки, выбрались на песок и скрылись в кустах.

ГЛАВА 2

В этом мире, представлявшем собой почти полную копию Земли Кострова, Башня охранялась так же строго, хотя ее внешний облик и Криптозона отличались от тех, что знал Руслан. Башня здесь имела вид гигантского перламутрового сталагмита, в лучах прожекторов казавшегося полупрозрачным, а ограждение Криптозоны представляло собой высокую металлическую сетку, растянутую между бетонными столбами. И охраняли Криптозону не российские солдаты, а войска ООН в голубых беретах.

До Жуковки Ромашин и Костров добрались без инцидентов, на попутках и уже поздним вечером, обойдя городок стороной, остановились в лесу, примерно в шести километрах от Криптозоны. Планы проникновения в Башню они обсудили еще в пути, но ни один из них не был идеальным, и теперь предстояло остановиться на самом оптимальном в их положении.

— Если Валетов пообещал нас встретить у Ствола, — сказал Ромашин, невидимый в ночной лесной темноте (костюмы обоих «кокосов» уже были включены на режим маскировки), — то он либо является здесь эмиссаром, либо командует охраной Ствола. И в том и в другом случае он задействует императив повышенной готовности, и нам придется прорываться с боем, что неизбежно

приведет к потерям среди «голубых беретов». Этого надо избежать. Они ведь даже не догадываются, что охраняют.

— Валетов признался, что он руководит службой ликвидации или является одним из оперативников этой службы, но в любом случае он наверняка связан с местным эмиссаром Палача, который примет все меры к нашему задержанию. Может быть, не мудрствуя лукаво, рванем по воздуху напрямик к Башне, на форсаже? Лететь-то всего ничего — километров восемь, за минуту доберемся.

— Нас засекут, как только мы поднимемся над деревьями. Нужен какой-то нестандартный изящный ход.

— Но ведь в «кокосах» мы практически невидимы! Тихонько пройдем мимо охраны КПП...

— Агенты Палача знают, что мы здесь, и на всех постах, а то и вообще по периметру Криптозоны, установят детекторы массы. Нет, наверное, придется-таки идти на антигравах.

— У меня появилась дурацкая идея...

— Это интересно, — хмыкнул Ромашин. — Дурацких идей мы еще не обсуждали.

— Она может сработать. Дело в том, что Валетов — мастер боя, мне отец рассказывал. Что, если вызвать его по рации сюда и предложить честный поединок? Проиграет — поможет нам пройти зону.

Ромашин цокнул языком, выражая свое отношение к идее.

— А если проиграем мы?

— Не проиграем, — убежденно заявил Руслан.

Игнат задумался, проворчал под нос:

— Да, это может сработать... Характерная черта Валетовых — высокомерное самолюбие, они и в мыслях не допускают, что могут проиграть... А с другой стороны, Лаэнтир был действительно мощным бойцом... не брезгующим обманом и предательством.

— Когда я жил с родителями, соседями у нас были Валетовы, их сын Ян был неплохим парнишкой.

— Лаэнтир из другого времени.

— Пора решать.

— Сделаем так: я вызову Валетова, а ты спрячешься неподалеку. Он вполне способен заявиться с целой обоймой клевретов.

— Нет, сделаем наоборот. Подстраховка у вас лучше получится, чем у меня.

Ромашин думал недолго:

— Хорошо, согласен, но учтите — Лаэнтир, не задумываясь, применит «грязный» прием, не говоря о смертельных. И еще: основа тэнгресити-боя — интуиция, предугадывание приема, пред-

видение тактики, предвосхищение событий, если хотите, плюс феноменальная реакция и неимоверная скорость движений.

— В русбое эта штука называется темпом. Не волнуйтесь, Игнат, я кое-что смыслю в этом деле. Единственное, что меня расстраивает, так это незнание частот рации Валетова. Хотя они должны быть близкими к нашим. Один из парней поймал наш канал.

— Попробуем послушать эфир в режиме сканирования, время у нас еще есть.

Полчаса они стояли в лесу безмолвно, вслушиваясь в тишину местного радиоэфира, дважды натыкаясь на милицейскую волну и на переговоры охраны Башни. Затем из шуршащих глубин эфира выплыл чей-то густой астматический шепот, которому отвечал игривый женский голос. Говорили на незнакомом языке.

Ромашин сориентировался быстрее, приказал инку «кокоса» отстроиться от лингвистической «шелухи», и голоса изменились. Шепот превратился в хриплый бас, женский голос — в тонкий, но явно мужской фальцет. К ним внезапно присоединился еще один собеседник, и Ромашин узнал голос Валетова, хотя тот говорил по-английски. Его о чем-то спрашивали, он отвечал. Беседа таким образом длилась две минуты, затем связь прекратилась, но Игнат успел засечь частоту канала и вызвал Валетова. Ответ пришел тотчас же:

— Что еще? Я уже все объяснил.

Валетов посчитал, что его вызвали те, с кем он только что разговаривал, и ответил на английском.

— Привет, Лаэнтир, — сказал Ромашин по-русски. — Мы тут неподалеку от тебя. Не хочешь встретиться? Поиграли бы в разные интересные игры...

— Кто говорит? — после паузы осведомился Валетов.

— Хрен в пальто, — ответил Костров, подключаясь к разговору. — Предлагаю помахать руками. Говорят, ты какой-то там супермастер по рукопашке, а я не верю.

— Чего ты хочешь?

— Да ничего особенного, набить тебе морду, и все. А ты за это пропустишь нас к Башне. Идет?

Короткий смешок.

— Вы очень сильно рискуете, мон дью. Я таких вещей не понимаю. На что рассчитываете?

— На вашу порядочность, — сказал Ромашин вежливо.

Еще один короткий смешок.

— Похоже, рассчитывать вам больше не на что. А почему бы вам не попытаться прорваться к Стволу напрямую? У вас же есть спецкостюмы с антигравами.

— Мы хотим избежать напрасных жертв среди охраны Ствола.

— Весьма благородно с вашей стороны, комиссар. Вы очень щепетильны в таких вопросах. — Валетов явно забавлялся ситуацией и говорил с издевкой. — Замочили моих парней ни за что, меня чуть не грохнули... Кстати, сколько вас?

— Двое.

— А должно быть шестеро.

— Остальные ждут в Стволе.

Короткая пауза.

— Весьма признателен за информацию, комиссар. Мы будем готовы их принять. Итак, что вы предлагаете?

— Мы уже все сказали, — сухо произнес Ромашин. — Мой напарник желает помериться с вами силой, хотя я против этой затеи. Если проигрываете вы — тихо пропускаете нас к Стволу, если проигрываем мы...

— Я понял, изумительно красивый жест. Однако мне нужны гарантии.

— Точно так же, как и нам. Наши гарантии — мое слово, слово комиссара. Смею утверждать, что ценится оно высоко.

— Слово — пустой звук. Человек дал слово, он же и забрал его.

— Мы в таком же положении, если не худшем.

Молчание.

— Хорошо, — решил наконец Валетов. — Кажется, вас действительно двое, судя по показаниям нашей аппаратуры. Смелые вы люди, однако. Я ведь могу задержать вас в течение получаса.

— Вряд ли, — спокойно возразил Ромашин. — Попробуйте, и получите гору трупов. Мы вооружены посерьезней, чем вы.

— Вряд ли у вас есть «глюки».

— У нас есть кое-что поинтересней, не считая ручных «скорпионов».

На этот раз пауза длилась дольше.

— Не понимаю вашей щепетильности. На вашем месте, имея такой арсенал, я бы свободно пробился к Стволу, не обращая ни на кого внимания. Хотите остаться чистенькими? Ваше дело. Но предупреждаю: замечу подозрительное шевеление — церемониться не буду.

— Аналогично, — бросил Руслан с преувеличенной любезностью.

— Где встречаемся?

— Нам не должны мешать посторонние люди. Предлагаем встретиться в старой деревеньке Скрабовка, в километре на северо-восток от Криптозоны. Она давно покинута жителями.

— Через час.

— Через десять минут. За час можно перекрыть подступы к

Стволу по радиусу в сто километров. Давайте без хитрых расчетов, Лаэнтир.

— Хорошо, буду через десять минут.

Связь прекратилась.

Ромашин и Руслан выключили рации на передачу, но продолжали слушать эфир в надежде поймать полезную информацию.

— И все-таки вы авантюрист, капитан, — сказал Ромашин. — Валетов не тот человек, с которым можно вести честный поединок.

— Отец всегда говорил, что надо верить людям изначально, только так можно сохранить душу. Ну, обманут нас, так ведь не мы же это сделаем? Зато каждому воздастся за дела его, не сейчас, так позже. Я почему-то уверен, что мы победим.

Ромашин хмыкнул.

— Интересно рассуждаете, Руслан, будто вовсе и не капитан спецназа. Хотя, если честно, мне нравится, как вы рассуждаете. Поехали, мы должны прибыть к деревне раньше Валетова.

Они поднялись в воздух и понеслись между деревьями к северо-восточной окраине Криптозоны, ориентируясь по светящейся глыбе Ствола и по звездам. Через пять минут деревья расступились, появились первые бревенчатые хаты Скрабовки, расцвеченные в инфраоптике «кокосов» всеми тонами зеленого и коричневого цвета. Большинство домов было разрушено, однако встречались и целые, ощерившиеся выбитыми дверями и окнами. Облетев деревню по кругу, «хронодесантники» остановились над центральной площадью, поросшей травой, но достаточно ровной и незахламленной. Земля здесь была утоптана множеством ног еще до появления Ствола, надолго сохранив твердость и после ухода жителей.

— Пожалуй, мне лучше спрятаться, — сказал Ромашин. — Хотя это и не гарантия в случае нападения, но все же на душе будет спокойнее.

— Не стоит, — покачал головой Руслан. — Это будет воспринято негативно, словно мы боимся. Миром такая затея не кончится, а заранее рассчитывать на предательство — значит не верить самим себе. Пусть видят, что мы тверды в своих намерениях.

— Как говорил один мой приятель: единственная гарантия мира — закопать топор войны вместе с врагом.

Руслан засмеялся. И тотчас же заговорил инк:

— Отмечаю д в и ж е н и е.

— Идут, — заметил Ромашин и хладнокровно добавил: — Только наш приятель все-таки не является человеком слова.

Руслан и сам понял, что Валетов прибыл не один, но отступать было уже поздно. Не прошло и нескольких мгновений, как «хронодесантники» были окружены со всех сторон. Вместе с Ва-

летовым прибыла пятерка его сподвижников, и, одетые в скафандровые комплексы с антигравами, вместе они представляли внушительную боевую силу, способную уничтожить любое подразделение местной армии в течение двух-трех секунд.

— Вы нарушили условия договора, — проговорил Ромашин бесстрастно.

— Неужели? — делано удивился Валетов, держась за спинами своих бойцов, плохо видимых даже в инфракрасном диапазоне спектра. — Но ведь мы не оговаривали, сколько людей будет меня сопровождать. — Он хохотнул. — Это мои секунданты.

— Впрочем, не имеет значения, — продолжал комиссар прежним бесстрастным тоном. — Объясните им условия поединка, и начнем. Только прошу учесть: я не потерплю ни малейшего нарушения правил. Пусть вас не вдохновляет наша внешняя миролюбивость, которую вы, очевидно, приняли за слабость. Поверьте мне, она имеет под собой другую почву.

— Бросьте, комиссар, вы не в том положении, чтобы качать права.

— Однако и вам не стоит говорить со мной в таком тоне! Вас шестеро, нас двое, но вы используете «хамелеоны» образца две тысячи сто шестого года, изготовленные в вашей Ветви, а на нас «кокосы» выпуска две тысячи триста двадцатого года с активной системой наведения и защиты, управляемые независимыми инками. В данный момент вы все находитесь под прицелом шести комплексов автоматии, встроенных в комбезы, и нет никакой гарантии, что вы уцелеете, вздумай начать пальбу. Устраивает вас такое положение?

— Вы блефуете, — проговорил Валетов с нотками сомнения в голосе.

— Может быть, проверим? — с иронией усмехнулся Руслан, точно зная, что «стволов» у них всего четыре: «универсал» — у него, «кий», «кобра» и «скорпион» — у Ромашина.

— Что ж, не будем острить ситуацию тупым концом, как говорят у меня на родине. Вы отчаянные люди, комиссар, но я таких уважаю. — Валетов что-то сказал сопровождавшим его спецназовцам на незнакомом языке, и те сдали назад, собрались все вместе чуть поодаль. — Начнем наши игры, господа путешественники по Ветвям. Я так понял, это и есть ристалище?

Он осветил площадь под ногами лучом фонаря.

— Удобнее не найти, — сказал Ромашин.

— Снимаем обмундирование. Парни, посветите.

Висящие в пяти метрах от земли бойцы дружины Валетова включили фонари, и стало светло как днем. Лаэнтир опустился на землю, сбросил уник из туманно-струящейся ткани, остался в

темно-фиолетовом трико. Руслан сделал то же самое, оставаясь в одних плавках.

Ромашин хотел предупредить его, что трико на Валетове может оказаться экзоскелетной пленкой, но было уже поздно. Поединок начался.

Руслан еще только приседал и сплетал пальцы, разминаясь, как его противник вдруг оказался рядом и обрушил на него град текуче переходящих друг в друга приемов-ударов, проводимых с такой скоростью, что для непосвященного они были незаметны. Если бы Руслан замешкался и позволил себе ввязаться в обмен блок-гэгами, он наверняка проиграл бы уже в первые мгновения боя. Но, будучи мастером русбоя и помня наставления Ромашина, он просто переключил психику на режим подсознательных ответов и буквально просочился между ударами Валетова, нырнул на землю, перекатился и встретил его хищную атаку вдогон стопорящим ударом ногой в грудь.

Этот прием на мгновение остановил Валетова, и Руслан успел сориентироваться, прежде чем началась очередная атака.

Лаэнтир действительно был великолепным мастером рукопашного боя, быстрым, сильным и нестандартно двигающимся. Он не «качал маятник», а буквально плыл и раздваивался, начиная атаку с разных сторон одновременно. Руслан в связи с этим даже сравнил его с пьяным, вспомнив чью-то шутку: пьяный — это человек, который направляется к вам с нескольких направлений сразу. Возможно, в этом была доля истины, и Валетов в своем искусстве использовал приемы кунг-фу древнекитайского «стиля пьяницы». Если такой вид рукопашного боя существовал в его мире.

Первую минуту боя Руслан продержался хорошо, почти не отвечая на выпады противника, чем только раззадоривал его и выводил из себя. Потом попытался провести серию предупредительных атак и неожиданно понял, что трико на Валетове представляет собой вид защитной пленки, не пробиваемой ни пальцами, ни кулаком. Это было нечестно, однако Руслан подспудно был готов к такому повороту событий и, отстучав две серии тычковых ударов по телу Валетова, делая вид, что не замечает безрезультативности своих атак, внезапно перешел на «горный» уровень и сосредоточился на голове противника.

Первая же его атака заставила Валетова отступить и уйти в «змеиную» защиту. Он получил удар по уху и тычок в нос, от которых оправился не сразу.

Вторую атаку Валетов перехватил и ответил в манере тэнгресити с использованием ментального чувствования движений противника. И Руслан едва не потерял сознание от резкой боли в груди: удар Лаэнтира сломал ребро. Надо было кончать бой, пока

тело еще не отказывалось складываться втрое и свинчиваться штопором, пока еще не сработал шоковый барьер, пока были силы. Надо было рисковать.

Руслан сделал вид, что потрясен и хочет лишь увернуться от атак соперника, начал отступать, подставлять плечи и голову, два раза поскользнулся на траве, чуть не упал... и Валетов клюнул на эту удочку.

Он коршуном налетел на Кострова, раскрылся, и Руслан нанес мгновенный и мощный, с выбросом энергии удар, едва не сломавший противнику шею.

Валетов отлетел назад, упал ничком на землю, не двигаясь. Затем вдруг выругался и поплыл вверх. Под трико на нем был надет антиграв!

Понимая, что ситуация балансирует на опасной грани огнестрельного контакта, Руслан прыгнул изо всех сил и успел схватить Валетова за ногу, прежде чем тот поднялся в воздух на недосягаемую высоту. Дернул его к себе, захватил изгибом локтя голову и ударил в лоб торцом ладони. Валетов обмяк.

Стенка его бойцов, освещавших арену боя, дрогнула.

Холодея, Руслан почувствовал, что сейчас начнется стрельба.

И вдруг откуда-то из-за спин спецназовцев Валетова раздался громкий повелительный голос:

— Не двигаться! Малейший жест — открываю огонь на поражение!

Один из бойцов Валетова выстрелил: зеленая молния сорвалась с его плеча, вонзилась в дерево. И тотчас же в том месте, где он висел, вспыхнул клубок радужного пламени, разорвавший спецназовца пополам.

— Не двигаться, я сказал! — проревел голос. — Опуститься на землю! Лечь!

Только теперь Руслан узнал голос Гаранина. Но выяснять, каким образом полковник оказался здесь, было некогда. В любой момент в лесу могли появиться поднятые по тревоге «голубые береты» или соратники Валетова. Надо было уходить.

Четверка оставшихся без своего командира ликвидаторов устроилась на травянистой, истоптанной ногами поединщиков площади, освещенная фонарем Ромашина. В его отсвете проявились три туманно-призрачные фигуры, зависшие над деревней. Одна из них метнулась вниз, к Руслану, превратилась в Надежду.

— Господи, ты жив!

— Жив, жив, — отозвался Руслан, поцеловав девушку, и спешно начал натягивать «кокос». — Как вы тут оказались?

— Потом поговорим! — оборвал его Гаранин; он оставался невидимым. — Быстрее собирайтесь!

— Ты там как, командир? — послышался голос Маркина.

— Нормально. — Руслан затянул последнюю липучку, наклонился над телом Валетова. — Помогите поднять.

Откуда-то издалека, с территории Криптозоны, прилетел истошный вопль сирены. В лагере охраны Башни началась тревога.

— Бросьте его к чертовой матери! — рявкнул Гаранин. — Он нам не понадобится!

— Мы хотели использовать Валетова в качестве пропуска в зону...

— Обойдемся без пропуска. Мы выпустили из Башни двух конкистадоров. Пока охрана будет за ними гоняться, мы проскочим.

Руслан молча зарастил «кокос», и отряд понесся в ночной темноте низко над деревьями к молочно-белому «сталагмиту» хронобура. Никто не пытался их остановить, никто не обстрелял во время короткого перелета: охрана Башни их не видела, радары не брали, а наблюдатели эмиссара если и засекли, то вмешаться не успели.

На высоте ста двадцати метров над землей в глянцево-белом вздутии «сталагмита» образовалось отверстие входа, отряд проскочил в него, и проем тамбура закрылся, отрезая начавшийся на территории Криптозоны шум.

— Как вы догадались выйти? — полюбопытствовал Ромашин, когда они достигли зала с колонной хронолифта.

— Догадались, — мрачно проворчал Олег Борисович, сворачивая конусовидный шлем. — Вот эта молодая леди, — он кивнул на Надежду, — посоветовала прослушивать эфир. Стас дал нам выход на внешнюю антенну, и мы успели засечь ваши переговоры с тем типом.

— Это был Лаэнтир Валетов. Он шел за нами с момента нашего старта из вашей Ветви.

— Надо было его пристрелить, а не играть в благородных рыцарей.

— К сожалению, ситуация сложилась иначе. Поединок казался единственным способом прорыва к Стволу.

— Вы просто не нашли другой.

— Не ворчите, Олег Борисович, — сказал Руслан, вдруг ощутив, насколько он устал; ребро болело, однако, судя по ощущениям, сломано все-таки не было. — Спасибо за помощь. Кстати, из чего вы стреляли?

— Это я стрелял, — сообщил Ромашин. — Провел, так сказать, полевые испытания «скорпиона». Но голос у вас, Олег Борисович, явно генеральский, пострашнее полковничьего будет, даже ликвидаторы Валетова побоялись начать драку.

— Это у меня от волнения такой голос, — признался смущен-

ный Гаранин. — Ну, что, закончили всякие сомнительно необходимые походы за оружием? Займемся теперь делом?

— Идем на Гезем, — решил Ромашин. — Там нас должен ждать сын Павла Жданова. Дальше пойдете с ним.

«Хронодесантники» вошли в кабину хронолифта, дверь за ними закрылась...

ГЛАВА 3

Пейзаж Гезема практически не отличался от земного на средних широтах России, и Руслан поймал себя на мысли, что не воспринимает поход по вселенным Древа Времен как п е р е м е щ е н и е в пространстве и времени. Вот если бы он летел на ракете, тогда это перемещение было бы заметно по изменению рисунка созвездий, а так вход и выход из лифта хронобура напоминал спуск и подъем на обычном лифте высотного здания. Человек входил в кабину, нажимал клавишу спуска или давал команду стартовому автомату, затем переживал не совсем приятные ощущения и выходил в тот же «мраморный» холл, не понимая, что за короткое время преодолел не просто расстояние, но н е в о о б р а з и м о б о л ь ш о е расстояние! Которое невозможно было измерить какой-либо мерой.

Мир Гезема тем не менее поразил Руслана, да и не только его одного, бескрайними лесными просторами, вкуснейшим воздухом и тишиной. Не верилось, что где-то еще сохранились экологически чистые места, куда не добралась цивилизация с ее вонючими машинами и где можно найти отдохновение под каждым кустом или просто на берегу ручья. Хотя, с другой стороны, весь этот красочный яркий ландшафт образовался именно в результате глобальной экологической катастрофы, уничтожившей цивилизацию при материальном вытаивании хронобура.

Но того, кто должен был ждать «хронопутешественников» в этом мире, здесь не оказалось. Эфир планеты Гезем, родины жены Игната Ромашина (кванка, разумеется), был чист, как слеза, и тих, как полет эльфа, а лесные просторы его были так велики, что отыскать следы Ивора Жданова не представлялось возможным.

Конечно, отряд предпринял несколько попыток найти сына Жданова, обшарив пространство вокруг Ствола по десятикилометровому радиусу, обнаружил две деревни аборигенов, в одной из которых обитала семья Ярины Ромашиной, однако самого Жданова не встретил. Зато наткнулся на чудовищной величины металлическую черепаху с двумя длинными усами, похожими на красные удилища, и вынужден был вступить с ней в бой, так как

она оказалась автоматом Палача и намеревалась напасть на людей с тыла.

Кроме того, они обнаружили гигантского металлического «кентавра», вонзившего рог в стену Ствола, а также останки еще двух черепах, и поняли, что здесь произошла стычка между кибермеханизмами Игроков и что, возможно, именно в этом кроется причина отсутствия Ивора.

Догадка пришла на ум Гаранину, а потом ее подтвердила встреча землян с юной геземкой (сами себя аборигены называли россинами, а их язык оказался похожим на русский) по имени Яная. В сопровождении двух неразговорчивых угрюмоватых парней-охотников с диковинными ружьями девушка сама нашла отряд, отдыхающий на берегу речушки в километре от Ствола, и, смущаясь, теребя косу, рассказала о встрече с Ивором Ждановым и его молодой спутницей.

— Она очень красивая, — убежденно добавила Яная, — и очень смелая. Защитница. Не такая. — Россинка кивнула на не отходившую от Руслана Надежду.

— А он? — поинтересовался Олег Борисович, кинув косой взгляд на подругу Кострова.

— Он колдун! — с таким же убеждением ответила Яная. — Он подчинил мертвого слугу богов и с его помощью убил двух злых герпенов!

— Черепах?

— Да, так есть, черепах!

Мужчины обменялись красноречивыми взглядами.

— Силен парень! — проворчал Гаранин скептически. — Каким образом ему удалось оживить того «кентавра»?

— Он знает волшебное слово, — пожала плечами Яная.

— Значит, они с этой красавицей пробились в Башню и больше не появлялись?

— С тех пор из Горы Богов больше никто не выходил, вы первые.

— Сколько же времени прошло с момента их ухода?

— Четыре света и три тьмы.

— То есть примерно четверо суток. — Гаранин с осуждением посмотрел на Ромашина. — Если бы мы не гонялись за супероружием, застали бы этого... колдуна здесь.

Ромашин дипломатично промолчал.

— Ничего, мы его найдем, — вмешался в разговор Костров. — А он... то есть Ивор не говорил, куда именно направляется?

— Не говорил, — виновато опустила голову Яная. — Он искал старого волхва Рода, очень сильно огорчился, что волхв не вернулся из Горы Богов...

— Зачем ему понадобился старый волхв?

— Я не знаю точно... не спрашивала... но, по-моему, он искал лонг-меч...

Руслан посмотрел на Ромашина.

— Вы знаете, что это такое?

— Скорее всего, девочка имеет в виду «жезл силы», дриммер. Это атрибут власти судебных исполнителей. Кроме того, дриммер имеет очень большой спектр функций и может служить как оружием, так и ключом для разблокирования Ствола.

— Любопытная вещица, — хмыкнул Гаранин. — По-моему, я в свое время был свидетелем ее применения Игорем Васильевичем. Нам дриммер тоже не помешал бы.

— Спасибо, девочка, — поблагодарил россинку Ромашин. — Ты нам очень помогла.

Яная смутилась.

— Я же ничего доброго не сказала... — Глаза ее вдруг округлились, она что-то вспомнила. — Да, будьте осторожны возле Горы Богов! Из нее один-два света назад вышел страшный железный человек и превратился в птицу. Потом эта птица напала на охотников и клюнула Кандида!

Парни, сопровождавшие Янаю, закивали головами.

— Я видел, — сказал один из них, с лохматой русой головой. — Кандид умер, а потом воскрес, и теперь на нем железная рубаха, и он совсем чужой...

Земляне переглянулись.

— Что это еще за хреновина? — нахмурился Гаранин.

— В чем проявляется его странность? — спросил Ромашин.

— Он перестал слушаться князя, сторонится всех и один бродит по лесам, что-то ищет, ничего не говорит. А стоять с ним рядом страшно!

Олег Борисович посмотрел на спутников.

— Как вы это объясняете?

— Боюсь, на Геземе высадился сам Палач, — задумчиво проговорил Ромашин.

На берегу речки стало тихо. Потом Гаранин крякнул, сильно потер лысину ладонью.

— Я представлял высадку Игрока иначе. Должны быть другие масштабы. А тут вышел один робот...

— Это не робот, а одна особь коллективного организма Палача. Конечно, один субстант — еще не десант и не армия, но и он представляет собой грозную силу. Не приведи господи с ним встретиться! — Ромашин покачал головой. — Неужели Палач решил высадить своих представителей во всех Ветвях?

— Возможно, мы это скоро выясним, — сказал Руслан. — Однако зачем ему... как вы назвали этого «железного человека»? Субстант?

— Это словечко из лексикона Атанаса Златкова, означает клетку или часть физической основы сложного организма с индивидуальным управлением.

— Как муравей, что ли? — прищурился Гаранин.

— Нечто в этом роде, хотя и не в пример умнее и мощней. Давайте-ка собираться обратно, друзья мои, пока этот «железный муравей» не нашел нас.

— Предлагаю впредь называть «клетки» Палача жмурами, — сказал Олег Борисович. — Чем плохо? Жмур — железный муравей. А еще лучше — жмурик.

— Пусть будут жмуры, — улыбнулся Ромашин. — Только лучше с ними не встречаться.

— Зачем этому... гм, жмуру понадобилось «клевать» охотника? — спросила тихонько Надежда.

— Думаю, «железная рубаха» на охотнике представляет собой что-то вроде материализованной зомбирующей программы или управителя-паразита, — сказал Руслан. — Теперь Кандид будет исполнять все приказы жмура.

— Правильно, — кивнул Игнат. — Ну, что, уходим?

— Но мы так и не узнали, где, в какой стороне искать Ивора Жданова.

— Стас подскажет. Он наверняка знает, куда направились наши соотечественники.

— Стас — это автомат хронозапуска? — уточнил Гаранин.

— Не автомат — инк обслуживания Ствола, очень сильная интеллектуальная компьютерная система типа «Стратег». У нас на Земле таких всего с десяток.

— Поехали.

Они попрощались с россинами, смотревшими на землян с надеждой и суеверным восторгом, и помчались к угрюмой громаде Ствола с раздвоенной вершиной. Если бы они догадались посмотреть вниз, то увидели бы бегущего в ту же сторону человека в сверкающем металлическом комбинезоне. Человек остановился, проводил глазами летящую низко над лесом ватагу в костюмах неопределенных очертаний и сказал негромко:

— Они направляются в вашу сторону.

Ствол приблизился, похожий на изъеденную жуками-древоточцами гору. Ничего в его облике не изменилось. Все так же тоскливо смотрели на мир вокруг черные дыры окон и проломов в стенах гигантского здания, все так же тоскливо свистел ветер в щелях, все так же носилась у стен стая черно-белых птиц, похожих на земных ворон. И тем не менее Руслан почувствовал в душе смутную тревогу, отвечавшую его настроению. Ствол не просто тяжело попирал землю миллионами тонн массы, он ж д а л гостей и был готов их встретить.

Отряд поднялся на четырехсотметровую высоту, нашел отверстие в стене, через которое они выбрались в мир Гезема, перестроился. Ромашин тоже ощутил беспокойство, отразившее тонкое изменение пси-полей внутри Ствола, и решил действовать в соответствии с императивом внезапно возникшей угрозы.

Впереди двинулся он сам, за ним в двух шагах сзади и чуть левее — Руслан, затем Олег Борисович с Надеждой и последними Гена Маркин и Паша. Развернули шлемы, загерметизировались, включили системы маскировки. Теперь они могли видеть друг друга только в специальной проекции — в виде контуров, напоминающих сказочные привидения. Со стороны же их можно было разглядеть только с помощью особых методов визуализации.

Предосторожности оказались нелишними. В зале действующей хрономембраны на сотом этаже их ждал «железный человек». Жмур.

Идущий впереди Ромашин сразу понял значение металлической глыбы, расположившейся на плиточном полу зала, которая имела очертания расплывшегося человеческого торса. Глыба не имела глаз, но от нее исходил столь ощутимый ток в н и м а н и я, что не приходилось сомневаться: она прекрасно видит людей.

Ромашин остановился. К нему присоединился Руслан, за их спинами сгрудились остальные.

— Это... он? — прошептала Надежда, хотя могла бы говорить в полный голос: «кокосы» не пропускали звука.

— Жмур! — констатировал Гаранин. — Собственно, чего мы боимся? Неужели он осмелится напасть? Один? Нас ведь шестеро, и все вооружены!

Словно в ответ на его слова металлический псевдочеловек вдруг разделился на две фигуры, и каждая из «половин» также разделилась на две части. Теперь перед землянами сверкали восемь жмуров, угрюмо наблюдавших за ними.

— Если мы их сейчас атакуем — прорвемся! — подал голос Маркин. — Я могу их отвлечь.

— Не спеши, лейтенант, — сквозь зубы проговорил Руслан. — Можем повредить лифт. Нужно попробовать договориться с ними.

В то же мгновение один из жмуров вырастил нечто вроде руки и метнул в Ромашина ручей металлической жидкости.

Игнат выстрелил из «универсала». Огненный клинок вонзился в ручей и разбрызгал его по всей длине на множество дымящихся капель.

— Не стреляйте! — быстро проговорил Ромашин.

Его послушались, хотя каждый готов был начать огонь.

— Почему не стрелять? — осведомился недовольный Олег Бо-

рисович. — У нас восемь «стволов», мы их в два счета раскукарекаем!

— Наше оружие только разрывает жидкокристаллический материал тел субстанта, разбрызгивает, но не уничтожает. Брызги потом соединяются вместе. Но стоит капле попасть на кого-либо, и готова смирительная «железная рубаха».

— Наездник, — добавил Руслан.

— Что же делать?

— Чувствуете давление на психику? Жмур считывает наши эмоции, если не мысли, можно попробовать убедить его убраться с дороги.

— Как?

— Как говорится: если нет другого выхода — смело выходи из себя. Надо попытаться привести себя в ярость. Чтобы жмурики почувствовали угрозу. И пусть инки ждут команды «огонь». Как только субстант пойдет в атаку — стреляем! Но не раньше.

— Если б этот стальной болван был человеком, — проворчал Олег Борисович, — было бы легче представить его врагом. Но делать-то что-то надо...

— Начали!

Ставшие в шеренгу земляне сосредоточились на внушении угрозы, испепеляя взглядами металлические глыбы субстанта Палача. И тот почувствовал изменение пси-фона! Фигуры жмуров дрогнули, попятились, двое из них метнули в людей струйки сверкающего жидкого металла, но Ромашин и Костров отреагировали двумя точными выстрелами, и атака больше не повторилась. Жмуры влились один в другой, и слегка увеличившаяся глыба субстанта легко скользнула к выходу из зала, несмотря на немалую массу. Особь Палача отступила, не принимая открытого боя, решила не рисковать жизнью. Видимо, с таким отпором она сталкивалась впервые. Уже скрывшись в боковом коридорчике, жмур внезапно заговорил на почти чистом унилинге:

— Наши пути обязательно пересекутся, джентльмены. Вас ждут большие неприятности.

Если бы не скрытая подоплека ситуации, «хронодесантники», наверное, расхохотались бы в ответ на слова удивительного создания, но сейчас им было не до смеха и шуток.

— Сезам, откройся! — скомандовал Ромашин.

Дверца хронолифта растаяла, обнажился пустой решетчатый короб кабины.

— Садитесь!

Один за другим земляне вошли в кабину. Последними втиснулись Ромашин и Костров, бдительно следившие за коридором, в котором скрылся опасный противник.

— Передай своему господину, — крикнул Игнат, перед тем

как дверца отгородила кабину от зала, — что Судейская коллегия отстранила его от участия в Играх. Пусть ждет судебных исполнителей.

Дверца кабины уплотнилась до состояния полупрозрачной твердой пластины.

— Стартуем, — предупредил Ромашин прежним спокойным голосом. — Стас, ты меня слышишь?

— Жду команды, — раздался в ответ сухой безразличный голос.

— Подскажи, куда направились три или четыре дня назад наши друзья Ивор Жданов и его спутница, и отправь нас туда же.

— Жду команды, — повторил голос тем же тоном.

— Не понял.

— Жду команды, — еще раз проговорил автомат хронолифта.

— Вызови Стаса!

— Не понимаю. Жду команды, — равнодушно повторил голос в четвертый раз.

— Издевается он, что ли? — проворчал Гаранин.

— Похоже, Стас в этом кванке Ствола не восстановил своих интеллектуальных функций, теперь это просто автомат.

— Значит, мы не узнаем, куда отправился Жданов?

— Боюсь, что нет. Предлагаю сделать последний прыжок в «тупиковую» Ветвь. Я познакомлю вас с Аристархом и попрошу его присоединиться к нам. Вместе мы что-нибудь придумаем, да и Стас в том мире является полноценным инком. Он свяжется со своими кванками и выяснит, где сейчас Ивор Жданов.

— Поехали, — решительно бросил Руслан, успокаивающе сжав вздрагивающий локоть Нади.

— Адрес выхода: Солювелл-один, сто первый хроноквант-угол абсолютного внутреннего времени, — четко проговорил Ромашин. — Относительные временные координаты: год две тысячи двести двадцать девятый.

— Задание принял, — доложил стартовый автомат. — Спуск ступенчатый, девиация в пределах трех тысячных процента. Прошу включить ТФЗ.

— Включена.

— Что это значит? — полюбопытствовал Олег Борисович.

— ТФЗ — таймфаговая защита. Наши «кокосы» ее не обеспечивают в полном объеме, но мы уже прыгали по Ветвям, и ничего с нами не случилось.

— Старт!

Мягкая сила сдавила тела «хронодесантников» и бросила в глубокую пропасть...

* * *

Этап разведки боем или п р о с а ч и в а н и я закончился, скоро должен был начаться новый этап — прорыв! Это понимали пока единицы среди интраморфов, в том числе Аристарх Железовский.

Никто из друзей Аристарха и даже Забава не ведали пределов возможности человека-горы. Предполагали, что они велики, но насколько — никто особенно не задумывался. На Земле лишь несколько человек, обладавших такой же мощью, точно знали, на что способен патриарх, но эмиссар ФАГа в их число не входил. Поэтому операция по «гашению» Железовского, ставшего особенно опасным для планов ФАГа, готовилась в соответствии с общими данными «фагинформсети». Профи отдела безопасности оценили бы ее по высшему баллу как операцию «уровня 5». Но и Аристарх не ждал, пока его застанут врасплох, и разработал ответную операцию, подготовив плацдарм, где он якобы отдыхал и находился вдали от друзей.

Расчет его оправдался. Подручные ФАГа устроили налет на древнюю станцию болидного патруля, вращавшуюся по орбите вокруг самого необычного объекта Солнечной системы — Фаэтона-2, представлявшего собой гигантскую сферическую кучу камней.

Неизвестно, где Аристарх отыскал эту станцию, но факт, что он отремонтировал ее своими руками, установил линию метро и приспособил для своих целей. Что он там делал во время частых визитов, опять же никто не знал, но, по слухам, действительно отдыхал в одиночестве и «качал» энергетику организма.

По его данным, незваные гости посещали станцию трижды, видимо, для рекогносцировки, а слежку он заметил давно, однако активных действий не предпринимал, ожидая, когда Ф-террористы начнут первыми. И вот ранним утром (в пять часов по среднесолнечному времени) станцию (пятидесятиметровой длины и пятиметрового диаметра цилиндр с конусовидными торцами) атаковали сразу с четырех сторон три когга и драккар с опознавательными знаками погранслужбы, а кабина метро выпустила группу «призраков», вооруженных до зубов.

Железовский, который не спал, разглядывая освещенную солнцем сторону Фаэтона-2, мрачно усмехнулся и мысленно поощрил прибывших: смелее, парни, вас ждет здесь немало сюрпризов! Бросив последний взгляд на дымчато-зернистый шар, состоящий из многих десятков миллионов астероидов и пыли, Аристарх вошел в поток Сил и начал действовать. Его целью был выход на командира операции, прибывшего на драккаре, а через

него — на руководителя более высокого ранга, если не самого эмиссара.

Первого динго-двойника Аристарх выпустил навстречу десантникам в «хамелеонах», второго — к причальному отсеку, а сам, включив пси-фильтр, двинулся к реакторному залу станции. Картина вторжения стояла перед его глазами, будто он вывел ее на экран дисплея, потому что многочисленные датчики в стенах станции передавали изображение непосредственно ему и терафиму, помогавшему синтезировать схему возможных взаимодействий.

Двигался Аристарх бесшумно и так быстро, что едва ли налетчики смогли бы видеть его в движении, но и у них наверняка была своя система слежения и обработки данных, так что Железовский не обольщался насчет своей невидимости и неуязвимости. Судя по движению десанта, его таки в и д е л и.

Бой он начал первым.

Группа из трех человек, высаженная из когга, увидела мчавшегося на них гиганта и открыла огонь из парализаторов, но так неловко, что накрыла залпом друг друга. Двое из них выбыли из строя, а третий потерял сознание от удара кулака, хотя никто его не бил — сработал эффект наведенной галлюцинации.

Второй отряд из пяти человек попал в переходный тамбур, который имел катапульту с выходом в открытый космос. Судьба их не слишком волновала Аристарха, они знали, на что шли, и он с легким сердцем отправил их в сторону Фаэтона-2.

Еще одна обойма десанта провалилась в нефтяной бак, который тут же вспыхнул и взорвался, надолго выведя из строя шестерых боевиков, вынужденных тушить друг друга, пробиваться из бака наружу и залечивать ожоги.

«Призраков» из метро перехватил двойник Железовского, но они быстро разгадали, кто он такой, и двинулись дальше, к реакторному залу, ведомые инком целеуказания. Здесь и встретил их Аристарх, сам похожий на призрака, но в отличие от него физически реальный.

В коротком ближнем бою он обезвредил четверых, а пятого буквально вплющил в стену реактора, так что взвыла сирена тревоги: автоматы защиты приняли этот удар за столкновение с метеоритом. После этого Железовский, не обращая внимания на резко возросший пси-фон, метнулся к причалу, где его ждал собственный «голем». Через минуту он катапультировался из станций в «големе» в сторону Фаэтона-2, предпочтя этот способ бегства, а не метро, потому что в кабине гости установили взрывное устройство.

Еще через полминуты станция за спиной превратилась в облако огня и дыма.

На станции «Салют», наблюдавшей за поведением «раздробленной» планеты, он задерживаться не стал, сразу стартовал на Землю. Тело казалось рыхлым и пропитанным водой, как губка, хотелось пристроиться где-нибудь в безлюдном уголке, закрыть глаза и уснуть, но Аристарх заставил себя сначала связаться с Герцогом, рассказал ему о нападении и лишь после этого отправился отдыхать. Но не к себе домой, чтобы не тревожить Забаву, а к Прохору Панкратову, имевшему, кроме жилого модуля в Архангельске, еще и коттедж в Подмосковье. Коттедж имел собственную станцию метро, и путь туда не занял много времени.

Аристарх разделся в гостиной Панкратовых, радуясь, что никто его сейчас не видит, осмотрел себя в зеркале стены, отмечая синяки и ссадины, полученные во время боя с десантниками, и первым делом залечил их медитативно-волевым усилием. Затем принял душ, насухо вытерся, накинул халат и поплелся на кухню, чтобы утолить жажду холодным тоником. И в этот момент в доме глухо прозвенел колокольчик сработавшего метро.

Считая, что это прибыл кто-то из своих, Аристарх выглянул в коридор, ведущий к холлу метро, и увидел группу людей, которых он ожидал увидеть меньше всего. Все они были в зеркально сверкающих комбинезонах, и поначалу Железовский решил, что на него снова вышли К-мигранты или агенты ФАГа. Дернулся назад, собираясь достать оружие, и остановился, узнав в первом госте Игната Ромашина, с которым познакомился много лет назад. Разжал кулаки, чувствуя бухающие тяжелые толчки разбуженного в экстрарежиме сердца.

— Игнат, вы?!

— Я, — ответил комиссар, улыбаясь.

ГЛАВА 4

Беседа длилась уже более двух часов, но скучной не становилась. Железовский с искренним интересом и удивлением выслушал историю участия людей из «параллельных» вселенных в Играх «богов» и сам в свою очередь рассказал не менее захватывающую эпопею встречи соотечественников с реликтовой формой жизни и о войне с ФАГом, балансирующей на грани полного уничтожения жизни в Метагалактическом домене.

— Значит, наша Метагалактика — всего лишь Ветвь среди бесчисленного количества других Ветвей Древа Времен, — задумчиво проговорил он, когда обмен историями подошел к концу. — С кем же мы в таком случае воюем? Получается, что наш ФАГ — это ваш Палач?

— Наш, — усмехнулся Ромашин. — Он всеясветный, общий.

Усмехнулся и Железовский.

— Это-то я понял. Мы тоже созрели для принятия концепции Вселенских Игр, только не знали их масштабов. Хотя, может быть, Габриэль в курсе.

— Кто такой Габриэль?

— Габриэль Грехов, экзоморф и бродяга, душа которого осталась душой человека. Ему можно будет доверить нашу тайну. Так чего, вы говорите, добивается... м-м... Палач?

— Сворачивания Фрактала Времен, ликвидации линий выбора, то есть максимального упрощения континуума, что ведет к гибели миллионов и миллионов цивилизаций.

— Это уже не Игра получается, а война на уничтожение! Почему же Судейская коллегия, если она существует, не запретит Палачу нарушать правила?

— Исполнение судейского решения — многоступенчатый процесс. Дело в том, что правила более высокого порядка могут осуществляться только благодаря тому, что существуют элементарные правила. Тактика Игры — закономерность, которая проявляется через детерминированные свойства фигур.

— Но ведь Палач нарушил не только правила Игры, но и более глобальную структуру — этику!

— Вам бы встретиться с Атанасом Златковым, — с легким сожалением сказал Ромашин. — Вот он бы смог обрисовать ситуацию точнее. Могу добавить лишь, что конгруэнтность, или степень соответствия, Игры как системного целого правилам, установленным Творцом Древа Времен и самой Игры, может меняться, однако некий минимум конгруэнтности должен быть соблюден, то есть минимум, позволяющий Игре продолжаться и развиваться, а Древу реализовать в с е варианты материальных состояний.

— Примерно об этом рассуждали и наши мудрецы. Во всяком случае, им известно, что существуют трансформационные законы высшего уровня, которые осуществляются только через тактики или разрешенные ходы низшего уровня. Мне просто интересно, что ход мыслей наших и ваших ученых очень близок. Хотя ваши опередили нас в разработке метатеории Игр. Жутко представить, что один и тот же ход Игрока совершается на множестве «досок-вселенных» одновременно, означая на каждой из них разное!

— О да, — кивнул Ромашин, — это удивительное открытие. Для нас оно тоже в свое время стало потрясением.

— Я понял так, что каждая Метавселенная типа нашей Метагалактики размножается делением на копии?

Собеседники Железовского переглянулись и рассмеялись. Человек-гора не обиделся.

— Простите старика за пустую болтовню. Я действительно ошеломлен. Не могу представить, что в других Ветвях существуют сотни, а то и тысячи Аристархов!

— Увы, вам это не грозит, — сказал Ромашин. — Ваша Ветвь — «тупиковая», как мы не совсем корректно выражаемся, то есть она существует в единственном виде, и вы — один на все Древо.

— Вот как? — хмыкнул Железовский. — Это меня устраивает. А вы — тоже один?

— Нет, я человек-спектр. — Ромашин улыбнулся, кивнул на спутников, расположившихся в гостиной кто где. — Они тоже. Таких, как вы, очень мало. Один из них — Ивор Жданов, к которому мы должны присоединиться.

— Что он за человек?

— Если применить вашу терминологию, он интраморф, владеющий полем Сил, с потенцией оператора реальности. В свою очередь, в перспективе оператор может стать Игроком, хотя до этого очень далеко.

— Что он должен сделать?

— По большому счету главная задача оператора — ограничить Палача, ради чего и занялся весь этот сыр-бор. Но это опять же в перспективе. Нынешняя задача-минимум оператора, говоря логически-математическим языком, — сшивание неопределенностей тактики противостояния в масштабах «родственных» Ветвей. Мы должны уберечь «чисто человеческие» Ветви, которые только и способны дать шанс выжить всему Древу. В нашей истории уже были подобные прецеденты, хотя значительно более низкого уровня.

— Напомните.

— В конце двадцатого — начале двадцать первого века Россия едва не исчезла как государство и этнос. Кстати, этот процесс был результатом одной из Игр, ведущихся вечно, как вы понимаете, по заказу Безусловно Второго. Но все же моя родина сумела воспрять духом и выжила, сохранив не только себя, но и природу, и всю Землю. Но это к слову.

— Это факт и из нашей истории, просто я не связывал его с Играми. Значит, вы предлагаете мне присоединиться к вашей обойме и найти оператора. А потом?

— Цель похода — вызволить из ловушек всех Павлов Ждановых, в том числе отца оператора, который тоже является потенциальным оператором, но линейным. Если он сможет объединить своих кванков — сыграет роль судебного исполнителя.

— Понятно. — Железовский словно бы очнулся, хлопнул громадными ладонями по мягким подлокотникам кресла и встал. — Вам нельзя здесь оставаться и нельзя нигде показываться. Агенты ФАГа не должны вас видеть. Я поселю вас на какое-то время в

своем подземном бункере с личной кабиной метро. Там есть все удобства.

Встали и гости.

— Надолго? — посмотрел на человека-гору Игнат.

— Мне надо решить несколько проблем и кое с кем посоветоваться. Но я пока ничего не обещаю. Подождите пару минут.

Железовский вышел.

— Вряд ли он согласится, — буркнул скептически настроенный Гаранин. — У них тут у самих положение аховое.

— Поживем — увидим, — не согласился Ромашин. — Аристарх — чрезвычайно ответственная личность, и ему небезразлична не только судьба мира, но и судьба отдельно взятого человека. Как он вам?

— Мощный мужик! — с уважением сказал Паша-летчик. — Я с такими предпочитаю дружить.

Руслан и Ромашин переглянулись с улыбками в глазах.

Вошел Железовский, переодевшийся в спецкостюм, который назывался здесь «бумерангом».

— Идемте.

Через несколько минут отряд высадился в шаровидном бункере Железовского, расположенном на глубине одного километра в толще горных пород хребта Алинг-Гангри, в сердце Тибета.

* * *

Грехова отыскать не удалось.

Расстроенный этим обстоятельством, Железовский встретился с Паулем Герцогом в Управлении безопасности и осторожно поинтересовался, что бы он сказал, узнай о существовании альтернативных вселенных, представляющих собой почти идентичные копии Метагалактики.

— К чему вы клоните, патриарх? — рассеянно спросил проницательный Герцог, занятый какими-то расчетами с инком кабинета.

— Ни к чему, — ответил Аристарх, понимая, что не имеет права делиться полученной от «соседних» землян информацией. — Мне приснилось, что, кроме нашей вселенной, существует целое Древо ей подобных, отличающихся в некоторых деталях, и что в них тоже идут войны такого же уровня.

— Ну-ну, — с проснувшимся любопытством посмотрел на старейшину синклита Герцог. — Странные, однако, сны вас беспокоят, Аристарх. Глобального значения. Мне так все больше снятся какие-то страшные тараканы и пауки.

— У кого какая фантазия, — скупо улыбнулся Железовский,

окончательно решив не рассказывать комиссару о визите группы Ромашина.

— И с кем же в этих вселенных воюют наши двойники?

— С ФАГом, естественно, только называют его иначе — Палачом.

Железовский попрощался с озадаченным Герцогом, оставив его размышлять о намеках патриарха, и вернулся домой, в Софию, не забывая контролировать энергоинформационные потоки вокруг себя в поле Сил. Слежки за собой он не обнаружил, но обольщаться не стоило. После схватки с операми эмиссара на станции болидного патруля, закончившейся гибелью террористов, следовало ожидать новых нападений, и Аристарх с досадой подумал, что Ромашин появился весьма некстати со своим предложением присоединиться к группе неведомого оператора по имени Ивор Жданов. Отлучаться с Земли в разгар схватки с ФАГом не казалось оптимальным выходом из положения.

Забавы дома не оказалось. Домовой сообщил, что она полетела куда-то на встречу с внучкой Виданой, но координат не оставила. Послонявшись по тихим и пустым комнатам в тягостных размышлениях: надо было принимать какое-то решение, отказывать Игнату не хотелось, но и другой выход не находился, — Аристарх собрался было навестить бункер в Тибете, и в этот момент домовой доложил о визите гостя.

Аристарх мысленно включил виом видеоконтроля.

Перед дверью их жилого модуля стояла эффектная молодая женщина с рыжими волосами, у которых светились кончики, и ярко-желтыми глазами. Ее стройную фигуру обтягивал серебристый комбинезон из особого материала, становившегося то полупрозрачным, то сверкающим. В руке незнакомка держала сумочку из «рыбьей чешуи».

«Впусти», — приказал Аристарх.

Домовой открыл дверь, женщина вошла. Он встретил ее в холле, поклонился, отмечая мощное биополе гостьи.

— Вы не ошиблись, сударыня?

Улыбка женщина была ослепительно красивой.

— Если вы Аристарх Железовский, патриарх синклита старейшин ВКС, то не ошиблась.

Аристарх еще раз поклонился, отступил, пропуская незнакомку в гостиную, предложил сесть в кресло. Сел сам.

— Слушаю вас. Кофе, чай, тоник, вино?

— Не суетитесь, патриарх, — очаровательно улыбнулась гостья. — Вам это не к лицу. Обойдемся без сентиментальных чаепитий.

От нее повеяло таким ветром властной уверенности, что

Аристарх невольно привел себя в боевое состояние, оставаясь с виду флегматично-бесстрастным и предупредительным.

— Слушаю, — повторил он терпеливо.

— Мы представляем весьма мощную структуру, которая заинтересована в привлечении на свою сторону таких людей, как вы. У нас к вам деловое предложение.

— У нас? — приподнял бровь Железовский. — Кто это — мы? Я вижу перед собой только одного человека. Или у дверей моего дома вас ждет еще один представитель этой... м-м... структуры?

— Мы — это мы, — усмехнулась женщина.

Костюм на ней вдруг превратился в пленку жидкого металла, которая потекла вверх и собралась в самую настоящую змею с плоской головой и капюшоном кобры, выросшую над рыжими волосами гостьи. На голову Аристарха обрушилась м а с с и в н а я «дубина» пси-удара, которую он отразил лишь потому, что был готов к нападению.

Женщина засмеялась, хлопнула два раза в ладоши. Змея над ней втянулась в воротник костюма, расплылась прежней металлической пленкой, порождающей эффекты блуждающих полупрозрачных окон.

— Отлично, патриарх! Еще раз убеждаюсь, что вы именно тот человек, который нам нужен.

— Яснее и короче, — сказал Железовский, сдерживая желание вышвырнуть красавицу за порог; метаморфозы ее костюма не произвели на него особого впечатления, хотя было похоже, что это не обычный уник и даже не «бумеранг», а, скорее всего, квазиживой организм. — Кто вы?

— Меня зовут Тирувилеиядаль. Я посланец Игрока...

— Не Палача случайно? — перебил ее Железовский.

Лицо гостьи застыло. Она изогнула брови, с сомнением разглядывая твердое лицо хозяина, и Аристарх пожалел, что не сдержался.

— Похоже, нас опередили. Неужели здесь побывал сам оператор?

— Мадам, у меня мало времени. Или выкладывайте свое предложение, или...

— Спасибо за любезные слова, патриарх. Мы, кажется, недооценили паренька, хотя его должны были уже... Впрочем, давайте о деле. Предложение такого рода. Моему господину требуются агенты для особых поручений, профессионалы, способные регулировать энергоинформационные потоки на уровне социума. Вы нам подходите. Предлагаем неограниченные полномочия, структурную трансформацию тела с выходом на бессмертие, а главное — власть в мирах, подобных вашему.

— Понятно, — с иронией кивнул Железовский. — Власть —

это уж как водится, да и бессмертие тоже неплохой аргумент. А душу не придется продавать?

— Ценю ваш юмор, — усмехнулась Тирувилеиядаль. — Достаточно будет вашего слова.

— Ага, значит, методы дьявольской вербовки несколько изменились со времен Фауста. Раньше такие договоры скреплялись кровью.

— Ну, что вы, патриарх, те времена канули в прошлое, хотя вопрос добровольности остался в приоритете.

— Как говорится: дьявол — джентльмен, он никогда не входит без приглашения. Однако дело в том, что я всю жизнь исповедую принцип: избегай удовольствий, которые рождают печаль.

— То есть это надо понимать как отказ?

— А вы как думаете?

— У вас на Земле существует поговорка: для утвердительного ответа достаточно лишь одного слова «да», все прочие слова придуманы, чтобы сказать «нет». Я вас правильно поняла?

Посланница Палача встала. Железовский тоже поднялся, глядя на нее сверху вниз. По-видимому, его фигура и неподдельная глубокая уверенность в себе подействовали на гостью, так как она покачала головой и вздохнула:

— Жаль, что вы не с нами, патриарх. Вы такой интересный мужчина... но помните, что тот, кто не с нами, тот против нас.

— Я человек интеллигентный, — усмехнулся Железовский, делая приглашающий жест к выходу, — но простой, я и убить могу. До свидания.

Тирувилеиядаль сузила глаза, вглядываясь в лицо Аристарха. Костюм на ней пошел фонтанчиками, зашипел, как змея. Железовский почувствовал еще один пси-удар, ответил хлестким отбивом, так что она отшатнулась, проводил гостью к двери. Она вышла, оглянулась, но он не стал ждать продолжения бессмысленного обмена «любезностями» и закрыл дверь. Вернувшись в гостиную, просмотрел запись беседы с вербовщицей Палача, подосадовал, что не спросил у нее, в каких она отношениях с эмиссаром ФАГа, контролирующим Солнечную систему. По всему выходило, что действия посланницы Палача и эмиссара не совпадали, и эта несогласованность радовала. Похоже было, задачи они решали разные и относились к разным департаментам «администрации» Палача-ФАГа.

Сделав две копии беседы, Железовский послал одну начальнику «контр-2», вторую прихватил с собой и направился к метро. В бункере под Тибетом он появился в тот момент, когда его гости обедали. Аристарх в свое время установил здесь кухонный комбайн «Сам», способный готовить блюда по ста десяти рецептам,

что оказалось весьма кстати. Судя по запахам и сервировке, гости предпочитали славянскую кухню.

В столовой, она же и гостиная, установилась тишина. Мужчины перестали жевать и молча смотрели на хозяина, в то время как он бесстрастно разглядывал их. Потом Аристарх вставил иголку видеозаписи в гнездо на вириале инка, и все увидели сцену встречи Железовского с рыжеволосой посланницей Палача.

— Мир тесен, — сказал с легкой улыбкой Ромашин, когда запись кончилась. — Кажется, мы прибыли сюда вовремя. Зачем вы рисковали, Аристарх, отказываясь от предложения этой дамы столь категорически и прямолинейно? А если бы она применила программатор?

— Так ведь и я небеззащитен, — ухмыльнулся Железовский. — Она это отлично почувствовала. Точнее — они. Я думаю, на самом деле Тирувилеиядаль — не женщина и вообще не человек.

— А кто?

— Некий искусственный организм, киборг, живущий в симбиозе с «металлическим» костюмом, который также представляет собой некое существо с изменяемой геометрией тела.

— Браво, патриарх, — без какой-либо насмешки сказал Ромашин. — Вы абсолютно правы. Пленка на этой мадам действительно является организмом, точнее, кластером или особью самого Палача. Он заслал своих представителей — жмуров, как мы их назвали, во все Ветви, и ваша не исключение. Поэтому предупредите своих друзей, чтобы они были осторожны при контактах с этими существами. Физическая основа Палача — жидкокристаллический субстант, который обладает сильным пси-зарядом и может управлять любым существом, пользуясь его телом в качестве носителя.

— Понял, предупрежу.

— Итак, что вы решили?

— К сожалению, вынужден огорчить. Обстоятельства таковы, что я просто не имею права покидать Землю. Началась охота на интраморфов, эмиссар ФАГа... м-м... Палача пошел в наступление... — Железовский виновато развел руками.

— Что ж, мы понимаем, — тихо сказал Руслан.

— Не обижайтесь. Если время терпит, подождите. Мы разберемся со своими проблемами и присоединимся к вам.

— Боюсь, времени у нас как раз и нет, — покачал головой Ромашин. — Но мы действительно не в обиде. Если вы здесь сумеете отбить атаку Палача, это существенно повлияет на положение Игроков в целом. Единственная просьба: оружие...

— Да, конечно, — с облегчением согласился человек-гора. —

Мои арсеналы невелики, но все же кое-что я вам презентую. Идемте.

Арсенал Железовского занимал один из небольших по размерам отсеков бункера, но все же оружия у него хватало, чтобы удовлетворить запросы вдвое большей группы, чем отряд Ромашина. Мужчины прихватили с собой два «глюка», аннигиляторы «шукра», парализатор, ножи-мономолики и запас МК-батарей к излучателям. Все повеселели, несмотря на отказ хозяина присоединиться к отряду. Теперь они могли отбиться от любого круто вооруженного противника и не бояться столкновений с ликвидаторами.

— Я вас провожу, — сказал Железовский, когда группа была готова к выходу. — Кстати, не понял, где находится этот ваш... хронобур.

— В вашем мире Ствол географически реализовался там же, где и на других кванках Земли, — в Брянской губернии, но под землей. Точнее, под Скрабовскими болотами. Поэтому о нем никто не знает. — Ромашин подумал. — Кроме, может быть, агентов Палача.

— У нас нет губерний, — качнул головой Аристарх, — административные зоны называются номинированными районами — нойонами. Но все же какая ирония положения: буквально рядом, можно сказать — под носом, располагается выход в другие измерения, а мы ищем его на границах домена... Кстати, не может ли эмиссар ФАГа использовать Ствол в качестве своей базы или центра управления?

— Исключено, — сказал Ромашин. — Ствол сильно поврежден и почти весь затоплен илом и водами болота. Его можно использовать лишь как линию доставки, не более того. Я думаю, у вашего эмиссара есть доступ к более совершенному виду транспорта. Мы его называем трансгрессом.

— Почему же вы им не воспользуетесь?

— К сожалению, мы лишены доступа. Надо знать код вызова, а мы его не знаем.

— Жаль. Тогда поехали знакомиться с «машиной времени». В метро Брянска нам лучше не появляться, я вызвал галеон. Он доставит нас на место за час.

Никто не возразил, даже ворчливый Гаранин. Все понимали, что хозяин и так делает для них все, что может.

Полет до Брянска действительно не занял много времени. Пассажиры галеона даже не заметили, как долетели, с интересом разглядывая инфраструктуру городов и лесные массивы под аппаратом с десятикилометровой высоты. В принципе эта Земля мало отличалась от родины Ромашина, хотя он и отмечал кое-какие архитектурные и природные различия, остальных же виды

проплывающих под аппаратом искусственных сооружений, высота которых достигала трех и даже пяти километров, поражали и восхищали, и гости Аристарха рассматривали пейзажи, не отрываясь, изредка делясь впечатлениями.

Наконец галеон миновал окраину небольшого старинного городка Жуковка и поплыл над лесом Брянской заповедной зоны, остановился. Затем медленно двинулся по кругу, пока Ромашин не скомандовал автопилоту:

— Стоп! Здесь.

Аппарат завис над болотом с редкими ржавыми деревцами, кочками и окнами трясин, затянутыми водорослями и ряской.

— Прыгаем. До свидания, Аристарх. Дальше мы уже сами.

— Не нравится мне эта машина, — сквозь зубы проговорил Гаранин, глядя на белое пятнышко какого-то аппарата, застывшего над лесом в километре от них. — Такое впечатление, что он наблюдает за нами.

— Что скажете, Аристарх? — обратился к Железовскому Ромашин.

Тот прищурился, вглядываясь в отблескивающий металлом летательный аппарат.

— Это флайт, и мне он тоже не нравится.

— Может быть, пугнем его? — предложил Маркин.

— Не стоит. Я сам разберусь, когда провожу вас. Кстати, нельзя ли посмотреть на ваш хронобур изнутри?

— В принципе почему бы и нет? — с некоторым колебанием ответил Ромашин. — Только будьте осторожны при возвращении. Вдруг это наблюдатель Палача?

— В данной ситуации он не сможет нам помешать.

Словно почуяв внимание людей в галеоне, водитель флайта включил двигатель, и белое пятнышко упало вниз, скрылось за деревьями.

«Хронодесантники» попрыгали в воду. Железовский превратил свой «бумеранг» в герметично закрытый скафандр и прыгнул следом.

Нырнули в одно из болотных окон с открытой водой, опустились на глубину пяти метров и погрузились в толстый слой ила и грязи, под которым на глубине двух метров оказалась твердая и ровная поверхность. Это была крыша Ствола. Ромашин нашел открытый люк тамбура, через который они вышли наружу, осветил его фонарем. Один за другим они в коричнево-зеленоватой мгле проникли в тамбур, затем в коридор, нашли лестничный шпангоут, пронизывающий здание хронобура снизу доверху, и четверть часа спускались по лестнице вниз, пока не достигли сотого этажа, на котором располагался зал работающей хрономем-

браны. Зал был закупорен защитной автоматикой хронобура, но Ромашин связался со Стасом (с его «останками», так сказать), и проход открылся, пропуская делегацию. Хотя при этом в зал успело прорваться несколько десятков тонн воды и жидкой грязи.

Подождали, пока автоматика очистит зал, свернули шлемы, подошли к толстой колонне хронолифта. Дверца кабины превратилась в слой дыма, рассосалась, открывая внутренности.

— Никогда бы не поверил! — пробормотал Железовский, разглядывая зал и решетчатый короб хронолифта.

И в этот момент раздался удар гонга, звон аварийной сигнализации, а затем голос автомата:

— Внимание! Нештатный хроносдвиг! Глубина неизвестна. Всем ТФА покинуть горизонт! Три минуты до сдвига! Даю отсчет: три минуты, две минуты пятьдесят восемь, две минуты пятьдесят шесть...

— Что это значит? — насторожился Аристарх.

— Это значит, что вам придется пойти с нами, — мрачно проговорил Гаранин. — За три минуты вы не успеете выбраться из здания.

— Даже владея полем Сил, — подтвердил Ромашин.

— Вы рассчитали?..

— Да нет же! — с досадой перебил Аристарха Ромашин. — Что-то произошло по не зависящим от нас обстоятельствам. Стас, ты в курсе, что случилось?

— Прошла внешняя команда на подрыв реактора, — ответил инк Ствола.

— Что за чушь! Отмени команду!

— Не могу, цепь связи с реактором заблокирована. Советую покинуть горизонт.

Ромашин переглянулся с Русланом.

— Нас вычислили, — сказал тот.

— Может быть, хотя операция по уничтожению Ствола могла быть задумана давно. Нас выследили и... быстро в кабину!

«Хронодесантники» втиснулись в кабину хронолифта. Железовский медлил, пытаясь связаться с Забавой через поле Сил. Проговорил хрипло:

— Выхода действительно нет?

Ромашин молча качнул головой, вошел в кабину.

Аристарх подождал еще немного, вслушиваясь в монотонный голос автомата, и на счете «сорок девять» присоединился к остальным, впрессовывая их друг в друга. Кабина не была рассчитана на столько человек.

Дверца хрономембраны закрылась.

— Интересно, как я теперь вернусь обратно? — хладнокровно поинтересовался Железовский.

Никто ему не ответил.

Свет в кабине погас...

ГЛАВА 5

Железовский первым оценил их положение, что потом подтвердил инк Ствола Стас, и Руслан без какого-либо душевного напряга и ревности передал бразды правления группой в его руки. Патриарх синклита старейшин, живший на Земле двадцать третьего столетия «тупиковой» Ветви, настолько превосходил всех мощью, опытом и простодушной непогрешимостью суждений, что даже Ромашин прислушивался к его замечаниям и предпочитал прежде советоваться, а не принимать решения сразу. Железовский же вел себя так, будто ничего особенного не случилось, хотя он стал «хронодесантником» не по своей воле и не знал, когда вернется домой.

Зал хронолифта, в который они вышли после «падения» в пропасть хроношахты, серебрился инеем, и температура в нем держалась около двадцати градусов ниже нуля.

— Странно... — проговорил Ромашин, выслушав доклад инка «кокоса», и разгерметизировал костюм.

Его примеру последовали остальные.

— Что странно? — полюбопытствовал Гаранин, принюхиваясь к запахам и трогая пальцем серебристую паутинку инея на «мраморной» стене.

— Я не узнаю выход...

— А куда мы должны были попасть? — спросил Железовский, прислушиваясь к тишине здания.

— Я просил Стаса отправить нас домой... то есть в мою Ветвь.

— Почему вы считаете, что он ошибся?

— Он не мог ошибиться... и тем не менее это н е м о й выход. Чувствуете холод? Плюс меньшая сила тяжести. Похоже, нас занесло в незнакомую Ветвь.

— Может быть, в этом виноват взрыв реактора? — предположил Руслан. — Стас и так был какой-то странный, полуглухой, а когда произошел взрыв, он и запустил нас на фоне хроносдвига, как теннисный мячик, — в белый свет как в копеечку.

— Возможно, — согласился Ромашин.

— Хотя нам от этого не легче, — буркнул Олег Борисович. — Что делать будем?

— Мы на айсберге, — сообщил вдруг Железовский, возвращаясь из дальних далей сверхчувствования. — Вокруг здания ледя-

ная пустыня в радиусе трех километров. Толщина льда — больше километра, а дальше снова одна вода и айсберги. Глубина океана под нами — больше десяти километров, а что ниже — я не понял. Похоже, тоже лед. И тут, по-моему...

— Что?

— Нет, ничего, — после паузы ответил Аристарх.

— Поехали обратно, — сказал Гаранин. — Решили идти в вашу Ветвь, вот и давайте не менять решений.

— Может быть, хотя бы одним глазком посмотрим, куда мы попали? — робко предложила Надежда.

Мужчины обменялись вопросительными взглядами.

— Пожалуй, — пожал плечами Ромашин.

— Мы теряем время, — возразил Олег Борисович.

— Давайте выйдем, — поддержал Надю Железовский. — Мне надо кое-что выяснить.

— Загерметизируйтесь на всякий случай.

«Хронодесантники» застегнулись и устремились из зала в коридор, ведущий к внешней стене Ствола.

Тамбур открылся без проблем, по первому требованию Ромашина. Это несколько озадачило его, знакомого с тестами запрета на выход, но нетерпение увидеть чужой мир пересилило, и он разрешил группе выйти из здания.

С высоты четырехсот метров им открылся великолепный вид на безбрежный океан, покрытый белесыми пятнами раздробленного льда и ослепительно голубыми горами айсбергов самых причудливых форм. А над горизонтом вырастал гигантский купол, светящийся изнутри голубовато-лунным светом, в котором люди не сразу признали светило этого мира.

— Святые генералы! — пробормотал обескураженный Гаранин. — Вот это солнышко!

— Я видел еще больше, — заверил Ромашин. — Диаметр звезды эпсилон Возничего больше диаметра орбиты Сатурна.

Остальные промолчали, продолжая осматриваться.

Океан здесь имел густо-синий цвет и блестел как зеркало — так была неподвижна вода. Лишь изредка на ней кое-где возникали серебристые морщинки. Атмосфера планеты была очень толстой, судя по отсутствию малейшего ветерка, и небо, имевшее консистенцию густого тумана, тоже имело синий, с оттенком фиолетового цвет. К горизонту оно темнело, так что айсберги выделялись на его фоне как факелы.

— Интересная планетка, — подал голос Паша. — Температура здесь ниже двадцати, а вода не замерзает.

— Вода бывает разная, — рассеянно заметил Железовский, спускаясь к подножию айсберга. — У нас обычная вода состоит

из четырех мономерных фракций, а здесь она — смесь полимеров.

Он ковырнул лед пальцем, повертел в руках бело-голубую звездчатую сосульку, сунул в патрубок химанализатора на поясе своего скафандра, затем склонился над водой и погрузил в нее руку. Было видно, что вода расступилась не сразу, ее пленка оказалась чрезвычайно упругой и продавилась, лишь когда давление руки превысило поверхностное натяжение.

Все с любопытством наблюдали за манипуляциями Аристарха, даже Ромашин, ожидая, что он скажет. Паша Строев тоже спустился ниже, встал ногами на воду и начал уменьшать поле антиграва, удерживающее его в воздухе. Вода прогнулась чуть ли не на полметра, образовав сферическую впадину, и только потом с отчетливым тугим хлопком продавилась.

— Да по ней ходить можно аки Христу! — удивился Паша, с некоторым трудом взлетая вверх. Пленка воды тянулась за ним чуть ли не на два метра, словно это был клей, и не спешила осыпаться с костюма дождем.

— Да, это полимерная вода, — закончил свои исследования Железовский, поднимаясь в воздух. — Ее молекулы объединены в тетраэдры и октаэдры, а те, в свою очередь, образуют устойчивые конгломераты. По сути — это не лед, — он кивнул на айсберг, — а та же вода, только в кластерном состоянии.

— Господа эстеты, — сказал Гаранин, — предлагаю вернуться к лифту и отправиться на поиски нашего парня. Если мы будем останавливаться в каждой Ветви для экскурсий, мы никогда не доберемся до цели.

— Местный Стас вряд ли будет знать, где остановился Ивор Жданов, — сказал Ромашин. — Однако, поскольку я несу ответственность за то, что произошло, мне придется теперь заняться его поисками вместе с вами. Только он способен вернуть патриарха в его Ветвь. Подождите меня здесь, я попытаюсь расспросить Стаса, может, он все-таки что-то знает.

Ромашин скрылся в темной дыре тамбура.

Здание хронобура в этом мире представляло собой серо-синюю круглую башню, покрытую пятнами изморози, и никак не вписывалось в снежно-водно-ледяной ландшафт.

— Кажется, я понял, в чем дело... — проговорил Железовский с сомнением. — Здесь есть жизнь.

— Где?! — в один голос воскликнули Гена Маркин и Паша.

Турели с оружием на их плечах заерзали во все стороны.

— Приготовьтесь к сюрпризам на всякий случай.

Аристарх поднялся на сто метров выше и устремился в сторону купола светила, на которое можно было смотреть без фильтров. Примерно в километре от Ствола из воды торчал айсберг,

чем-то напоминающий корабль с плоской палубой. Железовский облетел его кругом и завис над «кормой корабля».

— Что вы там обнаружили? — окликнул его Олег Борисович. — Стоит ли так рисковать?

Железовский не ответил.

— Командир, можно мы его подстрахуем? — спросил Маркин.

Руслан после недолгих колебаний махнул рукой.

— Пошли все. Я не вижу никакой опасности.

Растянувшись цепочкой, они понеслись к ледяному «кораблю» и остановились за спиной Железовского, разглядывающего какое-то необычное образование на «палубе» айсберга.

Больше всего оно напоминало стометровой длины ажурный скелет мохнатой многоножки, слепленный из льда и снега, вцепившийся всеми суставчатыми лапами в плоскую вершину айсберга. Внутри этого «скелета» виднелся пучок перламутровых труб, пронизывающих все тело многоножки, которые вызывали странное ощущение ж и в ы х внутренностей.

— Что это? — прошептала Надежда.

— Скорее кто, а не что, — тихо ответил Руслан.

— Вы правы, — очнулся неподвижно висящий Железовский. — Когда-то эта «гусеница» была живым существом. Она и сейчас еще не совсем мертва, судя по пульсации биополя, однако находится в состоянии летаргии. К сожалению, на мои оклики она не реагирует.

— Но если мы нашли полутруп, значит, где-то могут водиться и живые «гусеницы»? — заметил Гаранин.

Внезапно в эфир ворвался голос Ромашина:

— Тревога! На меня напали!

«Хронодесантники» оглянулись и увидели блестящую фасолину «кокоса», вырвавшуюся из дыры тамбура вместе с клубом пыли. Фасолина метнула зеленую молнию внутрь отверстия, и из него вырвалась струя огня и дыма.

Вслед за Ромашиным из этого столба вылетели четыре бурые фигуры неопределенных очертаний, бросились было в погоню, но навстречу им уже мчались остальные члены отряда, ударили залпом из всех стволов по преследователям Игната. Два из них расплылись дымными облачками, в воду полетели обрывки костюмов и клочки тел. Оставшиеся в живых повернули обратно, скрылись в пещере тамбура на сотом этаже.

Ромашин остановился. «Хронодесантники» окружили его, вглядываясь в колонну Ствола, готовые дать отпор любому агрессору.

— Откуда они взялись? — мрачно спросил Гаранин. — Гово-

рил же я вам, чтобы мы здесь не задерживались. Теперь вот придется прорываться с боем.

— Они не люди, — сказал Ромашин, — скорее гигантские ящерицы в спецкостюмах. Я беседовал со Стасом, и в это время хронолифт высадил их в зал. Шесть «ящериц». Реакция у них была, естественно, негативная, пришлось отстреливаться и бежать.

— Как вы думаете, это случайность или нет? — спросил Руслан. — Нас могли каким-то образом запеленговать при выходе?

— Возможно, такие методы пеленгации и существуют, но я их не знаю. Почему вы удалились от Ствола?

— Здесь есть жизнь. Аристарх обнаружил скелет какого-то существа.

— Я чую живое, — добавил Железовский. — Биосфера планеты практически вымерла, однако сохранились долголетние организмы, причем, я подозреваю, разумные. Давайте-ка, парни, последуем совету Олега... э-э... Борисовича и вернемся к зданию. У меня очень нехорошее предчувствие. Хорошо бы еще... — Аристарх не договорил.

Вершина Ствола вдруг отделилась от основного здания, буквально подпрыгнула в воздух! Раздался чудовищной силы взрыв! По глазам людей резанула ярчайшая вспышка света, смягченная светофильтрами «кокосов», иначе они ослепли бы. Половина башни хронобура лопнула, рассыпаясь на куски. Во все стороны прянула ударная волна, сопровождаемая длинными кометными хвостами пыли и фонтанами жемчужного огня.

Ударная волна отбросила людей на несколько десятков метров в сторону, но костюмы спасли их от верной гибели, защитив от огня, света, «шрапнели» осколков и всплеска радиоактивного излучения. Когда они пришли в себя, то на месте Ствола увидели расколотое на три зуба основание башни, из которого, как из кратера вулкана, валил дым и взлетали раскаленные добела камни.

Впрочем, это извержение вскоре закончилось. Наступила глубокая настороженная тишина, изредка нарушаемая грохотом обваливающихся стен. Ошеломленные случившимся земляне молча смотрели на остатки здания, не веря, что остались отрезанными от выхода в другие Ветви Древа Времен. От дома.

* * *

Несколько часов они потратили на изучение остатков Ствола, не слишком надеясь найти уцелевшую хрономембрану. Занимались этим все, кроме Железовского. Патриарх в глубокой задумчивости парил над океаном, не отвечая на вопросы, потом долго

изучал «скелет гусеницы», опять же не говоря, зачем это ему нужно. Зато, когда поиски хронолифта не увенчались успехом, он предложил попытать счастья в ином направлении.

— Вероятнее всего, вы правы, Игнат, — сказал он. — Мы оказались в ловушке «засыхающей» Ветви. Надо отдать должное нашим общим врагам, они весьма искусно вывели нас из Игры. Однако мир, где мы оказались, все же не умер окончательно. Мало того, он был обитаем, да и сейчас обитаем, хотя его хозяевам давно безразлична его и их собственная судьба. Тем не менее они когда-то обладали немалой интеллектуальной мощью и могут подсказать выход из положения. Почему бы не использовать шанс и не попросить у них помощи?

— Какой помощи? — хмыкнул главный скептик отряда Гаранин. — Они что, дадут нам звездолет? И даже если дадут, куда мы на нем улетим?

— У вас есть конкретная информация? — внимательно посмотрел на Железовского Ромашин.

Отряд расположился у стен почти полностью разрушенного взрывом Ствола, на ровной площадке айсберга, свободной от обломков, не решаясь удалиться от некогда надежного объекта. Все «хронодесантники» свернули шлемы и дышали холодным местным воздухом, выпуская изо рта облачка пара. Атмосфера на планете айсбергов на восемьдесят процентов состояла из кислорода и на двадцать из азота с небольшими примесями инертных газов, и ею можно было пользоваться без особого вреда.

— Конечно, здешнее поле Сил имеет свою специфику, — сдержанно ответил Железовский, — мне трудно разобрать смысл понятий, которыми оперируют местные жители, но они, несомненно, обладают большим запасом знаний. Можно попытаться установить с ними контакт.

— В конце концов, мы ничего не теряем, — поддержал Железовского Ромашин. — Возражений нет?

— Времени теперь у нас предостаточно, — проворчал Олег Борисович. — Чего уж там... Только вот где искать хозяев?

— Я запеленговал одного, — сказал Аристарх. — Он находится от нас примерно в тысяче километров.

— Каким образом вы его запеленговали? — с сомнением во взоре поинтересовался Гаранин.

— Через поле Сил.

— Что за поле? Астрал, что ли?

Железовский в затруднении посмотрел на Ромашина.

— Поле Сил — это энергоинформационное поле, структурированное процессами, идущими в вакууме. Аристарх же — интраморф и может посредством «третьего глаза» считывать из этого поля информацию и черпать энергию.

— Я бы тоже так хотел, — с завистью пробормотал Олег Борисович. — А то иногда губу переплюнуть не могу.

Все засмеялись.

— Можно попытаться открыть у вас «третий глаз», — сказал Железовский. — Хотя возникнут некоторые трудности.

— Какие?

— Надо будет привыкать к новым возможностям, особенно в области цветовидения. Вы будете свободно видеть сквозь одежду, сквозь деревянные перегородки, ночью, под землей.

— Вот этого мне только и не хватало — видеть сквозь одежду. Нет уж, спасибо, обойдусь без «третьего глаза», свои б два не потерять. Да и какой из меня интраморф? — Гаранин махнул рукой. — Кстати, Игнат, я тут кое-чего не понимаю с вашей теорией «хронобурения». Вы говорили, что Древо Времен реализует в с е возможные состояния материи...

— Златков утверждает, что существует и Древо Невозможных Состояний.

— Пусть утверждает, речь не об этом. Я имею в виду, что согласно утверждению должны были реализоваться и антимиры. Так? Почему же вы их не встречали?

— Конечно, существуют и антимиры, но вы не учитываете одну деталь: Ствол состоит из «обычной» материи, и все его кванки, то есть квантовые копии, попавшие в антимиры, просто-напросто взорвались, аннигилировали. Поэтому мы при путешествии по цепи хронолифта и не попадаем в антимиры.

— Понятно... — протянул обескураженный Олег Борисович. — Хорошо, что такая возможность исключена. А то вот так выйдешь в другую вселенную, встретишь самого себя, пожмешь руку — и взрыв!

«Хронодесантники» снова засмеялись.

— Ну, до рукопожатия дело не дойдет, — успокоил Ромашин Олега Борисовича. — Вы взорветесь раньше, как только выйдете в антимир.

— Спасибо на добром слове, комиссар. Судя по всему, вы здорово помотались по Ветвям, только что в антимиры не залезали. А с чем-нибудь экзотическим сталкивались?

— И не один раз, — кивнул Ромашин. — Я бывал на Земле, где правит Китайская империя и где нет ни Соединенных Штатов Америки, ни Канады, ни Индии и Ирана.

— А Россия?

— Россия есть, точнее — Русско-Монгольская Орда, но она в этом мире на вторых ролях. Я посещал Землю, где древние римляне использовали открытие греческого математика из Александрии Херона, который сконструировал действующую модель

паровика для подъема тяжестей, и уже в шестнадцатом веке полетели на Луну.

— Ну, это не экзотика, а нормальные процессы альтернативных историй.

— Хорошо, а что вы скажете о таком варианте развития человеческой цивилизации? На Земле более двадцати миллиардов человек, и для того, чтобы всем хватало места, их тела уплотняют в домах-банках после работы. Только добившиеся каких-либо высоких достижений могут отдыхать физически в увеселительных заведениях, все остальные «отдыхают» как сельди в бочке.

— Шутите?

— Есть и более интересные варианты. Например, созданная виртуально-информационная среда позволяет жить в ней сотням триллионов «особей», в то время как носителей интеллекта гораздо меньше. Или такая вот схема: использование физических тел-носителей двумя, а-то и тремя индивидуальными сознаниями по очереди.

— Поразительно!

— Позвольте покинуть вас, — прервал Железовский Гаранина, которого одолело любопытство. — С вашего разрешения я все-таки отправлюсь к старику.

— К кому?!

— Существо, о котором я говорил, очень старое, его возраст близится к миллиону земных лет. Попробую пообщаться с ним.

— Мы пойдем туда все вместе, — твердо заявил Руслан. — Нам нельзя разделяться. А здесь мы все равно ничего не найдем. Ствол разрушен полностью, надо с этим смириться.

На это не смог возразить даже Гаранин, с успехом применявший в походе кредо эксперта: сомневайся во всем, кроме своего мнения.

Отряд поднялся в воздух, попрощался с еще дымящимися кое-где остатками здания хронобура и устремился за Железовским, как устремляется клин журавлей за своим вожаком.

ГЛАВА 6

Он пробирался в абсолютной темноте через густой лес, то и дело проваливаясь в ямы с холодной водой или натыкаясь на колючие ветки и стволы деревьев. Было совсем тихо, и, даже когда он проваливался в очередную яму, звуки хлюпанья воды под ногами умирали тут же, растворяясь во мху и среди кустов.

Вдруг он почувствовал, что кто-то идет следом.

Ивор остановился, напрягая слух, оглянулся. Тот, сзади, тоже

бодит и все объяснит, и ты получишь долгожданную свободу. А что может быть лучше свободы? Только власть! Ты ее получишь! Так зачем сопротивляться, мучить себя и других, испытывать боль и страх? Кому от этого легче? Никому. Вот и лежи, жди, думай. Не так уж и страшен этот Палач, если вдуматься...»

Ивор встрепенулся, зацепившись за слово «Палач». Почти убаюканный мягким воркующим голоском второго «я», точнее, сорок второго, труса и предателя, он чуть было не пропустил смысл последней фразы и, лишь уловив знакомое слово, понял, что его все еще пытаются запрограммировать, подчинить, лишить воли к сопротивлению, превратить в послушного раба. Хотел крикнуть: «Прекратите! Я не буду подчиняться вашему Палачу!» — и почувствовал страшную усталость и безразличие. «Все суета, — всплыла в голове меланхолическая мысль. — И возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, который дал его...[1] Так к чему сопротивляться?..»

Внезапно что-то изменилось вокруг.

Ивор прислушался к себе, сосредоточился на зрении, сбросил оцепенение, глаза его прояснились, и он увидел стоящего над ним человека. В синем свете индикатора его лицо трудно было разглядеть, но Ивор вдруг понял, что это бровей Мимо.

— Привет... — с трудом прохрипел молодой человек.

Бровей не ответил, в задумчивости разглядывая помещение и лежащих людей, укутанных в блестящие «саваны».

— Зачем пришел? — не дождался ответа Ивор. — Я тебя не звал...

Бровей переступил его, как бревно, скрылся из поля зрения, потом вернулся, присел на корточки.

— Кажется, я напрасно понадеялся на вас, оператор. Положение ваше почти безнадежно.

— Так помоги, если уж пришел...

— Не имею права, — пожал плечами бродяга по Ветвям. — Я только зритель. Я вне Игры.

— Тогда проваливай ко всем чертям! Когда-нибудь я доберусь до тебя и выясню, кто ты есть на самом деле!

— Едва ли это вам удастся, оператор. Я так близок к пределу насыщения созерцанием и миром вообще, что никого и ничего не боюсь. Но все-таки я очень удивлюсь, если вам удастся выбраться отсюда. Прощайте. — Бровей выпрямился, махнул рукой и исчез.

Ивор выругался.

Сами собой вдруг сложились строки:

---

[1] Екклезиаст.

Но если все-таки навечно
Уходят в черную дыру
Тысячелетние миры
И наши крохотные судьбы,
То даже боги нам не судьи,
Раз остаются вне игры!..

Последние две строчки Ивор проговорил вслух. И почувствовал такую обиду и злость на самого себя, что почти без усилий вышел в состояние н а д с о з н а н и я.

«Наконец-то! — проворчал внутри него знакомый голос. — Я уж думал, ты совсем слабак и не вылезешь из костяного мешка под названием тело».

«Это... ты?» — спросил Ивор на всякий случай, понимая одновременно, что разговаривает сам с собой, с одним из своих «я» под названием Шэн И — жизненная воля.

«Это ты, — с иронией отозвался «собеседник». — Со стихами у тебя неплохо получается, а вот как насчет свободы? Не хочешь попытаться вылезти из этого, как ты сам соизволил выразиться, дерьма? Или тебе нравится твое положение?»

«Я не могу двигаться...»

«Вижу, не трать время на оправдания и объяснения, мне все известно, в том числе и то, как бездарно ты дал себя захватить».

«Он напал внезапно... к тому же это особь Палача...»

«Велика персона! Да, тебя, как неразумное дитя, спеленала особь Палача, но ведь ты — человек! Забыл, что люди были когда-то богами, способными творить вселенные?»

«Забыл, — виновато промямлил Ивор. — Точнее, не помнил... но я действительно не могу освободиться! Уже пробовал».

«Плохо пробовал. Этот квазиживой костюмчик на тебе в большей степени ч у ж а я в о л я, нежели просто материал, субстанция с подпиткой ядерной энергии. Победишь в о л ю — сможешь разрушить и ее основу, то есть сам кокон».

«Я... не знаю...»

«Соберись и пораскинь мозгами, попробуй вызвать память родовой линии, предки помогут. Да, будет трудно и больно, однако ничто не дается в подарок, а тем более свобода. За все надо платить. Только решай быстрей, пока тюремщики не спохватились и не вспомнили, кто ты есть. У них имеется правдосос, ты можешь не выдержать пси-атаки».

«У меня нет сил...»

«Найди! — сердито оборвал Ивора его «собеседник». — Ты мужик или размазня?! Хочешь, чтобы тебя уважала Миа, — действуй!»

Голос умолк.

«Хочешь быть счастливым — будь им...» — глубокомысленно пробормотал Ивор.

Ему никто не ответил. Советчик сделал свое дело и умыл руки, надо было начинать действовать самостоятельно.

«Тебя бы самого заставить!» — подумал Ивор о голосе, как о простом собеседнике. Он ощущал себя разбитым и несчастным и не хотел ни шевелиться, ни думать.

Вздохнул.

Попробовать, что ли?..

Сосредоточение на «центре тяжести» потребовало много времени и переживаний; никак не удавалось отстроиться от ломоты в костях и посторонних мыслей. Наконец ему удалось выйти в «космос» внутренней свободы, и молодой человек почувствовал, как пространство расступается, диапазоны зрения смещаются, а сфера чувствования расширяется.

Кончик носа вдруг зачесался.

Ивор скосил глаза. Нос был как нос, бледный и чистый. Но впечатление складывалось такое, что по нему бредет стадо слонов. Ивор напрягся и у в и д е л этих слонов: шевеля ресничками и псевдоподиями, по бескрайнему пористому холму носа шествовали... бактерии!

Он чихнул.

«Слоны» слетели с «холма», и сразу раздражающие ощущения исчезли. Зато что-то сделалось с глазами. Стена, на которую смотрел Ивор, скачком исчезла, и он увидел бесконечное множество странных шевелящихся предметов: хвостатые запятые, гантели, отдельные дымящиеся шары, шары, соединенные по трое или образующие тетраэдры, звездочки и спирали плавали в океане сверкающей рыбьей икры! Прошло какое-то время, прежде чем он сообразил, что видит... атомы и молекулы воздуха!

И еще одна вещь поразила его своей необычностью — звуки. Они появились неожиданно вместе с атомарным видением, словно где-то приоткрылась дверца, впустив их в помещение.

Тихий гул, непрерывный треск и тусклое шипение, изредка пронизываемое вибрирующими скрипами и свисточками. Ивор долго прислушивался к ним, пытаясь определить источник звуков, пока наконец не понял, что слышит шум броуновского движения атомов и молекул собственных ушных раковин и ток крови по сосудам.

Это, конечно, здорово, подумал он с облегчением, однако ему такая гиперчувствительность ни к чему, она только мешает. Хотелось бы услышать, что творится за стенами тюрьмы, а не как стукаются молекулы друг о дружку.

Он «пошевелил» своей сверхчувственной сферой, заполнившей все помещение погреба, и обнаружил еще одно тело, при-

надлежащее Григорию Белому. Попытался по очереди привести в чувство Мириам, Павла Жданова и Белого, но у него ничего не вышло. Все «хронодесантники» лежали без сознания и в себя не приходили. Тогда Ивор нашел в двери крошечную щель и просунул в нее «палец» пси-восприятия. Просочившись тонкой струйкой энергии за пределы погреба, он обследовал коридорчик за дверью, лестничную клетку, поднялся по лестнице наверх и вылетел в холл первого этажа здания.

Он «увидел» прохаживающегося по гранитному полу человека, но не узнал его. Кроме незнакомца, здесь же находилась женщина, от которой исходила волна брезгливого нетерпения и угрозы. Она с удивлением прислушалась к бесшумному полету «призрака», в которого превратилось сознание Ивора, включила «прожектор» биолокации, и едва не ослепший от мощного потока пси-энергии Ивор метнулся назад, втягивая «щупальце» своего экстравосприятия в «панцирь» головы.

Полежал немного, отдыхая, вспотевший от эмоциональной встряски. Он никак не ожидал, что кто-то способен почувствовать его «тонкое тело», ставшее разведчиком. Потом пришла догадка: женщина в доме Полуянова была не кто иная, как Тирувилеиядаль, агент Палача по особым поручениям. Что лишний раз подтверждало связь комиссара с самим Палачом.

Надо торопиться, подумал Ивор с тревогой. Если она поймет, что я очнулся, — век свободы не видать!

Голову сжала чья-то холодная дрожащая рука.

Тот, кто пытался подчинить его — «наездник» в форме жидкометаллического «савана», снова усилил пси-давление на мозг, но Ивор отгородился от него щитом энергии, и «десантник» Палача отступил. Хотя и оставался рядом, как готовая к прыжку хищная тварь.

Ивор снова вылетел из тела невидимой струйкой энергии, ощупал лицо Мириам с закрытыми глазами, чувствуя слабое биение пульса девушки, и дотронулся до ее почти не светящейся ауры.

Произошло нечто вроде бесшумного взрыва. Мыслесфера Мириам судорожно расширилась, вспыхнула, заискрилась беспорядочной метелью, искорки сложились в вихрик, обежавший темные закоулки сознания. Девушка открыла глаза, пока еще черные, без проблеска мысли. Затем глаза ее стали проясняться, в них промелькнули, сменяя друг друга, испуг, растерянность, обида, тревога, злость. Она вспомнила, что произошло и почему она находится в столь унизительно-беспомощном положении.

Ивор осторожно «подсоединился» к ее мыслесфере.

«Привет, гриф».

«Кто это?!»— вздрогнула Мириам. Она попыталась освобо-

диться от объятий пленочной «смирительной рубашки», но не смогла.

«Не пугайся, это я. Лежи, приходи в себя, я попытаюсь разбудить остальных».

«Ивор?! Ты жив?!»

«Что со мной сделается?»

«Ты на свободе? Я тебя не вижу».

«Я в таком же положении, как и все, но дух мой на свободе. Мне понадобится ваша помощь».

«Я даже пошевелиться не могу!»

«Шевелиться особенно не потребуется, надо будет поддержать меня энергетически».

«Конечно, мы поддержим, если это необходимо. Ты уверен, что сможешь освободиться?»

«Уверен... почти. Мне надо сломать волю этого мыслящего «савана», тогда удастся заставить его слезть с меня. Потом мы заберем дриммер из сейфа комиссара, и тогда уже никто нас не остановит!»

«У нас получится!»

«Жди».

Ивор сосредоточился на ощущении пси-вибраций вокруг неподвижных тел спутников и начал восстанавливать их мыслительные процессы. Он успел привести в чувство обоих, причем Павел Жданов очнулся намного быстрее своего друга, когда открылась дверь и в подземном бункере появилась рыжеволосая красавица, а за ней протиснулась лоснящаяся металлом туша псевдочеловека.

ГЛАВА 7

Удар по сознанию был нанесен столь мощный, что, не будь включен генератор пси-защиты, Игнат не смог бы его отразить. Но он был готов к разного рода неожиданностям и, несмотря на туман и шум в голове и цветные круги перед глазами, отбил пси-атаку и точным выстрелом из «глюка» уничтожил витса, ворвавшегося в кабинет директора четвертого видеоканала. Затем забрал копии видеозаписи беседы с Полуяновым и в т е м п е покинул здание Златоградского видеоцентра, сильно помяв команду захвата Джона Булла, не ожидавшую сопротивления.

Понимая, что времени у него немного, что Полуянов немедленно объявит на него охоту как на общественного преступника, Игнат тем не менее сначала связался со Златковым, объяснил ему ситуацию, затем поговорил с Ясеной, сообщив о захвате ее сына в доме Полуянова, и лишь потом направился домой в совершен-

ной уверенности, что успеет сделать все дела до появления группы захвата.

Он действительно успел стереть память домового, дезактивировал рабочего инка, «закопав» его базу данных в недра Стратега контрразведки, доступа к которому Полуянов не имел, и отправил витса с грузом аппаратуры и необходимого оборудования, хранящегося в секретной комнате под мастерской, по спецканалу метро на лунную базу особого отдела контрразведки. Хотел было расконсервировать себе в помощь одного из роботов, замаскированных под скульптуры, но в это время возле дома появились непрошеные гости, и пришлось решать проблему отступления.

В принципе он мог бы и не пустить оперативников Полуянова, использовав кое-какой арсенал из своих старых комиссарских запасов, однако начинать войну с парнями, большинство из которых просто исполняло свой служебный долг, не хотелось. Но уходить, не закончив дела, тоже не хотелось. Поразмыслив, Игнат решил спрятаться и подождать, пока безопасники не уберутся вон. Он метнулся в свою спальню и остановился перед большой — метр на полтора — картиной, висящей на стене и изображавшей rocky shoreline — скалистый ночной берег моря с лунной дорожкой...

Наблюдатели засекли «живое» шевеление в доме скульптора, и Джон Булл направил туда усиленную обойму спецназа из бригады быстрого реагирования. Двенадцать профессионалов службы безопасности прибыли к дому Ромашина спустя семь минут после получения сигнала тревоги и приступили к операции захвата, выслушивая на ходу инструкции командира. После того как Ромашин сумел вырваться из видеоцентра, справившись с четырьмя оперативниками, еще одна неудача была недопустима, и Джон Булл разрешил в с е приемы, вплоть до ликвидации объекта. Сам он прибыл в дом Ромашина через линию метро в сопровождении двух витсов и двух телохранителей.

Одетые в маскировочные «хамелеоны», оперативники бесшумно проникли в мастерскую Ромашина, обшарили помещение с помощью аппаратуры энергопеленгации и хомодетекторов, потом ворвались в гостиную, в кабинет скульптора и в три спальни. Однако во всех помещениях двери были распахнуты, и гостей встретили тишина и покой. Ромашина нигде не было видно. Он словно сквозь землю провалился, хотя деться ему было некуда. Дом имел только один подземный схрон, да и тот был открыт, а других аппаратура группы захвата не почувствовала.

— Контроль-два, что наблюдаете? — запросил Джон Булл дежурного спутниковой сети слежения за земной поверхностью. — Объекта на месте нет. Вы не ошиблись с идентификацией?

— Мы не ошибаемся, — сухо ответил дежурный. — Он был и исчез, как только появилась ваша команда.

— Значит, он успел уйти через метро?

— Не похоже, спектр энергоколебаний при срабатывании линии иной. Он просто исчез, и все.

— В воздухе растворился, что ли? Или в привидение превратился?

— Не могу знать, — еще суше доложил дежурный.

Джон Булл пожевал губами, достойного ответа не нашел и отключил связь. Посмотрел на командира обоймы спецназа.

— Обыщите дом еще раз. Просветите все стены, пол и потолок, прощупайте эти чертовы скульптуры. Он должен быть здесь!

— Если бы он был здесь, аппаратура бы его засекла.

— Но он не мог исчезнуть без причин! Должны остаться какие-то следы. Ищите!

Парень в «хамелеоне», сам похожий на человека-невидимку, у которого была видна только голова, кивнул и жестом послал своих подчиненных вперед.

Джон Булл прошелся по мастерской, с отвращением разглядывая монстровидные изваяния из пластика, гипса, гранита, керамики и металла, поднялся в жилой блок дома, обошел спальни и остановился в последней с ее роскошной картиной, написанной маслом в манере Куинджи, похожей больше на окно — так она была реальна. Полюбовавшись на серебристые блики лунной дорожки, Джон Булл выслушал доклад командира обоймы об отсутствии следов хозяина и каких-либо замаскированных ниш, плюнул на картину и вышел из спальни. Оставив на всякий случай трех оперативников стеречь Ромашина, он вернулся в Управление и доложил Полуянову о неудаче.

Оставшиеся в засаде спецназовцы некоторое время бродили по закоулкам дома, прислушиваясь к тишине, посмеялись над скульптурами странных существ, изваянных хозяином, и разделились. Двое из них устроились в креслах напротив кабины метро с пузырями холодного тархун-тоника, найденными в холодильнике скульптора, третий расположился в холле у входной двери. Все трое были опытными работниками службы и вели себя соответственно поставленной задаче, но они не ожидали скорого появления хозяина и позволили себе на минуточку расслабиться.

Поэтому Игнат, выйдя из картины с ночным морским пейзажем в спальню, сразу приступил к нейтрализации засады.

Картина казалась таковой лишь с виду. На самом деле она представляла собой хроноквантовый кокон, срез свернутой реальности, упакованный с помощью технологий, известных лишь ограниченному числу лиц, одной из копий Земли «параллельной» Ветви. Картину Игнат писал сам, а его кванк — комиссар из

«соседней» Ветви, знавший специалиста по свертке пространств (того звали Степан Погорилый), лично ездил к нему в гости, чтобы тот превратил картину в пространственноподобный «мешок», в котором время шло «перпендикулярно» земному и где можно было находиться сколь угодно долго. А так как этот «мешок» не излучал энергии ни в одном из диапазонов электромагнитного спектра, то и найти вход в него, запеленговать было невозможно никакой аппаратурой.

Первым делом Игнат переоделся в «кокос» и включил режим маскировки, превращаясь в привидение. Бесшумно спустился в холл первого этажа, по которому бродил безопасник Джона Булла, мурлыкая под нос песенку. Понять, что происходит, он не успел. Ромашин выстрелил в него из парализатора, и парень осел на пол безвольной куклой. Генератор гипнозащиты у него был отключен.

С двумя другими сторожами засадной группы пришлось повозиться. Один из них уснул сразу, выронив из руки стекляшку с тоником, а вот второй, громадный, как медведь-гризли, бородатый, с мрачным взглядом лешего из-под косматых бровей, на выстрел из парализатора не отреагировал — пси-защитник у него был включен постоянно — и ответил на ментальную атаку Игната выстрелом из «универсала». Ромашина в костюме-«призраке» он не видел, поэтому промазал, но продолжал стрельбу во все стороны, пока не получил два точных попадания в узлы автоматии с оружием, расположенные на плечах комбинезона-«хамелеона». Но и после этого он не перестал сопротивляться, а метнулся к напарнику, вырвал из турели на его плече «универсал», и Ромашину снова понадобилось тщательно целиться и стрелять таким образом, чтобы не убить парня.

После этого он еще раз использовал парализатор, обездвижил безопасника и только тогда выключил режим маскировки своего костюма. С грустью посмотрев на оплавленные, в дырах и шрамах, стены коридора и холла с кабиной метро, он вернулся в мастерскую и вызвал Златкова.

— Я в Софии, у себя дома, — отозвался ученый. — Обнаружил много интересного. Оказывается, мой кванк работал над...

— Немедленно уходите оттуда! — перебил его Ромашин. — Это не ваш дом, а дом кванка, за ним наверняка ведется наблюдение. С минуты на минуту к вам пожалуют опера Полуянова...

— Да они уже были, — с меланхолическим спокойствием сообщил Атанас. — Четверо парней в костюмах «невидимок». Я их запер в игровой комнате с фантовариатором, они до сих пор там дерутся с виртуальным противником и гоняются за мной.

Ромашин невольно улыбнулся.

— Отличное решение. Тем не менее советую покинуть дом кванка. Появились новые тревожные обстоятельства.

— Хорошо, — после минутной паузы сказал ученый. — Куда мне прибыть?

— Ждите меня в кафе «Беловодье», рядом с седьмой станцией метро Софии. Я буду там через двадцать минут.

Не ожидая ответа, Игнат выключил рацию и занялся расконсервацией помощника. Вскоре одна из скульптур — трехметровый гигант в черных, с золотым тиснением латах — точная копия «хронорыцаря», очнулась от долгой спячки. Горизонтальная щель глаза во лбу налилась красным свечением, «хронорыцарь» шевельнулся, повернул голову вправо-влево, посмотрел сверху вниз на Ромашина.

«К работе готов», — послышался его характерный «машинный» пси-голос.

«Привет, Петруха, — отозвался Игнат. — Будешь исполнять обязанности защитника и телохранителя, пока мы не освободим наших друзей. Подключайся к Стратегу контрособистов и качай информацию».

«Приступаю».

Черный «рыцарь» сошел с пьедестала, на котором стоял много лет, прошелся по мастерской. В отличие от прототипа ступал он легко и бесшумно, хотя весил при этом около четырехсот килограммов.

«За нами следят», — сообщил он спустя несколько секунд.

— Кто? — вслух спросил Ромашин.

«Мы в потоке внимания орбитальной сети слежения».

«В таком случае срочно уходим!»

Игнат направился к метро, подумав, что не знает, когда вернется домой, и что надо предупредить Ярину о возможных визитах к ней безопасников Полуянова. «Хронорыцарь»-витс, которому он дал имя Петруха, послушно пристроился сзади. Выглядел он весьма экзотично, и Ромашин признался в душе, что не подумал о динго-маскировке своего телохранителя. В таком виде даже в век всеобщего нигилизма и равнодушия к моде на Петруху все равно будут обращать внимание.

На седьмой станции Софийского метро они появились ровно в двенадцать часов ночи по местному времени. Город сверкал иллюминацией так, что ночи как таковой не было, хотя купол неба казался черно-фиолетовым и звездным.

Златков ждал Ромашина у стойки кафе-бара «Беловодье», попивая с рассеянным видом что-то пузырящееся и вспыхивающее искрами. Народу в кафе было много, к ученому то и дело подсаживались юные красотки и вскоре исчезали с разочарованно-обиженным видом.

Понаблюдав за ним немного, Игнат оставил Петруху в тени арки метро и присоединился к Атанасу.

— Что пьем, милостивый сударь?

— Шампанское, — небрежно ответил ученый, слегка оживляясь и тут же снова впадая в транс. — «Теща Клико» называется. У нас такого нет.

— А какое у вас есть?

— «Вдова Клико».

Игнат усмехнулся.

— Весьма многообещающее название для шампанского. Пожалуй, я бы не отказался попробовать вашего. — Он поднял вверх палец и заказал мгновенно появившемуся видеопризраку официанта: — Бокал «Тещи».

Официант исчез, через полминуты бокал с искрящимся напитком появился на стойке. Игнат поднял его, посмотрел на свет, с тихим звоном дотронулся до бокала Златкова:

— За успех безнадежного дела, Судья.

— Я уже не Судья, — с тем же меланхолическим видом заметил Атанас. — Как и вы.

— Все равно — за успех. Посидим здесь в приятной обстановке пару минут, давно не отдыхал. Так что вы там обнаружили «у себя дома»?

Златков снова оживился.

— Во-первых, ваша Ветвь начинает «сохнуть», судя по происходящим глубинным процессам. У моего кванка набралась любопытная статистика по квантовым осцилляциям вакуума и топологической связности стринг-ядер кварков.

— Да, мы в курсе. Эти процессы сказываются уже на макроуровне. Все больше появляется людей с психическими отклонениями, причем их количество растет экспоненциально. Люди катастрофически теряют память, причем склеротиками становятся молодые люди в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. И все чаще умирают сердечники и больные с заболеваниями сосудов головного мозга. Это все, что вы обнаружили?

— Нет, меня поразили результаты Атанаса в области экспериментов с изменением скорости фундаментальных взаимодействий. Он очень близко подошел к решению универсального закона Абсолютной физики, или физики недоступного совершенства. Я назвал этот закон Принципом Свободы Воли Творца. Если удастся обосновать его теоретически, можно будет выйти на контакт с самим Творцом.

— Вы серьезно? — с любопытством посмотрел на собеседника Игнат.

— Во всяком случае, я вполне смогу рассчитать граничные ус-

ловия его существования — то есть Древо Невозможных Состояний и аксиомы физики Абсолютного совершенства.

— А конкретное применение ваши расчеты будут иметь?

— Разумеется. К примеру, я получу решение проблемы обратимости времени в пространство или проблемы взаимоперехода многомерных времен. Кроме того, можно будет подойти вплотную к зубодробительным формулам антивремени и мнимого времени.

— Неужели и такие существуют?

— Большая Вселенная реализует а б с о л ю т н о всё, даже самые дикие наши фантазии, — с философским спокойствием подтвердил Златков. — Все зависит от Творцов конкретных Мегавселенных типа Древа Времен. Как уже становится ясно, Древо не отражает всего спектра фундаментальных взаимодействий в континууме непарадоксальных этик и контрэтик.

Ромашин покачал головой.

— Для меня это слишком сложные материи, хотя и чрезвычайно интересные. Однако нам пора, Атанас.

— Пора так пора. Что мы должны делать? Освобождать Ждановых?

— Пока сие нам недоступно. Посоветуемся с товарищами, составим план действий. Потом будет видно.

— Я знаю этих товарищей?

— Они из Спецкона, особого отдела контрразведки, как и моя дочь. Возможно, вы знакомы с Ясеной, матерью Ивора.

— Кажется, нас знакомили лет двадцать назад. Тогда она была совсем девчонкой.

— Двадцать пять лет назад.

— Значит, вы тоже работаете в контрразведке? А занятия скульптурой — прикрытие?

— Скорей потребность. Хотя с другой стороны — прикрытие. — Ромашин поднял руку, подзывая кого-то, и к беседующим подошел высокий черноволосый молодой человек с открытым приятным лицом. — Знакомьтесь, Атанас, это Тео аль-Валид, «кобра» службы безопасности и одновременно полковник Спецкона.

Тео и Атанас пожали друг другу руки.

— Что выяснил? — посмотрел на полковника Ромашин.

— Они все находятся в бункере под домом Полуянова, — доложил Тео. — Там же обитает эта тварь из жидкого металла.

— Какая тварь? — поинтересовался Златков.

— В захвате Ждановых участвовал некий псевдочеловек, похожий на глыбу текучего металла. Очень мощный, судя по энергетическому эху. Мы предполагаем, что это особь Палача, одно

из его тел-клеток. В крайнем случае — заготовка для внедрения интеллекта самого Палача.

— Мне бы взглянуть на него... побеседовать...

— Может быть, еще доведется, — с улыбкой сказал Ромашин. — Что еще?

— Комиссар бесится, — добавил Тео с невозмутимым видом. — Вы ушли дважды, и он чуть не расстрелял своего зама по спецоперациям Джона Булла. Кстати, с Федором снова работает его бывший зам Басанк, командует телохранителями. Этот тип опаснее Булла. И еще... — Тео прижал к уху каплю рации, отвечая кому-то из своих оперативников мысленно. — Мои ребята видели в Управлении рыжеволосую красавицу...

— Тирувилеиядаль? Значит, вербовщица Палача все еще здесь... На что она надеется? Кого еще хочет завербовать в свою команду? Может быть, готовится переворот? Смена Правительства?

— Зачем это Полуянову? — пожал плечами Тео. — Он и так имеет немалую власть.

— Власти никогда не бывает много. Для блокирования нашей Ветви ему как комиссару и необходима власть такого масштаба. Поехали, друзья, обговорим наши проблемы в тесном «семейном» кругу и в более спокойной обстановке.

Они вышли из кафе, сопровождаемые незаметным неопытному глазу движением эшелона прикрытия. Игнат подозвал Петруху, и через несколько минут все четверо, не считая оперов охраны, из метро Софии перенеслись в зал метро секретной лунной базы, принадлежащей Спецкону.

Спецкон, или особый отдел контрразведки, был создан четверть века назад при содействии тогдашнего председателя ВКС. Спустя два года он был ликвидирован за ненадобностью, однако в связи с начавшимися негативными процессами в социуме Солнечной системы руководство УАСС в лице Василия Саковца приняло решение воссоздать особый отдел, не ставя при этом в известность комиссариат службы общественной безопасности, которая имела собственный сектор контрразведки. Поэтому ни комиссар-один Синити Миямото, ни комиссар-два Федор Полуянов не догадывались, что, помимо служб, контролируемых ими, существует скрытое подразделение спецреагирования, сотрудники которого занимаются специфичными проблемами дознания в сфере этического шпионажа, в котором всегда заинтересованы Игроки.

Прибывших ждали четверо: Ясена Жданова, мать Ивора, побледневшая и осунувшаяся за последние несколько дней, начальник Спецкона Игорь Марич, секунд-майор Иван Клыков и Кристиан Хансен, эф-аналитик отдела. Увидев трехметровую

фигуру «хронорыцаря», они переглянулись, но Ромашин поспешил успокоить хозяев и познакомил с Атанасом.

— Мы уже знакомы, — сказал Златков, целуя руку Ясене. — Я вас помню. И вас тоже, Игорь.

— Взаимно, — потряс его руку Марич. — Идемте, здесь есть где посидеть.

Они устроились в отсеке базы, играющем роль кают-компании, и начали беседу.

Длилась она недолго. Встречались не просто приятели, давно не видевшие друг друга, а профессионалы, умевшие ценить свое и чужое время. Обсудив общие проблемы отдела, они перешли к конкретным делам. Самым важным из них была задача освобождения пленников из рук комиссара, который одновременно был эмиссаром Палача в Солнечной системе, поэтому наибольшее количество споров и сомнений возникло именно при обсуждении этого дела.

— Мы можем легко ликвидировать Полуянова, — сказал Тео аль-Валид, самый молодой участник совещания. — Как только его команда лишится командира, они запаникуют, и мы спокойно освободим наших ребят.

— Во-первых, легко ликвидировать Полуянова не удастся, — возразил обстоятельный, медлительный с виду Хансен. — Он слишком хорошо охраняется, и вы это знаете, полковник. Во-вторых, убирать эмиссара не имеет смысла, на его место придет другой человек, а гарантий, что мы сразу узнаем, кто он, никто дать не может. Как говорят англичане: devil you know, then the devil unknown[1].

— Согласен, — кивнул Марич.

Бывший «хроноинженер» постарел, морщины избороздили его коричневое от загара лицо, волосы поседели, но в глазах горел огонь воли и знания, и сотрудники Спецкона побаивались и уважали начальника, двадцать пять лет назад принимавшего активное участие в войне «хронохирургов» и Тех, Кто Следит.

— И все же, что мы предпримем? — тихо проговорила Ясена. — Какими реальными силами мы располагаем?

— Сил у нас не так уж и много, — вздохнул Марич. — Во всяком случае, недостаточно для прямой атаки резиденции Полуянова.

— Прямая атака неоптимальна, — покачал головой Клыков. — Лобовые столкновения всегда чреваты последствиями, будут жертвы, будет нежелательный шум в СМИ...

— Все равно нужен выход на Полуянова, — упрямо заметил Тео аль-Валид. — Захватив его, мы выиграем всю кампанию.

---

[1] Черт знакомый лучше черта незнакомого (*англ.*).

— Один раз мы его уже захватывали, и чем это закончилось?

— Просто нужно тщательней готовиться к подобным операциям, отсечь все... — Тео не договорил, выслушивая поступившее по сети связи Спецкона сообщение. С недоумением посмотрел на Ромашина, у которого прыгнули вверх брови.

— Как это понимать? — осведомился Марич, который получил то же сообщение.

— Что случилось? — встревожилась Ясена, оглядев лица мужчин. Рацию она включала редко.

— У меня снова гости, — сказал Игнат задумчиво.

— Где у тебя?

— Дома, разумеется.

— Снова группа захвата?

— В том-то и дело, что группа захвата ждет меня давно. Если ее не сменили. Нет, у меня дома появился я сам. Плюс еще кто-то очень приличных габаритов.

— Ты хочешь сказать...

Ромашин встал, посмотрел на Марича, прищурясь:

— Объявляйте ВВУ по отделу, Игорь. Скорее всего, это вернулся мой кванк — комиссар Ромашин. Надо успеть перехватить его до подхода оперов Полуянова.

— Тревога уровня «А»! — объявил по рации Марич без промедления.

Все встали. Ромашин остановил Ясену:

— Ты останешься здесь, мать. В качестве координатора. — Он посмотрел на Златкова. — Вы тоже, Атанас.

— Но я мог бы помочь...

— Вам еще представится такая возможность, здесь мы справимся без вас.

Ромашин, Клыков, Марич и Тео аль-Валид вышли из каюткомпании. Златков и Ясена оценивающе посмотрели друг на друга.

— Опять война... — зябко передернула плечами женщина.

— Я знаю, как сделать, чтобы не было войн, — сказал ученый с преувеличенной серьезностью.

— Как?

— Надо собрать всех хороших людей и перебить всех плохих.

Ясена слабо улыбнулась.

ГЛАВА 8

Все шло нормально.

Полуянов добился, чего хотел: Парламент собирался вынести Правительству вотум недоверия, СЭКОН поставил перед Все-

мирным Координационным Советом вопрос о служебном несоответствии начальника УАСС, первой кандидатурой на этот пост выдвигался комиссар-два службы безопасности, агентура эмиссара контролировала практически все информационные потоки в Солнечной системе, Ствол оставался заблокированным, и проникнуть в него без дриммера было невозможно, — и все же сомнения грызли душу Федора и не давали жить спокойно, испытывая гордость и удовлетворение от проделанной работы. Кое-какие пункты в планах комиссара нарушались: скульптор Ромашин, бывший комиссар СБ, оставался на свободе, очаг сопротивления воле хозяина все еще наличествовал в недрах спецслужб (Полуянов уже знал, что против него работает особый отдел контрразведки — Спецкон), и даже захват Того, Кто Пробудился — как отзывались легенды о появлении оператора реальности, которым мог стать Ивор Жданов, — не улучшал настроения Полуянова. Домой он направлялся в дурном расположении духа, еще больше рассвирепев, когда застал в заэкранированном бункере под домом, где находились пленники, великолепную троицу в составе курьера хозяина — «супербабы» Тирувилеиядаль, начальника охраны Басанка и субстанта хозяина, тупого, как и все отдельные капли-клетки клона, отсоединенные от материнского ядра. Или отцовского — если считать хозяина мужчиной, что, в общем-то, не отражало истины.

— Какого дьявола вы тут делаете?! — осведомился Полуянов, сдерживая раздражение.

— Допрашиваем, — ответил Басанк без особого раскаяния. — Когда мы сюда пришли, они все были в сознании.

Полуянов нахмурился, разглядывая лежащих пленников. Все они по-прежнему были запеленуты в жидкокристаллические пленочные «саваны» и напоминали металлические отливки человеческих фигур с живыми лицами. Но подчинить их своей воле ни один «наездник» не смог, и это внушало определенные опасения.

Заметив на лицах Павла Жданова и его сына, точнее, сына его кванка, красные полосы и вздутия, Федор подошел ближе и понял, что Басанк допрашивал пленников самым простым способом — с помощью кулаков.

— Спасибо, Федя, за радушный прием, — дернул щекой Павел Жданов, глаза которого налились ледяной синью. — У тебя отличный помощник. Ему вполне можно было бы доверить роль палача во времена инквизиции.

Басанк шагнул к Павлу, намереваясь ударить его по лицу еще раз, но Полуянов остановил помощника:

— Отставить мордобой! — Повернулся к рыжеволосой посланнице хозяина. — Вам-то зачем понадобился этот цирк? Вы

же знаете, этих людей невозможно испугать, если они и станут работать с нами, то лишь после кодирования.

— Они должны знать планы нашего противника, — с хищной улыбкой ответила Тирувилеиядаль. — Надо выяснить, что предпринимает Мера, кто и зачем послал их сюда, где остальные члены команды.

— Это мы выясним с помощью «правдососа» в лаборатории Управления.

— Я могу сделать это прямо сейчас, — ухнул басом металлический псевдочеловек, тело которого непрерывно текло и дышало, как живая глыба ртути. — Бионосители, конечно, будут испорчены, но информация не пострадает.

— Несколько часов назад ты утверждал, что наши пленники пригодятся хозяину живыми.

— Ситуация изменилась, — равнодушно проскрипел псевдочеловек.

— Ситуация под контролем.

— Вы кое-что упустили из виду, — небрежно дернула плечиком посланница хозяина. — Оператор может освободиться, если придет в себя. Во-вторых, его наверняка попытаются освободить спектральные команды из других Ветвей. Хотелось бы их опередить и окончательно развеять миф о явлении Того, Кто Пробудился. — Тирувилеиядаль фыркнула. — Мессия, понимаешь ли, нашелся.

— Как только мы уничтожим Ствол, ни одна команда сюда уже не попадет.

— Ствол надо взрывать немедленно.

— У меня другие данные о намерениях хозяина на этот счет.

— Вот приказ. — Рыжеволосая подала Полуянову светящийся синий шарик.

Федор взял шарик, сжал руку в кулак, раскрыл опустевшую ладонь: шарик был интенсионалом и без следа всосался в тело Полуянова, превращаясь в «чистую» информацию, мгновенно ставшую достоянием сознания.

— С этого надо было начинать, — буркнул Федор, переживая неприятное чувство обмана; было обидно осознавать, что хозяин не поставил его в известность о полномочиях курьера.

— Внимание! — принесла рация голос дежурного по Управлению. — В доме скульптора Ромашина замечено движение. Гостей двое, энергетика уровня «упаковка-3».

Присутствующие в бункере переглянулись.

— «Упаковка-3» — это уровень профи спецназа, — сказал Басанк.

— Что я говорила? — язвительно скривила губы женщина. — Это наверняка команда для освобождения оператора.

— Мы ее сейчас прихлопнем прямо там! — сорвался с места Басанк. — Разрешите действовать?

— Там же наша засада...

— Не будьте идиотом, эмиссар, — брезгливо бросила Тирувилеиядаль. — Против нас работают далеко не дилетанты. С вашей засадой легко справился один Ромашин, а если появится команда... Пойдемте, Басанк, я с вами. Хочу взглянуть на гостей Ромашина, вдруг я их знаю? — Она кинула взгляд на молча наблюдавших за ней пленников. — Не скучайте, ребята, мы скоро вернемся.

Басанк и Тирувилеиядаль вышли.

— Останься, — приказал Полуянов металлической глыбе псевдочеловека. — Стереги их. Начнут брыкаться — перекрой им кислород.

Он закрыл за собой дверь бункера и поспешил к залу метро вслед за начальником охраны и курьершей хозяина, готовой, судя по замашкам, заменить комиссара на посту резидента в Солнечной системе.

* * *

Существо, мыслесферу которого запеленговал Железовский, почти ничем не отличалось от того «скелета гусеницы», что обнаружили «хронодесантники» на айсберге недалеко от взорванного Ствола. Разве что цвет этой исполинской многосегментной «гусеницы», длина которой достигала трехсот метров, а диаметр — двадцати, был иным — бежевым, с перламутровыми разводами. К тому же оно столь мощно генерировало биополя, что это почувствовали даже «толстокожие» Паша-летчик и Гена Маркин, ранее неспособные отличить квазиживого робота от живого существа.

Айсберг, давший последний приют разумной «гусенице», представлял собой красивую снежно-ледяную конструкцию с причудливо изогнутыми зубцами, похожую на корону, которой можно было любоваться, как самым настоящим шедевром искусства, созданным руками разумных существ. Возможно, так оно и было на самом деле, и айсберги, покрывающие бесконечный океан планеты от полюса до полюса, были выращены ее хозяевами в качестве своеобразных жилищ.

Никто из «хронодесантников», в том числе Игнат Ромашин, не участвовал в «беседе» Железовского с гусеницеподобным созданием, взиравшим на мир с философским спокойствием узника тюрьмы. Глаз у существа не было видно — в человеческом понимании, и все же люди чувствовали, что оно разглядывает их, испытывая нечто вроде легкого удивления. Видимо, появление

нежданных гостей вызвало у него какие-то давно забытые воспоминания, картины прошлого величия, и оно почувствовало временный прилив сил.

Про человека в таком состоянии обычно говорят, что у него забилось сердце.

Железовский не разрешил никому приближаться к айсбергу ближе чем на двести метров, поэтому за его действиями отряд наблюдал со стороны, повиснув на километровой высоте над уровнем океана. Аристарх сначала медленно приблизился к гиганту, словно запрашивая его разрешения на контакт, потом опустился на пористую поверхность бело-голубого льда напротив «головы гусеницы» — пятидесятиметрового вздутия с рядами выпуклых синеватых пластин. Так он стоял в оцепенении несколько минут, неподвижно и молча, пока «гусеница» вдруг не шевельнулась, приподнимая «голову».

«Хронодесантникам» показалось, что она сейчас бросится на патриарха, и они приготовились атаковать страшилище из всех видов оружия, чтобы не допустить гибели товарища, но «гусеница» просто «села поудобней», прислушиваясь к пси-голосу человека, и под ее «взглядом» айсберг вдруг изменил очертания — превратился в изумительной красоты прозрачно-голубой, сверкающий искрами кристалл.

— Хотел бы я знать, о чем они говорят, — вполголоса заметил Гаранин, нервничавший больше остальных.

— Вряд ли это можно назвать разговором, — отозвался Ромашин. — Если Аристарху удастся заинтересовать этого монстра, мы получим шанс на спасение.

— Если это ему удастся, я воздвигну ему памятник!

— Похоже, это ему удалось, — заметил Руслан, с тревогой посматривающий на державшуюся рядом Надежду.

Девушка устала, потеряла интерес к происходящему, но не жаловалась, а помочь ей Руслан мог только ободряющим словом и вниманием. Он уже пожалел, что взял ее с собой в эту полную непредсказуемых опасностей экспедицию по вселенным удивительного Древа Времен. Даже ему, закаленному суровой жизнью человеку боя, было нелегко бежать по лезвию бритвы, рискуя сойти с ума от неожиданных встреч с жуткими формами жизни или сломать шею в очередном поединке со злобными тварями или людьми, перешедшими на службу Палачу. Что уж говорить о красивой и умной, но не привыкшей к неудобствам женщине, не предполагавшей, с чем она столкнется во время безумного бега по неведомым мирам.

«Гусеница» напротив Железовского подняла «голову» еще выше, все ощутили всплеск давления на мозг, и тотчас же под шлемами «кокосов» раздался голос Аристарха:

— Присоединяйтесь ко мне, друзья. Старик согласился отправить нас в другую Ветвь. Точнее, он знает способ доставки.

В то же мгновение рядом со вставшим на «задние лапы» гусеницеподобным чудовищем бесшумно выросла ажурная металлическая с виду труба, уходящая в небо.

— Трансгресс! — с нескрываемым изумлением проговорил Ромашин. — Он вызвал трансгресс! Как вам удалось уговорить его?!

— Старик вспомнил молодость, — со смешком сказал Железовский. — Оказывается, он встречался с такими, как мы.

— Давно?

— Судя по нечеткости воспоминаний, около миллиона лет назад.

— Но ведь нас тогда еще не было, — буркнул Олег Борисович. — Я имею в виду людей вообще.

— Люди были всегда, — вежливо возразил Ромашин. — Не удивлюсь, если выяснится, что здесь побывали бровеи. Однако, господа путешественники, давайте-ка поспешим воспользоваться случаем, пока наш благодетель не передумал.

«Хронодесантники» слетелись к трубе трансгресса, которую рассматривал Железовский. Его «собеседник», наверное, устал, опустил верхнюю часть туловища на свое ложе и застыл снежно-ледяной шипасто-волосатой «гусеницей».

— Прощай, старина, — вслух сказал Железовский. — Спасибо за помощь.

Хозяин водно-ледяной планеты не пошевелился, хотя людям показалось, что он посмотрел на них задумчиво, с гордой величавостью и безмерной печалью.

— Как вам все-таки удалось объяснить ему, что нам требуется? — спросил Руслан.

— Несмотря на все внешнее различие, наши ментально-эмоциональные сферы в чем-то очень схожи, — ответил Железовский. — Трудно было в самом начале, когда я искал образы для контакта, которые были бы ему понятны. Потом все пошло своим чередом. Многое я, к сожалению, не понял, но в основном мы нашли общий язык. Как этим пользуются? — Аристарх кивнул на трубу трансгресса.

— Очень просто, — ответил Гаранин, уже привыкший к чудесам техники будущих столетий. — Забери нас отсюда, — обратился он к автомату трансгресса.

Тотчас же всех подхватила мягкая непреодолимая сила и подвесила по оси трубы.

— Куда направляемся?

— Минуту, — быстро сказал Ромашин. — У нас имеется возможность одним ударом убить нескольких зайцев. Коль уж в

нашем распоряжении оказался парамост перемещений, мы можем высадить Аристарха в его Ветви, а потом отправиться по следам оператора.

— Если автоматика этого вашего парамоста согласится, — сказал Гаранин, — почему бы и нет?

— Стас, откликнись, — позвал Ромашин.

— Слушаю вас, — отозвался мягкий мурлыкающий женский голос.

— Разве мы в Стволе? — с недоумением спросил Олег Борисович. — Ведь Стас — инк Ствола...

— Трансгресс, по сути, является продолжением хронобура, поэтому его инк-оператора можно называть и Стасом, он не обидится. Будьте добры, уважаемая, надо отправить одного из нас по адресу Солювелла-один, а остальных...

— Позвольте возразить, — вмешался Железовский. — Пожалуй, я пойду с вами. Найдем парня, которого вы ищете, и он вернет меня домой. Вы говорили, что это ему по силам.

— Должно быть по силам. В крайнем случае воспользуемся услугами Стаса в уцелевших кванках Ствола. Итак, ищем Ивора?

Ответом Игнату было общее молчаливое согласие.

— Принято. Тогда попросим нашего оператора об услуге. Стас, вы случайно не знаете, где высадился человек по имени Ивор Жданов? Он еще известен как оператор Древа и Тот, Кто Пробудился.

— Он вышел на Земле Солювелла-три сто первого зависимого хроноквант-угла в сопровождении четырех человек.

— Не может быть! — тихо поразился Ромашин.

— Что такое? — встревожился Гаранин.

— Ивор вернулся домой, в родную Ветвь... где его наверняка ждут молодцы Полуянова. Кто с ним?

— Трое мужчин и женщина: Павел Жданов, Атанас Златков, Григорий Белый и Мириам Ромашина.

— Не может быть! — еще раз повторил Игнат. — Неужели он нашел и освободил отца?

— Простите, этого я не знаю.

— Встретимся и выясним, — сказал Руслан.

— Да, конечно, — опомнился Ромашин. — Хотя новость весьма неоднозначна. Итак, направляемся в узел Солювелла-три, в мир Ивора. Надеюсь, мой кванк поможет нам отыскать мальчика. Отправляйте нас, Стас.

— Желаю удачи, — вежливо проговорил оператор трансгресса уже мужским голосом.

И та же непреодолимая сила швырнула людей в огненный тоннель, пронзающий бездны бездн чужих пространств и времен.

Встряска от броска через необозримые пропасти Ветвей Дре-

ва Времен была не слишком сильной, и «хронодесантники» пришли в себя быстро, как только оказались на берегу какого-то залива с торчащей над ним белесой шпагой орбитального лифта. Залив оказался Рижским, высадка из трансгресса совпала с местным днем, местные жители, хотя и заметили выскочивших из ниоткуда семь сверкающих фигур, не придали этому значения.

— Куда теперь? — осведомился Гаранин, сворачивая шлем и с любопытством осматриваясь.

Место казалось достаточно пустынным, несмотря на два десятка загорающих в дюнах людей, отгороженное от сверкающих зданий города на востоке лесной полосой.

— Сейчас я познакомлю вас со своим кванком, — ответил Ромашин. — Он скульптор и одновременно эксперт особого отдела контрразведки. У него дома мы будем какое-то время в безопасности.

Зная коды связи и номера информканалов, Ромашин связался с местным информом и выяснил, где находится ближайшая станция метро. Она располагалась рядом с порталом орбитального лифта, светящийся столб которого диаметром в двести метров был виден издалека. «Хронодесантники» изменили форму костюмов на менее вызывающую, такую, чтобы не бросаться в глаза, и направились по воздуху к метро кратчайшим путем — срезая угол залива.

Ромашин попытался связаться со своим кванком по рации, но ему никто не ответил. Тогда было решено, что в дом скульптора отправятся двое — Игнат и Железовский, а остальные будут ждать их здесь, в кафе на берегу залива. Если в течение часа Ромашин не даст сигнала, что все идет нормально, группа должна будет действовать самостоятельно в зависимости от обстановки.

Ромашин оставил Петруху у кафе, и они с Железовским, фигура которого внушала уважение габаритами и осанкой не менее, чем фигура «хронорыцаря», скрылись под хрустально-молочным куполом метро.

* * *

— Дело дрянь! — сквозь зубы выговорил Белый.

Он не обладал большим запасом пси-энергии и с трудом справлялся с гипнотическим давлением пленки «наездника». Впрочем, остальным тоже приходилось несладко, и держаться независимо становилось все труднее.

Понимая, что сил у спутников остается все меньше и меньше, Ивор решил вывести тюремщика, глыбой застывшего у двери, из себя и заставить его ошибиться. Шанс был невелик, но, так как Ивору не удалось вызвать трансгресс — то ли мешала мощней-

шая экранировка подвала, то ли его состояние не позволяло ему сделать это, — надо было использовать даже самые безумные варианты для освобождения.

— Эй, болван! — позвал он металлического сторожа. — Не хочешь поиграть?

— Я не болван, — немедленно отозвался субстант Палача, превращаясь в диковинного зверя. — Я не хочу играть.

— Тогда ты действительно болван! Ведь твой хозяин — Игрок!

Металлический псевдочеловек помолчал, шевеля бликующей «кожей», что порождало эффект непрерывного тока металла снизу вверх.

— Я не понимаю смысла твоей речи, — наконец выдавил из себя он. — Но, судя по эмоциональному наполнению, ты пытаешься меня оскорбить и спровоцировать на нелогичный поступок.

Не выдержав, засмеялась Мириам. Григорий и Павел Жданов улыбнулись.

— Какой мощный интеллект! — сказал Белый с ироническим восхищением. — Его даже оскорбить невозможно. Если его хозяин мыслит так же, непонятно, почему он выигрывает Игру.

— Это всего лишь одна капля Палача, — заметил Жданов. — Одна его клетка, болванка, имеющая ровно столько ума, сколько требуется для обслуживания ее физиологических потребностей. Будь она поумней и посильней, мы были бы уже зомби Палача.

— Ну так что, болванка? — продолжал Ивор. — Поиграем в какую-нибудь интересную игру? Если выиграю я, ты меня отпустишь. Если ты выиграешь, мы добровольно перейдем на сторону твоего хозяина.

— Осторожнее с обещаниями, — проворчал Григорий. — Вдруг этот монстр не так прост, как кажется?

— Что ты предлагаешь? — гулким басом спросил псевдочеловек.

— Есть такая человеческая игра — шахматы. Либо ее трехмерный вариант — трикор. Могу быстро обучить.

— Я не знаю такой игры.

— Можно выбрать игру попроще, карточную — в подкидного дурака, в очко.

— В шестерочку, — подсказала ехидно Мириам. — А лучше сыграть втроем или вчетвером в преферанс.

— У вас будет преимущество, — сказал псевдочеловек. — Я не согласен. И я не знаю таких игр.

— Но хоть какую-нибудь игру ты знаешь?

— Знаю.

— Назови.

— У нее нет названия на человеческом языке.

— Естественно, — хмыкнул Жданов. — В такие игры Палач играет там, где нет человека. Но вряд ли она чем-либо отличается от войны. Не так ли, болван?

— Твое предположение логически верно, — подтвердил псевдочеловек. — Но ты тоже пытаешься меня оскорбить.

— Разумеется, — согласился Жданов.

— В таком случае будет правильно, если я перекрою вам кислород.

Металлическая глыба вспухла тремя волдырями, которые начали превращаться в щупальца, нацеливающиеся на лежащих без движения пленников.

— Подожди, — быстро сказал Ивор, — у меня есть еще одно предложение. Освободи меня от пленки и попробуй поймать снова. Ты ничем не рискуешь: дверь заперта, помещение заэкранировано, убежать или спрятаться мне негде. Идет?

— Зачем? — равнодушно поинтересовался посланник Палача. — Смысл?

— Я утверждаю, что ты меня не поймаешь.

— Ну и что?

— Неужели тебе не интересно посоревноваться? — удивился Ивор. — Или ты действительно дебил? Кристаллическая оболочка для дерьма?

— Что есть дерьмо?

Белый и Жданов рассмеялись.

— Не важно, ты все равно не поймешь, — продолжал Ивор. — Это интегральная оценка твоей умственной деятельности. Если бы у меня были свободны руки и ноги, я бы тебе быстро растолковал истинность этой оценки.

Щупальца втянулись в тело псевдочеловека, он чуть подрос, обозначил конечности, стал больше походить на металлическую отливку для памятника.

— Я тебя поймаю.

— Попробуй.

— Я тебя поймаю и заставлю объяснить, что есть дерьмо.

— Один такой пытался.

— И что?

Ивор понял, что шутки до его собеседника не доходят.

— И я его съел.

— Меня ты не съешь, я не биологическое существо.

— Ну так освободи меня, и начнем!

Пауза.

— Хорошо.

В то же мгновение пленка, сжимавшая тело молодого человека, стала сползать с него чулком, превратилась в лужу, которая скользнула к живой металлической глыбе и втянулась в нее.

Ивор с трудом встал, разминая затекшие руки и ноги.

— Я готов, — сказал псевдочеловек. — Начинаем на счет три.

— Подожди, дай отдышаться, я должен вернуть гибкость членам. Ты-то действительно железный, я же из более хрупкого материала.

— Мое тело состоит из палладиево-осмиевых полимеров.

— Вот видишь, а я на три четверти состою из воды. Это равные условия, по-твоему?

— Ты сам предложил поиграть.

— Только чур — не нарушать правила! Если ты в течение минуты меня не поймаешь — я выиграл! Понимаешь, что такое минута?

— Понимаю.

— Тогда начнем!

— Ивор! — слабо вскрикнула Мириам.

Псевдочеловек метнул в Ивора стремительный ручей металла, и тот прыгнул в сторону, спасаясь от него, как от пули.

Часть V

КАК БУДТО БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА

ГЛАВА 1

Железовский почувствовал неблагоприятную обстановку в доме скульптора сразу после выхода из кабины метро. Но он не был в курсе произошедших событий, впрочем, как и Ромашин, и не стал поднимать тревогу. Выйдя в холл метро и увидев его обожженные, оплавленные, в дырах и вмятинах стены, Аристарх обратил на них внимание спутника, тот остановился, понимая, что в доме скульптора недавно шел бой, но возвращаться было уже поздно.

В коридорчике, ведущем на первый уровень дома, появились две дымно-прозрачные фигуры, а из кабины сработавшего метро в холл выскользнули еще два таких же «призрака», за которыми не спеша вышел Федор Полуянов.

Ромашин и Железовский замерли.

«Если начнем первыми — прорвемся», — предложил Аристарх, включая рацию в режим мыслесвязи.

«Надо выяснить, что здесь случилось, — ответил Ромашин. — Будем тянуть время и ждать наших».

«Вы связались с ними?»

«Эта рация так далеко не тянет».

«Я могу вызвать их через поле Сил».

«Узнаем, что произошло с кванком, и вызовем».

— Вот мы и встретились, господин скульптор, — сказал Полуянов, благоразумно держась за спинами спецназовцев. — Наконец-то мы сможем побеседовать об интересующих меня вещах, а то вы так резво бегаете от моих парней, что завидки берут. Странно, что вы рискнули вернуться, зная о засаде. Я вас даже не узнаю.

«Меня приняли за местного Ромашина, — передал Игнат мысль Аристарху. — Попытаемся использовать это обстоятельство».

— Что молчите, господин фигурант всеземного розыска? Надеетесь на помощь Спецкона? Едва ли ваши сообщники рискнут сунуться сюда ради спасения одного человека. Кстати, познакомьте меня с вашим коллегой. Что-то я раньше его не встречал.

— Это мой витс-телохранитель, — равнодушно сказал Ромашин.

— Ага, понятно, я так и подумал. Парень внушает уважение. Надеюсь, он не начнет демонстрировать чудеса ловкости и скорострельности?

— Не начнет.

— Ну и славно. — Полуянов поманил кого-то пальцем, и из кабины метро вышли еще два человека, судя по габаритам и особому выражению глаз — витсы.

— Отведите этого богатыря в соседнюю комнату и последите за ним, хлопцы. — Федор кивнул на Железовского. — Шевельнется — сожгите его. — Повернулся к Игнату: — Итак, прежде чем мы отправимся в Управление, ответьте мне на два вопроса.

— Если это не будет противоречить моим целям, — спокойно сказал Ромашин.

Полуянов дернул уголком губ.

— Игнат, я знаю, что вы сильный человек и наверняка носите пси-защитника, но вряд ли выстоите против «правдососа». Поэтому советую говорить все, что знаете, добровольно, иначе, сами понимаете...

— Отлично понимаю, господин эмиссар. Задавайте свои вопросы. Хотя, может быть, мы побеседуем в гостиной за чашечкой кофе?

Полуянов задумался, кинул взгляд на одного из дымных «призраков» в коридоре.

— Гостиную проверяли?

— Так точно, — доложил «призрак». — Все чисто.

— Идите вперед, — скомандовал Федор. — Только сначала отдайте оружие. Витс ваш останется здесь.

Ромашин молча отсоединил от узлов-турелей «глюк» и «кий», передал спецназовцу. Полуянов отобрал у него «кий», повертел в руках, покачал головой.

— Интересная фиговина. Не помню, чтобы у нас было нечто подобное. Неужели Спецкон имеет свои оружейные мастерские?

— Эта фиговина не из нашего мира.

— Тогда понятно. Вперед!

Дверь метро снова открылась, в холл вышли рыжеволосая яркая женщина и угрюмый Басанк, начальник охраны Федора, близкий по габаритам к Аристарху.

— Что вы хотите с ним делать? — спросила Тирувилеиядаль.

— Допросить, — покосился на нее Полуянов.

— Не советую делать это здесь. Мы не знаем, какие сюрпризы мог подготовить этот человек.

— Я просто хочу знать, зачем он вернулся.

Федор махнул рукой, и процессия направилась по коридору к помещениям первого этажа: два спецназовца впереди, за ними Ромашин, затем еще два «призрака» и Полуянов. Переглянувшись, вслед за ними двинулся и Басанк с посланницей Палача.

«Вызывайте остальных, — мысленно передал Железовскому Ромашин. — Обрисуйте обстановку».

В гостиную, декорированную ценными породами дерева в стиле «православный ренессанс», сначала вошел Полуянов с двумя подчиненными, затем впустили Ромашина и остальных.

— Может быть, я сварю кофе? — радушно предложил Игнат.

— Оставьте, господин художник, — поморщился комиссар. — Я знаю, что у вас есть какой-то секрет, позволяющий вам обходить все известные методы обнаружения людей. Вы не за ним случайно вернулись?

Ромашин понял, что его кванк воспользовался «картиной» в спальне — хроноквантовым коконом для того, чтобы спрятаться от ищеек Федора. Возможно, он и сейчас был еще там.

— У меня много припасено секретов, господин эмиссар. К примеру, я могу превращаться в невидимку и неощутимку. Продемонстрировать?

— Держите его на прицеле, — посмотрел Полуянов на своих спецназовцев. — Попытается исчезнуть — стреляйте!

Ромашин улыбнулся.

— А ведь вы боитесь меня, комиссар. Даже в такой ситуации, с таким перевесом сил.

— Обыщите дом еще раз, — посоветовала Тирувилеиядаль. — Такой опытный человек, как бывший комиссар, не мог не знать, что рискует свободой и головой, появляясь дома. Он что-то здесь прячет.

Полуянов кивнул Басанку.

— Соберите все, что вызывает хоть малейшее подозрение. Прощупайте скульптуры, их подставки, обнюхайте стены.

Басанк вышел.

— Лучше скажите прямо, зачем вы вернулись, — проговорил Полуянов. — Все равно ведь скажете, не сейчас, так в лаборатории, разве что после общения с «правдососом» станете идиотом.

— Да нет в моем возвращении никакого секрета, — пожал плечами Игнат. — Поскольку мои друзья в ваших руках, я и решил поговорить с вами об их выдаче.

— Так просто? — усмехнулся Полуянов.

— В этой жизни все просто, — философски заметил Игнат. — Жизнь... предательство... гибкость спины... смерть.

— Вы мне угрожаете?

— Ну что вы, право, только предупреждаю. Отпустите Ждановых. Это зачтется вам в будущем. Отсчет времени уже пошел.

— Он что-то задумал! — быстро проговорила рыжеволосая посланница Палача. — Еще раз предлагаю закончить допрос в другом месте.

— Не мешайте, — с досадой посмотрел на нее Полуянов. — Занимайтесь лучше своими делами, вы не обязаны присутствовать здесь.

— Хорошо, меня действительно ждут дела, но я вас предупредила.

Тирувилеиядаль вышла.

— А ну-ка, повторите ваше предложение, — сказал Полуянов. — Я вас не понял.

— Жить хочешь, Федор? — тихо, без улыбки спросил Ромашин. — Я не знаю, добровольно ты перешел на сторону Палача или нет, но у тебя еще е с т ь шанс остаться человеком, а не холуем хозяина. Знаю, это трудно, особенно если в мозгу торчит программа контроля, но ведь Златков двадцать пять лет назад сумел ее нейтрализовать. Может быть, попробуешь и ты?

Наступила тишина.

Полуянов, сузив потемневшие бешеные глаза, некоторое время выдерживал взгляд собеседника, потом расслабился и глухо сказал, отвернувшись:

— Я... не могу... — Затем он с силой потер ладонью лоб, пошел к двери. — Эта псевдобаба права, закончим наш разговор в другом месте.

В глубине дома что-то грохнуло. Затем зародился неясный шум.

Ромашин прислушался к нему и сказал со вздохом:

— Поздно, Федя...

* * *

Железовский слышал весь разговор двух комиссаров (Полуянов не догадывался, что допрашивает не скульптора, а его кванка) и одновременно готовился к взрывному действию, зная, что его противник — витсы — не даст ему права на ошибку. Действовать надо было наверняка. Поэтому Аристарх после сеанса связи с Русланом не сделал ни одного движения, словно и в самом деле был витсом, терпеливо поджидая удобный момент.

Через проем двери было видно, как через холл прошествовала к кабине метро, покачивая бедрами, рыжеволосая женщина. Чмокнул автомат запуска. Витсы оглянулись, и в тот же миг Железовский превратился в ураган.

Первого витса он пробил насквозь ударом кулака, затем свернул ему шею и подставил под выстрел второго. Разряд «универсала» пришелся по «сердцу» гиганта, генератору энергий, и сразу грянул взрыв. Однако Аристарх за мгновение до этого прыгнул к оставшемуся витсу, вбил его тело в колонну посреди холла, затем схватил за руку и еще раз со всего размаха ударил о стену холла, превращая в лепешку.

В это время свистнул финиш-автомат метро, из кабины в холл выметнулись три прозрачных вихря, и Железовский расслабился, почуяв своих.

Вихри превратились в бликующие металлом фигуры, шлемы которых складками опустились к плечам. На Аристарха смотрели Гаранин, Костров и Маркин.

— Здесь двенадцать человек, — сказал Железовский. — Не вздумайте предупреждать и геройствовать, это асы. Стреляйте на поражение.

— Это мы умеем, — мрачно хмыкнул Олег Борисович. — Где наш проводник?

— Игната допрашивает в гостиной комиссар. Я освобожу его. Ваша задача — очистить дом.

Метро выбросило еще пару «невидимок» — Надежду и Пашу-летчика. Все были в сборе.

— Надя, останешься здесь, — сказал Руслан. — Режим маскировки не выключай. Если кто появится из метро, дашь сигнал, но ни в коем случае не вмешивайся.

— Пошли! — выдохнул сквозь зубы Гаранин.

«Хронодесантники» превратились в невидимок и бросились по коридору в недра дома Ромашина.

* * *

Полуянов замер, оглянулся, приоткрывая зубы в брезгливой гримасе:

— Ч т о ты сказал?!

— Прикажи своим нукерам сдать оружие. Мы не хотим кровопролития.

— Да ты понимаешь?..

Дверь распахнулась, в гостиную ворвался Басанк.

— У нас гости... — Он не договорил.

Вслед за ним в гостиной появился Железовский. Помещение пронзил мощный горловой бас:

— Не стрелять!

Все замерли.

— У б е й т е их! — прошипел Полуянов.

Сверкнула молния — один из спецназовцев, находившихся в гостиной, выстрелил из «универсала». Железовский ответил точным выстрелом из такого же «универсала», но разрядом помощней. «Призрак» отлетел к стене, круша инкрустированный малахитовой плиткой комод.

— Не стрелять! — еще раз рявкнул Железовский.

За его спиной взвихрился воздух, в гостиную влетели три прозрачные струи, превратились в блестящие человеческие фигуры.

— Не стрелять! — в третий раз, уже тише, повторил Аристарх. Протянул вперед руку, глядя на Басанка. — Отдай мне эту вещь!

Полуянов непонимающе глянул на главного охранника. Тот оскалился, вынимая из кармана комбинезона изогнутую в трех направлениях черную трубку с мигающей зеленой искрой на торце.

— Мы нашли это в одной из скульптур.

— Слинг?!

— Инициатор слинга.

— Отдай, — сделал шаг к Басанку Железовский.

— Отними, — ухмыльнулся тот, нацеливаясь пальцем на мигающий огонек.

— Кажется, ваш бандит собрался взорвать нас вместе с вами, — хладнокровно сказал Ромашин. — Подходит вам такая перспектива? Или вы прикажете ему отдать детонатор?

— Думаю, вы проиграли, — сказал вспотевший Полуянов. — Если погибну я, хозяин пришлет еще одного резидента, и дело будет продолжено. Если погибнете вы, Спецкон не сможет развернуться в полную силу и помешать нам. Где вы установили сам слинг?

— Я его не устанавливал.

Полуянов скривил губы.

— Шутите? А кто?

— Я, — раздался голос из коридора, и в гостиную вошел еще один Ромашин в сопровождении хмурого мужчины с коричневым морщинистым лицом. Вслед за ними в дверь с трудом протиснулся гигант, похожий на рыцаря в черных латах, с единственным щелевидным светящимся глазом.

— Игнат! — глухо проговорил Полуянов, переводя взгляд с одного на другого и обратно. — Это ваш...

— Кванк, естественно.

— Взрывай! — беззвучно шевельнул губами Федор.

Но прежде чем Басанк нажал кнопку инициатора слинга, Железовский вдруг оказался рядом с великаном, выхватил черную трубку детонатора, а самого Басанка отшвырнул прочь с такой силой, что тот пролетел по воздуху десяток метров и врезался в красивое трюмо, разбивая его вдребезги и буквально киселем сползая по стене на пол.

Ромашин-второй, появившийся к развязке драмы, покачал головой.

— Эдак вы мне всю антикварную мебель покалечите, милейший. Знаете, сколько времени я потратил на ее реставрацию?

— Прошу прощения, немного не рассчитал, — положил руку на грудь Железовский. — Я помогу вам ее починить.

Ромашин-скульптор улыбнулся.

— Спасибо, принято. — Он посмотрел на Ромашина-комиссара. — Однако ты вовремя, тезка. Если бы не ваше появление, нам пришлось бы действовать иначе и без особых шансов на успех. Предлагаю закончить операцию по освобождению Ждановых, пока агентура Палача не опомнилась.

— Я уже дал сигнал тревоги, — с мрачным спокойствием проговорил Полуянов. — Джон через пару минут приведет сюда всю мою армию.

— Мы успеем. — Ромашин-скульптор кивнул на своих спутников. — Знакомьтесь, это начальник особого отдела контрразведки Игорь Марич и мой телохран Петруха.

— Привет, Игорь, — сказал Ромашин-комиссар, пожимая руку Маричу. — Извини, что не согласовал своего прибытия. Сам не ведал, что так получится. Это Аристарх Железовский, патриарх синклита старейшин из ближайшей «тупиковой» Ветви. Я попросил его помочь нам.

— Очень приятно. — Марич пожал руку Железовскому.

— А это команда из другой Ветви, где еще только-только начался двадцать первый век. Руслан Костров, — с его отцом ты знаком, — капитан группы антитеррора...

— Потом познакомимся получше. Надо спешить. Наши парни блокировали дом комиссара, мы же войдем туда через метро.

— Вы пожалеете... — начал побледневший Полуянов.

— Мы знаем, что ты держишь пленников в подвале, — перебил его Ромашин-скульптор, — в бункере с ТФ-экраном. Открой нам дверь, Федор, чтобы мы там ничего не взрывали. Могут пострадать люди.

— Я... вас... всех!.. — раздельно проговорил Полуянов.

Турель с «универсалом» на его плече крутнулась туда-сюда, выискивая цель, и в то же мгновение черный человек Петруха выстрелил в него из парализатора. Федор обмяк, мягко упал на пол, глаза его стали пустыми. Его пси-защитник не смог отразить разряд «слона», которым был вооружен Петруха.

— Код двери бункера! — наклонился к комиссару Ромашин, отбирая свое оружие — «кий» и «глюк»...

— Калипсо... два сто сорок три... эм... нихиль... — прошептал Полуянов.

— Придется нести его с собой, — кивнул на Федора Марич, подозвал Руслана. — Может быть, кроме кода, в дверь встроен дактилодатчик или аппаратура айс-фейс-контроля.

— А с ними что делать? — кивнул Гаранин на Басанка и спецназовца из команды Полуянова, застывшего истуканом посреди комнаты.

— Оставим здесь под присмотром нашего парня.

Марич вызвал по мыслесвязи командира оперативной группы, дождался появления «невидимки» и первым направился к метро. За ним потянулись остальные. Маркин, Паша и Олег Борисович несли Полуянова. Руслан вспомнил о наличии Петрухи, шепнул Ромашину-комиссару пару слов, и тот приказал «хронорыцарю» взять на себя обязанности носильщика.

Надя, терпеливо дожидавшаяся спутников в холле метро, бросилась к ним, совершенно не боясь Петрухи с его ношей.

— Ваш работник? — кивнул на нее Марич, обращаясь к Ромашину-комиссару.

— Наш, — ответил тот серьезно.

— Отличная реакция, — похвалил Марич. — Она пропустила нас, а потом приказала поднять руки. Хорошо, что я пошел с Игнатом, она его узнала.

Гаранин, Паша и Маркин засмеялись. Надежда покраснела, прячась за Руслана.

— Она такой же десантник, как и все, — сказал Ромашин-комиссар. — А опыт — дело наживное.

Лицо Марича отвердело.

— Пора!

Кабина могла вместить всего четырех человек, поэтому пер-

выми пошли оба Ромашины, Игорь Марич и Железовский. Затем стартовал Петруха с телом Полуянова и Гена Маркин. Последними покинули дом скульптора Руслан и его команда.

* * *

Это было захватывающее зрелище!

Металлический псевдочеловек метал в Ивора стремительные стрелы жидкого металла, а он уворачивался от них и с невероятной скоростью летал по тесному подвалу, ухитряясь не спотыкаться о тела товарищей, ящики и коробки и не сталкиваться со стеллажами и штангами энергополевой защиты бункера.

Неизвестно, способен был испытывать какие-то эмоции посланник Палача или нет. Проигрывая молодому Жданову вчистую, он ни разу не выругался, как сделал бы на его месте простой человек, и не выразил своего отношения к происходящему. Но то, что он обладал всеми отрицательными качествами «отца», не подлежало сомнению и выяснилось самым наглядным образом.

— Стоп! — крикнула Мириам, играющая роль судьи и контролирующая время. — Минута прошла!

Ивор остановился, но тут же метнулся в сторону от ручья бликующей субстанции.

— Стой, болван! Игра закончена! — возмутилась девушка. — Ты его не поймал!

— М о я минута еще не прошла, — равнодушно заявил псевдочеловек, продолжая гонять Ивора по бункеру. — И я никогда не проигрываю.

— Это нечестно! Ты проиграл! Он победил!

— Он не победил. Чтобы побеждать, надо выбирать себе правильного противника.

Ивор почувствовал, что силы его кончаются, прислонился к стене... и в этот момент дверь в бункер открылась и в помещение один за другим ворвались два гиганта. Один был человеком в маскировочном комбинезоне, второй — громадный, черный, ребристо-кольчужный, напоминающий рыцаря в латах, явно был витсом. Единственный глаз его светился, и Жданов узнал уменьшенную копию «хронорыцаря», изваяние которого находилось в мастерской отца Мириам.

— Общий привет, — пророкотал густым баритоном незнакомец, быстро оглядывая подвал. — Чем это вы тут занимаетесь?

— Кто ты такой? — требовательно спросил металлочеловек, переставая стрелять ручьями жидкого металла.

— Меня зовут Аристархом, я друг комиссара. А ты, надо полагать, и есть вирус, жидкокристаллический волдырь, субстант Палача? Его, так сказать, полномочный представитель?

— Я Трангха, тысяча второй контролер линий.

— После этого нам следует, очевидно, проникнуться уважением и упасть на колени. Или ты более демократичен?

Псевдочеловек вытянулся вверх, превращаясь в апокалиптического железного зверя со множеством щупалец.

— Если я правильно оцениваю ваше эмоциональное свечение, вы тоже хотите меня оскорбить. Вынужден принять адекватные меры.

— Оглянись вокруг, кретин! — звонко крикнула Мириам. — Ситуация изменилась. Теперь пленник — ты!

— О с в о б о д и людей! — тяжело сказал Железовский.

Псевдочеловек метнул в него ручей металла. Сверкнула тусклая желтая вспышка, и ручей превратился в дымную струю.

— Петруха, друг мой, — сказал Железовский, — не спеши с помощью. Я и сам вполне способен поджарить эту тварь. Держи его на мушке, и все.

Из плеч черного человека выглянули стволы аннигиляторов.

— Жду команды.

— Минуту. — В бункер вошли оба Ромашиных, Марич и Руслан. Сориентировавшись, тоже направили оружие на посланника Палача.

— Распылить этого монстра мы всегда успеем, — продолжал Ромашин-скульптор. — Есть смысл поторговаться.

Он подошел к Ивору, без сил присевшему у стены. Они обнялись.

— Как тебе удалось освободиться?

— Пришлось вызвать этого болвана на соревнование, — виновато улыбнулся молодой человек. — Он азартен, как и его хозяин... и так же подл.

— Без сомнения. Как остальные? — Игнат подошел к «глыбе» дочери, нагнулся, погладил ее по щеке. — Ну, что, гриф, опростоволосились мы с тобой, поверив комиссару?

Мириам залилась краской.

— Я... не думала...

— Думать надо всегда. Ладно, не переживай, хорошо, что все заканчивается так, а не иначе. — Ромашин повернул голову к застывшему в сомнениях псевдочеловеку. — Предлагаю выбор, палачоид: ты освобождаешь пленников, сообщаешь о планах хозяина в данной Ветви, и мы тебя отпускаем.

Пауза.

— А если я не соглашусь?

— Тогда ты исчезнешь, превратишься в излучение. Своих друзей мы освободим и сами.

В бункере повисла тишина.

— Обмен не состоится, — сообщил металлический монстр,

выращивая «мускулы». — Вы все должны подчиниться мне! Немедленно!

На людей выплеснулась волна холодной угрозы, ощутимая физически как удар. Стволы «глюков», аннигиляторов и «универсалов» повернулись к металлическому «зверю». Палачоид, как назвал его Ромашин, сам себе подписал смертный приговор.

— Погодите! — остановил атаку Железовский. — Есть идея.

— Это опасно, — тотчас же тихо сказал Ивор.

Аристарх, прищурясь, посмотрел на него.

— Ты меня... понял, мальчик?

Ивор кивнул, розовея от смущения.

— Извините...

— Ничего не понимаю! — рассердился Марич. — О чем идет речь?

— Выйдем на минуту. — Железовский поманил Марича, Ромашина-комиссара и Ивора.

Они вышли, закрыв за собой дверь.

— Этот тупой кусок жидкого металла имеет мощный пси-резерв, — начал Железовский. — Я попробую подчинить его своей воле. Этот парень мне поможет. — Он кивнул на Ивора. — У него большие возможности.

— Это и есть оператор, которого мы должны были освободить, — улыбнулся Ромашин.

— Я так и понял.

— Чушь! — махнул рукой Марич. — Этот, как вы изволили выразиться, тупой кусок металла легко справился с тремя здоровыми мужиками.

— Так получилось. Всех нас обвели вокруг пальца. Но Аристарх — интраморф, и я знаю, на что он способен. Если ему дать пси-защитника, да если к нему подсоединится оператор...

— Все равно это слишком рискованно!

— Согласен, однако и овчинка стоит выделки. Если мы подчиним палачоида, — в нашей компании таких, как он, называют жмурами, — у нас откроются неплохие перспективы.

Марич в нерешительности поскреб за ухом.

— Ну, а если случится обратное? И он запрограммирует вас?

— Не запрограммирует, — усмехнулся человек-гора. — В крайнем случае доставите меня домой, там меня быстро приведут в норму.

Мужчины обменялись понимающими взглядами.

— Была не была! — сказал Марич.

Один за другим они вошли в бункер, полные решимости победить.

Схватку людей с посланником Палача, который сам себя называл Трангхой, тысяча вторым контролером линий, зрелищной назвать было трудно, хотя она была полна такого внутреннего напряжения и драматизма, что это ощутили все свидетели поединка.

Трангха понял, что перспективы у него незавидные, и согласился сыграть в еще одну игру, там самым подтвердив, что он достойный отпрыск своего «отца» — Игрока.

Игра же состояла в том, что палачоид-жмур охватывал Железовского своим телом, а тот должен был в течение определенного времени освободиться. Сошлись на пяти минутах. Трангха был так уверен в своей победе — еще ни одно существо не смогло сбросить с себя жидкокристаллический «саван», — что легко принял все условия.

Железовский, сосредоточенный и спокойный (у него начали потрескивать волосы от сильной ионизации), встал рядом с глыбой псевдочеловека, поддерживая мысленную связь с Ивором. Трангха раздался во все стороны, уплощаясь и разворачиваясь в металлическое «одеяло», и одним прыжком окутал Аристарха со всех сторон, «проглотил» его.

Тихо вскрикнула Мириам.

Остальные молчали, готовые прийти на помощь патриарху, хотя не представляли, как это можно сделать, не причиняя вреда самому Железовскому.

Ивор, сосредоточенный на внутреннем переживании, побледневший, ушедший в себя, полузакрыл глаза, прислушиваясь к мысленному шепоту Аристарха, шагнул ближе к металлической глыбе. У него тоже встали дыбом и начали искриться волосы на голове, а кожа лица засветилась изнутри и стала полупрозрачной.

Палачоид, «сожравший» Аристарха, поддерживающий форму тела человека, стал оплывать, покрылся пузырями, потерял очертания человеческой фигуры, замер. Но ненадолго. Его начали мучить конвульсии — «проглоченный» патриарх, очевидно, пытался сдвинуться с места, разорвать смертельные объятия Трангхи и освободиться, — он судорожно «переступил с ноги на ногу», переместился к стене, вернулся, сделал круг. Тело его непрерывно вздрагивало, шло рябью, то вспучиваясь, то проваливаясь само в себя. Некоторые металлические чешуи отрывались от тела, звучно шлепались на пол, втягивались обратно.

Так продолжалось три с лишним минуты. Напряжение росло. Люди, наблюдавшие за поединком воль человека и металлического монстра, чувствовали себя как во время шторма на корабле.

Мощные пси-поля «раскачивали» пространство и воздействовали на сознание, так что оно начинало плыть и рваться.

Внезапно Ивор прыгнул к палачоиду, вонзил в его конвульсивно вздрогнувшее тело обе засветившиеся руки, скрылся внутри металлической глыбы.

Снова вскрикнула Мириам.

Мужчины, переглянувшись, придвинулись ближе к монстру, поглотившему двух человек.

— Я резану его по краешку, аккуратненько, — предложил Олег Борисович.

— Не спешите, — качнул головой Ромашин-комиссар. — Время еще не вышло... они живы... и мне кажется, что они побеждают.

Вспухающая и опадающая металлическая глыба вдруг застыла.

Люди замерли, не понимая, что это означает.

Глыба вздрогнула, потекла безвольно от «головы» к «ногам», словно тающая шоколадная масса. Затем скачком взметнулась вверх, разделилась на две глыбы, которые почти мгновенно приняли человеческую форму. Эти металлические люди пожали друг другу руки, повернулись к ошеломленно взирающим на них свидетелям поединка, лица металлолюдей просветлели, превратились в лица Ивора и Железовского.

— Как вам наши новые костюмчики? — поинтересовался Железовский хладнокровно.

— Ивор! — прошептала Мириам.

Все посмотрели на нее.

Молодой человек подошел к девушке, коснулся металлической рукой ее металлического кокона, и тотчас же бликующая пленка «савана» пошла рябью, стала жидкой, потекла, вливаясь в руку Ивора. Исчезла. Мириам шевельнулась, не веря свободе, попыталась подняться, но со стоном опустилась на пол.

— Ох, все кости болят!..

Толстый металлический «скафандр» распахнулся, освобождая Ивора, затем снова сжался, превращаясь в точную копию человека. Ивор подхватил девушку на руки, прижал к себе, поцеловал.

Мужчины наконец опомнились, бросились к Железовскому, заговорили разом. Аристарх сделал то же самое, что и Ивор, — освободил пленников от пленки палачоида, затем выбрался из его тела и лишь после этого позволил себя обнять и принять поздравления.

— Все-таки вы его задавили, — проворчал Марич, первым пожимая руку патриарха. — К стыду своему, я не верил. Как вам это удалось?

— Он силен, — признался Железовский, вытирая влажный

лоб, — но совершенно туп. Пока он пытался раздавить меня в лепешку, я исследовал его интеллект и психику. Психика оказалась очень мощной, почти непробиваемой, а интеллект слабый, примерно уровня пятилетнего младенца. Правда, если бы не помощь этого мальчика, — Аристарх кивнул на счастливого Ивора, — я бы с этим чудом-юдом не совладал. Оно меня фактически заблокировало, я перестал воспринимать действительность, и тогда этот парень нашел единственный правильный выход — резонансную раскачку.

— Что это означает? — полюбопытствовал Марич.

— Стихи. Он пробился сквозь блок с помощью стихов, создающих резонансы пси-полей.

— Вот как? Неужели это помогло?

— Еще как! Особенно мне понравились его последние строки:

Ну вот, исчезла дрожь в руках —
Теперь наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх —
Навек, навек!
Для остановки нет причин,
Иду, скользя,
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!..

Мужчины переглянулись.

— Он поэт! — гордо подтвердила Мириам, соскальзывая с рук Ивора на пол.

— Молодец! — одобрительно проговорил Гаранин, похлопав Ивора по плечу. Подошел к Железовскому. — Черт, я вас уважаю! — Он сунул ладонь Аристарху. — Просто нет слов!

— Я не черт, — улыбнулся патриарх.

К нему подошли, разминая затекшие члены, освободившиеся Белый и Павел Жданов. Ромашин познакомил их, разговор стал общим, всех охватило радостное оживление, и внезапно прозвучавшие слова Железовского послужили для освободителей и бывших пленников холодным душем:

— Прошу прощения, судари и сударыни, у меня плохая новость.

Разговоры стихли. Все головы повернулись к человеку-горе.

— Мне удалось кое-что вытащить из памяти моего соперника, — продолжал Железовский. — Планы Палача таковы: ликвидация трансгресса и свертка Ветвей, вырождение Древа в кольцо времен.

— Вы правильно поняли? — хмыкнул Марич после паузы. — Не в вектор — в кольцо?

— Естественно, я могу и ошибаться, ведь это мой «вольный перевод» понятий, циркулирующих в памяти Трангхи. Однако

мне кажется, я понял его правильно. И еще одно нерадостное известие: Палач отдал приказ своим эмиссарам во всех Ветвях взрывать хроношахты.

В бункере стало совсем тихо.

Ромашины переглянулись.

— Логично, — кивнул скульптор. — Если уничтожить все кванки Стволов, цепь хроносвязи Ветвей разорвется, и трансгресс перестанет функционировать как парамост пространственных перемещений.

— Скорее всего, он вообще исчезнет, — добавил Ромашин-комиссар, — или не появится как сложная техническая система.

— Но ведь он уже есть, — с недоумением сказал Олег Борисович. — Что значит — он не появится?

— Время — понятие неоднозначное, — сказал Павел Жданов. — Возможно, где-то существуют и абсолютные времена, но, сдается мне, Древо реализует только относительные. Ведь трансгресс создали наши потомки в очень далеком будущем, а им пользуются все, в том числе и мы, для которых он как бы еще не создан.

— Не понимаю...

— Я познакомлю вас со Златковым, создателем хронобура, он все объяснит.

— Но что нам делать теперь? — вернул всех Руслан к реальности. — Оператор свободен. Что дальше?

— Предлагаю посетить нашу вселенную, — сказал Железовский. — Сообща мы отыщем одного человека, Габриэля Грехова, и он гарантированно найдет выход из положения.

— Он ученый, эф-аналитик?

— Он экзоморф, — усмехнулся Железовский. — И похоже, если я правильно разобрался в вашей терминологии, он — бровей.

В подвале Полуянова снова стало тихо.

Потом присвистнул Гаранин. Но высказать свое отношение к прозвучавшим словам никто не успел.

Пол под ногами людей вздрогнул, из недр земли прилетел низкий постепенно затухающий гул.

Все замерли, прислушиваясь. Потом Марич, получивший по рации сообщение от дежурного, глухо проговорил:

— Вот и ответ... только что взлетел на воздух Ствол!

* * *

В доме Полуянова задерживаться не стали.

Марич связался с дежурным Спецкона, который открыл им защищенную от перехвата ветку метро прямо из дома комиссара

на лунную базу, и ровно через две минуты после получения известия о взрыве хронобура все участники операции по освобождению пленников покинули негостеприимные владения Федора, оставив его в обморочном состоянии, но живым в том же бункере, где он держал заложников.

Когда они уходили, Мириам вспомнила о дриммере, находившемся в сейфе Полуянова, предложила забрать его, но Ивор отсоветовал.

— Дриммер уже не восстановится, — сказал молодой человек. — Он разрядился внутрь самого себя, когда я его останавливал.

— Я бы все равно его прихватила с собой, вдруг пригодится?

— Обойдемся.

На лунной базе увеличившийся отряд тоже долго не оставался. Обсудив с начальником Спецкона перспективы дальнейшего сотрудничества, Ромашин-комиссар собрал «хронодесантников» и предложил тем, кто устал, отказаться от похода.

Никто не возмутился такой постановкой вопроса, все понимали значение и серьезность предстоящих испытаний, но никто и не отказался от участия в походе. Таким образом, уходящих набралось двенадцать человек плюс «хронорыцарь» Петруха и плюс металлический псевдочеловек Трангха, превратившийся, по сути, в робота, послушного воле Ивора и Железовского.

Ромашин-скульптор остался. Ему предстояло еще долгое время отражать натиск воинства Палача, оставшегося на Земле этой Ветви. Кроме того, здесь оставались его жена Ярина и старики родители, которых тоже надо было защищать, а также Ясена, жена Павла Жданова, мать Ивора.

А вот Мириам решительно заявила, что ее долг — охранять оператора, где бы он ни находился, а так как все понимали чувства сотрудницы Спецкона, не приходилось сомневаться, что она пойдет за младшим Ждановым хоть на край света. Теперь у Надежды появилась подруга, что весьма обрадовало Руслана, слегка уставшего от постоянной опеки любимой женщины.

Перед отправлением Марич включил видеоинформ, и «хронодесантники» долго разглядывали в виоме неглубокую, но широкую воронку, покрытую пузырями радужно отсвечивающей субстанции, которая осталась на месте двухкилометрового «ананаса» Ствола. Уничтожить хронобур с помощью ядерного взрыва или аннигиляционных зарядов было трудно, поэтому диверсанты Палача, — вполне допустимо, что ими руководила Тирувилеиядаль, — применили слинг, генератор свертки пространства в «суперструну». В результате в радиусе трех километров от Ствола все хозяйство, его обслуживающее, в том числе защитные энергоустановки, исчезло вместе со зданием хронобура в одномерной

«черной дыре», а в радиусе ста километров от этого места обратной ударной волной, образовавшейся из-за мгновенного схлопывания воздуха, были разрушены и сметены с лица земли десятки городов и поселков. Количество жертв при этом достигло четырехзначной цифры, и «хронодесантники» вдруг осознали на этом примере, с каким жестоким и циничным противником они столкнулись.

Палачу было плевать на то, сколько людей, других разумных существ, цивилизаций и вообще вселенных погибнет в результате его очередного хода. Его интересовал лишь конечный результат Игры.

Прощались недолго.

Проверили экипировку. Мириам обняла и поцеловала отца. Мужчины пожали руки остающимся, те пожелали уходящим удачи, и окончательно пришедший в себя Ивор вызвал трансгресс.

В оперативном зале лунной базы, упрятанной в толщах горных пород плато Ломоносова на глубине километра, бесшумно возникла ажурная труба «парамоста пространственных перемещений».

— С богом! — сказал Железовский.

— Каждый, кто отправляется, пусть скажет вслух: «Стас, забери меня отсюда», — посоветовал Ивор.

Раздался нестройный хор голосов:

— Стас, забери меня...

Команда «хронодесанта» оказалась в трубе трансгресса.

— Слушаю вас, оператор, — послышался мягкий бархатный баритон. — Куда вас доставить?

— На родину патриарха.

— Ко мне домой, — уточнил Железовский. — В «тупик». Координаты знаете?

— Мой старший брат отправил вас сюда, я отправлю обратно, в «тупик». Хотя, на мой взгляд, прямые хронопобеги Матричной Ветви «тупиками» называть некорректно.

— Что ты сказал? — удивился Павел Жданов. — О каких «тупиках» речь?

— Ветви, не имеющие квантового размножения, люди назвали «тупиковыми». По моим же сведениям, эти Ветви являются прямыми копиями Матричной Ветви, или Корня Древа Времен. Они развиваются обособленно, на квантовые копии не делятся, и количество их невелико — всего около двух десятков.

— Я этого не знал. А вы, Атанас?

— Я догадывался, — рассеянно ответил ученый, не принимавший участия в общих беседах.

— Я тоже не знал, — вмешался Ромашин, — однако предлагаю обсудить эту новость позже. Отправляйте нас, Стас.

— Как прикажете. Где предпочитаете выйти?

— На Земле, конечно, — буркнул Белый.

— Я имел в виду конкретные координаты точки высадки.

— У меня есть надежно защищенный схрон, — проговорил Железовский, — в недрах хребта Алинг-Гангри, под Тибетом. Если бы вы отправили нас туда...

— Дайте мне мысленную картинку... спасибо, я понял, где это. Поехали.

Свет в глазах «пассажиров» трансгресса померк... и вспыхнул снова спустя несколько мгновений, они же — миллионы лет падения сквозь бездны пространств.

Люди стояли тесной группой посреди гостиной бункера Железовского и озирались, восхищенные простотой переноса всей команды из одной Метавселенной в другую. Особого потрясения не испытали даже соотечественники Руслана, для которых преодоление колоссальных временных и пространственных бездн действительно становилось уже почти обыденным делом. Лишь Олег Борисович пробормотал, больше для себя, чем для остальных:

— Хотел бы я знать, как он переносит нас с такой точностью... а не дай бог промахнется, и мы выйдем внутри горы?

— Не промахнется, — скупо улыбнулся Ромашин. — Трансгресс — это уже не просто линия связи или тоннель метро и даже не «сверхструна», это принцип, пронизывающий все Ветви Древа Времен, средство контроля за поведением Игроков. Вот почему Палач намеревается его уничтожить.

— Располагайтесь, — широко повел рукой Железовский. — Я узнаю последние новости и попытаюсь отыскать моего друга. Захотите ознакомиться с нашей жизнью, включайте информ.

Он вышел.

Гости патриарха зашевелились. Те, кто еще не видел его секретного жилища, стали с любопытством осматриваться. Ромашин начал готовить стол, призвав на помощь женщин. Златков подключился к вириалу инка, располагавшемуся в кабинете хозяина. Гаранин подсел к Белому и Жданову и стал донимать их вопросами о смысле Игр, о моральной ответственности Игроков и о способах их воздействия на Ветви. К этой же группе, рассевшейся по креслам в гостиной, присоединились и Руслан с Маркиным и Пашей.

Однако отдых команды длился недолго. Не успели они пообедать, как вернулся Железовский. И не один. С ним в гостиную вошел невысокий, хрупкий на вид мужчина с шапкой черных, с проседью волос и черными, бездонными, всепонимающими гла-

зами отшельника и провидца. Он оглядел компанию, сидевшую за столом, задержал взгляд на металлической туше Трангхи, затем на Иворе (тот вздрогнул и с удивлением раскрыл глаза шире), поклонился. Все разговоры за столом стихли.

— Прошу любить и жаловать, — сказал Железовский. — Габриэль Грехов.

— Кто из вас Игнат Ромашин и Павел Жданов? — спросил Грехов низким голосом.

Ромашин и Жданов переглянулись. Павел приподнялся:

— Жданов.

— А вы, очевидно, Атанас Златков? — посмотрел Грехов на ученого.

— Вы весьма проницательны, — с тонкой иронией сказал Златков.

Грехов едва заметно улыбнулся.

— Этого у меня не отнять. А вы — Ивор Жданов, оператор. — Он кинул взгляд на Ивора. — Я хотел бы побеседовать с вами. Остальных очень прошу не обижаться. Кое-какие вещи вам лучше не знать.

Он вышел.

Железовский развел руками.

— Ради бога, не сердитесь, я потом все объясню. Идемте в мой кабинет.

Ромашин, Ивор, Златков и Павел Жданов последовали за ним. Металлический псевдочеловек Трангха шевельнулся, вырастил ноги и, смешно переваливаясь с боку на бок, засеменил за делегацией.

В гостиной стало тихо.

— М-да! — промычал Олег Борисович. — Не нравится мне эта дискриминация...

— И мне, — мрачно поддержала его Мириам. — Мы тоже кое-что знаем и умеем.

— Не переживайте так, — философски заметил Гриша Белый. — В свое время я тоже обижался, когда мне отводили, как мне казалось, вторые роли. Пока не понял: каждый сверчок должен знать свой шесток. Каждый должен быть на своем месте. Паша Жданов всегда был вождем, а я всегда ему помогал. И без меня он точно не обошелся бы. Какие обиды? Пусть совещаются, они — лидеры, и это надо признать спокойно и без напряга. Все, что нам надо знать, мы будем знать. Главное — не подвести людей, хорошо сделать дело, ради которого мы все собрались.

— Правильно, — кивнул Руслан, подмигивая Надежде. — Мы все так думаем. Просто Олег Борисович никак не может забыть, что был полковником.

По лицам оставшихся в гостиной промелькнули улыбки.

— Ну вот, получил ни за что, — проворчал Гаранин. — Я же не о себе забочусь. Почему бы этим... э-э... лидерам не выслушать людей с опытом?

— Наш опыт тут неприменим, — покачал головой Руслан. — Мы даже еще не вышли на уровень судебного исполнителя, а масштабы Игры и вообще недоступны воображению. По крайней мере — моему.

— Игра идет на всех этажах мироздания, на всех уровнях, — добавил Белый. — Трудно сказать, где ее дыхание не отражается на судьбах миллионов живых существ. Уровень социума биологических систем — один из самых низких и, может быть, один из самых болезненных и жестоких. Но если Палачу не давать отпора в мелочах, он легко выиграет по-крупному.

Гостиной завладела тишина. Гаранин задумался.

— Вы правы, Гриша, — успокоилась Мириам. — В этой компании я согласна выполнять любые роли. Давайте-ка пить чай, я лично предпочитаю зеленый. Могу приготовить.

— Я помогу, — с готовностью поднялась из-за стола Надежда.

Мужчины объединились вокруг Белого, и Григорий рассказал им историю с предательством «своего» Федора Полуянова, в результате которого Павел Жданов, Атанас Златков и сам Белый оказались блокированными в «засыхающей» Ветви. Женщины принесли подносы с ароматно дымящимися чашками, пристроились к слушателям. Вскоре разговор стал общим. Всем было интересно выслушать друг друга и поделиться собственными наблюдениями. Когда очередь дошла до Руслана, в гостиной появились сосредоточенные Ромашин, Ивор, Павел Жданов и Железовский.

Все молча смотрели на вернувшихся, переводя взгляды с одного на другого.

— Вы словно заговорщики, — проговорил наконец Олег Борисович. — Что решило уважаемое собрание?

Ромашин покосился на товарищей.

— Собрание решило продолжать в том же духе. Первым делом надо вытащить из ловушки отца Ивора. Затем максимально освободить другие застрявшие группы, пока еще работает трансгресс. Когда у нас наберется достаточно сил для перехода на качественно иной уровень, тогда попробуем объявить Палачу предупреждение за грубую Игру. Возражения есть?

— Нет, — одновременно проговорили Белый и Руслан.

— Решение правильное, — добавил Олег Борисович. — А где же наш приятель Атанас? И этот ваш... экзоморф?

— Златков останется на какое-то время здесь. Грехов тоже не может пойти с нами, как и Аристарх. У них противостояние с местным эмиссаром Палача, которого они называют ФАГом —

Фундаментальным Агрессором, — достигло кульминации. Нам придется решать свои проблемы самим.

— Может быть, мы им поможем? — предложил Белый. — А они потом помогут нам.

— Спасибо, друзья, — пророкотал Железовский, прижав к сердцу громадную ладонь. — Мы справимся. Извините, что не могу пойти с вами. Не поминайте лихом.

— Спасибо и вам, патриарх. — Белый пожал ему руку. — Могу сказать лишь одно: у меня дома вы всегда будете желанным гостем.

Все потянулись к Железовскому, благодаря его за помощь.

— Одна просьба, — сказал Гаранин, погладив себя по голому черепу. — Любое военное подразделение должно иметь командира, а раз мы военное подразделение...

— Я понял, — кивнул Ромашин, пряча в глазах улыбку. — Командовать парадом будем по очереди: я и Павел Жданов. Устроят вас такие командиры?

Олег Борисович в нерешительности дернул себя за ухо, посмотрел на Руслана. Тот засмеялся.

— Все в порядке, полковник. Они лучше разбираются в обстановке. В случае необходимости я помогу.

— Тогда о'кей, — с облегчением вздохнул Гаранин, вызывая общий смех.

Эта сцена слегка улучшила настроение отряда, поэтому уходили все без мрачных предчувствий.

Появление решетчатой трубы трансгресса уже восприняли как должное.

ГЛАВА 3

С вершины холма открывался великолепный вид на алую равнину, покрытую чешуйчатым золотым кустарником и усеянную группками живописных коричневых скал в желтую крапинку. Над равниной там и тут летали самые настоящие мыльные пузыри разного диаметра, от одного метра до двадцати, прозрачные, бликующие, с облачками светящегося тумана внутри. Иногда они вздрагивали, их очертания искажались, пузыри превращались в струи тумана и сжимались в огненные сгустки, которые через мгновение исчезали.

Небо планеты было жемчужно-желтым, напоминающим песчаное речное дно, песчинки которого изредка вспыхивали золотом, превращаясь в рыбью икру. Светило на небосклоне отсутствовало, его заменяла тонкая светящаяся зеленовато-желтая нить, перечеркнувшая небосклон, но на равнине было довольно светло.

Еще одна необычная деталь дополняла картину иного мира: тонкая розоватая колонна вдали над горизонтом. Ее верх светился как раскаленный уголек и таял в небе дымной струйкой.

Пейзаж чужой планеты казался мирным, дремлющим, спокойным и безмятежным. Но внимательному глазу открывались трещины, пересекавшие равнину из конца в конец, глубокие ямы, провалы, разрывы и лужи блестящей субстанции, похожей на ртуть или расплавленное олово. И тогда становилось ясно, что этот мир неблагополучен.

— Тоска... — первым нарушил молчание Гаранин, налюбовавшись инопланетным ландшафтом. — Жить здесь я бы не хотел. Вы уверены, что мы вышли там, где нужно?

Олег Борисович посмотрел на Ивора.

«Хронодесантники», одетые в блестящие скафандры с коническими шлемами и похожие на горбатых металлических варанов, ничем не отличались друг от друга, но рядом с Ивором всегда держался псевдочеловек Трангха, и все легко угадывали, кто из них является оператором.

— Мы вышли правильно, — отозвался Ивор, скрывая волнение. — Я чувствую отца... он здесь.

— Тогда почему он не отвечает на вызовы?

— Не знаю... эфир вообще мертв... возможно, изменилось пространство Ветви, перестало пропускать электромагнитные волны...

— Позови его в мысленном диапазоне.

— Я пытаюсь... — Голос Ивора изменился, он замолчал и через несколько минут прошептал: — Он... ответил!

— Где они? — быстро спросил Павел Жданов.

— Сейчас... они слышали нас... плохо... но не отвечали, так как опасались провокации... Слушайте, они выходят на связь!

— Кто говорит? — раздался в наушниках раций чей-то требовательный голос. — Это и в самом деле мой сын?

Много во мне маминого,
Папино — сокрыто.
Я из века каменного,
Из палеолита... —

продекламировал молодой человек.

— Черт возьми, действительно Ивор!

— Не ожидал?

— Если честно, именно на тебя я и рассчитывал. Потом расскажешь, как ты нас нашел. Кто это с тобой?

— Неужели не узнаешь, братец? — с укоризной проговорил Жданов-второй.

— Паша?! Кванк?!

— Ну слава богу, узнал!

— Дьявол! Как вы вовремя! Атанас уверяет, что до окончательного схлопывания Ветви остались буквально часы, если не минуты.

— Спокойно, прорвемся. Где вы прячетесь? Мы идем к вам.

— Ствол видите? Мы в километре от него. Энергии осталось мало, поэтому мы экономим на всем. Найдете?

— Направляемся к вам.

— Подождите! — вдруг взволнованно проговорил Ивор. — Я чую опасность! В районе Ствола что-то происходит...

В эфире установилась пугливая тишина.

С расстояния в пятнадцать километров, на котором находились от хронобура «десантники», даже с помощью зорких оптических систем «кокосов» ничего нельзя было разглядеть. Но отец Ивора со спутниками были ближе, и они увидели то, что не удалось увидеть спасателям.

— Кажется, у нас гости! — хладнокровно сообщил Жданов-отец. — Одиннадцать человек. Летят со стороны Ствола и не прячутся, словно хозяева здесь. Это случайно не ваши парни?

— Нет, мы еще далеко. Мчитесь сюда!

— Поздно, они рядом. Если мы бросимся наутек, они откроют стрельбу, а ответить нам почти нечем.

— Тогда вступайте в переговоры, тяните время, обещайте златые горы! Через пару минут мы будем рядом, дайте пеленг.

— Ждем, — лаконично отозвался отец Ивора, умолкая, но не выключая рации.

— Надя, вы остаетесь здесь, — не терпящим возражений тоном проговорил Жданов. — Присмотрите за Трангхой и за Петрухой. Они нас демаскируют.

— Но... — робко начала Надежда.

— Надя, выполняй! — тихо сказал Руслан.

— Остальные, за мной! — скомандовал Жданов, будто ничего не произошло, и превратился в едва заметный прозрачный кокон — это сработала система голографической маскировки «кокоса». — По пеленгу идем клином, затем расходимся и выбираем цели. Огонь открываем только по команде. Как поняли?

Ответом Жданову было дружное исчезновение всей команды: «хронодесантники» включили режим «инкогнито».

Аппаратура «кокосов», управляемая мыслью, позволяла их хозяевам не отвлекаться на второстепенные детали во время полета или конкретного действия. Данные анализа обстановки, выводимые на зрительный и слуховой нервы, поступали мгновенно. Поэтому даже Надежда, никогда не мечтавшая стать оперативником, успешно справлялась с ролью члена команды, опекаемая инком костюма. Ей оставалось только выбирать предлагаемые

варианты действий и отдавать команды инку, остальное доделывала интеллектуальная — и очень быстрая! — автоматия «кокоса».

До места, где группу Жданова-отца окружили незнакомые люди, выбравшиеся из Ствола, команда Ромашина—Жданова добралась за две минуты с небольшим. Селекторы раций нашли волну, на которой переговаривались чужаки, и «хронодесантникам» стало ясно, что руководит ими Лаэнтир Валетов, а все они представляют собой группу ликвидаторов, с которой Руслан успел познакомиться еще на «своей» Земле.

Жданов и его соратники действовали быстро и решительно, понимая, что счет идет на секунды. Они появились за спинами ликвидаторов, почему-то не включивших системы маскировки, мгновенно разобрали веселящихся оперативников Валетова, наметив каждый своего визави, и приготовились к атаке.

Ликвидаторы, уверенные в своем превосходстве, не спешили уничтожать окруженную со всех сторон пятерку: Жданов — Белый — Златков — Купер — Пирелли, — и вели с ними издевательскую беседу. Они клюнули на мирно-просящий тон объектов ликвидации и в превкушении бойни острили и хохотали, перебивая друг друга.

Жданов, который вел переговоры с Валетовым, переждал очередной взрыв хохота и сказал с великолепной простотой:

— А теперь, господа шутники, предлагаю кончить этот базар и сдаться. Кто не сдастся — будет уничтожен. Считаю до трех: раз...

В эфире послышался еще больший хохот. Лишь Валетов, почуявший неладное, вдруг начал оглядываться и поднялся над цепью своих бойцов.

— Два, — хладнокровно продолжал Жданов-отец.

— Мы в ловушке! — завопил Валетов.

— Три! — закончил Жданов.

— Залп! — рявкнул Жданов-второй.

Сверкнуло множество молний, на месте висящих в воздухе солдат Валетова вспыхнули клубки разноцветного пламени — цвет отражал вид оружия, — в эфир выплеснулись вопли погибающих людей. К сожалению, досталось и спутникам Жданова: были убиты Кевин Купер и Луиджи Пирелли, не успевшие включить маскировку костюмов.

Валетову удалось увернуться от выстрела и метнуться к Стволу. Но и его в конце концов догнала стрела разряда «глюка», швыряя останки ликвидатора в трещину на склоне холма.

Крики стихли.

Пламя погасло.

Дым рассеялся.

К стоящим на холме «варанам» в зеркальных балахонах прибавился еще один «горбатый варан» — Ивор, выключивший

маск-систему, бросился к ничем не выделявшейся среди других фигуре.

— Отец!

— Сын!

«Вараны» обнялись.

К ним присоединились остальные «хронодесантники», удрученные гибелью товарищей. Руслан вызвал Надю и полетел к ней навстречу, хотя заблудиться она не могла.

— Категорически свидетельствую свое почтение, — проговорил Златков, встряхивая руку Ромашина. — Кажется, мы где-то встречались.

— Двадцать пять лет назад, — ответил ему Игнат. — Где-то на вершине Контрствола.

— Друзья, предлагаю покинуть этот умирающий уголок, — сказал Жданов-старший, отец Ивора. — Отметим встречу в другом месте.

И словно в ответ на его слова колонна Ствола в километре от встретившихся людей превратилась в колючий огненно-дымный шар взрыва.

* * *

Ни одна из родных планет членов отряда не гарантировала безопасности подросшей в численности команде Ромашина—Жданова, и тогда было решено остановиться в мире Ясены, матери Ивора и жены Жданова-старшего, на планете Гезем.

Ствол здесь тоже был взорван, поэтому появления из его мрачных развалин опасных гостей ждать не приходилось. Тем не менее отряд жил по законам военного времени, и лагерь охраняли по очереди: двое мужчин, Трангха и Петруха.

После устройства лагеря молодые люди разбились по парам: Руслан с Надеждой, Ивор с Мириам — и с разрешения командования отправились «изучать местность».

Мириам захотелось повидаться с девочкой Янаей, которая помогла им во время первого выхода на Гезем, а Ивор не прочь был познакомиться с дедом и бабушкой, родителями мамы. Ориентировался Ивор теперь в любом месте свободно, поэтому для него не составило труда определить координаты деревни, где жили родственники. И хотя он ни разу в жизни их не видел, молодой человек был уверен, что узнает стариков сразу.

Отец с ними не пошел, понимая, что молодым людям необходимо уединиться. Сказал только, что посетит деревню с родичами жены позже. Таким образом, Ивор и Мириам оказались предоставленными сами себе и умчались из лагеря, как только получили инструкции от Ромашина и Жданова-два.

Руслан с Надеждой тоже хотели познакомиться с аборигенами, однако сначала просто полюбовались сверху на лесные просторы планеты, затем спустились к ручью, берега которого заросли удивительно мягкой шелковистой травой и цветами, и не заметили, как оказались в объятиях друг друга. Не задумываясь, сбросили «кокосы», упали в траву, и долго сдерживаемое острое желание соединило их жаркой волной взаиморастворения, в которой без следа утонули опасения быть увиденными со стороны, стыд и сомнения. Они любили друг друга до изнеможения, пока не насытились, но и потом еще долго лежали обнаженными в траве и просто смотрели в синее небо, прислушивались к шепоту ветра в траве и лесным шорохам и ни о чем не думали. В том числе о том, что ждет их впереди.

Потом с наслаждением искупались в ручье.

Вода в нем была изумительно прозрачная, холодная и вкусная, ее можно было пить бесконечно, и они пили, пили, пока не заныли зубы. Руслан, выйдя на берег, снова потянулся было к Наде, обнял ее и вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Замер, обращаясь в слух, ругнулся в душе, проклиная собственную беспечность, и метнулся к лежащим в траве костюмам.

Однако тревога оказалась напрасной. Существа, с любопытством наблюдавшие за ними из чащи леса, были медвянами, разумными медведями, о которых предупреждали Ивор и Мириам. Два огромных косматых зверя с умными мордами, одетые в блестящие фартуки и нарукавники, вышли из-за деревьев, дружелюбно помахали землянам лапами и исчезли, оставив на противоположном берегу ручья большую берестяную кружку с медом.

Руслан крикнул им вслед спасибо, перешел ручей вброд, взял кружку, понюхал, макнул палец в мед и облизал.

— Отличная штука! А запах!.. — Он вернулся к Наде. — Попробуй, вкусно.

Девушка с опаской понюхала мед.

— А они нас не отравят?

Руслан засмеялся, сделал большой глоток меда и протянул туесок Надежде.

— Пей, не бойся, медвяны нам не враги.

Они по очереди опорожнили полкружки, запили водой из ручья, умылись и натянули «кокосы».

— Ну что, теперь в лагерь?

На лицо Надежды легла тень, глаза ее стали грустными.

— Я, наверное, зря согласилась пойти с тобой. Я здесь лишняя...

— Совсем не лишняя, — запротестовал он, снова пытаясь обнять Надю.

Она отстранилась, покачала головой.

— Нет, лишняя... Я не воин, как Мириам, и ничего не умею. Пока мы не встречали серьезных препятствий и не воевали по-настоящему, но, как только столкнемся с армией этого проклятого Палача, я стану обузой. Для отряда, для тебя...

— Никогда!

— Не возражай, я же вижу, как ты переживаешь, что не свободен. Может быть, мне лучше вернуться? Если это, конечно, возможно.

Руслан обнял Надю, заглянул в глаза.

— Я тебя никогда не брошу и нигде не оставлю. Хотя многое зависит и от тебя самой. Если захочешь, я тебя, конечно, отправлю на Землю, но ведь ты свободно можешь стать такой же, как Мириам. Или как моя мама, прошедшая с отцом все огни и воды. Ты же умница, ты сильная, справишься.

— Ты так думаешь? — слабо улыбнулась Надя.

— Уверен!

— Я попытаюсь...

— Вот и отлично! Мириам с удовольствием возьмет над тобой шефство, я ее попрошу.

— Я сама попрошу. И постараюсь не ныть. А мед действительно вкусный, от него так приятно кружится голова... Давай отнесем остатки в лагерь?

— Полетели. Мы и так отсутствуем уже больше двух часов.

Молодые люди поднялись в воздух, выслушали доклады инков об обстановке в пределах чувствительности аппаратуры и понеслись к развалинам Ствола, в двух километрах от которого разбили лагерь «хронодесантники».

Посреди поляны в лесу горел костер, поддерживаемый Маркиным; он был на дежурстве. Паша-летчик наблюдал за окрестностями сверху. Он выполнял работу часового. Ивор и Мириам еще не вернулись, но, по словам Паши, они находились в деревне и чувствовали себя прекрасно. Туда же улетел и старший Жданов, отец Ивора, пожелавший поговорить с родственниками жены. Остальные мужчины расположились недалеко от костра, на траве, и увлеченно беседовали со Златковым. Отвечал он сдержанно, но охотно, изредка уходя в такие физико-математические и логические дебри, что их с трудом понимали Жданов-второй и Ромашин.

Руслан и Надежда тихонько пристроились за спинами Олега Борисовича и Белого и стали слушать. Речь, по всей видимости, шла о концепции времени, смысл которой Златков и его собеседники понимали по-разному, несмотря на общее к ней отношение. Руслан сравнил ученого с его кванком, оставшимся на Земле Железовского, и понял, что внешне они слегка различаются. Златков-первый, освобожденный Ивором еще до захвата группы

Полуяновым, был бледнее и волосы стриг короче. Его кванк имел пышную седую шевелюру и серебристую щетину на подбородке.

— Мы говорим об одном и том же, но с разных позиций, — продолжал гнуть свою линию Златков. — Путешествия в прошлое и будущее в пределах одной Ветви — два абсолютно разных процесса! Поход в будущее — это «биэйч-процесс», то есть движение с временным отставанием, связанным с замедлением скорости фундаментальных взаимодействий. Движение же в прошлое — это «инверт-процесс», поворот вспять всех физических процессов, что в принципе невозможно из-за вмороженных в Древо законов типа принципа нарушения симметрии или второго закона термодинамики.

— И тем не менее расчеты вашего кванка показали, что возврат в прошлое возможен, — спокойно возразил Жданов-второй. — Для этого надо просто подняться над «поверхностью» времен в шестимерное пространство нереализованных состояний...

— Древо Невозможностей, — вставил Белый.

— ...и спуститься вниз по «лестнице» метаслучайных процессов, в обход реализованных законов. Я вообще считаю, что второй закон термодинамики отражает лишь смертельную тоску Творца, которую он испытал перед перспективой собственной идеальной организации. Поэтому Древо не есть идеал совершенства. Слишком многое в нем следовало бы откорректировать и многое добавить.

— Может быть, вы и правы, коллега, однако я считаю, что второй закон термодинамики не отражает идею Творца, он просто внедрен в нашу Метавселенную Игроком более высокого уровня.

— Это недоказуемо.

— Это доказуемо! Я вплотную приблизился к определению граничных условий физики недоступного совершенства, как я назвал м е ч т у Творца о сотворении «локальной идеальной Вечности».

— Если принять за аксиому, что Вечность — это не прямая бесконечная линия, бесконечная протяженность времени, а бесконечное число конечных времен, то Он пытается играть сам с собой как с заведомо более сильным соперником.

— Он не может быть умнее самого себя!

— Зато он может быть одновременно Игрой и Игроками. Он — вне Игры и в то же время — и Игра, и пространство Игры, и Игроки. И даже Безусловно Второй, организующий Игры и вознамерившийся занять место Безусловно Первого, это тоже Он сам!

— Вот уж позвольте не согласиться. Версия, что человечество является одной из бесчисленных попыток Творца создать мыслящую систему, более совершенную, чем Он, несостоятельна! Человек — конечное существо, способное отражать лишь детерминированные проявления высших логик, но неспособное создавать собственный метасинтаксис, конгруэнтный замыслу Творца. В культуре недаром возникают «пустые» версии запрещенных в ней игр, выражающихся в создании внутрисистемных партнеров, не влияющих на внешний мир. Мы же имеем дело с Игроком, каждый ход которого отражается на всех уровнях мироздания. Причем Игроки более низкого уровня не догадываются, что являются лишь разменными фигурами для Игроков более высокого ранга. Вот как большинство наших с вами соотечественников.

— Мы, по крайней мере, понимаем свою зависимость. И все же я хотел бы вернуться к проблеме деления. Что такое вообще акт деления вселенных на копии?

— Я просто взял идею эфира...

— Блестяще, — ухмыльнулся Белый, перебивая ученого. — Тут вы, я имею в виду ваших кванков, ухватили главное. Они тоже в качестве отправной точки расчета взяли теорию эфира. В каждой частице материи сидит частица эфира, то есть «частица» Воли Творца...

— ...которая и есть движитель Древа, управляющий процессом деления Фрактала Времен на квантовые копии. Единственное, на чем я споткнулся, это проблема мерности невозможностей.

— Это скорее проблема рецессивности «мутаций» времени, — сказал Ромашин. — Не имея практического значения в данной Игре, рецессивные мутанты физических законов, или, как вы изволили выразиться, «объемы» невозможностей, могут проявиться в другой Игре и стать главными.

— Палач пытается изменить именно этот принцип Игры.

— И многие другие. Поэтому он и заблокировал исполнителей, сыгравших ключевую роль в остановке прошлой Игры. Блокированный ферзь, каковым является спектр Ждановых, не значит ничего, а способный к маневру — может обеспечить победу.

— Возможно, условия изменились еще более кардинально? И на арену выходит л и ч н о с т ь, а не стая? Может быть, Палач ошибается, гоняясь за нами?

— Хотелось бы верить. Он сделал два уникальных хода. Во-первых, изменил основной Закон Древа, Закон толерантности, предоставляющий право существования в с е м Ветвям. Древо перестает ветвиться, многие его Ветви начинают «засыхать», кроме одной...

— ...где он сам властелин!

— Совершенно верно. Во-вторых, он поджег трансгресс, то есть систему контроля Игр. К сожалению, нынешняя ситуация еще печальней. Палач не только добился устранения Судей, но и включил процесс распада контрактивных Ветвей. Древо сворачивается, и если начнется инфляционное расширение процесса...

— ...никто и ничто не уцелеет, даже сам Палач.

— Зато останется тот, кто это затеял...

— Безусловно Второй.

— То есть Дьявол, если говорить просто.

Златков и Ромашин понимающе глянули друг на друга.

— Э-э, уважаемые, — поспешил вклиниться в беседу Олег Борисович, осоловелый от усилий понять суть высказываний ученых. — Я понял так, что всем нам светит аллес капут? То есть хана. Или есть надежда выжить?

Златков усмехнулся.

— Надежда — это всего лишь уловка Творца. Он таким образом дает понять, что все видит, слышит и знает. Он найдет решение, даже если мы этого не поймем и не узнаем.

— Возможно, решение уже найдено, — задумчиво сказал Павел Жданов.

— Какое? — посмотрел на него Гаранин.

— Какое — не знаю, но считаю, что каждая Игра должна развивать Древо, а не упрощать. И Создатель Игр это знает и принимает меры. Появление оператора в лице Ивора и есть исполнение его Воли. Да и все мы являемся частью замысла Творца, хотим этого или не хотим.

— Браво, Павел! — проворчал Гаранин. — Не зря мы с вами обсуждали варианты хронотеории. Вы делаете неплохие выводы.

— Было время подумать.

— Летят наши разведчики, — доложил Паша-летчик.

Мужчины зашевелились, вставая и потягиваясь.

— Пора двигаться дальше, — со вздохом сказал Белый.

Над деревьями появились три блестящие точки, выросли в размерах, спикировали на поляну.

— Ну, как там родичи, признали? — полюбопытствовал Гаранин.

— Одно расстройство, — слабо улыбнулась Мириам, непривычно задумчивая.

— Все намного сложней, чем мы думаем, — сказал озабоченный Жданов-старший, отец Ивора. — Здесь засели агенты Палача, и они не дадут племени россинов жить спокойно. Возможно, придется еще раз вернуться сюда и очистить Ветвь от гнилья.

— Можно сделать это прямо сейчас.

— Нет времени. Нас ждут другие группы Ждановых, застряв-

шие в «засыхающих» Ветвях. Надо освободить их, пока Ветви не схлопнулись в черные дыры.

— В путь! — коротко бросил Ромашин.

ГЛАВА 4

Бесконечное поле тумана с редкими струями, истекающими в беззвездное мутное темно-серое небо, и с еще более редкими провалами круглой формы в этом тумане, уходящими в неведомые, подсвеченные снизу багровые бездны. Таким предстал перед глазами «хронодесантников» мир «засыхающей» Ветви, где, по расчетам Ивора, застряла еще одна группа кванков отца и его спутников.

При высадке оператор трансгресса, которого путешественники уже привыкли называть Стасом, хотя с настоящим Стасом, инком Ствола, он имел весьма отдаленное родство, предупредил своих пассажиров об опасности выхода и сообщил характеристики Ветви, которыми обладал сам.

Этот мир стремительно «скатывался» к сингулярности, теряя мерность континуума. Когда-то он был двенадцатимерным, очень сложным и гармоничным, имел материальные образования, аналогичные планетам и звездам, хотя их форму нельзя было назвать круглой, а звезды вообще представляли собой кольцевые структуры, заполнявшие космос Ветви, и внутри них шли не термоядерные реакции, а «горело» время, превращаясь в пространство и энергию.

Теперь же этот мир стал трехмерным, точнее, его мерность была уже нецелочисленной, меньше трех, но больше двух, и приближался момент, когда он должен был превратиться в бесконечную плоскость, а затем в линию и в точку. В настоящее время его «звезды» и «планеты» соединились вместе в единую субстанцию, которую люди видели как туман, и лишь на дне круглых кратеров с отвесными туманными стенами еще сохранялись условия, пригодные для жизни. Где-то в одной из таких впадин стоял Ствол, а возле него располагалась база земных даль-разведчиков, в которой и ждали освобождения земляне. Кто именно — Стас не знал. Но, по идее, никто, кроме Жданова и его соратников, не мог здесь находиться, отрезанный от Ветвей Древа заблокированным Стволом.

«Хронодесантники» в блестящих костюмах, причудливо изменивших форму под влиянием законов местного пространства — все вместе они больше всего походили на стадо карикатурно искаженных ящеров, — осмотрелись и ждали теперь команды Ивора, пытавшегося определить координаты базы по мысленно-

му эху ее обитателей. Наконец он вышел из транса ясновидения и уверенно направился к ближайшему кратеру, диаметр которого можно было визуально оценить в сто с лишним километров.

Однако близость дыры в туманном океане оказалась иллюзорной. Отряд мчался минуту, две, десять, полчаса, а кратер почти не приблизился, и тогда стало ясно, что полагаться на органы зрения в этом мире не стоит. О его форме и размерах нельзя было судить только по картинке на сетчатке глаза. Мир с количеством измерений меньше трех был обманчив, а его пейзаж зависел от положения наблюдателя и скорости движения.

Лишь через два часа по собственному времени отряд достиг провала, форма которого изменилась: из круглой она стала сначала многогранной, потом квадратной и, наконец, звездчатой. И только подлетев ближе, земляне поняли, что диаметр провала измеряется не сотней, а тысячами, если не десятками тысяч, километров! Да и то, что глубина его с виду не превышала пятишести километров, тоже оказалось обманом. Потому что спускались «хронодесантники» на зернистое дно провала не меньше полутора часов, пока не перестали быть видимыми туманные края кратера. По расчетам инков, выходило, что глубина провала достигала по крайней мере тысячи километров.

Светящиеся и несветящиеся зерна, усеивающие дно кратера, какими они виделись с высоты, оказались гигантскими куполовидными скалами и черными колодцами, уходящими в неведомые глубины мира. Ствол среди них почти ничем не выделялся, так как форму имел примерно такую же — оплывший утес коричневого цвета с фиолетовым отливом, разве что не светился багровым и алым светом, как другие скалы.

А вот база землян сохранила первоначальный облик идеального белого тетраэдра высотой всего в полсотни метров, и найти ее не составило особого труда. Располагалась она на вершине одной из куполовидных скал недалеко от Ствола, однако при попытке приблизиться к ней снова сказался эффект несовмещения масштабов человеческого восприятия и местных линейных мер, и земляне добирались до базы полчаса, с оторопью наблюдая за изменением ландшафта.

Издали казалось, что база примерно в пять-шесть раз меньше скалы, однако каждый купол при приближении к нему разворачивался в огромное выпуклое плато, и скала, давшая приют тетраэдру базы, не стала исключением. Когда «хронодесантники» наконец достигли ее, она превратилась в гигантский чешуйчатый горб диаметром не меньше сотни километров — опять же по визуальной оценке наблюдателей. Впрочем, аппаратура «кокосов» давала примерно ту же величину. Ориентироваться в этом мире было трудно.

А вот размеры базы не изменились: что издали, что вблизи она казалась идеальной пирамидой пятидесятиметровой высоты.

Отряд опустился на странную почву плато, напоминавшую слоистый полуобгоревший пластик, поросший сизо-голубой коростой. Двигался отряд в соответствии с правилами спецназа — разведромбом, готовым отреагировать на любое изменение обстановки, и это оценили те, кто прятался за стенами базы.

Внезапно с вершины тетраэдра метнулся вниз толстый оранжевый луч, вонзился перед идущим впереди всех Ивором в почву и с треском проделал в ней десятиметровой длины и метровой глубины ров с оплавленными краями.

Отряд остановился, готовясь ответить залпом из всех видов оружия, имевшегося в его распоряжении.

Однако выстрел не повторился. Гостей просто предупредили, что дальше продвигаться не стоит, и теперь ждали ответных действий.

Ромашин, оба Жданова и Белый попытались связаться с обитателями базы по рации, меняя диапазоны связи, но никто им не ответил. Эфир шумел, как штормовой океан, и человеческие голоса тонули в нем без следа.

— Попробуй достучаться до их мозгов, — посоветовал Ивору Гаранин.

— Да я пытаюсь, — отозвался молодой человек сквозь зубы. — База имеет ментальную защиту... но я пробьюсь!

— Даже если они нас не слышат, они должны понимать, что враги так открыто не подходят, — проворчал Олег Борисович.

— Мы тоже не сразу поверили, что вы друзья, — вступился за обитателей базы отец Ивора. — Сейчас опасно доверять даже собственному отражению.

— А давайте попробуем все вместе составить какое-либо слово, — предложил Паша-летчик. — Нечто вроде «свои».

— Нас хватит на пару букв, — возразил Белый. — Да и не поверят они все равно.

— Ничего выдумывать не надо, — сказал Ивор с облегчением. — Они меня услышали.

У основания гладкой белой грани тетраэдра появилась горизонтальная щель, и на сизые бугры, похожие на кучи пепла, выпала треугольная плита пандуса, открывая вход в пирамиду.

— Идемте, — сделал приглашающий жест Ивор, первым устремляясь к базе.

— Подожди, сынок, — остановил его отец. — Нам нет нужды идти туда всем отрядом. Времени очень мало, поэтому иди один, объясни им ситуацию. Пусть побыстрей выходят к нам, и мы отправимся дальше. Задерживаться здесь нельзя.

— Я тоже пойду с ним, — решительно заявила Мириам, при-

соединяясь к Ивору. — Обязанности телохранителя с меня никто не снимал.

— Идите, — разрешил Жданов-старший. — Можете взять с собой Петруху.

— Обойдемся.

Две блестящие карикатурно искаженные фигуры, похожие на четырехлапых пиявок, скрылись в отверстии входа в базу. Потянулись секунды, складываясь в минуты, подчеркиваемые глухой тишиной в наушниках. Через десять минут кашлянул Гаранин, не решаясь вслух высказать свои опасения. Отряд подтянулся, ожидая команды Жданова. Еще через три минуты не выдержал кто-то из Белых:

— Давайте-ка я проконтролирую процесс...

И в это время в черном треугольнике входа блеснула ткань костюма, из пирамиды вышел человек, помахал рукой.

— Все в порядке, — раздался звонкий голосок Мириам. — Еле уговорили их присоединиться к нам. Оказывается, они не знали, что их замуровали здесь по приказу Полуянова, и ждали его появления. К тому же одна делегация уже приходила к ним с таким же предложением — присоединиться, и все это едва не закончилось трагедией.

— К ним приходили ликвидаторы Валетова?

— Больше некому.

— Сколько их на базе?

— Трое.

— Кто именно?

— Это сюрприз.

Из пирамиды вышел еще один кособокий зеркально бликующий «ящер», за ним спустились трое в необычного вида черных скафандрах с матово-металлическими полусферами шлемов.

— Интересные у них костюмчики, — хмыкнул Белый. — Эй, ребята, среди вас есть кванки Гриши Белого?

— Нет, — послышался чей-то сдержанный голос.

— А с кем я говорю?

— Я Игнат Ромашин. Со мной Атанас Златков и Павел Жданов.

— А где же Белый?

— Погиб.

В эфире стало тихо. Кто-то вполголоса произнес:

— Это война...

«Хронодесантники» зашумели. Послышались восклицания, голоса:

— Мы не знали, извините...

— Как он погиб?

— Нашего полку прибыло...

— Паша, ты-то как уцелел? Нас тут двое, ты третий...

— Жаль, что так все произошло...

— Тихо! — повысил голос Жданов, отец Ивора. — Попрошу всех высказать свои соображения по нашим дальнейшим действиям.

Шум в эфире стих.

— По нашим сведениям, — продолжал Павел, — в разных Ветвях сейчас застряли около двух тысяч групп, подобных нашим. Подверглись атаке Палача спектральные линии Ждановых, Златковых и частично их соратников и друзей. Для того чтобы освободить их всех, потребуется по крайней мере три месяца, что в условиях дефицита времени абсолютно недопустимо.

— Давайте разделимся, — предложил Ромашин-третий.

— К сожалению, Стволом пользоваться нельзя, все выходы планомерно уничтожаются, а трансгресс подчиняется только одному человеку — моему сыну.

— Он что же — помощник Судьи? — поинтересовался Жданов-третий.

— Нет, он оператор метаэтики, ну, или, говоря проще, оператор уровней Игры. Хотя и неопытный.

— Это о нем ходят слухи как о Том, Кто Пробудился?

— Легенда о Том, Кто Пробудился, запущена по кольцу трансгресса в незапамятные времена, это просто отражение веры в Потенциальную Справедливость Творца. Но Ивор вполне соответствует имиджу Того, Кто Пробудился. Мы все являемся, по сути, его командой сопровождения и наведения. Итак, ваше мнение?

— Почему бы ему, если он оператор такого высокого ранга, — заметил Златков-второй, — не приказать автоматике трансгресса отзываться не только на его, но и на наши вызовы?

Эфир на волне связи заполнила глубокая тишина.

— Конгениально! — послышался тихий смешок первого Златкова. — Поздравляю, дубль. Я подумывал об этом варианте, но ты высказал идею раньше.

— А ведь действительно! — с удивлением и восхищением проговорил Жданов-старший, отец Ивора. — Мне в голову не приходило, что это возможно!

— Никто и не утверждает, что это возможно, — флегматично заметил Златков, предложивший идею.

Короткая тишина в эфире сменилась взрывом смеха. Затем послышался голос Жданова-старшего:

— Все, закончили. Давайте проверим... — Он не договорил.

Плато, на котором стояла пирамида базы, вздрогнуло. Затем еще и еще раз. Впечатление было такое, будто к людям приближался невидимый всадник и под копытами его коня дрожала земля.

— Что это? — прошептала Надежда.

— Смотрите! — воскликнула Мириам, вытягивая руку.

На горизонте, там, где купола «холмов» сливались в одну линию, замелькала быстро растущая черная точка. Почва под ногами землян продолжала вздрагивать, хотя вокруг царила тишина. Атмосфера на дне кратера не проводила звук.

— В цепь! — повелительно бросил Жданов, отец Ивора. — Приготовились!

Отряд послушно развернулся в цепь так, чтобы неизвестный объект направлялся к вогнутой середине цепи.

Черная точка приблизилась, превратилась в конька-горбунка из детской сказки. Через несколько минут этот конек вырос вдесятеро, и все узнали механического «кентавра» — «коня» «хронорыцаря», торс которого заканчивался не головой, а сверкающим холодным огнем длинным рогом. «Хронорыцарь» возвышался над рогом как огромная гора, внимательно глядя вперед узким, кроваво светящимся глазом.

Всадник и его «конь» нависли над людьми. Почва под ногами землян перестала вздрагивать. Голова «хронорыцаря» повернулась влево, потом вправо, взметнулась вверх гигантская рука в «латной перчатке», достала что-то из-за спины. «Хронорыцарь» наклонился и поставил этот предмет на плоский бугор перед цепью «хронодесантников». Они молча смотрели на человека в простом серебристом комбинезоне и не знали, как реагировать на его появление.

Человек усмехнулся, заложил руки за спину. Это был Атанас Златков, но с усами и бородкой.

— Не ждали?

Его тихий невыразительный голос со знакомыми ироническими интонациями зазвучал под шлемами «кокосов» так отчетливо, будто он говорил в микрофон рации.

— Атанас? — с ноткой неуверенности произнес Жданов-старший.

— Неужели я так изменился?

— Я ни разу не видел вас с усами и бородой. Каким ветром вас сюда занесло?

— Да вот пришлось покинуть уютную обитель по просьбе флориан и искать вас по белу свету.

— Это он! — звонко сообщила Мириам. — Мы с Ивором были у него в гостях. Он живет на родине Меры, второго Игрока.

— Совершенно справедливо, девочка, — кивнул Златков. — Рад снова лицезреть вас живыми и невредимыми.

— Теперь нас трое, — проворчал один из Златковых отряда. — Может быть, присядем, побеседуем? Надеюсь, нашему кванку, общавшемуся с самим Мерой, есть что сказать своим дублям?

— Нас четверо, — сказал Златков.

«Хронорыцарь» снова запустил руку за спину и поставил рядом со Златковым фигуру в блестящем скафандре.

— Привет честной компании, — принесли рации голос еще одного Златкова.

— Обалдеть можно! — пробормотал Олег Борисович. — Мы же оставили вас у Железовского!

— Меня забрал этот тип. — Фигура в скафандре указала на Златкова. — Мы должны быть вместе.

— Почему?

— Я с удовольствием пообщаюсь с вами, коллеги, но в другой раз. Сейчас на это у нас нет времени.

— Что случилось? — в наступившей тишине спросил Жданов.

— Трансгресс становится ненадежным видом транспорта в системе Древа, — сказал Златков без скафандра. — Палач его «поджег», взрывая Стволы один за другим, и теперь он «горит», как бикфордов шнур. Поэтому мне пришлось воспользоваться услугами моего друга Идущего Прямо, бывшего судебного исполнителя. Вам не стоит тратить время и силы на освобождение кванков уважаемого мною рода Ждановых. Да и Златковых тоже. Собирать войско, как в прошлый раз, бессмысленно. Это еще одна уловка Палача, с помощью которой он рассчитывал распылить наши силы и отвлечь нас от главной цели.

— Главная цель — дисквалификация Игрока, сиречь Палача. Разве нет?

— О, естественно, это вообще глобальная задача всех позитивных структур Древа. Но у людей, как у систем более низкого уровня, есть своя главная цель. В нынешней Игре основную регулирующую функцию исполняют не разумные с т а и, не человекоспектры, оказавшиеся под контролем Палача, а л и ч н о с т и! Понимаете? Только им по силам сыграть роль регулятора Игры и выйти на того, кто способен остановить процесс свертки Древа.

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду всех вас. Ну и, конечно, оператора. Он еще слаб и неопытен, но, если мы все поможем ему, он справится.

«Хронодесантники» зашевелились, оглядываясь на Ивора, зароптали и умолкли.

— Что мы должны делать? — осведомился отец Ивора.

— В первую очередь деблокировать одного из Судей Игры, который имеет доступ к информации о Матричной Ветви, то есть о Корне Древа. Только спустившись на Дно Времен, мы получим возможность встретиться с сильными мира сего — со Зрителями, с Заказчиком Игр, с Безусловно Вторым, а то и... — Златков усмехнулся, — с Безусловно Первым. Пусть оценит наше стремле-

ние сохранить Древо. Может быть, не все так печально, как мы думаем?

— Значит, вы не уверены, что мы действуем правильно? — проворчал Олег Борисович.

— Мы действуем в рамках ортодоксальных логик и этик, — флегматично пожал плечами Златков, — созданных человеческим разумом. Но существуют металогика и метаэтика более универсальных уровней, о которых мы только начинаем догадываться. Кто знает, что хорошо для Вселенной, когда нам хорошо? Или плохо?

Молчание на этот раз длилось дольше.

— Ну, допустим, мы прониклись, — заговорил Белый. — Действительно, никто не знает, что плохо, что хорошо для всего Древа. Как в той старой пословице: что русскому хорошо — немцу смерть. Может быть, мы напрасно беспокоимся за всю Вселенную, она сама в состоянии за себя постоять. Но ведь уничтожается н а ш а Ветвь, н а ш а Метавселенная, н а ш а родина! Вот за нее мы и будем драться! Кстати, а почему не вмешается Мера, второй Игрок? Почему он нам не помогает?

— Во-первых, он помогал и помогает, в меру своего разумения, конечно. Во-вторых, он воюет больше на других уровнях, куда человеку нет доступа. К сожалению, он проигрывает...

— Это мы знаем. Итак, что вы нам советуете?

— Я проведу вас к ганглию...

— Куда?!

— К узлу тензорного пересечения Ветвей, откуда мы сможем попасть в заблокированную горизонтом событий «черной дыры» обитель Судьи, комиссара Игры. Остальное будет зависеть от вас, от вашей сплоченности, от запаса сил оператора, от желания Судьи вмешаться в Игру.

— Каким образом мы достигнем этого... ганглия?

— Идущий Прямо унесет всех. Прошу садиться.

Златков поманил «хронорыцаря». Тот, сидевший в седле «кентавра» совершенно неподвижно, наклонился, подставил трехметровую ладонь.

— Прошу, коллеги.

«Хронодесантники» подошли к Златкову, чувствующему себя совсем неплохо в смертельно ядовитой среде; по-видимому, на нем был надет какой-то прозрачный защитный пузырь, помимо обычного уника. «Хронорыцарь» вдруг наклонился к ним, изучая Петруху. По-видимому, он впервые видел свою уменьшенную, но точную копию. Затем в четыре приема «хронорыцарь» перенес людей на спину своего «коня», за высокую спинку седла, на круп, и «кентавр» зашагал мимо горы Ствола к туманной стене кратера, набирая скорость.

Сначала «кентавр» бежал медленно, слегка переваливаясь с боку на бок, заставляя седоков цепляться за ребра и штыри, торчащие из крупа, потом перешел на иноходь, увеличил скорость и пошел плавнее.

Ивор ждал, что «хронорыцарь» приведет в действие какой-нибудь механизм перехода на «струну», и они тут же окажутся в другой Ветви. Однако шли секунды, складываясь в минуты и часы, а «кентавр» по-прежнему мчался иноходью по «холмам» и «равнинам» кратера, постепенно приближаясь к его дымной стене, и не собирался нырять в тоннель хрономембраны. Вспомнились — не родились свои — чьи-то стихи:

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю — погоняю, —
Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю,
Чую с гибельным восторгом — пропадаю! Пропадаю!..

Очевидно, мысль о несоответствии скачки процессу перехода из Ветви в Ветвь беспокоила и других пассажиров «кентавра», хотя высказал ее вслух только «штатный ворчун» отряда Гаранин:

— Мы что же, так и будем скакать по буеракам до самого упора? Или здесь трансгресс не работает?

— Трансгресс не имеет к нам никакого отношения, — ответил Златков-четвертый, занятый тихой беседой со своими кванками. — У «хронорыцарей» своя система перемещения по Ветвям.

— Дриммер, что ли?

— Нет, с некоторой натяжкой ее можно назвать системой темпорально-топологического преобразования континуума. Она требует определенной настройки, однако действует безотказно. Хотя...

— Бывают сбои?

— Нет, я не это хотел сказать. Идущий Вопреки, родич моего друга Идущего Прямо, кстати, судебный исполнитель, не смог выбраться из «засыхающей» Ветви и погиб.

— Ничего себе, хорошенькая у нас перспектива!

— Нам это не грозит. Он просто не успел воспользоваться своими возможностями, его убили оруженосцы Палача при исполнении обязанностей.

— Как это все-таки ужасно! — шепнула Надя Руслану, уже научившись пользоваться личной линией связи.

Примерно то же самое проговорила и Мириам, державшаяся рядом с Ивором:

— Никакой он не Игрок — этот Палач! Самый обыкновенный бандит и убийца!

— Согласен, — угрюмо пробормотал Ивор. — Хотя эмоцио-

нальные оценки действий Палача вряд ли корректны. Уже проверено, логика Игроков сильно отличается от логики людей.

— Все равно он убийца!

Ивор вздохнул и промолчал.

С тяжким гулом «кентавр» продолжал бежать по дну кратера, не меняя направления. Туманная стена провала приблизилась, напоминая надвигающуюся земную тучу с градом и снегом. Внезапно там, где остались Ствол и база даль-разведчиков, сверкнул огонек, вытянулся факелом вверх и распустился живым огненно-дымным букетом. Твердь под копытами «кентавра» качнулась с такой силой, что он сбился с шага.

— Что там такое происходит? — процедил сквозь зубы Гаранин.

— Очевидно, взорвался Ствол, — после паузы сказал Жданов, выслушав доклад инка; голоса всех Ждановых были так похожи, что отличить их было невозможно. — Или база. Атанас, нельзя ли попросить нашего возчика ускорить процедуру перехода в другую Ветвь?

— Я общаюсь с ним мысленно, он все понимает. Потерпите.

Словно отвечая на пожелания седоков, «кентавр» еще больше увеличил скорость бега, так что в его торчащих ребрах туго засвистел ветер.

Холмистая равнина сзади тем временем начала зыбиться, трескаться, крошиться, раскалываться на плиты, которые с плеском ныряли в задымившуюся, невесть откуда появившуюся жидкость. Эта волна преобразований стала догонять всадников, да и впереди холмы потеряли прочность и начали расползаться под копытами бешено несущегося «кентавра», так что он стал проваливаться и опасно раскачиваться.

— Что происходит? — крикнул Ромашин. — Может, мы перейдем на самостоятельный полет?

— Начался процесс свертки Ветви, — предположил Белый.

— Боюсь, это погоня, — озабоченно ответил Златков-четвертый. — Держитесь!

В ту же секунду «кентавр» на всей скорости нырнул в туманную пелену, и люди перестали видеть друг друга. Не помогли даже фильтры и переход систем зрения «кокосов» на другие диапазоны электромагнитных волн. Тяжкий грохот копыт сменился на глухой стук, будто «хронорыцарь» с седоками за спиной мчался по песчаной проселочной дороге, постепенно поднимаясь в гору.

Туман стал редеть, расступаться, в нем протаяли окна и поляны, затем целые стадионы пустого пространства, и, наконец, полосы и слои тумана остались позади. «Кентавр» выбрался на берег сиреневого моря с ослепительно белыми барашками волн и

помчался прямо по воде, поднимая тучи светящихся брызг. Сзади остался склон горы, испещренный узором рытвин, трещин и пещер, посреди которого медленно затягивалась мутью огромная черная клякса, похожая на вход в преисподнюю. И никакого тумана!

— Куда это мы вылезли? — пробурчал Олег Борисович.

— Это другая Ветвь, — отозвался Златков-четвертый. — Мы ее минуем.

— Долго нам еще скакать?

— Все зависит от качества топологических трансформаций, генерируемых моим другом, и от степени турбулентности взаимодействующих Ветвей. Процесс перехода из Ветви в Ветвь сродни кораблевождению в шторм, «хронорыцарям» приходится проявлять немалое искусство, чтобы ориентироваться во время «шторма» и держать правильный курс.

— Мощные ребята эти ваши «хронорыцари»!

— Они дети иных измерений, хотя в некоторой степени могут считаться нашими братьями. Во всяком случае, родились они в Матричной Ветви, как и мы.

Некоторое время седоки «кентавра» молчали, переваривая услышанное. Олег Борисович хотел было продолжить расспросы в этом направлении, но его перебил Ромашин:

— Атанас, вы говорили о погоне...

— Да, да, — воскликнула Мириам. — Если нас кто-то преследует, не лучше ли остановиться и устроить засаду?

— Это погоня иного рода... если только я не ошибся.

Внезапно удаляющаяся гора покрылась сетью трещин и начала сползать в море, разваливаясь на куски. Море засветилось сильней. «Кентавр», бежавший до этого по колено в воде, провалился по брюхо, выбрался на более мелкое место и снова провалился.

Небо над головой густо-лилового цвета стало быстро темнеть, покрылось сеточкой линий, напоминающей паутину. Из-за горизонта в той стороне, куда направлялся «хронорыцарь», выполз краешек гигантского розового солнца с космами протуберанцев. Но и солнце вскоре покрылось пятнами и начало гаснуть на глазах и сжиматься.

— К сожалению, я не ошибся, — вздохнул Златков. — Эта Ветвь тоже вырождается и скоро схлопнется. Кто-то очень не хочет, чтобы мы добрались до цели.

— Почему вы считаете, что погоня послана именно за нами? — спросил Павел Жданов. — Да еще такая... катаклизмическая.

— Потому что мы вместе образуем сейчас пси-солитон, довольно приличный эгрегор, изменяющий, хотим мы этого или не

хотим, энергоинформационный баланс всего Древа. Палач не всесилен, но все же велик и способен пеленгировать такие «солитоны».

«Кентавр» провалился по грудь, стал погружаться в кипящую сиреневую жидкость, но продолжал размеренно выбрасывать вперед ноги и бежать с прежней скоростью.

— Держитесь! — напомнил еще раз Златков.

Жидкость дошла до щиколоток людей, до пояса, накрыла их с головой. Видимость резко ухудшилась. Однако длилось подводное «плавание» недолго. Внезапно жидкость вокруг «хронорыцаря» превратилась в дым, затем дым скачком исчез, и «кентавр» вырвался на гладкую, бесконечную, полупрозрачную поверхность, похожую на ледяное поле. Точно такое же поле нависало сверху, и в нем карикатурно отражались «конь» и его наездники. Ни звезд, ни других источников света не было видно, и тем не менее этот странный мир был освещен, как в лунную ночь поверхность Земли.

Плеск и гул сменились дробным стеклянно-костяным цокотом копыт «кентавра», продолжавшего мчаться вперед с равномерностью и невозмутимостью машины.

«Хронодесантники», ошеломленные сменой ландшафтов, молча озирались, подмечая детали на поверхности «льда»: белые пятна изморози — не то короста лишайников, не то действительно пушистый иней, голубоватые светящиеся жилы, контуры каких-то конструкций, утонувших в глубинах «ледяного» поля. Затем стали попадаться небольшие «ледяные» глыбы и целые их россыпи, увеличивающиеся в размерах в процессе движения всадников. Вскоре глыбы превратились в скалы и в настоящие кристаллические горы, внутри которых смутно угадывались очертания почти прозрачных строений, геометрически правильных фигур и волокнистых структур.

— Странные какие-то скалы, — заметила вполголоса Мириам. — То ли изо льда, то ли из хрусталя. Такое впечатление, что внутри них заморожены живые существа.

— Скорее всего, это не скалы, — отозвался Ивор. — Я чувствую в них огромные пространства и движение. — Он перешел на общую волну связи. — Атанас, вы не знаете, что это за образования?

— Догадываюсь. Вероятно, это ЗОВы — зоны остановленного времени. Я встречался с подобными вещами. Эта Ветвь «сохнет» давно, судя по всему, и скоро свернется.

«Кентавр» неожиданно свернул к ближайшей прозрачной горе, его копыта ударили в граненую поверхность основания горы, и произошла мгновенная метаморфоза: гора треснула, из прозрачной превратилась в молочно-белую, будто ее заполнил ка-

кой-то пар, и стала таять, течь, испаряться. Дробный стеклянный цокот копыт сменился чавканьем и хлюпаньем. «Кентавр», не меняя направления и скорости движения, прорвал телом ставшие зыбкими кристаллические грани горы, разбрызгал во все стороны осколки молочно-белой субстанции и вырвался на равнину.

Но процесс изменения «ледяных» скал и россыпей продолжал развиваться дальше, все они задымились, начали таять, испаряться, разваливаться на вздрагивающие, как желе, куски. По бесконечной «ледяной» равнине побежали трещины. А «небо» над головами всадников — такое же «ледяное» поле, что и под ногами «кентавра», — вдруг начало падать на равнину, грозя раздавить бешено скачущего «кентавра» с седоками в лепешку.

— Что мы можем сделать?! — торопливо заговорил Павел Жданов. — От нас что-нибудь зависит?

Златков ответить не успел.

«Кентавр» перепрыгнул через расширявшуюся на глазах трещину, еще через одну и угодил в третью, окунувшись в глубокую темноту. Ноги его продолжали двигаться в прежнем темпе, будто он бежал по ровной дороге, хотя ни самой дороги не было видно, ни стука копыт слышно не было. Затем огненное крыло смахнуло темноту, словно распахнулось окно в иной мир, залитый светом (что, впрочем, соответствовало истине), и «кентавр» вырвался на склон колоссальной золотой горы, освещенной сразу тремя пылающими солнцами разного цвета и диаметра. Одно было зеленоватое и маленькое, второе — побольше — желтое, и третье, огромное, красное, ощутимо ж и д к о е, занимало половину небосклона.

— Вот скотина! — с меланхолическим хладнокровием произнес Златков-четвертый. — Едва не догнал!

Никто не переспросил, что он имеет в виду. Все поняли, что речь шла о Палаче, запустившем вдогонку за беглецами процесс свертки Ветвей.

— Все-таки я не понимаю... — напомнил о себе Гаранин. — За нами кто-то гонится, а мы не можем ему дать сдачи?

— Сдачи давать пока некому, — ответил Жданов, отец Ивора. — Мы не можем остановить процесс свертки Ветвей. Это физический процесс, опирающийся на неизвестные нам законы, а не существо из плоти и крови.

«Кентавр» помчался вниз по склону бесконечной золотой горы, обходя огромные воронки и норы. Лишь спустя некоторое время люди поняли, что это вовсе не гора, а природное образование вроде планеты, видимое из-за сильного преломления свето-

вых лучей как гора. Однако полюбоваться этой колоссальной «горой» всадникам не удалось.

Внезапно словно тень набежала на сияющие шары солнц: они резко потускнели. Небо планеты-горы, наоборот, вспыхнуло и заискрилось. Судорога передернула золотой ландшафт, отзываясь чудовищной силы подземным гулом. Твердая почва под копытами «кентавра» начала рваться на плиты, рассыпаться в песок, взрываться и фонтанировать.

— Вот дьявольщина! — пробормотал Олег Борисович. — Мне это не нравится. Может, попробуем вместе каким-нибудь образом воздействовать на это безобразие?

— За нами н а с т о я щ а я погоня! — воскликнула Мириам, демонстрируя быструю реакцию.

Все оглянулись.

«Вверху», на «склоне горы» — если считать кажущийся горб планеты горой, появилось облако пыли, замелькали какие-то тени, засверкали металлические на вид предметы. Затем облако пыли сместилось, и стали видны необычного вида машины или существа, похожие на жутких скорпионов и крокодилов одновременно. Несмотря на приличную скорость «кентавра» — под сотню километров в час, они быстро приближались, увеличиваясь в размерах, и вскоре стало ясно, что скорпионо-крокодилы по размерам не уступают «хронорыцарю».

Планета под ногами продолжала разрушаться, плыть, распадаться, три светила в небе становились все тусклее, сжимались, покрылись сетью разломов и трещин. Вселенная этой Ветви вот-вот готова была схлопнуться в черную дыру сингулярности, а «хронорыцарь» все никак не мог преодолеть потенциальный барьер, отделяющий эту Ветвь от соседней.

— Приготовьтесь к атаке! — скомандовал Жданов, отец Ивора. — Петруха, задержи этих насекомых!

Бывший телохранитель Ромашина-скульптора, ничем, кроме размеров, не отличимый от своего гигантского аналога, послушно прыгнул с крупа «кентавра» на «склон горы» и помчался навстречу приближающимся в облаке дыма и пыли скорпионо-крокодилам. Преследователи заметили его, но не обратили на крохуу — Петруха был по меньшей мере в двадцать раз ниже ростом — внимания, за что и поплатились.

Витс выстрелил.

Две яркие голубые молнии вонзились в морду ближайшего скорпионо-крокодила. Радужная вспышка света резанула по глазам беглецов. Часть головы монстра испарилась, он с ходу сунулся грудью в породу «горы», пробороздил огромную траншею и задергал лапами, фонтанируя струями огня и дыма.

Петруха выстрелил еще раз — он использовал аннигиляторы,

попал во второго гиганта, однако сделать больше ничего не успел. Струя какой-то серебристой жидкости накрыла его, и он в течение нескольких мгновений буквально растворился в этой жидкости, как в кислоте, превратился в скелет, в призрачную туманную кисею. Исчез!

— Огонь! — скомандовал Жданов.

Отряд сделал залп из двадцати с лишним стволов, применив все оружие, что имелось в наличии: «универсалы», аннигиляторы, «глюки», «скорпион», «кий» и ваксинг. Фейерверк получился впечатляющий, а главное — результативный.

Два скорпионо-крокодила превратились в вулканы огня и дыма, третий потерял ряд конечностей и завертелся на месте юлой. Четвертый преследователь остановился, метнул вслед «кентавру» реку сверкающей жидкости, но не достал. И в этот момент «хронорыцарь» наконец нащупал квантовый переход между Ветвями, и «кентавр» нырнул в темный кольчатый тоннель, который вывел беглецов в другой мир.

* * *

Бесконечный чудовищный лес — таким предстал перед глазами «хронодесантников» обещанный Златковым ганглий, узел пересечения Ветвей. Лес одних древесных стволов — без ветвей и кроны, толщина которых порой достигала сотен метров, по визуальной оценке ошеломленных членов отряда. Стволы разнились цветом, рисунком коры, формой наростов, но все же с точки зрения человеческого опыта это были самые настоящие стволы деревьев, разве что гипертрофированно увеличенные до сказочных размеров.

Почва, из которой вырастали эти гиганты, напоминала слой дыма, но дыма твердого, по которому свободно можно было гулять. Во всяком случае, «кентавр» с седоками — махина массой в полторы тысячи тонн — не проваливался, шагая по жемчужно-серым «клубам дыма».

Небо этого странного мира отливало серебром, изредка роняя длинные искры, похожие на следы метеоров. Ничего похожего на звезды или солнце не наблюдалось, но было достаточно светло, словно светился сам воздух. Сила тяжести здесь не уступала земной.

— Это и есть ганглий? — осведомился после долгой паузы Олег Борисович.

— Я здесь ни разу не был, — откликнулся Златков-четвертый. — Но это ганглий. Мой друг Идущий Прямо не мог...

Голос Атанаса внезапно был перекрыт гулким хлопком и за-

тихающим гулом. «Кентавр» качнулся под напором налетевшего откуда-то порыва ветра.

Все замерли, озираясь, пытаясь понять, что произошло.

Раздался еще один хлопок, но слабее. Из-за стволов деревьев вдалеке вынеслись струи серого дыма, опали. Гул стих.

— Кажется, я понимаю... — начал Златков.

Ствол дерева в двух сотнях метров от всадников с неистовым треском вдруг сжался в ярко засветившуюся линию. Гулкий удар! Линия стала черной! Еще удар! Туман в том месте взвихрился фонтаном и струями разлетелся во все стороны. Ударная волна, рожденная сверхбыстрым сжатием дерева, едва не сбросила людей с крупа «кентавра», заставив его гарцевать на месте, чтобы сохранить равновесие.

— Это что еще за явление? — мрачно поинтересовался Гаранин.

— Слинг! — пробормотал Ивор.

— Совершенно верно, — подтвердил Златков. — Мы видим перед собой не что иное, как Ветви. Почему они кажутся нам стволами деревьев, я не знаю, так работает наш аппарат восприятия, пропуская поступающую информацию через психику и сознание. Естественно, никаких деревьев тут нет. А сжатие Ствола в струну означает слинг, процесс компактификации измерений, или свертку Ветви, ни больше ни меньше.

— Прекрасно! И вы предлагаете нам искать Матричную Ветвь, — заговорил Олег Борисович, — каждый раз прорываясь внутрь каждого... м-м... дерева? А если оно в этот самый момент схлопнется?

— Боюсь, у нас нет другого выхода, — ровным голосом ответил Златков. — Вы же видите, началась цепная реакция свертки Древа. Конечно, можно попытаться...

Гулкий стон! Еще одно дерево в полукилометре от всадников сжалось в черную струну и исчезло. Эхо принесло сразу несколько далеких хлопков и щелчков. Ветви — целые Метавселенные со всеми их пространствами, планетами, звездами и обитателями — продолжали «сохнуть», сжиматься и превращаться в энергетические шнуры. Ганглий, один из бесчисленных узлов пересечения Ветвей Времен, сотрясался и вздрагивал, как живой.

На глазах потрясенных людей одно из деревьев накренилось, коснулось соседнего ствола, и произошел удивительный взрыв взаимопроникновения, искривления форм деревьев, их многослойное слияние, искажение, перемешивание, сопровождаемое вспышками света и грохочущими аккордами трагической музыки, а закончилось все колоссальным взрывом, повредившим соседние стволы. Некоторые из них тоже взорвались или сжались в черные струны и исчезли.

— Что будем делать? — прокричал в этом грохоте кто-то из Белых. — Надо уходить отсюда!

— У нас еще есть возможность вернуться к моим друзьям — флорианам, — предложил Златков-четвертый. — Мера контролирует свою Ветвь, там мы будем в безопасности.

— Это не решение! — твердо заявил Жданов, отец Ивора.

— Тогда надо искать Матричную Ветвь, — сказал Ромашин. — Выбор у нас действительно невелик.

— Есть еще один вариант, — сказал Златков с ноткой сомнения. — Если только оператор согласится на этот шаг.

— Что? — Ивор не сразу понял, что все ждут его ответа. — Я готов! Что нужно делать?

— Искать Корень Древа «на ощупь» слишком опасно, можно попытаться пройти Тай Цзи...

— Тай Цзи — Великий Предел, — перевел Жданов-старший. — Что вы хотите предложить, Атанас?

— Я предлагаю перейти Тай Цзи Игры, найти Древо Невозможных Состояний и спуститься по нему на Дно Времен.

В эфире стало тихо. Лишь со всех сторон продолжали доноситься далекие и близкие звуки схлопывающихся миров.

— Это менее опасно? — поинтересовался Олег Борисович.

— Вопрос надо ставить иначе, — буркнул Белый. — Насколько это опасно?

— Вообще-то смертельно опасно, — флегматично ответил Златков. — Я не знаю, хватит ли у оператора сил уберечь наш пси-солитон от распада. Зато если мы пойдем через Н-абсолют, нас никто не станет преследовать.

— Это уж точно!

— Что такое Н-абсолют? — спросила Мириам.

— Так я называю Древо Невозможных Состояний. В этом континууме возможны только парадоксальные сочетания понятий Нигде, Никогда, Ничто и так далее.

— Весьма интригующе. Однако мы все рискуем жизнью, и решать надо каждому в отдельности, идет он или нет.

— Да что тут решать! — возмутилась Мириам. — Мы одна команда и должны подстраховать оператора! А кто не захочет — пусть уходит!

Волна связи донесла смешки. Мужчины отнеслись к запальчивому замечанию девушки с юмором.

— Ивор, вам слово, — сказал Ромашин.

С грохотом схлопнулось дерево недалеко от «кентавра», так что он осел на задние ноги.

Ивор вздрогнул, понимая, что от его решения зависит не только судьба экспедиции, но и его жизнь, и жизнь тех, кто по-

могал ему все это время, оберегал и верил в его возможности. И еще он понимал, что обратной дороги н е т!

— Я... попробую... — промямлил он, но уловил общее чувство сомнения и поправился: — Сделаю все, что смогу!

— Тогда вперед, сынок, — сказал Жданов-старший. — Включай нас в свою пси-сферу и ищи Н-абсолют.

«Кентавр» под седоками переступил с ноги на ногу, ожидая команды «хронорыцаря». Ивор мысленно похлопал его по «холке» и сосредоточился на поле Сил.

ГЛАВА 6

Объединение пси-сфер членов отряда оказалось делом непростым. Приходилось учиться на ходу, ушибаться о чужие твердые характеры, сталкиваться с железной волей людей, ставших соратниками и друзьями. В конце концов ценой многих усилий Ивору удалось объединить ментальные сферы «хронодесантников» в единое монолитное целое, и он почувствовал такой прилив душевных сил, что захотелось крикнуть во все горло: «Ура! Получилось!» Но он удержал свой порыв, мысленно поцеловал Мириам, получив ответный «поцелуй» — целый букет теплых переживаний и чувств, и направил в з г л я д на пространство ганглия, сотрясаемое «антивзрывами» свертывающихся Ветвей.

Он увидел потрясающие г л у б и н ы, в которых можно было утонуть, раствориться без следа, и колоссальные в ы с о т ы, недостижимые фантазией человека и неописуемые человеческим языком. Он ощутил б е з д н ы информационных полей и пропасти нечеловеческих эмоций. Он осознал такие огромные массивы тоски, печали и боли, что закружилась голова и у самого заныло сердце! Это отозвались в нем гибнущие миры, полные жизни и движения.

Кое-как освоившись со своим положением, Ивор (точнее, весь «солитон», включая пси-сферу Идущего Прямо) начал искать вход в Н-абсолют и не удивился, обнаружив в центре (а может быть, на окраине, ориентиры в этом пространстве отсутствовали) ганглия странное образование, создающее впечатление глубокой дыры и одновременно растущего живого стебля.

«Кентавр» послушно свернул налево, повинуясь мысленному приказу «солитона», некоторое время лавировал, объезжая то и дело взрывающиеся «деревья-вселенные», и неожиданно оказался на краю обширной «поляны», в центре которой струилось снизу вверх (иногда казалось — сверху вниз) прозрачно-лунное пламя.

Форму его описать было трудно.

С одной стороны это был п о т о к, столб огня, с другой — фонтан светящейся жидкости, с третьей — живое растение, непрерывно изменяющее очертания. Но изредка вдруг пламя этого удивительного образования становилось плотным, затем проваливалось само в себя, и людей обдавало дыхание жуткой бесконечной ирреальной бездны, в которой тонули и растворялись без следа материальные объекты, поля, звуки, человеческие эмоции.

«Н-абсолют!»— прилетела мысль Златкова-четвертого.

Никто ему не возразил. Ивор и все его спутники сейчас представляли собой одно целое, пространство единой ментальной ориентированности в состоянии мгновенных подсознательных ответов на любое раздражение, поэтому обсуждение обстановки им не требовалось. Все чувствовали то же самое, что и оператор, объединивший их в эгрегор, а он чувствовал то, что чувствовали они.

«Кентавр» галопом поскакал по «дымным» слоям к пульсирующему потоку Древа Невозможных Состояний. Внезапно что-то изменилось: словно тень пронеслась над всадниками, затмив невидимое светило. Пространство ганглия содрогнулось. «Дым» под ногами «кентавра» растрескался на отдельные «глыбы», но снова поплыл, как самый настоящий слой дыма. Люди ощутили тяжкий удар по сознанию, однако отразили ментальный выпад и мрачно «занесли кулак» для ответного удара, не зная, кому он предназначается.

Перед «кентавром» возникла человеческая фигурка в зеленовато-бежевом балахоне странного покроя и скачком выросла в стометрового великана. На людей и на «хронорыцаря» сверху вниз глянули светящиеся желтые безразлично-снисходительные глаза бровея Мимо, в которых на миг протаяло удивление.

Мефистофелевские брови Мимо прыгнули вверх. Затем глаза бровея снова стали сонно-безразличными.

— Поздравляю, оператор, — гулко пророкотал он. — Вы почти дошли до цели. Однако вынужден огорчить. Игра вышла на финишную прямую, хотя ее конец, наверное, не ведом никому, даже Творцу Игр, и процесс свертки Древа стал необратимым.

— Я дойду! — глухо сказал Ивор.

Голос его, естественно, не вылетел за пределы шлема, но собеседник услышал молодого человека.

— Увы, это нереально в вашем положении, — вздохнул Мимо. — Даже я не смог бы выбраться отсюда, не имея необходимых навыков. Выхода из данного Узла Времен нет.

— Ошибаешься. У безвыходных ситуаций, как правило, есть несколько выходов. Мы прорвемся.

— Ваша монада была бы хороша в начальной стадии Игры, когда она могла сыграть роль судебного исполнителя. Но теперь уже поздно. Ваших сил не хватит даже на то, чтобы вернуться домой и дожить там до старости. Я окончательно вычеркиваю вас из списка претендентов на победу. Ваш выбор — пройти через Преисподнюю Контрлогики Невероятия — неверен. Это не под силу даже Игрокам.

«Эх, будь у меня дриммер!.. — посетовала Мириам. — Я бы показала этому бродяге...»

Мимо услышал ее мысль.

— У вас есть дриммер, но и он не в состоянии преодолеть непреодолимое.

«Не понял!..» — прилетела мысль Олега Борисовича.

— С вами зародыш дриммера — Трангха.

— Жмур?! — изумился Гаранин.

— Он не активирован, однако имеет кое-какие возможности даже в этом состоянии. Удивительно, что вам удалось его покорить. На моей памяти это никому не удавалось. Тем не менее и он не поможет вам пройти к Корню Времен, куда вы собрались.

— Это решим мы сами!

— Я просто хочу спасти вам жизнь. Хотите стать таким же, как я? Бровеем? Зрителем Игр?

— Нет.

— Подумайте, у вас будут неограниченные полномочия.

— Нет!

— Могу отправить вас в родную Ветвь. По моим расчетам, она просуществует еще долго. На ваш век хватит.

— Прочь с дороги, искуситель! — рявкнул Гриша Белый. — Иначе...

— Иначе вы меня уничтожите? — ухмыльнулся Мимо, сделал пренебрежительный жест. — Я почти достиг предела насыщения жизнью и готов уйти. Но ведь вам это не поможет.

— Пропусти, Второй! — с угрюмой силой проговорил Ивор. — Я — Тот, Кто Пробудился, и меня никто не остановит!

— Что ж, ваше право, — отступил в сторону бровей. — Но предупреждаю: вы погибнете!

«Хронорыцарь» вонзил пятки в бока «кентавра», и они с гулом и грохотом проскакали мимо бродяги по мирам.

«Почему ты назвал его Вторым?»— поинтересовался Жданов-старший.

«Потому что он не только бровей Мимо и Зритель, — отозвался Златков-четвертый. — Он еще и воплощение Заказчика Игр, который и есть на самом деле Безусловно Второй».

«Не может быть!»— хором воскликнули несколько человек: Белые, Мириам, Руслан с Надей, Олег Борисович.

Ивор, сидевший на плече «хронорыцаря», оглянулся.

Бровей Мимо задумчиво смотрел им вслед, поигрывая висевшим на массивной металлической цепи черным камнем. Затем ноги его потеряли четкость очертаний, расплылись искрящимися струями тумана, руки тоже превратились в туманные ленты, голова втянулась в шею, в плечи, он весь вскипел туманными фонтанчиками и длинной струей сияющей субстанции втянулся в один из «древесных» стволов на краю поляны.

«Я думал, он попытается нас задержать», — признался Ромашин.

«Зачем? — заметил Жданов, отец Ивора. — Он действительно считает, что мы обречены».

«Я чего-то не понимаю, — подал мыслеголос Гаранин. — Как он может быть Заказчиком Игр и Зрителем одновременно?»

«Очевидно, такова логика отражения Идеи Творца посредством Игры, — сказал кто-то из Златковых. — Хотя, возможно, Безусловно Второй, достигнув Предельно допустимого для Древа Времен уровня постижения Абсолюта, просто нарушил Законы Первого Порядка. В таком случае он допустил ошибку, дав нам шанс остановить зарвавшегося Игрока».

«Кентавр» остановился перед струей неяркого прозрачного пламени, олицетворяющей не поддающееся никаким измерениям и объяснениям Древо Невозможных Состояний.

«Дискутировать, почему Мимо, или кто он там есть, отпустил нас, будем потом, — решительно заявил Жданов, отец Ивора. — Все готовы к прыжку в... ад?»

«Есть одно предложение, — вежливо сказал Златков-четвертый. — Наш приятель бровей Мимо, нарочно или нет, но проговорился об истинном значении нашего спутника Трангхи. Почему бы нам не воспользоваться его услугами? Лишняя защита, знаете ли, не помешает».

«Что вы имеете в виду, Атанас?»— поинтересовался Ромашин.

«Трангха — субстант Палача с очень высоким энергонасыщением, и он же, по словам бровея, дезактивированный дриммер. Думаю, оператору по силам заставить его покрыть каждого из нас слоем своего тела как вторым защитным костюмом. Это еще не гарантия безопасности, но какое-то время мы будем весьма неплохо защищены».

«Ну уж нет! — проворчал Белый, передав эмоцию, соответствующую «мурашкам по коже». — Один раз мы уже побывали в «смирительной рубашке» этого урода, больше не хочется».

«Тогда он служил эмиссару хозяина».

«Все равно идея опасная!»

«Идея хорошая, — не согласился Ромашин. — Ивор, вы смо-

жете уговорить Трангху послужить нам в качестве дополнительных скафандров?»

«Попробую, — неуверенно проговорил Ивор. — Только объем тела Трангхи невелик, на «хронорыцаря» его не хватит».

«О моем друге Идущем Прямо можете не беспокоиться, — заявил Златков-четвертый. — Он не нуждается в защитных коконах».

«Пора решаться. Вы видите, что творится?»— Ромашин напомнил о непрекращающемся процессе свертки Ветвей.

Ивор сосредоточился, проник в темные глубины сознания псевдочеловека, нашел резонансные струны взаимопонимания. Мысленная беседа землянина и палачоида длилась несколько десятков секунд. Затем Трангха заворочался в нише под спинкой седла, разделился на два десятка ртутно-блестящих капель размером с человеческую голову, и каждая капля прыгнула к «своему» носителю.

Испуганно отшатнулась Надежда. Руслан поспешил успокоить подругу, хотя сам перенес операцию «надевания скафандра» без особой радости. Не чувствовал себя комфортно и Гриша Белый, перенесший долгий плен под «саваном» палачоида. Однако наконец процесс натягивания живой пленки поверх «кокосов» закончился, «хронодесантники», чей внешний облик почти не изменился (кроме последней спасенной тройки Жданов — Ромашин — Златков), опробовали новый «скафандр» в движении, освоились, и наступил миг отправления.

«Что бы ни случилось — держитесь вместе! — посоветовал Златков-четвертый. — Мы должны быть монадой, единым организмом с единой волей, только тогда у нас появится шанс пройти то, что кажется невероятным, и постучаться в двери Матери Мироздания».

«Красиво сказано, — хмыкнул Жданов-старший. — Иногда мне кажется, Атанас, что вы знаете гораздо больше того, что остальные, вместе взятые».

«Может быть, вы правы», — с печалью сказал Златков.

«Ивор, милый...»— тихо и нежно прошептала Мириам.

Ивор очнулся, медленно проговорил вслух:

О даятель немых сновидений,
О создатель всемирного света,
Я не знаю твоих откровений,
Я не слышу ответа...

«Кентавр» направил вперед засиявший рог и устремился в поток прозрачного пламени, нырнув в него, как с обрыва в воду...

* * *

Сфера человеческого восприятия и способы обработки информации несовершенны. Язык человека беден. Им невозможно описать даже малую толику состояний, реализованных Древом Времен. Глаза человека способны видеть лишь трехмерные объекты, остальные его органы чувств могут оценить только сверхузкий диапазон материального спектра, не говоря уже об антиматерии, и даже сфера внечувственного восприятия людей с экстрасенсорными возможностями, людей Силы, не может объять и адекватно отразить всего многообразия существующих материальных форм. Что же тогда говорить об Абсолюте, недоступном воображению, или о континууме невозможных состояний материи, невозможных с любых точек зрения? Как их понять? Как оценить? Какими словами описать?

В Метавселенной, соответствующей Ветви Времен, в которой появился человек разумный, форма и состояние предмета неизменны, и если он круглый, то он круглый. Если он горячий, то он нехолодный.

Но как представить объект, имеющий сразу множество взаимоисключающих характеристик? Как описать пространство, являющееся одновременно и временем, и некоей субстанцией — твердой, жидкой и абсолютно отсутствующей?! Или, к примеру, может ли аппарат восприятия человека почувствовать пламя льда, увидеть невероятно яркий свет тьмы или оценить бесконечность нуля?

Казалось бы, однозначно — нет! И тем не менее из хаоса потрясающе великолепных виртуальных ландшафтов, живущих по законам своей жизни вне сознания человека, воображение погружающихся в среду небытия-бытия людей неожиданно выхватывало знакомые формы и световые композиции, и «хронодесантники» с ужасом и восторгом дивились на прекрасных фей, превращавшихся в жуткие клыкастые создания, на удивительной красоты замки, тут же прорастающие мрачным частоколом рогов и когтей, на светящиеся скалы, являющиеся одновременно дырами, входами в какое-то пространство, на потоки света, вдруг обретающие твердость и плотность свинца, на вибрирующие черные струны, представляющие собой линии несуществующих измерений, ведущих в никуда и приходящих ниоткуда.

Соединенные волей Ивора в единый ментальный организм, «хронодесантники» понимали, что их видения являются лишь отражением влияния этого безумного мира на сознание и подсознание, но все равно с интересом и внутренней дрожью ловили текучие призрачные всполохи «невозможного бытия» и «узнавали» свои собственные фантазии, мечты, опасения и страхи. Каж-

дый находил то, что искал и чего ждал и что начинало жить в его воображении с предельной — по собственной оценке — реальностью.

Олег Борисович с удивлением осознал себя стоящим на пороге собственной дачи, сделал шаг вперед и столкнулся с женой... с которой развелся много лет назад. Она была молода и мила...

Гена Маркин оказался в автосалоне, где стояли его любимые спортивные машины, одну из которых он жаждал купить с детства...

Паша-летчик увидел живой свою девушку, разбившуюся на мотоцикле. Она ждала его, призывно махая рукой, опираясь на седло роскошного байка...

Гриша Белый-первый увидел сына, погибшего в море, и бросился к нему с немым криком: «Саша!..»

И даже Игнат Ромашин, комиссар и бывший Судья, не смог сразу оценить нереальность созданной его воображением сцены: он стоит на залитой ярким солнцем лесной поляне, а вокруг резвятся его дети... которых у него никогда не было...

Время внутри «твердого потока» Древа Невозможных Состояний представляло собой лишь смену субъективных ощущений, контролировать его было невозможно, что сыграло свою отрицательную роль. Увлекшись созерцанием воображаемых картин, невозможных в обычной жизни, «хронодесантники» забыли о цели своего похода, и окружающая их среда мгновенно отреагировала на дробление монолитного пси-массива на отдельные «глыбы» воль и психик.

Сознание людей стало растворяться в этой среде, становиться «частью невозможности», виртуальным элементом виртуальной же жизни. Хотя при этом все понимали свое положение и верили, что могут в любой момент «вернуться» в себя.

Первым осознал опасность этого процесса Златков-четвертый.

«Внимание, коллеги! Не отвлекайтесь! Мы тонем! Сосредоточьтесь на в ы х о д е!»

«Успеем... — проворчал Олег Борисович. — Мы больше никогда этого не увидим...»

«Так странно... необычно... дайте досмотреть!» — поддержал его Маркин.

«Мы здесь растаем к чертовой матери! — опомнился Ромашин. — Немедленно сконцентрируйтесь!»

«Оператор, ищи выход! — грубо бросил Белый. — Иначе мы застрянем здесь навсегда!»

«Не кидайтесь на него! — вступилась за Ивора Мириам. — Он и так делает все, что может. Иворушка, миленький, постарайся найти выход, я с тобой!»

Ивор почувствовал тоненькую теплую струйку любви и нежности, влившуюся в его слабеющую душу.

«Мы тоже с тобой!» — подсоединились к эгрегору Руслан и Надежда; вдвоем им было легче сопротивляться самовнушению, так как пара поддерживала друг друга и обменивалась волнами взаимопонимания и стремления быть вместе.

Голова перестала кружиться. Мелькание призрачных фигур и сцен перестало отвлекать Ивора. Каждая душа-воля, присоединившаяся к общему полю эгрегора, увеличивала его силу, добавляла уверенности и желания выйти победителем из схватки с растворяющим в себе «пространством реализации невозможного». В какой-то момент он понял, что едва ли не всемогущ, и хотя среда, в которой они находились, успела съесть на «кокосах» защитный слой из материала тела Трангхи и принялась разъедать ткань костюмов, Ивор не стал отвлекаться на усиление защиты, а одним волевым усилием п р о н з и л пламя, сжигающее «хронодесантников», сразу во всех направлениях и среди множества черных дыр — выходов в неизвестные миры — у в и д е л теплое, ласковое, приветливое п р и г л а ш е н и е. И рванулся туда сознанием и всем телом, увлекая за собой отряд...

ГЛАВА 7

В потерявших блеск и форму костюмах они стояли тесной группкой у самых настоящих огромных деревянных ворот с золотыми и серебряными узорами и, затаив дыхание, рассматривали высокий бревенчатый забор и невероятной красоты вершины замков и храмов, встающие над забором.

— Где мы?! — прошептала Мириам, выразив общее чувство безмерного удивления. — Это Земля? Или рай?..

— Ирий, — буркнул Гаранин.

— Возможно, вся эта картина — плод нашего воображения, — рассеянно сказал Златков, сворачивая шлем. — Но какой здесь воздух! Чудо!..

За ним то же самое проделали остальные.

— Действительно, — оживился Олег Борисович, — дышится здесь легко. Не удивлюсь, — добавил он со смешком, — если сейчас откроются ворота и оттуда выйдет сам архангел Гавриил.

— Может быть, апостол Павел? — хмыкнул Гриша Белый.

— Не вижу разницы.

— Если выйдет апостол Павел, значит, мы попали на тот свет, — заметил Жданов-старший.

Ромашин засмеялся. Улыбнулись и остальные мужчины. И вздрогнули от длинного скрипа.

Ворота медленно распахнулись, выпуская сноп золотого сияния. Свет не был ярким, но за его потоком ничего нельзя было разглядеть. Люди прикрыли глаза ладонями, не желая отворачиваться, пытаясь увидеть того, кто выйдет к ним из-за ворот. Однако шли минуты, ворота оставались открытыми, а никто не появлялся.

— Чего мы ждем? — не выдержал Олег Борисович. — Нас вроде как пригласили...

— Не спешите, коллеги, — вышел вперед Златков-четвертый; к нему присоединились остальные его кванки, все четверо повернулись лицом к отряду. — Наша миссия закончена, — необычайно мягко продолжал Златков-четвертый, скользнув по ждущим лицам «хронодесантников» понимающим взглядом. — Туда всем нам вход воспрещен. — Он оглянулся на ворота, льющие золотой, теплый, необжигающий свет. — Как говорил поэт:

А дальше — всё. Дороги дальше нету
для смертного.
А богом быть нельзя.

Это действительно Ирий, вход в Матричную Ветвь, с которой началась развертка Древа Времен. Туда может пройти только оператор.

— А я?! — жалобно и возмущенно проговорила Мириам.

— И вы — как часть сознания и души оператора, — улыбнулся Златков. — И, возможно, вот эта пара. — Он кивнул на Руслана с Надеждой. — Мироздание начиналось с любви, и войти в Начало Начал можно только с любовью в сердце.

На поляне перед воротами стало тихо. Все молча рассматривали четверку ученых, похожих друг на друга не только внешне, но и внутренне.

— Кто вы, Атанас? — медленно проговорил Жданов, отец Ивора.

Златковы переглянулись с одинаковыми усмешками.

— Мы люди, как и все вы. Но еще мы символ уровня, которого может достичь человек. Иероглиф Бездн. Носители тайны. И еще мы — Судья, один из тех, кого Палач не смог ни уговорить, ни купить, ни заставить служить ему.

— Значит, вы знали все с самого начала? О возможностях оператора, о нашем пути...

— Не все, к сожалению, — покачал головой Златков. — Многое сокрыто и от нас. Например, мы не знаем, чем закончится встреча оператора с Матричной Ветвью, или, как ее можно назвать, с Матерью Вселенной. И сможет ли он вообще встретиться с Творцом, несмотря на весь свой потенциал.

— Почему же вы не вмешались раньше, когда мы были на грани гибели? — угрюмо поинтересовался Гаранин.

— Потому что оператор должен был созреть, пройти испытание и перейти на другой уровень, в иное качество. Достичь этого он должен был только с вашей помощью. Мы не имели права вмешиваться раньше.

— Ну, хорошо, допустим, он туда войдет... они туда войдут. Что дальше? Игра остановится? Древо перестанет сворачиваться и восстановится в прежнем объеме? Наши Ветви не «засохнут»?

— Мы не знаем, — покачал головой Златков-четвертый. — Возможно, тех вселенных, в которых вы родились, еще нет. Возможно, они вообще не появятся. Возможно, весь процесс ветвления Древа начнется иначе и на иных принципах, при отсутствии какого бы то ни было времени, после чего система контроля — трансгресс — вообще не понадобится. Но мы уверены в одном: мироздание изменится! Таким, каким его сотворил Создатель, оно уже не будет.

— А что же будет? — тихо спросила Мириам.

Златковы посмотрели на нее с одинаковым прищуром.

— Теперь все зависит от вас. Мы не можем выразить то, что лежит за пределами слов.

Ивор встретил взгляд Мириам, очнулся, обнял ее за плечи, сказал негромко, словно бы для себя:

Мне открылось, что времени нет,
Что недвижны узоры планет,
Что бессмертие к смерти ведет,
Что за смертью бессмертие ждет.

— Вполне допустимо, — кивнул Златков.

Ивор оглянулся на Руслана, махнул рукой:

— Присоединяйтесь, капитан. Грех не воспользоваться шансом побывать на Дне Времен.

Руслан, переглянувшись с Надеждой, взял ее за руку, нерешительно посмотрел на Гаранина, на своих бывших подчиненных.

— Иди, иди, — проворчал Гаранин. — Это твое право, ты его заслужил.

— Мы тут тебя подождем, командир, — добавил Гена Маркин.

Руслан и Надя подошли к первой паре. Златковы отступили в сторону.

— Мы действительно подождем здесь, оператор. Удачи вам!

Земля под ногами людей вздрогнула, из ее глубин донесся низкий затихающий гул.

— Что это? — поднес ладонь к уху Олег Борисович.

— Он сердится, — усмехнулся Златков.

— Кто?!

— Безусловно Второй. Мы обошли его. Теперь он не сможет заменить творение Безусловно Первого своим. Он проиграл.

К Ивору подошел отец, обнял, ничего не говоря, поцеловал в обе щеки, отступил. За ним потянулись прощаться остальные «хронодесантники».

— До встречи! — вскинули вверх кулаки мужчины.

Ивор крепче сжал руку Мириам, протянул другую Руслану, и все четверо шагнули в поток золотого света...

Никто из оставшихся не заметил, как за их спинами возник бровей Мимо. Глаза его вспыхнули мрачным огнем, он с любопытством попытался разглядеть пейзаж за воротами, не смог, усмехнулся и растворился в воздухе. Исчез.

Надолго ли? Кто знает?..

СОДЕРЖАНИЕ

БИЧ ВРЕМЕН. *Роман*

Часть I. НАМ ЗВЕРЬ...

Глава 1 7
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4 17
Глава 5 23
Глава 6 30
Глава 7 37
Глава 8 45
Глава 9 50
Глава 10 54
Глава 11 61

Часть II. ОДНИ МЫ...

Глава 1 65
Глава 2 72
Глава 3 80
Глава 4 88
Глава 5 98
Глава 6 109
Глава 7 124
Глава 8 134

Часть III. НАД МИРОМ
Глава 1 147
Глава 2 157
Глава 3 165
Глава 4 174
Глава 5 185
Глава 6 201
Глава 7 203
Глава 8 215
Часть IV. ВЛАДЫКИ
Глава 1 227
Глава 2 230
Глава 3 238
Глава 4 249
Глава 5 251
Глава 6 259
Глава 7 266
Глава 8 272
Глава 9 273
Глава 10 279
Глава 11 282
Глава 12 291
Глава 13 304
Часть V. ПОДЧИНЯЕТСЯ ДИКИЙ...
Глава 1 308
Глава 2 313
Глава 3 318
Глава 4 323
Глава 5 328
Глава 6 335
Глава 7 339

Глава 8 346
Глава 9 350
Глава 10 354
Глава 11 358
Глава 12 363

СХРОН. *Роман*

Часть I. И ТРАВЫ ЗЕЛЕНЫХ ПОЛЕЙ
Глава 1 371
Глава 2 377
Глава 3 384
Глава 4 389
Глава 5 396
Глава 6 403
Глава 7 409
Глава 8 416
Глава 9 424
Глава 10 433

Часть II. ВЕРБЛЮДЫ ТАНЦУЮТ...
Глава 1 454
Глава 2 461
Глава 3 468
Глава 4 475
Глава 5 483
Глава 6 490
Глава 7 500
Глава 8 506

Часть III. ПОД НАМИ
Глава 1 516
Глава 2 524
Глава 3 530
Глава 4 538

Глава 5 545
Глава 6 552
Глава 7 559
Глава 8 567
Глава 9 575
Глава 10 582

Часть IV. ПОГОНЩИКИ ПРАВЯТ СЛОНАМИ

Глава 1 595
Глава 2 602
Глава 3 610
Глава 4 617
Глава 5 625
Глава 6 631
Глава 7 638
Глава 8 647

Часть V. И ЗМЕЙ УСМИРЯЕТ КОЛДУН...

Глава 1 652
Глава 2 660
Глава 3 668
Глава 4 673
Глава 5 679
Глава 6 688
Глава 7 698
Глава 8 705

ПАЛАЧ ВРЕМЕН. *Роман*

Часть I. А МЕЖДУ ТЕМ

Глава 1 717
Глава 2 728
Глава 3 735
Глава 4 743
Глава 5 751

Глава 6 761
Глава 7 771
Глава 8 780

Часть II. КАК БОГОМ РЕЧЕНО
Глава 1 791
Глава 2 801
Глава 3 810
Глава 4 820
Глава 5 830
Глава 6 842
Глава 7 850
Глава 8 859

Часть III. ЧЕЙ ПРОМЫСЕЛ
Глава 1 869
Глава 2 878
Глава 3 889
Глава 4 897
Глава 5 908
Глава 6 917
Глава 7 928
Глава 8 939

Часть IV. ПОСТИЧЬ НАМ НЕ ДАНО
Глава 1 950
Глава 2 959
Глава 3 968
Глава 4 977
Глава 5 988
Глава 6 995
Глава 7 1002
Глава 8 1011

Часть V. КАК БУДТО БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА
Глава 1 1021
Глава 2 1032
Глава 3 1041
Глава 4 1051
Глава 5 1059
Глава 6 1068
Глава 7 1075

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

ДРЕВО ИСЧЕЗАЮЩИХ ВРЕМЕН

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *С. Жилова*

В оформлении переплета использована работа художника *D. Mattingly*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 78-48-66.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

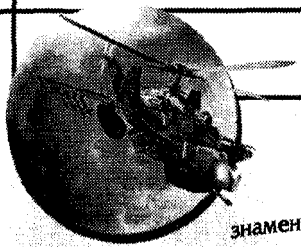
Подписано в печать с готовых монтажей 25.01.2005.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 57,12. Уч.-изд. л. 66,3.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ 1837.

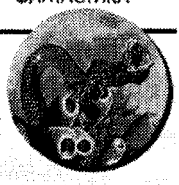
ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru

Издательство «Эксмо» представляет

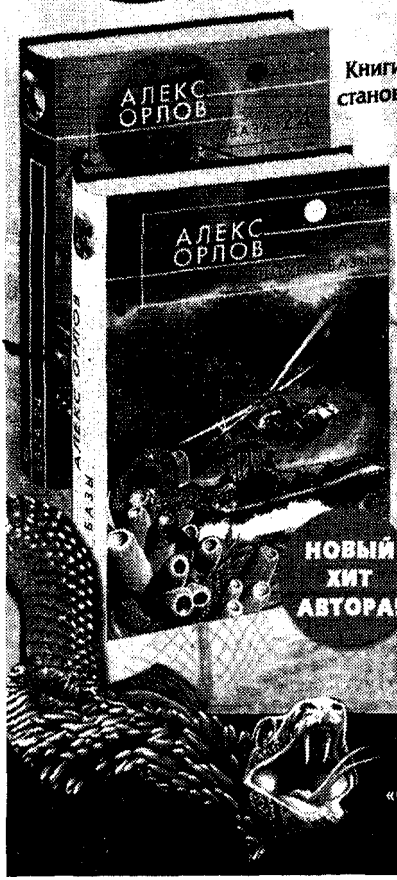
АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ РУССКАЯ ФАНТАСТИКА





Алекс Орлов – знаменитый писатель-фантаст!



Книги Орлова мгновенно становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны называют Орлова «российским Эдмондом Гамильтоном»!

Роман «База 24» и его продолжение «Штурм базы» написаны в традиционном для автора жанре – «фантастический боевик»!

Также в серии: «Охотники за головами», «Бросок Саламандры»

Издательство «Эксмо» представляет

В Ж

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ – ОСНОВАТЕЛИ»

Роджер Желязны –
знаменитый американский писатель,
самый парадоксальный фантаст XX века,
мастер техномифа, играющий людьми
и богами на шахматной доске
своего творчества!

Также в серии: «Кладбище слонов», «Лорд Демон»,
«Маска Локи», «Остров мертвых»,
«Хроники Амбера» в 2 томах, «Князь Света»,
«Дилвиш проклятый», «Двери в песке»

www.eksmo.ru

Издательство «Эксмо» представляет

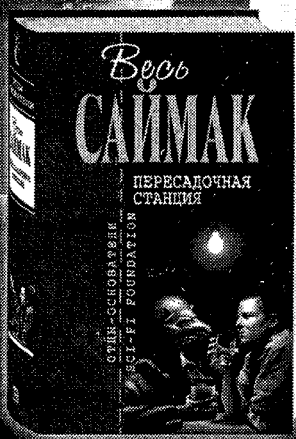
Клиффорд

САЙМАК

В

С

В СЕРИИ
«ОТЦЫ-
ОСНОВАТЕЛИ»



Клиффорд Саймак -
патриарх научно-фантастического жанра,
один из крупнейших американских фантастов,
автор свыше тридцати романов,
лауреат многочисленных литературных премий,
в том числе и самой престижной
в американской фантастике
премии «Хьюго».

Также в серии:
«Игрушка судьбы»

www.eksmo.ru

В серии «Отцы-основатели»
выйдет полное собрание сочинений К.Саймака!

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

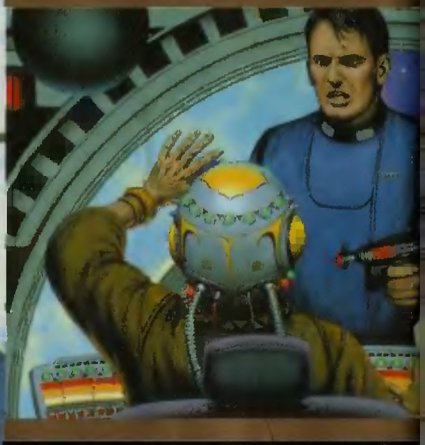
ДРЕВО ИСЧЕЗАЮЩИХ ВРЕМЕН

ДОМ КНИГИ
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
Головачев В. Древо исче
ISBN 5-[illegible]-05959-
2000 р.
12/19254
Цена: 173 р.

В самые критические моменты земной истории судьба человечества решается в России. Эта закономерность многократно подтверждена прошлым, настоящим и даже будущим. И вот уже от мужественных парней из суровой и загадочной страны зависит существование не только их родной планеты, но и сотен вселенных, расположенных на соседних Ветвях великого Древа Времен.

ISBN 5-699-05959-8

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ



На кону Игры — судьбы Метавселенных

ДРЕВО ИСЧЕЗАЮЩИХ ВРЕМЕН